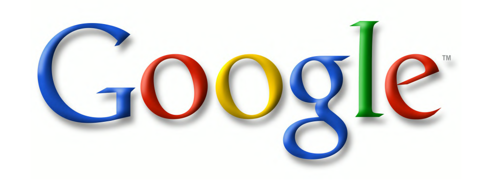
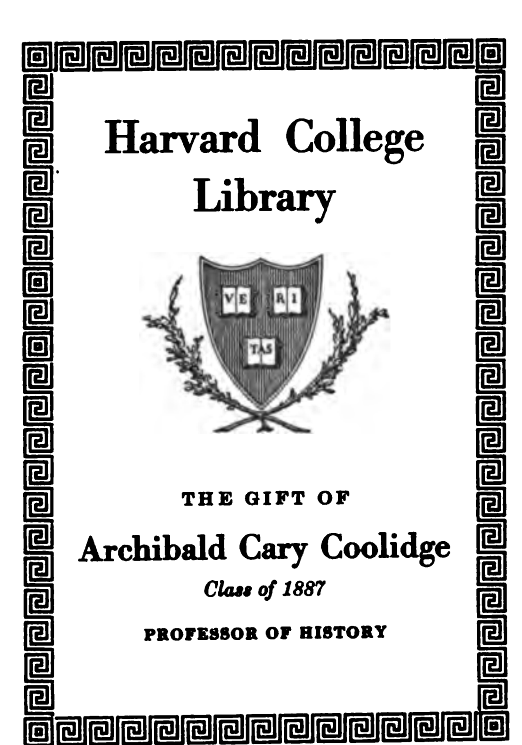

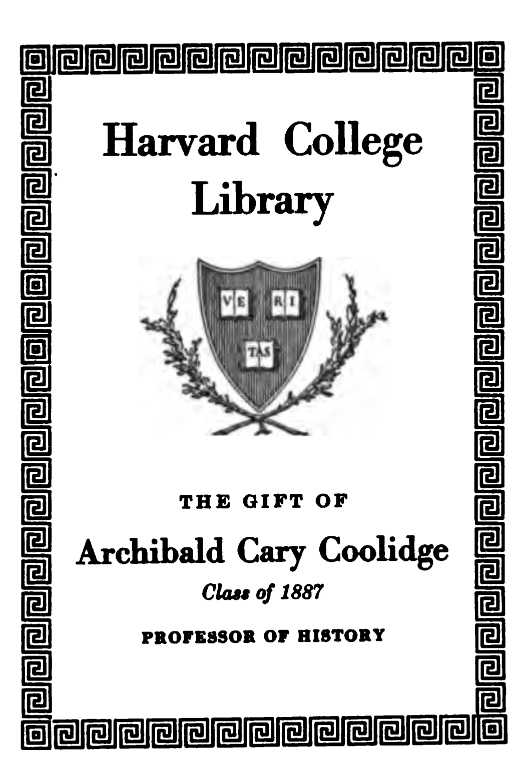

VE
RI
TAS

№1140

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ШЕСТОЙ

ТОМЪ XX

VE
RI
TAS

№1140

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ШЕСТОЙ

ТОМЪ XX

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ XX

1885

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1885

СОДЕРЖАНІЕ ДВАДЦАТАГО ТОМА.

(АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ).

стр.

Титулы въ Россіи. **Е. П. Карновича** 5

Упраздненіе двухъ автономій. (Отрывокъ изъ воспоминаній о Закавказьѣ). Гл. IV — VI. (Окончаніе). **К. А. Бороздина** 32, 333, 559

Иллюстраціи: Князь Дадешкиліанъ. — Михаилъ Петровичъ Колюбакинъ. — Полковникъ Гватуа.

Семейство Скавронскихъ. (Страница изъ исторіи фаворитизма въ Россіи). Гл. X—XIV. (Окончаніе). **В. О. Михневича** . 76

Кадетскій малолѣтокъ въ старости. (Къ исторіи «Кадетскаго монастыря»). **Н. С. Лѣскова**. 111

Иллюстраціи: Силуэты, современные А. П. Боброву: 1) Инспекторъ классовъ, полковникъ Черкасовъ; 2) Великій князь Михаилъ Павловичъ; 3) Директоръ М. С. Перскій; 4) Учитель математики (изъ военныхъ писарей) Денисьевъ.

Разсказы изъ прошлаго. **П. С. Николаева** 132

Педагогическія задачи Пирогова. Гл. I и II. **В. Я. Стоюнина** . 156, 299

Въ лучахъ любви и милосердія. **В. П.** 170

Свято-Духовскій храмъ въ Якобштадтѣ 184

Иллюстрація: Свято-Духовскій православный храмъ въ Якобштадтѣ, сгорѣвшій отъ взрыва 16-го января 1885 года.

Культурная исторія Директоріи. Статьи IV. **В. Р. Зотова** . . 190

Иллюстраціи: Шатобріанъ. (Съ портрета Жироде). — Госпожа Сталь. (Съ портрета Жерара). — Пріемъ у госпожи Сталь. (Рисунокъ Дебюкура). — Делиль. (Съ портрета Монье). — Гравюра изъ поэмы Делиля: «Сады». (Рисунокъ Монсіо). — Гравюра изъ поэмы Делиля: «Милосердіе». (Рисунокъ Монсіо). — Анжъ Питу на площади Сен-Жерменъ д'Оксерти.—Дюсисъ. (Съ портрета Жерара). — М. Ж. Шенье. (Съ портрета Верне). — Республиканскій бракъ. (Гравюра Леграна). — Императрица Жозефина. (Съ портрета Жерара). — Марія-Луиза. (Съ портрета Прюдона).

отр

Некрологъ: Николай Ивановичъ Костомаровъ . . . . . май, 1—16

Къ исторіи цѣнъ въ Россіи въ XVII вѣкѣ. **А. Г. Брикнера** . 259

Унизительный торгъ. (По бумагамъ Евг. Венц. Пеликана). **Н. С. Лѣскова** 281

Россія въ Средней Азіи. (Очеркъ нашихъ новѣйшихъ пріобрѣтеній). **А. Н. Маслова**. 372

Иллюстраціи: Горы Копетъ-Дагъ, близь селенія Арчманъ, въ Ахалъ-Теке. — Рѣка Теджень у Карры-Бента.— Озеро Аламанъ-Чунгуль, въ руслѣ Теджена.— Видъ сѣверныхъ укрѣпленій Коушутъ-ханъ-кала (въ Мервѣ). — Сѣверныя ворота въ Коушутъ-ханъ-кала.—Медрессе въ Коушутъ-ханъ-кала.—Домъ въ Мервѣ.— Мостъ черезъ рѣку Мургабъ и гробница Кара-Ишана. — Селеніе и укрѣпленіе Бала-Мургабъ. — Эмиръ афганскій Абдурахманъ-ханъ. — Видъ Герата и его цитадели. — Прапорщикъ Текинской милиціи Сеидъ-Назаръ-Юзъ-Баши, убитый въ сраженіи при Кушкѣ, 18-го марта 1885 года.

Воспоминаніе о М. П. Погодинѣ. **М. П. Смирнова** 424

Еще черта изъ жизни императора Александра II. **С. В—го** . 438

Новые матеріалы для біографіи А. П. Сумарокова. **Д. Д. Языкова** . 442

Могила Т. Г. Шевченки. (Изъ записной книжки художника). **К. Ф. Ухачъ-Охоровича** 448

Иллюстрація: Могила Т. Г. Шевченки.

Памяти Константина Дмитріевича Кавелина. (Некрологъ) . іюнь, 1—8

Благословенный бракъ. (Характерный пропускъ въ исторической литературѣ раскола). **Н. С. Лѣскова** 499

Столѣтіе дефицитовъ. **П. С. Усова** 516

Британская имперія въ Индіи **Н. Х. Весселя** 535

Алтай и его инородческое царство. (Очерки путешествія по Алтаю). **Н. М. Ядринцева**. 607

Иллюстраціи: Миссіонерское селеніе Улала въ Бійскомъ округѣ, Томской губерніи. — Первообразъ избы; зимовка кумандинцевъ и черневыхъ татаръ.—Шести-угольная юрта черневыхъ татаръ.— Зайсанъ Комляжской волости Костагашъ. — Монгольскій типъ черневыхъ татаръ. — Жена кумандинца, — черневая татарка. — Два финскихъ типа черневыхъ татаръ.

Изъ воспоминаній о прошломъ (1830 — 1836 гг.). **А. А. Малышева** 645

Воспоминаніе о графѣ А. А. Закревскомъ. **А. В. Фигнера** . . 665

Забытыя могилы. **П. Н. Полеваго** 672

Учено-литературная дѣятельность Костомарова. (Библіографическій обзоръ). **Д. Д. Языкова**. 677

стр.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ:

Исторія искусствъ. П. Гнѣдича. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1885. **Ѳ. Булгакова.** — «Всеобщая исторія литературы», начатая подъ редакціей В. Ѳ. Корша, продолжается подъ редакціей профессора А. Кирпичникова. Выпускъ XVI. «Славянскія литературы», О. И. Морозова. «Итальянская литература въ средніе вѣка», И. М. Болдакова. 1885. **В—а.** — Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ высочайшаго соизволенія П. Н. Батюшковымъ. Выпускъ VII. Холмская Русь. (Люблинская и Сѣдлецкая губерніи). Спб. 1885. **М. Г—цкаго.** — Преданія о ростовскихъ князьяхъ. А. Титова. Москва. 1885. **П. У.** — Дочь шута. Романъ въ двухъ томахъ, соч. П. Р. Фурмана. Спб. 1885. **А. М.**—Исторія XIX вѣка. До Ватерло. Мишле. Томъ III, переводъ О. Поповой и М. Цебриковой. Спб. 1884. **В. З.** — Дѣйствія отрядовъ генерала Скобелева въ русско-турецкую войну 1877—1878 годовъ. «Ловча и Плевна». Генеральнаго штаба генералъ-маіора Куропаткина. 2 части. Спб. 1885. **А. М.**— Виленскій календарь на 1885 годъ. Вильна. 1884. **М. Городецкаго.**— Исторія Россіи. Соч. Д. Иловайскаго. Томъ II. Москва. 1884. **К. Н. В.** — Великая княгиня Екатерина Алексѣевна до ея самодержавія, 1729—1761. Историческій очеркъ П. Дирина. Спб. 1885. **А. Г. Брикнера.**—Тургеневъ въ его произведеніяхъ, сочиненіе А. Незеленова. Спб. 1885. **З—а.** — Архивъ Юго-Западной Россіи, издаваемый временною коммиссіей для разбора древнихъ актовъ, высочайше учрежденною при кіевскомъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ. Часть первая. Акты о церковно-религіозныхъ отношеніяхъ въ Юго-Западной Руси (1322—1648). Томъ VI. Кіевъ. 1884. **М. Городецкаго.**—Календари Вятской губерніи. 1879—1885. Изданіе вятскаго статистическаго комитета. Вятка. 1885. **Н. Д—скаго.**—Фундуши и стипендіи Виленскаго учебнаго округа. Справочное пособіе. Часть I. Вильна. 1884. Составилъ Н. Юницкій. **В. З.**—Русская историческая библіографія за 1865—1876 годъ включительно. Составилъ В. Межовъ. Томъ V. Спб. 1885. **Ш.** — Памяти графа Алексѣя Сергѣевича Уварова. Казань. 1885. **В—а.**— Изъ исторіи брачныхъ дѣлъ въ царской семьѣ московскаго періода. Дм. Цвѣтаева. М. 1884. **Л. Ст.** — Сборникъ императорскаго русскаго историческаго Общества. Томъ XLV-й. Спб. 1885. **П. У.**— «Дѣды», историческая повѣсть Всеволода Крестовскаго. Спб. 1885. **А. М.** — В. Потто. Кавказская война въ отдѣльныхъ сказкахъ, эпизодахъ, легендахъ и біографіяхъ. Томъ I. Отъ древнѣйшихъ временъ до Ермолова. Выпускъ I. Спб. 1885. **В. П.** . 218, 455, 688

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ . . 233, 475, 695

ИЗЪ ПРОШЛАГО:

1) Письмо Н. И. Пирогова. — 2) Холера въ Петербургѣ въ 1848 году. Сообщено **М. Т.**—3) Разсказъ объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ. Сообщилъ **И. Д. Бѣловъ** 240, 485

СТР.

СМѢСЬ:

Императорское русское историческое Общество въ 1884 году.— Общество любителей древней письменности. — Годичное собраніе славянскаго Общества.—Тамбовская архивная коммиссія.—Кружокъ нумизматовъ въ Москвѣ.—Памятникъ Джордано Бруно.— Банкетъ, устроенный въ честь Виктора Гюго. — Тысячелѣтняя годовщина кончины св. Меѳодія.—Легенды о св. Кириллѣ и Меѳодіи. — Часовня въ память св. Кирилла въ Римѣ. — Археологическія находки. — Древняя икона. — Выставка серебряныхъ вещей.—Первая школа печатнаго дѣла русскаго техническаго Общества: ея отчетъ за 1884 годъ. — Тройной юбилей. — Четвертьвѣковой юбилей 19-го февраля. — Памятникъ императору Александру II. — Кирилло-Меѳодіевская медаль. — Раскольничья типографія.—Конгрессъ южно-славянскихъ литераторовъ.—Некрологи: К. К. Зейдлица; Н. А. Сѣверцова; Эдмона Абу; князя Н. А. Орлова; Г. Д. Гоппе; Виктора Гюго; Жюля Валлеса; Станислава Кожмяна. 243, 487, 705

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ:

1) Къ біографіи А. Н. Воронихина. **Н. А. Воронихина.**—2) Древняя икона св. Николая въ Брестѣ. **Арсенія Маркевича.** — 3) Какъ заступаться за литературныхъ дамъ. **Н. С. Лѣскова.** — 4) По поводу сочиненій графини Ростопчиной. **И. Д. Бѣлова.**— 5) Замѣтка объ историческихъ картинахъ XIII-й передвижной выставки. **А. Г—скаго.** — 6) Отъ редакціи. — 7) Отвѣтъ «штатскаго» писателя «военному» писателю. **П. А. Висковатаго.** — 8) Князь Чиковани въ Тамбовѣ. Барона **А. Фредерикса.** — 9) Маленькая историческая невѣрность. **Н. Линовскаго.** — 10) По поводу замѣтки «Нечипоръ Майный». **В. Н. Майнова.**—11) Библіографическія замѣтки **Д. Д. Р.** 251, 495, 712

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) **Во льдахъ и снѣгахъ.** Путешествіе въ Сибирь для поисковъ экспедиціи капитана Делонга. **Уильяма Гильдера,** корреспондента газеты «Нью-Іоркъ Геральдъ». Переводъ **В. Н. Майнова.** Гл. X—XIV. (Продолженіе).

Иллюстраціи: Постройка чукчами хижины. — Чукотская хижина. — Чукчи, ловящіе рыбу. — Путь среди льдовъ. — Гибель «Роджерса». — Одноглазый Рилей. — Пихъ-латъ и Сунъ-нэ, чукотскія дѣти.

2) Портретъ Николая Ивановича Костомарова. (На отдѣльномъ листѣ). — 3) Опытъ библіографическаго указателя печатныхъ матеріаловъ для генеалогіи русскаго дворянства. Составилъ **Ѳ. А. В.** — 4) Портретъ Константина Дмитріевича Кавелина. (На отдѣльномъ листѣ).

ТИТУЛЫ ВЪ РОССІИ.

I.

Титулы царствующаго дома.

ѢКОГДА ВЪ РОССІИ былъ только одинъ титулъ князя. Слово это несомнѣнно славянскаго происхожденія, хотя слишкомъ уже ученые наши историки и производятъ его отъ норманскаго слова «конунгъ», означающаго «предводитель», «король». Титулъ этотъ, однако, и при томъ издавна, существовалъ у такихъ славянъ, которые не имѣли никакихъ сношеній съ норманами, варягами тожъ, но всюду онъ давно уже утратилъ свое важное значеніе. Только на Руси онъ долѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, сохранялъ прежнее значеніе, и впродолженіе многихъ столѣтій его носили русскія владѣтельныя особы, т. е. удѣльные князья, и великіе князья, причемъ въ послѣднемъ случаѣ имя прилагательное «великій» употреблялось въ смыслѣ «старшій». Такъ какъ впослѣдствіи явилось въ Восточной Руси немало удѣльныхъ князей съ такимъ дополнительнымъ наименованіемъ, то даже и титулъ великаго князя утратилъ свое первоначальное значеніе. Великихъ князей явилось немало: рязанскіе, смоленскіе, тверскіе и ярославскіе, но всѣ они перевелись. Оставались только великіе князья московскіе, но и они прибавили къ своему прежнему, казавшемуся уже скромнымъ, титулу — титулъ царя, сохранивъ, однако, и прежній титулъ великаго князя, который, равно какъ и титулъ князя, удержались донынѣ въ полномъ императорскомъ титулѣ при исчи-

сленіи нѣкоторыхъ областей, составлявшихъ нѣкогда великія и удѣльныя княженія.

При Петрѣ Великомъ у насъ стали называть государя—монархомъ, хотя слово это и греческое, но оно пришло къ намъ не изъ Византіи, а съ Запада, откуда также пришло именованіе государя и членовъ его дома «августѣйшими» въ смыслѣ лицъ, заслуживающихъ особаго уваженія.

Съ принятіемъ великимъ княземъ Иваномъ IV Васильевичемъ царскаго титула, сыновья царя стали носить титулъ царевичей и великихъ князей, а дочери—царевенъ и великихъ княженъ, а послѣ принятія Петромъ Великимъ императорскаго титула, титулъ царевича оставался за его сыновьями, но дочери его именовались уже не царевнами, а цесаревнами, такъ какъ титулъ императора считался однозначущимъ съ титуломъ кесаря, или цесаря. Впослѣдствіи, императоръ Павелъ Петровичъ въ «Учрежденіи объ Императорской Фамиліи» отмѣнилъ титулъ царевичей и царевенъ и предоставилъ всѣмъ своимъ потомкамъ, до пятаго колѣна включительно, титулъ великихъ князей и великихъ княженъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и императорскаго высочества, а слѣдующимъ затѣмъ потомкамъ титулъ князей и княженъ императорской крови и высочества, безъ прибавленія императорское, но до настоящаго времени поколѣніе царствующаго дома не достигало еще той степени нисходящаго родства, въ которой должно было бы начаться употребленіе этихъ титуловъ, хотя въ недавнее время счетъ нисходящихъ колѣнъ и сокращенъ однимъ поколѣніемъ.

Въ «Учрежденіи объ Императорской Фамиліи» Павелъ I ввелъ въ императорскую фамилію новый титулъ—«цесаревичъ», съ тѣмъ, чтобы титулъ этотъ принадлежалъ старшему сыну царствующаго государя, какъ будущему его наслѣднику. Но самъ Павелъ Петровичъ сдѣлалъ изъ этого титула другое употребленіе: онъ не предоставилъ его исключельно старшему своему сыну Александру Павловичу, но пожаловалъ титулъ цесаревича, въ видѣ почетной награды за военные подвиги въ Швейцарскомъ походѣ, своему второму сыну, Константину Павловичу, который и носилъ его до конца своей жизни, такъ что только по смерти его покойный императоръ Александръ Николаевичъ сталъ, въ 1831 году, носить титулъ цесаревича, какъ старшій сынъ и объявленный наслѣдникъ императора Николая Павловича. Затѣмъ титулъ цесаревича перешелъ, при вступленіи на престолъ императора Александра II, къ старшему сыну его, великому князю Николаю Александровичу, а послѣ его кончины—къ нынѣ царствующему государю императору, а отъ него уже, по праву первородства, перешелъ къ настоящему государю наслѣднику, великому князю Николаю Александровичу. Соотвѣтственно титулу цесаревича и супруга наслѣдника престола титулуется цесаревною и великою княгинею.

Были примѣры пожалованія особыхъ титуловъ и лицамъ, родственнымъ царствующему дому. Такъ императоръ Николай Павловичъ пожаловалъ титулъ императорскаго высочества принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому и титулы князей Романовскихъ и императорскаго высочества герцогамъ Лейхтенбергскимъ, имѣвшимъ прежде право только на титулъ свѣтлости.

Такъ называемаго «величанья», а по западному «предиката», у русскихъ государей и у членовъ его семейства прежде вовсе не было. По принятіи Иваномъ IV царскаго титула, государей московскихъ стали именовать царскимъ или пресвѣтлѣйшимъ величествомъ и великимъ государемъ; въ послѣднемъ случаѣ слово «великій» употреблялось въ томъ же смыслѣ, въ какомъ употреблялось оно въ былое время при словѣ князь. Прибавленіе это казалось необходимымъ по тому, что съ исхода XVI вѣка обращеніе съ словомъ «государь» стало дѣлаться у насъ обиходнымъ, и даже крестьяне стали обыкновенно величать своихъ вотчинниковъ и помѣщиковъ государями. Въ прежнее время въ иныхъ случаяхъ русскіе государи довольствовались титуломъ «благородіе». Слѣды этого сохранялись и—если мы не ошибаемся—сохраняются и донынѣ въ церковныхъ книгахъ. Такъ по «Чиновнику», т. е. по книгѣ, по которой архіерей совершаетъ литургію, онъ, обращаясь послѣ большаго выхода къ присутствующему государю, говорилъ: «Благородіе твое да помянетъ Господь Богъ во царствіи своемъ». Величали также въ старину русскихъ государей и «милостію», и «благоутробіемъ».

Царю Алексѣю Михайловичу не только наши повѣствователи и драматурги, но даже и историки, придаютъ названіе «Тишайшаго», считая такое названіе его личнымъ прозвищемъ, но это ошибочно. Когда во второй половинѣ XVII вѣка на Москвѣ сталъ, благодаря пріѣзду туда наставниковъ, обучавшихся въ польскихъ и итальянскихъ училищахъ, водворяться латинизмъ, то употреблявшееся на западѣ величаніе государей «clementissimus» стали переводить порусски «тишайшій». Этотъ титулъ давался и царямъ Өеодору и Ивану Алексѣевичамъ и царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ. Придавался онъ и царю Петру I, который, конечно, не былъ изъ тишайшихъ. Замѣчательно, что до принятія Петромъ Великимъ императорскаго титула ему въ церковномъ богослуженіи многолѣтіе возглашалось такъ: «тишайшему, избранному и почтенному царю и великому князю».

3-го декабря 1721 года, въ общемъ собраніи синода и сената разсуждали о томъ, какой установить новый титулъ русскихъ государей по случаю поднесенія Петру I императорскаго достоинства. Общее собраніе за благо разсудило упомянутый выше титулъ выключить, а супругу императора титуловать «цесарѣва». Петръ утвердилъ это мнѣніе синода и сената, замѣнивъ только слово

«цесарёва» словами «цесаревино величество». Въ иныхъ особоторжественныхъ случаяхъ, гдѣ при возглашеніи многолѣтія, какъ, напримѣръ, на богоявленскомъ повечеріи, прочитывается полный титулъ императора всероссійскаго, его именуютъ «цесарскимъ величествомъ». Въ этомъ же титулѣ, кромѣ царствъ, великихъ княженій и нѣкоторыхъ бывшихъ удѣльныхъ княженій и присоединенныхъ къ Россіи областей, состоящихъ въ дѣйствительномъ обладаніи русскаго государя, находятся еще собственно только почетные, возникшіе изъ родоваго права титулы: наслѣдника норвежскаго и четыре иностранныхъ герцогскихъ титула, а въ царствованіе императора Павла Петровича къ прежнимъ титуламъ присоединенъ былъ, по его повелѣнію, титулъ: «великаго магистра державнаго ордена Іоанна Іерусалимскаго». Къ неудовольствію Павла Петровича, этотъ новый титулъ синодъ призналъ нужнымъ поставить въ самомъ концѣ большаго титула, а при императорѣ Александрѣ I онъ былъ исключенъ вовсе, хотя и могъ бы остаться, какъ титулъ почетный, какъ историческое воспоминаніе...

Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣненіемъ россійско-императорскаго титула, о которомъ мы упомянули выше, собраніе синода постановило: выключить также титулъ «благородный» царевичъ и «благородная» царевна, потому что, какъ сказано въ указѣ синода, такое названіе «по нынѣшнему употребленію низко, ибо благородство и шляхетству дается». Титулъ этотъ былъ замѣненъ словомъ «благовѣрный», а этотъ послѣдній титулъ, принадлежавшій нѣкогда государю, былъ, въ свою очередь, замѣненъ для него и его супруги титуломъ «благочестивѣйшій», «благочестивѣйшая».

Впослѣдствіи, когда въ дипломатіи латинскій языкъ былъ замѣненъ языкомъ французскимъ, прежнее величаніе «clementissimus» переведено было на французское «très gracieux», а у насъ это французское слово было переведено — «всемилостивѣйшій» и это названіе было также примѣнено къ государскому титулу, въ замѣнъ прежняго «тишайшій».

II.

Почетные дворянскіе титулы.

Замѣчательно, что у насъ царскій и даже королевскій титулъ можетъ считаться и почетнымъ дворянскимъ титуломъ. Такъ титулъ царя всея Руси былъ пожалованъ при Иванѣ IV бывшему царю казанскому, Симеону Бекбулатовичу, который впослѣдствіи въ разрядныхъ спискахъ, т. е. въ спискахъ московскихъ служилыхъ людей, значился царемъ Тверскимъ. Въ 1598 году, царь Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ пожаловалъ титулъ царя Касимовскаго плѣнному киргизскому царевичу Уразъ-Махмету, а Михаилъ Ѳедоровичъ

далъ такой же титулъ Альпъ-Арслану, внуку царя сибирскаго Кучума. Отъ этого царя Касимовскаго пошли царевичи Касимовскіе, существовавшіе въ числѣ русскихъ дворянъ до 1715 года, когда умеръ бездѣтнымъ послѣдній царевичъ Касимовскій.

Отъ роднаго младшаго брата царя Касимовскаго и трехъ двоюродныхъ его братьевъ пошли царевичи Сибирскіе. Родъ ихъ продолжается донынѣ, но въ 1718 году Петръ I приказалъ имъ, вмѣсто царевичей, писаться князьями Сибирскими.

Впослѣдствіи члены царскихъ домовъ грузинскаго и имеретинскаго, отправляя службы въ Россіи, носили титулъ царевичей, и только въ недавнее время титулъ ихъ былъ замѣненъ княжескимъ.

Въ прошедшемъ году умеръ въ Петербургѣ въ очень преклонныхъ годахъ полковникъ русской службы, принцъ де-Лузиньянъ, именовавшійся по праву наслѣдія «титулованнымъ королемъ» Кипрскимъ и Іерусалимскимъ. Такъ какъ онъ получилъ отъ императора Николая Павловича чинъ полковника, то, вступивъ въ русское подданство, онъ могъ бы быть причисленъ къ потомственному русскому дворянству, и если бы представленныя имъ въ установленномъ порядкѣ доказательства на носимые имъ титулы были признаны дѣйствительными, то ничто не могло бы препятствовать ему, будучи русскимъ дворяниномъ, носить въ Россіи, съ высочайшаго разрѣшенія, и присвоенный имъ себѣ титулъ не только принца, но и короля. Само собою, впрочемъ, разумѣется, что признаніе за нимъ этого титула въ другихъ государствахъ зависѣло бы отъ правительства того государства, въ какое онъ явился бы съ такимъ пышнымъ титуломъ.

III.

Княжескіе титулы въ Россіи.

Нынѣ дѣйствующіе у насъ законы признаютъ три дворянскіе титула: князя, графа и барона. При этомъ право пользованія наслѣдственнымъ княжескимъ титуломъ принадлежитъ: а) нынѣшнимъ потомкамъ древнихъ русскихъ и литовскихъ князей и б) лицамъ, происходящимъ отъ предковъ, возведенныхъ съ ихъ потомствомъ въ княжеское достоинство россійскими императорами или утвержденныхъ въ ономъ по пожалованію отъ иностранныхъ государей.

Узаконеніе это, изданное въ 1846 году и остающееся донынѣ въ своей силѣ, не обнимаетъ, однако, собою, — какъ мы это увидимъ, — всѣхъ тѣхъ случаевъ, когда вообще почетный, а, между прочимъ, княжескій титулъ признаётся за кѣмъ либо и помимо высказанныхъ условій, и историческій очеркъ объ усвоеніи тѣми или другими дворянскими родами княжескаго титула выяснитъ справедливость сдѣланнаго нами теперь замѣчанія.

До Петра Великаго пожалованія княжескихъ и вообще какихъ либо почетныхъ титуловъ у насъ не происходило, за исключеніемъ развѣ титула «именитаго» человѣка. Титулъ этотъ былъ пожалованъ царемъ Иваномъ Грознымъ одному изъ Строгановыхъ, занимавшемуся врачеваніемъ и лечившему заволоками царскаго любимца, Бориса Годунова. Названіе «именитые люди», которое впослѣдствіи царь Алексѣй Михайловичъ пожаловалъ всему роду Строгановыхъ, не слѣдуетъ считать титуломъ дворянскимъ, такъ какъ оно ставило носившаго его только выше «гостя», но не вводило въ служилое, по тогдашнему понятію, дворянское сословіе.

Не смотря на то, что въ древней Руси пожалованія почетныхъ титуловъ не было, въ ней было очень много князей. Они принадлежали къ слѣдующимъ тремъ разрядамъ: 1) къ потомкамъ великаго князя Рюрика; 2) къ потомкамъ великаго князя литовскаго Гедимина и 3) къ разнымъ иноплеменникамъ, преимущественно къ мордвѣ и татарамъ.

Къ 1700 году, не смотря на пресѣченіе многихъ удѣльно-княжескихъ семействъ, происшедшихъ отъ нихъ княжескихъ родовъ считалось 47; изъ нихъ нѣкоторые были очень многочисленны; такъ, напримѣръ, въ ту пору только родъ князей Гагариныхъ имѣлъ одновременно 27 представителей, а родъ князей Волконскихъ — 30, другіе же роды были близки къ прекращенію, имѣя только по одному представителю, не оставлявшему послѣ себя мужескаго поколѣнія. Затѣмъ, въ продолженіе 184 лѣтъ, изъ общаго числа упомянутыхъ княжескихъ родовъ 11 совершенно угасли, какъ роды: Великогагиныхъ, Жировыхъ-Засѣкиныхъ, Пеньковыхъ, Пожарскихъ, Хотетовскихъ, Голышныхъ, Корходиновыхъ, Татевыхъ и Тюфякиныхъ. Другіе роды, пресѣкшіеся въ мужскомъ поколѣніи, были возстановлены высочайшею властію съ передачей ихъ прозваній и титуловъ другимъ фамиліямъ по женскому колѣну. Такъ фамилія князей Ромодановскихъ перешла къ Ладыженскимъ, Прозоровскихъ — къ князьямъ Голицинымъ, князей Рѣпниныхъ — къ князьямъ Волконскимъ, князей Дашковыхъ — къ графамъ Воронцовымъ, безъ княжескаго титула, и угасшая въ недавнее время старѣйшая нѣкогда въ родѣ Рюриковичей фамилія князей Одоевскихъ была передана г. Маслову, съ тѣмъ, чтобы титулъ и фамилія князей Одоевскихъ были присвоены только одному лицу по праву первородства.

Остальное потомство Рюриковичей, относительно довольно многочисленное, не носитъ уже княжескаго титула. Нельзя сказать съ достовѣрностію о причинахъ, заставившихъ бывшихъ нѣкогда князей отказаться отъ ихъ титула, но такъ какъ представители этихъ родовъ въ XVI и XVII вѣкахъ не занимали никакихъ видныхъ служебныхъ мѣстъ ни при дворѣ, ни въ войскѣ, то надобно полагать, что они, какъ говорилось въ старину, захудали, а такъ

какъ княжескій титулъ въ ту пору не давалъ никакихъ особыхъ правъ, то онъ и казался излишнимъ. Только о Сатиныхъ, потомкахъ князей Козельскихъ, въ одномъ старинномъ родословцѣ упоминается, что они «сложили съ себя княженіе», но при этомъ о причинахъ такого поступка ничего не упоминается. Кромѣ Рюриковичей, имѣли бы право на княжескій титулъ по своему происхожденію нѣсколько дворянскихъ, нынѣ существующихъ фамилій, происходящихъ отъ косожскаго князя Редеги и греческаго владѣтельнаго князя Степана Ховры, но потомки ни того, ни другаго этого титула не употребляютъ.

Поэтому ничего нѣтъ неправдоподобнаго, если нѣкоторые не только дворяне, но и однодворцы, считаютъ себя по происхожденію Рюриковичами и, слѣдовательно, имѣющими право на княжескій титулъ. Возстановленіе утраченныхъ княжескихъ титуловъ у насъ не было въ обычаѣ, кромѣ лишь тѣхъ случаевъ, да и то въ ближайшее уже къ намъ время, когда титулъ этотъ, будучи утраченъ по суду, возстановлялся въ лицѣ утратившаго его или его сыновей по особой монаршей милости, какъ это было сдѣлано, напримѣръ, въ отношеніи нѣкоторыхъ, такъ называемыхъ, декабристовъ. Впрочемъ, и попытокъ къ такому возстановленію, на сколько намъ извѣстно, въ былое время не дѣлалось. Однажды только всемогущій любимецъ Екатерины II, князь Зубовъ, обратился къ ней съ просьбой, чтобы она возстановила княжескій титулъ роднаго его дяди Трегубова, на который онъ, Трегубовъ, имѣлъ право по происхожденію отъ черкесскихъ князей, но императрица отказала даже и Зубову въ этой просьбѣ, ссылаясь на то, что если сдѣлать это въ отношеніи Трегубова, то справедливость требуетъ поступить точно также и въ отношеніи другихъ, очень многихъ дворянъ.

Императоръ Павелъ при составленіи «Общаго Гербовника» положительно высказался противъ такихъ возстановленій и приказалъ: «для ознаменованія тѣхъ дворянскихъ фамилій, кои дѣйствительно происходятъ отъ родовъ княжескихъ, хотя сего титула и не имѣютъ, оставлять въ гербахъ ихъ корону и мантію». Къ такимъ родамъ принадлежатъ, напримѣръ, роды: Ржевскихъ, Всеволожскихъ, Татищевыхъ и многіе другіе. По нынѣ дѣйствующимъ узаконеніямъ никакой почетный титулъ не возстановляется, если не будетъ удостовѣрено, что пользованіе титуломъ сохранялось въ родѣ постоянно, по крайней мѣрѣ, въ трехъ послѣднихъ поколѣніяхъ, начиная отъ лица, предъявляющаго свое право на титулъ.

Въ потомствѣ Гедимина, въ 1700 году, существовало, собственно въ Россіи, четыре княжескіе рода: Куракины, Голицыны, Трубецкіе и Хованскіе. Дворянскихъ родовъ не было. Всѣ эти княжескіе роды продолжаются и нынѣ, а одинъ изъ нихъ, именно родъ князей Голицыныхъ, чрезвычайно размножился. По присоединеніи къ Россіи отъ Польши Западнаго края, къ упомянутымъ отраслямъ

Гедиминовичей прибавились существующіе и нынѣ роды: князей Коріятовичей - Курцевичей, Воронецкихъ, Чарторижскихъ и Сангушекъ. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что въ послѣднее время польскіе историки стали оспаривать, и не безъ основательныхъ доводовъ, дѣйствительность происхожденія отъ Гедимина: Трубецкихъ, Чарторижскихъ и Сангушекъ, выводя ихъ не отъ него, но отъ русскихъ князей, которыхъ нѣкогда было немало въ литовско-русскомъ княжествѣ въ XIV вѣкѣ.

Затѣмъ большинство какъ существовавшихъ въ 1700 году, такъ и нынѣ существующихъ княжескихъ родовъ—татарскаго, мордовскаго и грузинскаго происхожденія, и въ общей сложности своей они, по крайней мѣрѣ, въ десять разъ превышаютъ по своей численности княжескіе роды русскаго происхожденія.

Такой наплывъ князей татарской, мордовской, грузинской и частію горской породы въ наше титулованное дворянство объясняется тѣмъ, что въ XVI и преимущественно въ XVII вѣкахъ русскіе государи, и между ними въ особенности царь Алексѣй Михайловичъ, ревнуя о распространеніи православія между татарами и мордвою, приказывали принимавшихъ православную вѣру татарскихъ мурзъ и мордовскихъ «панковъ» писать княжимъименемъ, а между ними, не говоря уже о татарахъ, только среди одной мордвы набралось до 80 мордовскихъ родовъ, болѣе или менѣе обрусѣвшихъ и пользующихся, на законномъ основаніи, наслѣдственнымъ княжескимъ титуломъ, хотя большинство ихъ и живетъ, какъ живутъ простые крестьяне, занимаясь, между прочимъ, и извозчичьимъ промысломъ въ Петербургѣ.

Князей изъ татаръ вообще у насъ было и есть такое множество, что и нынѣ въ простомъ русскомъ народѣ каждаго татарина называютъ княземъ, да и онъ считаетъ себя таковымъ, хотя и торгуетъ въ разносъ старымъ платьемъ или халатами, а то и казанскимъ мыломъ.

Обѣднѣніе и даже совершенная нищета князей Рюрикова племени, проявлявшаяся уже въ XVII вѣкѣ, ихъ приниженное положеніе въ Москвѣ, когда они стали считать за особенную честь быть холопами великаго князя московскаго, и главнымъ образомъ появленіе множества князей изъ татаръ и мордвы отняли всякое значеніе у княжескаго титула, и дѣло дошло до того, что, по указу 1675 года названіе кого либо княземъ безъ имени стало считаться не почетомъ, а «безчестьемъ». Это объясняется тѣмъ, что князь и татаринъ сдѣлались словами однозначущими, такъ что только крестное имя отличало православнаго отъ татарина.

Не говоря уже о томъ, что Рюриковичи съ особеннымъ удовольствіемъ стали занимать низшія придворныя служительскія должности, они въ XVII столѣтіи, какъ, напримѣръ, князья Вяземскіе, служили въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ попами и дьячками

въ селахъ у помѣщиковъ средней руки, а князья Бѣлосельскіе были приживальцами у какихъ-то Травиныхъ. Упадокъ русско-княжескихъ родовъ дошелъ до того, что существовавшіе въ своей древней княжей отчинѣ, Боровскѣ, нынѣ уѣздномъ городѣ Калужской губерніи, князья Боровскіе числились въ ряду тамошнихъ посадскихъ, и въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, послѣдняя представительница этой Рюриковой отрасли, княжна Боровская, не выдѣлялась изъ своей среды, въ которой она выросла, ничѣмъ, кромѣ титула съ историческимъ родовымъ прозваніемъ. Она вышла замужъ за одного боровскаго мѣщанина. Когда императоръ Николай Павловичъ узналъ о такомъ бракѣ, то приказалъ выдать бывшей княжнѣ Боровской, на обзаведеніе, 10,000 рублей ассигнаціями, чѣмъ молодая чета была чрезвычайно довольна.

Если громадное большинство татарскихъ и мордовскихъ князей съ прозваніемъ, напримѣръ, Игобердѣевъ, Идебердѣевъ, Шайсуповъ, Разгильдѣевъ, Семенѣевъ и т. д., не только не промелькнуло на страницахъ нашей исторіи, но даже не встрѣчается и въ спискѣ чиновныхъ лицъ, но оставалось, да и нынѣ остается въ убожествѣ и безвѣстности, то въ противоположность этому, нѣкоторые татарско-княжескіе роды достигли богатства и знатности. Къ числу такихъ родовъ принадлежатъ: князья Урусовы, князья Черкасскіе и князья Юсуповы. Представители этихъ родовъ причислены были при императорѣ Павлѣ къ русско-княжескимъ родамъ, а представители двухъ первыхъ, т. е. Урусовы и Черкасскіе, еще въ XVII вѣкѣ стояли на высшихъ степеняхъ московскаго боярства, не смотря на то, что члены этихъ родовъ только недавно приняли православную вѣру, Изъ нихъ Урусовы были потомки Эдигея, князя ногайскаго, одного изъ вождей Тамерлана, а князья Черкасскіе считались потомками египетскаго султана Инала и были владѣтелями Кабарды. Князья Юсуповы были однородцы съ Урусовыми и своимъ возвышеніемъ они всего болѣе были обязаны расположеніемъ къ одному изъ нихъ со стороны могущественнаго Бирона.

Другіе татарско—нынѣ—русско-княжескіе роды, какъ, напримѣръ, Ширинскіе-Шихматовы, были потомки татарскихъ мурзъ, имѣвшихъ исключительное право вступать въ бракъ съ дочерьми крымскихъ хановъ. Ширинскіе мурзы начали приходить въ русское подданство въ половинѣ XVI вѣка; при этомъ они принимали православную вѣру и со временемъ совершенно обрусѣли. Но еще задолго передъ тѣмъ, какъ предки князей Ширинскихъ-Шихматовыхъ появились въ Москвѣ, одинъ изъ князей или мурзъ Ширинскихъ, Бахметъ, пришелъ изъ Большой Орды въ Мещеру, завоевалъ ее, крестился тамъ самъ и вмѣстѣ съ собою крестилъ многихъ людей. Отъ этого Бахмета (Усейна) и пошли нынѣшніе князья Мещерскіе.

Грузинскіе князья стали появляться еще въ Москвѣ, и первые изъ нихъ были князья Дадіани, совершенно нынѣ обрусѣвшіе и существующіе подъ фамиліей князей Дадьяновыхъ. Они оставили свои владѣнія, Мингрелію, въ половинѣ XVII столѣтія, вслѣдствіе мятежа, поднятаго какимъ-то сванетомъ Каци-Чикуани, который, низвергнувъ Дадіана, утвердился самъ въ Мингреліи и сдѣлался родоначальникомъ существующихъ нынѣ, также въ Россіи, князей Мингрельскихъ. Выѣхали также въ Россію, еще въ 1666 году, двое грузинскихъ князей, потомки которыхъ писались сперва Хохоновыми-Давыдовыми, а потомъ стали писаться и нынѣ пишутся только князьями Давыдовыми.

Впослѣдствіи, при переѣздѣ въ Россію царя грузинскаго Вахтанха, въ 1714 году, имъ былъ представленъ русскому правительству списокъ пріѣхавшихъ съ нимъ грузинъ. Изъ нихъ нѣкоторые были означены словами: «таваде», «моурави» и «эристави», и всѣ эти титулы были переведены словомъ «князь». При окончательномъ подданствѣ Грузіи, послѣднимъ царемъ ея, Георгіемъ, былъ также представленъ общій списокъ грузинскихъ родовъ, которые могли имѣть право на дворянство, и тѣ изъ этихъ родовъ, которые были означены словомъ «таваде», получили также право на названіе князьями. Списокъ этотъ чрезвычайно длиненъ, а поэтому у насъ въ настоящее время и является такое множество грузинъ съ титуломъ князей.

Титулы эти, независимо отъ пожалованія потомственнаго званія «таваде», возникли еще въ силу владѣтельныхъ правъ, присвоенныхъ нѣкоторымъ родамъ, въ числѣ которыхъ находится немало и армянскаго, и осетинскаго происхожденія. Такъ, носятъ княжескій титулъ: Дадешкиліани по владѣнію Сванетіею, Гурьели—Гуріею, Абашидзе—Абхазіею; прочіе же по пожалованію званія «таваде», которые въ Грузіи раздѣлялись на три степени, но въ Россіи всѣ эти степени были признаны равноправными, и потому всѣ «таваде» были переименованы въ князей. Въ князья же попали нѣкоторые роды персидскаго происхожденія, имѣвшіе титулъ «меликовъ».

Вообще право на княжескій титулъ бывшихъ грузинскихъ подданныхъ представляетъ большую запутанность, и для разбора относящихся къ этому дѣлъ въ 1846 году учреждены были въ Тифлисѣ и Кутаисѣ особыя коммиссіи, которыя въ 1850 году и признали княжескій титулъ за 69 фамиліями, кромѣ множества тѣхъ фамилій, которымъ и прежде ещё придано было названіе князей.

Княжескій титулъ былъ придаваемъ въ прошломъ столѣтіи и начальникамъ разныхъ инородческихъ поколѣній въ Сибири. Такой же титулъ съ фамиліею Дондуковыхъ былъ признанъ и за потомками одного изъ калмыцкихъ хановъ Дондукъ-Омба, а въ началѣ нынѣшняго столѣтія за какимъ-то индѣйцемъ Порюсъ-Визапурскимъ.

Въ старинныхъ приказныхъ отпискахъ встрѣчаются князья: Великопермскіе, Пелымскіе, Фабуловы и многіе другіе, нынѣ какъ кажется, уже не существующіе. Къ иноземнымъ же князьямъ, упоминаемымъ въ старинныхъ московскихъ актахъ, принадлежатъ князья Мышецкіе, происходящіе отъ одного изъ маркграфовъ Мейссенскихъ и князья Болловскіе, Лукомскіе, Несвицкіе и Нерыцкіе; происхожденіе ихъ съ точностію неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, они не изъ татарскихъ мурзъ и, вѣроятно, три первые рода составляютъ потомство тѣхъ князей русскихъ, которые были нѣкогда удѣльными въ нынѣшнемъ западномъ краѣ, а Нерыцкіе считаются выѣхавшими изъ Италіи, хотя достовѣрныхъ на счетъ этого свѣдѣній не имѣется, да въ настоящее время они уже не существуютъ.

Сохранилось извѣстіе въ сибирскихъ лѣтописяхъ, что первый русскій завоеватель Сибири Ермакъ Тимоѳеевичъ Повольскій былъ отъ Ивана IV Васильевича пожалованъ титуломъ князя сибирскаго. Такое извѣстіе, однако, весьма сомнительно не только потому, что не встрѣчается на счетъ этого указанія ни въ какихъ дѣлахъ, но и потому еще, что вообще въ государствѣ московскомъ до Петра Великаго пожалованія княжескихъ титуловъ не производилось, хотя, какъ мы видѣли, и были случаи возведенія татаръ даже въ царскій санъ. Отсутствіе такихъ пожалованій можно всего легче объяснять упадкомъ княжескаго титула въ XV, XVI и XVII столѣтіи даже до того, что, какъ мы видѣли, самое названіе кого либо княземъ стало считаться безчестьемъ.

При такомъ упадкѣ въ Россіи княжескаго достоинства, Петръ 30-го мая 1707 года пожаловалъ княжескимъ достоинствомъ бывшаго сперва графомъ, а съ 1705 года свѣтлѣйшимъ княземъ Римской имперіи, генералъ-поручика Александра Даниловича Меньшикова. При этомъ надобно обратить вниманіе на то, что въ этомъ случаѣ княжескій титулъ былъ собственно прибавочнымъ къ титулу «герцога Ижорскаго», который далъ Петръ Меньшикову. Кромѣ того, самъ Меньшиковъ не слишкомъ дорожилъ княжескимъ титуломъ, который онъ употреблялъ собственно для того, чтобы поставить себя, человѣка не родословнаго, вровень съ Долгоруковыми, Рѣпниными, Голицыными и другими представителями древняго московскаго боярства, отъ которыхъ онъ, кромѣ титула «князь», отличался еще и титуломъ «свѣтлости», а дѣти его обыкновенно назывались не князьями, а «принцами».

Замѣтимъ при этомъ, что у насъ на Руси, какъ это, впрочемъ, было и во всей Западной Европѣ, древность дворянскаго рода считалась, да и нынѣ считается, выше новаго почетнаго титула. Это проистекаетъ изъ той мысли, что титулъ можетъ получить каждый простолюдинъ, тогда какъ дать «благородныхъ» предковъ лицу, не имѣющему ихъ по рожденію, не въ состояніи никакая власть, какъ бы могущественна она ни была.

Послѣ Петра Великаго русскіе государи впродолженіе девяноста лѣтъ не возводили никого въ княжеское достоинство, вѣроятно, потому, что никто изъ знатныхъ вельможъ не льстился стать вслѣдствіе такой награды на ряду съ захудалыми Рюриковичами и, конечно, еще менѣе желалъ кто нибудь, по дарованному ему отличію, уподобиться множеству татарскихъ и уже довольно избыточному числу грузинскихъ князей. Чтобы поднять дворянско-княжеское достоинство въ Россіи, нужно было предварительно показать лицъ, облеченныхъ этимъ достоинствомъ, въ блескѣ знатности, богатства и могущества, что̀, какъ мы увидимъ, и случилось въ царствованіе Екатерины.

При ней явились князья среди такой обстановки, что поэтому нѣсколько позднѣе императоръ Павелъ I могъ уже княжескій санъ считать чрезвычайною наградою, особенно съ титуломъ «свѣтлости», выдѣлявшимъ ново - пожалованнаго князя изъ множества его сотитульниковъ, бывшихъ въ большинствѣ мелкой сошкой.

Первая такая награда была пожалована имъ, 5-го апрѣля 1797 года, вице-канцлеру графу Александру Андреевичу Безбородко. Затѣмъ Павелъ пожаловалъ князьями: генералъ-прокурора Петра Васильевича Лопухина, и съ титуломъ князя Италійскаго, генералъ-фельдмаршала графа Суворова-Рымникскаго. Четвертымъ княземъ, пожалованнымъ Павломъ I, былъ армянскій патріархъ Іосифъ, по фамиліи Аргутинскій, съ его братьями и племянниками; при этомъ новопожалованнымъ князьямъ Аргутинскимъ дозволено было писаться Аргутинскими-Долгорукими; это прозваніе дано было имъ въ память ихъ происхожденія,—неизвѣстно, на сколько достовѣрнаго,—отъ одного изъ древнихъ царей персидскихъ, Артаксеркса, прозваннаго Долгорукимъ.

Императоръ Александръ I пожаловалъ княжескимъ достоинствомъ: генерала-отъ-инфантеріи графа Михаила Илларіоновича Голенищева-Кутузова, съ титуломъ свѣтлости, и вскорѣ послѣ того наименованнаго Смоленскимъ; предсѣдателя государственнаго совѣта фельдмаршала графа Николая Ивановича Салтыкова и русскаго посла на вѣнскомъ конгрессѣ графа Андрея Кирилловича Разумовскаго. При этомъ и Салтыковъ, и Разумовскій, получили титулы свѣтлости. Кромѣ нихъ, княжескій титулъ, но безъ свѣтлости, данъ былъ главнокомандовавшему 1-ю арміею фельдмаршалу графу Михаилу Богдановичу Барклай-де-Толли.

При императорѣ Николаѣ Павловичѣ число такихъ пожалованій увеличилось. При немъ первою пожалована была княжескимъ титуломъ, а затѣмъ и титуломъ свѣтлости, статсъ-дама графиня Шарлотта Карловна Ливенъ. Титулъ этотъ былъ ей данъ за ея педагогическіе труды, собственно за воспитаніе великихъ княженъ сестеръ императора и какъ лицу, пользовавшемуся особымъ уваже-

ніемъ императорской фамиліи, съ распространеніемъ обоихъ пожалованныхъ ей титуловъ на ея нисходящее потомство.

Затѣмъ отъ императора Николая получили: титулъ князя Варшавскаго съ титуломъ свѣтлости генералъ-фельдмаршалъ графъ Иванъ Ѳедоровичъ Паскевичъ-Эриванскій; фельдмаршалъ графъ Фабіанъ Вильгельмовичъ Остенъ-Сакенъ; председатель государственнаго совѣта графъ Викторъ Павловичъ Кочубей и графъ Илларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ, но всѣ трое безъ титула «свѣтлости». Послѣ того князьями пожалованы были: военный министръ графъ Александръ Ивановичъ Чернышевъ и намѣстникъ кавказскій графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, безъ титула свѣтлости, который они получили впослѣдствіи, въ видѣ дополнительной награды.

Затѣмъ княжескій титулъ при императорѣ Николаѣ получили еще: камеръ-пажъ султанъ Сагибъ-Гирей-Чингисъ, какъ старшій сынъ умершаго султана внутренней киргизской орды; по смерти его княжескій титулъ перешелъ къ его младшему брату;—и шамхалъ Тарковскій, которому былъ предоставленъ титулъ княжескій по праву первородства.

При императорѣ Александрѣ Николаевичѣ былъ только одинъ случай пожалованія княжескаго титула, но безъ прибавленія свѣтлости, а именно предсѣдателю государственнаго совѣта графу Алексѣю Ѳедоровичу Орлову.

Изъ этого перечня видно, что собственно жалованныхъ князей у насъ очень немного, да и сверхъ того роды князей: Безбородко, Лопухина, Голенищева-Кутузова, Разумовскаго, Барклай-де-Толли, Остенъ-Сакена и Воронцова пресѣклись въ мужскомъ поколѣніи, а роды князей Меньшикова, Суворова-Италійскаго и Чернышева имѣютъ только по одному представителю мужескаго пола.

Мы уже упоминали о тѣхъ причинахъ, которыя содѣйствовали упадку въ Россіи княжескаго титула еще при царяхъ московскихъ, но въ послѣдней четверти прошлаго вѣка титулъ этотъ снова поднялся вслѣдствіе того, что носившія его лица были могущественными временщиками при дворѣ, да и, кромѣ того, они имѣли титулъ князей Священной имперіи Римской, пользовавшійся во всей Европѣ большимъ почетомъ и значеніемъ.

Князь Римской, собственно Нѣмецкой имперіи, могъ сдѣлаться изъ титулярнаго князя, — какимъ уже издавна сдѣлался князь въ Россіи,—дѣйствительнымъ, а не мнимымъ княземъ, пріобрѣтя какимъ либо способомъ въ предѣлахъ бывшей Германской имперіи герцогство, княжество, маркграфство или графство. Онъ становился въ ряду владѣтельныхъ особъ, и для пріема «имперскихъ владѣтельныхъ князей» были установлены при европейскихъ дворахъ особые церемоніалы.

Такими князьями изъ русскихъ подданныхъ, кромѣ Меньшикова, были: генералъ-фельдцейхмейстеръ, русскій графъ, Григорій Григорьевичъ Орловъ, генералъ-фельдмаршалъ, тоже русскій графъ, Григорій Александровичъ Потемкинъ, получившій отъ Екатерины II наименованіе Таврическаго, и генералъ-фельдцейхмейстеръ, графъ Платонъ Александровичъ Зубовъ. Всѣ эти лица, хотя только сами по себѣ сдѣлавшіеся богатыми, знатными и сильными, жили въ такой блестящей обстановкѣ, въ которой проявлялись и утонченная изысканность запада, и грубая роскошь востока, такъ что они могли казаться уже не заурядными, хотя бы и очень высокими, сановниками, но, пожалуй, владѣтельными князьями. Они, какъ равно и князь Меньшиковъ, благодаря фавору, достигли такой высокой степени могущества, какой не достигали у насъ ни прежде, ни послѣ, ни прирожденные, ни жалованные русскіе князья.

Кромѣ упомянутыхъ четырехъ князей изъ русскихъ уроженцевъ, былъ еще въ Россіи одинъ свѣтлѣйшій князь Римской имперіи, бывшій молдаванскій господарь, Дмитрій Константиновичъ Кантемиръ. Родъ его пресѣкся въ исходѣ XVIII столѣтія, а также съ этимъ же достоинствомъ, но безъ титула свѣтлости, пришли въ прошломъ столѣтіи въ русское подданство: Радзивиллы, Любомірскіе и Яблоновскіе. Добавимъ къ этому, что въ царствованіе Екатерины II былъ въ Россіи богатый грекъ Мавросни, пользовавшійся княжескимъ титуломъ по пожалованію ему этого титула патріархомъ константинопольскимъ.

Сверхъ этихъ князей, въ русскомъ подданствѣ состоятъ: князья Сайнъ-Витгенштейнъ-Берлебургъ; княжескій титулъ пожалованъ имъ королемъ прусскимъ, и князья Вреде, по пожалованію имъ княжескаго титула королемъ баварскимъ. Пользуются также въ Россіи княжескимъ титуломъ представители родовъ, занимавшихъ мѣсто молдавскихъ господарей, какъ, напримѣръ, Маврокордати и Кантакузены.

Такимъ образомъ, если сообразить всѣ сдѣланныя нами замѣчанія о значеніи княжескаго титула въ Россіи, то нельзя не признать, что лица эти вообще не только не представляютъ собой русской аристократіи, въ значеніи западно-европейской аристократіи,—которой, кстати сказать, никогда у насъ и не было,—но даже не составляли безусловно высшей служилой знати, за исключеніемъ немногихъ родовъ, имѣвшихъ въ разное время историческое значеніе и, большею частію, уже пресѣкшихся. Прочіе же роды, хотя и отличенные княжескимъ титуломъ, оставались и нынѣ остаются въ безъизвѣстности и убожествѣ.

IV.

Графскіе титулы.

Если, какъ мы видѣли, къ исходу XVII вѣка нѣкогда самый почетный на Руси титулъ «князь» утратилъ свою прежнюю важность, то, какъ бы въ замѣнъ его, у насъ появился новый почетный дворянскій титулъ «графа». Значеніе этого титула было непонятно для русскихъ людей и лица, получавшія его, не умѣли даже правильно написать его, такъ какъ въ подписяхъ своихъ замѣняли букву «ф» буквою «ѳ». Вскорѣ, однако, титулъ этотъ пришелъ въ большой почетъ, такъ какъ на первыхъ порахъ стали носить его видные вельможи, знатные сановники и близкіе къ государю люди. Вдобавокъ къ тому, съ пожалованіемъ этого титула соединялось и пожалованіе большаго состоянія, такъ что при Петрѣ I бѣдняковъ-графовъ еще не оказывалось, тогда какъ въ противоположность тому было множество не только убогихъ, но и нищенствовавшихъ князей. Поэтому, вѣроятно, и до сихъ поръ еще въ народѣ съ названіемъ «графъ» соединяется понятіе о знатности и богатствѣ, и, напримѣръ, уменьшительное слово «графчикъ» имѣетъ въ народѣ совершенно иной смыслъ, нежели слово «князекъ».

Со времени Петра I у насъ появились графскіе титулы различные по ихъ пожалованію. У насъ были графы: Россійской имперіи и графы Священной Римской имперіи, а потомъ стали появляться графы или иноземцы, вступавшіе съ такимъ титуломъ въ русское подданство, или получавшіе его уже послѣ того отъ разныхъ владѣтельныхъ особъ, или пользовавшіеся такимъ титуломъ безъ достаточнаго на то права. За нѣкоторыми изъ иностранныхъ графовъ присвоенный ими себѣ титулъ былъ въ то или другое время признанъ русскими государями. Если вообще у насъ графовъ въ настоящее время гораздо менѣе, чѣмъ князей, то въ отношеніи своего происхожденія титулъ этотъ представляетъ такую же пестроту, какъ и княжескій.

Первымъ графомъ въ Россіи оказывается фельдмаршалъ генералъ-адмиралъ, бояринъ и посольскихъ дѣлъ президентъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ, а послѣ него гвардейской бомбардирской роты подпоручикъ Александръ Даниловичъ Меньшиковъ, а затѣмъ посольскихъ дѣлъ президентъ Гавріилъ Ивановичъ Головкинъ. Всѣ трое, однако, не были «русскими» графами, такъ какъ графскій титулъ былъ пожалованъ: Головину 16-го ноября 1701 года и Меньшикову въ 1702 году римско-нѣмецкимъ императоромъ Леопольдомъ I, а Головкину въ 1707 году императоромъ Іосифомъ I. Первымъ же собственно русскимъ графомъ былъ фельдмаршалъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, получившій графскій титулъ отъ

Петра Великаго въ 1706 году въ награду за усмиреніе стрѣлецкаго бунта въ Астрахани.

Въ 1709 году, Петръ далъ графскій титулъ канцлеру Гавріилу Ивановичу Головкину, имѣвшему уже такой титулъ съ 1706 года, по пожалованію отъ римско-нѣмецкаго императора Іосифа I. Въ 1710 году, Петръ былъ почему-то особенно щедръ на раздачу графскихъ титуловъ. Въ этомъ году были пожалованы имъ графами: бояринъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ, генералъ-адмиралъ Ѳедоръ Матвѣевичъ и бояринъ Петръ Матвѣевичъ Апраксины и бывшій учитель царя Никита Моисеевичъ Зотовъ, съ распространеніемъ этого титула и на его нисходящее потомство. Но по смерти Зотова, въ 1717 году, дѣтямъ и внукамъ его запрещено было именоваться графами. Титулъ этотъ былъ, однако, возвращенъ его потомкамъ въ 1803 году, при бракѣ одного изъ правнуковъ Никиты Моисевича съ княжною Еленою Алексѣевной Куракиной. Затѣмъ Петръ возвелъ въ графское достоинство: въ 1721 году, генералъ-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюсса, въ 1722 году оберъ-шенка статскаго совѣтника Андрея Матвѣевича Апраксина и въ 1722 году дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Петра Андреевича Толстаго, но въ 1727 году Толстой, по непріязни къ нему Меньшикова, былъ лишенъ графскаго достоинства, которое было возвращено только внукамъ его въ 1760 году. Такимъ образомъ отъ Петра Великаго девять лицъ получили графскій титулъ.

Екатериною I возведены были въ графское достоинство: генералъ-маіоръ Девьеръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Рейнгольдъ, бригадиръ Карлъ и дворянинъ Фридрихъ Левенвольде и два брата Скавронскіе, Карлъ и Ѳедоръ. Изъ числа этихъ лицъ Девьеръ, въ 1727 году, былъ лишенъ графскаго титула, который былъ возвращенъ ему въ 1743 году императрицею Елисаветою. Императоръ Петръ II пожаловалъ графомъ одного только Миниха, бывшаго въ то время с.-петербургскимъ генералъ-губернаторомъ. Императрица Анна Ивановна пожаловала графскій титулъ: въ 1730 году московскому генералъ-губернатору Ѳедору Васильевичу Салтыкову и вице-канцлеру барону Андрею Ивановичу Остерману, въ 1731 году—оберъ-шталмейстеру Ягужинскому, въ 1732 году—московскому генералъ-губернатору Семену Андреевичу Салтыкову, въ 1739 году фельдмаршалу Ласси и въ 1740 году генералъ-маіору Александру Романовичу Брюсу. Отъ императрицы Елисаветы Петровны получили, въ 1742 году, графскій титулъ: ея двоюродные по матери братья и сестры Ефимовскіе, Гендриковы, Андрей и Иванъ Симоновичи, и ихъ родные сестры, дѣвицы Марія и Марѳа, и Скавронскіе. Графскій титулъ былъ пожалованъ также генералъ-аншефу Григорью Петровичу Чернышеву и тайному совѣтнику Петру Михайловичу Бестужеву-Рюмину, а въ 1744 году—оберъ-егермейстеру Алексѣю Григорьевичу Разумовскому и брату его

камеръ-юнкеру Кириллу, начальнику тайной канцеляріи Ушакову и генералъ-аншефу Александру Ивановичу Румянцеву. Въ 1746 году, былъ данъ графскій титулъ генералъ-поручикамъ Александру и Петру Ивановичамъ Шуваловымъ, а въ 1760 году — фельдмаршалу Александру Борисовичу Бутурлину, на словахъ, безъ всякаго письменнаго заявленія.

Въ продолжительное царствованіе Екатерины II нѣсколько лицъ изъ русскихъ подданныхъ, имѣвшія невысокіе чины или даже вовсе ихъ не имѣвшіе, получили графское достоинство отъ иностранныхъ государей; но сама государыня пожаловала титулы графовъ Россійской имперіи сравнительно весьма немногимъ. Такъ ею были пожалованы графами: камергеръ Иванъ, генералъ-поручикъ Григорій, генералъ-маіоръ Алексѣй и камеръ-юнкеры Ѳедоръ и Владиміръ Григорьевичи Орловы, въ 1767 году — дѣйствительный тайный совѣтникъ Никита Ивановичъ и генералъ-аншефъ Петръ Ивановичъ Панины, въ 1775 году — президентъ военной коллегіи Григорій Александровичъ Потемкинъ; въ 1789 году — генералъ-аншефъ Александръ Васильевичъ Суворовъ съ наименованіемъ «Рымникскій»; въ 1790 году — генералъ-аншефъ Николай Ивановичъ Салтыковъ; въ 1793 году — генералъ-аншефы: Михаилъ Никитичъ Кречетниковъ и Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ, и генералъ-поручикъ баронъ Ферзенъ.

Въ противоположность той малочисленности по пожалованію графскаго титула, какою отличалось слишкомъ тридцати-четырехлѣтнее царствованіе императрицы Екатерины II, преемникъ ея, императоръ Павелъ Петровичъ, явилъ въ этомъ отношеніе впродолженіе съ небольшимъ четырехлѣтняго царствованія необычайную щедрость. Черезъ шесть дней послѣ своего воцаренія онъ далъ графскій титулъ генералъ-маіору Алексѣю Григорьевичу Бобринскому, а затѣмъ, въ день своего коронованія, 5-го апрѣля 1797 года, онъ пожаловалъ графами «Россійской имперіи» бывшихъ уже графами Римской имперіи — троихъ Воронцовыхъ, Безбородко, генералъ-лейтенанта Дмитріева-Мамонова, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Петра, бригадира Якова и статскаго совѣтника Илью Васильевичей Завадовскихъ. Былъ также пожалованъ въ этотъ день «русскимъ» графомъ генералъ-лейтенантъ, прусскій графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Буксгевденъ, а также возведены прямо въ графское достоинство Россійской имперіи: фельдмаршалъ Каменскій, генералъ-отъ-инфантеріи Каховскій, Гудовичъ и тайный совѣтникъ Мусинъ-Пушкинъ. Затѣмъ впродолженіе своего царствованія Павелъ Петровичъ возвелъ въ графское достоинство въ 1798 году трехъ братьевъ Сиверсовъ, за заслуги старшаго изъ нихъ, и оберъ-камергера Александра Григорьевича Строганова, имѣвшаго сперва баронскій титулъ, пожалованный фамиліи Строгановыхъ Петромъ Великимъ, а потомъ получившаго титулъ графа Римской имперіи.

Въ слѣдующемъ году были пожалованы графами: с.-петербургскій генералъ-губернаторъ баронъ Паленъ, адмиралъ Кушелевъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Ростопчинъ, наказной атаманъ войска Донскаго Денисовъ, вице-канцлеръ Кочубей, генералъ-лейтенантъ Аракчеевъ, егермейстеръ Кутайсовъ, имѣвшій уже пожалованный ему Павломъ титулъ «россійскаго» барона, и генералъ-лейтенантъ «французскій» графъ Ланжеронъ.

Императоръ Александръ Павловичъ въ день своей коронаціи возвелъ въ графское достоинство государственнаго казначея Алексѣя Ивановича Васильева, имѣвшаго уже, какъ и Кутайсовъ, баронскій титулъ, генерала-отъ-инфантеріи Татищева и семейство Протасовыхъ. Въ 1809 году отъ императора Александра I получили графскій титулъ: генералъ-маіоръ Михаилъ Васильевичъ Гудовичъ, а также и братья его; въ 1811 году — генералъ-отъ-инфантеріи Голенищевъ-Кутузовъ, будущій фельдмаршалъ и свѣтлѣйшій князь Смоленскій. Замѣчательно, что война 1812—1814 года не ознаменовалась особенными пожалованіями графскихъ титуловъ. Такой титулъ получилъ только наказной атаманъ Платовъ, а въ 1813 году генералы-отъ-инфантеріи Милорадовичъ и Барклай-де-Толли, и генералъ-отъ-кавалеріи Беннигсенъ. Въ слѣдующіе же за тѣмъ годы, императоръ Александръ Павловичъ возвелъ въ графское достоинство: московскаго военнаго генералъ-губернатора Тормасова (1816 г.), генераловъ-отъ-инфантеріи Ламздорфа и Вязмитинова (1818 г.), генералъ-адъютанта Коновницына, министра финансовъ и удѣловъ Гурьева (1819 г.) и въ 1821 году — генерала-отъ-инфантеріи барона Фабіана Остенъ-Сакена.

Первымъ изъ получившихъ отъ императора Николая Павловича графскій титулъ былъ командиръ лейбъ-гвардіи коннаго полка Алексѣй Өедоровичъ Орловъ, возведенный впослѣдствіи въ княжеское достоинство. Въ день коронаціи пожалованы были графами: военный министръ Татищевъ, генералъ-лейтенантъ, впослѣдствіи военный министръ и свѣтлѣйшій князь, Чернышевъ, генералъ-лейтенантъ Курута, русскій посолъ въ Парижѣ Поццо-ди-Борго и дѣйствительный тайный совѣтникъ баронъ Григорій Александровичъ Строгановъ. Въ 1827 году, былъ возведенъ въ графское достоинство генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ, впослѣдствіи фельдмаршалъ, получившій наименованіе «Забалканскаго». Въ 1828 году, данъ былъ титулъ графа Эриванскаго командиру кавказскаго корпуса Паскевичу, будущему фельдмаршалу и свѣтлѣйшему князю Варшавскому. Въ 1829 году, получили графскій титулъ: генералъ-адъютантъ баронъ Толь, инженеръ-генералъ Опперманъ и министръ финансовъ Канкринъ, а въ 1831 году — генералъ-адъютантъ Васильчиковъ, пожалованный, спустя семь лѣтъ, княземъ. Членъ государственнаго совѣта генералъ-адъютантъ Павелъ Васильевичъ Голенищевъ-Кутузовъ и шефъ корпуса жандармовъ Бенкендорфъ

получили графское достоинство въ 1832 году. Изъ генералъ-губернаторовъ двое были императоромъ Николаемъ пожалованы графами: с.-петербургскій—Эссенъ и кіевскій—Левашевъ, оба въ 1832 году. Наибольшее число пожалованій приходилось на личный составъ государственнаго совѣта. Такъ получили по этому учрежденію графскій титулъ: предсѣдатель департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ адмиралъ Мордвиновъ (1834 г.), предсѣдатель государственнаго совѣта Новосильцевъ (1835 г.), предсѣдатель департамента законовъ Сперанскій (1839 г.) и предсѣдатель того же департамента Блудовъ. Изъ министровъ, кромѣ упомянутыхъ выше Татищева и Канкрина, пожалованы были графами: государственныхъ имуществъ Киселевъ (1839 г.), народнаго просвѣщенія Уваровъ (1846 г.), финансовъ Вронченко и внутреннихъ дѣлъ Перовскій, оба въ 1849 году. Получили также графскій титулъ: въ 1839 году, дежурный генералъ военнаго министерства Клейнмихель, въ 1843 году дѣйствительный статскій совѣтникъ Корвинъ-Коссаковскій и каменецъ-подольскій губернскій предводитель дворянства Пршездецкій. Впрочемъ, титулъ этотъ былъ данъ ему только лично, безъ распространенія на его потомство. Въ 1847 году возведены были въ графское достоинство главноначальствующій надъ почтовымъ департаментомъ В. Ѳ. Адлербергъ, инспекторъ резервной кавалеріи Никитинъ и командиръ 3-го пѣхотнаго корпуса Ридигеръ.

Первымъ изъ получившихъ графскій титулъ отъ императора Александра II былъ командиръ 4-го пѣхотнаго корпуса баронъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ. Титулъ этотъ былъ данъ ему за блистательное участіе въ геройской оборонѣ Севастополя 10-го апрѣля 1855 года; 17-го апрѣля того же года, былъ возведенъ въ графское достоинство оренбургскій и самарскій генералъ-губернаторъ В. А. Перовскій, а въ декабрѣ того же года — вице-адмиралъ Путятинъ, бывшій потомъ министромъ народнаго просвѣщенія. Въ день коронаціи императора Александра II, возведены были въ графское достоинство: оберъ-гофмейстеръ Олсуфьевъ, оберъ-камергеръ Рибопьеръ и генералъ-адъютантъ Сумароковъ. Въ послѣдующее за тѣмъ время этой награды удостоились: флигель-адъютантъ полковникъ Б. А. Перовскій, генералъ-адъютанты: Евдокимовъ, Литке, Лидерсъ, Граббе, Н. Н. Муравьевъ съ наименованіемъ «Амурскій», генералъ-губернаторъ Сѣверо-Западнаго края М. Н. Муравьевъ, Коцебу, Лорисъ-Меликовъ и П. Н. Игнатьевъ, бывшій предсѣдатель комитета министровъ. Министры: почтъ и телеграфовъ И. М. Толстой и внутреннихъ дѣлъ Ланской, посолъ при лондонскомъ дворѣ баронъ Бруновъ, членъ государственнаго совѣта баронъ Корфъ, военный министръ Милютинъ, генералъ-адъютантъ Тотлебенъ, предсѣдатель комитета министровъ П. А. Валуевъ и товарищъ генералъ-фельдцейхмейстера Баранцевъ.

Графское достоинство Россійской имперіи получали также прямо и притомъ съ распространеніемъ на потомство и лица женскаго пола. Такъ возведены были въ это достоинство: императоромъ Павломъ статсъ-дама баронесса Ливенъ, получившая впослѣдствіи, при императорѣ Николаѣ, княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлости; императоромъ Александромъ Павловичемъ—вдова дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Протасова; императоромъ Николаемъ Павловичемъ—статсъ-дама Баранова и императоромъ Александромъ Николаевичемъ—вдова генералъ-адъютанта Ростовцева.

Всѣ тѣ случаи пожалованія, о которыхъ мы говорили, относятся только къ пожалованію графскаго достоинства «Россійской имперіи», но, независимо отъ этого, русскіе государи, какъ цари польскіе и великіе князья финляндскіе, жаловали иногда графскіе титулы особо по этимъ владѣніямъ. Такъ, напримѣръ, московскій генералъ-губернаторъ Закревскій и намѣстникъ царства Польскаго Бергъ были графами не Россійской имперіи, но только великаго княжества Финляндскаго. Кромѣ того, въ Россіи находится немало «иностранныхъ» графовъ, получившихъ этотъ титулъ или до вступленія ихъ предковъ въ русское подданство, или послѣ того, отъ разныхъ иностранныхъ государей, а также и существовавшихъ въ былое время республикъ Венеціанской и Рагузской. Но перечисленіе этихъ фамилій, отчасти признанныхъ въ графскомъ достоинствѣ въ Россіи, а отчасти еще нѣтъ, было бы очень продолжительно. Вообще же объ иностранныхъ титулахъ мы скажемъ далѣе.

Изъ приведеннаго здѣсь перечня русско-графскихъ фамилій видно, что изъ лицъ, получившихъ графское достоинство въ Россіи, было немало лицъ, принадлежавшихъ къ древнимъ дворянскимъ фамиліямъ. Въ числѣ такихъ лицъ были: Шереметевъ, Толстой, Апраксины, Салтыковы, Бутурлины, Шуваловы, Панины, Воронцовы, Дмитріевы-Мамоновы, Мусины-Пушкины, Строгановы, Татищевы, Голенищевы-Кутузовы, Коновницынъ, Васильчиковъ, Муравьевы и Валуевъ. Затѣмъ большая часть или были люди «случайные», или изъ средняго дворянства, или занимавшіе по рожденію очень скромное положеніе. Порядокъ пожалованія графскимъ титуломъ не соблюдался особенно въ прошломъ столѣтіи, иногда онъ представлялся первостепенною, а иногда какъ бы среднею только наградою. Въ нынѣшнемъ же столѣтіи графскій титулъ былъ въ большой части случаевъ жалуемъ тѣмъ генераламъ и гражданскимъ сановникамъ, которые уже имѣли орденъ Андрея Первозваннаго, хотя исключенія изъ такого порядка бывали нерѣдко.

Замѣтимъ также, что встрѣчаются извѣстія и объ уклоненіи нѣкоторыхъ лицъ отъ полученія графскаго титула. Такими лицами были: извѣстный генералъ 1812 года Раевскій, А. П. Ермоловъ и Нарышкины. Эти послѣдніе отказались, впрочемъ, не только

отъ графскаго, но и княжескаго титула. Такой отказъ объясняется исключительностію ихъ положенія въ царствованіе Петра I, Петра II и Елисаветы Петровны, когда они, по близкому родству съ Петромъ I, считались какъ бы членами царскаго дома и во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ занимали первенствующее мѣсто среди всѣхъ вельможъ и царедворцевъ, не смотря даже иной разъ на ихъ невысокую чиновность.

Въ добавокъ къ этому, упомянемъ еще объ одномъ весьма своеобразномъ титулѣ—о титулѣ кесаря съ титуломъ «величества». Титулъ этотъ пожалованный Петромъ Великимъ князю Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому употреблялся и въ правительственной переписке и отъ князя Ѳедора перешелъ къ сыну его князю Ивану Ѳедоровичу, умершему въ 1730 году. Несомнѣнно однако, что титулъ этотъ былъ шуточный, какъ и титулъ князя-папы. Императоръ Павелъ, передавая фамилію и титулъ князей Ромодановскихъ генералъ-поручику Ладыженскому, не предоставилъ вмѣстѣ съ тѣмъ ему титулъ «кесаря», но тѣмъ не менѣе дозволилъ ему употреблять придворную ливрею—право, которымъ пользовался «кесарь», его дѣдъ.

V.

Титулы свѣтлости и сіятельства.

Въ дополненіе къ княжескому и графскому достоинствамъ у насъ существуютъ особые титулы, или такъ называемые «предикаты», что порусски можно перевести словомъ величаніе: «свѣтлость» и «сіятельство». Мы уже упоминали о тѣхъ лицахъ, которымъ одновременно съ княжескимъ достоинствомъ или нѣсколько позднѣе послѣ того былъ приданъ титулъ свѣтлости. Но, кромѣ этого, въ видѣ особой награды получили предикатъ свѣтлѣйшихъ и нежалованные, а прирожденные князья. Такіе титулы въ отдѣльности сталъ жаловать только императоръ Николай Павловичъ и ихъ получили: въ 1834 году фельдмаршалъ и министръ императорскаго двора князь Петръ Михайловичъ Волконскій; послѣ него московскій генералъ-губернаторъ князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, и отъ императора Александра Николаевича государственный канцлеръ князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ. Дополнительные эти титулы распространены и на потомство пожалованныхъ ими лицъ. Пофранцузски титулъ этотъ переводится Altesse Serenissime, а понѣмецки Durchlaucht.

Обыкновенно всѣмъ князьямъ придается у насъ титулъ «сіятельства», но это вовсе неправильно, такъ какъ вообще князь самъ по себѣ не имѣетъ еще по закону такого величанія и можетъ пользоваться имъ только по своему чину, но не именоваться сіятельствомъ. Титулъ сіятельства, какъ и титулъ свѣтлости, у насъ вообще для

князей никогда установленъ не былъ, а потому можетъ быть присвоенъ только въ силу особаго, каждый разъ, пожалованія отъ высочайшей власти, и такое пожалованіе совершается обыкновенно при выдачѣ князьямъ, имѣющимъ княжеское достоинство по праву рожденія, при пожалованіи имъ утвердительныхъ грамотъ въ этомъ почетномъ достоинствѣ. Къ такимъ княжескимъ родамъ принадлежатъ, напримѣръ, Долгоруковы, Шаховскіе, Волконскіе и нѣкоторые другіе; но, напримѣръ, князья изъ мордвы, не имѣютъ права на величаніе «сіятельствомъ», если въ данныхъ имъ грамотахъ они сами или вообще родъ ихъ не признанъ «сіятельными» князьями. Между тѣмъ, такъ какъ такое вполнѣ законное различіе между простымъ княземъ и княземъ сіятельнымъ мало кому извѣстно вообще, и еще менѣе можетъ быть извѣстно относительно каждаго рода или каждаго отдѣльнаго лица, то и установился у насъ обычай всѣхъ вообще князей и графовъ,—если только первые не имѣютъ завѣдомо титула свѣтлости,—величать сіятельствомъ. Въ Германіи, напримѣръ, при незначительномъ тамъ числѣ княжескихъ фамилій различіе это соблюдается строго.

Такая неправильность примѣняется у насъ вообще и къ иностраннымъ князьямъ и графамъ, и исключеніе вполнѣ основательно сдѣлано лишь въ отношеніи Демидова, имѣвшаго пожалованный ему королемъ итальянскимъ титулъ князя Санъ-Донато; покойнаго Демидова, какъ и слѣдовало, не величали ни свѣтлостью, ни сіятельствомъ, а только соотвѣтственно его чину. Дѣйствительно, если въ самой Италіи «il principe»,—по нашему «князь»,—не имѣетъ, безъ особаго пожалованія, никакого предиката, и если этотъ послѣдній не присвоенъ былъ Демидову при дозволеніи ему именоваться княземъ въ Россіи, то не было никакого повода придавать ему такое особое величаніе, на какое самъ по себѣ, безъ высочайшаго соизволенія, не имѣетъ права и русскій князь, хотя бы онъ по происхожденію былъ Рюриковичъ или Гедиминовичъ и княжеское его достоинство не подлежало бы ни малѣйшему сомнѣнію.

Замѣчаніе наше на счетъ титула сіятельства примѣняется вполнѣ къ иностраннымъ графамъ вообще. Даже при высочайше данномъ кому либо дозволеніи пользоваться въ Россіи графскимъ титуломъ, онъ не вносится, при составленіи «Общаго Гербовника», въ тотъ его отдѣлъ, въ который вносятся роды, получившіе почетные титулы отъ русскихъ государей, но помѣщается во второй отдѣлъ или въ третій, на ряду съ нетитулованными родами, и только дѣлается замѣтка, что они имѣютъ иностранный титулъ такого-то и такого-то государства, а затѣмъ на причисленіе къ русскому титулованному дворянству требуется особое высочайшее соизволеніе. Кромѣ того, графы ни прежняго французскаго королевства, ни двухъ французскихъ имперій, не пользовались и у себя дома никогда никакимъ предикатомъ. То же слѣдуетъ сказать о графахъ всѣхъ дру-

гихъ государствъ, весь титулъ которыхъ ограничивался только «господинъ графъ»—monsieur le comte, il signore conte. Даже въ Германіи, гдѣ графскій титулъ пользуется бо̀льшимъ, чѣмъ въ другихъ государства̀хъ, почетомъ, лишь нѣкоторымъ графскимъ родамъ присвоенъ предикатъ «сіятельства»—Erlaucht—это тѣ старинныя нѣмецкія графскія фамиліи, члены которыхъ въ старину носили названіе «comites illustrissimi» и за которыми титулъ этотъ былъ утвержденъ сеймомъ бывшаго германскаго союза 13-го февраля 1829 года. Всѣ же остальные графы довольствуются—да и то въ видѣ вѣжливаго, а не обязательнаго обращенія—величаніемъ «высокоблагородія», т. е. Hochwohlgeboren. При первыхъ у насъ пожалованіяхъ графскихъ титуловъ лицамъ, получавшимъ ихъ, присвоивали только предикатъ «высокоблагородіе». Между тѣмъ при Петрѣ всѣ сенаторы, безъ различія, былъ ли онъ графъ или князь, титулуемы были «сіятельствомъ».

Говоря о примѣненіи у насъ къ иностраннымъ графскимъ титуламъ величанія «сіятельствомъ», должно замѣтить слѣдующую непослѣдовательность. Въ русскомъ подданствѣ состоитъ нѣсколько фамилій, какъ, напримѣръ, де-Траверсе, Паулучи, за которыми признаётся русскимъ правительствомъ не употребляемый у насъ вообще титулъ «маркизовъ», но при сношеніяхъ съ ними ни въ казенной, ни въ частной перепискѣ имъ не придается «сіятельства». Между тѣмъ маркизъ или маркграфъ одной степенью выше графа. Изъ этого слѣдуетъ, что если у насъ всѣхъ графовъ, и между ними и иностранныхъ, чествуютъ «сіятельствомъ», то тѣмъ соотвѣтственнѣе придавать такое величаніе и всѣмъ маркизамъ.

VI.

Баронскій титулъ.

Древній титулъ «барона» (по-латини baro) былъ въ Западной Европѣ, въ теченіе среднихъ вѣковъ, самымъ почетнымъ титуломъ. Тамъ въ это время подъ словомъ «баронъ» подразумѣвались не только высшіе государственные чины, но и вообще всѣ феодальные владѣтели, хотя бы они имѣли и герцогскіе, и княжескіе, и маркграфскіе, и графскіе титулы. Во время крестовыхъ походовъ титулъ этотъ былъ занесенъ на Востокъ и тамъ пріобрѣлъ такой большой почетъ, что и донынѣ среди армянъ, живущихъ въ Россіи и въ Турціи, титулъ барона считается высшимъ отличіемъ, такъ какъ тамъ съ названіемъ барона сохранилась память о прославившихся крестоносныхъ вождяхъ, отнявшихъ Іерусалимъ отъ невѣрныхъ.

У насъ, на Руси, какъ въ странѣ чуждой всякой феодальной закваскѣ, никогда никакихъ бароновъ не могло быть и въ заводѣ.

Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе сношеній разнаго рода русскихъ съ нѣмецкими рыцарями, завоевавшими южно-восточное побережье Балтійскаго моря, въ старинныхъ нашихъ рукописныхъ памятникахъ упоминается о баронахъ, которыхъ стали называть у нѣмцевъ «фрейгерами» (Freiherr), а порусски стали переводить это слово «вольный господинъ». Такой переводъ былъ вѣренъ не только буквально, но и по тому значенію, какое имѣетъ «фрейгеръ», будучи владѣльцемъ помѣстья, не зависившимъ ни отъ кого, кромѣ государя или примѣнительно къ тевтонскому ордену отъ его гермейстера.

Между тѣмъ въ Западной Европѣ титулъ барона не только началъ утрачивать постепенно свое прежнее значеніе, но и приходить въ пренебреженіе. Бароновъ, — только по дипломамъ, а не по поземельнымъ владѣніямъ,—расплодилось очень много, особенно когда прежніе мелкіе германскіе владѣтели присвоили себѣ право раздавать баронскій титулъ. Наконецъ, титулъ этотъ потерялъ въ общественномъ мнѣніи всякое уваженіе, когда имъ стали украшаться всякіе проходимцы, а также и разбогатѣвшіе евреи. Въ настоящее время такихъ бароновъ очень много и во Франціи, и въ Италіи, и въ Германіи, преимущественно же въ Австріи.

Что̀ касается бароновъ, находящихся въ Россіи, то ихъ можно раздѣлить на три разряда: на бароновъ, получившихъ этотъ титулъ отъ русскихъ государей; на бароновъ, пожалованныхъ этимъ титуломъ иностранными государями, и на бароновъ, носящихъ этотъ титулъ вслѣдствіе своего стариннаго нѣмецко-дворянскаго происхожденія, безъ особаго пожалованія.

До Петра Великаго «русскихъ бароновъ» вовсе не было. Первымъ изъ нихъ былъ пожалованъ, въ 1710 году, подканцлеръ Шафировъ, внукъ крещеннаго еврея. Въ 1721 году, Петръ далъ русско-баронскій титулъ тайному совѣтнику Остерману, сыну нѣмецкаго пастора, за заключеніе Ништадтскаго мира. Затѣмъ, въ 1722 году, были Петромъ пожалованы въ бароны три брата Строгановыхъ, носившіе до этого времени званіе именитыхъ людей и не числившіеся не только среди московскаго боярства, но и среди служилаго дворянства.

Екатерина I, въ 1726 году, пожаловала барономъ Луку Четихина, по преданію любимаго своего карлика, а въ слѣдующемъ году выдала дипломъ на баронство тремъ братьямъ Соловьевымъ, происходившимъ изъ мѣщанскаго сословія, которыхъ еще Петръ I, за услуги ихъ по торговой части, обѣщалъ пожаловать въ бароны. При Петрѣ II были возведены въ бароны: Констансъ, камердинеръ государя, и камеръ-юнкеръ Поспѣловъ. Елисавета Петровна пожаловала баронство только одному, а именно тайному совѣтнику Черкасову.

Екатерина II была довольно щедра на раздачу баронскаго титула. При ней получили его въ 1769 году англичанинъ, лейбъ-медикъ Димздель и второй его сынъ, съ соблюденіемъ въ этомъ случаѣ англійскаго порядка по наслѣдованію почетныхъ титуловъ, т. е. съ переходомъ его по праву первородства въ нисходящемъ потомствѣ каждаго изъ пожалованныхъ лицъ. Въ 1773 году, получилъ отъ Екатерины II баронскій титулъ банкиръ Фредериксъ, русскій резидентъ при дворѣ князя-епископа любскаго, Местмахеръ, генералъ-маіоръ Спренгпортенъ и въ 1789 году, выслужившійся изъ волноопредѣлившихся до чина генералъ-аншефа, Меллеръ, причемъ къ прежнему его прозванію было, по пожалованному ему помѣстью за рѣкою Комелью, прибавлено прозваніе Закомельскій.

Императоръ Павелъ Петровичъ, любившій, — какъ замѣчено выше, — раздавать почетные титулы, пожаловалъ, въ день своего коронованія, 5-го апрѣля 1797 года, баронами: государственнаго казначея, тайнаго совѣтника Васильева и с.-петербургскаго коменданта Аракчеева, а въ 1799 году, егермейстера Кутайсова. Всѣ эти бароны были впослѣдствіи графами. Кромѣ ихъ, Павелъ въ 1800 году въ одинъ день пожаловалъ баронами трехъ придворныхъ банкировъ, а именно: московскаго купца Роговикова, португальца Велъо и нѣмца Раля.

При императорѣ Александрѣ Павловичѣ былъ пожалованъ барономъ только одинъ — дѣйствительный тайный совѣтникъ и сенаторъ Колокольцевъ, потомокъ татарскаго рода. Современники его передавали, что Колокольцеву очень желательно было получить графское достоинство, и что молодые люди, — это было въ 1801 году, — окружавшіе государя, желая подшутить надъ искательнымъ честолюбцемъ, внушили государю мысль пожаловать его совершенно неожиданно барономъ, а онъ съ своей стороны былъ крайне огорченъ, какъ насмѣшкою, такою наградою, которая только что передъ этимъ дана была съ разу тремъ банкирамъ и которая не подходила къ его высокому чину и важному въ то время сенаторскому званію. Огорченный сановникъ обреченъ былъ просуществовать барономъ семнадцать лѣтъ, до конца своей жизни.

Императоръ Николай Павловичъ пожаловалъ баронскій титулъ тоже одному только лицу — придворному банкиру Штиглицу въ день своей коронаціи, 22-го августа 1826 года, а императоръ Александръ Николаевичъ далъ баронскій титулъ: извѣстному суконному фабриканту въ царствѣ Польскомъ Захерту, придворному банкиру Фелейзену и главѣ с.-петербургскаго купеческаго дома Кусову, въ столѣтнюю годовщину этого дома.

Частое пожалованіе въ Россіи баронами лицъ купеческаго званія породило у насъ ошибочное мнѣніе, будто первенствующій представитель торговаго дома и потомство этого представителя, если такой домъ просуществуетъ сто лѣтъ, имѣютъ «по закону» право

на полученіе баронскаго титула. Между тѣмъ, такого закона не существуетъ, да и никогда не существовало.

Другой разрядъ бароновъ, находящихся въ русскомъ подданствѣ, — это бароны, получившіе баронскій титулъ, хотя тоже отъ русскихъ государей, но только по великому княжеству Финляндскаго. Пожалованы были такими баронами десять лицъ, а послѣдній изъ нихъ получившій такой титулъ былъ министръ статсъ-секретарь по великому княжеству Финляндскому тайный совѣтникъ Бруннъ. Титулъ этотъ данъ былъ ему въ день коронаціи нынѣ царствующаго государя императора.

Кромѣ того, существуютъ у насъ немало, въ общей сложности, бароновъ прежней Римской и нынѣшней Австрійской имперій, бывшей первой Французской имперіи и королевствъ Шведскаго и Сардинскаго, а также бароны нѣкоторыхъ мелкихъ германскихъ государствъ. Пожалованіе иностраннаго баронскаго титула не даетъ правъ на дворянство въ Россіи, и, напримѣръ, бароны Гауфъ и Гинцбургъ оставались въ званіи потомственныхъ почетныхъ гражданъ, въ какомъ они состояли до полученія титула, которымъ имъ только было дозволено пользоваться въ Россіи. Такое дозволеніе, но не «утвержденіе» кого либо въ какомъ либо почетномъ титулѣ не дѣлаетъ никого въ Россіи обязательнымъ употреблять этотъ титулъ въ сношеніяхъ съ тѣмъ, кто имѣетъ имъ право пользоваться.

Наконецъ, къ третьему разряду бароновъ изъ русскихъ подданныхъ слѣдуетъ отнести многочисленныхъ бароновъ изъ Остзейскихъ провинцій. Тамъ, кромѣ тѣхъ дворянскихъ фамилій, которыя носятъ полученный отъ разныхъ государей общій баронскій, а не исключительно нѣмецкій фрейгерскій титулъ, есть еще свои мѣстные бароны, право которыхъ на этотъ титулъ истекаетъ изъ особаго историческаго начала. Въ отношеніи къ нѣмецкому прибалтійскому дворянству, русское правительство сдѣлало въ сущности то же самое, что сдѣлало австрійское правительство въ отношеніи къ польскому дворянству въ Галиціи.

По присоединеніи этого края къ наслѣдственнымъ владѣніямъ Габсбургскаго дома, австрійское правительство для привлеченія на свою сторону польскаго дворянства узаконило, что тѣ польскіе шляхетскіе роды, въ числѣ прямыхъ предковъ которыхъ былъ «старôста», т. е. владѣлецъ имѣнія, отданнаго во временное пользованіе королемъ, имѣютъ право на графскій титулъ по королевству Галиційскому. Вслѣдствіе этого у насъ находится немало австро-польскихъ графовъ. Въ свою очередь и русское правительство по отношенію къ нѣмецко-прибалтійскому краю, въ 1846 году, постановило, что въ этомъ краѣ имѣютъ право на баронскій титулъ тѣ старинныя дворянскія фамиліи, которыя во время присоединенія къ Россіи Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи записаны были въ

тамошнихъ мѣстныхъ матрикулахъ, т. е. дворянскихъ родословныхъ книгахъ, и потомъ въ указахъ, рескриптахъ и другихъ публичныхъ актахъ именованы были баронскимъ титуломъ. При первомъ изъ этихъ условій, остзейскіе бароны, по древности своего дворянскаго происхожденія, сплошь и рядомъ, могутъ уступать русскимъ дворянамъ, внесеннымъ въ шестую часть дворянской книги, такъ какъ для внесенія въ эту часть нужно доказать дворянство, по крайней мѣрѣ, за двѣсти лѣтъ отъ настоящаго времени, тогда какъ въ остзейскомъ краѣ такой древности не требуется.

Право на баронскій титулъ въ Остзейскомъ краѣ принадлежитъ не только тѣмъ лицамъ, съ ихъ прямымъ потомствомъ, которыя въ упомянутыхъ выше актахъ именовались баронами, но вообще всему ихъ роду, т. е. всѣмъ лицамъ, которыя, нося одну съ ними фамилію, представятъ законныя доказательства о происхожденіи своемъ отъ одного общаго родоначальника, записаннаго въ мѣстныхъ матрикулахъ до присоединенія прибалтійскихъ областей къ Россіи.

Баронскому титулу не придается у насъ никакого дополнительнаго величанія. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что Петръ I въ грамотѣ, данной имъ на баронство тайному совѣтнику Шафирову, наименовалъ его въ ней «превосходительнымъ», но такое величаніе относилось къ нему Шафирову, а не къ жалуемому ему баронскому титулу. Елисавета Петровна въ грамотѣ, данной на такой же титулъ тайному совѣтнику Черкасову, наименовала его въ ней только «высокороднымъ», такъ что понизила его противъ личнаго его величанія, но за то титулъ «высокородія» распространенъ былъ на все его нисходящее потомство, хотя бы оно и было вовсе безчиновное.

Е. Карновичъ.

УПРАЗДНЕНІЕ ДВУХЪ АВТОНОМІЙ [1].

(Отрывокъ изъ воспоминаній о Закавказьѣ).

ГЛАВА IV.

1.

ДЛЯ ВЫЯСНЕНІЯ читателямъ, незнакомымъ съ Кавказомъ, смысла кровавой драмы, розыгравшейся 22-го октября 1857 года въ Кутаисѣ между генералъ-губернаторомъ княземъ Гагаринымъ и сванетскимъ владѣтельнымъ княземъ Константиномъ Дадешкиліани, перенесемся въ самую Сванетію, гдѣ находился запутанный узелъ этой драмы.

Грузинское названіе Сванетія, или Саване, соотвѣтствующее русскому слову убѣжище, дано было этому недоступному горному краю, прилегающему къ южнымъ уступамъ Эльбруса, вѣроятно, вслѣдствіе того, что въ прежнія времена постоянныхъ тревогъ Кавказа въ него убѣгали и прятались люди отъ нашествія и преслѣдованія сильнаго и безпощаднаго врага, а, по словамъ преданія, царица Тамара хранила въ немъ свои сокровища. Подраздѣленный внутри на три части — Вольную, Княжескую и Дадіановскую Сванетіи, онъ прорѣзывается двумя большими рѣками—Ингуромъ и Цхенисъ-Цхали, берущими свое начало изъ горы Пасмты. Въ верховьяхъ своихъ обѣ эти рѣки текутъ по Вольной Сванетіи и затѣмъ, расходясь въ разныя

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XIX, стр. 484.

стороны, Ингуръ проходитъ на сѣверо-западъ черезъ Княжескую, а Цхенисъ-Цхали направляется на юго-западъ и течетъ по Дадіановской Сванетіи; образовавъ на пути своемъ глубокія и обширныя ущелья, онѣ выходятъ въ долины Мингреліи,—первая около селенія Джвары, а вторая у крѣпости Мури.

Сванетія, названная какъ бы въ насмѣшку Вольной, по суровости климата, скудной производительности и доступности лишь въ теченіе трехъ мѣсяцевъ въ году, когда проходы ея не бываютъ покрыты снѣгомъ, болѣе всего страна невольная и безусловно зависитъ отъ своихъ сосѣдей, могущихъ, если захотятъ, не давать изъ нея выхода населенію ея, состоящему изъ двѣнадцати отдѣльныхъ обществъ, разбросанныхъ по глубокимъ горнымъ котловинамъ. Говорили, что одно изъ этихъ обществъ не имѣло съ остальнымъ міромъ инаго способа сообщенія, какъ по веревкѣ, на конецъ которой привязывалась корзина и въ ней спускался человѣкъ на блокѣ. Да и всѣхъ-то вообще выходовъ изъ Вольной Сванетіи только три: одинъ черезъ Княжескую, другой черезъ Дадіановскую и третій черезъ главный хребетъ въ Карачай.

Княжеская Сванетія, лежащая ниже Вольной, начинается горными пастбищами и, спускаясь по ущельямъ, доходитъ до полосы, на которой воздѣлывается уже кукуруза. Въ такихъ же почти физическихъ условіяхъ находится и Дадіановская Сванетія, не имѣющая изъ себя другаго выхода, какъ единственнаго въ Мингрелію, вслѣдствіе чего и должна была подпасть подъ полную зависимость Дадіановъ. Княжеская Сванетія спаслась отъ такой же зависимости только тѣмъ, что природа открыла ей, кромѣ Ингурскаго ущелья, выходъ черезъ Далъ и Цебельду въ Абхазію; это и способствовало роду Дадешкиліановъ, происходящему отъ Шамхала Тарковскаго, сдѣлаться тутъ независимыми владѣтелями. Преданіе говоритъ, что на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ теперь 12 обществъ Вольной Сванетіи, жили прежде вассалы князей Дадешкиліановъ; но, возмутившись однажды, они убили своего владѣтеля, за что и были поголовно истреблены его дѣтьми. Обезлюдивъ это мѣсто, Дадешкиліаны назвали его вольнымъ, въ смыслѣ полнаго отсутствія въ немъ населенія, котораго они не желали вовсе допускать тутъ снова; но съ теченіемъ времени въ пустыя горныя трущобы набрались таки опять свѣжіе пришлецы—сбродъ бѣглецовъ и отверженцовъ со всѣхъ мѣстъ Кавказа и, поселившись въ брошенныхъ башняхъ, имѣющихъ видъ гнѣздъ, составили существующія нынѣ двѣнадцать обществъ Вольной Сванетіи. Преданіе это, при ближайшемъ знакомствѣ съ бытомъ дикарей этого уголка, не лишено вѣроятія. Владѣлецъ каждой башни никого на свѣтѣ выше себя не признаетъ и никому не подчиняется, а всѣ столкновенія разрѣшаетъ съ оружіемъ въ рукахъ. У каждаго поэтому идутъ счеты по кровомщенію. Общее дѣло бываетъ лишь, когда вла-

дѣльцы этихъ башенъ сходятся для случайнаго грабежа. Дѣло кончено, добыча подѣлена и опять всѣ разошлись. Словомъ примитивная разбойничья организація.

Но какъ бы то ни было, мы застали этотъ край въ такомъ видѣ въ первой четверти настоящаго столѣтія, когда владѣтель Княжеской Сванетіи, Тенгисъ Дадешкиліанъ, вслѣдъ за Дадіаномъ и Шервашидзе, вступилъ въ подданство Россіи и получилъ также, какъ и они, инвеституру отъ русскаго императора. Въ этихъ трехъ почти одновременно присоединившихся къ намъ автономныхъ владѣніяхъ намъ стала видна почти аналогическая междоусобная рознь членовъ владѣтельскихъ домовъ. Въ Абхазіи съ владѣтелемъ Сеферъ-беемъ интриговалъ Гассанъ-бей; въ Мингреліи съ Леваномъ—Георгій; въ Княжеской Сванетіи съ Тенгисомъ—Татарханъ, и суть этой борьбы заключалась въ библейской распрѣ Исава и Іакова за первородство: младшій братъ домогался во что бы то ни стало сѣсть на мѣсто старшаго. Въ Абхазіи и Мингреліи бо̀льшая степень цивилизаціи смягчала характеръ этой борьбы и въ нихъ лишь изрѣдка появлялись кинжалъ и ядъ, а въ такой примитивной странѣ, какъ Сванетія, борьба свелась на искони существовавшую тутъ канлу (кровомщеніе) и члены владѣтельскаго рода, завязавъ между собою кровавые счеты, не желали оставаться въ долгу другъ у друга и истребляли себя поочередно.

Сынъ Тенгиса, Ціохъ (Михаилъ), побывавшій въ Тифлисѣ, принимавшій, во главѣ своей милиціи, съ особеннымъ отличіемъ участіе въ экспедиціяхъ противъ джигетовъ и шапсуговъ, человѣкъ благоразумный, тяготился какъ канлою (кровомщеніемъ), такъ и постоянными столкновеніями съ своими сосѣдями изъ-за пастбищъ, ему принадлежащихъ. На этихъ пастбищахъ почти ежегодно происходили стычки: мингрельцы, абхазцы и цебельдинцы, высылая на нихъ свои баранты, хотѣли пользоваться ими безплатно, а вольные сванеты, не имѣющіе никакой баранты, появлялись сюда для грабежей и отгона ея къ себѣ. Нужно было собирать за пастьбу чужой баранты пошлину, называвшуюся сабалахо (порусски пошлина за траву), и въ то же время предупреждать разбойничьи нападенія вольныхъ сванетовъ. Ціохъ утомился хлопотливостью и трудностью управы со всѣми этими дѣлами и самъ предложилъ правительству взять у него его владѣніе и ввести русское управленіе. Съ нимъ шли переговоры о размѣрахъ и способѣ вознагражденія его за уступку владѣтельныхъ правъ, но онъ не успѣлъ довести ихъ до конца и умеръ въ 1842 году, еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, оставивъ на рукахъ своей матери Дигорханъ, пятерыхъ малолѣтнихъ сыновей: Константина, Александра, Ислама, Тенгиса (Николая) и Ціоха (Михаила). Старшему изъ нихъ, будущему владѣтелю, Константину, минуло тогда 14 лѣтъ.

Резиденціею владѣтельскою былъ укрѣпленный замокъ Цааръ;

но, такъ какъ вслѣдъ за смертію Ціоха въ этой мѣстности появилась черная оспа, то бабушка отправила своихъ внуковъ съ невѣсткою въ селеніе Худонъ, пограничное съ Мингреліею, а сама осталась въ замкѣ. Не зная ничего о томъ, Отаръ Дадешкиліани, представитель враждебной линіи Татархана, считавшій за собою очередь канлы и желая разомъ покончить со всей владѣтельской семьей, напалъ съ сыномъ своимъ Джамсухомъ и своими приближенными на замокъ. Дигорханъ, захваченная врасплохъ, отчаянно защищалась съ своими людьми, но все было напрасно, замокъ зажгли, старуха погибла въ пламени. Отаръ завладѣлъ замкомъ и восемь мѣсяцевъ хозяйничалъ въ немъ, покуда малолѣтніе Константинъ и Александръ съ своими преданными слугами не выгнали его оттуда. Какое участіе приняло въ этомъ кровавомъ эпизодѣ правительство, мы не знаемъ и можемъ предполагать лишь, что оно было самое поверхностное, такъ какъ Отаръ и сынъ его Джамсухъ остались не тронутыми; быть можетъ, они временно скрывались въ сосѣднемъ немирномъ Далѣ, но о конфискаціи ихъ имущества тоже не было слышно. По отношенію къ владѣтельскому семейству все участіе правительства ограничилось, кажется, тѣмъ, что второй сынъ покойнаго владѣтеля, Александръ, былъ взятъ въ Петербургъ и опредѣленъ въ дворянскій полкъ.

Къ самому же малолѣтнему владѣтелю Константину относились всѣ довольно участливо. Екатерина Александровна Дадіани и сестра ея Грибоѣдова очень его ласкали, когда онъ бывалъ въ Зугдидахъ, учили его танцовать, говорить и писать порусски, хлопотали за него въ Тифлисѣ, куда онъ и самъ ѣздилъ по своимъ дѣламъ. Воронцовъ, назначенный въ 1845 году намѣстникомъ, благосклонно принялъ юношу, обѣщалъ, по достиженіи имъ совершеннолѣтія, исходатайствовать у государя утвержденіе его въ правахъ владѣтельскихъ; жена Воронцова и графиня Шуазель очень заинтересовались его сиротствомъ, трагической исторіей съ его бабушкой, разспрашивали его, любовались имъ.

Но въ то же время пришедшіе въ Тифлисъ депутаты изъ вольныхъ обществъ Сванетіи произвели эффектъ гораздо больщій и къ нимъ отнеслись съ особеннымъ вниманіемъ и сочувствіемъ. Оказывалось, что жители дотолѣ невѣдомой совсѣмъ страны, о которой шли легендарные разсказы, жалуются на разнаго рода насилія, чинимыя имъ Дадіанами и Дадешкиліанами, и сами добровольно отдаютъ себя въ подданство Россіи. Подобный фактъ былъ въ то время событіемъ незауряднымъ, мы тогда не были избалованы удачами на Кавказѣ, и хотя въ газетахъ нашихъ и писались очень длинныя реляціи, въ которыхъ скопища мятежныхъ горцевъ разсѣявались, аулы ихъ сжигались, убыль нашихъ войскъ была самая ничтожная, при значительномъ уронѣ мятежниковъ, но дѣло, всетаки, не двигалось впередъ, и Шамиль съ своими мю-

ридами благодушествовалъ въ Дагестанѣ; а потому извѣстіе о томъ, что двѣнадцать вольныхъ обществъ, не знавшихъ доселѣ никакой власти надъ собой, вдругъ добровольно отдаютъ себя въ подданство русскаго императора, должно было произвести особенное впечатлѣніе на русскую читающую публику. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе, прочитавъ его, увѣрены были, что послѣ такого событія Шамилю не сдобровать, а въ московскомъ англійскомъ клубѣ, по всему вѣроятію, шли оживленные дебаты въ двоякомъ смыслѣ: одни говорили, что давно бы слѣдовало назначить Воронцова на Кавказъ и все было бы покончено, а другіе, всетаки, стояли за то, что безъ Алексѣя Петровича Ермолова никакъ не обойдется... Словомъ появленіе депутатовъ изъ Вольной Сванетіи производило тогда большой эффектъ, отодвинувъ на второй планъ всякія дѣла Дадешкиліановъ. Воронцовъ послалъ въ Вольную Сванетію полковника Бартоломея.

Бартоломей былъ Колумбомъ этой кавказской Лапландіи. По профессіи археологъ и нумизматъ, онъ нашелъ тутъ обильную для себя жатву и составилъ интересное описаніе въ этнографическомъ и археологическомъ отношеніи. Статья его была помѣщена въ запискахъ кавказскаго отдѣла географическаго общества въ сороковыхъ годахъ. Въ описанныхъ имъ обществахъ Вольной Сванетіи онъ нашелъ прекраснаго себѣ чичероне въ лицѣ священника Кутателадзе, перваго здѣсь миссіонера, успѣвшаго въ нѣкоторыхъ обществахъ возстановить христіанство во всей его чистотѣ. Начало его здѣсь относится къ первымъ вѣкамъ нашей эры и слѣдомъ его процвѣтанія служатъ руины древнихъ церквей, постройка которыхъ приписывается царицѣ Тамарѣ, часто посѣщавшей Сванетію. Историческія судьбы Сванетіи надолго изолировали ее отъ сообщенія съ остальнымъ христіанскимъ міромъ и вслѣдствіе того письменность и церковныя книги исчезли мало-по-малу, священство угасло и церковь утратила возможность совершать таинства и священнослуженіе. Сословіе діаконозовъ, потомковъ прежнихъ священниковъ, по устному преданію хранило молитвы и обряды, получившіе крайнее искаженіе, и поддерживало въ народѣ сознаніе необходимости возстановить рано или поздно порванную связь съ православною церковью. Поэтому, когда явился сюда Кутателадзе, сванеты приняли его, какъ апостола, и діаконозы съ великою радостью сдѣлались его учениками. Онъ же и склонилъ эти общества отмѣнить верварскій у нихъ обычай—убивать новорожденныхъ дѣвочекъ. Бартоломей и на мѣстѣ слышалъ жалобы жителей на стѣсненія ихъ сосѣдними владѣтелями, и въ интересахъ новыхъ подданныхъ царя представилъ о необходимости учредить у нихъ должность особаго пристава, что и было вскорѣ устроено.

Мы далеки очень отъ мысли сколько нибудь умалять высокое значеніе миссіонерскаго подвига почтеннѣйшаго протоіерея Кута-

теладзе, дѣйствительно много потрудившагося на пользу церкви и возстановленія христіанства въ Сванетіи. Ему же принадлежала и благая мысль сформировать депутацію отъ вольныхъ обществъ съ прошеніемъ о принятіи ихъ въ русское подданство,— все это прекрасно, но представлять эти общества жертвами насилія сосѣднихъ владѣтелей было бы далеко отъ истины. Мы говоримъ не по слухамъ, мы были сами въ этихъ мѣстахъ и послѣ цѣлаго ряда провѣрокъ собственныхъ впечатлѣній трезвымъ сужденіемъ лицъ, тоже неоднократно посѣщавшихъ вольныя общества Сванетіи, позволимъ себѣ сдѣлать слѣдующую ихъ характеристику.

Представьте себѣ людей, числомъ не болѣе трехъ тысячъ, поселившихся въ мѣстности, имѣющей видъ ящика, открытаго только три мѣсяца въ году, а въ остальные девять мѣсяцевъ запертаго герметически. Почва тутъ не родитъ ничего, кромѣ ржи, иногда и не доспѣвающей, изъ которой гонятъ вонючую водку (араки), да въ теченіе трехъ мѣсяцевъ горы покрываются травою, которою въ это время можетъ питаться баранта и скотина и затѣмъ, кромѣ незначительнаго количества меду, дичи, лисицъ, маленькихъ звѣрковъ, нѣтъ ничего, — буквально ничего.

Три мѣсяца прошли, ящикъ захлопнулся, т. е. снѣгъ все завалилъ, и если люди не сдѣлали запасовъ на предстоящіе 9 мѣсяцевъ, они поневолѣ должны очутиться въ худшемъ положеніи, чѣмъ блокированные въ крѣпости и доведенные до изнуренія голодомъ; тамъ можно, всетаки, выбѣжать къ непріятелю, а тутъ никуда не выбѣжишь. Слѣдовательно, безъ запасовъ нельзя существовать, а откуда же ихъ брать, какъ не у сосѣдей, и притомъ ничего за нихъ не давая по очень простой причинѣ, такъ какъ своего нечего и дать. Какъ же послѣ того брать у сосѣдей, если не тайкомъ и не силою? Назовите вольныхъ сванетовъ какими хотите сантиментальными кличками, а, всетаки, это не мѣшаетъ сущности ихъ хищнической профессіи на счетъ сосѣдей: Карачая, Мингреліи, Княжеской Сванетіи.

Послѣ первой экскурсіи Бартоломея у насъ тамъ было чуть ли не пять не только экскурсій, а военныхъ экспедицій, и если сложить итогъ сороколѣтнихъ расходовъ, употребленныхъ на нихъ, и цѣнность пограбленнаго у сосѣдей и потребленнаго вольными сванетами, то, право, обошлось бы дешевле купить всѣмъ тремъ тысячамъ вольныхъ сванетовъ большой домъ и поселить ихъ тамъ, обезпечивъ ихъ пожизненнымъ продовольствіемъ.

Мы позволимъ себѣ забѣжать немного впередъ, чтобы разсказать финалъ экспедиціи 1859 года, подъ главнымъ начальствомъ кутаисскаго генералъ-губурнатора, князя Г. Р. Эристова, въ особенности курьёзный.

Когда вольные сванеты принуждены были военною силою удовлетворить своихъ сосѣдей за пограбленное у нихъ деньгами, ве-

щами и всѣмъ чѣмъ попало, и далеко не сполна, князь Эристовъ сталъ говорить имъ строгую и внушительную рѣчь; они слушали съ большимъ вниманіемъ и, когда онъ кончилъ, опустились на колѣни.

— Что это значитъ?—спросилъ онъ ихъ:—что вы хотите мнѣ сказать?

— Мы просимъ,—отвѣчали они:—какъ люди самые бѣдные и несчастные, хоть что нибудь на водку.

Они грабили, ихъ заставили возвратить только частицу награбленнаго, а они, считая это за особую заслугу, просятъ на водку. Можно себѣ представить, въ какое недоумѣніе былъ поставленъ генералъ-губернаторъ этими невмѣняемыми людьми.

Въ нашихъ словахъ нѣтъ никакой утрировки, и мы позволяемъ себѣ высказать тутъ свой взглядъ на эту страну, именно потому, что изъ-за совершенно неправильнаго, сантиментальнаго къ ней отношенія, какъ увидятъ впослѣдствіи читатели, весь сыръ-боръ загорѣлся.

За экскурсіей Бартоломея, нѣсколько лѣтъ спустя слѣдовала въ Вольную Сванетію экскурсія кутаисскаго вице-губернатора, Михаила Петровича Колюбакина; она имѣла цѣлію своею изыскать наилучшіе способы установленія непосредственныхъ сношеній этой вновь присоединенной страны съ центральнымъ управленіемъ. Колюбакинъ не оставилъ никакого описанія своей экскурсіи, а разсказывалъ мнѣ потомъ цѣлую серію чрезвычайно смѣшныхъ и не совсѣмъ пріятныхъ для него эпизодовъ. Между прочимъ, какое-то общество не хотѣло его пропускать потому, что онъ старшинѣ подарилъ фуляровый платокъ; такихъ же платковъ другимъ на него охотникамъ пришлось подарить съ дюжину, и тогда вице-губернатора пропустили, а то было бы плохо; въ другомъ обществѣ украли у него весь сахаръ изъ походнаго погребца и пришлось затѣмъ пить чай безъ него. Ѣздившій съ нимъ въ качествѣ туриста графъ Розмурдюкъ, по своему французскому блягёрству, серьезно разсказывалъ, что, по мнѣнію его, вольные сванеты непремѣнно должны быть потомками крестоносцевъ, такъ какъ въ пѣсняхъ ихъ онъ слышалъ напѣвы родной своей Бретани; одна изъ нихъ въ особенности напоминала ему бретанскую пѣсню: Oh! Richard, oh! mon roi...

А покуда мы такъ заботились объ открытіи окошка жителямъ Вольной Сванетіи, Константинъ Дадешкиліанъ, достигшій уже совершеннолѣтія, женился на дочери княгини Кесаріи Шервашидзе[1]),

[1]) Княгиня Кесарія Шервашидзе, урожденная Дадіани, сестра Георгія Батонишвили (одного изъ трехъ мушкетеровъ), была кормилицею сына абхазскаго владѣтеля и такимъ образомъ Константинъ Дадешкиліани, женившись на ея дочери, породнился съ двумя враждебными мингрельскому владѣтелю, Давиду, семействами.

Адылханъ, получилъ утвержденіе въ своихъ наслѣдственныхъ правахъ и сдѣлался хозяиномъ своего владѣнія.

Чего бы казалось проще въ это время правительству, столь заинтересованному устройствомъ Вольной Сванетіи, по мнѣнію его, притѣсняемой Дадешкиліанами, возобновить вопросъ объ упраздненіи автономіи Княжеской Сванетіи, возбужденный самимъ покойнымъ владѣтелемъ Ціохомъ; тогда введенное сюда управленіе русское лучше всего могло бы сладиться и съ вольными обществами; но у насъ, къ несчастію, обыкновенно случается такъ, что мы всегда опаздываемъ. Константинъ Дадешкиліанъ, предоставленный самому себѣ, долженъ былъ позаботиться прежде всего о внутреннемъ спокойствіи своего владѣнія, а затѣмъ опять же взяться за сабалахо. Дядя его Отаръ, сжегшій его бабушку, умеръ, а съ сыномъ его Джамсухомъ велись какіе-то переговоры, установившіе временное замиреніе; съ сабалахо же не такъ легко было уладиться, и Константинъ попалъ въ переплетъ столкновеній между двумя заклятыми между собою врагами: Михаиломъ Шервашидзе и Давидомъ Дадіаномъ. Послѣдній охладѣлъ къ Константину послѣ его женитьбы на дочери Кесаріи Шервашидзе, а на самомъ дѣлѣ родство съ Михаиломъ нисколько не укрѣпляло съ нимъ дружбы, и владѣтель Абхазіи очень враждебно относился къ Дадешкиліану, за то же сабалахо, котораго не хотѣлъ платить.

Перипетіи вражды двухъ владѣтелей Михаила Шервашидзе и Давида Дадіана, людей замѣчательно искусныхъ и упорныхъ въ отстаиваніи своихъ интересовъ, могли бы составить богатую тему для характеристическаго очерка. Борьба велась изъ-за провинціи Самурзакани; на принадлежность ея оба они простирали свое домогательство и больше всего страдала отъ того сама эта провинція, тревожимая всячески насильственными дѣйствіями владѣтелей, направленными другъ противъ друга. Князь В. О. Бебутовъ по порученію князя Воронцова, привелъ это дѣло къ концу, склонивъ ссорившихся къ полученію за Самурзакань денежнаго вознагражденія отъ правительства, и, отобравъ ее у нихъ, ввелъ туда русское управленіе. Сдѣлано было это съ такимъ умѣніемъ и тактомъ, что обѣ враждующія стороны не успѣли опомниться и поняли развязку дѣла, для обоихъ невыгодную, когда уже все было покончено безповоротно. Самурзакань поступила въ казну, получить ее оттуда исчезла всякая надежда, и владѣтели еще болѣе сдѣлались врагами, сваливая другъ на друга вину такого неблагопріятнаго для нихъ обоихъ результата.

Давида я лично не зналъ, не заставъ его уже въ живыхъ по пріѣздѣ своемъ на Кавказъ, и всѣ свѣдѣнія о немъ получалъ изъ дѣлъ, находившихся у меня въ рукахъ, и изъ устныхъ о немъ разсказовъ лицъ, близко къ нему стоявшихъ, а съ Михаиломъ лично былъ знакомъ и пользовался его любезнымъ къ себѣ расположе-

ніемъ. Онъ былъ личностью вполнѣ замѣчательною. Молодость свою провелъ онъ въ Тифлисѣ, также какъ и Давидъ Дадіанъ, получилъ потогдашнему довольно хорошее образованіе, говорилъ по-русски безъ малѣйшаго акцента, и еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, послѣ смерти старшаго своего брата Димитрія, сдѣлался владѣтелемъ. Первые годы его дѣятельности отличались беззавѣтною преданностью интересамъ русскаго правительства; его не съумѣли оцѣнить и не только не поощрили, но окончательно оттолкнули отъ себя совершенно ложной политикой. Правительство слѣдовало въ Абхазіи избитому принципу divide et impera и вслѣдствіе того, поддерживая Гассанъ-бея, дядю и заклятаго врага Михаила, создало себѣ въ лицѣ владѣтеля самаго коварнаго и вреднаго агента. Крайне честолюбивый, онъ былъ глубоко оскорбленъ этой тактикой и всю дѣятельность свою направилъ на интригу. Имѣя большое вліяніе въ горахъ западнаго Кавказа, среди непокорныхъ намъ джигетовъ, шапсуговъ, убыховъ и абадзеховъ, онъ былъ тамъ чрезвычайно намъ нуженъ своими услугами и вмѣсто того повелъ тамъ самую двусмысленную игру съ правительствами русскимъ и турецкимъ одновременно, эксплоатируя ихъ обоихъ. Спохватились уже поздно и стали ласкать, осыпать его чинами и орденами, которые тогда уже потеряли въ глазахъ его всякое значеніе. Будучи подъ конецъ генералъ-адъютантомъ и александровскимъ кавалеромъ, онъ нехотя надѣвалъ на себя мундиръ и регаліи, лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда выѣзжалъ изъ своихъ резиденцій для свиданія съ властями. У себя въ Абхазіи онъ былъ безграничнымъ деспотомъ и живымъ типомъ изъ серіи историческихъ личностей, подобныхъ Людовику XI и Ивану Грозному; художникъ могъ бы даже воспользоваться и его наружностью для воспроизведенія этого рода типа. Высокаго роста, стройный, съ правильными чертами лица, съ орлинымъ профилемъ, съ черными проницательными глазами, онъ держалъ себя съ необыкновеннымъ достоинствомъ, каждый жестъ его проявлялъ привычку властвовать. У него, какъ у Ивана Грознаго, былъ свой Малюта Скуратовъ, въ лицѣ Гассана Марганіи, безусловно ревностнаго исполнителя его велѣній самаго мрачнаго свойства. Голова каждаго изъ подданныхъ его абхазцевъ знала, что она сидитъ крѣпко на плечахъ до тѣхъ поръ, пока не вздумается владѣтелю почему бы то ни было снести ее оттуда. И продѣлывалось все это Гассаномъ Марганіей съ чрезвычайнымъ искусствомъ, быстро и безъ всякаго шума. Пускались въ ходъ кинжалъ и ядъ и жертва, одинъ разъ обреченная, никуда не могла укрыться отъ преслѣдованія.

Послѣ смерти Гассана-бея, Михаилъ перенесъ всю свою ненависть на сына его Сеидъ-бея (Димитрія), женатаго на сестрѣ владѣтеля Давида Дадіана, и, еще болѣе преслѣдуя его за это родство, покончилъ съ нимъ, наконецъ, ядомъ. Положеніе этой несчастной жертвы было поистинѣ трагическое. Димитрій дожилъ лѣтъ до со-

рока и постоянно ожидалъ надъ собою какой либо насильственной развязки отъ руки Михаила. Хорошо со мной знакомый, онъ пріѣхалъ ко мнѣ однажды въ Мингрелію погостить, а какъ помѣщеніемъ я былъ небогатъ, то мы спали съ нимъ въ одной комнатѣ. Проснувшись рано утромъ и, увидавъ Димитрія спящимъ не на постели, на которую онъ легъ, а на диванѣ, я спросилъ его, не побезпокоили ли его ночью блохи?

— О, нѣтъ! — отвѣчалъ онъ съ улыбкой: — совсѣмъ не то; я долженъ вамъ сознаться, что никогда не засыпаю на томъ мѣстѣ, гдѣ ложусь, зная, что нѣтъ мѣста и минуты, гдѣ бы не слѣдилъ за мною глазъ Михаила, ищущій лишь удобнаго случая со мною покончить, — вы увидите, что онъ-таки этого добьется.

Въ то время мнѣ казалось, что Димитрій преувеличиваетъ свою опасность, и я понялъ уже послѣ его кончины, на сколько онъ былъ правъ.

И эти мрачныя стороны характера Михаила не исключали въ немъ умѣнія быть совершенно инымъ человѣкомъ съ людьми, имъ уважаемыми, и въ интимныхъ съ ними бесѣдахъ высказывать всю обширность своего ума. Мнѣ передавалъ Н. П. Колюбакинъ, котораго Михаилъ очень уважалъ за его безсребренность и неподкупность, что однажды, разсказывая о первой своей поѣздкѣ въ Петербургъ и Москву, сдѣланной имъ уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, онъ объяснялъ впечатлѣнія свои съ замѣчательною оригинальностью.

— Вы знаете, генералъ, — говорилъ онъ: — что въ Россіи я видѣлъ только двухъ людей и никогда ихъ не забуду: императора Николая и митрополита Филарета. Послѣ бесѣды, которой осчастливилъ меня императоръ, я долго не могъ прійдти въ себя отъ экстаза, мною овладѣвшаго. Никогда воображеніе мое не доходило до представленія того величія, которое олицетворялъ онъ собою; выйдя отъ него, я созналъ, что я пресмыкающійся червякъ передъ этимъ человѣкомъ. И мнѣ тѣмъ тягостнѣе стало послѣ того сознавать, что между имъ и мною стоитъ цѣлый рядъ людей, къ которымъ я ничего, кромѣ пренебреженія и ненависти, не питаю. Послѣ того я ихъ еще больше возненавидѣлъ. Сильное впечатлѣніе произвелъ на меня и Филаретъ; его взглядъ до того былъ неотразимъ, что, казалось, читалъ въ душѣ моей самыя сокровенныя тайны. Такая сила взгляда есть только особый даръ истиннаго святителя; и передъ этимъ человѣкомъ тоже я почувствовалъ себя величайшимъ ничтожествомъ. Да, такіе люди, по моимъ понятіямъ, являются только вѣками, Россія счастлива и должна гордиться, что видѣла ихъ среди себя.

По словамъ Колюбакина, эти впечатлѣнія Михаилъ передавалъ ему съ непритворнымъ одушевленіемъ и искренностью, такъ что ясно было, что онъ далеко не чуждъ возвышенныхъ идеаловъ, тогда какъ жизнь его сложилась такъ, что онъ весь погрузился

въ самую страстную и ожесточенную борьбу лишь изъ своихъ личныхъ, самыхъ невозвышенныхъ интересовъ. Ненависть его, напримѣръ, къ Давиду Дадіану, имѣла совершенно хищный характеръ, онъ не только видѣлъ въ немъ совмѣстника по имущественнымъ вопросамъ, но и человѣка враждебнаго ему потому уже, что тотъ безусловно былъ преданъ русскому правительству. «Ты знаешь, что такое русскій, — сказалъ онъ ему однажды: — это — вошь, которая если заведется у тебя въ ногѣ, то непремѣнно доберется до головы; а ты поддѣлываешься и угождаешь этой вши». Злобно относился онъ и къ Екатеринѣ Александровнѣ, о которой иначе не могъ говорить, какъ съ глубочайшимъ пренебреженіемъ и ироніею, потому уже, что женщинъ всѣхъ вообще презиралъ.

И вотъ между такими-то крупными какъ по своему характеру, такъ и по своему положенію личностями, ненавидящими другъ друга, очутился незначительный сванетскій владѣтель Дадешкиліанъ, полуграмотный, мало знающій русскій языкъ и преслѣдующій свои опять же сравнительно миніатюрные интересы. Понятно, что всякая энергія съ его стороны, затрогивающая крупныхъ его сосѣдей, могла вести за собою одни лишь вредныя для него послѣдствія.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, братъ владѣтеля, Александръ, хорошо учившійся и вышедшій офицеромъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, пріѣхалъ въ Сванетію и сдѣлался помощникомъ старшаго брата въ дѣлахъ. Убѣдившись изъ практики, что съ сосѣдними владѣтелями ничего не добьешься переговорами по дѣлу пастбищъ, они сообща рѣшили просить намѣстника принять это дѣло къ своему разсмотрѣнію и окончательному рѣшенію. Вслѣдствіе ихъ просьбы и была прислана сюда особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ полковника графа Галатери.

Издавна практикуемый у насъ способъ улаживанія дѣлъ посредствомъ коммиссій принадлежитъ къ разряду тѣхъ палліативовъ, которые, по большей части, не даютъ никакихъ другихъ результатовъ, кромѣ совершенно напрасной потери времени, расходовъ на чиновниковъ и ихъ прогоны. То же случилось и съ коммиссіей Галатери. Самъ графъ принадлежалъ къ числу лицъ, носившихъ прозвище porto-franco, такъ какъ Воронцовъ привезъ ихъ съ собою изъ Одессы; люди эти были новичками на Кавказѣ, ничего въ немъ не смыслили и, чтобы дѣлать какое либо дѣло, должны были его весьма долго разжевывать. Года два возился Галатери, прежде чѣмъ представить свой докладъ начальнику штаба Коцебу; тотъ тоже продержалъ его у себя немало времени и, наконецъ, рѣшилъ, что владѣтель Мингреліи, Давидъ, долженъ былъ вознаградить Константина Дадешкиліани за сабалахо деньгами, а размѣръ суммы предоставлялось опредѣлить третейскому суду. Слѣдовательно, тутъ былъ не конецъ, а лишь начало новаго дѣла, а именно

требовалось, чтобы владѣтели выбрали себѣ медіаторовъ для третейскаго суда. Когда они это сдѣлаютъ, одному аллаху было извѣстно, а, по всей вѣроятности, будутъ тянуть выборъ медіаторовъ до безконечности, въ виду того, что Константинъ насчитывалъ на Давидѣ не пустяшную, а крупную по тогдашнему времени сумму въ 7 тысячъ рублей.

Тянулось дѣло годà; тутъ подошла Крымская война, все въ краѣ взбудоражила, а объ такихъ дѣлахъ, какъ сабалахо, не время было думать, и вскорѣ начались военныя дѣйствія.

Зимою 1855 года, когда Екатерина Александровна жила съ Ниной Александровной и съ своимъ семействомъ въ Квашихорахъ, по близости отъ лагеря гурійскаго отряда, къ ней пріѣхалъ Константинъ Дадешкиліанъ съ братомъ Александромъ, уже штабсъ-капитаномъ Нижегородскаго драгунскаго полка. Поводомъ визита опять было сабалахо. Ничего не зная о томъ, что происходитъ въ Квашихорахъ, пріѣхали они весьма некстати: у Екатерины Александровны какъ разъ въ эту минуту сорвалось дѣло съ церковнымъ имѣніемъ въ Суджуно, которое хотѣла она присоединить къ владѣтельскому удѣлу, какъ о томъ разсказано было мною въ первой главѣ. Она знала, что неудача произошла отъ подпольныхъ дѣйствій Михаила Шервашидзе, мирно проживавшаго въ Чкадуашахъ у своего тестя Георгія Батонишвили и злорадно торжествующаго, при видѣ fiasco, понесеннаго Константиномъ Дадіаномъ въ Суджунахъ. И вдругъ въ такой-то моментъ пріѣзжаетъ къ ней Дадешкиліанъ, близкій родственникъ Михаила; у княгини явилась мысль, что, конечно, онъ подосланъ развѣдать всѣ подробности о томъ, что подѣлывается у дедопали, и она приняла пріѣзжихъ съ крайнимъ высокомѣріемъ; заговорили они о своемъ дѣлѣ и, видя ея неприступность, уѣхали безъ всякой задней мысли какъ нарочно въ Чкадуаши къ Георгію Дадіану. Тамъ предстояла дѣловая бесѣда съ Михаиломъ Шервашидзе, отношенія съ которымъ были у нихъ тоже весьма натянутыя, опять же за сабалахо. Поѣздка эта къ Михаилу была истолкована Екатериною Александровною въ смыслѣ явной насмѣшки надъ нею, и съ этого момента Константинъ Дадешкиліанъ могъ вычеркнуть ее изъ списка своихъ доброжелателей. Она и не стѣснялась громко говорить, что дастъ почувствовать этому дикарю, что умѣетъ проучивать оказывающихъ ей неуваженіе.

Исторія эта дошла до Джамсуха, исконнаго врага Константина, и тотъ поспѣшилъ подослать своихъ людей къ правительницѣ въ Горди, куда она переѣхала на лѣто, спрашивая у нея разрѣшенія пріѣхать къ ней, и, получивъ на то согласіе, не замедлилъ явиться съ двумя своими сыновьями — Тенгисомъ и Гелою.

Мнѣ привелось быть очевидцемъ этого посѣщенія.

Лѣтъ сорока пяти, уже съ просѣдью, сухощавый, стройный, вы-

сокій, съ правильными чертами лица, съ умными выразительными глазами, Джамсухъ производилъ съ перваго же взгляда самое пріятное впечатлѣніе; сыновья его, старшій лѣтъ 18 и меньшій —15, были красавцы.

Онъ пріѣхалъ къ княгинѣ прежде всего какъ бы на поклонъ, а затѣмъ въ качествѣ (моцикули) посредника и ходатая отъ одного изъ обществъ Вольной Сванетіи, кажется, Латальскаго. Суть состояла въ томъ, что лѣтъ пять-шесть тому назадъ, на ярмаркѣ, которая бываетъ въ Лечгумѣ, близъ с. Мури, произошла изъ-за какихъ-то пустяковъ ссора, а затѣмъ и драка между жителями этого общества и мингрельцами. Она кончилась убійствомъ одного мингрельца, послѣ чего толпа сванетская ретировалась очень ловко и скрылась въ свои неприступныя трущобы. Владѣтель Давидъ наложилъ за то опалу на Латальское общество и приказалъ своимъ подданнымъ сванетамъ не пропускать черезъ Цхенисъ-Цхальское ущелье въ Мингрелію ни одного латальца; такого рода наказаніе оказалось очень тяжкимъ, латальцы очутились въ невозможности сбывать свои продукты на базарахъ и ярмаркахъ мингрельскихъ и получать оттуда въ числѣ недостающихъ у нихъ продуктовъ самый для нихъ важный — соль. Это стало для нихъ до того стѣснительнымъ, что они слезно молили много разъ владѣтеля ихъ помиловать и предлагали ему заплатить денежный штрафъ; но тотъ оставался непреклоннымъ. Вотъ за этихъ-то бѣдняковъ Джамсухъ и явился ходатаемъ. Чтобы расположить къ себѣ княгиню, онъ привезъ съ собою подарки, состоящіе изъ оружія, сѣделъ, бурокъ и т. д.

Ходатайство Джамсуха за латальцевъ княгиня уважила и тотчасъ же былъ посланъ нарочный съ приказомъ пропустить въ Горди ихъ депутатовъ. А между тѣмъ, княгиня всячески старалась угощать Джамсуха и его сама одаряла. Гости были интересными сами по себѣ, охотно джигитовали, показывали искусство въ стрѣльбѣ, пѣли и танцовали съ дѣтьми и придворными. Самъ Джамсухъ показалъ намъ необыкновенное искусство въ одномъ танцѣ, котораго потомъ мнѣ не приходилось нигдѣ видѣть. Среди воткнутыхъ въ землю часто одинъ отъ другаго кинжаловъ остріями кверху, ночью, при яркомъ свѣтѣ костровъ и зажженныхъ большихъ лучинъ изъ сосны въ видѣ факеловъ, подъ аккомпаниментъ хора и бубенъ, онъ началъ танецъ, сначала мѣрно, тихо и постепенно его учащая, дошелъ до такой быстроты, что за него становилось страшно. Какъ птица леталъ онъ среди кинжаловъ. Граціозность движеній, выраженіе отважное и торжествующее лица, какъ бы говорящаго о полномъ пренебреженіи къ опасности, производили особенный эффектъ, и, когда онъ кончилъ танецъ, замедляя мало-по-малу свои движенія, шумно выразился общій восторгъ.

Увеселенія не мѣшали хозяйкѣ и гостю уединяться и вести за-

душевную бесѣду, послѣ которой однажды княгиня изъявила Джамсуху свое желаніе усыновить его. Обычай этотъ, очень здѣсь уважаемый, состоитъ въ томъ, что лицо, усыновляющее, послѣ особой молитвы, даетъ усыновляемому цѣловать себя въ обнаженную грудь и это служитъ символомъ установленія родительскихъ и сыновнихъ отношеній между лицами до того посторонними другъ другу. Образуется духовное родство, считающееся равносильнымъ кровному. Усыновленный (ушвилобили) равенъ родному сыну. Само собой разумѣется, что послѣ усыновленія у Джамсуха и княгини симпатіи и антипатіи ихъ дѣлались общими и потому Михаилъ Шервашидзе для Джамсуха, а Константинъ Дадешкиліани для княгини становились заклятыми врагами.

Дня черезъ три пришли въ Горди депутаты Латальскаго общества; ихъ было человѣкъ 50. Рослые, мускулистые, съ типомъ, напоминающимъ нашихъ хохловъ, они были одѣты въ свѣтлыя чохи, на густыхъ волосахъ, остриженныхъ въ скобку, вмѣсто шапокъ наложены были какіе-то маленькіе кружки изъ сукна, подвязанные шнурками подъ выбритые подбородки; такой головной уборъ служилъ въ то же время и пращею, изъ которой сванеты съ необыкновенною ловкостью бросаютъ камни. Обувь, напоминающая древнія сандаліи, состояла изъ кожанныхъ (калабановъ) башмаковъ шерстью кверху, перевязанныхъ ремешками.

Вообще вся наружность этихъ людей носила на себѣ печать суровости, скудости, дикости. Голоса ихъ были подобны звукамъ трубъ; тихо говорить латальцы не умѣли, и когда начались съ ними переговоры, то они кричали такъ громко, что можно было подумать,—они изъ-за чего-то очень сердятся, тогда какъ бесѣда по содержанію своему шла самая мирная. Кричали всѣ разомъ. Діалектъ ихъ, перемѣшанный съ грузинскими словами, былъ, однако, мало понятенъ грузинамъ. Самымъ типичнымъ былъ старикъ-старшина общества. Небольшаго роста, въ оборванной чохѣ, съ обнаженной грудью, поросшей сѣдыми волосами, онъ казался послѣднимъ по своей внѣшности, между тѣмъ, видимо всѣ его слушали; въ сторонѣ отъ него стоялъ нукеръ его, карачаевецъ[1]), одѣтый щегольски въ чоху съ серебряными позументами, и держалъ его кисетъ и трубку. Ясно было, что и этотъ своеобразный представитель крайняго демократизма не лишенъ былъ аристократическихъ замашекъ.

Латальцы принесли въ березовыхъ котелкахъ дары, состоящіе изъ воску, меду и араки (хлѣбная водка). Миръ послѣдовалъ и ихъ усадили угощать. На другой день они присягою скрѣпили договоръ съ княгиней. Въ церковь вошли съ трубами, шумѣли, какъ на дворѣ,

[1]) Карачай, страна сосѣдняя съ Вольной Сванетіей, лежащая на сѣверной сторонѣ Эльбруса. Туда имѣется единственный проходъ изъ Вольной Сванетіи, на сѣверъ.

и, поцѣловавъ крестъ и Евангеліе, каждый клалъ палецъ въ ротъ, вынималъ его оттуда, подымалъ кверху и дулъ тоже кверху. Я поинтересовался узнать значеніе этого страннаго обряда и мнѣ сказали, что этимъ способомъ они призываютъ Святаго Духа въ свидѣтели своей присяги.

На другой день они ушли изъ Горди, надѣленные подарками княгини, а за ними вскорѣ уѣхалъ и Джамсухъ съ своими сыновьями и свитою.

Все происходившее въ Горди при посѣщеніи Джамсуха стало тотчасъ же извѣстно въ Княжеской Сванетіи. Константинъ съ Александромъ и съ малолѣтнимъ сыномъ своимъ Мосостромъ были въ это время въ Тифлисѣ, туда возили Мосостра для опредѣленія въ училище; старшимъ за нихъ въ Сванетіи оставался ихъ третій братъ, Исламъ, никогда не выѣзжавшій изъ своихъ родныхъ горъ, совсѣмъ цѣльный по своимъ чувствамъ и понятіямъ дикарь. Озлобленный на всю эту оскорбительную для нихъ исторію пріема ихъ врага княгинею и еще болѣе тѣмъ, что тотъ осмѣлился возвращаться изъ Горди въ Сванетію не обычнымъ своимъ путемъ черезъ Лентехи, а черезъ Джвары на Лахмулы, куда онъ никогда не смѣлъ до того показывать своего носу, Исламъ, не задумываясь, рѣшилъ прибѣгнуть къ оставшейся за ними очереди кровомщенія и съ своими нукерами, сѣвъ въ засаду, подкараулилъ Джамсуха. Того не успѣли предупредить о грозившей ему опасности, и мѣтко пущенная изъ-за какого-то камня пуля положила его на мѣстѣ, а другая ранила его старшаго сына, Тенгиса, въ руку. Остальнымъ пришлось спасаться.

Вернувшіеся изъ Тифлиса Константинъ и Александръ застали у себя страшную кутерьму; партія Джамсуха напала на Пааръ и пришлось употребить немало времени и усилій, чтобы отбить ее и прогнать. Самъ Исламъ, виновникъ всей суматохи, скрылся въ сосѣдній, немирной Далъ.

Между тѣмъ, нѣсколько времени спустя въ томъ же самомъ Горди, гдѣ мы любовались танцемъ Джамсуха, мы увидали вдову его со всей семьей и домочадцами, просящую у ногъ княгини защиты и крова. Они бѣжали отъ окончательнаго истребленія ихъ Константиномъ, и самое убійство Джамсуха приписывали никому другому, какъ ему, считая Ислама лишь слѣпымъ орудіемъ. Княгиня, такъ еще недавно усыновившая несчастную жертву кровомщенія, приняла самое живое участіе въ осиротѣвшемъ и изгнанномъ изъ роднаго очага его семействѣ, тѣмъ болѣе, что вдова Джамсуха поднесла ей два чрезвычайно драгоцѣнныхъ подарка: перевязь и посохъ царицы Тамары [1]). Въ особенности замѣчательна

---

[1]) Вещи эти хранились какъ святыня нѣсколько вѣковъ въ родѣ Дадешкиліановъ.

была перевязь по изящной работѣ древняго византійскаго издѣлія; она была чеканнаго золота съ эмалью и на ней изображены были лица Спасителя, Богородицы и святыхъ. Посохъ былъ тоже въ золотой оправѣ, но работа была не такъ изящна. Назначивъ вдовѣ Джамсуха резиденціею одно изъ Лечгумскихъ своихъ имѣній, она приказала выдавать ей и ея домочадцамъ полное содержаніе, снабдила ихъ деньгами и всѣмъ необходимымъ, а въ то же время стала усиленно ходатайствовать передъ кавказскимъ начальствомъ о защитѣ и удовлетвореніи этихъ несчастныхъ, призывая кару противъ Константина Дадешкиліани.

Но не такова была минута, чтобы можно было начальству заняться этимъ дѣломъ: надъ краемъ висѣла уже туча, готовая разразиться. Извѣстно было, что турецкая армія должна была сдѣлать дессантъ со стороны Чернаго моря и лишь не рѣшенъ былъ ею вопросъ о пунктѣ дессанта; ожидали его со стороны Кабулета и со стороны Абхазіи; немногочисленный гурійскій отрядъ былъ разбитъ на двѣ колонны, ожидавшія вторженія непріятеля съ обѣихъ сторонъ края, а потому и думать было нечего объ отдѣленіи изъ этихъ силъ хотя бы и самой незначительной части для военной экскурсіи въ Княжескую Сванетію. Князь Багратіонъ-Мухранскій, военный губернаторъ Кутаиса, командующій гурійскимъ отрядомъ, долженъ былъ поневолѣ ограничиться по дѣлу семейства Джамсуха командировкой пристава князя М. въ Сванетію съ порученіемъ вызвать Константина и Александра въ Кутаисъ. Но это ровно ни къ чему не повело: Дадешкиліановы не приняли пристава и не подумали выѣхать. Отпускъ Александра изъ нижегородскаго драгунскаго полка кончился и полкъ требовалъ его немедленной явки черезъ начальника же отряда; князь Мухранскій послалъ снова въ Сванетію капитана Демьяновича, но и тотъ имѣлъ не болѣе успѣха, чѣмъ М. Братья Дадешкиліани, по словамъ Демьяновича, невѣжливо приняли его и Александръ, сказавшись больнымъ, а на самомъ дѣлѣ совершенно здоровый, передалъ ему рапортъ о болѣзни, прося представить его начальнику отряда.

Затѣмъ вскорѣ Омеръ-паша сдѣлалъ дессантъ въ Абхазію и начался извѣстный его походъ, театромъ котораго въ теченіе шести мѣсяцевъ былъ весь Ріонскій край, и, конечно, тутъ всѣ внутренніе вопросы были отложены въ сторону.

Сраженіе на Ингурѣ, гдѣ у Омера-паши было 30,000 войска, а у насъ въ 10 разъ меньше, заставило князя Мухранскаго отступить за рѣку Цхенисъ-Цхали, и Мингрелія досталась въ руки непріятеля.

Владѣтель Михаилъ Шервашидзе, оставшійся въ Абхазіи, игралъ крайне двусмысленную роль. Отъ него получались у насъ въ штабѣ разные проекты о военныхъ дѣйствіяхъ въ тылъ непріятеля, на что онъ просилъ прислать ему военныя силы, а между тѣмъ въ

томъ же штабѣ имѣлись свѣдѣнія отъ лазутчиковъ о сношеніяхъ его съ Омеромъ-пашей. За Михаиломъ тянулся цѣлый хвостъ и въ немъ, по тѣмъ же свѣдѣніямъ штаба, находились братья Константинъ и Александръ Дадешкиліановы, принятые благосклонно турецкимъ главнокомандующимъ. Да и можно ли было дивиться всему подобному въ краѣ, занятомъ непріятелемъ, не встрѣчающимъ въ теченіе шести мѣсяцевъ никакого серьезнаго съ нашей стороны отпора.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1856 года, заключено было перемиріе; Омеръ-паша очистилъ Мингрелію и затѣмъ послѣдовалъ знаменитый Парижскій трактатъ, послѣ котораго совершилась коронація императора Александра Николаевича.

Въ то время и на Кавказѣ произошла важная перемѣна: вмѣсто Муравьева назначенъ былъ намѣстникомъ князь А. И. Барятинскій, и слухи шли о готовящихся крупныхъ преобразованіяхъ въ управленіи.

Все сказанное въ этомъ отдѣлѣ о Сванетіи и Константинѣ Дадешкиліанѣ мы считали необходимымъ изложить читателю въ виду того, что эти данныя могутъ дать правильное освѣщеніе дальнѣйшимъ обстоятельствамъ, имѣвшимъ роковое значеніе для судьбы владѣтелей Княжеской Сванетіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и князя Гагарина.

2.

Новый намѣстникъ не былъ новичкомъ на Кавказѣ. Начавъ здѣсь службу свою въ 1835 году, корнетомъ кирасирскаго полка, въ отрядѣ генерала Вельяминова, и, командуя казачьею сотнею въ экспедиціи противъ горцевъ, тяжело раненый въ правый бокъ ружейною пулею, онъ долженъ былъ въ 1836 году отправиться за границу, гдѣ и пробылъ до 1838 года. Это первое, такъ сказать, боевое крещеніе молодаго князя, доставшееся ему столь дорогою цѣною, оставило въ душѣ его сильное впечатлѣніе, и съ той поры Кавказъ сталъ все болѣе и болѣе манить его къ себѣ. Въ 1845 году, онъ снова является въ рядахъ кавказскихъ войскъ и въ чинѣ полковника командуетъ третьимъ баталіономъ кабардинскаго полка, при занятіи андійскихъ высотъ во время Даргинской экспедиціи. Дѣло происходило на глазахъ всего отряда, очевидцы разсказывали, что оно шло такъ живо и блестяще, что, когда горцы были сбиты кабардинцами, многіе изъ зрителей, забывъ разстояніе, ихъ отдѣлявшее отъ сражающихся, аплодировали и кричали: ура! Князь за это дѣло получилъ Георгія 4-й степени и былъ опять тяжело раненъ въ ногу, такъ что долженъ былъ снова отправиться за границу для исцѣленія раны и оставался тамъ до 1847 года. Въ этотъ разъ репутація Барятинскаго, какъ боеваго и распорядительнаго штабъ-офицера, составлена была уже между старыми

кавказскими служивыми и въ 1847 году, вернувшись снова на Кавказъ, онъ былъ назначенъ командиромъ Кабардинскаго полка. Съ этого времени служба его идетъ постоянно на Кавказѣ. Въ 1851 году, въ чинѣ уже генерала, онъ назначается начальникомъ лѣваго фланга и въ 1853 году начальникомъ главнаго штаба кавказской арміи и ближайшимъ наперстникомъ маститаго князя Воронцова, послѣ отъѣзда котораго изъ края и онъ, черезъ годъ, въ 1855 году, вслѣдствіе несогласія во взглядахъ съ генераломъ Муравьевымъ, самъ оставляетъ край для того, чтобы получить командованіе резервнымъ гвардейскимъ корпусомъ. Въ 1856 году, по заключеніи мира, генералъ Муравьевъ проситъ о своемъ увольненіи и вмѣсто него государь назначаетъ князя А. И. Барятинскаго.

Пройдя такимъ образомъ, въ теченіе двадцати лѣтъ службы, боевую школу кавказской войны, и пройдя ее блистательно, въ должностяхъ самыхъ важныхъ и отвѣтственныхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей до высшей изъ нихъ — начальника главнаго штаба, князь богатъ былъ кавказскимъ служебнымъ опытомъ и, по характеру своему чрезвычайно общительный, знакомъ былъ съ большинствомъ служившихъ тогда по всѣмъ отраслямъ военнаго и гражданскаго управленій на Кавказѣ, что и давало ему возможность сознательно дѣлать изъ нихъ выборъ ближайшихъ себѣ сотрудниковъ, сообразно съ ихъ знаніями, спеціальностью и способностями. Лучше всего это оправдалось на выборѣ имъ генерала Евдокимова своею правою рукою. При такой подготовкѣ князя, грандіозный планъ окончательнаго покоренія Кавказа, задуманный Воронцовымъ и имъ самимъ отчетливо усвоенный, пріобрѣталъ серьезное обезпеченіе къ своему близкому осуществленію.

Въ Бозѣ почившій государь, знавшій князя Барятинскаго съ юныхъ лѣтъ, тогда же его приблизившій къ себѣ и удостоившій сердечною дружбою, вѣрилъ въ его геній и талантъ и, возводя въ высокій санъ намѣстника своего на Кавказѣ, облекъ широкими уполномочіями и утвердилъ всѣ его представленія по преобразованію управленія въ этомъ краѣ.

Согласно этому новому преобразованію, Кавказъ дѣлился на нѣсколько генералъ-губернаторствъ, и въ числѣ ихъ образовалось Кутаисское, въ составъ котораго входили: Кутаисская губернія, Мингрелія, Сванетія и Абхазія. На такой важный постъ, какъ постъ Кутаисскаго генералъ-губернатора, нужно было Барятинскому лицо, соединяющее въ себѣ немало самыхъ разнообразныхъ условій. Независимо отъ личныхъ качествъ, нужно было, чтобы оно вмѣстѣ съ знаніемъ края соединяло знатность происхожденія, и это въ особенности было важно въ виду аристократизма владѣтелей абхазскаго, мингрельскаго и сванетскаго, становившихся въ непосредственную къ нему подчиненность. Чтобы импонировать имъ, нужно было быть самому чистокровнымъ аристократомъ. Найдти подхо-

дящую подъ эти требованія личность было нелегко; но князь Барятинскій, встрѣтившись случайно въ Петербургѣ съ княземъ Александромъ Ивановичемъ Гагаринымъ, остановилъ на немъ свой выборъ. Лучшаго генералъ-губернатора въ Кутаисъ не желалъ Барятинскій, дружески знакомый съ Гагаринымъ, тоже старымъ кавказцемъ.

Красавецъ въ молодости, богатый, блестящаго потогдашнему образованія, князь Гагаринъ былъ съ небольшихъ чиновъ адъютантомъ Воронцова, тогда еще новороссійскаго генералъ-губернатора, и, когда тотъ сдѣлался въ 1845 году намѣстникомъ кавказскимъ, переѣхалъ съ нимъ въ Тифлисъ, какъ бы дитя его семьи. Участвуя въ экспедиціяхъ, онъ показалъ несомнѣнную личную храбрость и распорядительность, а при выполненіи возлагаемыхъ на него порученій по гражданской части дѣйствовалъ на столько умѣло, что Воронцовъ въ концѣ сороковыхъ годовъ сдѣлалъ его дербентскимъ градоначальникомъ. Къ этому времени относится его женитьба на княжнѣ Анастасіи Давидовнѣ Орбеліани, черезъ которую онъ вошелъ въ родство съ всею грузинскою знатью [1]. Въ Дербентѣ оставался онъ недолго и его перевели военнымъ губернаторомъ въ Кутаисъ. На этомъ мѣстѣ просидѣлъ онъ нѣсколько лѣтъ до начала Крымской войны, и эта полоса была самою лучшею въ его административной дѣятельности.

Ни по уму своему, ни по кругозору, онъ не былъ ни самостоятельнымъ, ни оригинальнымъ дѣятелемъ, а прекраснымъ ученикомъ такого замѣчательнаго государственнаго человѣка и администратора, какимъ былъ Воронцовъ. Ни въ чемъ не отступая отъ программы своего учителя, Гагаринъ своею собственною личностью скрашивалъ постъ, имъ занимаемый.

Программа Воронцова до того была проста, что стоило лишь приглядѣться къ собственной дѣятельности этого старика, чтобы понять ея смыслъ. На ряду съ колоссальною стратегическою работою какъ по своему замыслу, такъ и по своимъ деталямъ, которая привела наше отечество къ полному покоренію Кавказа; на ряду съ работою, организаторскою по всѣмъ частямъ управленія краемъ,—Воронцовъ не упускалъ еще и третьей чрезвычайно важной работы—личнаго своего воздѣйствія на внутренній міръ жизни туземнаго населенія. И тутъ талантъ его проявлялся во всей своей полнотѣ. Не было ни одной отрасли производительности въ краѣ, на которую онъ не обратилъ бы своего зоркаго взгляда и гдѣ бы личнымъ своимъ участіемъ не пытался расшевелить и заохотить туземцевъ къ полезной самодѣятельности. Это привело его къ обширному знакомству въ средѣ мѣстнаго населенія, а при изуми-

[1]) Въ первомъ своемъ бракѣ, Гагаринъ былъ женатъ на разведенной женѣ декабриста Поджіо, Марьѣ Андреевнѣ, урожденной Бороздиной, кузинѣ автора.

тельной его памяти всѣхъ лицъ и именъ приносило и самые плодотворные результаты. Объѣзжая край, онъ вездѣ въ немъ былъ какъ у себя дома; на каждомъ шагу встрѣчались у него частныя, личныя отношенія съ туземцами. Одному онъ далъ какія-то сѣмена, и тотъ спѣшилъ сообщить ему полный успѣхъ посѣва, другому— прививки, и этотъ, получивъ прекрасные фрукты отъ нихъ, несъ ихъ къ нему на показъ; тутъ жители прорыли новую канаву для орошенія полей и старикъ вылѣзалъ изъ экипажа, осматривалъ ее, дѣлалъ свои замѣчанія, привѣтствовалъ ихъ; тамъ по случаю появленія саранчи толковалъ о способахъ ея истребленія и тотчасъ дѣлалъ необходимыя по этому распоряженія, а въ одной деревнѣ, въ Кахетіи, и до сихъ поръ можно видѣть громадное орѣховое дерево, которое называется Воронцовскимъ по слѣдующему воспоминанію. Дерево дѣйствительно колоссальныхъ размѣровъ, въ 4 человѣческихъ обхвата и въ діаметрѣ вѣтвей чуть ли не до 100 шаговъ, густою и крупною шапкою составляющее живой шатеръ, подъ которымъ можетъ помѣститься человѣкъ триста, — невольно обратило на себя его вниманіе, и онъ, приказавъ остановиться около него, пожелалъ увидать его владѣльца. Явился и самъ владѣлецъ, крестьянинъ. Воронцовъ, сидя подъ деревомъ со своею свитою, разспрашивалъ его, сколько онъ получаетъ орѣховъ съ этого дерева, — оказалось, что до 60 пудовъ ежегодно, — объяснялъ ему, какъ надо его беречь, какъ надо срѣзать сухіе сучья, и въ заключеніе подарилъ на память нѣсколько старинныхъ монетъ, чтобы тотъ не позабылъ его наставленій и берегъ дерево. Крестьянинъ хранилъ эти монеты, какъ реликвію, а Воронцовъ послѣ того всякій разъ, проѣзжая мимо дерева, отдыхалъ подъ его тѣнью, иногда тутъ и завтракалъ. При его объѣздахъ края, сироты убитыхъ на войнѣ, вдовы и всѣ дѣйствительно нуждающіеся не уходили съ пустыми руками. Кто нибудь изъ личныхъ адъютантовъ имѣлъ всегда при себѣ свертки червонцевъ, изъ которыхъ немедленно и выдавалось пособіе по приказанію князя. Въ то же самое время, въ случаѣ надобности, проявлялась самая серьезная энергія, когда надо было предупредить или пресѣчь какое нибудь зло. Уѣздный начальникъ, неотлучно сопровождавшій Воронцова, безотлагательно дѣйствовалъ. Словомъ, всякое путешествіе Воронцова по краю оставляло за собою глубокій слѣдъ и населеніе чувствовало, что среди него проѣхалъ намѣстникъ (сердаръ) царскій. Въ самомъ Тифлисѣ же князь былъ положительно его душою. Ежедневная утренняя его прогулка съ казакомъ, несущимъ сзади зонтикъ и галоши, и та имѣла утилитарное значеніе. Обыкновенно эти два пѣшехода направлялись на какія либо сооруженія, постройки или на базаръ и у шедшаго впереди старика вездѣ были знакомые и пріятели. Тутъ Михако, плотникъ, объяснялъ ему, что они сдѣлали со вчерашняго утра; тамъ Иваника, каменьщикъ, показывалъ, сколько

рядовъ кирпича за то же время положилъ онъ съ артелью персіанъ; разговоръ шелъ съ подрядчикомъ о правильности выведеннаго угла; провѣряли его ватерпасомъ; все это значительно вліяло на успѣхъ построекъ; на базарѣ опять были знакомые, съ которыми тоже шла бесѣда.

И такая трогательная простота князя не допускала ни въ комъ мысли о малѣйшемъ нарушеніи подобающаго къ нему почтенія; впрочемъ, кавказскіе туземцы, и въ особенности тогдашніе, отличались такимъ тактомъ, которымъ намъ, русскимъ, можно было у нихъ позаимствоваться.

Да съ Воронцовымъ и трудно было переходить черту почтенія и вѣжливости, онъ тотчасъ же находилъ способъ, съ неизмѣнной своей улыбкой, корректировать умышленное нарушеніе приличія. Помню два подобныхъ случая. Въ канцеляріи князя служилъ нѣкій юноша Неклюдовъ, страшный хлыщъ. Дежурные чиновники всегда обѣдали у Воронцова, и Неклюдовъ, пообѣдавъ нѣсколько разъ за свое дежурство и обласканный княгинею, какъ всѣ вообще молодые люди, служившіе тогда при князѣ, вообразилъ, что можетъ приходить къ обѣду и безъ приглашенія, а затѣмъ и сталъ ходить чуть не ежедневно. Воронцовъ, наконецъ, это замѣтилъ и спросилъ своего адъютанта Д., на которомъ лежала обязанность организовывать ежедневный персоналъ приглашенныхъ къ обѣду, почему тотъ благоволитъ такъ къ Неклюдову, и, узнавъ, въ чемъ дѣло, поручилъ ему написать къ тому оффиціальное приглашеніе къ обѣду на «послѣзавтра», а вмѣстѣ съ тѣмъ и приказалъ не назначать его на дежурство. Съ тѣхъ поръ Неклюдовъ больше не появлялся. Другой случай былъ съ горійскимъ судьею Подорожко. Честный и знающій чиновникъ, но какой-то угрюмый и угловатый хохолъ, пріѣхавъ какъ-то въ Тифлисъ по дѣламъ службы, явился и къ Воронцову; тотъ привѣтливо говорилъ съ нимъ и послѣ пріема просилъ адъютанта Д. пригласить судью къ обѣду. Приглашеніе принесли въ то время, какъ Подорожко собирался уже уѣзжать, онъ расписался на повѣсткѣ, а потомъ подумалъ, подумалъ, сказалъ самъ себѣ похохлацки: «а нехай его къ бису», и уѣхалъ въ Гори. Воронцовъ за обѣдомъ замѣтилъ его отсутствіе и спросилъ Д., что это значитъ? Было сдѣлано дознаніе и, когда оказалось, что Подорожко уѣхалъ, получивъ повѣстку, князь приказалъ его вызвать изъ Гори и, продержавъ сутки на гауптвахтѣ, отправилъ обратно, внушивъ хохлу черезъ Щербинина, что приглашеніе къ столу намѣстника есть не простое приглашеніе частнаго лица, а поощреніе служебное.

О Воронцовѣ надо писать особую книгу, а тутъ мы скажемъ только, возвращаясь къ Гагарину, что этотъ былъ однимъ изъ лучшихъ и любимѣйшихъ его учениковъ.

Доступный, обворожительно пріятный въ обхожденіи со всѣми,

Гагаринъ влюбленъ былъ въ дѣйствительно чудный по своей природѣ край, ввѣренный его управленію, и всецѣло посвящалъ себя на служеніе ему. Страстный любитель садоводства, всѣ усилія употреблялъ онъ, чтобы пріохотить къ нему туземцевъ. Въ Кутаисѣ устроилъ бульваръ, городской садъ и ферму, до сихъ поръ оставшіеся живыми памятниками, говорящими о немъ. Выписаны были самыя рѣдкія деревья, растенія, цвѣты, при благодатномъ здѣшнемъ климатѣ превосходно принявшіеся; на фермѣ можно было найдти всѣ лучшіе сорты французскаго, рейнскаго, итальянскаго винограда; отсадки ихъ охотно раздавались всѣмъ хозяевамъ, желавшимъ развести ихъ у себя. Благодаря этой фермѣ, виноградъ изабелла, перенесенный изъ Крыма, распространился по всему краю.

За время Гагаринскаго управленія въ Кутаисѣ построена была губернская гимназія, военный госпиталь, два моста черезъ Ріонъ; начаты постройкою губернскія присутственныя мѣста. Онъ устроилъ здѣсь и первый клубъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общественное собраніе, стараясь этимъ оживить и соединить общество. Все это могъ бы сдѣлать всякій другой администраторъ, да оно вездѣ и продѣлывается сплошь да рядомъ; но только у Гагарина все особенно какъ-то удавалось, благодаря его въ высшей степени искренней и симпатичной личности. Всякій зналъ, что князь по своей прекрасной душѣ положительно не желаетъ, да и не можетъ никого ни обидѣть, ни оскорбить. Это не то, чтобы онъ былъ флегматикъ или человѣкъ крайне сдержанный, ничуть не бывало, онъ былъ чрезвычайно подвижной, горячій и подчасъ кипучій; накричитъ, бывало, страшно, бѣгаетъ по залѣ, длинные и вьющіеся его волосы растреплятся и, всетаки, глядя на него, всѣ знаютъ, что этотъ человѣкъ не способенъ сдѣлать кому либо малѣйшее зло. Жена его была ему важной помощницей. Туземка по происхожденію, она была, также какъ и мужъ, всѣмъ доступна и въ ней находили защиту всѣ униженные и оскорбленные. Ихъ супружество, хотя и бездѣтное, было самое счастливое.

Нельзя не припомнить при этомъ и того обстоятельства, что между русскимъ и туземцемъ не существовало тогда ни малѣйшаго различія; мы жили положительно побратски, благодаря тону самого Воронцова, который понимали его сотрудники и умѣли устанавливать съ туземцами; того нелѣпаго и рѣзкаго сепаратизма, которымъ щеголяетъ теперь въ особенности молодежь въ Закавказьѣ, тогда и въ поминѣ не было.

Время отъ времени наѣзжалъ въ Кутаисъ и самъ князь Воронцовъ съ княгинею. Онъ сочувственно слѣдилъ за дѣятельностью Гагарина и горячо его поддерживалъ какъ нравственно, такъ и матеріально; а княгиня Воронцова, основавъ здѣсь на свои суммы первое женское заведеніе св. Нины, матерински заботилась о своемъ дѣтищѣ.

Но эта прекрасная полоса Гагаринскаго управленія омрачилась въ 1853 году Крымскою войною. Съ этого края она и началась. Турки высадились въ укрѣпленіи Николаевскомъ, на берегу Чернаго моря, вырѣзали гарнизонъ, состоящій изъ роты линейнаго баталіона подъ командою капитана Щербакова, и потомъ начались военныя дѣйствія. Гагаринъ былъ сдѣланъ начальникомъ гурійскаго отряда, имѣлъ нѣсколько удачныхъ стычекъ съ турками; но, когда стало ожидаться серьезное наступленіе большаго турецкаго корпуса, долженъ былъ мѣсто свое уступить болѣе выдающемуся и опытному стратегу Андроникову, а самъ получилъ командованіе 13-ю дивизіею.

Черезъ годъ, подъ Карсомъ, при неудавшемся штурмѣ, гдѣ находилась его дивизія, онъ былъ тяжко раненъ въ лѣвое плечо, причемъ пуля прошла вдоль всей шеи. Его вынесли замертво изъ строя и долго онъ былъ въ крайней опасности. Когда же немного поправился, доктора направили его за границу, куда онъ и уѣхалъ съ княгиней.

Проживъ цѣлый годъ въ Парижѣ и на водахъ, онъ возвратился въ 1856 году на родину съ тѣмъ, что бы выйдти въ отставку и поселиться въ крымскомъ своемъ имѣніи Кучукъ-Ламбатѣ, чрезвычайно живописномъ уголкѣ южнаго берега. Воронцовъ въ это время уже скончался, а безъ него интересъ служебный терялъ свой смыслъ для Гагарина, годы тоже требовали отдохновенія, ему было уже подъ 60 лѣтъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ надо было и позаняться своимъ собственнымъ хозяйствомъ, запущеннымъ во время службы.

Очень большое саратовское или тамбовское имѣніе давало незначительный доходъ, благодаря неустройству. И вотъ въ такую минуту и подъ такимъ настроеніемъ, встрѣтилъ его князь Барятинскій, искавшій себѣ кутаисскаго генералъ-губернатора. Сама судьба ему на него указывала.

Когда Барятинскій высказалъ Гагарину виды свои на него, тотъ замахалъ и руками, и ногами и въ первую минуту рѣшительно отказался, выставивъ массу резоновъ; но Барятинскій былъ упрямъ и всегда добивался того, чего хотѣлъ. Онъ повелъ атаку, конечно, въ самомъ дружескомъ и лестномъ тонѣ и устроилъ такъ, что государь самъ пригласилъ Гагарина быть сотрудникомъ новаго его намѣстника. Притомъ, конечно, давалось ему понять, что дѣятельности его не предстоитъ особенной продолжительности; черезъ два, три года предполагалось покончить покореніе Кавказа и затѣмъ слѣдовали для него и покой, и особенный почетъ. Въ концѣ-концовъ, Гагарина завербовали, а разъ онъ далъ свое согласіе, опять воодушевился, помолодѣлъ и въ февралѣ 1857 года былъ уже въ Кутаисѣ, гдѣ встрѣченъ былъ восторженно всѣмъ населеніемъ.

Начальникомъ штаба его былъ назначенъ полковникъ генеральнаго штаба баронъ Петръ Карловичъ Усларъ. Выборъ этотъ, по всему вѣроятію, сдѣланъ былъ съ обоюднаго совѣщанія и согласія Барятинскаго и Гагарина.

Усларъ былъ лицомъ крупнымъ во многихъ отношеніяхъ. Тверской помѣщикъ, воспитанникъ инженернаго училища, поступившій впослѣдствіи въ академію генеральнаго штаба и окончившій курсъ ея блистательно, въ то же время вольный слушатель историко - филологическаго факультета С.-Петербургскаго университета, затѣмъ слушатель въ нѣсколькихъ заграничныхъ университетахъ различныхъ отдѣльныхъ курсовъ по исторіи и филологіи, онъ былъ носителемъ громадной эрудиціи. Знаніе европейскихъ древнихъ и новѣйшихъ и двухъ восточныхъ: турецкаго и персидскаго языковъ, соединялось въ немъ съ самыми многосторонними и основательными свѣдѣніями по многимъ отраслямъ наукъ, а способность съ чрезвычайною легкостью и ясностью излагать свою мысль дѣлала изъ него замѣчательнаго не только редактора, но и талантливаго писателя. При всемъ этомъ полный остроумія въ бесѣдѣ, говорилъ онъ прекрасно и умѣлъ убѣждать. Его проекты, предположенія, объяснительныя записки были образцами логическаго построенія и мастерскаго изложенія. По окончаніи курса военной академіи, онъ имѣлъ нѣсколько командировокъ по имперіи для составленія военно-статистическаго ея описанія и путешествовалъ, между прочимъ, по Западной Сибири. Въ половинѣ сороковыхъ годовъ, во время намѣстничества Воронцова, перешелъ служить на Кавказъ и въ теченіе болѣе чѣмъ десятилѣтней здѣсь службы ознакомился уже съ краемъ. Въ послѣдствіи онъ былъ исторіографомъ Кавказа, изучилъ нѣсколько горскихъ нарѣчій, создалъ имъ азбуку и грамматику и оставилъ множество ученыхъ трудовъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не изданныхъ. Но, уважая память такого замѣчательно даровитаго человѣка, неправильно было бы умалчивать и о его недостаткахъ. Первымъ изъ нихъ былъ особенный культъ, творимый имъ самому себѣ. Обладая громаднымъ арсеналомъ знаній и умѣньемъ имъ пользоваться, онъ не часто встрѣчалъ оппонентовъ, бывшихъ въ состояніи давать ему отпоръ, и это избаловало его и повело къ злоупотребленію своею аргументаціею. Признаться въ очевидномъ промахѣ для него было немыслимо и онъ пускалъ въ ходъ свою страшную аргументацію. Прежде всего и во всемъ теоретикъ, онъ не долженъ былъ по настоящему выходить изъ кабинета ученаго и не отрываться отъ фоліантовъ, а по какому-то странному противорѣчію преимущественно стремился къ самой живой и подвижной дѣятельности военной. И на самомъ дѣлѣ военнымъ онъ никогда не былъ, а былъ ультра-воинственнымъ. На Кавказѣ знали его, какъ постоянно исполняющаго должность начальника штаба въ различныхъ отря-

дахъ, считали его за ученаго и между тѣмъ никто не могъ отрицать того обстоятельства, что съ его присутствіемъ въ отрядѣ соединялась вездѣ какая-то фатальность. Онъ былъ при Слѣпцовѣ на Сунжѣ—того убили горцы; при князѣ Меликовѣ, на лезгинской линіи,—Шамиль прорвался черезъ нее и, сдѣлавъ набѣгъ на Кахетію, увелъ въ плѣнъ семейство князя Чавчавадзе; при князѣ Мухранскомъ въ гурійскомъ отрядѣ — Омеръ-паша разнесъ этотъ отрядъ, выставленный ему на Ингурѣ, и занялъ Мингрелію; при князѣ Гагаринѣ... но не будемъ забѣгать впередъ. Всѣ эти неудачи поклонники Услара объясняли случайностью, и, тѣмъ не менѣе, онѣ клали мрачное впечатлѣніе на душу не только другихъ, но и его самого. Внѣ дѣловой сферы онъ былъ человѣкомъ несообщительнымъ, мрачнымъ, если къ бесѣдѣ не присоединялось собутыльничество, къ которому, къ сожалѣнію, онъ черезчуръ часто прибѣгалъ. Эта слабость погубила у насъ много прекрасныхъ силъ, а въ томъ числѣ и Услара; въ половинѣ семидесятыхъ годовъ, живя у себя въ деревнѣ, онъ дошелъ до бѣлой горячки и ею покончилъ свою жизнь.

Но для Гагарина этой оборотной стороны Услара не существовало. Онъ видѣлъ въ немъ опытнаго офицера генеральнаго штаба, высоко образованнаго и талантливаго, и какъ человѣкъ, въ высшей степени мягкій, вполнѣ преклонился передъ его авторитетомъ. Вскорѣ Усларъ сдѣлался у него во всемъ оракуломъ.

Началось съ совмѣстнаго обзора края, обоимъ близко знакомаго по недавнимъ еще воспоминаніямъ. Но воспоминанія эти по характеру своему были совершенно различны у обоихъ, и подъ угломъ ихъ у каждаго складывался различный взглядъ на предстоящую совмѣстную дѣятельность. Гагарина, какъ въ Кутаисѣ, такъ и повсюду встрѣчали восторженно и вполнѣ искренно, да и самъ онъ подъ впечатлѣніемъ прекраснаго прошлаго настроенъ былъ на такой ладъ, что видѣлъ передъ собою одну лишь задачу осчастливить край. Передъ нимъ были на всякомъ шагу свѣжіе еще слѣды недавняго раззоренія войною, и нѣкоторыхъ мѣстностей онъ не узнавалъ, до того онѣ были оголены опустошеніемъ турецкимъ. Предавая забвенію всю драму войны, совершившуюся здѣсь, не разбирая праваго отъ виноватаго, онъ видѣлъ лишь слѣды общаго несчастія, которые надо было какъ можно скорѣе загладить, содѣйствуя подъему производительныхъ силъ страны. Взглядъ же Услара складывался совершенно подъ инымъ угломъ. Еще годъ тому назадъ, ему приходилось переживать въ этомъ самомъ краю тяжелыя минуты въ жизни и испытывать всю горечь положенія человѣка, стоящаго во главѣ дѣла, покончившагося страшной неудачей и оглаской. Послѣ пораженія гурійскаго отряда Омеромъ-пашей и отступленія его съ Ингура, похожаго на бѣгство, за предѣлы Мингреліи, сидѣть въ мѣстечкѣ Хони нѣсколько мѣсяцевъ

и видѣть передъ носомъ своимъ непріятеля, распоряжавшагося безпощадно съ занятымъ имъ краемъ, и не быть въ состояніи наносить ему какой либо серьезный вредъ, — все это было крайне мучительно и больно. Партизанская война въ Мингреліи, которую князь Мухранскій предполагалъ возбудить въ народѣ противъ турокъ, оказалась химерою, оставалось утѣшать себя лишь свѣдѣ-

Князь Константинъ Дадешкиліанъ.

ніями лазутчиковъ, а также и наблюденіями надъ кондуитомъ владѣтелей Абхазіи, Мингреліи и Сванетіи. Выводъ изъ этихъ упражненій получался неотрадный — внутри края была измѣна, съ которой ничего нельзя было подѣлать. Сводъ подробностей объ этой измѣнѣ съ поименованіемъ лицъ, а также и обвиненіе генерала Муравьева въ неприсылкѣ резервовъ гурійскому отряду и составили матеріалъ для блистательной записки Услара, старавшагося

оправдать и обѣлить дѣйствія князя Мухранскаго, т. е. вмѣстѣ съ тѣмъ и свои собственныя. Въ этой талантливой самозащитѣ онъ, конечно, не могъ быть объективнымъ и безпристрастнымъ и, сваливая вину на руководящихъ людей этого края, не стѣснялся въ неприглядной ихъ окраскѣ; подъ тѣмъ же угломъ смотрѣлъ онъ на нихъ и въ настоящую минуту, при объѣздѣ страны вмѣстѣ съ Гагаринымъ. Шервашидзе, Дадіани и Дадешкиліани опять выступали на сцену съ автономіею въ своихъ владѣніяхъ, съ ними далеко не былъ покончен счетъ; и вопросъ состоялъ именно въ томъ, какъ его покончить? Положимъ, что автономія ихъ сдѣлалась уже отжившимъ явленіемъ, абсурдомъ и въ высшемъ совѣтѣ государя и намѣстника надъ нею произнесенъ былъ окончательный приговоръ; но нужно было придумать наилучшіе способы къ ея ликвидаціи. Эта задача и предстояла кутаисскому генералъ-губернатору и его начальнику штаба. Во всякомъ случаѣ въ ликвидаціи этой не должно было имѣть мѣсто какое либо субъективное вѣяніе и масштабъ ея долженъ былъ быть широкій. Вѣдь не кто другой, какъ сама же Россія, присоединяя къ себѣ эти владѣнія, создала въ нихъ существующую автономію и ревниво ее оберегала, явно въ ущербъ интересовъ населенія,—ей же теперь и слѣдовало ликвидировать ее сообразно съ достоинствомъ великой державы.

На этой высотѣ взгляда несомнѣнно и удержался бы Гагаринъ, если бы не вліяніе Услара, чисто субъективнаго свойства. Проявилось это тотчасъ же на дѣлѣ сванетскомъ. Семья Джамсуха вопила объ удовлетвореніи; вопросъ о Княжеской Сванетіи поставленъ былъ Усларомъ на первую очередь, и онъ занялся имъ тотчасъ же по окончаніи обзора края.

III.

Матеріалъ, знакомый читателямъ изъ предъидущаго нашего разсказа и находящійся въ штабѣ генералъ-губернатора, заключалъ въ себѣ всѣ элементы для обвинительнаго акта, и Усларъ далъ ему именно такую, а не иную форму. 1) Убійство Джамсуха, въ которомъ виновникомъ называла семья его Константина Дадешкиліани, что̀ поддерживала и княгиня Дадіанъ; 2) сношенія съ Омеромъ-пашей по свѣдѣніямъ, получавшимся отъ лазутчиковъ; 3) игнорированіе русскаго правительства какъ въ теченіе всей войны, такъ и годъ цѣлый послѣ ея окончанія; 4) недопусканіе пристава Вольной Сванетіи въ свое владѣніе — чего же еще больше надо было желать для обвинительнаго акта? Но что же, спрашивалось, надо было дѣлать съ обвиняемымъ?

Рѣшено было послать снова пристава князя М. и съ нимъ новое и послѣднее приглашеніе Константина и Александра въ Кутаисъ, съ опредѣленіемъ имъ на то срока. М. поѣхалъ и, вернувшись,

объяснилъ, что опять не могъ добиться личнаго свиданія съ Дадешкиліанами и послалъ къ нимъ повѣстки съ старшинами вольныхъ обществъ, причемъ узналъ, что никогда еще эти общества такъ не страдали отъ притѣсненій Константина, какъ теперь. Срокъ, означенный въ повѣсткѣ, прошелъ и Дадешкиліановы не явились въ Кутаисъ.

Воинственность Услара расшевелилась и онъ сталъ убѣждать Гагарина въ необходимости особой экспедиціи въ Княжескую Сванетію черезъ Джварское ущелье. Это гнѣздо возмущенія и крамолы нужно было, по его мнѣнію, истребить, а иначе всякое съ нашей стороны попустительство будетъ крайне дурно отзываться среди непокорнаго еще горскаго населенія.

Гагаринъ хорошо зналъ, что Барятинскій врагъ всякихъ безцѣльныхъ экспедицій, что на рѣшеніе ихъ онъ склоняется одною лишь полною очевидностью въ ихъ необходимости, и потому не легко поддавался затѣѣ Услара. Послѣднему пришлось немало съ нимъ возиться, прежде чѣмъ настоять на своемъ. А, всетаки, онъ настоялъ и представленіе пошло. Барятинскій поморщился: экспедиція была не шутка; при самыхъ скромныхъ размѣрахъ экспедиціоннаго отряда, казнѣ обходилась она сотни тысячъ, а тутъ еще надо было проникать въ страну, извѣстную своею недоступностью. Разрѣшеніе дано было не сразу, и Услару пришлось ѣздить самому въ Тифлисъ для личнаго доклада. Наконецъ, всѣ препятствія устранились, и въ концѣ іюня мѣсяца, т. е. въ ту пору, когда Сванетія дѣлается доступною, отрядъ, состоящій изъ баталіона пѣхоты, нѣсколькихъ горныхъ орудій, роты саперъ, казаковъ и пр. съ полнымъ транспортомъ на вьючныхъ чраводарскихъ лошадяхъ, выступилъ подъ командою самого Услара изъ Кутаиса къ Джварамъ.

Въ это время у Гагарина и другихъ дѣлъ была масса. Дебатировался вопросъ о выборѣ порта на Черномъ морѣ: въ Сухумѣ, Редутъ-Кале или Поти; по этому дѣлу сотрудниками его были полковникъ Ивановъ и капитанъ Фалькенгагенъ; въ Мингреліи заварилась извѣстная каша и туда поѣхалъ уже Дюкруаси. Съ однимъ абхазскимъ владѣтелемъ шло хорошо; Михаилъ до того пристастился къ князю, что отдалъ ему своего старшаго сына Георгія на воспитаніе. Гагарины, онъ и жена, приняли этого десятилѣтняго красиваго и умнаго ребенка къ себѣ, какъ родное свое дитя, и тутъ дѣло не обошлось и безъ меня. Зная, что мнѣ было поручено воспитаніе малолѣтняго владѣтеля Мингреліи (я занимался съ нимъ два съ половиной года и не безъ успѣха), князь просилъ меня заняться и Георгіемъ. Но убѣдившись уже изъ опыта, какъ трудно было согласовать требованія правильнаго воспитанія и ученія съ тѣми условіями, съ тою средою, въ которыхъ были поставлены эти дѣти по своему происхожденію, я отклонилъ отъ себя сдѣланное мнѣ предложеніе, въ виду серьезной отвѣтственности, и не

смотря на то, живя у Гагарина въ домѣ, какъ состоящій при немъ по особымъ порученіямъ, не могъ отказаться отъ наблюденія за уроками, которые давали мальчику учителя. Не забывалъ князь и своего любимаго садоводства и, въ минуты рѣдкаго досуга, бѣгалъ на ферму. Вечерами мы собирались въ салонѣ княгини, куда приходилъ и утомленный дневною суматохою и заботами князь, и тутъ интимная бесѣда дѣлалась чрезвычайно пріятною и интересною. И вотъ, въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, когда князь, жалуясь на свое положеніе работника чуть не поневолѣ, разсказывая намъ о своемъ чрезвычайно пріятномъ буржуазномъ образѣ жизни съ княгиней, въ прошломъ году, въ Парижѣ, вспоминалъ, какъ они съ нею, любители театровъ, посѣщали ихъ очень часто, слушали въ оперѣ всѣхъ тогдашнихъ знаменитостей, жили въ отелѣ, обѣдали въ разныхъ кафе, ѣздили на скачки въ Шантильи, посѣщали Версаль, Сенъ-Клу, Фонтенебло; все это обходилось до смѣшнаго дешево, и они не знали, куда дѣвать деньги... Рѣчь эту князя перебилъ вошедшій въ гостиную переводчикъ Талханъ и доложилъ о пріѣздѣ князя Александра Дадешкиліани, дожидающагося въ залѣ.

Докладъ этотъ былъ такимъ сюрпризомъ, что внезапно пробудилъ насъ какъ бы отъ пріятнаго сна къ не совсѣмъ пріятной дѣйствительности. Конечно, появленіе Александра стояло въ связи съ наступательнымъ движеніемъ отряда Услара, но трудно было понять сразу, въ чемъ дѣло.

Князь вышелъ въ залу и мы за нимъ. Дадешкиліанъ былъ въ полной формѣ. Онъ сталъ говорить первый.

— Простите, ваше сіятельство, что являюсь не въ урочное время, но обстоятельства черезчуръ важны. Только четыре дня тому назадъ съ братомъ узнали мы о движеніи отряда въ Княжескую Сванетію, и я тотчасъ же поспѣшилъ сюда черезъ Дадіановскую Сванетію. Являюсь, чтобы доложить вамъ, что тутъ кроется какое-то страшное недоразумѣніе... Неужели эта экспедиція, какъ мы слышали, направлена противъ моего брата, Константина?

— Да-съ, она направлена противъ вашего брата. Но это не касается до васъ, а до васъ касается другое обстоятельство. Почему и какъ, нося мундиръ русскаго офицера, не явились вы по окончаніи срока отпуска вашего въ полкъ и затѣмъ не сочли нужнымъ являться на вызовы мой и мѣстнаго начальства?

— Осенью 1855 года, я дѣйствительно заболѣлъ и послалъ рапортъ о болѣзни въ полкъ чрезъ капитана Демьяновича. Потомъ, когда я поправился, пути изъ Сванетіи были занесены снѣгомъ и я поневолѣ остался. Послѣ войны меня не требовали изъ полка, да и братъ меня не отпускалъ, я нуженъ былъ ему по разнымъ дѣламъ. Вызова отъ вашего сіятельства и мѣстнаго начальства ни братъ, ни я не получали.

— А повѣстки, посланныя приставомъ, княземъ М.?

— Онъ никогда не былъ у насъ ни до войны, ни послѣ нея, да и не могъ быть, такъ какъ ему пришлось бы проѣзжать черезъ вольныя общества, недовольныя его дѣйствіями. Его бы не пропустили. Тѣ же, кому онъ передалъ повѣстки для врученія намъ, ихъ не доставили.

— Это я все узнаю, а теперь извольте отправиться къ коменданту и, передавъ ему свою шашку, доложить ему, что вы арестованы. Завтра же вы отправитесь въ Тифлисъ, тамъ намѣстникъ обсудитъ ваше поведеніе.

Гагаринъ обратился къ своему адъютанту Э. Ф. Экельну и поручилъ ему наблюсти за исполненіемъ этого приказанія.

Но Дадешкиліанъ медлилъ уходомъ.

— Прежде чѣмъ уйдти, ваше сіятельство, осмѣлюсь просить васъ выслушать нѣсколько моихъ словъ относительно брата.

— Ну-съ, говорите.

— Мнѣ неизвѣстно, ваше сіятельство, въ чемъ состоитъ обвиненіе противъ него. Знаю только, что, если его оклеветали, то истина раскроется. Онъ самъ выѣхалъ навстрѣчу начальника отряда, чтобы выяснить недоразумѣніе. Его обвиняютъ въ смерти Джамсуха, но это обвиненіе голословно, пущено его врагами, среди которыхъ первая княгиня Дадіанъ. Братъ мой—человѣкъ простой, недалекій, безъ образованія, душою и сердцемъ преданный государю и его правительству, и лучшимъ доказательствомъ этому служитъ то, что какъ разъ передъ занятіемъ Мингреліи Омеромъ-пашой онъ отвезъ сына своего въ Тифлисъ на воспитаніе, оставляя его тамъ залогомъ своей вѣрности, ему помогалъ я совѣтомъ и всѣмъ чѣмъ могъ и, если насъ разлучаютъ обстоятельства въ настоящую крайне тяжелую для него минуту, то не оставьте его, ваше сіятельство, своимъ покровительствомъ. Онъ, какъ и всѣ въ краѣ, вѣритъ въ ваше великодушное сердце.

Разговоръ этотъ, конечно, передаю я не стенографически, но въ общихъ чертахъ, сохраняя его смыслъ.

Покончивъ свою рѣчь, Александръ поклонился князю и вышелъ съ Экельномъ.

На другой день его отправили въ Тифлисъ, а тамъ скоро послѣдовало приказаніе Барятинскаго ѣхать ему въ Восточную Сибирь въ распоряженіе графа Муравьева-Амурскаго. Дальнѣйшая его судьба была вполнѣ благопріятная. Муравьевъ приблизилъ его къ себѣ, съ него была снята опала, онъ какъ человѣкъ чрезвычайно способный дослужился до полковничьяго чина; выѣхавъ вмѣстѣ съ Муравьевымъ изъ Сибири, пріобрѣлъ себѣ имѣніе на югѣ Россіи, поселился тамъ и, какъ мы слышали, живетъ въ полномъ довольствѣ.

Дня черезъ три послѣ отъѣзда Александра въ Тифлисъ, къ Гагарину пріѣхалъ и самъ Константинъ. Оказалось, что онъ встрѣ-

тилъ Услара съ отрядомъ на послѣднемъ переходѣ въ Княжескую Сванетію, въ Худонѣ, имѣлъ съ нимъ объясненіе, убѣждалъ его, что наступленіе отряда на его владѣніе есть плодъ печальнаго недоразумѣнія, происшедшаго отъ навѣтовъ, взведенныхъ на него его врагами, и просилъ полковника не двигаться далѣе; но тотъ никакихъ его объясненій не уважилъ и объявилъ, что будетъ слѣдовать въ Сванетію. Тогда Константинъ поѣхалъ къ самому князю, ожидая отъ него правосудной защиты.

Гагаринъ принялъ Константина съ нѣкоторымъ почетомъ, приличнымъ его званію, выслушалъ спокойно, вѣжливо и въ заключеніе сказалъ, что онъ никакого не можетъ дать отвѣта, пока не получитъ объясненія отъ Услара, къ которому пошлетъ тотчасъ же нарочнаго. Константина пригласилъ остаться въ Кутаисѣ и ожидать. Нарочный тотчасъ же полетѣлъ.

Но до полученія донесенія Услара прошла чуть ли не цѣлая недѣля, и въ это время Гагаринъ былъ въ взволнованномъ состояніи духа. Его смущалъ неожиданный выѣздъ братьевъ Дадешкиліановыхъ изъ Сванетіи; не было ли дѣло это въ дѣйствительности раздуто и самая экспедиція не становилась ли похожей на выстрѣлъ по воробьямъ? Что скажетъ теперь Барятинскій? Да и вообще все это касается военной репутаціи его, Гагарина. Мысли эти сильно его волновали и тревожили, а въ такія минуты онъ обыкновенно предпринималъ прогулки пѣшкомъ и, поймавъ кого нибудь изъ состоявшихъ при немъ, таскалъ, что называется, до упаду, куда попало, часто далеко за городъ. А то забирался на ферму и погружался въ міръ растеній и цвѣтовъ.

Между тѣмъ нарочные летѣли одинъ за другимъ къ Услару.

И вотъ, наконецъ, получилось оттуда объемистое донесеніе. Прочитавъ его, Гагаринъ просвѣтлѣлъ. Нечего говорить, что донесеніе было образцомъ изящества по своему стилю, перо усларовское менѣе всего блѣднѣло въ минуты критическія, тонъ его былъ до того спокойный, что всякое сомнѣніе въ правильной постановкѣ дѣла исчезло.

Въ общихъ чертахъ смыслъ былъ слѣдующій. На выѣздъ братьевъ Дадешкиліановыхъ изъ Сванетіи Усларъ смотрѣлъ, какъ на маневръ очень обыкновенный, практикуемый лисицею въ отчаянныя минуты. Она обманываетъ собакъ или движеніемъ своего хвоста, заставляя ихъ бросаться въ сторону, или вдругъ на всемъ скаку припадаетъ къ землѣ, какъ мертвая; собаки черезъ нее перескакиваютъ, а она въ это время успѣваетъ очутиться далеко уже позади ихъ. При отчаянномъ положеніи Дадешкиліановъ, подобный маневръ былъ единственнымъ для нихъ средствомъ, хотя на минуту попытаться ослѣпить имъ глаза. О сопротивленіи военной силѣ, конечно, не могло быть и рѣчи, они сами это хорошо поняли, и спасибо, что выѣхали, устранивъ такимъ образомъ всякіе поводы къ пролитію

хотя одной капли крови. Но вѣдь объектъ экспедиціи вовсе не въ однѣхъ личностяхъ Дадешкиліановыхъ, онъ состоитъ въ устраненіи разъ навсегда тѣхъ мѣстныхъ внутреннихъ условій, при которыхъ Княжеская Сванетія, оставаясь лишь номинально мирною страною, на самомъ дѣлѣ была гнѣздомъ разбоя и крамолы. Смежная съ непокорнымъ намъ Даломъ, она не только не служила оплотомъ противъ него, но и была съ нимъ во вредномъ для насъ союзѣ, а въ то же время постоянно дѣлала нападенія съ цѣлію грабежа на общества Вольной Сванетіи. Поэтому не обращая вниманія на выѣздъ Константина, Усларъ дошелъ до Эцери и вскорѣ убѣдился, что положеніе вещей тутъ болѣе ужасно, чѣмъ можно было предполагать. Затѣмъ слѣдовала картина мастерской кисти, изображающая это положеніе. Сванетія служила ей богатѣйшимъ матеріаломъ какъ по своимъ орографическимъ, такъ и соціальнымъ условіямъ. Врядъ ли можно было найдти на свѣтѣ уголъ, подобный этому. Цивилизація, остановившаяся на первобытной формѣ семейнаго союза; безграничная власть отца надъ членами своей семьи; полное безправіе женщины; отсутствіе религіи и вмѣсто нея смѣсь обрядовъ язычества, мусульманства и христіанства; невѣжество, доходящее до дикости; соціальныя отношенія, основанныя единственно на кулачномъ правѣ сильнаго; постоянные счеты по кровомщенію и при всемъ этомъ крайняя суровость климата и скудость природы, не дающей никакихъ мѣстныхъ источниковъ для благосостоянія и своею неприступностью изолирующей этотъ край отъ всего остальнаго міра—на такомъ яркомъ фонѣ Усларъ и написалъ свою картину, на первомъ планѣ которой выдавался, конечно, Дадешкиліанъ, деспотически царящій не столько надъ собственнымъ своимъ владѣніемъ, сколько надъ сосѣдними съ нимъ обществами Вольной Сванетіи. Такого порядка вещей нельзя выносить. Усларъ, войдя въ Эцери, нашелъ здѣсь толпы вольныхъ сванетовъ съ вопіющими жалобами на Константина; ему нельзя уйдти отсюда, не удовлетворивъ по мѣрѣ возможности и не положивъ первыя основы для законной власти пристава. Возвращеніе Дадешкиліана въ свое владѣніе немыслимо, о чемъ Усларъ представитъ массу доказательствъ въ особой дополнительной запискѣ. Способы и соображенія относительно матеріальнаго вознагражденія его за имѣющія отойдти отъ него владѣнія и имущества онъ внесетъ въ особомъ проектѣ, если не вмѣстѣ съ дополнительной запиской, то вслѣдъ за нею.

Таково было содержаніе объемистаго донесенія Услара.

Мы сказали уже, что оно подѣйствовало оживительно и успокоительно на князя Гагарина. По мнѣнію его, въ немъ было достаточно данныхъ, чтобы убѣдить князя Барятинскаго въ цѣлесообразности дѣйствій Услара, и онъ представилъ ему записку послѣдняго цѣликомъ. При этомъ пригласивъ Дадешкиліана и принявъ его на этотъ разъ весьма серьезно и сухо, сказалъ ему, чтобы

онъ ѣхалъ въ Тифлисъ самъ; тамъ онъ будетъ имѣть возможность представить намѣстнику личныя объясненія и услышать отъ него заключеніе о дальнѣйшемъ направленіи его дѣла.

Поѣздка Константина оказалась для него неудовлетворительною. Барятинскій его не принялъ и онъ имѣлъ свиданіе только съ Д. А. Милютинымъ. Близкіе къ князю разсказывали послѣ, что онъ вообще поморщился на всю сванетскую исторію и, прочитавъ донесеніе Услара, иронически выразился: «je trouve que cette litterature me revient trop cher». Эту сванетскую филантропію можно было бы сдѣлать и подешевле, пожалуй, и безъ экспедицій. Пріѣздъ въ Тифлисъ Дадешкиліана найденъ былъ преждевременнымъ; говорить объ окончательной съ нимъ развязкѣ до полученія отъ Услара дополнительной записки и проекта ликвидаціи было нельзя, и потому рѣшено было отправить его обратно въ Кутаисъ, а какъ теперь по положенію своему онъ требовалъ надъ собою особаго наблюденія и во многихъ отношеніяхъ руководства, то князь нашелъ полезнымъ назначить къ нему попечителя, въ лицѣ полковника Бартоломея, и отпускать въ его распоряженіе деньги на расходы Дадешкиліани, сколько потребуется.

4.

Такимъ образомъ въ это дѣло вступило еще новое дѣйствующее лицо, съ которымъ тоже необходимо познакомить читателей.

Иванъ Алексѣевичъ Бартоломей, товарищъ князя Барятинскаго по школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, началъ службу свою въ лейбъ-гвардіи егерскомъ полку. Съ хорошимъ состояніемъ, со связями, превосходно говорившій на нѣсколькихъ языкахъ и въ особенности пофранцузски, онъ имѣлъ всѣ условія для успѣха въ свѣтѣ, который велъ тогда и къ карьерѣ, если бы не наружность, все портившая. Небольшаго роста, рыже-бѣлесоватый и съ бѣльмомъ на глазу, Иванъ Алексѣевичъ производилъ невыгодное для себя впечатлѣніе, въ особенности на прекрасный полъ, и съ первыхъ же попытокъ своихъ блистать въ свѣтѣ имѣлъ, говорятъ, горькую неудачу. Предметъ его страстной любви, красавица и богатая невѣста отказала ему наотрѣзъ и это до такой степени его озадачило и потрясло, что онъ перестадъ показываться въ свѣтѣ, заперся въ своей холостой кельѣ и отдался всецѣло изученію восточныхъ языковъ, подъ руководствомъ извѣстныхъ тогда нашихъ оріенталистовъ Казембека и Григорьева. Вмѣстѣ съ этимъ родилась у него и страсть къ коллекторству и въ особенности нумизматическому. Сначала собиралъ онъ древнія монеты всѣхъ временъ и народовъ, но впослѣдствіи спеціализировался въ этой области, остановившись на монетахъ древнеперсидскихъ и притомъ исключительно принадлежащихъ къ продолжи-

тельному періоду династіи Сассанидовъ. Въ связи съ этой спеціальностью, какъ равно и съ изученіемъ восточныхъ литературъ, онъ знакомился и съ другими отраслями наукъ, какъ-то: съ археологіей и палеографіей. По своимъ трудамъ въ нумизматикѣ и по своей громадной коллекціи персидскихъ монетъ, строго классифицированныхъ, онъ обратилъ на себя вниманіе ученаго міра, и въ особенности во Франціи, гдѣ цѣнителемъ себѣ нашелъ извѣстнаго археолога и нумизмата Соре (Soret), при посредствѣ котораго избранъ былъ членомъ академіи наукъ и искусствъ (Académie des sciences et des arts). Уже въ капитанскомъ чинѣ, когда Воронцовъ назначенъ былъ на Кавказъ, вздумалось ему проситься туда для того, чтобы поближе познакомиться съ Востокомъ. Воронцовъ его охотно взялъ по особымъ къ себѣ порученіямъ и отсюда начинается его кавказская служба. Мы говорили уже, что въ сороковыхъ годахъ онъ былъ Колумбомъ Сванетіи, а затѣмъ его посылали и въ Персію (съ Брусиловымъ) и время отъ времени принималъ онъ участіе въ экспедиціяхъ противъ горцевъ. Между прочимъ, въ одной изъ нихъ онъ былъ замѣчательно раненъ: пуля на излетѣ попала ему какъ разъ въ то самое мѣсто, гдѣ сердце; онъ былъ въ мѣховомъ пальто, пуля пробила пальто, и по крови, которая сочилась изъ-подъ него, другіе замѣтили, что онъ раненъ; направленіе пули было таково, что рана казалась несомнѣнно смертельною; Бартоломей самъ это понялъ и съ нимъ отъ волненія сдѣлался обморокъ; между тѣмъ, когда его раздѣли, пуля вывалилась на полъ. Оказалось, что, пробивъ пальто, она пробила и сюртукъ, но дальше, сдѣлавъ ссадину въ груди, не имѣла уже силы пробить ее. Бартоломей долго послѣ того носилъ этотъ сюртукъ съ заплаточкою какъ разъ противъ сердца. Въ одно время былъ онъ предсѣдателемъ меджлиса (мусульманскаго суда) въ Чечнѣ, при Слѣпцовѣ и съ успѣхомъ исправлялъ эту трудную должность. Конечно, когда Барятинскій сдѣлался намѣстникомъ, честолюбивыя надежды Бартоломея, какъ его школьнаго товарища, очень расшевелились и онъ, что называется, постоянно торчалъ передъ княземъ въ числѣ многихъ «чающихъ движенія». Въ числѣ этихъ многихъ находился тогда и М. Т. Лорисъ-Меликовъ.

Барятинскій, давая Бартоломею назначеніе попечителя при Дадешкиліанѣ, былъ доволенъ, что уменьшился рядъ «чающихъ».

Но такой ли нуженъ былъ въ дѣйствительности попечитель Дадешкиліану, человѣку, какъ мы видѣли, совершенно особеннаго склада. Громаднаго роста, четырнадцати вершковъ, прекрасно и пропорціонально сложенный, красивый блондинъ, атлетической силы, лѣтъ тридцати съ небольшимъ, Дадешкиліанъ былъ по темпераменту своему одинъ изъ тѣхъ спокойныхъ и выносливыхъ характеровъ, которыхъ весьма трудно раздражить и разсердить; но за то крайне опасныхъ, когда ихъ выведутъ изъ себя. Онъ былъ зна-

комъ со многими изъ служившихъ въ Кутаисѣ, между прочимъ, и со мною и производилъ впечатлѣніе человѣка скорѣе добродушнаго, чѣмъ злаго. Порусски онъ не говорилъ, но понималъ хорошо, такъ что самъ, понимая погрузински, я могъ вести съ нимъ бесѣду безъ переводчика: каждый изъ насъ говорилъ на своемъ родномъ языкѣ, и мы свободно понимали другъ друга. Выросшій въ полудикой средѣ, испытавшій въ раннемъ возростѣ такое незаурядное ощущеніе, какъ покушеніе на свою жизнь, и затѣмъ прошедшій черезъ безконечную вереницу разнаго рода приключеній, въ которыхъ интрига, предательство, кинжалъ, ядъ, грубое насиліе, грабежъ, убійство были самыми заурядными явленіями, само собою разумѣется, онъ не былъ носителемъ возвышенныхъ идеаловъ, но и не былъ лишенъ хорошихъ стремленій и здраваго смысла. Былъ очень, напримѣръ, чадолюбивъ и говорилъ со мною неоднократно о намѣреніи своемъ дать солидное образованіе своимъ дѣтямъ, которыя были еще малютки. Интересовался очень разсказами о Россіи, о Петербургѣ, о государѣ; понималъ людей, съ которыми имѣлъ дѣло, и къ людямъ честнымъ и справедливымъ имѣлъ большое уваженіе, готовъ былъ безусловно ихъ во всемъ слушаться. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что найди онъ въ своемъ попечителѣ человѣка симпатичнаго, прямаго, честно объясняющаго ему настоящій смыслъ его положенія и его дѣла, можно съ увѣренностію сказать, что онъ слѣпо отдался бы его руководству и все бы устроилось какъ нельзя лучше. Нетрудно было дать понять ему безъ обиняковъ, что роль его автономнаго владѣтельства съиграна окончательно, что теперь не время помышлять о ея дальнѣйшемъ продолженіи, а нужно подумать о ликвидаціи. Вѣдь и отецъ его сознавалъ все это, поэтому оно не было для него новостію, и вмѣсто всякихъ хитрыхъ подходовъ слѣдовало говорить съ нимъ прямо, безъ всякихъ недомолвокъ и невыполнимыхъ обѣщаній. Къ сожалѣнію, въ назначенномъ ему попечителѣ онъ встрѣтилъ къ себѣ не только оскорбительное равнодушіе, но и пренебреженіе.

Бартоломей по роду спеціальности своей коллектора и нумизмата былъ фанатикомъ только въ этой области; для какой нибудь монеты онъ не останавливался ни передъ какими способами ея пріобрѣтенія, объ деньгахъ и говорить нечего; его состояніе разстроилось отъ Сассанидовъ; въ то же время онъ былъ честолюбивъ и гнался за повышеніями на службѣ, сгибаться въ три погибели для него ничего не составляло и затѣмъ, какъ человѣкъ, онъ былъ черствой души и въ манерѣ его было что-то ехидное. Порученіемъ князя Барятинскаго онъ былъ крайне недоволенъ, ему казалось, что оно даже компрометируетъ его; «on m'a fait cornac»,—говорилъ онъ своимъ пріятелямъ:—«voyez, quel mostodonte je dois promener»[1]).

[1]) Меня сдѣлали корнакомъ (проводникомъ слона). Посмотрите, какого мамонта я долженъ вываживать.

Само собою разумѣется, что съ первыхъ же дней между нимъ и Дадешкиліаномъ родилась антипатія и, припоминая прошлое, нельзя не удивляться терпѣливости послѣдняго при всѣхъ мелочныхъ и безпрестанныхъ щелчкахъ нравственныхъ, сыпавшихся на него отъ Бартоломея. Напримѣръ, выдумалъ онъ поселиться въ одной гостинницѣ съ Дадешкиліаномъ. На верху жилъ Константинъ, а внизу онъ; домишко былъ дрянной, внизу было все слышно, что дѣлалось на верху; переводчикомъ у Бартоломея (онъ не говорилъ

Князья: Ціохъ (Михаилъ), Тенгисъ (Николай) и Исламъ Дадешкиліановы.

погрузински) былъ самая дрянная личность, какой-то лакеишко, не умѣющій даже и переводить, какъ слѣдуетъ; онъ его сдѣлалъ и своимъ лазутчикомъ, что̀, конечно, дало возможность этому человѣку сплетничать въ обѣ стороны: Дадешкиліану на Бартоломея и наоборотъ. По вопросу о расходахъ, Бартоломей поднялъ разныя пререканія изъ-за какихъ то грошей, въ виду сбереженія казеннаго интереса, словомъ попечительство его обратилось въ какую-то травлю.

Время отъ времени Дадешкиліанъ приглашался къ обѣду Гагарина и непремѣнно съ Бартоломеемъ, причемъ тотъ ехидно разсказывалъ на французскомъ языкѣ разные забавные анекдотцы про своего мостодонта.

Наконецъ, вернулся и Усларъ, привезъ съ собою массу матеріаловъ, обработкою которыхъ усердно занялся. Съ Дадешкиліаномъ онъ избѣгалъ встрѣчи, предчувствуя, что она къ добру не поведетъ. Однажды, мнѣ случилось таки увидать ихъ вмѣстѣ. Зашелъ я вечеромъ къ Н. П. Колюбакину, тогда еще кутаисскому губернатору. У него я нашелъ Константина Дадешкиліана и еще кого-то; немного спустя пришелъ и Усларъ. Бесѣда, конечно, не клеилась и долженъ былъ говорить за всѣхъ хозяинъ, вспоминавшій отдаленныя времена, когда онъ, разжалованный въ солдаты, былъ въ отрядѣ Вельяминова съ нѣкоторыми декабристами. Вспоминалъ Одоевскаго, братьевъ Бестужевыхъ и другихъ, съ которыми былъ очень близокъ. Подали ужинъ, разговоръ и тутъ шелъ вяло; Дадешкиліанъ, сидѣвшій vis à vis съ Усларомъ, смотрѣлъ все время въ тарелку, молчалъ и лаконически отвѣчалъ на мои вопросы. Говорилъ опять же Колюбакинъ. Послѣ ужина ушелъ первымъ Константинъ, а затѣмъ Усларъ, пригласивъ меня идти вмѣстѣ, такъ какъ мы жили въ одной сторонѣ. Ночь была темная, Усларъ попросилъ казака съ фонаремъ въ провожатые, я при этомъ замѣтилъ, что считаю это лишнимъ, зная отлично всѣ улицы, и берусь его провожать безъ фонаря, но онъ настоялъ на своемъ и мы пошли. На половинѣ пути онъ вдругъ сказалъ мнѣ: «неужели вы думаете, что этотъ дикій задумается пырнуть меня ночью одного». Я не понялъ, о комъ онъ говоритъ, не подозрѣвая тогда всю натянутость отношеній его къ Константину, и спросилъ, кто это «дикій». «Какъ, неужели вы не догадываетесь, мы съ нимъ просидѣли вѣдь цѣлый вечеръ?» Я былъ крайне удивленъ услышаннымъ, никакъ не подозрѣвая, что дѣло до того обострилось. Мнѣ всегда казалось, что съ такимъ смирнымъ человѣкомъ можно все уладить.

Дня черезъ три я зашелъ къ Услару и нашелъ его стрѣляющимъ въ цѣль изъ пистолета Монте-кристо.

«Упражняю, на всякій случай, свою руку». Я ничего не сказалъ на это, но мнѣ слышалось въ словахъ его продолженіе ночнаго нашего разговора. Уже въ послѣдствіи мнѣ стало ясно, что онъ имѣлъ серьезныя основанія ожидать отъ Дадешкиліана чего-то недобраго.

Въ это время случился эпизодъ довольно курьезный. Къ Дадешкиліану ходила масса гостей; въ Кутаисѣ жила его теща княгиня Кесарія Шервашидзе, сынъ ея Григорій съ семьей, слѣдовательно были и родственники, а знакомыхъ множество. Иногда съ цѣлой толпой гулялъ онъ на бульварѣ. Конечно, при этомъ

шелъ постоянно разговоръ о его дѣлѣ, и многіе подъ видомъ сочувствія давали различные совѣты. Кто-то изъ такихъ совѣтчиковъ пришелъ однажды къ нему и сдѣлалъ по секрету очень курьезное предложеніе. Такъ какъ было ясно, что ни отъ Гагарина, ни отъ Барятинскаго нечего ожидать справедливости, то не лучше ли поискать другаго пути къ государю, повѣрнѣе. Онъ знаетъ одного доктора поляка, который прекрасно владѣетъ французскимъ языкомъ и берется написать прошеніе къ Наполеону III. Ему можно объяснить, что вотъ ты былъ царемъ въ Сванетіи и тебя несправедливо лишаетъ царства Барятинскій, и просить его, чтобы онъ заступился за тебя у императора Александра Николаевича. А тотъ не откажетъ ни въ чемъ Наполеону. Утопающій хватается за соломинку и невѣжественный Дадешкиліанъ, крайне уже разстроенный всѣмъ съ нимъ творившимся, а въ особенности Бартоломеемъ, далъ себя поймать на эту удочку. Доктора онъ разрѣшилъ привести къ себѣ и послѣ переговоровъ съ нимъ, при посредничествѣ своего пріятеля, далъ ему сколько-то рублей впередъ за написаніе прошенія. Докторъ былъ затѣмъ раза два и хотя переговоры велись секретно, но переводчикъ и лазутчикъ Бартоломея что-то пронюхалъ и сообщилъ полковнику; а тотъ обратился къ полиціймейстеру за справкой о докторѣ полякѣ. Оказалось, что лицо, посѣщавшее Дадешкиліана, носившее дѣйствительно сюртукъ военнаго врача, на самомъ дѣлѣ было отставной рядовой Талистовъ, большой негодяй и мошенникъ. Побочный сынъ какого-то графа Толстаго, получивъ въ юности прекрасное образованіе, зная хорошо французскій языкъ, за какую-то пакость въ полку, гдѣ онъ былъ уже офицеромъ, разжалованъ былъ безъ выслуги въ рядовые на Кавказъ. Тутъ онъ много лѣтъ мытарствовалъ и, наконецъ, за физическою негодностью выпущенный въ отставку, побирался и переѣзжалъ изъ города въ городъ. Въ Кутаисъ онъ пріѣхалъ въ лекарскомъ сюртукѣ, подаренномъ ему въ видѣ милостыни какимъ-то докторомъ, и выдалъ самъ себя за доктора поляка. Этого гуся, конечно, взяли, нашли у него редактируемое имъ прошеніе къ Наполеону и Бартоломей хотѣлъ изъ этого раздуть цѣлую исторію въ видѣ государственной измѣны. Къ счастію Гагаринъ, которому все это начало ужасно надоѣдать, прежде всего, какъ человѣкъ порядочный, возмутился затѣей нумизмата и коротко положилъ конецъ этой ерундѣ. Талистова приказалъ выслать по этапу на родину, въ Калужскую губернію, а Бартоломея просилъ ничего не говорить Дадешкиліану о томъ, что эта исторія огласилась. Но не менѣе того Гагаринъ, видя, что дальнѣйшее пребываніе здѣсь Константина неудобно, когда Усларъ покончилъ, наконецъ, свою работу и она была послана въ Тифлисъ, просилъ князя Барятинскаго вмѣсто Кутаиса назначить другую резиденцію Дадешкиліану.

Въ это время я поѣхалъ въ Мингрелію на службу.

Изъ разсказаннаго уже мною, читатели видѣли, что мингрельское дѣло, благодаря упорству княгини, значительно усложнялось и дошло, наконецъ, до необходимости вызвать ее въ Петербургъ. Все это, конечно, немало давало хлопотъ князю Гагарину; ему сразу приходилось вести такихъ два щекотливыхъ дѣла, какъ прекращеніе мингрельской и сванетской автономіи, и онъ ничего такъ не желалъ, какъ поскорѣе окончить ихъ и затѣмъ перейдти къ другимъ дѣламъ, болѣе интереснымъ. У него начались уже тогда переговоры съ директоромъ-распорядителемъ Общества пароходства и торговли, Н. А. Новосельскимъ, объ устройствѣ рѣчнаго пароходства по Ріону. Гагаринъ ожидалъ отъ этого предпріятія самыхъ благопріятныхъ результатовъ для края.

И вотъ, наконецъ, условившись съ княгинею Дадіанъ о днѣ ея отъѣзда, 25-го октября, и все къ нему приготовивъ, Гагаринъ самъ думалъ провожать ее и предварительно послалъ къ ней въ Горди свою жену. 22-го числа, самъ онъ собирался выѣхать туда же и отдалъ приказъ приготовить лошадей къ 12-ти часамъ.

Въ девять часовъ утра подали ему пакетъ изъ Тифлиса. Начальникъ штаба извѣщалъ его, что князь Барятинскій, по докладу дѣла Дадешкиліана, согласившись съ его соображеніями и предположеніями, рѣшилъ представить ихъ на высочайшее благоусмотрѣніе, а покуда находитъ необходимымъ назначить Дадешкиліану резиденціею городъ Эривань, куда и поручаетъ немедленно его направить.

Прочитавъ эту бумагу, князь послалъ за правителемъ канцеляріи, Изюмскимъ, и встрѣтилъ его съ радостнымъ лицомъ.

— Ну, наконецъ, и съ Дадешкиліаномъ у насъ развязка. Вотъ прочитайте. Я послалъ васъ просить къ себѣ, чтобы вы помогли мнѣ съ нимъ объясниться.

Изюмскій былъ уроженецъ Закавказскаго края,—мать его была грузинка и онъ прекрасно говорилъ на этомъ языкѣ. Симпатичный, благовоспитанный, кончившій курсъ въ Казанскомъ университетѣ, онъ былъ очень уважаемъ туземцами, пользовался особымъ довѣріемъ князя и хорошъ былъ съ Дадешкиліаномъ, который часто бывалъ у него. Князь, поэтому, и выбралъ для предстоящей ему щекотливой бесѣды съ Дадешкиліаномъ такого подходящаго человѣка.

Изюмскій сталъ уговаривать князя остеречься отъ личнаго объясненія съ Константиномъ; онъ черезчуръ раздраженъ и можетъ выйдти непріятность. Изюмскій самъ видѣлъ, какъ нѣсколько дней тому назадъ, когда князь гулялъ на бульварѣ, Дадешкиліанъ сдѣлалъ движеніе рукой очень подозрительное, схватившись за кинжалъ. Но эти слова Изюмскаго не только не отклонили князя, но еще болѣе возбудили.

— Вотъ пустяки-то, Андріанъ Андріановичъ, неужели вы ду-

маете, что я его испугаюсь? Зову его для того, чтобы помочь ему, чѣмъ могу, передъ его отъѣздомъ, развѣ онъ этого не пойметъ?

Изюмскій попробовалъ еще разъ возражать, но убѣдился, что все будетъ напрасно. Князь непремѣнно хотѣлъ выѣхать въ 12 часовъ въ Горди, а передъ отъѣздомъ повидаться съ Дадешкиліаномъ и, узнавъ отъ него все, что только тому нужно, сдѣлать необходимыя распоряженія.

Пришлось послать за Дадешкиліаномъ. Пошелъ дежурный квартальный.

Въ соборѣ шла въ это время обѣдня и на паперти, въ числѣ прочихъ, выдавалась крупная фигура Дадешкиліана, усердно молившагося. На немъ не было никакого оружія, кромѣ кинжала, но кинжала громаднаго, соотвѣтственнаго его росту и силѣ. Къ нему подошелъ квартальный и между ними произошелъ слѣдующій діалогъ, слышанный близъ стоящими.

— Ваша свѣтлость, генералъ-губернаторъ прислалъ меня просить васъ пожаловать къ нему теперь же.

— Какъ теперь же, вы видите, что я молюсь. Доложите, что когда я посвящаю себя молитвѣ, всѣ другія дѣла для меня не существуютъ. По окончаніи обѣдни я приду къ князю.

Квартальный ушелъ; но этого появленія его было достаточно, чтобы подѣйствовать раздражительно на Константина. Послѣднее время онъ въ особенности былъ въ постоянно возбужденномъ состояніи; Гагарина онъ давно не видалъ, такъ какъ тотъ исключительно занятъ былъ мингрельскимъ дѣломъ; Бартоломей продолжалъ попрежнему дѣйствовать на его нервы; слышалъ онъ, что Усларъ написалъ что-то очень объемистое, посланное уже въ Тифлисъ; отъ всего этого онъ ничего не ожидалъ хорошаго. У этого человѣка, крайне несчастнаго, тосковавшаго о семьѣ, третій мѣсяцъ съ нимъ разлученной, были, конечно, лучшими минутами — минуты молитвы. И вотъ даже и онѣ отравляются ему. Если Гагаринъ присылалъ, то, значитъ, что нибудь совершилось новое въ его дѣлѣ; хорошаго, повторяемъ, онъ ничего не ожидалъ. Сталъ онъ еще усерднѣе молиться, и вдругъ опять прервалъ его молитву тотъ же квартальный.

— Ваша свѣтлость, князь непремѣнно проситъ васъ пожаловать къ нему тотчасъ же. Они уѣзжаютъ въ Горди и передъ отъѣздомъ желаютъ съ вами повидаться.

Тогда Дадешкиліанъ сказалъ:—хорошо, перекрестился нѣсколько разъ, махнулъ рукой, надѣлъ на себя папаху и пошелъ.

Когда вторично посланъ былъ квартальный изъ дому генералъ-губернатора, видя возбужденное состояніе Гагарина, нетерпѣливо отдававшаго вторичный приказъ о скорѣйшемъ приглашеніи Дадешкиліана, Изюмскій самъ пошелъ вслѣдъ за квартальнымъ и встрѣтилъ Константина уже на половинѣ дороги. Онъ увидѣлъ по

лицу его, что онъ тоже раздраженъ и сталъ ему объяснять нетерпѣніе князя желаніемъ повидаться съ нимъ передъ отъѣздомъ въ Горди.

— Онъ получилъ бумагу по твоему дѣлу, хотѣлъ самъ съ тобой говорить и послалъ пораньше для того, чтобы ты пришелъ прежде, чѣмъ соберутся къ нему разныя лица съ докладами.

— А ты не знаешь, о чемъ эта бумага?

— Да онъ самъ тебѣ скажетъ. Ты можешь быть только увѣренъ въ томъ, что онъ сдѣлаетъ все, что только возможно. Довѣрься ему вполнѣ и будь спокоенъ.

Дадешкиліанъ молчалъ и они вскорѣ дошли до генералъ-губернаторскаго дома.

Въ пріемной залѣ было уже нѣсколько человѣкъ, и въ числѣ ихъ Бартоломей, капитанъ-лейтенантъ Савиничъ, капитанъ линейнаго баталіона князь Константинъ Микеладзе, переводчикъ Талханъ Ардишвили и другіе.

Дадешкиліанъ съ Изюмскимъ прошли прямо въ кабинетъ.

Князь по обыкновенію вѣжливо и привѣтливо встрѣтилъ Константина.

— Очень сожалѣю, что потревожилъ васъ во время обѣдни; но вамъ объяснилъ, вѣроятно, Андріанъ Андріановичъ причину. Я получилъ бумагу по вашему дѣлу.

Онъ взялъ бумагу со стола и просилъ Изюмскаго прочитать ее Дадешкиліану, переводя на грузинскій языкъ. Они всѣ стояли. Дадешкиліанъ направо отъ двери, спиною къ камину, возлѣ него Изюмскій, а Гагаринъ ходилъ по кабинету во время чтенія. По мѣрѣ того, какъ оно близилось къ концу, лицо Константина становилось все мрачнѣе, глаза наливались кровью.

Наконецъ, чтеніе кончилось и сталъ говорить Гагаринъ.

— Вы видите, князь, что дѣло ваше послано къ государю; тамъ разрѣшится оно окончательно. Государь нашъ милостивъ и вамъ надо твердо быть увѣреннымъ, что онъ васъ не оставитъ. Покуда же не получится отвѣта изъ Петербурга, намѣстникъ нашелъ нужнымъ назначить вамъ резиденціею Эривань. Вы теперь туда и поѣдете.

Дадешкиліанъ слушалъ все это, понуря голову, и когда Гагаринъ кончилъ, онъ нескоро заговорилъ.

— Скажи князю,—началъ онъ, обращаясь къ Изюмскому:—что ослушиваться воли государя и намѣстника я и не думалъ; но прошу войдти въ мое тягостное положеніе, какъ могу я ѣхать въ Эривань, когда у меня дома все осталось брошеннымъ и не устроеннымъ. Наконецъ, семьи своей я не видалъ уже три мѣсяца.

— Да, это все правда, но все, что вы ни поручите мнѣ, князь, относительно вашихъ распоряженій по домашнимъ вашимъ дѣламъ, будетъ въ точности исполнено. Я назначу для того надежное лицо, которое нарочно для этого поѣдетъ въ Сванетію.

— Нѣтъ-съ, тутъ нужно только мое личное присутствіе. Я никому не могу поручить своихъ дѣлъ и опять же повторяю, я такъ давно оторванъ отъ семьи... Отпустите меня домой, я все устрою и вернусь.

— Этого сдѣлать я не въ правѣ, а долженъ въ точности исполнить распоряженіе намѣстника. Отпустить васъ не могу и вы должны поѣхать въ Эривань; пишите оттуда князю Барятинскому, онъ, конечно, войдетъ въ ваше положеніе и придумаетъ наилучшій способъ, какъ вамъ помочь.

— Но я прошу васъ отпустить меня теперь же.

— Не могу-съ, и не могу-съ!

Гагаринъ сталъ ходить по кабинету и видимо волновался.

— Отпустите меня мѣсяца на три, тогда я все устрою и вернусь.

— Какъ-съ, на три мѣсяца!—Гагаринъ добродушно захохоталъ:—да я не въ правѣ отпустить васъ на три дня, на три часа. Вы сегодня же поѣдете.

Дадешкиліанъ понималъ всякое слово безъ помощи Изюмскаго и, когда Гагаринъ, сказавъ ему послѣднюю фразу, повернулся и пошелъ опять ходить, Изюмскій, увидавъ, что тотъ схватился рукою за кинжалъ, сказалъ Гагарину въ догонку пофранцузски: — «Берегитесь князь, онъ васъ убьетъ».

Гагаринъ до того былъ возбужденъ, что, вѣроятно, ничего не слышалъ, а Дадешкиліанъ опустилъ руку.

— Я призвалъ васъ,—началъ опять Гагаринъ:—чтобы передать вамъ волю намѣстника, которая должна быть тотчасъ же исполнена, и больше ничего не имѣю вамъ сказать. Вы сегодня же поѣдете въ Эривань.

Гагаринъ поклонился, давая тѣмъ понять, что аудіенція окончена. Но Дадешкиліанъ не трогался.

— Скажи ему,—началъ онъ, обращаясь опять къ Изюмскому:—что у меня денегъ совсѣмъ нѣтъ.

Когда Изюмскій перевелъ это, Гагаринъ, уже немного успокоившійся, отвѣчалъ:

— Объ этомъ пусть не безпокоится князь, въ деньгахъ у него не будетъ недостатка, полковнику Бартоломею выдастся сумма нужная на всѣ его расходы. Онъ можетъ требовать, сколько ему нужно. Да, впрочемъ, я и самъ могу снабдить его деньгами...

Тутъ Гагаринъ повернулся, подошелъ къ своему бюро и сталъ вынимать пачку денегъ. Но въ это роковое мгновеніе Дадешкиліанъ выхватилъ свой страшный кинжалъ, налетѣлъ съ нимъ на Гагарина и нанесъ ему два удара — одинъ въ руку, а другой въ полость живота...

Съ этого момента домъ генералъ-губернаторскій обращается въ какую-то бойню; кромѣ Гагарина, въ немъ дѣлаются еще трое жертвами этого разсвирѣпѣвшаго до бѣшенства человѣка.

Переводчикъ Ардишвили получаетъ ударъ въ сердце, наносящій ему мгновенную смерть, Николай Петровичъ Ильинъ, израненный въ нѣсколькихъ мѣстахъ и съ обезображеннымъ лицомъ, вскорѣ испускаетъ духъ, поваръ Максимъ валяется раненый на террасѣ. Свидѣтели катастрофы спасаются бѣгствомъ. Тревога разносится мгновенно по городу, всѣ бѣгутъ въ домъ Гагарина; рота линейнаго баталіона прибѣгаетъ туда же. Губернаторъ Ивановъ, полиціймейстеръ, всѣ власти тутъ. Гагарина, выбѣжавшаго изъ кабинета на дворъ и упавшаго тамъ на землю, помѣщаютъ во флигелѣ. Доктора около него.

Но гдѣ же Дадешкиліанъ, его нигдѣ не находятъ; смятеніе не прекращается и вдругъ раздается крикъ изъ армянскаго переулка, сосѣдняго съ домомъ генералъ-губернатора: «онъ здѣсь, онъ здѣсь!». Бросается туда ротный командиръ съ своею ротою; оказывается, что Дадешкиліанъ въ домѣ Бакрадзе. Домъ окружаютъ, кричатъ ему, чтобы онъ вышелъ и сдался; но онъ баррикадировалъ дверь огромнымъ диваномъ, который не въ силахъ были сдвинуть потомъ нѣсколько человѣкъ, и, найдя въ комнатѣ у Бакрадзе ружье, зарядилъ его патронами, бывшими въ его чохѣ, сталъ отстрѣливаться и ранилъ еще троихъ. Губернаторъ Ивановъ приказываетъ тогда въ него стрѣлять и только съ перешибленною рукою его берутъ и волочатъ на гауптвахту.

Все это совершается быстрѣе, чѣмъ можно разсказать, и въ первую минуту никто не можетъ дать себѣ отчета въ случившемся. Городъ въ страшномъ волненіи.

Въ одно и то же время посланы были—Изюмскій въ Горди за княгиней Гагариной и нарочный въ Тифлисъ съ донесеніемъ. Телеграфа тогда еще не было.

Доктора нашли рану князя смертельною, и послѣ самыхъ мучительныхъ страданій онъ скончался 27-го октября, въ пятницу.

Талханъ Ардишвили и Николай Петровичъ Ильинъ погибли, вслѣдствіе беззавѣтной своей преданности къ Гагарину. Первый, услышавъ крикъ князя въ кабинетѣ, полетѣлъ изъ залы съ шапкою въ рукахъ на Дадешкиліани; но тотъ парировалъ наносимый ему ударъ и кинжаломъ, направленнымъ въ сердце, покончилъ съ Ардишвили. Ильинъ безоружный схватилъ Дадешкиліани сзади за руки и помоги ему кто нибудь въ это мгновеніе, того можно было бы обезоружить; но никто не помогъ... всѣ разбѣжались и попрятались. Дадешкеліану стоило большихъ усилій, чтобы вырваться изъ рукъ Ильина, и, когда онъ этого добился, сталъ безпощадно полосовать несчастную, безоружную жертву по лицу и куда попало. Поваръ Максимъ, бывшій крѣпостной князя, наскочилъ на Дадешкиліана, когда тотъ спускался съ террасы въ садъ: однимъ ударомъ въ плечо его повергъ тотъ на землю. Къ счастію, глубокая его рана оказалась не смертельною. Дадешкиліанъ подошелъ въ саду къ берегу

Ріона и былъ въ раздумьѣ: переходить, или не переходить черезъ него, но, не зная бродовъ, повернулъ налѣво и берегомъ вышелъ въ армянскую улицу. Тутъ и взяли его въ домѣ Бакрадзе.

Дня черезъ три послѣ событія, въ Кутаисъ прибылъ генералъ, князь Бектабеговъ, назначенный Барятинскимъ презусомъ полеваго суда, которому преданъ былъ Дадешкиліанъ.

Раненый въ лѣвую руку около плеча, Константинъ ужасно страдалъ, но болѣзненное его состояніе не останавливало судъ въ отправленіи его функцій. Подсудимый выбралъ себѣ защитникомъ управляющаго Мингреліею Н. П. Колюбакина, но по отсутствію того изъ Кутаиса, ему было отказано въ этомъ выборѣ, и тогда самъ судъ назначилъ защитникомъ губернатора, генерала Иванова. На судѣ Константинъ объяснилъ, что убилъ Гагарина въ минуту раздраженія и очень о томъ скорбитъ:—«Гагаринъ былъ хорошій человѣкъ, и онъ не сдѣлалъ бы ему никакого зла, если бы тотъ не вывелъ его изъ себя своею горячностію и настойчивостью при послѣднемъ свиданіи. Кричалъ на него, а онъ, какъ владѣтель, не привыкъ къ такой манерѣ обхожденія съ собой. Онъ намѣренъ былъ убить не его, а Услара и Бартоломея, людей вредныхъ, сбивавшихъ Гагарина съ толку, и очень сожалѣетъ, что ихъ не убилъ. Скорбитъ и молится за души убитыхъ имъ, Ардишвили и Ильина; но они нападали на него сами и, если бы онъ ихъ не одолѣлъ, убили бы его». Судъ приговорилъ Дадешкиліана къ разстрѣлянію и на другой же день приговоръ привели въ исполненіе.

Итакъ, вотъ сколько крови и жертвъ потребовалось для упраздненія незначительнаго сванетскаго владѣнія, о существованіи котораго весьма мало кто въ нашемъ обширномъ отечествѣ имѣлъ какія либо свѣдѣнія. Прискорбна была, во всѣхъ отношеніяхъ, утрата такой прекрасной личности, каковою былъ Гагаринъ; ввѣренный ему край многаго въ немъ лишился. Да нельзя не поскорбѣть и о самомъ Константинѣ Дадешкиліани, совершившемъ свое преступленіе въ минуту крайняго раздраженія, перешедшаго въ припадокъ бѣшенства; нельзя не припомнить, что съ отроческихъ лѣтъ вся жизнь его переполнена была событіями самаго мрачнаго характера. Поставленный посреди заклятыхъ между собою враговъ, двухъ крупныхъ сосѣдей, передъ которыми былъ не болѣе, какъ мелкопомѣстный владѣлецъ, онъ невольно былъ втянутъ въ перипетіи ихъ борьбы и интриги и игралъ самую пассивную роль, вынося на себѣ одни лишь оскорбленія и непріятности. Нѣтъ уже въ живыхъ ни Услара, ни Бартоломея, и хотя de mortuis aut bene, aut nihil, — справедливость требуетъ сказать, что во всей этой драмѣ главною причиною была ихъ безтактность, а въ особенности перваго изъ нихъ. Вліяніе его на Гагарина и излишняя страстность въ дѣйствіяхъ съ Дадешкиліаномъ, пристрастное и неправильное освѣщеніе всего дѣла, привели къ печальной развязкѣ. Къ несчастію, у

насъ никогда не справляются съ уроками прошлаго. Смерть генерала Лазарева отъ руки грузинской царицы Дарьи, смерть князя Циціанова отъ руки бакинскаго хана, были поучительными уроками въ томъ, что всякое развѣнчиваніе даже крошечныхъ царьковъ, если ведется безтактно, съ раздраженіемъ, — приводитъ къ трагическимъ эпизодамъ. Усларъ травилъ Дадешкиліана, ему вторилъ Бартоломей, а Гагаринъ, не замѣчая этого, думалъ, по своей гуманности, личнымъ своимъ воздѣйствіемъ на Дадешкиліана смягчать трудные для него моменты въ жизни и на самомъ дѣлѣ взялся за роль, ему не подходящую, исполнителя распоряженій намѣстника. Безъ всякихъ личныхъ свиданій Гагарина, комендантъ и полицеймейстеръ могли бы выпроводить Дадешкиліана въ Эривань, тотъ, конечно, не погибъ бы самъ такъ ужасно, а дождавшись окончанія своего дѣла, проживалъ бы, быть можетъ, и до настоящаго времени, какъ теперь трое его братьевъ, гдѣ нибудь на югѣ, въ своемъ имѣніи.

Но какъ бы то ни было, съ упраздненіемъ одновременно двухъ автономій—мингрельской и сванетской—и съ введеніемъ русскаго управленія, сдѣланъ былъ шагъ впередъ. О первоначальной дѣятельности этого управленія въ Мингреліи мы стали говорить въ началѣ нашихъ воспоминаній; разсказъ нашъ прерванъ былъ эпизодомъ съ Гагаринымъ, и теперь, давъ о немъ отчетъ, мы снова возвращаемся къ прерванному разсказу.

К. Бороздинъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СЕМЕЙСТВО СКАВРОНСКИХЪ[1].

(Страница изъ исторіи фаворитизма въ Россіи).

X.

Сѣченый плетьми герой. — Прологъ карьеры графа М. К. Скавронскаго въ застѣнкѣ тайной канцеляріи. — Откровенная затрапезная бесѣда барина со слугами. — Холопскій доносъ. — Дѣло о «важной въ словахъ продерзости» и его послѣдствія для Скавронскаго.

АРТЫНУ Карловичу Скавронскому привелось дебютировать впервые на аренѣ исторической извѣстности въ крайне неавантажной и отчасти трагической роли. Исторія застаетъ его въ застѣнкѣ — на «розыскѣ» и подъ плетьми... Да, первый шагъ на пути къ извѣстности и къ увѣковѣченію своего имени заключался для нашего героя, будущаго генералъ-аншефа и оберъ-гофмейстера, въ томъ, что его, по всей формѣ, «нещадно» отстегали плетьми въ тайной канцеляріи!

Печальное происшествіе это случилось такимъ образомъ.

Было лѣто 1735 года, совпадавшаго съ разгаромъ Бироновщины, съ ея привязчивой подозрительностью, окрыленной ужаснымъ «словомъ и дѣломъ», суровыми преслѣдованіями и жестокостями. Надо полагать, что ревнивые охранители тогдашняго режима и династическихъ интересовъ царствовавшей императрицы Анны Ивановны,

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ XIX, стр. 536.

косо и недовѣрчиво поглядывая на Елисавету Петровну и другихъ представителей семейства Петра Великаго, съ неменьшей подозрительностью относились также и къ Скавронскимъ, видя въ нихъ, по ихъ близости и родству къ цесаревнѣ, если не явно опасныхъ, то во всякомъ случаѣ неблагонадежныхъ людей. Мы въ своемъ мѣстѣ замѣтили, что отъ такихъ подозрѣній и преслѣдованій Скавронскихъ ограждало ихъ смиреніе и ничтожество. Вліятельной роли временщиковъ они никогда не играли и всего менѣе въ первые годы своего возвышенія и фавора. Но, конечно, они должны были состоять «на замѣчаніи» у мнительныхъ сердцевѣдцовъ тайной канцеляріи бироновскихъ временъ уже по своему положенію и связямъ. Довольно было малѣйшаго, ничтожнаго повода, чтобы затаенное подозрѣніе перешло въ открытое преслѣдованіе. Поводъ такой вскорѣ представился.

Случилось какъ-то, въ описываемое время, Мартыну Карловичу, обѣдая у себя дома, подвыпить. Обѣдалъ онъ одинъ, окруженный лишь прислуживавшими ему крѣпостными лакеями. Эта затрапезная выпивка соло — весьма недурная черта для характеристики нравовъ. Мартынъ Карловичъ былъ тогда еще совсѣмъ молодой человѣкъ: ему едва исполнилось двадцать лѣтъ. Слѣдуетъ думать, что въ то время онъ еще сидѣлъ на школьной скамейкѣ въ шляхетскомъ корпусѣ; но въ данную минуту стояли лѣтніе каникулы, и молодой кадетъ пользовался свободой на полныхъ правахъ самостоятельнаго господина своихъ поступковъ и находившихся въ его распоряженіи земныхъ благъ. Очевидно, въ это время жилъ онъ въ Петербургѣ въ своемъ домѣ одинъ, безъ родныхъ.

Хмѣль развязываетъ языкъ. Желая поговорить, но, не находя подъ рукою равныхъ себѣ по положенію собесѣдниковъ, Мартынъ Карловичъ вступилъ въ задушевную бесѣду со своими слугами. Да нужно полагать, что въ то время баринъ въ немъ еще не вполнѣ аклиматизовался и плебейская натура, такъ недавно поставленная въ дворянское положеніе, тянула его инстинктивно къ холопской средѣ, къ общенію съ простолюдинами. Такъ или иначе, но графъ разговорился со своими «рабами» по душѣ. Было ихъ тутъ пять человѣкъ. Разговоръ зашелъ о домашнихъ, хозяйственныхъ дѣлахъ, именно «о полатномъ дѣлѣ», т. е. о постройкѣ или перестройкѣ барскихъ палатъ, и что у барина денегъ на это дѣло не хватаетъ. Съ этого и пошла пьяная, безсвязная болтовня, принятая впослѣдствіи тайной канцеляріей за преступныя, «непристойныя слова».

Думая да гадая, откуда бы денегъ достать, Мартынъ Карловичъ, увлекаемый пьяной фантазіей, размечтался на ребяческую тему, что всего бы легче де выйдти изъ затрудненія, кабы можно было царемъ стать: греби денегъ со всего царства сколько угодно, и тогда какое хочешь мудреное «полатное дѣло» можно бы въ мигъ объорудовать!

— Кабы де моя власть была, — сказалъ онъ: — я бы хотѣлъ вѣдать, сколько въ государствѣ денегъ имѣется?

— Хорошую-бъ ты изволилъ тогда прибыль сдѣлать! — неопредѣленно замѣтилъ одинъ изъ слугъ, Андрей Урядовъ.

— Сдѣлалъ бы я не себѣ одному, — продолжалъ мечтать Мартынъ Карловичъ: — вотъ нынче крестьяне-земледѣльцы оскудѣли, а между тѣмъ у посадскихъ мужиковъ и купцовъ денегъ много. Кабы я былъ императоромъ, то-бъ разослалъ тогда по всѣмъ городамъ указы, чтобъ у всякаго чина людей освидѣтельствовать и переписать, сколько у кого денегъ имѣется... И послѣ того, обобралъ бы деньги у богатыхъ, да нищимъ крестьянамъ роздалъ!

— Много бы за тебя богомольцовъ тогда стало! — похвалилъ опять барскую хмѣльную фантазію Андрей Урядовъ, съ предательскимъ умысломъ подзадоривъ графа на дальнѣйшую въ такомъ опасномъ родѣ болтовню.

Можетъ быть, это ему и удалось. По крайней мѣрѣ, онъ уличалъ потомъ Мартына Карловича въ такихъ еще «непристойныхъ словахъ»:

«Нынѣшніе де государи немного живутъ, — говорилъ будто бы Скавронскій: — надѣюсь и нынѣшней де государынѣ немного жить, а послѣ де ея, какъ буду я императоромъ, то де разошлю тогда по всѣмъ городамъ указы» и т. д.

Урядовъ впослѣдствіи, когда другіе свидѣтели не подтвердили произнесенія Скавронскимъ сейчасъ приведенныхъ словъ, показалъ, что самъ онъ «подлинно не упомнитъ», точно ли эти слова были сказаны. Но нельзя не замѣтить мимоходомъ, что, если даже приписанная Скавронскому фраза: «какъ я буду императоромъ» — была кляузная выдумка, то выдумка, не лишенная историческаго значенія. Значитъ, тогда бродило нѣчто смутной догадкой насчетъ возможности, будь самой отдаленной, притязаній со стороны родни Екатерины на русскій престолъ и даже осуществленія этихъ диковинныхъ притязаній (если бы они были), потому что «нынѣшніе де государи немного живутъ...» Урядовъ могъ налгать на Мартына Карловича, но ложь эту не изъ пальцевъ же своихъ онъ высосалъ; вѣроятно, на ней чесали тогда языки многіе и она могла сложиться независимо отъ дѣйствій и стремленій Скавронскихъ, на основаніи лишь дальновидныхъ соображеній объ ихъ родствѣ съ царствующимъ домомъ. Но объ этомъ мимоходомъ.

На несчастье Скавронскаго, Урядовъ былъ грамотный человѣкъ, искусившійся въ приказномъ ябедничествѣ. Внимательно выслушавъ пьяныя бредни барина, онъ, «спустя дней десять, для памяти себѣ написалъ ихъ на четверти листа, и ту записку» положилъ себѣ въ карманъ кафтана на всякій случай. Зналъ онъ и хорошо помнилъ «именной ея императорскаго величества указъ, состоявшійся въ 1730 году, что о такихъ важныхъ дѣлахъ велѣно доносить того-жъ дня или на другой и третій дни»...

Урядовъ, однако же, медлилъ съ доносомъ, якобы «съ простоты своей», какъ онъ потомъ оправдывался. Кажется, вначалѣ у него не было этого намѣренія, а заготовилъ онъ доносъ—такъ, на случай, если это окажется нужнымъ для него и полезнымъ. Слѣдуетъ замѣтить, что Мартынъ Карловичъ былъ человѣкъ мягкій и добрый, по натурѣ. Несомнѣнно, что онъ, самъ еще недавно выйдя изъ низшей, простонародной среды, былъ милостивъ и ласковъ къ своимъ холопамъ, какъ это показываетъ уже вышеописанная сцена и какъ можно судить по поведенію его слугъ, привлеченныхъ свидѣтельствовать противъ него во время слѣдствія. Очевидно, и Урядовъ не имѣлъ побудительныхъ поводовъ дѣлать зло своему доброму барину, но случилось обстоятельство, заставившее его реализировать свой, заранѣе заготовленный, доносъ.

Товарищи Урядова нашли у него въ камзолѣ, за подкладкою, подозрительное зелье—нѣсколько небольшихъ кореньевъ и траву, облѣпленныхъ воскомъ. Одинъ изъ товарищей на этомъ основаніи состряпалъ «доношеніе» въ тайную канцелярію и Урядовъ очутился въ застѣнкѣ. Стали его, по правиламъ тогдашнихъ «розысковъ», пытать и, «съ подъему», онъ показалъ, что найденное у него сомнительное зелье (признанное аптекарской экспертизой безвреднымъ) далъ ему какой-то ямщикъ отъ лихорадки... Не смотря на всю нелѣпость и вздорность обвиненія, Урядова томили въ оковахъ и мучили пытками. Онъ не вытерпѣлъ и, думая, вѣроятно, избавиться отъ тюрьмы и выслужиться, заявилъ государево «слово и дѣло» на своего барина. Матеріаломъ для доноса послужилъ вышеприведенный затрапезный разговоръ Мартына Карловича съ его слугами, и отсюда возникло дѣло «о непристойныхъ словахъ», главнымъ же образомъ о томъ, что Скавронскій дерзнулъ, якобы, называть себя императоромъ. Взяли его, раба Божія, и четырехъ его слугъ, на которыхъ Урядовъ указалъ, какъ на свидѣтелей, въ тайную канцелярію.

На розыскѣ Мартынъ Карловичъ, отрицая обвиненіе, будто онъ называлcя императоромъ, въ остальныхъ «непристойныхъ словахъ» чистосердечно повинился, причемъ показалъ, что «то де говорилъ онъ не съ какого умысла, но въ пьянствѣ, отъ простоты своей». Свидѣтели же слуги, вѣроятно, изъ преданности къ барину единодушно показали сначала, что «вышесказанныхъ непристойныхъ словъ помянутой Скавронскій имъ и другимъ никому при нихъ не говаривалъ» и они объ этомъ ни отъ кого не слыхали. Потомъ на очныхъ ставкахъ нѣкоторые изъ нихъ подтвердили, однако, сознаніе Мартына Карловича. Осталось только не доказаннымъ, что Скавронскій называлcя императоромъ, да и самъ Урядовъ, наконецъ, отговорился «забвеніемъ», точно ли онъ слышалъ такое «непристойное слово».

Розыскъ обошелся для нашего героя довольно легко—безъ «при-

страстія». 1735 года, сентября 30-го, вышло и рѣшеніе по его дѣлу: «ея императорское величество (чрезъ А. И. Ушакова) соизволила указать: означенному графу Мартыну Скавронскому за происшедшую отъ него въ словахъ важную продерзость учинить наказанье — бить плетьми нещадно и по учиненіи того наказанія онаго Скавронскаго и содержащихся людей его, показанныхъ отъ Урядова во свидѣтельство, изъ тайной канцеляріи освободить»...

«По сему опредѣленію, — сказано далѣе въ дѣлѣ, — въ присутствіи его превосходительства (т. е. Ушакова), помянутому Скавронскому нещадное наказаніе плетьми учинено и освобожденъ».

Для того жестокаго времени такая развязка могла считаться, относительно, еще очень благополучной.

Не сдобровалъ и Урядовъ. «Слово и дѣло» дорого обходилось тогда не однимъ обвиняемымъ, но и обвинителямъ. По слѣдствію, въ доносѣ Урядова оказались на его бѣду «прибавочныя на онаго Скавронскаго важныя непристойныя слова», т. е. вымышленныя, а за это, по смыслу указа 15-го февраля 1733 года, слѣдовала смертная казнь. Казнить смертью Урядова, положимъ, не казнили, «понеже о нѣкоторыхъ словахъ онаго-жъ Скавронскаго извѣтъ его, Урядова, явился правой», но и не помиловали. Въ наказанье ему вмѣнили розыскъ и послали въ Сибирь на поселеніе, впрочемъ, съ предписаніемъ сибирскому губернатору «опредѣлить его тамъ въ службу, въ какую пристойно». Собственно и ссылка эта, быть можетъ, не состоялась бы, еслибъ тайная канцелярія не прониклась, сверхъ ожиданія, человѣколюбивыми соображеніями. Изъ ея опредѣленія узнаемъ, что Урядова она ссылала въ Сибирь на томъ основаніи, что отдать де его въ домъ Скавронскаго, «за вышеобъявленнымъ нѣкоторымъ его на того Скавронскаго показаніемъ, не можно», въ огражденіе, конечно, доносчика отъ барской мести. Такимъ образомъ, ссылкой тайная канцелярія оказывала Урядову какъ бы благодѣяніе и во всякомъ случаѣ освобождала его отъ крѣпостной зависимости.

Печальное дѣло это должно было тяжело отразиться и на душѣ молодаго графа и на его карьерѣ. О блестящей роли при дворѣ и въ петербургскомъ обществѣ, къ которой покойная императрица Екатерина подготовляла своихъ племянниковъ и о которой могъ мечтать, поэтому, Мартынъ Карловичъ, нечего было теперь и думать. Единственная и неизмѣнная покровительница семейства Скавронскихъ, цесаревна Елисавета Петровна, на которую можно было бы опереться въ невзгодахъ при иныхъ обстоятельствахъ, теперь не имѣла ни значенія, ни вліянія, и сама находилась въ довольно шаткомъ и трудномъ положеніи, подъ бременемъ питаемыхъ къ ней императрицею подозрѣній.

Что сталось съ Мартыномъ Карловичемъ, гдѣ и какъ онъ мыкался, послѣ стрясшейся надъ нимъ бѣды, въ остатокъ царствова-

нія Анны Ивановны, намъ неизвѣстно. Одинъ изъ его біографовъ говоритъ, что онъ началъ службу въ армейскихъ полкахъ, гдѣ и оставался до восшествія на престолъ Елисаветы Петровны. По всѣмъ вѣроятіямъ, это такъ и было, причемъ на службу въ армію онъ, безъ сомнѣнія, былъ зачисленъ свыше, помимо собственнаго выбора и желанія, какъ несомнѣнно и то, что послѣ окончанія его дѣла онъ не былъ оставленъ въ Петербургѣ, а откомандированъ въ какой нибудь, квартировавшій въ далекой провинціи, полкъ.

XI.

Имѣнія М. К. Скавронскаго и его жалобы на «недостаточество».—Вынужденная женитьба. — Раззорительная жизнь вельможъ при Елисаветѣ. — Оригинальная просьба Скавронскаго и его скромность. — Благотворительность Мартына Карловича и его попеченіе о своихъ крестьянахъ.

Періодъ наибольшаго процвѣтанія и обогащенія Скавронскихъ начинается въ дни Елисаветы Петровны, и особенно обильный потокъ милостей, отличій и имущественныхъ наградъ пролитъ былъ на графа Мартына Карловича, бывшаго тогда старшимъ представителемъ въ родѣ. Неизвѣстно, находился ли онъ въ Петербургѣ при воцареніи своей державной кузины и принималъ ли въ этомъ дѣлѣ какое нибудь участіе, но уже съ первыхъ дней ея царствованія мы находимъ его при дворѣ въ званіи камергера. Затѣмъ, въ 1744 году, когда ему было всего 27 лѣтъ, онъ былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго и стоялъ на высшихъ ступеняхъ іерархической лѣстницы. Втеченіе царствованія Елисаветы онъ послѣдовательно былъ возведенъ на степени оберъ-гофмейстера, сенатора, генералъ-адъютанта и генералъ-аншефа, и получилъ ленту Бѣлаго Орла [1]). Петръ III наградилъ его орденомъ св. Андрея Первозваннаго, такъ что Екатеринѣ II, которой онъ содѣйствовалъ если не активно, то пассивно, произвести извѣстное «дѣйство», не осталось уже наградить его ничѣмъ такимъ, по части чиновъ и орденовъ, чего бы онъ не имѣлъ прежде.

Кромѣ того, Мартынъ Карловичъ получилъ разновременно въ наслѣдственную собственность огромныя населенныя имѣнія, помимо тѣхъ, которыя ему достались отъ отца и родныхъ, а также по

---

[1]) Сохранилось въ государственномъ архивѣ письмо Мартына Карловича къ Елисаветѣ, отъ 1754 г., въ которомъ онъ, благодаря за пожалованіе ему чина, добавляетъ: «равномѣрно чувствую матернюю вашего величества надъ собою милость и въ той отличности, которою его величество король польскій меня почтить изволилъ присылкою мнѣ своего ордена» (т. е. Бѣлаго Орла).

женѣ. Судить о размѣрѣ этихъ наградъ можно по слѣдующему факту. Въ 1757 году, графъ Воронцовъ сдѣлалъ «представленіе къ всемилостивѣйшей государынѣ о награжденіи и пожалованіи своихъ вѣрныхъ рабовъ», которыхъ онъ «безъ всякой парціальности и по совѣсти признавалъ быть достойными монаршаго ея призрѣнія». Въ спискѣ этихъ «вѣрныхъ рабовъ» значится и М. К. Скавронскій, которому, кромѣ награжденія званіемъ генералъ-адъютанта, жаловались, по «представленію» Воронцова, деревни, въ размѣрѣ отъ 3-хъ до 5-ти тысячъ душъ. Сказать мимоходомъ, въ числѣ имѣній Мартына Карловича находилась знаменитая, богатая и многолюдная Кимра, бывшая прежде стариннымъ достояніемъ князей Ромодановскихъ. Дочь послѣдняго князя Ромодановскаго, Екатерина Ивановна, принесла ее въ приданое графу Головкину, при выходѣ за него замужъ. У Головкина Кимра была конфискована и впослѣдствіи пожалована Мартыну Карловичу.

Не смотря, однако, на значительность своего состоянія, Скавронскій, по примѣру всѣхъ почти вельможъ того времени, очень часто нуждался въ деньгахъ и былъ обремененъ долгами, благодаря роскошной, расточительной жизни. Нужно, однако, отдать ему честь, онъ не слѣдовалъ другому заразительному примѣру тогдашнихъ вельможъ — выклянчивать, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, щедрыя подачки изъ государевой руки. По крайней мѣрѣ, нѣтъ на это фактическихъ указаній, а напротивъ имѣются данныя, свидѣтельствующія о скромности и непритязательности по этому пункту Мартына Карловича. Единственный только разъ, на сколько извѣстно, онъ обращался къ государынѣ съ просьбой о пожалованіи ему отъ «высокомонаршей щедроты» чего нибудь; но и въ этомъ случаѣ онъ, всетаки, основывалъ свое ходатайство на нѣкоторомъ правѣ. Дѣло было такъ.

Въ 1750-хъ годахъ, Мартынъ Карловичъ «имѣлъ счастіе,—какъ онъ самъ пишетъ,—быть пожалованнымъ утвержденіемъ за нимъ въ вѣчное потомственное владѣніе деревень», дарованныхъ Скавронскимъ императрицею Екатериною. Пользуясь этимъ утвержденіемъ, Мартынъ Карловичъ вспомнилъ, что еще при Петрѣ II состоялся указъ, которымъ повелѣвалось, въ виду «обѣщанія» императрицы Екатерины пожаловать Скавронскимъ «для житья Крейцовъ дворъ» (т. е. домъ Крюйса), — «выдать за оный изъ казны паруснаго полотна четыре тысячи кусковъ, по цѣнѣ по чему въ казну становятся». Надо полагать, что повелѣніе это почему-то не было исполнено, и вслѣдствіе этого въ 1753 году Мартынъ Каловичъ обратился къ императрицѣ съ просьбой.

«Хотя мы всѣ,— писалъ онъ, разумѣя, конечно, все семейство Скавронскихъ, — высочайшею вашего императорскаго величества милостію взысканы и пожалованы, но пріемлю столько дерзновенія о томъ всеподданнѣйше донести и просить, что за оный (т. е.

за помянутый домъ) изъ высокомонаршей щедроты чѣмъ нибудь былъ пожалованъ» [1]).

Доказательствомъ же скромности и неискательства Мартына Карловича можетъ служить слѣдующій любопытный, нигдѣ еще не опубликованный, документъ. Это—письмо его къ императрицѣ Елисаветѣ, относящееся къ 1756 г. и проливающее свѣтъ на нѣкоторыя бытовыя и семейныя обстоятельства въ жизни нашего героя, не лишенныя общаго значенія въ исторіи нравовъ того времени.

Графъ Скавронскій—бонвиванъ, наклонный къ распутству, по обвиненію князя Щербатова,—женился немолодымъ уже, именно на сороковомъ году жизни, и притомъ безъ особенной къ тому личной охоты, а, главнымъ образомъ, по настойчивому требованію императрицы, очевидно не желавшей, изъ родственной заботы, видѣть своего кузена старымъ, безсемейнымъ и безпутнымъ холостякомъ. Притомъ же могли быть тутъ требованія фамильныя, такъ какъ Мартынъ Карловичъ былъ единственнымъ представителемъ, въ мужскомъ колѣнѣ, рода Скавронскихъ и, слѣдовательно, въ интересѣ рода было желательно, чтобы онъ оставилъ по себѣ потомство.

Любопытно, что Мартынъ Карловичъ избѣгалъ женитьбы по той причинѣ, что считалъ себя недостаточно состоятельнымъ матеріально для приличной жизни семейнымъ домомъ. По крайней мѣрѣ, такъ представлялъ онъ самъ свое положеніе, быть можетъ, умалчивая о другихъ еще холостецки-безпутныхъ, скабрезныхъ причинахъ своего предъубѣжденія къ законнымъ узамъ Гименея.

«Ваше императорское величество,—писалъ онъ уже послѣ женитьбы,—неоднократно мнѣ повелѣвали, чтобы я, какъ послѣдній въ родѣ своемъ, для фамиліи неотмѣнно женился, что многажды почти и съ гнѣвомъ подтверждать изволили. Оной вашего величества гнѣвъ столь чувствителенъ мнѣ былъ, что я, не смотря на доходъ свой, которымъ женатому мнѣ во всемилостивѣйше пожалованномъ чинѣ по пристойности себя содержать невозможно безъ прибавки всякой годъ нѣкотораго числа долгу, а только, желая одну высочайшую волю вашу исполнить, женился, въ той надеждѣ, что высокомонаршею милостію и вспоможеніемъ оставленъ не буду. А что и прежде жениться намѣренія не имѣлъ, Богомъ свидѣтельствуюсь, всемилостивѣйшая государыня, не для какого онаго пристрастія, какъ только по чину и фамиліи моей совершенному недостаточеству и предвидя, что женатому безъ долгу прожить невозможно будетъ, хотѣлъ вовсе не жениться».

Безъ сомнѣнія, Скавронскій въ этомъ случаѣ выражалъ ходячія въ то время въ верхушкахъ петербургскаго общества воззрѣ-

[1]) Гос. Арх. XI, 363. (Изъ портфеля редакціи «Историческаго Вѣстника»).

нія на требованія открытой свѣтской жизни, которымъ онъ и подчинялся рабски, не желая выходить изъ общаго шаблона и ритуала придворной знати. Въ какой же степени эти требованія были тогда безграничны и какъ велика была роскошь и расточительность, если одинъ изъ богатѣйшихъ, сравнительно, вельможъ считалъ себя несостоятельнымъ, чуть не бѣднякомъ, которому не по средствамъ было жениться и содержать семью! Наше удивленіе будетъ тѣмъ большее, когда мы узнаемъ, что эти жалобы Мартынъ Карловичъ высказывалъ уже послѣ того, какъ женился на одной изъ богатѣйшихъ невѣстъ того времени среди русской знати.

Женился онъ въ 1754 году на баронессѣ Маріи Николаевнѣ Строгановой, вѣроятно, по указанію и съ одобренія самой императрицы, придавшей этому событію торжественность придворнаго празднества. Обрученіе молодыхъ было совершено въ Москвѣ, въ 1753 году, и имъ ознаменовалось новоселье Елисаветы Петровны во вновь отстроенномъ, послѣ пожара, Головинскомъ дворцѣ.

«10-го декабря,—записалъ Нащокинъ,—ея императорское величество изволила въ новопостроенный дворецъ перейдти при пальбѣ изъ пушекъ, причемъ всѣ знатные были»... «И того же дня въ вечеру, по высочайшему ея императорскаго величества соизволенію, при дворѣ сговоръ былъ: камергеръ и кавалеръ графъ Скавронской съ дочерью штатскаго дѣйствительнаго совѣтника и кавалера, барона Николая Григорьевича Строганова, контессою (?) Марьею Николаевною обручался».

Послѣ новаго года была совершена свадьба, чрезъ которую Мартынъ Карловичъ роднился съ одною изъ богатѣйшихъ русскихъ фамилій. Какое именно приданое принесла ему баронесса Строганова—неизвѣстно, но, безъ сомнѣнія, оно должно было быть очень значительное, судя по тому, что у отца молодой находилось тогда во владѣніи болѣе 40,000 крестьянъ, не считая другихъ доходныхъ статей. Не смотря, однако-жъ, на такую, казалось бы, выгодную женитьбу, Скавронскій, спустя два года, какъ мы видѣли, жаловался уже на свое «недостаточество» и на невозможность содержать, сообразно «чину и фамиліи», свой домъ на семейномъ положеніи.

«Какъ тогда себѣ представлялъ,—продолжаетъ онъ цитируемое письмо, приводя объясненіе своего предубѣжденія къ женитьбѣ,—то дѣйствительно оное и сбылось, ибо послѣ женитьбы моей, заводясь всѣмъ нужнымъ, ужъ до 20,000 рублей долгу нажилъ, къ чему и всякой годъ оной прибавляться имѣетъ, оттого, что, моимъ доходомъ при дворѣ вашего величества, какъ бы ни старался съ крайнимъ воздержаніемъ жить и долгъ оплачивать, оной недостаточенъ. Къ тому же, всемилостивѣйшая государыня, домъ мой здѣсь (въ Петербургѣ), въ которомъ живу, не только ветхъ, но и такъ тѣсенъ сталъ, что дѣтямъ жить негдѣ».

По первому впечатлѣнію, въ этихъ жалобахъ звучитъ не то сѣтованіе, не то упрекъ, рядомъ съ затаеннымъ стремленіемъ къ униженному вымогательству всемилостивѣйшей подачки на бѣдность. Съ своей точки зрѣнія, Сковронскій могъ и считалъ себя въ правѣ чувствовать нѣкоторое недовольство императрицей послѣ того, какъ она, противъ его воли, заставила его жениться, не оправдавъ ожиданія молодаго, что онъ при этомъ «высокомонаршею милостію вспоможеніемъ оставленъ не будетъ». Безъ сомнѣнія, онъ былъ не прочь получить такое «вспоможеніе»; но въ данномъ случаѣ онъ просилъ не о немъ, выказавъ истинно гражданское смиреніе и совѣстливость.

«Не имѣя толикихъ достоинствъ,—пишетъ онъ далѣе,—и счастія сего, чтобы какія заслуги оказалъ когда вашему величеству, для которыхъ бы просить могъ какого награжденія, а болѣе еще—не по достоинству моему высочайшею милостію взысканъ, то, по необходимости нынѣшняго моего состоянія, принужденъ противъ воли своей всеподданнѣйше вашему императорскому величеству бить челомъ о увольненіи меня, нижайшаго, съ женою и дѣтьми, въ Москву на три года, чтобы могъ въ оное время какую деревню продать и означенный долгъ заплатить, а при томъ и житье свое такимъ образомъ уставить, чтобы впредь въ такой долгъ не впасть и, презирая оный, не прійдти въ неоплатный и тогда бы болѣе о всемилостивѣйшемъ избавленіи отъ онаго не утруждать ваше императорское величество, по природному великодушію и по матернему высокомонаршему милосердію. Сіи мои худыя обстоятельствы во всемилостивѣйшее разсужденіе принять и для упомянутыхъ моихъ необходимыхъ нуждъ всемилостивѣйше меня отпустить всенижайше прошу» [1].

Есть основанія полагать, что Скавронскому не пришлось для поправленія своихъ «худыхъ обстоятельствъ» удаляться отъ двора въ Москву, которая, какъ оказывается, служила тогда для разворяющихся петербургскихъ вельможъ чѣмъ-то въ родѣ спасительнаго убѣжища, гдѣ можно было жить болѣе экономно, не дѣлая долговъ. Вспомнимъ, что и Воронцовы точно также собирались въ Москву спасаться отъ окончательнаго раззоренія, вслѣдствіе расточительной, не по средствамъ, жизни въ Петербургѣ при блестящемъ дворѣ, требовавшемъ чрезвычайныхъ издержекъ отъ всѣхъ, имѣвшихъ къ нему доступъ, вельможъ.

По всѣмъ вѣроятіямъ, Елисавета оказала нужное «вспоможеніе» своему кузену, чтобы избавить его отъ долговъ. Самая просьба его объ отпускѣ въ Москву могла бы показаться не болѣе какъ искусно разсчитанной уловкой, съ цѣлью понудить императрицу

[1]) Государствен. Архивъ, XI, 868 (Изъ портфеля редакціи «Историческаго Вѣстника»).

выручить отъ своихъ щедротъ просителя изъ «худыхъ обстоятельствъ»; но это непохоже на Мартына Карловича. Сколько можно судить по сохранившимся біографическимъ даннымъ о его личности, онъ дѣйствительно былъ человѣкъ скромный, чуждый заносчивыхъ притязаній и честолюбивыхъ искательствъ, такъ что, высказанное имъ въ письмѣ къ государынѣ, сознаніе своихъ малыхъ «достоинствъ» и отсутствія за собой «заслугъ» можно, кажется, считать вполнѣ искреннимъ. Въ самомъ дѣлѣ, не обладая никакими выдающимися способностями и не оказавъ никакихъ служебныхъ заслугъ, Мартынъ Карловичъ зналъ себѣ цѣну, зналъ, что онъ возвышенъ, благодаря единственно счастливой случайности, породнившей его съ царствующимъ домомъ, и эта черта дѣлаетъ его въ нашихъ глазахъ гораздо симпатичнѣе другихъ, однородныхъ съ нимъ, фаворитовъ и баловней фортуны того времени.

На симпатію Мартынъ Карловичъ имѣетъ и нѣкоторое положительное право за добронравіе и гуманность, которыми онъ весьма выгодно для себя выдѣляется изъ толпы заносчивыхъ, безсердечныхъ себялюбцевъ, наполнявшихъ дворъ временъ Елисаветы и Екатерины II. Гельбигъ говоритъ, что онъ былъ «отличный человѣкъ и дѣлалъ много добра». «Наслѣдовавъ отъ родителя душевную доблесть (?), графъ Скавронскій,—говоритъ о немъ Бантышъ-Каменскій,—употреблялъ силу свою и достояніе на дѣла, угодныя Богу, полезныя человѣчеству». Разумѣется, доблесть, да еще унаслѣдованная отъ родителя, ничѣмъ никогда ея не заявившаго,—не болѣе здѣсь, какъ риторическій орнаментъ. Мартынъ Карловичъ никакой доблестью себя не ознаменовалъ и, по своему характеру и способностямъ, едва ли могъ ее проявить. Безпощадный князь Щербатовъ, говоря о родственникахъ Елисаветы Петровны по матери и въ томъ числѣ о Мартынѣ Карловичѣ, утверждаетъ, что всѣ они «генерально» были «люди глупые и распутные»... Это, быть можетъ, очень ужъ рѣзкій и крайній приговоръ; тѣмъ не менѣе, оспаривать нельзя недалекость и неспособность всѣхъ почти представителей рода Скавронскихъ, въ томъ числѣ и Мартына Карловича, который, однако же, на столько обладалъ здравымъ смысломъ, что не надмевался своимъ положеніемъ и былъ чуждъ самомнѣнія, столь свойственнаго обыкновенно глупцамъ. Вообще, въ немъ не было недостатка въ природномъ тактѣ и въ той благодушной, чуткой къ добру смышленности, которую можно назвать умомъ сердца и которая нерѣдко лучше и выше мозговаго, хотя бы и сильнаго, но дурно направленнаго ума.

Эта способность внушила Скавронскому даже нѣчто въ родѣ принципа—прекраснаго принципа человѣколюбія по отношенію къ крестьянамъ. «Что касается до людей и крестьянъ»,—писалъ онъ уже на одрѣ смерти,—то «главное мое было попеченіе содержать ихъ добропорядочно и не отягощать непомѣрною службою и побо-

рами»... Онъ дѣйствительно исповѣдывалъ это правило, не очень часто встрѣчавшееся въ нравственномъ катехизисѣ нашихъ бар XVIII столѣтія, и даже завѣщалъ его, какъ увидимъ, своимъ наслѣдникамъ.

XII.

Фаворъ графа М. К. Скавронскаго. — Довѣріе къ нему императрицы Екатерины II. — Его служебная дѣятельность. — Его участіе въ коммиссіи для сочиненія проекта «Новаго Уложенія». — Послѣдніе дни и завѣщаніе. — Допросъ графини М. Н. Скавронской относительно завѣщанія мужа. — Потомство Мартына Карловича.

Мягкій и покладистый по характеру, чуждый честолюбивыхъ стремленій, при всемъ томъ, наученный смолоду горькимъ опытомъ въ житейской мудрости, Мартынъ Карловичъ умѣлъ ладить со всѣми и примѣняться ко всякимъ придворнымъ перемѣнамъ и переворотамъ. Такимъ образомъ, угоденъ онъ былъ Елисаветѣ и ея любимцамъ, а съ Шуваловымъ и Разумовскими состоялъ даже въ тѣсной дружбѣ; полюбился потомъ Петру III, наградившему его андреевской лентой, и какъ нельзя болѣе во время изловчился прислужиться Екатеринѣ II и снискать ея постоянную благосклонность. Все это свидѣтельствуетъ, что Скавронскій былъ не совсѣмъ «глупый» человѣкъ, какъ увѣряетъ князь Щербатовъ.

Въ моментъ іюньскаго переворота, Мартынъ Карловичъ очутился въ рядахъ сторонниковъ Екатерины и былъ въ числѣ первыхъ сановниковъ и сенаторовъ, принесшихъ ей вѣрноподданническую присягу. При этомъ государыня отличила его особымъ довѣріемъ, основаннымъ, надо полагать, на прежнемъ близкомъ знакомствѣ съ нимъ, а, быть можетъ, и на участіи графа въ самомъ заговорѣ.

Отправляясь въ петергофскій походъ противъ Петра Ѳедоровича, Екатерина послала сенату слѣдующій собственноручный указъ:

«Господа сенаторы! Я теперь выхожу съ войскомъ, чтобъ утвердить и обнадежить престолъ, оставляя вамъ, яко верховному моему правительству, съ полною довѣренностью, подъ стражу: отечество, народъ и сына моего. Графамъ Скавронскому, Шереметеву, генералъ-аншефу Корфу и подполковнику Ушакову присутствовать съ войсками, и имъ, такъ какъ и дѣйствительному тайному совѣтнику Неплюеву, жить во дворцѣ при моемъ сынѣ».

Всѣ помянутыя лица были приведены къ присягѣ и объ ихъ назначеніи посланы указы. Если взять во вниманіе тогдашнія обстоятельства, то нельзя не видѣть въ выборѣ Екатерины, въ число охранителей престола и его наслѣдника, Мартына Карловича выраженіе особеннаго довѣрія къ послѣднему. Этимъ довѣріемъ и бла-

госклонностью императрицы онъ пользовался до конца жизни. Такъ, мы его встрѣчаемъ постоянно въ интимномъ обществѣ Екатерины; точно также, какъ свидѣтельствуетъ Порошинъ, былъ онъ частымъ и близкимъ гостемъ у наслѣдника престола, великаго князя Павла Петровича. Но, за всѣмъ тѣмъ, самостоятельной и вліятельной роли Мартынъ Карловичъ никогда не игралъ. Засѣдая въ сенатѣ, онъ всегда шелъ за большинствомъ. Его имя мы находимъ, между прочимъ, въ числѣ подписей на памятномъ сенатскомъ журналѣ, отъ 8-го іюля 1762 года, о томъ, какъ сенатъ, послѣ «неотступнаго прошенія», убѣдилъ императрицу, «чтобъ она, сохраняя свое здравіе по любви къ Россійскому отечеству и для многихъ непріятныхъ слѣдствъ, изволила отложить свое намѣреніе шествовать въ Невскій монастырь къ погребенію усопшаго императора».

Немного позже, въ сентябрѣ 1762 года, Екатерина оказала новый знакъ благосклонности и довѣрія къ Скавронскому, повелѣвъ ему, вмѣстѣ съ другими избранными сенаторами, быть на ея коронаціи въ Москвѣ. Тогда же, при щедромъ награжденіи участниковъ переворота, не былъ забытъ Екатериною и Мартынъ Карловичъ.

Пользовался Скавронскій популярностью и въ обществѣ, какъ можно судить по тому, что въ 1767 году онъ находился въ числѣ выбранныхъ отъ общества депутатовъ въ знаменитой коммиссіи для сочиненія проекта «Новаго Уложенія». Избрали его дворяне Коломенскаго уѣзда, «находя въ его особѣ всѣ къ сему выбору предписанныя качества», какъ сказано въ данномъ ими ему наказѣ. Наказъ коломенскаго дворянства былъ, правда, не изъ числа замѣчательныхъ; выраженныя въ немъ вожделѣнія, которыя долженъ былъ проводить и отстаивать Скавронскій, не отличались особеннымъ либерализмомъ и носили отпечатокъ узкой сословности и эгоистической тенденціозности въ интересѣ лишь огражденія и и пріумноженія помѣщичьихъ «прибытковъ». По отношенію къ крестьянамъ коломенскій наказъ требовалъ лишь единственной льготы, а именно удешевленія цѣны на соль, что̀, разумѣется, было бы выгодно и для самихъ помѣщиковъ. Оригинальнаго въ этомъ наказѣ было, во-первыхъ, требованіе предоставленія права дворянству смѣнять мѣстныхъ воеводъ и, во-вторыхъ, желаніе, чтобы въ канцеляріи были назначаемы за секретарей канцеляристы, а не оберъ-офицеры, «ибо тогда воевода,—мотивируетъ наказъ данное требованіе,—можетъ таковаго, не имѣющаго офицерскаго ранга, за его по дѣламъ лѣность и неисправность, штрафовать палкою и сажать въ желѣза»... Въ этой, столь не соотвѣтствовавшей либеральному духу тогдашнихъ екатерининскихъ предначертаній, возможности прибѣгать къ палкѣ и желѣзамъ, наивные составители коломенскаго наказа, въ томъ числѣ, вѣроятно, и самъ Скавронскій, видѣли радикальную мѣру къ устраненію «мѣшкательства и остановки» въ дѣлахъ.

Засѣдая въ коммиссіи, Мартынъ Карловичъ не игралъ сколько нибудь выдающейся роли и даже ни разу не выступалъ въ качествѣ оратора. Его, правда, выбирали въ нѣкоторыя частныя коммиссіи по разработкѣ частныхъ вопросовъ «Уложенія», но дѣлалъ ли онъ въ нихъ что нибудь—невѣдомо. Скорѣе нужно думать, что онъ, какъ и въ общей коммиссіи, «засѣдалъ» совершенно инертно, для счета только, примыкая къ разряду безгласныхъ и бездѣятельныхъ членовъ, не имѣвшихъ своего царя въ головѣ и ограничивавшихся лишь поддакиваніемъ мнѣніямъ большинства. Видно, что самыя занятія въ частныхъ коммиссіяхъ тяготили его и были ему не подъ силу, судя по тому, что онъ воспользовался правомъ выбирать помощника, каковаго и выбралъ себѣ дѣйствительно въ лицѣ чернскаго депутата И. Иванова, засѣдая въ коммиссіи «о предостереженіи противорѣчія между воинскими и гражданскими законами».

Такимъ образомъ, изъ участія графа Скавронскаго въ этомъ замѣчательнѣйшемъ учрежденіи, гдѣ люди имѣли возможность высказываться свободно, мы не можемъ составить никакого представленія о его гражданскихъ и политическихъ взглядахъ и убѣжденіяхъ, если толвко они у него имѣлись, что̀ весьма сомнительно. Участіе это было совершенно пассивное и машинальное. По обыкновенію людей дюжинныхъ, безсодержательныхъ и смирныхъ, а при всемъ томъ и опасливыхъ, Мартынъ Карловичъ предпочиталъ воздерживаться даже отъ поддакиванья чужимъ мнѣніямъ, если его къ тому не вынуждала необходимость. Сколько до сихъ поръ извѣстно, во все время засѣданія коммиссіи онъ только два раза подписался подъ чужими мнѣніями, высказанными въ пользу дворянскихъ привиллегій.

Блѣдный портретъ нашъ этой крайне блѣдной, безцвѣтной личности нѣсколько дополнитъ и иллюстрируетъ для читателя знакомство съ нижеприводимымъ интереснымъ документомъ. Документъ этотъ—духовное завѣщаніе Скавронскаго, послужившее, послѣ его смерти, предметомъ сомнѣнія и разслѣдованія; но, кажется, подлинность его безспорная.

Послѣ обычнаго вступленія, завѣщатель говоритъ: «будучи одержимъ болѣзнію, отъ которой, можетъ быть, воспослѣдуетъ и кончина маловременной жизни моей, того ради и, будучи еще въ цѣломъ моемъ умѣ и памяти, пишу сію мою духовную, въ томъ: 1) хотя я о наслѣдникахъ моихъ (которыхъ остается только двое, а именно — жена моя графиня Марья Николаевна и сынъ графъ Павелъ Скавронскій) никакого сумнѣнія не имѣю, чтобы они по смерти моей, получа движимое и недвижимое мое имѣніе въ полное свое владѣніе, не содержали по примѣру моего правленія, а особливо, что касается до людей и крестьянъ, о коихъ главное мое было попеченіе содержать ихъ добропорядочно и не отягощать непомѣрною службою и поборами, однако же, за нужное нахожу симъ

моимъ завѣщаніемъ о томъ подтвердить и постановить слѣдующее: и) всѣмъ моимъ движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ владѣть и распоряжать женѣ моей, такъ какъ бы я самъ то дѣлать могъ, а сыну моему быть навсегда у нее въ должномъ послушаніи и не вольно ему до 30 лѣтъ возроста своего изъ недвижимаго моего имѣнія ничего продать и заложить безъ воли матери своей. 3) Когда пожелаетъ она выдѣлить свою указную часть, оную взять ей изъ недвижимаго имѣнія моего, гдѣ похочетъ. 4) На оплату долговъ покойной сестры графини Анны Карловны Воронцовой продать изъ недвижимаго ея, доставшагося мнѣ, имѣнія или изъ собственнаго моего, что она жена моя заблагоразсудитъ, токмо не болѣе, какъ сколько того долгу есть. 5) Если, паче чаянія, сынъ нашъ умретъ прежде жены моей, не оставя по себѣ жены и дѣтей, въ такомъ случаѣ, за уплатою вышеупомянутыхъ всѣхъ сестры моей долговъ и за выдѣломъ указной части женѣ моей, изъ достальнаго взнести въ императорскій воспитательный домъ 5 тысячъ рублевъ, а затѣмъ изъ оставшаго всего движимаго и недвижимаго имѣнія взять женѣ моей половину, что и гдѣ она похочетъ въ вѣчное и потомственное ея владѣніе, а другую половину оставить свойственникамъ моимъ на раздѣлъ, кому что по указамъ слѣдовать будетъ, ибо сіе недвижимое имѣніе мое частію покупное, а больше жалованное отцу моему отъ пресвѣтлѣйшихъ предковъ ея императорскаго величества, такъ какъ и предкамъ нынѣшнихъ моихъ свойственниковъ (рѣчь шла о Ефимовскихъ и Гендриковыхъ) особыя движимыя и недвижимыя имѣнія жалованы, отъ которыхъ я никакою наслѣдства не получилъ, слѣдовательно, и изъ моего оставшаго имѣнія вышеозначенной половины на раздѣлъ довольно, а если у сына моего останется только жена и, ей выдѣля также указную часть или что сынъ мой ей самъ назначитъ, съ достальнымъ поступить по вышеписанному. 6) Находящихся въ домѣ моемъ дворянскихъ дочерей—дѣвицъ выдать замужъ съ награжденіемъ ихъ движимаго моего имѣнія по разсмотрѣнію жены моей, ибо ей обстоятельства ихъ извѣстны, а которая въ замужество не пожелаетъ,—содержать попрежнему въ домѣ нашемъ. 7) Которыхъ дворовыхъ моихъ людей за отмѣнную ихъ мнѣ службу чѣмъ наградить и кого отпустить на волю, такожъ что дать императорскаго воспитательнаго дома въ с.-петербургское отдѣленіе въ пользу его, тому особливый реестръ учиненъ и подписанъ рукою моею. 8) По оставленному покойной сестры моей, графини Анны Карловны, завѣщательному ко мнѣ письму о учиненіи людямъ ея награжденія, которымъ сполна еще не выдано, онымъ что доведется выдать. 9) О оставшихся по смерти упоминаемой сестры моей дѣлахъ, не оконченныхъ съ деверьями ее, генералъ-аншефомъ сенаторомъ и кавалеромъ графомъ Романомъ Ларіоновичемъ и генералъ-поручикомъ и кавалеромъ графомъ Иваномъ Ларіоновичемъ Воронцовыми, всегда я старался прекратить

ихъ миролюбно, но при жизни моей сего сдѣлать не удалось, стараться же женѣ моей и съ сыномъ окончить ихъ безъ тяжбы, а буде и они въ томъ не успѣютъ, то просить рѣшенія по законамъ. 10) Въ заключеніе сего, что оная духовная учинена по волѣ моей, подписую своеручно въ Славянкѣ іюня 25-го дня 1776 года».

Завѣщаніе это, представляя общій интересъ въ изученіи юридическаго быта русскаго общества прошлаго столѣтія, служитъ въ частности недурнымъ освѣщеніемъ личности нашего героя. Здѣсь онъ рисуется такимъ именно, какимъ изображаютъ его преданія, т. е. добрымъ человѣкомъ, но безъ всякой оригинальности и въ предѣлахъ золотой «умѣренности и аккуратности». Попечительный отецъ и любящій мужъ, онъ старается упрочить благосостояніе сына и жены, предусмотрѣвъ всякія случайности, которыя могли бы причинить имъ ущербъ, въ родѣ, напримѣръ, возможности растраты имѣнія со стороны сына въ пору ранней молодости, вслѣдствіе неопытности и увлеченій. Онъ и о «свойственникахъ» своихъ не забылъ, какъ не забылъ о судьбѣ какихъ-то дворянскихъ дѣвицъ-приживалокъ, завѣщавъ ихъ выдать замужъ. Всего же симпатичнѣе онъ, конечно, какъ добрый баринъ, пекущійся о томъ, чтобы его «люди и крестьяне» и послѣ его смерти не были отягощаемы поборами и службою, а, кромѣ того, чтобы вѣрные слуги его получили должное, по своимъ заслугамъ, награжденіе. Мягкій, уступчивый и миролюбивый характеръ Мартына Карловича сказался и въ послѣднемъ пунктѣ его завѣщанія, относительно тяжбы съ Воронцовыми, которую ему такъ хотѣлось бы кончить безъ суда полюбовно.

Завѣщаніе свое Скавронскій составилъ въ тяжкой болѣзни, чувствуя приближеніе кончины, которая и послѣдовала спустя нѣсколько дней, именно 28-го іюня. За два, за три дня до смерти онъ призвалъ жену и сказалъ ей:

— Я обо всемъ сдѣлалъ учрежденіе и ты, конечно, довольна будешь.

Потомъ, помолчавъ немного, добавилъ:

— Я все оное (т. е. завѣщаніе) нехудо подписалъ моею рукою—гораздо лучше, нежели покойный Семенъ Кирилловичъ (?), умирая, то могъ сдѣлать.

Однако-жъ, оказалось потомъ, что Мартынъ Карловичъ распорядился относительно формальной стороны своего завѣщанія не совсѣмъ хорошо. Оно послѣ его смерти было препровождено, по установленному тогда порядку, на высочайшее утвержденіе, при слѣдующемъ письмѣ покойнаго на имя императрицы:

«Всемилостивѣйшая государыня императрица!

«При послѣднихъ дняхъ моей жизни,—писалъ Скавронскій,—припадая къ освященнымъ стопамъ вашего императорскаго вели-

чества, всеподданнѣйше прошу не оставить жены моей съ сыномъ и приложенную при семъ духовную, которую писалъ я по желанію моему и по чистой совѣсти, на движимое и недвижимое мое имѣніе изъ высочайшаго вашего императорскаго величества матерняго милосердія утвердить во ее силѣ и тѣмъ всемилостивѣйше меня пожаловать». (Слѣдуетъ подпись).

Не смотря на эту просьбу покойнаго, съ утвержденіемъ его завѣщанія вышла остановка. Неожиданно возникли сомнѣнія на счетъ составленія завѣщанія и его подписи, и въ такой степени острыя, что вдову покойнаго подвергли дознанію, хотя и деликатному съ успокоительными оговорками, но во всякомъ случаѣ для нея крайне непріятному.

Неизвѣстно, кто и по какому поводу возбудилъ эти сомнѣнія, какъ осталось не поименованнымъ и то лицо, которое предлагало графинѣ Скавронской нижеприводимые вопросные пункты, сохранившіеся въ государственномъ архивѣ въ особой «запискѣ», помѣченной 4 іюля 1776 года.

«Вашему сіятельству, безъ сомнѣнія, извѣстно, — оговаривалось въ дознаніи графини, — что всѣ подаваемыя ея императорскому величеству всемилостивѣйшей государынѣ прошенія не прежде могутъ ея императорскому величеству быть представлены, какъ по собраніи о каждомъ дѣлѣ всѣхъ окрестностей. По сей точно причинѣ поручено мнѣ съ вашимъ сіятельствомъ объясниться, по поданному прошенію и приложенной притомъ духовной покойнаго вашего супруга графа Мартына Карловича».

Далѣе слѣдуютъ вопросы, на которые графиня должна была дать объясненія.

Въ 1-мъ вопросѣ спрашивалось, почему духовная и письмо Скавронскаго, будучи написанными 25-го іюня, не были «тогда-же къ кому надлежитъ отправлены для поднесенія ея императорскому величеству?»

Графиня отвѣчала, что, «по совѣсти», она не знаетъ содержанія ни письма, ни завѣщанія, и затѣмъ разсказала извѣстную уже намъ, предсмертную мужа своего бесѣду съ нею на счетъ этого предмета.

2-й вопросъ указывалъ на несоблюденіе законной формальности. «Объявляемыя по смерти духовныя предписано законами, — говорится въ немъ, — подавать такія, которыя основаны точно на государственныхъ узаконеніяхъ и утверждены свидѣтелями, а какъ вышепомянутая духовная безъ всякаго свидѣтельства, то отъ чего сіе послѣдовало?»

Желая смягчить впечатлѣніе этого допроса, исполнитель его вторично добавляетъ, что «все сіе объясненіе потребно для того только, дабы всѣ происшествія сего дѣла, сообразя съ законами, достаточны были къ докладу ея величеству».

На 2-й вопросъ «отвѣтствовалъ» генералъ-маіоръ Строгановъ, который, по извѣстію «записки», находился при данномъ «разговорѣ».

«Для засвидѣтельствованія того прошенія, — показалъ Строгановъ, — желалъ покойный графъ увидѣть господина генерала Кашкина и духовника, за коими и было послано, но конецъ жизни его постигъ прежде, нежели они могли пріѣхать; ко мнѣ же приходилъ Вахтинъ и просилъ именемъ графа, чтобы я ту духовную засвидѣтельствовалъ, но я, какъ родной братъ его жены, отъ того отрекся; другихъ же свидѣтелей, за отдаленіемъ отъ города, и имѣть не можно».

Весь этотъ «разговоръ», надо полагать, произвелъ очень тяжелое впечатлѣніе на вдову-графиню, такъ что въ концѣ его она категорически заявила, что «если хоть малѣйшее въ рукѣ или въ волѣ мужа ея есть сомнѣніе, то она ничего не желаетъ и подвергаетъ себя во всемъ высочайшей ея императорскаго величества милости» [1]).

Это благородное и безкорыстное заявленіе было, конечно, очень краснорѣчивымъ доказательствомъ неосновательности возбужденныхъ сомнѣній относительно подлинности завѣщанія, и — слѣдуетъ думать — что послѣднее было признано безспорнымъ и графиню Скавронскую больше не безпокоили дознаніями. Кстати будетъ сказать о ней нѣсколько словъ.

Графиня Марія Николаевна Скавронская родилась отъ барона Н. Г. Строганова и Прасковьи Ивановны, урожденной Бутурлиной. По выходѣ замужъ, она была пожалована, въ 1756 году, въ дѣйствительныя статсъ-дамы. Орденъ св. Екатерины 1-го класса получила въ 1797 году, въ день коронованія императора Павла; скончалась въ 1805 году, слѣдовательно, пережила мужа почти на тридцать лѣтъ; похоронена въ Невской лаврѣ, но надгробнаго памятника ея не осталось. У нея было трое дѣтей отъ Мартына Карловича, изъ коихъ только одинъ сынъ пережилъ отца. Первенцомъ ихъ была дочь — Елизавета, родившаяся 20-го апрѣля 1755 года и умершая въ отрочествѣ, въ 1767 году. Потомъ, въ 1757 году, у Скавронскихъ родился сынъ—Павелъ, а черезъ годъ—другой, Петръ. Послѣдній умеръ въ юности, прапорщикомъ Преображенскаго полка. Средній, Павелъ, былъ долговѣчнѣе и въ его лицѣ мы встрѣчаемъ единственнаго, оставившаго по себѣ память, представителя третьяго и послѣдняго поколѣнія рода Скавронскихъ съ момента ихъ возвышенія. Къ разсказу о немъ и перейдемъ сейчасъ же.

---

[1]) Государственный Арх., XI, 1063 (изъ портфеля «Историческаго Вѣстника»).

XIII.

Русскіе европейцы XVIII столѣтія. — Графъ Павелъ Мартыновичъ Скавронскій и его итальяноманія. — Музыкальное баловство. — Дебютъ Скавронскаго въ Петербургѣ и его сватовство. — Гурьевъ. — Катенька Энгельгардтъ и ея нѣжный дядюшка. — Свадьба Скавронскаго. — «Пирра» въ домашней обстановкѣ. — Потомство Павла Мартыновича.

Графъ Павелъ Мартыновичъ, по воспитанію, по наклонностямъ и умственному складу, принадлежалъ къ той странной, конца XVIII столѣтія, генераціи русскихъ баръ-«европейцевъ», людей, большею частью, недалекихъ, которые разъучивались не только жить, думать и чувствовать порусски, но даже и говорить на родномъ языкѣ. Совершенно чуждые Россіи внутренно, сердцемъ, связанные съ нею лишь эгоистическими интересами карьеристовъ и рабовладѣльцевъ-помѣщиковъ, какъ поприщемъ для служебнаго возвышенія и наживы, съ одной стороны, и, съ другой, какъ золотымъ дномъ — источникомъ своихъ доходовъ, эти изысканные, элегантные, россійскіе маркизы всячески старались удаляться отъ презираемой ими «родины святой» и въ смыслѣ мѣстожительства. Большую часть жизни своей они проводили за границей, въ главныхъ центрахъ европейской цивилизаціи, и, смотря по тому, въ какую національную среду бросала ихъ судьба, быстро превращались духовно во французовъ, нѣмцевъ, итальянцевъ, англичанъ, натурализируясь иногда окончательно и въ отношеніи юридическомъ. Впрочемъ, многіе изъ нихъ натурализировались такимъ же образомъ въ неисправимыхъ иноземцевъ, чаще всего французовъ распутно-салоннаго версальскаго типа, и въ предѣлахъ отечества, въ оранжерейно-свѣтской атмосферѣ петербургскаго бо-монда.

Къ такимъ просвѣщеннымъ выродкамъ принадлежалъ и графъ Павелъ Скавронскій, отчасти по обстоятельствамъ, отъ него не зависѣвшимъ. Его такъ воспитали; съ дѣтства его отвратили отъ родины, отъ ея народа и его языка, завезли въ прекрасную Италію и искусственно воспитали въ итальянскаго сеньора, который зналъ только, что гдѣ-то далеко на сѣверѣ, въ «варварской» Россіи, ему прикрѣплены тысячи вовсе не живописныхъ, грубыхъ «мужиковъ», обязанныхъ, силою божескихъ и человѣческихъ законовъ, въ потѣ лица доставлять ему обильныя средства для роскошнаго барскаго farniente подъ лазоревымъ неаполитанскимъ небомъ. Зналъ онъ также, что, на правахъ русскаго вельможи, да еще кузена императорской фамиліи, онъ можетъ искать, если не требовать, для себя у этой «варварской», однако-жъ, очень авторитетной въ Европѣ, Россіи чиновъ, почестей и отличій, которыми могъ бы онъ повеличаться передъ своими итальянскими земляками и ослѣпить ихъ.

Своимъ отчужденіемъ отъ Россіи и аклиматизаціей въ Италіи Скавронскій былъ обязанъ, главнымъ образомъ, своей матери. Она, какъ говоритъ ея племянникъ, князь И. М. Долгорукій, «всю жизнь свою провела въ чужихъ краяхъ, гдѣ и скончалась». Положимъ, не всю жизнь сполна, но почти всю вторую ея половину, особенно со смертью мужа. Жила она преимущественно въ Италіи вмѣстѣ съ сыномъ, гдѣ онъ окончилъ свое воспитаніе, пристрастился къ чудной родинѣ апельсиновъ и макаронъ, всего же болѣе — къ ея гармоническимъ мелодіямъ. «Былъ онъ великій чудакъ, — говоритъ о немъ Вигель, — никакая земля не нравилась ему, кромѣ Италіи, всему предпочиталъ онъ музыку, самъ сочинялъ какую-то ералашь, давалъ концерты...» Дѣйствительно, ни прежде, ни послѣ, міръ не видѣлъ болѣе страстнаго и неистоваго итальяномана въ музыкѣ, какимъ былъ Павелъ Мартыновичъ, но, можетъ быть, не видѣлъ и менѣе одареннаго музыкальными способностями!

Меломанія Скавронскаго носила характеръ какого-то барскаго самодурства и баловства; въ ней было много нелѣпаго, идіотическаго и въ то же время комическаго и шутовскаго. До безумія любя итальянскую музыку, онъ считалъ себя не только знатокомъ ея, но и композиторомъ, хотя не имѣлъ ни искорки творческаго таланта и вкуса. Только благодаря его безграничной тароватости, находились пѣвцы и музыканты, соглашавшіеся исполнять сочиненныя имъ безвкусныя пьесы, находились терпѣливые слушатели ихъ и цѣнители, безсовѣстно выхвалявшіе эти произведенія передъ авторомъ за вкусные обѣды и щедрыя подачки.

Вѣчно окруженный прихлебателями — артистами, пѣвцами и музыкантами, постоянно занимаясь музыкой, Скавронскій дошелъ, наконецъ, до такого сумасбродства: онъ приказалъ своей прислугѣ не иначе разговаривать съ нимъ, съ гостями и между собою, какъ речитативами, по нотамъ. Выѣздной лакей, приготовившись по партитурѣ, сочиненной его бариномъ, докладывалъ пріятнымъ альтомъ, что карета его сіятельства подана. Метръ-д'отель извѣщалъ господъ торжественнымъ напѣвомъ, что кушать готово. Кучеръ объяснялся съ графомъ густыми октавами basso profundo. Во время парадныхъ обѣдовъ и раутовъ, графскіе слуги составляли дуэты, квартеты и хоры, такъ что гостямъ казалось, будто они ѣдятъ и пьютъ въ оперной залѣ. Самъ его сіятельство отдавалъ приказанія слугамъ въ музыкальной формѣ, а гости, желая угодить ему, вели съ нимъ разговоры въ видѣ вокальныхъ импровизацій.

Скавронскій могъ позволять себѣ подобныя фантазіи, не стѣсняясь, потому что располагалъ огромнымъ богатствомъ. Домъ его представлялъ верхъ роскоши и былъ переполненъ всевозможными антиками и произведеніями новѣйшаго искусства, преимущественно итальянскаго, такъ какъ, кромѣ страсти къ музыкѣ,

Павелъ Мартыновичъ усвоилъ себѣ еще и антикварный диллетантизмъ. Онъ былъ разносторонній меценатъ, страстно преданный искусству, во всѣхъ его родахъ, но едва ли хоть въ одномъ какомъ нибудь родѣ знавшій толкъ. Таковы, впрочемъ, бывали почти всѣ наши меценаты того «златаго вѣка».

Въ началѣ 80-хъ годовъ, Скавронскій, будучи тогда еще очень молодымъ человѣкомъ, пріѣхалъ изъ Италіи въ Петербургъ показать себя столичному большому свѣту, завоевать расположеніе сильныхъ міра сего и составить блестящую карьеру, къ которой онъ считалъ себя свыше предназначеннымъ. Принятъ онъ былъ въ Петербургѣ весьма благосклонно. При дворѣ его обласкали, въ знатныхъ домахъ всюду настежъ раскрывали передъ нимъ двери, въ особенности тамъ, гдѣ имѣлись невѣсты. Молодой человѣкъ съ такимъ именемъ и титуломъ, съ такими связями и богатствомъ, а, при всемъ томъ, утонченно воспитанный на заграничный ладъ— почти иностранецъ, по манерамъ и привычкамъ, не могъ не считаться выгоднымъ женихомъ на вкусъ тогдашнихъ петербургскихъ барынь. Великосвѣтскія маменьки наперебой стали его завлекать и ловить, чтò было, кажется, и неособенно трудно, потому что Павелъ Мартыновичъ, какъ и отецъ его, отличался, сколько можно заключить по нѣкоторымъ чертамъ, мягкимъ, податливымъ, хотя взбалмошнымъ характеромъ и тѣмъ страннымъ женоподобіемъ, которое весьма нерѣдко встрѣчалось въ нашихъ старинныхъ баричахъ жантильнаго и тепличнаго воспитанія.

Вскорѣ, однако, петербургскія знатныя маменьки и ихъ дочки-невѣсты должны были отказаться отъ матримоніальныхъ видовъ на юнаго Скавронскаго: на него обратилъ благосклонное вниманіе, какъ на жениха, такой сватъ, съ которымъ соперничать и тягаться было не подъ силу. Сватомъ этимъ оказался «великолѣпный» князь Таврическій, нашедшій Скавронскаго вполнѣ подходящимъ женихомъ для одной изъ своихъ знаменитыхъ племянницъ. Могло бы встрѣтиться препятствіе для этого сватовства со стороны самого жениха, будь онъ болѣе независимаго и твердаго характера, болѣе закаленъ въ правилахъ строгой морали и менѣе наклоненъ къ слабодушному подхалимству передъ сильными. Добрая слава невѣсты была весьма припорченная ея скандалезной связью съ развратнымъ дядей, чтò вовсе не составляло тайны въ петербургскомъ свѣтѣ, да съ подобными соблазнительными интрижками, при тогдашнихъ легкости и «поврежденіи нравовъ», наши Сарданапалы и Мессалины вовсе и не думали таиться, а, напротивъ, тщеславились даже ихъ пикантностью, обиліемъ и разнообразіемъ. Сами женщины, по свидѣтельству князя Щербатова, увлекаемыя примѣромъ двора и «любострастіемъ» вліятельныхъ фаворитовъ, «гордились и старались ихъ любовницами учиниться, и разрушенную уже приличную стыдливость при Петрѣ III... совсѣмъ погасили, тѣмъ наипаче,

что сей былъ способъ получить и милость государыни». Съ своей стороны, великосвѣтскіе женихи точно также, въ разсчетѣ на пріобрѣтеніе «милости» и составленіе хорошей карьеры, весьма снисходительно относились къ сомнительной репутаціи невѣстъ, протежируемыхъ всесильными дядюшками—Сарданапалами, и съ предупредительной готовностью сватали ихъ по первому благосклонному приглашенію.

Такимъ же покладистымъ женихомъ оказался и Скавронскій, быть можетъ, отчасти и потому, что онъ былъ неспособенъ, по своему кисельному характеру, на какой нибудь отпоръ внѣшнему давленію, да еще давленію такой властной, не терпѣвшей оппозиціи, руки, какая была у князя Потемкина. Не знать же скабрезнаго прошлаго своей невѣсты онъ, конечно, не могъ; но его просто «заманили и женили», какъ говоритъ близко знавшій его и его романъ князь И. М. Долгорукій.

Тотъ же современникъ такимъ образомъ очерчиваетъ положеніе невѣсты Скавронскаго, извѣстной Екатерины Васильевны Энгельгардтъ, и ея отношеній съ дядей:

«Ихъ было нѣсколько сестеръ (т. е. сестеръ Энгельгардтъ), всѣ лица безподобнаго, и во всѣхъ дядюшка изволилъ влюбляться. Влюбиться на языкѣ Потемкина значило наслаждаться плотью: любовныя его интриги оплачивались отъ казны милостью, отличіями и разными наградами, кои потомъ обольщали богатыхъ жениховъ и доставляли каждой племянницѣ, сошедшей съ ложа сатрапа, прочную фортуну на всю жизнь. Дошла очередь до Катерины Васильевны; она всѣхъ сестеръ была пригожѣе. Во время ея интриги съ дядею, появился ко двору изъ чужихъ краевъ молодой и богатой графъ Скавронской... Онъ влюбился, и добрый дядюшка благословилъ счастливый бракъ».

Точно ли была здѣсь любовь со стороны Павла Мартыновича— сказать трудно. По увѣренію Вигеля, «онъ и слышать не хотѣлъ о женитьбѣ», и «одинъ только Гурьевъ могъ этимъ дѣломъ поладить, и его стараніями бракъ сей состоялся», какъ того хотѣлъ князь Потемкинъ. Гурьевъ этой деликатной маклерской операціей составилъ себѣ карьеру, въ силу покровительства князя Потемкина, признательнаго за устройство брака его племянницы. Будущій министръ и графъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ такъ ловко и искусно, что съумѣлъ прислужиться обѣимъ сторонамъ. Угодивъ Потемкину и его племянницѣ, въ руку которымъ онъ, очевидно, больше всего и старался, Гурьевъ успѣлъ въ то же время не только обломать жениха и привести его къ вѣнцу, но еще снискать за это съ его стороны тароватую благодарность. По словамъ Вигеля, когда состоялась свадьба, Скавронскій подарилъ Гурьеву три тысячи душъ, «въ знакъ памяти и вѣрной дружбы». Дѣло въ томъ, что Гурьевъ состоялъ чѣмъ-то въ родѣ не то воспитателя, не то компаніона,

не то просто приживальца при Павлѣ Мартыновичѣ, которому «умѣлъ полюбиться и болѣе трехъ лѣтъ странствовалъ съ нимъ по Европѣ», съ нимъ же и въ Петербургъ пріѣхалъ.

Жениться на обольстительной красавицѣ, протежируемой вліятельнымъ временщикомъ, молодой графъ могъ согласиться тѣмъ скорѣе, игнорируя нѣкоторую помятость дѣвственнаго вѣнка невѣсты, что бракъ этотъ былъ пріятенъ императрицѣ и она ему покровительствовала. Екатерина Васильевна была фрейлиной, но наибольшее преимущество въ глазахъ императрицы давало ей то обстоятельство, что она была племянницей и фавориткой Потемкина, который находился тогда въ апогеѣ своей силы и безгранично эксплоатировалъ благосклонность къ нему государыни. Вотъ, напримѣръ, какимъ невѣроятно наглымъ и дерзкимъ образомъ доставилъ онъ нѣсколько позднѣе своей любимой племянницѣ званіе статсъ-дамы. Въ 1786 году, случилось Екатеринѣ Васильевнѣ, тогда уже графинѣ Скавронской, находиться въ спальнѣ своего дядюшки, во дворцѣ. Увидѣвъ на столикѣ орденскій портретъ императрицы, молоденькая графиня, шутя, взяла его, приколола себѣ на грудь и стала любоваться этимъ украшеніемъ передъ зеркаломъ.

— Катенька, — воскликнулъ Потемкинъ: — поди поблагодарить государыню: ты—статсъ-дама!

— Что вы со мною дѣлаете?—возразила Екатерина Васильевна, озадаченная и напуганная этимъ сюрпризомъ, а главное — способомъ дарованія.

— Я тебѣ приказываю!—рѣшительно сказалъ князь и, написавъ тутъ же записку, принудилъ племянницу идти съ нею къ императрицѣ, не снимая съ груди портрета.

Екатерина, узнавъ, въ чемъ дѣло, встрѣтила посланную съ большимъ неудовольствіемъ, которое не въ состояніи была даже скрыть, не взирая на все свое искусство владѣть собою. Тѣмъ не менѣе, не сказавъ ни слова, написала отвѣтъ Потемкину, и графиня Скавронская точно возвратилась въ аппартаментъ дядюшки новопожалованной статсъ-дамой—рангъ для ея возроста небывалый. Этотъ случай, однако, нисколько не охладилъ Екатерину къ молодой женщинѣ, которой она постоянно, со времени ея появленія при дворѣ по самую смерть свою, оказывала особенное благосклонное вниманіе, предпочтительно предъ остальными дѣвицами Энгельгардтъ. Въ устройствѣ самой свадьбы Катеньки императрица принимала дѣятельное и милостивое участіе. Катенькина свадьба произошла (10-го ноября 1781 года) почти одновременно со свадьбою ея старшей сестры Александры Васильевны, вышедшей замужъ за графа К. П. Браницкаго. Обѣ эти свадьбы были торжественно сыграны во дворцѣ, въ присутствіи императрицы и всей придворной знати. Изъ дворца молодые отправились къ себѣ. «На слѣдующій день графиня Скавронская,—какъ записалъ извѣстный Пикаръ,—ѣздила

благодарить императрицу, и ея величество пригласила ее вечеромъ въ Эрмитажъ, чего не удостоились не только придворныя дамы, но даже и дамы, имѣющія портреты». Милость императрицы къ Екатеринѣ Васильевнѣ поддерживалась, кромѣ покровительства Потемкина, еще ея дружбой съ другимъ фаворитомъ—Мамоновымъ, которому она, когда онъ еще не былъ въ силѣ, оказала немало услугъ и, между прочимъ, доставила ему мѣсто адъютанта при дядѣ. Князь Циціановъ увѣряетъ, что вышеописанное назначеніе графини Скавронской въ статсъ-дамы тоже произошло частію вслѣдствіе ходатайства Мамонова, старавшагося отблагодарить ей за сдѣланное ему прежде добро. Вообще Екатерина Васильевна, какъ и всѣ почти ея сестры, попеременно, одна за другой, украшавшія собой «ложе сатрапа»—дяди, прекрасно устроились. Милости лились на нихъ рѣкой, лились и богатства. Въ 1793 году, состоялся указъ, которымъ было пожаловано, «за заслуги генералъ-фельдмаршала князя Потемкина Таврическаго», племянницамъ его, графинѣ А. Браницкой и графинѣ К. Скавронской, въ юго-западныхъ губерніяхъ 8,414 душъ изъ конфискованныхъ польскихъ имѣній. Были и другія пожалованія.

Естественно, что вслѣдствіе такого блестящаго положенія, пользуясь благосклонностью императрицы и покровительствомъ всесильныхъ временщиковъ, Екатерина Васильевна имѣла всѣ данныя составить счастье своего мужа въ отношеніи матеріальномъ и служебномъ. Какъ увидимъ дальше, женитьба дѣйствительно открыла Скавронскому широкій и гладкій путь къ блестящей служебной карьерѣ, на сколько онъ былъ лично къ ней способенъ; но былъ ли онъ счастливъ съ Екатериной Васильевной, какъ мужъ и семьянинъ? Едва ли! Она была слишкомъ красива, слишкомъ избалована поклоненіемъ и куртизанствомъ и слишкомъ испорчена свѣтской суетностью, чтобы быть доброй женой и семьянкой. Эту черту графини Скавронской не безъ скабрезной ироніи воспѣлъ Державинъ въ стихотвореніи, ей посвященномъ по случаю втораго ея замужества, послѣ смерти Павла Мартыновича, за графа Литта. Поэтъ уподобилъ Екатерину Васильевну Пиррѣ и, обращаясь къ ней, послѣ восторженныхъ похвалъ ея красотѣ, между прочимъ, говоритъ:

«Такъ, Пирра, Пирра дорогая!
Кто столько легковѣрнымъ сталъ,
Что вѣкъ тобой мнитъ наслаждаться:
Тотъ долженъ искренно признаться,
Что бурь онъ въ морѣ не видалъ.
О, злополучна и несчастна
Безопытная молодежь!
Предъ кѣмъ ты, бывши такъ прекрасна,
Свою, блистая, прелесть льешь?
Но если-бъ что меня касалось,

Тебѣ-ль, другой-ли помечталось, —
Скажу: бывалъ я на моряхъ,
Терпѣлъ и кораблекрушенья;
Но днесь въ знакъ моего спасенья
Виситъ ужъ опущенъ мой флагъ».

Дѣло въ томъ, что Екатерина Васильевна, будучи, по выраженію одного современника, «какъ ангелъ во плоти, хороша, молода и прекрасна», а по замѣчанію Сегюра, представляя собою живое воплощеніе Амура, кружила всѣмъ головы и, какъ увѣряетъ князь Иицiановъ, не прочь была пококетничать; но, по натурѣ, была женщина холодная, вялая и лѣнивая. Мѣтко и живо охарактеризовала ее съ этой и съ иныхъ сторонъ извѣстная Виже-Лебренъ.

«Графиня Скавронская, — пишетъ наблюдательная француженка, — была добра и прелестна какъ ангелъ. Знаменитый дядя ея Потемкинъ осыпалъ ее богатствомъ, которымъ, впрочемъ, она не умѣла пользоваться; ея высшимъ блаженствомъ было лежать на диванѣ безъ корсета, закутавшись въ огромную черную шубу. Ея свекровь выписывала для нея изъ Парижа цѣлыми сундуками самые изысканные наряды, которые изготовляла тогда придворная модистка королевы Маріи Антуанетты, m-lle Bertin. Когда ея свекровь выражала желаніе видѣть на ней эти прелестныя платья, то молодая графиня лѣниво отвѣчала:

— «Да для чего, для кого и зачѣмъ?

«То же самое и мнѣ она отвѣчала, показывая рѣдкой цѣны ящикъ: въ немъ лежали груды бриллiантовъ, которыхъ на ней никогда не было видно. Помню, она мнѣ говорила, что у ея постели ложилась крѣпостная дѣвушка, обязанностью которой было усыплять ее, разсказывая каждый вечеръ одну и ту же сказку. Днемъ графиня постоянно пребывала въ праздности; она была безъ всякаго образованія и вела самый безцвѣтный разговоръ, но, не смотря на это, обладала неоспоримою привлекательностью, благодаря своей прелестной наружности и ангельской кротости. Графъ Скавронскiй былъ страстно влюбленъ въ свою жену»..

Если послѣднее было такъ на самомъ дѣлѣ, то, кажется, нельзя сказать, чтобы Екатерина Васильевна платила мужу равной взаимностью. По крайней мѣрѣ, достовѣрно то, что и по выходѣ замужъ она долго еще не прерывала интимныхъ сношеній съ сластолюбивымъ дядюшкой, въ отсутствіе мужа жила въ его чертогахъ, во дворцѣ, и попрежнему состояла, по выраженію князя Цицiанова, «на положеніи любимой племянницы». Только уже незадолго до смерти дяди, графиня уѣхала къ мужу въ Неаполь, куда онъ былъ отправленъ въ качествѣ нашего посланника.

Въ бракѣ со Скавронскимъ Екатерина Васильевна родила двухъ дочерей—Екатерину и Марію, годы рожденія которыхъ неизвѣстны. Екатерина Павловна вышла замужъ за знаменитаго героя, князя

Багратіона, павшаго подъ Бородинымъ; затѣмъ она вторично вышла замужъ за лорда Гаудена. Отъ перваго брака дѣтей у нея не было. Марія Павловна тоже была дважды замужемъ: сперва за графомъ П. П. Паленомъ, съ которымъ развелась въ 1804 году, а затѣмъ за графомъ А. П. Ожаровскимъ. Дѣтей у нея было всего лишь одна дочь отъ графа Палена—Юлія Павловна, пережившая трехъ мужей одного за другимъ: графа Н. А. Самойлова (умеръ 1842 г.), француза—доктора Перри (умеръ 1846 г.) и графа Карладе-Морне. Всѣ эти браки были бездѣтные, и со смертью Юліи Павловны пресѣкся послѣдній, даже отдаленный отпрыскъ рода Скавронскихъ въ прямомъ колѣнѣ.

Сама Екатерина Васильевна, вторично выйдя замужъ въ 1798 году за графа Литта, съ именемъ котораго связана исторія Мальтійскаго ордена въ Россіи, скончалась почти семидесятилѣтней старухой въ 1829 году. Императоръ Павелъ пожаловалъ ее въ кавалерственныя дамы большаго креста Іоанна Іерусалимскаго; въ 1809 году, она получила орденъ св. Екатерины I-го класса, а въ 1824 году почтена достоинствомъ гофмейстерины императорскаго двора.

XIV.

Служебная карьера графа Павла Скавронскаго.—Искательства и приношенія по адресу «благодѣтеля».—Назначеніе посломъ въ Неаполь и значеніе этого поста.—Размолвка Скавронскаго съ графомъ Разумовскимъ.—Материнское заступничество.—Дипломатическая дѣятельность Скавронскаго.—Заключительная оговорка.

«Графиня Екатерина Васильевна муженьку ленту выпросила»,—извѣщалъ князь Циціановъ своего друга Зиновьева, отъ 25 сентября 1786 года. Фраза эта весьма характеристична по отношенію къ тому, какимъ путемъ графъ Павелъ Мартыновичъ Скавронскій вообще служебную карьеру себѣ составлялъ. Въ сущности, все, что было ему дано,—дано было не столько для него и во вниманіе его заслугъ, сколько для его супруги и по ея протекціи, или, точнѣе сказать, изъ угожденія Потемкину. Князь И. М. Долгорукій въ своемъ «Словарѣ» прямо говоритъ, что «Скавронскаго ласкали при дворѣ для Потемкина выгодъ». Въ данномъ же случаѣ выгоды Потемкина заключались въ родственно-фаворитскомъ желаніи возвысить любимую племянницу, дать ей видное общественное положеніе черезъ мужа. Вѣроятно, въ началѣ попечительный дядя, для достиженія этой цѣли, встрѣчалъ большое затрудненіе въ личности самого графа Скавронскаго. Какой видный постъ, какое вліятельное служебное положеніе можно было дать молодому человѣку, за моремъ воспитанному, не знающему вовсе ни своего отечества,

ни его государственнаго устройства, нигдѣ и никогда не служившему и, при всемъ томъ, не блиставшему особенными талантами и способностями? Однако-жъ, исподоволь нашли для него подходящее почетное мѣсто. Фаворитизмъ по этой части очень изобрѣтателенъ!

Нашлась возможность утилизировать на государственную потребу ту единственную интеллектуальную опытность и ту отличительную способность, которыя имѣлись за графомъ Скавронскимъ. Онъ былъ, какъ мы знаемъ, страстный итальяноманъ, знавшій Италію, по личнымъ долговременнымъ наблюденіямъ, знавшій ея языкъ, ея литературу и искусство, передъ которыми съ диллетантскимъ раболѣпіемъ преклонялся. Всѣ эти знанія и опытъ графа были приняты во вниманіе при нашемъ дворѣ и положены на вѣсы въ вопросѣ составленія приличной для него карьеры. Конечно, музыкальная итальяноманія Павла Мартыновича, его знаніе итальянскаго языка и его многолѣтнее кочеванье по итальянскимъ гостинницамъ и палаццо еще не давали ручательства, чтобы онъ точно зналъ Италію, въ ея современномъ государственномъ и политическомъ отношеніяхъ, и чтобы, за всѣмъ тѣмъ, онъ былъ способенъ къ дипломатической дѣятельности; но, изъ побужденій фаворитизма, не стали очень строго относиться къ послѣднимъ требованіямъ, да, къ тому-жъ, для русской дипломатіи того времени Италія не представляла первостепенной важности, и никакихъ особенно тонкихъ, значительныхъ задачъ, требовавшихъ недюжиннаго ума и искусства, тамъ у нея тогда не имѣлось. Предшественникъ Скавронскаго на постѣ посланника въ Неаполѣ, умный и даровитый графъ А. К. Разумовскій, въ своихъ донесеніяхъ въ Петербургъ, постоянно жаловался, что ему дѣлать нечего, и вся его дипломатическая миссія ограничивалась салонными знакомствами да будуарными интригами.

На этихъ-то основаніяхъ графъ Скавронскій былъ признанъ способнымъ занять постъ русскаго посланника при неаполитанскомъ кабинетѣ, и получилъ его. Быть можетъ, сверхъ другихъ соображеній, ему еще просто хотѣли сдѣлать любезность, доставивъ случай съ почетомъ возвратиться въ столь излюбленную имъ страну, wo die Zitrönen bluhen, по которой онъ не могъ не скучать въ сыромъ и холодномъ Петербургѣ, вредно вліявшемъ, къ тому-жъ, и на его слабое здоровье.

Безъ сомнѣнія, это назначеніе Скавронскаго состоялось по представленію и стараніемъ Потемкина, угождавшаго фавориткѣ-племянницѣ. Это хорошо понималъ и самъ Павелъ Мартыновичъ, постоянно называя Потемкина въ адресованныхъ ему письмахъ «своимъ благодѣтелемъ», а, чтобы благодѣтель не забывалъ о немъ,— прислуживался передъ нимъ разными сувенирами и благодарственными приношеніями, къ которымъ тогда не оставались равнодушными и самые сильнѣйшіе міра сего.

Когда уже состоялось назначеніе Скавронскаго посломъ въ Неаполь, онъ шлетъ князю Потемкину подарокъ за подаркомъ не только изъ благодарности, но и для заручки его покровительствомъ въ преодолѣніи кое-какихъ стоявшихъ впереди препятствій и недоброжелательствъ. Изъ письма Павла Мартыновича къ князю, отъ 20 іюня 1784 года, узнаемъ, что Булгаковъ и Воронцовъ отсовѣтовывали ему принимать мѣсто посла въ Неаполѣ и будто бы интриговали противъ него, хотя и невѣдомо какъ и для чего. Въ этомъ же письмѣ Скавронскій выказываетъ и свои дипломатическія способности, хотя совершенно бабьяго, мелочнаго свойства. Онъ сплетничаетъ на Воронцова, и въ такомъ духѣ, чтобы вооружить противъ него властолюбиваго и своенравнаго «благодѣтеля»—временщика. Онъ пишетъ, будто Воронцовъ сообщилъ ему, что князь Потемкинъ «теперь-де въ такой дружбѣ съ Безбородко, что чрезъ Безбородку даже посылаетъ доклады императрицѣ»... Понятно, что самое предположеніе такой «дружбы» наносило заносчивой гордости Потемкина острый уколъ.

Посплетничавъ и поковарствовавъ съ мелкодушіемъ плоскаго интригана, Павелъ Мартыновичъ спѣшитъ тутъ же прислужиться «благодѣтелю» приношеніями, «въ знакъ памяти». Питая притязанія на знатока и цѣнителя искусствъ, онъ и подарки выбираетъ въ этомъ же родѣ.

На первый случай посылаетъ античную колонну изъ краснаго порфира, вышиной около $2^1/_2$ аршинъ, съ желобками сверху донизу. «J'ose vous dire, prince, — присовокупляетъ онъ, при этомъ, стараясь выхвалить свой презентъ,—que hors de l'Italie je n'en connais de cannelée nulle part, et en Italie le palais de prince Borghese est le seule où j'en ai vue. J'ai mis dessus un buste de Minerve, qui n'est pas à laurété digne d'être un ornament chez vous, mais n'en trouvant pas de meilleur pour le moment, la necessité m'a fait la loi» [1]).

Вслѣдъ за этимъ онъ посылаетъ Потемкину античное распятіе—камей, опять щеголяя въ письмѣ своими антикварными познаніями и нахваливая подарокъ. «Vous savez, mon prince, — пишетъ онъ, — que à cette epoque (V-e столѣтіе) l'Italie, infestée de nations barbars, n'avait plus d'artistes du premier mérite et cet ouvrage est un des mains imparfaits que j'aye vu du siècle au quel il appartient incontestablement, et la grandeur de la pierre n'est pas commune» [2]). Далѣе

[1]) Смѣю вамъ сказать, князь, что внѣ Италіи я не знаю ни одной подобной желобчатой колонны, да и въ Италіи, во дворцѣ князя Боргезе, имѣется только одна такая, гдѣ я ее видѣлъ. Я поставилъ сверху ея бюстъ Минервы, который не достоинъ служить у васъ украшеніемъ, но, не найдя лучшаго въ данную минуту, я вынужденъ былъ покориться необходимости.

[2]) Вы знаете, князь, что въ эту эпоху Италія, опустошенная варварскими народами, не имѣла болѣе первостепенныхъ художниковъ, и это произведеніе изъ тѣхъ, какія я видѣлъ, есть одно изъ наименѣе несовершенныхъ даннаго вѣка

идетъ рѣчь о происхожденіи рѣдкой драгоцѣнности и о томъ, какъ старался подноситель, не щадя средствъ, купить ее, чтобъ не упустить оказіи сдѣлать пріятный сюрпризъ «благодѣтелю».

Спустя немного времени, уже на пути въ Неаполь, Скавронскій послалъ Потемкину изъ Падуи 50 бутылокъ вина Piccolitto — «de la même espèce, — слѣдуетъ въ письмѣ неизбѣжная реклама, — que j'ai eu l'honneur de vous parter en Crimée l'année passé et qui m'a paru être de votre goût» [1]... Предупредительность графа на этомъ не кончается: онъ берется, въ случаѣ, если вино придется по вкусу свѣтлѣйшему «благодѣтелю», доставить ему такое его количество, какое онъ прикажетъ.

Такая искательная корреспонденція, сопровождаемая приношеніями, продолжалась со стороны Скавронскаго до самой кончины Потемкина. Въ послѣднемъ изъ цитируемыхъ здѣсь писемъ графъ выражалъ сожалѣніе по случаю болѣзни князя, которая чрезвычайно встревожила его супругу — графиню, порывавшуюся было ѣхать наспѣхъ въ Россію въ больному дядѣ, но ее удержало собственное нездоровье [2].

Графъ Скавронскій былъ вторымъ по счету посланникомъ нашимъ въ Неаполѣ со времени учрежденія здѣсь этого дипломатическаго поста. Мысль завести постоянныя дипломатическія сношенія съ королевствомъ обѣихъ Сицилій возникла при Екатеринѣ, вслѣдствіе начавшихся тогда довольно ча́стыхъ экспедицій нашего флота въ воды Средиземнаго моря. Чесменская побѣда показала, какую важность можетъ представлять на будущее время для русскаго флота гостепріимство въ превосходныхъ гаваняхъ Апенинскаго полуострова, въ особенности же въ водахъ Неаполитанскаго залива. Въ виду этого Екатерина поручила князю Д. М. Голицыну войдти въ сношенія съ испанскимъ дворомъ, въ династической зависимости отъ котораго находилось тогда Неаполитанское королевство, о взаимномъ между симъ послѣднимъ и Россіей «содержаніи на обѣ стороны характеризованныхъ особъ и о назначеніи оныхъ въ качествѣ полномочныхъ министровъ одновременно при обоихъ дворахъ».

Въ 1777 году, послѣдовало по этому предмету соглашеніе и съ нашей стороны получилъ назначеніе посланника въ Неаполь графъ А. К. Разумовскій. Въ какой, однако же, мѣрѣ не придавали этому посту большаго и виднаго значенія въ Петербургѣ, можно заключить изъ того, что графъ Разумовскій, тогда еще молодой и далеко

къ которому оно принадлежитъ безспорно, а величина самаго камня — необыкновенная.

[1]) Piccolitto — того самаго сорта, который я имѣлъ честь доставить вамъ въ Крымъ въ прошломъ году и который, мнѣ кажется, придется вамъ по вкусу.

[2]) Государственный Архивъ XI, 901. (Изъ портфеля редакціи «Историческаго Вѣстника»).

не заслуженный дипломатъ, попалъ на него прямо изъ-подъ опалы и вовсе еще не пріобрѣвъ утраченной передъ тѣмъ милости императрицы, относившейся къ нему холодно и недовѣрчиво. Вслѣдствіе этого возникло даже недоразумѣніе между неаполитанскимъ кабинетомъ и нашимъ. Неаполитанскій король Фердинандъ I выразилъ было неудовольствіе на то, что посланникомъ къ его двору назначаютъ человѣка опальнаго.

На содержаніе неаполитанскому представителю Россіи было назначено 13,000 рублей, въ томъ числѣ — 8,000 жалованья и 5,000 на путевые расходы. Это была, конечно, ничтожная сумма, сравнительно съ требованіями виднаго положенія «характеризованной особы», съ титуломъ министра.

Разумовскій, ловкій, красивый, элегантный и искусный дипломатъ, прекрасно устроился въ Неаполѣ, а въ особенности въ королевской семьѣ, завязавъ тѣсныя, сердечныя отношенія съ любезной и обворожительной королевой Каролиной-Маріей, сестрой злополучной Маріи-Антуанетты. Благодаря этому, между Россіей и Неаполемъ установились самыя дружественныя сношенія, такъ что впослѣдствіи возникъ было даже вопросъ о заключеніи родства между обоими дворами. Но, спустя нѣсколько лѣтъ, положеніе Разумовскаго поколебалось въ мнѣніи петербургскаго кабинета. Распространились сплетни объ его политическихъ интригахъ, объ его легкомысленномъ поведеніи, и онъ былъ отозванъ изъ Неаполя въ 1784 году, не смотря на горячее, усиленное ходатайство Каролины-Маріи оставить при ней любимца-посла.

На мѣсто Разумовскаго былъ назначенъ Скавронскій, находившійся въ то время въ Римѣ. Естественно, что въ Неаполѣ ему не могли оказать радушнаго пріема, даже если-бъ онъ обладалъ достоинствами, равными съ тѣми, которыми Разумовскій плѣнилъ Каролину-Марію и заставилъ ее безутѣшно сожалѣть объ его отозванія. Но Павлу Мартыновичу тягаться въ этомъ отношеніи съ Разумовскимъ нечего было и думать. Ему предшествовала въ Неаполѣ довольно невыгодная репутація, вовсе не рекомендовавшая его дипломатическія способности. Были извѣстны его «des trais d'étourderie et de jeunesse, qui ont retenti dans toute l'Italie», какъ извѣщалъ вице-канцлера графъ Разумовскій, уступая свой постъ Павлу Мартыновичу. Безразсудство и молодость — плохой аттестатъ, конечно, для дипломата, и эти именно черты, съ прибавкой самодурства и заносчивости, не замедлилъ выказать Скавронскій на первыхъ же шагахъ своей миссіи въ Неаполѣ.

Прежде всего онъ довольно неделикатно обошелся со своимъ предшественникомъ и вооружилъ противъ себя и его, и королеву. Вслѣдствіе письма, посланнаго королевой Екатеринѣ, Разумовскій надѣялся еще, что его, быть можетъ, оставятъ, и въ ожиданіи отвѣта просилъ Скавронскаго помедлить пріѣзжать въ Неаполь; но

Павлу Мартыновичу не терпѣлось. Высокій постъ «полномочнаго министра» вскружилъ ему голову, и онъ торопился поскорѣе занять его и выказать свою высокую власть, свои дипломатическіе таланты. Не обративъ вниманія на просьбу Разумовскаго, Скавронскій поспѣшилъ въ Неаполь, явился въ посольство и сталъ требовать немедленной сдачи дѣлъ, не взирая на то, что самого Разумовскаго не было тогда въ городѣ. Между тѣмъ, Разумовскій, получивъ отъ вице-канцлера (Остермана) дозволеніе не отъѣзжать пока, съ своей стороны уперся и не хотѣлъ пускать на свой постъ нетерпѣливаго преемника. Скавронскій ничего не хотѣлъ слышать. Между дипломатами начались пререканія, разрѣшившіяся вовсе не дипломатической ссорой. Королева, не скрывая горя, горой стояла за своего фаворита и, вмѣстѣ съ королемъ, настойчиво требовала, чтобы онъ ни подъ какимъ видомъ не передавалъ Скавронскому секретныхъ бумагъ, касавшихся сношеній неаполитанскаго двора съ Испаніей.

Павелъ Мартыновичъ выходилъ изъ себя и посылалъ въ Петербургъ жалобу за жалобой. Велъ онъ себя при этомъ весьма неумно и нетактично. Свидѣтель его пререканій съ Разумовскимъ, человѣкъ сторонній, отчасти даже родственникъ его, графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ, писалъ брату въ Петербургъ—«que le comte Skavronsky se conduit comme un extravagant et qu'il a très malhonnêtement agi envers le comte Rasoumovsky» (что графъ Скавронскій ведетъ себя, какъ безумецъ, и крайне неблагородно дѣйствуетъ противъ графа Разумовскаго).

Слѣдуетъ полагать, что, кромѣ личной взбалмошности и самодурства, опиравшагося на увѣренности въ покровительство Потемкина, поводомъ къ такому образу дѣйствій Павла Мартыновича служили отчасти подстрекательства находившейся при немъ матери. По увѣренію С. Р. Воронцова, графиня Марія Николаевна Скавронская въ описываемое время отличалась весьма строптивымъ, необузданнымъ характеромъ и непристойнымъ поведеніемъ, такъ что всюду, гдѣ ей приходилось быть, она оставляла по себѣ очень дурную репутацію [1]). Вотъ, между прочимъ, образчикъ ея властолюбивой безцеремонности, относящійся ко времени нашего разсказа. Проѣздомъ къ сыну въ Неаполь, она встрѣтила случайно въ Венеціи одного нашего посольскаго священника и настойчиво стала требовать отъ него, не имѣя на то никакихъ полномочій, чтобы онъ немедленно ѣхалъ въ Неаполь къ сыну исправлять духовныя требы для душеспасенія послѣдняго. Священникъ сталъ

---

[1]) Connaissant le caractère violent et la conduite indécente de cette femme (т. е. М. Н. Скавронской), qui a laissé une trés mauvaise réputation partout, où elle a passé... (Письма графа С. Р. Воронцова къ его брату Александру, «Архивъ князя Воронцова», кн. IX, 17).

отговариваться, что онъ не воленъ собой распоряжаться и что безъ назначенія свыше, изъ Петербурга, ѣхать въ Неаполь онъ не имѣетъ права. Скавронская заставила его писать въ Петербургъ о требуемомъ ею назначеніи; но священникъ, вмѣсто ходатайства въ этомъ смыслѣ, сталъ умолять петербургскія власти, чтобы онѣ избавили его отъ несчастья быть подчиненнымъ сумасбродному вельможѣ и его бѣшеной маменькѣ.

Вообще видно, что Марья Николаевна принимала очень близко къ сердцу судьбу сына и его служебное положеніе. Это свидѣтельствуетъ, между прочимъ, находящееся у насъ въ рукахъ характерное письмо ея къ князю Потемкину, писанное въ моментъ распри Павла Мартыновича съ графомъ Разумовскимъ. Приводимъ его здѣсь цѣликомъ. Писано оно было (конечно, съ вѣдома сына) отъ 7 сентября (по нов. ст.) 1784 г. изъ «Фонтана Фреда».

«Милостивый государь мой, князь Григорій Александровичъ!

«Простите мнѣ, что я осмѣливаюсь вашу свѣтлость безпокоить моею просьбою, но, знавши всѣ милости ваши къ сыну моему, за долгъ себѣ считаю васъ нижайше просить, чтобы его въ нынѣшнемъ случаѣ не оставить отъ непристойныхъ поступковъ г. Разумовскаго противъ его,—сдѣлайте милость, не допустите еще большова худа, чтобы онъ ему сдѣлалъ; сынъ мой обо всемъ вашу свѣтлость увѣдомляетъ, а онъ, конечно, ни въ чемъ не виноватъ, кромѣ одного терпѣнья до сихъ поръ, что онъ противъ его имѣлъ; да видно ему уже несносно стало. Я же, знавши графа Разумовскаго характеръ, что онъ никого не менажируетъ на свѣтѣ, и про васъ также, какъ и о протчихъ, вздоровъ много сказываетъ (sic!), то, знавши его, чрезвычайно чувствительно мнѣ, что онъ (сынъ) долженъ столько терпѣть отъ него безъ причинъ. Я ѣду теперече къ невѣсткѣ навстрѣчу въ Вѣну; письмо его (сына) я получила на дорогѣ и не могла оставить, чтобы васъ не утруждать моею просьбою, знавши, сколько вы къ нему милостивы; я же съ моимъ должнымъ почтеніемъ завсегда пребуду» и проч. [1]).

Павелъ Мартыновичъ, очевидно, напрягалъ всѣ пружины протекціи и заступничества, чтобы одолѣть противника. Не дождавшись прибытія матери, онъ пишетъ ей навстрѣчу, когда она уже была на пути къ нему, изливаетъ свои жалобы на Разумовскаго и побуждаетъ мать поклониться за него передъ «благодѣтелемъ». Нечего говорить, что приведенное сейчасъ письмо очень невыгодно аттестуетъ со стороны нравственной порядочности и мать, и сына. Какъ можно видѣть, вся его аргументація опирается, съ одной стороны, на голословномъ и пошло-наивномъ выставленіи сына ангеломъ доброты и невинности, въ противоположность зловред-

[1]) Государств. Арх., XI, 927. (Изъ портфеля редакціи «Историч. Вѣстника»).

ному «характеру» и «непристойнымъ поступкамъ» противника, съ другой — на злоязычной, дрянной инсинуаціи и, съ третьей — на томъ, что, «знавши-де ваши милости», мы уповаемъ, что вы не дадите насъ въ обиду, ради цѣны самихъ этихъ милостей для вашего же личнаго достоинства.

Неизвѣстно, въ какой степени Потемкинъ, одолженный антиками и посылками «благородныхъ» напитковъ, принималъ участіе въ желанномъ водвореніи Павла Мартыновича на постѣ неаполитанскаго посланника. Знаемъ только, что въ концѣ 1784 г. нетерпѣливое желаніе послѣдняго было, наконецъ, удовлетворено: Разумовскій получилъ отзывныя грамоты и сдалъ должность преемнику.

Что дѣлалъ Скавронскій въ теченіе почти десятилѣтняго (съ перерывами на поѣздки въ отпускъ) исправленія должности русскаго представителя въ Неаполѣ—мы знаемъ немного. Дипломатическая переписка его неизвѣстна; но, въ виду сказаннаго выше о незначительности самаго поста нашего неаполитанскаго посла, нельзя думать, чтобы переписка эта могла быть значительной по объему и содержанію. Правда, было нѣсколько моментовъ, когда на Скавронскаго возлагались болѣе или менѣе важныя порученія. Такъ, когда королева Каролина-Марія, обремененная многочисленнымъ семействомъ, стала хлопотать, чрезъ Разумовскаго, о сватовствѣ за великаго князя Константина Павловича одной изъ своихъ некрасивыхъ, «монструозныхъ», по замѣчанію Екатерины, дочерей, предъявивъ при этомъ разныя несообразныя претензіи, то Скавронскому пришлось, по внушенію изъ Петербурга, гдѣ объ этомъ сватовствѣ не хотѣли и слышать, розыграть роль непреклоннаго дипломата. Вообще, онъ, кажется, не церемонился съ неаполитанскимъ дворомъ, слишкомъ высоко мня и о самомъ себѣ, и о пославшихъ его. Къ предложенію королевы о сватовствѣ, онъ съ перваго же разу, еще не справляясь съ видами Петербурга, отнесся съ полнымъ пренебреженіемъ, что и заставило королеву обратиться къ посредничеству Разумовскаго.

Другой моментъ, когда на Скавронскаго выпало довольно важное порученіе, относится ко времени нашей войны съ Турціей, въ 1787 году. Екатерина, замысливъ нанести ударъ Портѣ въ самомъ ея сердцѣ, снарядила особую морскую экспедицію подъ начальствомъ генерала Заборовскаго. Экспедиція эта не состоялась, но Заборовскій получилъ инструкцію и отправился съ нѣсколькими офицерами въ Италію ранѣе, чѣмъ обнаружилась невозможность исполненія этого плана. Тамъ онъ началъ очень энергически дѣйствовать по подготовленію экспедиціи, въ чемъ ему долженъ былъ оказывать помощь графъ Скавронскій въ предѣлахъ своей миссіи. Между прочимъ, Заборовскому поручено было организовать отрядъ корсиканцевъ, изъ охотниковъ по найму, и посадить его на ко-

рабли въ Сиракузахъ. «О дозволеніи же высадить сіе войско въ Сициліи» должно было, какъ сказано въ инструкціи Заборовскому, «учиниться домогательство отъ министерства нашего у двора Неапольскаго». Домогательство это долженъ былъ сдѣлать Скавронскій, на котораго возложено было оказывать начальнику экспедиціи всяческое содѣйствіе въ разнаго рода «заготовленіяхъ», въ собираніи «надежныхъ средствъ къ сношенію и къ сдѣланію всякихъ внушеній, кои для Заборовскаго полезны и надобны могли быть», и т. п.

Не знаемъ, въ какой степени Скавронскій былъ въ данномъ случаѣ распорядителенъ и удачливъ; но вообще имъ были, повидимому, довольны въ Петербургѣ. Въ той же инструкціи Заборовскому, подписанной самою Екатериной, указывается на «дружественное къ намъ расположеніе» неаполитанскаго короля, который «являлъ во всякомъ случаѣ доброхотство интересамъ нашимъ». Если это было такъ, то, несомнѣнно, добрыми отношеніями съ неаполитанскимъ кабинетомъ Россія была обязана въ той или другой степени дипломатическому посредничеству своего посла. Отношенія эти особенно упрочились со времени заключенія между Россіей и Неаполемъ торговаго трактата, который тоже состоялся, вѣроятно, при дѣятельномъ участіи Павла Мартыновича. Наконецъ, вѣскимъ подтвержденіемъ того, что графъ дѣйствительно стоялъ на высотѣ своего положенія, въ мѣрѣ значенія сего послѣдняго и своихъ личныхъ способностей, могутъ служить, во-первыхъ, полученныя имъ награды и отличія, а, во-вторыхъ, продолжительность занимания имъ поста неаполитанскаго посланника.

Графъ Скавронскій въ короткое, сравнительно, время дослужился до чина тайнаго совѣтника, имѣлъ званіе гофмейстера императорскаго двора и получилъ нѣсколько первоклассныхъ орденовъ. Посланникомъ въ Неаполѣ онъ былъ къ ряду десять почти лѣтъ — съ 1784 по 1794 годъ, т. е. до своей смерти, послѣдовавшей въ Неаполѣ. Умеръ онъ молодымъ еще человѣкомъ, не доживъ и до сорока лѣтъ.

Въ заключеніе нашего очерка считаемъ нелишнимъ сдѣлать маленькую оговорку. Очертивъ судьбы семейства Скавронскихъ, слѣдовало бы, для полноты разсказа, коснуться и родственныхъ имъ семействъ графовъ Ефимовскихъ и Гендриковыхъ, не игравшихъ, впрочемъ, важной роли и не выдѣлившихъ изъ своей среды ни одного виднаго, замѣчательнаго лица; но этотъ предметъ можетъ послужить темой отдѣльнаго, самостоятельнаго этюда, который современемъ и будетъ нами предложенъ читателямъ «Историческаго Вѣстника».

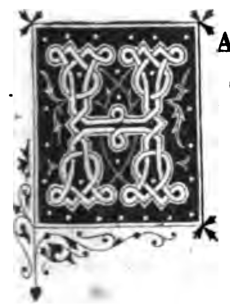
Вл. Михневичъ.

КАДЕТСКІЙ МАЛОЛѢТОКЪ ВЪ СТАРОСТИ.

(Къ исторіи «Кадетскаго монастыря»).

I.

ABEAT sua fata libelli. У литературныхъ произведеній есть своя капризная судьба, напоминающая отчасти прихотливую судьбу невѣстъ. Цвѣтетъ у всѣхъ на глазахъ превосходная дѣвушка, обладающая всѣми достоинствами ума и характера, и между тѣмъ никого она къ себѣ не влечетъ, ни въ комъ не пробуждаетъ, повидимому, самаго правильнаго желанія соединить свою судьбу съ ея судьбою. Прекрасную дѣвушку точно не видятъ, и она тихо увядаетъ въ одиночествѣ. Но вотъ рядомъ другое существо, можетъ быть, и не худое, но во всякомъ случаѣ несравненно низшее во всѣхъ отношеніяхъ противъ той, о какой сейчасъ упомянуто,—и между тѣмъ она сраза овладѣваетъ всеобщимъ вниманіемъ и шутя, но прочно и счастливо устроиваетъ такъ называемую свою судьбу. Счастье и удача въ свѣтѣ не всегда зависитъ отъ достоинствъ того, кому оно выпадаетъ на долю.

Нѣчто въ подобномъ родѣ выпало на долю моего маленькаго разсказа «Кадетскій монастырь»,—разсказа, которымъ я началъ съ легкой руки мое знакомство съ подписчиками тогда только что основавшагося «Историческаго Вѣстника». Съ тѣхъ поръ прошло уже цѣлое пятилѣтіе, разсказъ вышелъ отдѣльно въ кни-

жечкѣ о «Трехъ праведникахъ», но доброе вниманіе къ нему до сихъ поръ не охладѣваетъ. Время отъ времени я все еще не перестаю получать отъ людей мнѣ лично не знакомыхъ, но отъ людей очень извѣстныхъ различныя указанія и замѣтки, которыми имъ желается подкрѣпить меня и, по выраженію одного изъ нихъ, «побудить меня составить еще что нибудь изъ этой старой галлереи».

Я понимаю это желаніе. Дѣтство отрадное, какъ и грустное дѣтство всякому вспомнить любезно. Хорошо съ добрымъ другомъ шутить, хорошо съ нимъ же и поплакать. Благотворная вещь говорить отъ сердца къ сердцу съ тѣми, кто понимаетъ насъ тоже сердцемъ. Это живитъ и вдохновляетъ. Въ самомъ невеселомъ случаѣ воспоминанія такого свойства, по крайней мѣрѣ, какъ плакучія ивы надъ могильнымъ холмомъ, смягчаютъ леденящій видъ. Словомъ переложить въ запись то, что хранитъ воспоминаніе изъ дѣтства очень пріятно, но, къ сожалѣнію, далеко не все, что людямъ хотѣлось бы вспомнить изъ дней своего дѣтства, можетъ быть предметомъ литературнаго разсказа. И это не по однимъ такъ называемымъ «независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ», упоминать о которыхъ и стыдно, и надоѣло, а совсѣмъ по другимъ причинамъ, имѣющимъ корень въ условіяхъ произведеній описательной формы. Не все, что составляетъ картину, изображаемую поэтомъ, можетъ въ одинаковой мѣрѣ быть удобнымъ и для воспроизведенія живописцемъ. Извѣстенъ старый примѣръ въ этомъ родѣ.

«Открыта бездна, звѣздъ полна:
Звѣздамъ нѣтъ числъ, нѣтъ безднѣ дна».

Это безспорно картина широкая и величественная: она поражаетъ собою въ изображеніи поэта, но прикажите нарисовать ее живописцу, и живописецъ ничего вамъ не сдѣлаетъ изъ всей этой роскошной темы. Полная звѣздъ бездна будетъ похожа болѣе на старый лиможскій подносъ по темному фону, а не на звѣздное небо.

Таковы условія того и другаго искусства.

То же самое я смѣю и долженъ сказать «старымъ кадетамъ», которые дѣлаютъ дорогую мнѣ честь сообщеніемъ мнѣ своихъ воспоминаній и желаютъ видѣть ихъ въ моей литературной обработкѣ. Къ сожалѣнію, не все изъ этого любопытнаго матеріала можетъ явиться въ тѣхъ приспособленіяхъ, какія могу дать я. Многое изъ этого могло бы послужить развѣ педагогу, другое военному администратору, третье гигіенисту и иное даже психіатру, но не беллетристу. Я беру только то, что болѣе или менѣе подходитъ для той литературной формы, которою владѣю. Изъ послѣднихъ даровъ, полученныхъ мною отъ бывшихъ кадетовъ «монастыря», перешедшихъ уже потомъ многіе государственные ранги, я предла-

гаю теперь двѣ вещицы: 1) силуэты четырехъ особъ, имѣвшихъ значеніе для кадетовъ, какъ высшіе и ближайшіе руководители ихъ отроческихъ лѣтъ, и 2) наброски, сдѣланные карандашомъ рукою человѣка, который «подвигомъ подвизался, теченіе скончалъ и вѣру свою соблюлъ». Эти наброски живы и могутъ имѣть значеніе какъ для партизановъ, такъ и для противниковъ «ретроспективнаго направленія» въ устройствѣ военной школы.

Наброски эти я воспроизвожу, только едва коснувшись ихъ своимъ перомъ, и то не для измѣненія въ нихъ смысла, а для сглаженія встрѣчавшихся мѣстами шероховатостей и другихъ неудобствъ, которыхъ слѣдовало избѣжать по условіямъ печати.

За симъ прошу читать самыя воспоминанія, авторъ которыхъ еще живъ и пользуется достойнымъ положеніемъ въ обществѣ, но имя его должно остаться неизвѣстнымъ.

Вотъ эти воспоминанія.

II.

Въ первомъ томѣ «Русской Старины» 1870 года помѣщена статья Н. А. Титова «Малолѣтное отдѣленіе 1-го кадетскаго корпуса». Въ статьѣ этой описано, что̀ было въ 1808 году. Я желалъ бы сообщить кое-что объ этомъ воспитаніи малолѣтковъ, которое получалось, хотя не въ тотъ годъ, который описываетъ г. Титовъ, а 19 лѣтъ позднѣе. Это тоже любопытно. Я начну съ того, какъ я самъ ребенкомъ поступилъ въ корпусъ. Дѣло происходило 2-го декабря 1827 года. Насъ назначили въ малолѣтное отдѣленіе въ 1-ю камеру, къ г-жѣ Маріи Ивановнѣ Беніотъ. Всѣ мы были еще такъ малы, что нуждались въ женской опекѣ, и само начальство чувствовало или сознавало неудобство подвергнуть насъ сразу строгости настоящей военной дисциплины.

О другихъ болѣе сильныхъ и болѣе нѣжныхъ потребностяхъ нашихъ младенческихъ душъ не разсуждали. Отъ отцовъ и отъ матерей мы были оторваны въ тѣ годы, когда ребенку ничто не можетъ замѣнить родительской ласки.

М-me Беніотъ была чистенькая и очень милая старушка. Она была ласкова съ дѣтьми и даже съ виду баловала своихъ воспитанниковъ. Почти половина изъ насъ ходили къ ней пить чай, который, впрочемъ, всегда былъ очень плохъ и сервировался по казенному,—каждому съ двумя сухарями. Ласковая Марья Ивановна угощала насъ не даромъ, такъ какъ родители наши вносили ей за это извѣстную плату, и, по совѣсти говоря, за ту плату эта добрая дама могла бы безъ убытка для себя давать намъ болѣе, чѣмъ на полушку чаю и на полушку сухарей. Но свое скаредство она восполняла лебезностью.

Первою камерой завѣдывала, какъ сказано, эта госпожа, второю—Алабова, третьею—Лизавета Николаевна Беніотъ. (Не про нее ли говоритъ г. Титовъ, что она была красавица. Другой дочери у Маріи Ивановны Беніотъ не было, но если это та самая, которую г. Титовъ называетъ «красавицею», то я въ этомъ съ нимъ не могу согласиться. Впрочемъ, конечно, 19 лѣтъ спустя, когда я ее видѣлъ, красота ея, разумѣется, могла утратиться). Четвертою камерою завѣдывала Воронцова, а пятою — Савельева. Директоромъ я засталъ Михаила Ивановича Перскаго, который дѣйствительно чрезвычайно любилъ кадетовъ и былъ неутомимъ въ исполненіи всего, что считалъ своимъ долгомъ. Онъ не только что каждый день, но даже почти каждый урокъ обходилъ всѣ классы со своимъ вѣстовымъ изъ музыкантовъ Кутузовымъ и обходилъ не для проформы. Онъ былъ такой директоръ, что въ каждую минуту могъ сѣсть на стулъ занимавшагося предметомъ учителя и продолжать урокъ, по любому предмету нашей програмы.

Не знаю, много ли такихъ нынче и гдѣ ихъ можно видѣть простымъ или вооруженнымъ глазомъ?

Кормили насъ недурно,—по крайней мѣрѣ, сытно, и если кто бывалъ голоденъ, то самъ былъ виноватъ, значитъ, «помнилъ маменьку» и былъ переборчивъ. Большихъ тонкостей въ столѣ, разумѣется, и самое попечительное начальство намъ доставить не могло. Одно развѣ: намъ въ ту пору думалось, почему бы, кажется, не представить о томъ, чтобы намъ не насыпали въ кивера конфектъ въ праздники, а вмѣсто того употребили бы эти конфектныя деньги на хлѣбъ да на мясо, которые намъ были нужны въ будни, но вѣдь мы были дѣти и судили подѣтски. На самомъ дѣлѣ даже не могло быть человѣка, который бы рѣшился заикнуться о такой мысли.

Учителя у насъ были, большею частью, изъ кантонистовъ, которыхъ только переодѣвали въ форменные фраки. Это были каррикатуры на педагоговъ и иного отъ нихъ ждать было невозможно. Тотъ, который преподавалъ ариѳметику, и Олкинъ, который училъ рисованію, были чистые шуты гороховые. Другихъ не упомню, но эти личности остались въ памяти. (Одинъ изъ нихъ, именно преподаватель математики, изображенъ на прилагаемой силуетной картинкѣ. Онъ стоитъ передъ Перскимъ, который его, повидимому, допрашиваетъ или распекаетъ). Особенно часто случалось съ нашими учителями, что они бывало запьянствуютъ и не являются въ классы. Тогда вмѣсто каждаго изъ нихъ, гдѣ поспѣвалъ, садился самъ Перскій, а провинившихся пьяницъ потомъ наказывалъ. Наказаніе для учителей обыкновенно было такое: снимутъ съ него форменный фракъ, а вмѣсто фрака надѣнутъ солдатскую шинель, дадутъ въ руки лопату или метлу и пошлютъ сгребать снѣгъ, а лѣтомъ месть дворъ или мостовую на улицѣ.

Къ болѣе мягкимъ видамъ наказанія учителя наши, можетъ быть, не были бы чувствительны, но, тѣмъ не менѣе, какое же у насъ могло быть къ нимъ уваженіе, послѣ того, какъ мы знали, какъ ихъ шельмуютъ, да и сами видали ихъ исполняющими въ наказаніе дворницкія работы по уборкѣ мусора.

Отбывъ наказаніе, они снова надѣвали фраки и приходили учить насъ.

Если бы при такихъ-то учителяхъ да не было съ нами Перскаго, «кадетскій монастырь» нашъ былъ бы мѣстомъ ни на что непохожимъ.

Охранялъ его одинъ неутомимый геній этого по истинѣ безцѣннаго человѣка. Но не надо забывать, что это былъ случай, а могло быть совершенно иначе.

Французской грамотѣ училъ насъ французъ-эмигрантъ, старикъ Де-су-ла-ва, республиканецъ и шутъ; кадеты продѣлывали надъ нимъ ужасныя и часто жестокія вещи. Этотъ несчастный «потомокъ армій» жилъ въ Россіи съ 1812 года и не могъ научиться ни слову порусски. Нѣмецъ Дрееръ былъ буквально колбасникъ. Надъ всѣми этими учителями кадеты шутили, и нельзя было надъ ними не шутить, а за эти шутки насъ, конечно, наказывали. Самое обыкновенное и, какъ говорили, «самое короткое» наказаніе было сѣченье розгами. Сѣкли кадетовъ часто и очень сильно. Теперь только дивиться приходится, по сколько ударовъ мы переносили, будучи въ томъ возростѣ, когда самый грубый человѣкъ въ простонародьѣ едва рѣшится развѣ только «попугать хворостиною». Насъ же не «пугали», а «драли на славу», и мы дѣйствительно открыли себѣ въ этомъ путь къ славѣ своего рода,—это была слава терпѣнія. «Недранаго» изъ кадетовъ буквально не было ни одного, но между нами были «герои», которые въ нѣжномъ отроческомъ возростѣ умѣли «вытерпливать» сотни ударовъ безъ крика, или только «басили» для порядка, но малодушнаго ребячьяго визга,—Боже спаси,—не подавали.

«Визгунъ» подъ розгами неминуемо былъ презираемъ и назывался «дѣвчонкой». Мы всѣ боялись такого позора болѣе, чѣмъ сѣченья.

Форменная одежда наша состояла изъ темно-зеленыхъ суконныхъ брюкъ, такого же однобортнаго сюртука съ краснымъ воротникомъ и фуражки съ краснымъ околышемъ. Это было точнымъ повтореніемъ форменной одежды тогдашнихъ полицейскихъ будочниковъ. Сукно, изъ котораго намъ шили платье, было самое толстое; кровати въ спальныхъ камерахъ стояли деревянныя съ соломенниками и одною очень тугою и жесткою подушкой, при грубомъ байковомъ одѣялѣ. Переходъ къ такому казарменному житью даже изъ самаго бѣднаго родительскаго дома, «изъ-подъ материной шубки» былъ ужасенъ,—особенно для дѣтей, имѣвшихъ

нѣжную организацію и нѣжное сердце. Но все это надо было скрывать и таить, потому что надъ нѣжностью и чувствительностью смѣялись. Такая теплая и поэтическая вещь, какъ «мамина шубка», на языкѣ воспитателей и «кадетовъ-молодцовъ» называлась «маткина юбка».

— Или захотѣлъ подъ маткину юбку?

Чтобы не слыхать такихъ словъ о своихъ матеряхъ, мы всѣ старались притворяться, будто совсѣмъ забыли о нихъ и даже мало ими интересуемся. Велика ли важность мать? И думать не стоитъ. Тогда вполнѣ усовершившіеся въ такомъ настроеніи и становились «молодцами».

Въ классахъ у насъ были черныя, деревянныя скамейки, на которыхъ помѣщалось 6—7 человѣкъ, и на этихъ скамейкахъ со столомъ, какъ ихъ называли «банки», вечерами ставили по одному сальному огарку. При такомъ скудномъ освѣщеніи ни читать, ни писать было невозможно, но мы, однако, какъ-то исполняли и то и другое. Вообще воспитаніе наше было даже не спартанское, а терзательное и бѣдственное, и хотя, кажется, какъ будто кто-то и думалъ о нашемъ дѣтствѣ. По крайней мѣрѣ, наше малолѣтство имѣлось въ виду, и для того къ намъ были приставлены не дядьки изъ солдатъ, а женщины-няньки, но, увы, это были не тѣ няньки, о которыхъ вспоминаешь съ отрадой.

У насъ не было дѣтства.

III.

Такъ прошло время до 1830 года, въ которомъ насъ «разобрали», т. е. малолѣтнихъ отвезли во вновь устроенный Александровскій корпусъ въ Царскомъ Селѣ, а изъ тѣхъ, которые подросли, образовали неранжированную роту. Мы остались въ томъ же самомъ помѣщеніи, гдѣ было упраздненное теперь малолѣтное отдѣленіе, только здѣсь изъ шести спальныхъ комнатъ обыкновеннаго жилаго размѣра сдѣлали одну общую камеру, казарменнаго вида. Командиромъ роты назначенъ былъ поручикъ Андрей Ивановичъ Карташевъ, человѣкъ, мало сказать, жестокій, но свирѣпый и безсострадательный извергъ. При немъ было нѣсколько дежурныхъ офицеровъ, тоже подобранныхъ подъ стать командиру. Самъ Карташевъ имѣлъ ненасытную страсть къ истязаніямъ: онъ буквально поролъ праваго и виноватаго, и это составляло его наслажденіе. Привыкнуть къ «дранью» для кадета было первѣйшею необходимостью, безъ которой не пережить бы этого ужаснаго положенія. Въ этомъ и состояло почти все воспитаніе. Но Карташеву мало было терзать наши дѣтскія тѣла, онъ былъ духовный растлитель, который посягалъ на наши души. Онъ учредилъ полицію изъ кадетовъ и требовалъ отъ насъ, чтобы мы ежедневно доносили все, что кто могъ

подсмотрѣть или узнать о товарищахъ, но между кадетами. вмѣстѣ страдавшими одинаковымъ страданіемъ, образовалось такое дружество во всѣхъ ротахъ и возростахъ, что никто ни за что не выдавалъ своего товарища. Карташовъ завелъ было своего рода опричнину, но эти вдвойнѣ страдали: товарищи ихъ презирали и при каждомъ удобномъ случаѣ били, а недовольный ихъ службою командиръ поролъ ихъ. Къ чести нашего дѣтскаго вѣка надо, однако, сказать, что охотниковъ на такую службу, или, какъ ихъ называли, «подлизъ», было очень мало.

Общее страданіе создавало въ насъ духъ общаго благородства, и это было самое лучшее, чѣмъ мы гордились. Но это воспитало въ насъ не наше воспитательное начальство, а мы сами. Не будь намъ такъ худо жить, такой доблести духа въ насъ бы и не было.

Карташовъ достигъ какъ разъ того, чего всего больше боялся. Не выдавать своихъ — это сдѣлалось знаменемъ кадетства.

IV.

Изъ неранжированной роты насъ переводили въ третью роту. Здѣсь уже были мальчики болѣе возрастные и учились «понемногу чему нибудь и какъ нибудь». Кормили насъ здѣсь точно такъ же, какъ и въ малолѣтномъ отдѣленіи и неранжированной ротѣ, т. е. просто, но довольно сытно и хорошо. Но молодые желудки работали сильно, и во время отъ часу пополудни и до восьми часовъ вечера у насъ розъигрывался невѣроятный аппетитъ, а потому въ шесть часовъ, когда была минута свободы, большая часть кадетовъ бѣгали въ кухню и тамъ поджидали прихода нашего почтеннаго эконома Андрея Петровича Боброва, который жалѣлъ насъ поотцовски и всегда надѣлялъ всякимъ съѣстнымъ снадобьемъ. Мы получали это подаяніе въ кучѣ и потомъ сами дѣлились имъ по-братски.

Кстати о Бобровѣ, всѣ разсказы о которомъ такъ умиляютъ и трогаютъ людей съ добрыми и благородными сердцами. Его нельзя забыть, и стыдно было бы забыть, но мы, старики, благодарны тому, кто съумѣлъ воспроизвесть личность Боброва въ печати и тѣмъ сохранить память о немъ въ литературѣ. Андрей Петровичъ Бобровъ, этотъ замѣчательный человѣкъ и праведникъ, происходилъ изъ простаго званія и дослужился до бригадирскаго чина. Онъ цѣлые десятки лѣтъ былъ экономомъ въ такое время, когда всѣ крали и пословица: «отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ», считалась мудрой и нравственной. Но экономъ Бобровъ былъ чистый безсребренникъ и умеръ такъ, что его не на что было похоронить. Все, что этотъ святой старикъ имѣлъ при жизни, онъ употреблялъ на кадетовъ, которыхъ онъ любилъ съ удивительною нѣжностью, и хотѣлъ о каждомъ изъ нихъ позаботиться на цѣлый

вѣкъ. Всякій годъ, при выпускѣ бѣдныхъ кадетовъ въ офицеры, Бобровъ давалъ имъ отъ себя «приданое» — ложечку, погребчикъ, часики, — словомъ, что̀ онъ могъ дать. Это былъ нашъ благодѣтель, и мы всѣ любили его, какъ отца. Для него даже монументальныя правила кадетскаго неписаннаго устава дѣлали исключенія; болѣзнь Андрея Петровича наводила унылую тѣнь на всѣ лица, и о немъ дозволялось неосужденно скорбѣть и даже плакать...

Кличка ему была простая:

— Андрей Петровичъ... благодѣтель!

V.

Какъ всѣ охотники до запрещеннаго, кадеты очень любили запрещенные стихи и, не смотря на безпощадную строгость, имѣли ихъ въ большомъ изобиліи. Большею частью, это были «стихи на начальство» или «скоромные стихи». Поэтовъ у насъ было множество, но преимущественно мы дорожили стихами своего однокашника, Кондратія Өедоровича Рылѣева, съ музою котораго ничья иная муза въ корпусѣ состязаться не смѣла.

Мы списывали всѣ рылѣевскія стихотворенія и хранили ихъ, какъ сокровище. Начальство это преслѣдовало, и если у кого находили стихи Рылѣева, то такого преступника тотчасъ драли съ усиленною жестокостью. Норма для этого была — «пока подплыветъ кровью». Большею частью, всѣ эти стихи Рылѣева теперь напечатаны, а изъ тѣхъ, которыхъ въ настоящее время нѣтъ въ печати, было одно любимое нами сочиненіе Рылѣева въ двухъ пѣсняхъ, подъ названіемъ «Кулакіада». Это названіе шло отъ собственнаго имени старшаго корпуснаго повара Кулакова, который скоропостижно умеръ, стоя у плиты. Къ сожалѣнію, я не все помню изъ этого стихотворенія, но вотъ то, что̀ сохранилось въ моей памяти:

Кулакіада.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Шуми, греми незвучна лира
Еще неопытна пѣвца,
Да возвѣщу въ предѣлахъ міра
Кончину пироговъ творца,
Да возвѣщу я плачъ ужасный
Трехъ тафелей, всѣхъ поваровъ.
Друзья, ужъ Кулаковъ несчастный
Не суетится средь котловъ,
Ужъ гласъ его не раздается

Въ обѣихъ кухняхъ нашихъ днесь;
Отъ онаго ужъ не несется
Соборъ его команды весь,
Уже въ горохѣ премѣнился
Доселѣ вкусъ пріятный намъ,
Картофель густоты лишился
И льется съ мисокъ по столамъ.
Бобровъ, Бобровъ замысловатый
Успѣховъ въ дали не имѣлъ,
И Кулаковъ въ свои палаты
Съ тоскою мрачною отшелъ.

. . . .

. . . .

Лишь только съ лѣстницы спустился,
Какъ вдругъ бездыханно онъ палъ.
Увы! онъ жизни сей лишился,—
Тутъ шедшій поваръ закричалъ.
Царя чертогъ весь взволновался,
Когда достигъ къ нему звукъ словъ:
Се вопль по воздуху раздался,
И съ плачемъ прибѣжалъ Бобровъ:
«Почто меня ты оставляешь,
Несчастный!», — продолжалъ Бобровъ: —
«Мою ты жизнь тѣмъ отравляешь,
Не буду ѣсть я пироговъ.
Восстань, восстань о мой любезный!
Восстань, я простираю длань».

Далѣе опять не припомню. Затѣмъ слѣдовала «пѣснь вторая», въ которой описывается погребеніе Кулакова.

ИЗЪ ВТОРОЙ ПѢСНИ.

О, Аполлонъ, подай мнѣ лиру,
Подай кастальскихъ кубокъ водъ,
Да воспою въ предѣлахъ міра
Къ Смоленску погребальный ходъ:
Впреди предшествовалъ Тулаевъ,
За нимъ шли Зайцевъ и Дерновъ,
Съ рябою харею Минаевъ,
Затѣмъ Затычкинъ и Смирновъ [1]),
На гробѣ же пирогъ за шпагу
Съ чумичкою лежалъ,
Затѣмъ, что онъ имѣлъ отвагу —
На главной кухнѣ предсѣдалъ;
Коней, занятыхъ изъ-подъ чана,

[1]) Всѣ эти личности — писаря, служители и разный людъ корпусныхъ душъ—такъ называли ихъ, начиная съ послѣдняго водовоза до высшаго начальства.

Имѣя факелы въ рукахъ,
Вели два нашихъ великана,
Какъ можно меньше дѣлавъ шагъ.
За колесницею родные
И тьма знакомыхъ его шли.
Вблизи всѣ соусы, жаркіе
Какъ будто ордена несли.
Но вотъ и къ кухнѣ подъѣзжаютъ —
Встрѣчаютъ въ кафтанахъ новыхъ повара
Въ кострюли громко ударяютъ,
Провозгласивъ трикратъ ура!
Въ такой процессіи плачевной
Къ Смоленску тѣло подвезли
И праха тамъ остатокъ бренный
Героя кухни погребли.
Прости священна тѣнь героя —
Долгъ мудрыхъ слабому прощать,
Прости, что, лиру не настроя,
Дерзнулъ я смерть твою брящать.
Я знаю то, что недостоинъ
Вѣщать о всѣхъ дѣлахъ твоихъ,
Я не поэтъ, а просто воинъ,
Въ моихъ устахъ не складенъ стихъ.
О, ты! о мудрый, знаменитый!
Царь кухни, мрачныхъ погребовъ,
Топленымъ жиромъ весь облитый,
Единственный герой Бобровъ,
Не осердися на поэта,
Тебя который воспѣвалъ,
Но знай, у каждаго кадета
Ты тѣмъ на вѣкъ безсмертенъ сталъ;
Прочтя сіи стихи, потомки
Воспомнятъ, мудрый, о тебѣ,
Твои дѣла воспомнятъ громки
И вспомнятъ, можетъ быть, о мнѣ.

Рылѣевъ.

Въ мое время въ корпусѣ было такое преданіе, что Кондратій Ѳедоровичъ, написавъ эти стихи, переписалъ ихъ на такой точно бумагѣ, на какой подавался ежедневный рапортъ директору, и будто бы Рылѣевъ, вытащивъ подлинный рапортъ изъ-подъ кокарды треуголки Боброва, вложилъ вмѣсто него стихи; Бобровъ, пріидя къ директору Перскому, подалъ эту бумагу. Директоръ очень смѣялся и прочиталъ стихи Боброву, который при этомъ расплакался. Когда Бобровъ узналъ, чья это шутка, онъ будто бы предсказалъ Рылѣеву кончину, которою тотъ умеръ... На сколько это справедливо, я не ручаюсь, но, повторяю, у насъ въ корпусѣ было такое преданіе, и всѣ этому вѣрили. Однажды, я самъ спросилъ у покойнаго Андрея Петровича, правда ли, что онъ сказалъ такое роковое

слово на Рылѣева, но Бобровъ, вмѣсто отвѣта, посмотрѣлъ на меня молча, потомъ погрозилъ пальцемъ, вздохнулъ, перекрестился и прошепталъ:

— Да, рѣзвунокъ былъ покойникъ,—упокой Господи его душу.

И болѣе ни одного звука. Проговоривъ это, Андрей Петровичъ завернулся и поползъ въ перевалочку пó корридору, все еще потихоньку крестясь и потихоньку же покряхтывая.

Ему, безъ сомнѣнія, было непріятно, или, по крайней мѣрѣ, тяжело вспоминать то, о чемъ я его спросилъ съ ребячьей необдуманностью.

VI.

Въ 1832 году, 17-го февраля, праздновалось столѣтіе корпуса. Помню, какъ невѣдомо для чего насъ подняли въ это утро Богъвѣсть съ какой ранней поры. Всѣ кадеты спозаранку же одѣлись въ полную парадную форму и изнемогали, стоя на одномъ мѣстѣ. Потомъ насъ обезсиленныхъ и усталыхъ повезли въ наемныхъ каретахъ во дворецъ, гдѣ намъ былъ произведенъ маленькій парадецъ съ церемоніальнымъ маршемъ по заламъ, потомъ намъ былъ предложенъ обѣдъ, при которомъ на столахъ возвышались цѣлыя горы конфектъ. Такой страшной массы кондитерскаго товара я уже не видалъ послѣ нигдѣ во всю мою жизнь.

Во время самаго обѣда покойный государь Николай Павловичъ подходилъ къ каждому столу, бралъ наши кивера и собственноручно насыпалъ въ нихъ конфекты. Каждому досталось очень много и даже, можетъ быть, слишкомъ много, потому что конфекты были очень вкусны, а умѣренности мы не знали, да и запасовъ намъ беречь было не гдѣ, а потому всякій старался заразъ съѣсть все, что получилъ въ свой киверъ, и это не прошло для всѣхъ благополучно, тѣмъ болѣе, что, поднятые Богъ-вѣсть для чего съ пѣтуховъ, мы чувствовали себя усталыми, возбужденными и вообще нездоровыми. А на ногахъ еще приходилось держать себя долго.

Послѣ обѣда въ эрмитажѣ былъ для насъ спектакль, и только послѣ этого спектакля насъ опять посадили въ кареты, но, увы, и теперь еще не для того, чтобы дать намъ покой, а насъ повезли еще по иллюминаціи, которая была устроена кругомъ корпуса. Любопытнаго въ этой иллюминаціи ничего не было, но усталость нашу она довела до крайности.

На другой день въ корпусѣ былъ балъ, на который были приглашены наши родные. Это составляло для насъ гораздо большее удовольствіе и, такъ сказать, «именины сердца». Съ этихъ поръ въ корпусѣ начались большія преобразованія — стали перестроивать наши спальни, сдѣлали вездѣ паркетные полы, завели лампы, вмѣсто соломенниковъ дали на кровати прекрасные волосяные тюфяки,

платье стали шить изъ довольно тонкаго сукна. Однимъ словомъ, жить намъ стало удобнѣе, но, чтò самое главное, это то, что всѣ прежніе учителя изъ писарей были отставлены и ихъ замѣнили приглашенные профессоры, или вообще учителя изъ окончившихъ курсъ университетскихъ студентовъ. Съ этихъ только поръ мы узнали, что значитъ настоящая наука, но времени, потеряннаго въ прошломъ, возвратить, разумѣется, уже было невозможно.

VII.

Съ новыми учителями мы такъ сдружились, что большая часть изъ насъ считала за срамъ и позоръ худо отвѣтить урокъ. Женерозное настроеніе, которое мы въ себѣ выработали въ прошломъ, теперь пригодилось на хорошее дѣло и совершало чудеса. Преподаватели не могли нами нахвалиться и часто намъ говорили: «у насъ нѣтъ учениковъ лучше кадетовъ». А мы еще болѣе усердствовали. Наказывать за лѣность или за нерадѣніе насъ уже не приходилось, а, — чудное дѣло,—находились охотники насъ унимать. Мы такъ полюбили профессоровъ, а они насъ, что всѣ мы взаимно относились другъ къ другу съ безграничною довѣрчивостью. Обмануть преподавателя никто ни за что не хотѣлъ, а изъ преподавателей многіе на экзаменахъ давали кадетамъ списокъ и предлагали, чтобы кадетъ самъ выставилъ себѣ балы по совѣсти, кто на сколько отвѣтитъ. Кадеты назначали себѣ балы и никогда не случалось, чтобъ кто не выдержалъ того бала, который самъ себѣ назначилъ. Такая была совѣстливость и благородство!

Покойный Василій Тимоѳеевичъ Плаксинъ иначе насъ не называлъ какъ «друзьями» да и съ нашими учеными мы находились на дружеской ногѣ и были съ ними совершенно откровенны, но не переходили границы. Мы разсказывали имъ все, что у насъ было на душѣ, и у нихъ было терпѣніе насъ слушать и входить въ наши интересы. Это были «отцы родные», а не чешскіе гости. Я помню, какъ разъ Плаксинъ пришелъ на лекцію, а мы ему стали жаловаться на своего новаго инспектора Кушакевича, котораго, я думаю, многіе знаютъ по составленной имъ учебной книгѣ. Мы его не долюбливали за его грубость, которая, можетъ быть, была свойственна его хохлацкому происхожденію. Жалуясь преподавателю на инспектора, мы сказали, что мы Кушакевичу «нанесемъ оскорбленіе дѣйствіемъ», т. е. просто прибьемъ его, и, конечно, мы бы это исполнили. Что, кажется, дерзче и какую бы исторію поспѣшилъ изъ этого вывесть иной доморощенный лизоблюдъ или чешскій гость?

Услыхавъ такую откровенность, чтò бы сочли нужнымъ сдѣлать Цибулька, Малина, Куріакъ и Луніакъ?.. Не стоитъ отгады-

Силуеты, современные портрету А. П. Боброва.

Инспекторъ классовъ полковникъ Черкасовъ.	Великій князь Михаилъ Павловичъ.	Директоръ М. С. Перскій.	Учитель математики (изъ военныхъ писарей) Денисьевъ.

вать, что̀ бы они сдѣлали. А вотъ что сдѣлалъ нашъ «отецъ родной». Плаксинъ сталъ насъ усовѣщевать, что бить человѣка не хорошо, особенно бить старшаго, и къ концу времени опредѣленнаго для его лекціи урезонилъ насъ оставить наше намѣреніе бить инспектора, а въ журналѣ отмѣтилъ, что онъ эту лекцію «занимался объясненіемъ нѣкоторыхъ недоразумѣній». Это и была правда. Но на томъ ли дѣло стало у этого превосходнаго педагога съ душою, а не съ одними принципами? О, нѣтъ! На другой день, когда въ нашъ классъ вошелъ инспекторъ Кушакевичъ, онъ заперъ за собою дверь и сказалъ:

— Господа! я знаю, что вы мною недовольны; быть можетъ, я и виноватъ, но я пришелъ съ вами помириться. Прошу васъ забыть мнѣ все старое...

Кажется, онъ хотѣлъ продолжать что-то еще, но мы не выдержали и тихо растроганными голосами заговорили:

— Довольно, господинъ инспекторъ, довольно,—все дурное позабыто... мы хотимъ васъ любить.

И съ тѣхъ поръ дѣйствительно у насъ не было ничего непріятнаго,—Кушакевичъ измѣнился, и мы его стали любить. Плаксинъ насъ не выдалъ, а будучи товарищемъ Кушакевича, переговорилъ съ нимъ о нашемъ неудовольствіи попріятельски, и съумѣлъ помирить насъ съ нимъ. Съ точки зрѣнія чешской педагогіи, это, можетъ быть, и дурно, но намъ нравилось, и мы это до сихъ поръ вспоминаемъ, думая, что «блажени миротворцы», и что они гдѣ-то помилованы будутъ.

VIII.

У кадетовъ была неодолимая страсть къ поэзіи, и въ особенности всѣ любили запрещенные стихи, а такъ какъ держать ихъ въ рукописяхъ было опасно, то мы старались выучивать запрещенные стихи наизустъ. Рѣдкій кадетъ нашего времени не зналъ почти всѣхъ думъ Рылѣева, которыя почитались въ высшей степени неодобрительными, особенно для юношества. Сочиненія Пушкина тоже были между нами въ большомъ ходу и многія изъ нихъ мы знали на память, напримѣръ, Евгенія Онѣгина. Также на память знали «Горе отъ ума» Грибоѣдова и отлично умѣли вести цѣлые разговоры строфами этой комедіи. Сами кадеты тоже занимались стихоплетеніемъ и стряпали стихи рѣшительно на всякій выдающійся случай. Такъ, напримѣръ, я сейчасъ помню стихи, появившіеся на другой день послѣ смерти Александра Сергѣевича Пушкина, ихъ написалъ кадетъ Майновъ:

Умолкъ фонтанъ «Бахчисарая»,
Пѣвца его на свѣтѣ нѣтъ.
«Кавказскій плѣнникъ» нашъ, вздыхая,
Все мыслитъ: умеръ мой поэтъ.

«Людмила» бѣдная скучаетъ—
Ей вѣсти о «Русланѣ» нѣтъ;
Русланъ ее освобождаетъ
И молвитъ: умеръ нашъ поэтъ.
Но что «Онѣгинъ» разсуждаетъ?
Иль, можетъ быть, отъ зрѣлыхъ лѣтъ
Онъ лишь съ тоской имъ отвѣчаетъ:
Грустите—умеръ нашъ поэтъ.
Нашъ лучъ поэзіи ужъ скрылся,
Оставилъ Пушкинъ этотъ свѣтъ,
Въ духовный міръ переселился,
Онъ жилъ и умеръ, какъ поэтъ.

Все это, разумѣется, плохо, но въ извѣстной степени воспроизводитъ наше міросозерцаніе и тогдашнее наше кадетское настроеніе, о которомъ въ нынѣшнюю пору говорится много вздорнаго, Представляютъ, точно мы были какія-то нюренбергскія куклы на корпусныхъ пружинахъ, а это весьма и весьма не такъ.

У насъ была своя жизнь и жизнь очень независимая и упругая, и само начальство наше нерѣдко чувствовало, что мы своего рода среда, и относилось къ намъ не иначе, какъ принимая въ разсчетъ наши понятія о долгѣ и о чести.

Иначе съ нами было и нельзя, или, по крайней мѣрѣ, такъ казалось, что нельзя. Можно было всѣхъ насъ «запороть», но заставить всѣхъ измѣнить себѣ, это казалось невозможнымъ.

Цибульки тогда еще въ числѣ русскихъ просвѣтителей не было.

IX.

Я, однако, увлекся разсказомъ о нашемъ образованіи и оставилъ другую сторону — это воспитаніе наше внѣ классовъ. Тамъ еще долго оставалось то же, что было и прежде, т. е. та же шагистика и ружейные пріемы; за этимъ смотрѣли очень строго. Командующее начальство наше не улучшилось, въ офицерахъ оставались все тѣ же корпусныя души. Можетъ быть, изъ всѣхъ изъ нихъ было два-три порядочныхъ человѣка, а объ остальныхъ и говорить не хочется. Прости имъ, Отче, безуміе и злобу сердецъ ихъ. Внѣ классовъ все продолжалась та же самая пустая строгость и невыносимо грубое солдатское обращеніе. Вообще, господа военные какъ бы желали отличаться отъ штатскихъ, т. е. отъ профессоровъ, и свирѣпствовали звѣрски. Рѣшительно за всякіе пустяки сажали кадетовъ подъ арестъ; ужасное право сѣчь сколько угодно попрежнему не было отнято отъ ротныхъ командировъ, и они пользовались имъ немилосердно, съ жестокостью, превосходящею возможность описанія... И надо сказать, что многіе изъ этихъ господъ, заставлявшихъ насъ «подплывать кровью», были сами женаты и

имѣли собственныхъ дѣтей и къ нимъ были слабы до баловства. Подъ арестъ, по большей части, сажали насъ въ «же-де-помъ». Это были примѣрныя арестантскія, какихъ, сколько приходилось видѣть и слышать, не бывало и въ каторжныхъ тюрьмахъ. Худшаго помѣщенія нельзя придумать. Я не берусь ихъ даже описывать, потому что теперь раздражаешься, когда вспомнишь про это помѣщеніе. Одно скажу, тамъ буквально нечѣмъ было дышать,—а случалось, что кадеты тамъ выдерживали по шести недѣль; молодость все перенесла, да еще и шутила надъ своими муками. Въ одномъ изъ такихъ номеровъ, я прочелъ однажды на стѣнѣ нацарапанное стихотвореніе:

О! же-де-помъ, гроза кадетъ,
Злодѣевъ корпусныхъ отрада,
Скажи ты мнѣ, съ которыхъ лѣтъ
Твоя явилася громада.
Сижу одинъ я въ же-де-помѣ,
Все тихо здѣсь, вокругъ меня,
На ветхомъ стулѣ, какъ на тронѣ,—
Сравненье точное, друзья,
Сижу и думаю: темница,
Ты по наружности своей,
По вѣчной тишинѣ гробница—
Не слышно голоса людей...

Далѣе я не могъ разобрать, вѣроятно, притупился инструментъ, которымъ арестантъ-поэтъ выцарапывалъ свои стихи. Но какъ онъ принесъ его туда съ собой? Это удивительно! Туда, сажая, обыкновенно раздѣвали донага, платье забирали и надѣвали арестантскій халатъ. И все это за дѣтскую шалость...

О, будь благословенъ часъ, съ котораго все это отошло въ область воспоминаній.

X.

Покойный государь Николай Павловичъ и великій князь Михаилъ Павловичъ пріѣзжали въ корпусъ очень часто. Государя очень любили и совсѣмъ его не боялись. Съ кадетами онъ былъ очень простъ, шутилъ и игралъ, и мы считали его посѣщенія за особенное удовольствіе. Великаго князя Михаила Павловича мы тоже любили, но побаивались его, потому что онъ безпрестанно распекалъ за фронтъ, и часто безъ причины. Разъ случилось такъ: пріѣхалъ великій князь и смотрѣлъ учебную команду, а съ нимъ былъ какой-то военный иностранецъ. Учебной командой у насъ командовалъ большой фронтовикъ, штабсъ-капитанъ Аргамаковъ второй. Команда все исполняла отлично, а между тѣмъ великій князь, всетаки, остался очень недоволенъ и распекъ, какъ только онъ умѣлъ распекать. Всѣмъ досталось—и командиру, и намъ. Тогда

бывшій съ нимъ иностранецъ спросилъ его пофранцузски,—за что онъ насъ такъ огорчаетъ?

— Мнѣ кажется,—говорилъ иностранецъ: — что лучше и быть не можетъ.

— Вы правы, — отвѣчалъ великій князь: — команда дѣйствительно очень хороша, но я этотъ составъ команды смотрю нынѣшній годъ въ первый разъ, а у меня правило: первый разъ не хвалить, чтобъ не избаловались.

А для насъ это имѣло такое слѣдствіе, что насъ послѣ этого мучали усиленными ученьями всякій день по два раза.

Въ лѣтнее время весь корпусъ, за исключеніемъ неранжированной роты, отправлялся въ лагери подъ Петергофъ. Съ начала были обыкновенныя маленькія палатки, въ которыхъ помѣщалось по четыре человѣка, но впослѣдствіи были устроены большіе шатры помѣщеніемъ на цѣлый взводъ, а на концахъ этихъ шатровъ помѣщались корпусные офицеры, и изъ ихъ перегородокъ были продѣланы окошечки, изъ которыхъ они могли наблюдать за нами. Эти послѣднія палатки были для насъ весьма непріятны: въ нихъ почти нельзя было ни курить, ни читать книгъ, такъ какъ чтеніе литературныхъ произведеній намъ строго воспрещалось, но начитанности у насъ было гораздо больше, чѣмъ у нынѣшнихъ юношей того же возроста. И, главное, мы читали такъ, что многое знали наизусть, не только стихи, но даже и прозу.

XI.

Въ лагеряхъ государь и великіе князья посѣщали насъ почти каждый день. Вообще покойный императоръ какъ лѣтомъ, такъ и зимой находилъ время посѣщать всѣ учебныя заведенія, и учебная молодежь очень къ нему привязывалась.

Кромѣ того, по праздникамъ возили воспитанниковъ къ малолѣтнимъ великимъ князьямъ, чтобы играть съ ними. При этихъ играхъ всегда почти присутствовалъ государь. Разъ, 22-го іюля 1840 года, во время лагерей, ударили тревогу и всѣ заведенія выстроились на своихъ линейкахъ, затѣмъ сомкнулись и бывшій начальникъ штаба, полковникъ Я. И. Ростовцевъ, прочиталъ приказъ о производствѣ въ офицеры окончившихъ курсъ, въ полки лейбъ-гвардіи, артиллерію и пѣхоту и предназначенныхъ къ производству въ кавалерію.

Кадетская жизнь была кончена, и мы разставались также благородно, какъ жили, но совсѣмъ безъ тѣхъ сантиментальностей, какими украшаютъ бывшее корпусное житье иные разсказчики.

Перенесенныя обиды и горести, всетаки, помнились, и свобода, хоть и служебная, всетаки, была мила и манила изъ «стѣнъ вадоховъ» и «же-де-номовъ».

Плакали, прощаясь съ Бобровымъ, искренно благодарили Перскаго, обнимались другъ съ другомъ, но, вообще, уходили изъ корпуса съ удовольствіемъ. Тутъ же сразу при вступленіи въ жизнь произносилась въ пьяномъ чаду извѣстная шутовская присяга пить, и произносились обѣты «во оставленіе сухомордія и въ мочимордство вѣчное».

Всѣ знали и всѣ пѣли, что

«Жизнь въ трезвомъ положеніи
Куда не хороша;
Въ томительномъ бореніи
Терзается душа».

И вотъ всѣ учились пить.

Да и какъ это могло быть иначе.

XII.

Въ заключеніе, я долженъ сказать, какія отношенія ожидали кадетовъ въ полкахъ. Теперь очень много говорятъ—какіе хорошіе офицеры выходили изъ старыхъ кадетовъ, но никто ни разу, ни однимъ словомъ не обмолвился: каково было намъ въ полкахъ, куда мы приходили? А это, быть можетъ, стоитъ вниманія.

У насъ были стойкость, благородство характеровъ, дружественность и отличная строевая выправка. Кажется, надо бы думать, что всякому командиру было пріятно и лестно получить какъ можно болѣе такихъ офицеровъ, съ настоящими военными качествами.

Однако, это было совсѣмъ не такъ.

Въ полкахъ знали, что корпусное воспитаніе давало войску хорошихъ офицеровъ, которыхъ никакая служба не затрудняла, и это въ нихъ полковые командиры будто бы любили и будто бы цѣнили, но только во всякомъ случаѣ «чтобъ не очень». На самомъ дѣлѣ они не любили, если въ полку набиралось много офицеровъ изъ кадетовъ. Они казались неудобными именно потому, что въ нихъ было слишкомъ сильно товарищество. И притомъ, во всѣхъ дѣлахъ чести и честности это были рыцари, особенно «пока не обдержатся». Но многіе изъ нихъ никогда не «обдерживались» и такъ и оставались «собаками на соломѣ», — ни сами не крали и ворующимъ мѣшали. А воровало тогда все, и полки,—въ томъ нѣтъ секрета,—такъ и давались «для поправленія обстоятельствъ».

Переходъ въ такую среду темныхъ сдѣлокъ на счетъ солдатскаго пайка изъ чистой, спартанской среды кадетскаго монастыря былъ шагомъ очень рѣзкимъ, и немало прекрасныхъ людей на немъ спотыкнулись и погибли. Особенно люди прямые и мало покладливые очень скоро дѣлались жертвами полковыхъ интригъ, запутывались, выходили изъ себя, поправляли одинъ неловкій по-

ступокъ другимъ, еще болѣе неловкимъ, и въ концѣ-концовъ переходили изъ полка въ полкъ, надѣясь найдти гдѣ нибудь лучшее, или же спивались съ круга и иногда попадали подъ судъ «за дерзость». Идеалъ и рай такого обиженнаго офицера изъ кадетовъ заключался въ томъ, чтобы уйдти въ такой полкъ, «гдѣ больше своихъ», т. е. кадетовъ. Вѣрилось, что «свои заступятся, свои не дадутъ своего въ обиду», но это-то и знали господа полковые командиры и этого-то они не любили и избѣгали. И еще ли договорить? Не любили и избѣгали значительнаго скопленія кадетовъ въ полку даже такіе полковые командиры, которые сами получили корпусное воспитаніе! И ихъ пугало то наше содружество, которымъ однимъ и красна была наша жизнь... Это-то намъ и вредило во мнѣніи тѣхъ, которые имѣли возможность разцвѣтить или затуманить нашу жизнь на службѣ отечеству. Насъ какъ бы опасались, насъ разъединяли, намъ не вѣрили. И мы это чувствовали [1]).

Вотъ въ какую передѣлку брала нашихъ молодцовъ служебная жизнь и невесело говорить, что̀ она изъ нихъ иногда дѣлывала. У насъ есть свой мартирологъ и притомъ очень грустный и очень многочисленный. Многія «житія» нашихъ страстотерпцевъ описаны ими же самими, и — трогательная вещь — часто описаны въ стихахъ. Обидитъ и уязвитъ судьба стараго маіора до того, что чистое сердце его вытерпѣть этого не можетъ безъ душевнаго вопля, и вотъ онъ удаляется отъ гонящихъ душу его въ свой убогій уголъ, дразнитъ себя воспоминаніями о томъ, какъ «мнилъ» онъ жить и служить, и какъ въ дѣйствительности живетъ и служитъ, и ему досадно и больно, а на рѣсницахъ наплываетъ незванная слеза, не идущая къ лицу героя. Онъ вспоминаетъ, какъ бы его засмѣяли за это «слезомойство» кадеты, онъ стыдится, крестится и начинаетъ вспоминать и мечтать...

— Эхъ, если бы, да кабы во рту бы росли бы грибы, былъ бы тогда не ротъ, а огородъ. Если бы мнѣ рылѣевское перо!.. Если бы я могъ, какъ Рылѣевъ... Бывало кого хочетъ, такъ и распишетъ, разрисуетъ, что на свѣтъ не родись... Положимъ, и другіе тоже писали, да ужъ это не то выходило. Противъ Рылѣева нѣтъ поэта и не будетъ. Писать—и я даже писалъ... Стихъ стиху рознь, но иногда нравилось...

---

[1]) Эти строки кажутся въ высшей степени интересными, и приходится сожалѣть, что мы лишены возможности поручиться за ихъ справедливость и непреувеличенность. Конечно, зерно произростаетъ не только тогда, когда оно имѣетъ свою растительную силу и подходящую почву, но оно требуетъ еще, чтобы и климатическія условія отвѣчали его произрастенію. Отвѣчало ли дѣйствительно тогдашнее полковое устройство тому настроенію, какое воспитывали корпуса, и въ какомъ соотношеніи находятся эти условія нынѣ, при усиліяхъ реставрировать духъ кадетства въ прежнемъ режимѣ? На эти любопытные вопросы могутъ отвѣтить развѣ большіе знатоки полковой жизни. Н. Л—въ.

Маіоръ вспоминаетъ, какъ его стихи «нравились», и улыбается кому-то... Въ огорченное лицо его заглядываетъ простодушное лицо кадетской, сѣренькой музы. Маіоръ узналъ ее и садится.

— Была не была, попробую, напишу для себя.

И онъ пишетъ стихи, въ которыхъ «прохватываетъ», «накаливаетъ», «взъефантуливаетъ» и «пришпандориваетъ» кого по его мнѣнію слѣдуетъ «прохватить» и «пришпандорить». Его не совсѣмъ ловкая, но честная кадетская муза терпѣливо съ нимъ возится. Она, кажется, и сама рада, что старикъ потребовалъ ее изъ безсрочнаго отпуска на временную службу, и они вмѣстѣ стряпаютъ что-то такое, гдѣ находятъ себѣ мѣсто и слезы, и грезы, и кровь, и взятки, и «бѣдный солдатскій паекъ»... Плохіе стихи такъ и лились. Вотъ ихъ образецъ:

Ты прожилъ, Персій, благородно,
Но было свыше такъ угодно.
Когда-бъ ты гнилъ въ маіорскомъ чинѣ,
И ты легко погрязъ бы въ тинѣ...

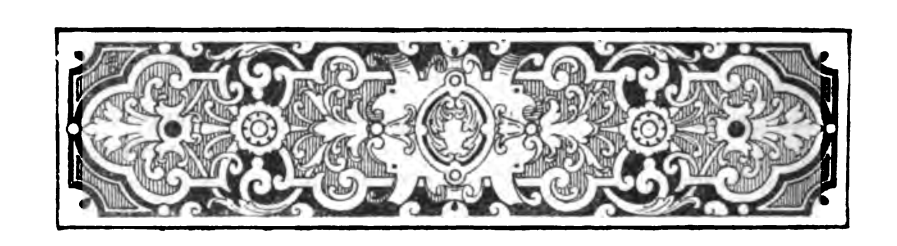
И затѣмъ, обыкновенно, начинается описаніе этой «тины». Иногда такое описаніе дѣйствительно производитъ угнетающее впечатлѣніе, и тогда забываешь всѣ недостатки стиха и даже вовсе ихъ не чувствуешь, а чувствуешь только лишь горе, обиду, чувствуешь совершенно незаслуженное мученіе души горячей, честной и совсѣмъ не признающей того, что называется тактомъ. Сильные міра сего, которые, разумѣется, «въ родѣ своемъ» мудрѣе всѣхъ этакихъ маіоровъ, мастерски ихъ роняли, спускали и даже бросали подъ ноги судьбы. Они ихъ едва ли за людей ставили. Для нихъ это было только «пушечное мясо», но сила и духъ арміи хранились именно въ этихъ, частію смѣшныхъ, частію жалкихъ, «безтактныхъ идеалистахъ». Это настоящіе «отцы и страстотерпцы» нашей кадетской киновіи: они жили чудаками, но умирали героями, и если бы не они стояли на лицѣ Крымской войны, то чести народной быть можетъ не снесть бы, что творили «герои изнанки». Кто ихъ не зналъ и кто о нихъ не читалъ, объ этихъ «герояхъ изнанки». Это люди инаго закала, — это люди смѣлаго такта и безбоязненнаго сердца, отважнаго на всякую подлость. Коротко ихъ зовутъ «крымскіе воры». Изъ нихъ многіе, къ несчастію, тоже вышли отъ насъ. Такъ вѣрно нужно было, чтобы оправдалась пословица: «изъ одного дерева и икона, и лопата». Пословица эта намъ не укоръ: она раньше насъ сложена.

Этимъ оканчиваются сообщенныя мнѣ замѣтки состарѣвшагося кадетскаго малолѣтка. Я приготовилъ ихъ къ печати съ любовію и съ увѣренностію, что чтеніе ихъ способно принести пользу. Эти замѣтки не такъ поэтичны, какъ воспоминанія покойнаго Григорія

Даниловича Похитонова, изъ которыхъ мною составлены очерки, извѣстные подъ заглавіемъ «Кадетскій монастырь», но въ безцѣнныхъ по своей образности и теплотѣ воспоминаніяхъ Похитонова, быть можетъ, уже слишкомъ много души, слишкомъ много поэзіи, очень много свѣта и почти совсѣмъ нѣтъ тѣней. Въ запискахъ, которыя нынче мною предложены, нѣтъ той теплоты и живообразности, но въ нихъ за то преобладаетъ спокойный критическій взглядъ и полезное намѣреніе прослѣдить жизнь кадета за порогомъ его «монастыря». Тутъ больше плоти, больше реальности, это какъ бы тѣнь къ тому, что Похитоновымъ выведено въ лучахъ заливающаго свѣта.

Н. Лѣсковъ.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Знакомство съ М. И. Глинкой.

ѢТОМЪ 1849 года, императоръ Николай Павловичъ жилъ въ Варшавѣ.

Небольшаго помѣщенія Лазенковскаго дворца хватало только для самыхъ приближенныхъ лицъ, поэтому для остальной свиты заняли прекрасный домъ съ садомъ на Маршалковской улицѣ. Комендантомъ главной квартиры императора былъ въ то время Алексѣй Николаевичъ Астафьевъ, человѣкъ въ высшей степени симпатичный: прямая, правдивая душа и прекрасная открытая наружность привлекали къ нему съ перваго раза всякаго, а широкое, чисто русское гостепріимство наполняло съ утра до вечера его квартиру разнымъ народомъ. Алексѣй Николаевичъ, какъ большинство людей николаевской эпохи, любилъ изящное, и у него постоянно можно было встрѣтить музыкантовъ, художниковъ, актеровъ, а нерѣдко и балеринъ варшавской сцены.

Въ свободные вечера къ нему собирались и остальныя лица царской свиты, и эти вечера были очень пріятны. Царскую свиту составляли все молодые люди съ блестящимъ образованіемъ, съ блестящею будущностью, острые и беззаботные; большинство ихъ уже давно лежитъ въ могилѣ, а кто остался живъ еще — доживаетъ

старческіе дни въ тепломъ углу. Астафьевъ былъ другомъ дѣтства моей матери и потому обращался со мной, какъ съ сыномъ, его дверь была всегда для меня открыта, и я проводилъ у него почти все свободное время.

Разъ какъ-то, вечеромъ, я зашелъ къ Алексѣю Николаевичу: за круглымъ столомъ передъ диваномъ сидѣли пять или шесть флигель-адъютантовъ и толковали о только что полученныхъ извѣстіяхъ съ театра военныхъ дѣйствій; у открытаго окна ежилась какая-то маленькая итальянская фигурка не то съ болѣзненнымъ, не то съ капризнымъ лицомъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій и стакана чая, Алексѣй Николаевичъ сказалъ мнѣ:

— Спой что нибудь, сдѣлай одолженіе, надоѣли они мнѣ ужасно (онъ указалъ рукою на своихъ гостей), толкуютъ цѣлый день о Бёмѣ да о Гёргеѣ, просто даже тошнитъ, а кстати вотъ тебѣ и аккомпаніаторъ.

Астафьевъ кивнулъ головой на маленькаго человѣчка въ штатскомъ платьѣ; тотъ какъ-то кисло поклонился и усѣлся за фортепіано.

Въ то время у меня былъ молодой, грудной теноръ; съ 14-тилѣтняго возроста я началъ учиться пѣть у довольно извѣстнаго тогда учителя Андрея Петровича Лодія, такъ что пѣлъ довольно порядочно, и рѣдкій вечеръ обходился у меня безъ того, чтобъ гдѣ нибудь не просили пѣть.

— Ну-съ, что же мы будемъ пѣть? — спросилъ меня аккомпаніаторъ.

— Я очень люблю музыку Глинки, — отвѣчалъ я: — только аккомпанементъ труденъ, а нотъ я не захватилъ съ собою.

Маленькій человѣчекъ, очевидно, едва удержался отъ смѣха, но, впрочемъ, довольно серьезно сказалъ:

— Я тоже очень люблю музыку Глинки, что же касается до аккомпанемента, то какъ нибудь справимся. Но, что же, однако, вы хотите пѣть?

Я назвалъ «Жаворонка».

Послѣ первыхъ же тактовъ аккомпанементъ положительно поразилъ меня; такъ еще мнѣ никто въ жизни не аккомпанировалъ.

— Очень недурно, — сказалъ маленькій человѣчекъ, когда я окончилъ: — а спойте еще что нибудь Глинки.

Я запѣлъ «Не называй ее небесной». Воодушевленный аккомпанементомъ, я пѣлъ бойко и съ выраженіемъ и въ послѣдней фразѣ романса сдѣлалъ весьма эффектное измѣненіе, которому научилъ меня Лодій.

— Очень, очень хорошо, — сказалъ аккомпаніаторъ, вставая и протягивая мнѣ обѣ руки. — Теперь я вамъ скажу двѣ вещи: во-первыхъ, несомнѣнно, что вы ученикъ Лодія; а, во-вторыхъ, по-

звольте мнѣ рекомендоваться: я—Михаилъ Ивановичъ Глинка, авторъ «Жизни за Царя» и «Руслана и Людмилы».

Я стоялъ совсѣмъ ошалѣлый; дружный хохотъ раздался за мной.

Оказалось, что веселое общество еще издали видѣло, какъ я шелъ по улицѣ, и подготовило мнѣ эту мистификацію.

— Ну-съ, давайте еще пѣть, — сказалъ Глинка.

— Нѣтъ, Михаилъ Ивановичъ, теперь уже я пѣть не стану.

— Вздоръ вы говорите, мой милый; вотъ что, послушайте моего совѣта: избѣгайте пѣть въ обществѣ плохихъ диллетантовъ, тамъ васъ или избалуютъ излишнею похвалою, что̀ всегда вредно, или надѣлаютъ замѣчаній, отъ которыхъ васъ будетъ коробить; въ обществѣ же настоящихъ музыкантовъ пойте смѣло, потому что отъ нихъ, кромѣ полезныхъ наставленій, вы ничего другаго не услышите. Ну, не капризничайте же, мой другъ, и начинайте опять «Жаворонка».

Я запѣлъ, Глинка сталъ мнѣ вторить; дуэтъ вышелъ великолѣпный. Когда мы окончили послѣднюю фразу, Михаилъ Ивановичъ, не измѣняя своего положенія и въ тонѣ романса, сказалъ:— «еще разъ». Я запѣлъ опять, онъ опять началъ вторить; но на этотъ разъ совершенно иначе, и такъ оригинально, такъ обаятельно, что я едва могъ держать тактъ; меня все тянуло слушать. Дуэтъ шелъ все тише и тише, послѣдняя фраза оканчивалась почти шепотомъ; при заключительныхъ словахъ: «и вздохнетъ украдкой», отъ нервнаго ли состоянія, или просто случайно, я невольно вздохнулъ; въ ту же самую минуту Глинка, который по своему обыкновенію вторилъ, отставая на полъ-такта, повторилъ этотъ вздохъ, но такъ хорошо, такъ мелодично, точно какое нибудь чуткое, тонкое эхо.

Я оглянулся. Все общество, оставивъ мѣста свои, стояло позади насъ и слушало въ глубокомъ молчаніи. Начались похвалы и рукоплесканія.

— Шампанскаго! — крикнулъ Астафьевъ.

— А теперь, Алеша, — сказалъ обращаясь къ нему Глинка: — вы себѣ толкуйте, о чемъ хотите, а я займусь разбойничьею пѣснею, которую ты мнѣ далъ. И доставши изъ боковаго кармана какой-то смятый лоскутокъ бумаги, онъ тщательно расправилъ его, положилъ на пюпитръ и, выпивъ два стакана вина, запѣлъ очень высоко: «Ой, спасибо тебѣ синему кувшину».

Общество опять помѣстилось за круглый столъ, опять пошли разговоры о Венгріи; между тѣмъ, вино разносилось довольно часто и дѣлало свое дѣло: посыпались шутки, остроты, даже кто-то запѣлъ французскую гривуазную пѣсенку; а захмѣлѣвшій Глинка, все возвышая и возвышая голосъ, оглашалъ комнату своею разбойничьею пѣснею.

— Да брось ты свой поганый синій кувшинъ, Михаилъ Ивановичъ, — сказалъ Астафьевъ: — надоѣлъ даже.

— Постой, постой, сейчасъ, послушай, какъ это эффектно! — и онъ, задыхаясь, затянулъ опять чуть не дискантомъ: «Ой, спасибо тебѣ синему кувшину».

Астафьевъ даже плюнулъ.

Мы пошли ужинать. Ужинъ былъ очень оживленный, много смѣялись, шумѣли, а Глинка все возился въ сосѣдней комнатѣ съ своимъ синимъ кувшиномъ. Разстались въ два часа. На улицѣ онъ мнѣ сказалъ:

— Заходите ко мнѣ когда нибудь, я живу въ улицѣ Нецалой, а самое лучшее завтра, въ 11-ть часовъ, тамъ спросите кого нибудь и вамъ всякій укажетъ.

Мы разошлись.

Въ то время въ Варшавѣ проживала одна очень оригинальная личность, нѣкто художникъ П. При безспорномъ дарованіи къ живописи, онъ былъ очень умный, острый и пріятный человѣкъ, имѣлъ во всевозможныхъ слояхъ общества сношенія, былъ знакомъ со многими литераторами, былъ очень милый и добрый малый, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, самая забубенная, безшабашная голова въ мірѣ; его можно было назвать и душою, и enfant terrible холостыхъ сходокъ, съ нимъ рѣдко дѣло обходилось безъ скандала. По окончаніи курса въ академіи художествъ, его отправили за границу, на казенный ли счетъ, или на счетъ его родныхъ, этого я навѣрно не знаю, но только дѣло въ томъ, что онъ, доѣхавъ до Варшавы, сошелся съ веселою свитою князя Паскевича, прокутилъ всѣ свои деньги и дальше уже не поѣхалъ. Не имѣя опредѣленной квартиры, его скудный гардеробъ, папки и краски были разбросаны по всѣмъ знакомымъ. Гдѣ его заставала ночь, тамъ онъ и ночевалъ, какъ дома. Очевидно, послѣ описаннаго вечера у Астафьева, П. ночевалъ у Глинки, потому что, когда я, воспользовавшись приглашеніемъ, пришелъ на другой день, въ 11-ть часовъ, то засталъ такого рода картину: Михаилъ Ивановичъ, въ сѣренькомъ халатикѣ, блѣдный и даже желтый, лежалъ на диванѣ и охалъ, возлѣ него на стулѣ сидѣлъ П. въ костюмѣ, въ которомъ бываетъ только что вставшій съ постели человѣкъ, т. е., по просту говоря, въ одной рубахѣ и туфляхъ.

— Здравствуйте, Михаилъ Ивановичъ, — сказалъ я, входя: — что это вы нездоровы?

— Какое нездоровъ? — слабо проговорилъ Глинка. — Я умираю у меня болитъ и здѣсь, и вотъ здѣсь, дышать не могу. Онъ указалъ на бокъ и на грудь и тяжело вздохнулъ.

П. грустно покачалъ головою и тоже вздохнулъ.

— Вы бы послали за докторомъ, — сказалъ я.

— Нѣтъ, мой другъ, тутъ ничего не сдѣлаешь, смерть пришла.

— Послушай, Михаилъ Ивановичъ, — заговорилъ П. : — это чортъ знаетъ что, пріѣхалъ ты изъ Испаніи, да и думаешь здѣсь жить поиспански, здѣсь, братъ, климатъ совсѣмъ другой. Знаешь что, хвати водки съ перцемъ, ей-Богу!

— Ахъ, отвяжись! — брезгливо сказалъ Глинка: — и безъ того тошнитъ.

— Ну, такъ намъ прикажи подать, вотъ и я совсѣмъ боленъ, такія страшныя колики, охъ, умираю! — и П., схватившись обѣими руками за животъ, началъ комически корчиться и стонать. Слабая улыбка показалась на лицѣ Глинки; онъ лѣниво протянулъ свою бѣлую, пухлую руку, съ большимъ середоликовымъ перстнемъ, и дернулъ за шнурокъ сонетки. Въ комнату вошелъ Педро, вывезенный имъ откуда-то изъ Севильи или Вальядолидо, исполнявшій при немъ обязанности: няньки, друга и дворецкаго. Глинка сказалъ ему что-то поиспански.

Черезъ нѣсколько минутъ принесли закуску и бутылку бѣлаго вина. П., какъ голодный волкъ, бросился къ столу, выпилъ три рюмки водки сразу и жадно принялся ѣсть.

— Это ужасно, это невыносимо! — жалобно стоналъ Глинка.

— Это у васъ часто бываетъ? — спросилъ я.

— Ахъ, Боже мой, всегда! Вы понимаете всегда, всегда! И здѣсь колетъ, и тамъ душитъ! — онъ опять указалъ и на грудь, и на бокъ.

— Я тебѣ говорю, Глинка, выпей водки, — отозвался съ полнымъ, набитымъ ртомъ П.

— Ахъ, отвяжись!

— Ну, знаешь что, водки не надо, ну, ее къ чорту! А хвати бѣленькаго. Посмотри, это вѣдь Педро-Хименезъ, испанское! Это тебѣ напомнитъ: Гренаду, Севилью, или какую нибудь тамъ донну Карменъ, или донну Инезъ; а ножки-то, ножки тамъ какія! А Альгамбра, а Гвадалквивиръ — выпей право.

И онъ, обернувшись, запѣлъ:

«Ночной зефиръ струитъ эѳиръ;
Шумитъ, бѣжитъ Гвадалквивиръ».

— А качуча-то, а качуча! — и, вставъ со стула, напѣвая и прищелкивая пальцами на манеръ кастаньетъ, онъ въ своемъ легкомъ костюмѣ началъ кружиться по комнатѣ.

Глинка мгновенно развеселился, легко всталъ съ своего дивана, подошелъ къ столу и выпилъ полъ-стакана бѣлаго вина. Быстро оживляясь, онъ заговорилъ объ испанской музыкѣ, о танцахъ и перешелъ къ варшавскому балету.

Когда черезъ нѣсколько минутъ я взглянулъ на столъ, бутылка была окончательно пуста, подали другую. Глинка совсѣмъ выздоровѣлъ и сдѣлался веселъ.

— Теперь за урокъ, — сказалъ онъ, обратившись ко мнѣ.

Мы занимались болѣе часу.

— Вотъ что я вамъ скажу, — сказалъ Глинка, вставая изъ-за фортепіано: — приходите ко мнѣ ежедневно, въ 11 часовъ, и мы будемъ заниматься до 12, больше не могу. У меня, знаете, разныя дѣла, хлопоты, да вотъ и теперь писать надо. Онъ взялъ съ этажерки маленькую тетрадь въ красномъ сафьяновомъ переплетѣ съ мелко разлинеянною нотною бумагою и присѣлъ къ столу.

Я раскланялся и вышелъ въ переднюю. П. провожалъ меня.

— Скажите, — спросилъ я: — сколько онъ беретъ за уроки?

— Ничего. И ради Бога не заикайтесь объ этомъ предметѣ. Вы не можете себѣ представить, сколько очень высокопоставленныхъ лицъ безплодно добиваются того, что вамъ такъ легко досталось; но Боже васъ сохрани манкировать, Глинка обидится и можетъ поссориться съ вами.

Съ тѣхъ поръ я ежедневно, въ 11 часовъ, приходилъ къ Михаилу Ивановичу и онъ занимался со мною часъ, а иногда и больше. Потомъ мы вмѣстѣ отправлялись куда нибудь завтракать. Раза два или три онъ просилъ меня собрать нашихъ казачьихъ пѣсенниковъ, чтобы записать народныя мелодіи, но не нашелъ въ нихъ ничего оригинальнаго. По вечерамъ мы часто встрѣчались у общихъ знакомыхъ, чаще всего у Астафьева. Глинка очень полюбилъ меня и, не смотря на разницу въ нашихъ лѣтахъ, часто разсказывалъ о своихъ предположеніяхъ, о семейныхъ дѣлахъ, а иногда даже по секрету сообщалъ о своихъ эротическихъ похожденіяхъ, о которыхъ, впрочемъ, я и безъ него зналъ отъ П.

Глинка пѣлъ обаятельно и едва ли кто нибудь еще будетъ такъ пѣть; съ этимъ согласится всякій, кто слышалъ его хотя одинъ разъ, но верхомъ совершенства исполненія у него были, по моему мнѣнію, романсы: «Когда въ часъ веселый», «Пью за здравіе Мери», «Ночной смотръ» и болеро «О, дѣва чудная моя!». Этого послѣдняго романса я не слыхалъ, чтобы кто нибудь, кромѣ Глинки, пѣлъ; его какъ-то всѣ обходили, оно, впрочемъ, и понятно. Со мною онъ пѣлъ почти всѣ свои дуэты, но особенно любилъ «Жаворонокъ»; я потомъ видѣлъ печатный дуэтъ этотъ, но Михаилъ Ивановичъ вторилъ мнѣ не такъ, какъ напечатано; другой дуэтъ, который онъ любилъ пѣть со мною, былъ: «Слышу ли голосъ твой звонкій и ласковый»; но, кажется, дуэтъ этотъ остался ненапечатаннымъ.

Лѣто приходило къ концу. Поговаривали о скоромъ отъѣздѣ императорской квартиры изъ Варшавы. Глинка задумалъ сдѣлать вечеръ; вечеръ этотъ онъ мотивировалъ странно: не то онъ праздновалъ день рожденія Глюка, не то день своего пріѣзда въ Гренаду, словомъ что-то въ этомъ родѣ.

Улица Нецалая, какъ извѣстно, не отличается своею шириною, такъ что въ ней лица, живущія визави, могутъ очень удобно переговариваться въ полголоса, особенно вечеромъ. Какъ разъ изъ окна въ окно противъ Глинки жила одна балерина, перлъ тогдашней варшавской сцены; это была женщина всѣми уважаемая, не первой молодости, жившая до крайности тихо съ своимъ многочисленнымъ семействомъ. Всякій вечеръ, когда Глинка игралъ или пѣлъ, ея окна буквально унизывались женскими головами, а по окончаніи музыки оттуда раздавались громкія браво и рукоплесканія, въ отвѣтъ на которыя Михаилъ Ивановичъ подходилъ къ своему окну и вѣжливо раскланивался. Рукоплесканія удвоивались.

Упомянутый вечеръ начался очень церемонно: по случаю какого-то раута, или торжественнаго обѣда, большинство военныхъ явилось въ мундирахъ, а штатскіе въ бѣлыхъ галстухахъ. Все это было до крайности этикетно и скучно; разговоръ шелъ какъ-то лѣниво и все болѣе о предметахъ, давно уже исчерпанныхъ, какъ, напримѣръ, о подробностяхъ пріѣзда австрійскаго императора въ Варшаву или о подробностяхъ сдачи Гёргея Ридигеру. Глинка ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и хандрилъ, вино тоже пилось вяло, не смотря на невозможные тосты, которые поминутно провозглашалъ П., усердно угощая всѣхъ, а въ особенности самого себя.

Часу въ двѣнадцатомъ царская свита и почти всѣ военные разъѣхались, такъ какъ назавтра былъ назначенъ смотръ; осталось не болѣе пятнадцати человѣкъ.

— Давайте, господа, сваримъ жженку теперь, а къ ужину она у насъ остынетъ, — сказалъ вдругъ Глинка.

Предложеніе было единогласно принято.

Педро и П. втащили громадный котелъ, влили въ него всякія снадобья и зажгли; свѣчи потушили. Комната приняла странный, фантастическій видъ: пламя жженки, переливаясь то голубымъ, то желтымъ, то розовымъ свѣтомъ, причудливо окрашивало лица гостей и бросало ихъ волнистые силуеты на стѣну. Педро стоялъ у котла, весь ярко освѣщенный, и мѣшалъ длиннымъ желѣзнымъ прутомъ; его испанское худощавое лицо казалось болѣе блѣднымъ и зловѣщимъ, чѣмъ когда нибудь.

Всѣ стихли, точно при совершеніи какого-то таинственнаго обряда, и разсѣлись въ глубинѣ комнаты. Поддавшись невольно впечатлѣнію этой обстановки, я запѣлъ речитативъ статуи командора изъ «Донъ-Жуана», но едва успѣлъ произнести второе слово, какъ уже услышалъ прелестный аккомпанементъ Глинки. Речитативъ кончился, а онъ продолжалъ фантазировать на эту тему: широкими волнами полилась мрачная, печальная мелодія, охватившая своимъ грандіознымъ обаяніемъ всѣхъ слушателей; въ этой мелодіи какъ будто слышались то голоса изъ-за могилы, то робкая безпо-

мощная жалоба, то стоны и рыданія наболѣвшей, изстрадавшейся души, и всѣ они, переплетаясь между собою, уносили воображеніе въ какую-то далекую, мистическую область; фантасмагоріей проходили передъ глазами образы Макбетовскихъ призраковъ, Валпургіева ночь, похороны Лючіи ди Ламермуръ, волчья долина, умирающая Дездемона и тоскливо бьющаяся передъ костромъ Ифигенія. Мы жадно слушали, слезы подступали къ горлу, даже жутко становилось.

— Фу, какая духота! Можно снять сюртукъ?—раздался изъ угла чей-то голосъ.

— Хоть донага раздѣвайся,—проговорилъ Глинка, продолжая играть.

— Вотъ это умно сказано,—воскликнулъ П., имѣвшій странную привычку при охмѣленіи раздѣваться и, мгновенно сбросивъ съ себя все, козлиными прыжками приблизился къ котлу.

— Да это уже выходитъ праздникъ островитянъ,—расхохотавшись, сказалъ Глинка и, сразу оборвавъ грустную мелодію, заигралъ что-то такое бѣшеное и съ такимъ учащеннымъ тактомъ, что насъ стало подергивать; казалось вотъ, вотъ сейчасъ мы всѣ пустимся плясать: тактъ все болѣе и болѣе ускорялся, мелодія потеряла свое названіе, это уже была какая-то дикая, разнузданная вакханалія, пламенная и опьяняющая; точно будто вырвавшись изъ мрака смерти, душа сладострастно погружалась въ самую глубину горнила жизни. Пальцы Глинки бѣгали по клавишамъ съ быстротою электричества; сухопарый П., размахивая длинными руками, какъ крыльями и присвистывая какъ-то поптичьи, волчкомъ кружился у котла.

— Нѣтъ, не могу больше!—наконецъ, прохрипѣлъ онъ, падая навзничь на полъ.

— Я тоже не могу больше, пойдемте ужинать,—сказалъ Михаилъ Ивановичъ и всталъ изъ-за рояля.

Въ воцарившейся на мгновеніе тишинѣ мы услышали звукъ торопливо запиравшихся оконъ балерины и женскіе голоса, которые отчаянно пищали:

— Боже, стыдъ якій! Езусъ, Марія! Отто выборня, фуй, фуй!

Тутъ только оказалось, что во время дикой пляски позабыли опустить сторы.

Прямо съ вечера я поѣхалъ на смотръ, а по окончаніи его снова вернулся въ Нецалую улицу.

Глинка, какъ всегда, лежалъ въ сѣренькомъ халатикѣ на диванѣ и охалъ, но, кромѣ того, на этотъ разъ видно было, что онъ на что-то злится. П., обыкновенно развлекавшій его по утрамъ, отсутствовалъ; онъ еще съ вечера куда-то безслѣдно пропалъ.

— Что это вы, Михаилъ Ивановичъ, опять нездоровы?—спросилъ я.

— Да, нездоровъ,—нервно отвѣчалъ онъ:—да къ болѣзни-то я привыкъ, а вотъ я вамъ скажу—край здѣсь такой, что жить невозможно; что это за климатъ: вчера было до духоты жарко, а сегодня хоть шубу надѣвай.

Я взглянулъ въ открытое окно: въ него врывались палящіе лучи солнца и струи горячаго воздуха; на дворѣ было невыносимо жарко.

— И потомъ еще то непріятно,—продолжалъ онъ:—что изъ-за всякаго вздора приходится имѣть объясненіе съ полиціею, а полиція эта грубая, знаете, такая; я не могу такъ, я опять уѣду въ Испанію.

Послѣдовала цѣлая серія смотровъ, такъ что только чрезъ десять дней я могъ навѣдаться къ Михаилу Ивановичу. Его не было дома; еще разъ пять заходилъ я къ нему, и мнѣ всякій разъ отвѣчали то же самое, наконецъ, я совсѣмъ пересталъ приходить; у знакомыхъ я его тоже не встрѣчалъ—Астафьевъ уѣхалъ. Поговаривали сперва, что у Глинки завелся какой-то романическій амуръ; затѣмъ пронесся слухъ, что онъ совсѣмъ уѣхалъ, и мало-по-малу о Михаилѣ Ивановичѣ позабыли въ Варшавѣ.

Наступила осень, дни хотя были и теплые, но зори и ночи стали очень холодны, сухой листъ шуршалъ подъ ногами, въ паркахъ деревья съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе обнажались. Съ отъѣздомъ императора прекратились всякія празднества, гости разъѣхались, пошла обычная будничная жизнь. Въ Варшавѣ становилось скучно, мы тоже со дня на день ожидали объявленія похода въ Петербургъ. Пользуясь остатками хорошей погоды, вся наша полковая молодежь каждое утро каталась верхомъ по окрестностямъ.

За Повонзковскою рогаткою стоялъ тогда ресторанъ, славившійся старыми венгерскими винами; хозяинъ ресторана былъ человѣкъ очень почтенный, а семья его совсѣмъ патріархальная; хорошенькія дочки получили прекрасное образованіе и держали себя такъ скромно, что поѣздки туда имѣли болѣе видъ визита къ хорошимъ знакомымъ, чѣмъ посѣщенія загороднаго ресторана; отъ этого, впрочемъ, наша молодежь туда рѣдко ѣздила. На дворѣ ресторана стояла собачья конура, а къ ней на цѣпи былъ прикованъ великолѣпный водолазъ, добрѣйшее созданіе въ мірѣ, котораго и приковали-то для того, чтобы кто нибудь не укралъ. Всякій разъ, какъ мнѣ случалось бывать тамъ, я ходилъ во дворъ и игралъ съ этимъ добрымъ псомъ.

Однажды, вдвоемъ съ товарищемъ мы поѣхали за Повонзковскую рогатку, остановились въ ресторанѣ и спросили себѣ бутылку венгерскаго; пока бѣгали на погребъ и ставили стаканы, я отпра-

вился къ своему другу водолазу и, дойдя до конуры, остановился, пораженный неожиданною картиною: на землѣ былъ разостланъ громадный холстъ, на немъ сидѣли хорошенькія дочки ресторатора, а между ними, въ красной шелковой сѣткѣ на головѣ (вѣроятно, испанской), Михаилъ Ивановичъ Глинка. Всѣ они очень усердно чистили бобы.

— Михаилъ Ивановичъ, — воскликнулъ я, бросаясь къ нему:— такъ вы еще не уѣхали?

— Нѣтъ еще,—отвѣчалъ онъ, немного, однако, сконфузившись.— А вы что тутъ дѣлаете?

— Я пріѣхалъ пить венгерское.

— Одни?

— Нѣтъ, съ товарищемъ.

— Такъ и я выпью съ вами стаканъ, пойдемте.

Онъ всталъ, отряхнулъ съ себя соръ отъ шелухи бобовъ, взялъ меня подъ руку и мы пошли къ ресторану.

— А что, — спросилъ дорόгой Глинка, прижимая локтемъ мою руку: — хороша, не правда ли?

Онъ слегка кивнулъ головой назадъ.

— Да, хороша, — отвѣчалъ я.

— Да, хороша, — передразнилъ меня Глинка. — Вы такъ холодно это говорите, точно про похлебку съ бобами. Не хороша, а прелестна, очаровательна! Эта бы и въ Гренадѣ обратила на себя вниманіе.

— Простите, Михаилъ Ивановичъ, это я такъ съ холоду.

— То-то, съ холоду.

Мы вошли въ ресторанъ, выпили по рюмкѣ вина, послѣ чего Глинка подошелъ прямо къ роялю и началъ перебирать клавиши.

— А вѣдь я не пѣлъ еще вамъ одного романса, недавно написаннаго мною.

И вслѣдъ затѣмъ запѣлъ: «Ночной смотръ».

— Хорошо? — спросилъ онъ.

— Это прелесть, Михаилъ Ивановичъ.

— Да, кажется, порядочно; мнѣ нравится вотъ это мѣсто: «и армія честь отдаетъ».

— Постойте, я вамъ пропою еще, — и онъ пропѣлъ: «Кубокъ янтарный».

Я налилъ еще рюмку вина, мы чокнулись; очевидно, Глинка былъ въ музыкальномъ настроеніи.

— Споемъ теперь нашъ дуэтъ: «Слышу ли голосъ твой»,— сказалъ онъ.

Что-то зашелестѣло за нами; я оглянулся, всѣ хорошенькія хозяйки стояли сзади.

— Не тамъ стоите, — сказалъ имъ Михаилъ Ивановичъ: — перейдите сюда,—и указалъ имъ напротивъ себя. Послѣ этого онъ

быстро откинулся назадъ и запѣлъ еще не слышанный мною дотолѣ романсъ на слова Мицкевича: «Kochanko moja».

Романсъ былъ поразительно хорошъ.

— Это вы недавно сочинили, Михаилъ Ивановичъ?

— Да, недавно, даже еще не написалъ его, c'est pour elle, — шепнулъ онъ мнѣ, кивнувъ головою на одну изъ хозяекъ, которая налила рюмку вина и подала ему; Глинка выпилъ и сдѣлалъ движеніе, чтобы встать.

— Бога ради, Михаилъ Ивановичъ, — сказалъ я: — не откажите, пропойте еще одну только вещь: «Когда въ часъ веселый.»

Онъ опять откинулся назадъ, впился глазами въ хорошенькую хозяйку и запѣлъ.

Лучше этого раза онъ никогда не пѣлъ при мнѣ.

Послѣ художественнно произнесенныхъ словъ: «Хочу цѣловать, цѣловать, цѣловать», Глинка вскочилъ и, переваливаясь, побѣжалъ черезъ залъ.

— Михаилъ Ивановичъ, — крикнулъ я: — еще одно слово.

— Не могу, — отвѣчалъ онъ, на ходу отмахиваясь правою рукою: — некогда, надо еще бобы дочистить.

И онъ скрылся за дверью.

Это былъ послѣдній разъ, что я видѣлъ Михаила Ивановича въ Варшавѣ; черезъ нѣсколько дней онъ уѣхалъ за границу.

Года черезъ полтора, Глинка отыскалъ самъ меня въ Петербургѣ; я былъ очень радъ опять встрѣтиться съ нимъ, потому что, помимо его громаднаго дарованія, я отъ души полюбилъ этого истинно хорошаго человѣка съ его мягкою, нѣжною и ребячески довѣрчивою душою; я часто посѣщалъ его и бывалъ почти на всѣхъ его музыкальныхъ вечерахъ; говорить о нихъ нечего, они извѣстны всему музыкальному и не музыкальному міру. Иногда Михаилъ Ивановичъ для этихъ вечеровъ перекладывалъ на нѣсколько фортепіано разныя классическія произведенія; въ исполненіи ихъ участвовали лучшія музыкальныя силы того времени: самъ Михаилъ Ивановичъ, Даргомыжскій, Сѣровъ и другіе, и высшей музыки я въ своей жизни не слышалъ.

Однажды, вечеромъ, я зашелъ къ Глинкѣ; онъ тогда только что переѣхалъ на квартиру въ домъ Лопатина, у Аничкина моста, такъ что еще комнаты не были прибраны и по угламъ въ безпорядкѣ валялись разныя вещи. Михаилъ Ивановичъ сидѣлъ у стола и охалъ; очевидно, онъ находился въ припадкѣ хандры; мнѣ подали чай; я сѣлъ противъ него и молча закурилъ папироску; время тянулось. мы изрѣдка съ нимъ перебрасывались нѣсколькими словами—становилось скучно, я собрался было уйдти, но онъ удержалъ меня, и такъ мы просидѣли часовъ до 10-ти; вдругъ раздался звонокъ, и

вошелъ мой бывшій учитель — Лодій. Глинка очень обрадовался и бросился ему навстрѣчу.

Андрей Петровичъ Лодій былъ очень веселаго нрава; иногда разсказывалъ такія вещи, что хоть кого могъ разсмѣшить; такъ случилось и въ этотъ вечеръ. Глинка развеселился и самъ пустился въ разсказы.

— Утѣшь же меня, Андрюша, — сказалъ онъ Лодію: — пропой: «Давно ли роскошно».

— Изволь, — сказалъ тотъ и пошелъ къ роялю.

Въ это время раздался еще звонокъ, и въ комнату вошелъ третій гость, кажется, Сѣровъ.

Я много разъ слышалъ романсъ: «Давно ли роскошно», слышалъ его отъ первоклассныхъ исполнителей; за исключеніемъ самого Глинки, лучше прочихъ, по моему мнѣнію, его пѣлъ Леоновъ; но такъ, какъ пѣлъ Лодій, его положительно не пѣлъ никто. Лодій въ этомъ романсѣ превосходилъ самого композитора. Столько было задушевной тоски и сожалѣнія о минувшемъ въ его andante и столько огня, жизни и неудержимой страсти въ alegro, что невольно, какъ говорится, «мурашки бѣгали по тѣлу».

— Спасибо, спасибо, Андрюша, спасибо, голубчикъ! — воскликнулъ Глинка, бросаясь къ нему и протягивая обѣ руки. Они крѣпко обнялись, у обоихъ на глазахъ были слезы.

— А за это, — продолжалъ онъ: — а за это мы тебѣ вотъ съ нимъ, — онъ указалъ на Сѣрова, — сыграемъ только что переложенную мною на четыре руки: «Амазонъ польку».

Я такъ и оторопѣлъ. Послѣ этой чудной музыки слушать «Амазонъ польку», которая, родившись подъ смычками Лядова и Гунгля и пройдя черезъ странствующіе оркестры и трактирные органы, пріютилась въ шарманки (попросту, въ простонародіи называемыя катеринки), уже служила потѣхою для посѣтителей какого нибудь грязнаго Глазова кабака.

Но при первыхъ аккордахъ я навострилъ уши; это переложеніе было такъ хорошо, что заставляло позабыть избитую тему; хотѣлось все слушать и слушать; и странное чувство пробѣгало въ душѣ при звукахъ этого тривіальнаго мотива, по которому прошла рука великаго композитора; оно почти было равносильно тому, какъ если бы истертая и истрепанная уличная красавица вдругъ заговорила могучимъ языкомъ Байрона.

Вскорѣ Глинка уѣхалъ за границу, я очутился на югѣ Россіи, и мы болѣе въ жизни не встрѣчались.

Въ 1861 году, послѣ шестимѣсячнаго пребыванія въ Берлинѣ, въ клиникѣ Грефе, я жилъ нѣкоторое время въ меблированныхъ комнатахъ, ежели не ошибаюсь, m-me Майеръ; она была очень доб-

рая женщина и, видя меня истомленнаго, блѣднаго и полуслѣпаго, приходила почти каждый день справляться о моемъ здоровьѣ, причемъ нещадно болтала. Одинъ разъ, выхваляя удобства своего заведенія, она сказала, что у нея постоянно останавливалось много русскихъ, которые всѣ остались очень довольны, и назвала нѣсколько извѣстныхъ именъ; а здѣсь даже одинъ и умеръ у меня вашъ русскій, — заключила она, — Глинка.

— Глинка, Михаилъ Ивановичъ!? — забывшись, вскричалъ я порусски.

— Ja, ja, Glinka, Michal Glinka, — улыбаясь, отвѣтила старуха.

Такъ, судьба еще разъ въ жизни привела меня быть въ комнатѣ, гдѣ жила и откуда улетѣла въ вѣчность пламенная душа нашего геніальнаго композитора.

II.

Лаврентьевъ.

Въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ мнѣ дано было порученіе въ раіонѣ расположенія ....скаго пѣхотнаго полка. Полкъ стоялъ лагеремъ за рѣкой Бѣлой, на правомъ крылѣ бывшей кавказской линіи. Я пріѣхалъ на исходѣ дня, какъ разъ передъ вечерней зарей. Весело было смотрѣть на ряды мужественныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушныхъ лицъ кавказскихъ солдатъ; на каждой груди блестѣлъ или крестъ, или медаль; въ шеренгахъ попадались офицеры съ черными перевязками; по всему видно было, что война окончилась недавно. Ударили на молитву, и трехтысячный хоръ запѣлъ «Отче нашъ».

Да, хорошее это было время, да и какъ ему не быть хорошимъ; война тогда стягивала на Кавказъ лучшія силы Россіи.

Аристократія искала тамъ быстрой карьеры; жажда дѣятельности привлекала энергичныхъ людей, а сорви-головы, которымъ тѣсно и душно въ обыденной атмосферѣ жизни, какъ мотыльки на огонь, слетались на эту постоянно опасную и обильную приключеніями службу; кромѣ того, ученые, художники, артисты, путешественники съѣзжались со всего міра, и всѣ эти элементы сливались въ одну теплую, братскую семью и сливались искренно, потому что никто изъ нихъ не могъ поручиться за то, что черезъ минуту какая нибудь шальная пуля, пущенная изъ-за куста, или въ открытое окно, или, наконецъ, прилетѣвшая Богъ ее знаетъ откуда, не отправитъ его туда, гдѣ происхожденіе, богатство, подлость или клевета не имѣютъ никакого значенія; тѣ же самые люди въ другомъ болѣе безопасномъ мѣстѣ становились и гордецами, и эгоистами, и наушниками; казалось, ангелъ смерти, витав-

шій надъ гордыми твердынями Кавказа, отгонялъ прочь злую силу, которая внѣ черты этого очарованнаго края снова вступала въ права свои.

Барабанщикъ ударилъ отбой, горы глубже ушли въ мракъ ночи, звѣздочки высоко и ярко засвѣтились. Военный день окончился и солдаты разошлись по палаткамъ.

Полковой командиръ, полковникъ Б., пригласилъ меня остановиться на ночлегъ у него въ небольшомъ домикѣ, вблизи лагеря, куда мы съ нимъ и отправились.

Полковникъ Б. представлялъ собою типъ весьма не рѣдкій на тогдашнемъ Кавказѣ: онъ былъ грузинъ, добрый и дѣтски довѣрчивый человѣкъ, весь израненный, георгіевскій кавалеръ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ, вѣроятно, не прочиталъ въ жизни ни одной книги, да если бы и захотѣлъ, то едва ли бы справился съ этимъ дѣломъ. За то браниться былъ крѣпокъ и въ минуты гнѣва не только не стѣснялся въ словахъ, но даже и въ жестахъ (натурально, съ солдатами). Легендарно храбрый, онъ первымъ встрѣчалъ смерть лицомъ къ лицу и первый бѣжалъ на помощь къ раненымъ; не разъ случалось, что онъ отдавалъ послѣднія деньги вдовѣ какого нибудь подчиненнаго, но за то, когда разсердится, то могъ довести до отчаянія нервнаго человѣка. Мы съ нимъ сдѣлали нѣсколько походовъ и были пріятелями.

Домикъ, занимаемый полковникомъ, былъ освѣщенъ какъ фонарикъ; чрезъ открытыя окна виднѣлись головы офицеровъ, успѣвшихъ прійдти ранѣе насъ.

У входа полковникъ остановился и вопросительно крикнулъ:

— Лаврентьевъ, а что чай готовъ?

— Готовъ, ваше высокоб—родіе,—какъ-то беззвучно отвѣчалъ встрѣтившій насъ деньщикъ.

— А закуска?

— Готова, ваше высокоб—родіе.

— То—то же, смотри у меня, сидѣть въ передней и не шляться чортъ знаетъ гдѣ, какъ въ прошлый разъ, когда гости были; а то я тебѣ, подлецу, ни одного зуба во рту не оставлю, слышалъ, а?

— Слушаю, ваше высокоб—родіе.

— Покорно прошу,—сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Мы вошли.

Вечеръ проходилъ весело, оживленно, какъ всѣ кавказскіе штабъквартирныя вечеринки того времени. Общество разбилось на группы. Молодежь окружила въ одномъ углу толстаго, краснолицаго капитана, который чистымъ московскимъ нарѣчіемъ разсказывалъ какой-то эпизодъ изъ скандальной станичной хроники. Въ другомъ углу, у окна, пріютились три медика и шипящимъ польскимъ языкомъ разговаривали хотя очень оживленно, но въ полголоса. Четыре баталіонныхъ командира чинно играли въ преферансъ, а да-

лѣе у дверей сидѣли въ высокихъ папахахъ два татарина, лукаво посматривая на все окружающее и скаля по временамъ бѣлые зубы, точно сверкая ими.

Я пріютился на диванѣ съ однимъ штабсъ-капитаномъ, который въ прошломъ году при мнѣ былъ тяжко раненъ и теперь какимъ-то неровнымъ, свистящимъ голосомъ разсказывалъ грустную исторію своей болѣзни.

Хозяинъ, веселый, довольный, съ разрумянившимся лицомъ, переходилъ отъ одной группы къ другой, радушно угощая всѣхъ единственнымъ «рафрешисементомъ»—кахетинскимъ виномъ. Лаврентьевъ шелъ за нимъ по пятамъ, съ подносомъ, установленнымъ бутылками.

Полковникъ подошелъ ко мнѣ. Мы съ нимъ чокнулись и выпили по стакану.

Въ это время послышался изъ сосѣдней комнаты какой-то молодой голосъ, напѣвающій не то пѣсню, не то романсъ.

— А что,—сказалъ мнѣ вдругъ полковникъ:—не споете ли вы намъ что нибудь, вѣдь съ вами, вѣроятно, по обыкновенію, есть ноты.

Мнѣ, по правдѣ сказать, вовсе не хотѣлось пѣть,—Б. ровно ничего не смыслилъ въ музыкѣ, но съ другой стороны и отказывать было неловко, тѣмъ болѣе, что когда рѣчь зашла о пѣніи, то всѣ встали съ своихъ мѣстъ и подошли къ намъ.

Дѣлать было нечего, я пошелъ за нотами.

Надо сказать, что я имѣлъ привычку во всѣ свои поѣздки брать съ собою нѣсколько тетрадей нотъ, и это мои знакомые знали

Возвратясь назадъ, я засталъ полковника на прежнемъ мѣстѣ. Лаврентьевъ съ подносомъ стоялъ за нимъ.

Я положилъ тетрадь на фортепіано и машинально раскрылъ ее на какомъ-то романсѣ.

— Кто же мнѣ будетъ аккомпанировать?—спросилъ я, обращаясь къ присутствовавшимъ.

— Объ этомъ не безпокойтесь,—отвѣчалъ Б.—Лаврентьевъ, маршъ за фортепіано!

Деньщикъ поставилъ на ближайшій столъ подносъ и исполнилъ приказаніе своего командира. Воцарилось глубокое молчаніе.

Я очутился въ довольно странномъ положеніи и уже окончательно не зналъ, какъ поступить; понастоящему, слѣдовало бы, сговориться съ аккомпаніаторомъ, котораго видишь въ первый разъ въ жизни. А какъ это сдѣлать: заговорить какъ съ артистомъ и называть его «вы», но вѣдь не дальше какъ часъ тому назадъ полковникъ категорически заявилъ, что онъ ему «ни одного зуба во рту не оставитъ»; заговорить же какъ съ деньщикомъ, съ человѣкомъ, который собирается мнѣ аккомпанировать—признаюсь, не хватило духу.

Я думалъ обо всемъ этомъ, безсознательно устремивъ взглядъ на свѣтлорусую голову Лаврентьева, апатично наклоненную надъ фортепіано.

— Ну, что же? — крикнулъ полковникъ.

Лаврентьевъ вздрогнулъ.

— Прикажете начать? — спросилъ онъ, привставая и полуоборачиваясь ко мнѣ.

— Да, пожалуйста, — разсѣянно проговорилъ я, не взглянувъ на ноты.

Тетрадь была раскрыта на романсѣ Глинки «Кубокъ».

Романсъ этотъ далеко не изъ легкихъ, особенно въ аккомпанементѣ, и потому я избѣгалъ пѣть его въ обществѣ.

Но было поздно думать объ этомъ. Лаврентьевъ быстро пробѣжалъ своими сухими пальцами по клавишамъ, затронулъ какой-то мотивъ и мастерски, двумя аккордами, перемѣнивъ тонъ, перешелъ къ романсу.

Я запѣлъ. Онъ аккомпанировалъ великолѣпно, на лету схватывая часто совсѣмъ произвольныя модуляціи. Подъ его костлявыми, не совсѣмъ чистыми руками, разбитое штабъ-квартирное фортепіано говорило страстнымъ, могучимъ языкомъ. Я былъ увлеченъ этимъ пламеннымъ аккомпанементомъ и чувствовалъ, что пьеса идетъ хорошо. Послѣдній куплетъ мы окончили среди оглушительныхъ рукоплесканій.

Меня подошли благодарить.

— Великолѣпная вещь, — сказалъ, обращаясь ко мнѣ, Лаврентьевъ: — но странно, я ее въ первый разъ слышу.

— А вы знакомы съ музыкой Глинки?

— Какъ-же-съ, многое пробовалъ на оркестръ перекладывать, да не выходитъ.

— Отчего же?

— Трудно, геніальный композиторъ былъ; переложу — вижу слабо и разорву партитуру. Вотъ Варламовъ—другое дѣло, его сочиненій я много переложилъ на нашъ полковой хоръ и удалось, недурно играютъ.

— Прапорщикъ М., пожалуйте сюда,—скомандовалъ полковникъ.

Подошелъ молодой офицеръ.

— А спойте-ка намъ тотъ дуэтъ, что я такъ люблю,—Лаврентьевъ начинай.

Послѣ прелюдіи, деньщикъ запѣлъ первое a parté только что вышедшаго тогда дуэта «Моряки».

Онъ пѣлъ звонкимъ, груднымъ теноромъ и владѣлъ имъ замѣчательно хорошо.

— Теперь, — скомандовалъ полковникъ, когда они окончили: — валяй свой вальсъ.

Офицеры подвинулись еще ближе къ фортепіано. Въ комнатѣ стало тихо, слышалось только крупное, сиплое дыханіе хозяина.

Волны звуковъ понеслись съ неудержимою силою, это была жгучая, бѣшеная пѣсня любви; Лаврентьевъ сидѣлъ, опрокинувъ голову, яркій румянецъ игралъ на щекахъ его, а звуки лились, какъ горный водопадъ, клубясь и увлекая за собою все; даже татары повставали съ своихъ мѣстъ. Такъ сочинить и такъ исполнить могъ только безумно влюбленный человѣкъ.

Восторгъ выражался на всѣхъ лицахъ.

— Очень хорошо, братецъ,—похвалилъ полковникъ.

Лаврентьевъ хотѣлъ было встать, но я удержалъ его и просилъ спѣть что нибудь изъ своего сочиненія.

Онъ провелъ руками по клавишамъ и, послѣ печальной, щемящей душу прелюдіи, запѣлъ на слова Лермонтова:

«На свѣтскія цѣпи,
На блескъ упоительный бала
Цвѣтущія степи
Украйны она промѣняла».

Глубоко тоскливо звучали и мелодія, и исполненіе; это, очевидно, было прощаніе съ чѣмъ-то милымъ, безгранично любимымъ. Я замѣтилъ, что голосъ его нѣсколько разъ дрогнулъ.

— Ну, а теперь довольно, — порѣшилъ послѣ романса полковникъ: — ужъ поздно; пошелъ, подавай закуску.

Лавреньевъ всталъ изъ-за фортопіано и, тихо вздохнувъ, началъ накрывать на столъ.

III.

Часу въ первомъ ночи въ домѣ полковника все стихло; я еще не тушилъ свѣчи и, лежа въ постели, курилъ, размышляя о только что окончившемся музыкальномъ вечерѣ, я бы сказалъ, по меньшей мѣрѣ, странномъ, но въ тѣ времена и не такія странности встрѣчались на Кавказѣ; живя тамъ, человѣкъ привыкалъ ничему не удивляться, я и не удивлялся, а просто думалъ о всемъ происшедшемъ передъ моими глазами.

Дверь тихо скрипнула, и въ комнату осторожно вошелъ деньщикъ-музыкантъ.

— Что вы Лавреньевъ? — спросилъ я.

— Пришелъ забрать платье и сапоги вашего высокоблагородія, почистить назавтра, — отвѣчалъ онъ.

— Хорошо, еще успѣете; берите стулъ, сядьте возлѣ меня. Папиросу хотите?

Деньщикъ совершенно свободно сѣлъ у моей кровати и закурилъ папироску. Нѣсколько минутъ мы оба молчали. Я съ любо-

пытствомъ разсматривалъ его. Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ 24-хъ, съ наружностью, положительно не представлявшею ничего особеннаго: довольно правильный носъ, тонкія, спокойныя губы и свѣтлосѣрые, равнодушные и какъ будто усталые глаза, вотъ и все.

— Я хотѣлъ просить васъ,—началъ я:—переписать для меня вашъ романсъ «На свѣтскія цѣпи».

— Съ большимъ удовольствіемъ,—отвѣчалъ онъ:—но у меня нотной бумаги нѣтъ, а вы когда уѣзжаете?

— Да завтра утромъ.

— Значитъ не успѣю, теперь бѣжать къ капельмейстеру поздно, вѣроятно, спитъ, а то, пожалуй, и выпилъ.

— А онъ у васъ пьетъ?

— Да, знаете, пофельдфебельски,—на ночь, а человѣкъ, впрочемъ, хорошій.

— Такъ какъ же романсъ-то?

— Если позволите, то по времени я напишу его и попрошу полковника переслать къ вамъ; я вѣдь какъ сочинилъ, то еще не писалъ его, а иначе съ удовольствіемъ бы свой экземпляръ вамъ отдалъ.

— Давно вы его сочинили?

— Три года тому назадъ подъ Москвою.

— Простите за нескромность, вы тогда любили кого нибудь?

У него что-то мгновенно блеснуло въ глазахъ, но только на мгновенье, а потомъ онъ совершенно спокойно сказалъ.

— Да, любилъ, трудно было не любить; а, впрочемъ, все это было непростительно глупо съ моей стороны.

— Разскажите, Леврентьевъ, какъ вы попали сюда въ деньщики?

— Съ удовольствіемъ, только вѣдь поздно, вы, можетъ быть, спать хотите.

— Объ этомъ не безпокойтесь.

Онъ выкурилъ еще папироску, тщательно потушилъ ее и началъ:

— Я былъ крѣпостнымъ помѣщика Ивана Петровича Шейна подъ Москвою. Иванъ Петровичъ былъ вдовъ, очень богатъ и имѣлъ одну всего дочь, Наталью Ивановну, которой я приходился молочнымъ братомъ. Когда моя мать выкормила барышню, ее оставили въ нянькахъ и взяли жить въ горницу, а такъ какъ около этого времени умеръ мой отецъ, то взяли и меня. Съ самаго ранняго возроста я по цѣлымъ днямъ игралъ съ Наташей, лѣтомъ въ саду, а зимой въ громадной концертной залѣ, всецѣло принадлежавшей намъ, благо Иванъ Петровичъ почему-то не любилъ этой комнаты и никогда въ нее не заглядывалъ. Когда Наташѣ минуло 6-ть лѣтъ, приходскій священникъ отецъ Михаилъ началъ обучать ее грамотѣ, ариѳметикѣ и Закону Божію; стали вмѣстѣ обучать и меня, чтобы

барышнѣ скучно не было. Когда Наташѣ было 10-ть лѣтъ, ей выписали гувернантку француженку, а мнѣ Иванъ Петровичъ справилъ синій казакинъ съ красными сердечками на груди и приставилъ меня казачкомъ къ трубкамъ. Я уже тогда бойко читалъ и въ успѣхахъ перегналъ Наташу. Во мнѣ развилась страсть къ чтенію, тѣмъ легче удовлетворявшаяся, что ключи отъ библіотеки были сперва у моей матери, имѣвшей обязанностью пересматривать книги два раза въ годъ — о Рождествѣ да на Свѣтлый праздникъ, а потомъ обязанность эта вмѣстѣ съ ключами порешла ко мнѣ. Дѣла у меня было немного и потому я жадно и безъ разбора читалъ почти весь день. Читалъ я подрядъ: и романы Вальтеръ-Скота, и исторію крестовыхъ походовъ Мишле, и драмы Озерова, и сочиненія Эксхартсгаузена, однимъ словомъ все, что только попадалось подъ руку. Съ Наташей я видѣлся все рѣже и рѣже, хорошо сознавая, что она барышня, а я—крѣпостной, и старался избѣгать встрѣчъ съ нею, проводя все время за чтеніемъ, кромѣ старыхъ книгъ, и разныхъ современныхъ журналовъ, такъ какъ еще ежегодно выписывались: «Библіотека для Чтенія», «Отечественныя Записки» и «Сынъ Отечества», до которыхъ Иванъ Петровичъ даже не дотрогивался, довольствуясь исключительно «Московскими Вѣдомостями». Послѣ смерти моей матери, барышнѣ уже не зачѣмъ было бѣгать къ намъ въ комнату, такъ что мы съ ней почти перестали встрѣчаться.

Прошло два года. Француженка начала учить барышню на фортепіано. Я не могу передать вамъ то чувство, которое овладѣло мною, когда я услышалъ первый аккордъ: слезы подступили къ горлу и весело сдѣлалось мнѣ; казалось, я слышу что-то знакомое, уже когда-то слышанное. Незамѣтно прокрадываясь во время уроковъ въ залу, я оставался въ ней, пока онѣ уходили къ себѣ на верхъ, и тогда садился за фортепіано, открывалъ школу и старался инстинктомъ угадать то, что объяснялось недавно на чуждомъ для меня языкѣ. Разъ какъ-то, дойдя почти до отчаянія, я побѣжалъ съ школой въ рукахъ къ отцу Михаилу для разъясненія непонятныхъ для меня знаковъ. По счастью, старикъ, воспитываясь въ семинаріи былъ пѣвчимъ и зналъ начальныя правила музыки, хотя въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ; онъ показалъ мнѣ значеніе нотъ, ихъ дѣленіе и паузы. Тогда для меня все стало ясно; я уже сознательно слушалъ уроки гувернантки и по уходѣ ея и Наташи сознательно садился за фортепіано. Я учился одинъ, самъ, и скоро далеко перегналъ барышню. Такъ прошло еще два года; гувернантка объявила Петру Ивановичу, что ея воспитанницѣ необходимо учиться пѣть, потому что голосъ у нея замѣчательный. Недѣли черезъ три послѣ этого, пріѣхалъ изъ Москвы учитель нѣмецъ, добрый старикъ, съ голубыми, какъ васильки, глазами, и съ Бетховенской улыбкой; звали его Августъ Өедоровичъ Браун-

таль. Начались уроки пѣнія, тутъ мнѣ не для чего было бѣгать къ отцу Михаилу: Августъ Ѳедоровичъ объяснялъ порусски, я свободно могъ, оставаясь одинъ въ залѣ, повторять пройденный урокъ. Я страстно занялся музыкой, даже чтеніе бросилъ. Однажды, во время моихъ упражненій, въ залу вошелъ старикъ-учитель, постоялъ нѣсколько минутъ, покачалъ головою и наципочкахъ вышелъ; я все это видѣлъ въ зеркало. На другой день онъ просилъ Ивана Петровича дозволить учить меня даромъ. Меня уволили отъ должности козачка и приказали учиться опять вмѣстѣ съ барышней; успѣхи пошли быстрѣе, чѣмъ я думалъ. Наташѣ минуло 14, а мнѣ 15 лѣтъ, она была прелесть какая хорошенькая, а главное такая добрая и милая, что не любить было невозможно—и я полюбилъ ее, но странно: догадался я объ этомъ чувствѣ только тогда, когда потерялъ всякую надежду встрѣтиться съ ней когда нибудь въ этой жизни. У нея положительно была музыкальная способность, но выдержки—никакой, и дальше салоннаго пѣнія она навѣрное никогда не пошла бы, но за то голосъ—безъ всякаго преувеличенія—соловьиный. Мы начали пѣть дуэты. На досугѣ Августъ Ѳедоровичъ вызвался учить меня понѣмецки и поитальянски; для того, говорилъ онъ, что надо понимать то, что поешь. Наташа тоже начала было учиться этимъ языкамъ, но ей скоро надоѣло, и она бросила.

Браунталь получалъ 600 руб. въ годъ съ тѣмъ, чтобы, кромѣ уроковъ пѣнія, устроить домашній оркестръ, и такъ хорошо повелъ это дѣло, что черезъ годъ его оркестръ уже очень недурно игралъ легкія вещи.—Ты, Алеша,—сказалъ онъ мнѣ разъ:—долженъ быть послѣ меня капельмейстеромъ,—и сталъ мнѣ преподавать теорію гармоніи, генералъ-басъ и оркестровку. Съ той поры изъ Алешки я сдѣлался «Алексѣй Ивановичъ», у меня явилось отдѣльное помѣщеніе во флигелѣ и приборъ за столомъ Ивана Петровича. Да, тогда жизнь моя катилась хорошо.

Лаврентьевъ на минуту задумался и вздохнулъ.

— 26-го августа 1860 года, Наташѣ должно было исполниться 18 лѣтъ, это былъ вмѣстѣ и день рожденія, и день именинъ ея. У Ивана Петровича приготовлялся большой балъ, ожидали много гостей изъ Москвы. Концертную залу всю уставили цвѣтами, а для оркестра устроили возвышеніе, которое обили краснымъ сукномъ. Я въ первый разъ долженъ былъ дирижировать.

Это былъ лучшій день моей жизни. Собралось болѣе 100 человѣкъ, яркое освѣщеніе, роскошные туалеты, бальная обстановка, впервые увидѣнные мною, Наташа, которая въ прозрачномъ платьѣ, какъ бѣлая бабочка, носилась въ танцахъ, все это раздражающе подѣйствовало на мои нервы, и это настроеніе, какъ по магнетизму, сообщилось музыкантамъ.

— Прелесть, чудо! — неслось со всѣхъ сторонъ; Наташа нѣ-

сколько разъ подбѣгала и жала мнѣ руку въ знакъ благодарности.

Прикосновеніе этой горячей, ароматной руки еще болѣе кружило голову и доводило до какого-то восторженнаго изступленія. Оркестръ дѣйствительно игралъ очень хорошо, какъ бы придавая особенный смыслъ каждому танцу; самъ Иванъ Петровичъ подошелъ ко мнѣ, пожалъ руку и сказалъ:

— Спасибо тебѣ, Алексѣй Ивановичъ, очень хорошо.

— Штраусъ! — больше нечего сказать, — прошепталъ надъ моимъ ухомъ Августъ Θедоровичъ.

Сѣли ужинать. Когда подали шампанское и гости встали, чтобы поздравить именинницу, я выждалъ и подошелъ послѣднимъ, держа въ одной рукѣ бокалъ, а въ другой — щегольски переписанную партитуру.

— Дай Богъ, Наталья Ивановна, — сказалъ я: — чтобы вся жизнь ваша была такъ же свѣтла и весела, какъ сегодняшній вечеръ, — и подалъ ей партитуру.

— Что это? — спросила она.

Но я уже былъ на своемъ возвышеніи, гдѣ, по знаку моей палочки, оркестръ заигралъ тотъ самый вальсъ, который вы давеча слышали.

— Браво, браво, bis! — закричали гости, когда мы окончили.

Наташа подошла ко мнѣ; она была блѣдна, слезы струились изъ глазъ и, схвативъ мои обѣ руки, проговорила въ полголоса:

— Алеша, я просто готова при всѣхъ броситься къ вамъ на шею. И потомъ громко произнесла: — Господа! здоровье друга моего дѣтства, нашего милаго капельмейстера.

Съ шумнымъ «ура!» всѣ выпили за мое здоровье.

Лаврентьевъ замолчалъ и опустилъ голову.

— Потомъ же что? — спросилъ я.

— Потомъ, въ октябрѣ того же года, Иванъ Петровичъ съ дочерью уѣхали на зиму въ Москву; она обѣщала писать, да такъ ни разу и не написала; тамъ же, зимой, вышла замужъ и уѣхала съ мужемъ за границу. Скоро потомъ и Иванъ Петровичъ умеръ.

— Ну, а потомъ?

— Потомъ пришло освобожденіе крестьянъ. Оркестръ распустили, Августъ Θедоровичъ уѣхалъ къ себѣ, въ Лейпцигъ. Бѣдный старикъ плакалъ, прощаясь со мною. Тутъ пришла очередь сдавать рекрута, міръ и присудилъ сдать меня, какъ бобыля.

— А Натальи Ивановны вы такъ и не видѣли?

— Такъ и не видѣлъ, даже не знаю, гдѣ она теперь и жива ли.

— Ну, а въ деньщики-то какъ же вы попали?

— Я было обрадовался, когда пригнали сюда. Тогда еще война была, а полкъ стоялъ на самой передовой линіи, только полковникъ посмотрѣлъ на меня, да какъ крикнетъ:

— Отчего у тебя руки бѣлыя, грамотный, что ли?

— Грамотный, — говорю.

— А, это хорошо, будешь писаремъ, у меня писарей мало; а до тѣхъ поръ надо узнать, что ты за птица такая, я тебя беру къ себѣ въ деньщики.

— Нельзя ли во фронтъ, — говорю.

Онъ даже ногами затопалъ.

— Молчать! А розги, знаешь, чѣмъ пахнутъ?

— Такъ я и остался у него, вотъ третій годъ теперь.

— Что же, хорошо вамъ?

— Ничего, хорошо, человѣкъ онъ добрый. Какъ боленъ я былъ двѣ недѣли, не хуже отца роднаго самъ ухаживалъ. Только что показывать меня, какъ звѣря, любитъ, кто бы ни пріѣхалъ, сейчасъ скомандуетъ: «маршъ за фортепіано», чтобы, знаете, удивить, вотъ, молъ, какой у меня деньщикъ: сейчасъ подавалъ чай, а теперь, смотри, какъ играетъ, — иногда невыносимо это, да еще какъ при постороннихъ бранить начнетъ, да въ спину толкать; просто, кажется, иной разъ ножомъ бы его пырнулъ.

— Вы бы написали Натальѣ Ивановнѣ!

— Къ чему? Захотѣла бы, сама бы написала, ей легче было меня найдти, чѣмъ мнѣ ее, да и что бы вышло изъ этого письма? Прислала бы рублей 100, вотъ и все, такъ у меня своихъ 300 рублей есть, да полковникъ даетъ 10 рублей въ мѣсяцъ жалованья, и тѣ всѣ лежатъ не тронутые — мнѣ тратить некуда.

Лаврентьевъ опять замолчалъ.

Блѣдный свѣтъ зари окрасилъ оконную раму въ синевато-сѣрый цвѣтъ.

— Спокойной ночи, — сказалъ деньщикъ, вставая.

Я протянулъ ему руку.

Онъ тихо пожалъ ее и вышелъ.

На другой день, часовъ въ семь утра, я усѣлся съ полковникомъ Б. въ его дорожную коляску. Лаврентьевъ суетился, застегивая фартукъ.

— Прощайте, — сказалъ я ему, протягивая руку: — не забудьте прислать романсъ.

— Счастливо оставаться, ваше высокоб—діе, — отвѣчалъ деньщикъ, снимая фуражку и принимая военную позу, но не прикасаясь руки.

— Я хотѣлъ сказать вамъ, — началъ полковникъ, когда мы отъѣхали немного: — я могу такъ говорить вамъ, потому что я старикъ, а вы молодой человѣкъ: съ чего это вы взяли деньщику руку протягивать, вѣдь эдакъ вы совсѣмъ солдата испортите, вотъ мои офицеры то же было выдумали, да я запретилъ, а этому мерзавцу сказалъ, что, если только узнаю, что онъ подалъ офицеру руку — выпорю передъ баталіономъ. Это положительно ни съ чѣмъ не сообразно.

Полковникъ даже закашлялся отъ гнѣва.

— А всему, — продолжалъ онъ, откашливаясь: — виною этотъ глупый фортепьянъ, на которомъ даже передъ начальствомъ иначе нельзя играть какъ сидя, ну, и забывается человѣкъ, то ли дѣло тромбонъ или, напримѣръ, барабанъ — благородные и самые военные инструменты.

На горизонтѣ сѣрымъ силуетомъ обрисовалась станица.

Черезъ часъ полковникъ высадилъ меня на площади управленія и поѣхалъ обратно.

III.

Спустя годъ, я встрѣтилъ въ Тифлисѣ уже не полковника, а генералъ-маіора Б.; онъ шелъ прямо, самодовольно улыбаясь, и безпрестанно оправлялъ красные отвороты пальто, какъ бы желая привлечь на нихъ вниманіе проходящихъ.

— Ба, ба, ба! — издалека воскликнулъ онъ, завидя меня.

Мы дружески обнялись.

Послѣ первыхъ привѣтствій и поздравленій, я спросилъ его:

— А что вашъ Лаврентьевъ?

— Лаврентьевъ — съ ума сошелъ.

— Какъ такъ?

— Лучше того скажу — зарѣзался.

— Какъ зарѣзался?

— Извѣстно какъ — по горлу, еще моей бритвой, только пару разрознилъ, подлецъ!

— Да съ чего же это онъ?

— Съ жиру, должно быть. Я, знаете, какъ меня произвели, хорошее цивильное платье справилъ ему, жалованья прибавилъ, чтобы настоящимъ генеральскимъ камердинеромъ былъ, а онъ, мерзавецъ, вонъ въ какую сторону поѣхалъ.

— И письма не оставилъ?

— Какъ же, на мое имя оставилъ.

— Что же писалъ онъ?

— Да что, — въ голосѣ генерала зазвучала мягкая нота, — благодарилъ меня за все, 300 рублей, что̀ у него было, просилъ роздать самымъ бѣднымъ изъ музыкантскаго хора.

— Роздали?

— Да, какъ же, есть мнѣ время разбирать этихъ чертей, кто бѣднѣе, а кто богаче; отдалъ огуломъ на музыкантскую артель, приказалъ отслужить панихиду и шабашъ.

Бѣдный, бѣдный Лаврентьевъ, — думалъ я, разставаясь съ генераломъ. Истосковался ты, не выдержалъ, и за что судьба сыграла съ тобою такую коварную, скверную шутку?

Теперь времена измѣнились, при современномъ ходѣ вещей, быть можетъ, талантъ Лаврентьева не нашелъ бы случая такъ ярко развиться, но за то вся жизнь не была бы отравлена.

Да, хороша была широкая, могучая, барская жизнь прошлаго поколѣнія, много свѣтлаго, грандіознаго создала она, но за то сколько затертыхъ, истерзанныхъ, никому невѣдомыхъ жертвъ выбросила она на берегъ житейскаго моря.

П. Николаевъ.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ ЗАДАЧИ ПИРОГОВА.

I.

Если бы мы вздумали высчитывать факты за последнія тридцать лѣтъ по вопросу о распространеніи школьнаго образованія въ Русской землѣ, то намъ пришлось бы перечислить ихъ немало и сдѣлать изъ нихъ несомнѣнный выводъ въ пользу этого распространенія, по крайней мѣрѣ, въ количественномъ отношеніи. Этотъ прогрессъ могъ бы насъ порадовать. Но очень естественно, что намъ захотѣлось бы оцѣнить и прогрессъ въ отношеніи качественномъ, коснувшись вопроса, на сколько мы просвѣтились въ массѣ отъ нашего школьнаго образованія, какіе вопросы разрабатывали и разработали въ приложеніи къ русскому воспитанію въ связи съ той новой жизнью, которая получила новыя основы. Нѣтъ сомнѣнія, что мы переживали очень важную эпоху въ нашей исторіи, и будущему историку придется много надъ нею поработать, чтобы выяснить ея значеніе въ связи съ предъидущимъ и послѣдующимъ. Но у него будетъ и горизонтъ шире, ему будетъ многое виднѣе нашего. Тѣмъ не менѣе и намъ не мѣшаетъ оглянуться назадъ, если не въ качествѣ историка, то въ качествѣ людей, для которыхъ самопознаніе составляетъ одну изъ существенныхъ духовныхъ потребностей жизни. Это есть необходимое условіе жизни просвѣщеннаго народа. Онъ не можетъ жить безъ оглядки: ему необходимо освѣщать свое прожитое, выяснять то, что рѣшено и что нужно рѣшать въ ближайшемъ будущемъ. Наши дѣти въ правѣ

спрашивать насъ, какъ мы понимали жизнь съ ея потребностями, что мы наживали и что передаемъ имъ въ наслѣдство. Не будемъ же несостоятельны въ нашихъ отвѣтахъ. Сами мы немного получили отъ своихъ отцовъ. Но прежде всего поблагодаримъ ихъ за то, что они намъ дали. Они провели насъ черезъ школу, правда, школу сословную, которую мы потомъ осудили и постарались, сколько было въ нашихъ силахъ, смѣнить другою. Но, тѣмъ не менѣе, она дала намъ возможность увидѣть свѣтъ. Пусть мы потомъ отреклись отъ многихъ понятій, которыя они передали намъ. Но не будемъ ихъ винить въ томъ, что ихъ понятія вырабатывались въ условіяхъ крѣпостнаго права, за которое они отвѣчать передъ нами не могутъ: они сами получили его въ наслѣдство, съ нимъ сжились ихъ отцы и дѣды. Груба была вся масса, невысоко стоялъ въ нравственномъ развитіи и верхній слой ея; но среди него были и носители свѣтлыхъ идеаловъ, которые не мирились ни съ идеей рабства, ни произвола, ни невѣжества. Они выстрадали эти идеалы и горячо относились къ нимъ, съ полною вѣрою, что настанетъ и для нихъ пора. Сдѣлать болѣе этого они не имѣли возможности. Но отъ насъ они и за это заслужили большое спасибо. Они-то и есть наши духовные отцы, которые намъ передали свои идеалы, связавъ ими наше поколѣніе съ своимъ. Безъ нихъ и вся эта грубая масса, и всѣ эти толпы, блестящія и не блестящія, не имѣли бы и историческаго значенія.

За поколѣніемъ нашихъ отцовъ остается та честь, что оно выставило способныхъ людей въ новую пору, когда покойному государю Александру Николаевичу нужны были дѣятельные помощники въ его преобразовательныхъ планахъ. Пускай они были исключеніе изъ господствовавшей толпы; но всеже они дышали среди нея и были связаны съ нею многими связями. Въ настоящей статьѣ я останавливаюсь на одной изъ этихъ личностей, такъ какъ съ нею соединяются выставленные нами вопросы о прогрессѣ въ нашемъ школьномъ образованіи. На нее я смотрю, какъ на одну изъ самыхъ типическихъ и представительныхъ для своего времени, и потому заслуживающую особеннаго изученія. Я разумѣю Николая Ивановича Пирогова. Сначала онъ прославился, какъ спеціалистъ, и притомъ въ такой сферѣ, гдѣ легче всего огрубѣть въ узкой спеціальности, особенно, если и кругомъ толпа не задумывается о высшихъ вопросахъ жизни и живетъ однимъ своекорыстіемъ. Онъ былъ анатомъ, хирургъ [1]), учился надъ трупами; но въ то же время

[1]) Сынъ чиновника, Пироговъ родился въ 1810 году въ Москвѣ; до 12-лѣтняго возраста воспитывался дома, затѣмъ два года въ частномъ пансіонѣ и на пятнадцатомъ году поступилъ въ Московскій университетъ, на медицинскій факультетъ. Черезъ три года онъ кончилъ курсъ съ званіемъ лѣкаря и поступилъ въ профессорскій институтъ при Дерптскомъ университетѣ, гдѣ въ 1833 году получилъ степень доктора медицины и былъ посланъ за границу для дальнѣйшаго усо-

былъ идеалистъ и принималъ къ сердцу все человѣческое. Онъ постоянно расширялъ и углублялъ кругъ своего общаго образованія, задавалъ себѣ философскіе вопросы о жизни, анализировалъ дѣйствительную жизнь и убѣдился, что его стремленія не удовлетворяются этою жизнію, что ни къ одной толпѣ онъ пристать не можетъ. Его идеалъ создался на основахъ евангельскихъ, на любви къ ближнему, а идеалы толпы основаны на эгоизмѣ. И вотъ въ то время, какъ она видѣла его въ работѣ надъ трупами или за перевязкой раненнаго и прославляла его за искусство въ своемъ дѣлѣ, въ немъ самомъ происходила внутренняя борьба, переработка, перевоспитаніе самого себя. Онъ дошелъ до сознанія, что не жить съ толпою одною жизнію и остаться твердымъ въ своихъ убѣжденіяхъ нельзя, не воспитавъ въ себѣ силы воли, характера, способности бороться во имя своего идеала. Онъ самъ признавался, какъ трудно совершался въ немъ этотъ душевный процессъ, когда уже половина жизни была пройдена. Этотъ усиленный трудъ надъ самимъ собою и объясняетъ намъ тотъ неожиданный переходъ, который Пироговъ сдѣлалъ отъ поприща хирурга, уже успѣвшаго оказать большія услуги своему отечеству, къ поприщу педагога, когда послѣ несчастной войны зашевелились всѣ эти толпы, слывшія за русское общество, и когда почувствовалось появленіе новой эры русской жизни. Сильный умъ Пирогова сразу понялъ, что настала эпоха усиленной работы и вмѣстѣ борьбы, для которой каждому потребуется перевоспитывать себя, но это перевоспитаніе такъ трудно, что лучше прямо начать съ воспитанія, чтобы потомъ не приходилось перевоспитываться. «Я испыталъ,—говоритъ Пироговъ,— эту внутреннюю, роковую борьбу, къ которой мнѣ хочется приготовить, исподволь и заранѣе, нашихъ дѣтей; мнѣ дѣлается страшно

вершенствованія. Два года слушалъ онъ лучшихъ профессоровъ въ Геттингенскомъ университетѣ и затѣмъ по возвращеніи въ отечество, въ скоромъ времени былъ приглашенъ занять каѳедру хирургіи въ Дерптскомъ университетѣ. Здѣсь онъ обратилъ на себя вниманіе учеными трудами и былъ отправленъ отъ университета въ Парижъ къ знаменитому ученому Вельпо. Въ 1840 году, онъ представилъ проектъ объ учрежденіи въ Россіи госпитальныхъ клиникъ для оканчивающихъ курсъ и молодыхъ врачей. По утвержденіи этого проекта, онъ былъ вызванъ въ Петербургъ для занятія въ медико-хирургической академіи каѳедры госпитальной хирургіи. Въ 1845 году, Пироговъ внесъ въ конференцію медико-хирургической академіи проектъ объ учрежденіи анатомическаго института и вскорѣ затѣмъ былъ посланъ отъ академіи за границу, чтобы ознакомиться съ устройствомъ заграничныхъ анатомическихъ институтовъ. Въ 1847 году, онъ былъ командированъ на Кавказъ, на театръ военныхъ дѣйствій, гдѣ могъ съ успѣхомъ показать свою ученость, находчивость и изобрѣтательность, точно такъ же какъ и въ слѣдующемъ году, во время холеры въ Петербургѣ. Въ то же время ученыя сочиненія Пирогова, одно за другимъ, выходили въ свѣтъ и доставляли ему славу не только въ Россіи, но и за границей. Въ 1854 году, осада Севастополя привлекла Пирогова въ Крымъ, гдѣ онъ своею дѣятельностью обратилъ на себя общее вниманіе.

за нихъ, когда я подумаю, что имъ предстоятъ тѣ же опасности и, не знаю, тотъ ли же успѣхъ».

Этотъ-то страхъ за дѣтей и вызвалъ его исповѣдь, которую онъ назвалъ «Вопросами жизни» и которая была первымъ его шагомъ въ педагогическую область. «Вопросы жизни» были напечатаны въ 1856 г. въ самомъ специальномъ журналѣ, «Морской Сборникъ», который до тѣхъ поръ читался только одними моряками; но они такъ глубоко затронули самый жизненный вопросъ, что привлекли общее вниманіе къ журналу. Я называю ихъ исповѣдью, потому что въ нихъ высказались сокровенныя мысли человѣка, который много поработалъ надъ собою и который вздумалъ, наконецъ, раскрыть свою душу, чтобы направить другихъ на лучшій путь къ обновленію жизни. Здѣсь высказалось сжато, даже отрывочно, но смѣло все, что онъ передумалъ и перечувствовалъ въ той обстановкѣ жизни, въ какой застала насъ несчастная война, и выскажись онъ такъ же откровенно нѣсколько ранѣе, когда вся полуобразованная публика съ самоувѣренностью смотрѣла на себя, на свою мнимую силу, и на него, можетъ быть, посмотрѣли бы какъ на дерзкаго, безпокойнаго человѣка, подкапывающаго основы, пытающагося начать борьбу со всѣмъ обществомъ. Ему, можетъ быть, пришлось бы въ самой жизни разъиграть роль идеалиста Чацкаго. Но несчастно закончившаяся война подготовила умы смиренно выслушивать горькія и суровыя истины и принимать ихъ къ свѣдѣнію.

Что же сказалъ Пироговъ своимъ соотечественникамъ?

Во-первыхъ, что ихъ общество составляетъ не христіанское общество, а толпы: самая огромная толпа слѣдуетъ безсознательно по силѣ инерціи толчку, данному ей въ извѣстномъ направленіи; а другія толпы, несравненно меньшія по объему, увлекаемыя хотя также, болѣе или менѣе, по направленію огромной массы, слѣдуютъ уже различнымъ взглядамъ на жизнь. Но въ этихъ взглядахъ отзываются тѣ же начала, которыя руководствовали и поступками языческаго общества, только лишенныя корня, безжизненныя, и въ разладѣ съ вѣчными истинами, связанными съ христіанскимъ ученіемъ. Во всѣхъ ихъ въ практической и даже умственной жизни является рѣзко выраженное матеріальное, почти торговое стремленіе, основаніемъ которому служитъ идея о счастіи и наслажденіяхъ въ жизни. Каждый пристаетъ къ той толпѣ, къ которой всего болѣе влекутъ его врожденныя наклонности и темпераментъ. Кто родился здоровымъ и даже черезчуръ здоровымъ, чей матеріальный бытъ развился энергически и въ комъ преобладаетъ чувственность, тотъ склоняется на сторону такихъ взглядовъ: «не размышляйте, не толкуйте о томъ, что необъяснимо, это, по малой мѣрѣ, лишь потеря времени; можно, думая, потерять и апетитъ, и сонъ; время же нужно для трудовъ и наслажденій; апетитъ—для наслажденій и трудовъ; сонъ—опять для трудовъ и наслажденій, труды и на-

слажденія—для счастья». Этотъ взглядъ Пироговъ назвалъ привлекательнымъ. Другой взглядъ—веселый: «Работайте для моціона и наслаждайтесь, покуда живете, ищите счастія; но не ищите его далеко; оно у васъ подъ руками, какой вамъ жизни еще лучшей нужно? Все дѣлается къ лучшему. Зло — это одна фантасмогорія для вашего же развлеченія,—тѣнь, чтобы вы лучше могли наслаждаться свѣтомъ. Пользуйтесь настоящимъ и живите себѣ припѣваючи».

У кого воображеніе не господствуетъ надъ умомъ, инстинктъ не превозмогаетъ разсудка, а воспитаніе было болѣе реальное, тотъ дѣлается послѣдователемъ одного изъ практическихъ взглядовъ: «Трудясь, исполняйте ваши служебныя обязанности, собирая копѣйку на черный день; въ сомнительныхъ случаяхъ, если одна обязанность противорѣчитъ другой, избирайте то, что вамъ выгоднѣе или, по крайней мѣрѣ, для васъ менѣе вредно. Впрочемъ, предоставьте каждому спасаться на свой ладъ. Объ убѣжденіяхъ, точно такъ же какъ и вкусахъ, не спорьте и не хлопочите. Съ полнымъ карманомъ можно жить и безъ убѣжденій». Другой практическій взглядъ имѣетъ свои оттѣнки: «Хотите быть счастливыми, думайте себѣ, что вамъ угодно и какъ вамъ угодно, но только строго соблюдайте всѣ приличія и умѣйте съ людьми уживаться. Про начальниковъ и нужныхъ вамъ людей никогда худо не отзывайтесь и ни подъ какимъ видомъ имъ не противорѣчьте. При исполненіи обязанностей, главное, не горячитесь. Излишнее рвеніе нездорово и не годится. Говорите, чтобы скрыть, что вы думаете. Если не хотите служить ослами другимъ, то сами на другихъ верхомъ ѣздите, только молча въ кулакъ себѣ смѣйтесь».

Мечтательному характеру, при слабомъ или нервномъ тѣлосложеніи, подходитъ болѣе взглядъ, названный Пироговымъ религіознымъ или старообрядческимъ: «соблюдайте самымъ точнымъ образомъ всѣ обряды и повѣрья; читайте только благочестивыя книги, но въ смыслъ не вникайте; это главное для спокойствія души; затѣмъ не размышляйте, живите такъ, какъ живется». Къ этому взгляду близокъ и другой, названный печальнымъ: «не хлопочите, лучшаго ничего не придумаете; новое только то на свѣтѣ, что хорошо было забыто; червякъ на кучѣ грязи, вы смѣшны и жалки, когда мечтаете, что стремитесь къ совершенству и принадлежите къ обществу прогрессистовъ; зритель и комедіантъ поневолѣ, какъ ни бейтесь, лучшаго не сдѣлаете. Бѣлка въ колесѣ, вы забавны, думая, что бѣжите впередъ; не зная, откуда взялись, вы умрете, не зная, зачѣмъ жили».

Вотъ въ какомъ видѣ представлялось Пирогову общество, среди котораго ему приходилось жить и дѣйствовать. «Если бы поприще каждаго изъ насъ,—говорилъ онъ,—всегда непремѣнно оканчивалось выборомъ одной толпы или одного взгляда; если бы пути и

направленія послѣдователей различныхъ взглядовъ шли всегда параллельно одни съ другими и съ направленіемъ огромной толпы, движимой силою инерціи, то все бы тѣмъ и кончилось, что общество осталось бы вѣчно раздѣленнымъ на одну огромную толпу и нѣсколько меньшихъ. Столкновеній между ними нечего было бы опасаться. Все шло бы спокойно, жаловаться было бы нечего. Но вотъ бѣда: во-первыхъ, всегда являются и люди, родившіеся съ притязаніемъ на умъ, чувство, нравственную волю, иногда слишкомъ воспріимчивые къ нравственнымъ основамъ нашего воспитанія, опредѣляющаго цѣли нашей жизни въ христіанскомъ смыслѣ. Они слишкомъ проницательны, чтобы не замѣтить, при первомъ вступленіи въ свѣтъ, рѣзкаго различія между этими основами и направленіемъ общества, слишкомъ совѣстливы, чтобы оставить безъ сожалѣнія и ропота высокое и святое, слишкомъ разборчивы, чтобы довольствоваться выборомъ, сдѣланнымъ почти поневолѣ или по неопытности. Недовольные, они слишкомъ скоро разлаживаютъ съ тѣмъ, что ихъ окружаетъ, и переходя отъ одного взгляда къ другому, вникаютъ, сравниваютъ и пытаютъ; все глубже и глубже роются въ родникахъ своей души и, неудовлетворенные стремленіями общества, не находятъ и въ себѣ внутренняго спокойствія; хлопочутъ, какъ бы согласить вопіющія противорѣчія, оставляютъ поочередно и то, и другое, съ энтузіазмомъ и самоотверженіемъ ищутъ рѣшенія столбовыхъ вопросовъ жизни; стараются, во что бы то ни стало, перевоспитать себя и тщатся проложить **новые пути**».

Понятно, что къ числу такихъ людей нужно отнести и самого Пирогова. Онъ описываетъ ихъ по своимъ собственнымъ ощущеніямъ. Но изъ этихъ **безпокойныхъ** людей немногіе выдерживаютъ: родившіеся съ преобладающимъ чувствомъ, съ живостью ума и слабостью воли не выдерживаютъ этой внутренней борьбы, устаютъ, отдаются на произволъ и бродятъ на распутьѣ; готовые пристать туда и сюда, они дѣлаются, по мѣрѣ ихъ способностей, то невѣрными слугами, то шаткими господами той или другой толпы.

А съ другой стороны и ревностные послѣдователи различныхъ взглядовъ не идутъ параллельно ни съ массою, ни съ другими толпами; пути ихъ пересѣкаются и сталкиваются между собою; менѣе ревностные, слѣдуя въ половину нѣсколькимъ взглядамъ вмѣстѣ, образуютъ новыя комбинаціи. Въ этомъ раздорѣ сектаторовъ и инертной толпы, въ этомъ столкновеніи противоположныхъ направленій общества Пироговъ находилъ опасность. Онъ предсказывалъ, такъ сказать, теоретически, что при самыхъ твердыхъ политическихъ основаніяхъ общество можетъ, всетаки, рано или поздно поколебаться. «На бѣду еще,—замѣчаетъ онъ,—эти основы не во всѣхъ обществахъ крѣпки, движущіяся толпы громадны, а правительства, какъ исторія учитъ, не всегда дальнозорки».

Чтобы выйдти изъ этого ложнаго и опаснаго положенія, Пироговъ видитъ только одинъ дѣйствительный путь—воспитаніемъ приготовить насъ къ внутренней борьбѣ, по его взгляду, неминуемой и роковой, доставивъ намъ всѣ способы и всю энергію выдерживать неравный бой. Приготовить насъ съ юныхъ лѣтъ къ этой борьбѣ значитъ именно:

Сдѣлать насъ людьми.

Вотъ его знаменитый выводъ, который у насъ не остался безъ послѣдствій въ педагогическомъ мірѣ, хотя и не всѣми такъ широко былъ понятъ. Въ поясненіе къ нему Пироговъ еще прибавилъ: то есть сдѣлать тѣмъ, чего не достигнетъ ни одна ваша реальная школа въ мірѣ, заботясь сдѣлать изъ насъ съ самаго нашего дѣтства негоціантовъ, солдатъ, моряковъ, духовныхъ пастырей или юристовъ. Этотъ путь труденъ,—замѣчаетъ онъ,—но возможенъ. Главная же трудность состоитъ въ томъ, что, избравъ его, придется прежде всего многимъ воспитателямъ перевоспитать себя.

Отсюда вытекали двѣ задачи: дать другое направленіе нашимъ школамъ, которыя оказывались несостоятельными въ воспитательномъ дѣлѣ, и призвать на педагогическое поприще тѣхъ, которые способны къ собственному перевоспитанію и понимаютъ цѣли истиннаго воспитанія. Несостоятельность нашихъ школъ, по опредѣленію Пирогова, состояла въ томъ, что онѣ, имѣя преимущественною цѣлью практическое образованіе, не могли въ то же самое время сосредоточить свою дѣятельность на приготовленіи нравственной стороны ребенка къ той борьбѣ, которая предстоитъ ему впослѣдствіи при вступленіи въ свѣтъ. Это приготовленіе должно начаться въ томъ именно возрастѣ, когда въ спеціальныхъ школахъ все вниманіе воспитателей обращается преимущественно на достиженіе главной ближайшей цѣли, въ заботахъ, чтобы не пропустить времени и не опоздать съ практическимъ образованіемъ... Самъ воспитанникъ, подстрекаемый примѣромъ сверстниковъ, только въ томъ и полагаетъ всю свою работу, какъ бы скорѣе выступить на практическое поприще, гдѣ воображеніе его представляетъ служебныя награды, корысть и другіе идеалы окружающаго его общества. Отвѣчайте мнѣ, положа руку на сердце,—спрашиваетъ Пироговъ,—можно ли надѣяться, чтобы юноша въ одинъ и тотъ же періодъ времени изготовлялся выступить на поприще, не самимъ имъ избранное, прельщался внѣшними и матеріальными выгодами этого заранѣе для него опредѣленнаго поприща и вмѣстѣ съ тѣмъ серьезно и ревностно приготовлялся къ внутренней борьбѣ съ самимъ собою и съ увлекательнымъ направленіемъ свѣта?.. Дайте выработаться и развиться внутреннему человѣку! дайте ему время и средства подчинить себѣ наружнаго, и у васъ будутъ и негоціанты, и солдаты, и моряки, и юристы; а главное у васъ будутъ люди и граждане... Уже давно оставленъ

варварскій обычай выдавать дочерей замужъ поневолѣ, а невольный и преждевременный бракъ сыновей съ ихъ будущимъ поприщемъ допущенъ и привиллегированъ; заказное ихъ вѣнчаніе съ наукой празднуется и прославляется, какъ вѣнчаніе дожа съ моремъ... Вникните и разсудите отцы и воспитатели!—восклицаетъ Пироговъ, доказывая всю неразумность существовавшаго у насъ воспитанія. Онъ не хочетъ допустить законность существованія раннихъ спеціальныхъ школъ для какихъ бы ни было потребностей страны. «Нѣтъ ни одной потребности,—замѣчаетъ онъ,—для какой бы то ни было страны, болѣе существенной и болѣе необходимой, какъ потребность въ истинныхъ людяхъ. Количество не устоитъ передъ качествомъ, а если и превозможетъ, то, всетаки, рано или поздно, подчинится непроизвольно, со всею своею громадностью, духовной власти качества».

Это историческая аксіома.

Изъ устъ Пирогова, одного изъ талантливѣйшихъ спеціалистовъ своего времени, были многозначительны и такія слова: «истинные спеціалисты никогда не нуждались такъ сильно въ предварительномъ общечеловѣческомъ образованіи, какъ именно въ нашъ вѣкъ. Односторонній спеціалистъ есть или грубый эмпирикъ, или уличный шарлатанъ».

Стараясь точнѣе опредѣлить тотъ идеалъ, къ которому Пироговъ думалъ направить воспитаніе общеобразовательной школы, мы замѣчаемъ, что это не былъ идеалъ, оторванный отъ почвы, идеалъ человѣка вообще; нѣтъ, это былъ идеалъ человѣка-гражданина, слѣдовательно, связаннаго съ интересами своей страны, признающаго себя человѣкомъ общественнымъ, врагомъ всякой общественной неправды. Выгоду заводить общеобразовательныя школы онъ видитъ, между прочимъ, и въ томъ, что всѣ воспитанники будутъ дружно пользоваться одинаковыми правами и одинаковыми выгодами воспитанія, до вступленія ихъ въ число гражданъ. А всѣ готовящіеся быть полезными гражданами,—настаиваетъ онъ,—должны сначала научиться быть людьми. На эту связь человѣка съ гражданиномъ мы должны указать теперь, чтобы потомъ отличить идеалъ Пирогова отъ другихъ, принятыхъ нашею новою школою. Воспитаніе по этому идеалу онъ ставитъ въ тѣсной связи съ приготовленіемъ къ неизбѣжной предстоящой борьбѣ, которую онъ называетъ роковою—къ борьбѣ внутренней съ самимъ собою и къ борьбѣ съ увлекательнымъ направленіемъ свѣта.

Но какимъ способомъ, какимъ путемъ приготовить къ этому?—такой вопросъ Пироговъ считалъ однимъ изъ существеннѣйшихъ вопросовъ жизни. Самъ онъ ставилъ два необходимыя условія: воспитуемый долженъ имѣть отъ природы хотя какое нибудь притязаніе на умъ и чувство, а воспитатели должны пользоваться этими благими дарами природы, но одаренныхъ они не

должны дѣлать безсмысленными поклонниками мертвой буквы, дерзновенными противниками необходимаго на землѣ авторитета, суемудрыми приверженцами грубаго матеріализма, восторженными расточителями чувства и воли и холодными адептами разума. Отъ педагоговъ онъ требуетъ глубокаго знанія дѣла и горячей любви къ правдѣ и ближнему. Только такіе и могутъ правильно направить воспитаніе на умъ и чувство.

Но откуда же было ихъ взять хотя на первое время? Если, по свидѣтельству Пирогова, воспитаніе не дало имъ того, что съ перваго вступленія на поприще жизни должно бы быть ихъ неотъемлемою собственностью, то приходилось съ неимовѣрнымъ трудомъ самимъ пріобрѣтать это, т. е. перевоспитывать себя. Какъ человѣкъ, самъ прошедшій этотъ путь перевоспитанія, Пироговъ подробно его описываетъ. Мы только вкратцѣ прослѣдимъ за нимъ.

Проведя полъ-жизни, говорилъ онъ, испытавъ на себѣ вліяніе различныхъ взглядовъ, предпринявъ во что бы то ни стало перевоспитать себя, разобравъ прошедшее, вы остановились на распутьѣ вашего поприща... Вы думали было, что вы уже убѣждены. Но вы убѣждаетесь, что убѣжденія даются не каждому. Это даръ неба, требующій усиленной разработки. Прежде чѣмъ вамъ захотѣлось имѣть убѣжденія, нужно было бы узнать: можете ли вы еще ихъ имѣть. Только тотъ можетъ имѣть ихъ, кто пріученъ съ раннихъ лѣтъ проницательно смотрѣть въ себя, кто пріученъ съ первыхъ лѣтъ жизни любить искренно правду, стоять за нее горою и быть непринужденно откровеннымъ какъ съ наставниками, такъ и съ сверстниками. Безъ этихъ свойствъ вы никогда не достигнете никакихъ убѣжденій. А эти свойства достигаются вѣрою, вдохновеніемъ, нравственною свободою мысли, способностью отвлеченія, упражненіемъ въ самопознаніи. Все это Пироговъ называетъ самыми первыми, самыми главными основами истинно-человѣческаго воспитанія, безъ которыхъ, замѣчаетъ онъ, можно образовать искусныхъ артистовъ по всѣмъ отраслямъ нашихъ знаній, но никогда настоящихъ людей... Вы начинаете развивать въ себѣ способность къ убѣжденіямъ, и скоро убѣждаетесь, что вы тронули этимъ лишь одну сторону самопознанія, а чтобы вступить въ борьбу, вамъ нужно владѣть имъ, какъ нельзя лучше... Вы пытаетесь начать борьбу и убѣждаетесь, что не умѣете вести ее безъ вражды, не умѣете любить безпристрастно то, за что боретесь; не умѣете достаточно оцѣнить того, что хотите побѣдить. Но чтобы любить то, за что вы боретесь и устоять въ такой борьбѣ, вамъ нужно еще одно свойство. Вамъ нужна способность жертвовать собою. Но, образовавъ ее въ себѣ, влекомые однимъ неяснымъ безсознательнымъ ощущеніемъ высокаго, вы превращаетесь въ искателя сильныхъ ощущеній. Исканіе сильныхъ ощущеній есть одно изъ ненормальныхъ проявленій вдохновенія, кото-

рое уничтожить въ человѣкѣ не въ состоянiи никакое матерiальное или практическое направленiе въ свѣтѣ. Грусть или какъ будто тоска по родинѣ овладѣваетъ вами. Вы чувствуете пустоту, вамъ недостаетъ чего-то. Вамъ нужны вдохновенiе и сочувствiе. Свѣтло и торжественно вдохновенiе; оно какъ праздничная одежда облекаетъ духъ, устремляя его на небо. Томно и тихо сочувствiе; оно, какъ заунывная пѣсня, напоминаетъ отдаленную родину... Безъ вдохновенiя нѣтъ воли, безъ воли нѣтъ борьбы; а безъ борьбы — ничтожество и произволъ. Безъ вдохновенiя умъ слабъ и близорукъ. Чрезъ вдохновенiе мы проникаемъ въ глубину души своей и, однажды проникнувъ, выносимъ съ собою то убѣжденiе, что въ насъ существуетъ завѣтно-святое. И такъ вдохновенiе можно найдти въ самомъ себѣ; но гдѣ найдти сочувствiе? Вы вспоминаете невольно, какимъ участiемъ угощало человѣчество лучшихъ друзей своихъ, когда съ полнымъ сознанiемъ высокаго они увлекались вдохновенiемъ и сочувствiемъ. Оно искони было только искателемъ сильныхъ ощущенiй. Когда и какое добро принимало оно изъ рукъ своихъ благодѣтелей, не омывъ его багряною влагою жизни? Не Онъ, не воплощенное слово любви и мира, а совершитель кровавыхъ дѣлъ Варрава былъ подаренъ участiемъ.

Остается сочувствiе потомства, которое Пироговъ называетъ безсмертiемъ земли. Все, что живетъ на землѣ животно-духовною жизнью, говоритъ онъ, и въ грубомъ инстинктѣ, и въ идеалѣ высокаго проявляетъ мысль о потомствѣ, и безсознательно и сознательно стремится жить въ немъ. О, если бы самопознанiе хотя бы только до этой степени могло быть развито въ толпахъ, бѣгущихъ отвлеченiя. Если бы этотъ слабый отблескъ идеи безсмертiя одушевилъ ихъ, то и тогда бы уже земное бытiе человѣчества исполнилось дѣлами, передъ которыми потомство преклонилось бы съ благоговѣнiемъ. Тогда исторiя, до сихъ поръ оставленная человѣчествомъ безъ приложенiя, достигла бы своей цѣли — остерегать и одушевлять его.

Найдти еще сочувствiе, по мнѣнiю Пирогова, возможно было бы въ своей семьѣ. И этотъ вопросъ переводитъ его къ настоящему положенiю женщины.

«Что, если спокойная, безпечная въ кругу семьи,—спрашиваетъ онъ,—жена будетъ смотрѣть съ безсмысленною улыбкою идiота на вашу завѣтную борьбу? Или какъ Мароа, расточая всевозможныя заботы домашняго быта, будетъ проникнута одною лишь мыслiю— угодить и улучшить матерiальное, земное ваше бытiе? Что если, какъ Ксантипа, она будетъ поставлена судьбою для испытанiя крѣпости и постоянства вашей воли? Что если, стараясь нарушить ваши убѣжденiя, купленныя полужизнiю перевоспитанiя, трудовъ, борьбы, она не осуществитъ еще и основной мысли при воспитанiи дѣтей?»

Отвѣтъ на все это, конечно, найдетъ каждый самъ. Но Пиро-

говъ считаетъ возможнымъ и для женщины такое же положеніе, въ какомъ ему представляется мужчина, если она была такъ счастлива, что разрѣшила для себя, въ чемъ состоитъ ея призваніе, если, оставивъ дюжинное направленіе толпы, она отчетливо и ясно постигнетъ, что въ будущемъ назначена ей цѣль жизни. «Мужчина,—говоритъ онъ,—обманутый надеждою на сочувствіе въ семейномъ быту, какъ бы ни былъ грустенъ и тяжелъ этотъ обманъ, еще можетъ себя утѣшить, что выраженіе его идеи—дѣла найдутъ участіе въ потомствѣ. А каково женщинѣ, въ которой потребность любить, участвовать и жертвовать развита несравненно болѣе и которой недостаетъ еще довольно опыта, чтобы хладнокровнѣе перенести обманъ надежды, скажите, каково должно быть ей на поприщѣ жизни, идя рука въ руку съ тѣмъ, въ которомъ она такъ жалко обманулась, который, поправъ ея утѣшительныя убѣжденія, смѣется надъ ея святыней, шутитъ ея вдохновеніями и влечетъ ее съ пути на грязное распутье?»

Ни возрастъ женщины, ни воспитаніе, ни опытъ жизни не могутъ дать ей средствъ выбраться на путь къ настоящему ея призванію и успокоить вопіющую потребность къ сочувствію. Молодость влечетъ ее къ суетѣ, воспитаніе дѣлаетъ куклу, опытъ жизни родитъ притворство. «Пусть женщина, окруженная ничтожествомъ толпы,—говоритъ Пироговъ,—падаетъ на колѣна передъ провидѣніемъ, когда, положивъ руку на юное сердце, почувствуетъ, что оно еще бьется для святаго вдохновенія, еще готово убѣждаться и жить для отвлеченной цѣли. Отъ воспитанія она не получаетъ никакой помощи: оно, наряжая, выставляетъ ее на показъ для зѣвакъ, обставляетъ кулисами и заставляетъ ее дѣйствовать на пружинахъ такъ, какъ ему хочется. Ржавчина съѣдаетъ эти пружины, а черезъ щели истертыхъ и изорванныхъ кулисъ она начинаетъ высматривать то, что отъ нея такъ бережно скрывали. Мудрено ли, что ей тогда приходитъ на мысль попробовать самой, какъ ходятъ люди. Эманципація—вотъ ея мысль. Паденіе—вотъ первый шагъ». Очевидно, что здѣсь Пирогову эманципація представляется въ тѣхъ крайностяхъ, въ какихъ проявляли себя такъ называемыя въ то время эманципированныя женщины въ Сѣверной Америкѣ, во Франціи, Англіи. У насъ ихъ еще не было. Пироговъ не былъ противъ свободы женщины; онъ только стоялъ за нравственную чистоту ея. «Пусть многое останется ей неизвѣстнымъ,—говорилъ онъ,—она должна гордиться тѣмъ, что многаго не знаетъ. Не всякій—врачъ. Не всякій долженъ безъ нужды смотрѣть на язвы общества. Не всякому обязанность велитъ въ помойныхъ ямахъ рыться, дышать и нюхать то, что отвратительно смердитъ». Но онъ признаетъ, что раннее развитіе мышленія и воли для женщины такъ же нужно, какъ и для мужчины. «Чтобъ услаждать сочувствіемъ жизнь человѣка, чтобъ быть сопутницей въ борьбѣ—ей также нужно знать искус-

ство понимать, ей нужна самостоятельная воля, чтобы жертвовать, мышленіе, чтобы избирать и чтобы имѣть ясную и свѣтлую идею о цѣли воспитанія дѣтей». Вотъ какія черты входятъ у него въ идеалъ женщины. Понятно, что для такого идеала требуется и особое воспитаніе. Понятно, что женщина, воспитанная по такому идеалу, должна найдти себѣ свободу, не сбрасывая съ себя своихъ настоящихъ обязанностей. «Только близорукое тщеславіе людей,— говоритъ Пироговъ,— строя алтари героямъ, смотритъ на мать, кормилицу и няньку, какъ на второстепенный, подвластный классъ. Только торговый матеріализмъ и невѣжественная чувственность видитъ въ женщинѣ существо подвластное и ниже себя. Пусть женщины поймутъ, что онѣ, ухаживая за колыбелью человѣка, учреждая игры его дѣтства, научая его уста лепетать и первыя слова, и первую молитву, дѣлаются и главными зодчими общества. Краеугольный камень кладется ихъ руками. Христіанство открыло женщинѣ ихъ назначеніе. Оно поставило въ образецъ человѣчеству существо, только что отнятое отъ ея груди. И Мареа, и Марія сдѣлались причастницами словъ и бесѣдъ Искупителя».

Въ воспитаніи женщины, по мнѣнію Пирогова, заключается воспитаніе всего человѣчества; оно-то и требуетъ перемѣны. «Пусть мысль воспитать себя для этой цѣли, жить для неизбѣжной борьбы и жертвованій проникнетъ все нравственное существованіе женщины, пусть вдохновеніе осѣнитъ ея волю—и она узнаетъ, гдѣ она должна искать своей эмансипаціи».

Мы изложили въ подробности содержаніе перваго педагогическаго труда Пирогова, названнаго имъ «Вопросами жизни». Онъ дѣйствительно соотвѣтствуетъ этому названію, касаясь не одного какого либо учрежденія, не одной какой либо стороны жизни, а самыхъ основныхъ вопросовъ тогдашней русской жизни. Они были не только передуманы, но и глубоко перечувствованы авторомъ. Въ нашей печати это былъ одинъ изъ первыхъ смѣлыхъ голосовъ послѣ долгаго вынужденнаго молчанія. Замѣчательно еще и то, что всѣ эти первые голоса были болѣе или менѣе нервные, раздражительные, призывавшіе какъ бы къ отвѣтственности недавнее прошлое; голосъ же Пирогова былъ спокойный, разсудительный, никого не обвинявшій, какъ голосъ историка, сознающаго, что у каждаго народа, какъ и у всего человѣчества, есть своя судьба, которую изслѣдуютъ, но не обвиняютъ. Этимъ спокойствіемъ, этой разсудительностью, не смотря даже на сжатость и отрывочность своей рѣчи, онъ и произвелъ сильное впечатлѣніе на всѣхъ, кто тогда послѣ недавняго военнаго погрома задумывался надъ русскою жизнію. Горькія истины вводилъ Пироговъ въ сознаніе русскихъ людей; но не согласиться съ ними было нельзя. Оказалось, что знаменитый хирургъ не только разсѣкалъ человѣческія тѣла и анализировалъ ихъ; но онъ точно такъ же анализировалъ и цѣлое чело-

вѣческое общество,—и тѣло, и душу его, и нашелъ тамъ застарѣлыя болѣзни, которыя нужно лѣчить радикальными средствами. Прежде всего въ этихъ толпахъ людей, принадлежавшихъ къ одной многомилліонной націи, онъ не находилъ такого общества, которое бы развивалось на истинныхъ нравственныхъ основахъ; находилъ, что воспитаніе, придерживающееся этихъ основъ, ставило потомъ человѣка въ двусмысленное положеніе: тотъ скоро замѣчалъ противорѣчіе между воспитательными идеалами и дѣйствительными стремленіями въ жизни, и если у него не оказывалось характера, то онъ незамѣтно увлекался общимъ теченіемъ; и только увеличивалъ численность той толпы, къ которой приставалъ; если же природа одарила его нѣкоторою силою, то онъ долженъ былъ выдержать борьбу въ самомъ себѣ, чтобы удержать основы, вынесенныя съ нравственнымъ воспитаніемъ; но онъ чувствовалъ себя одинокимъ, и идти далѣе, чтобы вступить въ борьбу съ этими толпами, у него не доставало силъ, которыя нужно было самому воспитывать въ себѣ, или иначе перевоспитывать себя. Но такихъ натуръ было немного, тѣмъ болѣе, что и самое воспитаніе болѣе приспособливалось къ требованіямъ текущей жизни массы. Оно съ дѣтства готовило спеціалистовъ для извѣстной службы и не возвышалось до высшихъ идеаловъ жизни; женщину же готовило для свѣтскаго общества и не давало ей ничего болѣе.

Вотъ какая болѣзнь представлялась общественному хирургу въ организмѣ общества. Но онъ не довольствовался тѣмъ, что раскрылъ ее, онъ указывалъ и на способъ леченія. Всѣмъ этимъ толпамъ, составленнымъ изъ разныхъ спеціалистовъ, этому свѣтскому обществу, убивающему праздное время въ разныхъ развлеченіяхъ, не доставало одного общаго идеала, идеала человѣка, а съ нимъ вмѣстѣ и гражданина. Безъ него никто не могъ честно исполнять даже своихъ обязанностей, всякій думалъ только о самомъ себѣ. «Сдѣлайте насъ людьми»,—сказалъ Пироговъ, вотъ средство для исцѣленія отъ общественныхъ недуговъ. Но со словомъ «люди» или «человѣкъ», онъ не соединялъ одной отвлеченной идеи; ему представлялся реальный человѣкъ, какъ слуга своей родины, какъ истинный гражданинъ. Идеала гражданина онъ не отдѣлялъ отъ идеала человѣка. «Всѣ, готовящіеся быть полезными гражданами, должны сначала научиться быть людьми»,—говорилъ онъ. Но если не было у насъ въ этихъ толпахъ спеціалистовъ настоящихъ людей, то значитъ не было и полезныхъ гражданъ, въ настоящемъ значеніи этого слова; значитъ не было и истиннаго гражданскаго общества; да при той сословной розни, при томъ мертвящемъ нравственность крѣпостномъ правѣ его не могло и быть. Итакъ для нравственнаго общественнаго подъема нужно было школьнымъ общественнымъ воспитаніемъ создать людей, которые, въ свою очередь, должны будутъ создать гражданское общество на смѣну един-

ственно существовавшаго тогда свѣтскаго общества. Но общественный врачъ не считалъ этотъ процесъ легкимъ; онъ видѣлъ, что нельзя пускать этихъ воспитанныхъ новыхъ людей въ ту испорченную больную среду, безъ способности бороться и отстаивать свои идеалы. И вотъ онъ ставитъ цѣлью воспитанія—развивать эту способность, готовить для борьбы, вызывать нравственныя силы, нужныя для нея. Вотъ какая у Пирогова составилась программа.

Надо замѣтить, что въ то время сильно былъ возбужденъ русскій патріотизмъ, но онъ рѣзко отличался отъ того патріотизма, съ какимъ мы въ 1853 году встрѣчали войну, съ самоувѣренностью ожидая англійскіе и французскіе флоты. Тогда мы вѣрили въ свои силы физическія и нравственныя, за исключеніемъ очень немногихъ, которые лучше понимали всѣ обстоятельства и нашу мнимую силу и со страхомъ смотрѣли въ будущее на исходъ готовящейся борьбы. Всѣ другіе были увѣрены въ своемъ превосходствѣ передъ врагами. Но затѣмъ, послѣ тяжелаго разочарованія, явилось горькое сознаніе въ полной своей отсталости передъ Европою, и вспыхнулъ сильный порывъ впередъ, явилось съ безпощаднымъ самоосужденіемъ и желаніе передѣлать, перевоспитать себя, какъ можно скорѣе поднять свое отечество, униженное передъ Европою. И въ это-то время русскимъ людямъ, такъ патріотически настроеннымъ, было высказано, что источникъ всѣхъ бѣдъ заключается въ нихъ самихъ, что такія толпы, какія составляютъ они, не могутъ составить общества, сильнаго нравственными силами; что имъ нужно прежде всего позаботиться о воспитаніи новаго поколѣнія по другимъ идеаламъ. И предлагалось, повидимому, самое простое и естественное средство: воспитывать просто людей, не задаваясь никакими спеціальностями. Это показалось такъ просто и убѣдительно, что никто даже не отнесся критически къ вызову Пирогова. Всѣ, и педагоги и не-педагоги, заговорили о воспитаніи человѣка, не замѣтивъ даже тѣхъ трудностей, на которыя указалъ Пироговъ: «придется многимъ воспитателямъ сначала перевоспитать себя». Только такимъ воспитателямъ и можно было пойдти по новому пути въ воспитаніи. А какъ не легко перевоспитывать себя, Пироговъ, какъ мы видѣли, показалъ это на самомъ себѣ.

Разумѣется требованія Пирогова оказались слишкомъ идеальными. Изъ его программы только приняли за принципъ: воспитывать людей, а не спеціалистовъ; но какъ воспользовались этимъ принципомъ, мы скажемъ потомъ; а теперь посмотримъ, что могъ сдѣлать самъ Пироговъ, когда получилъ возможность дѣйствовать согласно со своими взглядами, ставъ во главѣ цѣлаго учебнаго округа. Тогдашнее правительство сочувственно отнеслось къ его идеалу и предоставило ему ту сферу дѣятельности, гдѣ онъ могъ на практикѣ примѣнять свои идеи.

В. Стоюнинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВЪ ЛУЧАХЪ ЛЮБВИ И МИЛОСЕРДІЯ [1].

СВОЕННАЯ нами привычка забывать человѣка въ его профессіи часто доставляетъ намъ возможность проходить мимо глубочайшихъ трагедій, мимо величайшихъ скорбей, когда либо терзавшихъ человѣческое сердце, безъ всякаго вниманія.

Хирургъ, въ виду слабой надежды спасти задыхающагося отъ горловой болѣзни ребенка, натачиваетъ ланцетъ, долженствующій прорѣзать страдающему младенцу горло. Это его профессія, говорятъ намъ, и потому, отдавая всѣ наши слезы, всѣ симпатіи страдающему, мы не сохранимъ ни одной капли состраданія для оперирующаго врача. Но вѣдь этотъ врачъ человѣкъ, и ничто человѣческое не должно быть ему чуждо! Усильте краски: вообразите, что умирающій ребенокъ — дитя самого врача, и попробуйте вообразить состояніе его души именно въ ту минуту, когда его руки обогряются самою дорогою для него кровью, разумъ подсказываетъ, что онѣ не должны трепетать, совершая это ужасное, но безусловно нужное дѣло! Загляните тогда въ душу этого отца-хирурга и попробуйте не отдать ему всего вашего состраданія, всѣхъ вашихъ слезъ.

Исторія человѣчества и исторія народовъ имѣютъ также свои болѣзни, требующія жестокихъ, кровавыхъ операцій. Къ этимъ операціямъ, въ которыхъ какъ орудіями излеченія, такъ и язвами

---

[1]) Дневникъ пребыванія Царя-Освободителя въ Дунайской арміи въ 1877 году. Сост. Л. М. Чичаговъ. Спб. 1885.

болѣзни являются живые люди, — приступать тяжело. Монархъ, или правитель, объявляя кому либо войну, этимъ самымъ обрекаетъ часть своихъ подданныхъ, или часть своихъ согражданъ, преждевременной смерти, большимъ лишеніямъ и страшнымъ мукамъ. Это его право, говорятъ намъ, это его обязанность! Прекрасное право и нетрудная обязанность, если въ лицѣ такого правителя, или монарха, мы представляемъ себѣ одну только воплощенную историческую идею, не имѣющую своего сердца, не знающую радостей извѣстнаго опредѣленнаго человѣка и незнакомую ни съ горечью слезъ человѣческихъ, ни съ сомнѣніемъ въ личной правотѣ, при пользованіи конкретно выраженнымъ правомъ. Но вѣдь этотъ представитель власти человѣкъ! Ему вѣдомо чувство отца, теряющаго всякую надежду со смертію молодаго сына; онъ понимаетъ горечь слезъ матери; слышитъ плачъ вдовъ и дѣтей осиротѣлыхъ!

Наконецъ, ему, какъ живому человѣку, знакомо физическое страданіе и страхъ преждевременной смерти. Подписать манифестъ о войнѣ совсѣмъ нетрудно, особенно думая, подобно Елисаветѣ Англійской, выведенной Шиллеромъ въ своей трагедіи, что:

«Ничего не значитъ
Бумаги листъ: не убиваетъ имя?»

Но можетъ ли такъ думать человѣкъ — въ монархѣ, человѣкъ, сознающій страшную силу своего монаршаго имени, сознающій всѣ послѣдствія, вытекающія изъ бумаги, этимъ именемъ подписанной? Можетъ ли въ то же время не страдать этотъ же человѣкъ, будучи убѣжденъ, что онъ **обязанъ** исторіи подписать роковую бумагу, **обязанъ** издержать ту каплю роковыхъ чернилъ, вслѣдъ за которой потекутъ рѣки невинной и дорогой ему крови.

Вотъ гдѣ величайшая изъ всѣхъ возможныхъ трагедій!

Въ сердцѣ этого человѣка, раба великаго историческаго долга и господина тѣхъ, кого этотъ долгъ обрекаетъ смерти, ищите благороднѣйшія страданія, прислушивайтесь къ горестнѣйшимъ слезамъ, міру невидимымъ, вѣдомымъ Богу!

1.

Кто не знаетъ одного фотографическаго изображенія покойнаго императора Александра II-го, снятаго съ него во время русско-турецкой войны за освобожденіе Болгаріи. На этомъ портретѣ покойный государь изображенъ въ пальто и фуражкѣ, сидящимъ на походномъ складномъ креслѣ. Но какое страдальческое лицо, какая худоба и какое выраженіе скрытой тоски въ этихъ глубоко впавшихъ глазахъ! Видно, сильно страдалъ въ этомъ монархѣ человѣкъ, проводившій безсонныя ночи подъ убогими крышами болгарскихъ мазанокъ, полъ-года изо дня въ день прислушивавшійся

къ стонамъ раненыхъ, полъ-года присутствовавшій на праздникѣ смерти, вызванномъ его подписью, его историческимъ долгомъ!

Но знаемъ ли мы что нибудь объ этихъ страданіяхъ? Не слишкомъ ли скоро, не слишкомъ ли равнодушно прошли мы вообще мимо того величайшаго подвига великодушія и любви, который выразился въ объявленіи войны Турціи, не пожелавшей оградить христіанъ Босніи, Болгаріи и Герцеговины отъ произвола мѣстныхъ властей и отъ страданій мусульманскаго ига? Останавливали ли мы когда нибудь нашу праздную мысль на чувствахъ того человѣка, который повелѣлъ доблестнымъ войскамъ своимъ вступить въ предѣлы Турціи, не смотря на то, что ему были дороги кровь и достояніе каждаго вѣрноподданнаго, и всѣ его личныя симпатіи клонились въ пользу сохраненія мира?

Нѣтъ, мы надъ этимъ не останавливались, нѣтъ, мы этого не знаемъ!

Даже наши художники, поспѣшившіе занести на свои неизмѣримые холсты всѣ ужасы, всю грязь и всю кровь этой великой войны, не нашли ни красокъ на своихъ палитрахъ, ни умиленія въ своихъ сердцахъ, чтобы воплотить въ живомъ образѣ полугодовую страду великаго страдальца за свой народъ и за свое войско, совершавшуюся то въ госпитальныхъ шатрахъ, то подъ крышею порадимской хижины, то въ убогихъ церквахъ болгарскихъ деревушекъ!

Эти бѣдные мыслями, хотя и перворазрядные маляры, очевидно, не понимаютъ мукъ безъ крови, не видятъ страданій тамъ, гдѣ никто не кричитъ, никто не щеголяетъ ранами и не симфонируетъ стономъ. Величіе страданій безъ словъ для нихъ непонятно, стоновъ въ молчаніи они не слышатъ, ну, а такіе люди, какого человѣчество потеряло въ лицѣ Александра II-го, не говорятъ, когда плачутъ, и не плачутъ, когда говорятъ!

Вышедшая къ 1-му марту 1885 года книга г. Чичагова «Дневникъ пребыванія Царя-Освободителя въ Дунайской арміи въ 1877 году» является живымъ обвинителемъ такого непониманія, такого жестокаго невниманія нашихъ художественныхъ силъ къ тѣмъ высокимъ темамъ и задачамъ, какія создала жизнь покойнаго императора на войнѣ. Именно здѣсь онъ является въ золотыхъ лучахъ любви и милосердія, доступныхъ только тому, кто, облеченный высочайшею властью и могущественнѣйшею силою на землѣ, вѣчно помнилъ, что сила не въ силѣ, а сила въ любви. Раскрывъ однажды безхитростную книгу г. Чичагова, являющуюся къ тому же весьма неполнымъ сборникомъ дѣяній императора Александра II въ средѣ его войскъ въ теченіе добалканскаго періода кампаніи, вы отъ нея не оторветесь, до того это простое повѣствованіе о совершенномъ добрѣ, захватываетъ вашу душу и поражаетъ воображеніе величіемъ выступающей изъ всего разсказа фигуры добраго, любвеобильнаго, смиреннаго монарха!

Мы позволимъ себѣ воспроизвести нѣкоторыя изъ этихъ картинъ и разсказовъ.

2.

Краснорѣчивѣйшимъ свидѣтелемъ внутреннихъ страданій и тревогъ императора за время войны служитъ его исключительная религіозность. Твердый, какъ монархъ Россіи, обязанный блюсти ея честь и славу, хотя бы цѣною крови ея лучшихъ сыновъ, но слабый и добрый человѣкъ, покойный государь, начиная войну, все свое упованіе, всю свою надежду возложилъ на Бога. Многія страницы дневника, изданнаго г. Чичаговымъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что молитвы царя не были одними только оффиціальными отправленіями общественнаго богослуженія, приличными торжеству и случаю. Государь часто и подолгу молился одинъ и, запершись въ своей комнатѣ, часами простаивалъ на колѣняхъ, вознося свою страждущую мольбу къ престолу Всевѣдущаго, Всемогущаго Царя царей. Когда въ Кишиневѣ уже были собраны войска и конвертъ съ манифестомъ, повелѣвающимъ вступить въ предѣлы Турціи, былъ переданъ епископу Павлу, государь Александръ Николаевичъ заѣхалъ въ соборъ и долго стоялъ тамъ на колѣняхъ передъ алтаремъ, погруженный въ благочестивую бесѣду съ Богомъ. Также искренно и просто молился онъ, какъ каждый изъ присутствовавшихъ офицеровъ и солдатъ во время общаго молебна на кишиневскомъ плацу, и вездѣ, гдѣ ему впослѣдствіи приходилось праздновать новое торжество русскаго оружія или новую побѣду. Но послѣ паденія Плевны и сдачи Османа-паши, вернувшись къ себѣ въ хижину Порадима, государь опять заперся и долго молился одинъ, стоя на колѣняхъ. Это была молитва благодарственная. Каковы же были его молитвы въ тяжелые дни августа, во время турецкихъ аттакъ на слабо защищенную Шибку, или послѣ неудачныхъ штурмовъ Плевны 30-го и 31-го августа? Про то знаетъ только онъ да Богъ, внимавшій такимъ скорбнымъ молитвамъ. Неудивительно, что, постоянно находясь въ тревогѣ и въ то же время живя въ обстановкѣ слишкомъ для него непривычной, государь одинъ изъ первыхъ сдѣлался добычей мѣстныхъ лихорадокъ. Но это нездоровье, безпокоившее окружающихъ его и докторовъ, не нарушало общаго хода его занятій. Вотъ какъ описанъ день государя во время пребыванія его въ Горномъ Студнѣ. Обыкновенно императоръ вставалъ около 8-ми часовъ утра и пилъ кофе. Какъ бы ни былъ онъ утомленъ наканунѣ, какія бы заботы и дѣла ни изнуряли его, государь не перемѣнялъ этого часа. Если случалось, что докторъ замѣчалъ его величеству, что онъ почивалъ мало, то государь говорилъ: «Я не могу вставать позже, потому что не успѣю иначе всего сдѣлать». Послѣ кофе государь прогуливался; иногда заходилъ въ лазареты, но, бо́льшею частью, спѣ-

шилъ домой заняться чтеніемъ телеграммъ, а въ дни затишья — просмотрѣть журналы. Въ 12 часовъ, въ большомъ шатрѣ подавали завтракъ, къ которому собиралась вся свита. Императоръ садился въ срединѣ стола, обыкновенно былъ разговорчивъ и всегда очень любезенъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда что нибудь особенное его заботило. Если къ этому времени получалась телеграмма, то государь ее приносилъ съ собою и прочитывалъ вслухъ.

Послѣ завтрака слѣдовали доклады. Его величество садился работать и занимался нѣсколько часовъ сряду, разсматривалъ бумаги, присылаемыя изъ Петербурга, на коихъ дѣлалъ замѣчанія и полагалъ резолюціи. Въ дни отправленія курьеровъ въ Петербургъ такія занятія продолжались особенно долго. Временами когда стояли такіе жаркіе дни, что термометръ стоялъ въ тѣни на 32-хъ градусахъ, государь, не смотря на изнуряющую духоту, всетаки, продолжалъ работать и переносилъ всѣ невзгоды безропотно. Въ октябрѣ и ноябрѣ, когда пошли холода, его величество надѣвалъ пальто, но, всетаки, не переставалъ трудиться. Въ 4 часа пополудни, императоръ ложился отдыхать и приказывалъ себя будить, если получалось важное извѣстіе. Въ 5 онъ вставалъ и дѣлалъ прогулку въ лагерь и лазаретъ... Обѣдалъ государь въ 7 часовъ, а въ половинѣ десятаго подавали чай. Во время чая обыкновенно читались выписки изъ русскихъ и иностранныхъ газетъ, и это чтеніе продолжалось часъ... Послѣ одиннадцати часовъ расходились, но императоръ, вернувшись въ свою комнату, работалъ у себя до часу ночи. Если ночью получались телеграммы, то государя каждый разъ будили. Такого образа жизни онъ не измѣнялъ во все время своего пребыванія въ дунайской арміи, за исключеніемъ тѣхъ дней, когда его величество ѣздилъ на позиціи подъ Плевну. Поѣздка эта, нарушая обычный порядокъ, заставляла императора работать по ночамъ болѣе обыкновеннаго.

Отправляясь на войну, въ дѣйствующую армію, государь говорилъ: — «Я ѣду братомъ милосердія»! И дѣйствительно, раненые и больные являлись его вѣчною, неустанною заботою, имъ посвящалъ онъ большую часть своего свободнаго времени, ихъ утѣшалъ онъ въ госпиталяхъ и лазаретахъ, и потому образъ этого вѣнценоснаго брата, для многихъ тысячъ страдальцевъ, являлся воплощеніемъ самого милосердія, самой любви.

Справедливо говоритъ г. Чичаговъ, что эта христіанская служба государя милосердію создастъ цѣлыя легенды и, глубоко запавъ въ исторической памяти народа, навѣки запечатлѣетъ неугасимымъ сіяніемъ, въ лицѣ этого монарха, образъ человѣческій.

Трудно себѣ представить, до какого вниманія къ мелкимъ нуждамъ людей, до какого смиренія, истинно царскаго, доходила служба царя среди страждущихъ воиновъ его арміи. Встрѣтивъ на другой день послѣ переправы деньщика капитана Мацкевича

(котораго ошибочно полагали раненымъ) и видя, что онъ плачетъ, не находя среди раненыхъ своего барина, государь, вернувшись къ себѣ домой, тотчасъ же отъ себя послалъ розыскивать раненаго.

Подъ 24-мъ іюнемъ мы читаемъ въ «Дневникѣ» слѣдующую картину.

Въ этотъ день въ одномъ изъ лазаретовъ его величество подошелъ къ раненому армейскому пѣхотному офицеру, въ то время, когда послѣднему дѣлали перевязку.

— Тебя, можетъ быть, мы безпокоимъ?—ласково обратился къ нему государь.

— Останьтесь, Бога ради, ваше императорское величество, — жалобнымъ голосомъ взмолился офицеръ: — не уходите; я васъ вижу въ первый разъ...

— А ты бы закурилъ папиросу, я полагаю, тебѣ легче бы было,— замѣтилъ государь.

— Точно такъ, ваше величество,—слабымъ голосомъ отвѣтилъ больной.

Императоръ вынулъ свой портъ-сигаръ, досталъ папиросу и, самъ закуривъ ее, подалъ офицеру.

Конечно, какъ только государь отошелъ, офицеръ поспѣшно сбросилъ огонь и спряталъ эту папиросу подъ подушку.

Впослѣдствіи, уже находясь въ Порадимѣ, когда чувства жалости и состраданія давно могли бы уже притупиться, государь императоръ, всетаки, не пропускалъ мимо своего соломеннаго дворца ни одного транспорта съ ранеными, и въ «Дневникѣ», изданномъ г. Чичаговымъ, читатели найдутъ подробный разсказъ одного студента-медика объ остановкѣ порученнаго ему транспорта съ ранеными передъ порадимскою хижиною государя. Во время этой остановки, угощая офицеровъ чѣмъ Богъ послалъ, императоръ самъ завертывалъ въ бумагу часть закусокъ, давая эти пакеты то тому, то другому изъ раненыхъ на дорогу.

3.

Но среди множества такихъ фактовъ, упомянутыхъ или описанныхъ въ книгѣ г. Чичагова, особенное впечатлѣніе производитъ разсказъ о посѣщеніи государемъ флигель-адъютанта Лукошкова, уже долго послѣ войны, въ Маріинской больницѣ, и сцена отпѣванія поручика Тюрберта, погибшаго однимъ изъ первыхъ при переправѣ черезъ Дунай.

При штурмѣ Горняго Дубняка, лейбъ-Гренадерскаго полка капитанъ Лукошковъ былъ тяжело раненъ, но государю донесли о немъ въ числѣ убитыхъ. За обѣдомъ, обращаясь къ находившемуся въ почетномъ конвоѣ поручику того же полка Поливанову, государь сообщилъ ему о смерти Лукошкова.

Поливановъ поѣхалъ въ Боготъ узнать о судьбѣ своего товарища и тамъ нашелъ его въ числѣ тяжело раненыхъ, однако, еще живымъ.

Когда объ этомъ доложили государю, то его величество немедленно самъ поѣхалъ въ Боготъ, чтобы навѣстить умирающаго.

Но этимъ не ограничилось высочайшее вниманіе къ судьбѣ этого офицера. Въ 1880 году, разсказывается въ «Дневникѣ», 13-го апрѣля, въ день полковаго праздника лейбъ-гренадеръ, капитанъ Лукошковъ, лежа въ Маріинской больницѣ, ждалъ посѣщенія друзей-однополчанъ и солдатъ своей роты. Но въ отворившуюся дверь вдругъ неожиданно вошелъ государь императоръ.

— Твой первый шефъ пріѣхалъ поздравить тебя съ полковымъ праздникомъ, — произнесъ государь, подавая руку больному.

Лукошковъ, тронутый до слезъ, едва могъ выговорить слово. Императоръ сѣлъ къ нему на кровать и старался его успокоить.

— А знаешь, кто къ тебѣ еще пришелъ? — продолжалъ монархъ: — твой фельдфебель и двое солдатъ роты. Я ихъ встрѣтилъ на лѣстницѣ и обѣщалъ самъ доложить объ ихъ приходѣ. Можно позвать? — спросилъ государь.

Затѣмъ, его величество самъ отворилъ дверь, позвалъ солдатъ и еще болѣе получаса разговаривалъ съ Лукошковымъ и солдатами.

Въ рукахъ монарховъ всегда находится великая милость. Но для оказанія такой милости, какую мы видимъ въ разсказанномъ фактѣ, надо имѣть не власть, а любовь, надо имѣть въ груди сердце человѣческое.

Только это сердце можетъ подсказать такую милость, только оно научитъ, какъ довершить ее до конца.

То же человѣческое сердце подсказало монарху его поведеніе и на похоронахъ Тюрберта.

Судьба подпоручика Тюрберта вообще картинная судьба. Какъ историческій атомъ, этотъ офицеръ жилъ одно мгновеніе, но это мгновеніе было замѣчено исторіей, и потому, не совершивъ ничего особеннаго, погибшій юноша можетъ жить вѣчно. Имя его будетъ вдохновлять поэтовъ, а судьба можетъ дать тему для нѣсколькихъ превосходныхъ картинъ.

По жребію попалъ подпоручикъ Тюрбертъ въ ту часть почетнаго конвоя, которая пошла во главѣ переправы. Случай, случай роковой, далъ ему мѣсто на томъ понтонѣ съ орудіемъ, которому суждено было погибнуть отъ непріятельскаго выстрѣла въ мутныхъ волнахъ Дуная. Гибель, сама по себѣ, очень живописная и потому достойная стать предметомъ баталической картины. Эта картина, хотя не самостоятельно, но въ видѣ необходимаго аксессуара, уже нарисована въ общей картинѣ, изображающей переправу русскихъ войскъ черезъ Дунай [1]).

---

[1]) Не знаю навѣрное, Вилевальдомъ, или Ковалевскимъ, такъ какъ оба они трактовали этотъ сюжетъ. В. П.

Но для нашихъ русскихъ художниковъ, этихъ кровожадныхъ художниковъ, какъ выразился одинъ изъ моихъ сотоварищей по перу, такая тема еще недостаточно сенсаціонна. Вниманію ихъ я предлагаю нѣчто лучшее.

Тѣло утонувшаго артиллерійскаго офицера было выброшено около песчанаго острова Вардина и найдено тамъ только черезъ шесть дней послѣ переправы. На поискъ его отправились три офицера и всѣ артиллеристы, состоящіе въ почетномъ конвоѣ. Пароходъ «Анета» доставилъ этихъ путешественниковъ на островъ, съ гробомъ, а самъ отправился за смолою для осмоленія разложившагося трупа утопленника, оставивъ команду, отрѣзанную отъ всего міра на песчаной отмели, среди широкихъ водъ Дуная.

Величественная картина разстилалась передъ глазами конвойцевъ: островъ, возвышавшійся надъ уровнемъ воды, окруженный быстрой рѣкой, по которой удалялся привезшій ихъ пароходъ; безоблачное небо темно-голубаго цвѣта, разстилавшееся надъ ихъ головами, яркое, жгучее солнце, золотившее песчаные обрывы береговъ, представляли превосходный контрастъ съ тою мрачною цѣлью, которая привела этихъ людей на островъ, и особенно ярко оттѣняли всѣ окружающіе ихъ ужасы.

А ужасы были дѣйствительно достойны вниманія русскихъ Рембрандтовъ и Веласкезовъ.

Обезображенные трупы, слегка покрытые комками намокшей земли, лежали распростертыми на травѣ, такъ какъ нельзя было въ топкомъ грунтѣ вырыть могилы. Руки, сжатыя конвульсіями въ кулаки, и ноги, совершенно посинѣвшія, торчали повсюду наружу, а въ водѣ, подъ тѣнью склонившихся ракитъ, качались еще тѣла, во всевозможныхъ ракурсахъ, синія, одутлыя, частію голыя, частію сохранившія на себѣ кое-какія одежды, а надо всѣмъ въ воздухѣ роились хищныя птицы, недружелюбно смотрѣвшія на людей, пришедшихъ отнять у нихъ лакомую добычу.

Въ числѣ тѣлъ, плававшихъ около острова, было найдено также и тѣло Тюрберта. Около склонившагося надъ водою дерева, лежалъ бѣдный юноша плашмя, лицомъ кверху, такъ что голова его касалась корня, а туловище слегка прикрывалось вѣтвями.

Не правда ли, ужасная картина?

Но будь я художникомъ, не ее выбралъ бы я для моего полотна. Нѣтъ, я бы нарисовалъ убогій болгарскій храмъ, лишенный всякаго благолѣпія, но являвшійся за то живымъ свидѣтелемъ совершавшихся въ этихъ краяхъ утѣсненій,—храмъ, среди котораго на простой скамейкѣ возвышается осмоленный гробъ, только что принесенный въ него загорѣлыми руками русскихъ воиновъ. Это гробъ Тюрберта, а правѣе его, колѣнопреклоненная фигура государя, поднявшаго мечъ за возрожденіе и за свободу этой самой убогой церкви и теперь возносящаго теплыя мольбы къ Царю царей, за упокой

души своего погибшаго офицера. Во время похоронъ Тюрберта, императоръ уже сѣлъ обѣдать, но, услышавъ звуки похороннаго марша и узнавъ, что хоронятъ гвардейскаго офицера его почетнаго конвоя, оставилъ обѣдъ и, сопровождаемый наслѣдникомъ цесаревичемъ, его высочествомъ главнокомандующимъ, великими князьями Владиміромъ, Алексѣемъ и Сергѣемъ Александровичами и всей свитой, вошелъ въ церковь. Въ этой церкви, не обращая вниманія на сквозной вѣтеръ и зловоніе, онъ достоялъ до окончанія панихиды. Могила Тюрберта была вырыта около ограды, и его величество, проводивъ до нея гробъ, первый бросилъ въ нея лопату земли. Воздавъ такую высокую почесть покойному офицеру, государь не забылъ и его родныхъ. Саблю и фуражку подпоручика Тюрберта онъ приказалъ графу Адлербергу переслать его родителямъ, а впослѣдствіи отецъ покойнаго имѣлъ счастіе получить, наравнѣ съ всѣми офицерами, бывшими въ почетномъ конвоѣ, фотографическую карточку государя императора, съ собственноручною надписью его величества.

Да, такую картину я бы хотѣлъ видѣть нарисованною великимъ талантомъ, вѣря, что она навѣки могла бы служить данью добротѣ и славой милосердію почившаго монарха Россіи.

4.

Пессимисты говорятъ, что сѣющій добро чаще другихъ пожинаетъ неблагодарность. Но они ошибаются, потому что, если бы ихъ мрачное воззрѣніе находило бы всегда и вездѣ свое оправданіе, то добра давно бы уже вовсе не было на свѣтѣ. Да вѣдь истинное, отъ души истекающее добро и не ищетъ благодарности, не нуждается въ ней, зная, что оно само родитъ добро въ сердцахъ ближнихъ и единственно своимъ присутствіемъ подымаетъ общій строй жизни.

Доброта государя, несомнѣнно, подымала духъ его войска, заставляла мужественныя сердца воиновъ биться сильнѣе, крѣпче вѣрить въ успѣхъ и шире надѣяться на милосердіе Божіе въ часы несчастія и скорби. Мы уже цитировали выше эпизодъ съ царской папиросой, спрятанной раненымъ офицеромъ на память, но такихъ эпизодовъ въ книгѣ г. Чичагова собрано множество. При входѣ государя въ госпиталь, больные видимо оживали, начинали подшучивать надъ своими страданіями, просились на выписку и вообще чувствовали себя гораздо легче.

Однажды, государь, въ началѣ кампаніи, выходя изъ палатки, гдѣ лежали трудно-больные, на прощаньѣ пожелалъ имъ поскорѣе выздоровѣть. Совершенно неожиданно для всѣхъ, въ отвѣтъ на это пожеланіе прокатилось дружное:

— Рады стараться, ваше императорское величество!

— Трудно повѣрить,—говоритъ очевидецъ:—чтобы такъ кричали тяжко больные, почти умирающіе люди.

Государь горько улыбнулся и промолвилъ:

— Не отъ васъ это зависитъ!

Послѣ Телиша, гдѣ такъ сильно пострадали гвардейскіе егеря, его величество съ особеннымъ участіемъ и грустью обходилъ лазареты. Въ палаткѣ тяжело-раненыхъ императоръ взялъ за руку одного изъ лежавшихъ офицеровъ и голосомъ, изобличавшимъ глубокое состраданіе, сталъ его успокоивать.

Но, въ свою очередь, этотъ офицеръ, до глубины души тронутый участіемъ государя и желая облегчить его собственныя страданія, собралъ свои послѣднія силы и стараясь казаться бодрымъ, вымолвилъ вполголоса.

— Не извольте безпокоиться, ваше величество, мнѣ хорошо; всѣмъ намъ хорошо. Я вовсе не страдаю...

И, проговоривъ это... скончался, едва государь успѣлъ оставить палатку.

Въ другой разъ, императоръ съ особеннымъ чувствомъ обратился къ раненымъ гвардейцамъ и назвалъ ихъ молодцами.

— Какъ намъ не быть молодцами съ такими офицерами, какъ наши!—отвѣтилъ государю одинъ изъ раненыхъ.

— Эти слова должны быть вамъ очень пріятны,—замѣтилъ императоръ, обратясь къ окружающимъ его офицерамъ.

Тутъ же, въ этой юдоли плача и страданій, иногда невыразимыхъ, его величеству приходилось не разъ лично убѣждаться въ въ удивительныхъ качествахъ русскаго воина.

Такъ, напримѣръ, передъ переправою, генералъ Драгомировъ приказалъ своимъ войскамъ беречь патроны и дѣйствовать болѣе штыкомъ. Въ приказѣ было сказано, что генералъ будетъ очень недоволенъ тѣмъ солдатомъ, у котораго послѣ дѣла останется въ сумкѣ менѣе 30-ти патроновъ.

Послѣ переправы, когда государь обходилъ раненыхъ и подошелъ къ одному рядовому Волынскаго полка, то этотъ первымъ дѣломъ открылъ патронную сумку и показалъ царю цѣльные тридцать патроновъ.

Не правда ли, какъ это характерно? Но вотъ сцена еще болѣе трогательная.

Во время посѣщенія государемъ императоромъ въ Боготѣ раненыхъ подъ Телишемъ и Горнымъ Дубнякомъ гвардейцевъ, одинъ раненый офицеръ л.-гв. Егерскаго полка окликнулъ государя.

— Ваше величество!

— Что, другъ мой, что такое?—спросилъ вполголоса государь, ожидая какой либо просьбы и желая дать возможность просителю объясниться безъ участія посторонныхъ.

— Что егеря?.. Что, должны они были взять Телишъ? Или... или это было только...

Государь угадалъ смыслъ и чувства волновавшагося офицера и сказалъ громко:

— Да, да! егеря свое дѣло сдѣлали. Это была только демонстрація.

При этихъ словахъ, лицо офицера просіяло. Онъ перекрестился лѣвою рукою (правая была ранена) и сказалъ:—слава Богу! а то я ужасно боялся за полкъ!

Читая подобные разсказы, а ихъ много разсыпано въ книгѣ г. Чичагова, разумѣется, перестанешь дивиться совершеннымъ въ минувшую войну подвигамъ. Государь стоилъ своего «чуднаго» войска, войско стоило своего великодушнаго, чуднаго царя, и потому совершенно естественно, что на его глазахъ, чувствуя его присутствіе, русскіе полки не мѣрили ширины Дуная, не справлялись о высотѣ снѣговыхъ Балканъ.

5.

Посвящая свои досуги страждущимъ воинамъ и не упуская ничего, чтò бы могло принести облегченіе ихъ страданіямъ, императоръ Александръ II былъ столь же ласковъ и предупредительно внимателенъ къ нуждамъ и желаніямъ окружающихъ его лицъ почетнаго конвоя, чиновъ его штаба и квартиры.

Не приходило сколько нибудь важнаго извѣстія съ полей сраженій, которымъ бы великодушный монархъ, сознавая общее всѣмъ нетерпѣніе и естественное любопытство, не спѣшилъ подѣлиться. Не выключалъ онъ въ этихъ случаяхъ изъ числа осчастливленныхъ такимъ вниманіемъ и своихъ конвойцевъ.

26-го іюня, генералъ Гурко захватилъ безъ боя Тырновъ, столицу Болгаріи. Это извѣстіе пришло поздно вечеромъ и весьма обрадовало государя. Гвардейская рота его конвоя въ это время укладывалась уже спать. Офицеры сидѣли безъ сюртуковъ за самоварами, какъ вдругъ раздалась знакомая команда: всѣмъ на линію. Было слишкомъ поздно, и потому ни офицеры, ни солдаты сразу не повѣрили крику и сначала выскочили изъ палатокъ поглядѣть, въ чемъ были одѣты.

Но государь уже стоялъ передъ офицерскими шатрами. Увидѣвъ царя, всѣ бросились опять въ палатку одѣваться, но его величество сказалъ:

— Господа офицеры,—ко мнѣ, радостное извѣстіе! Солдаты могутъ также подойдти, не одѣваясь.

Вслѣдъ затѣмъ, онъ имъ прочелъ телеграмму и разсказалъ, какъ отличился гвардейскій полуэскадронъ конвоя подъ начальствомъ штабсъ-капитана Савина.

Во время тревожныхъ августовскихъ дней на Шибкѣ, государю не разъ приходилось повторять то же самое. Въ теченіе этихъ безпокойныхъ часовъ, императору подавали полученныя телеграммы отъ генераловъ Дерожинскаго и Радецкаго даже поздней ночью. Но и въ это время онъ приказывалъ звать Д. А. Милютина и А. В. Адлерберга, чтобъ сообщить и имъ получаемыя извѣстія.

Тотъ же характеръ искренней любви и вниманія къ войскамъ носили царскіе объѣзды позицій во время блокады Плевны. Нельзя безъ умиленія читать тѣ страницы книги г. Чичагова, на которыхъ описано посѣщеніе государемъ войскъ отряда Гурко послѣ дѣлъ подъ Горнымъ Дубнякомъ и Телишемъ. Самый пріѣздъ государя, съ цѣлью быть ближе къ войскамъ, въ Порадимъ на жительство былъ уже подвигомъ. Въ этомъ Порадимѣ ему было до того холодно и неудобно въ отведенной ему хаткѣ, что онъ, наконецъ, рѣшился обратиться къ саперамъ своего конвоя съ просьбою.

— Очень ужъ мнѣ холодно въ мазанкѣ, не сложите ли мнѣ, голубчики, небольшую печь.

А въ это время онъ уже сильно страдалъ постоянными пароксизмами лихорадки! Конечно, саперы на другой же день соорудили большую печку, а какой-то купецъ, имя котораго осталось неизвѣстнымъ, обилъ всю комнатку солдатскимъ сукномъ. Государь остался очень доволенъ такимъ улучшеніемъ своей комнатки и постоянно говорилъ, что нигдѣ онъ еще не пользовался такимъ удобствомъ, какъ въ Порадимѣ.

Еще ужаснѣе выпала на его долю ночевка въ Медованѣ, гдѣ ему пришлось провести ночь на походной кровати въ комнатѣ безъ рамъ, отверстія которыхъ наскоро заклеили бумагой.

Характерно также, что казаки конвоя на бѣлыхъ стѣнахъ этой мазанки написали множество черныхъ крестовъ, оправдывая свое усердіе тѣмъ, «что не подобаетъ православному царю ночевать въ невѣрномъ, некрещеномъ домѣ». И всѣ эти неудобства и лишенія, съ совершенно разстроеннымъ здоровьемъ, государь предпринялъ единственно, чтобы лично поблагодарить свои гвардейскія войска, одержавшія кровавую побѣду, и лично роздать отличившимся награды.

Его величество благодарилъ каждый полкъ отдѣльно; раненыхъ, но оставшихся въ строю, разспрашивалъ о положеніи ранъ; громко разсказывалъ о товарищахъ, видѣнныхъ имъ въ госпиталяхъ; вспоминалъ объ убитыхъ командирахъ, останавливаясь на хорошихъ чертахъ изъ ихъ жизни. При этомъ въ голосѣ государя звучало большое волненіе...

Благодарственное молебствіе служилось въ лейбъ-гвардіи Егерскомъ полку, и когда священникъ провозгласилъ вѣчную память убіеннымъ на полѣ брани за вѣру, царя и отечество, императоръ сталъ на колѣни и все время, пока пѣли молитву, стоялъ на ко-

лѣняхъ, опустивъ голову. Тутъ сердце царя вдругъ сказалось слезами; тщетно онъ ихъ хотѣлъ скрыть, ихъ всѣ увидѣли, когда государь подошелъ приложиться ко кресту.

Нельзя не замѣтить также о слѣдующемъ эпизодѣ на полковомъ праздникѣ лейбъ-казаковъ, совпавшемъ съ взятіемъ кавказскою арміею Карса.

Тутъ его величество пожелалъ откушать пищу, приготовленную для праздничнаго обѣда нижнихъ чиновъ. Когда государь подошелъ къ столу, то его высочество главнокомандующій крикнулъ:

— Ребята, дайте ложку.

Казаки стали переминаться.

— Эхъ, да у нихъ и ложки-то нѣтъ, — улыбаясь, сказалъ государь.

Это замѣчаніе заставило близь стоящаго казака полѣзть за голенищу и достать ложку. Вынувъ ложку, казакъ вытеръ ее своими пальцами и подалъ государю. Монархъ, видя все это, улыбаясь, взялъ у казака ложку и началъ ею кушать казачьи щи.

«Дневникъ», изданный г. Чичаговымъ, по его собственному сознанію, далеко не полонъ, въ немъ записано только небольшое число случаевъ, рисующихъ намъ дѣятельность вѣнценоснаго брата милосердія въ тылу и на позиціяхъ его арміи, но и сказаннаго здѣсь совершенно достаточно, чтобы тронуть человѣка съ глубоко-нохороненнымъ сердцемъ и растрогать до слезъ самыя прочные нервы. Понятно уже само собой, что государь, жертвуя своимъ личнымъ покоемъ, не забывалъ награждать всѣхъ сколько нибудь участвовавшихъ въ трудахъ и тягостяхъ войны всѣми находившимися въ его рукахъ способами. Почти всегда эти награды превышали заслуги и ожиданія отличившагося.

За переправу черезъ Дунай, государь, прибывъ въ Систово и встрѣтивъ генерала Радецкаго, поцѣловалъ его и вручилъ орденъ Георгія 3-й степени, горячо благодаря за службу. Генералъ Радецкій совершенно смутился и произнесъ:

— Я не причемъ. Это, ваше величество, генералу Драгомирову.

— Успокойся, — отвѣтилъ государь: — онъ получитъ сейчасъ Георгія.

Награждая такимъ образомъ всѣхъ выше заслугъ, государь послѣ паденія Плевны подумалъ и о себѣ.

Утромъ 29-го ноября, собираясь въ Плевну, императоръ спросилъ графа Адлерберга:

— Какъ ты думаешь, это ничего, если я надѣну георгіевскій темлякъ на саблю; кажется, я заслужилъ?

Пріѣхавъ въ Плевну уже съ георгіевскимъ темлякомъ, государь подошелъ послѣ молебна къ великому князю Николаю Николаевичу и сказалъ:

— Я надѣюсь, что главнокомандующій не будетъ сердиться на

меня за то, что я надѣлъ себѣ на шпагу георгіевскій темлякъ на память о пережитомъ времени.

Узнавъ о наградѣ, которую самъ себѣ выбралъ государь за полугодовые усиленные труды, опасности и лишенія войны, офицеры почетнаго конвоя рѣшили поднести ему золотую саблю. Къ несчастію, настоящую золотую саблю негдѣ было взять, а потому офицеры рѣшили временно поднести обыкновенную золотую саблю безъ надписи, съ тѣмъ, чтобы въ Петербургѣ замѣнить ее другою.

2-го декабря, принимая офицеровъ конвоя съ саблей, государь произнесъ:

— Я очень доволенъ и этой саблей и другой мнѣ не нужно. Искренно благодарю васъ за эту дорогую память о васъ и еще разъ спасибо за службу.

Думалъ ли кто нибудь тогда, что эта простая сабля, въ недалекомъ будущемъ, ляжетъ на крышку гроба незабвеннаго монарха, какъ самая имъ любимая и почитаемая?..

Уже четыре года минуло съ роковаго дня 1-го марта, съ того страшнаго дня, когда перестало биться великодушное сердце, біеніе котораго «за люди своя» было видимо даже подъ складками тяжелой императорской порфиры, и палъ отъ руки послѣдняго злодѣя монархъ, оставившій неизгладимый, глубокій слѣдъ въ исторіи судебъ новой Россіи.

Но убитые горемъ, ошеломленные современники, плача надъ этимъ священнымъ прахомъ, не умѣютъ найдти для въ Бозѣ почившаго подходящаго историческаго имени. Царь освободитель, — говорятъ одни; царь мученикъ, — говорятъ другіе. Но потомство не санкціонируетъ этихъ искусственныхъ и частныхъ названій. Оно прямо скажетъ — Великій царь, потому что лучше насъ оцѣнитъ плоды его дѣяній, ближе подойдетъ къ результатамъ его неустанныхъ работъ. Это-то потомство, жарче и искреннѣе боготворя въ его памяти память великаго человѣка, пойметъ, что императоръ Александръ II отличался отъ другихъ великихъ людей, страшныхъ силою своей воли и характера, только искреннимъ служеніемъ христіанскому девизу:

«Сила не въ силѣ, — сила въ любви».

Кто же пожелаетъ измѣрить значеніе его царственныхъ дѣяній, пусть спроситъ объ этомъ значеніи у десятковъ милліоновъ освобожденныхъ имъ рабовъ крѣпостничества и мусульманства!

Эти съумѣютъ и теперь отвѣтить, чѣмъ было для нихъ и чѣмъ будетъ вѣчно дорого для ихъ потомства имя императора Александра II.

В. П,

СВЯТО-ДУХОВСКІЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ХРАМЪ ВЪ ЯКОБШТАДТѢ.

ВЯТО-ДУХОВСКІЙ храмъ въ городѣ Якобштадтѣ, истребленный 16-го января пожаромъ отъ злоумышленнаго взрыва, составлялъ древнѣйшій памятникъ православія въ Прибалтійскомъ краѣ, и потому мы считаемъ долгомъ сохранить воспоминаніе о немъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника»[1]).

Прошлое этого храма богато религіозными и историческими воспоминаніями. Первоначальное построеніе его относится къ 1670—1675 годамъ, когда православные жители этой мѣстности, поселившіеся еще во времена царя Алексѣя Михайловича, получили разрѣшеніе устроить православный храмъ во имя Сошествія Святаго Духа.

Здѣсь при храмѣ былъ основанъ, упраздненный впослѣдствіи, въ 1818 году, монастырь, вскорѣ прославившійся чудотворною иконою Якобштадтской Божіей Матери. Эта икона и доселѣ чтится чудотворною и для поклоненія ей стекается немалое число богомольцевъ.

Здѣсь же завоеватель Лифляндіи, фельдмаршалъ графъ Б. П. Шереметевъ, приносилъ благодарственныя моленія за одержанную имъ побѣду. Сюда же стремились богомольцы въ особенно большомъ числѣ въ 1845—1848 годахъ, когда стремленіе латышей и эстовъ къ переходу въ православіе проявлялось съ наибольшею силою.

---

[1]) Приносимъ искреннюю благодарность предсѣдателю Прибалтійскаго православнаго братства, М. Н. Галкину-Врасскому за сообщеніе намъ фотографическаго снимка съ храма и историческихъ о немъ свѣдѣній.

Но вскорѣ послѣ того, въ 1850 году, богослуженіе въ храмѣ, за ветхостію его, было прекращено, и икона, чтимая чудотворною, перенесена въ сосѣднюю малую Николаевскую церковь.

Мысль о возобновленіи этого храма давно уже занимала мѣстныхъ жителей. Памятно въ этомъ случаѣ имя почтеннаго старца Желтова, долгое время путемъ печати и личныхъ сношеній укрѣплявшаго въ этой мысли; но ей суждено было осуществиться лишь въ послѣднее время, благодаря участію Прибалтійскаго православнаго братства, образовавшагося въ 1882 году изъ сліянія братствъ Гольдингенскаго и Спасскаго.

Благодаря только заботамъ братства и собраннымъ предсѣдателемъ его М. Н. Галкинымъ-Врасскимъ пожертвованіямъ, въ количествѣ 20,397 руб. 30 коп., кромѣ поступившихъ пожертвованій лѣсомъ и вещами и доплаты изъ текущихъ средствъ братства 11,103 руб., древній храмъ этотъ возсталъ изъ обветшалаго, полуразрушеннаго состоянія въ обновленномъ, достойномъ святыни видѣ. Работами по сооруженію храма руководилъ строительный комитетъ, состоявшій подъ руководствомъ преосвященнаго Доната и подъ предсѣдательствомъ рижскаго гражданина И. А. Шутова; строителями же храма были архитекторы Флугъ и Кизельбамъ. Соединеннымъ усиліямъ этихъ зодчихъ удалось возстановить храмъ въ прежнемъ его видѣ, сохранивъ вполнѣ всѣ особенности древней архитектуры. Живописныя работы возобновлены художникомъ Зыковымъ.

Возобновленіе Свято-Духовскаго храма имѣло особенное значеніе, такъ какъ указывало на зрѣлость въ стремленіяхъ ревнителей православія, ибо почитаніе старины является несомнѣнно признакомъ высокаго какъ общественнаго, такъ и религіознаго развитія. Разсматриваемое съ этой точки зрѣнія возобновленіе Свято-Духовскаго храма должно быть, конечно, поставлено на ряду съ замѣчательнѣйшими явленіями текущей жизни края.

Древняя деревянная Свято-Духовская церковь, по преданію православныхъ латышей, «вышедшая изъ воды», а по преданію другихъ, привезенная на плотахъ, была выстроена на деревянныхъ столбахъ, или стульяхъ.

Въ настоящее время подъ храмъ былъ выведенъ каменный фундаментъ равной высоты снаружи и опущенный въ землю равномѣрно на всю длину на два фута ниже горизонта. Наружный обветшавшій видъ храма и недостаточная глубина вынудили произвести разборку и замѣну стараго матеріала новымъ, причемъ подошва фундамента опущена на глубину 5 футъ до сплошнаго скалистаго грунта.

При разборкѣ стараго фундамента оказалось, что онъ былъ подведенъ въ позднѣйшее время, когда первоначальное основаніе, деревянные стулья, пришли въ негодность и повредили стѣны

церкви. Стулья эти оказались замуравленными въ толщѣ фундамента и уже совершенно сгнившими. Неизвѣстно, съ какою цѣлью работавшіе оставили ихъ на своихъ мѣстахъ: боялись ли, вынувъ ихъ, повредить устойчивости церкви, или разсчитывали на экономію въ камнѣ—только благодаря этому остались слѣды ремонта. Какъ сказано выше, фундаментъ былъ опущенъ въ землю всего на 2 фута на насыпной грунтъ, хотя на 3 фута ниже находится сплошная скала. Недостаточная глубина фундамента была второю причиной неравномѣрной осадки и выпячиванія стѣнъ. При углубленіи фундамента оказалось, что подъ нимъ до скалистаго грунта сплошь помѣщались могилы; какъ и внутри церкви, нѣкоторыя были обдѣланы камнемъ и склепы покрыты кирпичными сводами. По нѣкоторымъ признакамъ, иныя изъ нихъ можно отнести къ концу XVII столѣтія. Въ нихъ найдены 2 монеты—одна шведская серебряная, совершенно стертая, съ едва замѣтными признаками рисунка трехъ коронъ; другая—польская, мѣдная, съ отчетливыми цифрами 1654 года.

Стѣны изъ прекраснаго лѣса сильно пострадали, выпучились въ мѣстахъ соединенія и футъ на 5 совершенно сгнили подъ крышей. Но не матеріалъ былъ тому причиною. Тамъ, гдѣ не было вредныхъ условій, онъ оказался до того свѣжъ и крѣпокъ, что топоръ при ударѣ звенѣлъ и плохо углублялся. Означенные стулья и мелкій фундаментъ были главными и первыми поводами разрушенія. Отъ нихъ стѣны начали выпячиваться, отъ нихъ же сгнили и нижніе вѣнцы, отъ нихъ же протекала подъ крышу вода и уничтожила весь верхній ярусъ стѣнъ. Отъ того же сгнили концы балокъ, деревянныя арки, державшія главный куполъ, рубленныя изъ горизонтальныхъ брусьевъ, запущенныя однимъ концомъ въ стѣнѣ; сгнила часть обшивки, покрытая иконописью. Крыша была покрыта таблицами легкаго луженаго желѣза, спаянными между собою въ вертикальныхъ швахъ оловомъ и связанными фальцемъ въ горизонтальныхъ. На куполахъ и барабанахъ желѣзо еще сохранило свой бѣлый цвѣтъ, хотя слегка и было уже попорчено ржавчиною. Что же касается покрытія собственно кровли, то на ней желѣзо уже было негодно, такъ какъ сильно проржавѣло и во многихъ мѣстахъ швы были раскрыты. На всѣхъ куполахъ были укрѣплены кресты изъ квадратнаго желѣза съ затѣйливыми орнаментами изъ тонкаго тесанаго желѣза. Величина ихъ на маленькихъ куполахъ 12 футъ, а на большихъ 16 футъ. Всѣ кресты оказались сильно поврежденными, въ особенности мелкія части и въ мѣстахъ соединенія ихъ съ деревомъ, гдѣ, благодаря конструкціи, не было воронки, защищающей отъ прохода воды къ деревяннымъ частямъ.

При исправленіи этихъ частей на заводѣ Розенкранца, послѣднимъ было заявлено, что онъ не можетъ реставрировать ихъ тѣмъ

же матеріаломъ, что качество послѣдняго такъ высоко и рѣдко, что, къ сожалѣнію, теперь нельзя уже найдти подобнаго желѣза. Оно было выработано на древесномъ углѣ, чѣмъ и объясняется его пластичность и способность сопротивляться ржавчинѣ; кресты были лишь позолочены. По оставшимся слѣдамъ фундамента, можно было

Свято-Духовскій православный храмъ въ Якобштадтѣ, сгорѣвшій отъ взрыва 16-го января 1885 года.

полагать, что вокругъ задней части церкви была открытая галлерея, или притворъ, съ 2-мя входами, соотвѣтственно входамъ церкви.

При подводѣ фундамента, подъ главною частью алтаря былъ найденъ камень, круглый, известковый, съ крестообразнымъ отверстіемъ внутри и подписью вокругъ: «Въ лѣто Господне 1742 г.». Камень этотъ былъ положенъ при подводѣ фундамента, когда уже сгнили стулья, и относится ко времени ремонта, а не основанія

церкви. За это говоритъ уже высказанное предположеніе относительно стульевъ и документы.

При разборѣ верхней части покрытія церкви, были найдены слѣды древней конструкціи куполовъ. Въ наше время они были прямо поставлены на потолочныя балки, на усиленіе положенныхъ надъ ними вторымъ поперечнымъ рядомъ балокъ. Слѣды же болѣе древней конструкціи показывали, что куполы съ ихъ барабанами, имѣя большой діаметръ, помѣщались не на балкахъ, а на особыхъ восьмигранныхъ, брусчатыхъ основаніяхъ, укрѣпленныхъ подкосами къ стѣнамъ. Подобная конструкція вредно дѣйствовала на стѣны, производя распоръ въ ихъ верхнихъ частяхъ, и помогала, совмѣстно съ мелко сидящими стульями, нарушенію ихъ связи и выходу изъ вертикальнаго положенія, а слѣдовательно и порчѣ покрытія. Всѣ стѣны церкви были покрыты живописью, какъ видно, нѣсколько разъ возобновленною въ манерѣ письма Кіево-Печерской лавры. Остатки иконостаса, въ стилѣ рококо, съ позолотою и серебреніемъ платиною, указывали на сравнительно недавнее его происхожденіе, а иконы иконостаса, писанныя въ манерѣ фряжскаго письма, по заявленію художника Зыкова, должны быть отнесены къ половинѣ XVIII столѣтія. Кажется, основываясь на изложенныхъ данныхъ, безошибочно можно прійдти къ выводу, что постепенно подгнившіе стулья, распоръ верхней части стѣнъ отъ барабановъ куполовъ, порча чрезъ то кровли и живописи на стѣнахъ, потребовали въ 1774 году большой ремонтъ храма: былъ подведенъ новый фундаментъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ видоизмѣнена конструкція куполовъ и ихъ форма въ ущербъ изящному виду, реставрирована попорченная отъ тѣхъ же причинъ на стѣнахъ и куполахъ живопись, поставленъ новый, болѣе богатый и модный иконостасъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣстныя иконы фряжскаго письма.

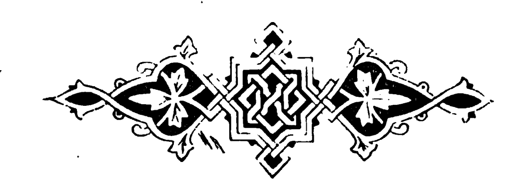
Въ настоящее время крыша была покрыта новымъ желѣзомъ и вообще произведенъ столь большой ремонтъ, что онъ равносиленъ созданію храма вновь. Въ память прежняго возобновленія, подъ главнымъ алтаремъ, во вновь возведенномъ фундаментѣ положенъ упомянутый выше камень съ надписью: «Въ лѣто Господне 1742 года».

Произведенные Прибалтійскимъ православнымъ братствомъ расходы по возобновленію храма простирались всего до 27,000 руб., не считая стоимости поступившихъ пожертвованій лѣсомъ и вещами.

Торжество освященія храма было совершено 1-го ноября минувшаго 1884 года высокопреосвященнымъ Платономъ, митрополитомъ кіевскимъ, въ сослуженіи епископовъ рижскаго и митавскаго Доната и ковенскаго Сергія, въ присутствіи многихъ высокопоставленныхъ лицъ и массы народа.

Ко дню освященія, покровительница братства, государыня императрица, пожертвовала икону Спасителя въ изящной, вызолоченной, съ эмалевыми украшеніями ризѣ.

Кто изъ участниковъ этого знаменательнаго, религіознаго торжества могъ думать тогда, что возсозданный съ такими трудами древній и драгоцѣнный памятникъ православія въ Прибалтійскомъ краѣ сдѣлается черезъ два мѣсяца жертвой возмущающаго душу преступленія!

КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРІЯ ДИРЕКТОРІИ.

IV.

Прибѣжище отъ злобы дня. — Успѣхи науки въ концѣ XVIII вѣка. — Ученые на службѣ отечества. — Естественныя науки во время революціи. — Конвентъ, покровительствующій литературѣ и гильотинирующій литераторовъ.—Критика, развивающаяся послѣ паденія Робеспьера.—Политика и философія въ V году.—Шатобріанъ и новая литературная школа.—Преобладаніе романа.—Салонъ г-жи Сталь и ея политическая роль. — Поэзія при Директоріи. — Жакъ Делиль и его поэмы.—Эпиграмма Шенье.—Анжъ Питу и уличная поэзія.—Драматическая литература.—Дюсисъ и Шекспиръ на французской сценѣ.—Мари-Жозефъ Шенье.—Комедія и мелодрама.—Живопись, скульптура, гравюра, архитектура.—Политическія событія.—Неизбѣжность паденія Директоріи. — Роль Жозефины въ переворотѣ 18-го брюмера.—Двѣ супруги Цезаря.—Конецъ Республики.

Въ ТЯЖЕЛЫЯ минуты политической жизни государствъ, когда свѣтлую мысль, свободное слово давитъ грубое насиліе и произволъ, или когда народныя страсти, вырвавшись на просторъ послѣ вѣковаго гнета, въ свою очередь, деспотически требуютъ приниженія личности передъ стадными, часто нелѣпыми увлеченіями толпы,—и здравая мысль, и независимое слово находятъ убѣжище отъ печальной злобы дня—въ наукѣ, въ литературѣ. Эти два источника, вливающіе если не счастіе, то спокойствіе въ сердце человѣка, не изсякали въ самые тяжелые, кровавые моменты французской революціи, а во время Директоріи мирили поэта и мыслителя съ распущенностью общества. Кювье, въ отчетѣ своемъ императору Наполеону, имѣлъ основаніе сказать, что въ послѣднія двадцать лѣтъ наука сдѣлала больше успѣховъ, чѣмъ

въ два столѣтія, но онъ долженъ былъ прибавить, что Конвентъ, закрывая академію наукъ вмѣстѣ съ другими академіями, допустилъ преслѣдованіе ученыхъ, позволилъ революціонному трибуналу отправить на гильотину Лавуазье и обратился къ наукѣ съ приказаніемъ найдти средства для защиты страны противъ коалиціи непріятеля. И наука, забывъ гоненія, которымъ она подверглась, отвѣчала на призывъ отечества. Менѣе чѣмъ въ девять мѣсяцевъ было приготовлено двѣнадцать милліоновъ фунтовъ селитры, 45 литейныхъ заводовъ изготовляли въ годъ до 20,000 пушекъ, 20 оружейныхъ заводовъ выдѣлывали холодное оружіе по новому ускоренному способу; одна парижская фабрика поставила въ теченіе года до 140,000 ружей; медонская фабрика производила изслѣдованіе надъ новыми гремучими составами, зажигательными, пустотѣлыми снарядами. Сегенъ изобрѣлъ способъ дубленія кожъ въ самое короткое время; аэростатъ и телеграфъ начали примѣнять къ военнымъ цѣлямъ. Съ основаніемъ Института въ 1795 году, науки развились особенно быстро. По слѣдамъ преобразователя химіи Лавуазье шелъ Бертолетъ, основатель «химической статики»; Гаюи создалъ кристаллографію; онъ едва не погибъ во время террора, какъ бывшій священникъ, но конвентъ выпустилъ его изъ тюрьмы и назначилъ членомъ коммиссіи мѣръ и вѣсовъ. Фуркруа обнародовалъ теорію развитія теплоты; трудъ его продолжалъ американецъ Румфордъ, женившійся на вдовѣ Лавузье и воспользовавшійся открытіями и наблюденіями ея перваго мужа, оставшимися въ его замѣткахъ; Вокеленъ открылъ хромъ и, вмѣстѣ съ Фуркруа, палладій, осмій, иридій и родій; Тенаръ извлекъ новыя органическія вещества изъ желчи и мяса, Дарсе — изъ костей желатинъ. Куломбъ изобрѣлъ электрическіе вѣсы и усовершенствовалъ компасъ. Вольта дѣлалъ изумительные опыты своимъ гальваническимъ столбомъ, Біо и Ге-Люссакъ положили основаніе метеорологіи. По костямъ, найденнымъ въ 1798 году въ известковыхъ копяхъ Монмартра, Кювье, основатель сравнительной анатоміи, создалъ новую науку палеонтологію и можетъ считаться основателемъ конхиліологіи. Въ ботаникѣ также сдѣлано много трудами Кандоля и Жюсье, но въ 1789 году знали только 1,300 видовъ растеній. Что же это въ сравненіи съ ихъ теперешнимъ числомъ! Парижскій музей естественныхъ наукъ уже и въ то время не имѣлъ равныхъ себѣ въ Европѣ; зоологія была чисто французскою наукою съ тѣхъ поръ, какъ Добантонъ сдѣлалъ новую классификацію родовъ и видовъ. Ласепедъ продолжалъ Бюфона. Жофруа Сент-Илеръ тогда только что началъ работать по физіологіи и былъ ученикомъ Кювье, прежде чѣмъ сдѣлаться его противникомъ во взглядахъ на теорію естественныхъ наукъ. Патологія получила блестящее развитіе въ трудахъ Портала и Корвизара; Пинель лечилъ душевно-больныхъ какъ настоящій психіатръ. Съ 1798 года оспопрививаніе приняло гро-

мадные размѣры. Галль создалъ френологію, что же касается до хирургіи, то понятно, что вѣчныя войны, начавшіяся съ революціи, представляли широкую карьеру ея развитію. Любимою наукою революціи была математика. Конвентъ ввелъ единство мѣръ и вѣсовъ прежде преобразованія календаря. Названія республиканскихъ мѣсяцевъ сочинилъ Фабръ д'Эглантинъ, писатель и актеръ. «Бюро долготъ», оказавшее столько услугъ мореплавателямъ и географамъ, основано въ 1795 году. Въ 1799 году окончилось измѣреніе меридіана, начатое еще въ 1792 году Деламбромъ и Мешеномъ. Основаніе политехнической школы содѣйствовало развитію математическихъ наукъ. Эпоха террора не только не казнила, но и не преслѣдовала ни одного математика. Достаточно упомянуть имена Лагранжа, Монжа, Лаланда, Лежандра, чтобы понять, какіе громадные успѣхи сдѣлала математика въ эту эпоху. Первые два тома знаменитой «Небесной механики» Лапласа изданы на счетъ казны въ 1800 году (послѣдній—пятый въ 1825 г.), но еще прежде имя автора этой книги, произведшей переворотъ въ астрономіи, пользовалось громкою славою по его трудамъ въ области аналитической механики, по изслѣдованіямъ законовъ движенія и равновѣсія, пертурбаціи планетъ, спутниковъ Юпитера и др. По теоріи Лапласа, Деламбръ вычислилъ элиптическую орбиту Урана и его пертурбаціи. О томъ, какъ трудны подобныя астрономическія выкладки, можно судить потому, что Лаландъ могъ представить точную теорію движенія Меркурія только послѣ сорокалѣтнихъ наблюденій. Не даромъ Біо, въ своей «Исторіи наукъ во время революціи», отзывается съ глубокимъ уваженіемъ о заслугахъ своихъ великихъ собратовъ. Но процвѣтаніе всѣхъ наукъ, кромѣ математическихъ, началось собственно съ эпохи Директоріи. Внутреннія потрясенія, еще больше, чѣмъ внѣшнія войны, вредятъ мирному развитію ума и творческой силы.

Національный Конвентъ утвердилъ въ 1793 году право писателей на собственность ихъ произведеній. Передъ тѣмъ только что была обнародована «декларація о правахъ человѣка», и Лаканаль, докладчикъ новаго закона о литературной собственности, назвалъ его «декларацiей о правахъ интеллигенціи». Но литература ничего не выиграла отъ этой деклараціи, потому что духъ времени и правительства требовалъ уничтоженія почти всего, что создано прежними вѣками въ области мысли и творчества. Журналъ «Зритель Революціи» говорилъ: «Революція, происшедшая въ общественномъ мнѣніи и во взглядахъ правительства, не менѣе изумительна, какъ и въ политикѣ. Наши прежнія историческія, философскія, драматическія произведенія кажутся созданными другимъ народомъ, совершенно чуждымъ нашему времени, нашимъ понятіямъ. Но кто не пожелалъ бы, чтобъ отвращеніе, внушаемое нашими прежними властителями, не распространялось на все, чѣмъ блистало ихъ правленіе».

Конвентъ хотѣлъ предписывать законы литературѣ, уму, творческой фантазіи. Осудивъ въ массѣ все, что создалъ вѣкъ Людовика XIV, онъ отправилъ на гильотину, во время терроризма, столько писателей, что въ первые два года Республики вышло изъ печати нѣсколько плохихъ драматическихъ произведеній да порнографическихъ романовъ. Только въ концѣ своего существованія, Конвентъ началъ выдавать пенсіи болѣе мирнымъ и бѣднымъ писателямъ, но не семьямъ тѣхъ, чьи головы онъ рубилъ на гильотинѣ. Однако, достаточно было нѣсколькихъ мѣсяцевъ спокойствія, послѣ паденія Робеспьера, чтобы литература пріобрѣла новыя силы, воскресла къ новой жизни. Прежде всего развилась критика. Первымъ критическимъ журналомъ была «Декада» Женнгене. Шамфоръ умеръ въ 1794 году, не успѣвъ окончить своихъ коментарій на Лафонтена; почти семидесятилѣтній Палиссо издалъ «Записки о нашей литературѣ» и коментировалъ Вольтера. Лагарпъ посылалъ свою «Литературную корреспонденцію» наслѣднику русскаго престола. Болѣе всего, въ эпоху революціи, вышло философскихъ и политическихъ сочиненій, но всѣ они не выше посредственности. Лучшимъ произведеніемъ этого времени былъ «Очеркъ картины человѣческаго ума» Кондорсе, изданный уже послѣ того, какъ онъ убилъ себя, чтобы не пойдти на гильотину. Вольней еще въ 1793 году издалъ свой «Естественный законъ, или физическія основанія нравственности», переработавъ ихъ потомъ въ «Катихизисъ французскаго гражданина». Это сочиненіе слабѣе «Всемірнаго катихизиса» Сен-Ламберта, который умеръ 83 лѣтъ, оставивъ неоконченными свои «Нравственные принципы всѣхъ націй». Въ 1796 году, вышелъ десятитомный трудъ Дюпюи «Происхожденіе всѣхъ культовъ». Кабанисъ въ 1798—1799 г. печаталъ свой «Трактатъ о физическихъ и нравственныхъ свойствахъ человѣка». Гарнье въ 1796 году издалъ «Элементарную политическую экономію». Уничтожая цензуру, революція не переставала, однако, преслѣдовать не нравившіяся ей сочиненія, и въ 1796 году, Директорія захватила книгу Бональда «Теорія политической и религіозной власти въ гражданскомъ обществѣ». Изъ мемуаровъ въ это время вышли мемуары г-жи Роланъ, Дюмурье и Було; всѣ они, конечно, не на сторонѣ крайностей революціи, встрѣтившей талантливыхъ противниковъ, сначала въ лицѣ Прюдома, издавшаго въ 1797 году «Всеобщую исторію заблужденій, фактовъ и преступленій, совершенныхъ во время революціи». Но въ томъ же году, вышло въ Лондонѣ еще болѣе замѣчательное сочиненіе молодаго писателя «Историческій, философскій и моральный опытъ о революціяхъ», доставившій вдругъ громкую извѣстность имени Шатобріана.

Этого безспорно даровитаго, но еще безспорнѣе напыщеннаго и вычурнаго писателя, французы возносятъ на слишкомъ высокій пьедесталъ, хотя одинъ изъ его же соотечественниковъ гораздо вѣрнѣе опредѣлилъ его значеніе, назвавъ его «Атлантомъ, носящимъ

щепку». Но національное самолюбіе, страсть къ громкимъ фразамъ, рутина, нежеланіе провѣрять однажды составленные, хотя бы и ложные, выводы, не позволяютъ французамъ представить въ настоящемъ видѣ ихъ «великаго писателя», но еще болѣе великаго фразера и эгоиста. Лучшій біографъ его, Ипполитъ Кастиль, говоритъ

Шатобріанъ. Съ портрета Жироде.

прямо, что истина для французовъ — слишкомъ крѣпкій напитокъ, который необходимо подслащать, чтобы они его проглотили. Они обижаются, если съ нихъ снимаютъ не ретушированную фотографію. Шатобріану было тридцать лѣтъ, когда онъ выступилъ съ сочиненіемъ противъ революціи. Его прошедшее было таково, что онъ не могъ питать къ ней симпатіи. Десятый ребенокъ обѣднѣв-

шаго дворянина, но гордаго своими предками, онъ былъ не любимъ отцомъ, хорошо учился, и его готовили въ моряки, но онъ вдругъ почувствовалъ въ себѣ порывы необыкновенной набожности и объявилъ, что хочетъ вступить въ духовное званіе. Тогда отецъ добылъ для него патентъ на званіе подпоручика и отправилъ въ полкъ, стоявшій въ Камбре. Присутствуя при взятіи Бастиліи, Шато-

Госпожа Сталь. Съ портрета Жерара.

бріанъ видѣлъ въ этомъ событіи торжество развратниковъ и проститутокъ, позабывъ о томъ, сколько времени торжествовали проститутки и развратники въ Луврѣ и Версали. Монархистъ по рожденію и убѣжденію, онъ, однако, не остался во Франціи защищать тронъ и монархію и въ 1791 году уѣхалъ въ Америку, откуда вернулся, впрочемъ, въ слѣдующемъ году и вступилъ въ армію

Конде, гдѣ, участвуя въ осадѣ Тіонвиля, захворалъ чесоткой и корью. Съ трудомъ перебравшись въ Лондонъ, онъ бѣдствовалъ тамъ, живя переводами и сочиняя политическія брошюры. Въ Парижъ онъ вернулся только въ 1800 году и напечаталъ въ журналѣ «Меркурій» свою «Аталу», написанную вычурнымъ языкомъ, но проникнутую религіознымъ чувствомъ. Парижу въ это время уже надоѣло безвѣріе и онъ съ жадностью бросился читать сентиментальную новость, гдѣ луна не называется иначе, какъ «царица ночи», а солнце—«свѣтлокудрый Фебъ». «Духъ христіанства», появившійся вслѣдъ за «Аталой», сдѣлалъ Шатобріана знаменитымъ. Бонапарте въ это время возстановлялъ алтари, въ ожиданіи пока возстановитъ свой тронъ—и былъ очень доволенъ появленіемъ книги съ религіознымъ направленіемъ. Онъ далъ автору мѣсто перваго секретаря посольства въ Римѣ. Потомъ поэтъ былъ назначенъ посланникомъ въ Швейцарію, но въ это время былъ разстрѣлянъ герцогъ Энгіенскій, и Шатобріанъ подалъ въ отставку, въ негодованіи на варварскую казнь. За этотъ благородный протестъ Бурбоны даже не поблагодарили смѣлаго роялиста, рѣшившагося потомъ въ своемъ журналѣ «Меркурій» говорить о деспотизмѣ Нерона, о томъ, что исторія отмститъ за угнетеніе, за преслѣдованіе свободы. «Меркурій» былъ запрещенъ за слишкомъ ясную алегорію. Шатобріанъ отправился путешествовать, былъ въ Іерусалимѣ, Каирѣ, Тунисѣ. Выбранный въ члены академіи на мѣсто Шенье, онъ заклеймилъ во вступительной рѣчи всѣхъ цареубійцъ. Намекъ на убійство герцога Энгіенскаго былъ ясенъ въ этой рѣчи, но цензурѣ невозможно было придраться, и Шатобріана оставили въ покоѣ. Когда Людовикъ XVIII вернулся во Францію, брошюра «Бонапарте и Бурбоны» нанесла послѣдній ударъ развѣнчанному цезарю. Но когда король спросилъ писателя, что онъ думаетъ о будущности Франціи, тотъ отвѣчалъ откровенно:—«Я думаю, что монархія въ ней кончена».—«И я то же думаю»,—сказалъ Людовикъ. Во время реставраціи, Шатобріанъ былъ пѐромъ, ораторомъ, журналистомъ, посланникомъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ, но былъ всѣмъ недоволенъ, постоянно фрондировалъ. Конечно, нельзя и быть довольнымъ въ эпоху «бѣлаго террора», когда всякая свобода была почти совершенно уничтожена, но если министръ, по словамъ самого Шатобріана, «былъ прогнанъ, какъ лакей, обокравшій короля», нельзя не сказать, что главною причиною его отстраненія отъ дѣлъ были его неуживчивость и непомѣрное самолюбіе. Послѣ паденія бурбонской монархіи, онъ отказался отъ званія пѐра, двѣнадцати тысячъ пенсіи и не хотѣлъ принести присяги герцогу Орлеанскому. Онъ умеръ при началѣ новой революціи и второй республики, оставивъ «Замогильныя записки», полныя неправды, афектаціи, громкихъ, но пустыхъ фразъ, озлобленія противъ Вольтера, Руссо и Бонапарте. Въ то время, какъ записки Руссо рисуютъ

его, какъ человѣка, записки Шатобріана рисуютъ—дворянина, говоритъ Кастиль.

Революція произвела переворотъ и въ литературѣ, какъ въ обществѣ. Псевдо-классицизмъ отжилъ свой вѣкъ и съ эпохи энциклопедистовъ стала формироваться во Франціи новая литературная

Пріемъ у госпожи Сталь. Рисунокъ Дебюкура.

школа. Основанія ея были еще шатки, и она выбирала еще путь, по которому должна была идти. Въ ней сказывалось вліяніе идей Англіи и Германіи, но форма новыхъ произведеній еще не установилась, языкъ ихъ былъ напыщенъ, полонъ риторическихъ, рутинныхъ оборотовъ, поэтическихъ фигуръ и тропъ, неумѣстныхъ въ прозаическомъ сочиненіи. Представителемъ этой школы былъ

Бернарденъ де-Сен-Пьеръ, сентиментальный, но монотонный, написавшій «Павла и Виргинію» еще въ 1787 году и въ 1790 году «Индѣйскую хижину». Недовѣрчивый, нелюдимый, онъ жилъ въ уединеніи, восхищая поклонниковъ безконечными діалогами своихъ меланхолическихъ героевъ и героинь. Сентиментализмъ былъ въ то время модною болѣзнью, которою сильно страдалъ и Шатобріанъ. Ея не избѣгнулъ даже такой талантъ, какъ г-жа Сталь, издавшая въ первый годъ консульства свою книгу «О литературѣ, разсматриваемой въ ея отношеніяхъ къ общественнымъ учрежденіямъ». Но и приверженцы новой школы вели между собою перестрѣлку, какъ старые классики. Шатобріанъ обругалъ сочиненіе Сталь, Шенье— повѣсть Шатобріана «Атала». Но критика общественныхъ учрежденій была гораздо рѣзче критики литературныхъ произведеній. Мерсье, обличавшій еще до революціи пороки, глупости и смѣшныя стороны парижанъ, въ своей двѣнадцатитомной «Картинѣ Парижа», написанной грубо, рѣзко и, мѣстами, цинично, задумалъ изобразить всѣ измѣненія, какія произошли въ столицѣ Франціи послѣ совершившагося въ ней соціальнаго переворота, и издалъ въ 1797 году «Новый Парижъ», въ шести частяхъ, гдѣ онъ безпощадно, но безъ мѣры и безъ всякой системы, бичуетъ своихъ современниковъ. О распространеніи журналистики мы уже говорили въ первой нашей статьѣ.

Ни въ одну эпоху не писалось и не читалось столько романовъ, какъ во время Директоріи. Это былъ любимѣйшій родъ литературныхъ произведеній, раскупавшійся нарасхватъ. Недовольные дѣйствительностью всегда охотно обращаются къ вымысламъ фантазіи. Во вторую половину послѣдняго года XVIII вѣка каждый день выходило въ свѣтъ по четыре новыхъ романа. Ихъ много читали при Людовикахъ XIV и XVI, но тогда они писались для образованныхъ лицъ, теперь сдѣлались любимымъ чтеніемъ всѣхъ классовъ общества. Понятно, что для удовлетворенія всѣхъ вкусовъ и грубыхъ инстинктовъ толпы романъ долженъ былъ упасть въ своемъ литературномъ значеніи. Въ нравахъ той эпохи преобладала распущенность, которой надо было угождать — это было причиной появленія множества скандалезныхъ и даже прямо циническихъ произведеній, которыя нерѣдко читались и въ высшихъ кругахъ, разумѣется, тайкомъ. Чтобы удовлетворить страсти къ чтенію, во время Директоріи явились «кабинеты для чтенія», и въ короткое время число ихъ въ Парижѣ дошло до пятисотъ. Абонировались помѣсячно или платили за прочтеніе каждаго тома. Лучшія кофейни принуждены были открыть у себя подобные кабинеты. Г-жа Сталь, въ своемъ сочиненіи «О романахъ, разсматриваемыхъ съ новой точки зрѣнія», находитъ эту точку въ томъ, что чтеніе вымышленныхъ романовъ заставляетъ забывать дѣйствительныя горести, облегчаетъ тоску и страданія. Мари Жозефъ Шенье въ своей «Исто-

рической картинѣ прогресса французской литературы съ 1789 года» называетъ романы—особымъ родомъ изящныхъ произведеній, «приближающимся къ исторіи изложеніемъ событій, къ эпопеѣ—поэтической фантазіею, къ трагедіи—силою страстей, къ комедіи—изображеніемъ нравовъ. Исторія часто безотрадна; прошедшее походитъ на настоящее. Кто же не чувствуетъ иногда потребности удалиться въ идеальный міръ, чтобы забыть міръ реальный». Страсть къ ро-

Делиль. Съ портрета Монье.

манамъ начинаетъ уменьшаться съ эпохи консульства, хотя первый консулъ былъ большой любитель ихъ, и ему посылали изъ Парижа всѣ новые романы даже въ армію, съ которою онъ проходилъ по Европѣ. Для выигранія мѣста, романы печатались для него сжатымъ шрифтомъ, почти безъ полей, чтобы въ одномъ томѣ умѣстились два обыкновенной печати. Извѣстно, что въ молодости Наполеонъ самъ написалъ романъ изъ корсиканской жизни, оставшійся не изданнымъ. Всѣ его братья также любили и даже писали романы: Луціанъ Бонапарте написалъ въ 1799 году «Индійское племя, или

Стеллина», Іосифъ въ томъ же году—«Моину», Людовикъ—«Марія, или горести любви». Библіотека Жозефины въ Мальмезонѣ была почти вся составлена изъ романовъ. Часто они выходили съ гравюрами, почти всегда съ виньетками. Писали ихъ и государственные люди, и ученые, и военные, и дворяне, и юристы, и историки, и книгопродавцы, и журналисты. Очень часто авторами являлись женщины; между ними были такія, которыя работали для насущнаго хлѣба, какъ г-жа Сен-Венанъ, и отъ бездѣлья, какъ Иллирина де-Моранси, поклонница реализма, и для извѣстности, какъ Жанлисъ, Коттенъ, баронесса Суза и Сталь. Вліяніе послѣдней во французской литературѣ было такъ велико, что мы должны остановиться на ней нѣсколько долѣе.

Положеніе публициста и оратора становится тяжелымъ, когда они почему нибудь принуждены молчать, но для женщины, привыкшей много говорить и писать, принужденное молчаніе дѣлается уже несчастіемъ. Наполеонъ заставилъ замолчать г-жу Сталь, и она, чтобы свободно говорить объ немъ дурное, отправилась изъ Парижа даже въ Петербургъ. Самый ужасный моментъ въ ея жизни былъ тотъ, когда министръ полиціи конфисковалъ ея книгу по приказанію императора. Трудно сказать, что̀ она любила больше: писать, или говорить? Но, не смотря на ея салонъ, открывавшійся вездѣ, гдѣ бы она ни была, и въ которомъ Бенжаменъ Констанъ проводилъ иногда по восемнадцати часовъ сряду; не смотря на ея постоянные разъѣзды, даже на опіумъ, который она пріучилась часто принимать въ послѣднее время, — она, всетаки, нашла время написать восемнадцать томовъ романовъ, разсужденій и монографій. Но съ другой стороны было что-то мелкое, недостойное въ преслѣдованіяхъ Наполеономъ этой женщины изъ личной непріязни. Когда такой министръ, какъ Фуше, преслѣдуетъ писателя, оскорбившаго его самолюбіе, это возмущаетъ чувство справедливости, но когда самъ властитель Франціи и пол-Европы подвергаетъ изгнанію изъ родины женщину, виновную только въ томъ, что она не одобряла его деспотическихъ поступковъ,—это уже не возмутительно, а заслуживаетъ презрѣнія. Въ семействѣ Неккеровъ, женевскихъ протестантовъ, доктринеровъ и резонеровъ, всѣ были писателями. Анна-Луиза, воспитанная матерью-методисткою, до конца жизни слѣпо вѣрила въ ораторское, политическое и писательское дарованіе своего отца, любила его, поклонялась ему. Ей было десять лѣтъ, когда съ Неккеромъ познакомился знаменитый англійскій историкъ Гиббонъ, весьма непривлекательной наружности. Видя, что отецъ отъ него въ восторгѣ, дѣвочка вдругъ предложила выйдти за Гиббона замужъ, лишь бы онъ чаще бывалъ у нихъ, такъ какъ это доставляетъ большое удовольствіе ея отцу. Шестнадцати лѣтъ она мечтала не о прекрасномъ юношѣ, а о политикѣ, и написала пространный, панегирическій обзоръ финансоваго отчета, составленнаго ея от-

домъ. Съ тѣхъ поръ отецъ сталъ удивляться дочери столько же, сколько дочь удивлялась отцу. Двадцати лѣтъ она вышла за барона Сталь-Гольстейнъ, шведскаго посланника въ Парижѣ. И въ этомъ бракѣ, какъ и во всей жизни г-жи Сталь, больше участвовалъ разсудокъ, чѣмъ сердце. При началѣ революціи молодая женщина была душою партіи конституціоналистовъ, желавшей для Франціи монархіи съ

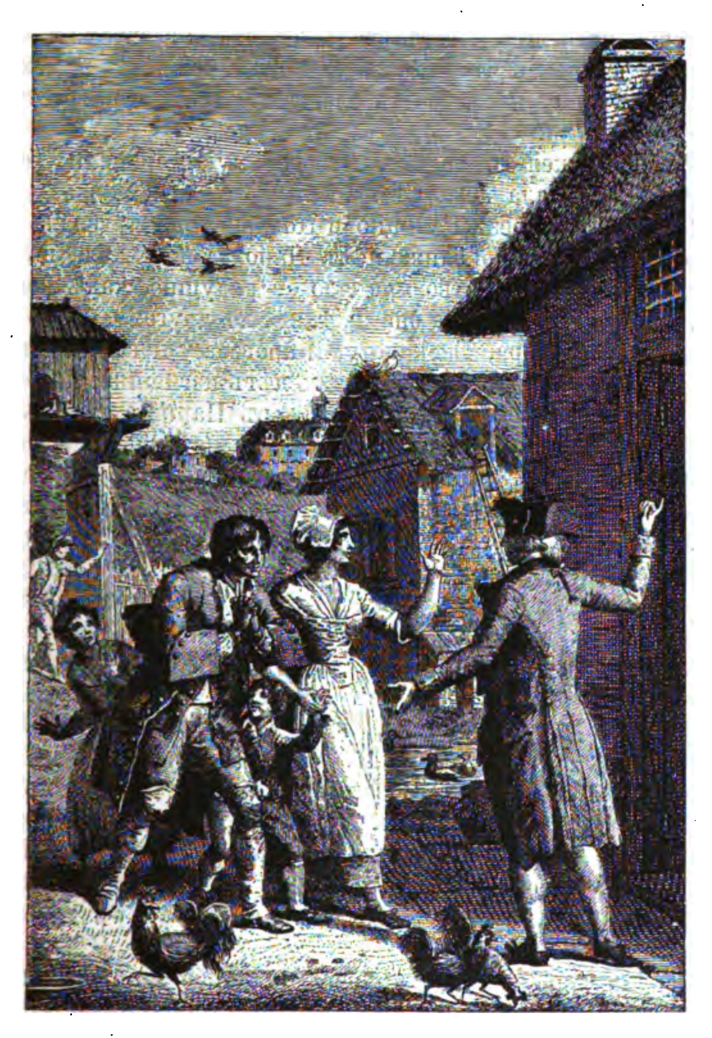
Гравюра изъ поэмы Делиля: «Сады». Рисунокъ Монсіо.

народнымъ представительствомъ, надѣленнымъ широкими правами. Дочь популярнаго министра, жена философа-политика, единственнаго представителя монархіи, оставшагося при республикѣ, она также достигла популярности своимъ талантомъ и умѣньемъ привлекать выдающихся людей на сторону своей партіи. Въ своемъ салонѣ она являлась, въ одно и то же время, писательницею, пла-

менным ораторомъ, вдохновеннымъ мыслителемъ, увлекательною женщиною. Красота ея отличалась не правильностью линій, а оживленіемъ и граціею. Не имѣя возможности гремѣть съ трибуны оратора, увлекать за собою толпу на площади, или на полѣ сраженія, захватить въ свои руки власть надъ страною, она хотѣла, по крайней мѣрѣ, управлять тѣмъ, кому доставила бы эту власть. Видя слабость Людовика XVI и усиленіе революціи, она придумала сумасбродный планъ—отдать корону Франціи герцогу Брауншвейгскому; съ одобренія Лафайета Кюстинъ повезъ герцогу это странное предложеніе, которое тотъ переслалъ Людовику. Тѣмъ и кончилась эта первая политическая интрига г-жи Сталь. Потомъ въ ея салонѣ составился планъ бѣгства короля, также не удавшійся; руководить имъ взялся ея обожатель Нарбоннъ. Со вторымъ своимъ обожателемъ, Бенжаменъ Констаномъ она сошлась уже въ Коппетѣ, куда эмигрировала послѣ своей брошюры, написанной въ защиту королевы, и гдѣ снова открыла свой салонъ, который перенесла въ Парижъ тотчасъ послѣ 9-го термидора. Мужъ ея, баронъ Сталь, также вернулся опять представителемъ Швеціи передъ Конвентомъ и, въ публичномъ засѣданіи, посланникъ короля объявилъ, что является «воздать почесть прирожденнымъ и неотъемлемымъ правамъ народовъ». Президентъ Конвента привѣтствовалъ барона братскимъ объятіемъ и приказалъ поставить ему кресло въ собраніи, гдѣ посланникъ присутствовалъ на всѣхъ засѣданіяхъ, что не помѣшало однажды мяснику Лежандру назвать съ трибуны жену посланника «безстыдной интриганткой». Благодушный супругъ не счелъ нужнымъ оскорбиться такою непарламентскою выходкою.

А интрига, дѣйствительно, процвѣтала въ новооткрытомъ салонѣ г-жи Сталь, гдѣ собирались всѣ выдающіеся дѣятели эпохи Директоріи. Чаще всего она давала аудіенціи въ саду своего отеля, гдѣ, окруженная поклонниками, съ одинаковой любезностью принимала республиканцевъ и роялистовъ, стараясь пріобрѣсти вліяніе на ходъ политики, на дѣла правленія. Здѣсь она старалась выдвинуть на первый планъ своего новаго поклонника, Талейрана, и, въ свою очередь, употребляла всѣ усилія, чтобы увлечь Карно. Но суровый якобинецъ не поддавался ея авансамъ. Она старалась также привлечь на себя вниманіе Бонапарте, но тотъ отнесся къ ней не только равнодушно, даже враждебно и однажды на ея вопросъ: кого онъ считаетъ первою женщиною, отвѣтилъ: ту, у которой больше дѣтей. Сдѣлавшись первымъ консуломъ, онъ, однако, предложилъ ей возвратить два милліона, оставленные Неккеромъ въ казначействѣ передъ его отъѣздомъ изъ Франціи. Она отказалась отъ этой суммы, которою хотѣли купить ея молчаніе, и продолжала осуждать произволъ консула. Бенжаменъ Констанъ, въ трибунатѣ, назвалъ его прямо деспотомъ. Полиція начала преслѣдовать ее мелкими придирками. Она оставила Парижъ и переселилась по

близости Версаля, но и тамъ явился къ ней жандармскій начальникъ и потребовалъ, чтобы она въ двадцать четыре часа оставила Францію. Сталь удалилась въ Веймаръ, гдѣ сблизилась съ Гёте, Шиллеромъ, Виландомъ, Шлегелемъ, потомъ жила въ Берлинѣ, гдѣ

Гравюра изъ поэмы Делиля: «Милосердіе». Рисунокъ Монсіо.

король и королева относились къ ней съ особеннымъ уваженіемъ. Въ Италіи она написала романъ «Коринна», имѣвшій огромный успѣхъ. Второй романъ ея, «Дельфина», написанъ лучше, но слабѣе по мысли. Когда же явилось ея сочиненіе «О Германіи», Наполеонъ увидѣлъ въ немъ рѣзкую критику своего управленія и возве-

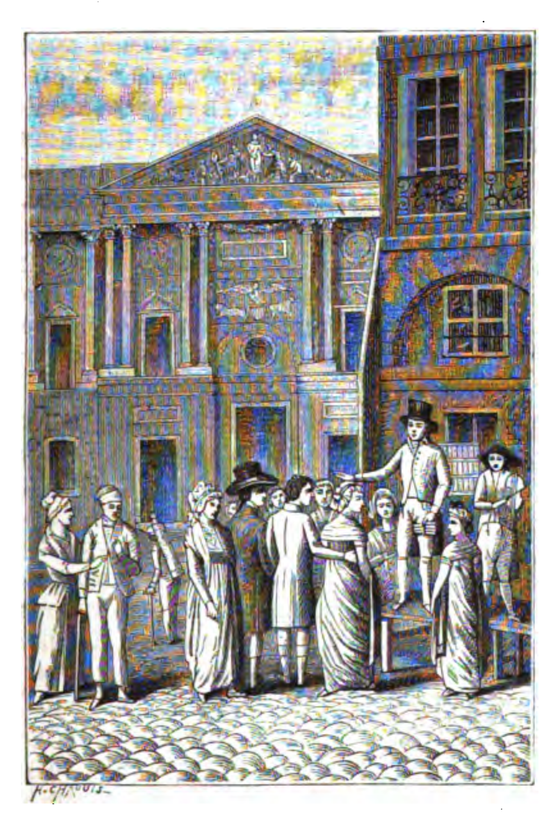
личеніе Германіи передъ Франціею—и приказалъ уничтожить все изданіе. Оно было сожжено и полицейскія преслѣдованія дошли до того, что женевскій префектъ явился къ писательницѣ, жившей въ своемъ замкѣ Коппетъ, чтобы сдѣлать у нея домовый обыскъ. Не найдя у нея ни одного экземпляра ужасной книги, осужденной на сожженіе, префектъ посовѣтовалъ ей, чтобы возвратить милость императора, написать что нибудь по поводу рожденія римскаго короля, пожелавъ ему наслѣдовать блестящій геній его августѣйшаго родителя.

— Я могу пожелать только, чтобы ему пріискали хорошую кормилицу,—отвѣчала г-жа Сталь.

Въ 1812 году, черезъ Галицію и Польшу, она пріѣхала въ Москву, но и оттуда, съ приближеніемъ Наполеона, уѣхала въ Петербургъ, гдѣ высшее общество приняло ее радушно, какъ врага Наполеона. Оттуда, черезъ Або, она пріѣхала къ другому, болѣе серьезному врагу императора, Бернадоту, и провела у него нѣсколько мѣсяцевъ, составляя свою книгу «Десять лѣтъ изгнанія». Потомъ она поѣхала въ Лондонъ, откуда вернулась въ Парижъ вслѣдъ за арміями союзниковъ. Но Наполеонъ возвратился съ Эльбы, и Сталь поспѣшила уѣхать въ свой Коппетъ. Оттуда ей послали оффиціальное приглашеніе пріѣхать въ Парижъ «для поддержанія конституціонныхъ идей», въ которыхъ Наполеонъ думалъ найдти поддержку своей рухнувшей деспотической имперіи. — «Могъ же онъ двѣнадцать лѣтъ обходиться безъ конституціи и безъ меня, — отвѣчала Сталь: — теперь же мы оба устарѣли, чтобы помочь ему». Полная волненій жизнь писательницы кончилась, однако, не политикой, а любовью. Еще въ 1810 году, въ Женевѣ, она познакомилась съ гусарскимъ офицеромъ, Рокка, лечившимся отъ тяжелой раны. Ему было 23 года, г-жѣ Сталь 45. Онъ, однако, влюбился въ нее и съумѣлъ убѣдить ее выйдти за него (баронъ Сталь умеръ еще въ 1802 году). У нихъ родился сынъ, и они поселились въ Пизѣ, гдѣ ея стараніями здоровье возвратилось раненому офицеру. Но сама она захворала отъ употребленія опіума и, вернувшись во Францію, умерла въ 1817 году, 52-хъ лѣтъ. Рокка умеръ черезъ годъ послѣ нея.

Въ противоположность роману, поэзія далеко не процвѣтала при Директоріи. Впрочемъ, даже еще задолго до 1789 года, не смотря на множество стихотвореній, издаваемыхъ поэтами безъ числа, во Франціи не было истинной поэзіи. Появлялись мадригалы, сонеты, идилліи, сантиментальные романсы, «Букетъ Хлориды», «Гирлянды Дориды» — но все это были только плоды холодной версификаціи, а не лирическаго вдохновенія. Даже въ эпоху террора, на ряду съ патріотическими гимнами и республиканскими одами, выходили «альманахи музъ и грацій», посвященные «прекраснѣйшей» (à la plus belle). Только «Альманахъ грацій» съ 1790 года пересталъ по-

священа графинѣ д'Артуа и началъ появляться съ эпиграфомъ: «Надъ сердцемъ царствуютъ лишь граціи однѣ». Въ то время, когда на площадь Революціи отвозили ежедневно по 20-ти — 30-ти жертвъ гильотины, на улицахъ, по которымъ проѣзжали телеги съ обреченными на казнь, продавались летучіе листки стихотвореній «Тріумфъ купидона», «Любовь мотылька и розы». Стукъ топора гильотины не будилъ эха на французскомъ Парнасѣ. Могло ка-

Анжъ Питу на площади Сен-Жерменъ д'Оксеруа.

заться, что поэзія не возбуждаетъ подозрительности мрачныхъ кровопійцъ, завладѣвшихъ Франціею, что поэты, живя въ мірѣ иллюзіи и фантазіи, чужды волненіямъ и заботамъ о злобѣ дня. И, однако, поэтъ Фабръ д'Эглантинъ, хотя самъ террористъ, но врагъ Робеспьера, клалъ свою голову подъ топоръ въ то время, когда весь Парижъ распѣвалъ его нѣжный романсъ: «Пастушка! дождичекъ идетъ!»—и въ телегѣ, отвозившей на казнь жертвы гильотины, авторъ поэмы «Мѣсяцы», Руше, встрѣчался съ другомъ своимъ

Андре Шенье, единственнымъ высокодаровитымъ поэтомъ царствованія Людовика XVI. «Альманахъ музъ», печатая трогательное прощаніе Руше со своими дѣтьми передъ смертью, не смѣлъ выставить подъ стихами имени поэта.

Сдерживаемая нѣсколько во время террора страсть къ стихотворству, при Директоріи разразилась съ неудержимою силою. Невозможно перечислить всѣхъ альманаховъ, сборниковъ стихотвореній, явившихся въ эти четыре года. Въ 1797 году, началъ выходить «Журналъ музъ», наполненный одними стихами. Такая же «Вечеринка музъ» появлялась выпусками въ теченіе трехъ лѣтъ. Стихами наполнялись столбцы всѣхъ періодическихъ изданій, не исключая «Философской декады». Лучшими поэтами V—VIII годовъ были Арно, Демутье, Лайя и Легуве. Поэма послѣдняго: «Достоинство женщины», въ одинъ годъ выдержала семь изданій. Но главою поэтовъ былъ Жакъ Делиль, получившій за переводъ «Энеиды» по пяти франковъ за стихъ и десять тысячъ за второе изданіе поэмы «Милосердіе». Побочный сынъ неизвѣстнаго отца и дочери знаменитаго канцлера Лопиталя, отвергнутой своею знатною роднею за грѣхъ молодости, онъ былъ воспитанъ на счетъ общественной благотворительности и сдѣлался аббатомъ. Долгое время онъ былъ скромнымъ профессоромъ въ Парижѣ. Луи Расинъ заставилъ его издать переводъ «Георгикъ» Виргилія, встрѣченный милостиво Вольтеромъ. Избранный въ члены академіи, онъ еще въ 1780 году написалъ свою лучшую поэму «Сады» и сдѣлался любимцемъ публики и салоннымъ поэтомъ. Во время террора онъ былъ арестованъ, но его спасъ прокуроръ коммуны Шометъ и поручилъ ему написать гимнъ въ честь верховнаго существа, замѣнившаго Бога, упраздненнаго революціей. Не смотря на покровительство террориста, эксаббатъ счелъ болѣе надежнымъ бѣжать изъ Парижа и, живя въ Швейцаріи и Германіи, написалъ поэмы: «Селянинъ», «Три царства природы» и «Милосердіе», а въ Англіи перевелъ «Потерянный рай» Мильтона. Консульство сдѣлало его профессоромъ поэзіи во французской коллегіи. До конца жизни (въ 1813 году) онъ пользовался вниманіемъ и любовью общества, услуживая всѣмъ, восхваляя всѣ предержащія власти, любезничая съ дамами, сочиняя правильные, звучные стихи, но скучныя поэмы. Делиля считаютъ если не творцомъ, то представителемъ «описательной поэзіи». Онъ описывалъ все, что ему попадалось на глаза: всѣ три царства природы, всѣ одушевленные и неодушевленные предметы, посвящалъ сотни стиховъ описанію быка, осла, лошади, но болѣе всего картинамъ природы, и чаще всего искусственной, какъ въ его «Садахъ». Настоящую природу онъ видѣлъ только изъ оконъ салоновъ, какъ говоритъ въ эпиграммѣ на Делиля Шенье, осмѣивающій его страсть описывать мелочные предметы:

«Засѣлъ ли гдѣ въ грязи тяжелый экипажъ,
Съ нимъ вмѣстѣ лѣзетъ въ грязь поэтъ любезный нашъ,
Чтобъ лучше описать событіе такое.
Оселъ идетъ—осла-ль оставитъ онъ въ покоѣ?» и проч.

Шенье отзывался ѣдко не только объ этой особенности Делиля онъ называлъ аббата — торгашомъ стиховъ, старой кокеткой, лакеемъ, румянившимъ Виргилія и подкрашивавшимъ Мильтона, одинаково восхвалявшимъ эмигрантовъ и Катона. При Робеспьерѣ онъ бралъ Бога подъ свое покровительство, но не пѣлъ гимновъ диктатору только потому, что этотъ не далъ ему пенсіи. Слишкомъ тщеславный, чтобы любить ближнихъ, но слишкомъ низкій, чтобы обойтись безъ господина, Делиль дѣйствительно расшаркивался передъ Наполеономъ, прославляя этого «возстановителя трона и алтаря», и Шенье правъ, говоря, что изъ стиховъ, за которые ему

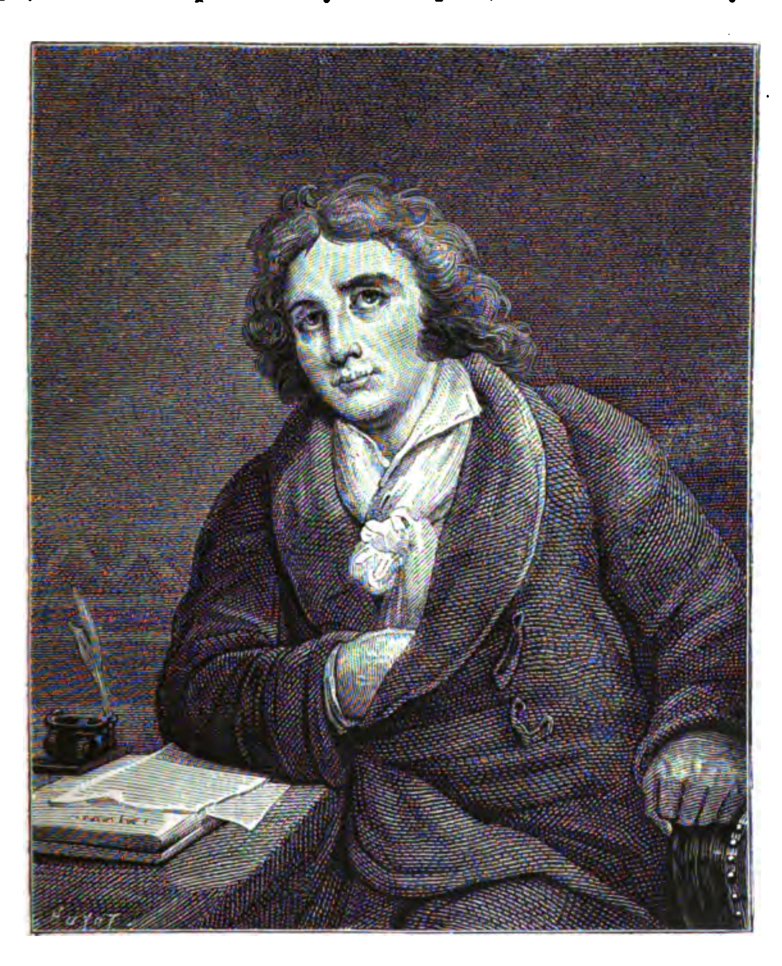
Дюсисъ. Съ портрета Жерара.

платятъ по шести франковъ, двѣ трети не стоятъ ни гроша. Нелегко, однако, доставались Делилю эти шесть франковъ. Жена его была настоящей мегерой; которая не разъ била скромнаго стихотворца и запирала его на цѣлые дни въ своемъ кабинетѣ, чтобы онъ «выколачивалъ ей франки», необходимые по хозяйству. А между тѣмъ, поэмы его на расхватъ покупались эмигрантами и высшимъ кругомъ имперіи, издавались съ многочисленными гравюрами, въ тысячахъ экземпляровъ.

Мы говорили уже о господствѣ въ эту эпоху на театрѣ, въ салонахъ и на улицахъ романсовъ, пѣсенокъ, застольныхъ куплетовъ. Они носили названіе «водевиля» и чаще всего распѣвались на обѣдахъ и ужинахъ. Отъ V до IX года выходилъ ежемѣсячно сборникъ новыхъ пѣсенъ этого рода, подъ заглавіемъ «Обѣды водевиля». Въ такомъ же родѣ выходилъ «Журналъ гастрономовъ и красавицъ». На улицѣ огромнымъ успѣхомъ пользовались сатирическіе куплеты, постоянно преслѣдуемые полиціей, такъ какъ въ нихъ зачастую осмѣивались не общественные недостатки, не частныя лица, а правительство и его мѣропріятія. Представителемъ такого рода уличныхъ поэтовъ былъ Анжъ Питу, лицо историческое, выведенное въ извѣстной опереткѣ «Дочь мадамъ Анго». Онъ принадлежалъ къ духовному званію, но вышелъ изъ него во время революціи и сдѣлался уличнымъ пѣвцомъ, чтобы имѣть средства къ жизни. Горячій приверженецъ монархіи, онъ сочинялъ пѣсни противъ республики и распѣвалъ ихъ на площадяхъ, сопровождая прозаическими объясненіями, въ которыхъ всегда осмѣивались правительственныя лица. Полиція Директоріи пятнадцать разъ сажала его въ тюрьму, но выпускаемый на свободу онъ всякій разъ принимался за прежнее. Тогда, во время переворота 18-го фруктидора, его сослали въ Кайенну. Прощенный во время консульства, онъ вернулся въ Парижъ и попробовалъ снова приняться за свое обыкновенное занятіе, но осмѣивать Наполеона было не такъ безопасно, какъ Директорію, и посаженный въ тюрьму онъ получилъ свободу только подъ условіемъ—не раскрывать рта на улицѣ. Тогда, чтобы жить, онъ напечаталъ (въ 1805 году) «Разсказъ о моемъ путешествіи въ Кайенну и къ людоѣдамъ», возбудившій интересъ, но заключающій въ себѣ, между нѣсколькими любопытными фактами, много вздора. Тутъ, конечно, ему былъ предоставленъ полный просторъ ругать революцію и онъ не отказываетъ себѣ въ этомъ удовольствіи, называетъ республику — утопіей, анархію — пьяной свободой и т. п. Во время реставраціи онъ писалъ множество монархическихъ брошюръ и просилъ пенсіи, утверждая, что его защита монархіи во время Директоріи привлекла болѣе 50,000 приверженцевъ на сторону королевской власти и что для ея поддержанія онъ истратилъ 250,000 франковъ, собранныхъ его пѣснями. Съ трудомъ выпросивъ себѣ полторы тысячи пенсіи, онъ умеръ въ 1818 году,

всѣми забытый, но продолжалъ издавать брошюры о безвѣріи, Бурбонахъ, Вандеѣ, правосудіи, истинѣ и чести.

Полная характеристика идей, нравовъ, стремленій эпохи Директоріи рельефнѣе всего отражалась въ драматической литературѣ, и въ этой отрасли искусство Франціи стало на высокую сту-

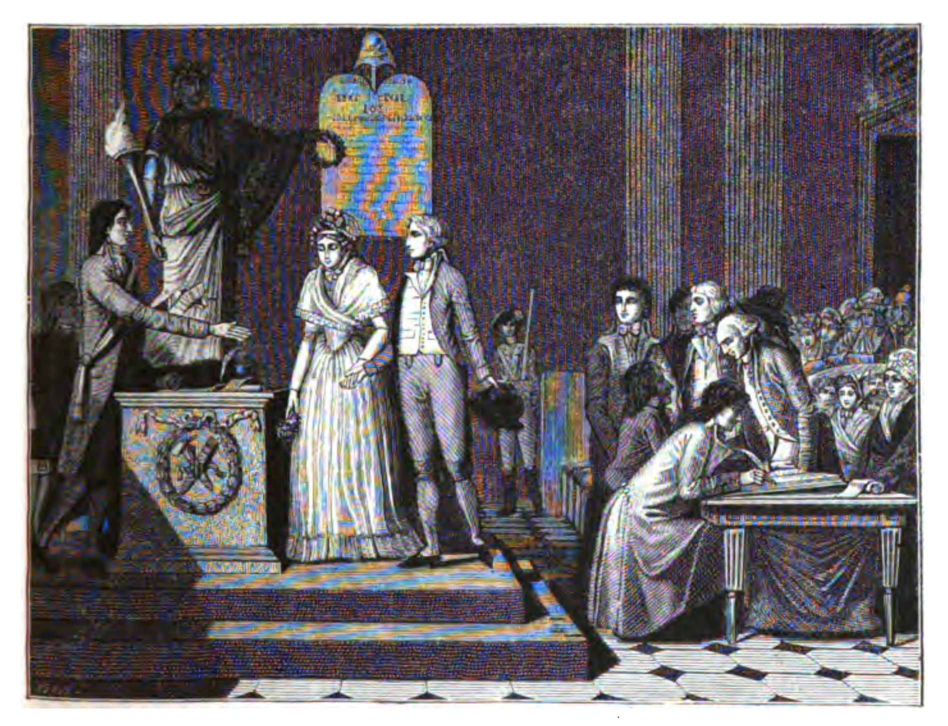
М. Ж. Шенье. Съ портрета Верне.

пень, не смотря на то, что на сценѣ во время террора появлялись произведенія, не имѣющія ничего общаго съ назначеніемъ театра, а, напротивъ, не появлялись такія, которыя составляютъ его славу, какъ трагедіи Корнеля и Расина. Директорія, допустивъ снова на сцену королей и принцевъ, положила конецъ передѣлкѣ, въ комедіяхъ Мариво, маркизовъ и графинь въ гражданъ и гражданокъ, а лакеевъ въ оффиціантовъ. Но въ эту трагическую эпоху тра-

гедія на сценѣ имѣла гораздо болѣе успѣха, чѣмъ комедія. Жанъ-Франсуа Дюсисъ, преемникъ Вольтера въ академіи, считался и его преемникомъ на сценѣ. Въ это время ему было уже болѣе 60-ти лѣтъ. Первая попытка его перенести на французскую сцену Шекспира относится еще къ 1769 году. «Гамлетъ» имѣлъ огромный успѣхъ, не смотря на крики Вольтера противъ «англійскаго варвара скомороха» и на попытки его помѣшать представленію пьесы, такъ какъ, по его совѣтамъ, Лекенъ отказался играть Гамлета. «Ромео и Юлія», поставленная черезъ три года, была встрѣчена публикою также съ восторгомъ, не смотря на искаженіе трагедіи Дюсисомъ, не знавшимъ вовсе англійскаго языка. Гораздо меньше успѣха имѣла его трагедія изъ классической древности: «Эдипъ у Адмета», и умный писатель обратился снова къ Шекспиру, передѣлавъ въ 1783 «Лира» и въ слѣдующемъ «Макбета». Въ 1792 году, явился «Отелло». Покровительствуемый графомъ Прованскимъ, писатель сдѣлался, однако, жаркимъ приверженцемъ принциповъ 1789 года, хотя громко осуждалъ крайности революціи и кровожадныхъ террористовъ. Въ 1795 году, онъ поставилъ хорошую пьесу «Абуфаръ», изъ быта кочевыхъ арабовъ, и черезъ два года передѣлалъ неудавшуюся трагедію, навѣянную Софокломъ, и назвалъ ее «Эдипъ въ Колоннахъ». Пьеса на этотъ разъ имѣла успѣхъ—послѣдній въ жизни писателя, больше ничего уже не ставившаго на сцену, хотя онъ умеръ въ 1816 году. Дюсисъ былъ типъ настоящаго, вполнѣ независимаго, честнаго писателя. Онъ никогда не принималъ отъ правительства никакого мѣста или положенія, никакой награды или пенсіи, отказался и отъ мѣста сенатора при консульствѣ, хотя о назначеніи его было уже напечатано въ «Монитерѣ», и отъ ордена почетнаго легіона. Онъ не принималъ и должности консерватора въ національной библіотекѣ; побѣды имперіи приводили его въ ужасъ; онъ сталъ до того ненавидѣть картины сраженій и пролитія крови, что пересталъ читать Иліаду. Для насъ онъ имѣетъ значеніе, потому что мы впервые познакомились съ Шекспиромъ въ передѣлкахъ Дюсиса.

Еще болѣе его имѣлъ успѣхъ на сценѣ болѣе даровитый писатель Мари-Жозефъ Шенье, братъ блестящаго, высокоталантливаго поэта, погибшаго на гильотинѣ, наканунѣ паденія Робеспьера. Сынъ гречанки и французскаго консула въ Константинополѣ, Шенье рано началъ писать для сцены, но первыя пьесы его не имѣли успѣха, и только «Карлъ IX», поставленный въ 1789 году, сразу сдѣлалъ поэта извѣстнымъ. Но это былъ скорѣе политическій, чѣмъ литературный успѣхъ. Революція нашла въ Шенье своего поэта. Если «Свадьба Фигаро» убила аристократію, «Карлъ IX» убьетъ монархію,—говорилъ Дантонъ. «Трагедія эта подвигаетъ наши дѣла лучше, чѣмъ взятіе Бастиліи»,—прибавлялъ Камиль Демуленъ. Парижъ прислалъ автору дубовый вѣнокъ—награду за гражданское мужество.

Въ 1791 году, былъ поставленъ его «Генрихъ VIII», встрѣченный уже съ меньшимъ восторгомъ. «Кай Гракхъ» въ слѣдующемъ году напомнилъ успѣхъ «Карла IX», но, не смотря на чисто республиканскій характеръ трагедіи, она была запрещена террористами за высказывавшіяся въ ней воззванія къ кротости и человѣколюбію и въ особенности за стихъ: «Мы требуемъ законовъ, а не крови!». «Фенелонъ», полный тѣми же гуманными тенденціями, возстановилъ еще болѣе якобинцевъ противъ автора, а «Тимолеонъ», направленный противъ тираніи Робеспьера, былъ запрещенъ имъ въ 1794

Республиканскій бракъ. Гравюра Леграна.

году. Авторъ, въ присутствіи Барера, долженъ былъ сжечь оригиналъ пьесы. По счастію, одна изъ актрисъ сохранила копію и трагедія была дана тотчасъ послѣ 9-го термидора. Послѣдующія его трагедіи «Филиппъ II», «Тиверій», «Брутъ и Кассій» имѣютъ тѣ же литературныя достоинства, но менѣе сценичны. Онъ переводилъ также Софокла, писалъ республиканскіе гимны, между которыми «Chant du départ» раздѣлилъ успѣхъ марсельёзы, ѣдкія сатиры и поэтическія элегіи. Но какъ человѣкъ, онъ стоялъ не только ниже Дюсиса, но заслуживаетъ упреки исторіи за свою безхарактерность. Онъ вотировалъ смерть короля, торжественное погребеніе Марата

въ Пантеонѣ, потомъ принадлежалъ къ врагамъ Робеспьера, то защищалъ свободу печати, то, какъ членъ совѣта пятисотъ и трибуната, подвергалъ ее преслѣдованіямъ. Въ то же время онъ дѣятельно работалъ по распространенію просвѣщенія въ народѣ, по учрежденію консерваторіи, политехнической школы, института. Одобряя переворотъ 18-го брюмера, онъ написалъ на коронацію Наполеона трагедію «Киръ» съ похвалами основателю новой династіи, но вскорѣ послѣ того въ «Посланіи къ Вольтеру» помѣстилъ такія выходки противъ деспотизма императора, что потерялъ всѣ свои мѣста. Впослѣдствіи Наполеонъ далъ ему, впрочемъ, пенсію. Эта же слабость характера подала поводъ къ тому, что враги обвиняли его въ томъ, что онъ былъ причиною смерти своего брата. Но во время процеса Андрея Шенье, Мари-Жозефъ былъ во враждѣ съ Робеспьеромъ и не могъ ничего сдѣлать для спасенія осужденнаго, такъ какъ самъ скрывался отъ розысковъ революціоннаго трибунала. Это не помѣшало, однако, роялисту Мишо, историку крестовыхъ походовъ, преслѣдовать Мари-Жозефа въ своемъ журналѣ и спрашивать: — «Каинъ, что̀ ты сдѣлалъ со своимъ братомъ?». Эту фразу писатель получалъ постоянно въ анонимныхъ письмахъ; ее писали на дверяхъ его квартиры; за нѣсколько дней до своей смерти въ 1811 году, онъ нашелъ ее даже подъ подушкой своего сме́ртнаго одра. — Цареубійцѣ ничего не стоило сдѣлаться братоубійцей,—говорили спокойно враги писателя, сами убѣжденные въ клеветѣ. Шенье умеръ 47 лѣтъ.

Изъ другихъ трагедій, во время Директоріи, имѣли большой успѣхъ: «Эпихариса и Неронъ, или договоръ въ пользу свободы», «Квинтъ Фабій, или римская дисциплина» и «Этеоклъ» Легуве; «Эфраимскій левитъ» и «Агамемнонъ» Лемерсье; «Муцій Сцевола» и «Періандръ» Люсъ де-Лансиваля; «Цинцинатъ», «Марій въ Минтурнѣ», «Оскаръ, сынъ Оссіана» Арно, «Катонъ Утическій» Ренуара; изъ комедій: «Умиротворенныя Аѳины»—передѣлка Аристофана—Кальява, «Артисты» и «Старый холостякъ» Коленъ д'Арлевилля; «Наставникъ» Фабръ д'Эглантина, «Разводъ», «Женщины» Демутье, «Актриса» Андріё, «Свадебные проекты» Александра Дюваля, «Школьные друзья» Пикара. Драма въ эту эпоху имѣла немногихъ представителей, лучшими пьесами были: передѣлка «Ненависть къ людямъ и раскаяніе» Коцебу, «Евгенія» и «Преступная мать» Бомарше, «Побочный сынъ» Лакретеля. Но въ это же время, на бульварахъ, театрахъ, начиналось господство мелодрамы, развившейся въ эпоху консульства и имперіи, и отецъ которой Жильберъ де-Пиксерекуръ написалъ до трехсотъ пьесъ въ этомъ родѣ. О музыкѣ временъ Директоріи мы уже говорили.

Искусства не процвѣтали. Революція не произвела ни одного высокоталантливаго живописца. Она заказывала не картины, а только декораціи для національныхъ праздниковъ. Лучшіе живописцы

послѣдняго царствованія Грезъ и Фрагонаръ были забыты и умерли въ эпоху косульства. Первый республиканскій художникъ, Луи Давидъ, писалъ картины въ строго классическомъ стилѣ, но холодныя и безжизненныя. Прюдонъ продолжалъ рисовать своихъ амуровъ и грацій. Ученики Давида Жераръ, Гро, Жироде, Изабе только что начинали свое артистическое поприще. Выставки 1796

Императрица Жозефина. Съ портрета Жерара.

и 1798 года были богаты числомъ, но не достоинствомъ картинъ. Изъ Италіи и Египта прислано было въ Парижъ много художественныхъ произведеній. Бонапарте ввелъ въ обычай грабить музеи городовъ, занимаемыхъ французскою арміею. Привозились даже монументы съ площадей, какъ статуи лошадей съ площади св. Марка въ Венеціи. Болѣе всего процвѣтала портретная живо-

пись. Скульптура ограничивалась только изваяніемъ неуклюжихъ статуй, изображающихъ свободу и равенство, или народа, въ видѣ Геркулеса, поражающаго гидру федерализма. На развалинахъ бастиліи, воздвигли фонтаны со статуею Возрожденія (Régénération), въ видѣ Ириды, у которой изъ грудей, поддерживаемыхъ ея руками, текла вода. Изъ классическихъ боговъ, изображали только Геркулеса, Вулкана, Минерву, Цереру, забывъ о Венерѣ, Апполлонѣ, Амурѣ, нимфахъ и граціяхъ. Гудонъ и его ученики представляли бюсты Вольтера, Руссо и Марата, олицетворяли день 10-го октября въ видѣ генія Франціи, ломающаго скиптры и короны. Лемо изваялъ барельефы для трибуны законодательнаго корпуса и Нуму Помпилія для совѣта пятисотъ. Гравюра была въ пренебреженіи; никто не находилъ нужнымъ увѣковѣчивать сцены террора, вырѣзывая ихъ на мѣди. Только для романовъ много работали малоизвѣстные художники. Большія изданія, иллюстрированныя рисунками, начали появляться позже, во время консульства и имперіи. Образцы лучшихъ работъ Дебюкура, Леграна, Монсіо, Бланшара, Годефруа, помѣщены въ нашемъ очеркѣ. Всѣ они гравировали больше всего карикатуры. Архитектура, сильно поднявшаяся въ царствованіе Людовика XVI и совершенно упавшая во время террора, начала замѣтно возрождаться при Директоріи. Въ революцію болѣе 40,000 церквей, монастырей и дворцовъ, не считая другихъ правительственныхъ зданій, сдѣлались національною собственностью и, продаваясь съ молотка, получили другое назначеніе. Республика не созидала, а разрушала. Въ одномъ Парижѣ было конфисковано болѣе 6,000 отелей, принадлежащихъ эмигрантамъ и казненнымъ лицамъ. Директорія строила только театры: въ 1798 году — театръ Національныхъ побѣдъ въ улицѣ дю-Бакъ, въ 1799 году театръ молодыхъ воспитанниковъ въ улицѣ Дофины. Въ украшеніяхъ зданій, меблировкѣ, орнаментахъ, въ ювелирномъ и декоративномъ искусствѣ преобладалъ римскій стиль.

1799 годъ, въ концѣ котораго погибла Директорія, начался для нея также очень дурно. Коалиція Англіи, Австріи и Россіи угрожала республикѣ, которая могла выставить армію только въ 170,000 для своей защиты. Лучшія войска были въ Египтѣ съ генераломъ Бонапарте. Кампанія началась отступленіемъ Журдана на Дунаѣ, передъ натискомъ эрц-герцога Карла, и Шеррера въ Италіи до Адды. Только Массена держался въ Швейцаріи. Шеррера замѣнили генераломъ Моро, но и онъ былъ разбитъ Суворовымъ при Требіи; храбрый Жуберъ палъ при Нови; Италія, казалось, была потеряна. Директорія начала опасаться вторженія во Францію. Чтобы поправить нѣсколько разстроенные финансы, прибѣгли къ акцизной системѣ: на парижскихъ заставахъ стали, какъ при монархіи, брать пошлину за привозъ съѣстныхъ припасовъ. Это возбудило ропотъ въ народѣ. Братья Бонапарте, чтобы отвлечь вни-

маніе публики отъ неудачныхъ дѣйствій генерала въ Египтѣ и Сиріи, отъ пораженія французовъ при Абукирѣ и Сен-Жан-д'Акрѣ, начали обвинять директоровъ—въ расточительности, въ неумѣньѣ управлять страною. Трое изъ нихъ, честные республиканцы Ларевелльеръ-Лепо, Трельяръ и Мерленъ должны были уступить мѣсто приверженцамъ Бонапарте или безхарактернымъ лицамъ, Рожеру Дюко, Гойе и Мулену. Баррасъ, чтобы сохранить свою власть, отрекся отъ своихъ товарищей. Пятый директоръ Сіейесъ, замѣнившій Ревбеля, также былъ на сторонѣ военной диктатуры, которую

Марія-Луиза. Съ портрета Прюдома.

призывало тогда почти все общество капиталистовъ, чиновниковъ, спекуляторовъ. Центромъ бонапартистскаго заговора былъ маленькій домикъ въ улицѣ Шантеренъ, гдѣ привычная къ интригамъ, жена молодаго генерала, вербовала всѣми средствами приверженцевъ своему мужу. Роялистовъ и эмигрантовъ Жозефина увѣряла, что Бонапарте готовъ, какъ полководецъ будущаго короля, сдержать своею сильною волею всѣ опасные революціонные элементы и въ особенности этихъ опасныхъ республиканскихъ генераловъ: Журдана, Бернадота, Массену, Ожеро, которые, вмѣсто того, чтобы тушить пожаръ, только разжигаютъ его. По счастію, солдаты больше ихъ

преданы Бонапарте и съ нимъ пойдутъ, куда онъ захочетъ повести ихъ. Честолюбцевъ она привлекала на свою сторону приманкою власти и почестей. Она была такою искусною и полезною помощницею своему мужу, что онъ не могъ не цѣнить ея услугъ и прощалъ ей и ея расточительность, и увлеченія. Креолка, родившаяся подъ горячимъ солнцемъ Мартиники, Жозефина шестнадцати лѣтъ была выдана за виконта Богарне. Когда онъ былъ посаженъ въ тюрьму во время террора, она употребляла всѣ усилія, чтобы спасти его отъ гильотины, но, не успѣвъ въ этомъ, сама была арестована и раздѣлила бы участь своего мужа, если бы ее не спасло паденіе Робеспьера. Одинъ изъ главныхъ виновниковъ этого паденія, Таліенъ, покровительствовалъ молодой вдовѣ и возвратилъ ей ея имущество. Потомъ не меньшее покровительство ей оказывалъ Баррасъ и отдалъ ее замужъ за своего протеже, генерала Бонапарте, хотя ему было 27 лѣтъ, а ей 33. Для вступленія въ бракъ она представила метрическое свидѣтельство своей сестры, умершей въ молодыхъ годахъ, по которому невѣстѣ было только 24 года. Впрочемъ, въ то время для брака и не требовалось особыхъ формальностей. Женихъ съ невѣстой являлись въ мерію, расписывались въ присутствіи мера въ томъ, что вступаютъ въ бракъ, подписи скрѣплялись свидѣтелями; меръ во имя закона объявлялъ ихъ супругами—и этимъ все оканчивалось.

Генералъ Бонапарте заключилъ точно такой бракъ. Въ числѣ его свидѣтелей были Баррасъ и Таліенъ. Жозефина была въ муселиновомъ платьѣ, убранномъ бѣлыми, синими и красными цвѣтами, съ поясомъ и гирляндою тѣхъ же цвѣтовъ. Этимъ она хотѣла показать, что раздѣляетъ республиканскіе принципы своего мужа, не смотря на то, что всегда была роялисткой и по отцу, и по первому мужу. Она любила Наполеона, но онъ постоянно жаловался на ея вѣтренность. Черезъ пять дней послѣ свадьбы, принужденный уѣхать въ армію, онъ писалъ ей: «Ты весела, шутишь со своими друзьями и я упрекаю тебя въ томъ, что ты такъ скоро забыла тяжелую разлуку. Ты вѣтрена, тебѣ легко утѣшиться; въ тебѣ нѣтъ никакого глубокаго чувства». Въ 1798 году, въ письмѣ къ своему брату Іосифу изъ Каира, Бонапарте жалуется ему на свои домашнія несчастія и черезъ десять лѣтъ въ письмѣ къ Жозефинѣ упрекаетъ ее въ томъ же непостоянствѣ. Наканунѣ своей коронаціи, въ концѣ 1804 года, бракъ ихъ былъ освященъ церковью, но черезъ пять лѣтъ Наполеонъ объявилъ ей, что ему необходимъ наслѣдникъ, который продолжилъ бы его династію, а такъ какъ въ 46 лѣтъ Жозефина не можетъ надѣяться имѣть дѣтей, то онъ принужденъ съ ней развестись. Объявилъ онъ ей это однажды за завтракомъ, и она упала въ такой глубокій обморокъ, что онъ не могъ привести ее въ чувство. Тогда онъ позвалъ дежурнаго камергера Боссе и, не желая дѣлать другихъ придворныхъ свидѣте-

лями этой сцены, попросилъ его помочь отнести императрицу въ ея комнату. Наполеонъ взялъ ее за ноги, Боссе за плечи, и они понесли ее такимъ образомъ, но у дверей камергеръ запнулся за коверъ и употребилъ большое усиліе, чтобы удержать свою драгоцѣнную ношу. Вдругъ Жозефина повернула къ нему голову и шепнула: «послушайте, вы ужъ черезчуръ крѣпко жмете меня!». Императрицей она дѣлала большіе долги, за что̀ Наполеонъ дѣлалъ ей сцены. Онъ долженъ былъ также не разъ прогонять интригантовъ, которыми она любила себя окружать. Разведясь съ ней, онъ далъ ей Мальмезонъ и два милліона франковъ пенсіи, но продолжалъ, по временамъ, съ ней переписываться, чѣмъ была очень недовольна его вторая жена, Марія-Луиза. Не смотря на всѣ свои недостатки, Жозефина была и наружностью, и характеромъ лучше этой австрійской эрц-герцогини. Сто̀итъ только взглянуть на ихъ портреты, чтобы убѣдиться въ этомъ. Выросшая подъ тропическимъ солнцемъ, смуглая Жозефина только сильно бѣлилась. Умерла она въ годъ паденія своего мужа, отъ жабы, на 51 году. Если въ ней не было сильной привязанности къ Наполеону, то вѣдь надо помнить, какъ и онъ держалъ себя въ отношеніи къ ней, а особенно, когда сдѣлался всевластнымъ господиномъ Франціи. Онъ толковалъ о разводѣ съ ней даже наканунѣ 18-го брюмера, когда она все подготовила къ тому, чтобы онъ успѣлъ захватить власть въ свои руки. Но она искренно, горячо любила своихъ дѣтей отъ перваго мужа, успѣхи Гортензіи предпочитала своимъ собственнымъ, просила прощенія у шестнадцатилѣтняго Евгенія Богарне, когда выходила за Бонапарте, и обѣщала ему, что вотчимъ его сдѣлается героемъ. И въ то время, когда отреченіе Наполеона ускорило ея кончину, та, которую французы называли, какъ Ма̀рію-Антуанету, «австрійка», — спокойно разставалась со своимъ трехлѣтнимъ сыномъ, которому такъ нужны были заботы матери, для того, чтобы больше никогда не видѣть его. Лучше ли Марія-Луиза относилась къ своимъ дѣтямъ отъ генерала Нейперга — этого мы не знаемъ.

Какимъ образомъ Наполеону удалось уйдти изъ Египта, гдѣ передъ Александріею стоялъ англійскій флотъ адмирала Сиднея Смита, а Нельсонъ настаивалъ, что французскому генералу не слѣдуетъ позволить вернуться въ Европу? — это объяснилось только недавними, сравнительно, историческими изысканіями, также какъ и закулисными подробностями заговора 18-го брюмера. Но этотъ трагикомическій эпизодъ, закончившій четырехлѣтній періодъ властвованія Директоріи, заслуживаетъ особаго изслѣдованія и описанія, и мы представимъ впослѣдствіи читателямъ правдивую исторію этого любопытнаго государственнаго переворота.

Вл. Зотовъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Исторія искусствъ. П. Гнѣдича. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1885.

ВОТЪ КНИГА, какихъ у насъ еще не бывало. Предметъ, обѣщанный въ ея заголовкѣ, занимателенъ для многихъ, внѣшность привлекательная, по формѣ и содержанію книга г. Гнѣдича совсѣмъ не похожа на имѣющіеся у насъ труды по искусству. За безподобность своей книги, въ сравненіи съ этими трудами, ручается и самъ авторъ въ коротенькомъ, но вразумительномъ предисловіи.

По словамъ г. Гнѣдича, его книга — «первая попытка дать на русскомъ языкѣ, въ живомъ и сжатомъ изложеніи, картину общаго хода развитія искусствъ съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней». Все, что у насъ было и есть по исторіи искусствъ, по увѣренію г. Гнѣдича, «представляетъ переводъ иностранныхъ компиляцій, годныхъ болѣе для справокъ, чѣмъ для чтенія»! Смѣлость такого огульнаго приговора въ данномъ случаѣ оказывается вполнѣ понятной,—г. Гнѣдичъ, очевидно, до того боится «справокъ», что не пожелалъ узнать толкомъ о «всемъ изданномъ у насъ по этому предмету». Говорю «не пожелалъ», ибо не хочу допустить мысли о намѣренно недобросовѣстномъ и ложномъ заявленіи съ цѣлью отвлечь вниманіе любопытствующихъ отъ этого «всего» къ своей единственной, небывалой, «первой попыткѣ». Конечно, Віоле-ле-Дюкъ, Карьеръ, Куглеръ, Любке, Реймонъ, сочиненія которыхъ переведены порусски, не имѣютъ претензіи «давать картины». Они просто трактуютъ объ искусствѣ, какъ о дѣлѣ серьезномъ и достойномъ изученія. Г. Гнѣдичъ понимаетъ это дѣло иначе. И въ этомъ иномъ смыслѣ его «Исторія искусствъ», дѣйствительно, «первая попытка». Пожалуй, даже всякія серьезныя «справки» могли бы только помѣшать ея появленію.

Хорошо или дурно поступалъ г. Гнѣдичъ, пугаясь «справокъ», отвѣтить на это можетъ сама книга краснорѣчивѣе всякихъ разсужденій.

Г. Гнѣдичъ, уклоняясь отъ тяжкой необходимости наводить справки о томъ, чего не знаешь, порѣшилъ, что и читателямъ его книги всякія серьезныя справки должны быть въ тягость и должны показаться «излишними и спеціальными подробностями». Само собою разумѣется, при такой рѣшимости, «ученаго сочиненія» тутъ никто и ждать не станетъ. Также напрасно опасается авторъ, что его книгу могутъ принять за «учебникъ». Въ ней научиться нечему. Авторъ, однако, «смѣетъ думать, что предлагаемое изданіе должно заинтересовать вообще образованное общество, и художниковъ попреимуществу». Что касается до художниковъ, то въ средѣ ихъ попадаются всякіе и есть, конечно, такіе, которымъ очень тягостно выносить бремя знанія. Для тѣхъ, кто открываетъ, напримѣръ, «Альгамбру въ Каирѣ» (см. журналъ «Ласточка»), отсутствіе мало-мальски серьезныхъ знаній служитъ даже нѣкоторымъ украшеніемъ ихъ развязности, свободной отъ предразсудковъ просвѣщенія. Тутъ, стало быть, все пойдетъ на потребу, тутъ и книгѣ г. Гнѣдича найдется мѣсто. По Сенькѣ и шапка... Но, когда предполагается оказать услугу «образованному обществу», пригодность книги должна быть подтверждена дѣйствительными достоинствами. Имѣются ли таковыя въ «Исторіи искусствъ» г. Гнѣдича?

Эта «Исторія» не обременена фактами и свѣдѣніями. Все сколько нибудь серьезное, касающееся искусства, «обходится» въ ней. То «не позволяетъ мѣсто распространяться», то «дѣло излишнее для неспеціалистовъ», то «не считаемъ возможнымъ утомлять читателя». Въ особенности послѣднее обстоятельство сильно заботило автора «Исторіи». Растяжимость понятія «культуры», играющей роль цѣлаго по отношенію къ искусству, дало возможность г. Гнѣдичу съ избыткомъ развлечь читателя. Какъ плодились еврейки при фараонахъ, какъ взнуздывали и сѣдлали лошадей арабы, какъ пировалъ Лукуллъ и пр., и пр.,—объ этомъ обстоятельно разсказывается въ «Исторіи искусствъ». Подобнаго сорта «факты», встрѣчающіеся въ лубочныхъ книжкахъ, дополняются анекдотами, легендами, изрѣченіями, выдержками изъ учебныхъ христоматій. Вотъ подвернулось автору слово «диванъ», и г. Гнѣдичъ подробно объясняетъ его значеніе, разсказываетъ его исторію. Все свѣдѣнія изъ любаго энциклопедическаго словаря. Тутъ и «мѣсто позволяетъ». А какъ только приходится говорить объ искусствѣ, авторъ «Исторіи» довольствуется «бѣглымъ обзоромъ» и «отсылаетъ» читателя, интересующагося дѣломъ, «утомляться» надъ какой нибудь случайно попавшейся журнальной статейкой. Этихъ статеекъ, впрочемъ, оказывается очень немного въ запасѣ у г. Гнѣдича. Въ большинствѣ случаевъ прибѣжищемъ, облегчающимъ отъ утомленія и скучныхъ справокъ, служитъ «Исторія умственнаго развитія Европы» Дрэпера, которую и гимназисты перестали читать, да еще «Внѣшній бытъ народовъ» Вейса. Цитатами отсюда переполнена «Исторія искусствъ».

Причемъ же, однако, «искусство» у Дрэпера и Вейса? Въ томъ-то и бѣда, что г. Гнѣдичъ, повидимому, непремѣнно желаетъ «заинтересовать образованное общество» этими неутомительными писателями. Ради этого и самое искусство исчезаетъ подъ баластомъ цитатъ, почерпнутыхъ у нихъ, и вольнаго изложенія матеріала, какой нашелся идущимъ къ «Исторіи» въ названныхъ сочиненіяхъ и предлагается «образованному обществу», въ видѣ «первой попытки дать на русскомъ языкѣ»... и пр. И все это изъ опасенія не утомить читателей!

Этимъ же опасеніемъ, вѣроятно, объяснить надо и то, что г. Гнѣдичемъ тщательно, весьма тщательно, скрывается самый главный изъ могущихъ «утомлять образованное общество», источникъ приведенныхъ въ его «Исторіи» скудныхъ свѣдѣній по искусству. Источникъ этотъ, правда находится подъ спудомъ и доступенъ лишь немногимъ счастливцамъ. Но разоблачить его, всетаки, слѣдовало бы. Многое въ книгѣ г. Гнѣдича сразу объяснилось бы сколько нибудь свѣдущимъ людямъ; разъяснилась бы и его «начитанность», и значеніе его «монографій», какъ названы въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», главы и главки (нѣкоторыя буквально въ нѣсколькихъ строкахъ трактуютъ о цѣломъ и важномъ періодѣ въ развитіи искусства, подъ особыми заглавіями) «Исторіи» г. Гнѣдича. Межъ тѣмъ, авторъ только въ двухъ мѣстахъ, да и то очень глухо, упоминаетъ о своемъ главномъ источникѣ по искусству. Назовемъ его прямо, не боясь утомлять читателей. Это—старыя, сохранившіяся въ немногихъ экземплярахъ, литографированныя записки академическихъ лекцій извѣстнаго профессора Горностаева.

Если бы г. Гнѣдичъ перепечаталъ эти записки (конечно, не выдавая ихъ за свои), дополнивъ то, что въ нихъ устарѣло и требуетъ обновленія, онъ оказалъ бы услугу и «образованному обществу, и художникамъ попреимуществу». Но, видно, авторъ «Исторіи» не хотѣлъ «утомлять» читателя и предпочелъ систематическому изложенію понадерганныя оттуда выдержки, безъ указанія источника. Замѣтимъ кстати, что въ запискахъ Горностаева немало заимствованій изъ переведенныхъ у насъ «компиляцій, годныхъ для справокъ». И вотъ г. Гнѣдичъ разсортировалъ матеріалъ этихъ записокъ по своему, т. е. поступилъ такъ, какъ и подобало сочинителю небывалой у насъ «первой попытки». Порядокъ размѣщенія отдѣловъ тотъ же, факты сокращены, урѣзано не мало дѣльнаго, извлечены общія мѣста, много перефразировано и нельзя сказать, чтобъ удачно, и собранный Горностаевымъ матеріалъ растасованъ г. Гнѣдичемъ безъ разбора по разнымъ главамъ, носящимъ иныя названія. Такая операція обнаруживается особенно ясно при обзорѣ отдѣловъ древнехристіанскаго искусства. Византійское искусство, въ составъ котораго, по Горностаеву, входятъ армянская и русская церковная архитектура, г. Гнѣдичемъ включено въ видѣ главы особой «монографіи», подъ заглавіемъ «Древнехристіанская эпоха», а обзоръ русской и армянской архитектуръ отнесенъ къ другой «монографіи», называющейся: «Русь въ связи съ дальнѣйшимъ развитіемъ христіанства въ Европѣ». Причемъ, разумѣется, дѣло не обошлось безъ оправданій на тему — «знаю, да не скажу»: «объемъ книги не позволяетъ»... Для примѣра сокращеній, урѣзокъ подлинника въ копіи, откроемъ на удачу страницу записокъ Горностаева. Вотъ соборъ св. Марка въ Венеціи. Подыскиваемъ въ «Исторіи» г. Гнѣдича соотвѣтствующую страницу. Получается слѣдующее:

Горностаевъ.	*Г. Гнѣдичъ.*
Планъ его въ формѣ греческаго креста, но не похожъ ни на одинъ изъ плановъ уцѣлѣвшихъ византійскихъ церквей...(Опускаемъ нѣсколько строкъ, не воспроизведенныхъ г. Гнѣдичемъ) по всему, кажется, что нартексъ кругомъ передней части собора—позднѣйшая пристройка. Формы его порталей скорѣе романскія, нежели византійскія...	Первичный его планъ представляетъ обычный греческій крестъ, хотя и не похожъ ни на одинъ изъ плановъ византійскихъ церквей. Нартексъ передней части собора возведенъ несомнѣнно позже, тѣмъ болѣе (?), что стиль его романскій...

Такимъ манеромъ копируется оригиналъ, со вставками, кстати и не кстати, словъ, идущихъ и вовсе не идущихъ къ дѣлу. Особенно кстати пришлось это «тѣмъ болѣе»! Такими-же прилагательными, разными «несомнѣнно», «конечно», повторяемыми на каждомъ шагу, ограничивается вся самостоятельность сочинителя. Въ содержаніи и методѣ изложенія, авторъ «Исторіи» вполнѣ подчиненъ своему источнику. Этой же подчиненностью объясняется и такое необычное пристрастіе г. Гнѣдича къ одеждамъ. Горностаевъ съ этимъ знакомилъ учениковъ академіи, какъ будущихъ изобразителей костюмовъ на картинахъ. А г. Гнѣдичъ рѣшилъ, что въ костюмахъ главная суть «Исторіи искусства». Благо, въ 6-ти томахъ Вейса можно понабрать богатый матеріалъ. Встрѣчаются и болѣе курьезныя позаимствованія у Горностаева, но о нихъ скажемъ когда нибудь потомъ, въ случаѣ надобности. Пока же слѣдуетъ пожалѣть, что г. Гнѣдичъ слишкомъ произвольно распорядился съ записками Горностаева, самой лучшей ихъ частью (о Готикѣ) пренебрегъ, а взамѣнъ того, воспроизвелъ самую устарѣлую со всѣми ея промахами (византійское и вообще древне-христіанское искусство).

Нельзя не пожалѣть, однако, что сочинитель «Исторіи искусства» въ порывѣ увлеченія слабостями Ивана Александровича Хлестакова, какъ извѣстно, приписывавшаго себѣ «Капитанскую Дочку» Пушкина и одновременно «Юрія Милославскаго» Загоскина, совсѣмъ позабылъ о своемъ академическомъ источникѣ и ручается такимъ сочиненіемъ пополнить «ощутительный пробѣлъ» въ «прохожденіи курса исторіи искусствъ въ Академіи». Въ этомъ курсѣ будто бы, по словамъ г. Гнѣдича, «вниманіе учащихся обращается болѣе всего на эпоху классицизма, и съ позднѣйшими стадіями искусства они знакомятся въ большинствѣ случаевъ по отрывочнымъ журнальнымъ статьямъ». На повѣрку, оказывается, что самъ авторъ «Исторіи» пополнилъ въ самомъ себѣ «ощутительный пробѣлъ» по академическому курсу. А теперь хочетъ вернуть академіи ея же добро, только въ поношенномъ, искаженномъ, истрепанномъ видѣ. Что и говорить, остроумно!

Нѣтъ ничего мудренаго, что при недостаточности дѣльныхъ «справокъ» и при такой смѣлой операціи съ устарѣлымъ источникомъ въ «сочиненіи» г. Гнѣдича много баласта, правда, легковѣснаго, но, всетаки, мѣшающаго серьезному изученію исторіи искусства, и никакихъ собственныхъ мыслей. Вся эстетика тутъ взята у Тэна и Реймона. Противоположности воззрѣній обоихъ эстетиковъ не смутили автора, вѣроятно, потому, что въ исторіи вообще все примиряется, сглаживается, а въ его «Исторіи» въ особенности, ибо въ ней свалено въ одну кучу—важное и неважное, идущее къ дѣлу и совсѣмъ къ нему не подходящее. Въ этомъ отношеніи наиболѣе характерной частью книги — если, конечно, тутъ возможны какія нибудь сравненія — является отдѣлъ русскаго искусства. О «новомъ» искусствѣ ужъ нечего и говорить. Оно совершенно невѣдомо автору, хотя бы по «отрывочнымъ журнальнымъ статьямъ». Это невѣдѣніе такъ прямо и доказывается всѣмъ рѣшительно, случайнымъ подборомъ рисунковъ и непозволительно нелѣпымъ перечнемъ художниковъ. Маринистъ (Айвазовскій) рекомендуется горнымъ пейзажемъ; Жанристъ (Ѳедотовъ) — портретнымъ этюдомъ. Какъ горохъ разсыпано нѣсколько именъ русскихъ художниковъ, изъ нихъ маленькія имена удостоились упоминанія, а многія изъ крупныхъ пропущены. Но еще менѣе извинительна небрежность автора по отношенію къ древнему русскому искусству. Г. Гнѣдичъ не знаетъ самыхъ разработанныхъ изслѣдованій, а пожалуй, и не

хочетъ ихъ знать, какъ сочиненія, годныя только для справокъ. О нашей церковной архитектурѣ, объ иконописи, въ любой иностранной «компиляціи» узнаешь больше, чѣмъ въ русской «Исторіи» г. Гнѣдича. Эллиноскиеское искусство — совсѣмъ terra incognita для автора, сибирскія древности даже не упомянуты. За то г. Гнѣдичъ не забываетъ порекомендовать прочесть «Картины нашей миѳологіи»; козыряетъ цитатами изъ Ибнъ-Фоцлана, разсказываетъ о «собственномъ достоинствѣ Владиміра», приводитъ, наконецъ, всякій вздоръ, въ родѣ Марціалова объясненія одной изъ туалетныхъ принадлежностей римлянъ: «эту руку (ручка для чесанія) засунь за спину, если кусаетъ тебя блоха, а можетъ быть, что и похуже блохи».

Газетные благопріятели г. Гнѣдича нисколько не смущаются такимъ вздоромъ и вполнѣ одобряютъ подобную «Исторію искусствъ», конечно, не читая ея, такъ какъ она годна развѣ для недоучившихся гимназистовъ и не успѣвающихъ въ наукахъ академистовъ. Эти благопріятели подчеркиваютъ, что недостатокъ серьезныхъ свѣдѣній въ книгѣ восполняется указаніемъ на источники, которыми любопытствующіе могутъ сами воспользоваться. Во-первыхъ, желающіе серьезно изучать предметъ и безъ г. Гнѣдича найдутъ подходящіе источники. Во-вторыхъ, что же это за книга, которая на всѣ требованія, предъявленныя къ ней, согласно ея титулу, на каждомъ шагу отсылаетъ, да отсылаетъ къ другимъ источникамъ, сама же довольствуется тѣмъ, что или изрекаетъ многозначительно «знаю да не скажу», или отговаривается недостаткомъ мѣста. Мало того, въ настоящей «Исторіи искусствъ» и указанія то сдѣланы такъ облыжно, что ничего по нимъ не найдешь. Самъ рекомендатель явно не видѣлъ рекомендуемыхъ имъ источниковъ. Сочиненія, которыя давно уже вышли, для г. Гнѣдича только выходятъ (Люцова, Kunstschätze Italiens») и, наоборотъ, только-что начавшія выходить объявляются вышедшими (Мюллера, Художественный словарь). Извольте, напримѣръ, разобраться въ такого сорта указаніяхъ. О Греціи рекомендуются буквально, кромѣ «безчисленнаго множества сочиненій», «сырые матеріалы», причемъ встрѣчается такой курьезъ, что книга «Древности Босфора Киммерійскаго» отнесены къ «сырымъ» трудамъ по классицизму, при чемъ книга приписывается г. Скамони. Г. Гнѣдичъ, значитъ, не знаетъ и не видалъ самой книги. О Римѣ буквально предлагается опятьтаки «очень почтенное число изданій». «Особенно извѣстны труды Canina, Desgodetz». Что говорятъ публикѣ такіе перечни: гг. «Брунна, Росса, Серродифалько и пр.», или простая ссылка на изданія археологическаго общества. Какіе труды, о чемъ въ нихъ трактуется,—одинъ аллахъ вѣдаетъ. Да и вѣрнѣе было бы не смѣшивать археологическаго общества съ археологической коммиссіей, которой «Доклады» и «Приложенія» къ нимъ представляютъ большой интересъ для изучающихъ искусство. Наконецъ, помимо недоступныхъ публикѣ источниковъ, съ серьезно-научными смѣшиваются совсѣмъ курьезные. Рядомъ съ Лепсіусомъ рекомендуется «Египетъ» г. Андреевскаго. столь же краснорѣчиво изобличившій собой новѣйшій способъ сочинительства съ выдаваніемъ за свои чужихъ сужденій и даже впечатлѣній. За то ссылки на «Ниву» дѣлаются обстоятельныя даже тамъ, гдѣ въ нихъ нѣтъ никакой надобности.

Вообще эта «Исторія Искусствъ», очевидно, написана для «Нивы». Прилагаемые рисунки, большинство которыхъ хорошо извѣстно читателямъ «Нивы» по прежнимъ годамъ, оказываются, дѣйствительно, краснорѣчивѣе текста. Они хоть исполнены хорошо, но набраны нерѣдко, что называется, ни къ селу ни къ городу. На одныхъ воспроизведены лишь части и частицы

картинъ, попадаются снимки съ гравюръ, а не съ картинъ (Рембрандта), карандашные рисунки вмѣсто картинъ, встрѣчаются такія смутныя обозначенія: «христіанскія катакомбы» (?), безъ опредѣленнаго названія. Короче сказать, это—альбомъ изъ иллюстрацій «Нивы», съ текстомъ, весьма часто ихъ не оправдывающимъ, при полномъ непониманіи, что искусство и «Нива»—двѣ области совершенно разныя, какъ «образованное общество», для котораго назначается «Исторія Искусствъ» г. Гнѣдича, и недоучившіеся гимназисты, для которыхъ собственно она и годна, вовсе не одно и то же. Этой путаницѣ понятій и этому смѣшенію задачъ «Нивы» съ цѣлями исторіи искусства, а равно смѣшенію интереса къ искусству въ «образованномъ обществѣ» съ празднымъ любопытствомъ недоучившихся гимназистовъ, и обязана своимъ происхожденіемъ эта «первая попытка». Книга, долженствующая возбуждать интересъ къ искусству, не даетъ о немъ никакихъ серьезныхъ свѣдѣній или, понабравъ послѣднія кусочками, на подобіе вербной литературы, мѣшаетъ ихъ въ одну пеструю кучу съ лоскутками, вырванными изъ легковѣсныхъ книжекъ и, безъ сомнѣнія, можетъ сообщить лишь превратный взглядъ на предметъ. Это, дѣйствительно, небывалая еще «первая попытка»!

Ѳ. Булгаковъ.

„Всеобщая исторія литературы", начатая подъ редакціей В. Ѳ. Корша, продолжаемая подъ редакціей профессора А. Кирпичникова. Выпускъ XVI. „Славянскія литературы" О. И. Морозова. „Итальянская литература въ средніе вѣка". И. М. Болдакова. 1885.

Въ 1880 году одинъ изъ нашихъ книгопродавцевъ, издатель дѣльныхъ и серьезныхъ книгъ, Карлъ Риккеръ, предложилъ покойному В. Ѳ. Коршу составить «Всеобщую исторію литературы» въ трехъ томахъ. Въ первый томъ должна была войдти литература древнихъ вѣковъ—Востока, Греціи и Рима, во второй — средневѣковая, въ третій — новѣйшихъ временъ. Всѣхъ выпусковъ предполагалось 15 — 18. Въ этихъ размѣрахъ изданіе приносило существенную пользу: на русскомъ языкѣ не было вовсе всеобщей исторіи литературы, кромѣ краткаго и поверхностнаго очерка Шерра; «Исторія всемірной литературы» В. Зотова, также въ трехъ томахъ, составлялась по другому плану, въ которомъ, на первомъ мѣстѣ, стояли оцѣнки отдѣльныхъ произведеній писателей и образцы этихъ произведеній. Въ книгѣ Корша обѣщано было участіе десяти ученыхъ и литераторовъ, извѣстныхъ спеціалистовъ, что придавало болѣе значенія этому труду. Первые выпуски стали быстро выходить въ свѣтъ одни за другими. На первыхъ порахъ мы дѣйствуемъ всегда горячо и усердно—это свойство признано за русскимъ человѣкомъ, но въ немъ преобладаетъ и другое свойство—страсть расплываться и неумѣнье сдерживать себя въ заранѣе опредѣленныхъ рамкахъ — и это свойство обнаружилось тѣмъ, что литература древняго міра заняла болѣе одиннадцати выпусковъ, въ 1700 страницъ, изъ которыхъ одна греческая литература, произведеніе самого Корша, наполнила пять выпусковъ, т. е. пятьдесятъ печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Понятно, что если древній міръ занялъ почти XI выпусковъ, то средніе и новые вѣка не могли умѣститься въ остальныхъ 4 — 6 выпускахъ. Потомъ изданіе начало выходить очень неакуратно; вмѣсто обѣщанныхъ авторовъ явились другіе; появи-

лись новые отдѣлы, не намѣченные первоначальною программою; въ исторію среднихъ вѣковъ вошла новѣйшая литература арабовъ г. Муркоса; г. Болдаковъ продолжалъ г. Кирпичникова; наконецъ, въ 1882 году, изданіе прекратилось на XV выпускѣ, о чемъ нельзя было не пожалѣть, потому что, не смотря на многіе недостатки, книга, всетаки, была полезна и интересна. Поэтому нельзя не порадоваться возобновленію изданія, которое, держась прежняго плана, представитъ общесравнительную исторію литературы и не будетъ «разбивать ее по народностямъ или по родамъ прозы и поэзіи». Безъ раздѣленія произведеній литературы на эпосъ, драму, лирику и пр., конечно, можно обойдтись, но не раздѣлять ихъ по народностямъ — невозможно, да и сама новая редакція, въ первомъ же выпускѣ, ввела новую рубрику: «Итальянская литература въ средніе вѣка», а въ статьѣ «Славянскія литературы», послѣ общихъ замѣчаній о литературномъ движеніи въ славянствѣ, описываетъ отдѣльно исторію болгарской, сербской, русской, чешской и польской литературы, стало быть не только разбивая ее по народностямъ, но и по отдѣльнымъ племенамъ одной и той же народности, что совершенно естественно и чего вовсе не слѣдуетъ избѣгать. Не смотря на сжатость очерковъ этихъ литературъ, они составлены очень хорошо и даютъ вѣрное и довольно полное понятіе о первыхъ литературныхъ произведеніяхъ у насъ и у родственныхъ намъ племенъ. Хотѣлось бы только въ русской книгѣ видѣть болѣе подробные отзывы о началѣ русской литературы, тогда какъ весь ея до-монгольскій періодъ умѣщается на тринадцати страницахъ. Первыхъ нашихъ писателей и ихъ произведенія г. Морозовъ характеризуетъ двумя-тремя словами: поученіе митрополита Илларіона—очень замѣчательное по формѣ (почему?), Ѳеодосій печерскій и Кириллъ туровскій выдаются изысканнымъ риторизмомъ (будто только этимъ?), епископъ Серапіонъ пишетъ болѣе простымъ слогомъ и т. д. Неужели подобныя оцѣнки могутъ дать какое нибудь понятіе объ этихъ лицахъ? Авторъ останавливается нѣсколько долѣе только на «Повѣсти временныхъ лѣтъ», отрицая принадлежность ея Нестору, и на «Словѣ о полку Игоревѣ», подлинность котораго г. Морозовъ не отрицаетъ, но говоритъ, однако, что оно возбуждаетъ множество недоразумѣній по своему тону, рѣзко противорѣчащему настроенію эпохи, когда оно написано. «Какіе книжные люди,—говоритъ авторъ,—могли переписывать въ продолженіе трехъ или четырехъ вѣковъ, этотъ плодъ языческаго вдохновенія, звучащаго рѣзкимъ диссонансомъ среди поразительно однообразнаго хора древней русской письменности? Вѣдь это все равно, какъ если бы въ православномъ храмѣ, во время богослуженія, вдругъ раздался какой нибудь оперный мотивъ». Не имѣя возможности разобрать подробно это странное мнѣніе, мы напомнимъ автору его же выводъ о сильномъ вліяніи латинства въ чешской литературѣ. А вѣдь оно допускаетъ въ храмахъ и оперные мотивы. Почему же южный славянинъ, по примѣру латинскихъ писателей, вводившихъ миѳологическія божества даже въ проповѣди, не могъ сдѣлать того же въ эпосѣ, воспѣвавшемъ судьбу русскаго князя, замѣнивъ только грекоримскихъ боговъ древне-русскими—для приданія своему произведенію мѣстнаго, хотя и книжно-риторическаго колорита?..

Въ статьѣ о средневѣковой итальянской литературѣ очень недурны характеристики Данте, Петрарки и Боккачіо, но изложенію и оцѣнкѣ «Божественной комедіи» слѣдовало бы придать гораздо больше развитія.

В—ъ.

Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ высочайшаго соизволенія П. Н. Батюшковымъ. Выпускъ седьмой. Холмская Русь. (Люблинская и Сѣдлецкая губерніи). Спб. 1885.

Собираніе матеріаловъ для научнаго изслѣдованія западныхъ окраинъ Россіи было начато въ концѣ 50-хъ годовъ по почину министерства внутреннихъ дѣлъ, со стороны котораго были командированы въ западныя губерніи, съ согласія военнаго вѣдомства, штабъ-офицеры генеральнаго штаба. Собранные ими матеріалы, относящіеся къ юго-западному краю, послужили основаніемъ для исходатайствованія высочайшаго повелѣнія на ихъ изданіе. Такимъ образомъ было положено начало изданію «Памятниковъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ». Первые четыре выпуска этого изданія, вышедшіе въ 1868 году и составляющіе нынѣ библіографическую рѣдкость, заключаютъ въ себѣ описаніе волынскихъ древностей. Дальнѣйшее изслѣдованіе западныхъ губерній Россіи приняли на себя лица, находившіяся въ составѣ Виленскаго учебнаго округа, труды которыхъ, касающіеся сѣверо-западнаго края, вошли въ V и VI выпуски «Памятниковъ русской старины», также распроданные до послѣдняго экземпляра. Теперь передъ нами VII выпускъ «Памятниковъ», изданный П. Н. Батюшковымъ подъ редакціей В. П. Кулина и относящійся къ тѣмъ мѣстностямъ Привислинскихъ губерній, которыя извѣстны подъ названіемъ «Холмской Руси».

По самому историческому значенію этого края, находившагося нѣсколько вѣковъ подъ чуждымъ для него польскимъ владычествомъ, изданный сборникъ заключаетъ въ себѣ историко-археографическія статьи и изслѣдованія, доказывающія принадлежность жителей Забужья къ русской народности и русской вѣрѣ, описывающія положеніе его при польскомъ правительствѣ, происходившую борьбу народа за вѣру и народность и т. п. Всѣ эти матеріалы состоятъ изъ отдѣльныхъ статей и монографій, въ числѣ которыхъ, на первомъ планѣ, встрѣчаемъ статью профессора Д. И. Иловайскаго: «Даніилъ Романовичъ Галицкій и начало Холма». За нею идутъ описанія холмскихъ древностей, какъ, напримѣръ: Бѣлавинской и Столпьенской башенъ— Г. К. Хрусцевича; холмской чудотворной иконы—священника А. С. Будиловича; апостола львовской первопечати московскаго печатника Ивана Ѳедорова; древнихъ рукописныхъ книгъ и т. п.; очеркъ о православныхъ монастыряхъ: Холмскомъ, Замостьскомъ и Яблочинскомъ; свѣдѣнія о положеніи отдѣльныхъ приходскихъ церквей, какъ, напримѣръ, древней Николаевской въ Замостьѣ, Чернеевской, Щебрешинской и Буковичской, и объ отношеніяхъ къ нимъ со стороны «колляторовъ»—польскихъ помѣщиковъ, доведшихъ свое попеченіе о церквахъ до полнаго ихъ разрушенія. Рядъ этихъ статей весьма краснорѣчиво показываетъ, какими мѣрами польское правительство, папы и католическое духовенство силились ополячить и окатоличить искони русскій народъ Холмскаго края. Затѣмъ нельзя не упомянуть о весьма интересной статьѣ «Греко-уніаты въ царствѣ Польскомъ (1864—1866 г.) и князь Черкаскій», въ которой неизвѣстный авторъ, очевидно, одинъ изъ бывшихъ сотрудниковъ князя В. А. Черкаскаго, описываетъ дѣятельность его по управленію находившимися въ его вѣдѣніи греко-уніатскими дѣлами; статья эта служитъ важнымъ матеріаломъ для біографіи этого замѣчательнаго русскаго дѣятеля. Всѣ эти историческія и археографическія статьи и изслѣдованія за-

канчиваются этнографическою статьей протоіерея Н. И. Страшкевича и молодаго ученаго К. Ю. Заусцинскаго: «Очерки быта крестьянъ Холмской и Подлясской Руси по народнымъ пѣснямъ»; трудъ этотъ представляетъ особенное значеніе потому, что вѣковое ополяченіе края нанесло значительный ущербъ русской въ немъ народности и уже теперь есть мѣстности, попреимуществу въ Седлецкой губерніи, гдѣ малороссійскія пѣсни дѣлаются непонятными для народа.

Къ изданію приложенъ большой альбомъ, составленный русскими художниками и заключающій въ себѣ снимки съ акварельныхъ рисунковъ, воспроизведенныхъ хромолитографіей. Альбомъ этотъ краснорѣчиво иллюстрируетъ текстъ изданія, представляя иногда на своихъ листахъ картины такого печальнаго положенія русскихъ церквей, до котораго въ состояніи былъ довести ихъ только польско-католическій фанатизмъ. Всѣ снимки исполнены тщательно, а нѣкоторые даже роскошно, и изъ нихъ особенно выдѣляется какъ по выполненію, такъ и по содержанію, рисунокъ шести-ярусного иконостаса Замостьской Николаевской церкви, устроеннаго въ 1648 году греческими художниками, присланными для того на мѣсто константинопольскимъ патріархомъ; такъ какъ Замойская ставропигія присоединилась къ уніи лишь въ 1698 году, то иконостасъ этотъ получаетъ значеніе не только какъ художественный памятникъ церковной древности, но еще потому, что онъ пережилъ унію, во времена которой иконостасы или искажались или совершенно уничтожались

Седьмой выпускъ «Памятниковъ русской старины» является какъ нельзя болѣе своевременнымъ, такъ какъ 11 мая настоящаго года совершится первое десятилѣтіе возсоединенія холмскихъ уніатовъ съ православною церковью. Нельзя не поблагодарить П. Н. Батюшкова за его настойчивыя заботы о продолженіи столь полезнаго изданія, безукоризненнаго какъ съ внутренней, такъ и съ внѣшней стороны.

М. Городецкій.

Преданія о ростовскихъ князьяхъ. А. Титова. Москва. 1885.

Можно сказать, что въ печати впервые является подобнаго рода литературное произведеніе. Это сказочникъ XVIII вѣка. Очень можетъ быть, что сообщенныя въ этой книгѣ «преданія» составляютъ произведеніе вымысла, но, съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что какъ огня не бываетъ безъ дыма, такъ и для подобнаго вымысла былъ въ дѣйствительной жизни какой нибудь поводъ. Подвигами доблести, отваги, храбрости изобиловала Русь въ старинные годы и въ этомъ отношеніи ей нѣтъ основанія завидовать рыцарскимъ эпопеямъ Западной Европы.

Ростовъ-Ярославскій искони изобиловалъ любителями нашей старины, собиравшими рукописи, въ особенности все, что касалось ихъ роднаго города. Въ числѣ такихъ собирателей-любителей извѣстны Маракуевъ (М. И.), Храниловъ, Шестаковъ, Хлѣбниковъ (П. В.). Въ книгохранилищѣ послѣдняго находился «ростовскій лѣтописецъ», форматомъ въ листъ, писанный мелкимъ полууставомъ, законченный царствованіемъ Іоанна Грознаго. Составитель «лѣтописца» (рукопись, повидимому, пропала при пожарѣ дома Хлѣбникова въ 1856 году) былъ, какъ надобно полагать, ростовецъ, близкій къ княжескому дому, мѣстнымъ административнымъ учрежденіямъ, такъ какъ въ под-

робности занимается бытомъ и исторіею Ростова, Ростовскаго княжества и подростовныхъ селеній. Семидесятилѣтній крестьянинъ Ростовскаго уѣзда, Александръ Яковлевичъ Артыновъ, имѣлъ въ рукахъ рукописи вышеупомянутыхъ любителей старины, равно какъ и довольно объемистую рукопись, писанную скорописью XVIII вѣка, которая принадлежала послѣднему владѣльцу села Угодичъ (въ 6 верстахъ отъ Ростова), дворянину Карру, и перешла къ нему по наслѣдству отъ Мусиныхъ-Пушкиныхъ. Село Угодичи было вотчиною ростовскихъ князей Луговскихъ. Свои выписки изъ разныхъ лѣтописей Артыновъ передалъ А. А. Титову, который и издалъ ихъ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, снабдивъ своими примѣчаніями и дополненіями.

Въ «преданіяхъ о ростовскихъ князьяхъ» помѣщены разсказы: 1) о князѣ Андреѣ Львовичѣ Луговкѣ, XIV вѣка; 2) о князѣ Семенѣ Андреевичѣ Луговскомъ-Гривѣ, того же столѣтія; 3) о князѣ Семенѣ Михайловичѣ Луговскомъ, XV вѣка; 4) о князѣ Сергѣѣ Семеновичѣ Луговскомъ, XV—XVI вѣка; 5) о князѣ Юдѣ Сергѣевичѣ Луговскомъ, XVI столѣтія; 6) о князѣ Юріи Сергѣевичѣ Луговскомъ, того же времени; 7) о князѣ Иванѣ Томиловичѣ Луговскомъ, XVII вѣка; 8) о княжнѣ Иринѣ Михайловнѣ Луговской, бывшей замужемъ за Алексѣемъ Богдановичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ. Отъ нихъ родился сынъ Иванъ Алексѣевичъ, впослѣдствіи сенаторъ и графъ, современникъ Петра Великаго и помѣщикъ села Угодичъ. Алексѣй Богдановичъ Мусинъ-Пушкинъ любилъ заниматься отечественною исторіею, въ чемъ у него была сотрудницею его жена. Имъ была написана рукопись: «О великихъ князьяхъ русскихъ, отколѣ произыде корень ихъ». По словамъ А. Я. Артынова, эта рукопись сохранялась въ архивѣ села Угодичъ и въ 1842 году была подъ руками Артынова. Сверхъ преданій о князьяхъ Луговскихъ, въ книгѣ содержатся также повѣствованія о князьяхъ ростовскихъ, Бритыхъ-Бычковыхъ, въ томъ числѣ: преданіе о Шемякиномъ судѣ, о князѣ Юріи Дмитріевичѣ Бритомъ-Бычковѣ и о ростовскомъ архіепископѣ Іосафѣ Оболенскомъ.

Во всѣхъ этихъ преданіяхъ хронологія чувствительно страдаетъ, но нѣкоторыя подробности въ нихъ имѣютъ за собою историческую достовѣрность. Подобныя преданія служили матеріаломъ для сказочниковъ, которые въ старину составлялись въ домахъ богатыхъ бояръ, находившихся не у дѣлъ, ихъ дворецкими или другими приближенными грамотными людьми, со словъ разныхъ проходимцевъ, пользовавшихся гостепріимствомъ баръ и передававшихъ имъ для развлеченія разныя слышанныя ими исторіи и вѣсти старинныя и новѣйшія. Дворецкіе читали подобные сказочники своимъ господамъ для разогнанія ихъ скуки. Сказочники передавались изъ рода въ родъ. Вѣроятно, подобный же сказочникъ сохранился и въ родѣ Мусиныхъ-Пушкиныхъ и попалъ въ руки Артынова. Во всякомъ случаѣ «преданія о ростовскихъ князьяхъ» читаются не безъ интереса.

П. У.

Дочь шута. Романъ въ двухъ томахъ, соч. П. Р. Фурмана. Спб. 1885.

Это сочиненіе писателя, давно уже забытаго, который умеръ около тридцати лѣтъ назадъ. Въ сороковыхъ годахъ имъ Петра Родіоновича Фурмана пользовалось извѣстностью, какъ плодовитаго и не лишеннаго дарованія литератора. Кромѣ повѣстей и журнальныхъ статей, особенно заслуживали вни-

маніе его небольшіе историческіе романы, построенные главнымъ образомъ на событіяхъ изъ жизни замѣчательныхъ русскихъ людей: напр., «Александръ Даниловичъ Меншиковъ», «Сынъ рыбака, Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ», «Григорій Александровичъ Потемкинъ», «Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій», и «Ближній бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ». Пользуясь не многими источниками, Фурманъ умѣлъ, однако же, довольно вѣрно и живо обрисовывать личность своихъ героевъ и придать ихъ жизни занимательность въ своемъ разсказѣ. Притомъ всѣ эти небольшіе романы по содержанію и изложенію приноровлены преимущественно для дѣтей, такъ что ихъ можно поставить на ряду съ лучшими дѣтскими книгами въ нашей литературѣ, хотя онѣ не лишены интереса и для взрослыхъ читателей. Теперь, черезъ сорокъ лѣтъ послѣ выхода этихъ сочиненій, является новымъ изданіемъ историческій, и уже не дѣтскій, романъ покойнаго Фурмана «Дочь шута», чтеніе котораго во многихъ отношеніяхъ любопытно и ведетъ къ соображеніямъ, не лишеннымъ значенія. Содержаніе романа относится ко времени послѣднихъ лѣтъ царствованія императрицы Анны Іоанновны и непродолжительнаго регентства Бирона. Извѣстно, что одинъ изъ родовитыхъ русскихъ дворянъ, князь Михаилъ Голицынъ, за переходъ въ католическую вѣру былъ причисленъ къ толпѣ придворныхъ шутовъ и въ зрѣлыхъ лѣтахъ пожалованъ въ насмѣшку въ камеръ-пажи. По волѣ государыни онъ женился на бѣдной дѣвушкѣ простаго званія, и свадьбу эту праздновали въ знаменитомъ ледяномъ домѣ, устроенномъ на Невѣ подъ наблюденіемъ кабинетъ-министра Волынскаго. Эта оригинально-грубая потѣха, описанная, между прочимъ, въ запискахъ Манштейна и въ сочиненіи Вейдемейера, послужила основнымъ сюжетомъ извѣстнаго романа Лажечникова и еще недавно темою для картины профессора В. И. Якоби. Въ романъ Фурмана входитъ также свадьба въ ледяномъ домѣ, но главная интрига состоитъ въ томъ, что шутъ Голицынъ отыскиваетъ свою дочь, которая была похищена и неизвѣстно куда увезена его тещею, фанатической раскольницей. Оказывается, что старуха вмѣстѣ съ дѣвочкой уѣхала въ знаменитую Вѣтку, чтобы тамъ воспитать внучку ради душевнаго спасенія въ обрядахъ старой вѣры, вдали отъ всякихъ новшествъ церковной реформы. Тамъ дѣвушка ростетъ, не зная своего происхожденія, и только по смерти старухи узнаетъ, что принадлежитъ къ княжескому роду. Еще въ бытность въ вѣткинскомъ скитѣ она встрѣчается съ офицеромъ, проѣзжавшимъ черезъ тѣ мѣста послѣ турецкой кампаніи. Молодые люди сближаются при помощи одной услужливой раскольницы, а затѣмъ ихъ разлучаютъ, и послѣ разныхъ приключеній они встрѣчаются уже въ Петербургѣ, гдѣ, наконецъ, Голицынъ, которому возвращены были званіе и имущество, находитъ любимую дочь и празднуетъ ея свадьбу уже не въ ледяномъ, а въ каменномъ своемъ наслѣдственномъ домѣ. Къ этой интригѣ привязаны историческія событія того времени — соперничество Бирона съ Волынскимъ, судъ надъ кабинетъ-министромъ и казнь его, кончина императрицы Анны Іоанновны и назначеніе регентомъ герцога курляндскаго, заговоръ Миниха и арестъ Бирона. Въ ходѣ романа есть немало анахронизмовъ, несовсѣмъ правдоподобныхъ положеній и придуманныхъ эффектовъ. Конечно, такихъ недостатковъ далеко нечуждъ и «Ледяной домъ» Лажечникова, хотя въ немъ они выкупаются другими талантливыми сторонами, какихъ нѣтъ въ романѣ Фурмана. Но когда мы вспомнимъ, что романъ этотъ писанъ чуть не полвѣка назадъ, и сравнимъ его съ большими-

ствомъ нашихъ современныхъ историческихъ романовъ, построенныхъ на событіяхъ той же излюбленной нынѣшними Вальтеръ-Скоттами эпохи, то едва ли отдадимъ преимущество послѣднимъ. Въ рукахъ Фурмана, очевидно, не было многихъ источниковъ, которые теперь даютъ возможность ближе и точнѣе ознакомиться съ бытомъ русскаго общества въ половинѣ XVIII вѣка, и это заставляло его иногда замѣнять дѣйствительность несвойственнымъ эпохѣ вымысломъ. Но за то романъ его, страдая въ нѣкоторыхъ эпизодахъ и подробностяхъ отсутствіемъ исторической и бытовой правды, не представляетъ одной голой компиляціи мемуаровъ и историческихъ актовъ, что сплошь и рядомъ находимъ въ литературныхъ издѣліяхъ, нынѣ фабрикуемыхъ подъ именемъ историческихъ романовъ. Въ этомъ отношеніи «Дочь шута» Фурмана наводитъ на весьма невеселыя мысли относительно нашей современной литературы.

А. М.

Исторія XIX вѣка. До Ватерло. Мишле. Томъ III, переводъ О. Поповой и М. Цебриковой. Спб. 1884.

Мы говорили уже о первыхъ двухъ томахъ этого замѣчательнаго изданія. Настоящимъ томомъ заключается послѣдній трудъ даровитаго французскаго историка. Онъ довелъ его только до 1815 года, и только этотъ третій томъ относится собственно къ «исторіи XIX вѣка», такъ какъ два первые излагаютъ эпоху Директоріи, не дожившей и до конца 1799 года. Въ одномъ томѣ трудно было передать событія первыхъ пятнадцати лѣтъ новаго вѣка, нѣсколько разъ совершенно измѣнявшихъ политическое положеніе континентальной Европы, и Мишле почти не касается военныхъ событій этого времени, а набрасываетъ широкими штрихами картину ихъ результатовъ. Отзываясь во всѣхъ случаяхъ крайне несимпатично о Наполеонѣ, онъ не отдаетъ справедливости даже его военнымъ соображеніямъ и, не говоря уже о Маренго, Фридландѣ, Лейпцигѣ, русской кампаніи, Ватерло, гдѣ, по свидѣтельству компетентныхъ лицъ, императоръ французовъ дѣлалъ много ошибокъ, — не признаетъ его стратегическихъ плановъ при Аустерлицѣ, Іенѣ Ваграмѣ, въ кампаніи 1814 года. Вообще это далеко не систематическая, а тѣмъ болѣе не прагматическая исторія конца XVIII и начала XIX вѣка, а скорѣе любопытные, прекрасно написанные комментаріи главныхъ событій этого времени. О многихъ изъ нихъ Мишле говоритъ вскользь, мимоходомъ, какъ будто читатель и безъ того знакомъ съ ними, сообщаетъ о своихъ собственныхъ ощущеніяхъ и впечатлѣніяхъ, какія производили на него лично тѣ или другія событія и лица. Такъ, между прочимъ, онъ передаетъ разсказъ о свиданіи съ его отцомъ Туссенъ-Лувертюра, причемъ подробно передаетъ, какъ этотъ плѣнный диктаторъ черной республики бесѣдовалъ съ отцомъ историка. Подобныхъ отступленій немало въ книгѣ Мишле, страдающей вообще отсутствіемъ системы и строгаго плана въ изложеніи событій, но выкупающей эти недостатки мастерскимъ ихъ освѣщеніемъ, не всегда вполнѣ точнымъ, но всегда эффектнымъ. Такъ, у него является въ новомъ свѣтѣ императоръ Павелъ, «стремившійся востановить справедливость на землѣ, единственный честный правитель того времени». Растроганный сначала эмигрантами, Павелъ, «не подозрѣвая ни ихъ измѣны, ни ихъ призыва непріятелей на Францію», принялъ живѣйшее участіе въ неаполитанской

королевѣ, въ свергнутомъ съ престола королѣ Піемонта и послалъ въ Италію Суворова съ стотысячнымъ войскомъ, но, когда подъ Цюрихомъ Австрія не поддержала русскихъ въ борьбѣ съ Массеною и была причиною пораженія, обиднаго для славы русскаго оружія, Павелъ вышелъ изъ коалиціи, сблизился съ Франціей, готовился къ войнѣ съ Англіей, но довѣрился «грубой Германіи, ставшей стѣною между Россіею и Европою, наложившей на геній русскихъ свою печать посредственности, тугости, парализовавшей тѣ нѣжные органы, посредствомъ которыхъ Россія ощущала электрическія теченія запада, ту теплоту, которую далеко распространяютъ искусства Франціи и Италіи, чудеса промышленной Англіи». Европа готовилась принять совершенно иной видъ, когда положеніе ея снова измѣнилось, при внезапной кончинѣ Павла. Особенно блестящими у Мишле являются характеристики: Александра I (отдавая справедливость его качествамъ, историкъ не скрываетъ и его ошибокъ въ кампанію 1805—1807 годовъ), Нельсона, Суворова, Шатобріана, Гренвиля и его поэмы: «Послѣдній человѣкъ», Массены (такъ несправедливо оклеветаннаго Наполеономъ), Мальтуса, Гортензіи и Жозефины, Бенингсена. Въ предисловіи къ послѣдней части своего труда, историкъ бросаетъ общій взглядъ на XIX вѣкъ и, называя его «метисомъ и незаконнорожденнымъ», находитъ, что всѣ государства клонятся къ упадку, что онъ склоняется къ фатализму, въ то время, какъ XVIII вѣкъ подымался къ свободѣ; что въ немъ замѣтна литературная плодовитость, но философское безсиліе; что нервное истощеніе его происходитъ, главнѣйше, отъ исповѣди, романа и алкоголя, «этихъ великихъ развратителей XIX вѣка». Къ алкоголю, этому «опасному подкрѣпленію, смѣшанному съ помраченіемъ ума», авторъ присоединяетъ и табакъ, «эту первую летаргію усталыхъ народовъ». Во введеніи Мишле говоритъ прямо, что нашъ вѣкъ быстро несется въ пропасть.

Таковъ конечный выводъ послѣдняго произведенія высокоталантливаго историка, не дожившаго до послѣдней четверти этого вѣка и не оцѣнившаго въ немъ тѣхъ успѣховъ науки, мысли, общественной жизни, того прогрессивнаго движенія, которое совершается въ самосознаніи всѣхъ народовъ, не смотря на реакціонные періоды, временно возникающіе въ иныхъ странахъ. Что онъ не ниже своего предшественника въ культурномъ отношеніи и сдѣлалъ не меньше его для развитія и усовершенствованія человѣчества вообще и отдѣльныхъ націй въ частности—этого не отвергнутъ и блестящіе выводы Мишле, въ частности мѣткіе и вѣрные, въ общемъ — парадоксальные.

Переводъ книги сдѣланъ хорошимъ языкомъ. Продается она въ пользу высшихъ женскихъ курсовъ, но цѣна ея — 5 рублей, всетаки, велика.

В. З.

Дѣйствія отрядовъ генерала Скобелева въ русско-турецкую войну 1877—1878 годовъ. „Ловча и Плевна". Генеральнаго штаба генералъ-маіора Куропаткина. 2 части. Спб. 1885.

Этотъ литературный и военно-историческій трудъ нашего извѣстнаго боеваго генерала, ближайшаго сподвижника покойнаго Скобелева, представляетъ сборникъ статей г. Куропаткина, помѣщавшихся въ «Военномъ Сборникѣ» въ теченіе прошедшаго года, дополненныхъ приложеніемъ переводовъ нѣкоторыхъ турецкихъ источниковъ, описывавшихъ тѣ же военныя

событія, а также писемъ разныхъ лицъ, читавшихъ статьи, помѣщенныя авторомъ въ нашемъ военномъ журналѣ, и имѣвшихъ возможность дополнить сказанное г. Куропаткинымъ еще своими личными воспоминаніями.

Подъ перомъ участника сраженій подъ Ловчею и Плевной, забытыя уже событія какъ бы снова воскресаютъ, и старыя чувства, порожденныя геройскимъ штурмомъ Плевны отрядомъ Скобелева, 30-го—31-го августа 1877 года, при чтеніи описанія этихъ боевъ, сдѣланнаго генераломъ Куропаткинымъ, возникаютъ вновь и наполняютъ душу читающаго то тяжелыми, то радостными ощущеніями, смотря по тому, какихъ сторонъ этихъ кровавыхъ, блестящихъ и, въ концѣ-концовъ, всетаки, неудачныхъ дѣлъ касается авторъ.

Книга снабжена картою сѣверной Болгаріи и довольно значительнымъ числомъ плановъ, поясняющихъ различные моменты сраженій, происходившихъ въ концѣ августа 1877 года. Фактическое изложеніе событій, дѣйствительно совершившихся, дополняется еще критическою оцѣнкою этихъ фактовъ, съ объясненіями вѣроятныхъ причинъ постигшихъ насъ подъ Плевною неудачъ. Приложенное описаніе тѣхъ же событій по турецкимъ источникамъ дѣлаетъ книгу г. Куропаткина болѣе толстою, но и сообщаютъ всему труду надлежащую полноту и всесторонность. Вышедшіе два тома, изъ дѣйствій отряда Скобелева, объясняютъ дѣла подъ Ловчею и Плевной, остается еще дѣло подъ Шейново, рѣшившее участь всей кампаніи и въ «Военномъ Сборникѣ» уже описанное авторомъ, и потому надо разсчитывать, что въ скоромъ времени къ вышедшимъ 2-мъ томамъ не замедлитъ присоединиться и третій, въ которомъ военно-историческая задача, поставленная себѣ авторомъ, будетъ вполнѣ исчерпана. Мы не считаемъ нужнымъ особенно рекомендовать это сочиненіе нашимъ военнымъ читателямъ, ибо увѣрены, что одного имени генерала Куропаткина достаточно, чтобы для спеціалистовъ военнаго дѣла все украшенное этимъ именемъ было въ высшей степени интересно.

А. М.

Виленскій календарь на 1885 годъ. Вильна. 1884.

Виленскій русскій календарь издается группою мѣстныхъ русскихъ дѣятелей, которые не ограничиваютъ свою службу русскому дѣлу въ краѣ однимъ только исполненіемъ обязанностей, лежащихъ на нихъ по офиціальному ихъ положенію, но идутъ дальше этихъ обязанностей — по пути обновленія края въ духѣ русской народности и русской вѣры.

Положеніе сѣверо-западнаго края слишкомъ извѣстно, чтобы доказывать необходимость самаго широкаго проявленія дѣятельности со стороны мѣстныхъ русскихъ людей, направленной къ поддержанію духовныхъ силъ народа, смущаемаго тайными и явными польско-латинскими «миссіонерами». Русскому православному народу Виленскаго края уже начинаютъ навязывать польскія дешевыя изданія, а въ числѣ ихъ календари на польскомъ языкѣ. А грамотный простолюдинъ, какъ извѣстно, не заглядываетъ въ книжные магазины и покупаетъ только ту книгу, которую ему принесутъ въ деревню. Вотъ и предлагается теперь русскому поселянину нашей западной окраины, вмѣсто польскаго Kalendarza, русскій календарь.

Составители «Виленскаго календаря» имѣли, главнымъ образомъ, въ виду намѣреніе дать мѣстному русскому населенію вѣрныя понятія о своей

роднѣ,—понятія, основанныя на историческихъ истинахъ, не искаженныхъ никакою тенденціей, и съ этою цѣлью почти половину книги отвели для такихъ статей, какъ, напр., очеркъ изъ «Исторіи уніи въ Бѣлоруссіи»; «Краткое описаніе Супрасльскаго Благовѣщенскаго монастыря»; «Славянскіе первоучители Кириллъ и Меѳодій» и т. д.

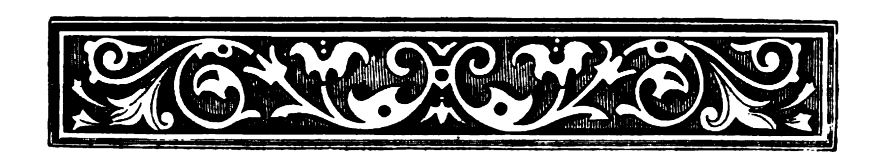
Изъ этихъ статей и разсказовъ обращаетъ на себя вниманіе описаніе Супрасльской Благовѣщенской церкви, выстроенной въ 1509 — 1516 годахъ. Заботливостію архимандрита Сергія Кимбара, вся внутренность церкви была расписана въ 1557 году изображеніями святыхъ альфреско; большая часть живописи въ настоящее время находится подъ слоями извести, наложенной уніатами послѣ завладѣніи ими, въ 1614 году, Супрасльскимъ монастыремъ. Авторъ статьи выражаетъ опасеніе, что это драгоцѣнное украшеніе церкви,—если не явится помощи со стороны,—навсегда останется въ закрытомъ видѣ, потому что средства монастыря едва даютъ скудное пропитаніе братіи. Нельзя не присоединиться къ этому сѣтованію; но будемъ надѣяться, что драгоцѣнный памятникъ живописи XVI вѣка въ Супрасльской церкви не останется въ забвеніи со стороны ревнителей церковной иконописи.

Замѣчательны также описанныя въ той же статьѣ отношенія уніатовъ къ древнимъ православнымъ иконамъ. Почти всѣ иконы Супрасльской церкви, изъ которыхъ бо́льшая часть относится къ XVI вѣку, были въ драгоцѣнныхъ окладахъ, но уніаты обратили эти оклады или на свои надобности, или въ помощь польскому правительству, которому базиліане, во время войнъ, пожертвовали: въ 1776 году 900 злотыхъ; въ 1794 году 82 фунта серебра и 2,000 злотыхъ; затѣмъ серебряные кресты, сосуды, подсвѣчники и проч.

Въ концѣ календаря помѣщены болѣе или менѣе подробные некрологи русскихъ людей изъ мѣстныхъ дѣятелей, умершихъ въ 1884 году, и на первомъ планѣ поставлены некрологи сотрудника митрополита Іосифа Сѣмашко по обращенію уніатовъ въ православіе, архіепископа Антонія Зубко и директора 1-й виленской гимназіи Я. А. Балвановича, 27 лѣтъ трудившагося въ краѣ надъ воспитаніемъ юношества и заслужившаго всеобщую любовь.

Выражая полное сочувствіе русскимъ дѣятелямъ сѣверо-западнаго края въ достойныхъ и заслуживающихъ вниманія со стороны русскаго общества трудахъ ихъ на пользу русской народности и русской церкви въ краѣ, не можемъ, въ заключеніе, не сказать нѣсколько словъ по поводу приложеннаго къ календарю портрета наслѣдника цесаревича. Портретъ этотъ исполненъ литографически въ Москвѣ; выполненіе крайне посредственное и портретъ мало имѣетъ сходства; издатели могли бы избѣжать этихъ недостатковъ, обративъ свой заказъ въ петербургскія графическія заведенія, произведенія которыхъ, въ видѣ ксилографій, цинкографій, фототипій и т. п. репродукцій, доведены до бо́льшаго совершенства и изящества, при относительно недорогой цѣнѣ.

М. Городецкій.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Гомерическій эпосъ. — Новыя изслѣдованія о Маріи Стюартъ. — Бранденбургскій курфюрстъ въ сношеніяхъ съ Россіею. — Первые нѣмецкіе переселенцы въ Америкѣ. — Фридрихъ II и Іосифъ II. — Волонтеры Лютцова въ исторіи и въ преданіяхъ. — Три дѣятеля въ южной Америкѣ. — Осада Парижа въ запискахъ ординарца. — Маршалъ Фаберъ. — Французскія кладбища. — Бретань во время революціи. — Графы Парижскіе, какъ спасатели Франціи. — Наряды и книги Маріи-Антуанетты. — Исторія Яна Собѣскаго. — Въ дельтѣ Лены. — Кавалеръ д'Эонъ. — Словарь національной біографіи.

СТОРИЧЕСКИМИ сочиненіями въ послѣднее время обогатилась въ особенности нѣмецкая литература. Извѣстный знатокъ древняго міра, Гельбихъ, издалъ замѣчательное археологическое изслѣдованіе: «Гомерическій эпосъ, объясненный памятниками» (Das homerische Epos aus den Denkmälern erläutert). Для того, чтобы составить себѣ вѣрное понятіе о внѣшней культурѣ гомерическихъ временъ, говоритъ авторъ, необходимо ознакомиться съ добытыми изъ раскопокъ коллекціями, имѣющими отношеніе къ этой культурѣ. Поэтому Гельбихъ говоритъ прежде всего объ этихъ раскопкахъ. Древнѣйшія изъ нихъ въ Гисарликѣ носятъ на себѣ слѣды халдейской культуры. Древніе памятники и вещи, открытыя въ Терѣ и особенно въ Микенахъ, относятся къ догомерической эпохѣ и превосходятъ ее болѣе роскошною отдѣлкою предметовъ, свидѣтельствующею о превосходствѣ восточной культуры передъ развитіемъ первобытныхъ эллиновъ. Время, когда жили герои Гомера, было ретрограднымъ по отношенію къ искусствамъ и культурѣ. Вторженіе сѣверныхъ эллинскихъ племенъ, дорійцевъ и этолійцевъ, въ области, занятыя уже болѣе развитыми іонійцами и эолійцами, принесло въ Пелопонезъ болѣе грубую культуру. Это видно даже въ архитектурѣ, куда пришельцы внесли другой, менѣе изящный стиль и способъ построекъ. Хотя гомерическія рапсодіи принадлежатъ дорійскому племени, но росписныя вазы съ ихъ высоко художественными орнаментами и сценами домашней жизни, находимыя въ Аѳинахъ и на греческихъ островахъ, принадлежатъ къ гораздо болѣе позднѣйшей эпохѣ. Гораздо ближе къ

гомерическимъ временамъ относятся художественные предметы, отрытые въ итальянскихъ колоніяхъ Греціи, въ Кумахъ и Сиракузахъ. Въ то время, когда догомерическая эпоха знала искусство ваянія изъ камня, послѣ нея камень подвергался только полировкѣ, да и вообще деревянныя постройки встрѣчались чаще, нежели каменныя. Одежда съ ея украшеніями была гораздо богаче и изящнѣе, чѣмъ при Гомерѣ, только по отношенію къ вооруженію сдѣланы значительныя усовершенствованія: въ то время, какъ въ микенскихъ гробницахъ найдены только металлическіе шлемы и щиты, герои Гомера носили брони и наколѣнники, заимствованные дорійцами изъ Каріи. За то у нихъ нѣтъ ни щитовъ въ ростъ человѣка, ни высокой митры, господствующаго головнаго украшенія микенцовъ, ни военныхъ колесницъ. Статуи боговъ во время Гомера были не самостоятельными произведеніями, а подражаніемъ восточнымъ изваяніямъ. Эта эпоха носила явные слѣды восточнаго происхожденія въ одеждѣ, въ уборкѣ головы и бороды, въ женскихъ нарядахъ и украшеніяхъ, въ стѣнной живописи, въ пристрастіи къ благоуханіямъ, необходимымъ при недостаточной чистотѣ въ домахъ, и въ костюмахъ героевъ. Только умственный кругозоръ дорійцевъ значительно шире, чѣмъ у другихъ племенъ, а поэтическое творчество, выразившееся въ рапсодіяхъ Гомера, поставило это племя на такую высокую степень культуры, какой не достигали и послѣдующія поколѣнія, болѣе развитыя въ другихъ отношеніяхъ.

— Судьба Маріи Стюартъ не перестаетъ быть предметомъ изслѣдованій историковъ. Кардаунсъ подвергаетъ тщательному изученію эпоху ея паденія (Der Sturz Maria Stuarts). Книга его обнимаетъ собою періодъ отъ 1565 по 1568 годъ, т. е. отъ выхода королевы замужъ за Генриха Дарнлея до ея бѣгства въ Англію. Заключительный выводъ автора тотъ, что Марія была жертвою хладнокровно разсчитанной измѣны. Главными врагами ея были шотландскіе дворяне, нѣсколько разъ измѣнявшіе ей, и не изъ-за религіозныхъ вопросовъ, а изъ личныхъ разсчетовъ. Обвиненія, возводимыя лично на Марію, остаются, всетаки, не выясненными и не доказанными и въ сочиненіи Кардаунса, какъ въ книгахъ Сеппа, издавшаго въ 1883 году «Дневникъ несчастной шотландской королевы», а въ прошломъ: «Марія Стюартъ и ея обвинители въ Іоркѣ, Вестминстерѣ и Гамптон-Кортѣ». Чтобы произнести безусловно справедливый приговоръ надъ королевой — у исторіи все еще нѣтъ никакихъ необходимыхъ для того документовъ.

— Д-ръ Эрмансдёрферъ въ восьми огромныхъ томахъ приводитъ и анализируетъ «Документы и акты къ исторія курфюрста Фридриха Вильгельма Бранденбургскаго. (Urkunden und Actenstücke zur Geschichte des Kurfürster Friedrich Wilhelm von Brandenburg). Послѣдній томъ, относящійся къ событіямъ 1636—1660 г., любопытенъ въ особенности для насъ, потому что излагаетъ исторію отношеній Бранденбурга къ Россіи, завязавшихся еще въ 1654 году посольствомъ Порошина къ курфюрсту съ цѣлью склонить его къ нейтралитету во время войны Россіи съ Польшей. Черезъ два года, въ виду непріязненныхъ столкновеній съ Швеціей, царь Алексѣй Михайловичъ отправилъ новое посольство, прося уже не нейтралитета, а союза съ курфюрстомъ, но тотъ согласился только соблюдать прежнее нейтралитетное положеніе, прося въ то же время отозвать посла Богданова, вздумавшаго требовать, чтобы Пруссія признала себя вассаломъ Россіи. Два новыхъ посольства въ 1657 году, одно для разбора жалобы на Богданова, другое съ

извѣщеніемъ о перемиріи съ Польшею, и послѣдовавшія затѣмъ посольства нѣмцевъ въ Москву скрѣпили еще болѣе ихъ отношенія, и въ 1658 г. новый русскій посолъ Нестеровъ провелъ три мѣсяца въ Берлинѣ. Въ донесеніяхъ прусскихъ пословъ и въ особенности въ депешахъ камеръ-юнкера Боррентина много интересныхъ подробностей о Москвѣ и Россіи. Въ бумагахъ, относящихся къ политическимъ переговорамъ съ Польшей, Швеціей, Австріей, Даніей и рейнскими княжествами также много любопытнаго.

— Въ Филадельфіи, въ память перваго переселенія нѣмецкихъ эмигрантовъ въ Америку, совершившагося двѣсти лѣтъ тому назадъ, издана книга «Die erste deutsche Einwanderung in America und die Gründung wom Germantown im Jahre 1683». Потомки этихъ переселенцевъ, основавшихъ на рѣкѣ Делаварѣ «Нѣмецкій городъ» (Germantown), который, разросшись, получилъ названіе знаменитаго въ древности лидійскаго города на Тмолусѣ, основаннаго царемъ Атталомъ Пергамскимъ, — вспомнили о своихъ предкахъ и составили подробную картину этого переселенія, вызваннаго Вильямомъ Пенномъ. Прибытіе эмигрантовъ, приглашенныхъ еще въ Германіи этимъ филантропомъ-колонизаторомъ, ихъ борьба съ природою, и множествомъ препятствій, ихъ религіозныя и гражданскія постановленія, протестъ противъ невольничества, заявленный ими еще въ 1688 году, жизнь и подвиги дѣятельнаго вождя этой колоніи Франца Даніеля Писторіуса—все это передано въ живомъ, замѣчательномъ разсказѣ, не смотря на то, что въ немъ нѣтъ ни сраженій, ни пролитія крови, ни дипломатическихъ обмановъ.

— Въ Готѣ уже давно издается извѣстнымъ Пертесомъ «Исторія европейскихъ государствъ», составляемая такими выдающимися писателями какъ Гизебрехтъ, Гееренъ, Укеръ и др. Шестой томъ этого изданія заключаетъ въ себѣ «Вѣкъ Фридриха Великаго и Іосифа II» (Das Zeitalter Friedrich des Grossen und Josephs II), Альфреда Дове. Это только начало обширнаго историческаго труда, обнимающаго годы 1740—1745. Хотя объ этой эпохѣ имѣются уже извѣстныя сочиненія Дройзена, Арнета, Ранке, Онкена и др., но авторъ съумѣлъ освѣтить многія изъ своихъ изслѣдованій новымъ свѣтомъ и выдвинуть впередъ нѣкоторыя частности, оставшіяся въ тѣни. Считая смерть Карла VI поворотнымъ пунктомъ нѣмецкой исторіи, Дове широкими чертами рисуетъ характеристику его наслѣдницы, притязанія Баваріи, войну въ Силезіи. Томъ оканчивается Дрезденскимъ миромъ.

— Извѣстный историкъ Трейчке издалъ сочиненіе Коберштейна «Дикая, отчаянная охота Лютцова» (Lützows wilde verwegene Jagd), весьма патріотическое, но еще болѣе фантастическое сочиненіе, въ которомъ подвиги этого партизана въ войну за освобожденіе Германіи представлены въ преувеличенномъ видѣ. Теперь одинъ изъ его наслѣдниковъ написалъ книгу «Волонтеры Адольфа Лютцова въ 1813 и 1814 годахъ» (Adolf Lützows Freikorps in Jahren 1813 und 1814). Это простой, историческій очеркъ партизанскихъ дѣйствій Лютцова, переданный безъ всякихъ шовинистскихъ выходокъ. Вдохновителемъ отряда Лютцова не былъ вовсе знаменитый патріотъ Янъ; отрядъ сформировали Гнейзенау и Шарнгорстъ; состоялъ онъ подъ начальствомъ Блюхера; гражданскій элементъ не былъ въ немъ преобладающимъ, это вовсе не была «республика упоенной свободою молодежи, съ избранными ею предводителями, внесшими живую струю въ мертвый военный регламентъ и выбросившими за бортъ всѣ казарменные пріемы»,—это былъ просто королевско-прусскій корпусъ волонтеровъ, нисколько не помышлявшій о германскомъ

единенія. Офицеры корпуса принадлежали, большею частью, къ составу прусской арміи 1806 года, къ тѣмъ юнкерамъ, которые при Іенѣ получили давно заслуженный ими урокъ. У Лютцова не было вовсе черно-краснаго знамени, шитаго золотомъ, ни мундировъ такихъ же цвѣтовъ. Бурши и члены гимнастическихъ ферейновъ не поклонялись ему какъ кумиру. Все это, конечно, снимаетъ съ лютцовскихъ волонтеровъ ихъ романтическія прикрасы, но за то возстановляетъ историческую истину.

— Исторія южной Америки гораздо менѣе извѣстна, чѣмъ сѣверной, хотя не менѣе интересна. Изъ событій послѣдняго столѣтія (отъ 1760 по 1860 годъ) составилъ Шумахеръ свои «Южно-Американскіе этюды» (Südamericanische Studien). Это три картины изъ жизни малоизвѣстныхъ въ Европѣ лицъ: Мутиса, Кальдаса и Кодацци. Донъ Хозе Бруно Мутисъ, врачъ и натуралистъ, пріѣхалъ съ вице-королемъ Мехіа де ла Серда въ Новую Гренаду съ цѣлью устройства этой колоніи. Положеніе ея было печально: внутри безпорядки, въ странѣ — ни дорогъ, ни порядочныхъ городовъ, на границахъ вѣчная борьба съ индійцами. Мутисъ поселился въ Боготѣ, сдѣлался тамъ учителемъ, занялся торговлею хинной коры, вошелъ въ переписку съ Линнеемъ, совершалъ ученыя экскурсіи въ глубь страны, развелъ ботаническіе сады и, какъ истый испанецъ, вступилъ въ духовное званіе; въ 1801 году помогалъ Гумбольдту и Эме Бонплану въ ихъ научныхъ изслѣдованіяхъ. Еще болѣе услугъ знаменитымъ ученымъ оказалъ Франсиско Кальдасъ, самоучка изъ маленькаго городка Попайяна, сначала юристъ, потомъ астрономъ. Гумбольдтъ съ удивленіемъ отзывается о его дарованіяхъ, Въ 1805 году, онъ началъ издавать въ Боготѣ газету, а въ 1810 году принялъ участіе въ революціонномъ движеніи и вступилъ капитаномъ инженеровъ въ войска Новогренадской республики. Въ 1816 году испанскій генералъ Морильо разбилъ республиканскую армію, захватилъ ея предводителей въ плѣнъ и разстрѣлялъ ихъ. Въ число ихъ попалъ и креолъ Кальдасъ, ученый, храбро сражавшійся за освобожденіе своего отечества. Генералъ Энриле, которому подали просьбу о помилованіи Кальдаса, въ виду его ученыхъ заслугъ, написалъ резолюцію: «казнить; въ Испаніи довольно ученыхъ». Между тѣмъ губернаторъ, Хуанъ Сомано, далъ слово женѣ Кальдаса, что мужъ ея будетъ прощенъ. Когда же получилось извѣстіе о его казни, жена явилась къ губернатору и сказала ему, при многочисленной аудіенціи: «вы подлецъ: дали женщинѣ честное слово и не сдержали его; вотъ вамъ за это!»—и она дала пощечину гранду Испаніи и вышла никѣмъ не потревоженная. Ее не смѣли отдать подъ судъ и пощечина такъ и осталась безнаказанной. Другой боецъ за свободу южной Америки, Агостино Кодацци, пользуется еще большею извѣстностью. Въ 1817 году, когда возстаніе южно-американскихъ колоній было, казалось, окончательно подавлено, его поддерживалъ на островахъ и на приморскомъ берегѣ смѣлый корсаръ, итальянецъ Кодацци. Авантюристъ, сражавшійся въ наполеоновской арміи, онъ принималъ дѣятельное участіе въ освобожденіи Новой Гренады Боливаромъ, и послѣ паденія диктатора занялся географическимъ изслѣдованіемъ и описаніемъ озера Маракаибо, Венесуелы и другихъ городовъ, помогалъ президенту Льянеро Паэзу подавить военное возстаніе, ѣздилъ въ Парижъ съ составленными имъ картами республики, гдѣ работы его встрѣтили лестные отзывы академіи. Новое возмущеніе въ Венесуелѣ, въ 1848 году, заставило его переселиться въ Боготу, гдѣ онъ основалъ военную академію, измѣрилъ страну и составилъ подробныя карты ея,

работалъ по устройству на Даріенскомъ перешейкѣ канала и желѣзной дороги. Но въ 1859 году новое возстаніе заставило его бѣжать изъ страны, которой онъ оказалъ столько услугъ. У подножія Сіерра Невады умеръ отъ изнурительной лихорадки 66-тилѣтній дѣятель. Другъ его изгнанія, Паэзъ, съ помощью погонщика ословъ, вырылъ въ саваннѣ одинокую могилу и зарылъ въ нее трупъ Кодацци, въ его походномъ плащѣ, заваливъ мѣсто погребенія тяжелымъ камнемъ, въ защиту отъ дикихъ звѣрей.—Эти біографіи трехъ южно-американскихъ дѣятелей даютъ ясное понятіе о культурной и исторической жизни страны въ теченіе цѣлаго столѣтія.

— Продолжаютъ появляться документы о паденіи второй имперіи. Графъ д'Эриссонъ издалъ «Журналъ ординарца» (Journal d'un officier d'ordonnance), обнимающій событія отъ іюля 1870 по февраль 1871 года. Авторъ этой интересной книги былъ ординарцемъ у генерала Трошю и участвовалъ во всѣхъ событіяхъ осады Парижа, какъ парламентеръ, переводчикъ и участникъ переговоровъ съ непріятелемъ. Онъ былъ въ Нью-Іоркѣ при объявленіи войны, но тотчасъ же вернулся на родину, чтобы принять участіе въ ея защитѣ. Журналъ его начинается въ Америкѣ и оканчивается въ Версали, въ маленькомъ домикѣ, занимаемомъ Бисмаркомъ. Вся исторія этихъ восьми мѣсяцевъ передана въ запискахъ автора съ анекдотической стороны, съ любопытными подробностями, между которыми выдается описаніе бѣгства Евгеніи изъ Парижа. Книга въ короткое время достигла двадцатаго изданія.

— Полковникъ Бурелли издалъ біографію маршала Фабера (Le maréchal de Fabert), по его письмамъ и по не изданнымъ документамъ. Книга эта переведена уже на англійскій языкъ и за нее парижская академія выдала первую премію, въ виду патріотическаго примѣра, представляемаго «жизнью славною, безупречною, полезною, изъ которой можно почерпнуть благородные уроки». Исторія этого солдата, получившаго маршальскій жезлъ единственно за свои заслуги, составлена авторомъ по оффиціальнымъ источникамъ и обнимаетъ всю жизнь его отъ рожденія, въ 1599 году, до окончанія фронды и смерти маршала, въ 1662 году. Его первыя кампаніи при Ришелье, административная и инженерная дѣятельность въ Седанѣ, сношенія съ Мазариномъ, его роль, какъ уполномоченнаго королемъ вести переговоры съ непріятелемъ, какъ финансиста и преобразователя военной системы — вѣрно оцѣнены и переданы авторомъ, особенно борьба маршала съ многочисленными врагами, привиллегіи которыхъ нарушали реформы Фабера. Равнодушіе къ нимъ Мазарини служило также немалымъ препятствіемъ къ ихъ осуществленію, и Фаберъ умеръ, не дождавшись плодовъ своей многообразной и полезной дѣятельности на службѣ государству.

— Докторъ Ганналь задумалъ описать «Кладбища отъ основанія французской монархіи до нашего времени» (Les cimetières depuis la fondation de la monarchie française jusqu'à nos jours). Авторъ излагаетъ подробно ихъ исторію и законодательства, относящіяся къ погребенію умершихъ. Въ введеніи говорится о кладбищахъ до 1776 года; затѣмъ слѣдуютъ описанія отдѣльныхъ кладбищъ по оффиціальнымъ документамъ. Къ книгѣ приложены планы и рисунки. Всѣхъ томовъ будетъ четыре. Встрѣчается много новыхъ подробностей, какъ, напримѣръ, въ исторіи закрытія, въ 1787 году, кладбища des Innocents.

— «Происхожденіе революціи въ Бретани» (Les origines de la révolution en Bretagne) передаетъ событія въ этой провинціи только до открытія генеральныхъ штатовъ. Изъ всѣхъ провинцій, вошедшихъ въ составъ Франціи, Бретань одна, въ теченіе шести вѣковъ, сохраняла свою независи-

мость и, когда былъ заключенъ бракъ ея послѣдней герцогини съ королемъ Франціи, герцогство, не покоренное и не купленное, соединилось съ королевствомъ, на основаніи особыхъ условій, принятыхъ обѣими сторонами и скрѣпленныхъ формальнымъ договоромъ. Потомъ, конечно, Бретани не разъ приходилось отстаивать, даже съ оружіемъ въ рукахъ, пункты этого договора, постоянно нарушаемаго королями Франціи. Одна изъ всѣхъ провинцій, Бретань противилась безграничному самодержавію монархической власти и защищала свои права и привиллегіи, уважать которыя торжественно обѣщали короли. Передъ самымъ началомъ великой революціи Бретань настояла на отправленіи въ генеральные штаты представителей по сословіямъ. Но среднее сословіе требовало болѣе справедливаго распредѣленія сословій въ штатахъ, уничтоженія привиллегій дворянства—не платить налоговъ, и равномѣрной уплаты налоговъ всѣми классами общества. Дворянство не хотѣло, въ этомъ случаѣ, поступиться своими старинными правами: начались безпорядки на улицахъ, дуэли, драки между враждебными партіями; были убитые и раненые, но среднее сословіе одержало верхъ и, отправляя своихъ представителей въ генеральные штаты, потребовало, чтобы были сохранены всѣ права и привиллегіи Бретани. Извѣстно, что дворянство и духовенство отказались послать своихъ депутатовъ въ собраніе штатовъ, на томъ основаніи, что «временное броженіе общества не имѣетъ будущности». Въ книгѣ передаются всѣ подробности этой бретанской оппозиціи.

— Орлеанизмъ, почти совершенно лишившійся почвы во Франціи, пробуетъ подогрѣть усердіе своихъ немногочисленныхъ сторонниковъ историческими сочиненіями. Профессоръ военной сенсирской школы Генneберъ издалъ подъ названіемъ «Графы Парижскіе» (Les comtes de Paris) біографіи лицъ, носившихъ это званіе. Сами по себѣ біографіи эти не лишены интереса, но авторъ выводитъ изъ нихъ такое заключеніе: «Безъ графовъ Парижскихъ, посланныхъ провидѣніемъ, безъ Роберта Сильнаго, Эвда, Гуго Великаго и Гуго Капета, мы были бы теперь нѣмецкими подданными и соотечественниками нашими были бы князь Бисмаркъ и генералъ Мантейфель».

— Двѣ книги изъ эпохи революціи любопытны по многимъ отношеніямъ. Графъ Резе составилъ на основаніи записной книжки г-жи Элофъ, модной торговки, «Моды и обычаи во время Маріи Антуанетты» (Modes et usages au temps de Marie Antoinette). Элофъ была придворной модисткой, поставляла наряды для большей части версальскихъ дамъ и вносила въ свою книжку всѣ разсчеты по заказамъ двора и богатой буржуазіи. Все это она акуратно записывала, хотя и безъ всякой литературы и даже правописанія, начиная съ 1-го января 1787 года по 19-е августа 1793 года. Изъ этого скучнаго и сухого перечня авторъ съумѣлъ, однако, извлечь интересные выводы. Марія-Антуанетта, какъ видно изъ подробнаго отчета о ея туалетахъ, была даже очень экономна, вопреки сложившемуся о ней мнѣнію. Книга иллюстрирована любопытными рисунками. Другое сочиненіе—«Библіотека королевы Маріи Антуанетты въ тюльерійскомъ замкѣ» (Bibliothèque de la reine Marie Antoinette au château de Tuileries). Существуютъ два каталога ея книгъ: «Книги будуара королевы» и «Библіотека Малаго Тріанона». Первое изданіе составлено съ цѣлью доказать, что королева читала только пустыя и легкія произведенія; второе—для доказательства, что въ загородномъ дворцѣ королевы были и серьезныя сочиненія. Вышедшій нынѣ каталогъ убѣждаетъ, что въ Тюльери у королевы была прекрасная библіотека въ 1,800

томовъ изъ лучшихъ сочиненій по исторіи, теологіи, наукамъ, искусствамъ и литературѣ. Какому роду чтенія, однако, королева отдавала преимущество— этого нельзя узнать изъ каталоговъ.

— Въ Краковѣ вышла хорошая исторія «Яна Собѣскаго и его вѣка» (Jan Sobieski i wiek jego). Авторъ Людвигъ Лелива обладаетъ несомнѣнно дарованіемъ. Книга его написана блестящимъ языкомъ, къ сожалѣнію, не выкупающимъ кореннаго недостатка, общаго автору со многими изъ его соотечественниковъ: крайняго ультрамонтанства и консерватизма. Лелива—псевдонимъ польской аристократки, принадлежащей къ одной изъ древнѣйшихъ графскихъ фамилій и живущей въ Петербургѣ. Въ четырехъ томахъ исторіи видна большая эрудиціи, но еще больше католическаго фанатизма.

— Объ экспедиціи шкуны «Жаннетта» издано уже много сочиненій, но это не мѣшаетъ вышедшей нынѣ книгѣ «Въ дельтѣ Лены» (In the Lena delta) представлять большой интересъ. Авторъ Джорджъ-Мельвиль, главный инженеръ на суднѣ несчастнаго Делонга, былъ главнымъ лицомъ при походѣ экипажа шкуны изъ устья Лены, гдѣ погибла «Жаннетта». Книга его составлена на основаніи оффиціальныхъ документовъ, представленныхъ морскому департаменту въ Вашингтонѣ, но въ ней, кромѣ того, много личныхъ замѣтокъ и наблюденій автора о Сибири, Якутскѣ, Томскѣ и пр. Вся исторія этихъ добровольныхъ мучениковъ науки не можетъ не возбудить участія къ ихъ тяжелой судьбѣ и безплоднымъ попыткамъ открыть свободный путь по морямъ, по которымъ нельзя ходить иначе, какъ въ теченіе самаго короткаго срока, да и то рискуя ежеминутно своею жизнью.

— Объ одномъ изъ авантюристовъ XVIII вѣка, кавалерѣ д'Эонѣ, продолжаютъ появляться новыя изслѣдованія. Недавно герцогъ Брольи извлекъ изъ французскихъ архивовъ документы о дипломатическихъ порученіяхъ, какія давались этому женоподобному кавалеру. Теперь капитанъ Тельферъ издалъ объ немъ на англійскомъ языкѣ обширное сочиненіе «The Chevalier d'Eon de Beaumont». Здѣсь также много оффиціальныхъ документовъ, портретовъ кавалера въ разныя эпохи его жизни, въ мужскомъ и женскомъ костюмѣ. Не смотря на всѣ розысканія автора, всетаки, остается нерѣшеннымъ вопросъ, почему Людовику XV вздумалось отправить кавалера къ императрицѣ Елисаветѣ, въ роли дипломатическаго агента, въ женскомъ платьѣ, а министрамъ Людовика XVI требовать, чтобы кавалеръ и во Франціи наряжался женщиною. Въ русскихъ архивахъ нельзя искать рѣшенія этой загадки, но въ иностранныхъ можно же доискаться разгадки. По своимъ личнымъ качествамъ кавалеръ, конечно, не заслуживаетъ, чтобы объ немъ заботилось потомство, но онъ, всетаки, былъ замѣшанъ въ сложной политической интригѣ, которую не мѣшаетъ разъяснить.

— Въ то время, когда наше историческое общество сбирается издать русскій біографическій словарь, въ Англіи уже появился первый томъ «Словаря національной біографіи» (Dictionnary of National Biography). Издатель Лесли Стефенъ не предпослалъ никакого предисловія своему труду, объяснивъ предварительно въ періодическихъ изданіяхъ цѣль, методу и планъ своей книги. Въ газетѣ «Athenaeum» печатается алфавитъ лицъ, которыя войдутъ въ словарь, и издатель проситъ публику пополнять этотъ списокъ. Первый томъ оканчивается біографіей королевы Анны. Къ каждой статьѣ присоединены библіографическія примѣчанія и указано, откуда она взята. Словарь этотъ поставитъ Англію высоко въ глазахъ иноземцевъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Письмо Н. И. Пирогова.

Ъ 1864 ГОДУ, издательница дѣтскаго журнала «Дѣло и Отдыхъ», Е. Н. Ахматова (нынѣ издательница «Собранія русскихъ и переводныхъ романовъ, повѣстей и разсказовъ»), обратилась къ Н. И. Пирогову, находившемуся тогда за границей, съ просьбой прислать для журнала какую нибудь статью. Пироговъ отказался исполнить просьбу Е. Н. Ахматовой и причину своего отказа объяснилъ въ письмѣ, которое, по нашему мнѣнію, на столько любопытно по выраженнымъ въ немъ взглядамъ на воспитаніе, что мы, съ любезнаго позволенія Е. Н. Ахматовой, приводимъ его здѣсь въ подлинникѣ:

«Берлинъ. 1864 г., 30 окт. н. с.

«Я только что надняхъ возвратился изъ Италіи, почтеннѣйшая Лизавета Николаевна, нашелъ ваше письмо ко мнѣ отъ 5 іюля, вмѣстѣ съ множествомъ другихъ писемъ, и спѣшу вамъ отвѣчать.

«Я съ радостію исполнилъ бы, какъ умѣлъ, ваше предложеніе, но, къ сожалѣнію, не могу этого сдѣлать по двумъ причинамъ: во-первыхъ, я рѣшился съ нѣкотораго времени ничего не печатать въ журналахъ, во-вторыхъ, я считаю статьи о такихъ предметахъ, какъ нервная система, для дѣтскаго журнала дѣломъ мало полезнымъ, скорѣе вреднымъ, съ педагогической точки зрѣнія. Я того мнѣнія, что дѣтей нужно учить немногому, но хорошо; а многому и хорошо, къ сожалѣнію, по слабости нашей натуры, учиться нельзя. Я знаю, вы мнѣ скажете, что здѣсь идетъ дѣло вовсе не объ ученіи, а о развитіи (понятія?) посредствомъ чтенія. Но въ этомъ-то вся и загадка воспитанія, чтобы развивать немногимъ,—немногое имѣя подъ руками. Тотъ не

мастеръ воспитывать, кто беретъ горстями и охабками изъ всего окружающаго, чтобы развить ребенка. Пользуйтесь немногимъ, но съ разборомъ, съ тактомъ и умѣйте имъ такъ ловко распорядиться, чтобы ребенокъ и не замѣчалъ, что вы его кормите однимъ и тѣмъ же. Старо сравненіе занятій съ пищею, но тѣмъ не менѣе справедливо. Если вы съ малыхъ лѣтъ начнете вашего ребенка кормить разными рагу и фрикассе, то желудку его не сдобровать. Толковать же дѣтямъ о нервахъ и мускулахъ это то же, что ихъ кормить соусами. Правда,—и безъ большаго искусства, можно сдѣлать понятнымъ все главное; но, не забудьте,—понятнымъ въ нашемъ смыслѣ, смыслѣ взрослыхъ. Не забудьте, что ребенку, — и при самомъ безъискусственномъ развитіи,—приходится каждый день, каждый часъ даже, осиливать множество новыхъ фактовъ изъ обыденной жизни,—и именно осиливать. Убѣдитесь же, ради Бога, сначала, что онъ точно умѣетъ уже осиливать и справляться съ ними, прежде чѣмъ вы дадите ему переваривать другіе болѣе запутанные для него представленія и факты. Мы часто думаемъ не только про дѣтей, но даже про самихъ себя, что мы хорошо понимаемъ уже давно извѣстныя намъ вещи,—и вдругъ,—какъ часто,—оказывается, что мы вовсе ихъ не понимаемъ. Для будущности же человѣка нѣтъ ничего хуже,—вѣрьте мнѣ,—какъ нагружать его тѣмъ, чего онъ не можетъ ясно себѣ представить,—еще хуже, если онъ спозаранку пріучится думать, что онъ непонятное ясно понялъ. Впрочемъ, я увѣренъ, что дѣтскій журналъ въ такихъ рукахъ какъ ваши принесетъ всегда громадную пользу».

Н. Пироговъ.

Холера въ Петербургѣ въ 1848 году.

Лѣтомъ 1848 года, въ Петербургѣ появилась холера. Хотя эта незванная гостья уже не въ первый разъ появлялась у насъ и даже въ бо́льшихъ размѣрахъ, но въ народѣ она и на этотъ разъ возбудила какой-то суевѣрный страхъ. Говорили, что холеру привезли нѣмцы, что доктора морятъ народъ въ больницахъ и т. п.; боялись и больницъ, и докторовъ, и медикаментовъ. Въ то время еще впервые появились въ Петербургѣ папиросы (раньше курили трубки и сигары), фабрикаціей которыхъ занимался, между прочимъ, одинъ англичанинъ, проживавшій на Васильевскомъ островѣ. Со времени появленія холеры стали косо посматривать на этого англичанина и торговцы Андреевскаго рынка, и каменотесы, обтесывавшіе гранитъ для строившагося тогда Николаевскаго моста (каменотесовъ этихъ было до 1000 человѣкъ).

Какъ-то, въ разгарѣ холеры, этотъ англичанинъ пошелъ въ екатерининскую аптеку (въ 1-й линіи Васильевскаго острова) что-то купить. Одинъ изъ торговцевъ рынка и дворникъ близь лежащаго дома сговорились послѣдить за нимъ. Выйдя изъ аптеки, англичанинъ сталъ вытряхивать соръ, накопившійся въ карманѣ (то же онъ дѣлалъ и на пути въ аптеку, что̀ и подало поводъ слѣдить за нимъ). Дворникъ и торговецъ подошли къ нему и стали спрашивать, что онъ вытряхиваетъ изъ кармана. Тотъ отвѣтилъ имъ поанглійски (порусски онъ не говорилъ, да, можетъ быть, и не понималъ ни слова). Соглядатаи бросились въ рынокъ и разсказали, что видѣли, какъ «нѣмецъ» холеру вытряхивалъ изъ кармана. Толпа торговцевъ пошла навстрѣчу англичанину, а слухъ о вытряхиваніи холеры, съ быстротою мол-

нія, распространился между торговцами рынка и дошелъ до каменотесовъ (они работали по 6-й линіи, отъ набережной до Большаго проспекта, т. е. противъ рынка). Англичанинъ и толпѣ торговцевъ, остановившей его, отвѣчалъ поанглійски. Толпа этимъ не удовольствовалась и начала уже его тормошить, но полиція отбила иностранца и отправила для безопасности въ помѣщеніе Васильевской части. Толпа разбрелась по рынку. Стали говорить, что «холера» сидитъ въ части. Каменотесы начали собираться толпами и скоро двинулись къ Васильевской части, гдѣ и потребовали выдачи «холеры». За отказомъ полиціи, толпа, узнавъ какъ-то, гдѣ помѣщается англичанинъ, выломала двери и, вытащивъ несчастнаго иностранца, поволокла его, сопровождая побоями, въ Зимній дворецъ. Зачѣмъ во дворецъ — этого, кажется, никто не зналъ; только кричали: «Во дворецъ, къ батюшкѣ-царю!» Чтобы остановить толпу, былъ разведенъ Исаакіевскій мостъ (отъ Павловскаго училища къ памятнику Петра I). Тогда толпа, дотащивъ англичанина до академіи художествъ (въ 5-й линіи), заколотила его до смерти и тутъ же бросила обезображенный трупъ несчастнаго. Полиція успѣла арестовать зачинщиковъ безпорядка и на другой же день было приказано сѣчь ихъ на площади, между Андреевскимъ рынкомъ и соборомъ. Пришла рота солдатъ. Собрались тѣ же торговцы и каменотесы смотрѣть на наказаніе вчерашнихъ вожаковъ.

Во время экзекуціи вдругъ пріѣхалъ императоръ Николай Павловичъ съ Орловымъ. «Отбой!»—скомандовалъ онъ, подъѣхавъ и вставъ въ коляскѣ. Наказаніе прекратили. «Въ арестантскія роты на вѣчныя времена!» — крикнулъ государь, указывая на преступниковъ. Народъ, завидѣвъ государя, бросился къ его экипажу. Императоръ, со слезами на глазахъ и въ голосѣ, упрекалъ народъ за буйство. «Вы должны Богу молиться, чтобы онъ избавилъ васъ отъ посланнаго наказанія, а вы звѣрски убили ни въ чемъ неповиннаго человѣка»,—такъ, приблизительно, говорилъ императоръ.—«Вотъ гдѣ ваше спасеніе!» — прибавилъ онъ, указавъ на Андреевскій соборъ. Сказавъ еще нѣсколько словъ, государь уѣхалъ, сдѣлавъ распоряженіе, чтобы на другой день былъ совершенъ крестный ходъ по острову изъ Андреевскаго собора.

Сообщено М. Т.

СМѢСЬ.

МПЕРАТОРСКОЕ русское историческое Общество въ 1884 году. 18-го февраля состоялось въ Аничковомъ дворцѣ годовое собраніе императорскаго русскаго историческаго Общества. Собраніе почтили своимъ присутствіемъ Его Императорское Величество Государь Императоръ, почетный предсѣдатель Общества, и почетные члены его ихъ императорскія высочества государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и великій князь Владиміръ Александровичъ. Предсѣдатель Общества А. А. Половцевъ открылъ засѣданіе чтеніемъ годоваго отчета, въ слѣдующихъ словахъ: «Приступая къ исполненію лежащей на мнѣ обязанности представить отчетъ о дѣятельности нашего Общества за истекшій годъ, я долженъ просить извиненія въ томъ, что, не смотря на многолѣтнюю къ этому дѣлу привычку, нахожусь сегодня въ большомъ смущеніи. Скромные труды наши получаютъ въ нынѣшній вечеръ удостоеніе, соразмѣрное отнюдь не достоинству ихъ, а исключительно любви нашего Августѣйшаго Основателя къ отечественной исторіи. Среди неисчислимыхъ заботъ о дѣлахъ государственныхъ, нашъ Державный Хозяинъ не только удѣляетъ намъ драгоцѣнную часть своего скуднаго досуга, но и удостоиваетъ высокой чести имѣть сочленомъ наслѣдника цесаревича. То, что̀ мы видимъ здѣсь, въ этой памятной намъ библіотекѣ Аничкова дворца, составляетъ свѣтлое для русской исторіи событіе, и счастливо историческое Общество, на долю коего выпало внести этотъ день въ свою лѣтопись». Въ дальнѣйшемъ содержаніи отчета предсѣдатель представилъ обозрѣніе дѣятельности Общества за минувшій 1884 годъ. Въ истекшемъ году Обществомъ отпечатано восемь книгъ издаваемаго имъ Сборника, съ тома XLII-го по XLVIII-й включительно. Томъ XLII-й заканчиваетъ собою изданіе переписки императрицы Екатерины, хранящейся въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Этотъ томъ содержитъ въ себѣ бумаги съ 1789 года по 1796, также дополненія и объясненія къ предшествующимъ томамъ переписки; сюда вошли: письма, рескрипты и записки императрицы къ разнымъ лицамъ, съ 1789 года по день ея кончины; разнаго рода записки и замѣтки государыни, безъ обозначенія времени ихъ написанія. Кромѣ того, настоящій томъ дополненъ, въ видѣ опыта, указами, замѣтками и резолюціями императрицы Екатерины за іюнь, іюль и августъ 1762 года. XLIII-й томъ, содержитъ въ себѣ продол-

женіе изданія дѣлъ Екатерининской комисіи по составленію проекта новаго уложенія. Сюда вошли наказы, данные депутатамъ отъ присутственныхъ мѣстъ; многія изъ приложеній не сохранились въ архивѣ II-го отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи, откуда извлечены означенные документы. XLIV-й томъ, изданный подъ наблюденіемъ Я. К. Грота, заключаетъ въ себѣ письма барона Мельхіора Гримма къ императрицѣ Екатеринѣ II, на французскомъ языкѣ. XLV-й томъ посвященъ финансовой исторіи времени Александра I и содержитъ въ себѣ: планъ финансовъ, предложенный М. М. Сперанскимъ, генеральный годовой отчетъ о государственныхъ расходахъ и доходахъ, росписи о государственныхъ приходахъ и расходахъ за царствованіе Александра I, съ 1801 по 1825 годъ, также отчеты объ исполненіи росписей, съ 1801 по 1825 годъ. Въ XLVI-мъ томѣ, помѣщены донесенія австрійскаго посла при русскомъ дворѣ графа Мерси д'Аржанто императрицѣ Маріи Терезіи и канцлеру Кауницу съ 2-го іюля 1762 года по осень 1763 года, а также донесенія того же дипломата за послѣдніе мѣсяцы царствованія императрицы Елисаветы. Томъ XLVII-й содержитъ въ себѣ рядъ русскихъ историческихъ документовъ изъ второй половины XVIII столѣтія: бумаги Я. И. Булгакова, бывшаго русскимъ посломъ въ Константинополѣ, когда совершалось присоединеніе Крыма и Кубани къ Россіи, и затѣмъ посломъ въ Варшавѣ съ 1789 по 1792 годъ. Наконецъ, послѣдній томъ, XLVIII-й, содержитъ въ себѣ переписку Екатерины II по внѣшнимъ дѣламъ, а также и ея личную переписку съ царствовавшими и иностранными государственными дѣятелями. Сюда же включены инструкціи и рескрипты русскимъ дипломатическимъ агентамъ и командующимъ войсками въ военное время.

Кромѣ собиранія и обнародованія историческихъ документовъ, Общество, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, предприняло обширный трудъ—составленіе біографическаго словаря русскихъ дѣятелей. Предварительная работа по этому словарю заключается въ составленіи списка лицъ, біографіи коихъ должны быть въ немъ помѣщены. По настоящее время отпечатано 14 листовъ этого списка, на буквы А, Б, В, Г и М, причемъ при имени каждаго лица обозначены годы его рожденія и смерти.

Кромѣ чтенія отчета о дѣятельности Общества, въ годовомъ собраніи его было сдѣлано нѣсколько ученыхъ сообщеній нѣкоторыми изъ членовъ. Вице-предсѣдатель Общества А. Ѳ. Бычковъ представилъ обзоръ приготовительныхъ работъ для изданія писемъ императора Петра I. Появленіе въ свѣтъ собраній писемъ Петра и документовъ касательно его царствованія подало мысль о своевременности сосредоточить въ одномъ изданіи всѣ, какъ уже обнародованные, такъ и хранящіеся еще въ разныхъ архивахъ, письма, указы, резолюціи и бумаги Петра I. Мысль эта была одобрена императоромъ Александромъ II, и для осуществленія ея была образована особая комисія. Все число собранныхъ по настоящее время документовъ простирается до 8,000 нумеровъ. Между ними, самыми ранними являются учебныя тетради Петра и письмо его къ матери, царицѣ Наталіи Кирилловнѣ, изъ Переяславля, отъ 20-го апрѣля 1688 года, въ которомъ онъ, именуя себя ея сынишкою, въ работѣ пребывающимъ, говоритъ о высылкѣ канатовъ для кораблей, строящихся на Переяславскомъ озерѣ. Оканчиваются же собранные документы письмомъ Петра къ Прусскому королю отъ 25-го января 1725 г., въ которомъ государь, за три дня до своей кончины, проситъ Фридриха-Вильгельма I о присылкѣ ему врача, королевскаго «лейбъ-медикуса фонъ-Сталя, яко славнаго практикуса». Въ этомъ обширномъ собраніи документовъ находятся драгоцѣнные и любопытные. Въ числѣ послѣднихъ обращаютъ на себя особенное вниманіе черновыя бумаги руки государя, несомнѣнно свидѣтельствующія, что главная и существенная часть содержанія нѣкоторыхъ дипломатическихъ актовъ во время Сѣверной войны, подписанныхъ канцлеромъ графомъ Головкинымъ, писана самимъ государемъ; что важныя

письма и бумаги, шедшія отъ имени разныхъ лицъ, какъ боярина Ѳ. А. Головина, графа Б. П. Шереметева, генерала А. А. Вейде и др., принадлежатъ также Петру Великому; наконецъ, что значительное число законодательныхъ актовъ и документовъ, заключающихъ въ себѣ распоряженія по устройству морскаго и военнаго дѣла, по развитію въ государствѣ промышленности и торговли, по устройству въ немъ заводовъ и фабрикъ, по распространенію грамотности въ народѣ и образованія въ высшемъ сословіи, по водворенію правосудія, по искорененію взяточничества и хищенія казны, по водворенію экономіи въ расходахъ и пр., были составляемы лично государемъ, иногда даже въ нѣсколькихъ редакціяхъ. Не менѣе имѣютъ значенія черновыя работы Петра по составленію уставовъ воинскаго и морскаго. До сихъ поръ приписывалось Ѳеофану Прокоповичу составленіе пространнаго и очень важнаго указа синоду, отъ 31-го января 1724 г., о званіи монашескомъ, о правилахъ жизни въ монастыряхъ мужскихъ и женскихъ, о помѣщеніи въ монастыряхъ мужскихъ—убогихъ отставныхъ солдатъ и нищихъ, а въ женскихъ—малолѣтнихъ сиротъ обоего пола; между тѣмъ, указъ этотъ отъ начала до конца писанъ самимъ Петромъ; его же перу принадлежатъ очень многія реляціи о побѣдахъ надъ шведами и о взятіи разныхъ крѣпостей, а въ сочиненіи Шафирова «Разсужденіе, какія законныя причины его царское величество къ начатію войны противъ короля Карола XII шведскаго имѣлъ», многія мѣста и все заключеніе писаны Петромъ. Не смотря, однако, на обиліе собраннаго комисіей матеріала, утратилось много писемъ Петра къ князю А. Д. Меншикову, къ князьямъ Голицынымъ, къ Я. Ѳ. и Г. Ѳ. Долгоруковымъ и многимъ другимъ лицамъ.

Общество любителей древней письменности. Въ послѣднемъ засѣданіи этого Общества подъ предсѣдательствомъ князя П. П. Вяземскаго, на разсмотрѣніе присутствовавшихъ въ засѣданіи было представлено новое изданіе Общества: «Костромскія церковныя древности» (объяснительный текстъ и 20 снимковъ), и, кромѣ того, княземъ П. П. Вяземскимъ — рѣзная (на кости) панагія, съ серебрянымъ ободкомъ; Е. Н. Опочининымъ — мѣдный благословляющій крестъ и рѣзная икона, на которой, въ видѣ плоскаго рельефа, изображено распятіе Спасителя, раскрашенное красками и снабженное рѣзными надписями, среди которыхъ оказываются надписи, не совсѣмъ обычныя на памятникахъ этого рода. Въ томъ же засѣданіи Ю. Б. Иверсенъ принесъ въ даръ Обществу пробные оттиски таблицъ къ своему труду: «Медали въ память русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ», а И. В. Помяловскій — списокъ греческой панихиды начала нынѣшняго столѣтія, съ крюковыми нотами, писанный на константинопольской бумагѣ. Возвратившійся изъ путешествія по Болгаріи и Македоніи магистръ славянской филологіи, В. В. Кочановскій, сдѣлалъ также въ засѣданіи сообщеніе объ остаткахъ того нарѣчія, которымъ, несомнѣнно, воспользовались славянскіе просвѣтители Кириллъ и Меѳодій, при переводѣ книгъ священнаго писанія съ греческаго языка на славянскій. Указавъ на то, что зародышъ христіанства на Руси былъ посѣянъ еще до проповѣди славянскихъ апостоловъ мораво-паннонскимъ славянамъ (причемъ приведено было свидѣтельство житія св. Кирилла, какъ онъ, во время своей миссіи къ хазарамъ, нашелъ въ Херсонесѣ псалтырь и евангеліе, писанное русскими письменами, и человѣка, говорящаго русскимъ языкомъ), докладчикъ, тѣмъ не менѣе, нисколько не умалилъ значенія заслугъ славянскихъ просвѣтителей и для русскаго народа наравнѣ съ другими славянскими народами, а напротивъ, выразилъ желаніе, чтобы память объ ихъ дѣятельности была ознаменована живымъ вниманіемъ къ ихъ дѣлу, принесшему столько плодовъ всему славянству. Г. Кочановскій составилъ къ тысячелѣтію св. Меѳодія болгарско-русскій словарь, изъ котораго были сообщены въ засѣданіи Общества всѣ слова, сохранившія донынѣ голосовое произношеніе, составляющее

отличительную особенность старо-славянскаго языка. Трудъ этотъ можетъ способствовать литературному сближенію русскихъ и болгаръ; послѣдніе чувствуютъ настоятельную потребность въ пособіи для успѣшнаго пользованія произведеніями русской литературы.

Годичное собраніе славянскаго Общества. Послѣднее передъ празднованіемъ дня св. Меѳодія, засѣданіе славянскаго Общества отличалось особенной торжественностью: секретарь Общества прочелъ отчетъ о дѣятельности Общества за минувшій годъ и о состояніи его денежныхъ средствъ. Годичный бюджетъ не превышаетъ 15,000 руб. Весь же капиталъ въ настоящее время въ славянскомъ Обществѣ, съ суммами для выдачи премій, достигаетъ 200,000 руб. Главная дѣятельность Общества сосредоточена въ настоящее время на трудахъ по изданію «Извѣстій Общества». Разсмотрѣніемъ сочиненій, представленныхъ разными авторами на соисканіе Кирилло-Меѳодіевской преміи, занимался профессоръ И. С. Пальмовъ. Всего представлено болѣе 30 рукописей, изъ которыхъ двѣ удостоены преміи. Послѣ отчета читалъ рѣчь профессоръ Кояловичъ, избравшій темою бесѣды Грюнвальдскую битву въ 1410 году. Ораторъ напомнилъ слушателямъ впечатлѣніе отъ картины Матейки, гдѣ поляки исключительно окружены ореоломъ побѣды, и высказалъ мысль, что въ Грюнвальдской битвѣ славянъ съ прусскими рыцарями можно видѣть отраженіе нравственной силы нашей Куликовской битвы. Тутъ сказались и сила славянъ, и вмѣстѣ ихъ разъединеніе, страсть къ раздорамъ, мѣшавшая имъ быть въ единствѣ, и давшая возможность въ сердцѣ Литвы, среди славянства, завестись иноплеменному, враждебному славянству элементу. Сколько разъ славяне могли уничтожить гнѣздо прусскихъ рыцарей, и каждый разъ славянская рознь сохраняла его; тогда оно разрослось и стало грознымъ врагомъ славянства, посредствомъ насилій порабощая и онѣмечивая окрестныхъ славянъ. Почти то же самое происходитъ и теперь. Рознь же славянская есть главнымъ образомъ слѣдствіе фанатизма славянъ западныхъ, когда славяне, прежде всѣ православные, раздѣлились на двѣ церкви вслѣдствіе происковъ папизма, стремящагося все захватить въ свои сѣти, все латинизировать.—Профессоръ И. С. Пальмовъ сдѣлалъ сообщеніе объ историческомъ значеніи Велеграда для славянъ. Велеградъ, въ которомъ католики собрались праздновать память св. Кирилла и Меѳодія, есть Новый Велеградъ, основанный маркграфомъ Владиславомъ Генрихомъ въ 1198 году, гдѣ первоучитель славянскій совсѣмъ не могъ быть погребенъ. И монастырь тамошній и каплица — называемая кирилкой — происхожденія позднѣйшаго; тамъ хозяйничали католическіе монахи, а со временъ Іосифа II — нѣмцы. Все стремленіе католиковъ было уничтожить въ этой мѣстности духъ ученія Кирилла и Меѳодія и вмѣстѣ и духъ славянства. Прочтя наставленія св. Кирилла и Меѳодія къ своей паствѣ и молитву ихъ, — ораторъ изъ текста прочитаннаго доказалъ, что святые энергично возставали противъ того, что теперь признается латинской церковью, напримѣръ, противъ «треязычной ереси» (т. е. ученія латинянъ, будто богослуженіе можетъ быть совершаемо только на трехъ языкахъ: латинскомъ, греческомъ и еврейскомъ, а потомъ даже признавался приличнымъ только одинъ латинскій языкъ), противъ ученія объ исхожденіи святаго Духа и т. д. Латиняне, не могши уничтожить преданій кирилло-меѳодіевскихъ въ Велеградѣ, старались всѣми силами затемнить ихъ смыслъ, пріурочить ихъ къ латинскому культу,—такъ, св. Меѳодія они нарочно соединяютъ съ св. Бернардомъ, патрономъ цистеріанцевъ; вмѣсто чествуемой народомъ памяти Яна Гуса, латиняне, чтобы сбить съ толку, выдвинули торжественное чествованіе памяти Яна Непомука, и все въ этомъ родѣ.

Тамбовская архивная коммиссія. Въ послѣднемъ засѣданіи этой ученой губернской коммиссіи, предсѣдатель ея И. И Дубасовъ сообщилъ, что онъ нашелъ въ Москвѣ, въ архивѣ министерства юстиціи, множество столбцовъ, совре-

менныхъ основанію Тамбова. Это — отписки первыхъ тамбовскихъ воеводъ, Р. Ѳ. Воборыкина и И. В. Биркина. Одинъ изъ этихъ столбцовъ—длиною аршинъ въ 500. Въ то же время, въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ хранится масса статейныхъ списковъ, составленныхъ мѣстными дипломатами, напримѣръ, елатомскимъ намѣстникомъ, княземъ С. Шаховскимъ и шацкимъ воеводою Я. Простевымъ. А въ Румянцовскомъ музеѣ нѣсколько весьма важныхъ документовъ относительно обращенія мѣстной мордвы въ христіанство, при извѣстномъ арх. Мисаилѣ, убитомъ мордвою въ окрестностяхъ села Конобѣева.

Д. В. Ильченко принесъ въ даръ тамбовскому музею академическій атласъ Россійской имперіи за 1745 годъ, а Ю. А. Ознобишинъ—двѣ книги Рахманинскаго изданія. Въ концѣ царствованія Екатерины II, въ Петербургѣ жилъ конно-гвардейскій офицеръ, И. Г. Рахманиновъ, человѣкъ весьма образованный. Еще въ дѣтствѣ, онъ «возымѣлъ склонность къ литературнымъ упражненіямъ» и сталъ заниматься переводами, преимущественно французскихъ авторовъ, между которыми любимцемъ его былъ Вольтеръ. Литературная извѣстность Рахманинова не только какъ переводчика, но и какъ самостоятельнаго писателя, начинается съ 1790 года. Въ то же время, онъ былъ извѣстенъ въ Петербургѣ, какъ основатель и содержатель собственной типографіи. Какъ издателя книгъ, Рахманинова знала сама Екатерина, которой черезъ графа П. А. Зубова, была поднесена имъ книга его изданія: «Извѣстія о дворянахъ россійскихъ». Въ 1791 году бригадиръ Рахманиновъ, по случаю выхода въ отставку, переселился въ свое имѣніе — село Казинку, Козловскаго уѣзда. Сюда же была переведена имъ и типографія, изъ которой въ томъ же году вышла книга подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Полное собраніе всѣхъ донынѣ переведенныхъ на россійскій языкъ и въ печати изданныхъ сочиненій господина Вольтера; второе изданіе съ поправленіемъ противъ прежнихъ и съ присовокупленіемъ жизни сего знаменитаго писателя и многихъ вновь переведенныхъ его сочиненій, кои еще никогда изданы не были». Послѣ заглавія было напечатано, что книга эта вышла съ указаннаго дозволенія въ городѣ Козловѣ. Между тѣмъ, козловскій городничій Сердюковъ, единственный цензоръ въ городѣ Козловѣ, донесъ въ Петербургъ, что типографія Рахманинова существуетъ не въ Козловѣ, а въ селѣ Казинкѣ, и книги въ ней печатаются безъ всякаго указаннаго дозволенія. Это было уже спустя два года по выходѣ книги и произошло вслѣдствіе ссоры Рахманинова съ Сердюковымъ. На основаніи этого доноса, сдѣлавшагося извѣстнымъ государынѣ, генералъ-прокуроръ Самойловъ приказалъ тамбовскому губернатору В. С. Звѣреву — типографію у Рахманинова запечатать и печатаніе запретить, а книги всѣ конфисковать и всѣмъ имъ прислать реестръ. По полученіи этого приказа Звѣревъ немедленно командировалъ въ село Казинку капитана Салькова съ тремя рядовыми и съ членомъ козловскаго нижняго земскаго суда. Книги были конфискованы; типографщиковъ арестовали. Въ заключеніе, посланные приступили къ составленію реестра книгамъ. Всѣхъ книгъ въ типографіи оказалось 5,205 экземпляровъ, подъ слѣдующими заглавіями: 1) Аллегорическія, философическія и критическія сочиненія господина Вольтера; 2) Сатирическій духъ господина Вольтера; 3) Собраніе разныхъ сочиненій и новостей; 3) Тактика господина Вольтера и его разсужденіе о воинскомъ искусствѣ; 5) Колесо счастія; 6) Утренніе часы; 7) Извѣстіе о дворянахъ россійскихъ; 8) Весѣдующій гражданинъ; 9) Ненависть, побѣжденная любовью, и 10) Политическое завѣщаніе господина Вольтера. Нѣкорыя изъ этихъ книгъ были переведены самимъ Рахманиновымъ, напримѣръ, №№ 1-й, 9-й и 10-й.

Извѣщая Екатерину II о своихъ распоряженіяхъ, Звѣревъ, между прочимъ, писалъ:

«Всемилостивѣйшая государыня! Имѣя счастіе до старости моей слу-

жить вашему императорскому величеству 50 лѣтъ съ непремѣннымъ вѣрноподданническимъ усердіемъ и чувствуя неоднократныя монаршія вашего императорскаго величества милости, дерзаю Державной Особѣ Вашей представить то, что душа моя, состарѣвшаяся подъ благословеннымъ скипетромъ вашимъ, чувствуетъ: книги, бригадиромъ Рахманиновымъ переведенныя и печатанныя, не служатъ къ благому наставленію людей Твоихъ. Лучше было бы употребить талантъ свой на доставленіе соотечественникамъ своимъ чего нибудь полезнаго, нежели критическаго и двоесмысленнаго».

Дѣло о типографіи Рахманинова затянулось, вслѣдствіе искусной защиты обвиненнаго, до слѣдующаго царствованія. А въ 1797 году типографія въ селѣ Казинкѣ сгорѣла со всѣми запечатанными въ ней книгами. Остальные экземпляры казинскихъ изданій, бывшіе у разныхъ лицъ, въ 1800 году повелѣно было собрать и «безъ изъятья сжечь».

Кружокъ нумизматовъ въ Москвѣ. Въ Москвѣ основался кружокъ нумизматовъ, поставившихъ своею цѣлью разработку нумизматическихъ данныхъ, столь важныхъ для исторіи, обнародованіе рѣдкихъ и неизвѣстныхъ монетъ, сближеніе нумизматовъ, охраненіе ихъ, по возможности, отъ эксплоатаціи торговцевъ и т. д. Кружокъ основался по мысли нѣкоторыхъ московскихъ нумизматовъ. Въ январѣ было первое засѣданіе въ помѣщеніи московскаго археологическаго Общества, предложившаго кружку свое помѣщеніе, и за нимъ состоялись два другія засѣданія, посвященныя главнымъ образомъ выработкѣ программы и правилъ кружка. Но было также сдѣлано нѣсколько сообщеній объ ассигнаціяхъ временъ Отечественной войны и ихъ французскихъ поддѣлкахъ, о причинахъ разновидностей чекана монетъ Петра I, о чеканѣ Лжедмитрія I, о портретѣ Петра, приписываемомъ Таннауеру и хранящемся въ Романовской галлереѣ Зимняго дворца, и его сходствѣ съ червонцемъ Петра 1716 года, съ латинской легендой, о кенигсбергскихъ монетахъ Елисаветы Петровны и др. Въ кружкѣ участвуютъ нумизматы, пріобрѣвшіе уже извѣстность въ Россіи и за границей. По возможности будетъ преслѣдоваться преимущественно разработка русской нумизматики, оставляющей желать еще очень многаго.

Памятникъ Джордано Бруно. 10-го февраля, состоялось въ Москвѣ чествованіе памяти итальянскаго философа-мученика Джордано Бруно. Общество московскихъ любителей словесности получило изъ Рима приглашеніе принять участіе въ обще-итальянскомъ торжествѣ закладки памятника сожженному Бруно. Словесники наши горячо откликнулись на это приглашеніе, а на помощь имъ пришло и новое московское Общество психологіи; совмѣстное засѣданіе этихъ двухъ Обществъ 10-го февраля и было посвящено памяти Джордано Бруно. Г. Веселовскій прочелъ публикѣ живой, интересный очеркъ жизни философа; г. Троицкій (предсѣдатель психологовъ) изложилъ его философскую систему, а г. Стороженко дополнилъ это литературной характеристикой личности Бруно. Такимъ образомъ, даже и мало знакомая съ исторіей философіи публика теперь имѣла передъ собою ясный обликъ мыслителя-мученика, пострадавшаго за идею триста лѣтъ назадъ. Живой, сочувственный откликъ Москвы оцѣненъ по достоинству итальянскимъ Обществомъ.

Банкетъ, устроенный въ честь Виктора Гюго издателями національнаго изданія его сочиненій, по случаю 83-й годовщины его дня рожденія, происходилъ въ «Hôtel Continental» и прошелъ блистательно. Собралось болѣе 200 гостей, множество художниковъ и представителей парижской печати безъ различія политическихъ оттѣнковъ. За дессертомъ Ришаръ, одинъ изъ издателей, обратился къ Гюго и привѣтствовалъ въ немъ высшее олицетвореніе современной Франціи, «возвѣщающей міръ грядущаго», и поднесъ ему медаль, выбитую въ память этого празднества, и роскошно переплетенный первый выпускъ «національнаго изданія» со словами: «Черезъ четыре года 25 томовъ

будутъ окончены. Тогда-то, подобно нашимъ предкамъ 1789 года, мы пойдемъ на Елисейскія поля, руководимые вами, на другой федеративный праздникъ и возложимъ на тотъ же алтарь ваше твореніе и принесемъ нашу признательность Франціи». Сенскій префектъ сказалъ: «Вашимъ именемъ, учитель, сказано все. Въ немъ выражаются всѣ восторги, вся гордость, всѣ славы, всѣ скорби Франціи въ теченіе полвѣка». Президентъ муниципальнаго совѣта поднялъ тостъ отъ имени всего Парижа. Арсэнь Уссе отъ лица общества писателей прочелъ стихи. Филиппъ Журдъ, отъ имени синдиката печати, пилъ за Гюго-журналиста. 17-ти лѣтъ, знаменитый поэтъ основалъ «Le conservateur littéraire», потомъ внушилъ мысль объ изданіи «Evénement» 1848 г. и не переставалъ отстаивать, какъ право естественное, свободу мыслить и писать. Викторъ Гюго съ видимымъ волненіемъ отвѣтилъ на эти заявленія почитанія и удивленія слѣдующими словами, которыя были выслушаны всѣми стоя: «Господа, я хочу сказать только нѣсколько словъ, мое волненіе слишкомъ живо, чтобъ говорить долго. Благодарю васъ всѣхъ, слушающихъ меня и являющихся представителями французской мысли».

† 17-го февраля, въ Дерптѣ, другъ и біографъ В. А. Жуковскаго, **Карлъ Карловичъ Зейдлицъ**, на 88-мъ году жизни, полной неутомимой и разнородной дѣятельности. Онъ родился въ Ревелѣ, въ 1798 г., слѣдовательно, былъ моложе Жуковскаго на 15 лѣтъ. Окончивъ, въ 1821 г., курсъ въ Дерптскомъ университетѣ со степенью доктора, Зейдлицъ переѣхалъ въ Петербургъ на службу въ госпиталь морскаго министерства. Въ 1823 г. былъ посланъ въ Астрахань бороться съ холерною эпидеміею. Въ 1826 г. поѣхалъ за границу заниматься въ Парижѣ и Монпелье. Въ Пизѣ ознакомилъ ученыхъ съ употребленіемъ стетоскопа. Въ 1829 г. поступилъ главнымъ врачомъ въ нашу армію; во время Турецкой войны, выказалъ энергическую дѣятельность въ чумномъ госпиталѣ въ Андріанополѣ, былъ врачомъ нашего посольства въ Константинополѣ. Записки объ этомъ времени изданы Зейдлицемъ въ 1854 г. на нѣмецкомъ языкѣ. Въ 1836 г., былъ назначенъ профессоромъ при медико-хирургической академіи и завѣдывалъ терапевтическою клиникою. Въ 1847 г., окончательно покинулъ государственную службу, и съ тѣхъ поръ жилъ въ Дерптѣ или въ своемъ имѣніи Мейерсгофѣ, купленномъ имъ у Жуковскаго. Ясный умъ, начитанность и энергія не покидали Карла Карловича до послѣдняго времени. Членъ многихъ ученыхъ обществъ, онъ постоянно работалъ на пользу науки и общеполезныхъ учрежденій. Къ столѣтнему юбилею В. А. Жуковскаго, 1883 года, онъ подготовилъ новое изданіе писанной имъ въ 1868 г. біографіи Жуковскаго. Въ «Русской Старинѣ» Зейдлицъ, въ январѣ 1883 г., печаталъ рядъ писемъ Жуковскаго къ любимой имъ дѣвушкѣ, а потомъ женщинѣ, первой вдохновительницѣ его музы. Одинокую могилу ея на дерптскомъ православномъ кладбищѣ старикъ Зейдлицъ посѣщалъ до послѣдняго времени. «Другъ и братъ», пишетъ ему въ письмахъ Жуковскій и Зейдлицъ былъ достоинъ беззавѣтной дружбы Жуковскаго. Составивъ біографію Василія Андреевича, проникнутую умомъ, искренностью и теплотою чувства, онъ поставилъ поэту лучшій литературный памятникъ.

† Извѣстный натуралистъ-путешественникъ, докторъ зоологіи **Николай Алексѣевичъ Сѣверцовъ**, погибъ при переѣздѣ рѣки Икорца. 27-го января, въ 5 часовъ вечера, Сѣверцовъ и генералъ Стрижевскій выѣхали изъ имѣнія послѣдняго, на Дону, въ Воронежъ, по дѣламъ. Ѣхали Дономъ въ коляскѣ обычной дорогой, по которой ежедневно ходятъ хлѣбные обозы. Вдругъ, противъ устья рѣки Икорца, коляска погрузилась въ воду. Стрижевскій успѣлъ выбраться изъ воды, ухватившись за ледъ. Затѣмъ, при помощи кучера, спасшагося первымъ, вытащилъ на ледъ и Сѣверцова; они пошли пѣшкомъ обратно, но, пройдя нѣсколько шаговъ, Сѣверцовъ опустился на ледъ, — у него отнялись ноги и онъ едва говорилъ. Стрижевскій и кучеръ пытались

тащить его подъ руки, но это оказалось невозможнымъ. Тогда, приказавъ кучеру всѣми средствами стараться поддерживать теплоту въ Сѣверцовѣ, Стрижевскій, самъ мокрый и обледенѣлый, пошелъ на свой хуторъ за помощью; но, какъ онъ ни торопился, прошло слишкомъ много времени, и когда на мѣсто катастрофы подоспѣли люди — было уже поздно: Сѣверцовъ, по словамъ кучера, умеръ вскорѣ послѣ ухода Стрижевскаго. Такъ погибъ одинъ изъ выдающихся нашихъ ученыхъ, родившійся въ 1827 г. и получившій высшее образованіе въ Московскомъ университетѣ.

Еще восемнадцатилѣтнимъ юношей, познакомившись съ изслѣдователемъ Средней Азіи, Г. С. Карелинымъ, Сѣверцовъ былъ до того увлеченъ разсказами послѣдняго о тамошней, богатой оригинальной природѣ съ рѣзкими контрастами пустынь и роскошной растительности, знойныхъ низинъ и снѣговыхъ хребтовъ, лѣтняго жара и зимняго холода, что съ тѣхъ поръ, по его собственному признанію, Средняя Азія сдѣлалась научной цѣлью его жизни. Въ 1857 году, представилась и возможность путешествія въ Среднюю Азію: Сѣверцовъ былъ командированъ академіей наукъ на Сыр-Дарью для изслѣдованія континентальнаго климата и вообще объясненія теперешняго географическаго распространенія животныхъ физическими условіями земной поверхности. Путешествіе это было сопряжено со многими лишеніями и едва не стоило ему жизни, когда, захваченный разбойнической шайкой туркестанцевъ, онъ весь израненный былъ доставленъ плѣннымъ въ Ташкентъ и освобожденъ Данзасомъ. Результатомъ этого путешествія было обстоятельное изученіе сыр-дарьинской фауны и фауны западныхъ, пріуральскихъ степей арало-каспійской низины, въ связи съ геологической исторіей мѣстной страны. Выполнивъ блистательно свою задачу, онъ занялся сводомъ добытаго имъ богатѣйшаго матеріала, принялъ профессорскую каѳедру... но представился случай посѣтить Тянь-шань въ походъ генерала Черняева, въ 1864 г., и каѳедра была брошена, сводъ наблюденій — отложенъ. Плодомъ этого путешествія, помимо открытія многихъ видовъ средне-азіатскихъ звѣрей и птицъ, было появленіе важнаго для зоологической географіи труда, изданнаго Обществомъ любителей естествознанія въ Москвѣ: «Вертикальное и горизонтальное распредѣленіе туркестанскихъ животныхъ». Этимъ спеціальнымъ трудомъ Сѣверцовъ положилъ фундаментъ для своего общаго труда по предмету зоологической географіи, изложенію и разъясненію климатическихъ и геологическихъ условій географическаго распространенія животныхъ. Всѣ его долголѣтнія работы были посвящены этому важному предмету и онъ много сдѣлалъ въ этомъ направленіи, и многое готовилъ еще: послѣдніе четыре года, поселившись въ своемъ имѣніи, въ пяти верстахъ отъ Боброва, Воронежской губерніи, онъ занятъ былъ сводомъ своихъ богатѣйшихъ изысканій, подводилъ итоги многотрудной работы... роковая случайность разрушила всѣ планы.

† **Эдмонъ Абу**, извѣстный французскій писатель и публицистъ, въ Парижѣ. Онъ родился въ 1828 г., окончилъ курсъ «Нормальной школы» и затѣмъ отправился въ Аѳины. Здѣсь первымъ его трудомъ было изслѣдованіе, подъ заглавіемъ «L'Ile d'Égine». По возвращеніи въ Парижъ, въ 1853 г., Абу съ успѣхомъ дебютировалъ этюдомъ «Современная Греція». Уже въ этомъ сочиненіи сказались свойства, присущія литературнымъ работамъ Абу: бойкость и легкость изложенія, остроуміе и блестящій стиль. «Revue des deux mondes» тотчасъ же открылъ свои страницы его роману «Tolla». Романъ этотъ, наполненный біографическими подробностями, былъ вдохновленъ очень малоизвѣстной книгой «Vittoria Savorelli, istoria del secolo XIX». Хотя Абу указалъ на свой источникъ, тѣмъ не менѣе обвиненія въ плагіатѣ надѣлали много шума. Буря нападокъ не стихла и тогда, когда Абу рискнулъ поставить на сценѣ Comédie Française свою пьесу «Gillery», первоначально называвшуюся «L'Effronté». Пьеса провалилась торжественно и послѣ двухъ

представленій была снята съ репертуара. Нападки критики поуспокоились лишь послѣ успѣха, доставшагося на долю Абу рядомъ его повѣстей «Les Mariages de Paris». Онъ вступилъ потомъ въ редакцію «Figaro», гдѣ подъ псевдонимомъ «Vicomte de Quevilly» велъ полемику со своими противниками. Нѣсколько романовъ, появившихся одновременно съ этимъ въ «Moniteur», окончательно упрочили извѣстность покойнаго. Но онъ не удовольствовался этой извѣстностью и послѣ поѣздки въ Италію напечаталъ памфлетъ въ антипапскомъ духѣ «La Question Romaine», писалъ еженедѣльно въ «Opinion nationale» свои «Lettres d'un bon jeune homme à sa cousine Madeleine». На сценѣ «Gymnase» была поставлена его «Rosette», а въ «Odéon» — «Gaëtana». Эту драму сняли со сцены послѣ четырехъ шумныхъ и бурныхъ представленій, на которыхъ составили коалицію всѣ враги автора, политическіе, религіозные и литературные. Въ то время Абу состоялъ при редакціи «Constitutionel» и напечаталъ вскорѣ цѣлый рядъ политическихъ брошюръ и нѣсколько романовъ. Съ 1868 г. онъ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ «Gaulois»; эта газета не разъ платилась за его остроуміе запрещеніемъ розничной продажи. Въ парижскихъ театрахъ, затѣмъ, шли его пьесы, написанныя въ сотрудничествѣ съ Нажакомъ. Сверхъ того, нѣсколько пьесъ Абу напечатаны подъ заглавіемъ «Théâtre impossible».

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Къ біографіи А. Н. Воронихина.

Въ виду предстоящаго 75-тилѣтняго юбилея Казанскаго собора въ Петербургѣ, воскресаетъ въ памяти личность его талантливаго строителя, профессора Андрея Никифоровича Воронихина. Въ мартовской книгѣ «Русской Старины» за нынѣшній годъ помѣщена обстоятельная статья о немъ; поэтому я не буду повторять предъ читателями «Историческаго Вѣстника» біографическія свѣдѣнія, только что опубликованныя, но приведу лишь нѣсколько новыхъ данныхъ, которыя еще оставались неизвѣстными. Этой замѣткой я желаю почтить память А. Н. Воронихина, тѣмъ болѣе, что, въ связи съ предстоящимъ юбилеемъ Казанскаго собора, приходится и 100-лѣтняя годовщина отъ остающагося до сихъ поръ не вполнѣ еще разслѣдованнымъ дня рожденія его строителя.

Свѣдѣнія, которыя я здѣсь привожу, относятся къ вступленію А. Н. въ бракъ и къ опредѣленію дня его рожденія. Первыя, помимо частнаго интереса, рисуютъ и религіозные нравы прежняго времени, а потому сообщаю ихъ вполнѣ.

Андрей Никифоровичъ Воронихинъ былъ женатъ на дочери пастора Лондъ, по происхожденію англичанкѣ. По законамъ того времени, для вступленія въ бракъ лица православнаго исповѣданія съ иновѣрцемъ необходимо было испрашивать разрѣшеніе просьбою, подаваемою на высочайшее имя въ консисторію, причемъ какъ отъ жениха, такъ и отъ невѣсты отбирались показанія. Такая просьба была подана А. Н. Воронихинымъ 20-го сентября 1801 года. При этомъ онъ и его невѣста показали слѣдующее:

«1801 года сентября 20 дня въ Санктпетербургской духовной консисторіи сопрящціся желающіе находящійся при строеніи Казанскаго собора 8-го класса архитекторъ Андрей Никифоровъ сынъ Воронихинъ, содержащій вѣру

грекороссійскаго исповѣданія, и посягающая за него агличанка дѣвица Марья Өедорова дочь Лондъ, состоящая въ реформатскомъ законѣ, спрашиваны и показали:

«8-го класса архитекторъ Воронихинъ — отъ роду ему 41-й годъ, родился въ городѣ Перми, отецъ его, Никифоръ Степановъ Воронихинъ, былъ канцеляристомъ и помре, а мать Пелагея Иванова находится въ живыхъ и содержитъ вѣру грекороссійскаго исповѣданія, въ коей и онъ рожденъ и воспитанъ, женатъ не былъ, и ежели позволено ему будетъ совокупиться законнымъ первымъ бракомъ съ показанною дѣвицею Марьей Өедоровою, состоящею въ реформатскомъ законѣ, то онъ спрящися желаетъ и притомъ обязуется по сочетаніи брака во всѣ воскресные, господскіе, богородичные и прочихъ нарочитыхъ святыхъ праздники и высокоторжественные дни для моленія ходить въ россійскія церкви къ вечернямъ и утренямъ, наипаче же ко святымъ литургіямъ и въ домѣ своемъ святые образа содержать чисто, честно и всякихъ святынь сподоблятися отъ россійскихъ священниковъ, въ преданные посты запрещенныхъ брашенъ не ясть, благочестія россійскаго не оставлять, къ реформатскому закону не склоняться и ежели отъ нихъ Андрея и Маріи будутъ рождатися дѣти, то оныхъ обоего пола крестить въ православную вѣру и, отъ младенчества возращая, обучать всякому православному церкви восточной обычаю, а въ реформатскій законъ не допущать и по семи лѣтъ отъ рожденія для исповѣди и святаго причастія представлять россійской церкви священникамъ, и все сіе показалъ онъ самую сущую правду. (Подпись). Къ сей сказкѣ 8-го класса архитекторъ Андрей Никифоровъ Воронихинъ руку приложилъ.

«Дѣвица Марья Лондъ—отъ роду ей 30-й годъ, родилась англійскаго владѣнія въ городѣ Голейвейлъ *), отецъ ея Өедоръ Ивановъ Лондъ былъ въ ономъ при реформатской церкви пасторомъ и помре, а мать Маргарита Иванова находится въ живыхъ и состоитъ въ реформатскомъ законѣ, въ коемъ и она рождена и воспитана, въ замужествѣ не была и ежели позволено будетъ ей совокупиться законнымъ первымъ бракомъ съ показаннымъ 8-го класса архитекторомъ Воронихинымъ, содержащимъ вѣру грекороссійскаго исповѣданія, то она въ супружествѣ съ нимъ быть желаетъ и притомъ обязуется по сочетаніи брака во всю свою жизнь онаго своего мужа ни прельщеніемъ ни ласками и никакими виды въ свой реформатскій законъ не склонять и за содержаніе православныя вѣры никакого ему поношенія и укоризны не чинить и ежели отъ нихъ Андрея и Маріи будутъ рождатися дѣти, то оныхъ обоего пола крестить въ православную вѣру и, отъ младенчества возращая, обучать всякому православному церкви восточныя обычаю, а въ свой реформатскій законъ не превращать и по семи лѣтъ отъ рожденія для исповѣди и святаго причастія представлять россійской церкви священникамъ и все сіе показала самую сущую правду. (Подпись). Къ сей сказкѣ дѣвица Марія Лондъ руку приложила».

Вслѣдъ за этимъ показаніемъ, приложенъ паспортъ дѣвицы Маріи Лондъ, изъ котораго можно заключить о времени пріѣзда ея въ Россію.

«Я нижеподписавшійся его великобританскаго королевскаго величества генеральный консулъ Стефанъ Шафтъ далъ сіе увольнительное письмо агли-

---

*) Городъ Голевейлъ (Holywell) находится въ сѣверной части Валлиса (въ Англіи).

чанкѣ дѣвицѣ Маріи Лондъ въ томъ, чтобъ жить ей здѣсь въ Санктпетербургѣ или въ прочихъ россійскихъ городахъ у кого пожелаетъ и всѣмъ держать съ записаніемъ сего увольнительнаго письма, гдѣ надлежитъ по законамъ, во увѣреніе чего съ приложеніемъ моей печати своеручно подписуюсь. Данъ въ С.-Петербургѣ сего 14 мая 1800 года. (Слѣдуетъ подпись)».

Андрей Никифоровичъ Воронихинъ познакомился съ дѣвицею Лондъ, по всей вѣроятности, въ домѣ графа А. С. Строганова, гдѣ, какъ кажется, дѣвица Лондъ была гувернанткою.

Обращаясь къ показанію А. Н. Воронихина, мы узнаемъ, что отецъ его былъ канцеляристомъ. Въ тѣ времена помѣщики имѣли право записывать своихъ крестьянъ въ канцеляріи, и такимъ образомъ отецъ Андрея Никифоровича могъ, по волѣ графа Строганова, сдѣлаться канцеляристомъ. Другое указаніе, интересное въ показаніи А. Н., относится къ мѣсту его рожденія; онъ показываетъ, что родился въ Перми. Это не согласуется съ тѣми данными, которыя помѣщены въ некрологѣ его («Сынъ Отечества» 1814, № XII, стр. 231), въ «Энциклопедическомъ лексиконѣ» Плюшара 1838, въ «Справочномъ энциклопедическомъ словарѣ» А. Старчевскаго (Спб. 1854, т. III), гдѣ мѣсторожденіемъ А. Н. названо село «Новое Усолье» Пермской губерніи. Въ особенности это противорѣчитъ ревизской сказкѣ, напечатанной въ «Русской Старинѣ» (1884, октябрь), гдѣ А. Н. включенъ въ число ревизскихъ душъ по «Новому Усолью».

Желая разъяснить сомнѣнія, я обратился въ пермскую духовную консисторію съ просьбою произвести по метрическимъ книгамъ разслѣдованіе о рожденіи Андрея Никифоровича Воронихина, и 18 декабря 1884 года получилъ слѣдующую справку (за что считаю долгомъ принести глубокую благодарность г. архиваріусу, обязательно потрудившемуся въ розысканіи драгоцѣннаго документа):

Справка.

«Въ метрикѣ села Новаго Усолья соборной Спасской церкви, Соликамскаго уѣзда, за тысячасемьсотъ пятьдесятъ девятый (1759) годъ въ первой части о родившихся, подъ № 41 значится октября семнадцатаго дня у домоваго Никифора Степанова Воронина (а не Воронихина) родился сынъ Андрей.

«Съ подлинной консисторской метрикой вѣрно:

(скрѣпилъ и. д. секретаря Назукинъ)».

При этомъ помѣчено, что истреблены пожаромъ черновыя метрики, а консисторскія хранятся въ консисторіи въ цѣлости (за 1759 г.).

Однако, полученное въ справкѣ свѣдѣніе не согласуется съ показаніемъ самого А. Н. Воронихина, когда онъ говорилъ 20 сентября 1801 года, что ему 41-й годъ; за то день рожденія представляется весьма вѣроятнымъ въ виду того, что 17 октября празднуется церковью память св. Андрея, а извѣстно, что крестьяне имѣютъ обычай давать новорожденнымъ имена по календарю: т. е. имя того святаго, память котораго чтится церковью въ день рожденія младенца. Весьма возможно, что Андрей Никифоровичъ считалъ день своего рожденія 17 октября 1760 года; помимо вышеприведеннаго его показанія, мы находимъ также 1760 годъ на перстнѣ, оставшемся послѣ Константина Андреевича (сына Андрея Никифоровича) Воронихина; на сердоликовомъ камнѣ перстня помѣчено | 17 AV 60 |, что должно означать иниціалы «А. V.» внутри цифры 1760. Перстень этотъ находится у пишу-

щаго эти строки и служилъ до сихъ поръ доказательствомъ, что А. Н. Воронихинъ родился въ 1760 году.

Остается еще доказать, чтобы признать новое свѣдѣніе о времени рожденія А. Н. вѣрнымъ, что указываемое въ справкѣ лицо Андрея Никифоровича Воронина тожественно съ Андреемъ Никифоровичемъ Воронихинымъ. Можетъ быть, окажется, что въ метрикѣ пермской духовной консисторіи вкралась описка (Воронинъ вмѣсто Воронихинъ), а, можетъ быть, слогъ «хи» былъ вставленъ въ фамилію впослѣдствіи. Не согласуется съ новымъ свѣдѣніемъ и показаніе Андрея Никифоровича, что онъ родился въ Перми (хотя это показаніе можно понять въ общихъ выраженіяхъ, какъ указаніе на Пермскую губернію).

Итакъ, все еще остается въ точности не разслѣдованнымъ, когда родился А. Н. Воронихинъ; но сообщенныя здѣсь свѣдѣнія могутъ значительно объяснить дальнѣйшія изслѣдованія, и можно надѣяться, что съ предстоящимъ юбилеемъ Казанскаго собора придется встрѣтить окончательное разрѣшеніе вопроса и о времени рожденія его строителя.

Внучатный племянникъ строителя Казанскаго собора,

Н. В. Воронихинъ.

Древняя икона св. Николая въ Брестѣ.

Въ первой книжкѣ «Русскаго Архива» за нынѣшній годъ, въ статьѣ «Изъ записокъ стараго преображенца», разсказанъ интересный случай, какъ въ городѣ Бѣлостокѣ какой-то доморощенный художникъ, которому было заказано обновить древнюю икону Божіей Матери, вмѣсто этого подправилъ образъ такъ, изъ усердія реставрировать его, что и узнать его не было никакой возможности: вмѣсто стариннаго греческаго письма икона вышла такъ называемой итальянской школы, на манеръ новѣйшихъ иконъ. Къ счастію, ошибку замѣтили скоро, когда дѣлу еще можно было помочь,— и художникъ скипидаромъ смылъ еще свѣжія краски, такъ что отъ нихъ не осталось и слѣда.

Этотъ разсказъ напомнилъ мнѣ подобный же, но, къ сожалѣнію, болѣе печальный примѣръ обычнаго у насъ усердія не по разуму и неумѣнія понимать и цѣнить памятники древности, имѣвшій мѣсто въ городѣ Брестъ-Литовскѣ (Гродненской губ.) лѣтъ десять тому назадъ. Въ тамошней соборной церкви находилась древняя икона св. Николая, уцѣлѣвшая какъ-то случайно отъ древней соборной церкви во имя этого святаго,—той церкви, гдѣ совершился актъ брестской церковной уніи въ 1596 году и гдѣ эта икона была въ числѣ такъ называемыхъ мѣстныхъ иконъ (т. е. помѣщалась въ иконостасѣ). Такимъ образомъ, эта икона была единственнымъ сохранившимся свидѣтелемъ брестской уніи и заслуживала особеннаго вниманія, тѣмъ болѣе, что она была весьма чтима мѣстными православными жителями и по своей древности, и по своему историческому значенію. Я очень хорошо помню эту икону: она имѣла аршина полтора въ длину и аршинъ съ четвертью въ ширину; письмо было весьма древнее, но краски еще хорошо сохранились. Посрединѣ иконы было изображеніе святителя Николая, по сторонамъ и внизу картины чудесъ его, а сверху лики Іисуса Христа и Богородицы. Ризы на иконѣ не было, украшеніе ея составляли только три вѣнчика. Не разъ поднималась рѣчь объ

украшенія этой иконы, — но осуществить эту мысль нельзя было за отсутствіемъ необходимыхъ средствъ. Но вотъ выбираютъ въ старосты собора купца А. К. Лобачева, незадолго до того времени пріѣхавшаго изъ Москвы. Желая ознаменовать чѣмъ нибудь дѣятельность свою въ новомъ званіи, онъ рѣшилъ сдѣлать ризу и кіотъ для этой иконы, да ужъ за одно и обновить ее. По совѣту съ мѣстнымъ протоіереемъ (покойнымъ Мироновичемъ), икону отправили въ Москву къ какому-то живописцу, но не сообщили ему о значеніи ея и необходимости сохранить живопись въ настоящемъ видѣ. И что же? Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ икона были возвращена перекрашенною, безъ малѣйшаго подобія прежней, но зато въ богатомъ кіотѣ, стоимостью рублей въ восемьсотъ... Много было сожалѣній, упрековъ со стороны мѣстныхъ православныхъ жителей, но дѣлу помочь нельзя было, за неимѣніемъ въ городѣ хорошаго живописца, съ которымъ можно было бы посовѣтоваться по этому поводу. Въ этомъ исправленномъ видѣ эта икона находится и теперь въ Брестскомъ городскомъ соборѣ. Но если бы можно было теперь снять новыя краски и возстановить древнюю живопись этой иконы, то это было бы поистинѣ благое дѣло.

Арсеній Маркевичъ.

Какъ заступаться за литературныхъ дамъ.

(Замѣтка по поводу статьи г. Скабичевскаго объ изданіяхъ Е. Н. Ахматовой).

Рецензентъ газеты «Новости», г. Скабичевскій, надняхъ отозвался объ издаваемыхъ г-жею Ахматовою романахъ, какъ о «дрянныхъ и пакостныхъ». «Новости» это напечатали.

Г-жа Ахматова 16-го марта отвѣчала на это въ «Новомъ Времени» замѣткою, въ которой говоритъ, что переведенные и изданные ею романы нѣтъ основаній именовать ни «дрянными», ни «пакостными». Письмо г-жи Ахматовой оканчивается словами, что отзывъ о «дрянности» и «пакостности» «не только несправедливъ, но и неприличенъ и для того, кто написалъ его, и для того, кто помѣстилъ» (Нов. Вр., № 3,250). Но, кромѣ того, въ самомъ началѣ письма г-жи Ахматовой есть горькое слово, направленное по адресу литераторовъ, — это слово есть какъ бы укоръ литераторамъ, изъ среды которыхъ г-жа Ахматова не надѣется встрѣтить никакой защиты противъ неучтиваго съ нею обращенія. «Я не смѣю надѣяться,—говоритъ она,—чтобы въ нашей журналистикѣ раздался чей нибудь безпристрастный голосъ въ мою защиту».

Пререканіе это заслуживаетъ вниманія.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что слова, примѣненныя г. Скабичевскимъ къ издательской дѣятельности г-жи Ахматовой, весьма грубы и неучтивы. Эта почтенная женщина, болѣе тридцати лѣтъ продолжающая свою литературную дѣятельность, не издала ничего такого, что стоило бы назвать въ печати «пакостнымъ». Кромѣ того, это слово само по себѣ гадко и непристойно, и оно становится еще предосудительнѣе, когда его употребляетъ мужчина о женщинѣ, притомъ еще о женщинѣ такихъ лѣтъ, которыхъ достигла г-жа Ахматова. Полъ и извѣстные годы всякаго порядочнаго и мало-мальски воспитаннаго человѣка обязываютъ къ усиленному учтивству и къ сдержанности въ выраженіяхъ. А тѣхъ людей, которые такого обязательства не признаютъ и ему не подчиняются, въ образованныхъ странахъ считаютъ невоспитанными и называютъ невѣжами.

Г-жа Ахматова не ошибется, если повѣритъ, что въ литературѣ многими такъ и была принята неучтивая выходка, которою она оскорбилась. Но что касается «голоса защиты», то, можетъ быть, есть уважительная въ своемъ родѣ причина, по которой ни одинъ голосъ не возвысился въ защиту г-жи Ахматовой... Я напомню по этому случаю одинъ очень схожій и характерный примѣръ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ «поэтъ», писавшій подъ псевдонимомъ въ одномъ изъ изданій покойнаго Г. Е. Благосвѣтлова, напечаталъ очень грубую статью о трехъ русскихъ писательницахъ, назвавъ ихъ всѣхъ заурядъ «литературными приживалками и содержанками». Чтобы обида чувствовалась еще больше, авторъ такъ и озаглавилъ свою статью: «О литературныхъ приживалкахъ и содержанкахъ...». Тогда, въ журналѣ «Литературная Библіотека», которую издавалъ Ю. М. Богушевичъ, нѣкто замѣтилъ благосвѣтловскому поэту, что тонъ, принятый имъ въ отношеніи трехъ названныхъ литературныхъ дамъ, — въ высшей степени непристоенъ и оскорбителенъ для самой литературы. Но въ отвѣтъ на это, въ слѣдующей же книгѣ благосвѣтловскаго журнала, поэтъ отвѣтилъ буквально слѣдующее: «г-нъ такой-то розъигрываетъ изъ себя рыцаря: онъ вступается за литературныхъ дамъ, забывая, что въ литературѣ нѣтъ пола: какъ самъ г. такой-то есть публичный мужчина, такъ и защищаемыя имъ дамы — публичныя женщины».

Это было напечатано en toutes lettres и, кажется, можетъ служить хорошимъ предостереженіемъ, чтобы съ извѣстнаго рода неучтивыми людьми не вступать въ состязаніе тѣмъ орудіемъ, внушенія котораго для нихъ не только слабы, но даже какъ бы поощрительны. На такихъ людей могутъ оказывать надлежащее воздѣйствіе только болѣе энергическія и сильныя мѣры, какихъ, впрочемъ, нѣтъ въ рукахъ престарѣлой женщины, отдавшей недавно безвременной могилѣ единственную опору своей старости.

Н. Лѣсковъ.

Въ статьѣ профессора Д. А. Корсакова по поводу книги профессора Кояловича: «Исторія русскаго самосознанія», напечатанной въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», замѣчены слѣдующія существенныя опечатки:

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
702.	25 сверху.	отрицаніе московскаго завоеванія	отрицаніе результатовъ монгольскаго завоеванія
703.	5 »	задача русской литературы	задача исторіи русской литературы
707.	11 »	тридцати слишкомъ лѣтъ	двадцати слишкомъ лѣтъ

Для г. Вольфа.

Въ 10 номерѣ издаваемаго книгопродавцемъ Вольфомъ ежемѣсячнаго сборника разныхъ статей, подъ заглавіемъ «Новь», въ фельетонѣ, напечатана, между прочимъ, слѣдующая пошлая клевета на А. С. Суворина и журналъ «Историческій Вѣстникъ»:

«Если сравнить, напримѣръ, съ «Новью» «Историческій Вѣстникъ» Суворина, то окажется, что теоріи: «коли брать, такъ брать», «дешево купить, дорого продать» — составляютъ неотъемлемую нравственную особенность г. Суворина. Дайте себѣ отчетъ въ томъ, напримѣръ, чѣмъ пробавляетъ г. Суворинъ читателей своего журнала за 10 руб. въ годъ — и вы убѣдитесь, что онъ больше чѣмъ «дорого беретъ» со своихъ читателей!.. Въ самомъ дѣлѣ, что представляютъ тѣ «картинки», которыя печатаетъ г. Суворинъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», какъ не простыя кляксы?.. Судя же по составу литературныхъ силъ «Историческаго Вѣстника», можно съ увѣренностью сказать, что журналъ этотъ издавался бы несравненно лучше, если бы не надавливала на него издательская рука г. Суворина изъ-за «лавочныхъ», разумѣется, разсчетовъ, т. е. по теоріи «дешево купить, дорого продать».

Я не намѣренъ оспоривать сужденій г. Вольфа о рисункахъ, помѣщаемыхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», и внутреннемъ составѣ журнала. Это дѣло его личнаго вкуса и познаній въ исторіи и литературѣ. Каждый понимающій человѣкъ можетъ самъ оцѣнить, насколько **гравюры**, даваемыя въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и оплачиваемыя отъ 3 до $1^1/_2$ руб. за квадратный дюймъ, хуже сравнительно съ **цинкографіями**, даваемыми въ сборникѣ «Новь» и оплачиваемыми отъ 40 до 30 копѣекъ за дюймъ, а также насколько хороши, или худы, печатаемыя въ журналѣ статьи. «Историческій Вѣстникъ» существуетъ уже шестой годъ, имѣетъ опредѣленную физіономію и репутацію, и мнѣніе книжнаго промышленника не можетъ ничего къ нимъ прибавить, или убавить [1]).

Но я считаю необходимымъ возразить противъ слѣдующихъ словъ г. **Вольфа**: «Журналъ (т. е. «Историческій Вѣстникъ») издавался бы несравненно лучше, если-бы не надавливала на него издательская рука г. Суворина изъ-за «лавочныхъ» разсчетовъ, т. е. по теоріи «дешево купить, дорого продать».

Съ самаго основанія «Историческаго Вѣстника», въ 1880 году, я, пользуясь довѣріемъ ко мнѣ А. С. Суворина, веду журналъ **во всѣхъ отношеніяхъ вполнѣ самостоятельно** и распоряжаюсь всѣми денежными его средствами **безъ всякаго вліянія издателя**. Всѣ договоры и разсчеты съ гг. сотрудниками и другими лицами производу я **одинъ** и въ теченіе пяти лѣтъ не было ни **одного случая**, чтобы г. Суворинъ, прямо или косвенно, вмѣ-

---

[1]) Замѣчу кстати, что «Историческій Вѣстникъ» не есть журналъ **иллюстрированный** и редакція никогда не обязывалась передъ своими подписчиками давать рисунки въ **каждой книжкѣ**; дѣлается же это, съ января прошлаго года, единственно лишь по желанію издателя.

шался въ эти разсчеты. Великъ, или малъ гонораръ, платимый журналомъ сотрудникамъ — это дѣло ихъ, а не г. Вольфа, ибо никто не можетъ принудить писателя помѣщать свои статьи тамъ, гдѣ это ему невыгодно, или неудобно, или гдѣ онъ можетъ очутиться въ весьма нелестной для него компаніи. Что же касается выгодъ, получаемыхъ г. Суворинымъ отъ «Историческаго Вѣстника» то я приглашаю г. Вольфа пожаловать въ любой день въ контору журнала (Невскій, д. № 38), гдѣ ему охотно будутъ показаны всѣ счеты и приходо-расходныя книги по изданію, изъ которыхъ онъ убѣдится, что «Историческій Вѣстникъ», достигнувъ 4,000 подписчиковъ, принесъ до сихъ поръ г. Суворину, за все время своего существованія, ни больше ни меньше какъ 22,267 рублей чистаго убытка. «Историческій Вѣстникъ» издается и редактируется не промышленниками и спекуляторами, не заманиваетъ малообразованныхъ читателей рекламами и обѣщаніями грошовыхъ «акварелей» и не существующихъ рамокъ, и хотя приноситъ пока лишь одни убытки, но за то, я увѣренъ, что ни я, ни г. Суворинъ, никогда не будемъ, подобно г. Вольфу, приговорены судомъ къ четырехъ-мѣсячному заключенію въ тюрьмѣ за литературно-издательскій обманъ.

С. Шубинскій.

ныя лица, а нѣкоторые изъ нихъ обладаютъ такимъ спокойнымъ и въ то же время полнымъ достоинства выраженіемъ въ походкѣ, разговорѣ и внѣшнемъ видѣ, что любой сенаторъ могъ бы имъ позавидовать.

Вообще они честны и справедливы и тѣ пороки и грубые недостатки, которые въ нихъ замѣчаются, они успѣли позаимствовать у бѣлыхъ, съ которыми находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ. Какъ и у всѣхъ дикихъ народовъ, женщины здѣсь являются рабынями своихъ мужей и принуждены исполнять всѣ тяжкія и непріятныя работы въ хозяйствѣ, тогда какъ охота и другія болѣе чистыя занятія предоставлены лишь однимъ мужчинамъ.

Постройка чукчами хижины.

Отягченныя и безъ того уже всякаго рода грубыми работами, женщины находятъ еще время шить и многія изъ нихъ не только обладаютъ въ этой отрасли женскаго рукодѣлья изумительнымъ искусствомъ, но и выказываютъ въ этомъ отношеніи очень изысканный вкусъ, проявляемый ими въ разнаго рода вышевкахъ и украшеніяхъ разныхъ частей одежды. Оленьи шкуры, составляющія главный матеріалъ, изъ котораго дѣлаются ихъ лѣтнія и зимнія одежды, гораздо лучшаго качества, нежели шкуры дикихъ оленей, служащихъ для выдѣлки одежды эскимосамъ. Внутренняя сторона шкуры самымъ обыкновеннымъ образомъ выскребается, а затѣмъ окрашивается красною глиною, находимою близь мыса Сердце-Камень, въ красный цвѣтъ; такая обдѣлка не только придаетъ имъ болѣе привлекательный внѣшній видъ, но и сохраняетъ ихъ дольше

чистыми. Одежда мужчинъ состоитъ изъ рубахи, сдѣланной изъ мягкихъ шкуръ, по большей части, содранныхъ съ самокъ и телятъ; эта рубаха носится шерстью внизъ. Въ холодную погоду они надѣваютъ еще вторую одежду, сдѣланную изъ болѣе толстой и плотной шкуры; обѣ рубахи достигаютъ почти до колѣнъ и одинаково длинны какъ спереди, такъ и сзади. Вообще, широкія и удобныя, онѣ снабжены еще широкими рукавами, которые съуживаются у самыхъ кистей рукъ; этотъ покрой рукава даетъ имъ возможность легко и очень быстро вытаскивать руки изъ рукавовъ и прятать ихъ подъ одежду, а движеніе это приходится имъ дѣлать зачастую и притомъ все дѣло здѣсь въ поспѣшности; такимъ образомъ въ холодную погоду грѣютъ они руки и удовлетворяютъ нѣкоторымъ другимъ потребностямъ, наблюдаемымъ особенно часто у нечистоплотныхъ людей и у обезьянъ. Ради того, чтобы помѣшать проникновенію подъ платье вѣтра, они носятъ поясъ изъ тюленьей кожи или сукна, который украшается болѣе или менѣе роскошно, сообразно со вкусомъ и со средствами его обладателя. Одежда не имѣетъ башлыка, прорѣзь для головы дѣлается довольно большая и опушается лисьимъ, волчьимъ или же, наконецъ, собачьимъ мѣхомъ; точно такая же опушка имѣется на рукавахъ и на подолѣ. На воздухѣ голова прикрывается шапкою, въ родѣ чепца, съ назатыльникомъ, концы котораго плотно завязываются подъ подбородкомъ; шапка эта плотно облегаетъ голову и зимою обшивается тоже мѣхомъ. Много такихъ шапокъ перевидалъ я, и всѣ онѣ въ томъ мѣстѣ, которое окружаетъ лицо, были обшиты мѣхомъ, достигающимъ зачастую 6—8 дюймовъ длины; въ особенности странный видъ былъ у тѣхъ, чья шапка была обшита волчьимъ или собачьимъ мѣхомъ: какъ это ни покажется страннымъ, но эти дикари въ своихъ шапкахъ очень напоминали съ перваго взгляда католическихъ святыхъ. Во время путешествій и при особенно сильномъ холодѣ поверхъ всего этого надѣвается еще третья широкая одежда, къ которой пришитъ башлыкъ изъ пушистаго мѣха, закрывающій лицо отъ вѣтра, а для защиты отъ тающаго снѣга и дождя, чукча носитъ тонкій плащъ изъ оленьей кожи, которая до такой степени мягко обдѣлывается, что на ощупь напоминаетъ скорѣе замшу; часто и притомъ особенно охотно дѣлаютъ этотъ плащъ изъ каленкора или же изъ бумажной матеріи, покупаемой ими у торговцевъ, и чѣмъ ярче и рѣзче цвѣта, тѣмъ покупщикъ болѣе доволенъ. У насъ былъ кусокъ каленкора, по пѣекъ по 12 за аршинъ, на которомъ красовались красные и желтые павлины съ широко распущенными хвостами, горѣвшими всевозможными цвѣтами радуги; величина рисунка не оставляла желать ничего лучшаго, такъ какъ хвосты павлиновъ были распущены во всю ширину матеріи; этотъ рисунокъ въ особенности облюбовали туземцы и, когда который нибудь изъ нихъ могъ полу-

Чукотская хижина.

чить такой кусокъ этой матеріи, чтобы два павлина красовались у него на спинѣ, да два на груди, то онъ рѣшительно считалъ себя на седьмомъ небѣ.

Дѣйствительно, мнѣ случилось какъ то позднѣе встрѣтить такую одежду, тотчасъ же мною узнанную, въ Нижне-Колымскѣ, т. е. болѣе, чѣмъ въ 2,000-верстномъ разстояніи отъ нашей зимовки; одежда эта служила тамъ украшеніемъ старшинѣ оленныхъ чукчей, который, какъ я узналъ, заплатилъ за нее чоуану, продавшему эту драгоцѣнность, баснословно огромную цѣну. Весною, когда они занимаются охотой на спящихъ на льду тюленей, прибрежные чукчи носятъ всего охотнѣе плащи изъ бѣлой матеріи, а лѣтомъ—преимущественно непромокаемую одежду, изготовляемую изъ тонкихъ тюленьихъ кишекъ; такія непромокаемыя одежды часто украшаются перьями и очень красивы на видъ; къ тому же онѣ превосходно достигаютъ цѣли—защитить отъ дождя и морской воды одежду изъ оленьей шкуры, а вмѣстѣ съ нею и ея владѣльца. Штаны мужчинъ, плотно облегающіе ногу, доходятъ до щиколодки, гдѣ они и завязываются снуркомъ поверхъ чулокъ; нижніе штаны дѣлаются изъ тонкой оленьей шкуры, тогда какъ верхніе приготовляются изъ шкуры, которую сдираютъ только съ ногъ оленя; только въ путешествіяхъ и при очень сильномъ холодѣ надѣваютъ на ноги еще штаны, изготовленные изъ толстой оленьей шкуры. Въ поясѣ штаны кроятся почему то чрезвычайно коротко и неудобно и, хотя вверху тоже продѣтъ снурокъ для ихъ подвязыванія, всеже является какой то загадкой, что они не сваливаются поминутно. Лѣтомъ и въ то время, когда море открыто, чукчи носятъ сапоги изъ тюленьей кожи, которые бываютъ самой разнообразной вышины: они то доходятъ до половины икры, то достигаютъ вертлуга; на зиму подбиваютъ ихъ оленьей шкурою и снабжаютъ подошвою изъ толстой тюленьей кожи, а въ большіе холода шьютъ подошвы изъ медвѣжьей или моржовой шкуры, которая прикрѣпляется къ сапогу стороною, покрытою шерстью. Эти зимніе сапоги бываютъ обыкновенно очень низки и хватаютъ лишь до того мѣста, гдѣ проходящій черезъ край штановъ снурокъ можетъ быть обвязанъ вокругъ ихъ; кое-когда случается, впрочемъ, встрѣчать и такіе зимніе сапоги, которые доходятъ до колѣнъ. Очень важную часть зимняго туалета составляетъ несомнѣнно большая шаль, или шейный платокъ, сшитый чаще всего изъ бѣличьихъ хвостовъ, причемъ на одну штуку идетъ такихъ хвостовъ отъ 500 до 600. Вообще, чукотская одежда довольно красива, удобна и гораздо практичнѣе и красивѣе, нежели одежда эскимосовъ.

Одежда женщинъ нѣсколько отличается отъ мужской; какъ рубаха, такъ и штаны дѣлаются у нихъ изъ одного сплошнаго куска. Штаны до невозможности широки, также точно, какъ и рукава, а послѣдніе, кромѣ того, такъ длинны, что хватаютъ до конца паль-

Чукчи, ловящіе рыбу.

цевъ и мѣшаютъ дó-нельзя свободнымъ движеніямъ рукъ, такъ что, благодаря этому покрою, вошло въ обычай во время всякой работы спускать платье съ плечъ и рукъ и такимъ образомъ добиваться свободы въ движеніяхъ. Въ холодную погоду, на воздухѣ женщины носятъ нѣчто въ родѣ верхняго платья съ башлыкомъ, которое хотя и тяжело, и некрасиво, однако очень хорошо держитъ тепло и слѣдовательно вполнѣ соотвѣтствуетъ своему назначенію; сапоги ихъ, надѣваемые на длинные чулки изъ оленьей шкуры, похожи на высокіе сапоги мужчинъ и доходятъ, какъ и эти послѣдніе, до колѣнъ, гдѣ связываются со штанами; это единственная часть женскаго туалета, гдѣ нѣсколько стараются о красотѣ, а потому у многихъ женщинъ они вышиваются чрезвычайно замысловатымъ и трудно выполнимымъ узоромъ. Въ особенности излюблены въ качествѣ украшеній стеклянныя бусы, нанизываемыя на длинные снурки и надѣваемыя на шею; интересно, что такія ожерелья проходятъ съ шеи подъ мышку; мнѣ часто приходилось видѣть такихъ красавицъ, удрученныхъ тяжестью своихъ ожерелій, почти изнемогающихъ отъ стремленія къ прекрасному. Не смотря, однако, на то, что ихъ украшеніе постоянно должно быть имъ помѣхою, когда онѣ нагибаются для какой либо работы, всетаки, даже это неудобство доставляетъ имъ видимо удовольствіе, такъ какъ они смотрятъ на него, какъ на уступку, дѣлаемую ими требованіямъ моды. Иногда вплетаютъ онѣ бусы и въ волосы и тогда нитки бусъ и кóсы падаютъ на плеча толстыми жгутами, а эта мода тоже не можетъ быть признана менѣе неудобною и мучительною, такъ какъ стоитъ имъ только зацѣпиться волосами за какой нибудь предметъ, онъ не только повиснетъ у нихъ на волосахъ, но и будетъ немилосердно теребить эти послѣдніе. Многіе мужчины носятъ серьги изъ бусъ, и уши тѣхъ, кто слѣдуетъ этой модѣ, показываютъ достаточно ясно, какъ эта мода неудобна и тяжка для самихъ модниковъ; ушная мочка у нихъ во многихъ мѣстахъ разорвана и позднѣйшія дырки должны дѣлаться все выше и выше, достигая иногда внѣшнихъ краевъ уха, а люди, всетаки, вѣшаютъ въ уши новыя и новыя тяжелыя серьги, словно и въ самомъ дѣлѣ они становятся отъ этого красивѣе. Въ большомъ употребленіи находятся какъ у мужчинъ, такъ и у молодыхъ женщинъ браслеты и повязки изъ тюленьей шкуры; многіе носятъ еще длинную ленту изъ того же матеріала на шеѣ, со свѣшивающимися на грудь концами, а то надѣваютъ такой же поясъ. У женщинъ эта шейная повязка имѣетъ опредѣленное назначеніе, такъ какъ на ней виситъ маленькій кисетъ съ табакомъ, сдѣланный изъ тюленьей шкуры. Мужчины курятъ почти всѣ безъ исключенія, а многіе изъ нихъ, кромѣ того, еще и жуютъ табакъ; напротивъ того, между женщинами мало найдется такихъ, которыя курятъ, тогда какъ жуютъ табакъ онѣ всѣ, безъ исключенія. Въ выше упомянутомъ

кисетикѣ носятъ дневной запасъ жевательнаго табаку только въ томъ случаѣ, когда онъ не заложенъ уже за щеку, такъ какъ похвальная бережливость требуетъ, чтобы каждый кусочекъ былъ высосанъ до послѣдней возможности; въ силу этого онѣ не выбрасываютъ свою жвачку до тѣхъ поръ, пока она сама не лишится способности выдѣлять сокъ подъ ихъ зубами и, будучи даже положена подъ гидравлическій прессъ, не выдѣлитъ его ни капли. То же качество величайшей бережливости заставляетъ ихъ супруговъ мѣшать табакъ, куримый ими изъ невозможно маленькихъ трубочекъ, съ щепками и кусочками древесной коры; кромѣ того, случается, что они набиваютъ свои трубки до половины оленьими волосами, а потомъ уже докладываютъ остальное пространство табакомъ; когда они зажигаютъ затѣмъ трубку, то тянутъ въ себя дымъ, не переводя дыханія, пока не сгоритъ весь табакъ безъ остатка. При этомъ лицо ихъ и шея надуваются, жилы натягиваются, изъ глазъ текутъ слезы и, наконецъ, когда человѣческая натура отказывается долѣе переносить мученіе, дѣлается сильнѣйшій приступъ кашля и выдѣленія мокроты, продолжающійся нѣсколько минутъ времени. Съ момента зажженія трубки до счастливаго окончанія припадка кашля, никогда не слѣдуетъ пробовать заговорить съ чукчею, такъ какъ это было бы совершенно безполезнымъ трудомъ; пока онъ наслаждается куреньемъ, ничто постороннее не можетъ привлечь его вниманія. Хотя бы ему объявили, что сейчасъ подъ его ногами разразится динамитная мина, всетаки, онъ останется совершенно равнодушнымъ, такъ какъ ни въ какомъ случаѣ не промѣняетъ свое минутное наслажденіе на будущее безсмертіе. Среди знакомыхъ намъ чукчей былъ, между прочимъ, одинъ, который имѣлъ обыкновеніе нюхать табакъ, но этотъ отъявленный модникъ и свѣтскій человѣкъ долгое время жилъ среди русскихъ у Нижне-Колымска и носилъ другіе отпечатки культурности, употребляя, напримѣръ, вилку, которою онъ ѣлъ моржовое мясо, а также ложку изъ рога аргали, которою онъ хлебалъ жиръ моржовый съ рубленою травою. Онъ, изволите ли видѣть, стоялъ уже слишкомъ высоко для той среды, въ которой жилъ.

Домъ нашъ на Идлидлѣ выстроенъ былъ на единственномъ плоскомъ мѣстѣ острова, гдѣ, по словамъ туземцевъ, даже и при очень сильномъ вѣтрѣ никогда не могутъ достать насъ разбушевавшіяся волны; тѣмъ не менѣе, до той поры, пока море успѣло замерзнуть, намъ пришлось пережить немало тяжелыхъ и полныхъ страха часовъ, когда вода поднималась до самого дома и грозила ему гибелью. Поэтому футахъ въ двухъ отъ дома мы выстроили плотину изъ камней и тогда стали болѣе спокойными, хотя волны и пробили въ нѣсколькихъ мѣстахъ нашу постройку и иногда плескали такъ высоко черезъ нее, что вода свободно проникала въ нашъ домъ. Совершенно обезпеченными отъ всякой опасности по-

чувствовали мы себя лишь тогда, когда море между островомъ и материкомъ, наконецъ, покрылось сплошнымъ покровомъ льда и, благодаря этому, прекратилось вторженіе волнъ на берегъ. Какъ мы были счастливы, когда это случилось. Какъ нарочно, безпрерывно слѣдовавшія одна за другой бури держали насъ въ постоянномъ страхѣ и два раза мы были принуждены стоять попеременно на часахъ у плотины, опасаясь, конечно, не за нашу жизнь, которой не угрожала опасность, но за нашъ покой и имущество и въ особенности за послѣднее, такъ какъ мы могли лишиться его очень легко. Изба была необходима для защиты зимою насъ и нашихъ припасовъ и тяжко бы намъ пришлось, если бы въ одинъ прекрасный день мы были принуждены выбираться сами въ бурю и въ непогоду изъ нашего убѣжища и выносить наши припасы подъ открытое небо. Вечеромъ того дня, когда море замерзало, свирѣпствовала ужасная буря; долго наблюдали мы за движеніемъ волнъ, которыя влекли къ берегу массы мягкаго ледянаго «сала»; уже нѣсколько дней очертанія материка были окружены какъ бы каймою изъ льда, по которому туземцы расхаживали на своихъ лыжахъ; этотъ ледъ постепенно сгущался и образовывалъ длинную косу, тянувшуюся отъ материка прямо къ наиболѣе выдающейся точкѣ нашего острова. Наконецъ, сало достигло этого пункта, и образовавшійся такимъ образомъ мостъ сталъ рости, благодаря страшной снѣжной метели, которая несла цѣлыя груды снѣга. Мы сидѣли въ домѣ, когда громкій плескъ волнъ о берегъ вдругъ, какъ бы по волшебству, прекратился, и мы сразу поняли, что море покрылось своимъ зимнимъ покровомъ; выбѣжавъ тотчасъ же изъ дома, мы увидали, что предположенія наши совершенно вѣрны. Мы не нуждались болѣе въ утомительной для всѣхъ ночной стражѣ и, по крайней мѣрѣ, вплоть до весны могли быть спокойны. На слѣдующій же день, къ намъ прибыли на лыжахъ четверо туземцевъ, а на слѣдующій за тѣмъ цѣлая толпа явилась на лыжахъ и саняхъ. Сообщеніе съ материкомъ, прервавшееся было на цѣлыя двѣ недѣли, снова открылось, и туземцы были отъ этого въ восторгѣ. Съ своей стороны, мы были очень рады снова увидать ихъ и находили очень интереснымъ имѣть нѣкоторыхъ изъ нихъ въ своемъ обществѣ; и иногда только они мѣшали намъ, когда набирались цѣлою гурьбою въ нашу избу. Къ счастью, они были народъ очень добродушный и, когда Франку нужно было мѣсто для приготовленія обѣда, то имъ говорили безъ церемоніи, чтобы они отправлялись домой и снова возвращались, когда будетъ время. Это приглашеніе, которое Франкъ называлъ «выбиваніемъ изъ позиціи», заставляло ихъ иногда только выходить за дверь; здѣсь они становились у окошка, прижимались носами къ стеклу такъ, что носы ихъ совершенно сплющивались; загораживая окно, они отнимали у насъ такимъ образомъ дневной свѣтъ; тѣ же изъ нихъ, которымъ

не выпадало на долю счастье занять мѣсто у окошка, довольствовались рапортами о происходившемъ внутри, даваемыми счастливцами. Такова была наша обыденная жизнь въ Идлидлѣ.

Чукчи часто предлагали намъ купить моржовые клыки и шкуры и никакъ не могли понять, почему мы не хотимъ брать у нихъ эти предметы, считаемые всѣми торговыми судами, приходящими къ Восточному мысу и къ сосѣднему берегу, очень желаннымъ товаромъ; нѣкоторые изъ нихъ приносили оленье мясо, которое мы забирали у нихъ всегда очень охотно; другіе приносили намъ съ материка прѣсную воду и ледъ, наконецъ, третьи не приносили съ собою ровно ничего, кромѣ вѣчно удивляющихся и какъ бы изумленныхъ глазъ, уставленныхъ въ теченіе цѣлаго дня на бѣлыхъ чужеземцевъ. Все это приходилось намъ испытывать изо дня въ день, съ утра до вечера; только вечеромъ могли мы пользоваться жизнью, когда убирали со стола, а лейтенантъ Путнамъ, нашъ начальникъ, бралъ свою гитару и распѣвалъ намъ любовныя испанскія пѣсни или же какіе нибудь общеизвѣстные мотивы, причемъ мы аккомпанировали ему хоромъ. Въ такомъ маленькомъ обществѣ, каково было наше, строгой военно-морской десциплины вовсе не требовалось, такъ что всѣ наши бесѣды были скорѣе направлены или просто къ тому, чтобы провести какъ нибудь время, или же къ тому, чтобы учить нашихъ людей, а отнюдь не къ нашему собственному удовольствію. Нашего возницу камчадала Петра Путнамъ взялъ на свое попеченіе и, пока докторъ, я и остальные два матроса упражнялись въ игрѣ на «пинафорѣ», столь удачно преподавалъ ему англійскій языкъ, что довелъ его до возможности складывать: д-о-г-ъ, догъ (собака) и к-э-т-ъ, кэтъ (кошка). Кое-когда нѣкоторые изъ насъ въ теченіе цѣлаго вечера занимались игрою въ безикъ и въ шахматы, а по временамъ всѣ мы оставляли въ сторонѣ игры и образовательныя стремленія и вдавались въ общій, чрезвычайно оживленный споръ о предметахъ, насъ интересовавшихъ, и вещахъ, въ которыхъ мы ровно ничего не смыслили. Такимъ образомъ, здѣшняя жизнь наша, хотя и однообразная, все-же не была совсѣмъ лишенною пріятности, какъ это могло бы казаться съ перваго взгляда. Конечно, и тутъ были свои неудобства и непріятности, но всѣ мы знали, что поселились здѣсь вовсе не ради нашего собственнаго удовольствія. Кое-когда, и притомъ въ видѣ особенной милости, дозволяли мы тому или другому туземцу остаться у насъ на ночь, и такая милость была обыкновенно цѣнима ими чрезвычайно высоко; они отлично знали, что около половины десятаго или въ десять у насъ всегда найдется чашка горячаго чая, сухарь съ небольшимъ кусочкомъ сыра или нѣсколькими сардинками, а, пожалуй, даже и кусокъ превосходнаго докторскаго рождественскаго пирога. Эти прелести утонченнаго вкуса туземцы умѣли отлично цѣнить и зачастую старались перенять также

и нѣкоторыя наши привычки; высшей степени культуры достигъ, однако, изъ нихъ только одинъ старшина оленныхъ чукчей, который послѣ обѣда откидывался на спинку стула и употреблялъ въ дѣло салфетку доктора,—салфетку, которая должна была служить ему до конца нашей экспедиціи! Этотъ же самый старикъ старшина угощалъ насъ вечеромъ своимъ пѣніемъ, причемъ онъ аккомпанировалъ себѣ на гитарѣ Путнама; то была однообразная мелодія съ часто повторяющимися словами «ей-пехкъ-и-комъ-опъ»; къ сожалѣнію, я не могъ добиться, что они собственно значатъ, да и значатъ ли они вообще что нибудь.

Такъ какъ теперь туземцы пріѣзжали къ намъ по ледяному мосту на саняхъ, то я имѣлъ случай нерѣдко изумляться легкости и прочности этихъ экипажей. Сидитъ въ саняхъ чаще всего одинъ, иногда два лица, такъ что впряженныя въ нихъ собаки могутъ свободно бѣжать полнымъ ходомъ; часто маленькія санки такъ прыгали по неровному льду, залегшему между нашимъ домомъ и берегомъ, что я ожидалъ каждую минуту, что онѣ разлетятся въ дребезги на тысячу кусковъ, но онѣ и не думали ломаться, словно были сдѣланы изъ китоваго уса. Днемъ домъ нашъ окруженъ такимъ огромнымъ числомъ самыхъ разнообразныхъ саней, что право иной принялъ бы нашъ островокъ за ярмарку; всѣ люди, пріѣхавшіе на нихъ, и множество добравшихся на островокъ пѣшкомъ полагали, что имѣютъ право забраться въ нашу единственную горницу и угощаться въ ней въ теченіе цѣлаго дня. Зачастую они являлись до разсвѣта, когда мы еще не вставали, и ожидали тогда на холоду цѣлые часы, пока, наконецъ, ихъ впускали въ избу. По истинѣ, это удивительно терпѣливый народъ нищихъ и, если они не получаютъ всего того, что видятъ, то навѣрно не по своей винѣ, такъ какъ выпрашивать и выклянчивать они большіе мастера.

X.

Гибель „Роджерса“.

Лагерь Хёнтъ, Идлидля, Сѣверная Сибирь, 31-го декабря 1881 года.

ВО ВТОРОЙ половинѣ ноября, я посѣтилъ сосѣднее племя оленныхъ чукчей для того, чтобы получить для нашего стола новый запасъ свѣжаго мяса. Лагерь находился всего лишь въ 40 миляхъ, но, такъ какъ дни были очень коротки, а собаки — очень лѣнивы, то намъ и пришлось переночевать на снѣгу. На слѣдующій день, прямо въ лицо намъ дулъ рѣзкій вѣтеръ и несся снѣгъ, но мой возница правилъ съ такою увѣренностью въ этой снѣжной пустынѣ, гдѣ я не замѣчалъ рѣшительно ничего, что̀ могло бы указать путь, что привезъ меня прямо къ юртамъ чукчей. Почва была совершенно ровная, но вслѣдствіе сильной метели мы замѣтили юрты только тогда, когда подъѣхали къ нимъ совершенно близко. Я нашелъ, что юрты схожи съ чоуанскими; но до сихъ поръ я могъ познакомиться съ внутренностью ихъ юртъ лишь поверхностно, тогда какъ теперь мнѣ пришлось провести въ одной изъ нихъ цѣлую ночь и рисковать задохнуться отъ жары и спертаго воздуха. Былъ только одинъ способъ заснуть, именно просунуть голову подъ занавѣску изъ оленьей шкуры такъ, чтобы она находилась во внѣшней юртѣ; въ спальнѣ, или іорангѣ, было такъ жарко, что никакого одѣяла не требовалось. Такимъ образомъ и спали мы всѣ съ головами въ одной горницѣ и съ туловищами — въ другой; само собою разумѣется, что такой способъ

спанья, какъ мнѣ пришлось потомъ не разъ убѣждаться, имѣетъ свои неудобства. Внѣшняя юрта, или іорангъ, служитъ убѣжищемъ для всѣхъ собакъ, а потому случается нерѣдко, что вдругъ среди ночи вы съ ужасомъ просыпаетесь, пробужденные ощущеніемъ чего-то холоднаго на лицѣ, и скоро догадываетесь, что одно изъ этихъ животныхъ въ пылу особенной нѣжности тщательно лижетъ вамъ лицо, или же, пытаясь проникнуть во внутреннюю юрту, тычетъ вамъ своимъ холоднымъ носомъ въ грудь. Я досталъ у чукчей превосходнаго, молодаго оленя и отправился домой. Въ Теопъ-кейнѣ, небольшомъ селеніи туземцевъ, на ближайшемъ отъ нашей избы берегу, я нашелъ Путнама, который снаряжалъ своихъ собакъ для поѣздки въ Ванкараменъ, отстоящій отъ насъ верстъ на 225 къ сѣверо-западу, съ тѣмъ, чтобы устроить тамъ складъ провіанта для весенней нашей экспедиціи; онъ прибылъ сюда еще вечеромъ истекшаго дня въ туземной лодкѣ и перевезъ въ ней сани и 18 собакъ. Петерсенъ сопровождалъ его въ эту экспедицію, которая, предполагалось, возьметъ не менѣе десяти дней. Я выждалъ, пока они отправились въ путь, а затѣмъ и самъ отправился на край береговаго льда, чтобы отсюда перебраться въ лодкѣ на островъ; но новый ледъ и сало были такъ густы, что тяжело нагруженная лодка не могла двигаться впередъ; послѣ полуторачасовой безостановочной и притомъ очень тяжкой работы, мы успѣли отъѣхать отъ окраины береговаго льда не дальше, какъ на три длины лодки, такъ что поневолѣ пришлось вернуться назадъ; обратное наше путешествіе продолжалось никакъ не менѣе двухъ часовъ. На слѣдующій день, мы снова сдѣлали попытку пробраться на островъ, но и на этотъ разъ успѣли отойдти отъ берега не болѣе какъ футовъ на 400, причемъ пользовались лодкою, какъ мостомъ между глыбами льда. Новый ледъ былъ на столько крѣпокъ, что хотя лодка и погружалась въ него повидимому, но на самомъ дѣлѣ онъ только гнулся подъ нею, какъ гнется каша подъ ложкою. Снова пришлось намъ возвратиться вспять, но на этотъ разъ я уже твердо рѣшился дождаться, пока замерзнетъ каналъ, что по моимъ разсчетамъ, должно было случиться въ скоромъ времени, такъ какъ вѣтеръ дулъ на материкъ и сало и льдины постоянно подгонялись имъ къ тому мѣсту, гдѣ и прежде ледъ стоялъ мостомъ. На слѣдующій день шелъ такой сильный снѣгъ, что мы не могли даже разглядѣть нашего острова, но въ то же время намъ показалось, что ледъ сталъ вплоть до мысочка; тотчасъ же нѣсколько туземцевъ, вооружась лыжами и палками, отправились попытать счастья и изслѣдовать, дѣйствительно ли можно добраться по льду до острова. Вышеупомянутыя палки были для меня совершенною новинкою и ихъ замысловатое устройство заслуживаетъ подробнаго описанія. Дѣлаются онѣ изъ дерева и величиною нѣсколько побольше обыкновенной палки, употребляемой для гулянья;

въ нижній конецъ ея вдѣланъ обыкновенно моржовый клыкъ, а въ двухъ дюймахъ отъ конца находится обручъ въ 6—8 дюймовъ въ поперечникѣ, прикрѣпленный къ палкѣ многочисленными ремнями изъ тюленьей кожи; этотъ обручъ и сѣтка изъ ремней лежатъ свободно на снѣгу и могутъ сдержать на немъ и на мелкомъ льду порядочную тяжесть. Когда туземцы отправляются на берегъ на тюленью охоту или же ставить тенета на тюленей, они обуваются въ лыжи, берутъ въ руки эти палки, и приходится лишь удивляться, какъ они рискуютъ ходить по самымъ опаснымъ мѣстамъ. Такъ, напримѣръ, не разъ случалось мнѣ видѣть ихъ бродящими совершенно беззаботно по самому тонкому льду, который поднимался то тамъ, то сямъ отъ напора волнъ; здѣсь же кстати бу-

Путь среди льдовъ.

детъ замѣтить объ одномъ крайне удивительномъ явленіи, касающемся установившагося льда: хотя всякое движеніе уже нѣсколько недѣль какъ прекратилось, тѣмъ не менѣе поверхность льда была волнистая и указывала ясно на происходившее подъ нимъ волнообразное движеніе; часто приводилось мнѣ въ теченіе моихъ странствованій наблюдать ледъ такого вида, который какъ будто застылъ моментально вслѣдствіе сильнаго мороза въ ту минуту, когда волны не успѣли еще улечься и море не сдѣлалось еще гладкимъ.

Около трехъ четвертей часа послѣ того, какъ мой авангардъ двинулся въ путь, я получилъ извѣстіе, что всѣ счастливо добрались до острова и что ледъ вполнѣ проходимъ; тотчасъ же нашлась цѣлая толпа туземцевъ, пожелавшихъ тоже переправиться на островъ и выразившихъ желаніе захватить меня съ собою на салазкахъ, такъ какъ я былъ еще слишкомъ мало опытенъ въ бѣгѣ на лыжахъ; трое саней открывали шествіе, а за ними шли пѣш-

комъ человѣкъ 20 туземцевъ; къ сожалѣнію, салазки, на которыхъ я сидѣлъ, сломались, едва только мы добрались до мелкаго льда, и я погрузился до самыхъ плечъ въ холодную воду и ледяное сало. Быстро перевернувшись и постоянно повторяя это движеніе, мнѣ удалось, однако, продержаться на водѣ до тѣхъ поръ, пока ко мнѣ не подъѣхали другія сани; я ухватился за нихъ руками, сталъ болтать ногами и скоро достигъ ледяной глыбы, на которой стояли уже почти всѣ пѣшеходы. Пришлось пересѣсть на другія сани, которыя подталкивалъ сзади одинъ изъ туземцевъ, когда собаки отказывались встащить меня на какую нибудь высокую ледяную глыбу; перетаскиваемый и переталкиваемый такимъ образомъ съ одной глыбы на другую, достигъ я, наконецъ, послѣ полуторачасоваго путешествія, самаго непріятнаго изъ всѣхъ когда либо совершенныхъ мною, нашего острова, причемъ замѣчу, что туземцы все время стояли совершенно безопасно на своихъ лыжахъ тамъ, гдѣ я проваливался съ санями.

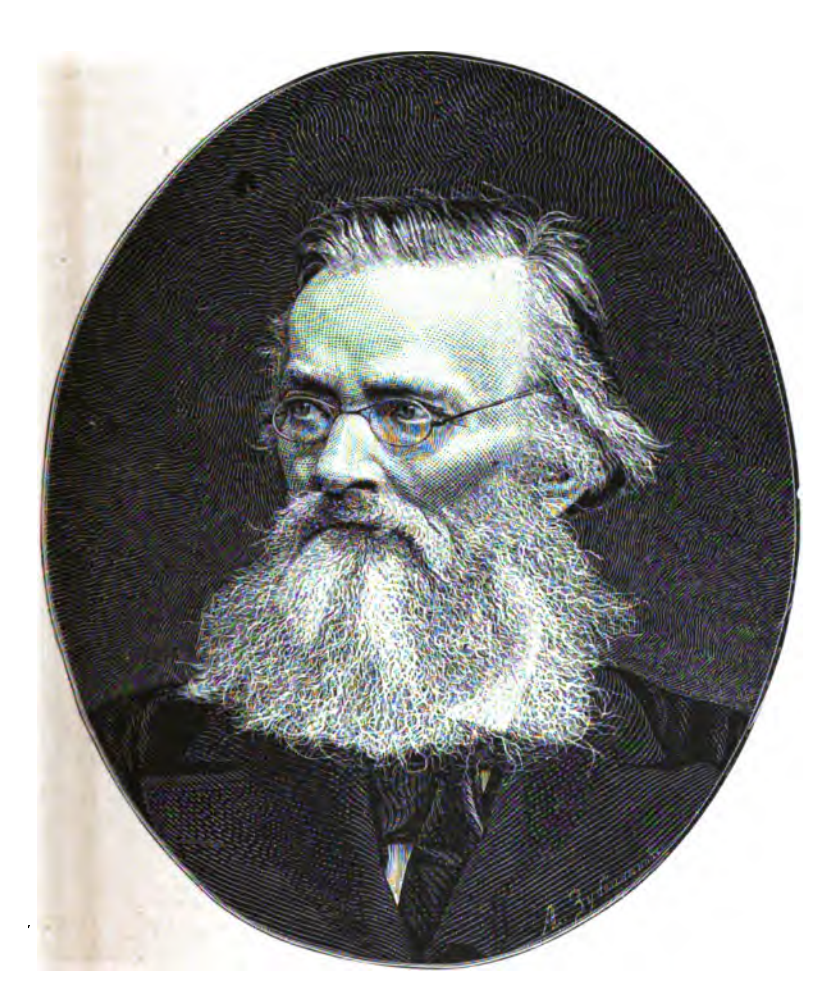
Черезъ восемь дней, возвратился назадъ и Путнамъ, который выдержалъ сильную снѣжную бурю при переѣздѣ черезъ бухту Пилканъ или Колючинскую, какъ она обыкновенно обозначается на картахъ. Онъ былъ принужденъ провести ночь подъ открытымъ небомъ, да къ тому же еще на льду, такъ какъ во время «пурги» (такъ называются по всей Сибири снѣжныя бури), нѣтъ рѣшительно никакой возможности добиться того, чтобы животныя бѣжали впередъ; приходится спокойно ожидать, чтобы буря утихла, и тогда уже продолжать путь. Само собою разумѣется, что въ безграничныхъ пустыняхъ, въ родѣ тундры и ледяныхъ полей, выжиданіе можетъ быть одинаково опасно, какъ и продолженіе пути, такъ какъ здѣсь нерѣдко случается, что и экипажъ, и собаки, и самъ путешественникъ заметаются снѣгомъ и погребаются въ немъ навѣки. Когда, какъ это не разъ уже случалось, пурга застаетъ въ пути почтовую повозку, то поневолѣ приходится отправлять для ея спасенія цѣлый отрядъ людей подъ руководствомъ человѣка, хорошо знающаго мѣстность; люди эти находятъ на пути какой нибудь холмъ, причемъ вожакъ указываетъ на послѣдній и говоритъ: «я не видѣлъ его никогда прежде»; рабочіе принимаются тогда за работу, разгребаютъ лопатами снѣгъ и зачастую отрываютъ и повозку, и лошадей, и проѣзжихъ, которые или успѣли замерзнуть окончательно, или же недалеки отъ смерти. Вообще, туземцы, живущіе вблизи тундры, знаютъ превосходно тѣ признаки, которые предвѣщаютъ приближеніе пурги, и въ такомъ случаѣ никогда не предпринимаютъ никакой поѣздки, если погода хотя сколько нибудь сомнительна. Въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ высокія береговыя горы или лѣсочки, разбросанные по сторонамъ, представляютъ собою достаточные указатели дороги, въ такой предосторожности нѣтъ необходимости, такъ какъ въ самомъ худшемъ

случаѣ приходится бояться лишь ночевки въ метель подъ открытымъ небомъ. Въ пургу на Пилканской бухтѣ Путнамъ отморозилъ себѣ руку, а Петерсенъ оконечности пальцевъ.

Черезъ нѣсколько дней по возвращеніи изъ этой поѣздки, Путнамъ снова отправился въ путь и на этотъ разъ уже къ бухтѣ св. Лаврентія, гдѣ хотѣлъ навѣстить наше судно и кстати переговорить о санной поѣздкѣ въ Нижне-Колымскъ, гдѣ хотѣлъ развѣдать, не слышно ли было чего нибудь о «Жаннеттѣ». Когда онъ прибылъ въ деревню Чейптунъ, отстоящую всего на два дня пути отъ зимовки «Роджерса», то былъ испуганъ ужасною вѣстью, только-что привезенною однимъ возвратившимся изъ бухты св. Лаврентія туземцемъ, который разсказывалъ, что корабль сгорѣлъ до тла и что экипажу удалось спасти лишь очень небольшую часть припасовъ. Разсказывали также, что никто не погибъ въ пожарѣ и что офицеры и матросы живутъ теперь въ юртахъ туземцевъ и питаются наравнѣ съ ними вяленымъ моржовымъ мясомъ. Изъ разсказовъ оказывалось, что пожаръ случился 1-го декабря, тогда какъ на самомъ дѣлѣ несчастье посѣтило насъ днемъ раньше. Такъ какъ Путнамъ былъ совершенно убѣжденъ въ достовѣрности сообщеннаго ему слуха, то немедленно возвратился къ нашей зимовкѣ, чтобы захватить съ собою припасовъ для несчастныхъ товарищей. 27-го декабря, онъ снова пустился въ путь къ бухтѣ св. Лаврентія; теперь онъ ѣхалъ въ сопровожденіи четырехъ большихъ саней, до верху нагруженныхъ хлѣбомъ, кофе, сахаромъ, пеммиканомъ (вяленое мясо) и мясными консервами. Онъ захватилъ также съ собою нѣсколько книгъ и фунтовъ 100 табаку и папиросъ—почти половину того, что мы имѣли. 3-го января, въ Идлидлю прибылъ капитанъ Бёрри; онъ подтвердилъ печальную вѣсть о гибели судна почти со всѣмъ грузомъ и далъ мнѣ порученіе отправиться тотчасъ же въ Нижне-Колымскъ, а оттуда на ближайшую телеграфную станцію Сибири, откуда я долженъ былъ послать нашему морскому министру телеграмму о постигшемъ насъ несчастіи; затѣмъ я долженъ былъ безъ остановокъ ѣхать черезъ Сибирь и Европу въ Вашингтонъ, чтобы доставить туда подробный письменный рапортъ о гибели нашего судна.

30-го ноября, около 9 часовъ утра, въ носовой части зимовавшаго въ бухтѣ св. Лаврентія «Роджерса» былъ замѣченъ густой дымъ, который выходилъ клубами изъ подъ-палубы: достаточно было для всякаго увидать это зрѣлище, чтобы понять, что на кораблѣ пожаръ. Съ большою поспѣшностью, но безъ всякой безпорядочной торопливости, всѣ люди отправились на свои мѣста въ ожиданіи приказаній и дальнѣйшихъ распоряженій офицеровъ; люки были тотчасъ же заперты и всѣ помпы пущены въ ходъ. Изъ ручной помпы, накачиваемой экипажемъ и помѣщавшейся на носу, а также изъ паровой пожарной трубы, гдѣ поддерживался всегда огонь для

нагрѣванія парохода, скоро излились цѣлые потоки воды. Но едва лишь отворили одинъ люкъ для того, чтобы облегчить нѣсколько доступъ водѣ, какъ цѣлыя массы густаго, удушливаго дыма вырывались оттуда наружу и мѣшали работѣ такъ, что люди у помпъ должны были постоянно мѣняться, а кочегаръ у котла принужденъ былъ оставить свой постъ. Тогда затворили снова всѣ двери и люки, но проломали отверстіе въ палубѣ и черезъ него стали тушить огонь. Такъ продолжалось нѣкоторое время, пока не починили развинченныхъ на зиму трубокъ большихъ котловъ, которые и пущены были затѣмъ въ ходъ; оказалось, что это было сдѣлано какъ разъ во время, потому что приходилось покинуть помѣщеніе около малаго котла вслѣдствіе непомѣрнаго дыма, не дававшаго людямъ дышать. Между тѣмъ отворили кухонный кранъ и пустили изъ него воду черезъ пробоины въ палубѣ, но ничто не дѣйствовало на огонь, который съ минуты на минуту разгорался все болѣе и болѣе. Когда судно было обращено заднею частью противъ вѣтра для того, чтобы помѣшать распространенію разбушевавшейся стихіи въ эту сторону, экипажъ принялся перетаскивать масло и порохъ изъ носоваго помѣщенія на бакъ, откуда, въ случаѣ нужды, легко было выкинуть все это за бортъ или перегрузить въ лодки; вскорѣ дымъ началъ проникать въ угольныя ямы и въ топку, такъ что пришлось употребить вскорѣ людей на переноску припасовъ и пушныхъ одеждъ изъ кормовыхъ кладовыхъ въ болѣе безопасное мѣсто; но припасныя кладовыя были уже полны дымомъ и угольнымъ газомъ, такъ что тамъ не было никакой возможности работать. Оставалось еще одно средство къ спасенію, именно перерѣзать паровую трубу и наполнить такимъ образомъ всю внутренность судна паромъ; сначала дѣйствительно казалось, что огонь можетъ быть потушенъ именно такимъ путемъ. У всѣхъ явилась надежда. Но труба расплавилась и дымъ въ машинномъ отдѣленіи сгустился до такой степени, что кочегары выскочили оттуда, едва не задохнувшись. Нечего было болѣе обманывать себя и утѣшать надеждою—корабль погибъ безвозвратно и слѣдовало направить всѣ старанія на то, чтобы спасти экипажъ. Все, что осталось отъ парусовъ, было поставлено и сдѣлана была попытка навесть судно на берегъ, такъ какъ вся бухта была переполнена саломъ и новымъ льдомъ, который не былъ достаточно твердъ, чтобы сдержать человѣка, и въ то же время слишкомъ густъ, чтобы дозволить спустить лодки и спасаться на нихъ. Но судьба, казалось, вооружилась противъ несчастнаго судна; ветеръ, дувшій въ теченіе всего утра, пока могъ увеличивать опасность, съ большою силою, теперь вдругъ спалъ и притомъ какъ разъ въ тотъ именно моментъ, когда всѣ жаждали только вѣтра для того, чтобы онъ натолкнулъ пароходъ на берегъ. Такимъ образомъ, едва замѣтное поступательное движеніе корабля зависѣло теперь лишь отъ движенія льда и теченія; судно не слу-

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ КОСТОМАРОВЪ.

Дозв. ценз. Спб., 23 апр. 1885 г.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ КОСТОМАРОВЪ.

(Некрологъ).

Грустное событіе приходится намъ занести на страницы „Историческаго Вѣстника“: 7-го апрѣля скончался на 68-мъ году отъ рожденія одинъ изъ даровитѣйшихъ русскихъ людей,—Н. И. Костомаровъ. Тяжкая болѣзнь еще съ осени истощала его, давно уже потрясенный, организмъ; искусство врачей и заботливыя попеченія преданной жены, всецѣло посвятившей себя уходу за больнымъ мужемъ, лишь отдалили роковую развязку. Близкіе къ Костомарову люди съ сердечной болью видѣли, какъ постепенно угасала жизнь этого талантливаго ученаго и прекраснаго человѣка. Природа щедро соединила въ немъ большой умъ, обширную память, выдающееся литературное дарованіе, художественный вкусъ, рѣдкую доброту души, неутомимость и настойчивость въ работѣ. Какъ ученый, онъ былъ чуждъ всякаго педантизма, никогда не выставлялъ себя непогрѣшимымъ авторитетомъ, отличался необыкновенной терпимостью къ чужимъ мнѣніямъ, прямодушно сознавалъ свои ошибки, если убѣждался въ нихъ, охотно дѣлился своими знаніями и опытомъ и, не заключая себя въ тѣсную рамку историка-изслѣдователя, одинаково горячо относился ко всѣмъ вопросамъ жизни. Какъ человѣкъ, онъ привлекалъ къ себѣ простотой и сердечностью обращенія, искренностью поступковъ и мнѣній, отзывчивостью на все хорошее. Онъ честно, неустанно и плодотворно служилъ русской наукѣ и русскому обществу и умеръ истиннымъ христіаниномъ,

встрѣтивъ смерть безтрепетно и исполнивъ все, чего требуетъ отъ человѣка совѣсть и вѣра. Его энергія не ослабѣвала до послѣднихъ дней; истомленный недугомъ, впадая безпрестанно въ забытье, онъ внезапно оживлялся, когда окружающіе затрогивали предметъ, его интересовавшій, или разсказывали о новостяхъ дня, выходившихъ изъ обыденнаго уровня; онъ сокрушался, что не можетъ читать, что память начинаетъ ему измѣнять, а болѣзнь не позволяетъ продолжать прерванныя работы; за недѣлю до кончины, почувствовавъ нѣкоторое облегченіе отъ мучительныхъ страданій, онъ велѣлъ посадить себя въ кресло и слабѣющей рукой написалъ три страницы задуманнаго имъ разсказа изъ жизни Миниха. Тяжело было смотрѣть на эту борьбу духа съ разрушающимся тѣломъ... Всѣ знавшіе Костомарова навсегда сохранятъ самыя свѣтлыя, отрадныя воспоминанія объ его въ высшей степени симпатичной личности; русская наука отведетъ ему видное мѣсто въ средѣ лучшихъ своихъ представителей, а русское образованное общество, безъ сомнѣнія, глубоко пожалѣетъ о понесенной утратѣ. Мы не намѣрены дѣлать здѣсь, въ краткомъ некрологѣ, ни характеристики Костомарова, ни оцѣнки его произведеній, ни указывать значеніе его, какъ историка. Это послужитъ предметомъ особой статьи. Мы ограничимся пока только тѣмъ, что приведемъ біографическія о немъ свѣдѣнія, къ которымъ присоединяемъ его портретъ и видъ кабинета, гдѣ трудился и окончилъ свое земное поприще нашъ даровитый историкъ.

Николай Ивановичъ Костомаровъ родился 4-го мая 1817 года, въ слободѣ Юрасовкѣ, Воронежской губерніи, Острогожскаго уѣзда, въ помѣщичьемъ семействѣ. Когда ему минуло десять лѣтъ, отецъ отвезъ его въ Москву и опредѣлилъ въ частный пансіонъ, содержимый лекторомъ французскаго языка при Московскомъ университетѣ, г. Ге; но черезъ годъ трагическая кончина отца, убитаго дворовыми людьми, измѣнила дальнѣйшую судьбу Костомарова. Мать отдала его, въ 1828 году, въ частный пансіонъ въ Воронежѣ, содержавшійся учителями гимназіи, Ѳедоровымъ и Поповымъ, откуда, въ 1831 году, онъ перешелъ въ Воронежскую гимназію, поступивъ въ третій классъ, бывшій предпослѣднимъ, такъ какъ въ то время существовало только четыре класса въ гимназіяхъ. Окончивъ гимназическій курсъ, въ 1833 году, онъ поступилъ въ Харьковскій университетъ по историко-филологическому факультету, име-

новавшемуся въ тѣ времена словеснымъ факультетомъ. Въ университетѣ было тогда всего три курса. Окончивъ университетское ученіе, въ 1836 году, съ званіемъ дѣйствительнаго студента, а въ январѣ 1837 года, получивъ по экзамену степень кандидата, Н. И. Костомаровъ опредѣлился было въ Кинбурнскій драгунскій полкъ юнкеромъ, но черезъ мѣсяцъ оказался неспособнымъ къ военной службѣ, увлекшись разборомъ древнихъ бумагъ Острогожскаго слободскаго полка, находившихся въ богатомъ архивѣ уѣзднаго суда, въ городѣ Острогожскѣ, гдѣ квартировалъ Кинбурнскій драгунскій полкъ. То былъ первый дебютъ Костомарова въ занятіяхъ источниками русской исторіи. Это побудило его оставить военную службу. Онъ отправился въ Москву съ цѣлью приготовиться къ экзамену для полученія степени магистра русской словесности. Но весною 1838 года, пріѣхавъ на короткое время въ свое имѣніе, онъ заболѣлъ и для совѣта съ врачами отправился въ ближайшій пунктъ, въ Харьковъ. Здѣсь пришла ему мысль держать экзаменъ на степень магистра историческихъ наукъ. Послѣ почти двухъ-лѣтнихъ усиленныхъ занятій, онъ держалъ магистерскій экзаменъ 24-го ноября и 4-го декабря 1840 года. Въ 1841 году, онъ совершилъ путешествіе въ Крымъ, гдѣ осматривалъ древности. По возвращеніи въ Харьковъ, онъ представилъ диссертацію на степень магистра: „О значеніи уніи въ Западной Россіи“, которая была назначена къ защищенію 2-го апрѣля 1842 года, но предъ самою защитою возбудила протестъ со стороны преосвященнаго Иннокентія (Борисова), была пріостановлена и отправлена на разсмотрѣніе къ министру народнаго просвѣщенія, графу Уварову, который поручилъ профессору Устрялову дать о ней отзывъ, и вслѣдствіе этого отзыва предписано было ее уничтожить и предать сожженію всѣ напечатанные экземпляры, а Костомарову дозволить представить новую диссертацію [1]). Костомаровъ принялъ тогда мѣсто субъ-инспектора въ Харьковскомъ университетѣ и, кромѣ того, занимался преподаваніемъ исторіи въ частныхъ домахъ и заведеніяхъ. При всѣхъ этихъ занятіяхъ, онъ началъ писать новую диссертацію, избравъ темою для нея: „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи“. Чтобы понять, почему имъ избранъ этотъ предметъ, надобно

[1]) Со всѣми подробностями изложено это дѣло въ статьѣ М. И. Сухомлинова въ «Древн. и Нов. Рос.», 1877, т. I, 42—55.

замѣтить, что съ самаго окончанія университетскаго курса Костомаровъ съ любовью началъ заниматься этнографіей и, такъ какъ народъ, посреди котораго онъ жилъ, были малороссіяне, то онъ полюбилъ и малороссійскую народность, и ея языкъ, такъ что сталъ писать на этомъ языкѣ. Еще въ 1838 году имъ написаны были, а потомъ напечатаны въ Харьковѣ „Украинскія баллады", сборникъ стихотвореній, и „Савва Чалый", драматическія сцены на южно-русскомъ языкѣ. Потомъ, въ 1840 году, напечатана была помалорусски его трагедія „Переяславська Нічъ" въ сборникѣ подъ названіемъ „Снипъ", издаваемомъ А. А. Корсуномъ. Тамъ же напечатанъ былъ переводъ Байроновыхъ „Еврейскихъ мелодій" также на малорусскомъ языкѣ, а въ 1842 году въ сборникѣ подъ названіемъ „Молодикъ", издававшемся Бецкимъ, напечатано было нѣсколько малорусскихъ стихотвореній Костомарова и въ числѣ ихъ переводы изъ чешской Краледворской рукописи. Всѣ малорусскія произведенія, напечатанныя какъ въ Харьковѣ, такъ и впослѣдствіи въ журналѣ „Основа" 1861 года, были подписаны имъ псевдонимомъ Іереміи Галки. Въ Одессѣ, въ 1875 году, они были изданы особою книжкою, подъ названіемъ: „Збірникъ творівъ Іереміи Галки", но нѣкоторыя не вошли туда. Въ новой диссертаціи своей Костомаровъ удѣлилъ бо̀льшую часть книги изслѣдованію малорусской народной поэзіи. Послѣ защищенія, состоявшаго 12-го января 1844 года, нѣкоторые изъ членовъ университета желали дать Костомарову каѳедру, но другіе воспротивились этому: Костомарову повредило здѣсь его увлеченіе этнографіей. Въ видахъ ближайшаго изученія народа, онъ бродилъ по слободамъ и шинкамъ, а въ то время это казалось до того необычнымъ и страннымъ, что нѣкоторые ученые и степенные люди считали его какимъ-то „блаженненькимъ". Это побудило его оставить Харьковъ и перебраться въ Кіевъ. Въ этотъ край влекло его и то, что онъ въ то время началъ заниматься исторіею Богдана Хмѣльницкаго и желалъ ближе ознакомиться съ страною, служившею сценою дѣйствій этой личности и его сподвижниковъ. Въ Кіевѣ, въ 1844 году, онъ получилъ назначеніе на мѣсто старшаго учителя исторіи въ Ровенской гимназіи. Пробывъ въ городѣ Ровно (Волынской губерніи) годъ, онъ, въ свободное отъ классовъ время, совершалъ поѣздки въ разныя историческія мѣстности Волынской губерніи и собиралъ большой запасъ народныхъ пѣсенъ, которыя впослѣдствіи были напечатаны Д. Л. Мор-

довцевымъ въ его сборникѣ („Малорусскій литературный Сборникъ“, Саратовъ, 1859 г.).

Въ 1845 году, Костомаровъ былъ переведенъ на ту же должность въ первую Кіевскую гимназію, а 4-го іюня 1846 года былъ единогласно избранъ адъюнктъ-профессоромъ по каѳедрѣ русской исторіи въ университетѣ св. Владиміра. Въ этомъ году онъ издалъ свое сочиненіе: „Славянская миѳологія“ (изъ лекцій), напечатанное кириллицей. Въ 1847 году, по доносу, одновременно съ другими лицами (Н. И. Гулакомъ, В. М. Бѣлозерскимъ, П. А. Кулишемъ, А. А. Навроцкимъ, А. В. Маркевичемъ и Т. Г. Шевченкомъ), онъ былъ арестованъ и препровожденъ въ Петербургъ, гдѣ былъ обвиненъ въ намѣреніи составить украино-славянское общество, вслѣдствіе чего подвергся годичному заключенію въ Петропавловской крѣпости, а затѣмъ былъ перемѣщенъ на службу въ Саратовъ, съ воспрещеніемъ преподавать и печатать собственнаго сочиненія книги [1]). Во время постигшаго Костомарова несчастія, разстроилась женитьба его на любимой имъ дѣвушкѣ, одной изъ даровитѣйшихъ учениць его, Алинѣ Леонтьевнѣ Крагельской. Проживая въ Саратовѣ, Костомаровъ занималъ должность переводчика при губернскомъ правленіи, а впослѣдствіи вмѣстѣ съ нею и должность дѣлопроизводителя статистическаго комитета, но не оставлялъ при этомъ, однако, и своихъ прежнихъ научныхъ занятій исторіей и этнографій. Такимъ образомъ, находясь внѣ возможности пользоваться публичными библіотеками и архивами, онъ старался изучить то, что было уже въ печати. Кромѣ того, онъ изучалъ великорусскую народность — собиралъ пѣсни, которыя впослѣдствіи, въ 1861 году, были напечатаны Н. С. Тихонравовымъ въ „Лѣтописяхъ русской литературы“. По восшествіи на престолъ императора Александра II, судьба Костомарова улучшилась. Въ началѣ 1856 года, съ него было снято запрещеніе печатать сочиненія, а потомъ снятъ былъ и полицейскій надзоръ, съ тѣмъ, однако, „чтобы распоряженіе въ Бозѣ почившаго императора о недозволеніи ему служить по ученой части оставалось во всей силѣ“. Дозволеніе печатать дало ему возможность издать „Богдана Хмѣльницкаго“, историческую монографію, явившуюся въ первый разъ въ „Оте-

---

[1]) Подробности объ этомъ расказаны Н. И. Костомаровымъ въ «Кіев. Старинѣ», 1883 г., № 2: «П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность», 221—234. Ср. «Русск. Старина», 1881 г., т. XXVII, 597—610; «Импер. Спб. университетъ», В. Григорьева, 1870 г., 225—228.

чественныхъ Запискахъ" 1857 года, потомъ изданную отдѣльными, исправленными изданіями въ 1859 и 1870 годахъ въ „Историческихъ монографіяхъ и изслѣдованіяхъ", томы IX, X и XI, и отдѣльно въ 1884 году;—„Бунтъ Стеньки Разина", монографію, напечатанную въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1858 года, потомъ отдѣльною книжкою въ 1859 и во II-мъ томѣ „Историческихъ монографій и изслѣдованій" 1862 и 1872 года;—„Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ", изслѣдованіе, напечатанное въ „Современникѣ" 1857 года и отдѣльно въ 1862 году и нѣсколько другихъ небольшихъ сочиненій, впослѣдствіи вошедшихъ въ различные томы его „Историческихъ монографій и изслѣдованій". Такъ какъ Костомарову не дозволялось служить по ученой части, то онъ не могъ воспользоваться дарованною ему свободою, чтобы найдти себѣ подходящую служебную дѣятельность, и потому въ 1857 году отправился за границу, гдѣ пробылъ около восьми мѣсяцевъ, посѣтилъ Швецію, Германію, Францію, Италію и Австрію, а по возвращеніи въ отечество занялъ должность дѣлопроизводителя саратовскаго комитета по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ и сдѣлался участникомъ въ трудахъ по великому дѣлу освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Когда комитетъ оканчивалъ уже свои занятія, Костомаровъ получилъ отъ Петербургскаго университета приглашеніе занять каѳедру русской исторіи, остававшуюся вакантною послѣ профессора Устрялова. Принявъ это лестное предложеніе, Костомаровъ простился навсегда съ Саратовомъ и переселился въ Петербургъ, гдѣ впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ ожидалъ снятія съ него тяготѣвшаго запрещенія служить по учебной части. Наконецъ, въ октябрѣ 1859 года, оно послѣдовало, а въ ноябрѣ того же года Костомаровъ началъ читать свои лекціи въ Петербургскомъ университетѣ. Онъ пробылъ въ званіи ординарнаго профессора до мая 1862 года. Вслѣдствіе бывшихъ въ университетѣ студенческихъ безпорядковъ, университетъ былъ долгое время закрытъ: Костомаровъ оставилъ каѳедру и посвятилъ себя исключительно кабинетнымъ занятіямъ, совершая время отъ времени поѣздки въ разныя историческія мѣстности для изученія памятниковъ и ознакомленія съ народными преданіями. Еще занимая каѳедру, въ 1860 году, онъ напечаталъ въ „Современникѣ" большое сочиненіе: „Очеркъ быта, домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ",

вышедшее въ то же время отдѣльнымъ изданіемъ,— печаталъ въ томъ же „Современникѣ“ мелкія статьи по варяжскому вопросу, по которому держалъ съ Погодинымъ публичный диспутъ, 19-го марта 1860 года. Въ 1861 году, по порученію императорской академіи наукъ, Костомаровъ написалъ разборъ сочиненія Попки „Черноморскіе казаки“, за что получилъ отъ академіи золотую медаль; помѣщалъ въ разныхъ журналахъ историческія статьи, вошедшія потомъ въ разные томы его „Историческихъ монографій и изслѣдованій“, и редактировалъ „Памятники старинной русской литературы“, издаваемые средствами графа Г. А. Кушелева-Безбородка. По оставленіи каѳедры, Костомаровъ сохранилъ за собою одну только служебную дѣятельность, состоя членомъ археографической коммиссіи и занимаясь редакціею „Актовъ, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи“. Такихъ актовъ издано собственно подъ его редакціей одиннадцать томовъ. Эту должность онъ занималъ до смерти.

Въ 1863 году, Костомаровъ получилъ отъ бывшаго ректора университета св. Владиміра, Иванишева, увѣдомленіе, что университетъ желаетъ выбрать его на каѳедру, но въ то время, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, Костомаровъ не могъ принять столь лестнаго для него предложенія. Въ 1864 году, онъ уѣхалъ за границу, посѣтилъ, между прочимъ, Сербію, гдѣ получилъ извѣстіе изъ Россіи, что Харьковскій университетъ желаетъ пригласить его на каѳедру русской исторіи. Въ 1865 году, это предложеніе сдѣлано было оффиціально, но Костомаровъ не рѣшился уѣхать изъ Петербурга, не окончивъ труда своего: „Смутное время Московскаго государства въ началѣ XVII вѣка“, которымъ былъ тогда занятъ. Въ 1869 году, онъ снова былъ приглашенъ въ университетъ св. Владиміра, но и этого предложенія не могъ принять.

Со времени оставленія каѳедры, Костомаровъ не переставалъ издавать труды свои по русской исторіи. Нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій отличаются сравнительно бо̀льшимъ объемомъ, — таковы: „Сѣверно-русскія народоправства: исторія Новгорода, Пскова и Вятки“, въ двухъ томахъ, напечатанное въ 1863 году, и впослѣдствіи включенное въ „Историческія монографіи и изслѣдованія“, т. VII и VIII; „Смутное время Московскаго государства въ началѣ XVII вѣка“, напечатанное сначала въ „Вѣстникѣ Европы“ 1866 года, потомъ отдѣльными изданіями въ трехъ

томахъ въ 1868 и 1883 годахъ, и составляющее томы IV, V и VI „Историческихъ монографій и изслѣдованій";—„Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой", напечатанное въ „Вѣстникѣ Европы" 1869—1870 годовъ и отдѣльнымъ изданіемъ въ 1870 году;—„Руина", монографія, заключающая въ себѣ исторію гетманства Брюховецкаго, Многогрѣшнаго и Самойловича, напечатанная въ „Вѣстникѣ Европы", въ 1879 году, и вышедшая отдѣльнымъ изданіемъ въ 1881 году, составляя томъ XV „Историческихъ монографій и изслѣдованій";—„Мазепа", историческая монографія, напечатанная въ журналѣ „Русская Мысль", въ 1882 году, и тогда же вышедшая отдѣльнымъ изданіемъ. Продолженіе ея составляетъ монографія „Мазепинцы"—въ „Русской Мысли" 1884 года и въ отдѣльномъ изданіи 1885 года. Въ сборникѣ его историческихъ произведеній, издаваемомъ втеченіе многихъ лѣтъ, въ числѣ пятнадцати томовъ, подъ названіемъ „Историческія монографіи и изслѣдованія", кромѣ упомянутыхъ большихъ изслѣдованій, помѣщены разныя статьи, прежде появившіяся, въ разное время въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Съ 1873 года, Костомаровъ началъ издавать „Русскую исторію въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей", начиная отъ великаго князя Владиміра и до вступленія на престолъ императрицы Екатерины II, — предположенную состоять въ семи выпускахъ; изъ нихъ седьмой еще не напечатанъ, но подготовленъ къ печати. Въ журналѣ „Бесѣда", 1872 года, печаталась большая статья Костомарова: „Историческое значеніе южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества", продолжавшаяся печатаніемъ въ „Русской Мысли", въ 1880 и 1883 годахъ, и оставшаяся неоконченною. Это—переработанная и значительно дополненная диссертація, уничтоженная въ 1844 году. Въ 1874 году, Костомаровъ, по порученію императорскаго русскаго географическаго Общества, занимался редакціею „Сборника малорусскихъ обрядовыхъ пѣсенъ", помѣщеннаго въ „Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи въ Юго-Западный край", въ томахъ III, IV и V. Въ 1875 году, въ XVI томѣ „Сборника императорскаго историческаго Общества" изданы подъ редакціей Костомарова „Бумаги князя Николая Васильевича Репнина". Наконецъ, въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, именно: въ „Отечественныхъ Запискахъ", „Современникѣ", „Русскомъ Словѣ", „Библіотекѣ для Чтенія", „Архивѣ Калачова", „Вѣстникѣ Европы",

„Бесѣдѣ“, „Русской Мысли“, „Древней и Новой Россіи“, „Историческомъ Вѣстникѣ“, „Русской Старинѣ“, „Русскомъ Архивѣ“, „Кіевской Старинѣ“, и въ газетахъ: „С.-Петербургскія Вѣдомости“, „Голосъ“, „Газета Гатцука“ и „Новое Время“, разныхъ годовъ, печатались его небольшія историческія статьи, замѣтки, рецензіи и разсказы (нѣкоторыя подъ псевдонимомъ „Богучарова“). По всеобщей исторіи напечатано было одно только его сочиненіе въ „Вѣстникѣ Европы“, 1868 года: „Патріархъ Фотій и первое раздѣленіе церквей“, — статья, написанная по поводу нѣмецкаго сочиненія Гергенретера: „Fotius und seine Zeit“. Кромѣ упомянутыхъ здѣсь трудовъ ученаго содержанія, Костомаровъ написалъ нѣсколько произведеній въ беллетристической формѣ, но съ исторической основой: „Кремуцій Кордъ“, драма, 1862 года; „Сынъ“, начатый въ 1859 году въ „Архивѣ Калачова“ и вполнѣ изданный отдѣльно въ 1864 году; „Кудеяръ“—въ „Вѣстникѣ Европы“, 1875 года, и отдѣльно въ 1882 году; „Холопъ“—въ „Новомъ Времени“, 1878 года; „Черниговка“—въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, 1881 года, и отдѣльною книгою; „Жидотрепетаніе въ началѣ XVIII вѣка“—въ „Кіевской Старинѣ“, 1883 года.

Костомаровъ, находясь на службѣ, съ 1860 года, членомъ археографической коммиссіи при министерствѣ народнаго просвѣщенія, состоялъ вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ-корреспондентомъ по второму отдѣленію императорской академіи наукъ, дѣйствительнымъ членомъ русскаго географическаго Общества, русскаго историческаго Общества, С.-Петербургскаго и Московскаго археологическаго Обществъ, Московскаго Общества исторіи и древностей, Загребской академіи наукъ, почетнымъ членомъ императорскаго С.-Петербургскаго университета и имѣлъ ученую степень доктора русской исторіи, полученную имъ отъ университета св. Владиміра во вниманіе къ его ученымъ трудамъ (въ 1864 году). Въ 1870 году онъ былъ произведенъ въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а въ 1880 году получилъ орденъ св. Станислава 1-й степени.

Въ 1875 году, у Костомарова умерла престарѣлая мать, съ которой онъ постоянно жилъ вмѣстѣ. Смерть матери оставила его не только одинокимъ, но и безнадежно, повидимому, больнымъ: онъ находился въ жесточайшемъ тифѣ, и врачи не надѣялись на его выздоровленіе; однако, заботами одного изъ друзей, Н. И. Катенева, онъ былъ спасенъ отъ грозившей ему смерти. Между тѣмъ, бывшая нѣкогда

невѣста Костомарова, выданная родителями замужъ за другаго, успѣла овдовѣть. Въ 1873 году, Костомаровъ увидѣлся нею въ Кіевѣ и съ тѣхъ поръ находился въ перепискѣ. Узнавъ о смерти его матери и его безнадежномъ положеніи, она пріѣхала въ Петербургъ, съ цѣлью оказать ему какую будетъ возможно помощь, и Н. И. Катеневъ передалъ ей заботы о выздоравливающемъ. Весною 1875 года, оправившись отъ болѣзни, Костомаровъ женился на ней. Такимъ образомъ, черезъ 28 лѣтъ послѣ помолвки, эта достойнѣйшая женщина стала служить престарѣлому историку и въ качествѣ друга и помощника въ его ученыхъ трудахъ, и въ качествѣ чтеца и секретаря, и, наконецъ, въ качествѣ самой заботливой сестры милосердія.

Послѣ Костомарова остались въ рукописи весьма любопытныя „Записки", въ которыхъ онъ подробно резсказываетъ всѣ событія своей жизни, и вполнѣ обработанныя для печати статьи: „Семейный бытъ въ произведеніяхъ пѣсеннаго малорусскаго творчества", „Императрица Елисавета Петровна" и „Поѣздка въ Переяславль". Послѣдняя статья уже передана въ распоряженіе редакціи „Историческаго Вѣстника" и появится вскорѣ на страницахъ этого журнала.

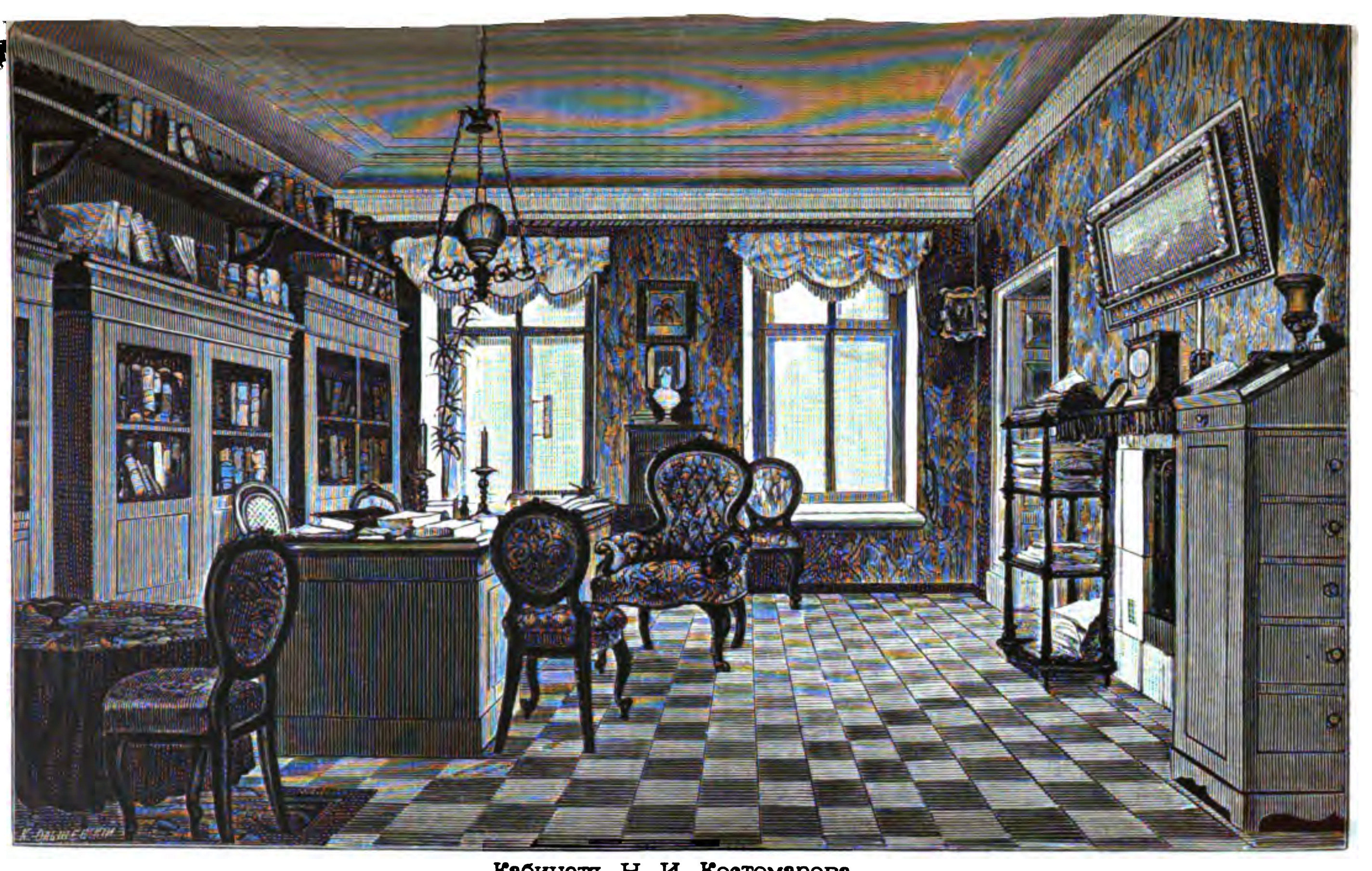
Похороны Костомарова происходили 11-го апрѣля и были торжественны. Они показали, что русское общество научилось цѣнить своихъ дѣятелей.

Печальная церемонія началась съ 10 часовъ. Въ это время, въ квартирѣ почившаго на Васильевскомъ островѣ, по 1 линіи, д. № 6, совершена была панихида. Передъ выносомъ гроба, другъ дѣтства Костомарова, воспитатель Александровскаго лицея, Ф. К. Неслуховскій, произнесъ слѣдующую глубоко прочувствованную, нѣсколько разъ прерывавшуюся слезами, рѣчь:

«Вотъ человѣкъ! Имя это обще всѣмъ людямъ. Оно дается каждому, но если вспомнимъ, чѣмъ долженъ быть человѣкъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова — о! какъ не о многихъ можно сказать: — вотъ человѣкъ!

«Съ болью въ сердцѣ взирая на эти бренные останки, взвѣшивая всѣ достоинства и качества усопшаго, мы смѣло, безъ малѣйшаго увлеченія и лести, скажемъ: — вотъ человѣкъ — воистину человѣкъ!

«Человѣкъ!.. но что же представляетъ намъ видъ того, котораго мы, съ сознательною гордостью, величаемъ этимъ именемъ?—Пройдетъ часъ, два, и гробовая доска, земля и камень скроютъ дорогой прахъ въ темномъ углу земли. Замолкло сердце, проникнутое горячею любовью ко всему честному, высокому, прекрасному; умолкъ умъ, который создалъ высокіе идеалы, глубокіе помыслы, художественные образы и разъяснялъ законы историческаго развитія народовъ! Тяжело! но при-

Кабинетъ Н. И. Костомарова.

ходится сказать: изъ праха ты вышелъ, мой другъ, и въ прахъ обратился!

«Вѣра учитъ насъ, что душа человѣка переселяется въ небесную обитель; но, Боже! могила и вѣрѣ темна; тѣмъ болѣе она темна нашему земному взору, чувству и разуму. Обитель небожителей недоступна намъ. Невольно начинаешь вѣрить въ ничтожество человѣка. Великая тайна жизни является предъ нами во всемъ своемъ грандіозномъ величіи и таинственности. Встревоженный умъ нашъ ищетъ чего-то осязательнаго и реальнаго, и вотъ предъ взоромъ нашимъ является личность человѣка — плодъ дѣятельности души и организма.

«Не забылъ ты никого, мой милый другъ: возвратилъ ты землѣ свой прекрасный ликъ, проявившійся въ полной красѣ въ минуту смерти, небу — подарилъ новую свѣтлую душу, землѣ — новую историческую личность.

«Благо народа, его самосознаніе и нравственное развитіе составляли идеалъ помысловъ и стремленій покойнаго. Съ этою цѣлью онъ работалъ неутомимо и умеръ съ перомъ въ рукахъ. Его больше всего тревожила мысль лишиться постепенно угасающаго зрѣнія: лучше умереть, чѣмъ ослѣпнуть, — говаривалъ покойный. Разъ умирающему показалось, что всѣ оставили его, и до ушей вблизи стоящей супруги покойнаго, которая, какъ тѣнь, слѣдила за нимъ, долетѣли слова: «конецъ поэту и художнику».

«Да! Смерть положила предѣлъ жизни, но не уничтожила личности человѣка. Она достояніе исторіи и народной памяти народовъ славянскаго племени.

«Основаніе общества Кирилла и Меѳодія, какъ сила, способная объединить славянъ, впервые явилась въ умѣ покойнаго.

«Историческая судьба народа польскаго тѣсно связана съ исторіею русскаго народа. Покойному историку чаще всего приходилось касаться исторіи польскаго народа. Съ свойственной ему любовью къ правдѣ, онъ раскрывалъ недуги исторической жизни поляковъ. Онъ скорбѣлъ объ этихъ недугахъ, бичевалъ распущенность пановъ, ихъ религіозный фанатизмъ, но не ругался надъ ея мертвымъ политическимъ тѣломъ и радовался малѣйшему признаку нравственнаго пробужденія польскаго народа. Историческіе труды покойнаго по исторіи Польши наравнѣ съ трудами лучшихъ національныхъ историковъ содѣйствовали народному самосознанію, возвратили поляковъ въ лоно славянской жизни и заставили гордаго нѣкогда пана признать въ русскомъ мужикѣ согражданина, ближняго и собрата. Личность Костомарова займетъ почетное мѣсто въ исторіи самосознанія польскаго народа.

«Я мужикъ, — говаривалъ иногда покойный, ударяя себя въ грудь. Да, онъ горячо любилъ этого чернаго, закаленнаго въ трудахъ русскаго мужика; вѣрилъ, что въ глубинѣ этой натуры кроется родникъ великой умственной и политической силы. Народная пѣснь, сказанія, вѣрованія, герои изъ народной жизни были дороги его сердцу. Южнорусскій народъ много обязанъ ему въ самосознаніи своей народной личности, своего народнаго я.

«Въ глубинѣ духа великорусскаго народа покойный видѣлъ единственную политическую силу, способную объединить славянъ и спасти ихъ отъ гибели; но, при этомъ, онъ былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что къ этому ведетъ одинъ путь: умственное и нравственное развитіе народа, знаніе и истина. Ему противна была всякая лесть; неправда терзала его честную душу. Историческіе дѣятели изъ русской жизни предъ взорами читателей являлись во всей наготѣ и правдѣ.

«Пройдутъ вѣка и поколѣнія. Отдаленный потомокъ современнаго поколѣнія, перелистывая лѣтопись давно минувшихъ временъ на берегахъ Днѣпра и Дуная, Вислы и Волги, у береговъ Ледовитаго и Чернаго морей, невольно вспомнитъ имя лѣтописца Николая Костомарова.

«Миръ и вѣчная память твоему праху. Ты глубоко вѣрилъ, тру-

дился и страдалъ. Дѣлила всѣ твои труды, заботы, вмѣстѣ съ тобою радовалась и несла крестъ спутница твоей жизни Алина Леонтьевна. Мы всѣ, любящіе тебя, вмѣстѣ съ нею благоговѣйно предаемъ прахъ твой землѣ, душу — небу, личность, какъ гордый завѣтъ современниковъ, отдаленнымъ потомкамъ».

Въ 10 часовъ, гробъ былъ вынесенъ друзьями покойнаго и профессорами на рукахъ и отнесенъ въ Университетскую церковь. Гробъ бѣлый металлическій, покрытый золоченной орнаментовкой и украшенный многими вѣнками. Сзади за гробомъ слѣдовала покрытая вѣнками и цвѣтами печальная колесница, изъ бѣлаго глазета съ золотой дворянской короной на верху, запряженная шестеркой лошадей. Передъ гробомъ почти на версту вытянулась линія вѣнковъ и депутацій съ хоругвями, орифламами. Передъ самымъ гробомъ шли пѣвчіе и духовенство, имѣя во главѣ архимандрита Неофита, настоятеля греческой посольской церкви. Когда процессія подошла къ подъѣзду Университетской церкви, вѣнки раздѣлили на ея площадкѣ на два полукруга, а гробъ пронесли между ними къ дверямъ. Литературная семья имѣла на лицо почти всѣхъ главныхъ представителей своихъ. Въ церкви и на лѣстницѣ церковной стояли массы студентовъ. Ректоръ университета, профессоръ Андреевскій, и другіе профессора, начальство округа, бывшій попечитель его, нѣкоторыя изъ высшихъ военныхъ и гражданскихъ лицъ и, наконецъ, министръ народнаго просвѣщенія статсъ-секретарь Деляновъ и товарищъ его, князь Волконскій, присутствовали въ церкви. Литургію совершалъ греческій архимандритъ въ сослуженіи съ 4 протоіереями и причтомъ. Къ отпѣванію прибылъ ректоръ С.-Петербургской духовной академіи, преосвященный Арсеній, епископъ ладожскій, и оно было совершено при самой торжественной обстановкѣ соборомъ духовенства, съ архіереемъ во главѣ. Передъ отпѣваніемъ профессоръ С.-Петербургскаго университета, протоіерей Рождественскій, произнесъ надгробное слово.

Въ своей рѣчи онъ указалъ на важность потери для науки и родины такого человѣка, на значеніе историческихъ трудовъ Костомарова, въ которыхъ онъ проникалъ въ глубину и широту народнаго духа, и всякое явленіе историческое изслѣдовалъ въ связи съ этимъ духомъ.

Послѣ отпѣванія, во время котораго гробъ былъ открытъ, началось прощаніе, а затѣмъ и самыя похороны. Также какъ и вносили въ церковь, гробъ вынесли на рукахъ. На подъѣздѣ вышелъ преосвященный Арсеній съ ду-

ховенствомъ и совершилъ литію. Тѣмъ временемъ участвующіе въ депутаціяхъ выстроились по направленію къ набережной, черезъ Николаевскій мостъ. Процессія растянулась болѣе чѣмъ на версту. Всѣхъ вѣнковъ и депутацій было 45. Во главѣ процессіи несли крестъ изъ зелени, перевитый терніемъ, съ воткнутымъ съ боку бѣлымъ значкомъ, на которомъ обозначены года рожденія (1817) и кончины (1885) Костомарова; на лентахъ, спадающихъ съ креста, надпись: „Земляки — Кіевъ".

Затѣмъ слѣдовали двѣ хоругви, одна въ видѣ двухъ-лопастной орифламы бѣлаго глазета, съ живописнымъ изображеніемъ въ полѣ верхней половины — книги, на ней горящій факелъ, перо, вѣнокъ и крестъ сверху. Надпись: „Земляку, историку Украины". Вторая хоругвь была съ надписью: „Отъ учащихся въ Украинѣ". Затѣмъ слѣдовалъ большой вѣнокъ отъ городской думы съ серебряной надписью по черному фону: „Славному историку и профессору"; тутъ же несли хоругвь золотую съ черной каемкой по борту и на ней надпись: „Отъ друзей"; затѣмъ великолѣпный вѣнокъ изъ засушенныхъ цвѣтовъ несли депутаты отъ здѣшней консерваторіи, далѣе слѣдовали вѣнки: отъ высшихъ женскихъ курсовъ, отъ слушательницъ женскихъ врачебныхъ курсовъ, отъ С.-Петербургскаго университета огромный вѣнокъ изъ розъ, отъ профессоровъ Харьковскаго университета, отъ студентовъ Технологическаго института, отъ студентовъ-медиковъ, отъ слушательницъ кіевскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, отъ курсистокъ-украинокъ, отъ историко-филологическаго института, отъ Казанскаго университета съ надписью: „Профессора, студенты и служащіе" (на синей бархатной подушкѣ матовые цвѣты), отъ университета св. Владиміра — на черной бархатной подушкѣ; отъ редакцій газетъ и журналовъ: „Новое Время", „Историческій Вѣстникъ", „Вѣстникъ Европы", „Новости", „Кіевская Старина", „Недѣля", „Новь", „Русскія Вѣдомости"; вѣнокъ изъ розъ отъ присяжныхъ повѣренныхъ и помощниковъ; золотая хоругвь съ надписью: „Ученому и общественному дѣятелю на пользу роднаго народа — кіевскіе студенты 1817 — 1855 гг."; отъ сибиряковъ — вѣнокъ изъ зелени; отъ харьковскихъ почитателей — вѣнокъ изъ пальмъ и розъ; отъ студентовъ лѣснаго института — оригинальный вѣнокъ изъ зелени ели, съ воткнутыми кругомъ деревянными буквами, изъ которыхъ составлена надпись: „Костомарову"; вѣнокъ отъ товарищества передвижныхъ ху-

дожественныхъ выставокъ; вѣнки изъ Харькова съ надписью: „Отцу украинской исторіи харьковская украинская молодежь“; отъ санитарнаго съѣзда земскихъ врачей С.-Петербургской губерніи; отъ бывшихъ кіевскихъ студентовъ; отъ литературнаго фонда; отъ славянскаго благотворительнаго общества, на высокомъ шестѣ — фарфоровый вѣнокъ, съ котораго ниспадали обертывающій его траурный флеръ, русскій флагъ и трехцвѣтныя славянскія ленты. За этимъ вѣнкомъ, кромѣ депутаціи отъ славянскаго Общества, шли почти до половины пути и пріѣзжіе славянскіе гости, тутъ были гг. Площанскій, Марковъ и галицкіе студенты. Нѣкоторое время трехцвѣтную славянскую эмблему-вѣнокъ несъ г. Бѣлецкой, — депутатъ отъ крестьянъ Галиціи; особо на подушкѣ несенъ былъ серебряный вѣнокъ изъ Полтавы, отъ г-жи Милорадовичъ. Дорогой, изъ студентовъ составилось до пяти хоровъ, и все время, пока двигалась процессія, а она двигалась съ двѣнадцати до четверти пятаго часа, не умолкало „Святый Боже“... Это было и торжественно, и умилительно. Послѣ вѣнковъ шли пѣвчіе, за ними духовенство съ архимандритомъ, гробъ съ тѣломъ и печальная колесница; шествіе замыкала вереница каретъ. По Гороховой улицѣ особенно много ждало народу, много было его и на Волковомъ кладбищѣ, близь приготовленной могилы, у такъ называемыхъ „литературныхъ мостковъ“. Процессія слѣдовала черезъ Николаевскій мостъ, по Англійской набережной, по площади мимо Сената, по Малой Морской, Гороховой и т. д. Когда процессія подошла къ воротамъ кладбища, ее здѣсь встрѣтило мѣстное духовенство. На кладбищѣ вѣнки выстроились по сторонамъ мостковъ и около могилы. Духовенство отслужило литію; пропѣли послѣднюю „вѣчную память“ и опустили въ землю прахъ незабвеннаго русскаго историка... При этомъ было сказано нѣсколько рѣчей: двумя лицами на малороссійскомъ языкѣ, профессоромъ О. Ѳ. Миллеромъ и многолѣтнимъ другомъ Костомарова — Д. Л. Мордовцевымъ, рѣчью котораго мы и заканчиваемъ эти скорбныя страницы:

«Кто изъ предстоящихъ здѣсь, у этой свѣжей могилы, не помнитъ того величайшаго момента во всей исторіи человѣчества, когда, 1885 лѣтъ тому назадъ, на Голгофѣ, на крестѣ раздался вопль страданія и скорби: «Елои, Елои, лама самахвани».—«Боже мой! Боже мой! вскую мя еси оставилъ!» Стоявшіе при крестѣ іудеи и римскіе воины не поняли этихъ словъ (иные думали, что Онъ зоветъ Илію), не поняли потому, что въ предсмертномъ воплѣ Назарянина невольно вырвалась его родная рѣчь—рѣчь Назареи, а не Іудеи, которая въ то время, по

отношенію къ Назареѣ, была тѣмъ же, чѣмъ теперь стала Малороссія по отношенію къ Великой Россіи.

«Почему Христосъ въ самый скорбный моментъ земной жизни заговорилъ родною рѣчью, а не общепринятымъ тамъ іудейскимъ языкомъ, — не намъ разгадывать эту Божественную тайну.

«Но въ жизни каждаго человѣка, почему либо отбившагося отъ родной рѣчи, бываютъ моменты, когда въ его душу невольно просится эта рѣчь и онъ говоритъ языкомъ матери. Это — тѣ скорбные моменты, когда эта скорбь невольно выкрикивается, когда забывается о томъ, кто слушаетъ этотъ крикъ боли.

«Въ словахъ, сказанныхъ здѣсь предо мною, и слышался этотъ вопль скорби. Но всѣ ли его поняли? Не послышалось ли кому либо изъ предстоящихъ здѣсь что либо другое, кромѣ глубокой скорби о потерѣ того, кого мы здѣсь хоронимъ?

«Я боюсь быть непонятымъ, и потому говорю мое прощальное слово усопшему другу на языкѣ Великой Россіи. Мое слово будетъ коротко, ибо, что бы я ни сказадъ о Костомаровѣ, все же это не будетъ составлять и тысячной доли того, что онъ самъ сказалъ о себѣ своими великими заслугами передъ родиной, и я моими словами не прибавлю и лепестка къ его лаврамъ: не это его лавры, что вы видите — это дань нашей любви къ нему и благодарности; а его лавры — въ десяткахъ и сотняхъ тысячъ книгъ, — я не ошибусь, если такъ скажу, — разсѣянныхъ по всей Россіи.

«Я говорю теперь потому, что во мнѣ говоритъ скорбь, можетъ быть, больше, чѣмъ у другихъ, меньше его знавшихъ.

«И я невольно говорю слова, сказанныя на крестѣ: «Елои, Елои!»

«Но я обращаю ихъ къ тому, кто лежитъ здѣсь, на языкѣ его родины.

«Прощай же, друже велетный! надъ твоею труною уся Украина сумуе... все сумуе, якъ руины Трои; все сумуе — твоя-жъ слава сонцемъ засіяла... И не вмеръ ты — твоя слава не вмре, не поляже —

«Поки стоитъ Украина,
Поки шумлять вербы,
Поки рута зеленіе
Та цвите барвинокъ!»

КЪ ИСТОРІИ ЦѢНЪ ВЪ РОССІИ ВЪ XVII ВѢКѢ.

Введеніе.

Ъ САМЫМЪ важнымъ фактамъ въ исторіи хозяйства можно отнести перемѣны, происходящія въ цѣнахъ на разные предметы. Эти перемѣны въ общей сложности обусловливаются развитіемъ культуры. Нѣкоторые предметы становятся дешевле, другіе дороже. Производство нѣкоторыхъ товаровъ, на низкихъ степеняхъ культуры, бываетъ сопряжено со многими затрудненіями, такъ что потребленіе этихъ предметовъ оказывается возможнымъ лишь для самыхъ богатыхъ людей. Затѣмъ, однако, благодаря измѣненію условій производства такихъ предметовъ, потребленіе ихъ становится доступнымъ и для менѣе зажиточныхъ классовъ общества. То, чтò когда-то считалось драгоцѣнною рѣдкостью, предметомъ крайней роскоши, превращается мало-по-малу въ предметъ общеупотребительный и для скромныхъ сословій. Этимъ обусловливается цѣлый рядъ перемѣнъ въ пріемахъ общежитія. Исторія пропитанія, исторія комфорта, удовлетворенія умственныхъ потребностей, возможность достиженія высшихъ цѣлей жизни— все это состоитъ въ самой тѣсной связи съ перемѣнами въ цѣнахъ.

Историки пока занимались изученіемъ этихъ вопросовъ развѣ только въ видѣ исключенія. Исторія частной жизни до поры до времени не считалась столь привлекательнымъ предметомъ изученія, какъ важныя событія въ области политической исторіи. Драматическіе эффекты переворотовъ въ жизни государствъ гораздо легче обращали на себя вниманіе, чѣмъ проза обыденной жизни.

Масса народа не считалась столь важнымъ предметомъ исторіографіи, какъ частности и мелочи въ жизни выдающихся въ исторіи лицъ, знаменитостей.

Къ тому же изученіе общественно-физіологическихъ фактовъ представляетъ собою гораздо бо́льшія затрудненія, нежели составленіе разсказа о внѣшнихъ событіяхъ, совершившихся въ области политики. Форма разсказа не требуетъ особенной научной подготовки, между тѣмъ какъ изслѣдованіе перемѣнъ, происходившихъ едва замѣтно и медленно въ общественномъ организмѣ, немыслимо безъ предварительнаго изученія общихъ законовъ человѣческаго существованія и развитія. Занимаясь политическою исторіею, спеціалисты не считаютъ дѣломъ необходимости заняться государственными науками. Историкъ хозяйства долженъ быть знакомъ съ началами политической экономіи.

Такимъ образомъ и изученію исторіи цѣнъ должно предшествовать опредѣленіе нѣкоторыхъ обще-теоретическихъ началъ. Сравненіе цѣнъ въ различныя эпохи представляетъ собою значительныя затрудненія.

Нелегко опредѣлить, въ какой мѣрѣ цѣны различныхъ предметовъ, о которыхъ говорится случайно въ историческихъ памятникахъ, могутъ считаться высокими или низкими. Нѣтъ безусловнаго, или абсолютнаго, мѣрила цѣнъ, при помощи котораго можно бы сравнивать цѣны прежнихъ временъ съ нынѣшними. И рабочая плата, и драгоцѣнные металлы, и хлѣбъ подвергались впродолженіе вѣковъ различнымъ перемѣнамъ въ отношеніи къ цѣнамъ.

Имѣя въ виду путемъ сравненія опредѣлить стоимость нѣкоторыхъ предметовъ въ Россіи въ XVII столѣтіи, мы должны предварительно указать на нѣкоторыя черты въ исторіи цѣнъ того времени вообще.

Что касается до обыкновенной рабочей платы, то она въ XVII столѣтіи, при преобладаніи крѣпостнаго права, существовала какъ бы лишь въ видѣ исключенія и, смотря по мѣсту, по времени и по качеству труда, представляетъ собою значительныя разности; поэтому рабочая плата не можетъ служить удобною мѣрою цѣнъ.

Цѣна драгоцѣнныхъ металловъ должна считаться весьма шаткимъ мѣриломъ цѣнъ, потому что измѣненія величины монетной единицы мѣняютъ выраженіе цѣны этихъ металловъ, къ тому же открытіе новыхъ рудъ въ новѣйшее время повліяло на цѣнность металловъ и содѣйствовало ихъ удешевленію. Именно въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ измѣнялась монетная единица въ Россіи. При Іоаннѣ IV изъ одного фунта серебра чеканилось 6 рублей; при царѣ Василіи Шуйскомъ—6 рублей 30 коп.; при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ—877 коп.; при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ $921^2/_3$—1024 коп.[1])

[1]) М. Заблоцкій. О цѣнностяхъ въ древней Руси, стр. 88.

Теперь же изъ одного фунта серебра чеканится 22 рубля. Къ тому же серебряный рубль въ настоящее время замѣненъ бумажнымъ, такъ что 22 рубля серебромъ равняются въ настоящее время приблизительно 30 рублямъ бумажными деньгами. Изъ всего этого слѣдуетъ, что монетная единица со времени царствованія Іоанна Грознаго убавилась въ пять разъ, а рубль временъ царя Алексѣя Михайловича равнялся тремъ нынѣшнимъ рублямъ.

Соотвѣтственно такому уменьшенію монетной единицы, впродолженіе послѣднихъ вѣковъ должно было состояться повышеніе цѣнъ на всѣ остальные товары; отстраняя всѣ причины убавленія или повышенія цѣнъ, слѣдовало бы полагать, что вышеозначенныя перемѣны въ величинѣ монетной единицы должны были имѣть слѣдствіемъ повышеніе цѣнъ на всѣ товары въ размѣрѣ 1 : 3. О подобныхъ случаяхъ мнимой дороговизны и упоминается въ современныхъ историческихъ матеріалахъ. Такъ, напримѣръ, въ 1621 году, англійскій дипломатъ, Джонъ Мерикъ, жаловался на перемѣну въ деньгахъ въ размѣрѣ 25%, на вздорожаніе многихъ русскихъ предметовъ и на затрудненіе торговли черезъ это обстоятельство. Бояре же въ отвѣтъ жаловались на вздорожаніе многихъ англійскихъ товаровъ, не подозрѣвая, что перемѣна въ цѣнахъ находилась въ связи съ убавленіемъ монетной единицы [1]). Когда при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ были выпущены легковѣсныя мѣдныя деньги, слѣдствіемъ этой черезчуръ смѣлой финансовой операціи была страшная дороговизна; правительство, какъ кажется, также не понимало вовсе, что единственною причиною вздорожанія всѣхъ предметовъ было убавленіе монетной единицы [2]). Когда около 1700 года произошла опять перемѣна денежной системы, Иванъ Посошковъ изъявлялъ крайнее неудовольствіе относительно возвышенія цѣнъ на разные иностранные товары, между тѣмъ какъ такія перемѣны въ цѣнахъ объясняются весьма точнымъ образомъ измѣненіемъ, т. е. убавленіемъ, монетной единицы [3]).

Нельзя утверждать, что соотвѣтственно съ этими вышеупомянутыми перемѣнами монетной единицы въ размѣрѣ 1 : 3 покупательная сила одного рубля около половины XVII вѣка равнялась бы покупательной силѣ 3 рублей въ настоящее время, или чтобы на одинъ рубль тогда можно было купить въ три раза больше, чѣмъ можно купить на одинъ рубль въ настоящее время. Перемѣна цѣнности серебра, а также и разныя другія условія, убавили покупательную силу одного рубля съ тѣхъ поръ въ гораздо большихъ размѣрахъ, нежели въ размѣрѣ 3 : 1. Натуральное хозяйство

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, IX, стр. 187, 191.

[2]) См. мое сочиненіе: Мѣдныя деньги въ Россіи, 1656—1663 и денежные знаки въ Швеціи 1716—1719. Спб. 1864, стр. 43 и слѣд.

[3]) Соч. Посошкова, изд. Погодинымъ, I, 123.

гораздо болѣе, чѣмъ въ настоящее время, преобладало надъ денежнымъ. Деньги вообще были гораздо бо́льшею рѣдкостью, чѣмъ нынѣ. Изъ всего этого видно, что монетная единица сама по себѣ, если даже и принять въ соображеніе постепенное ея убавленіе, не можетъ служить достаточною мѣркою цѣнъ. Для уясненія сюда относящихся явленій нужно прибѣгнуть къ цѣнамъ хлѣба.

Адамъ Смитъ въ пятой главѣ перваго тома своего знаменитаго сочиненія замѣчаетъ, что деньги въ продолженіе краткой эпохи, обнимающей примѣрно нѣсколько лѣтъ, могутъ считаться лучшею, т. е. болѣе постоянною, мѣрою цѣнности, чѣмъ хлѣбъ; хлѣбъ напротивъ, при сравненіи между собою цѣнъ впродолженіе столѣтій, долженъ считаться гораздо лучшею мѣркою цѣнъ, чѣмъ деньги. Разница настоящей цѣнности какого либо предмета въ разное время лучше всего выражается разницею удобства или легкости, съ которыми можно пріобрѣсти хлѣбъ въ разное время, или разницею удобства, съ которымъ владѣтель этого предмета (хлѣба) можетъ при помощи его въ различныхъ случаяхъ располагать предметами, составляющими собственность другихъ лицъ, или трудомъ другихъ лицъ. Такъ, напр., главнымъ условіемъ размѣровъ рабочей платы должно считать хлѣбныя цѣны.

Отсюда слѣдуетъ, что, при сравненіи цѣнъ на разные предметы въ различное время, прежде всего нужно сравнить между собою хлѣбныя цѣны.

Какъ видно изъ расходной книги патріарха Никона, четверть ржи около половины XVII вѣка стоила среднимъ числомъ 40 копѣекъ [1]). Эта же цѣна хлѣба показана и въ другихъ памятникахъ того времени. Въ настоящее время четверть ржи стоитъ около 8 рублей. Изъ сравненія этихъ цифръ видно, что разница въ монетной единицѣ не совпадаетъ съ разницею въ цѣнѣ на хлѣбъ. Принимая въ соображеніе исключительно перемѣну монетной единицы впродолженіе двухъ столѣтій, слѣдовало бы ожидать, что четверть ржи теперь должна бы стоить въ три раза дороже, чѣмъ въ 1652 году, т. е. около 1 рубля 20 коп., а между тѣмъ, четверть ржи стоитъ 8 рублей, т. е. въ двадцать разъ дороже, если такъ можно выразиться, чѣмъ при патріархѣ Никонѣ. На этомъ основаніи можно бы, пожалуй, заключить, что покупательная сила 1 рубля въ 1652 году была приблизительно въ 7 разъ значительнѣе покупательной цѣны одного рубля въ настоящее время, потому что цѣна ржи не можетъ не повліять на цѣны многихъ другихъ товаровъ. Однако, это положеніе несправедливо, потому что покупательная сила одного рубля впродолженіе двухъ столѣтій въ от-

---

[1]) См. «Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др.», т. XIII. Четверть овса 30 коп. Въ одной записной книгѣ 1671 г. о продажѣ хлѣба цѣна четверти ржи показана 50 коп., четверти овса 24 до 30 коп. см. «Временникъ» VI, Смѣсь, 1—15.

ношеніи ко многимъ товарамъ могла измѣниться и дѣйствительно измѣнялась въ совсѣмъ иныхъ размѣрахъ. Тѣмъ не менѣе, обращая особенное вниманіе на хлѣбныя цѣны, можно указать на группу предметовъ, въ которой замѣчается стремленіе къ пониженію, и на группу такихъ предметовъ, въ которыхъ замѣчается стремленіе къ повышенію цѣнъ.

Нѣкоторые спеціалисты въ области исторіи хозяйства, напримѣръ, Чибреріо, Тукъ и Ньюмарчъ, Рошеръ, Ласпейресъ и проч., путемъ историко-экономическихъ изслѣдованій на этотъ счетъ пришли къ довольно точно опредѣленнымъ результатамъ. Такъ, напримѣръ, Рошеръ въ своемъ сочинененіи «Начала политической экономіи», въ той главѣ, гдѣ говорится объ исторіи цѣнъ, доказываетъ, что исторія цѣнъ на сырые продукты представляетъ повышеніе цѣнъ, такъ что, напримѣръ, зерновой хлѣбъ, какъ сырой продуктъ, въ средніе вѣка былъ относительно дешевле муки и печенаго хлѣба, потому что мука и печеный хлѣбъ уже могутъ считаться продуктами промышленности. Говядина еще болѣе, чѣмъ зерновой хлѣбъ, можетъ считаться сырымъ продуктомъ и поэтому когда-то была дешевле хлѣба. При Генрихѣ VIII въ Англіи бѣдные люди питались главнымъ образомъ говядиною, между тѣмъ какъ хлѣбъ стоилъ сравнительно дорого. Въ 1348 году, цѣлый быкъ стбилъ столько же, сколько стоила пара сапогъ. Въ 1172 году, 1 аршинъ сукна стбилъ столько же, сколько стоили два быка. Въ XV столѣтіи во Флоренціи одинъ фунтъ сахару равнялся цѣнностью 15-ти фунтамъ говядины; одинъ фунтъ перцу равнялся 28-ми фунтамъ сала и пр.

Бывшій профессоръ Дерптскаго университета, Ласпейресъ, въ своей статьѣ: «Какіе товары впродолженіе времени становятся болѣе и болѣе цѣнными?» [1]), доказываетъ, что даже при сравненіи между собою двухъ новѣйшихъ эпохъ: 1846—1850 гг. и 1851—1865 гг., можно прійдти къ тѣмъ же результатамъ. Изъ весьма тщательно разобраннаго и чрезвычайно богатаго статистическаго матеріала о цѣнахъ на различные продукты съ 1846 по 1865 г. видно, что цѣны на сырые продукты, какъ, напримѣръ, лѣсной товаръ, предметы охоты, рыбной ловли, скотоводства и земледѣлія, измѣнились въ размѣрѣ 100 : 179, а цѣны на мануфактурные товары поднялись въ размѣрѣ 100 : 108. Если же принять въ соображеніе соотвѣтствующій этому періоду упадокъ въ цѣнѣ денегъ, то оказывается, что мануфактурные товары не только не поднялись, но даже упали въ цѣнѣ впродолженіе этого двадцатилѣтія. Весьма любопытны слѣдующіе примѣры перемѣны цѣнъ на нѣкоторые товары: особенно сильно поднялись цѣны такихъ товаровъ, въ производствѣ которыхъ природа становится мало-по-малу менѣе щедрою: кито-

---

[1]) Ern. Laspeyres. Welche Waaren werden im Verlaufe der Zeiten immer theurer? Tübinger Zeitschrift für Staatswissenschaften, 1872, 1 Heft.

вый усъ, гагачій пухъ, буйволовы рога, оленьи кожи, слоновая кость, губки, древесная смола и пр. Сырыя кожи вздорожали значительнѣе предметовъ, выдѣлываемыхъ изъ кожи; кости вздорожали болѣе, чѣмъ приготовляемая изъ нихъ черная краска (Knochenschwärze); химическіе продукты, какъ, напримѣръ, сода, экстракты изъ дерева, значительно упали въ цѣнѣ, а также предметы, выдѣлываемые изъ металловъ и минераловъ, какъ, напримѣръ, киноварь, проволока, рельсы. Желѣзо сдѣлалось дороже, но не на столько, на сколько сдѣлался дороже каменный уголь и пр.

Сравнивая цѣны на разные товары въ Россіи въ XVII столѣтіи съ цѣнами этихъ же предметовъ въ настоящее время, мы приходимъ къ такимъ же результатамъ. Сырые продукты впродолженіе этихъ двухъ столѣтій значительно вздорожали; мануфактурныя издѣлія и колоніальные товары упали въ цѣнѣ. То, что̀ считалось роскошью во время царя Алексѣя Михайловича, сдѣлалось мало-по-малу предметомъ общаго употребленія. Книги сто̀или очень дорого въ то время. Отправленіе писемъ по почтѣ было сопряжено съ чрезвычайно значительными расходами. Перемѣны, происшедшія въ отношеніи ко всему этому впродолженіе двухъ столѣтій, не могли не повліять на житье-бытье и на умственный кругозоръ общества.

При сравненіи цѣнъ въ эпоху царя Алексѣя Михайловича съ нынѣшними цѣнами, мы руководствуемся вышеизложенною разницею монетныхъ единицъ и хлѣбныхъ цѣнъ. Четверть ржи сто̀ила тогда 40—50 коп., въ настоящее время около 8 рублей. Умножая показанія о цѣнахъ XVII вѣка въ 15—20 разъ, мы получаемъ цифру, дающую понятіе о настоящей цѣнѣ предмета, выраженной нынѣшними деньгами.

Сырые продукты.

Весьма богатымъ источникомъ для исторіи домашняго хозяйства около половины XVII вѣка можетъ служить расходная книга Никона, обнимающая время отъ 14-го декабря 1651 года до 5-го августа 1652 года. Въ началѣ этого времени Никонъ былъ еще митрополитомъ и находился въ Новгородѣ; оттуда онъ отправился въ Москву; затѣмъ состоялось его путешествіе въ Соловецкій монастырь, для перенесенія оттуда мощей св. Филиппа. Возвратившись въ Москву, онъ сдѣлался патріархомъ[1]). Въ расходной книгѣ Никона, разумѣется, упомянуто о цѣнахъ на разные предметы. Многія другія замѣтки о цѣнахъ встрѣчаются и въ запи-

[1]) Расходная книга Никона напечатана въ «Временникѣ», XIII. Мою статью объ этомъ предметѣ см. въ «Журналѣ Министерства Нар. Пр.», CLXXVIII, 216—235.

скахъ иностранцевъ, пріѣзжавшихъ въ Россію, въ дневникѣ генерала Гордона, въ сочиненіи Кильбургера о торговлѣ Россіи и пр.

Иностранцы, писавшіе о Россіи, удивлялись дешевизнѣ съѣстныхъ припасовъ, напримѣръ, рыбы, говядины, дичи. Извѣстный художникъ, Корнелій де-Брюинъ, прибывшій въ Россію въ 1702 году, разсказываетъ, что въ Архангельскѣ рябчики стóили 2 «sols» штука, заяцъ 4 «sols» и пр. Истративъ не болѣе 20-ти «sols», замѣчаетъ этотъ путешественникъ, можно накормить досыта рыбою не менѣе 20-ти человѣкъ. Такія же замѣтки относятся къ цѣнамъ на говядину, телятъ, ягнятъ, курицъ, гусей и пр. [1]). О дешевизнѣ дичи говорится въ запискахъ Олеарія, въ сочиненіи Кильбургера о торговлѣ въ Россіи. Показанія иностранцевъ не всегда могутъ служить особенно полезнымъ матеріаломъ для исторіи цѣнъ, такъ какъ у нихъ цѣны показаны, бóльшею частью, иностранною монетою, превращеніе же этихъ показаній въ русскія деньги представляетъ большія затрудненія. Въ расходной книгѣ Никона же встрѣчается, между прочимъ, слѣдующее показаніе о рыбѣ. На дорогѣ изъ Новгорода въ Москву, въ Валдаѣ, Никонъ купилъ 50 щукъ, 17 лещей, 16 окуней, 3,600 валдайскихъ сельдей, заплативъ за все это 108 копѣекъ, по нашимъ деньгамъ, около 20-ти рублей. Въ настоящее время такое же количество рыбы стóило бы гораздо дороже. За то и въ то время, какъ нынѣ, осетры были предметомъ роскоши: за двадцать штукъ осетровъ заплачено 8 рублей; бѣлуги обходятся по 1 рублю штука. Народъ питался, бóльшею частью, сонною рыбою и даже часто нѣсколько тухлою; рыба, привозимая живою изъ отдаленныхъ краевъ государства и содержимая въ садкахъ, была пищею богатыхъ и знатныхъ [2]). Гордонъ, занимавшій весьма видное мѣсто въ обществѣ и располагавшій чрезвычайно значительными средствами, тратилъ очень большія суммы на покупку дорогой рыбы. Въ его дневникѣ часто упоминается объ уплатѣ счетовъ «продавцу рыбы, Алексѣю». Впродолженіе трехъ-четырехъ лѣтъ встрѣчается цѣлый рядъ такихъ счетовъ, на суммы 20 р., 62 р., 25 р., 30 р., 23 р., 16 р. и пр. Такимъ образомъ, по приблизительному разсчету, впродолженіе какихъ нибудь шести лѣтъ въ хозяйствѣ Гордона истрачено около 250 рублей на покупку рыбы, чтò по нашимъ деньгамъ составило бы около 700 рублей въ годъ. По случаю свадьбы дочери Гордона было куплено рыбы на 30 рублей (= 500 рублей нынѣ). Изъ этихъ цифръ видно, что рѣчь идетъ о дорогихъ сортахъ рыбы.

И на Западѣ замѣчается такая большая разница въ цѣнѣ на различные сорты рыбы. Между тѣмъ, какъ въ средніе вѣка лососина ловилась въ столь большомъ количествѣ, что прислуга нани-

---

[1]) Путешествіе Корнелія де-Брюина, франц. изд. 1718 г., стр. 16 и слѣд.

[2]) Костомаровъ, «Домашній бытъ великорусскаго народа», стр. 86.

малась съ условіемъ, чтобъ ей не чаще, чѣмъ два или три раза въ недѣлю, давать этой рыбы [1]); въ одной монографіи о цѣнахъ въ городѣ Орлеанѣ, въ XIV и XV столѣтіяхъ, упоминается о дорогой рыбѣ, которая употреблялась исключительно богатыми [2]). Также и семга и икра въ XVII столѣтіи не отличались особенною дешевизною. Семга стоила 1 коп. за фунтъ (=16—20 коп. нынѣ), фунтъ свѣжей икры 4 коп. (=60—80 коп. нынѣ) [3]).

Санъ Никона не дозволялъ ему потребленія мяса. Только однажды, впродолженіе всего семимѣсячнаго періода, къ которому относится расходная книга Никона, покупается мясо, а именно свиное, въ количествѣ двадцати полтей, по 33 коп. за пудъ, что̀, принимая въ соображеніе тогдашнія цѣны на другіе сырые продукты, кажется не особенно дешевымъ.

Лошади иногда были очень дешевы. Такъ, напримѣръ, въ 1685 году заплачено однажды за одну лошадь $2^1/_2$ р., другой разъ 2 р. 60 к. [4]). Однако, Маржеретъ замѣчаетъ, что кони часто покупались за 20 р., а продавались за 50—100 р. [5]). Въ дневникѣ Гордона часто упоминается о покупкѣ лошадей то по 50 р., то по 20 р., по 30 р., но и по 5 р., по $6^1/_2$ р. и т. п. [6]).

О цѣнахъ овощей и зелени мы узнаемъ лишь весьма мало. Лучшихъ сортовъ фруктовъ почти вовсе не было, за то ягодъ—въ изобиліи. Голштинскіе путешественники въ 1633 году,—какъ разсказываетъ Олеарій,—на пути изъ Ревеля въ Москву, купили много малины за 1 копѣйку. Мы не можемъ судить точно о значеніи слѣдующихъ показаній о цѣнахъ на овощи, встрѣчаемыхъ въ расходной книгѣ Никона: 30 кочней капусты 9 коп., чанъ капусты 60 коп., чанъ огурцовъ 36 коп., 2,000 огурцовъ 57 коп.; нѣкоторыя изъ этихъ цифръ оказываются чрезвычайно высокими, что̀ свидѣтельствуетъ о недостаточномъ развитіи огородничества. Изъ такихъ примѣровъ видно, что мѣстные продукты, сырые въ точномъ смыслѣ, отличались дешевизною, но что передвиженіе товаровъ или приложеніе къ нимъ какого либо труда возвышали цѣны въ гораздо бо̀льшихъ размѣрахъ, чѣмъ въ настоящее время. Весьма любопытна на этотъ счетъ большая разница между цѣною ржи и цѣною ржаной муки, между тѣмъ какъ въ настоящее время эта разница ничтожна. Четверть ржи показана въ расходной книгѣ Никона 40—54 коп., въ дневникѣ Гордона 54 коп. и т. п. За то четверть ржаной муки, какъ видно изъ расходной книги Никона,

---

[1]) См. сочиненіе Рошера «Über den Luxus».

[2]) Mémoires de la société archéologique de l'Orléanais, 1862 г., стр. 122.

[3]) Rodes, Bedenken üb. d. russ. Handel, въ сборникѣ Энгельгардта и Эверса, Beiträge z. Kenntniss Russlands, Dorpat, 1819, стр. 249.

[4]) «Временникъ», 1854. Смѣсь, 28.

[5]) Маржеретъ, русское изд., стр. 59.

[6]) Дневникъ Гордона въ разныхъ мѣстахъ.

стоила 157 коп., значитъ втрое или вчетверо дороже ржи, между тѣмъ какъ въ настоящее время эта разница составляетъ приблизительно 15°/₀.

Между сырыми продуктами, лѣсъ и простые предметы изъ дерева оказываются особенно дешевыми. Иностранные путешественники часто удивлялись расточительности при истребленіи лѣса въ Россіи. Карлейль, между прочимъ, разсказываетъ, что русскіе, сопровождавшіе его и его свиту отъ Архангельска къ Москвѣ, однажды въ дорогѣ развели огонь въ такихъ размѣрахъ, какъ будто они намѣревались распространить большой пожаръ по всему краю. Улицы городовъ иногда были мощены деревомъ. Дома почти исключительно были деревянные. Желѣзные гвозди употреблялись въ видѣ исключенія; ихъ обыкновенно замѣняли деревянными. Извѣстно, что вслѣдствіе частыхъ пожаровъ существовалъ обычай покупать дома, т. е. приспособленный къ постройкѣ дома лѣсъ, на рынкѣ. При свадьбахъ зажигали большіе костры для освѣщенія и проч.

Во время пребыванія Никона въ Москвѣ сооружались для него разныя постройки, причемъ показаны слѣдующія цѣны на строительный матеріалъ. Куплено 18 бревенъ еловыхъ въ три сажени за 40 коп. (6—8 руб. нынѣ); 15 бревенъ въ $2^1/_2$ саж. за 34 коп. и пр. Сравнивая эти показанія съ тогдашними цѣнами на мануфактурныя издѣлія, мы получаемъ любопытный результатъ, что 130 саженей бревенъ равнялись тогда цѣнностью одному аршину сукна. Цѣлая изба покупается за 16 рублей. Пара оглоблей стоитъ 1 коп.; упоминается о саняхъ, стоившихъ 5 коп.; дорожныя сани стоили 15 коп. Деревянныя коробки (сундуки) стоили отъ 6 до 15 коп.; за то бочки обходятся дороже, по 30 коп.; очевидно, болѣе сложный трудъ бочара стоилъ дорого. Такія же показанія о дешевизнѣ лѣса встрѣчаются въ дневникѣ Гордона. За цѣлый домъ, въ которомъ Гордонъ жилъ съ семействомъ и прислугою, онъ заплатилъ 120 руб.; другіе дома куплены по 40, по 55 р. и пр. При постройкѣ бани было израсходовано 13 рублей; перестройка нѣсколькихъ комнатъ и постройка трехъ новыхъ комнатъ обошлись 13 рублей; постройка бани съ комнатою, переднею и чердакомъ стоила $6^1/_2$ рублей и пр.

Изъ этихъ данныхъ видно, что тамъ, гдѣ преобладаетъ сырой продуктъ въ тѣсномъ смыслѣ, оказывается дешевизна, между тѣмъ какъ при малѣйшей примѣси болѣе или менѣе сложнаго труда, или участіи какой либо промышленности, или транспортированіи товара, условія цѣнъ измѣняются быстро. Яйца не были дешевле, чѣмъ теперь, какъ видно изъ расходной книги Никона и изъ показаній Олеарія и Кильбургера, т. е. 8—15 коп. сотня, 9 яицъ 1 коп.; 5 яицъ 1 коп. въ маѣ, 15 яицъ 1 коп. въ іюлѣ. Гордонъ за одинъ возъ сѣна платилъ 32—35 коп.; это не особенно дешево.

Цѣна кожи оказывается нѣсколько высокою. Никонъ заплатилъ за подошвы къ сапогамъ 18 коп., за пару сапогъ 1 рубль. Гордонъ заплатилъ за шесть кожъ 3 руб. 60 коп., Мѣхъ также не былъ дешевъ. За одну овечью шубу Никонъ заплатилъ 97 коп., за баранью шубу 1 рубль. Одна бочка дегтю, какъ видно изъ дневника Гордона, стоила 70 коп. (= нынѣ 12 рублей).

Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ видно, что сырые продукты, требовавшіе нѣкоторой обработки, не были дешевы. Мыло и сальныя свѣчи, какъ видно изъ данныхъ въ расходной книгѣ Никона, не могутъ считаться особенно дешевыми. Какъ скоро у Никона стирается столовое бѣлье или тому подобное, посылается за мыломъ, за которое однажды, напримѣръ, по случаю стирки столоваго бѣлья, заплачено 3 коп. Принимая во вниманіе разницу между тогдашнею и нынѣшнею цѣною на хлѣбъ, можно прійдти къ тому заключенію, что въ настоящее время на эту сумму можно купить 10 фунтовъ мыла. За сотню сальныхъ свѣчъ платилось отъ 24 до 30 коп. Предполагая, что сальныя свѣчи при Никонѣ по величинѣ и вѣсу соотвѣтствовали нынѣшнимъ, можно вывести заключеніе, что въ настоящее время за соотвѣтствующую сумму денегъ (принимая во вниманіе различіе хлѣбныхъ цѣнъ) можно купить вдвое болѣе сальныхъ свѣчъ. Впрочемъ, сальныя свѣчи были дешевле восковыхъ, и даже въ хозяйствѣ царей въ XVI столѣтіи, по большей части, употреблялись сальныя свѣчи. Ламповое масло было такъ дорого, что даже мало было лампадъ предъ иконами. Фунтъ воску, о цѣнѣ котораго упоминается весьма часто въ расходной книгѣ Никона, стоилъ 12 коп., такъ что цѣнность пуда воску равнялась тогда цѣнности 12 четвертей ржи, между тѣмъ какъ въ настоящее время пудъ воску равняется цѣнностью 3—4 четвертямъ ржи. Медъ, который въ хозяйствѣ Никона покупался весьма часто, стоилъ 66, 67, 75, 84 и 86 коп. пудъ, такъ что одинъ пудъ меду равнялся двумъ четвертямъ ржи, между тѣмъ какъ въ настоящее время цѣна одного пуда меду равняется приблизительно цѣнѣ одной четверти ржи. Также и коровье масло можетъ считаться особенно дорогимъ. Оно стоило отъ 90 до 130 коп. пудъ, такъ что около трехъ четвертей ржи соотвѣтствовали тогда одному пуду масла, между тѣмъ какъ теперь пудъ масла стоитъ лишь немного дороже одной четверти ржи.

Продукты промышленности.

Потребленіе продуктовъ промышленности спеціалистами въ области хозяйственной статистики не даромъ считается одною изъ лучшихъ мѣръ культуры, зажиточности народовъ. Желѣзо, писчая бумага, хлопчато-бумажныя издѣлія и пр. въ народной эконо-

міи въ настоящее время занимаютъ гораздо болѣе видное мѣсто, чѣмъ прежде. Въ Россіи въ XVII столѣтіи потребленіе всѣхъ такихъ предметовъ могло считаться рѣдкимъ исключеніемъ. Высокія цѣны на эти предметы дѣлали ихъ недоступными для массы народа.

Такъ, напримѣръ, о металлическихъ издѣліяхъ въ расходной книгѣ Никона говорится немного. Мы узнаемъ, что желѣзо стоило 1 руб. 10 коп. за пудъ, такъ что пудъ желѣза цѣнностью равнялся тремъ четвертямъ ржи. Сравнивая цѣну желѣза съ цѣною лѣса, мы получаемъ любопытный результатъ: пудъ желѣза равнялся 40—50 аршинамъ бревенъ. Складной стулъ, купленный Никономъ, стоилъ 25 коп., желѣзо къ этому стулу 50 коп. Одна подкова стоила очень дорого, 10 копѣекъ (= 2 рубля нынѣ). Два замка для погреба 16 коп.; луженые гвозди для украшенія саней—4 коп.; при постройкѣ паперти употреблено было 1200 гвоздей, которые стоили 1 р. 10 коп. (= 20 рублей нынѣ). Три мѣдные подсвѣчника стоили 90 коп. Это очень дорого, потому что такимъ образомъ цѣна одного, вѣроятно, довольно простаго подсвѣчника почти равнялась цѣнѣ одной четверти ржи.

Не безъ основанія Юрій Крижаничъ сильно жаловался на недостатокъ въ Россіи хорошихъ орудій, инструментовъ. Онъ требовалъ, чтобы правительство чрезъ особенныхъ «урядниковъ» и «державниковъ» продавало за умѣренныя цѣны простолюдинамъ ножи, серпы, косы, пилы, заступы, топоры, молотки и пр. Именно отсутствіе металлическихъ предметовъ этого рода бросалось въ то время въ глаза «Сербляниму», на каждомъ шагу сравнивавшему Россію съ Западомъ и хвалившему превосходство Германіи, Италіи и пр.[1]). И въ дневникѣ Гордона встрѣчаются показанія, свидѣтельствующія о дороговизнѣ желѣза. Пудъ желѣза стòилъ 30—35 коп., чтò равняется нѣсколькимъ рублямъ въ настоящее время[2]).

Довольно любопытенъ результатъ сравненія цѣны иголкамъ въ XVII вѣкѣ съ цѣнами на этотъ предметъ въ настоящее время. Изъ-за границы привозились иголки въ значительномъ количествѣ, напримѣръ, въ 1671 году чрезъ Архангельскъ 683,000 штукъ. Цѣна имъ была за сотню отъ 35 до 80 коп. Значитъ, сотня иголокъ, стоющая нынѣ какія нибудь 20 коп., равнялась цѣнностью одной четверти ржи, за которую приходилось бы заплатить 8 рублей,—удешевленіе въ 40 разъ. При этомъ еще нѣтъ сомнѣнія, что качество товара въ настоящее время далеко превосходитъ сорты 1671 г., о которыхъ говоритъ Кильбургеръ.

Писчая бумага въ Россіи въ XVII вѣкѣ была предметомъ роскоши. Бумага, употребляемая Никономъ, вѣроятно, была иностран-

[1]) См., напримѣръ, соч. Крижанича, изд. Безсоновымъ, I, 50 и слѣд.
[2]) Дневникъ Гордона, III, 187.

наго издѣлія: десть стоила 75 коп., т. е. 24 листа писчей бумаги цѣнностью равнялись почти двумъ четвертямъ ржи, за которыя теперь приходится платить 16 рублей. Такъ какъ десть бумаги въ настоящее время стоитъ приблизительно 20 коп., то оказывается, что писчая бумага во время Никона была въ 80 разъ дороже, чѣмъ въ настоящее время. Особенно дорого бумага обходилась Никону потому, что онъ покупалъ ее въ ничтожномъ количествѣ. Покупаемая оптомъ печатная бумага обходилась гораздо дешевле. При печатаніи Уложенія царя Алексѣя Михайловича стопа бумаги стоила 95 коп. [1]) (= 20 рублей нынѣ), что̀ оказывается дешевою цѣною въ сравненіи съ писчею бумагою, покупаемою Никономъ, но, всетаки, въ пять—шесть разъ дороже нынѣшней цѣны печатной бумаги. Кильбургеръ говоритъ о бумажной фабрикѣ голландца Іогана фонъ-Шведена, близь Москвы, существовавшей въ 1671 году; едва ли эта фабрика уже была въ ходу въ 1649 году. Кильбургеръ замѣчаетъ, что бумага, выдѣлываемая этою фабрикою, стоила въ его время (т. е. около 1671 г.) по 1 руб. за десть, а качествомъ уступала иностранной. Онъ объясняетъ невозможность производства хорошей писчей бумаги въ Россіи недостаткомъ тонкихъ тряпокъ [2]). Цѣна 1 р. за десть, какъ видно, превосходитъ еще показанную въ расходной книгѣ Никона цѣну писчей бумаги. Крижаничъ требовалъ заведенія писчебумажныхъ фабрикъ въ Россіи и запрещенія привоза этого товара изъ-за границы. Онъ же выставлялъ на видъ, что «домашняя бумага, сдѣланная изъ домашняго холстянаго лоскутья», по крайней мѣрѣ, современемъ будетъ дешевле иностранной и пр. [3]). Также и Посошковъ сожалѣлъ о деньгахъ, уплачиваемыхъ иностранцамъ за привозимую ими писчую бумагу.

Что касается до тканей, то привозные товары этого рода обходились чрезвычайно дорого. Для ризъ своихъ Никонъ покупалъ исключительно дорогія иностранныя матеріи. За то для прислуги его, для монаховъ и нищихъ, покупались дешевые русскіе товары. Въ Россіи много дѣлалось полотна и даже болѣе высокихъ сортовъ. Тѣмъ не менѣе, полотно привозилось изъ Голландіи. Не изъ голландскаго, а изъ русскаго полотна были шиты, вѣроятно, слѣдующіе предметы, купленные Никономъ, какъ кажется, не для него самого, а для прислуги: рубаха 22 коп., другая рубаха 27 коп., порты 11 коп. Иногда покупается готовое платье: сѣрый кафтанъ для конюха за 81 коп., другой кафтанъ за 3 р. 60 коп. и пр. Эти цифры въ сравненіи съ тогдашнею хлѣбною цѣною оказываются довольно высокими. Особенно кафтанъ, стоившій 3 р. 60 коп., т. е.

---

[1]) Сборникъ Археолог. Института, Спб., 1879. II, 21, 23.

[2]) Кильбургеръ, въ сборникѣ Бюшинга, III.

[3]) Крижаничъ, I, 34.

равнявшійся цѣнностью девяти четвертямъ ржи, за которыя въ настоящее время пришлось бы заплатить 72 рубля, обходился очень дорого. Впрочемъ, въ другихъ источникахъ упоминается о болѣе дешевыхъ предметахъ этого рода, напр., шапка стоила 108 коп., пара сапогъ 40 коп., пара башмаковъ 18 коп. и т. п. [1]).

Иностранныя ткани привозились отчасти съ Востока, въ особенности изъ Персіи, отчасти изъ Западной Европы. Купцы, торговавшіе этими предметами, наживали себѣ большіе барыши. Такъ, напримѣръ, шелкъ-сырецъ, покупаемый въ Персіи по 30—60 руб. за пудъ, продавался по 45 и 90 р. за пудъ. Множество названій этихъ матерій (дороги, киндяки, камки, тафты, бархаты, атласы, объярь, алтабасы, зарбевы) и большіе запасы ихъ, встрѣчаемые, между прочимъ, въ патріаршемъ хозяйствѣ Никона въ 1658 году [2]), указываютъ на значительный спросъ зажиточныхъ классовъ московскаго общества. Въ какой мѣрѣ, однако, сукно и бархатъ въ то время считались предметомъ роскоши, видно, между прочимъ, изъ того обстоятельства, что по случаю мятежа 1662 года стрѣльцы, отличившіеся въ борьбѣ съ мятежниками, получили по одному вершку сукна, а другіе по одному вершку бархата въ награду.

Потребности Никона въ отношеніи къ пищѣ, къ домашней утвари, къ сосудамъ и проч. были скромны, между тѣмъ какъ роскошь въ отношеніи къ одеждѣ была чрезвычайная. На покупку дорогихъ тканей онъ тратилъ большія деньги. Послѣ пріѣзда въ Москву онъ купилъ сани, за которыя заплатилъ 1 руб. 20 коп., что̀, разумѣется, не особенно дорого. За то эти сани были обиты сукномъ, которое стоило по $4^1/_2$ руб. аршинъ, такъ что это сукно, купленное за 12 рублей, цѣнностью равнялось 30 четвертямъ ржи, за которыя въ настоящее время приходилось бы заплатить 240 руб. Стоимость купленной Никономъ золотой, тканной панагіи равнялась 70 или 80 четвертямъ ржи (=600 руб. нынѣ); приблизительно столь же дорого обходились купленныя въ это время собольи шапки, мятелъ и проч. Покупается то камки 20 аршинъ, за которые заплачено 21 руб., то бѣлаго атласу, червчатаго атласу, зеленаго атласу, тафты для подкладки, сукна вишневаго, камки вишневой, узорчатой и проч. Такимъ образомъ, сумма денегъ, истраченная Никономъ впродолженіе семи мѣсяцевъ на разныя матеріи, представляетъ собою весьма значительную цифру 200 руб. На эту сумму тогда можно было купить не менѣе 500 четвертей ржи, за которыя въ настоящее время приходилось бы заплатить нѣсколько тысячъ рублей.

Дороговизна этихъ предметовъ промышленности бросается въ глаза. Никонъ покупаетъ сукна по 1 руб., по 1 руб. 60 коп. и

---

[1]) Временникъ, 1854. Смѣсь, 28 и 34.

[2]) Временникъ, т. XV.

по 2 руб. 40 коп. за аршинъ, атласу по 1 руб. и по 2 руб. за аршинъ; бархату по 3 руб. и по 4 руб. за аршинъ. Въ настоящее время цѣнность одного аршина этихъ матерій соотвѣтствуетъ цѣнности 1/4—1/2 четверти ржи; тогда же 2 до 10 четвертей ржи равнялись цѣнностью одному аршину вышеозначенныхъ тканей.

Такія же показанія встрѣчаются въ дневникѣ Гордона, любившаго, впрочемъ, покупать этого рода предметы за границею, куда онъ ѣздилъ неоднократно. Такъ, напримѣръ, онъ въ Лондонѣ купилъ парикъ за 7 фунтовъ стерл., шляпу за 2 1/2 фунта стерл., въ Данцигѣ шинель за 9 таллеровъ (=цѣнности 10 четвертей ржи=80 р. въ настоящее время) и проч. Изъ купленныхъ въ Россіи матерій показана какая-то красная матерія (rothe Laken) по 1 р. 10 коп. (=16 руб.), тонкое сукно по 75 к. (=12 руб.) и т. п. [1]).

Колоніальные товары.

Не смотря на дороговизну колоніальныхъ товаровъ, русскіе въ XVII вѣкѣ употребляли пряности. Иностранные товары этого рода, напримѣръ, сушеные фрукты и т. п. покупались охотно и даже митрополитъ Никонъ, столъ котораго отличался чрезвычайною простотою, запасался ими по случаю праздниковъ, когда варили или пекли особенное кушанье, пироги или пасхальныя яства. Такимъ образомъ мы узнаемъ о цѣнахъ на эти товары слѣдующее.

Рисъ стоилъ 4 коп. за фунтъ, такъ что 10 фунтовъ рису соотвѣтствовали цѣнности одной четверти ржи, между тѣмъ какъ въ настоящее время 100 фунтовъ рису соотвѣтствуютъ одной четверти ржи. Значитъ, рисъ два столѣтія тому назадъ былъ въ десять разъ дороже, чѣмъ теперь.

Миндаль стоилъ 9 коп. фунтъ, такъ что 4 фунта миндалю равнялись цѣнностью одной четверти ржи, тогда какъ нынѣ 30 фунтовъ миндалю соотвѣтствуютъ одной четверти ржи. Значитъ, цѣна на миндаль убавилась впродолженіе двухъ вѣковъ въ семь разъ.

Гвоздика стоила отъ 80 до 144 к. фунтъ, такъ что около 1/4 фунта гвоздики стоило столько же, сколько стоила четверть ржи; въ настоящее время одной четверти ржи равняются не менѣе 20 фунтовъ гвоздики. Значитъ, гвоздика двумя столѣтіями раньше была въ 80 разъ дороже, чѣмъ теперь.

Хлопчатая бумага стоила 12 коп. фунтъ, такъ что 3—4 фунта этого товару равнялись въ цѣнѣ одной четверти ржи; такъ какъ въ настоящее время четверть ржи стоитъ столько же, сколько стоятъ 20 фунтовъ хлопчатой бамаги, то этотъ предметъ сдѣлался дешевле въ 5 до 7 разъ.

---

[1]) Дневникъ Гордона, II, 78 и 513.

За винныя ягоды платили при Никонѣ по 4 коп. фунтъ, т. е. 10 фунтовъ равнялись одной четверти ржи; въ настоящее время за цѣну одной четверти ржи можно купить не менѣе 30 фунтовъ винныхъ ягодъ,—удешевленіе въ три раза.

Изюмъ стоилъ 3—6 коп. за фунтъ; при сравненіи съ нынѣшними цѣнами этого предмета оказывается удешевленіе въ три раза.

Перецъ стоилъ 18 коп. за фунтъ; это соотвѣтствовало бы нынѣшней цѣнѣ 3 р. 60 коп. за фунтъ, между тѣмъ какъ перецъ стоитъ лишь одну десятую часть этой суммы.

Прочіе товары такого же рода, упомянутые въ расходной книгѣ Никона, оказываются также сравнительно весьма дорогими, напримѣръ, киноварь по 48 к., шафранъ по 4 рубля, ладанъ по 16 рублей и проч. [1]).

Данныя, встрѣчаемыя въ расходной книгѣ Никона, подтверждаются показаніями въ другихъ источникахъ. Въ сочиненіи Кильбургера о торговлѣ въ Россіи встрѣчается цѣлый прейсъ-курантъ разнымъ товарамъ. Тутъ попадаются слѣдующія цифры, болѣе или менѣе сходныя съ показаніями въ расходной книгѣ Никона. Перецъ отъ $3^1/_2$ до 8 р. пудъ, т. е. отъ 9—20 коп. фунтъ, хлопчатая бумага отъ $2^1/_2$ до 5 р. пудъ, т. е. отъ 6 до 12 коп. фунтъ, изюмъ отъ 1 до 2 р. пудъ, значитъ отъ $2^1/_2$ до 5 коп. фунтъ, рисъ отъ 80 до 150 коп. пудъ, т. е. отъ 2 до 4 коп. фунтъ и пр. Если вообще цѣны у Кильбургера оказываются немного ниже цифръ, встрѣчаемыхъ въ расходной книгѣ Никона, то, во-первыхъ, впродолженіе 27 лѣтъ, прошедшихъ между веденіемъ расходной книги Никона и составленіемъ сочиненія Кильбургера, условія привоза иностранныхъ теваровъ становились болѣе благопріятными, а, вовторыхъ, не должно упускать изъ виду, что у Кильбургера показаны оптовыя цѣны, между тѣмъ какъ Никонъ покупалъ эти вещи въ небольшомъ количествѣ у лавочниковъ. Монетная единица впродолженіе этого времени, за исключеніемъ семилѣтняго періода неудачной операціи съ мѣдными деньгами (1656—1663), не измѣнилась. За то хлѣбъ сталъ нѣсколько дороже. У Никона 40 коп. четверть, у Кильбургера 60 коп. Затѣмъ, однако, въ дневникѣ Гордона цѣна хлѣба показана опять ниже, 54 коп.

О сахарѣ и чаѣ въ хозяйствѣ Никона не упомянуто, между тѣмъ какъ митрополитъ покупалъ въ весьма значительномъ количествѣ медъ (разъ куплено 113 пудовъ, другой разъ 72 пуда). У Кильбургера показана цѣна разныхъ сортовъ сахара отъ 4 до 10 руб. за пудъ. Значитъ, среднимъ числомъ фунтъ сахару въ 1674 году стоилъ 20 коп., т. е. три фунта сахару равнялась цѣнностью одной четверти ржи, тогда какъ въ настоящее время стоимость од-

[1]) См. мою статью о расходной книгѣ Никона въ «Журн. Мин. Нар. Пр.» CLXXVIII, стр. 235.

ной четверти ржи соотвѣтствуетъ 50 фунтамъ сахару. Значитъ сахаръ теперь въ 17 разъ дешевле, чѣмъ два столѣтія тому назадъ.

Какъ-то случайно Кильбургеръ упоминаетъ о чаѣ. Онъ купилъ въ Москвѣ чай по 30 коп. за фунтъ. Эта цѣна ни дороже, ни дешевле нынѣшней цѣны чая. За то всѣ показанія Кильбургера о другихъ такихъ предметахъ (напримѣръ, о шафранѣ, корицѣ черносливѣ и пр.) подтверждаютъ вышеупомянутые результаты о чрезвычайно высокихъ цѣнахъ на такого рода товары въ XVII столѣтіи и о постепенномъ удешевленіи ихъ впродолженіе двухъ послѣднихъ вѣковъ [1]).

И въ дневникѣ Гордона попадаются данныя, подтверждающія наши результаты о чрезвычайно высокихъ цѣнахъ на колоніальные товары. Особенно достойна вниманія записка, относящаяся къ 1695 году. Тутъ сказано, сколько Гордонъ заплатилъ, покупая корицы, рису, оливковаго масла, гвоздики, мушкатнаго цвѣту, черносливу, изюму, имбирю, перцу, миндалю, мушкатнаго орѣху, кориновъ и пр. [2]). Цѣны этимъ товарамъ у Гордона совпадаютъ съ показаніями у Никона и Кильбургера.

Между тѣмъ какъ драгоцѣнныя ткани въ хозяйствѣ Никона занимали самое видное мѣсто, покупка иностранныхъ виноградныхъ винъ играетъ весьма важную роль между расходами Гордона. Нѣтъ сомнѣнія, что французскія и испанскія вина, доставляемыя въ Россію, обходились въ то время гораздо дороже, чѣмъ впослѣдствіи. Гордонъ упоминаетъ о стоимости разныхъ бочекъ съ виномъ (Oxhoft, Pipe и т. под.); одна бочка вина стоила 38 руб., другая 48 руб., т. е. цѣнность бочки вина равнялась 100 четвертямъ ржи. Потребленіе этихъ напитковъ было роскошью. Такъ какъ, однако, ничего не сказано о ёмкости бочекъ и о сортѣ ихъ винъ, мы не можемъ опредѣлить точно отношенія цѣнъ этому товару въ концѣ XVII вѣка къ цѣнамъ нынѣшняго столѣтія.

Скажемъ еще два слова объ апельсинахъ и лимонахъ. Эти фрукты еще въ концѣ XVII вѣка считались роскошью, особеннымъ лакомствомъ. Никонъ и Кильбургеръ не говорятъ о нихъ вовсе. За то Гордонъ нѣсколько разъ въ своемъ дневникѣ упоминаетъ о томъ, что или самъ подарилъ кому-то, или получилъ въ подарокъ нѣсколько штукъ апельсиновъ или лимоновъ [3]). Также и въ сочиненіи Корба о Россіи, написанномъ въ 1699 году, разсказано между прочимъ, что кто-то изъ высшихъ русскихъ сановниковъ подарилъ секретарю австрійскаго посольства три лимона, причемъ упомянуто о томъ, какъ о весьма щедромъ подаркѣ [4]). Изъ переписки

---

[1]) См. Büschings Magazin, III, 306, 307. О чаѣ. 271.

[2]) Tagebuch Gordons, II, 512.

[3]) Tagebuch Gordons, II, 348 и 459.

[4]) Diarium itineris in Moscoviam, 4-го—5-го іюля 1698 года.

между Петромъ Великимъ и Екатериною видно, что и они тогда посылали другъ другу въ подарокъ по нѣскольку лимоновъ и апельсиновъ. Къ сожалѣнію, намъ нигдѣ не попадались показанія о цѣнахъ этимъ фруктамъ въ эпоху Петра Великаго. Нѣтъ сомнѣнія, что они стоили гораздо дороже, чѣмъ теперь. Вообще, какъ кажется, свѣжіе фрукты въ то время были рѣдкимъ исключеніемъ. О дыняхъ, виноградѣ и пр. въ XVIII столѣтіи говорится гораздо чаще, чѣмъ въ XVII.

Стоимость книгъ въ 1649 году.

Лѣтомъ 1648 года, по приказанію царя Алексѣя Михайловича, началась кодификаціонная работа, составленіе «Уложенія». Впродолженіе трехъ мѣсяцевъ редакціонная коммиссія успѣла окончить свой трудъ. Затѣмъ проектъ новаго свода законовъ, начиная съ октября 1648 года до января 1849 года, читался въ соборѣ. Послѣ утвержденія всего проекта, 29-го января 1649 года, можно было приступить къ печатанію «Уложенія». Въ 1649 году явилось не менѣе трехъ изданій, затѣмъ были напечатаны еще другія русскія изданія и переводы «Уложенія» на латинскій, французскій и нѣмецкій языки.

Сохранился списокъ всѣмъ расходамъ при печатаніи перваго изданія «Уложенія». Онъ напечатанъ въ «Сборникѣ Археологическаго Института» (т. II, стр. 21—23). Отсюда мы заимствуемъ разныя данныя о техникѣ дѣла въ типографскомъ искусствѣ и о стоимости всѣхъ матеріаловъ, употребленныхъ при этомъ случаѣ.

«Уложеніе» въ «Полномъ Собраніи Законовъ» занимаетъ 80 страницъ, т. е. 160 столбцовъ; значитъ, эта книга въ особомъ изданіи обнимала около 16 — 20 печатныхъ листовъ небольшаго формата, in octavo. Первое изданіе печаталось въ числѣ 1,200 экземпляровъ. Расходы составляли сумму 952 р. (= 18,000 р. нынѣ). Болѣе половины этой суммы истрачено на покупку бумаги, а именно 506 р. (= 10,000 р. нынѣ); рабочая плата наборщикамъ, переплетчикамъ и проч. составляла сумму 320 р. (= 6,000 р. нынѣ); на разные предметы израсходовано 120 р. (= 2,000 р. нынѣ).

Послѣдняя группа расходовъ достойна особеннаго вниманія. Изъ составныхъ частей этой суммы видно, съ какими хлопотами и неудобствами было сопряжено въ то время типографское дѣло и какъ слабо было развито раздѣленіе труда въ области промышленности. Между тѣмъ какъ въ настоящее время существуютъ фабрики для приготовленія типографскихъ чернилъ, московская типографія, въ 1649 году, должна была сама готовить этотъ предметъ; для этой цѣли были куплены на рынкѣ разные товары, напримѣръ, 16 фунтовъ киновари (по 35 коп.), 70 кувшиновъ «руды» на чернила

(по 2½ коп.), 2 фунта бѣлилъ (12 коп.), фунтъ камеди (6 коп.), 2 лукошка золы на щелокъ (42 коп.) и пр. Также и щетки не покупались въ готовомъ видѣ, а дѣлались въ самой типографіи. Для этой цѣли было куплено 7 «гривенокъ щетинъ на щети» (по 16 коп.), 6 гривенокъ смолы «на щети» (9 коп.) и т. п. Кромѣ того, куплено множество предметовъ, необходимыхъ въ то время для печатанія книгъ, а именно: 3,600 гвоздей (по 18 коп. тысяча), «136 борановъ голизныхъ на матицы» (по 14 коп.), 36 тетрадей «харатьи на ѳрашкеты» (по 2 коп.), «пудъ 30 гривенокъ масла коровья на масляные листы и станомъ на подмаску» (по 2 коп.), «267 аршинъ съ полуаршиномъ холстовъ на отвологи» (по 2½ коп.), «ведро олиѳы» (1 руб. 50 коп.), «полосмины муки пшенишной на клестеръ» (18 коп.), «8 суконъ на тимпаны» (32 коп.), «мешокъ вуглей» (25 коп.), 4 сажени желѣза «на граѳи» (4 коп.), 20 пучковъ мочалъ (12 коп.), 13 веревокъ «подвязывать пьямы» (по 1 коп. «вожжи»), «куски вапелка» (6 коп.).

Къ сожалѣнію, не сказано, сколько рабочихъ трудилось надъ печатаніемъ «Уложенія». О рабочей платѣ сказано: «12 становъ наборщикамъ и разборщикамъ и тередовщикамъ и батейщикамъ на полтора мѣсяца и на два дни, по ихъ окладомъ, положено 270 рублевъ 4 алтына, да справщикамъ и подьячимъ и всякаго разнаго чина людямъ и сторожамъ 1 р. 25 коп.». Нѣтъ сомнѣнія, что рабочихъ было очень много. Во-первыхъ, это видно по весьма значительной цифрѣ расходовъ на рабочую плату, а, во-вторыхъ, по кратковременности работы.

Наконецъ, еще упомянуто о разныхъ мелкихъ расходахъ: «Да неросписныхъ расходовъ — на дрова и на уголье и на олово — на угаръ, и на всякіе дворовые расходы, на бумагу и на чернила писщіе и на всякіе становые покупки — на желѣзо и на мѣдь и отъ прасовнаго реховнаго (?) и всякіе становые починки, и на книжный переплетъ—что государю подносятся и патріарху, и мастеровымъ людямъ на калачи и попу мироносицкому на молебенъ и на свѣчи восчаныя и въ правильню на свѣчи сальныя и рѣзцу— 24 р. 91½ коп.». Какъ видно, счастливое довершеніе работы праздновали богослуженіемъ и раздачею калачей. Далѣе мы узнаемъ, что царю было поднесено «6 книгъ въ переплетѣ по обрѣзу золотомъ да 3 книги въ простомъ переплетѣ, да государева жалованья отнесено патріарху 2 книги въ переплетѣ по обрѣзу золотомъ, да книга въ простомъ переплетѣ, да государева жалованья дано справщикамъ: черниговскому протопопу Михаилу, да Ивану Васильеву, да старцу Саватью, да Шестому, да Захару по книгѣ человѣку безденежно. Итого 5 книгъ».

По окончаніи печатанія книги оказалось необходимымъ почему-то перепечатать нѣкоторую часть ея («судныхъ дѣлъ»), что, разумѣется, было сопряжено съ хлопотами и расходами. До этого

эпизода стоимость каждаго экземпляра составляла 69 коп., послѣ перепечатанія экземпляръ «Уложенія» обходился казнѣ $79^1/_2$ коп.

Мы не знаемъ, по какой цѣнѣ «Уложеніе» продавалось публикѣ; едва ли дешевле 1-го рубля, такъ какъ расходы составляли безъ малаго 80 копѣекъ.

Значитъ цѣна этой небольшой книжки, весьма важной для всѣхъ и каждаго, обнимавшей всего около 300 небольшихъ страницъ, равнялась тогдашней цѣнѣ $2^1/_2$ четвертей ржи или тогдашней цѣнѣ 45-ти саженей бревенъ и т. п.; $2^1/_2$ четверти ржи обходятся въ настоящее время 20 рублей; столько же, если не больше, стоятъ теперь 45 саженей бревенъ. Принимая во вниманіе, что книжку, въ объемѣ «Уложенія», въ настоящее время можно купить за 1 рубль, мы приходимъ къ результату, что книги около половины XVII вѣка стоили въ 20 разъ дороже, чѣмъ теперь [1]).

Почтовая такса.

Начало почтоваго сообщенія Россіи съ Западною Европою относится къ 1665 году. Тогда-то именно тотъ самый голландецъ Іоганъ фонъ-Шведенъ, который въ Москвѣ завелъ первую писчебумажную фабрику, сдѣлалъ правительству предложеніе доставлять въ тайный приказъ, своими людьми, на своихъ лошадяхъ вѣдомости изъ-за границы чрезъ Ригу. За это онъ получалъ отъ правительства 1,200 рублей въ годъ (около 20,000 р. въ настоящее время). Вскорѣ послѣ этого явилось распоряженіе объ отправленіи оффиціальныхъ бумагъ черезъ почту, устроенную Іоганомъ фонъ-Шведеномъ; къ почтовому движенію привлечена была и купеческая корреспонденція [2]).

Немного позже въ Россію прибылъ Кильбургеръ, въ сочиненіи котораго встрѣчаются нѣкоторыя данныя о почтѣ. Онъ пишетъ: «По вторникамъ, въ вечеру, почта отправляется въ Новгородъ, Псковъ, Ригу и проч. Она бываетъ въ дорогѣ между Москвою и Ригою отъ 9 до 11 дней. Такса за одинъ золотникъ до Новгорода 6 коп., до Пскова 8 коп., до Риги 10 коп. Эта же почта прибываетъ въ Москву по четвергамъ. Польская почта отправляется чрезъ Вильну по средамъ въ вечеру; съ этой почтой можно отправлять письма во всѣ мѣста Римской имперіи чрезъ Кенигсбергъ. Письма въ Гамбургъ должны быть франкированы до Бер-

---

[1]) Въ соч. Кильбургера (стр. 332) сказано, что въ московской типографіи (въ 1674 г.) было въ ходу постоянно 8 печатныхъ станковъ и что тамъ же можно купить разныя сочиненія, священное писаніе, сочиненія отцовъ церкви, другія книги духовнаго содержанія и «Уложеніе». Къ сожалѣнію, не упомянуто о цѣнѣ этихъ изданій.

[2]) Хрущовъ. «Очеркъ ямскихъ и почтовыхъ учрежденій». Спб., 1884 г., стр. 15.

лина, причемъ за каждый золотникъ приходится платить по 25 копѣекъ. Эта почта бываетъ въ дорогѣ 21 день, т. е. до Гамбурга двумя днями меньше, чѣмъ рижская почта» и проч.[1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что число частныхъ писемъ, отправляемыхъ по почтѣ, въ то время не могло быть значительнымъ, такъ какъ, по разсказу Кильбургера, всѣ частныя письма распечатывались и читались въ Посольскомъ приказѣ.

Другія свѣдѣнія о вѣсовой платѣ мы находимъ въ документѣ временъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей. За письмо изъ Москвы до границы[2]) взималось съ «грамотки» съ золотника по 8 копѣекъ, съ новгородскихъ въ Москву по 4 коп. Изъ Риги во Псковъ съ золотника съ грамотки по 6 коп. и т. п. Съ золотыхъ ефимковъ (sic), пересылаемыхъ чрезъ почту, почта брала съ каждаго ста по 3 ефимка[3]).

При сравненіи тогдашней почтовой таксы съ нынѣшнею, прежде всего нельзя не удивляться тому, что вѣсовою единицею въ то время не былъ лотъ, какъ нынѣ, а золотникъ, т. е. третья часть лота, между тѣмъ какъ при тогдашнемъ состояніи писчебумажной промышленности не было возможности выдѣлывать столь тонкую, легкую почтовую бумагу, какъ въ настоящее время. Поэтому, сравнивая вышепоказанныя цифры: 6 коп., 8 коп., 10 коп., 25 коп. (до Берлина), 4 коп., 6 коп., 8 коп., съ нынѣшнимъ 7-микопѣечнымъ сборомъ за одинъ лотъ, мы должны умножить эти цифры на три для полученія лотовой вѣсовой единицы. Значитъ, за лотовое письмо изъ Новгорода въ Москву платилось 12 коп., т. е. пятая часть стоимости четверти ржи, за которую приходилось бы заплатить въ настоящее время 1 р. 60 к. Значитъ, такса для писемъ изъ Новгорода въ Москву, двумя столѣтіями тому назадъ, была въ 23 раза дороже нынѣшней 7-микопѣечной таксы.

Кильбургеръ пишетъ, что за каждый золотникъ изъ Москвы до Берлина уплачивалось по 25 коп.; это составляетъ 75 коп. за лотъ. За эти деньги тогда можно было купить 1¹/₄ четверти ржи; это количество хлѣба въ настоящее время стоило бы 10 рублей; вмѣсто 10 руб. письмо въ Берлинъ стоитъ 7 коп.; удешевленіе на ¹/₁₄₃.

Русскіе въ то время почти вовсе не отправляли писемъ. Особенно же они не находились въ перепискѣ съ границею. Имъ во-

---

[1]) Büsching's Magazin, III, 320.

[2]) У Хрущова, стр. 17, очевидно, ошибка: «за письма изъ Москвы изъ-за границы».

[3]) Хрущовъ, стр. 17. Къ сожалѣнію, эти свѣдѣнія нѣсколько сбивчивы. Ефимки, т. е. талеры, едва ли могли быть «золотыми». Жаль, что не показаны другія данныя о таксѣ, а сказано «и т. д.». Къ какому году относится этотъ документъ?

все не нравилось учрежденіе почты. Иванъ Посошковъ писалъ въ 1701 году: «Нѣмцы пожаловали, прорубили изъ нашего государства во всѣ свои земли диру, что вся наша государственная и промышленная дѣла ясно зрятъ. Дира же есть сія: сдѣлали почту. А что въ ней великому государю прибыли, про то Богъ вѣсть, а колько гибели отъ той почты во все царство чинится, того и исчислить невозможно. Что въ нашемъ царствѣ ни сдѣлается, то во всѣ земли разнесется; одни иноземцы отъ нея богатятся, а русскіе люди нищаютъ. И почты ради иноземцы торгуютъ, издѣваючись, а русскіе люди—жилы изъ себя изрываючи. А если бы почты иноземной не было, тобъ и торгъ ровный былъ: какъ наши русскіе люди о ихъ товарахъ не знаютъ, такожде и они о нашихъ товарахъ не знали жъ бы, и торгъ бы былъ безъ обиды. Мнѣ мнится, что лучше бы та дира загородить на крѣпко, а крѣпче того нельзя, что почта, буде мочно, то оставить ее вовсе» [1]).

Совсѣмъ иначе къ этому учрежденію относились иностранцы, проживавшіе въ Россіи. Для Патрика Гордона почтовое сообщеніе было необходимостью. Не только изъ писемъ, но и изъ газетъ, получаемыхъ имъ, онъ узнавалъ подробно о современныхъ событіяхъ во всемъ мірѣ и былъ въ состояніи сообщать русскому правительству всевозможныя свѣдѣнія о восточномъ вопросѣ, объ англійской революціи, о войнахъ между Англіей, Франціей и Голландіей и проч. Гордонъ постоянно велъ обширную корреспонденцію. Такъ, напримѣръ, въ 1666 году онъ однажды въ одинъ день написалъ до 17 писемъ; другой разъ въ 1684 году 14 писемъ; въ 1687 году ему случилось однажды въ одинъ день написать не менѣе 25 писемъ. Такъ бывало даже и въ походахъ, точнымъ и отчетливымъ образомъ умѣлъ онъ устроивать дѣло такъ, что во время какого либо путешествія онъ никогда не оставался безъ извѣстій и на главныхъ станціяхъ получалъ и отправлялъ множество писемъ. Онъ зналъ точно, что письмо изъ Москвы въ Гамбургъ бывало въ дорогѣ четыре недѣли, письмо въ Данцигъ три недѣли и т. п. [2]). При дороговизнѣ почтовой таксы, расходы на корреспонденцію въ бюджетѣ Гордона занимали весьма видное мѣсто. По случаю поѣздки въ Англію въ 1666 году, имъ было истрачено не менѣе 74 рублей на корреспонденцію [3]). Этотъ расходъ въ настоящее время, если принять въ соображеніе разницу въ цѣнѣ хлѣба, равнялся бы суммѣ около 1,000 рублей. Получивъ однажды (въ 1689 г.) изъ Шотландіи письма вѣсомъ 7 золотниковъ, онъ долженъ былъ заплатить 189 коп. (=24 рубля нынѣ), другой разъ за письма вѣсомъ 10 зо-

---

[1]) Соч. Посошкова, изд. Погодинымъ, I, 274.

[2]) Tagebuch, I, 406, II, 17, 37, 51, 167, III, 101, II, 254. См. нѣкоторыя подробности въ моей біографіи Гордона, Спб., 1878, стр. 115.

[3]) Тоже I, 631.

лотниковъ 2 р. 70 коп. (= 35 рублей) и т. под. [1]). Въ настоящее время онъ заплатилъ бы вмѣсто 25 или 37 рублей не болѣе, какъ 20 — 30 коп.

И изъ другихъ показаній видно, что почтовая такса двумя столѣтіями назадъ была неимовѣрно высока. Такъ, напримѣръ, въ 29 статьѣ договора, заключеннаго въ 1686 году между Московскимъ государствомъ и Польшею, было опредѣлено, что «на имя ихъ величествъ адресованныя грамоты уплачиваются не по вѣсу, а съ единой грамоты по 2 ефимка» [2]).

Въ 1698 году, было опредѣлено, что письмо отъ Москвы до Верхотурья, до Тюмени и до Тобольска стоило 20 к. съ золотника, до Енисейска, до Красноярска и до Мангазей по 30 коп., до Якутска, до Иркутска, до Нерчинска по 40 коп. и т. п. [3]). Изъ всѣхъ таковыхъ показаній видно, что отправленіе писемъ по почтѣ двумя столѣтіями тому назадъ обходилось во сто разъ дороже, чѣмъ въ настоящее время. Не даромъ русскимъ дипломатамъ при иностранныхъ дворахъ назначались большія суммы на почтовые расходы, напримѣръ, въ 1718 году по 300 и 400 рублей [4]).

Въ настоящемъ очеркѣ мы указали лишь на нѣкоторыя болѣе крупныя явленія въ исторіи цѣнъ. Изъ важнѣйшихъ перемѣнъ, происходившихъ въ этомъ отношеніи, видно, что сближеніе съ Западною Европою служило условіемъ коренной реформы въ области потребленія. Сначала въ этихъ перемѣнахъ участвовали только высшіе классы русскаго общества. Затѣмъ, онѣ затрогивали все болѣе и болѣе и массу народа.

А. Брикнеръ.

[1]) Tagebuch, II, 269. III, 79.
[2]) Хрущовъ, 21.
[3]) Тоже, 26.
[4]) Тоже, 55.

УНИЗИТЕЛЬНЫЙ ТОРГЪ.

(По бумагамъ Евг. Венц. Пеликана).

«Кто изъ васъ безъ грѣха, пусть первый броситъ въ нее камень».
Іоан. VIII, 7.
«Горе міру отъ соблазновъ».
Матѳ. XVIII, 7.

РЕДМЕТЪ, котораго мы намѣрены коснуться въ этой статьѣ, въ настоящее время часто обсуживается и занимаетъ вниманіе друзей человѣчества, но онъ столько же важенъ, сколько и щекотливъ.

То, что мы далѣе предложимъ читателю, пишется отнюдь не для удовлетворенія чьего бы то ни было безплоднаго любопытства, а предлагается какъ историческій матеріалъ, достойный благосклоннаго вниманія людей, сострадающихъ положенію молодыхъ существъ, которыя дѣлаются предметомъ унизительнаго торга.

Въ наши дни вопросъ о торговлѣ женскою красотою получилъ въ Петербургѣ особенное оживленіе. Имъ энергически занялся одинъ изъ здѣшнихъ реформатскихъ пасторовъ, г. Дальтонъ, съ которымъ по этому поводу видѣлись извѣстные представители ежедневной печати и сдѣлали о его мѣропріятіяхъ свои отчеты, отличающіеся, впрочемъ, большою нерѣшительностію. Можно думать, что какъ будто г. пасторъ Дальтонъ не сообщилъ имъ ничего новаго и не убѣдилъ ихъ въ томъ, что онъ можетъ искоренить старое вѣковое зло, противъ котораго онъ ополчился, имѣя на то существенныя поддержки. Потому теперь нелишне будетъ припомнить, чтò въ этомъ родѣ было сдѣлано ранѣе. Можетъ быть,

это на что нибудь пригодится г. пастору или другимъ лицамъ образованнаго имъ союза.

Судя по тому, что̀ намъ довелось читать о намѣреніяхъ пастора Дальтона очистить русскую столицу отъ женщинъ, промышляющихъ своею красотою, газетные публицисты говорятъ неясно, такъ что не всегда поймешь: идетъ ли дѣло о томъ, чтобы охранить женщину отъ истязаній непосильной борьбы, приводящей ее иногда къ рѣшимости торговать собою, или дѣло идетъ только объ удаленіи извѣстнаго рода лицъ долой съ глазъ. Безъ сомнѣнія, сказанная неясность легко можетъ происходить отъ малаго знакомства съ дѣломъ газетныхъ писателей. Самъ г. пасторъ, конечно, хорошо знаетъ, чего онъ хочетъ и чего, безъ всякаго сомнѣнія, онъ надѣется достичь. Мы, съ своей стороны, не можемъ поднести ему для большихъ успѣховъ его дѣла «ни сребра, ни золота» (Дѣян. ап., III, ст. 6), но предлагаемъ, «что имѣемъ». Это маленькій секретъ о томъ, какъ смотрятъ на торговлю женщинами въ одномъ пунктѣ россійскихъ владѣній, который имѣетъ полное основаніе считаться «главнѣйшимъ портомъ наводняющаго Россію германскаго разврата». Пунктъ этотъ нашими нынѣшними моралистами, кажется, упущенъ изъ вида, а между тѣмъ онъ очень важенъ для занимающаго ихъ дѣла и относится къ нему какъ главнѣйшій притокъ къ тому мутному пруду, который наши моралисты желаютъ очистить. Мы говоримъ о городѣ Ригѣ, который по своей развращенности занимаетъ первое мѣсто въ Европѣ и представляетъ собою главный женскій рынокъ въ россійскихъ предѣлахъ.

Такимъ образомъ въ предлежащей статьѣ нашей мы преслѣдуемъ двѣ цѣли: 1) сдѣлать извѣстнымъ доселѣ неизвѣстный любопытный документъ, имѣющій историческое значеніе, и 2) послужить имъ какъ опытомъ для соображеній нашихъ моралистовъ, озабоченныхъ нынѣ освобожденіемъ столицы отъ продажныхъ женщинъ. Обѣ эти цѣли, надѣемся, нимало не предосудительны, и ни одинъ нравственный и здравомыслящій человѣкъ навѣрно не увидитъ въ нашей статьѣ ничего противорѣчащаго требованіямъ доброй нравственности. По крайней мѣрѣ, мы такъ понимаемъ то, за что беремся съ полнымъ спокойствіемъ строго вопросившей себя совѣсти.

Въ пріобрѣтенныхъ мною бумагахъ покойнаго Евгенія Венцеславича Пеликана я нашелъ нижеслѣдующій любопытный документъ, свидѣтельствующій о взглядѣ, какой имѣли на торговлю женщинами должностныя лица нѣмецкаго происхожденія въ городѣ Ригѣ, черезъ который производилась и до сихъ поръ производится главная транзитная торговля молодыми дѣвушками нѣмецкаго происхожденія, ввозимыми въ Россію.

«Приморскій торговый городъ, привлекая къ себѣ множество бездомныхъ и зажиточныхъ людей, особенно во время навигаціи, представляетъ болѣе удобствъ для разврата, нежели города внутри имперіи. Мѣстное начальство сознаетъ это зло неизбѣжнымъ въ нынѣшнемъ устройствѣ гражданскихъ обществъ и дозволило учрежденіе такихъ заведеній, въ коихъ начальство можетъ наблюдать надъ развитіемъ этого промысла и наказывать обманъ, буйство и всякаго рода другія преступленія, неизбѣжныя при разгулѣ. Учрежденія эти раздѣляются въ Ригѣ на различные классы». (Въ названныхъ учрежденіяхъ въ Ригѣ не только не возбраняется торговля спиртными напитками, но, напротивъ, тамъ эта торговля регулирована и не пропадаетъ для фиска. Въ «учрежденіяхъ», дозволяемыхъ въ видахъ «уменьшенія пагубныхъ слѣдствій», есть настоящіе буфеты, гдѣ можно получать питья и закуски, и эти буфеты торгуютъ съ патентами и платятъ фискъ, — чего въ Россіи не допускается по зазорности).

Остзейская записка доводитъ, что это «неизбѣжно», и что иначе въ Ригѣ было бы даже и невозможно.

«Едва только корабль входитъ въ портъ, какъ матросы тотчасъ осаждаютъ дома низшаго разряда, и если бы въ городѣ не было этихъ учрежденій, то, конечно, матросы не оставили бы ни одной проходящей женщины въ покоѣ». (Обстоятельство это обращало на себя вниманіе лорда Редстока, который собирался въ Ригу съ проповѣдью, чтобы исправить описываемую разнузданность моряковъ. Кажется, онъ даже и пріѣзжалъ сюда и проповѣдывалъ, но ничего не успѣлъ). «Конечно, въ Ригѣ, кромѣ открытыхъ учрежденій, есть женщины, промышляющія тѣмъ же самымъ privatim, но эти женщины, живущія на вольныхъ квартирахъ, ведутъ свои дѣла такъ скрытно, что не всегда удается вскорѣ ихъ открыть».

Теперь перемѣняется валъ, и въ отместку русскимъ, затѣвавшимъ морализацію главной ярмарки разврата, ставится morçeau изъ другой оперы.

Остзейская администрація живописуетъ слѣдующее:

«Кромѣ того, есть еще особая степень разврата, преимущественно между русскимъ народонаселеніемъ Риги, одобряемая обычаемъ и даже религіозными понятіями: это такъ называемое наложничество, или «дикій бракъ» между раскольниками. Русскія дѣвушки выбираютъ себѣ между русскими же молодыми людьми такъ называемаго «друга», или имѣютъ съ нимъ сношенія подъ предлогомъ хозяйничанья, мытья бѣлья и т. д.».

Это чистѣйшая нелѣпость. Рижскіе староверы держатся смѣшаннаго ѳеодосіево-поморскаго толка, гдѣ развратъ не поощряется. Брака нѣтъ (ибо «рука освященныхъ розсыпалась»), но есть «союзъ благословенный» и есть завѣтъ: «отецъ буди, а не прелюбодѣй». Развратные люди здѣсь есть какъ вездѣ, но обычай этого не одо-

бряетъ. Нѣмецкій авторъ, очевидно, вовлеченъ въ заблужденіе русскими писателями и ораторами, которые въ пылу ревности своей часто вымышляли на всѣхъ сектантовъ ложные слухи о самомъ чудовищномъ развратѣ. Это говорили о всѣхъ—какъ о простолюдинахъ, такъ и о людяхъ образованныхъ,—о поморахъ, о ѳедосеянахъ, о хлыстахъ, о молоканахъ, о штундистахъ, о братьяхъ Мышецкихъ, о Татариновой и даже о Редстокѣ. (См. романъ кн. Мещерскаго «Лордъ-апостолъ»). Но все это, по правдѣ говоря, такой вздоръ, за который бы надо краснѣть тѣмъ, кто эти пошлости выдумывалъ. Однако, если подобные пустяки, не конфузясь, возводили на своихъ людей князья въ имени Мещерскаго и профессора, въ родѣ Муллова (см. «Сводные браки въ Россіи»), то не станемъ негодовать, что такое понятіе о нашихъ людяхъ имѣетъ иноплеменникъ и иновѣрецъ, которому труднѣе, чѣмъ Муллову, разобрать разницу между «союзомъ благословеннымъ» и «дикимъ бракомъ».

«Терпимыя учрежденія города Риги рекрутируются дѣвушками изъ-за границы и преимущественно изъ Пруссіи».

Отсюда собственно начинается любопытная характеристика привозной торговли.

«Дѣвушки, привозимыя изъ Пруссіи, по большей части, очень хороши собою и всегда молоды. Судьба всѣхъ ихъ почти одинакова. Принадлежа къ бѣднымъ семействамъ, онѣ не получили никакого образованія (это неточно) и провели свою первую молодость въ городахъ, въ званіи кухарокъ, служанокъ, швей. Окруженныя праздною городскою молодежью и не имѣя никакихъ нравственныхъ правилъ, онѣ часто даже не понимаютъ всего значенія ужаснаго шага, на который рѣшаются. Всѣ онѣ теряютъ свою дѣвическую невинность безъ страсти и безъ увлеченія любви, просто по легкомыслію. Обольщенныя подарками или уговоренныя ловкими и развратными старухами, которыя представляютъ имъ въ своихъ разсказахъ счастливую будущность, жизнь свободную отъ труда и исполненную удовольствія, дѣвушки очень легкомысленно позволяютъ продать себя, даже за очень ничтожныя деньги, и потомъ уже не могутъ удержаться и легко завлекаются въ разставленныя для нихъ ловушки. Главная хитрость старухъ-вербовщицъ состоитъ въ томъ, чтобы втянуть легкомысленныхъ дѣвушекъ въ долги, и тутъ дорогъ только первый шагъ. Обыкновенно старухи возбуждаютъ въ молодыхъ и хорошенькихъ дѣвушкахъ страсть къ нарядамъ, и начинаютъ это съ того, что дарятъ имъ какія нибудь нарядныя бездѣлки. Потомъ снабжаютъ ихъ деньгами взаймы на покупку платьевъ и украшеній, потомъ открываютъ имъ кредитъ у другаго подставнаго лица,—у торговки или у торговца, которые всѣ дѣйствуютъ вмѣстѣ и за одно, чтобы запутать и свертѣть въ узелъ неосторожную щеголиху. Иногда берутъ въ союзъ еще и молодаго человѣка, который является въ качествѣ

жениха, желающаго только того, чтобы представить избранницу своего сердца своимъ достопочтеннымъ родственникамъ... Дѣвушка тянется изо всѣхъ силъ, чтобы пріодѣться... но для этого ей приходится прежде совсѣмъ раздѣться и... затѣмъ она брошена и пошла на женскій рынокъ... Есть и такіе благодѣтели, которые помогаютъ деньгами родителямъ дѣвицъ и въ короткое время запутаютъ все семейство и поставятъ его въ такую отъ себя зависимость, что ему нѣтъ возможности извернуться иначе, какъ пожертвовавъ гибелью одной изъ тѣхъ, на чью гибель, можетъ быть, сквитована сдѣлка съ коварной кредиторшею. Тутъ, съ одной стороны, пускаютъ въ ходъ угрозы процессомъ, тюрьмой и разореніемъ, а съ другой—указываютъ путь къ спасенію отправленіемъ дочери въ Россію, гдѣ всего такъ много, все такъ легко достается, всѣ щедры и богаты и гдѣ притомъ нѣмецкія женщины скромнаго званія нерѣдко достигали высокихъ положеній въ обществѣ. Обманъ удается, и дѣвушку увозятъ въ Россію, на порогѣ которой стоитъ Рига съ притокомъ всякой пьяной и буйной сволочи. Семья, можетъ быть, и понимаетъ, что̀ ждетъ туристку, но закрываетъ глаза и не хочетъ объ этомъ много думать. Напуганное семейство все еще надѣется, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ отъѣзжающая дѣвушка, хоть поступится своею честью, за то, можетъ быть, и сама устроится и станетъ источникомъ счастія для прочихъ. А межъ тѣмъ, пока старики утѣшаютъ себя такими мечтами и тихо оплакиваютъ дочь, торговка дѣвицами увозитъ свое пріобрѣтеніе въ германскій городокъ, гдѣ она «сбиваетъ партію», и вскорѣ повезетъ ихъ къ цѣли цѣлою партіей». Но пока дѣвушка дѣлается изъ легкомысленницы холодною публичною развратницею, она еще перенесетъ много. Остзейскій авторъ разсуждаетъ такъ:

«Если Россія, при своей любви ко всему иностранному, представляетъ обширное поприще для всякаго рода нѣмецкихъ спекулянтовъ, то для иностранныхъ женщинъ она воображается истинно золотымъ краемъ. Русская щедрость хорошо извѣстна нѣмецкимъ женщинамъ по русскимъ путешественникамъ, которые за все платятъ дороже прочихъ. Кромѣ того, дѣвушки часто слышатъ, что тотъ или другой изъ отъѣхавшихъ въ Россію нѣмцевъ составили себѣ тамъ состояніе. Также точно нерѣдко обезпечиваются и нѣмецкія женщины, сначала проданныя въ развратъ. Въ Германіи такія карьеры почти невозможны, и слухи о нихъ, конечно, дѣйствуютъ обольстительно на молодое воображеніе дѣвушки, которая видитъ, что она уже попалась, и томится въ безнадежномъ и дешевомъ нѣмецкомъ вертепѣ. Въ этихъ вертепахъ тоже иногда говорятъ о добросердечіи русскихъ, о ихъ снисходительномъ обращеніи и о ихъ сравнительной щедрости. А потому очень естественно, что дѣвушки, проживъ нѣсколько времени въ терпимыхъ учрежденіяхъ большихъ заграничныхъ нѣмецкихъ городовъ, по-

лучаютъ непреодолимую охоту ѣхать въ Россію. Тогда по взаимному согласію самой дѣвушки и ея родителей съ торговками, поставляющими женщинъ на вывозъ, заключается уговоръ и дѣвушки берутъ паспортъ въ Россію».

Этимъ кончается первый актъ, и нѣмецкія дѣвы пускаются въ Россію. Но теперь интересно, какъ совершается самое это путешествіе. Оно тоже очень характерно и любопытно, какъ черта особыхъ нравовъ и особенной, быть можетъ, чисто нeмѣцкой практичности.

«Получивъ паспортъ, отъѣзжающая дѣвушка обыкновенно къ сдѣланнымъ уже долгамъ прибавляетъ еще новые, на закупку необходимыхъ дорожныхъ вещей. (Ей въ этихъ обстоятельствахъ даютъ довольно свободный кредитъ, который и идетъ за нею, при ея статейномъ спискѣ, въ Россію). Дѣвушки принаряжаются и потомъ ихъ антрепренеры собираютъ ихъ въ партію и отправляютъ въ путь караванами. (Надо вспомнить, что разсказъ относится къ прошлому времени, когда нѣмецкихъ дѣвицъ еще ввозили въ Россію транзитомъ въ брикахъ). Чтобы не упустить ничего, чѣмъ только можно воспользоваться, транспортеры, везущіе этихъ путешественницъ, останавливаютъ свой живой товаръ въ людныхъ мѣстностяхъ на отдыхъ и не упускаютъ случаевъ тутъ поторговать ими. Этимъ способомъ имъ удается иногда возмѣщать дорожныя издержки такъ удачно, что весь путевой расходъ дѣвушки сами и окупаютъ и сами ничѣмъ отъ этого не пользуются. Это бенефисы ихъ торговцевъ». Такимъ образомъ онѣ пріѣзжаютъ въ Ригу, гдѣ собственно начинается уже ихъ настоящая, желанная карьера, которой онѣ ждали, чтобы выбиться изъ нѣмецкой дешевизны. Отсюда же начинаются и мѣропріятія, выражающія благопопеченія остзейскихъ властей. «Въ Ригѣ къ дѣвицамъ тотчасъ являются содержательницы здѣшнихъ терпимыхъ учрежденій, осматриваютъ дѣвушекъ,расцѣниваютъ ихъ и дѣлаютъ изъ нихъ подходящій выборъ (причемъ происходитъ нѣчто въ родѣ извѣстной русской «вязки»). Затѣмъ объявляютъ о совершенной сдѣлкѣ частному приставу. Приставъ прежде утвержденія условія разспрашиваетъ обо всѣхъ предметахъ, означенныхъ въ инструкціи (эта инструкція очень подробна и обширна), и отвѣты дѣвушекъ вноситъ въ протоколъ. Что же касается до суммы, которую рижская хозяйка должна выплатить торговкѣ, которая доставила дѣвицъ изъ-за границы, то новопринимаемая дѣвушка сама должна разсказать, сколько она задолжала и за что именно. Ежели содержательница, торговка и рекрутируемая дѣвушка—всѣ три согласны въ счетахъ, и въ виду полиціи нѣтъ ничего противнаго инструкціи, то новопринятыхъ иностранокъ представляютъ полицеймейстеру. Представляясь этому начальнику, дѣвушки должны имѣть съ собою книги, въ коихъ прописанъ весь актъ ихъ принятія въ терпимое учрежденіе. Полицей-

мейстеръ самъ снова опрашиваетъ каждую по инструкціи и, убѣдившись въ полномъ согласіи дѣвушки имѣть извѣстную практику, дозволяетъ содержательницѣ выплатить за нее заграничной торговкѣ условленныя деньги и принять ее къ себѣ въ учрежденіе. Этимъ сдѣлка заключается, и для заграничной дѣвушки начинается второй періодъ ея практики».

Отсюда остзейская записка измѣняетъ тонъ и вмѣсто реальной правдивости, какая была видна въ ней до сихъ поръ, пока она описывала обстоятельства, приводящія германскую дѣвушку къ рѣшимости торговать своею красотою, мы теперь увидимъ своего рода административный сентиментализмъ и холодное пустословіе, за которыми довольно ясно сквозитъ сердечная жостокость и потворство произволу антрепренеровъ унизительнаго торга женщинами.

«Въ Ригѣ жизнь дѣвушекъ довольно сносна. Онѣ непосредственно подчинены г. генералъ-губернатору (я не знаю, что̀ это значитъ, и ничѣмъ сказаннаго пояснить не могу). Надзоръ за ними ведутъ г. полицеймейстеръ и частные пристава. Доходы и расходы подвергнуты строгому контролю и записываются въ вышеупомянутую книгу, находящуюся въ рукахъ каждой изъ нихъ. Изъ этихъ книгъ тотчасъ можно видѣть, если имъ причинена будетъ какая нибудь обида. Полицеймейстеръ самъ посѣщаетъ ихъ и самъ разспрашиваетъ каждую, не имѣютъ ли онѣ какихъ либо жалобъ. Докторъ посѣщаетъ ихъ каждую недѣлю».

«Такъ какъ весьма рѣдко случается, чтобы дѣвушки приносили жалобы на несправедливость или притѣсненія, имъ сдѣланныя, то изъ этого можно заключить, что онѣ довольны своимъ положеніемъ (?!). Но, тѣмъ не менѣе, онѣ позволяютъ себѣ употреблять всевозможныя средства—освободиться отъ долговъ, привязывающихъ ихъ къ учрежденію, гдѣ онѣ находятся. Для этого онѣ являются иногда къ пасторамъ, съ изъявленіемъ желанія перемѣнить родъ жизни, или употребляютъ иныя средства». Въ числѣ этихъ средствъ записка указываетъ на то, что часто получаются жалобы отъ родителей дѣвицъ, что они отпустили свою дочь въ Россію искать себѣ мѣсто служенія и т. п., а узнали, что она находится въ публичномъ домѣ. Родители просятъ взять ихъ дочь изъ этого позорнаго мѣста и выслать ее къ нимъ на родину. Просьбы эти бываютъ жалобны, но все напрасно. Напрасно часто повторяютъ поговорку про Москву, что «Москва слезамъ не вѣритъ», не вѣрятъ слезамъ и въ Ригѣ. Остзейская записка продолжаетъ: «опытъ многократно доказалъ, что эти желанія отнюдь не есть искреннія и что родители сами забрали денегъ на счетъ дочери, а домогательство ихъ есть просто претекстъ, чтобы дѣвушкѣ жить на волѣ съ любовникомъ». Эти заботы и эти «претексты» не пользуются снисхожденіемъ составителей остзейской записки. Напротивъ, записка ихъ опровергаетъ и обличаетъ ихъ недостоинство. «Публичная дѣвушка (продолжаетъ

записка) рѣдко отвыкаетъ отъ привычки къ разврату и, живя даже внѣ учрежденія, она не перестаетъ попрежнему предаваться безпорядочности съ кѣмъ попало. Можетъ быть, на это замѣтятъ: неужели нѣтъ вовсе средствъ къ исправленію этихъ несчастныхъ, и ни одна изъ нихъ не желаетъ чистосердечно оставить поприще разврата? Трудно узнать искренность этого желанія, но если начальство дѣйствительно желаетъ въ томъ удостовѣриться, то здѣсь есть довольно средствъ не только къ избавленію ихъ отъ долговъ, но даже и къ доставленію имъ средствъ возвратиться на родину, условіе неизбѣжное, если онѣ дѣйствительно желаютъ исправиться. Для этой цѣли учреждены въ заведеніяхъ кру̀жки, куда приходящіе кладутъ свои добровольныя приношенія на вспомоществованіе содержащихся въ заведеніи дѣвушекъ. Сумма, собираемая изъ этихъ кру̀жекъ, хранится въ полиціи и изъ оной оказывается имъ въ случаѣ надобности пособіе». (Къ сожалѣнію, остзейская записка не указываетъ, какъ велика бываетъ эта сумма и сколько ея поступило за все то время, какъ Рига сдѣлалась транзитнымъ пунктомъ, черезъ который Германія доставляетъ въ Россію своихъ женщинъ для извѣстнаго торга. Это было бы очень любопытно знать). «Но если же слѣпо вѣрить разсказамъ и тотчасъ же, безъ точнаго изслѣдованія, по одному только желанію дѣвушекъ, освобождать ихъ отъ долговъ хозяйкамъ, то, конечно, всѣ дѣвушки пожелаютъ уйдти отъ хозяекъ, а если допустить это и позволить имъ руководствоваться капризами (sic), то невозможно будетъ содержать подобныхъ заведеній».

Вотъ бѣдствіе и вотъ забота, по истинѣ достойная вниманія властей!

Далѣе идутъ статьи о расходахъ. Нѣкоторыя изъ дѣвицъ привозятъ съ собою изъ-за границы порядочный верхній гардеробъ (платья), но всѣ онѣ почти всегда не имѣютъ бѣлья, а оно составляетъ необходимость и вызываетъ немаловажный расходъ [1]).

Замѣчательно, что полиція въ Ригѣ не только регламентируетъ все, что касается мѣстной утилизаціи привозныхъ дѣвушекъ, но даже какъ бы входитъ въ заботы о томъ, чтобы товаръ, назначаемый для мѣстныхъ надобностей, былъ вполнѣ хорошаго свойства, а все худшее или приходящее въ упадающее состояніе бракуетъ и указываетъ достойное мѣсто сбыта для брака.

Читаемъ въ запискѣ:

---

[1]) Самая «инструкція» въ Ригѣ требуетъ отъ дѣвушки извѣстнаго туалета для извѣстнаго случая, такъ, напримѣръ, по 34 § «Правилъ» дѣвушка за ослушаніе инструкціи «должна мести улицы въ бальномъ платьѣ». Если же у нея не будетъ «бальнаго платья», то, стало быть, пунктъ этотъ не можетъ быть выполненъ съ тѣмъ эффектомъ, на какой онъ разсчитанъ.

Въ инструкціи этой есть много любопытнаго, да не все оттуда можно привесть. Такъ, напримѣръ, за то же самое, за что дѣвушка «должна мести улицы въ

«Если замѣчено будетъ, что которая нибудь изъ дѣвушекъ старѣетъ, теряетъ красоту и утрачиваетъ свѣжесть лица и здоровья, или если которая нибудь заболѣваетъ и болѣзнь не дозволяетъ ей продолжать заниматься ея промысломъ, то полиція принимаетъ мѣры къ ея освобожденію. Обыкновенно полиція прибѣгаетъ въ этихъ случаяхъ къ такой хитрости: она подсылаетъ кого нибудь къ дѣвушкѣ съ предложеніемъ выкупа и по уплатѣ ея долговъ ей даются средства возвратиться на родину». (Сколько великодушія и вниманія обнаруживаетъ такимъ образомъ рижская полиція по отношенію несчастныхъ инвалидовъ разврата,—это можетъ оцѣнить всякій. Добрѣе и великодушнѣе трудно и быть при такомъ множествѣ отслуживающихъ женщинъ, сколько ихъ есть въ Ригѣ, но что все это правда, тому, должно быть, надо вѣрить, потому что было бы большою наглостью, если бы авторъ записки писалъ все это ложно, впутывая сюда не только полицеймейстера, но и генералъ-губернатора). «Это (т. е. подсылъ и выводъ) дѣлается съ той цѣлью, чтобы отнять у промышляющихъ своею красотою дѣвушекъ средства избавляться ложью отъ своего, хотя несчастнаго, но неизбѣжнаго состоянія (sic). Во все время своего пребыванія въ здѣшнихъ учрежденіяхъ дѣвушки постоянно питаютъ надежду какимъ нибудь образомъ уплатить свои долги и освободиться отъ надзора и контроля, коему они подвергнуты въ Ригѣ, или переѣхать въ Петербургъ, или, наконецъ, быть взятой кѣмъ нибудь на попеченіе».

«Достигшія послѣдней цѣли отнюдь, однако, не дѣлаются степеннѣе. Многія изъ дѣвушекъ сами иногда уплачиваютъ всѣ свои долги хозяйкѣ или бываютъ кѣмъ нибудь выкуплены, можно сказать, изъ добродушія, и, бо́льшею частью, возвращаются на родину; а тѣ изъ нихъ, которыя, всетаки, еще довольно красивы, покупаются петербургскими промышленницами и отправляются въ столицу для тамошнихъ лучшихъ домовъ. И изъ Петербурга или Москвы онѣ, не смотря на свою забракованность въ Ригѣ, часто возвращаются богатыми (sic), но жизнь свою, всетаки, обыкновенно кончаютъ въ крайней бѣдности».

«Такова участь привозныхъ женщинъ описанной категоріи. Здѣсь и въ другихъ городахъ ихъ доля и путь почти вездѣ одинаковы. Много было писано объ этомъ предметѣ—особенно во Франціи, но о сю пору еще никто не нашелъ средствъ прекратить это зло. Люди

бальномъ платьѣ»,—хозяева учрежденій по 37 § «обязаны изгнать мужчину», и тутъ же сряду на все это есть ссылка на 274 § еще какихъ-то «высочайше утвержденныхъ правилъ». Въ «инструкціи» говорится о «громадномъ количествѣ притоновъ въ Ригѣ», и устанавливается правилами, чтобы «дѣвушки низшихъ слоевъ общества не носили бы тоалетовъ изъ шелка и бархата и не имѣли бы драгоцѣнныхъ вещей, такъ какъ подобныя вещи пріобрѣтаются путемъ тайной проституціи» (§ 5). Все это, разумѣется, не привело ни къ чему.

съ филантропическими идеями или поборники такъ называемой строгой нравственности возстаютъ противъ этого попечительства и кричатъ, что зло надобно истребить съ корнемъ, что оно противно религіи, подрываетъ счастіе и спокойствіе семействъ и т. п., но слѣдуетъ подумать о томъ, что эта язва общества существуетъ уже тысячелѣтія, слѣдовательно истребить ее невозможно иначе, какъ требованіемъ, чтобъ каждый молодой человѣкъ, достигши двадцатилѣтняго возроста, непремѣнно женился, но это невозможно по множеству причинъ. Невозможность же этого предположенія ясно убѣждаетъ въ необходимости терпѣть неизбѣжное зло, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь».

«Должно заботиться только о томъ, чтобы оно было какъ можно менѣе пагубнымъ и чтобы несчастныя женщины, посвящающія себя ему на службу, были сколь возможно болѣе защищены отъ обидъ и притѣсненій. Надо заботиться, чтобъ сдѣлать ихъ тяжкую участь, по крайней мѣрѣ, сносною. На это должна быть обращена главная заботливость полиціи, — но полиція получаетъ жалованье, которымъ невозможно жить чиновнику, и иногда невольно склоняется на сторону промышленницъ и смотритъ на дѣло ихъ глазами».

Такимъ образомъ дѣло сводится къ тому, что заграничной дѣвушкѣ, разъ привезенной въ Ригу для торговли ею, — здѣсь уже необходимо отслужить свою службу въ Ригѣ, а потомъ остается переѣхать для закончанія карьеры въ Петербургъ. Это дѣйствительно такъ и практикуется. Иначе нельзя!

Такимъ духомъ дышетъ остзейская записка. Кѣмъ именно писанъ этотъ, приведенный нами, достопримѣчательный документъ, неизвѣстно, но несомнѣнно, что онъ составленъ въ Ригѣ лицомъ, близко знавшимъ, а, можетъ быть, и самолично вѣдавшимъ трактуемую отрасль промышленности. Равномѣрно не подлежитъ сомнѣнію и то, что приведенная записка отвѣчала морализирующимъ заботамъ какого-то столь значительнаго лица въ Петербургѣ, что въ угоду ему этимъ дѣломъ заинтересовался предсѣдатель медицинскаго совѣта. Къ сожалѣнію, на запискѣ нѣтъ ни подписи и никакой хронологической даты, и потому нельзя сказать, въ какомъ именно году она составлена въ Ригѣ и доставлена въ Петербургъ, но, однако, есть слѣдъ, какъ она доходила къ покойному Евгенію Венцеславовичу Пеликану. На листѣ сѣрой бумаги, которымъ покрыта записка, уцѣлѣла слѣдующая надпись полуоффиціальнаго, полуинтимнаго характера:

«По приказанію его превосходительства г. попечителя, имѣю честь препроводить при семъ вашему высокородію доставленныя его превосходительству частнымъ образомъ свѣдѣнія о развратномъ

промыслѣ въ Ригѣ». Подписано: «А. Албычевъ». Далѣе post-scriptum: «Пріѣхавшій надняхъ изъ Риги нашъ чиновникъ поручилъ передать вамъ, Карла (sic) Оттовичь, мнѣ свидѣтельство совершеннаго вамъ почтенія инспектора рижской врачебной управы г-на Ливе, что я и исполняю симъ».

Я не знаю, кто этотъ «А. Албычевъ», который писалъ приведенныя строки, неизвѣстно—и кто «Карла Оттовичь», черезъ посредство котораго прочитанная нами записка дошла до портфеля покойнаго Пеликана, но, кажется, безошибочно можно полагать, что это были люди не чуждые врачебно-полицейской администраціи, имѣющей вѣрныя свѣдѣнія о женщинахъ, промышляющихъ своею красотою. Записка, очевидно, была извѣстна рижскому инспектору врачебной управы, приславшему свой поклонъ Карлу Оттовичу, а, можетъ быть, она самимъ же этимъ инспекторомъ и составлена, или во всякомъ случаѣ имъ провѣрена. Слѣдовательно компетенцію и авторитетъ записки, кажется, можно считать установленными. Она, безъ сомнѣнія, шла отъ лицъ, которыя могли хорошо знать дѣло и представлялись вполнѣ благонадежными для того, чтобы на ней основать представленія высшей центральной власти.

Труднѣе установить время, когда этотъ документъ написанъ и присланъ въ Петербургъ, но, однако, и къ этому, кажется, можно приблизиться. Признавъ за несомнѣнное, что медики-администраторы озаботились собирать указанныя свѣдѣнія не сами собою и не по собственной фантазіи, а что ихъ къ тому побуждало требованіе центральнаго управленія ихъ вѣдомства, надо искать, когда въ центральномъ управленіи имѣли мѣсто такія заботы. Всего вѣроятнѣе, эти заботы отвѣчали требованію значительныхъ лицъ, задавшихся такими морализующими задачами, какими занятъ нынѣ въ Петербургѣ пасторъ Дальтонъ. Были ли у насъ когда либо ранѣе такія заботы? Да, были, и даже, собственно говоря, онѣ никогда и не прерывались, но бывали особые, экстренные моменты, когда энергія моралистовъ усиливалась и дѣятельность ихъ достигала наибольшаго напряженія и силы. Въ такіе особенные моменты всегда начиналась усиленная переписка съ врачебно-полицейскимъ вѣдомствомъ, заканчивавшаяся обыкновенно рядомъ предпріятій къ отводу мутнаго теченія куда нибудь на болѣе отдаленный планъ. Такихъ оживленныхъ моментовъ можно припомнить нѣсколько и было бы очень интересно вывести имъ счетъ и сколько нибудь намѣтить ихъ результаты. Особенно благопріятно въ этомъ отношеніи было царствованіе императрицы Елисаветы Петровны, которая имѣла большое желаніе преградить всѣ пути пороку, столь самой ей ненавистному. Воля ея исполнялась усердно и по временамъ уже обозначались такія мѣстности, гдѣ соединенными заботами свѣтскихъ и духовныхъ властей всякій признакъ развращенности, казалось, былъ «изглажденъ». По крайней мѣрѣ, объ этомъ поступали доно-

шенія, и моралистамъ за усердіе ихъ дѣлались награды. Императрица Екатерина не продолжала заботъ Елисаветы, можетъ быть, потому, что имѣла слишкомъ много дѣлъ на своихъ рукахъ, но въ царствованіе Павла Петровича трактуемый нами вопросъ опять подвергался сильному вниманію и тоже не разъ казался «благонадежнымъ къ желаемому окончанію во всѣхъ предѣлахъ государства». И позже не разъ, а много разъ, разныя лица принимались за это дѣло съ энергіей и всегда достигали въ началѣ очень видныхъ результатовъ, но потомъ опять подкрадывался вѣковѣчный врагъ чистоты и металъ на только что очищенное поле свои плевелы. Но всѣ опыты тѣхъ болѣе отдаленныхъ временъ теперь уже стары для того, чтобы можно было хоть къ одному изъ нихъ пріурочить прочитанную нами остзейскую записку. Эта записка, безъ сомнѣнія, писана позже, по какимъ либо позднѣйшимъ поводамъ, и мы такой поводъ, можетъ быть, отгадаемъ, если отнесемъ его ко времени окончанія Крымской войны, когда возникло много разныхъ нынче безъ разбора осмѣиваемыхъ «обществъ». Тогда въ Юго-Западномъ краѣ развивала свою обширную филантропическую дѣятельность покойная супруга волынскаго губернатора, а впослѣдствіи кіевскаго генералъ-губернатора, князя Васильчикова, княгиня Екатерина Алексѣевна, рожденная Щербатова. Княгиня не ограничивала своихъ заботъ о женщинахъ однимъ удаленіемъ ихъ съ глазъ долой или освобожденіемъ ихъ отъ позорнаго промысла; нѣтъ, она «создавала имъ семью», и въ этихъ цѣляхъ обвѣнчивала возвращавшихся изъ-подъ Севастополя героевъ съ «извлекаемыми проститутками». Простосердечные и неразборчивые герои,—преимущественно въ унтеръ-офицерскихъ чинахъ,—получали въ такихъ бракахъ по сту рублей приданаго и находили въ этомъ для себя очень соблазнительную выгоду, такъ какъ жены ихъ изъ сказаннаго ассортимента обыкновенно на рукахъ мужей не оставались, а тотчасъ же находили себѣ свою путь-дорогу. Но княгиня Васильчикова брала еще шире— она окидывала своимъ взглядомъ и общее состояніе дѣлъ: ей мало было одного Кіева; ее занимала вся Россія, черезъ которую она потомъ надѣялась вліять и на весь міръ.

Въ числѣ дѣятелей, окружавшихъ мужа покойной княгини, былъ нѣкто Андрей Ивановичъ Друкартъ (чиновникъ особыхъ порученій, впослѣдствіи сѣдлецкій вице-губернаторъ). Онъ былъ человѣкъ умный, литературно-образованный и много кое-чѣмъ занявшійся отъ покойнаго Юрія Өедор. Самарина, который нѣкоторое время служилъ въ Кіевѣ правителемъ канцеляріи генералъ-губернатора и имѣлъ вліяніе на воспріимчивыхъ людей изъ тогдашней молодежи. Княгиня нерѣдко обращалась къ Друкарту съ вопросами по занимавшимъ ее дѣламъ благотворенія и морали. Друкартъ не былъ на сторонѣ княгининыхъ заботъ, всегда и неизбѣжно носившихъ на себѣ слѣды того, что покойный Самаринъ

мѣтко назвалъ «печатью вѣковѣчнаго дѣтства». Друкартъ считалъ всю дѣятельность супруги своего начальника призрачною, ефемерною и безполезною, но частію связанный служебною зависимостью отъ мужа княгини, частію же расположенный, быть можетъ, цѣнить добрыя побужденія самой этой дѣтственной особы, онъ осуществлялъ ея просьбы и писалъ ей что-то такое, чѣмъ княгиня была очень довольна. Собственно это всегда было «взглядъ и нѣчто», но при сильномъ умѣ, которымъ былъ одаренъ Друкартъ, онъ иногда находилъ возможность если не уладить дѣла, которое, быть можетъ, и не казалось ему исполнимымъ, то, по крайней мѣрѣ умѣлъ умно и ловко отвести отъ него глаза въ сторону, послѣ чего охотно начинали говорить не о дѣлѣ, а о «постороннемъ». Извѣстно, что въ комитетахъ, руководимыхъ дамами, это не только ничему не мѣшаетъ, но даже выходитъ очень удобно и притомъ весело. Бездѣлье вдругъ получаетъ совсѣмъ неожиданное направленіе, и притомъ такое, въ которомъ для бездѣлія моралистовъ представляется прекрасное извиненіе: «мѣстный комитетъ ничего де не можетъ сдѣлать потому, что ему мѣшаютъ общіе законы». Иначе бы онъ все сдѣлалъ.

За такія вещи дамы всегда жадно хватались и цѣпко держались за нихъ своими руками. Такое дѣло случилось, между прочимъ, когда княгиня отъѣзжала одинъ разъ изъ Кіева въ гости въ столицу, гдѣ о ея дѣятельности серьёзно думали. Она же сама знала, что ею еще не все намѣченное достигнуто, и просила Друкарта изобразить на бумагѣ состояніе ея филантропическихъ дѣлъ и обрисовать, что мѣшаетъ ихъ успѣху. Друкартъ нашелся и сдѣлалъ это очень умно и правдиво. А именно онъ указалъ на «главный портъ разврата», на Ригу, откуда «какъ изъ ящика Пандоры постоянно сыплется въ Россію самая холодная и самая безстрастная, разсчетливая развращенность, передъ которою развратъ русской падшей женщины представляетъ сравнительно примитивное простодушіе». Далѣе приводились тому примѣры и доказательства, между коими достойно вспомнить одно наиболѣе очевидное, характерное и справедливое. Оно состояло въ томъ, что русскія женщины и въ самомъ падшемъ состояніи представляютъ натуры болѣе чувствительныя и мягкія, что онѣ губятъ только себя лично и никогда не утѣшаются въ развратѣ, а, напротивъ, служатъ ему «или въ чаду опьяненія, или съ поникшимъ лицомъ». Приходя въ семьи, онѣ сами клонятъ глаза въ землю, межъ тѣмъ какъ вышедшая на тотъ же путь нѣмка сживается съ ролью и ведетъ дѣло спокойно. Она капитализируетъ свои заработки съ тѣмъ, чтобы восторжествовать надъ своимъ положеніемъ и потомъ заняться торговлею другими женщинами. Антрепренерши разврата въ Россіи дѣйствительно за самымъ ничтожнымъ исключеніемъ—нѣмки, изъ тѣхъ самыхъ, чья печальная судьба въ юности очерчена въ остзейской запискѣ.

Эти резоны были собственно фортелемъ, которымъ авторъ удачно отъигрался отъ необходимости сознаться въ безсиліи своей патронессы остановить «міровое зло». Въ Кіевѣ думали, что сравненіе нѣмецкихъ и русскихъ характеровъ могли быть призаняты Друкартомъ изъ какихъ нибудь разговоровъ съ Самаринымъ, который зналъ много и прекрасно, умѣлъ освѣщать все важное и неважное, и притомъ не благоволилъ къ нѣмцамъ и любилъ русскихъ. Во всякомъ случаѣ описанная сравнительная характеристика русскихъ и нѣмецкихъ женщинъ, кажется, совершенно вѣрна въ своей основѣ, и какъ она очень подходила къ видамъ княгини, то и была ею съ жаромъ усвоена. Досадительная неудача по водворенію всеобщаго цѣломудрія въ Россіи объяснялась постояннымъ притокомъ заграничныхъ нѣмокъ, которыхъ транспортируетъ къ намъ Рига. Надо остановить этотъ притокъ. Княгина заговорила языкомъ эклоги Виргилія: «Fermez les ruisseaux,—les prés ont assez bu», и увезла изложеніе этой мысли въ Москву, гдѣ вредъ, происходящій съ Запада, въ княгинѣ еще сильнѣе утвердился, и въ такомъ видѣ дѣло о введеніи всеобщаго цѣломудрія дошло въ Петербургъ, гдѣ оно тоже было принято, какъ новое и очень важное указаніе, котораго будто только и не доставало для полнаго успѣха. Дамы повторяли «fermez les ruisseaux», называли Ригу «mère nourricière», питающею развращенье въ Россіи, и удивлялись, какъ никто этого не замѣтилъ ранѣе «кіевской княгини». «Кіевская княгиня» (какъ часто называли Екатерину Алексѣевну Васильчикову) стала очень высоко: она превзошла всѣхъ своею вдумчивостью и способностію опытнаго практика, «qui connait parfaitement la matière». Княгиня, возвратясь изъ Петербурга, благодарила сотрудника за его сочиненіе и разсказала, что о нѣмкахъ въ Ригу уже написали и получили оттуда отвѣтъ.

— Nous avons un accusé qui avoue, mais il y a un porceau du troupeau d'Epicure, который brusquement все это желаетъ представить необходимымъ въ порядкѣ жизни. Но en tout il y a des bornes...

Княгиня была увѣрена, что «porceau du troupeau d'Epicure» будетъ побѣжденъ.

Богъ вѣсть, не есть ли приведенная нами остзейская записка изъ бумагъ Пеликана тотъ самый рижскій отвѣтъ, который обнаруживалъ виновность Риги, но какимъ-то вліяніемъ какой-то porceau d'Epicure дѣло не могло быть сдѣлано такъ скоро и такъ рѣшительно, какъ того желали дамы. Княгиня питала увѣренность, что это было затрудненіе кратковременное, но оно, однако, пережило всѣхъ желавшихъ съ нимъ справиться, и Рига до сихъ поръ остается тою же «mère nourricière» разврата, какою и была до описаннаго противъ нея ополченія русскихъ моралистовъ.

Мы не утверждаемъ, что это было именно такъ, т. е. что записка

и отвѣтъ, который былъ полученъ изъ Риги по почину княгини Васильчиковой, есть одно и то же, но по соотвѣтствію этого случая съ обстоятельствами—это одно съ другомъ очень вяжется. Если же это и не совсѣмъ то, что мы намѣчаемъ, то во всякомъ случаѣ это близко и сродно. Очевидно, рижская отповѣдь была вызвана петербургскою морализаціею, которая и притупила объ эту отповѣдь свою энергію.

Съ тѣхъ поръ большаго и энергическаго возбужденія къ исправленію нравовъ въ этомъ направленіи до нынѣшнихъ дней уже не было. Сама княгиня скоро же послѣ своей поѣздки какъ будто охладѣла въ борьбѣ со зломъ, на которое взгляды ея не всѣми раздѣлялись, и, благословивъ еще двухъ-трехъ «магдалинокъ» на бракъ съ унтерами, предалась сама созерцанію подъ духовнымъ руководствомъ «кіевскаго старца Іоны», которому и помогла устроить подъ Кіевомъ новый монастырь, и подарила этой обители въ Переяславскомъ уѣздѣ обширное помѣстье, находившееся въ тяжбѣ съ крестьянами, у которыхъ обитель старца Іоны эту тяжбу выиграла и землю отобрала. Послѣ княгини Васильчиковой вплоть до нынѣшней эпохи пастора Дальтона, не выдѣлялось такого опытнаго дѣятеля, qui connait parfaitement la matière. Но и г. пасторъ, которому принадлежитъ нынѣшняя иниціатива, повидимому, еще не обращалъ своего вниманія на Ригу, и въ этомъ «главномъ портѣ наводняющаго разврата» грязное дѣло плыветъ по старому грязному руслу старымъ теченіемъ, разводя тамъ заводчицъ развратнаго промысла, выводимаго нынѣ hors des murs de la ville.

Все это не даетъ ли поводовъ убѣждаться, что прочитанная нами остзейская записка, всего вѣроятнѣе, была вызвана въ предпослѣдній разъ, когда наши моралисты приняли рѣшеніе покончить съ развращенностію женщинъ, и такъ какъ эта записка не лишена своего значенія для исторической картины нравовъ и для соображеній нынѣшнихъ моралистовъ, то ее теперь, кажется, благовременно напомнить. Можетъ быть, это поведетъ къ чему нибудь болѣе полезному, чѣмъ — hors des murs de la ville.

Правда, остзейская записка, съ которою мы ознакомились, написана въ неблагопріятномъ для моралистовъ духѣ, и она не даетъ надеждъ, чтобы тамъ въ Ригѣ можно было найдти большое сочувствіе ихъ живымъ заботамъ, но, быть можетъ, въ этомъ положеніи возможны перемѣны, когда дѣло находится въ рукахъ пастора и человѣка нѣмецкой національности. Быть можетъ, что усилія, казавшіяся рижанамъ пустымъ сентиментализмомъ, когда это дѣло было въ рукахъ русскихъ дамъ,—будутъ приняты совсѣмъ иначе, когда во главѣ движенія является нѣмецкій пасторъ. Можетъ быть, что при ихъ племенномъ родствѣ имъ удастся прійдти къ какимъ нибудь полезнымъ соглашеніямъ, для которыхъ, кажется, есть и пункты. Такъ, напримѣръ, hors des murs, практикуемое въ Петер-

бургѣ, имѣетъ для себя мѣсто и въ Ригѣ. Женщинъ, промышляющихъ своею красотою, изъ Риги тоже удаляютъ на родину, но только тамъ эта мѣра примѣняется къ такимъ, которыя сверхъ ожиданія оказываются «невинными», или же къ инвалидамъ, которыя пришли въ негодность къ продолженію службы. Это бы только немножко измѣнить и, можетъ быть, это и удалось бы сдѣлать при опытности и умѣ пастора Дальтона. Но, главнѣе всего, надо бы измѣнить здѣшній взглядъ, въ силу котораго привозныхъ женщинъ, промышляющихъ развратомъ, считаютъ «полезными» для охраны неприкосновенности и спокойствія «честныхъ женщинъ» и «необходимыми», ибо въ Ригѣ не находятъ возможнымъ переженить всѣхъ молодыхъ людей въ самомъ раннемъ ихъ возростѣ. Пасторъ Дальтонъ, вѣроятно, могъ бы внушить рижанамъ, хорошо ли смотрѣть на это дѣло въ такомъ направленіи.

Нельзя, кажется, одобрить и то, что въ Ригѣ не вѣрятъ порывамъ раскаянія дѣвушекъ, и въ постоянномъ ихъ стремленіи оставить притоны разврата склонны видѣть напрасныя пробы сентиментальной несостоятельности, клонящіяся единственно къ дезорганизаціи хозяйственныхъ учрежденій, устроенныхъ въ Ригѣ на широкую ногу и по очень подробной инструкціи. Все это противно не только христіанству, но самому умѣренному человѣколюбію, и взываетъ ко вниманію сострадательныхъ людей.

Отъ взгляда и направленія зависитъ все, и потому дѣйствовать на измѣненіе ихъ въ лучшую сторону есть первый и преимущественный долгъ моралиста.

Остзейская записка нимало не скрываетъ, что чины мѣстной полиціи, «при ограниченности ихъ содержанія», прямо склоняются на сторону торговцевъ женщинами, и изъ этой же записки видно, что женщинъ, находящихся въ сихъ покровительствуемыхъ полиціею учрежденіяхъ, не спасаетъ не только побѣгъ къ мужчинѣ, съ которымъ та или другая изъ нихъ надѣятся образовать прочную связь, но даже ихъ не спасаетъ и обращеніе къ господамъ пасторамъ... Это читаешь и содрогаешься. Мы не станемъ спорить, что для удержанія дѣвушекъ въ зависимости отъ промышляющихъ ими торговцевъ могутъ быть указаны основанія, находящіяся въ связи съ бытовыми условіями Риги и особенностями тамошнихъ нравовъ. Но, тѣмъ не менѣе, такое положеніе всегда будетъ казаться ужаснымъ... Ужаснѣе всего то, что положеніе это представляется даже исключающимъ всякую надежду на что либо лучшее. Это чистый адъ съ надписью «оставь надежду навсегда», и кто бы что ни говорилъ, а это проклятое дѣло при нашихъ русскихъ порядкахъ, всетаки, у насъ стоитъ несравненно лучше. У насъ всякій порывъ дѣвушки оставить унизительный промыселъ находитъ нѣкоторую поддержку, и «седмь седмерицъ согрѣшившая въ день» у насъ не отвергается за безнадежность. И это прекрасно. Тотъ, кто, падая, силится под-

няться, всетаки, лучше того, кто, упавъ, даже и не смущается своимъ положеніемъ. Пасторъ петербургскій могъ бы, кажется, развернуть на эту тему господамъ остзейскимъ пасторамъ рядъ любопытныхъ сравненій и тѣмъ, быть можетъ, имъ самимъ принесъ бы нѣкоторую пользу. Въ Ригѣ изъ тамошнихъ учрежденій только два выхода: одинъ—путемъ совершеннаго калѣчества и второй—посредствомъ забраковки, послѣ чего утратившаго свѣжесть рижскаго ветерана перепродаютъ въ Петербургъ. И то и другое имѣетъ отношеніе къ намъ, но мы остановимся на одномъ транзитѣ, который идетъ постоянно и безпрестанно снабжаетъ нашу столицу тѣмъ ассортиментомъ особъ женскаго пола, отъ которыхъ здѣшніе моралисты желаютъ очистить нашъ городъ, тоже имѣющій огромное число безсемейныхъ мужчинъ. Притокъ этотъ, вѣдь, не кончится, доколѣ въ Ригѣ царитъ тотъ взглядъ и то общее настроеніе, которое выражено въ приведенной нами остзейской запискѣ. Отъ этого непремѣнно будутъ страдать заботы нашихъ моралистовъ, которые забыли объ остзейской «mére nourricière, питающей то, что они тщатся истощить до основанія.

Слова эклоги Виргилія, которыя въ свое время казались столь убѣдительными въ устахъ княгини Васильчиковой, достойны того, чтобы ихъ привели себѣ на память и нынѣшніе моралисты:

«Fermez les ruisseaux».

Иначе «удаленіе» тѣхъ, которыя уже примелькались въ Петербургѣ, только усилитъ притокъ на ихъ мѣсто другихъ, которыя безостановочно «рекрутируются» изъ рижскаго брака—и это, говорятъ, уже замѣчается на оживленіи торговыхъ операцій женщинами «въ главномъ портѣ разврата».

Ведетъ ли это къ пользѣ, или, быть можетъ, даже усиливаетъ вредъ?

Правильно или нѣтъ, но существуетъ мнѣніе, что петербургскіе моралисты гораздо болѣе успѣли бы, если бы они обратили свое вниманіе на притокъ, которымъ пополняется столица изъ Риги, и нашли бы возможность повліять на тамошніе жестокіе порядки. Возможно ли поставить противъ этого притока какія нибудь надежныя запруды,—мы не знаемъ, но не можемъ не согласиться съ моралистами, современными княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Васильчиковой, что притокъ этотъ имѣетъ въ вопросѣ огромное значеніе. Остзейская же записка, которую мы извлекли изъ бумагъ Пеликана и которая до сей поры составляла своего рода секретъ,—убѣждаетъ насъ, что обиліе сказаннаго притока не оскудѣетъ, доколѣ его поддерживаютъ бытовыя условія германскаго населенія и особенности рижскаго взгляда, признающаго неустранимость и даже своего рода пользу торговли привозными дѣвушками, такъ какъ будто одно лишь это обезпечиваетъ покой «честныхъ женщинъ» города Риги. Такое угрожающее положеніе, конечно, очень

опасно, но по счастію наши русскіе города подобнаго бѣдствія еще не испытывали ни при княгинѣ Васильчиковой, ни при г. пасторѣ Дальтонѣ.

Покойной княгинѣ Васильчиковой мы, по крайней мѣрѣ, обязаны тѣмъ, что она вызвала рижскія власти на такую откровенность, которая обнаружила, откуда идетъ главное зло и кто его отстаиваетъ, какъ необходимость.

Приведенная нами секретная рижская записка, безъ сомнѣнія, навсегда останется въ этомъ смыслѣ любопытнымъ историческимъ документомъ, котораго мы не могли привести въ подлинникѣ только по невозможности полностію напечатать этотъ слишкомъ откровенный документъ.

Н. Лѣсковъ.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ ЗАДАЧИ ПИРОГОВА[1].

II.

Ъ 1858 ГОДУ, Пироговъ былъ сдѣланъ попечителемъ кіевскаго учебнаго округа и оставался на этомъ посту до 1861 года. Понятно, что въ такое короткое время онъ могъ только приглядѣться къ той средѣ, гдѣ ему нужно было оказывать свое вліяніе, могъ сообразить только планъ, какъ практичнѣе дѣйствовать, чтобы не грубо ломать, а постепенно передѣлывать все устарѣлое и перевоспитывать тѣхъ, кто долженъ былъ быть его помощниками. Но у него успѣлъ выработаться идеалъ общественнаго воспитателя, успѣли опредѣлиться тѣ задачи, которыя необходимо было поставить на видъ русской педагогіи.

Идеалъ общественнаго воспитателя ясно высказался въ рѣчахъ Пирогова, сказанныхъ имъ при прощаніи съ кіевскимъ учебнымъ округомъ и со всѣмъ обществомъ [2]). «Бывъ попечителемъ,—говорилъ онъ,—я жалъ и засѣвалъ мое поле позднею весною, едва оттаявшее отъ лучей вешняго солнца; на немъ была еще ледяная кора; въ немъ была закопавшаяся саранча; трудъ не былъ свободный и прибыльный для обѣихъ сторонъ. Мудрено ли, что могли найтись

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XX, стр. 156.

[2]) Онѣ напечатаны въ 1861 году въ книгѣ «Собраніе литературно-педагогическихъ статей Н. И. Пирогова, вышедшихъ въ управленіе его кіевскимъ учебнымъ округомъ (1858—1861 г.)». Эта книга теперь стала библіографической рѣдкостью. Въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи мы будемъ указывать на ея страницы.

такіе, которые не въ законахъ необходимости, не въ порядкѣ вещей искали причину, почему мое поле не такъ скоро дало обильную жатву? Но неужели же я долженъ былъ остановиться, слушая толки и не вѣря болѣе въ то, что зналъ вѣрно; неужели долженъ былъ измѣнить весь планъ моихъ дѣйствій, промѣнять раціональность и здравый смыслъ на рутину и безсмысліе... Что могъ я сдѣлать существеннаго, не заслуживъ сначала полнаго нравственнаго довѣрія тѣхъ, которыхъ главная обязанность проводить убѣжденія, и тѣхъ, на кого я долженъ былъ дѣйствовать путемъ убѣжденія?

«Вотъ это-то полное нравственное довѣріе я и старался всѣми силами водворить и между старыми, и между молодыми. Но для этого я долженъ былъ дѣйствовать прямо и откровенно... Въ моихъ глазахъ попечитель есть не столько начальникъ, сколько миссіонеръ. Онъ долженъ не приказывать, а убѣждать. Иначе въ трудныхъ обстоятельствахъ, когда ему понадобится серьезный трудъ его подчиненныхъ, когда нужно будетъ сдѣлать воззваніе къ ихъ чувству долга и законности, къ благородству и достоинству человѣка, онъ не можетъ разсчитывать ни на себя, ни на другихъ... Слѣдуя моему взгляду, мнѣ нужно было дѣйствовать и на учащуюся молодежь, и на самихъ наставниковъ. Общество, отцы, сограждане имѣли полное право требовать отчета въ моихъ дѣйствіяхъ: хвалить и порицать... Ученье и распространеніе научныхъ истинъ я считалъ за священнодѣйствіе и глубоко уважалъ истинныхъ наставниковъ. Но и въ слабыхъ я чтилъ человѣческое достоинство и личность. Въ молодыхъ людяхъ я любилъ и уважалъ молодость, потому что хорошо помнилъ свою. На этомъ уваженіи, которое я заявлялъ открыто и гласно, основывалъ я и то взаимное нравственное довѣріе наставниковъ и учащихся, которымъ начиналъ уже пользоваться, но не для себя, а въ интересахъ университета и цѣлаго общества этого края. Я твердо зналъ, что необдуманные порывы молодости и поступки, противорѣчащіе законамъ нравственности, будутъ исчезать сами собою по мѣрѣ того, какъ возростаетъ еще сильнѣе довѣріе, а съ нимъ вмѣстѣ и значеніе нравственной власти. Я зналъ, что гдѣ господствуетъ сила убѣжденія, тамъ исчезаетъ произволъ съ его волнующими слѣдствіями»...

Не думаю, что остались бы въ проигрышѣ тѣ, которые, стоя близко къ общественному воспитанію, усвоили бы себѣ всѣ эти взгляды, связавъ ихъ съ идеальными стремленіями воспитателя. Въ нихъ выражается съ одной стороны самое честное отношеніе къ обществу, съ другой—глубокое знаніе человѣческой души, и, наконецъ, безкорыстная преданность своему дѣлу. Отношеніе Пирогова къ учащейся молодежи должно также войдти въ тотъ идеалъ, который мы здѣсь очерчиваемъ. «Я принадлежу къ тѣмъ счастливымъ людямъ,—говорилъ онъ,—которые хорошо помнятъ свою мо-

лодость. Еще счастливѣе я тѣмъ, что она не прошла для меня понапрасну. Отъ этого я, старѣясь, не утратилъ способности понимать и чужую молодость, любить и, главное, уважать ее. Мы всѣ знаемъ, что нужно почитать стариковъ... но не всѣ знаютъ, что молодость должно уважать. Она является намъ тотчасъ же съ ея страстями, вспышками и порывами на первомъ планѣ... Между тѣмъ, кто не забылъ свою молодость и изучалъ чужую, тотъ не могъ не различать и въ ея увлеченіяхъ стремленій высокихъ и благородныхъ, не могъ не открыть и въ ея порывахъ явленій той грозной борьбы, которую суждено вести человѣческому духу за дорогое ему стремленіе къ истинѣ и совершенству. Бывъ попечителемъ университета, я поставилъ себѣ главною задачею поддерживать всѣми силами то, что я именно привыкъ любить и уважать въ молодости. Съ искреннимъ довѣріемъ къ ней, съ полною надеждою на успѣхъ, безъ страха и безъ задней мысли, я принялся за трудное, но высокое и благородное дѣло. И могъ ли я иначе за него взяться, когда, помня и любя время моего образованія въ четырехъ университетахъ, я живо вспоминалъ и тѣ стремленія, которыя тогда меня одушевляли; вспоминая, уважалъ ихъ въ себѣ... И теперь, я объявляю гласно, что все время моего попечительства ни разу не раскаялся въ образѣ моихъ дѣйствій. Частные случаи ни однажды не поколебали моего довѣрія къ цѣлой корпораціи студентовъ, потому что частныя проявленія неизбѣжнаго зла не должны, по моимъ понятіямъ, служить причиною къ уничтоженію добра... Я не приказывалъ, а убѣждалъ, потому что заботился не о внѣшности, а о чувствѣ долга, которое признавалъ въ молодости также, какъ и всѣ другія высокія стремленія духа. Я твердо вѣрилъ, что одно взаимное довѣріе и примѣръ водворятъ законность и порядокъ. Законность и порядокъ упрочатъ нравственную свободу университетской жизни. Эта свобода разовьетъ самодѣятельность и любовь къ наукѣ, которая, въ свою очередь, представитъ университетъ чуждымъ всѣхъ постороннихъ стремленій. Нѣсколько для меня знаменательныхъ фактовъ доказали мнѣ, что мои убѣжденія, мои надежды не обманули меня, и взаимное довѣріе, которое я клалъ за основу моихъ дѣйствій, обнаруживаясь не разъ, награждало мои труды и заботы...»

Отъ идеала, которымъ руководствовался Пироговъ въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ, перейдемъ къ тѣмъ основаніямъ, изъ которыхъ онъ выходилъ въ своихъ педагогическихъ стремленіяхъ. «Жизнь человѣка,—говорилъ онъ,—есть безпрерывная, нерѣдко роковая борьба, всего чаще съ самимъ собою, на пути къ совершенству, и эта борьба зависитъ отъ врожденнаго, ничѣмъ не останoвимаго стремленія къ совершенству. Школа есть одна изъ проявленій жизни, съ ея борьбою и съ ея влеченіями къ достиженію вѣчной правды». Но въ дѣйствительности Пироговъ находилъ, что

жизнь и школа противополагались одна другой, что воспитаніе и ученіе идутъ сами по себѣ, а жизнь идетъ своимъ чередомъ, сама по себѣ, что требованія школы не сходятся съ требованіями жизни, и чѣмъ менѣе образовано общество, тѣмъ болѣе разъединены въ его понятіи школа и жизнь. Пироговъ не придавалъ настоящаго значенія оффиціальнымъ фразамъ и пословицамъ, что воспитаніе человѣка начинается съ самаго рожденія и продолжается до смерти, что ученье свѣтъ, а неученье—тьма: «ихъ говорятъ,—замѣчаетъ онъ,—а вѣрятъ имъ немногіе; а если имъ и вѣрятъ, то мертво, безъ дѣлъ».

Онъ подводитъ подъ три разряда большую часть родителей, которые образовываютъ своихъ дѣтей: одни это дѣлаютъ, потому что это такъ ужъ принято, а все, что всѣми принято, нужно дѣлать охотно и безъ дальнѣйшихъ размышленій; другіе учатъ своихъ дѣтей какъ-то нехотя, съ заднею мыслью, что хотя это и принято, но что, всетаки, имъ послѣ, въ настоящей жизни, придется разъучиваться; третьи, наконецъ,—и это самые мыслящіе и вкусившіе плодовъ образованія,—посылаютъ дѣтей въ школу, чтобъ ихъ послѣ вытолкнуть въ жизнь по той дорогѣ, которая имъ болѣе знакома, или по той колеѣ, которая ведетъ ближе къ заранѣе придуманной цѣли. «Надобно признаться,—прибавляетъ онъ,—школа съ своей стороны, а сложившаяся изъ прошедшаго жизнь съ своей—сдѣлали все возможное, чтобы убѣдить большинство, что между ними ничего нѣтъ общаго...

«Откуда взялась школа, какъ не изъ жизни?—спрашиваетъ Пироговъ.—Не врожденная ли человѣку наклонность развивать болѣе и болѣе все ему присущее была началомъ школы? И если, вышедъ изъ жизни, при первомъ началѣ школа стала противорѣчить жизни, то не произошло ли это отъ тѣхъ же самыхъ причинъ, которыя и въ древнемъ, и въ новомъ мірѣ нерѣдко ставили и самую церковь въ противорѣчіе съ жизнью? Одно изъ двухъ: или понятія, которыя школа сообщала жизни, были невѣрны и начала, которыми она руководствовалась, не оправдывались жизнью, или же жизнь предъявляла нелѣпыя притязанія къ школѣ и требовала отъ нея того, чего сама не могла дать. Какъ бы то ни было, но мы видимъ, иногда доходило до того, что школа учила не тому, какъ жить, а тому, какъ умирать должно; а жизнь отвергала все школьное, сомнѣваясь даже въ пользѣ и необходимости грамоты».

Хотя Пироговъ и находилъ, что современная ему школа такъ далеко уже не отстояла отъ жизни, но тѣмъ не менѣе ихъ взаимныя отношенія ему представлялись совершенно неправильными. «Общество и государство, примѣняясь къ настоящему и дѣлая воспитаніе своею монополіею, употребляетъ школу, во-первыхъ, какъ проводникъ къ распространенію въ будущемъ поколѣніи однихъ только извѣстныхъ убѣжденій, взглядовъ и понятій; во-

вторыхъ, какъ разсадникъ спеціалистовъ, ему необходимыхъ для достиженія извѣстныхъ обыденныхъ цѣлей. Отцы, примѣняясь къ тому же направленію общественнаго воспитанія, посылаютъ дѣтей въ школу: во-первыхъ, чтобы воспитать ихъ для хлѣба, и притомъ елико возможно не на своемъ, а на чужомъ или общественномъ иждивеніи; во-вторыхъ, чтобы воспитать ихъ въ духѣ того сословія, къ которому принадлежатъ сами, и, разумѣется, въ тѣхъ же самыхъ убѣжденіяхъ и предубѣжденіяхъ».

Пироговъ находилъ, что нельзя признать безусловно первенство жизни передъ школою и рабскую зависимость школы отъ настоящаго, тогда какъ все будущее жизни находится въ рукахъ школы и, слѣдовательно, ей принадлежитъ гегемонія. «И отцы, и общество, и государство,—утверждалъ онъ,—должны стремиться возстановить смыслъ и права школы, проистекающія изъ самой жизни. Должно возстановить прямое назначеніе школы, примиренной съ жизнью—быть руководителемъ жизни на пути къ будущему. И этого достигнемъ только тогда, когда всѣ человѣку дарованныя способности, всѣ благородныя и высокія стремленія найдутъ въ школѣ средства къ безконечному и всестороннему развитію, безъ всякой задней мысли и безъ рановременныхъ заботъ о приложеніи».

Этимъ Пироговъ опредѣляетъ сущность общечеловѣческаго образованія, которое онъ всецѣло отдаетъ школѣ. И изъ всѣхъ возраженій, которыя можно бы было придумать противъ него, Пироговъ признаетъ только два, имѣющія нѣкоторую силу: врожденная слабость и односторонность способностей, и особенности нѣкоторыхъ занятій. «Да и про нихъ можно думать,—прибавляетъ онъ,—что время и дальнѣйшіе успѣхи науки многое перемѣнятъ. Сколько ограниченныхъ и тупоумныхъ дѣтей нашлось бы теперь между нашими учениками, если бы ихъ заставили учиться грамотѣ по прежней методѣ «буки-азъ-ба»? Сколько учениковъ и въ наше время слывутъ въ школѣ тупоголовыми, а въ жизни оказываются умнѣе учителей?»

Распространеніе общечеловѣческаго образованія между всѣми классами Пироговъ считалъ средствомъ устранить ненормальное состояніе общества и только этимъ путемъ можно уничтожить бездну, раздѣляющую касты. Но всѣмъ этимъ онъ нисколько не хотѣлъ уничтожить или ослабить спеціальное образованіе. «Школа не иначе можетъ совершенно и нераздѣльно слиться съ жизнью, какъ принявъ на себя дѣло и общечеловѣческаго, и спеціальнаго образованія. Нужно только, первое и главное, начать во-время и перейдти во-время къ образованію спеціальному. Потомъ, второе, выбрать такіе способы ученія, которые направили бы образовательную силу каждой отрасли вѣдѣнія на способность духа, служившую ей началомъ, помня, что въ мірѣ идей есть тоже свой

законъ тяготѣнія свѣдѣній къ свойствамъ духа. Третье—распредѣлить хорошо занятія, не обременяя слишкомъ въ одно и то же время разнородную дѣятельность памяти, воображенія, ума и наружныхъ чувствъ, но и не напрягая слишкомъ дѣйствія одной способности однообразнымъ занятіемъ.

«Исполнивъ эти три условія, нечего бояться, что общечеловѣческое образованіе можетъ сдѣлать умъ поверхностнымъ. Правильно развитыя способности души заставятъ уже умъ углубляться и останавливаться на томъ, что требуетъ сосредоточенныхъ его дѣйствій... Если духъ, разъ безъ подготовки направленный на изученіе одного предмета, и можетъ пріобрѣсти обширныя свѣдѣнія, то, всетаки, ему и въ томъ одностороннемъ изученіи никогда не будутъ доступны тѣ взгляды на изучаемый предметъ, которые возможны только при умѣньѣ отдаляться отъ него въ другія высшія или низшія сферы созерцанія. Это умѣнье пріобрѣтается не иначе, какъ знакомствомъ съ различными отраслями свѣдѣній, служившихъ къ развитію всѣхъ способностей духа».

Съ общечеловѣческимъ образованіемъ въ школѣ Пироговъ связывалъ и подъемъ гражданственности общества, и чѣмъ менѣе для него будетъ назначено уровней, тѣмъ выше оно поднимется. Этихъ уровней общаго образованія, по его мнѣнію, можетъ быть только два, и зависѣть они должны не отъ сословій, а отъ состоянія, смотря по тому, кто богаче или бѣднѣе, кто болѣе или менѣе можетъ обойдтись безъ матеріальныхъ пособій, доставляемыхъ приложеніями науки къ жизни. Но онъ считалъ не разрѣшимымъ окончательно вопросъ: какія отрасли вѣдѣнія и въ какомъ объемѣ должны относиться къ одному и какія къ другому уровню? «Его разрѣшить можно не иначе,—говоритъ онъ,—какъ пожертвовавъ одною отраслью для другой, какъ доказавъ математически, что одна отрасль несравненно болѣе содѣйствуетъ развитію всѣхъ способностей души, чѣмъ другая. А этого доказать нельзя». Но этотъ вопросъ онъ и не считалъ особенно интереснымъ для родителей. «Если у васъ есть больное дитя,—замѣчалъ онъ,—то развѣ для васъ не все равно, по какой методѣ его будутъ лѣчить—лишь бы возвратили здоровье? Для чего же спорить, хлопотать и теряться въ недоумѣніяхъ, что полезнѣе вашему сыну — учиться ли полатыни и погречески, или пофранцузски и поанглійски? Повѣрьте, въ рукахъ дѣльнаго педагога и древніе и новые языки, и всѣ предметы общечеловѣческаго образованія не останутся безъ пользы для развитія умственныхъ способностей. Посредствомъ ли изученія древнихъ языковъ и математики, или посредствомъ новыхъ и естествовѣдѣнія совершится общечеловѣческое образованіе вашего сына, все равно— лишь бы сдѣлало его человѣкомъ. Преимущество и выгоды различныхъ способовъ этого образованія такъ очевидны и такъ значи-

тельны, что нѣтъ возможности въ настоящее время сказать, который лучше...»[1]).

Такимъ образомъ, тотъ вопросъ, который позже вызвалъ столько споровъ, противорѣчій, борьбы и крайностей, былъ устраненъ Пироговымъ въ постановкѣ общечеловѣческаго образованія. Онъ хорошо понималъ, что этотъ вопросъ не разрѣшимъ и что, выставивъ его на первый планъ, должно отказаться отъ той опредѣленной цѣли, которой должно держаться общественное воспитаніе. Въ зависимость не отъ этого вопроса онъ ставилъ преобразованіе коренное, фундаментальное, которое ему представлялось неизбѣжнымъ, если было необходимо дать иное направленіе общественнымъ силамъ. А необходимость была дѣйствительно настоятельная въ виду того великаго переворота, какой готовился для всей Русской земли. Пироговъ отнесся къ сферѣ своей дѣятельности, какъ человѣкъ государственный, и сдѣлалъ вопросъ объ общественномъ образованіи вопросомъ государственнымъ. Въ то же время, какъ человѣкъ, привыкшій къ практикѣ въ своей прежней дѣятельности, онъ искалъ и практическаго исхода въ вопросѣ, съ какимъ явился въ сферѣ своей новой дѣятельности. Онъ былъ убѣжденъ, что однимъ измѣненіемъ уставовъ, курсовъ, распредѣленій лекцій, программъ, испытаній и т. п. нельзя ничего достигнуть. Онъ остановился на мысли, что для кореннаго преобразованія чего бы то ни было нужны не одни новые законы, но и новые люди. «Кто искренно желаетъ истиннаго прогресса,—объявлялъ онъ,—тотъ не долженъ много разсчитывать на дѣйствіе такихъ мѣръ, какъ перемѣна уставовъ, распредѣленій и проч., которыя одни сами по себѣ хотя и быстро измѣняютъ, но только не сущность дѣла, а форму. Между тѣмъ, первое и главное условіе прогресса есть твердая вѣра въ **образовательную, творческую силу человѣческой личности.** Безъ нея всѣ хитросплетенные уставы—мертвая буква...».

Съ такою мыслью приступилъ Пироговъ къ своей дѣятельности, и занялся приготовленіемъ педагогическаго персонала: для настоящаго ему нужно было направить наличныя силы, для будущаго—провести ихъ черезъ гимназію и университетъ. Какъ мы видѣли, Пироговъ самъ перевоспитывалъ себя уже въ зрѣлые годы; тотъ же трудный путь нужно было указать и педагогамъ, практиковавшимъ въ школахъ. Но начальническими приказаніями сдѣлать это было невозможно. Такимъ способомъ легко было вызвать лицемѣріе, притворство, лукавое приноравливаніе къ новому вѣянію, и вмѣсто блага явилось бы зло горше того, что было, явилась бы скрытая сила, развращающая все молодое поколѣніе. Пироговъ хорошо понималъ все это. Но, съ другой стороны, зорко приглядываясь къ существовавшимъ порядкамъ, онъ убѣдился, что патріар-

[1]) Собр. пед. ст., стр. 77.

хальныя отношенія воспитателей къ воспитанникамъ давно стали невозможны; онъ видѣлъ, что вмѣсто патріархальности, отеческой заботы, братской любви и т. п. произволъ непосредственныхъ начальниковъ отразился какъ на ученикахъ, такъ и на учителяхъ. Органическая связь между учениками и учителями была уже давно нарушена. Между ними стояли начальники заведеній. Чувство законности было сильно потрясено произволомъ. Недовѣріе къ справедливости начальства глубоко вкралось въ убѣжденіе учениковъ[1]. Но Пироговъ не явился строгимъ обвинителемъ дѣйствовавшихъ педагоговъ. Изъ всѣхъ своихъ наблюденій онъ сдѣлалъ только выводъ, что «бюрократизмъ есть неминуемое слѣдствіе централизаціи, а централизація неминуема при правительственной монополіи воспитанія». «Кто же виноватъ,—спрашивалъ онъ,—кромѣ исторіи, что начальники нашихъ учебныхъ учрежденій болѣе чиновники, чѣмъ воспитатели?» Отсюда было ясно, что для измѣненія всего этого нужны были коренныя преобразованія, а они уже не зависѣли отъ попечителя учебнаго округа. Съ перваго же шага оказывалось невозможнымъ толковать объ идеальныхъ свойствахъ воспитателей въ отношеніи ихъ къ воспитанникамъ, о любви, какъ главномъ принципѣ воспитанія и проч., тогда какъ приходилось бороться въ нашемъ общественномъ воспитаніи съ самыми грубыми его недостатками; невозможно было, по собственному сознанію Пирогова, «мечтать о сохраненіи правды внутренней въ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ воспитателей и воспитанниковъ, тогда какъ едва справлялись съ соблюденіемъ самой внѣшней ея стороны»[2]. «Въ правѣ ли мы требовать отъ нашихъ педагоговъ,—спрашивалъ онъ,—высокаго призванія, опыта жизни, самоотверженія, христіанской любви и труднаго искусства индивидуализировать? Откуда могутъ взяться у насъ такія личности? Кто велъ, кто приготовлялъ ихъ этимъ путемъ? Гдѣ и у кого могли они заимствовать образцы высокихъ качествъ? У прежнихъ ли своихъ наставниковъ, въ жизни ли общества, въ окружающей ли ихъ средѣ, въ семьѣ ли своей, въ воспитательныхъ ли заведеніяхъ? И чѣмъ общество можетъ отблагодарить ихъ, въ свою очередь?.. Нашихъ учителей никто до сихъ поръ не училъ трудному дѣлу педагогіи, нашихъ инспекторовъ и директоровъ никто не выбиралъ по ихъ педагогическимъ заслугамъ, которыя и доказать даже имъ было невозможно... Какъ забыть, что педагогическіе совѣты — самая лучшая сторона нашихъ учебныхъ учрежденій — существовали только для формальныхъ испытаній? Какъ не знать, что учителя позабыли думать о нравственной связи съ учениками?»[3].

[1]) Собр. лит. пед. статей, стр. 134.
[2]) Стр. 135.
[3]) Стр. 136.

Такими вопросами останавливалъ себя Пироговъ отъ увлеченія высшимъ идеаломъ воспитанія, хотя и всегда имѣлъ его передъ собою. Но онъ видѣлъ, что для его примѣненія въ жизни необходимо прежде подготовить самую среду и преобразовать самую систему воспитанія. Послѣднее сдѣлать было не въ его власти. Оставалось выдѣлить тѣ вопросы, которые можно было рѣшать независимо отъ коренныхъ преобразованій и здѣсь уже дѣйствовать убѣжденіями. Въ этомъ онъ видѣлъ единственное вѣрное средство — вызвать педагоговъ на путь самовоспитанія и усовершенствованія. Правда, онъ былъ убѣжденъ, что «трудно, неимовѣрно трудно разувѣрить людей въ томъ, что они однажды приняли, не вдумавшись, что трудъ разувѣрить ихъ неблагодарный; но, по его сознанію, совѣсть требуетъ его исполнить» [1]).

И онъ принялся за это дѣло съ энергіей и съ полной вѣрой въ человѣка. Чтобы вызвать педагоговъ къ разумной и цѣлесообразной дѣятельности, прежде всего онъ оживилъ педагогическіе совѣты, предоставивъ имъ полную свободу мнѣній, и въ то же время гласность, по крайней мѣрѣ, въ средѣ педагогической. Для этого онъ учредилъ циркуляры, которые должны были содержать въ себѣ изложеніе мнѣній гимназическихъ наставниковъ. Черезъ нихъ всѣ педагогическіе совѣты гимназій округа могли мѣняться между собою взглядами и сближаться другъ съ другомъ. Черезъ нихъ могли и высшія служебныя инстанціи ближе познакомиться какъ съ господствующими, такъ и съ исключительными взглядами педагоговъ и по нимъ судить о развитіи самой педагогіи въ той же средѣ. Черезъ нихъ же учебное начальство могло удобнѣе сообщать всѣмъ дирекціямъ свои распоряженія и мнѣнія о вновь предлагаемыхъ педагогическихъ мѣрахъ и способахъ преподаванія.

«Чтобы выработать педагогическое искусство для нашихъ учебныхъ заведеній извнутри или изъ самого себя,—писалъ Пироговъ,— обращаясь къ педагогическимъ совѣтамъ, нужно сначала познакомиться съ нимъ такъ, какъ оно есть въ настоящее время, хорошенько промѣрить его уровень и узнать хотя приблизительно направленіе большинства нашихъ педагоговъ. Съ другой стороны, для нихъ необходимо узнать, какъ смотритъ учебное начальство округа на ихъ взгляды и предлагаемыя ими мѣры, или, другими словами, имъ нужно такъ же хорошо знать направленіе учебнаго начальства, какъ и ему направленіе подвѣдомственныхъ лицъ. Въ педагогикѣ, возведенной на степень искусства, какъ и во всякомъ другомъ искусствѣ, нельзя мѣрить дѣйствіе всѣхъ дѣятелей по одной мѣркѣ, нельзя закабалить ихъ въ одну форму; но съ другой стороны, нельзя и допустить, чтобы эти дѣйствія были совершенно произвольны, неправильны и діаметрально противоположны.

---

[1]) Стр. 72.

Какъ то, такъ и другое совершенно противорѣчитъ духу здравой педагогіи, успѣхъ которой въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ зависитъ, очевидно, отъ правильности и гармоническаго единства дѣйствій главныхъ ея дѣятелей. Итакъ, педагогическія совѣщанія столько же необходимы для наставниковъ, сколько и для самого учебнаго начальства. Но чтобы наставники и начальство извлекли изъ нихъ существенную пользу, необходимо согласиться въ началахъ. Совѣщанія не могутъ быть истинно научными, если они не будутъ чисто-коллегіальными и если всѣ голоса совѣщателей не будутъ равны»[1]).

Изъ этого видно, что Пироговъ не думалъ деспотически дѣйствовать въ средѣ своихъ подчиненныхъ, не думалъ подавлять предписаніями и инструкціями духъ ихъ, хорошо понимая, при какихъ условіяхъ всякій человѣкъ, тѣмъ болѣе наставникъ юношества, можетъ копить и укрѣплять въ себѣ нравственныя силы и благотворно дѣйствовать на живыя души. Онъ хорошо понималъ, какъ важно въ общественномъ дѣлѣ общественное мнѣніе, какъ оно нравственно образуетъ людей и какой составляетъ надежный контроль надъ ихъ трудами. Но вокругъ себя онъ не находилъ общества съ болѣе высшими интересами жизни, чѣмъ интересы свѣтскіе, общество не съ смутнымъ понятіемъ о сущности воспитанія и образованія. Педагогическое дѣло науки и искусства, по мнѣнію Пирогова, нельзя было предоставить суду мнѣнія существовавшаго тогда общества. И вотъ, чтобы совсѣмъ не отказаться отъ важной для педагоговъ образовательной и поощрительной силы, онъ остановился на мысли — постараться сначала, чтобы хорошо выработать путемъ научнымъ общественное мнѣніе нашихъ педагогическихъ учрежденій.

Но для этого нужно воспитать въ каждомъ членѣ общества извѣстную смѣлость духа и сознаніе свободы. И вотъ Пироговъ обращается къ педагогическимъ обществамъ съ замѣчательными словами: «Какъ можетъ быть критика, хотя бы и оффиціальная, безъ права оправданія; тогда это не критика, а приказаніе... Почему трудно разсуждать свободно тому, кто знаетъ, что надъ нимъ есть приговоръ суда? Безпристрастный судъ именно того и требуетъ, чтобы подсудимый говорилъ и разсуждалъ свободно. Долженъ же быть сдѣланъ окончательный приговоръ сужденіямъ для того, чтобы осуществить и возвести ихъ на степень общихъ мѣръ. Этотъ окончательный приговоръ, будетъ ли онъ сдѣланъ общественнымъ мнѣніемъ, или высшею инстанціею, конечно, не препятствуетъ никому оставаться при своемъ убѣжденіи и даже защищать его гласно»[2]).

Но Пироговъ и не скрывалъ, что большинство тогдашнихъ пе-

[1]) Стр. 52.
[2]) Стр. 53.

дагоговъ нельзя было назвать учеными экспертами въ своемъ дѣлѣ, изъ которыхъ должно бы составляться общественное мнѣніе. Его нужно было ожидать въ будущемъ, а въ настоящемъ оставалось одно, по мнѣнію Пирогова: предоставить рѣшеніе вопросовъ большинству голосовъ коллегіальнаго учрежденія, считая—хотя и поневолѣ—его членовъ опытнѣйшими педагогами. Но на первый разъ онъ и не ожидалъ безпристрастныхъ и вѣрныхъ приговоровъ, и главную причину видѣлъ и ясно заявлялъ въ недостаткѣ основательнаго образованія и въ шаткости убѣжденій... «Не лучше ли при такой шаткости нашихъ убѣжденій,—говорилъ Пироговъ,—похлопотать предварительно о лучшей организаціи той среды, къ которой мы принадлежимъ, и постараться путемъ убѣжденія и добросовѣстнаго труда развить здравое мнѣніе объ обязанностяхъ въ этой самой средѣ?»

Въ своихъ отношеніяхъ къ подчиненнымъ наставникамъ, которыхъ нужно было перевоспитывать, Пироговъ стоялъ на высотѣ своей задачи. Своимъ свѣтлымъ умомъ онъ умѣлъ освѣщать имъ принципіальные вопросы, въ которыхъ они путались и иногда спорили болѣе о словахъ, чѣмъ о сущности дѣла. Такъ, одни не хотѣли отдавать преимущество тому способу преподаванія, который наиболѣе содѣйствуетъ развитію душевныхъ способностей учащихся, другіе настаивали на необходимости заучиванія, находя въ этомъ большую пользу; одни говорили, что преподаваемая наука должна служить сама себѣ цѣлью, что главная и единственная цѣль преподаванія есть сообщеніе и усвоеніе знаній; другіе, напротивъ, утверждали, что въ гимназіяхъ каждая наука не есть цѣль, а только средство; главное же есть развитіе способностей. Пироговъ нашелъ, что ихъ можно примирить, если только истинное знаніе науки отдѣлить отъ оффиціально-школьнаго знанія, которое онъ назвалъ экзаменаціоннымъ и классно-переводнымъ. Онъ былъ увѣренъ, что за послѣднее стоять никто не будетъ; а всѣ признаютъ законнымъ только первое и всѣ пожелаютъ, чтобы его усвоили себѣ ихъ ученики сколько можно сознательнѣе. А такое знаніе не можетъ быть однимъ чисто-формальнымъ; оно непремѣнно должно касаться и самаго содержанія и всегда будетъ передаваемо сообразно съ возрастомъ и способностями ученика. Слѣдственно здѣсь главное для учителя съумѣть изложить свой предметъ такъ, чтобы ученикъ сознательно его усвоилъ; а сознательное усвоеніе уже само собою подѣйствуетъ и на развитіе его душевныхъ способностей, если имѣть въ виду, что въ каждой наукѣ есть своя собственная образовательная сила, которая не останется безъ дѣйствія на духъ и на характеръ ученика, какъ скоро истинное знаніе дѣйствительно усвоено. Такой взглядъ на науку упразднилъ вопросы, поднятые педагогическими совѣтами, и вызвалъ новый и самый существенный вопросъ — о способѣ преподаванія, какимъ

успѣшнѣе достигается указанная цѣль. Посредствомъ этого способа непремѣнно разовьется та или другая способность ученика.

Очень просто подошелъ Пироговъ и къ вопросу о заучиваніи, о которомъ спорили преподаватели. Онъ предположилъ, что всѣ согласятся, что заучиванье должно быть разумно, а затѣмъ объяснилъ, что̀ можно назвать разумнымъ заучиваньемъ. «Не то ли, что оно не должно быть дѣломъ одной памяти, а разумнымъ усвоеніемъ знанія. А въ такомъ случаѣ не о чемъ и спорить. Всѣ знаютъ, что одинъ разумъ безъ памяти не можетъ дѣйствовать. Отъ разумно заучивающаго, или, лучше сказать, отъ разумно помнящаго дѣло вѣрно никто не будетъ требовать, чтобы онъ всегда отвѣчалъ учителю слово въ слово по книгѣ или по тетрадкѣ.

Другой педагогическій споръ между преподавателями, обратившій на себя вниманіе Пирогова, касался метода преподаванія: одни смотрѣли на свои обязанности, какъ профессора университета, и считали задаваніе и спрашиваніе уроковъ безполезнымъ; другіе находили спасеніе только въ репетиціяхъ и конспектахъ. Пироговъ поставилъ имъ общій вопросъ, который устранялъ ихъ разногласіе и даже примирялъ спорящихъ. «Нельзя всѣхъ и каждаго стричь подъ одинъ гребень,—замѣчалъ онъ,—а дѣйствовать разумно, примѣняясь къ свойству самаго предмета, къ личности и степени развитія учениковъ и самихъ учителей, вотъ въ чемъ заключается главное дѣло педагогическаго искусства. Это-то и должно быть по преимуществу предметомъ обсужденія педагогическихъ совѣтовъ. Что касается до меня, то я раздѣляю объ этомъ предметѣ мнѣніе, что учитель не долженъ никогда проводить рѣзкой черты между спрашиваніемъ и объясненіемъ урока. Метода преподаванія, наиболѣе соотвѣтствующая духу гимназическаго ученія есть, по моему мнѣнію, та, которую употреблялъ Сократъ. Но какъ Сократовъ, сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ между нашими учителями, то, конечно, нельзя и вмѣнить имъ въ обязанность, чтобы они такъ же излагали свой предметъ, какъ это дѣлалъ греческій философъ. Сократовъ способъ требуетъ большой сноровки и логики. Немногіе владѣютъ искусствомъ дѣлать логическія наведенія такъ, чтобы учащіеся незамѣтно и непринужденно доходили до сознательнаго отвѣта на заданный вопросъ. Но какъ бы ни были различны личныя способности, свѣдѣнія и степень развитія нашихъ наставниковъ и какъ бы далеко ни отстояли они отъ Сократа, всетаки, они всѣ должны почитать прямою ихъ обязанностью **удерживать внимательность цѣлаго класса въ постоянномъ напряженіи.** И въ этомъ отношеніи нельзя не согласиться, что **весь успѣхъ гимназическаго ученія основанъ на взаимодѣйствіи учителя и учениковъ.** Я бы желалъ, чтобы педагогическіе совѣты гимназій серьёзно занялись изобрѣтеніемъ мѣръ, необходимыхъ для поддержанія внимательности въ нашихъ классахъ... Быть внима-

тельнымъ къ словамъ и мыслямъ другаго есть искусство и искусство не легкое, которому нельзя научиться, не упражнявшись съ раннихъ лѣтъ; а кто не научится ему въ школѣ, тотъ не годится и для университета. Пора, пора понять намъ, что обязанность гимназическаго учителя не состоитъ только въ одномъ сообщенiи научныхъ свѣдѣнiй и что главное дѣло педагогики состоитъ именно въ томъ, какъ эти свѣдѣнiя будутъ сообщены ученикамъ. Ошибаются тѣ изъ наставниковъ, которые думаютъ, что они все уже сдѣлали, если изложили науку ученикамъ въ современномъ ея видѣ. Наука дѣло великое, безграничное, едва достижимое и для жизни, не только для школы. Если школѣ удастся сдѣлать учениковъ воспрiимчивыми къ наукѣ, дать имъ сознательное научное направленiе, поселить въ нихъ любовь къ самостоятельнымъ занятiямъ наукою, то больше ничего и требовать нельзя. Школа только тогда достигаетъ своего назначенiя, когда вышедшiй изъ нея ученикъ будетъ понимать, что такое научная истина, — когда ему будетъ указано, что такое истинная наука, и когда онъ научится вырабатывать ее изъ себя самого сознательно и самостоятельно. Но этого-то именно наши школы, если и постигаютъ, то еще далеко не достигаютъ. И могутъ ли онѣ достигнуть, если не стараются всѣми силами развить вниманiе учениковъ, это первое и основное условiе всякой и научной, и практической самостоятельности... Только тотъ постигалъ истину, кто внимательно изучалъ природу людей и самого себя» [1]).

Все это разсужденiе Пирогова и въ наше время должно войдти цѣликомъ въ каждый курсъ педагогiи, равнымъ образомъ и вытекающiе отсюда вопросы, названные имъ жизненными, не потеряли своего интереса для педагогическихъ совѣтовъ. Онъ поставилъ имъ на видъ три вопроса: 1) какой способъ изложенiя при данныхъ мѣстныхъ условiяхъ долженъ считаться удобнѣйшимъ для сознательнаго усвоенiя каждой науки? 2) какъ направить изложенiе каждаго предмета къ развитiю той или другой душевной и умственной способности большей части нашихъ учащихся? и 3) какими мѣрами возбудить и поддержать внимательность цѣлаго класа, столь необходимую для усвоенiя науки?

III.

Вызывая къ разумной педагогической дѣятельности тѣ силы, какiя оказывались на лицо, Пироговъ обратилъ особенное вниманiе на образованiе новаго поколѣнiя, какъ будущихъ общественныхъ дѣятелей, для которыхъ готовились новыя условiя жизни. «По его взгляду, школа должна существовать не для настоящаго, а для бу-

[1]) Стр. 58—60.

дущаго, которое принадлежитъ воспитывающемуся поколѣнію, и только при такомъ взглядѣ онъ признаетъ возможнымъ въ полномъ смыслѣ общечеловѣческое образованіе. Въ настоящее время,—говоритъ онъ,—и именно въ обществѣ, еще не созрѣвшемъ и мало жившемъ прошедшею жизнію, всего заманчивѣе кажется тотъ взглядъ на школу, который ее представляетъ чѣмъ-то вродѣ лѣпной модели для приготовленія людей именно такими, какихъ нужно обществу для его обыденныхъ цѣлей... Общество является потребителемъ, а не какъ фабрикой, приготовляющею товаръ для потребленія. Запросъ есть, стоитъ только удовлетворить ему, и обѣ стороны довольны. Вопіющее современное всегда ближе къ сердцу и доступнѣе мыслямъ, чѣмъ далекое будущее. Для чего вдумываться, что будетъ чрезъ 25 или 30 лѣтъ, когда новое поколѣніе начнетъ замѣнять старое? Правда, всякій изъ насъ, спускаясь подъ гору, начинаетъ чувствовать себя какъ-то неловко и сознавать, что онъ не воспитывался для будущаго, но проживъ такъ или сякъ и безъ того и думая, что въ это время жилось даже лучше, мѣряетъ на свой аршинъ будущее поколѣніе, совѣтуя и ему поступать такъ же и идти по его стопамъ»[1]).

Не могъ примириться Пироговъ съ отдѣленіемъ научнаго образованія отъ нравственнаго воспитанія, особенно въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, и при недостаткѣ истинныхъ воспитателей, какъ было у насъ въ пятидесятыхъ годахъ. Онъ хорошо понималъ тѣсную связь общества со школою, видѣлъ вредное вліяніе перваго на послѣднюю и въ идеалѣ представлялъ гегемонію школы, которая должна руководить взглядами и убѣжденіями будущихъ поколѣній. Какъ направить дѣйствительность къ этому идеалу въ предѣлахъ возможнаго, Пироговъ сдѣлалъ нѣсколько указаній, которыя и до сихъ поръ не получили практической разработки, хотя они заслуживаютъ полнаго вниманія тѣхъ, которые серьезно смотрятъ на общественное воспитаніе. Выражаясь, какъ всегда чрезвычайно сжато, иногда отрывочно, онъ не даетъ намъ возможности сокращать его изложеніе и потому мы принуждены пользоваться его собственными словами, чтобы точнѣе представить его взгляды и выводы.

«Жизнь, уже сложившаяся до школы,—говоритъ онъ,—несравненно могучѣе вліяетъ на школу, чѣмъ школа на жизнь. И это-то могучее вліяніе жизни проникаетъ и черезъ стѣны закрытыхъ заведеній. Подъ обаяніемъ этой жизни находятся и воспитатели, и наставники, и воспитанники. Какъ бы ни старались уберечь отъ этого вліянія, жизнь общества беретъ свое и отражается на воспитанникѣ и на воспитателѣ, со всѣми ея и худыми, и хорошими сторонами. Пусть будутъ всѣ воспитатели самые передовые люди

[1]) Стр. 66.

общества—предположеніе, конечно, не осуществимое—всетаки, они внесутъ непремѣнно въ школу съ отрадною стороною и извѣстную долю безотраднаго, вынесеннаго ими изъ жизни... Со времень Бецкаго мы идемъ по ложному пути, полагая все еще найдти въ закрытыхъ заведеніяхъ точку опоры для нравственнаго обновленія нашего общества. Мы беремъ на себя тяжелую отвѣтственность передъ нимъ, не имѣя возможности удовлетворить самымъ первымъ требованіямъ раціональной педагогики... Заведенія, вмѣщая значительное число воспитанниковъ, не могутъ быть организованы безъ строгаго соблюденія дисциплинарнаго порядка, касающагося исключительно обрядной стороны жизни. Но кому неизвѣстно, какъ трудно въ воспитаніи сохранить полное равновѣсіе между внѣшнею и внутреннею, самою существенною его стороною? Кто не знаетъ, какъ легко внѣшнее и обрядное въ нашихъ общественныхъ учрежденіяхъ беретъ перевѣсъ надъ внутреннимъ, заглушая его безпощадно? Кто, знакомый съ натурою молодежи, не знаетъ, какъ она враждебно смотритъ на внѣшнія стѣсненія, когда они имѣютъ цѣлію одно только соблюденіе формы? Они переносятъ эти стѣсненія, но скрѣпя сердце и затаивъ въ глубинѣ души протестъ и неудовольствіе. И чѣмъ болѣе молодежь развита, чѣмъ болѣе умъ ея направленъ на серьёзныя научныя занятія, и чѣмъ болѣе она чувствуетъ къ нимъ призваніе въ себѣ, тѣмъ неохотнѣе она покоряется формальности. Это лежитъ въ натурѣ вещей, и это направленіе молодыхъ умовъ можно подавить дисциплинарною строгостію, но уничтожить нельзя. Убѣжденіемъ и примѣромъ можно довести самыхъ легкомысленныхъ до того, что они безпрекословно покоряются всѣмъ законамъ вѣчной правды; безъ ропота снесутъ они и строгость, если мѣры строгости будутъ направлены къ соблюденію этихъ законовъ. Но нельзя никого, даже ребенка, убѣдить безъ насилія, что вѣчная правда требуетъ непремѣнно точнаго исполненія всѣхъ условій и всѣхъ постановленій обрядной стороны жизни. Этого можно достигнуть однимъ только приказаніемъ, которому, всетаки, не будетъ доставать главной нравственной опоры—убѣжденія. Какихъ же слѣдствій должно ожидать для развитія характера, воли и чувства правды, если, желая молодыхъ людей воспитать научно и нравственно, мы по необходимости будемъ, съ одной стороны, требовать отъ нихъ безусловнаго повиновенія дисциплинѣ и обряду; а съ другой стороны—вмѣсто убѣжденія дадимъ затаиться въ юной душѣ притворству и скрытности или ропоту и протесту» [1]).

Не признавая возможности истинно-нравственнаго воспитанія въ закрытыхъ заведеніяхъ въ такомъ видѣ, какъ они у насъ существовали, Пироговъ, напротивъ, находилъ въ самой школѣ большую воспитательную силу. «Школа,—говорилъ онъ,—одолжена своимъ

[1]) Стр. 191.

мощнымъ вліяніемъ наукѣ, и—скажу прямо мое убѣжденіе—одной только наукѣ. Въ наукѣ кроется такой нравственно-воспитательный элементъ, который никогда не пропадаетъ, какіе бы ни были ея представители. Наука беретъ свое и, дѣйствуя на умъ, дѣйствуетъ и на нравы. Въ этомъ всего лучше убѣждаютъ насъ люди, вынесшіе изъ школы только одну привязанность къ наукѣ, едва узнавъ ея начатки. Безъ всякаго надзора и приготовленія къ жизни, брошенные въ жизнь, въ борьбѣ съ лишеніями и нуждами, они въ одной наукѣ находятъ и утѣшеніе, и крѣпость, и мужество въ борьбѣ. Также и того я не отвергаю абсолютно, что нравственный надзоръ школы можетъ помогать развитію характера и воли, но гдѣ и когда? Тамъ, гдѣ характеръ и воля цѣлаго общества достаточно окрѣпли, гдѣ его взгляды на жизнь достаточно установились, гдѣ цѣлое общество уже окрѣпло въ борьбѣ и положительно знаетъ, чего оно хочетъ и къ чему стремится,—въ такомъ обществѣ школа вѣрно исполнитъ его желанія и его цѣли. Она дочь общества, хотя и не всегда послушная. Но мы хотимъ, чтобы она была его матерью; а для этого нужно, чтобы она прежде окрѣпла, возмужала и опередила общество, получая всѣ свои силы отъ него же самого. Для этого нужно, чтобы вся исторія общества, всѣ внѣшнія и внутреннія условія способствовали къ развитію его нравственныхъ силъ, его воли, его характера. Тогда, и только тогда, школа можетъ выработать, развить все ею полученное отъ общества и сдѣлаться передовою. Пока этого нѣтъ, то отъ школы ничего болѣе и ожидать нельзя, кромѣ вліянія путемъ науки. Пусть же живое слово изъ школы распространяется въ массахъ и приготовитъ ихъ сначала къ воспринятію высшихъ нравственныхъ началъ... Не будетъ ли надежнѣе, оставивъ притязанія школы передъ обществомъ на высшую нравственность, сосредоточить всѣ ея силы на распространеніе науки словомъ и дѣломъ? Не будетъ ли вѣрнѣе вмѣсто всѣхъ попытокъ, столько разъ не удавшихся, улучшить нравственность путемъ чисто-нравственныхъ мѣръ, обратить всю дѣятельность школы на развитіе здраваго смысла путемъ науки? Развивъ его въ новомъ поколѣніи, намъ не нужно будетъ много опасаться за его нравственность. Она всегда лучше тамъ, гдѣ болѣе здраваго смысла... Лишь бы наставникъ съумѣлъ довести истину, какой бы наукѣ она ни принадлежала, до понятія ученика, она не останется безъ дѣйствія, потому что **во всякой истинѣ** и отвлеченной, и **чувственной есть своя доля образовательной и слѣдовательно воспитательной силы.** Остальное докончитъ индивидуальность каждаго, кто воспринималъ истину. Итакъ я не отвергаю и нравственнаго вліянія нашей школы; но я ищу его въ одной наукѣ, и потому требую, чтобы наставники, представители науки, были вмѣстѣ и воспитателями. Я требую отъ нихъ, чтобы они, пользуясь образовательною силою науки, позаботились развить

здравый смыслъ и любовь къ истинѣ въ своихъ ученикахъ, а черезъ это улучшили и нравы будущаго поколѣнія. Въ этомъ способѣ я нахожу несравненно болѣе условій для успѣха, нежели въ раздѣленіи научной части училища отъ воспитательной, постепенно вкравшемся въ наши заведенія, ко вреду и науки, и воспитанія. Въ моихъ глазахъ и здравый смыслъ, и характеръ, и воля воспитанника разовьются гораздо болѣе отъ часоваго ученія у одного или двухъ дѣльныхъ наставниковъ, нежели отъ безпрестаннаго надзора десяти надзирателей, гувернеровъ, воспитателей, или какъ бы они ни назывались — имя не перемѣнитъ дѣла. А безъ здраваго смысла всѣ правила нравственности ненадежны...» [1]).

Мы увѣрены, что многіе захотятъ возражать противъ этихъ убѣжденій Пирогова, если забудутъ, что онъ отличаетъ истинную науку отъ экзаменаціонныхъ или класно-переводныхъ познаній, на которыя онъ указываетъ въ другомъ мѣстѣ, если не вспомнятъ, что онъ требуетъ найдти педагогическое средство возбуждать и постоянно поддерживать вниманіе учениковъ въ классѣ, чтобы работою учителя сообща съ учениками доходить до высшихъ понятій, которыя и должны составлять сущность образованія. Нѣтъ сомнѣнія, что при этихъ условіяхъ наука выкажетъ и нравственно воспитательную силу. Кромѣ того, школа можетъ развить въ себѣ еще одну нравственную силу, на которую также обратилъ вниманіе Пироговъ и которою ему хотѣлось воспользоваться для воспитательныхъ цѣлей. Но онъ успѣлъ сдѣлать только нѣсколько небольшихъ опытовъ и долженъ былъ прекратить ихъ по независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ, отчего и самая идея осталась недостаточно выясненною. Эта сила обыкновенно проявляется въ школахъ въ различныхъ корпораціяхъ и проявляется вслѣдствіе врожденнаго стремленія человѣка къ общественности. Она же высказывается въ тѣхъ школьныхъ товариществахъ, которыя обыкновенно восхваляются всѣми, но противъ которыхъ нерѣдко приходится бороться неумѣлымъ воспитателямъ. Эти товарищества являлись, по большей части, силою въ противодѣйствіи начальству, которое основывало все воспитаніе на однихъ запрещеніяхъ и безразсудною строгостью ставило учениковъ во враждебное къ себѣ отношеніе. Здѣсь уже искажалась идея общественности, потому что развивалось не чувство законности, а только стремленіе общими силами обмануть и провести своихъ менторовъ, отстоять своего товарища, хотя бы и провинившагося, спасти его отъ наказанія, хотя бы и заслуженнаго. Такое товарищество развивало ложныя понятія о долгѣ, о чести и переставало быть нравственною силою. Оно, напротивъ, деморализировало юношей. Они не привыкали смотрѣть на него какъ на общество, о чести котораго долженъ забо-

[1]) Стр. 187—189.

титься каждый членъ его, и которое пятнаетъ всякій дурной его поступокъ. Они скорѣе походили на вооруженный лагерь, осажденный непріятелемъ, противъ котораго дозволительны всѣ средства, лишь бы только остаться цѣлымъ и не потерпѣть убыли въ своей средѣ. Такое искаженное чувство товарищества переходило потомъ и въ жизнь, за предѣлы школы. И тамъ руководило не чувство законности, не чувство правды, долга и чести, которыя оставались мало развитыми, а только выгоды товарищей: прикрыть нечестный поступокъ, избавить отъ отвѣтственности передъ закономъ негоднаго человѣка, помочь нажиться предосудительными путями, все изъ чувства стараго товарищества. Ясно, что общественная нравственность тутъ нисколько не выигрывала.

Пироговъ хорошо понялъ, что духъ товарищества самъ по себѣ представляетъ прекрасную сторону школьной жизни, но что воспитатели въ большинствѣ не умѣютъ имъ воспользоваться для воспитательныхъ цѣлей, а нерѣдко своею безтактностью даютъ ему не желательное направленіе. «Духъ корпораціи,—писалъ онъ въ циркулярѣ по округу,—при извѣстныхъ условіяхъ можетъ и повредить законности и поддержать ее. Онъ дѣлается вреднымъ, когда корпорація организуется тайно, или когда она вовсе не организована, а существуетъ по одному преданію и, такъ сказать, инстинктивно. Еще хуже бываетъ, когда въ основаніе ея принято какое нибудь ложное, несовременное и незаконное начало. Напротивъ, корпоративный духъ много содѣйствуетъ распространенію законности и нравственной связи между учащимися и цѣлымъ учрежденіемъ, когда основаніемъ корпораціи служитъ благородное, научное соревнованіе, чувство чести и собственнаго достоинства. Главная задача педагогіи состоитъ въ томъ, чтобы, пользуясь этою естественною наклонностію человѣка, живущаго въ обществѣ, проявляющеюся съ самаго его дѣтства, дать ей надлежащее направленіе и устремить ее къ развитію чувства законности, правды и чести. Безъ сомнѣнія, примѣненіе корпоративнаго духа, болѣе или менѣе господствующаго въ нашихъ училищахъ, къ педагогическимъ цѣлямъ должно быть дѣлаемо съ большою осторожностью. Такимъ образомъ, характеръ нѣкоторыхъ проступковъ учащихся можетъ быть несравненно точнѣе опредѣленъ ими самими, нежели воспитателями. Существуютъ, напримѣръ, такіе проступки, причину и значеніе которыхъ разузнать нельзя, иначе какъ посредствомъ товарищей виновнаго, и именно потому, что эти проступки преимущественно касаются взаимныхъ отношеній одного учащагося къ другимъ. Если же педагогъ вздумаетъ воспользоваться этимъ средствомъ и прибѣгнетъ для обнаруженія виновнаго и причины его проступка къ помощи его товарищей, то онъ, очевидно, нарушитъ взаимное довѣріе и ту связь учащихся между собою и съ ихъ воспитателями, которая такъ необходима для всякаго учебнаго учреж-

денія. Поэтому въ подобныхъ случаяхъ здравая педагогика требуетъ, чтобы разслѣдованіе и въ извѣстной степени и **самый судъ** виновнаго были болѣе предоставлены его товарищамъ, нежели наставникамъ; наставники же въ такихъ случаяхъ должны играть роль болѣе пассивную; онъ долженъ точно наблюдать за ходомъ всего дѣла, не допуская ни малѣйшаго уклоненія отъ правды, и, такъ сказать, издали руководя дѣйствіями воспитанниковъ... Такой судъ, хотя и въ грубомъ видѣ, существуетъ и теперь въ закрытыхъ заведеніяхъ и даже между приходящими учениками; они и теперь находятъ случай, собравшись, общими силами разругать и даже поколотить товарища, провинившагося въ ихъ глазахъ; только оффиціально такая ученическая расправа не признается. Но мнѣ кажется, что гораздо безвреднѣе **для нравственности общества** такія естественныя проявленія корпоративнаго духа правильно организовать и подчинить законному надзору, нежели, закрывъ глаза рукою, признать ихъ какъ не существующими»[1]).

Съ этой цѣлью, Пироговъ ввелъ, въ видѣ опыта, въ пяти высшихъ гимназическихъ классахъ совѣстный судъ товарищей, правильно организованный подъ руководствомъ воспитателей. Къ проступкамъ, подлежавшимъ этому суду, относились только тѣ, которые касались нарушенія взаимныхъ отношеній учениковъ, какъ порчу вещей товарищей, ложь и клевету противъ товарища, оскорбленіе товарища словомъ и дѣломъ. Право такого суда предоставлялось учащимся въ видѣ особеннаго довѣрія начальниковъ къ ихъ нравственности. Оно могло быть и отнято, какъ скоро педагогическій совѣтъ удостовѣрялся, что предоставленное имъ дѣло было ведено неправильно и пристрастно. Прежде, чѣмъ обсудить эту мѣру, которая многимъ можетъ показаться странною, взглянемъ, какъ она практиковалась втеченіе одного года и двухъ мѣсяцевъ въ Кіевскомъ округѣ. Въ одиннадцати гимназіяхъ округа, всѣхъ наказаній, опредѣленныхъ **судомъ товарищей**, было до семидесяти. Всѣ проступки, подлежавшіе этому суду, заключались въ нанесеніи обиды и оскорбленій товарищамъ словомъ и дѣломъ и въ умышленной порчѣ вещей, принадлежавшихъ товарищамъ. Всѣ почти подсудимые были ученики II, III и IV классовъ, только три ученика V и одинъ VII классовъ. Наказанія, назначавшіяся судомъ, состояли въ томъ, что виновнаго заставляли просить извиненіе у обиженнаго, присуждали къ аресту, къ оффиціальному выговору, къ лишенію пищи и платѣ за испорченную вещь. По отчетамъ нѣкоторыхъ дирекцій, судъ выборныхъ не всегда былъ безпристрастенъ, что по необходимости требовало большаго участія въ судѣ товарищей инспектора или другаго члена педагогическаго совѣта. Другія дирекціи утверждали, напротивъ, что на выборы и на судъ

---

[1]) Стр. 250—251.

ученики гимназіи смотрѣли весьма серьёзно и выборные разбирали всегда и всякое дѣло внимательно и безпристрастно, что не было ни одного случая, въ которомъ бы нужно было усилить наказаніе, опредѣленное выборными. Вообще же всѣ дирекціи признавали пользу суда товарищей, находя, что этотъ судъ способствуетъ развитію общественнаго мнѣнія. Случалось нерѣдко, что ученики цѣлымъ классомъ выдавали виновнаго, сдѣлавшаго проступокъ, предосудительный для чести всего класса. Опытъ показалъ, что вражды между учениками, которую предсказывали журнальныя статьи, не было и слѣда, и виновные безропотно подчинялись приговорамъ суда.

Судъ товарищей былъ введенъ, по мысли Пирогова, между прочимъ, и съ тою цѣлью, чтобы искоренить произвольное и беззаконное самоуправство, существовавшее между учениками гимназій. За все это время было только два случая такой самовольной расправы. Одна изъ нихъ сопровождалась позорнымъ тѣлеснымъ наказаніемъ, имѣвшимъ печальныя послѣдствія: наказанный юноша не вынесъ стыда и черезъ нѣсколько времени застрѣлился на улицѣ. Изъ найденныхъ послѣ его смерти писемъ, въ одномъ изъ нихъ онъ прощался со своими школьными друзьями въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ; въ другомъ, къ отцу, онъ упрекалъ себя и сожалѣлъ, что не исполнилъ его надеждъ. «Ложные слухи, — объявлялъ Пироговъ, — приписали эти случаи именно введенію нашей мѣры, потому только, что оба они сдѣлались гласными, тогда какъ прежде подобные же случаи оставались скрытыми». Значитъ, и съ этой стороны, мѣра, придуманная Пироговымъ, достигла цѣли: два случая вмѣсто прежнихъ многихъ, служатъ яснымъ тому доказательствомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ нея, если бы она практиковалась долѣе, выдѣлялось бы то, что даетъ ей педагогическое значеніе совсѣмъ особенное, какого не можетъ имѣть никакая другая педагогическая мѣра. Школа должна давать воспитаніе общественное въ томъ смыслѣ, что изъ нея должны выходить молодые люди, подготовленные къ общественной дѣятельности, слѣдовательно съ развитымъ чувствомъ общественности, съ правильнымъ понятіемъ объ общественной нравственности, безъ которыхъ никакое общество не можетъ быть крѣпко. Школьныя товарищества въ такомъ видѣ, какъ они существовали, составляя корпораціи, враждебно направленныя противъ неумѣлыхъ воспитателей, не могли развить тѣхъ качествъ, какія нужны для общественной дѣятельности. Они направляли на борьбу преимущественно скрытую, не во имя долга и чести, а въ выгодахъ партіи, не разбирая, что законно и что незаконно. Такое товарищество нельзя было сравнивать съ обществомъ. Судъ товарищей, введенный Пироговымъ, могъ постепенно привести къ идеѣ объ общественности, которая дала бы и самому товариществу другой смыслъ и сдѣлала бы его многозначительной вос-

питательной силой. Если уже черезъ годъ съ небольшимъ дирекціи признавались, что судъ товарищей способствуетъ развитію общественнаго мнѣнія, то отсюда уже было недалеко до отождествленія товарищества и общества. Тогда, конечно, и самый судъ выработался бы въ другомъ видѣ. Судъ общественнаго мнѣнія есть выраженіе общественной совѣсти согласно съ нравственными идеалами общества; онъ совершается не по какому либо кодексу, который составляется для суда юридическаго. Онъ не дѣлаетъ подбора наказаній, для выполненія которыхъ нужна особенная власть. Онъ просто караетъ своимъ приговоромъ или осужденіемъ, дѣлающимъ положеніе провинившагося лица неловкимъ среди этого общества. Но для того, чтобы такой судъ могъ имѣть воспитательное значеніе, нужно, чтобы само общество понимало, въ чемъ состоитъ нравственное человѣческое достоинство и на этомъ основаніи выработывало бы себѣ высшіе идеалы жизни.

Чтобы приравнять школьное товарищество къ обществу, нужно много потрудиться самимъ воспитателямъ, нужно заставить учениковъ полюбить свое заведеніе на столько, чтобы они дорожили его честью, нужно сдѣлать ихъ чуткими ко всякому предосудительному поступку, который можетъ бросить тѣнь на все общество. Боязнь суда такого общества будетъ сдерживающею нравственною силою для каждой личности, хотя бы онъ и не присуждалъ ни къ какому чувствительному наказанію. И если воспитателямъ удастся такъ направить товарищество и поддерживать его самой строгой справедливостью въ своихъ отношеніяхъ къ воспитанникамъ, то во всемъ остальномъ ихъ собственное дѣло будетъ значительно облегчено: нравственное воспитаніе молодыхъ людей будетъ упрочено и обезпечено; они сами будутъ воспитывать себя и готовить для дѣйствительной общественной жизни. Надъ обществомъ школьныхъ товарищей, какъ и надъ всякимъ обществомъ, должны стоять свои власти или начальство, чтобы слѣдить за исполненіемъ существующихъ правилъ и пріучать личность подчиняться законамъ; но они не могутъ издавать кодексовъ для общественнаго мнѣнія, не могутъ допускать другой власти для назначенія наказанія за какіе либо проступки, тѣмъ болѣе не могутъ безъ собственнаго суда являться исполнителями постороннихъ приговоровъ.

Впрочемъ, и Пироговъ отличалъ судъ юридическій отъ суда нравственнаго или общественнаго: «Взгляды на правду,—говорилъ онъ,—какъ юридическіе, такъ и всего человѣческаго общества, въ сущности одни и тѣ же, т. е. судить по справедливости и совѣсти о винѣ и проступкахъ другихъ; коренное же начало проступковъ и у дѣтей, и у взрослыхъ въ сущности одно и то же. Всякій проступокъ и у взрослаго, и у ребенка долженъ быть разсматриваемъ и въ отношеніи къ другимъ, или къ той средѣ, въ которой онъ живетъ. Въ первомъ отношеніи зло находитъ наказаніе въ самомъ

себѣ, слѣдовательно наказаніе внутреннее; въ другомъ отношеніи оно должно найдти наказаніе внѣшнее[1]). Первое и вытекаетъ изъ суда общественнаго мнѣнія».

Конечно, намъ возразятъ, что все это очень идеально, и мы согласимся съ этимъ, прибавивъ, что безъ идеаловъ невозможно и нравственное воспитаніе; согласимся также, что исполнить все это очень трудно, но не скажемъ, что невозможно. Нужны только воспитатели съ такими же стремленіями, какія выказалъ въ себѣ Пироговъ. Онъ доказалъ, что въ обществѣ школьныхъ товарищей можно найдти воспитательную силу; а мы утверждаемъ, что ею слѣдуетъ воспользоваться для развитія чувства общественной нравственности, которое вообще у насъ такъ мало развито.

IV.

Пироговъ много сокрушался, что въ русской средѣ слишкомъ мало развито чувство законности, которое онъ называлъ жизненнымъ условіемъ гражданственности, взаимнаго довѣрія и прогресса. Точно также онъ не видѣлъ, чтобы и русская школа развивала это чувство. Онъ вытребовалъ отъ дирекцій своего округа статистическія данныя о наказаніяхъ за 1858 годъ и былъ пораженъ громадною разницею цифръ. Такъ подверглись тѣлесному наказанію въ кіевскихъ гимназіяхъ: въ одной изъ 215 учениковъ—трое, въ другой изъ 625—43; въ немировской изъ 600—67, а въ житомірской изъ 600—290; въ ровенской изъ 300—6, въ полтавской изъ 399—39, а въ нѣжинской изъ 260—2. «Неужели,—спрашивалъ онъ,—нравственное развитіе учениковъ 2-й кіевской и житомірской гимназій такъ различно, чтобы имъ однимъ можно было объяснить, почему въ одной изъ нихъ почти при одинаковомъ числѣ учащихся высѣчены были въ прошломъ году только 43, а въ другой почти 300 учениковъ. Ясно, что тутъ была другая причина,—полный произволъ начальственныхъ лицъ: за тотъ же самый проступокъ, за который одинъ директоръ сѣчетъ ученика, другой слабо наказываетъ или прощаетъ его. Все это вредно должно вліять въ особенности на тѣхъ учениковъ, которые переходятъ изъ одной гимназіи въ другую въ томъ же округѣ». «При такихъ противорѣчіяхъ и упущеніяхъ,—объявлялъ Пироговъ,—нельзя развиться чувству законности въ учащихся. Воспитанники, видя такую разнообразность взглядовъ и дѣйствій воспитателей, непременно придутъ къ тому заключенію, что дѣйствіями ихъ управляетъ не законъ, а случай, капризъ, произволъ и пристрастіе. Довѣріе къ законности дѣйствій въ такомъ случаѣ нарушается, а

---

[1]) Стр. 164.

вмѣстѣ съ этимъ исчезаетъ и всякое чувство правды и законности. Произволъ и капризъ воспитателя вызываетъ, по закону противодѣйствія, такой же произволъ и капризъ и въ воспитанникѣ». Подтвержденіе этихъ выводовъ Пироговъ нашелъ и въ протоколахъ засѣданій педагогическихъ совѣтовъ. Это обстоятельство заставило Пирогова подумать о томъ, какъ ограничить произволъ начальственныхъ лицъ, не отступая отъ тѣхъ началъ бюрократизма, на которыхъ были поставлены наши школы и отъ которыхъ отступать онъ не имѣлъ права. А недостатки бюрократическаго воспитанія онъ находилъ въ томъ, что воспитатели, и призванные и спекулянты, принужденные дѣйствовать по однообразнымъ и опредѣленнымъ предписаніямъ начальства, невольно дѣлаются воспитателями-чиновниками; они лишаются возможности индивидуализировать, а съ этимъ вмѣстѣ дѣлается невозможнымъ и примѣненіе одного изъ самыхъ основныхъ правилъ педагогики — сообразоваться въ каждомъ данномъ случаѣ съ нравомъ, темпераментомъ и способностями воспитанника. Невозможность вникать въ натуру каждаго нарушаетъ и тѣ сердечныя патріархальныя отношенія воспитателя къ воспитаннику, составляющія отличительную черту того воспитанія, которымъ занимаются педагоги по призванію. «Счастливое время патріархальныхъ отношеній,—заявлялъ Пироговъ,—если оно когда либо и существовало въ большихъ учебныхъ заведеніяхъ, прошло. Теперь подъ предлогомъ этой патріархальности нерѣдко ждешь не добра, а скрытыхъ злоупотребленій. Прислушиваясь къ говору учениковъ въ школахъ, не только ничего не услышишь о сердечной привязанности ихъ къ наставникамъ; но, напротивъ, еще узнаешь, что не существуетъ даже и довѣрія къ справедливости и правосудію воспитателей. При такомъ положеніи дѣла толковать объ отеческихъ отношеніяхъ директоровъ, инспекторовъ, надзирателей и учителей къ воспитанникамъ значило бы фарисействовать, или не хотѣть видѣть того, что уже слишкомъ ясно. Еще недавно педагогическій совѣтъ одной изъ гимназій округа, осуждая провинившагося ученика, раздѣлился на двѣ противныя стороны, изъ которыхъ одна утверждала, что учителя должны быть отцами, а другая, что они должны быть братьями учениковъ. Я замѣтилъ на это, что наставники, по моему мнѣнію, должны остаться тѣмъ, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ, т. е. ни болѣе, ни менѣе какъ наставниками».

Пироговъ предлагалъ оставить въ покоѣ недостижимое, а обратиться лучше къ усовершенствованію другой, болѣе практической, стороны общественнаго воспитанія. Онъ остановился на мысли извлечь все хорошее изъ преобладающаго административнаго начала, которое измѣнить было не въ его власти, и приспособить его какъ можно лучше къ воспитанію юношества. Хорошаго же въ

этомъ началѣ онъ видѣлъ то, что оно, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ содѣйствовать и развитію въ дѣтяхъ чувства законности. Это онъ считалъ первымъ шагомъ къ улучшенію нравственной стороны воспитанія; главнымъ же средствомъ къ развитію этого чувства, при малой педагогической подготовкѣ самихъ воспитателей, могли служить, по его взгляду, точныя положительныя и одинаковыя для всѣхъ дирекцій правила о проступкахъ и наказаніяхъ. Чтобы тщательно обсудить этотъ вопросъ, Пироговъ составилъ подъ своимъ предсѣдательствомъ особый комитетъ изъ директоровъ, инспекторовъ, профессоровъ и учителей и предложилъ ему вопросъ: какъ при настоящей организаціи нашихъ гимназій и при настоящихъ средствахъ уничтожить произволъ дѣйствій, возбудить въ учащихся упадшее довѣріе къ начальству гимназіи и постепенно возстановить нарушенную связь между учениками и наставниками?

«Для рѣшенія этого вопроса,—заявлялъ Пироговъ,—и мнѣ, и комитету представлялся возможнымъ только одинъ путь: усиленіе нравственнаго вліянія педагогическихъ совѣтовъ и составленіе правилъ для учениковъ и воспитателей. Мы полагали,—и не безъ причины,—что возстановить вдругъ нарушенную нравственную связь между учениками и учителями невозможно и что самымъ ближайшимъ средствомъ къ этому можетъ служить измѣненіе отношеній учениковъ къ цѣлому обществу наставниковъ. Это было легче сдѣлать, нежели возстановить всѣ нарушенныя отношенія учениковъ къ каждому учителю въ отдѣльности, что должно было возстановиться постепенно само собою, какъ неминуемое слѣдствіе перваго».

Такъ какъ опытъ доказалъ, что заключенія и опредѣленія педагогическаго совѣта несравненно болѣе пользуются довѣріемъ между учащимися, чѣмъ рѣшенія одного лица, будетъ ли оно второстепенное въ заведеніи, какъ учителя и надзиратели, или главное, какъ директоръ,—Пироговъ вмѣстѣ съ комитетомъ считалъ необходимымъ, чтобы и правомъ опредѣлять наказанія, которыя имѣютъ болѣе сильное вліяніе на нравственность учащихся, пользовался одинъ педагогическій совѣтъ, а инспекторъ и директоръ имѣли бы право распоряжаться преимущественно въ случаяхъ экстренныхъ и не терпящихъ никакого отлагательства. «Эта мѣра,—объявлялъ Пироговъ,—нисколько не уменьшитъ уваженія учащихся къ этимъ лицамъ, но еще, напротивъ, устранивъ причину подозрѣній и нареканій о личностяхъ, капризѣ и произволѣ, заставитъ ихъ болѣе довѣрять своимъ непосредственнымъ начальникамъ, а слѣдовательно и болѣе уважать ихъ».

Комитетомъ были составлены правила о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназій; но Пироговъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на мѣру временную и приготовительную къ другому лучшему

порядку вещей. «Ни я и никто даже не мечталъ,— впослѣдствіи заявлялъ онъ,— искоренить этими правилами самое начало проступковъ — пороки».

Въ виду того непомѣрнаго сѣченія, которое практиковалось во многихъ гимназіяхъ, Пироговъ предложилъ комитету вопросъ: нельзя ли въ нашихъ гимназіяхъ уничтожить совсѣмъ розгу? Большинство членовъ комитета отвѣчало отрицательно. На тотъ же вопросъ, предложенный педагогическимъ совѣтамъ гимназій, четыре изъ нихъ отвѣчали нѣтъ, другіе предлагали въ случаяхъ, требующихъ строгаго взысканія, предоставлять родителямъ и опекунамъ распоряжаться наказаніемъ, или замѣнить тѣлесное наказаніе исключеніемъ, или учредить исправительную гимназію.

Собственный же взглядъ Пирогова выразился въ слѣдующемъ разсужденіи: «Извѣстно, что какъ бы наказаніе ни было жестоко и унизительно, къ нему можно привыкнуть. Человѣкъ пріучился хладнокровно смотрѣть и на смертную казнь. Такъ и розга, часто употребляемая, теряетъ свое нравственно-исправительное дѣйствіе. По этому гораздо надежнѣе и несравненно сообразнѣе съ правилами благоразумной педагогики принять въ основаніе не строгость, а соотвѣтственность наказанія съ характеромъ проступка. Идеалъ справедливаго наказанія есть то, чтобы оно проистекало, такъ сказать, само собою изъ сущности самаго проступка. Розгу изъ нашего русскаго воспитанія нужно бы было изгнать совершенно. Если для доказательства ея необходимости и пользы приводятъ въ примѣръ воспитаніе въ Англіи, то на это нужно замѣтить, что розга въ рукахъ англійскаго педагога имѣетъ совершенно другое значеніе. Гдѣ чувство законности глубоко проникло всѣ слои общества, тамъ и самыя нелѣпыя мѣры не вредны, потому что они не произвольны. А тамъ, гдѣ нужно сначала еще распространить это чувство, розга не годится. Унижая нравственное чувство, замѣняя въ виновномъ свободу сознанія робкимъ страхомъ, съ его обыкновенными спутниками—ложью, хитростью и притворствомъ, розга окончательно разрываетъ нравственную связь между воспитателемъ и воспитанникомъ; она и тамъ не надежна, гдѣ существуютъ патріархальныя отношенія. И если грубое тѣлесное наказаніе и отъ рукъ роднаго отца дѣлается невыносимымъ, то въ воспитаніи, основанномъ на административномъ началѣ, оно дѣлается унизительнымъ и возмущающимъ» [1]).

Но, не смотря на все свое желаніе уничтожить тѣлесное наказаніе, которое было противно нравственно развитому человѣку, Пироговъ всеже не рѣшился идти въ разрѣзъ съ лицами, бывшими непосредственными воспитателями учащихся. Онъ видѣлъ, что они были несостоятельны воспитывать нравственными мѣрами, а мно-

[1]) Стр. 249.

гіе факты изъ прошедшаго и настоящаго убѣдили его, что нравы и ложные взгляды нельзя перемѣнить предписаніями и письменными правилами. «На бумагѣ розга была уже уничтожена еще въ прошедшемъ столѣтіи,—заявлялъ онъ:—въ Руководствѣ учителямъ 1 и 2 разряда 1794 года запрещались: 1) всѣ тѣлесныя наказанія и 2) всѣ посрамляющія и честь трогающія униженія, какъ-то: ослиныя уши, названіе «скотины» и т. п. Однако же, эти запрещенія не помогли, потому что убѣжденіе въ необходимости тѣлеснаго наказанія было еще слишкомъ сильно и у родителей, и у воспитателей. Отцы еще обращаются въ училища и гимназіи съ просьбами сѣчь дѣтей и сами сѣкутъ дома. Ученики 6 и 7 классовъ, не нынче такъ завтра студенты, тайкомъ, безъ вѣдома гимназическаго начальства, и за поступки противъ чести сѣкутъ своихъ товарищей. Вотъ факты, обличающіе нравы общества... Розга должна исчезнуть не по принужденію начальства, а по общему единогласному убѣжденію воспитателей, когда они найдутъ въ себѣ довольно воли и искусства замѣнить ее болѣе нравственнымъ суррогатомъ. Чтобы употребить съ успѣхомъ нравственныя мѣры, нужно знать трудное искусство индивидуализировать и очеловѣчивать звѣрскую сторону ребенка. Дѣйствіе этихъ мѣръ не такъ просто и однообразно, какъ дѣйствіе розги на физическую сторону дитяти; оно до безконечности различно и, безъ умѣнья приспособляться къ каждому данному случаю, можетъ привести къ результатамъ совершенно противоположнымъ съ тѣми, которыхъ желаютъ достигнуть» [1]).

При такомъ практическомъ взглядѣ, Пирогову только оставалось значительно ограничить случаи тѣлеснаго наказанія до той поры, когда начнутъ смягчаться нравы общества, отъ котораго недалеко ушли и самые воспитатели. Такимъ образомъ въ число наказаній, поименованныхъ въ кодексѣ Пирогова, вошла и розга. Тогдашняя журналистика, не зная всѣхъ обстоятельствъ, сильно напала на Пирогова, выставляя на видъ тотъ высокій идеалъ воспитанія, отъ котораго было очень далеко наше дѣйствительное воспитаніе. Критика напала даже на самый кодексъ, не обративъ вниманія на то, что онъ явился вслѣдствіе полной несостоятельности тогдашнихъ воспитателей воспитывать по выставленному идеалу. По мысли Пирогова кодексъ долженъ былъ вести къ уничтоженію произвола воспитателей и къ развитію идеи законности, которая подавлялась этимъ произволомъ. Черезъ годъ Пироговъ могъ доказать цифрами, на сколько онъ былъ практиченъ въ своихъ соображеніяхъ. Оказалось, по собраннымъ свѣдѣніямъ, что втеченіе года, предшествовавшаго составленію кодекса, изъ 4,109 учениковъ одиннадцати гимназій округа подвергались тѣлесному наказанію 551. Втеченіе года, истекшаго послѣ обнародованія правилъ, изъ 4,310 уче-

[1]) Стр. 139—140.

никовъ этихъ же гимназій подвергнуто было тѣлесному наказанію только 27 отъ 5 до 10 ударовъ розгою; да и изъ нихъ не всѣ были наказаны согласно съ правилами, въ четырехъ случаяхъ директоръ поступилъ произвольно, наказавъ учениковъ безъ согласія педагогическаго совѣта. Итакъ введеніе правилъ уменьшило слишкомъ въ 20 разъ процентное содержаніе тѣлесныхъ наказаній къ числу учениковъ. Такой же результатъ представляло и другое крайнее наказаніе, введенное также по необходимости въ кодексъ—увольненіе и исключеніе ученика изъ гимназіи: число такихъ значительно сократилось послѣ введенія правилъ. Въ четырехъ же гимназіяхъ не было ни уволенныхъ, ни исключенныхъ, ни наказанныхъ розгою ни одного ученика. Изъ этихъ сравненій объяснилось, что главная цѣль правилъ—уменьшеніе произвола, достигалась.

Изъ 27, наказанныхъ тѣлесно, 6 были наказаны за дерзость и оскорбленіе наставниковъ и надзирателей; остальные за болѣе или менѣе сложныя продѣлки воровства.

Вмѣстѣ съ цифрами наказаній Пироговъ объявилъ, что съ введеніемъ правилъ вліяніе педагогическихъ совѣтовъ усилилось, потому что значительное число случаевъ, прежде нисколько не касавшихся учителей, стало представляться на обсужденіе цѣлаго ихъ общества. И отсюда попечитель дѣлалъ заключеніе, что крайнія наказанія въ непродолжительный періодъ времени выйдутъ совсѣмъ изъ употребленія и превратятся въ одну только угрозу. «Итакъ,— замѣтилъ онъ, — составляя правила, мы разсчитали справедливѣе нашихъ антагонистовъ; факты оправдали наши надежды».

По прошествіи года послѣ введенія правилъ о наказаніи Пироговъ обратился къ педагогическимъ совѣтамъ, требуя отъ нихъ свободно высказаться какъ о самыхъ правилахъ, такъ и о способахъ ихъ примѣненія. На этотъ вызовъ онъ получилъ много возраженій и написалъ на нихъ свои замѣчанія, которыя всѣ сводятся къ слѣдующему: не мертвая буква закона, а живое убѣжденіе воспитателя, обнаруживаемое въ приложеніи правилъ къ каждому случаю, должно играть главную роль; воспитатели должны сами все сдѣлать съ своей стороны, чтобы ни одно школьное правило не казалось ученикамъ мертвою буквою и ни одинъ наставникъ не казался бы имъ автоматомъ. Воспитанники вѣрно вскорѣ узнаютъ на дѣлѣ, что воспитатель, примѣняющій правила согласно съ внутреннимъ своимъ убѣжденіемъ, поступаетъ непроизвольно, а законно и справедливо. И это несомнѣнно должно болѣе развить въ ученикахъ чувство законности, правды и довѣрія къ наставникамъ, нежели дѣйствія воспитателя, совершенно произвольныя и ничѣмъ не ограниченныя.

Къ сожалѣнію, Пирогову не пришлось прослѣдить за развитіемъ его правилъ. Онъ только успѣлъ убѣдиться, что введеніе опредѣленныхъ правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ оказало существен-

ную пользу и что оно было необходимо при тогдашнемъ состоянiи нашихъ школъ. Онъ снова созвалъ было комитетъ для пересмотра своего кодекса, предложивъ при этомъ новые вопросы, которые вызывались разными фактами, замѣчанiями педагогическихъ совѣтовъ и печати. Но вскорѣ затѣмъ онъ долженъ былъ отказаться отъ педагогической дѣятельности и начатыя работы прекратились. Тѣмъ не менѣе его попытки представляютъ въ исторiи русскаго общественнаго воспитанiя замѣчательный фактъ, который не остался безъ послѣдствiй, хотя многiя мысли, имъ высказанныя, еще ждутъ разработки въ будущемъ.

V.

Сколько можно судить по распоряженiямъ и циркулярамъ Пирогова, у него складывалась особенная система школьнаго образованiя, которое онъ назвалъ общечеловѣческимъ, въ замѣнъ того спецiальнаго или сословнаго направленiя, какое преобладало въ нашихъ школахъ. Съ этимъ образованiемъ онъ соединялъ развитiе умственное и нравственное, признавая всецѣло за наукою воспитательную силу, которою и должны умѣть пользоваться преподаватели. Въ этомъ только случаѣ они и могутъ назваться истинными педагогами, понимающими свое призванiе. Для нихъ наука должна быть важна не сама по себѣ, а какъ важное средство для всесторонняго развитiя учащагося. «Гимназiя, по его словамъ, должна только приготовить учащихся къ воспринятiю и разработкѣ науки, излагая ее въ извѣстной мѣрѣ, въ извѣстномъ объемѣ и въ современномъ видѣ и способствуя общечеловѣческимъ образованiемъ къ всестороннему развитiю всѣхъ благихъ способностей человѣческаго духа». Эта цѣль и должна составить связь всѣхъ преподаваемыхъ наукъ и привести ихъ, такъ сказать, къ единству. Съ преподаванiемъ науки Пироговъ соединилъ не пассивное воспрiятiе познанiй, а самостоятельный трудъ, которому онъ придавалъ особенное значенiе. Чтобы вызвать учениковъ къ такому труду и въ то же время привести въ ихъ сознанiе связь между науками, онъ завелъ въ гимназiяхъ литературныя бесѣды. «Онѣ названы литературными,—пояснялъ онъ,—не въ тѣсномъ, а въ обширномъ смыслѣ этого слова; не собственно такъ называемая литература отечественнаго или иностранныхъ языковъ, а упражненiя въ литературныхъ занятiяхъ по всѣмъ въ гимназiи преподаваемымъ наукамъ должны быть цѣлью этихъ бесѣдъ. Онѣ должны быть мощнымъ пособiемъ учащимся къ ученическому образованiю. Онѣ должны приготовить къ университету. А нужно знать, какъ важно значенiе этого слова: «быть приготовленнымъ къ вступленiю въ университетъ». Нужно знать, что изъ ста, оканчивающихъ гимназическiй курсъ, девяносто навѣрное еще не приготовлены, хотя

бы по экзамену и вступили въ число студентовъ университета. А отчего? Оттого, что въ гимназіяхъ они не приготовились къ самостоятельному научному труду, безъ котораго ученіе въ университетѣ безплодно. И такъ вотъ собственно цѣль такъ называемыхъ литературныхъ бесѣдъ: онѣ должны послужить средствомъ къ упражненію этого рода. И потому всякое проявленіе самостоятельнаго труда учащихся въ литературной бесѣдѣ должно быть дорого и знаменательно для наставниковъ-руководителей въ этихъ бесѣдахъ. Оно возбуждаетъ надежду, что университетъ получитъ изъ ихъ рукъ ученика, хорошо ознакомленнаго съ тѣмъ родомъ научныхъ работъ, который ему предстоитъ во время бытности его въ университетѣ, хорошо подготовленнаго къ умственнымъ занятіямъ и уяснившаго себѣ цѣль и значеніе умнаго ученія».

Хотя на первыхъ порахъ литературныя бесѣды и не совсѣмъ удовлетворили попечителя; но онъ всеже убѣдился, что бесѣды могутъ дѣйствительно послужить средствомъ къ развитію самостоятельной дѣятельности. Дѣлая свои замѣчанія не въ похвалу многимъ, онъ въ то же время и ободрялъ ихъ, чтобы не отнять у иныхъ желанія участвовать въ бесѣдахъ. «Правда, хотя бы и жестоко выраженная,—прибавлялъ онъ,—не должна быть страшна никому. Намъ всѣмъ, отыскивая ее и на пути къ ней, придется еще не разъ споткнуться. Бѣда не въ томъ; но то бѣда, если мы останемся глухи къ голосу опыта, которому уже знакома дорога къ правдѣ со всѣми ея трудностями. А опытъ говоритъ, что самостоятельный трудъ никому сразу не дается. Въ немъ нужно испробовать свои силы съ чрезвычайною постепенностью»...

Въ основаніи общечеловѣческаго образованія, по мысли Пирогова, должно лежать убѣжденіе, что школа и жизнь есть одно нераздѣльное цѣлое, что жизнь школьника есть такая же самостоятельная, подчиненная своимъ законамъ жизнь, какъ и жизнь взрослыхъ учителей. «И если дѣти не имѣютъ ни силы, ни способовъ нарушать законы нашей жизни, то и мы не имѣемъ права безнаказанно и произвольно ниспровергать столь же опредѣленные законы міра дѣтей. Безъ сомнѣнія, и отцы, и общество должны заботиться о будущности дѣтей; но это право ограничивается обязанностію развивать всецѣло и всесторонне все благое, чѣмъ надѣлилъ ихъ Творецъ. Другаго права нѣтъ и быть не можетъ безъ посягательства на личность, которая одинаково неприкосновенна и въ ребенкѣ, и во взросломъ».

Вотъ на какихъ основахъ хотѣлъ Пироговъ устроить школьное воспитаніе, и нѣтъ сомнѣнія, что многое съумѣлъ бы онъ разработать въ подробностяхъ и примѣнить къ дѣлу, если бы его дѣятельность не ограничилась какими нибудь тремя годами. Но во всякомъ случаѣ за нимъ остается та слава, что онъ первый оживилъ нашъ педагогическій міръ, выяснивъ коренные недостатки нашего

школьнаго воспитанія. Послѣ его Вопросовъ жизни у насъ стала развиваться педагогическая литература, которая до тѣхъ поръ почти не существовала, кромѣ нѣсколькихъ учебниковъ по каждой наукѣ, да не многихъ дѣтскихъ книгъ для чтенія, написанныхъ, большею частью, не съ педагогическими разсчетами. Правда, за перо брались люди, далеко не мудрые въ педагогіи, стали толковать и вкривь и вкось; но всѣ выходили изъ идеи Пирогова—воспитывать или образовывать человѣка; всѣ повторяли обвиненія, что мы до тѣхъ поръ не умѣли дѣлать этого, повидимому, простаго дѣла. Но что дѣло было совсѣмъ не такъ легко, какъ казалось, доказывали ихъ собственныя разсужденія. Большинство хотѣло разрѣшить вопросъ, какъ сдѣлать наши школы общеобразовательными, противополагая ихъ спеціальнымъ или сословнымъ. Всѣ указывали на цѣль общеобразовательнаго воспитанія: развить и приготовить человѣка для жизни; но эта фраза отъ частаго повторенія сдѣлалась такою неопредѣленною, такимъ общимъ мѣстомъ, что трудно было представить себѣ всѣ черты того идеала, который тутъ подразумѣвался. Разсматривая въ 1860 году педагогическія статьи, появившіяся до того времени, журналъ «Воспитаніе» замѣчалъ: «кажется, мы сами хорошо не условились въ этомъ понятіи (человѣкъ), разсуждая о воспитаніи, оттого между нами являются и противорѣчія, которыя не знаешь какъ согласить. Одна только статья «Морскаго Сборника» (1860) позаботилась представить, какія качества, по мнѣнію автора, требуются отъ правильно развитаго и воспитаннаго человѣка, вотъ они: «твердость нравственныхъ и религіозныхъ убѣжденій, способность легко понимать, правильно мыслить, точно, ясно и буде возможно изящно выражаться, сочувствовать всему высокому, доброму и великому; любить свою отчизну, быть постояннымъ въ своихъ намѣреніяхъ, твердымъ и непоколебимымъ въ ихъ исполненіи». Все это прекрасно,—замѣчалъ тотъ же журналъ,—но мы могли бы прибавить сюда еще двадцать другихъ качествъ и идеалъ нашъ, конечно, вышелъ бы полнѣе, слѣдовательно, мы имѣли бы еще бо̀льшее право сказать, что «эти качества обусловливаютъ мужа и гражданина, они одинаково нужны на поприщахъ общественныхъ, государственныхъ, промышленныхъ, ученыхъ; однимъ словомъ, изъ нихъ слагается человѣкъ, какъ разумное существо». Отвлеченно можно создавать и идеалы, какіе вамъ угодно; но дѣло въ томъ, что для насъ имѣютъ значеніе только тѣ, которые создались на основаніи дѣйствительности. Человѣкъ и гражданинъ не существуютъ отвлеченно, а существуютъ въ жизни съ плотью и кровью, въ извѣстной мѣстности, при извѣстныхъ условіяхъ, имѣютъ свою исторію, свои потребности. Нашъ идеалъ тогда будетъ живое существо, когда мы выносили его въ этой самой средѣ, когда онъ способенъ дѣйствовать въ ней; безъ этого наскажите хоть сотню качествъ,

они, всетаки, не дадутъ намъ ничего опредѣленнаго, и по нимъ всетаки, не воспитаете человѣка. Нравственный идеалъ обыкновенно развивается тою своею стороною, которая слабо развита въ дѣйствительности; недостатокъ въ ней тѣхъ или другихъ качествъ восполняется въ идеалѣ. Вотъ эта-то сторона для насъ и важна, чтобы обратить на нее вниманіе при воспитаніи. Нѣтъ ни одного человѣка, который бы назвалъ себя не-человѣкомъ; да и мы не назовемъ имъ ни одного, какъ бы ни былъ онъ ничтоженъ въ нашихъ глазахъ; значитъ, человѣческія черты выказываются и въ томъ, и въ другомъ, и въ третьемъ, и наконецъ, во всѣхъ, въ цѣломъ обществѣ, въ народѣ, значитъ, человѣка развиваютъ природа, жизнь. Отчего же мы вопіемъ, что у насъ нѣтъ людей, что воспитаніе не давало намъ человѣка. Развѣ во всѣхъ ихъ не встрѣчаются качества, исчисленныя статьею «Морскаго Сборника»? Напротивъ, встрѣчаются, если не во всѣхъ, то во многихъ, а людей, всетаки, нѣтъ, или очень мало. Какихъ же человѣческихъ чертъ не достаетъ имъ, чтобы подойдти подъ тотъ идеалъ, который насъ плѣняетъ? Вотъ въ этомъ-то опредѣленіи вся и задача. Тутъ не поможетъ намъ и Германія, у которой теперь мы такъ охотно перенимаемъ всѣ системы воспитанія. Конечно, нашъ идеалъ не отсталъ отъ германскаго; но у насъ другая дѣйствительность, слѣдственно и другое примѣненіе къ ней того же самаго идеала. И такъ волей и неволей нужно обратиться къ дѣйствительности, отъ которой многіе педагоги хотѣли бы оторвать воспитаніе, чтобы основать его на одной отвлеченной теоріи».

Вглядываясь въ дѣйствительность, журналъ «Воспитаніе» находилъ, что она представляла генераловъ, офицеровъ, чиновниковъ, помѣщиковъ, артистовъ, ученыхъ, купцовъ и др., что у всѣхъ ихъ были свои сословные интересы, свои стремленія, свои спеціальности; но онъ не находилъ между ними ничего общаго, кромѣ внѣшнихъ признаковъ народности, какъ, напримѣръ, языка и т. п. У нихъ не доставало общаго чувства гражданственности, безъ котораго невозможно и развитіе общественной нравственности, а безъ нея человѣкъ является неготовымъ для жизни. Въ этомъ чувствѣ человѣкъ находитъ правильный и естественный исходъ своему прирожденному стремленію къ общественности, оно даетъ направленіе его дѣятельности и сливается съ общечеловѣческими интересами его жизни. Въ этомъ смыслѣ и Пироговъ соединялъ съ идеаломъ человѣка идеалъ гражданина, желая представить человѣка не отвлеченнаго, а реальнаго, съ плотью и кровью. Правда, можно возразить, что онъ хотѣлъ выставить идеалъ такого общества, котораго у насъ, по историческимъ причинамъ, еще не существовало; но не нужно забывать, что это было наканунѣ великой крестьянской реформы, которая, по убѣжденію всѣхъ лучшихъ и наиболѣе образованныхъ русскихъ людей того времени, должна была

уничтожить препоны, мѣшавшія сложиться гражданскому обществу, а съ этимъ вмѣстѣ и развиться общегражданскому чувству; не надо забывать, что съ этой реформой ожидались, какъ неизбѣжное слѣдствіе, и другія реформы, которыя должны были дать новыя основы для русской жизни, нуждавшейся въ новыхъ идеалахъ. Школа, по справедливому мнѣнію Пирогова, должна быть въ тѣсной связи съ жизнью и должна постоянно имѣть въ виду будущее, потому что готовитъ людей для будущаго, слѣдовательно, должна и восполнять въ своемъ идеалѣ то, чего не хватаетъ настоящему для болѣе полной нравственно-человѣческой жизни. Съ другой стороны, Пироговъ хорошо понималъ, что для подъема общественной нравственности, котораго должно было потребовать новое гражданское общество для своей прочности, нужны будутъ люди не только съ твердыми убѣжденіями, но и съ характерами, способные выдерживать борьбу какъ внутреннюю, такъ и внѣшнюю. Они только, по его взгляду, и подходятъ подъ идеалъ человѣка. Воспитаніемъ такихъ людей и должна была заняться общеобразовательная школа. Въ это не вникли практики-педагоги того времени, а приняли отвлеченнаго человѣка, соединяя съ нимъ разныя хорошія качества, преимущественно умственное его развитіе. Такимъ образомъ, и для теоретической разработки вопросъ былъ поставленъ не на ту почву, на какую хотѣлъ его поставить Пироговъ. Указаніе журнала «Воспитаніе» на односторонность и на отсутствіе опредѣленнаго принципа, для сближенія новой школы съ жизнью, осталось незамѣченнымъ.

«У насъ обыкновенно говорятъ,—писалось въ журналѣ,—что развитіе душевныхъ силъ или способностей должно составлять самое главное въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, что если юноша, оканчивающій курсъ, выкажетъ въ себѣ значительное развитіе, то воспитательное заведеніе сдѣлало свое дѣло; отъ него больше ничего и не потребуется: развитый юноша, съ извѣстнымъ запасомъ разнообразныхъ научныхъ познаній, можетъ назваться образованнымъ человѣкомъ. Противъ этого, конечно, спорить нельзя; но нельзя и не замѣтить, что ко всему этому не достаетъ еще одного весьма важнаго условія. Можно быть человѣкомъ развитымъ и образованнымъ такъ, какъ наша современность понимаетъ образованіе, но безъ всякаго направленія своихъ духовныхъ силъ; можно даже казаться человѣкомъ съ убѣжденіями, но безъ всякаго стремленія къ дѣятельности... Если бы все дѣло воспитанія состояло въ одномъ развитіи, тогда не о чемъ было бы много задумываться и спорить, какіе взять научные предметы для воспитанія, какъ распредѣлить ихъ, чѣмъ у насъ, по правдѣ сказать, теперь только и занимаются въ вопросахъ о гимназическомъ воспитаніи. Каждый научный предметъ можетъ быть хорошимъ средствомъ для умственнаго развитія въ рукахъ порядочнаго педагога; выберите ихъ нѣ-

сколько разнообразныхъ, пожалуй, хоть такихъ, какіе употребляются въ германскихъ училищахъ, какъ уже испытанные, и непремѣнно достигнете своей цѣли, разумѣется, съ педагогическимъ умѣньемъ и тактомъ. Но мы хотимъ, чтобы въ молодомъ человѣкѣ, вступающемъ въ жизнь, было какое нибудь направленіе, безъ котораго онъ не будетъ знать, куда ему устремить свои силы. А направленіе его зависитъ отъ того, надъ чѣмъ болѣе приходилось ему думать, что давало ему матеріалъ для мышленія въ то время, когда еще развивались его умственныя и нравственныя силы. Это обстоятельство весьма важно, и на него необходимо обратить вниманіе. Если вы занимали юношу только цифрой да буквой, то, конечно, и при этихъ условіяхъ онъ могъ развиться, но не требуйте отъ него такого направленія, какого у него не могло тутъ выработаться. Если вы заставляли его безпрестанно скакать отъ предмета къ предмету, такъ что у него не было возможности задумываться ни надъ одной живительной мыслью, то опять не требуйте отъ него того, чего онъ не могъ себѣ выработать»...

Все это говорилось наканунѣ реформъ, въ ожиданіи намѣченныхъ новыхъ основъ, на которыхъ должно было вырабатываться новое гражданское общество. И вотъ, наконецъ, реформы совершились, положены новыя основы; но въ то же время вспыхнули и человѣческія страсти, которыя обыкновенно мѣшаютъ спокойному разрѣшенію общественныхъ вопросовъ. Будущій историкъ разберетъ и оцѣнитъ причины всѣхъ послѣдующихъ явленій, оцѣнитъ и намѣренія личностей, имѣвшихъ вліяніе на ходъ нашего дальнѣйшаго развитія. Теперь же передъ нами только факты, въ которыхъ мы видимъ отчаянную борьбу партій; въ ней при столкновеніи сословныхъ и личныхъ интересовъ всѣ вопросы запутывались, одни затемнялись, другіе устранялись, вытѣсняемые одностороннимъ рѣшеніемъ третьихъ. Ту же участь потерпѣли и педагогическіе вопросы, поставленные Пироговымъ.

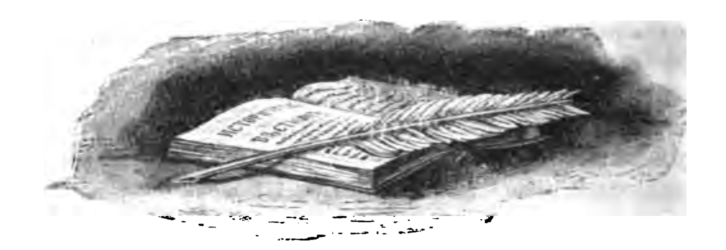
На первый планъ выступилъ вопросъ о классическомъ и реальномъ образованіи, вопросъ съ точки зрѣнія Пирогова въ сущности не важный, если имѣть въ виду истинныя цѣли общечеловѣческаго образованія, съ которымъ одинаково соединяется развитіе физическое, умственное и нравственное, развитіе характера и способности честно заявить себя въ общей гражданской жизни и дѣятельности.

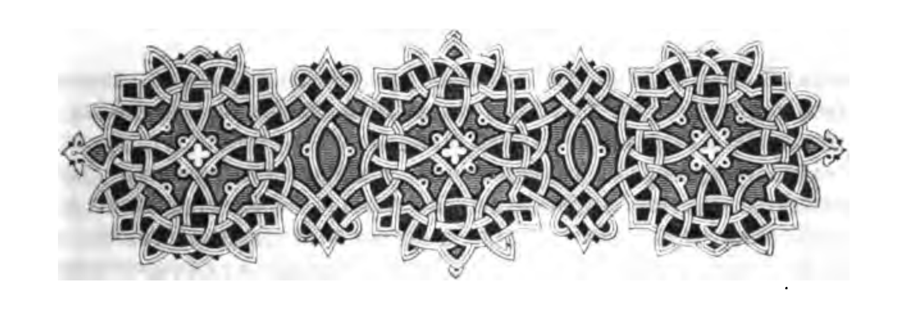
Стали разсуждать только о школьныхъ программахъ, о распредѣленіи уроковъ по классамъ; выходило что-то въ родѣ перекройки Тришкина кафтана, и, наконецъ, свели все на вопросъ о формальномъ развитіи разсудочной дѣятельности, чѣмъ и ограничили педагогическое стремленіе образовать человѣка. Продолжали повторять mens sana in corpore sano (здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ), какъ основу разумнаго воспитанія; но на самомъ дѣлѣ о

здоровьѣ тѣла немногіе задумывались, да и трудно было задумываться, такъ какъ и самая наука объ естественныхъ законахъ развитія организма была не въ почетѣ.

Наши педагоги послѣдняго періода, получая образованіе крайне одностороннее, стали чуждаться многихъ существенныхъ вопросовъ въ дѣлѣ школьнаго воспитанія, и произошло явленіе весьма прискорбное: выполненіе данныхъ программъ утомляло силы большинства учениковъ, но направленія этимъ силамъ никакого не давало; онѣ направлялись извнѣ вліяніями посторонними, по большей части, нежелательными, а школа не могла противодѣйствовать имъ и оказалась совсѣмъ не такою, какая обѣщалась въ теоріи. Чтобы возвысить ея нравственное значеніе, стали слышаться такія же требованія, съ какими и Пироговъ относился къ школѣ, стараясь о практической ихъ разработкѣ. Приходится снова ставить вопросы: какъ сблизить школу съ жизнью? на чемъ основать естественную связь школы съ семьею? какъ возвысить авторитетъ школы, который бы предохранялъ учениковъ отъ вредныхъ постороннихъ вліяній? какъ можетъ школа вліять на развитіе характеровъ? Къ разрѣшенію всѣхъ этихъ и подобныхъ вопросовъ рано или поздно необходимо будетъ обратиться, а съ этимъ вмѣстѣ и припомнить Н. И. Пирогова.

В. Стоюнинъ.

УПРАЗДНЕНІЕ ДВУХЪ АВТОНОМІЙ [1].

ГЛАВА V.

1.

СКОРѢ ПОСЛѢ отъѣзда княгини Дадіанъ, къ Н. П. Колюбакину явились князья Чиковановы, очень смущенные и опасавшіеся, чтобы за ихъ мелкія и крупныя провинности не досталось имъ отъ русскаго управленія. Говорилъ отъ лица своихъ родственниковъ и однофамильцевъ старѣйшій изъ Чиковановыхъ, князь Сико (Семенъ). Онъ объяснилъ, что они пришли вовсе не для того, чтобы оправдываться, а лишь просить генерала о забвеніи всѣхъ прошедшихъ и еще свѣжихъ недоразумѣній. Измѣнить своихъ чувствъ къ владѣтельному дому они не въ силахъ, а эти-то чувства и были причиной всѣхъ провинностей ихъ по отношенію къ русскому управленію, пусть же генералъ войдетъ въ трудное ихъ положеніе и проститъ великодушно позволявшихъ себѣ единственно изъ усердія не по разуму разныя глупыя выходки. Осиротѣлые съ отъѣздомъ владѣтельской семьи, они всѣ пришли теперь къ нему, какъ къ отцу; отдаютъ себя подъ его покровительство и готовы служить русскому начальству также вѣрно и усердно, какъ служили и своему владѣтелю. Во время рѣчи Сико, лица Чиковановыхъ выражали непритворную скорбь, у нѣкоторыхъ стариковъ

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XX, стр. 32.

на глазахъ были слезы. Колюбакинъ, видимо тронутый искренностію словъ депутата, отвѣчалъ, что «повинной головы ни сѣкутъ, ни рубятъ», прошлое охотно предаетъ забвенію и поручаетъ ему, старику, на будущее время руководить своихъ младшихъ въ ихъ поступкахъ. Прежнее, привиллегированное положеніе Чиковановыхъ, какъ ближайшихъ людей владѣтеля, само собою упразднилось; но они могутъ быть покойны въ томъ, что личныя и имущественныя права ихъ будутъ ограждены законною властію наравнѣ со всѣми и съ полнымъ безпристрастіемъ. За личные съ ними счеты пусть они не тревожатся, правительственная власть на столько сильна, что не сойдетъ съ ними на эту почву.

Это примиреніе съ Чиковановыми было небезполезно и для насъ. Составляя при владѣтеляхъ партію, заправлявшую всѣми дѣлами административными и судебными, они знали многое, что намъ нужно было еще узнать по прежнимъ дѣламъ, и мы пользовались отъ нихъ этими свѣдѣніями. Двое или трое изъ нихъ впослѣдствіи были приняты на службу.

Чтобы еще ближе поставить всѣхъ жителей въ извѣстность, что отнынѣ всѣ дѣла ихъ вѣдаетъ русская власть, Колюбакинъ нашелъ необходимымъ сдѣлать одинъ общій объѣздъ всей Мингреліи, и ему онъ посвятилъ большую часть ноября мѣсяца. Составленъ былъ маршрутъ генерала по всѣмъ тремъ округамъ; въ каждомъ изъ нихъ сопровождалъ его мѣстный начальникъ. Во всѣхъ пунктахъ, гдѣ останавливался по пути генералъ, собирались къ нему окольные помѣщики и крестьяне. Онъ много толковалъ съ ними, по обыкновенію шумѣлъ и горячился, но вездѣ оставлялъ наилучшее впечатлѣніе. Всѣ видѣли, что генералъ слушаетъ, выслушиваетъ, сейчасъ же все вѣрно понимаетъ и, хотя ужасно кричитъ, но въ концѣ-концовъ рѣшаетъ, какъ Соломонъ. Пересказать все, о чемъ толковалось на этихъ генеральскихъ привалахъ, нѣтъ никакой возможности; надо пройдти самому черезъ практику народныхъ управленій, а въ особенности кавказскихъ, чтобы имѣть понятіе о всей пестротѣ говорильни, до которой доходятъ горячаго и легко воспламеняющагося темперамента южные люди.

Объѣздъ генеральскій принесъ несомнѣнную пользу. Жизнь сельскаго населенія стала замѣтно входить въ нормальную колею, судебно-полицейская практика окружныхъ начальниковъ расширялась съ каждымъ днемъ и дошла, наконецъ, до того, что буквально съ утра до вечера приходилось имъ вести судъ и расправу.

При окружномъ начальникѣ, какъ мы уже сказали, полагалось по штату три помощника: два русскихъ и одинъ туземецъ; выбрать и привлечь сюда русскихъ чиновниковъ было нелегко, выборъ приходилось дѣлать среди служащихъ въ сосѣдней Кутаисской губерніи, а оттуда никто не шелъ съ должностей параллельныхъ и соглашались ѣхать лишь искавшіе повышенія, вслѣдствіе чего болѣе году

я не могъ пріискать себѣ втораго русскаго помощника. Канцелярія моя состояла изъ секретаря, его помощника, письменнаго переводчика и двухъ, трехъ писарей, которыхъ было тоже нелегко найдти. Кромѣ того, при мнѣ состоялъ словесный переводчикъ—должность чрезвычайно важная и трудная при безпрестанной говорильнѣ съ народомъ. Вначалѣ мнѣ пришлось смѣнить нѣсколькихъ переводчиковъ, пока не попалъ я на смышленаго и хорошаго юношу, лѣтъ восемнадцати, Бессаріона Давидовича Кавтарадзе; онъ учился въ мартвильскомъ духовномъ училищѣ, и хотя писалъ и говорилъ порусски не особенно хорошо, но за то внимательно и усердно исполнялъ свое дѣло. Привелъ его ко мнѣ почтенный отецъ его, благочинный священникъ, и отдалъ въ науку, какъ бы родному отцу; съ тѣхъ поръ и до отъѣзда моего изъ Мингреліи, втеченіе четырехъ лѣтъ, мы не разлучались. Русскому чиновнику прежде всего надо быть вполнѣ увѣреннымъ въ честности переводчика, а при отсутствіи этого въ немъ качества, можно на всякомъ шагу подвергаться мистификаціямъ самаго непріятнаго свойства; плутъ, да еще нахалъ, переводчикъ можетъ выворачивать всякое дѣло наизнанку съ чиновникомъ, не знающимъ діалекта, и чѣмъ выше положеніе этого чиновника, тѣмъ хуже. Грузинскій языкъ я уже на столько понималъ, что обманутымъ быть не боялся, и требовалъ отъ Бессаріона передачи моихъ словъ не только въ точномъ ихъ смыслѣ, но и со всѣми оттѣнками, и съ каждымъ днемъ онъ въ этомъ усовершенствовался, и черезъ годъ говорилъ вполнѣ отчетливо. Но если мнѣ удалось такъ счастливо, наконецъ, попасть на честнаго и способнаго юношу, то Н. П. Колюбакинъ, разставшись съ княземъ Р. Д. Эристовымъ, теперь уже окружнымъ начальникомъ, пока не взялъ къ себѣ въ переводчики корнета по кавалеріи князя Александра Накашидзе, много путался съ разными неудачными личностями. Между прочимъ, былъ у него азнауръ Теймуразъ Топурія, перевиравшій немилосердно иногда съ намѣреніемъ, а иногда и по плохому знанію русскаго языка. Такъ, однажды, въ моемъ присутствіи, не подозрѣвая, что я понимаю погрузински, жалобу крестьянъ на помѣщика онъ совсѣмъ переиначилъ, желая, конечно, выгородить своего же брата-помѣщика. Мужики говорили, что «баринъ держалъ ихъ на цѣпи», а Топурія объяснилъ генералу, что баринъ стѣсняетъ ихъ лишними поборами. Я его остановилъ и вывелъ на чистую воду, за что, конечно, крѣпко ему досталось. А то другой разъ, благодаря ему же, и у меня вышло недоразумѣніе съ Колюбакинымъ. Монахъ, сборщикъ церковныхъ податей, мутилъ народъ и внушалъ ему, что въ церковныхъ имѣніяхъ онъ долженъ служить одному лишь патрону своему св. Георгію, а русская администрація до него не касается. Крестьяне послушались и не вышли по наряду моурава для исправленія натуральной повинности по починкѣ дороги. Пришлось ѣхать мнѣ самому на мѣсто и урезонивать кре-

стьянъ, а монаху я объявилъ, что если услышу что нибудь о подобныхъ его толкахъ съ крестьянами, то безъ церемоніи представлю его съ казакомъ управляющему Мингреліею, какъ человѣка вреднаго. На другой день приглашаетъ меня къ себѣ Николай Петровичъ; въ пріемной его вижу вчерашняго монаха, а въ кабинетѣ видимо встревоженный генералъ встрѣчаетъ меня слѣдующими словами:

«Si vous l'avez effectivement rossé... cela peut arriver à tout le monde... arrangez-vous avec lui... donnez lui une centaine de roubles. Si vous ne les avez pas, prenez chez moi» [1]).

Ничего не понявъ изъ словъ генерала, я просилъ позвать монаха въ кабинетъ и переспросить при мнѣ, въ чемъ его жалоба. Оказалось, что слово галаха, имѣющее погрузински двоякое значеніе—бранить и бить, Топурія перевелъ въ послѣднемъ смыслѣ, и вышло, что я побилъ святаго отца. Генералъ, не на шутку смущенный этимъ казусомъ, не сталъ разспрашивать дальнѣйшихъ подробностей и послалъ за мною. А теперь, когда ему все выяснилось, то и монаху, и Топуріи не поздоровилось. Послѣдній изъ переводчиковъ былъ разжалованъ въ простые есаулы.

Вслѣдствіе подобныхъ и безпрестанныхъ казусовъ съ плохими переводчиками, князь Воронцовъ чрезвычайно дорожилъ русскими административными чиновниками, изучавшими мѣстные діалекты, и очень ихъ въ этомъ поощрялъ; но и тутъ не обходилось безъ забавныхъ приключеній. Однажды заѣхалъ онъ въ Горскій округъ; населеніе тамъ осетинское и начальникомъ былъ года два уже любимецъ князя, графъ Симоничъ. Послѣ первыхъ привѣтствій князь спросилъ его:

— Ну, что ты говоришь теперь поосетински, Симоничъ?

— Говорю, ваша свѣтлость.

— Вотъ спасибо тебѣ за то. Значитъ, я черезъ тебя и буду объясняться. Очень радъ этому. Такъ позови же, позови сюда тѣхъ стариковъ, что̀ тамъ стоятъ.

Старики подошли съ низкими поклонами.

— Хорошо ли живете, старики? Все ли у васъ благополучно?

— Все благополучно, сердарь, благодаримъ Бога.

— А урожай каковъ?

— Прекрасный, сердарь.

— Саранчи у васъ не было?

— Была, сердарь, есть и теперь, какъ не быть.

На лицѣ Воронцова выразилось удивленіе.

— Какъ же, Симоничъ, ты ничего объ этомъ мнѣ не доносишь?

---

[1]) Если вы дѣйствительно вздули его... это можетъ случиться со всякимъ... уладьтесь съ нимъ... дайте ему сотню рублей. Возьмите у меня, если у васъ ихъ нѣтъ.

Симоничъ очень смущенъ, что-то мямлитъ, въ родѣ того, что онъ и самъ не замѣтилъ... Да какъ же саранчи - то не замѣтить?

— Нѣтъ, да ты переспроси ихъ, любезный, не вкралось ли какое нибудь недоразумѣніе въ твоемъ съ ними разговорѣ?

Симоничъ снова разспрашиваетъ, старики стоятъ все на своемъ и очень удивлены, что сердарь какъ бы имъ не довѣряетъ. «У нихъ этого добра, о которомъ разспрашиваетъ Симоничъ, всегда въ волю».

Тогда князь, не довѣряя ужъ окончательно знанію импровизованнаго переводчика, обращается къ содѣйствію переводчика ea professo.

Осетины крестятся и говорятъ, что у нихъ никогда и въ поминѣ не было такой напасти, какъ саранча. Князь очень доволенъ этимъ отвѣтомъ и съ улыбкой на лицѣ любопытствуетъ узнать, о чемъ же спрашивалъ стариковъ Симоничъ. Оказывается, что вмѣсто саранчи онъ спрашивалъ о воробьяхъ, которыхъ, конечно, какъ и вездѣ было множество; затѣмъ слѣдуетъ общій веселый смѣхъ.

— Нѣтъ, братъ Симоничъ, ты еще не совсѣмъ освоился съ осетинскимъ діалектомъ. Поучись еще хорошенько,—говорилъ князь, добродушно трепля его по плечу:—этимъ промахомъ не смущайся, не будешь ошибаться, не научишься.

А промахъ-то былъ не послѣдній. Что долженъ былъ подумать горскій народецъ о царскомъ сердарѣ, разспрашивающемъ о воробьяхъ?

Къ счастію моему, при самомъ уже началѣ службы въ Мингреліи я понималъ погрузински, и пришлось знакомиться съ мингрельскимъ нарѣчіемъ, рѣзко отличающимся отъ грузинскаго. Ухо мое стало привыкать и къ нему, рѣчь все болѣе становилась понятною и черезъ годъ, полтора я вышелъ изъ потемокъ. Впрочемъ, самъ говорить безъ переводчика я позволялъ себѣ только въ случаяхъ крайней необходимости.

Постоянною резиденціею управляющаго Мингреліею должно было быть мѣстечко Зугдиди, но, такъ какъ домъ владѣтеля былъ еще въ руинахъ послѣ турецкой войны, то Н. П. Колюбакину пришлось поневолѣ временно поселиться въ Сенакскомъ округѣ, въ усадьбѣ князя Элизбара Дадіана, Ахалхорахъ.

На первое время и я не могъ водвориться въ резиденціи своей, мѣстечкѣ Сенакахъ, гдѣ еще не было выстроено дома для окружнаго управленія, а пріютился въ сел. Теклатахъ, у князя Ивана Мхейдзе, имѣвшаго рѣдкій въ тѣ времена, деревянный, довольно помѣстительный домъ.

Большой былъ оригиналъ мой хозяинъ, Иванъ Мхейдзе, носившій прозвище Кинтирія, порусски, огурчика, корнишона, за особенную, остроконечную форму головы; онъ сіялъ добродушіемъ и очень

былъ радъ, что сдалъ домъ подъ казенное управленіе на полгода. Годъ съ небольшимъ тому назадъ въ томъ же домѣ помѣщался у него Омеръ-паша; Кинтирія пользовался особенной его благосклонностію и не скрывалъ отъ меня, что получилъ отъ турецкаго генералиссимуса какой-то орденъ, званіе бега и ходилъ даже при немъ въ фескѣ. «Что же мнѣ было дѣлать? не брыкаться же!— сила солому ломитъ. Войска русскія ушли, бросили насъ, принялъ поневолѣ такого гостя, а если бы не принялъ, такъ онъ бы и самъ распорядился моимъ домомъ. Жаль было его. Ну, и правду сказать, думалъ, что русскіе никогда ужъ сюда не вернутся. А сердарь былъ хорошій человѣкъ, очень меня ласкалъ, чуть не каждый день я у него обѣдалъ, и часто играли мы съ нимъ въ нарды (игра въ кости — трикъ-трактъ). Большой былъ охотникъ до этой игры. Любилъ также и гого (дѣвочекъ) и купилъ одну очень хорошенькую, дочь священника, увезъ потомъ съ собою въ Стамбулъ».

Кинтирія разсказывалъ о строгости сердаря къ своимъ подчиненнымъ, о быстрой съ ними расправѣ; офицеровъ до маіорскаго чина били тогда у турокъ по пяткамъ, экзекуція часто тутъ же на дворѣ и чинилась. А за грабежъ и измѣну наказаніе было — въ куль да въ воду.

Теклаты расположены недалеко отъ большаго тракта на Зугдиди, среди лѣса, который тянется отсюда на западъ къ морю, верстъ на сорокъ; лѣсъ дѣвственный, непроходимый, перепутанный ліанами, колючками и населенный оленями, кабанами, фазанами. Кинтирія часто посылалъ людей своихъ охотиться, и я покупалъ у него разную дичь. Перезнакомился я и съ другими Мхейдзевыми, изъ которыхъ самымъ богатымъ былъ князь Григорій, нажившій подрядами по провіантскому вѣдомству тысячъ до ста. У этого мѣстнаго Ротшильда и домъ былъ убранъ поевропейски. Мхейдзевы попреимуществу занимались эксплоатаціею своего обширнаго лѣса, сбывали бревна и доски по рѣкамъ Хопи и Ріону къ морскимъ портамъ и могли считаться одною изъ зажиточныхъ фамилій.

Усѣвшись такимъ образомъ на мѣстѣ и посвятивъ себя спеціально интересамъ ввѣреннаго мнѣ Сенакскаго округа, воспоминанія свои я ввожу съ этого момента преимущественно въ рамки этого округа, а для того, чтобы какъ можно болѣе выяснить читателямъ свое повѣствованіе, попытаюсь прежде всего дать наглядное понятіе о составѣ и характерѣ населенія, съ которымъ мнѣ пришлось имѣть дѣло.

2.

Шоссейная дорога отъ Зугдидъ до станціи Морани (находившейся на границѣ Кутаисской губерніи) раздѣляла по какой-то

странной случайности Сенакскій округъ на двѣ рѣзко отличающіяся во всѣхъ отношеніяхъ одна отъ другой части. По правую ея сторону равнина Одиши, покрытая почти сплошными лѣсами, по мѣрѣ приближенія къ морю все болѣе понижалась и оканчивалась длинною побережною полосою непроходимыхъ болотъ; а по лѣвую, постепенно возвышаясь, подходила къ предгорьямъ и холмамъ, ее окружающимъ, и состояла исключительно изъ пашенъ, садовъ и виноградниковъ.

Правая половина отъ рѣчки Цивы, пограничной съ Зугдидскимъ округомъ, начиналась селеніемъ Теклаты, гдѣ, какъ мы уже сказали, жили Мхейдзевы; за ними ближе къ морю—князья Джаяновы, Кочакидзевы и Микадзевы. Земли ихъ доходили до рѣки Ріона, примыкали къ обширному церковному имѣнію, Сачхондидло, начинавшемуся по берегу Ріона, у селенія Чаладиди. Южнѣе же церковнаго имѣнія, вверхъ по теченію Ріона, до границы Кутаисской губерніи, находилась волость Сачилаво, и въ ней жили дворяне Корзаія, Нанешвили и другіе.

Вся эта правая половина округа отличалась промышленнымъ, трудовымъ и мирнымъ характеромъ жителей. Можно сказать, что она была самою зажиточною частію всей Мингреліи; каждый уголокъ ея имѣлъ какое нибудь свое опредѣленное производство или промыселъ. Мхейдзевы, Микадзевы, Кочакидзевы эксплоатировали лѣса; церковные азнауры (дворяне) и крестьяне, кромѣ хлѣбопашества, винодѣлія, чарвадарства [1]) и шелководства, занимались содержаніемъ каюковъ, большихъ плоскодонныхъ лодокъ, и перевозили на нихъ грузы по Ріону отъ Орпири до Поти. Тотъ же промыселъ былъ и у жителей чаладидскихъ, практиковавшихъ, сверхъ того, рискованный при русскомъ управленіи, а прежде очень прибыльный провозъ контрабанды изъ Кобулета черезъ Гурійскую границу. Среди чаладидскихъ владѣтельскихъ крестьянъ, Джварелія, Тебзаія и Чочуа, завзятые контрабандисты, были тысячниками. Вотъ у такихъ-то крестьянъ и были свои крестьяне.

Въ церковномъ имѣніи, въ мѣстечкѣ Суджуно, производилась бойкая торговля, и въ ней принимала участіе колонія евреевъ, принадлежавшая, какъ выше было сказано, церкви св. Георгія. Изъ числа евреевъ самый богатый, Цхакунія Михалешвили, торговалъ шелкомъ и возилъ его въ Стамбулъ; капиталъ его опредѣляли въ двѣсти тысячъ. Въ волости Сачилаво было также торговое мѣстечко, Орпири, или порусски Усть-Цхенисъ-Цхали, расположенное при сліяніи рѣкъ Ріона и Цхенисъ-Цхали; въ немъ находилась почтовая станція и пристань для каюковъ, содержимыхъ преимущественно сосланными сюда со всѣхъ концовъ Россіи скопцами, составлявшими инвалидную № 96 роту. Численность этой команды

[1]) Чарвадаръ—перевозчикъ товаровъ на вьюкахъ.

вначалѣ доходила до 380 человѣкъ. Они отстроили себѣ вдоль берега Ріона красивенькіе дома и придали тѣмъ очень нарядный видъ мѣстечку. Кому бы ни принадлежала мысль водворенія здѣсь скопцовъ, но она была очень счастливою; среди туземцевъ скопцы не сдѣлали ни одного прозелита, ихъ вредное догматическое ученіе вызывало къ себѣ одно лишь общее отвращеніе, и они почти всѣ вымерли съ теченіемъ времени одинъ за другимъ, не оставивъ по себѣ слѣда. Въ качествѣ же дѣятелей, хотя и изуродованныхъ физически, были очень полезны въ этомъ захолустьѣ. Между ними можно было найдти всевозможныхъ мастеровъ: столяровъ. плотниковъ, кузнецовъ, слесарей, бондарей, хлѣбопёковъ, краснодеревцевъ и т. д., такъ что заказы на ихъ работы шли даже изъ Кутаиса. Люди хотя и слабосильные, но трудолюбивые и искусные работники, скопцы не только успѣвали справляться съ заказами, но въ то же время и содержали каюки для перевозки грузовъ и пассажировъ отъ Орпири до Поти. Колонія эта была очень курьёзна. Облеченные въ форменное платье инвалидовъ, съ тонкими бабьими голосами, съ старушечьими лицами, эти храбрые воины имѣли начальство въ лицѣ подполковника Егора Давидовича Гегидзе и поручика Звенигородскаго, обучавшихъ ихъ иногда на досугѣ и военному артикулу. Но о скопцахъ и Гегидзе намъ придется поговорить еще дальше.

Ріонъ, Ноогалеви, Абаша, Тихуръ, Цива и множество другихъ маленькихъ рѣчекъ, орошающихъ эту часть округа, даютъ чрезвычайную силу растительности и дѣлаютъ почву въ высшей степени плодородною. Люди, заѣзжіе сюда изъ Европы, поражаются ею. Мнѣ случилось однажды встрѣтить двухъ французовъ садовниковъ, приглашенныхъ персидскимъ шахомъ въ Тегеранъ, изъ Jardin des plantes въ Парижѣ; маршрутъ ихъ лежалъ черезъ Закавказье, высадили ихъ съ морскаго парохода въ Редутъ—Кале. оттуда добрались они до Ріона и на каюкѣ прибыли въ Орпири. гдѣ встрѣтились со мною, очень довольные, что нашли человѣка. говорящаго на ихъ языкѣ. Съ какимъ-то особеннымъ воодушевленіемъ говорили они мнѣ о видѣнныхъ ими на пути отъ Редутъ-Кале растительности и почвѣ. «Въ Европѣ не имѣютъ понятія о такомъ изобиліи и о такихъ силахъ почвенной производительности».

Нагнувшись къ землѣ, одинъ изъ садовниковъ взялъ горсть ея въ руки и, показывая мнѣ, говорилъ восторженно: «Savez vous que cela coûte 20 francs à Paris, c'est du chocolat, ah! quelles camelias on peut produire avec cela. Et dire que ce trésor se trouve entre les mains incapables d'en tirer quelque chose!»[1]). Ихъ поражала на бере-

[1]) Знаете ли вы, что одна горсть этой земли стоитъ въ Парижѣ 20 франковъ; это просто шоколадъ; ахъ, какія камеліи можно производить на такой землѣ! И увы! это сокровище находится въ рукахъ, неспособныхъ извлечь изъ него какую либо пользу!

гахъ Ріона дикорастущая древовидная клещевина, покрывающая собою пространства на нѣсколько верстъ и достигающая размѣровъ дѣйствительно колоссальныхъ. Людямъ, не видавшимъ ея, трудно себѣ представить, до какой высоты можетъ дойдти однолѣтнее растеніе. «Этой одной клещевиной, — говорили французы: — у насъ можно было бы разбогатѣть, а туземцы, какъ мы видимъ, совсѣмъ бѣдные люди».

Но какъ ни отзывались невыгодно французы о туземцахъ, въ этой части округа они были самыми трудолюбивыми и по своей нравственности стояли выше всего остальнаго населенія Мингреліи; въ быту ихъ, и въ особенности церковныхъ крестьянъ, замѣчалась даже и зажиточность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и типъ крестьянскій, въ особенности женскій, отличался красотой. На многочисленныхъ сельскихъ и церковныхъ праздникахъ, и главнымъ образомъ въ Суджуно, можно было заглядѣться на деревенскихъ красавицъ. Танцы и пѣсни ихъ черезвычайно граціозны и много напоминаютъ наши исчезающіе хороводы. Церковные праздники, попреимуществу весенніе, привлекаютъ къ себѣ народъ изъ дальнихъ деревень, даже изъ Имеретіи и Гуріи, тутъ же устроиваются ярмарки, идетъ бойкая торговля. Въ тѣ времена, которыя я описываю, цѣны на мѣстныя произведенія были баснословно дешевыя: пудъ шелку, напримѣръ, стоилъ 40 рублей, а евреи продавали его въ Стамбулѣ впятеро дороже; пудъ кукурузы 40 коп., курица по 10 коп., каплуны по 25 коп., и такіе, что французскіе перигорскіе, продающіеся у Пивито по 5 рублей, въ подметки имъ не годятся; барашекъ самый лучшій стоилъ 80 коп. Вино въ этой сторонѣ невысокаго сорта; но былъ одинъ, бѣлаго легонькаго, подъ названіемъ пумпули, которое пилось очень пріятно. Виноградъ, ростущій въ низменныхъ мѣстахъ, и притомъ среди чащи, всегда бываетъ водянистъ; недостатокъ вина искупался здѣсь прекрасною пшеничною мукою, обиліемъ рыбы, дичи, домашней птицы и барашковъ.

3.

Другая часть округа, по лѣвой сторонѣ зугдидской дороги, отличалась совсѣмъ инымъ характеромъ населенія: среди него выдавались крупные помѣщики, батонишвилебовы, князья Дадіановы, и потому прежде всего скажу о нихъ.

Начиная отъ селенія Ноджихеви, лежащаго у берега Тихура, шелъ кряжъ холмовъ на востокъ, и у подножія его расположены были усадьбы батонишвилебовыхъ.

Первая изъ нихъ, Ахалхоры, принадлежала князю Елизбару Дадіану; въ домѣ его, какъ мы сказали, жилъ покуда Н. П. Колюбакинъ. Елизбаръ, мингрельскій (дидикаци) вельможа, владѣлъ пятью стами дымовъ азнауровъ и крестьянъ, всѣхъ категорій, и

представлялъ собою цѣльный типъ большаго барина. Онъ и жена его, имеретинка, урожденная княжна Цулукидзева, не говорили по-русски, но сыновей своихъ всѣхъ отправили учиться въ Кутаисъ и въ Тифлисъ, и въ то время, какъ мы вошли въ Мингрелію, двое изъ нихъ были уже офицерами Эриванскаго полка, остальные еще учились. Изъ трехъ дочерей, красавицъ, двѣ были уже замужемъ, и дома оставалась меньшая, Джахана, лѣтъ тринадцати. Домъ Елизбара былъ двухъ-этажный, каменный, вѣковѣчный, не хитрой архитектуры. Все семейство, начиная съ старика, относилось съ особеннымъ радушіемъ и гостепріимствомъ къ русскимъ, да и намъ пріятно было бывать въ домѣ такого помѣщика, на котораго никогда никто не жаловался, такъ какъ онъ никого не обижалъ и ни съ кѣмъ не сутяжничалъ. Несловоохотливый, держащій себя съ достоинствомъ, большаго роста, лѣтъ шестидесяти слишкомъ старикъ Елизбаръ, всѣми былъ уважаемъ. Въ семействѣ своемъ глава, онъ умѣлъ дать дѣтямъ прежде всего честное направленіе.

За усадьбою его начиналось извѣстное читателямъ помѣстье Квашихоры, племянницы его княгини Меники (Марьи Николаевны) Шервашидзе. Единственная дочь князя Николая Дадіана (старшаго брата Елизбара), когда-то извѣстная красавица (косы у ней волочились на аршинъ по полу), и въ преклонныхъ уже лѣтахъ, вышла она замужъ за имеретинскаго князя Цулукидзе; но года не прошло, какъ какая-то острая болѣзнь унесла ея мужа, и княгиня снова вернулась въ домъ отеческій. Миновалъ трауръ и, когда она показалась изъ затворничества, владѣтель Абхазіи, князь Михаилъ Шервашидзе, прельстился ею и сдѣлалъ ей предложеніе. Они обвѣнчались; владѣтель провелъ въ Квашихорахъ медовый мѣсяцъ и поѣхалъ въ Абхазію ожидать туда свою молодую жену, вслѣдъ за приданымъ, которое, по обычаю края, должно было быть высланнымъ отцомъ Меники. Первый караванъ приданаго тронулся и прибылъ въ Абхазію, а тамъ возникло изъ-за него недоразумѣніе. Михаилъ нашелъ, что присланныя ему лошади никуда не годятся, и все остальное совсѣмъ не то, что было обѣщано; караванъ приданаго онъ вернулъ обратно и между нимъ и тестемъ пошли пререканія. Каждый говорилъ свое, не слушая другаго, оба вошли въ страшный задоръ, перебранка тянулась болѣе году и, наконецъ, Михаилъ, для котораго законовъ не было писано, прислалъ сказать въ Квашихоры, что онъ отъ Меники отказался и женился на другой, дочери князя Георгія Дадіани. Княгиня такъ и осталась брошенною, по милости раздора отца съ мужемъ, изъ пустяковъ. Отецъ, пораженный этой выходкой зятя, не перенесъ ея, заболѣлъ и на смертномъ одрѣ все имѣніе свое завѣщалъ лишь въ пожизненное владѣніе дочери, послѣ же ея смерти оно должно было перейдти къ Елизбару. Трудно понять мотивы подобнаго завѣщанія, но надо полагать, что, зная свою дочь, онъ больше всего опасался

за несамостоятельность ея характера и боялся какого нибудь подвоха опять же со стороны Михаила Шервашидзе, котораго, не смотря на явную ей измѣну, несчастная княгиня продолжала любить и оплакивать. Такая трагическая судьба этой женщины, не нашедшей себѣ защитника ни въ комъ изъ своихъ близкихъ родныхъ и самой не умѣвшей защищаться законнымъ путемъ, конечно, не могла не повліять на ея характеръ и складъ ума, и съ годами она сдѣлалась, что называется, чудихой. Жалобы ея начальству на Михаила покончились лишь тѣмъ, что изъ 12 тысячъ его пенсіи удерживали часть, кажется, тысячи три, и ей выдавали; а съ дядей Элизбаромъ она вскорѣ тоже поссорилась и стала употреблять все стараніе, чтобы имѣніе, состоящее также изъ пятисотъ дымовъ, послѣ смерти ея, ему бы не досталось. Это обратилось у ней въ idée fixe, и она пускалась на всевозможныя пробы, только чтобы добиться ея осуществленія. Прежде всего придумала подарить имѣніе владѣтелю Давиду, разсчитывая на его корыстолюбивую струнку; но тотъ, зная завѣщаніе отца, не рѣшился нарушить его и, какъ ни лакомъ былъ кусочекъ, отказался. Тогда какой-то подьячій изъ Кутаиса,—а у княгини постоянно водились въ домѣ подобные юрисконсульты,—надоумилъ ее пожертвовать имѣніе въ казну, и во время посѣщенія Мингреліи княземъ М. С. Воронцовымъ она бухнула ему это пожертвованіе. Князь сначала былъ пораженъ такою щедростію, а когда узналъ, что княгиня съ легкимъ сердцемъ жертвуетъ не свое, а чужое, съ ласковой улыбкой посовѣтовалъ ей позаняться чѣмъ нибудь другимъ и мирно доживать вѣкъ въ своей усадьбѣ, посвятивъ себя дѣламъ благотворенія. Сорвалось, значитъ, и на этотъ разъ; но Меника не унывала и продѣлала ту же штуку съ двумя послѣдующими намѣстниками—Н. Н. Муравьевымъ и княземъ Барятинскимъ, само собою разумѣется, безъ малѣйшаго успѣха и лишь съ явнымъ для себя ущербомъ, такъ какъ на наемъ подьячихъ и на поѣздки въ Тифлисъ и Боржомъ тратила огромныя деньги, доставать же могла ихъ только продажею очень цѣнной движимости, оставшейся ей отъ отца и состоявшей изъ богатаго оружія, золотой и серебряной столовой посуды. Заложивъ и продавъ все, стала дѣлать долги, и кончилось тѣмъ, что кредиторы совсѣмъ забрали ее въ руки. Все это не мѣшало ей мечтать о себѣ ужасно много, считать себя quasi-царицей, въ качествѣ жены владѣтеля и быть напыщенной. При ней тоже состояла многочисленная свита, выѣзжала она съ нею изъ дому, одѣтая въ пунцовую (сацвимари) мантію, вышитую золотомъ; въ свитѣ находился постоянно и священникъ въ зеленой рясѣ. При пріемахъ у себя соблюдала строгій этикетъ, и цѣлый рядъ какихъ-то шамбелановъ изъ ея азнауровъ встрѣчалъ гостей по разнымъ комнатамъ. Все это, хотя было очень забавно, но въ то же время и грустно. Не-

счастная, полоумная и тщеславная женщина вылѣзала изо всѣхъ силъ, чтобы ее замѣтили, а надъ нею только смѣялись.

Когда я въ первый разъ пріѣхалъ къ ней въ качествѣ окружнаго начальника, пріемъ мнѣ былъ сдѣланъ безподобный; встрѣтила меня княгиня во второй комнатѣ, что̀ уже очень много значило, ввела въ третью и, усѣвшись на кресло, имѣвшее видъ трона, усадила противъ себя. Порусски не говорила, впрочемъ, переводчикъ у нея былъ недурной.

— Я тебя хорошо знаю,—начала она:—ты былъ (остати) учителемъ Нико; знаю, что ты хорошій азнауръ.

Этимъ она хотѣла въ одно и то же время показать мнѣ свое величіе, такъ какъ сама владѣла нѣсколькими десятками, по мнѣнію ея, подобныхъ мнѣ азнауровъ, а съ другой и польстить моему самолюбію, называя меня хорошимъ азнауромъ. Я, конечно, благодарилъ ее за столь лестное обо мнѣ понятіе.

Впрочемъ, всѣ чудачества княгини не мѣшали ей быть гостепріимной и угощать насъ вкусными обѣдами. Въ домѣ ея помѣщался теперь совѣтъ управленія Мингреліею и жило нѣсколько служащихъ въ немъ чиновниковъ.

За Квашихорами съ версту находилось мѣстечко Сенаки, будущая моя резиденція, въ которой строилъ я уже домъ для окружнаго управленія, арестантское помѣщеніе и казачью казарму. Сенакскій базаръ состоялъ изъ нѣскольскихъ рядовъ деревянныхъ лавокъ (духановъ) и бойко торговалъ; въ каждую пятницу (базарный день) сходились сюда значительныя толпы жителей со всѣхъ сторонъ для продажи своихъ продуктовъ, втеченіе же года въ Сенакахъ было нѣсколько довольно значительныхъ ярмарокъ.

Дальше за мѣстечкомъ расположены были усадьбы сыновей Вамеха Дадіана (тоже брата Елизбара)—Гогіи, Александра и Левана, гнѣздо загадочное. Самого Вамеха нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ убили крестьяне за его жестокость, а о дѣтяхъ шла недобрая молва; говорили, что они занимаются пристанодержательствомъ. Три брата, еще молодые люди, побывали въ кутаисской гимназіи, не кончили курса и вернулись послѣ смерти отца въ свою усадьбу, носившую названіе Котіанетъ, рѣдко изъ нея показывались и не ладили какъ съ Елизбаромъ, Меникой, такъ и съ другимъ своимъ дядей Каціей, ближайшимъ ихъ сосѣдомъ.

Кація Дадіанъ, четвертый братъ Елизбара, жившій иногда въ Котіанетахъ, а больше всего въ Джварахъ, селеніи Зугдидскаго округа, слылъ за безпокойнаго кляузника, безтолковаго и крайне скупаго человѣка. Его иначе не звали, какъ Кація-Гижи, т. е. сумасшедшій. Совершенную противоположность ему составлялъ сынъ его Милитонъ, учившійся въ Кутаисѣ и тамъ служившій; Н. П. Колюбакинъ, при открытіи русскаго управленія, назначилъ его помощникомъ зугдидскаго окружнаго начальника. Скромный и ми-

ролюбивый Милитонъ былъ подавленъ своимъ сумасброднымъ отцомъ, не дававшимъ ему никогда, по своей скупости, ни копѣйки, а теперь забиравшимъ у него добрую половину его жалованья. Неотлучно находясь при сынѣ, Кація, бывшій когда-то мдиванбегомъ при владѣтелѣ, хотѣлъ косвеннымъ путемъ и теперь возстановить свою прежнюю практику, пытаясь извлекать изъ служебнаго положенія сына побочныя себѣ выгоды. Милитону нелегко было выкручиваться изъ этихъ тисковъ деспотическаго старика и нельзя было не удивляться какъ его терпѣливости, такъ и почтительности къ полоумному отцу. Видя постоянно неразлучною эту забавную парочку, отца съ сыномъ, адъютантъ генералъ-губернатора, Романовъ, лучше говорившій пофранцузски, чѣмъ порусски, и охотникъ до остротъ, выразился про нихъ однажды очень смѣшно: «a-t-on jamais vu une coincidence aussi barroque: un Mirliton, qui est fils d'Accacia». Остроту подхватили и съ тѣхъ поръ Милитона звали не иначе какъ фисъ д'Акація. Кличку эту усвоили и туземцы. Жена у Милитона, урожденная княжна Чичуа, была писанная красавица, но изъ ревности онъ пряталъ ее отъ всѣхъ.

За Котіанетами слѣдовали Накалакеви, гдѣ самымъ крупнымъ изъ батонишвилебовыхъ былъ князь Арчилъ Дадіанъ, ближайшій наперстникъ и другъ покойнаго владѣтеля Левана, послѣ кончины его поселившійся на покоѣ въ этомъ своемъ имѣніи и пользовавшійся особымъ почетомъ со стороны владѣтеля Давида и его семьи. Домъ князя былъ небольшой, но тоже выстроенный на русскій ладъ. Средняго роста, пропорціонально сложенный, лѣтъ семидесяти, очень еще бодрый, совсѣмъ прямо держащійся старикъ, Арчилъ съ своими голубыми глазами и скорѣе серебряными, чѣмъ сѣдыми, густыми, длинными и вьющимися волосами, былъ безусловно красавцемъ, а манеры, привѣтливость, умѣніе держать себя съ достоинствомъ, дѣлали изъ него очень изящный типъ. Колюбакинъ иначе не называлъ его какъ французскимъ маркизомъ. Въ совѣтѣ управленія Мингреліею полагалось два члена отъ князей, и генералъ предложилъ Арчилу принять эту должность; но старикъ съ благодарностію отказался, объяснивъ, что денегъ отъ правительства даромъ не желаетъ получать, а постоянно присутствовать въ совѣтѣ и заниматься текущими дѣлами считаетъ себѣ не по силамъ. У него было два сына, неотлучно при немъ находившихся.

Не стану перечислять нѣсколькихъ другихъ усадебъ батонишвилебовыхъ, идущихъ дальше вдоль ряда холмовъ, составляющихъ нагорную сторону Тихура и Абаши, вплоть до селенія Салхино; между ними не было уже такихъ крупныхъ князей Дадіановыхъ, какъ мною названныхъ, дѣйствительно значительныхъ по своему состоянію помѣщиковъ. Во владѣніи ихъ находилось болѣе двухъ тысячъ дымовъ азнауровъ (дворянъ) и крестьянъ. Большая часть земель, расположенныхъ на холмахъ, идущихъ грядами отъ селенія Чхепи до се-

ленія Салхино, имъ принадлежала, и тутъ производилось не только самое лучшее въ Мингреліи, но чуть ли и не во всемъ Закавказьѣ вино. Въ селеніяхъ Чхепи, Тамоко, Нахуну, Скурди, Таргомоули, Абедати, Ушапати выдѣлывались превосходные его сорты и самый лучшій, носящій названіе Оджалеши, былъ въ виноградникахъ владѣтеля, въ Салхино. Интересна этимологія слова оджалеши. Бжа помингрельски значитъ солнце; бжалеши, обжалеши — согрѣтый, обожженный солнцемъ, а отсюда испорченное слово оджалеши. Этимъ названіемъ вина характеризируется очертаніе мѣстности виноградника, обращеннаго постоянно къ солнцу, лежащаго на припёкѣ и поставленнаго тѣмъ самымъ въ наилучшія условія для винодѣлія. Названіе бургундскаго вина, côte rotie, тождественно съ названіемъ оджалеши, и, конечно, происхожденіе свое беретъ въ тѣхъ же условіяхъ мѣстности.

Владѣя такими цѣнными имѣніями, гдѣ винодѣліе, хлѣбопашество, шелководство и разведеніе табаку, хлопка и пр. могли идти съ успѣхомъ, Дадіановы имѣли все для полнаго своего довольства. Вассалы несли имъ вино, хлѣбъ, птицу, барашковъ, коровъ, шелкъ, шерсть, табакъ, и большою рѣдкостію были однѣ только деньги. Ихъ было мало въ обращеніи, и богатымъ человѣкомъ считался умѣвшій накопить съ величайшими усиліями пять, десять тысячъ. Деньги, конечно, держались въ звонкой монетѣ и припрятывались въ самое потаенное мѣсто. Жили они не скупо, большіе праздники не обходились безъ того, чтобы у нихъ не былъ домъ полонъ гостей, пріѣзжавшихъ даже изъ Имеретіи. Вина выпивалось неимовѣрное количество; коровъ, барашковъ и птицы съѣдалась масса. Часто имѣть за столомъ у себя говядину считалось признакомъ выдающагося хозяйства, и про Елизбара говорилось не даромъ, что онъ рѣзалъ каждую недѣлю зроху, т. е. корову, слѣдовательно былъ такъ богатъ, что каждую недѣлю у него за столомъ подавалась говядина. У каждаго батонишвили была домашняя церковь, священникъ, домашній секретарь и мауравъ изъ азнауровъ, иногда и хекимъ, т. е. туземный лекарь. Дворъ наполнялся многочисленною челядью, обязанною разными службами, традиціонно переходившими отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Разъ какъ-то заѣхалъ я къ Арчилу батонишвили и остался у него обѣдать. Сѣли мы за столъ на верандѣ, а съ нея видно было все происходившее на обширномъ дворѣ. Обѣдало насъ всего трое: Арчилъ, я и переводчикъ; но изъ кухни носили намъ обѣдъ въ разныхъ горшечкахъ человѣкъ двадцать. Это невольно остановило мое вниманіе, и я спросилъ Арчила, «отчего онъ держитъ такую араву на кухнѣ?»

Онъ улыбнулся.

— А вы думаете, что это моя прихоть? Не прихоть, а неволя. Въ числѣ моихъ крестьянъ, двадцать дымовъ ничѣмъ другимъ мнѣ

не обязаны, какъ поварствомъ,—самзареуло. Ихъ прадѣдъ былъ поваромъ моего прадѣда, потомство его, размножившись, обратилось въ двадцать дымовъ, и никто изъ нихъ ничего не станетъ теперь у меня дѣлать, какъ готовить кушанье. Другой работы, по принятому обычаю, не могу отъ нихъ требовать, а если потребую, то они сейчасъ же сочтутъ это за насиліе. Вотъ такимъ-то образомъ

Михаилъ Петровичъ Колюбакинъ.

вмѣсто одного повара на кухнѣ у меня ихъ постоянно двадцать, и я долженъ ихъ кормить и одѣвать. Разсчитайте, во что они мнѣ обходятся? Если перевести на деньги, такъ выйдетъ, пожалуй, такая сумма, за которую я могъ бы переманить къ себѣ лучшаго повара съ царской кухни. Прогнать же ихъ со двора тоже не могу; вотъ вамъ и выходитъ: не прихоть, а неволя. Такая же точно исторія у меня и съ конюхами, у меня ихъ втрое больше, чѣмъ лошадей, и всѣ живутъ во дворѣ на полномъ моемъ содержаніи и продовольствіи.

Поданное кушанье сдѣлало нѣкоторую паузу разговору, но князь спустя нѣкоторое время, вернулся опять къ той же темѣ.

— Вотъ вы, русскіе, постоянно упрекаете насъ въ неумѣніи хозяйничать. Да какъ же хозяйничать-то въ нашемъ положеніи?—приглядитесь-ка къ нему хорошенько. Скажемъ, что у меня четыреста дымовъ; у всѣхъ у нихъ опредѣленныя обычаемъ обязанности, отъ которыхъ они ни за что не отступаютъ, да и тѣхъ-то не исполняютъ безъ понуканій маурава. Нѣкоторые изъ нихъ даютъ мнѣ рабочихъ въ поле, но увѣряю васъ, что брать мнѣ ихъ совсѣмъ невыгодно, они столько поглощаютъ ѣды и вина во время своей работы, что моя собственная запашка приходится мнѣ въ убытокъ. Обязаны мнѣ другіе и прислугою, да я не знаю, какъ отъ нея отдѣлаться, — примѣръ вамъ моя кухня и конюхи. Въ домѣ у меня наберется съ женщинами до 80 душъ. Зачѣмъ мнѣ все это? — надо вѣдь ихъ кормить, а дайте мнѣ одного повара и двухъ-трехъ лакеевъ, и я съ ними гораздо лучше обошелся бы. И вотъ держится все это, благодаря тому только, что хлѣба, вина и всего съѣстнаго приносится мнѣ столько, что и моя многочисленная арава не можетъ съѣсть со мною вмѣстѣ. Хорошо, что это такъ, но когда нибудь придетъ же время, что ртовъ будетъ больше, чѣмъ приношеній, а тогда что будетъ? Вижу я, что наши порядки не такіе, какъ у васъ, и вы потому и упрекаете насъ въ томъ, что мы не хозяева, а станьте-ка на наше мѣсто и врядъ ли что нибудь придумаете. Вотъ хоть бы владѣтель Давидъ постоянно говорилъ намъ тоже, что и вы, онъ бѣдный всю свою жизнь выбивался изъ силъ, чтобы устроить хозяйство по-своему, и кончилось чѣмъ же?—общимъ раздраженіемъ и бунтомъ (бунтоба). Отецъ его Леванъ жилъ и велъ свои дѣла иначе: бралъ, что давали, довольствовался тѣмъ, что имѣлъ, и мы были всѣ, благодаря Бога, сыты. Не моего ума дѣло, какъ устроить, чтобы все было лучше, а думаю, что силой ничего не передѣлаешь. Вотъ теперь пришли вы къ намъ, русскіе, учите насъ уму-разуму, будемъ во всемъ васъ слушаться.

Въ словахъ этого милаго и почтеннаго старика было много правды.

Кромѣ названныхъ мною батонишвилебовыхъ, въ Сенакскомъ же округѣ, верстахъ въ пятнадцати отъ Салхино, въ селеніи Нога проживалъ и еще одинъ, чуть ли не самый интересный представитель этой фамиліи, князь Петръ Николаевичъ Дадіанъ (сынъ диди Нико), одинъ изъ трехъ мушкетеровъ. Высокій, тучный, съ крупными чертами лица, съ длинными, черными усами, лѣтъ пятидесяти, Петръ, своимъ костюмомъ, манерою, походкой, каждымъ жестомъ и разговоромъ, былъ не только представителенъ, но и картиненъ. При любомъ дворѣ его замѣтили бы. Всегда окруженный пестрою толпою своихъ вассаловъ, изъ которыхъ одинъ

носилъ на рукѣ ястреба, а другой водилъ свору борзыхъ, любимыхъ барскихъ собакъ—Мерцхалу (ласточку) и Пріялу (стрѣлку), постоянно розыгрывалъ онъ съ неподражаемымъ искусствомъ роль (дидикаци) вельможи. Говорилъ, не торопясь, пріятнымъ баскомъ, немного въ носъ, съ разстановкой, важно, цвѣтисто, книжно и имѣлъ претензію на глубокое знаніе какъ грузинской литературы, такъ и священнаго писанія. При этомъ былъ очень набоженъ и строго соблюдалъ посты. Изящная наружность подкупала всѣхъ въ его пользу.

Съ дедопали ѣздилъ онъ на коронацію, видѣлъ императора, дворъ, Петербургъ, Москву и послѣ того сдѣлался еще величественнѣе, разсказывая постоянно о своей поѣздкѣ и о связяхъ со всѣми министрами. Слушателей у него бывала всегда масса. Н. П. Колюбакинъ, очарованный наружностью Петра, предложилъ ему мѣсто члена совѣта отъ сословія княжескаго, и тотъ охотно принялъ его.

На первыхъ же порахъ, думая найдти въ немъ полезнаго совѣтника, генералъ призывалъ его для бесѣды о дѣлахъ; Петръ не говорилъ порусски и переводчикомъ бывалъ Накашидзе, приходившій всякій разъ въ отчаяніе отъ этихъ сеансовъ генерала съ Петромъ.

Тутъ розыгрывалась иногда неподражаемая комедія.

Колюбакинъ поручаетъ, напримѣръ, Накашидзе спросить у Петра мнѣнія о томъ, какъ бы пресѣчь страшное развитіе конокрадства въ Мингреліи, — не будетъ ли полезнымъ призвать само общество князей къ содѣйствію.

Петръ, выслушавъ вопросъ, принимаетъ на себя видъ глубокомыслія, беретъ руку Накашидзе лѣвою своею рукою и правою загибаетъ пальцы на рукѣ Накашидзе, дѣлая этимъ способомъ какъ бы замѣтки или рубрики, на которыя готовится подраздѣлить свою рѣчь. Прежде же всего онъ обращается къ самому Накашидзе и заклинаетъ его именемъ Бога переводить генералу каждое его слово отчетливо; потомъ уже начинаетъ:

«Скажи генералу, что, если онъ въ Бога вѣруетъ, чтобы онъ никогда не умиралъ и чтобы жена его никогда не умирала, чтобы онъ жилъ вѣчно и всѣ болѣзни его пусть упадутъ на мою голову. Каждое слово его для меня все равно что жемчужина, и мнѣ ли съ нимъ не соглашаться? Какъ солнце восходитъ всегда съ востока, такъ и я всегда могу говорить ему одну только правду. Мнѣніе же мое на счетъ конокрадства такое, что его непремѣнно нужно прекратить. Хорошо ли понялъ ты все, что я сказалъ?—обращается Петръ къ Накашидзе.—Ну, теперь, если ты Бога любишь, скажи ему все это».

Петръ загибалъ при этомъ указательный палецъ на рукѣ Накашидзе, отмѣчая первую рубрику рѣчи, и теперь онъ глядѣлъ на

лице генерала, желая прочесть на немъ впечатлѣніе отъ передачи сказаннаго имъ.

Колюбакинъ во все время рѣчи, продолжавшейся нѣсколько минутъ,—Петръ ужасно тянулъ,—ходилъ по кабинету и поглядывалъ на выразительное лицо оратора, говорившаго съ одушевленіемъ и съ классическими жестами; онъ нетерпѣливо хотѣлъ узнать ея содержаніе. И вотъ, наконецъ, палецъ Накашидзе загнутъ, Петръ смолкъ, генералъ подходитъ къ Накашидзе и весь обращается въ слухъ.

— Онъ говоритъ, ваше превосходительство, что прекратить конокрадство необходимо.

— Ну-съ, а что же еще?

— Да больше ничего онъ не сказалъ.

Генералъ вспыхиваетъ какъ порохъ.

— Я васъ посажу на гауптвахту, милостивый государь, за такой переводъ. Человѣкъ говоритъ полчаса, а вы осмѣливаетесь переводить мнѣ въ двухъ словахъ.

— Право, ваше пре...

— Не смѣть разсуждать и переводить мнѣ каждое слово.

Между тѣмъ Петръ, озадаченный такимъ внезапнымъ гнѣвомъ генерала и не понимающій его причины, думая, что сердится онъ на него, привлекаетъ къ себѣ за руку Накашидзе и говоритъ ему:

— Ай... всѣ болѣзни твои беру на себя... скажи мнѣ, чего онъ сердится?—и загибаетъ другой палецъ на рукѣ Накашидзе.

— Ну-съ, вотъ теперь, что онъ вамъ сказалъ... извольте переводить слово въ слово,—наступаетъ, въ свою очередь, генералъ.

— Онъ говоритъ, ваше превосходительство, что всѣ болѣзни мои принимаетъ на себя, лишь бы я ему сказалъ, за что вы изволите гнѣваться.

— Что за вздоръ... о какихъ болѣзняхъ вы мнѣ толкуете... я васъ сейчасъ...

— Онъ думаетъ, ваше превосходительство, что вы изволите на него сердиться, и спрашиваетъ: за что?

— Такъ о какихъ болѣзняхъ?...

Петръ тянетъ Накашидзе къ себѣ.

— Ай, скажи, чтобы не гнѣвался...

Накашидзе, растрепанный, раскраснѣвшійся, чуть не плачетъ. На счастіе его, кто-то посторонній, находящійся въ кабинетѣ, знающій грузинскій и русскій языки одинаково хорошо, объясняетъ генералу, что Накашидзе тутъ не при чемъ, и что вся причина въ напыщенномъ, цвѣтистомъ и непереводимомъ языкѣ Петра. Этимъ языкомъ принято говорить между вельможами и людьми высокопоставленными, и потому князь иначе и не находитъ возможнымъ говорить съ генераломъ. Перевести, къ сожалѣнію, весь этотъ наборъ словъ порусски положительно невозможно.

Въ сущности Петръ очень хорошо понималъ, чего отъ него хотятъ, но не желая выступать съ какою либо иниціативою, розыгрывалъ комедію и отдѣлывался велерѣчивымъ вздоромъ. Нѣсколько попытокъ Колюбакина — воспользоваться его совѣтами остались безплодными и его оставили въ покоѣ. По конокрадству же ему и нелегко было давать совѣты, такъ какъ впослѣдствіи оказалось, что среди его многочисленныхъ вассаловъ былъ цѣлый контингентъ воровъ, и онъ не только ихъ не преслѣдовалъ, но прикрывалъ и даже кичился ихъ особеннымъ мастерствомъ.

Эта пестрая галлерея силуетовъ можетъ дать читателю понятіе о характерѣ тогдашней аристократіи Сенакскаго округа.

Люди эти жили одною, такъ сказать, буколическою, примитивною жизнію, и желанія ихъ не перелетали за предѣлы границы ихъ владѣній. Вассалы несли имъ все готовое, а какимъ путемъ оно добывалось, они того не доискивались и, получая его, часть расходовали, а часть сберегали. Съ вассалами жили согласно до тѣхъ поръ, пока тѣ были исправны, и налегали на нихъ въ противномъ случаѣ при посредствѣ своихъ мауравовъ. Въ этомъ и состояло все ихъ несложное хозяйство. Аккуратно посѣщали церковную службу, строго содержали посты, въ праздники принимали множество гостей, угощали ихъ на убой и пили съ ними вино съ величаніемъ, пѣснями и плясками. Свадьбы и похороны составляли крупныя событія и сопровождались пышными церемоніалами. Досуги наполнялись чтеніемъ священнаго писанія, поэмы Шота Руставели—«Барсовая шкура», стиховъ, Чохрохадзе и другихъ древнихъ стихотворцевъ, а также переводовъ Аристотеля и Платона. Женщины были въ особенности грамотѣйки и знали множество хитрыхъ работъ шелками, золотомъ и т. д. Мужья ихъ и братья среди досуговъ отдавались также разнымъ охотамъ на птицъ и звѣрей, джигитовали и гарцовали. Словомъ, жизнь этой аристократіи была полная чаша матеріальнаго благополучія и среди нея существовала устойчивость въ особенныхъ усвоенныхъ ею, своеобразныхъ понятіяхъ о нравственности,—извѣстныя дѣйствія неприличны были для батонишвили, и онъ отъ нихъ воздерживался единственно лишь потому, чтобы не уподобиться низшему себѣ. Но во всей этой жизни другаго смысла не было, какъ кейфъ, или, какъ говорятъ итальянцы, dolce far niente.

«Хорошо», — говорилъ Арчилъ, — «что ртовъ было меньше, чѣмъ приношеній»; при такомъ условіи бытъ этого мѣстнаго барства могъ держаться, а что его ожидало, когда ртовъ становилось больше приношеній?

Этотъ-то вопросъ и былъ самымъ жгучимъ, такъ какъ большинство помѣщиковъ части Сенакскаго округа были именно въ такихъ условіяхъ, что приношеній далеко не хватало на ихъ рты.

4.

Стоило переѣхать черезъ рѣку Абишу, и тутъ начиналось расположенное на долинѣ огромное селеніе Банза, въ которомъ насчитывалось больше семидесяти пяти домовъ князей Пагава, владѣвшихъ лишь восемью стами дымовъ азнауровъ и крестьянъ. Среднимъ числомъ, значитъ, приходилось не болѣе десяти дымовъ крестьянскихъ на помѣщичій домъ, а вѣдь такого равномѣрнаго въ дѣйствительности распредѣленія не существовало. У одного, напримѣръ, князя Хаху Пагава было до ста дымовъ, слѣдовательно, многіе изъ его однофамильцевъ и родственниковъ не досчитывались и до десятка дымовъ своихъ вассаловъ, и вотъ тутъ-то и можно было искать отвѣта на вопросъ: «что будетъ, когда ртовъ явится больше, чѣмъ приношеній?»

Раскидываясь верстъ на сорокъ въ окружности, отъ р. Абиши до р. Цхенисъ-Цхали, т. е. до границы Кутаисской губерніи, Банза составляла въ Сенакскомъ округѣ, какъ бы status in statu, а въ ней фамилія князей Пагава—особый элементъ, особую силу. Много пришлось мнѣ тутъ повозиться за четыре года управленія округомъ.

Чтобы оріентироваться въ этомъ лабиринтѣ, я нашелъ себѣ тутъ на первыхъ же порахъ двухъ чичероне. Первымъ былъ милѣйшій и честнѣйшій князь Давидъ Пагава, съ которымъ я познакомился года два уже передъ тѣмъ, когда онъ состоялъ при братѣ владѣтеля, Константинѣ. По темпераменту флегматикъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и надѣленный добродушнымъ юморомъ, онъ какъ разъ подходилъ къ той роли, которую, по моему предложенію, принялъ на себя, а я его сдѣлалъ банзинскимъ мауравомъ. Всякій другой на этомъ мѣстѣ сбился бы съ толку отъ суматохи, происходившей въ этомъ міркѣ, дошелъ бы до раздраженія и озлобился бы, а Давидъ былъ невозмутимъ, все выносилъ, подсмѣиваясь, и дѣлалъ дѣло, какъ ни въ чемъ не бывало. Другимъ чичероне былъ тоже давно мнѣ знакомый, Гиго (Григорій Николаевичъ) Пагава, умный, хитрый и очень вліятельный въ своемъ селѣ. Прежній мдиванбегъ, онъ имѣлъ и практическій навыкъ къ административному дѣлу, жаждалъ попасть на русскую службу и потому особенно старался угодить начальству. Для меня онъ былъ находкою, я поддерживалъ съ нимъ дружескія отношенія, пріѣзжалъ обыкновенно къ нему въ домъ и черезъ какихъ нибудь полчаса начинали туда собираться Пагавы и дворяне Габунія. Вскорѣ познакомился я почти со всѣмъ наличнымъ составомъ этой многочисленной, крайне захудалой, вышибленной малоземельностію своею изъ колеи, княжеской фамиліи. Родоначальникомъ ихъ былъ когда-то богатый Джигетскій князь, нѣсколько вѣковъ тому назадъ переѣхавшій къ Дадіану во владѣніе и получившій себѣ въ надѣлъ крупный ленъ. Прошли вѣка,

потомство его множилось, дѣлилось и, наконецъ, дошло до положенія дробной шляхты, въ которомъ мы его и застали. И не смотря на захудалость матеріальную, порода и типъ тутъ не исчезали; Пагавы, по большей части, какъ мужчины, такъ и женщины, были красавцы и въ каждомъ ихъ жестѣ и движеніи высказывались— ловкость, смѣлость и граціозность. Молодежь, ничему не учившаяся, ни къ чему не подготовленная, не могла же оставаться праздною, потому уже, что надо было и кормить себя, и она пристрастилась къ рискованному, но вполнѣ соотвѣтствующему ея воинственному, залихватскому характеру, промыслу, называемому по-нашему конокрадствомъ, а помингрельски уродствомъ (махенджоба). Помѣщики увлекли въ это дѣло и своихъ вассаловъ, и дошло до того, что лежащія вверхъ по теченію Цхенисъ-Цхали два селенія Лихаиндро и Нагвазу, вассальныя Пагавамъ, представляли собою поразительное явленіе въ быту сельскомъ. Тутъ не видно было ни малѣйшихъ признаковъ земледѣльческой культуры, посѣвовъ кукурузы, гоми или пшеницы, а между тѣмъ жители ни въ чемъ не нуждались, ходили въ чохахъ, обложенныхъ серебрянымъ позументомъ, носили прекрасное оружіе и каждый имѣлъ добраго коня. Секретъ такой странной зажиточности состоялъ въ сосѣдствѣ съ Имеретіею, ее отдѣляла рѣка Цхенисъ-Цхали,—и оттуда получалась обильная жатва. Конокрадство и воровство скота въ Банзѣ было организовано издавна и во время управленія владѣтеля Давида дало махровый цвѣтъ. Онъ установилъ за воровство пеню, состоявшую изъ семи лошадей за одну украденную. Изъ этихъ семи двѣ поступали хозяину украденной лошади, двѣ мдиванбегу, поймавшему вора, и три владѣтелю. Послѣ установленія такой пени организовалась корпорація на страховыхъ началахъ, которая, въ случаѣ поимки вора, тотчасъ же платила за него этихъ 7 лошадей и въ то же время наверстывала свои убытки новыми подвигами. И все это продѣлывалось преимущественно на шкурѣ несчастныхъ сосѣдей, имеретинъ. Владѣтель Мингреліи получалъ, говорятъ, отъ пени за воровство лошадей и скота до 15 тысячъ рублей въ годъ. Никакъ не менѣе $^2/_3$ этой суммы оплачивалось ворами, промышлявшими на счетъ имеретинъ, или, другими словами, владѣтель такимъ способомъ собиралъ ежегодно не менѣе 10 тысячъ налогу съ Имеретіи. Понятно послѣ того, на сколько эти сосѣди Мингреліи почувствовали облегченіе отъ введенія въ ней русскаго управленія, прекратившаго пени за воровство.

При первомъ пріѣздѣ своемъ въ Банзу, знакомый уже по слухамъ съ профессіею, такъ широко здѣсь развившеюся, я пригласилъ стариковъ, имѣющихъ вліяніе и вѣсъ, и объяснилъ имъ, что съ введеніемъ русскаго управленія послѣдствія отъ воровства совершенно измѣняются. Пени съ пойманныхъ воровъ никто теперь не будетъ брать, она навѣки отмѣняется; но вмѣсто нея будетъ

дѣйствовать закономъ опредѣленная кара, гораздо серьёзнѣйшая. Дворянину, уличенному въ этомъ преступленіи, предстоитъ далекое путешествіе для ловли бобровъ; а потому я и приглашалъ стариковъ положить во что бы то ни стало конецъ этому позорному для дворянства промыслу. Завелась продолжительная по этому поводу бесѣда, они объясняли, что ничего такъ не желаютъ, какъ прекращенія этой страшной язвы, и, чтобы помочь мнѣ, обѣщались составить списки всѣхъ главныхъ коноводовъ этого дѣла, какъ между князьями, дворянами, такъ и между крестьянами. Я просилъ Гиго заняться составленіемъ этихъ списковъ, онъ охотно взялся, и послѣ того мнѣ дано было всѣми Пагавами торжественное обѣщаніе, что воровство прекратится отнынѣ навсегда. Объясненія имѣли даже патетическій характеръ, старики были отличные говоруны. Оставилъ я Давида и Гиго съ ними договаривать, а самъ уѣхалъ; но не прошло и пяти дней, какъ въ Теклатахъ предо мной предстало десять человѣкъ имеретинъ изъ селенія Хони, сосѣдняго съ Банзой, со слезною жалобой на покражу у нихъ два дня тому назадъ десяти лошадей, въ одну и ту же ночь, причемъ они прямо, безъ обиняковъ, указывали на князя Бежана Пагаву, какъ атамана шайки, уведшей у нихъ этихъ лошадей. Дѣло было такъ серьёзно, что я тотчасъ же сѣлъ на лошадь и съ нѣсколькими казаками и переводчикомъ отправился въ Банзу, сказавъ имеретинамъ, чтобы и они шли туда же.

Въ Банзѣ прямо поѣхалъ къ дому князя Бежана.

На крыльцѣ встрѣтилъ меня самъ хозяинъ, человѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ сѣдой, окладистой бородой, и просилъ въ комнаты. Совсѣмъ кроткій, приличный видъ его и голосъ очень тихій съ перваго момента поставили меня втупикъ; я подумалъ: нѣтъ ли тутъ ошибки, имеретины, быть можетъ, спутали имя. Можетъ ли быть, чтобы такого почтеннаго вида князь занимался бы на столько грязнымъ дѣломъ. Имеретины еще не успѣли прибыть въ Банзу, и потому въ ожиданіи ихъ я вошелъ въ домъ. Тамъ было все прилично прибрано. Хозяинъ предлагалъ чаю, я отказался и приступилъ къ объясненію.

— Пришли ко мнѣ сегодня, князь, десять человѣкъ имеретинъ, жалуясь на васъ, что два дня тому назадъ вы у нихъ уворовали 10 лошадей. Я пріѣхалъ для разслѣдованія этой жалобы.

Бежанъ грустно улыбнулся и отвѣчалъ:

— Все по враждѣ (теробитъ)... клевета... они мои сосѣди... споры поземельные... захватываютъ...

Онъ говорилъ съ улыбкой и съ такою искренностію въ голосѣ, что я совсѣмъ начиналъ думать, нѣтъ ли дѣйствительно тутъ клеветы. Притомъ же имеретины замѣшкались, что-то не являются... на меня стало находить сомнѣніе. Выйдя на балконъ, я подозвалъ Бессаріона и спросилъ его, что ему извѣстно объ этомъ старикѣ...

неужели онъ воръ? Тотъ, не запинаясь, отвѣтилъ, что несомнѣнно— воръ, и первый воръ въ Банзѣ. Всѣмъ извѣстно, что онъ имѣетъ даже двѣ раны, полученныя на воровствѣ—одну въ руку, а другую въ шею. Послѣ того я приказалъ переводчику зорко слѣдить, чтобы онъ не попытался куда нибудь отъ меня укрыться.

Наконецъ, имеретины прибыли и при объясненіи, происшедшемъ между ними и Бежаномъ въ моемъ присутствіи, всякое сомнѣніе въ его виновности исчезло.

Тогда, позвавъ его въ комнату и приставивъ къ дверямъ по казаку, объяснилъ я ему, что онъ арестованъ, и приказалъ переводчику взять со стѣны развѣшанное оружіе, снять кинжалъ съ самого Бежана и объявилъ ему, что по позднему времени приступлю къ слѣдствію завтра утромъ въ 10 часовъ; а потому, если онъ хочетъ, чтобы на сколько возможно была облегчена его участь, то до 9 часовъ утра всѣ украденныя лошади должны быть приведены къ нему на дворъ. Это распоряженіе онъ можетъ сдѣлать, не выходя изъ комнаты и сказавъ переводчику, кого изъ прислуги къ нему нужно позвать. Бежанъ позвалъ кого-то и долго шептался. Я его оставилъ подъ карауломъ, а самъ поѣхалъ къ Гиго, куда приказалъ привезти и отобранное оружіе.

На другое утро переводчикъ мнѣ пришелъ сказать, что лошади всѣ уже во дворѣ Бежана. Когда я туда пріѣхалъ, то нашелъ и имеретинъ. Они опознали своихъ лошадей, составленъ былъ протоколъ за общими подписями, лошади были имъ вручены, и съ низкими поклонами и громкими изъявленіями благодарности имеретины отправились восвояси.

Когда же мы остались съ Бежаномъ, онъ вдругъ упалъ мнѣ въ ноги и сталъ молить: «Не погубите! Это было послѣднее мое воровство! клянусь вамъ всѣми святыми, никогда больше за него не примусь!»

Я объяснилъ ему, что теперь я ничего невластенъ самъ сдѣлать къ облегченію его участи, что отправлю его прямо отсюда къ генералу и опишу ему всѣ обстоятельства. Быть можетъ, онъ приметъ въ уваженіе ту быстроту, съ которою были возвращены лошади.

Бежанъ отправился подъ конвоемъ съ моимъ донесеніемъ и со взятымъ у него оружіемъ къ Колюбакину. Къ этому я присовокупилъ свою маленькую записочку къ Николаю Петровичу, прося его хорошенько напугать воришку и посадить его на гауптвахту, а не въ тюрьму. На первый разъ я полагалъ достаточною эту мѣру. Николай Петровичъ такъ и сдѣлалъ.

Дня черезъ два къ генералу явилась цѣлая депутація отъ Пагавъ съ слезнымъ печалованіемъ за Бежана—не губить его и дѣло не передавать суду. Генералъ запугалъ и ихъ страшно. Трепещущіе вернулись они въ Банзу, не зная, чѣмъ все это кончится. Цѣлый мѣсяцъ содержался Бежанъ на гауптвахтѣ и уже послѣ того,

какъ нѣсколько батонишвилебовыхъ, въ числѣ ихъ, Елизбаръ и Арчилъ, по слезной просьбѣ Пагавовыхъ, явились новыми печальниками за бывшаго атамана конокрадовъ, генералъ смягчился и отпустилъ его на ихъ поруки, съ тѣмъ, что при первомъ его новомъ участіи или соприкосновенности къ воровству онъ будетъ высланъ безъ всякихъ судебныхъ процедуръ, административнымъ порядкомъ, въ отдаленныя губерніи. Бежанъ былъ выпущенъ испитой, исхудалый и послѣ того уже окончательно исцѣлился отъ махенджобы. Во все это время и долго послѣ того спустя, въ Банзѣ все стихло, и сосѣди имеретины благословляли русское управленіе въ Мингреліи. Когда же я пріѣзжалъ въ Банзу, то Бежанъ первый являлся ко мнѣ съ собачьей преданностію въ глазахъ и торчалъ передо мной, какъ листъ передъ травой.

Такого рода крупное событіе въ жизни Банзы, какъ исторія съ Бежаномъ, въ самомъ началѣ сблизила меня съ Пагавами и поставила въ необходимость значительную часть времени посвящать ихъ дѣламъ.

На востокъ отъ Банзы находилось другое церковное имѣніе, среди котораго на высокомъ холмѣ, имѣющемъ форму трапецоида, возвышался Мартвильскій монастырь, резиденція епископа (чкондидели), усыпальница владѣтелей Мингреліи. Въ монастырѣ имѣлось единственное тогда русское духовное училище, такъ сказать, русская академія, изъ которой выносилось съ грѣхомъ пополамъ знаніе русскаго языка. Но и за то ей, всетаки, спасибо. У подножія мартвильскаго холма расположилось незначительное торговое мѣстечко Ноагалеви.

На юго-востокъ отъ монастыря, вверхъ по теченію Цхенисъ-Цхали шла волость Сачиковано. Она начиналась у селенія Хунцы и, захватывая собою холмы и предгорья, среди которыхъ лежало и мѣстечко Горди, лѣтняя резиденція владѣтелей, доходила до селенія Кинчхи. Тутъ жили исключительно князья и дворяне Чиковановы. Они не могли называться крупными владѣльцами, но положеніе ихъ, какъ администраторовъ имѣніями владѣтельскими и заправлявшихъ всѣми правительственными дѣлами, было на столько выгодно въ матеріальномъ отношеніи, что они далеко не были бѣдными помѣщиками.

Между Салхино и Нога (усадьбою Петра Батонишвили), въ волости Салипартіано, бывшей когда-то доменомъ давно угасшей династіи Дадіановъ-Липаритовъ, жили двѣ немногочисленныя и небогатыя княжескія фамиліи Дгебуадзевыхъ и Чичуа, и самый достаточный представитель первой изъ нихъ, князь Бежанъ Дгебуадзе, энергическій старикъ, былъ тутъ мауравомъ какъ при владѣтеляхъ, такъ и при русскомъ управленіи, а сынъ его, Евгеній, учившійся въ Кутаисѣ, служилъ въ канцеляріи совѣта.

5.

Говоря о мингрельскомъ высшемъ классѣ, нельзя умолчать о третьемъ его сословіи — азнаурахъ, находившемся въ личной и поземельной зависимости отъ владѣтеля, церкви и князей и пользовавшемся различіемъ въ почетѣ, сообразно съ различіемъ въ положеніи своихъ господъ. Владѣтельскій азнауръ садился рядомъ съ князьями, тѣ называли его не иначе, какъ дзмао (братецъ), носилъ двѣ шпоры и нерѣдко бралъ себѣ жену изъ княжеской фамиліи; церковный, прислуживавшій епископу, уже не смѣлъ садиться передъ князьями, прежде ихъ приглашенія, и носилъ одну шпору; а княжескій торчалъ передъ ними у притолки. Но въ отношеніяхъ азнауровъ и крестьянъ къ ихъ господамъ (батоно) былъ значительный оттѣнокъ: крестьяне считались подлыми (глехи, или глаха), какъ люди податные, corvéables et taillables d'en haut et d'en bas, по французскому феодальному режиму, тогда какъ азнауры личныхъ податей не отбывали, а несли лишь обязанности облагороженнаго свойства. Они были оруженосцами, приказчиками (мауравами), управляющими (сахлтхуцесами), повѣренными въ дѣлахъ и постоянными собесѣдниками своихъ господъ. Владѣя крестьянами и пользуясь правомъ ихъ отчужденія, въ то же время и сами подлежали отчужденію при раздѣлахъ въ господскихъ домахъ и при выдачѣ въ замужество господскихъ дочерей, за которыми поступали въ приданое въ совершенно чуждые имъ княжескіе дома; продажа же недвижимыхъ, населенныхъ княжескихъ имѣній не допускалась обычаемъ. Когда владѣтель Давидъ обложилъ азнаурскихъ крестьянъ денежною податью (саури, или саудіеро) будто бы на покрытіе расходовъ по управленію, азнауры протестовали, видя въ этомъ обложеніи попытку обратить ихъ самихъ въ податное состояніе. Чиковановымъ нелегко было съ ними справляться.

Само собой разумѣется, что въ многочисленномъ и малоземельномъ азнаурскомъ сословіи нечего было искать особенной зажиточности; но при отсутствіи предразсудка въ выборѣ себѣ рода занятій, азнауры имѣли то преимущество въ матеріальномъ отношеніи передъ захудалыми и безземельными князьями, что они не стѣснялись работать въ полѣ съ своими крестьянами и, пріученные въ господскихъ домахъ къ дѣятельности приказчиковъ и блюстителей господскаго добра, шли въ Тифлисъ и въ Кутаисъ и нанимались тамъ у частныхъ лицъ въ разныя должности, не брезгая даже и скромнымъ званіемъ прислуги, причемъ очень скоро научались говорить порусски. Захудалые же князья, кичась своимъ громкимъ титуломъ, предпочитали этимъ скромнымъ профессіямъ конокрадство, затягивая въ него и своихъ азнауровъ.

Поданное кушанье сдѣлало нѣкоторую паузу разговору, но князь, спустя нѣкоторое время, вернулся опять къ той же темѣ.

— Вотъ вы, русскіе, постоянно упрекаете насъ въ неумѣніи хозяйничать. Да какъ же хозяйничать-то въ нашемъ положеніи?— приглядитесь-ка къ нему хорошенько. Скажемъ, что у меня четыреста дымовъ; у всѣхъ у нихъ опредѣленныя обычаемъ обязанности, отъ которыхъ они ни за что не отступаютъ, да и тѣхъ-то не исполняютъ безъ понуканій маурава. Нѣкоторые изъ нихъ даютъ мнѣ рабочихъ въ поле, но увѣряю васъ, что брать мнѣ ихъ совсѣмъ невыгодно, они столько поглощаютъ ѣды и вина во время своей работы, что моя собственная запашка приходится мнѣ въ убытокъ. Обязаны мнѣ другіе и прислугою, да я не знаю, какъ отъ нея отдѣлаться, — примѣръ вамъ моя кухня и конюхи. Въ домѣ у меня наберется съ женщинами до 80 душъ. Зачѣмъ мнѣ все это? — надо вѣдь ихъ кормить, а дайте мнѣ одного повара и двухъ-трехъ лакеевъ, и я съ ними гораздо лучше обошелся бы. И вотъ держится все это, благодаря тому только, что хлѣба, вина и всего съѣстнаго приносится мнѣ столько, что и моя многочисленная арава не можетъ съѣсть со мною вмѣстѣ. Хорошо, что это такъ, но когда нибудь придетъ же время, что ртовъ будетъ больше, чѣмъ приношеній, а тогда что будетъ? Вижу я, что наши порядки не такіе, какъ у васъ, и вы потому и упрекаете насъ въ томъ, что мы не хозяева, а станьте-ка на наше мѣсто и врядъ ли что нибудь придумаете. Вотъ хоть бы владѣтель Давидъ постоянно говорилъ намъ тоже, что и вы, онъ бѣдный всю свою жизнь выбивался изъ силъ, чтобы устроить хозяйство по-своему, и кончилось чѣмъ же?—общимъ раздраженіемъ и бунтомъ (бунтоба). Отецъ его Леванъ жилъ и велъ свои дѣла иначе: бралъ, что давали, довольствовался тѣмъ, что имѣлъ, и мы были всѣ, благодаря Бога, сыты. Не моего ума дѣло, какъ устроить, чтобы все было лучше, а думаю, что силой ничего не передѣлаешь. Вотъ теперь пришли вы къ намъ, русскіе, учите насъ уму-разуму, будемъ во всемъ васъ слушаться.

Въ словахъ этого милаго и почтеннаго старика было много правды.

Кромѣ названныхъ мною батонишвилебовыхъ, въ Сенакскомъ же округѣ, верстахъ въ пятнадцати отъ Салхино, въ селеніи Нога проживалъ и еще одинъ, чуть ли не самый интересный представитель этой фамиліи, князь Петръ Николаевичъ Дадіанъ (сынъ диди Нико), одинъ изъ трехъ мушкетеровъ. Высокій, тучный, съ крупными чертами лица, съ длинными, черными усами, лѣтъ пятидесяти, Петръ, своимъ костюмомъ, манерою, походкой, каждымъ жестомъ и разговоромъ, былъ не только представителенъ, но и картиненъ. При любомъ дворѣ его замѣтили бы. Всегда окруженный пестрою толпою своихъ вассаловъ, изъ которыхъ одинъ

носилъ на рукѣ ястреба, а другой водилъ свору борзыхъ, любимыхъ барскихъ собакъ—Мерцхалу (ласточку) и Пріялу (стрѣлку), постоянно розыгрывалъ онъ съ неподражаемымъ искусствомъ роль (дидикаци) вельможи. Говорилъ, не торопясь, пріятнымъ баскомъ, немного въ носъ, съ разстановкой, важно, цвѣтисто, книжно и имѣлъ претензію на глубокое знаніе какъ грузинской литературы, такъ и священнаго писанія. При этомъ былъ очень набоженъ и строго соблюдалъ посты. Изящная наружность подкупала всѣхъ въ его пользу.

Съ дедопали ѣздилъ онъ на коронацію, видѣлъ императора, дворъ, Петербургъ, Москву и послѣ того сдѣлался еще величественнѣе, разсказывая постоянно о своей поѣздкѣ и о связяхъ со всѣми министрами. Слушателей у него бывала всегда масса. Н. П. Колюбакинъ, очарованный наружностью Петра, предложилъ ему мѣсто члена совѣта отъ сословія княжескаго, и тотъ охотно принялъ его.

На первыхъ же порахъ, думая найдти въ немъ полезнаго совѣтника, генералъ призывалъ его для бесѣды о дѣлахъ; Петръ не говорилъ порусски и переводчикомъ бывалъ Накашидзе, приходившій всякій разъ въ отчаяніе отъ этихъ сеансовъ генерала съ Петромъ.

Тутъ розыгрывалась иногда неподражаемая комедія.

Колюбакинъ поручаетъ, напримѣръ, Накашидзе спросить у Петра мнѣнія о томъ, какъ бы пресѣчь страшное развитіе конокрадства въ Мингреліи, — не будетъ ли полезнымъ призвать само общество князей къ содѣйствію.

Петръ, выслушавъ вопросъ, принимаетъ на себя видъ глубокомыслія, беретъ руку Накашидзе лѣвою своею рукою и правою загибаетъ пальцы на рукѣ Накашидзе, дѣлая этимъ способомъ какъ бы замѣтки или рубрики, на которыя готовится подраздѣлить свою рѣчь. Прежде же всего онъ обращается къ самому Накашидзе и заклинаетъ его именемъ Бога переводить генералу каждое его слово отчетливо; потомъ уже начинаетъ:

«Скажи генералу, что, если онъ въ Бога вѣруетъ, чтобы онъ никогда не умиралъ и чтобы жена его никогда не умирала, чтобы онъ жилъ вѣчно и всѣ болѣзни его пусть упадутъ на мою голову. Каждое слово его для меня все равно что жемчужина, и мнѣ ли съ нимъ не соглашаться? Какъ солнце восходитъ всегда съ востока, такъ и я всегда могу говорить ему одну только правду. Мнѣніе же мое на счетъ конокрадства такое, что его непремѣнно нужно прекратить. Хорошо ли понялъ ты все, что я сказалъ?—обращается Петръ къ Накашидзе.—Ну, теперь, если ты Бога любишь, скажи ему все это».

Петръ загибалъ при этомъ указательный палецъ на рукѣ Накашидзе, отмѣчая первую рубрику рѣчи, и теперь онъ глядѣлъ на

этотъ совершился, число выигравшихъ отъ перемѣны своего положенія въ мѣстномъ населеніи выросло до громадной пропорціи и въ соціальномъ организмѣ всего края; путемъ улучшенія быта низшаго класса и дарованіемъ ему правъ свободныхъ классовъ вызваны были къ жизни свѣжія и могучія его силы. Ассимилируя съ собою край, наше отечество заставило поступиться своими прерогативами однѣ лишь соціальныя макушки; онѣ, конечно, долго не позабудутъ своего развѣнчанія, но что же можетъ значить неудовольствіе незначительной общественной группы, утратившей свое руководящее значеніе, передъ голосомъ сотней тысячъ осчастливленнаго населенія. Смыслъ этого совершившагося тутъ факта не только въ Европѣ, но и у насъ, не всѣ понимаютъ, и нельзя не улыбнуться, когда читаешь въ газетахъ, что англичане, стращая насъ нашествіемъ на берега Чернаго моря, разсчитываютъ на сочувствіе къ себѣ туземнаго населенія, недовольнаго будто бы Россіею. Ужъ не разсчитываютъ ли они привлечь его къ себѣ возстановленіемъ прежнихъ феодальныхъ прерогативъ и порядковъ и ревнивымъ ихъ обереганіемъ, какъ то продѣлываютъ они съ индійскими кастами, въ видахъ наилучшаго способа эксплоатаціи многомилліоннаго населенія Индіи? А намъ что-то сдается, что, доберись мы до этихъ пресловутыхъ кастъ съ своею системою, онѣ, пожалуй, и растаютъ; вѣдь двадцать лѣтъ тому назадъ какой нибудь батонишвили развѣ не считалъ моджалабе за индійскаго парія, мѣняя его на собаку или ястреба... а теперь что-то объ этомъ не слышно.

Но, забѣжавъ слишкомъ впередъ, вернемся къ азнаурамъ того времени.

Они далеко не стояли на одной ногѣ съ своими господами. Могла ли, напримѣръ, Меника батонишвили считать себѣ равнымъ, скажемъ, хотя азнаура своего Темуркву Чиковани? Пожаловавъ ему однажды двѣ кцевы земли за приведенную въ видѣ подарка (дзгвени) корову, украденную имъ у попа Одишарія, она прекрасно знала, что Темурква — по профессіи отъявленный махенджи (воръ) —подтибрилъ ей гдѣ нибудь этотъ подарокъ, и, все-таки, съ удовольствіемъ изволила его принять и кушать; подобныя операціи не были для нея новостію. Темурква тоже очень довольный вернулся домой съ баратомъ, т. е. документомъ на двѣ кцевы, и тотчасъ же вступилъ въ пользованіе ими; но черезъ нѣсколько дней явился къ Меники попъ Одишарій и, объяснивъ ей всю подноготную съ коровой, потребовалъ отъ нея удовлетворенія, а въ противномъ случаѣ грозилъ идти къ окружному начальнику. Послали за Темурквой, но его и слѣдъ простылъ, дѣло оказывалось неладнымъ. Приближенные Меники совѣтовали ей сладиться съ попомъ, а то съ этимъ русо (т. е. русскимъ начальникомъ) шутки плохія, времена теперь уже не прежнія: онъ и ее притя-

неть къ дѣлу, какъ завѣдомо кушавшую корову. Ну, и пришлось заплатить попу... Ужасно было досадно ...прежде она приказала бы прогнать его въ двѣ дубины со двора.

И послѣ этой исторіи ей говорятъ, что Темурква изъ азнаура дѣлается теперь русскимъ дворяниномъ и черезъ нѣсколько лѣтъ будетъ, пожалуй, маршали, т. е. уѣзднымъ предводителемъ, да чего добраго, по просьбѣ дяди ея Елизбара, распорядится наложеніемъ на нее опеки за расточительность. Конечно, отъ всего этого она пришла бы въ священный ужасъ. А, тѣмъ не менѣе, вѣдь тутъ и нельзя было безусловно отрицать всякое вѣроятіе. Темурква, сознавъ всю важность своихъ новыхъ правъ состоянія, могъ сдѣлаться Аристидомъ честности, правильнымъ путемъ пріобрѣсти избирательный цензъ, а затѣмъ и могъ быть избраннымъ. Одинъ разъ былъ открытъ выходъ изъ прежняго кастоваго положенія общества, жизненное движеніе должно было повести за собою крупныя метаморфозы.

Давъ понятіе о бытовой своеобразности высшаго класса Мингреліи, перейдемъ къ низшему, крестьянамъ, и тутъ опять придется намъ забѣжать немного впередъ, почерпнувъ статистическія данныя изъ камеральнаго описанія, составленнаго нами лишь въ 1860 году.

6.

По этому описанію все населеніе Мингреліи оказалось состоящимъ изъ 25,479 дымовъ, а, полагая въ каждомъ дымѣ по пяти душъ обоего пола, всего изъ 127,395 душъ.

Изъ числа ихъ:

Высшій классъ.

Батонишвилебовы	215 д.
Тавады	1,309 »
Азнауры	10,361 »
Духовенство[1])	2,340 »
	14,225 д.

Низшій, податной классъ.

Азаты	2,875 д.
Мсахури	19,935 »
Глехи, или маргали	85,520 »
Моджалябе	4,950 »
	113,280 д.

[1]) Освобожденное въ 1842 году владѣтелемъ Давидомъ, сельское духовенство владѣло незначительнымъ числомъ моджалабовъ.

По своей принадлежности нисшій классъ распредѣлялся:

Владѣтельскихъ крестьянъ . . .	13,745 д.
Церковныхъ	15,325 »
Батонишвилебовыхъ	22,460 »
Крестьянскихъ (нами освобожденныхъ)	1,755 »
Тавадскихъ и азнаурскихъ . . .	59,895 »
	113,180 д.

Слѣдовательно на 14,010 душъ тавадовъ, азнауровъ и духовенства причиталось 59,895 душъ крестьянъ, или, другими словами, на четырехъ людей, трудящихся въ потѣ лица, приходился одинъ потребитель, ихъ полновластный баринъ.

Эти цыфры краснорѣчивѣе всего поясняютъ то положеніе, въ которое поставленъ былъ въ большей своей части низшій классъ, низведенный на степень вещи въ рукахъ мелкопомѣстнаго и многочисленнаго высшаго класса.

Чѣмъ же приходилось сдерживать этихъ людей, обращенныхъ буквально въ рабочую скотину, какъ не цѣпями и не колодками, и въ особенности, когда тому давали примѣръ владѣтель и батонишвилебовы? Какъ же было не дойдти тутъ до жакеріи?

Исторія крестьянства въ христіанскихъ провинціяхъ Закавказья, со временъ русскаго владычества, ожидаетъ еще почтеннаго труженика, который привелъ бы въ порядокъ имѣющійся для нея громадный матеріалъ, разбросанный по разнымъ архивамъ, и его разработалъ бы. Общій смыслъ этой исторіи состоялъ въ томъ, что мы никогда не выходили въ этой области изъ потемокъ и, дѣйствуя крайне непослѣдовательно, то послабляли независимость крестьянъ отъ помѣщиковъ, то стягивали ее черезчуръ крутымъ узломъ. Когда присоединена была Грузія, уравнивъ высшій классъ ея съ русскимъ дворянствомъ, мы и не желали входить въ анализъ его отношеній къ подвластнымъ ему крестьянамъ; предполагалось, что тутъ должно быть то же, что и во внутреннихъ губерніяхъ, т. е. что баринъ въ своемъ имѣніи дѣлалъ то, что хотѣлъ, и тасовалъ людьми, какъ вздумается. Но перейдти къ аналогичнымъ съ русскими отношеніямъ къ крестьянамъ грузинскіе помѣщики, не знакомые еще съ порядками русскими, сразу не могли, такъ какъ власть ихъ въ до-русскія времена никогда не достигала до власти русскихъ помѣщиковъ. Обычное право играло у нихъ первую роль, крестьяне дѣлились на тѣ же категоріи, какъ и въ Мингреліи, и несли опредѣленныя обязанности (дебулева). Будучи, поэтому, въ началѣ номинальными обладателями правъ русскаго дворянства надъ своими подвластными, они, спустя лишь нѣкоторое время послѣ подданства Россіи, стали требовать отъ крестьянъ того же, что и рус-

скіе помѣщики. Сопротивленіе послѣднихъ, не желавшихъ отступать отъ обычнаго права, встрѣтило отпоръ въ правительственной власти, поддержавшей требованіе господъ, и неравная борьба окончилась приведеніемъ крестьянъ въ безусловное повиновеніе помѣщиковъ. Но у послѣднихъ оказалась вскорѣ ахиллесова пятка, которую выглядѣли крестьяне, и ею воспользовались.

Времена были у насъ тогда либеральныя, Александровскаго царствованія, начались внутри имперіи первыя, хотя и робкія мѣры, по освобожденію крестьянъ, и между ними одна, прошедшая мало замѣченною у насъ, оказалась чрезвычайно существенною по примѣненію въ Грузіи: крестьянамъ дано было право отыскивать свободу судомъ отъ лицъ, неправильно ими владѣвшихъ, а неправильно владѣвшими, между прочимъ, считались и такіе господа, у которыхъ не было крѣпостныхъ документовъ на ихъ населенныя имѣнія. Тутъ-то и оказалась ахиллесова пятка грузинскихъ помѣщиковъ: документы ихъ были въ хаотическомъ положеніи, а у многихъ даже и совсѣмъ утеряны; дѣла по отыскиванію крестьянами свободы были возложены на особенное попеченіе губернскаго прокурора; вскорѣ ихъ образовалась въ судѣ масса, и во всѣхъ его инстанціяхъ крестьяне стали ихъ выигрывать. Освобожденные же отъ крѣпостной зависимости, они поступали въ разрядъ казенныхъ крестьянъ или приписывались мѣщанами (мокалаками) къ городамъ.

Этого рода теченіе, выгодное для крестьянъ, съ особенною силою сказалось въ бытность въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ губернскимъ прокуроромъ въ Тифлисѣ г. Первова, на имя котораго сыпалась анаѳема помѣщиковъ грузинскихъ; а въ концѣ тридцатыхъ годовъ членъ государственнаго совѣта, баронъ Ганъ, при подготовительныхъ трудахъ своихъ по преобразованію гражданскаго управленія Закавказскаго края и при ближайшемъ знакомствѣ съ крестьянскимъ вопросомъ въ Грузіи, пришелъ къ убѣжденію, что тутъ крѣпостнаго права никогда не существовало, что крестьяне были не болѣе какъ простые фермеры, обязанные платить извѣстныя подати натурою и издѣльною повинностью помѣщикамъ, могли уходить съ господскихъ земель, когда хотѣли, что ихъ слѣдуетъ, поэтому, немедленно освободить, подведя подъ категорію крестьянъ остзейскихъ губерній, и въ этомъ смыслѣ, по его настоянію, совѣтъ управленія Закавказскимъ краемъ готовился уже сдѣлать представленіе для разрѣшенія дѣла въ законодательномъ порядкѣ.

Такая рѣшительная и крутая мѣра барона Гана вызвала сильнѣйшее волненіе въ грузинскомъ дворянствѣ, и оно направило своего губернскаго предводителя, князя Дмитрія Ѳомича Орбеліани, съ нѣсколькими депутатами въ Петербургъ для поднесенія государю всеподданнѣйшаго прошенія о защитѣ его, дворянства, отъ столь неправильнаго и обиднаго мѣропріятія. Депутація съумѣла снискать особенное сочувствіе графа Бенкендорфа, и вслѣдствіе его

предстательства императоръ Николай послалъ въ Грузію съ обширными полномочіями князя А. И. Чернышева для изслѣдованія и разрѣшенія дѣла на мѣстѣ. Такого гостя тифлисское дворянство съумѣло почтить своимъ пріемомъ. Поклонникъ прекраснаго пола и величайшій селадонъ, не смотря на свои преклонные годы, Чернышевъ, извѣстный страстью своей молодиться, набѣленный, нарумяненный, нафабренный, съ фальшивыми зубами, волосами, мускулами и затянутый въ корсетъ, не только помолодѣлъ, увидавъ предъ собою рой красавицъ изъ рая Магометова, но, какъ Ратмиръ въ «Русланѣ и Людмилѣ», совершенно подпалъ ихъ колдовству. Помнившіе тѣ времена разсказывали, что фельдъегеря скакали изъ Тифлиса въ Петербургъ спеціально за вѣерами, духами, кружевами и прочими принадлежностями нѣсколькихъ дамскихъ будуаровъ, усерднымъ поставщикомъ которыхъ былъ околдованный князь. Послѣдствіемъ этихъ блаженныхъ для него дней, проведенныхъ въ Тифлисѣ, была, конечно, полная отмѣна предложеній барона Гана относительно уничтоженія крѣпостнаго права, и оно получило строжайшее установленіе въ особомъ циркулярѣ князя Чернышева 1842 года, которымъ предписывалось мѣстной администраціи держать крестьянъ въ безусловномъ позиновеніи помѣщиковъ, а когда тѣ попробовали было протестовать, то военныя экзекуціи вскорѣ дали имъ понять, что надежды ихъ на свободу должны быть схоронены, если не окончательно, то на долгое еще время. Вернувшись въ Петербургъ, Чернышевъ представилъ государю дѣло въ такомъ неблагопріятномъ свѣтѣ для барона Гана, что тотъ немедленно былъ уволенъ отъ высокаго своего званія члена государственнаго совѣта и, уѣхавъ въ свое остзейское имѣніе, вскорѣ тамъ окончилъ свою жизнь. Дѣйствія этого замѣчательнаго государственнаго человѣка въ Грузіи отнесены были къ разряду измѣнническихъ, въ нихъ найдено было намѣреніе взбунтовать все грузинское дворянство, служившее съ особеннымъ усердіемъ въ рядахъ нашихъ войскъ, далеко еще не покончившихъ тогда покореніе Кавказа.

Князь Воронцовъ засталъ циркуляръ Чернышева дѣйствующимъ во всей силѣ и не только не смягчилъ его, но, въ 1848 году, отмѣнилъ даже право крестьянъ отыскивать свободу судомъ. Воронцовъ, какъ извѣстно, особенно старался о поднятіи грузинскаго дворянства. Такимъ образомъ крестьянство въ Грузіи, потерявъ свою историческую почву обычнаго права, не подошло подъ русскіе законы о крестьянахъ, изложенные тогда въ IX томѣ Свода Законовъ, и было предоставлено полному произволу административной власти, которой вмѣнено было въ наистрожайшую обязанность держать его въ безусловномъ повиновеніи помѣщиковъ. Все, что дѣлалось по этому предмету въ Тифлисской губерніи, сообщалось и въ Кутаисскую, и, со времени введенія въ нихъ гановскихъ учрежденій 1842 года, уѣздный начальникъ сдѣлался окончатель-

нымъ вершителемъ бо́льшей части недоразумѣній между помѣщиками и крестьянами, причемъ, всетаки, контроль губернатора и намѣстника сдерживали его въ предѣлахъ человѣчности; опредѣлены были размѣры телѣснаго наказанія и содержанія въ тюрьмѣ, и въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ доходило до военныхъ экзекуцій.

Но не то происходило тутъ же рядомъ, въ автономной Мингреліи, гдѣ въ совершенныхъ потемкахъ власть владѣтеля была безконтрольна и безпредѣльна и вела издавна безпощадную войну съ крестьяниномъ.

Въ 1811 и 1812 годахъ, посѣтила этотъ край чума (джамоба) и сдѣлала въ немъ страшное опустошеніе. Сельское населеніе, гонимое паническимъ страхомъ чумной заразы и мучимое голодомъ, оставляло свои жилища и въ значительномъ числѣ эмигрировало въ разныя части Закавказья, и въ особенности въ Грузію. Когда бѣдствіе миновало, вернулись назадъ весьма немногіе,—бо́льшая же часть крестьянъ осталась на новыхъ мѣстахъ, и въ особенности въ Кахетіи, гдѣ нашла природу, сходную съ своей родиной. Коренные помѣщики приняли мингрельцевъ **хизанами**, т. е. фермерами, а немалое число эмигрантовъ приписалось къ обществамъ казенныхъ и церковныхъ крестьянъ, словомъ, бѣжавшіе отъ чумы и голода укоренились въ Грузіи и не разсчитывали возвращаться на родину. Но владѣтель Мингреліи, опираясь на русское же крѣпостное право, уполномочивавшее тогда господина доставать своего подвластнаго хоть со дна морскаго, обратился къ центральной власти на Кавказѣ и потребовалъ возвращенія изъ Грузіи всѣхъ бѣжавшихъ туда какъ своихъ крестьянъ, такъ и крестьянъ своихъ вассаловъ. Эта операція началась со временъ Ермоловскихъ и затянулась на многіе годы; грузинскіе помѣщики прятали, елико возможно, мингрельцевъ, а владѣтель, черезъ своего спеціальнаго повѣреннаго, постоянно жившаго въ Тифлисѣ, шарилъ вездѣ и вытягивалъ безъ всякой пощады бѣглецовъ. Дѣлалось же это съ такою настойчивостью не столько въ видахъ заполученія всѣхъ бѣжавшихъ отъ чумы, сколько для безусловнаго прекращенія новой, совершавшейся подъ сурдиной, эмиграціи.

Владѣтель Давидъ, энергически поддерживая права своихъ вассаловъ, князей и азнауровъ, при возвращеніи крестьянъ изъ Грузіи, въ то же время широко раскрылъ послѣднимъ двери въ своихъ имѣніяхъ, и туда потянули всѣ недовольные своими господами. А одинъ разъ попадая въ число владѣтельскихъ крестьянъ, бѣглецы уже не возвращались къ господамъ. Чѣмъ же представлялась возможность помѣщикамъ сдерживать побѣги непокорныхъ, какъ не застѣнками, цѣпями и продажею враздробь въ Абхазію?

Вотъ въ какомъ положеніи застали мы земледѣльческій классъ въ Мингреліи, среди котораго одни лишь церковные крестьяне

могли считать себя сравнительно благоденствующими, платя одну лишь денежную подать церкви, въ размѣрѣ трехъ рублей съ дыма.

Сенакскій округъ былъ самый населенный, въ немъ жило болѣе пятидесяти тысячъ душъ всѣхъ классовъ на площади, въ которой крайними пунктами въ длину были Поти и селеніе Курзу, на разстояніи полутораста верстъ одно отъ другаго, и въ ширину Кинчха и Теклаты, на разстояніи семидесяти. При этомъ путями сообщенія были — Ріонъ отъ Поти до Орпири; колесная дорога отъ Марани до Цивы, а затѣмъ по всѣмъ направленіямъ проселочныя скорѣе тропинки, чѣмъ дороги, гдѣ только и возможна была одна лишь верховая ѣзда. Изучить всѣ эти тропинки было задачею нелегкою, а между тѣмъ, ничѣмъ не отстранимою для окружнаго начальника, обязаннаго быть постоянно вездѣсущимъ въ [illegible] округѣ.

7.

Отъѣздъ княгини Дадіанъ въ Петербургъ, мотивированн[illegible] [illegible]спитаніемъ и образованіемъ малолѣтняго владѣтеля подъ б[illegible]шимъ наблюденіемъ государя, хотя и считался ведущимъ [illegible] лишь временное отсутствіе ея до совершеннолѣтія ея сына, [illegible] словамъ прокламаціи на этотъ только промежутокъ и вво[illegible] русское управленіе; но всѣ понимали, что съ отъѣздомъ [illegible] совершилось что-то рѣшительное, безповоротное. Смыслъ [illegible] русскаго режима, хотя и временнаго, черезчуръ ужъ прот[illegible]чилъ прежнему, владѣтельскому, и никому въ голову не при[illegible], чтобы дадіановщина могла опять вернуться. Увѣряя мингре[illegible] въ противномъ и ссылаясь на прокламацію, мы отчасти по[illegible] были на лицъ, опасающихся напугать племянниковъ, ожидающихъ богатаго наслѣдства отъ дяди,—извѣстіемъ о его болѣзни. Розыгрывалось вообще что-то водевильное въ Мингреліи по поводу ожиданій возврата сюда дедопали и совершеннолѣтняго владѣтеля Нико, и втеченіе послѣдующихъ затѣмъ семи или восьми лѣтъ шли дѣятельныя сношенія между ними и преданными имъ soi-disant князьями, что̀, впрочемъ, нимало не мѣшало сближенію населенія съ русскимъ управленіемъ, какъ съ такимъ желаннымъ гостемъ, котораго оно ни за что уже не хотѣло отъ себя отпустить.

Всѣ классы населенія и каждый въ извѣстномъ смыслѣ были заинтересованы въ упроченіи русскаго управленія.

Князья, сознавая всю важность обученія дѣтей и опредѣленія ихъ на государственную службу, не только не видѣли къ тому тормаза въ русскомъ управленіи, какъ въ прежнемъ владѣтелѣ, намѣренно не выпускавшемъ ихъ изъ предѣловъ Мингреліи, но и самаго надежнаго проводника.

Азнауры, глядя на Имеретію и Гурію, гдѣ уже односословцы ихъ разведены были съ князьями по имуществу и окончательно

признаны русскими дворянами, ожидали того же и у себя отъ русскаго управленія.

Крестьяне искали человѣчности со стороны своихъ господъ и при надежной защитѣ русской администраціи нашли ее. Желанія ихъ не шли пока дальше, они до того были забиты, что не могли еще прозрѣвать всего, что ожидало ихъ въ будущемъ.

Княгиня Наталія Агіева, рожденная Дадіанъ.

И всѣ эти классы сходились въ одномъ общемъ стремленіи искать у русскаго управленія правосудія (самартлоба), а въ этомъ терминѣ совмѣщалось безчисленное множество всякаго рода вопросовъ, ежечасно порождаемыхъ жизнію захудалаго населенія, и на которые ниоткуда отвѣтовъ имъ не получалось. Пылкіе, южные люди черезчуръ уже преувеличивали представленіе о нашихъ силахъ, черезчуръ ужъ многаго отъ насъ требовали. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что подобныя явленія совершались много разъ

и на другихъ окраинахъ обширной территоріи нашего отечества, гдѣ приходилось намъ упразднять власть восточныхъ деспотовъ; населеніе порывисто устремлялось и тамъ къ русской администраціи съ своими желаніями и требованіями, какъ ребенокъ, не имѣющій еще понятія о компетенціи власти и о степени для нея возможнаго и невозможнаго.

Но чѣмъ же должны были мы руководствоваться при отправленіи этой самартлобы?

Обычное право Грузіи, записанное царемъ Вахтангомъ еще въ прошломъ столѣтіи и перемѣшанное съ нѣкоторыми законами Моисея и армянскими Агбуги, составляло сборникъ, никогда не имѣвшій значенія законодательнаго кодекса, а служившій лишь для справокъ судьи при его практикѣ. Въ сборникѣ были перепутаны уголовные и гражданскіе законы съ философскими разсужденіями, афоризмами и таксою за кровь извѣстныхъ аристократическихъ фамилій Грузіи. Разобраться въ немъ было нелегко, а потому этимъ источникомъ права должно было пользоваться съ крайнею осторожностію. Ну, а затѣмъ откуда же еще слѣдовало черпать намъ свою мудрость? Подарить цѣликомъ всѣ пятнадцать томовъ Свода Законовъ, съ прибавленіями, бѣднымъ мингрельцамъ и безжалостно налечь на нихъ этою тяжеловѣсною юстиціею—было немыслимо, и намъ оставалось, какъ пчелѣ, собирать медъ отовсюду и, главное, не обходить самаго надежнаго источника, здраваго смысла, тѣмъ болѣе еще, что мы имѣли дѣло съ народцемъ, чрезвычайно смышленымъ и способнымъ. На словахъ програма казалась очень простою, а на практикѣ, по тому количеству и разнообразію всякаго рода словесныхъ и письменныхъ просьбъ, которыя на насъ нахлынули со всѣхъ сторонъ, она вышла не совсѣмъ-то легкою.

При прежнемъ управленіи самартлоба давалась недаромъ, судья бралъ немалыя пошлины съ каждаго дѣла, при самомъ его началѣ, и ими кормился. Судъ былъ недешевый, а потому и не всякому встрѣчалась возможность имъ вѣдаться, а когда мы отмѣнили эти пошлины и судъ сдѣлался даровымъ, плотину прорвалъ потокъ, и имъ принесло къ намъ, между прочимъ, массу прежнихъ дѣлъ не законченныхъ. Не разбирать ихъ снова было нельзя, и тутъ мы поневолѣ познакомились съ процессами и процедурами прежними, передъ которыми ученѣйшему юристу пришлось бы разставить только руки.

Приведемъ для образчика хоть одинъ изъ нихъ.

Судьѣ подалъ жалобу А на Б, захватившаго и неправильно владѣющаго его земельнымъ участкомъ, въ тридцать кцевъ [1]. Судья, вызвавъ обѣ стороны, выслушавъ ихъ, также и разсмотрѣвъ пред-

[1] Двѣ съ половиной кцевы составляютъ нашу десятину.

ставленные ими ветхіе клочки бумажекъ, имѣющіе претензію на документы, постановилъ: А, для доказательства правъ своихъ на спорный участокъ, долженъ представить суду двѣнадцать соприсягателей, которые и имѣютъ подтвердить подъ присягою правильность его иска. Истецъ А, послѣ немалыхъ хлопотъ и затратъ на угощеніе соприсягателей, приводитъ ихъ, и тѣ присягаютъ на чудотворныхъ иконахъ (магари хати). Такихъ чудотворныхъ иконъ въ Мингреліи было нѣсколько, и въ особенности пользовались уваженіемъ народнымъ иконы Божіей Матери изъ селенія Куликари и икона св. Георгія, называемая Кіачи. Народъ слѣпо вѣрилъ, что присягать ложно на нихъ нельзя, такъ какъ онѣ рано или поздно раскроютъ истину. Послѣ присяги 12 лицъ, представленныхъ истцомъ А, судья присудилъ отобрать землю у Б, и вручить первому. Первый актъ комедіи кончился. Проходитъ 15 лѣтъ, втеченіе которыхъ А продалъ изъ возвращенной ему земли священнику В пять кцевъ и азнауру Г—десять; но послѣ уже пятнадцатилѣтняго владѣнія онъ начинаетъ замѣчать, что у него что-то не ладно. Скотина поколѣваетъ, виноградъ болѣетъ, двое дѣтей померло. Идетъ къ знахарю, тотъ, разслѣдовавъ всѣ обстоятельства, прямо говоритъ, что бѣды эти насланы чудотворными иконами Кули и Кіачи, за ложную его присягу по дѣлу съ Б, и если онъ не пойдетъ къ послѣднему и не уговоритъ его снять съ него присягу, то будетъ хуже. Доходитъ это и до соприсягателей, а тогда и имъ объясняются всѣ ихъ бѣдствія за это время, каждый ихъ пересчитываетъ. Также и у нихъ скотина колѣла, дѣти умирали, виноградъ болѣлъ и пр., и пр. Приходятъ они къ А и требуютъ, чтобы онъ шелъ къ Б и уговорилъ его снять и съ нихъ присягу. А крѣпится елико возможно, но заболѣваетъ у него дочь-невѣста... медлить уже нельзя, и онъ идетъ къ Б.

Тотъ ставитъ тяжкія условія для снятія присяги. Ему надо возвратить участокъ уже не въ тридцать кцевъ, а въ шестьдесятъ, да каждый соприсягатель долженъ ему принести хорошій подарокъ (дзгвени). Б неумолимъ, и приходится выполнять его требованіе; но опять бѣда, В и Г, которымъ продалъ А свои 15 кцевъ, и слышать не хотятъ о возвращеніи ихъ ни за какія деньги прежнему владѣльцу. Тогда А приходится начать противъ нихъ новый искъ.

Судъ находитъ, что они должны возвратить свои участки А, съ полученіемъ за нихъ отъ него денегъ обратно и съ вознагражденіемъ ихъ за разведенное хозяйство, постройки и сады. Участки были куплены ими у А, не дѣйствительнаго ихъ собственника, а неправильнаго владѣльца, и ихъ не спасаетъ и десятилѣтняя земская наша давность, такъ какъ, по мѣстному обычному праву, давность бываетъ только сороколѣтнею.

А платитъ имъ все причитающееся, беретъ обратно участки и

тогда вмѣстѣ съ соприсягателями идетъ къ Б и сполна удовлетворяетъ его, послѣ чего тотъ снимаетъ, при особомъ установленномъ мингрельскою церковью обрядѣ, присягу.

Изъ всѣхъ лицъ, принимающихъ участіе въ процессѣ, не проигрываетъ лишь одинъ судья, получая со всѣхъ пошлины.

И это называлось правосудіемъ (самартлобой)!

Конечно, и наши суды не Божескіе по своей юстиціи, но до этого они врядъ ли доходили.

Компетенція окружнаго начальника была такъ широка, что въ нее входило и разбирательство, въ качествѣ мироваго судьи, дѣлъ исковыхъ и тяжебныхъ. Онъ долженъ былъ склонять обѣ стороны къ миру и только при неуспѣхѣ направлялъ ихъ къ суду, которымъ былъ совѣтъ управленія Мингреліи. Если же обѣ стороны выбирали окружнаго начальника третейскимъ судьей, то рѣшеніе его дѣлалось безапелляціоннымъ, и этимъ путемъ кончалось немало дѣлъ. Мы обращаемъ на это вниманіе читателей въ виду того, что все это происходило въ 1857 году, т. е. гораздо ранѣе, чѣмъ мировые судьи были установлены во внутреннихъ губерніяхъ.

При возстановленіи нарушеннаго владѣнія мы руководствовались четырехмѣсячною давностію, и этого рода дѣлъ была у насъ бездна.

Слѣдствія по уголовнымъ дѣламъ были новостью для мингрельцевъ, и они скоро поняли все несовершенство прежней нашей судебной процедуры, опиравшейся на собираніи доказательствъ лишь формальнымъ спросомъ свидѣтелей. Не было свидѣтелей—не было и доказательствъ, а подсудимый, отдѣлываясь одною лишь фразою: «знать не знаю, вѣдать не вѣдаю», оставлялся въ сильномъ подозрѣніи.

Мингрельцамъ эта формалистика не понравилась, и они назвали ее по своему: «русули откази», т. е. отказывайся только, и тебя оставятъ въ покоѣ.

Присяга наша на крестѣ и евангеліи, послѣ ихъ присяги на чудотворныхъ иконахъ, имѣющей характеръ мистическій, показалась имъ совсѣмъ безсильною, и они дали ей тоже свое названіе: риси пучи, русская присяга, въ отличіе отъ своей. По нашему способу присягать ложно казалось имъ безопаснымъ до тѣхъ поръ, пока тяжкое наказаніе за лжеприсягу ихъ въ томъ не разубѣдило

Но всѣ эти дѣла исковыя, тяжебныя и уголовныя по количеству своему были ничто въ сравненіи съ мелкими недоразумѣніями, спорами и всякаго рода казусами, съ которыми народъ валилъ къ суду окружнаго начальника. При чрезвычайно впечатлительномъ, быстро воспламеняющемся темпераментѣ и при неимовѣрной страсти къ сутяжничеству южнаго человѣка, мингрельцы много имѣютъ общаго въ характерѣ своемъ съ итальянцами. Они

также скупы, какъ и тѣ, съ такимъ же упорствомъ отстаиваютъ свои интересы и также любятъ судебную процедуру. Эта-то расовая особенность жителей Апеннинскаго полуострова и была, конечно, первымъ источникомъ къ высокой разработкѣ знаменитаго римскаго гражданскаго права; мингрельцы очень далеки отъ итальянцевъ по своей цивилизаціи, но современемъ, несомнѣнно, изъ среды ихъ станутъ выходить замѣчательные адвокаты. Говорятъ, что и теперь лучшими изъ нихъ въ Кутаисѣ считаются мингрельцы.

Окружному начальнику приходилось разбирать всю эту сутолоку съ утра до вечера. Перечислить и пересказать всѣхъ казусовъ нѣтъ физической возможности. Долговыя взысканія, мелкія воровства, драки, перепахиваніе чужихъ полей, кража листьевъ съ тутовыхъ деревьевъ, похищеніе виноградныхъ лозъ, ссоры женъ съ мужьями, жалобы на лекарей—знахарей, взявшихъ деньги впередъ и не вылечившихъ отъ болѣзни, неповиновеніе крестьянъ, излишніе поборы помѣщиковъ и пр., и пр., и пр.

Первобытность и патріархальность сказывалась тутъ со всѣми своими яркими красками, народъ шелъ со всею своею наивною искренностію и пламенно искалъ защиты отъ обиды и оскорбленія.

При такихъ этнографическихъ особенностяхъ и условіяхъ, задача русской администраціи особенно становится важною въ непочатыхъ углахъ, присоединяемыхъ нами на востокѣ. На этомъ своемъ органѣ правительству и слѣдовало бы сосредоточить все свое вниманіе и поставить непремѣнными условіями для ценза администратора: знаніе мѣстнаго діалекта, высшее юридическое образованіе и знакомство съ населеніемъ. Русская національность въ администраторѣ выше всего ставится всѣми туземцами безъ различія, русскаго они признаютъ самымъ безпристрастнымъ; но чтобы привлечь сюда русскихъ, лучшихъ людей, окладъ окружнаго, или уѣзднаго, начальника не долженъ быть нищенскимъ, и выгоды службы должны быть таковы, чтобы онъ не искалъ перехода на другія мѣста и могъ бы дослуживаться до пенсіи, въ которую долженъ обращаться его окладъ.

Таковъ былъ планъ учрежденій, выработанныхъ въ 1842 году для Кавказа замѣчательнымъ, повторяемъ, государственнымъ человѣкомъ, барономъ Ганомъ, но, къ сожалѣнію, мы не удержались на этомъ пути и, увлекшись моднымъ, либеральнымъ вѣяніемъ, многое передѣлали не на пользу дѣла.

Въ слѣдующей и послѣдней главѣ нашихъ воспоминаній о Мингреліи мы изложимъ краткую лѣтопись первыхъ лѣтъ нашего въ ней управленія.

К. Бороздинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

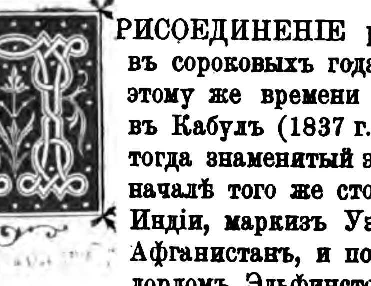

РОССІЯ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

(Очеркъ нашихъ новѣйшихъ пріобрѣтеній).

I.

Россія и Англія въ Средней Азіи.—Краткій очеркъ образованія русскаго Туркестана.

РИСОЕДИНЕНІЕ русскаго Туркестана началось въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, и къ этому же времени относится русское посольство въ Кабулъ (1837 г.), правителемъ котораго былъ тогда знаменитый эмиръ Достъ-Магометъ. Еще въ началѣ того же столѣтія, вице-король англійской Индіи, маркизъ Уэльслей, обратилъ вниманіе на Афганистанъ, и по его порученію, въ 1809 году, лордомъ Эльфинстономъ былъ заключенъ съ тогдашнимъ правителемъ Шахъ-Шуя оборонительный союзъ. Союзъ этотъ не имѣлъ значенія, такъ какъ въ Кабулѣ царствовалъ безпорядокъ, и наслѣдники Ахметъ-Шахи-Дурани вели за престолъ междоусобную войну. Шахъ-Шуя былъ свергнутъ и изгнанъ, въ 1826 году, Махмудъ-шахомъ, а Махмудъ-шахъ, въ свою очередь, Достъ-Магометомъ. При послѣднемъ, англичане начинаютъ цѣлый рядъ войнъ, за которыми слѣдуютъ примиренія, оборонительные союзы и опять войны и такъ далѣе до настоящаго времени. Подобнаго рода отношенія замѣчательны тѣмъ, что они именно начинаются съ появленія перваго русскаго посольства въ Кабулѣ, вызвавшаго ревнивое неудовольствіе англійской миссіи въ томъ

же городѣ. Къ отношеніямъ этимъ мы еще вернемся въ своемъ мѣстѣ.

Съ 1842 года, т. е. со времени окончанія неудачнаго похода Перовскаго въ Хиву, начинается быстрое движеніе Россіи въ Среднюю Азію. Въ 1847 году, киргизы Большой орды приняли русское подданство. Постоянныя недоразумѣнія съ степными хищниками, непризнаваніе слабыми и деспотическими правителями сосѣднихъ ханствъ, Коканскаго и Бухарскаго, какихъ либо договоровъ и международныхъ правъ, вызвали съ нашей стороны, естественнымъ образомъ, цѣлый рядъ военныхъ экспедицій. Явленіе это проистекаетъ изъ общаго правила, которое почти можно возвести въ законъ, что разъ европейски цивилизованное государство сталкивается границами съ полудикою страною, то фатальнымъ послѣдствіемъ такого соприкосновенія является борьба, и миръ и спокойствіе водворяются, только съ полнымъ уничтоженіемъ боевой силы послѣдней. Побѣды и завоеванія генераловъ Черняева и Романовскаго побудили наше правительство къ учрежденію, въ 1867 году, туркестанскаго генералъ-губернаторства. Расширеніе границъ породило цѣлый рядъ новыхъ политическихъ и торговыхъ отношеній. Разъ начатое дѣло не могло уже остановиться на половинѣ. Движеніе въ Туркестанъ, увеличившее государственные расходы на содержаніе войскъ и края, вызвало тогда же немало противниковъ среди русскихъ государственныхъ людей, но, очевидно, возвращеніе назадъ было немыслимо: оно бы повело къ тому же, т. е. сила событій опять вынудила бы насъ двинуться впередъ, потому что страны, о которыхъ идетъ рѣчь, не колоніи, отдѣленныя моремъ, которыя можно покинуть и вмѣстѣ съ тѣмъ прекратить съ ними соприкосновеніе. Съ другой стороны, престижъ великаго государства заставлялъ силою оружія поддерживать наши требованія и укрощать и подчинять тѣхъ, кто чѣмъ либо наносилъ оскорбленіе русскому имени. Со времени назначенія генерала Кауфмана, расширеніе Туркестанскаго округа идетъ съ возростающей быстротой. Съ 1867 по 1870 годъ, присоединена значительная часть Бухарскаго ханства съ городомъ Самаркандомъ; присоединеніе это поставило названное ханство въ постоянную зависимость отъ Россіи, а эмира обратило въ нашего покорнаго данника. Послѣдовавшая затѣмъ экспедиція 1873 года — въ Хиву и 1875 — 1876 годовъ въ Коканъ окончилась полнымъ уничтоженіемъ самостоятельности послѣдняго и присоединеніемъ его, подъ названіемъ Ферганской области, къ Россіи; что касается Хивы, то образованіе на Аму-Дарьѣ военнаго отдѣла съ Петро-Александровскимъ укрѣпленіемъ поставило хана въ такую же полную зависимость отъ насъ, какъ и эмира. Такимъ образомъ, Аму-Дарья, въ большой части своего теченія, перешла въ наши руки, и если разсматривать Бухару, какъ страну, въ зна-

чительной степени намъ подчиненную, то границами нашими на югѣ стали Памиръ и Аму-Дарья; сосѣдомъ нашимъ сталъ Афганистанъ и, съ утвержденіемъ тамъ болѣе или менѣе прочной верховной власти, героическій періодъ Туркестанскаго округа прекратился, и съ 1876 года, т. е. 9 лѣтъ, въ краѣ стало тихо.

Всѣ эти экспедиціи и завоеванія были сдѣланы войсками Оренбургскаго и Западно-Сибирскаго округовъ, и только съ начала семидесятыхъ годовъ въ средне-азіатскихъ дѣлахъ начинаетъ принимать участіе Кавказъ, когда предполагаемое движеніе на Хиву вынудило насъ занять отрядами по восточному берегу Каспійскаго моря нѣсколько прибрежныхъ пунктовъ (Чикишляръ, Красноводскъ, Киндерли). Въ 1873 году, два кавказскихъ отряда, Мангишлакскій и Красноводскій, принимали участіе въ походѣ на Хиву, и первый изъ нихъ достигъ ханства. Хивинская экспедиція и образованіе новой базы на Каспійскомъ морѣ поставили насъ въ соприкосновеніе съ цѣлымъ рядомъ кочевыхъ и полукочевыхъ туркменскихъ племенъ, подъ разными названіями занимающихъ съ запада на востокъ южную оконечность Турана: Чаудары и Іомуды по Атреку, вдоль персидской границы; Ахалъ-Теке вдоль сѣвернаго склона Кюрянъ и Копетъ-дага; Аліели въ Атекѣ; Мервъ-Теке у низовьевъ Мургаба; Солоры на Герирудѣ, Сарыки по Мургабу; Ерсари между Мургабомъ и Аму-Дарьей; Кара-Тепе въ Афганскомъ Туркестанѣ.

Племя туркменъ — наиболѣе воинственное изъ всѣхъ средне-азіатскихъ племенъ, кромѣ афганцевъ. До послѣдняго времени ихъ разбойничьи шайки были грозою пустыни и сосѣднихъ странъ и тормазомъ въ ихъ мирномъ развитіи. Безнаказанности и успѣху ихъ предпріятій много способствовало ихъ географическое положеніе. Отсутствіе какой либо центральной власти въ туркменскихъ земляхъ дѣлало надежду на мирныя отношенія еще болѣе сомнительной, чѣмъ въ Коканѣ, Бухарѣ и Хивѣ. Съ появленіемъ русскихъ на восточномъ берегу, они и не замедлили выказать свое враждебное отношеніе къ намъ. Послѣдствіемъ этого было возростающее участіе Кавказскаго округа въ средне-азіатскихъ дѣлахъ. Послѣ того, какъ мы развязались съ Хивою, на туркменъ было обращено серьёзное вниманіе. Съ 1875 по 1879 годъ, было произведено въ сторону Ахалъ-Теке нѣсколько рекогносцировокъ, но война 1877—1878 года помѣшала предпринять что либо посерьезнѣе. Только, въ 1879 году, предпринята была первая большая экспедиція подъ начальствомъ генерала Лазарева, но, вслѣдствіе смерти этого генерала въ самый важный моментъ экспедиціи и другихъ причинъ, походъ кончился кровавой неудачей подъ стѣнами Геокъ-Тепе.

Останавливаться было уже нельзя. Азія чрезвычайно чутко относится къ политическому барометру Россіи и Англіи. Успѣхъ самаго воинственнаго и смѣлаго племени въ столкновеніи съ войсками

30 31 32 33

Карта Юго-Западной Туркменіи и Мерва.

50 верстъ. 40 30 20 10 0

Бѣлаго Царя не могъ не отозваться вредно на умахъ наиболѣе фанатической части населенія Туркестана; онъ могъ повліять и на нашу политику въ Тегеранѣ. Поэтому второй походъ былъ необходимъ. Экспедиція Скобелева (1880—1881 г.), воспоминаніе о которой еще свѣжо въ нашей памяти, кончилась полнымъ торжествомъ русскаго оружія. Ударъ былъ нанесенъ сильной рукой, и послѣдствія его были весьма важныя. Персія, охваченная теперь на огромномъ протяженіи своихъ сухопутныхъ границъ русскими владѣніями, все болѣе и болѣе должна тяготѣть къ Россіи. Послѣ взятія Геокъ-Тепе событія пошли съ рѣдкой быстротою. Послѣдствіемъ занятія Ахалъ-Текинскаго оазиса явилось распространеніе нашего владычества далѣе на юго-западъ, вдоль по Атеку (сѣверное предгоріе Копетъ-дага) до Стараго Серахса на рѣкѣ Герирудѣ. Туркмены Мерва оказались окруженными съ сѣвера, запада и востока русскими или зависящими отъ Россіи владѣніями, и раіонъ ихъ разбойничьихъ предпріятій ограничился узкою полосою на югѣ, гдѣ они должны были столкнуться или съ не менѣе воинственными сарыками, или съ афганцами. Мирныя же занятія, при полномъ хаосѣ въ самоуправленіи, отсутствіи власти и порядка и скученности населенія, не могли идти успѣшно при независимомъ существованіи. Такое положеніе дѣлъ повело къ естественному присоединенію Мерва въ прошломъ 1884 году. По тому же пути пошли сарыки и солоры юго-западной Туркменіи. Эти событія втеченіе какихъ нибудь пяти лѣтъ продвинули нашу границу отъ Каспійскаго моря къ юго-западу на 700 съ лишнимъ верстъ. Единовременно съ нашимъ успѣхомъ, англичане испытываютъ противное. Попытки утвердиться въ Афганистанѣ кончаются неудачей и очищеніемъ Кандагара.

Такое положеніе дѣлъ сильно возбудило въ англійскомъ правительствѣ постоянно существующее опасеніе за Остъ-Индію и вызвало съ его стороны дипломатическое вмѣшательство. Переговоры, какъ извѣстно, идутъ до сихъ поръ и въ послѣднее время обострились до послѣдней степени.

Средне-азіатскій вопросъ выступилъ въ томъ фазисѣ, когда не только наше общество, но и вся Европа начинаетъ все болѣе и болѣе имъ интересоваться. Еще не такъ давно немногіе изъ нашихъ образованныхъ людей имѣли ясное представленіе объ исторіи и географіи странъ, лежащихъ за Каспійскимъ моремъ. Многія изъ нихъ были даже мало извѣстны географамъ, такъ какъ свѣдѣнія объ этихъ разбойничьихъ вертепахъ были крайне скудны. Только послѣ покоренія Ахалъ-Теке, благодаря трудамъ нашихъ путешественниковъ, мы получили, наконецъ, болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія о географіи и этнографіи восточнаго Атека, Мерва и страны, лежащей между Мервомъ на сѣверѣ, Гератомъ на югѣ, р. Герирудомъ на западѣ и р. Мургабомъ на востокѣ,—страны, названной юго-западной Туркменіей.

Вслѣдствіе важной роли, которую суждено играть въ нашихъ политическихъ отношеніяхъ этимъ частямъ Туркменіи, мы считаемъ весьма полезнымъ познакомить съ ними нашихъ читателей по тѣмъ источникамъ, которые имѣются въ настоящее время въ нашемъ распоряженіи. Здѣсь же мы коснемся отчасти и сопредѣльнаго съ ними Афганистана и постараемся въ краткихъ чертахъ выяснить политическое положеніе въ Азіи Россіи и Англіи.

II.

Послѣдствія похода Скобелева 1880—1881 годовъ. — Положеніе дѣлъ въ Мервѣ послѣ текинской экспедиціи. — Принятіе туркменами Мерва русскаго подданства.

Въ текинскую экспедицію 1880—1881 года, нѣсколько тысячъ мервцовъ, большею частью, конныхъ, принимали участіе въ оборонѣ Геокъ-Тепе. Это было весьма естественно, такъ какъ оба племени, не смотря на частыя ссоры, тѣсно связаны между собою родственными отношеніями и общностью судьбы. Еще до конца осады, видя безуспѣшность борьбы и озабоченные домашними дѣлами, мервцы ушли къ себѣ; это было время посѣвовъ.

Послѣ погрома 12-го января, когда русскіе отряды двинулись частью въ пески, частью вдоль оазиса до Асхабата и далѣе до Люфтабата въ Атекѣ, мервцы съ нескрываемою тревогою слѣдили за движеніями русскихъ, стараясь угадать ихъ намѣренія, и, чувствуя себя виновными, засылали черезъ Хорассанъ довѣренныхъ лицъ справляться о своей будущей судьбѣ и нельзя ли войдти въ мирныя соглашенія съ Скобелевымъ. Среди старшинъ царствовала паника. 19-го февраля, въ Люфтабатѣ, Скобелеву было передано одно изъ такихъ писемъ къ аліелинцамъ. Понимая всю выгоду настоящаго положенія, Скобелевъ еще тогда хотѣлъ двинуться съ частью войскъ впередъ и стать на рѣкѣ Тедженѣ; послѣдствіемъ этого движенія было бы или изъявленіе покорности населеніемъ Мерва, или новое столкновеніе. Верблюдовъ къ этому времени имѣлось въ наличности 2,500 и 120 фургоновъ, что̀ вмѣстѣ составляло подъемную силу въ 24,800 пудовъ; но только часть можно было выдѣлить для передоваго отряда. Такимъ образомъ, для дѣйствія на Теджень можно было послать 8 ротъ, 6 сотенъ при 8-ми орудіяхъ и всего съ десятидневнымъ довольствіемъ. Поэтому, зная, что отступленіе объясняется въ Азіи въ дурную сторону, Скобелевъ рѣшилъ не идти дальше Гяурса. Тыкма-сардарь, стоявшій все время во главѣ обороны и бѣжавшій въ день штурма въ Мервъ, въ концѣ марта мѣсяца явился съ повинной въ Асхабатъ. На распросы о положеніи дѣлъ онъ сообщилъ, что мервцы сильно озабочены и желаютъ сблизиться съ русскими, «такъ какъ крѣпкая стѣна

ихъ съ сѣверо-запада, за которую всегда ручались ахалъ-текинцы, нынѣ храбрыми войсками Бѣлаго Царя, не смотря на упорное сопротивленіе, разбита. Слѣдовательно, и они также не имѣютъ надежды устоять противъ русскихъ, если послѣдніе вздумаютъ пойдти на нихъ. Нѣсколько человѣкъ изъ Мерва недавно ѣздили въ Мешхедъ къ персамъ, но вернулись ни съ чѣмъ, и по возвращеніи разсказывали, что тамошнее правительство приказало пріѣхать за совѣтомъ черезъ мѣсяцъ, а теперь не время. Хотя укрѣпленіе Мерва—Коушутъ-ханъ-кала поправляется нѣкоторыми отдѣленіями мервцевъ, но большинство, въ томъ числѣ и врагъ Россіи Каджаръ-ханъ, не сочувствуетъ этому дѣлу. Только англійскій агентъ, находящійся теперь тамъ, увѣряетъ народъ, что, съ его прибытіемъ, русскіе не сдѣлаютъ болѣе ни шагу по направленію къ Мерву. Что же касается хлѣбопашцевъ, то они мирно работаютъ на Теджени и говорятъ, что въ случаѣ прихода русскихъ первые изъявятъ свою покорность».

Отказавшись отъ движенія на Мервъ, Скобелевъ и замѣнившій его по наступленіи мира первый военный губернаторъ области, генералъ Рербергъ, распространили русское вліяніе на юго-востокъ, вдоль горъ, почти до Стараго Серахса на Тедженѣ.

Предѣломъ ахалъ-текинскаго оазиса считался тогда Гяурсъ. Дальнѣйшее его продолженіе, ничѣмъ, впрочемъ, не отличающееся, носитъ названіе Атека; названіе это г. Гродековымъ переводится «полою государства», а Лессаромъ—«предгоріемъ». Атекъ игралъ роль запасной земли и, вслѣдствіе постоянныхъ междоусобій и перемѣщеній среди туркменскихъ племенъ, служилъ убѣжищемъ для разныхъ родовъ. Атекъ населенъ былъ слабо и послѣднее время преимущественно туркменами-алієли. Періодичность населенія Атека происходила главнымъ образомъ отъ набѣговъ и притѣсненій со стороны правителей Дерегёза. Вдоль южнаго склона Копетъ-дага расположены слѣдующія персидскія провинціи: Кучанъ, Дерегёзъ, Хорассанъ и Келатъ.

Стороннія сношенія съ Мервомъ начались еще съ ноября 1880 года, т. е. за два мѣсяца до окончанія войны. Нашъ агентъ въ Дерегёзѣ Карлъ Дюфуръ, пославъ подарки нѣкоторымъ старшинамъ въ Мервѣ, завелъ съ ними переписку, которая продолжалась и позже. Изъ этой переписки видно также, что настроеніе мервцевъ послѣ 12-го января было колеблющееся... Къ этому времени относится появленіе въ Мервѣ О'Донована (сотрудника газеты «Daily News»), въ качествѣ англійскаго политическаго агента, пробравшагося туда при помощи Бегбутъ-хана, правителя Келата. О'Донованъ разсказывалъ мервцамъ всякія небылицы, говорилъ о могуществѣ Англіи, сулилъ имъ оружіе и деньги и, если не имѣлъ особаго вліянія, то во всякомъ случаѣ смущалъ ихъ. Положеніе О'Донована въ Мервѣ, однако, было не изъ завидныхъ; онъ былъ предметомъ насмѣшекъ

и притѣсненій и только въ концѣ іюня 1881 года по полученіи выкупа отъ Аббасъ-хана, англійскаго агента въ Мешхедѣ, былъ выпущенъ на волю. Аббасъ-ханъ своими письмами также немало смущалъ мервцевъ. Въ народѣ говорили: «если мириться съ русскими, такъ мириться, а если нѣтъ, то надо что нибудь предпринять». Результатомъ такихъ разсужденій было освобожденіе двухъ русскихъ плѣнныхъ: Гюзелханова и Кидяева.

Этотъ фактъ уже самъ по себѣ былъ весьма хорошимъ явленіемъ, такъ какъ бо̀льшаго при хаосѣ и тревогѣ, царствовавшихъ въ Мервѣ, и при полномъ отсутствіи центральной власти нельзя было ожидать.

Съ водвореніемъ мирной жизни въ Ахалъ-Теке, такой порядокъ дѣлъ сталъ невозможнымъ. Промыслъ грабежемъ, какъ мы уже говорили, былъ стѣсненъ съ появленіемъ русской власти до послѣдней возможности. Въ 1882 году, завязываются все болѣе и болѣе частыя сношенія съ Мервомъ. Такъ, поручикъ Алихановъ, явившійся туда съ первымъ торговымъ караваномъ, въ обществѣ поручика артиллеріи Соколова, повѣреннаго русскаго купца Коншина-Косыхъ и съ тридцатью туркменами, былъ принятъ съ уваженіемъ и не встрѣтилъ никакихъ препятствій въ движеніи. Точно также явился туда нашъ путешественникъ, инженеръ путей сообщенія Лессаръ.

Послѣ поѣздки нѣсколькихъ мервскихъ хановъ въ Москву на торжество коронаціи, впечатлѣніе, произведенное на нихъ всѣмъ, что они видѣли, убѣдило ихъ въ полной безнадежности борьбы съ Россіей. Но какъ ни было благопріятно подобное настроеніе, оно еще не было достаточнымъ. При впечатлительности туркменскихъ племенъ, достаточно было всякаго пустаго повода, чтобы нѣсколько сотенъ наиболѣе упорныхъ разбойниковъ колебали въ свою сторону нерѣшительное населеніе. Путешествіе въ 1883 году шаха персидскаго по Хорассану возбудило много толковъ: стали ожидать нападенія со стороны Персіи, и хотя изъ Асхабата въ Мервъ были посланы успокоительныя письма, тѣмъ не менѣе, туркмены отвѣчали на воображаемое наступленіе набѣгами (аламанами) на Персію. Кромѣ того, англичане продолжали свою агитаторскую дѣятельность.

Еще въ началѣ 1881 года, среди сарыковъ, сначала въ Пенде, а потомъ и въ Іолъ-отанѣ, появился человѣкъ, называвшій себя Сіяхъ-пушемъ, т. е. черноризцемъ (сіяхъ — черный, пушъ — одѣтый), настойчиво уговаривавшій не входить въ сношенія съ русскими. Съ Сіяхъ-пушемъ пріѣхалъ еще одинъ афганецъ и два индуса. Съ 1883 года дѣятельность его усилилась. Онъ сталъ посылать агентовъ въ Хорассанъ, стараясь сблизиться съ его правителемъ и предлагая ему въ персидское подданство мервцевъ и сарыковъ. Однако, въ религіозную миссію его никто не вѣрилъ, и политическіе его происки шли безуспѣшно. Ни денегъ, ни обѣщан-

наго оружія у него не оказывалось, и іолъ-отанскій Сары-ханъ арестовалъ его за неуплату денегъ за нанятую милицію въ 40 человѣкъ; Сіяхъ-пушъ былъ выкупленъ мѣстными евреями.

Когда лѣтомъ начались аламаны, анархія въ оазисѣ достигла невозможныхъ предѣловъ; разбойники грабили дома своихъ же соплеменниковъ. Жить стало невозможно; часть жителей хотѣла переселиться въ Гератъ, другіе въ Хорассанъ, третьи присоединиться къ нашимъ владѣніямъ. Изъ Келата, Дерегёза, Хорассана и Атека постоянно жаловались на разбои. Предводители мирной партіи, какъ Сары-ханъ, вдова Нуръ-верды-хана, Гюль-джаманъ, ея сынъ Юсупъ-ханъ и другіе прямо заявляли, что только русская власть можетъ водворить покой и порядокъ.

Въ ноябрѣ 1883 года, на Карры-бентъ былъ двинутъ русскій отрядъ. Послѣдствіемъ этого было торжество мирной партіи. Однако, депутація, выѣхавшая изъ Мерва для засвидѣтельствованія дружественныхъ чувствъ Россіи, была остановлена въ Карры-бендѣ. Генералъ Комаровъ соглашался ее принять лишь тогда, когда всѣ рабы въ Мервѣ будутъ освобождены. Въ отвѣтъ на это послѣдовало не только освобожденіе рабовъ, но заявленіе со стороны большинства вліятельныхъ людей о своемъ желаніи принять русское подданство. 31-го января прошлаго года, съ высочайшаго разрѣшенія, въ Асхабатъ собрались четыре главныхъ хана и двадцать четыре наиболѣе вліятельныхъ лицъ, избранныхъ по одному отъ каждыхъ двухъ тысячъ кибитокъ, и здѣсь приняли безусловно подданство нашему государю, подтвердивъ это торжественной присягой. Хотя многочисленная депутація и внушала извѣстное довѣріе къ дѣйствительности принесенной ею присяги, но сознаніе новыхъ обязательствъ еще не проникло въ народныя массы, и потому явилось необходимымъ возможно скорѣе поддержать мирную партію. Тутъ надо было показать твердость и въ то же время не раздражать толпы. Вслѣдствіе этого въ Мервъ былъ двинутъ отрядъ. Небольшая горсть агитаторовъ, за исключеніемъ Каджаръ-хана—единственнаго вліятельнаго мервца — все иностранцы (Сіяхъ-пушъ, афганецъ Ахметъ-шахъ, и друг.), пытались организовать сопротивленіе. Небольшая шайка, встрѣтившая нашъ отрядъ при вступленіи въ Коушутъ-ханъ-кала выстрѣлами, была разсѣяна нѣсколькими залпами, и текинская крѣпость была занята. Предводители бѣжали на югъ, но черезъ четыре дня были схвачены и выданы самому командующему войсками. При водвореніи порядка не было ни одного случая наказанія, и всѣ приходившіе съ повинною получали полное прощеніе. Все занятіе Мерва стоило намъ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, а во время перестрѣлки былъ убитъ одинъ рядовой. Извѣстіе о подчиненіи Мерва Россіи было встрѣчено англійскимъ обществомъ, по словамъ газеты «Times», «съ равнодушіемъ, которое нѣсколько лѣтъ тому назадъ было бы невѣроят-

Горы Копетъ-Дагъ близъ селенія Арчманъ въ Ахалъ-Теке.

нымъ». Кромѣ этого, всегда недовѣрчиво относящагося къ намъ органа, всѣ остальные журналы почти не замѣтили этого факта, тогда какъ, не такъ еще давно, Мервъ считался многими англичанами ключемъ къ Герату. «Мы подчиняемся неизбѣжному въ мервскомъ вопросѣ,—говорилъ «Times»,—какъ и въ другихъ вещахъ, но если мы это дѣлаемъ, то съ рѣшимостью быть болѣе твердыми въ вопросахъ, которые возникнутъ изъ подчиненія Мерва». Поэтому, по мнѣнію газеты, для англійской дипломатіи настало время подать свой голосъ о точномъ опредѣленіи границъ въ Средней Азіи между Россіей, Персіей и Афганистаномъ. Вопросы, явившіеся послѣдствіемъ присоединенія Мерва, дѣйствительно не замедлили скоро стать на очередь, точно также какъ и вмѣшательство Англіи, когда для объединенія Туркменіи намъ оставалось продвинуть нашу границу къ югу между рѣками Герирудомъ и Мургабомъ.

Однако, прежде чѣмъ переходить къ этимъ послѣднимъ событіямъ, мы сдѣлаемъ краткій очеркъ Мерва и его населенія въ томъ видѣ, какъ онъ представляется въ описаніяхъ различныхъ путешественниковъ и ученыхъ, посѣтившихъ эту страну. Англичане—Абботъ, Шекспиръ, Бернсъ, Тейлоръ Томсонъ, посѣтили Мервъ въ сороковыхъ годахъ. Изъ русскихъ сочиненій новѣйшаго времени, мы имѣемъ: брошюру А. М. Алиханова — «Мервскій оазисъ и дороги, ведущія къ нему», въ которой авторъ, основательно знакомый съ туземнымъ языкомъ, систематически описываетъ Мервъ по личнымъ наблюденіямъ и разспросамъ: онъ посѣтилъ страну въ февралѣ 1882 года; записки П. М. Лессара—«О Мервѣ, окружающей мѣстности и нѣкоторыхъ важныхъ путяхъ». Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть еще: «Описаніе пути изъ Мешхеда черезъ Мервъ на городъ Чарджуй на Аму-Дарьѣ», поручика Назарова; «Дорога изъ Асхабата въ Мервъ», хорунжаго Соколова; записки французскаго путешественника, барона Бенуа-Мэшена, «О мервскихъ туркменахъ»; наконецъ, корреспонденціи покойнаго О'Донована. О'Донованъ былъ смѣлый авантюристъ, но обладалъ слабой научной подготовкой—«Записки» его изобилуютъ грубыми ошибками. Всѣ эти данныя принадлежатъ къ числу самыхъ новыхъ, такъ какъ собраны послѣ присоединенія Ахалъ-Тэке.

III.

История Мерва. — Нынѣшній оазисъ. — Мургабъ и Герирудъ (Теджень-дарья).— Оазисъ Тедженъ. — Серахсъ.

Мервъ [1]), Меру, или Мауръ, страна въ Средней Азіи, расположенная на окраинахъ Ирана и Турана (между 38° и 37° сѣверной

[1]) Мервъ—это современное персидское названіе. Рѣка Маргусъ, нынѣ Мургабъ, на которой былъ построенъ древній городъ, получила свое названіе отъ

широты и 79° и 80° восточной долготы). Цѣпь горъ, тянущаяся по азіатскому континенту, подъ именемъ Парапамиза и Гинду-Куша, отъ самаго Каспійскаго моря до Китая, и образующая естественную демаркаціонную линію между туранскими и индо-германскими расами, прерывается лишь въ одномъ мѣстѣ, лежащемъ на одинаковой долготѣ съ Мервомъ. Сквозь эту лазейку, созданную природой, протекаютъ въ сѣверномъ направленіи параллельно рѣки Герирудъ (Теджень) и Мургабъ и затѣмъ теряются въ пескахъ Кара-кумъ.

Долины этихъ рѣкъ, Мервскій оазисъ, искони были весьма важными пунктами на окраинахъ Ирана; въ древности этотъ округъ былъ сатрапіей Дарія, потомъ провинціей Александра, служилъ мѣстопребываніемъ племени пареянъ, составлялъ оплотъ противъ опустошительныхъ вторженій монголовъ, а позднѣе былъ подчиненъ персидскому Хорассану.

Въ былыя времена, подъ владычествомъ могущественныхъ повелителей, берега Мургаба и Герируда украшались цвѣтущими городами, которые доставили Мерву названіе «Царицы міра» (Мервъ-шахъ-и-джеханъ) и соперничали въ славѣ съ «матерью городовъ»— Балхомъ (древняя Бактра).

Названіе Мерва или сходнаго имени встрѣчается уже въ самыхъ отдаленныхъ періодахъ исторіи арійскаго племени. Подъ именемъ Муру онъ упоминается въ географіи Зендъ-Авесты, принадлежащей ко времени, предшествующему завоеванію Бактріи ассиріянами, слѣдовательно, по крайней мѣрѣ, за тысячу лѣтъ до христіанской эры. Подъ именемъ Маргу, Мервъ также упомянутъ въ надписяхъ Дарія-Гистаспа, гдѣ эта страна принимается, какъ часть одной изъ древнихъ персидскихъ сатрапій («Бегистанскія надписи», изд. Коссовича). Впослѣдствіи Мервъ сдѣлался провинціей Греко-сирійскаго, Пареянскаго и опять Персидскаго царствъ. На рѣкѣ Маргусѣ (Эпардусъ у Арійцевъ, нынѣ Мургабъ) стояла столица края, Антіохія Маргіана, названная такъ въ честь Антіоха Сотера, возстановившаго городъ, основанный Александромъ Великимъ.

Около V столѣтія по Р. Х., при династіи Сасанидовъ, Мервъ былъ мѣстопребываніемъ христіанскаго архіепископа несторіанской церкви. Въ срединѣ VII вѣка потокъ арабскихъ завоеваній рас-

---

провинціи Маргу, упомянутой въ бегистанскихъ надписяхъ Дарія. Шпигель того мнѣнія, что Маргу происходитъ отъ древне-бактріанскаго слова Мерего— «птица», вслѣдствіе безчисленныхъ стай птицъ, носящихся въ этой мѣстности. Точно также названіе рѣки Мургабъ означаетъ — птичья вода. Этотъ округъ носилъ въ V вѣкѣ названіе Марв-и-рудъ и рѣка называлась тогда Марвомъ. Названіе этого округа Мерумомъ встрѣчается въ армянской географіи, приписываемой Моисею Хоренскому и написанной, повидимому, въ VII вѣкѣ. Мауръ— узбекское названіе Мерва, сравнительно новѣйшей эпохи.

пространился за предѣлы горъ Персіи до пустынь Средней Азіи. Мервъ былъ занятъ въ 666 году полководцами калифа Османа и сдѣлался столицей Хорассана. Утвердившись въ этомъ городѣ, арабы, подъ начальствомъ Кутеибе-бенъ-Муслима, въ началѣ VIII вѣка, покорили Балхъ, Бухару, Фергану, Кашгарію и проникли въ Китай до провинціи Кан-су. При арабахъ, культурный оазисъ находился нѣсколько южнѣе теперешняго. Онъ утопалъ въ садахъ и, по преданію, давалъ необыкновенный урожай. Климатъ отличался такою мягкостью, что въ одной персидской поэмѣ говорилось: «правовѣрные! собирайтесь радостно читать свои молитвы въ благодатномъ климатѣ Мерва!..». Во второй половинѣ VII вѣка, Мервъ сталъ противенъ исламу, какъ центръ еретической пропаганды, проповѣдуемой Моканномъ (Гашемъ бенъ-Хакемъ), пророкомъ Хорассана, который выдавалъ себя за воплощеніе божества. Въ 874 году, арабское владычество въ Средней Азіи пришло къ концу. Во время господства арабовъ, Мервъ, какъ и Самаркандъ съ Бухарой, былъ однимъ изъ великихъ центровъ науки, и знаменитый историкъ Якутъ работалъ въ его библіотекахъ. По словамъ арабской пословицы того времени, «древо науки коренилось въ Меккѣ, а плоды его созрѣвали въ Хорассанѣ».

Около 1037 года, сельджукскіе турки перешли Аму-Дарью съ сѣвера и возвели Тохрулъ-бека на престолъ Персіи; онъ основалъ, такимъ образомъ, сельджукскую династію съ столицей въ Нишапурѣ[1]). Младшій братъ Тохрула, Даудъ, овладѣлъ Мервомъ и Гератомъ. Тохрулу наслѣдовалъ знаменитый Альпъ Арсланъ (большой левъ); могущество его было такъ велико, что, согласно преданію, передъ нимъ преклонялись до тысячи двухсотъ царей и принцевъ съ ихъ сыновьями. Арсланъ похороненъ въ Мервѣ. Около этого времени Мервъ достигъ зенита своей славы. Въ царствованіе султана Санджара, изъ той же династіи, въ половинѣ XI вѣка, въ Мервъ вторглись туркмены племени Гузъ, и страна подверглась полному раззоренію. Эти туркмены, предки нынѣшнихъ племенъ Туркменіи, вѣроятно, были введены въ страну сельджукскими турками въ качествѣ военныхъ поселенцевъ. Они образовали авангардъ изъ войска и оказывали услуги во все время существованія династіи; впослѣдствіи они принимали участіе въ войнахъ Тамерлана.

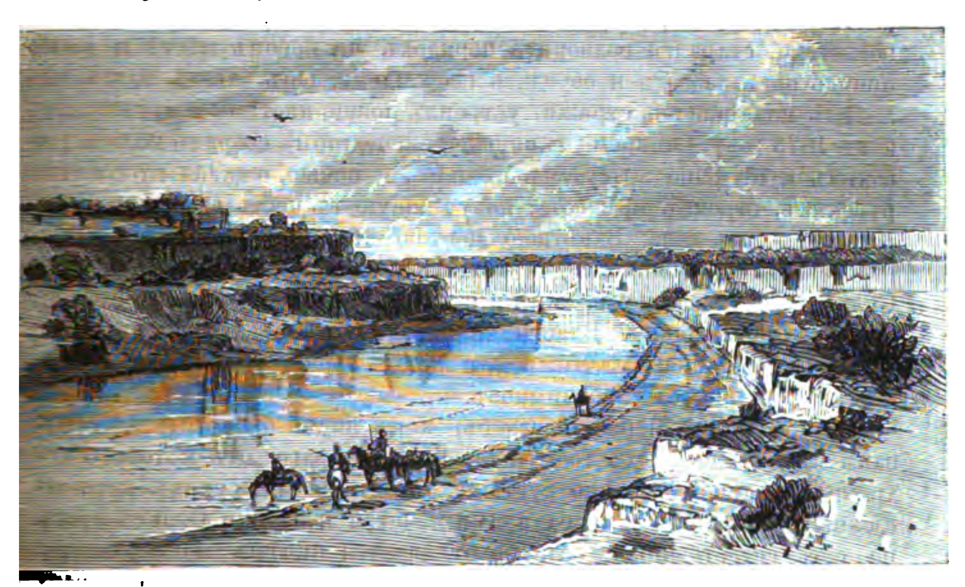
Въ 1221 году, въ Мервъ вступилъ Тулай, сынъ Чингисъ-хана монгольскаго, и, какъ разсказываютъ, при этомъ до 700,000 народу было подвергнуто избіенію. Съ этого времени Мервъ, бывшій главнымъ городомъ Хорассана и имѣвшій когда-то, по слухамъ, до милліона жителей, сталъ понемногу приходить въ упадокъ и заб-

---

[1]) Нишапуръ до сихъ поръ славится хлопчато-бумажными и шелковичными плантаціями.

веніе. Въ первые годы XIV вѣка Мервъ, однако, снова сдѣлался резиденціей христіанскаго архіепископа восточной церкви. По смерти внука Чингисъ-хана Мервъ былъ включенъ во владѣнія Тоглукъ-Тимуръ-хана (Тамерлана) въ 1380 году. Въ 1505 году, городъ, пришедшій въ раззореніе, былъ занятъ узбеками, которые пять лѣтъ спустя были изгнаны Измаилъ-ханомъ, основателемъ суффавейской династіи въ Персіи.

Послѣдній ударъ благосостоянію Мерва, и самый жестокій, былъ нанесенъ эмиромъ бухарскимъ Маасумомъ, въ 1784 году, срывшимъ до основанія городъ и разрушившимъ существовавшую много вѣковъ гигантскую плотину Бентъ-и-Мервъ, или Бентъ-и-Султанъ, находившуюся около нынѣшняго Іолъ-отана. Затѣмъ безпорядки между

Рѣка Теджень у Карры Бента.

рѣкою Тедженомъ (такъ называется низовье Геріруда) и Мургабомъ не прекращались уже до послѣдняго времени. Мервъ то и дѣло переходилъ изъ рукъ въ руки. Въ 1790 году, здѣсь расположились сарыки, и оставались въ оазисѣ до пятидесятыхъ годовъ нынѣшнаго столѣтія. Въ эпоху посѣщенія Бернса (1832 г.), Аббота, Шекспира и Тейлора Томсона, около сороковыхъ годовъ, Мервъ находился подъ верховнымъ владычествомъ Хивы, а административный центръ былъ въ Порса-кала. Это мѣсто въ настоящее время представляетъ груду мусора, развалинъ и совершенно необитаемо. Въ 1855 году, съ береговъ Геріруда нагрянули до 30,000 текинцевъ съ Коушутъ-ханомъ во главѣ, которые и вытѣснили сарыковъ на югъ; послѣдніе поднялись вверхъ на Мургабу и теперь насе-

ляютъ тамъ Іолъ-отанъ, Пенде и отчасти Бала-Мургабъ. Хивинцы пробовали противиться движенію текинцевъ, но въ концѣ-концовъ, около 1856 года, послѣдніе совершенно овладѣли страной и съ тѣхъ поръ отражали всякія попытки къ ихъ подчиненію. Въ 1860 году, персы предпринимаютъ туда походъ, съ цѣлью вернуть утраченный въ оныя времена оазисъ. Отрядъ, двинутый въ Мервъ, состоялъ изъ 20,000 регулярной пѣхоты, при 32 орудіяхъ, подъ начальствомъ Султанъ-Мурадъ-мирзы. Нерѣшительныя и трусливыя дѣйствія послѣдняго подбодрили текинцевъ, и персы понесли страшное пораженіе. Текинцы разграбили лагерь и взяли въ плѣнъ такое множество солдатъ, что потомъ долго продавали ихъ по $1^1/_2$ рубля за плѣннаго (!), а отнятыя у нихъ ружья—по 90 коп.

Коушутъ-ханъ, энергичный и властолюбивый, какъ и всѣ завоеватели, старался водворить порядокъ на новомъ мѣстѣ и какъ нибудь организовать и обуздать свое племя. Онъ завелъ 2,000 человѣкъ полицейской стражи, устроилъ новую плотину и ирригацію, а въ 1873 году (во время хивинской экспедиціи), собралъ 25,000 рабочихъ и втеченіе 20 сутокъ и днемъ, и ночью, ожидая вторженія русскихъ, строилъ крѣпость, получившую въ честь его названіе—Коушутъ-ханъ-кала. Завѣтною мечтою его было возсоздать древній оазисъ и возобновить для этой цѣли старую плотину—Бентъ-и-Султанъ, что̀, впрочемъ, такъ и осталось мечтою. Послѣ его смерти начались безпорядки. Власть хановъ, и до того уже непрочная, дѣлается совершенно ничтожной, и народъ обращается въ огромную шайку кочующихъ разбойниковъ.

Итакъ, новый мервскій оазисъ, какъ видно было выше, основанъ въ пятидесятыхъ годахъ сѣвернѣе стараго, отъ котораго сохранилась теперь только пустыня, съ остатками сухихъ ирригаціонныхъ каналовъ и развалинами мечетей и зданій. Оазисъ этотъ не есть естественный; онъ не отличается ничѣмъ по характеру почвы отъ окружающей мѣстности, и измѣненіемъ его оросительной системы могутъ быть значительно измѣнены и его границы. Обводненная и населенная площадь Мерва имѣетъ теперь около 70 верстъ въ квадратѣ (около 5,000 квад. верстъ), изъ коихъ только $^1/_5$ неудобна для хлѣбопашества. Мѣстность равнинная, на которой мѣстами встрѣчаются небольшіе холмы, большею частью, искусственные и старыя развалины. Почва глинистая; при нѣкоторомъ удобреніи, а главное орошеніи, она замѣчательно плодородна. Оазисъ лежитъ въ низовьяхъ рѣки Мургаба, который теряется на сѣверѣ въ пескахъ. Мургабъ имѣетъ протяженія около 480 верстъ, изъ коихъ 210 пробѣгаетъ по афганскимъ землямъ, гдѣ рѣка и беретъ свое начало въ отрогахъ Парапамиза.

При входѣ въ оазисъ, берега мѣняютъ свой характеръ и изъ довольно крутыхъ и высокихъ дѣлаются пологими и низкими. Вдоль береговъ ростутъ въ изобиліи камыши, а также розмаринъ, фисташки.

Въ оазисѣ, въ 95 верстахъ южнѣе крѣпости, рѣка пересѣчена огромною плотиною, Коушутъ-ханъ-бентъ [1]), имѣющею 32 саж. длины, 64 саж. ширины и до 9 саж. высоты. Она устроена весьма неумѣло изъ туровъ и фашинъ, пересыпанныхъ землею. Во время сильной прибыли воды, когда плотинѣ угрожаетъ опасность быть разрушенной, посреди ея продѣлываютъ небольшой водосливъ, куда и устремляется лишняя вода. При плотинѣ всегда находится караулъ (около 1,000 человѣкъ), такъ какъ разрушеніе ея могло бы поставить все населеніе Мерва въ бѣдственное положеніе. Удивительно, что мервцы не догадались построить свое главное укрѣпленіе около этой плотины. Для орошенія оазиса вода Мургаба проведена по двумъ большимъ или главнымъ каналамъ, которые развѣтвляются на нѣсколько рукавовъ, а эти, въ свою очередь, питаютъ цѣлую сѣть второстепенныхъ арыковъ. Вода въ Мургабѣ держится круглый годъ, и около крѣпости Коушутъ-ханъ-кала имѣетъ отъ 15-ти до 20-ти саженъ ширины; глубина мѣняется отъ нѣсколькихъ футовъ и болѣе. Въ предѣлахъ Туркменіи въ рѣку Мургабъ впадаютъ: съ востока рѣка Кайсоръ, питаемая многими ручьями, стекающими съ хребта Тиръ-бентъ-и-Туркестанъ, а съ запада рѣка Кашъ и Кушкъ съ притоками.

Западнѣе Мургаба и почти параллельно ему, верстахъ во ста, течетъ Тедженъ-дарья, верховья которой, до впаденія съ запада рѣки Кешофъ-руда, носитъ названіе Герируда. Тедженъ-дарья не отличается такимъ богатствомъ воды въ своихъ низовьяхъ, какъ Мургабъ. Уже не добѣгая верстъ двадцати до Серахса, гдѣ она имѣетъ такую же ширину какъ Мургабъ, около Коушутъ-кала, рѣка раздѣляется на рукава и разливается. Во время низкой воды (іюнь и августъ) «теченіе» часто не доходитъ до Серахса. Во время половодья, между январемъ и мартомъ, рѣка прорывается и далѣе, на сѣверъ. Здѣсь она образуетъ Тедженскій оазисъ, весьма запущенный, служащій какъ бы запасной землей для туркменъ Мерва и Аліели, населяющихъ Атекъ.

Черезъ Тедженъ изъ Ахалъ-Теке въ Мервъ ведутъ двѣ дороги: отъ Гяурса черезъ Анаузъ-Чунгулъ (сухія русла Теджена), въ 318 верстъ протяженія, и болѣе удобная изъ Каахка, черезъ плотину Кары-бентъ (216 в.). Тедженскій оазисъ какъ отъ Ахала, такъ и отъ Мерва отдѣляется песками, имѣющими въ общей сложности около 100 верстъ. Теперь Тедженъ носитъ на себѣ характеръ запустѣнія, посѣвы незначительны; большая же часть занимаемаго имъ пространства покрыта лѣсами саксаула, камышемъ, розмариномъ, катдымомъ, черкезли и другими представителями песчаной флоры. Оазисъ представляетъ богатое пастбище и изобилуетъ дикими животными (кабаны, козы; попадаются и тигры; изъ птицъ—

---

[1]) Бентъ—значитъ плотина.

фламинги, утки и др.). Масса развалинъ, пересохшихъ каналовъ и брошенныхъ пахотей свидѣтельствуетъ о сравнительно еще недавнемъ оживленіи этихъ мѣстъ. Возобновленіе плотины Кары-бентъ и вообще улучшеніе ирригаціи Теджена можетъ быстро способствовать возрожденію его культуры.

Говоря о Теджень-дарьѣ, будетъ нелишнимъ упомянуть о мѣстности, называемой Серахсомъ. Новый Серахсъ — персидская крѣпость на лѣвомъ берегу Теджена. На правомъ берегу недалеко находятся развалины Стараго Серахса, куда вслѣдствіе необычайнаго плодородія начинаютъ прибывать поселенцы, съ уменьшеніемъ послѣ 1881 года грабежей и съ водвореніемъ русской власти. Черезъ Старый Серахсъ идетъ лучшая, достаточно богатая водой дорога на Мервъ, Гератъ и Асхабадъ, и пунктъ этотъ лежитъ въ нашихъ предѣлахъ. Персы, сидя въ своей крѣпости, обременяли всегда окрестныхъ солоровъ разными беззаконными поборами, хотя никогда не давали имъ помощи противъ аламановъ. Въ маѣ 1882 года, вали Хорассана, Рухнудъ-Даулэ, объѣзжая восточныя провинціи, задумалъ установить персидское вліяніе въ Мервѣ и подчинить туркменъ южнаго Теджена. Съ этою цѣлью онъ началъ возводить въ 11-ти верстахъ на сѣверъ отъ Серахса новое укрѣпленіе — Рухнъ-абадъ, но, благодаря вмѣшательству нашего посольства въ Тегеранѣ, постройка эта была скоро прекращена. Тогда мѣстныя власти стали сгонять туркменъ съ ихъ земель и заселять персами, что̀, конечно, еще болѣе усилило ненависть туркменъ къ Персіи.

IV.

Климатъ въ Мервѣ. — Населеніе; его племенное и административное раздѣленіе. — Хлѣбопашество, скотоводство и ремесла. — Характеръ народа. — Грабежи. — Торговля Мерва. — Пути, черезъ него пролегающіе. — Его значеніе.

Новый Мервскій оазисъ уступаетъ въ качествахъ климата старому. Отчасти это происходитъ оттого, что въ Мервѣ мало садовъ и много песковъ и болотъ. Климатъ въ сосѣднемъ ему Ахалѣ, вслѣдствіе близости горъ, сравнительно мягче. Втеченіе пяти мѣсяцевъ, отъ начала мая до конца сентября, въ Мервѣ нѣтъ дождей. Снѣгъ выпадаетъ съ начала декабря до конца января и достигаетъ двухъ-футовой толщины; самая низкая температура около 7° по R. Въ серединѣ февраля полуденный жаръ достигаетъ уже + 30° R., а лѣтомъ на солнцѣ отъ 45 до 50° R. При этомъ появляется масса мошекъ и мухъ; время отъ времени съ юга и юго-запада дуетъ сухой и горячій вѣтеръ. Въ рѣдкіе годы надъ Мервомъ проносится страшный ураганъ, называемый кара-елъ (черный вѣтеръ), опустошающій поля и постройки и приносящій съ собой массы пыли

и песку, наполняющихъ воздухъ точно туманомъ и даже затрудняющихъ дыханіе.

Мервцы, какъ и прочіе туркмены, по мнѣнію Генри Раулинсона, барона Боде и другихъ, потомки тюркскаго племени «гузъ», которое еще до христіанской эры оставило свое старое мѣстопребываніе въ Алтаѣ, и, подвигаясь къ западу, проникало даже до Дуная. Вслѣдствіе смѣшенія съ персидскими и кавказскими народами, они по правильности чертъ и по складу головы и глазъ значительно отличаются отъ татарскаго типа. Религія магометанская, секты суннитовъ. Языкъ—восточно-тюркскій. Все мервское племя, состоящее изъ двухъ главныхъ племенъ: тохтамышей и отамышей, дѣлится на 4 колѣна, или отдѣленія: отамыши на бахши и сичмазъ; тохтамыши на бекъ и векиль. Колѣна, въ свою очередь,

Озеро Аламанъ-Чунгуль, въ руслѣ Теджена.

подраздѣляются на роды, причемъ каждый родъ имѣетъ своего старшину—кетхуда. Всѣ путешественники, полагая отъ 4 до 6 душъ на кибитку, считаютъ народонаселенія Мерва отъ 160 до 200 тысячъ душъ обоего пола. Населеніе, сгущаясь къ центру, вообще скучено довольно тѣсно: на квадратную версту приходится около 48 человѣкъ.

Въ административномъ отношеніи весь народъ дѣлится на 24 группы (егунъ-яны), представители которыхъ вмѣстѣ съ ханами и почетными людьми, аксакалами (бѣлобородыми), составляютъ генгешъ, или меджлисъ, парламентъ своего рода. Дѣла рѣшаются съ общаго согласія, а не большинствомъ голосовъ. Постоянныхъ налоговъ народъ не допускаетъ, а только въ исключительныхъ случаяхъ. Въ важныхъ случаяхъ гораздо выше авторитета кетхудовъ и аксакаловъ стоитъ «обычай» (дебъ) и религіозные законы, стоящіе, однако, ниже обычая.

Построекъ въ краѣ вовсе не имѣется, если не считать пяти полуразрушенныхъ мечетей и одного медрессе (духовное училище).

Туркмены, какъ племя вообще полукочевое, живутъ въ кибиткахъ, или юламейкахъ [1]), окружая ихъ иногда кругомъ каменнымъ дворомъ изъ глинобитныхъ стѣнъ. Въ отдаленныхъ отъ селеній поляхъ и пастбищахъ попадаются глинобитныя башни сажени въ три вышины съ бойницами и однимъ небольшимъ входомъ. Дѣлаются онѣ на случай неожиданнаго появленія разбойничьихъ шаекъ, чтобы было куда укрыться на время, пока не подоспѣетъ помощь; съ этою цѣлью въ башняхъ иногда имѣется на нѣсколько дней провизіи и воды; входъ при оборонѣ заваливается чѣмъ нибудь изнутри. Кибитки внутри убираются коврами и украшаются идущими вдоль стѣнъ на извѣстной высотѣ широкими вышитыми дорожками; тутъ же вѣшаются изъ ковровой матеріи разныхъ величинъ мѣшки, въ которыхъ кладутся разныя вещи. Кибитки стóятъ очень дорого и не для всѣхъ доступны; поэтому множество бѣдняковъ устраиваютъ себѣ безобразныя, темныя и грязныя мазанки изъ глины.

Крѣпость Коушутъ-хана, начатая въ 1873 году, когда ханъ ждалъ наступленія русскихъ, лежитъ на правомъ берегу Мургаба. Въ 1881 году, мервцы, вторично ожидая нашего наступленія, продолжали постройку и опять бросили, вслѣдствіе чего она съ четвертой, юго-восточной, самой широкой стороны стѣны не имѣетъ. Общее протяженіе стѣны около 5-ти верстъ. Такъ какъ стѣна строилась участками, каждымъ колѣномъ отдѣльно, то на общемъ протяженіи попадается нѣсколько щелей, доходящихъ до 3-хъ саженъ. Внутренность крѣпости занята пашнями. Крѣпостной валъ сложенъ изъ глины и имѣетъ въ основаніи до 70 футовъ толщины и около 25 высоты до поверхности валганга; верхняя ширина валганга около 40 футовъ; валъ увѣнчанъ съ наружной стороны брустверомъ, имѣющимъ до 30 футовъ толщины и до 10 футовъ высоты; такимъ образомъ общая высота вала вмѣстѣ съ брустверомъ достигаетъ 35 футовъ. Заложеніе крутостей, особенно наружной, очень мало, и отъ дождей глина сильно осѣдаетъ. Въ крѣпости имѣлось до 30 старыхъ орудій разнаго калибра, большею частью, безъ лафетовъ и мало пригодныхъ.

Какъ уже было сказано, Мервъ во всѣ времена славился своимъ плородіемъ. Страбонъ говорилъ, что прежде «нерѣдко можно было встрѣтить виноградную лозу, которой стволъ съ трудомъ обхватывали двое человѣкъ (!?), а гроздья попадались въ два локтя длины»... Арабскій путешественникъ X вѣка Ибнъ-Гауканъ замѣчаетъ, что «плоды въ Мервѣ лучше, чѣмъ въ какой либо другой странѣ, и что ни въ какомъ городѣ не увидишь такихъ дворцовъ

[1]) Кибитка имѣетъ форму цилиндра отъ двухъ саженъ и болѣе въ діаметрѣ, въ видѣ полушара или конуса (юламейка). Остовъ ея состоитъ изъ деревянныхъ рѣшетокъ, составляемыхъ и связываемыхъ вмѣстѣ. Снаружи остовъ обтягивается войлоками и веревками.

съ такими садами и фонтанами»; наконецъ, по мѣстной поговоркѣ: «посѣешь одно зерно, соберешь сто». Въ настоящее время оазисъ воздѣланъ дурно, такъ какъ населеніе не столь искусно и трудолюбиво, какъ, напримѣръ, хивинцы.

Главныя занятія народа состоятъ въ земледѣліи (земледѣльцы называются — чамуръ), скотоводствѣ (скотоводы — чарва) и аламанствѣ (разбойничествѣ). Чарва кочуютъ съ своими стадами, большею частью, внѣ оазиса, въ староыъ оазисѣ, въ пескахъ Алланъ-кумъ и Куланъ-рабатъ-кумъ, изобилующихъ прекраснымъ подножнымъ кормомъ.

Чарва составляютъ 1/6 населенія и пользуются относительнымъ благосостояніемъ. Кромѣ скотоводства, они занимаются среди бѣднѣйшихъ—ростовщичествомъ, а также торговлею плѣнными. Въ извѣстное время года Мервъ обращается почти въ сплошную ниву, но земли мало, а хотя пшеница родится самъ 20, хлѣба не хватаетъ и хлѣбопашцы очень бѣдны (на душу приходится по 2 десятины орошенной земли). 2/3 населенія сѣетъ по 7 пудовъ зерна на семью, а остальные всего по два пуда. Кромѣ того, сѣется джеванъ, или сарго, дающій самъ 300 и употребляемый вмѣсто ячменя, который здѣсь, какъ и рисъ, производятъ въ весьма маломъ количествѣ. Дыни и арбузы составляютъ пищу большинства населенія и скотины и ими засѣвается громадное пространство земли, тѣмъ болѣе, что они хорошо родятся и на пескѣ. Шелкъ и хлопокъ производится въ маломъ количествѣ; около 1,500 пуд. послѣдняго вывозится въ Бухару, но, по словамъ жителей, это количество можно значительно увеличить. Виноградъ, персики, абрикосы и тута разводятся также мало.

Наличное число домашнихъ животныхъ въ краѣ распредѣляется слѣдующимъ образомъ: лошадей — 8,000, барановъ — 160,000, верблюдовъ — 7,800, ословъ — 16,000 и 32,000 рогатаго скота.

Туркмены славятся своими лошадьми; лошади эти по виду сложены неправильно, спина и шея слишкомъ длинны, ноги ступаютъ некрасиво, грудь узкая; но за то онѣ отличаются рѣдкою быстротою на скаку и способны при скудномъ кормѣ дѣлать свободно переходы до ста и болѣе верстъ. Общая черта ихъ: маленькое и высокое копыто, жидкая грива и хвостъ и красивая, нѣжная шерсть. Впрочемъ, коневодство, а также разведеніе верблюдовъ и овецъ, послѣднее время у мервскихъ текинцевъ пришло въ упадокъ.

Ремесла стоятъ на крайне низкой степени и по числу занимающихся ими распредѣляются такъ: серебряники, сапожники, кузнецы, мѣдники, шапочники, оружейники, гончары, кожевники и мыловары. Этими ремеслами занимаются всѣ племена, но есть такія, которыя составляютъ спеціальность извѣстнаго колѣна; такъ, колѣно Язи изготовляетъ сѣдла, Шихи — кибитки, Бурказы — плети, Яры-Гахча — деревянную посуду и сита. Бѣднѣйшіе охотятся на лисъ, джейрановъ, дикихъ ословъ, барышничаютъ лошадьми или

нанимаются въ верблюдовожатые. Сверхъ того, однимъ изъ главныхъ занятій мужчинъ составляетъ чистка и исправленіе арыковъ (каналовъ) и плотинъ, отъ исправности которыхъ зависитъ ихъ существованіе.

Что касается женщинъ, то онѣ ткутъ превосходные ковры, дорожки, ковровыя полосы, переметныя сумки, сукна, шелковыя и бумажныя матеріи, отличный войлокъ и вышиваютъ шелкомъ.

Вслѣдствіе бѣдности, пища мервцевъ очень плоха. Рисовый пловъ на кунжутномъ маслѣ, бараній наваръ съ хлѣбомъ, кислое молоко съ мукой, горохъ съ кунжутомъ, пироги съ клеверомъ (иначе говоря, съ сѣномъ), вотъ главныя блюда, составляющія текинскій обѣдъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить отвратительный зеленый чай, поглощаемый въ огромномъ количествѣ, и кальянъ. По свидѣтельству О'Донована, въ народѣ сильно распространено куреніе опіума (?) и употребленіе арака; такъ какъ О'Донованъ былъ самъ большой любитель спиртныхъ напитковъ, то ему и книги въ руки.

Одежда мужчинъ состоитъ изъ халатовъ съ длинными рукавами изъ верблюжьей шерсти (а иногда изъ пунцовой шелковой матеріи), съ желтымъ кожанымъ поясомъ, къ которому привѣшивается кривая шашка и короткій и узкій кинжалъ объ одно остріе въ коническихъ ножнахъ, нерѣдко серебряныхъ. Большая баранья шапка, шаровары и туфли или желтые кожаные сапоги до колѣнъ, съ загнутыми немного носками, дополняютъ костюмъ. Женщины чрезвычайно любятъ украшать себя ожерельями, кольцами и амулетами изъ серебряныхъ монетъ и подвѣсокъ съ бирюзой, кораллами и сердоликомъ; при каждомъ движеніи онѣ звенятъ, какъ колокольчики. Одежда состоитъ изъ шерстянаго или шелковаго балахона, иногда съ поясомъ вокругъ стана, высокаго головнаго убора и сапожковъ на высокихъ каблукахъ. Туркменки недурны собой, лица часто не закрываютъ и, вслѣдствіе постоянныхъ работъ и движенія, хорошо сложены, но за то скоро старятся. Текинцы женятся очень молодыми. Отецъ покупаетъ для своего двѣнадцатилѣтняго сына жену-ребенка за 500 и болѣе крановъ. Молодая вдова, лѣтъ 20—25-ти, цѣнится гораздо выше, но женщина за сорокъ лѣтъ дешевле верблюда.

Опуская все то, что касается семейныхъ нравовъ и обычаевъ текинцевъ Мерва, скажемъ только нѣсколько словъ о характерѣ этого народа.

Лучшія качества мервцевъ — это удаль, храбрость и гостепріимство. Послѣднее считается священнымъ долгомъ, и неизгладимый позоръ ложится на того хозяина, который не съумѣлъ умереть, защищая своего гостя (махмана). Только этимъ и объясняется существованіе здѣсь жидовъ, презираемыхъ народомъ до послѣдней степени; каждая еврейская семья считается махманами какого нибудь вліятельнаго текинца.

Видъ сѣверныхъ укрѣпленій Коушутъ-Ханъ-Кала (въ Мервѣ).

Кромѣ указанныхъ качествъ, являющихся свѣтлой стороной этого племени, въ характерѣ мервца нѣтъ ни одной симпатичной черты. У ненавидящихъ ихъ бухарцевъ и хивинцевъ составилась поговорка: «если ты встрѣтишь ехидну и мервца, то сперва убей послѣдняго, а потомъ раздѣлайся съ ехидной». Они безчеловѣчно жестоки съ плѣнными, вѣроломны, лгутъ безъ зазрѣнія совѣсти, прожорливы, любятъ сладости, какъ дѣти, завистливы и наглы и, если иногда напускаютъ на себя скромность и услужливость, то всегда въ разсчетѣ содрать съ васъ подарокъ. Колтоманство, т. е. воровство, развито до того, что когда къ Алиханову приходили ханы и кетхуды, т. е. слѣдовательно лучшіе люди, то хозяинъ совѣтовалъ держать ухо востро и не класть плохо. Онъ видѣлъ, какъ почтенные старцы запускали лапу въ его дорожныя сумки, думая быть незамѣченными. Въ томъ же родѣ разсказываетъ и Лессаръ. Такую характеристику мервцевъ наши путешественники заключаютъ признаніемъ, что они самые непривлекательные изъ всѣхъ извѣстныхъ туркменскихъ племенъ; надо, однако, полагать, что сарыки имъ не уступятъ въ этомъ отношеніи.

Аламанство, иначе говоря, степное разбойничество, возведенное здѣсь въ какой-то рыцарскій культъ, обращаетъ весь оазисъ въ сплошной и огромный разбойничій притонъ.

Это занятіе выработало массу людей съ поразительнымъ знаніемъ дорогъ и мѣстностей. Наиболѣе выдающіеся изъ нихъ носятъ названіе сардарей и въ аламанахъ становятся во главѣ разбойничьихъ шаекъ. Формированіе шайки и выборъ сардаря сопровождается нѣкоторой церемоніей; при выходѣ изъ предѣловъ оазиса, партія даетъ сардарю торжественную клятву, «фету» повиноваться его приказаніямъ безпрекословно, и здѣсь въ безлюдной пустынѣ, въ этомъ песчаномъ океанѣ, сардарь дѣлается такимъ же повелителемъ своей партіи, какъ капитанъ корабля, вышедшаго въ открытое море.

Вотъ съ какимъ народомъ приходится теперь имѣть дѣло нашей администраціи. Понятно, что потребуется много времени и умѣнья, чтобы нравственно овладѣть этимъ народомъ, въ которомъ даже избранные имъ же ханы ничего не значили.

По свидѣтельству барона Бенуа-Мешена и Лессара, наиболѣе выдающіеся изъ бывшихъ хановъ—Кара-кули-ханъ и Махтумъкули-ханъ. По словамъ Лессара, въ 1882 году, отамыши выбрали себѣ главою Майлы, внука Ораза, бывшаго ханомъ всего Мерва. Майлы оказался до того слабъ и не уменъ, что колѣно Бакши избрало себѣ ханомъ не родовитаго, но умнаго, Сары-батыря. Ханы у тохтамышей—Баба-ханъ, сынъ извѣстнаго побѣдителя персовъ, Коушутъ-хана, и Юсупъ-ханъ, сынъ Нуръ-Верды, защитникъ, въ 1879 году, Геокъ-Тепе, оба оказались ничтожествами. Честолюбивый и энергичный Кара-кули пытался воспользоваться, не задолго

до присоединенія Мерва къ Россіи, такимъ положеніемъ и фактически управлять оазисомъ. Въ Мервѣ еще осталось очень и очень много людей, сожалѣющихъ о своихъ разбойничьихъ промыслахъ; къ числу ихъ, напримѣръ, принадлежитъ Джанъ-Мамедъ-сардарь, о которомъ упоминаетъ, между прочимъ, г. Назаровъ.

Отъ искусства нашихъ администраторовъ будетъ зависѣть парализовать вредное вліяніе этихъ господъ. Пройдетъ немало времени, пока въ мервцахъ, обращенныхъ силою обстоятельствъ къ благотворнымъ мирнымъ занятіямъ, разбойничій духъ уступитъ мѣсто любви къ порядку и законности.

Баронъ Бенуа-Мешенъ смотритъ на это дѣло болѣе оптимистически, чѣмъ мы. «При твердомъ управленіи,—говоритъ онъ,— и безжалостномъ наказаніи степныхъ грабежей, мы увѣрены, что вся страна туркменовъ подчинится покорителю и создастъ русскому правительству менѣе затрудненій, чѣмъ двуличіе сартовъ и увертливая политика Бухары...». Будемъ надѣяться, что это будетъ такъ!..

По словамъ Алиханова, вся внутренняя торговля Мерва сосредоточивается въ трехъ базарахъ, на которыхъ обмѣнъ и покупка производится два раза въ недѣлю. На правомъ берегу Мургаба находятся, на пути въ Бухару, Векильскій и Коушутъ-ханскій базары, а на лѣвомъ Отамышевскій. Среднія цѣны въ 1882 году были:

батманъ (2 пуда)	пшеницы	30 к.
»	ячменю	20 »
»	хлопка	80 »

Овечья и верблюжья шерсть около 2 руб. за пудъ. Цѣны на дичь были крайне низки. Кромѣ мѣстныхъ жителей, постояннымъ элементомъ на базарахъ являлись бухарскіе и хивинскіе торговцы, которые привозили сюда табакъ, халаты, посуду, чай, опіумъ, конскій уборъ и московскіе ситцы. Если къ этому прибавить грошовые леденцы, конфекты, зеркальцы, гребешки, спички и тому подобныя мелочи, то этимъ и исчерпывается инвентарь привозныхъ предметовъ. Евреи на базарахъ, подобно своимъ европейскимъ собратьямъ, занимаются перепродажей, набивая цѣны. Роль русскихъ купцовъ, начинающихъ появляться на базарахъ, еще не выяснена.

Весь вывозъ состоитъ въ нѣсколькихъ стахъ превосходныхъ ковровъ (продаваемыхъ отъ 20 до 160 руб. за штуку) и 1,500 пудовъ хлопка, отправляемаго въ Бухару; вся верблюжья шерсть идетъ къ сарыкамъ, которые выдѣлываютъ изъ нея сукно, высоко цѣнимое въ Персіи и Афганистанѣ. Всѣ торговые обороты, по свидѣтельству нашихъ путешественниковъ, вообще ничтожны; во всемъ оазисѣ, по мнѣнію Алиханова, не обращается болѣе $1^1/_2$ милліона рублей, и ни одинъ русскій торговецъ или, вѣрнѣе, всѣ не

сдѣлаютъ оборота болѣе какъ на 30,000 рублей. Собственно для Мерва персидскіе и бухарскіе караваны приходятъ всего два раза въ мѣсяцъ, по 5-ти или 6-ти верблюдовъ въ караванѣ, съ грузомъ, стоимостью около тысячи рублей. За то черезъ Мервъ направляются транзитомъ всѣ персидскіе караваны въ Бухару и обратно. Караваны эти платили мервцамъ пошлину или пачъ, около 10 рублей за каждые двѣсти пудовъ груза.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о торговыхъ путяхъ, ведущихъ черезъ оазисъ и связывающихъ Афганистанъ, Бухару, Персію и Каспійское море.

1) Изъ Мешхеда, большаго торговаго центра и столицы персидской провинціи Хорассана въ Чарджуй (бухарскій городъ на Аму-дарьѣ), лучшая дорога идетъ черезъ Серахсъ и имѣетъ протяженія около 570 верстъ (изъ нихъ отъ Мешхеда до Серахса — 435 верстъ). Участки ея по обѣ стороны Мерва проходятъ пустынями, которыя, однако, по мнѣнію Лессара, могутъ быть современемъ значительно сокращены и улучшены. Отъ Чарджуя черезъ Бухару, Катты-Курганъ до Самарканда около 340 верстъ. 2) Отъ Михайловскаго на Каспійскомъ морѣ, черезъ Ахалъ-Теке и Мервъ до того же Чарджуя—около 1,000 верстъ; изъ нихъ 220 верстъ желѣзно-дорожнаго пути [1]). 3) Отъ Герата до Чарджуя — 630 верстъ (изъ нихъ отъ Герата до Серахса по Герируду — 320 верстъ). 4) Отъ Мерва до Герата (по Мургабу)—350 верстъ. 5) Отъ Мерва до Хивы—600 верстъ. Всѣ эти дороги можно разсматривать, какъ линіи, связывающія такія населенныя страны, какъ Хорассанъ, Гератъ, Бухара, Хива, имѣющія весь узелъ въ Мервѣ.

Значеніе Мерва, какъ пункта, лежащаго на перепутьѣ торговыхъ сношеній перечисленныхъ выше странъ, весьма важно. Черезъ Мервъ тянутся на сѣверо-востокъ караваны изъ Персіи, съ персидскими издѣліями (краски, мануфактуры, сахаръ), а изъ Афганистана съ кисеей, красками и индійскимъ чаемъ, который поглощается въ огромномъ количествѣ какъ населеніемъ Туркестана, такъ и Семирѣчья (около 6.000,000 человѣкъ). Чтобы составить понятіе о значеніи этого транзита, слѣдуетъ сказать, что ежегодный доходъ бухарскаго эмира съ проходящихъ каравановъ достигаетъ 3.000,000 рублей. Теперь эта торговля должна возрости; русскіе товары начнутъ проходить Мервъ и съ восточной стороны. Учрежденная нами нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Самаркандскомъ уѣздѣ таможня, пропускавшая, вслѣдствіе дурныхъ горныхъ путей, только часть каравановъ, проходившихъ черезъ Бухару, давала пошлины съ чая до 400,000 рублей. Съ измѣненіемъ политической границы, сумма эта должна возрости. Вмѣстѣ съ этимъ придется

[1]) Отъ Михайловскаго, черезъ Асхабадъ, въ Мешхедъ—900 верстъ.

учредить таможню на Чарджуйской переправѣ, устроивъ здѣсь укрѣпленную факторію. Въ недалекомъ будущемъ тоже придется сдѣлать и выше по Аму-Дарьѣ, близь Келифской переправы, на торговомъ пути изъ Кабула. Политическое и стратегическое значеніе Мерва понятно само собою. Мервъ есть центръ 300,000 туркменскаго населенія и, при условіи спокойствія населенія, можетъ служить вспомогательной продовольственной базой; наконецъ, онъ лежитъ на коммуникаціонной линіи между войсками Туркестанскаго округа и Закаспійской области.

V.

Юго-западная Туркменія. — Сарыки и Солоры. — Занятія, торговля и нравы. — Недавнее прошлое.

Съ 1881 года по 1884 нашими путешественниками были изу- изучены пути: отъ Асхабада на югъ къ Афганистану, изъ новой области въ Хорассанъ и въ Мервъ, а также въ Хиву и Бухару. Весною 1884 года, г. Лессаръ нашелъ возможнымъ дополнить свои изслѣдованія въ южномъ направленіи путешествіемъ черезъ восточную часть юго-западной Туркменіи. Страна эта была извѣстна отчасти, благодаря Шекспиру и Абботу, проѣхавшихъ ее по пути въ Мервъ въ 1840 — 1841 году, г. Гродекову, пересѣкшему Парапамизъ восточнѣе Кушка, и г. Петрусевичу, посѣтившему Герирудъ. Осенью 1882 года, въ южную часть края секретно пріѣзжалъ англійскій военный агентъ Стюартъ. Въ то же время русскіе офицеры Гладышевъ и Хабаловъ, выѣхавъ изъ Мусхынъ-абада въ Беникэрызъ, перевалили Борхутъ, западнѣе перевала Хомбоу, прошли на Казилъ-Булакъ, колодецъ Адамъ-Еланъ, и вернулись въ Серахсъ; при этомъ одинъ пунктъ былъ опредѣленъ астрономически.

Второму путешествію г. Лессара благопріятствовало рѣдкое затишье въ этомъ разбойничьемъ краѣ. Дойдя до Мерва вмѣстѣ съ отрядомъ, вступавшимъ въ Коушутъ-ханъ-кала, онъ отправился въ сопровожденіи нѣскольких туркменъ вверхъ по Мургабу, пройдя оазисъ Пенде, перешелъ на р. Кушкъ и, пройдя горами Борхута до крайнихъ западныхъ переваловъ, повернулъ на сѣверъ черезъ Акъ-Рабатъ, озеро Еръ-Ойланъ, колодецъ Коюнъ-куи и вернулся обратно на Мургабъ. Это послѣднее путешествіе дало возможность пріобрѣсть болѣе или менѣе ясное представленіе обо всей странѣ, ограниченной съ сѣвера поселеніями Мерва, съ юга Гератомъ и съ востока и съ запада рѣками Мургабомъ и Герирудомъ.

До послѣдняго времени юго-западная Туркменія называлась неправильно англичанами Бадхызомъ, тогда какъ Бадхызъ — горная страна, между рѣкою Кушкъ и Кашъ, населенная отчасти туркменами, отчасти джемшидами.

Вся юго-западная Туркменія имѣетъ около 250 верстъ протяженія съ сѣвера на югъ и около 100 верстъ съ запада на востокъ. Горы Борхутъ, составляя продолженіе горъ Сефидъ-кухъ, отдѣляются отъ главной цѣпи значительнымъ пониженіемъ; такъ, между перевалами Ардеванъ и Каруанъ-ашанъ, Борхутъ представляетъ относительно окружающей мѣстности рядъ холмовъ съ уклонами въ $\frac{1}{50}$ и по послѣднимъ извѣстіямъ не представляетъ никакого затрудненія для движеній; къ Герируду этотъ хребетъ повышается и достигаетъ 4 тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря; р. Герирудъ образуетъ въ этомъ мѣстѣ узкую и длинную щель (Зюльфагаръ). Съ юга на сѣверъ мѣстность понижается, образуя за озеромъ Еръ-Ойланъ волну—рядъ глиняныхъ холмовъ (2,000′ надъ уровнемъ моря), раздѣляющихъ страну на двѣ различныя части: южная—холмиста, богата родниками и отличается песчано-глинистымъ грунтомъ, покрытымъ бурьяномъ и колючкой; при перевалѣ черезъ Эльберинъ-кыръ, попадаешь въ область постоянныхъ и сильныхъ южныхъ вѣтровъ (отсюда и названіе Бадхызъ: бадъ-вѣтеръ; хызъ—корень глагола хастенъ—подниматься, вставать), поэтому и погода здѣсь рѣдко бываетъ хороша. Сѣверная—сначала изрыта оврагами, потомъ выравнивается и отъ колодца Коюнъ-куи грунтъ ея все болѣе и болѣе становится песчанымъ и проницаемымъ; подобно пескамъ Кара-кумъ, колодцы здѣсь рѣдки и вода въ нихъ солоновата. Верхняя часть р. Герируда отъ крайняго афганскаго селенія Кусана до Пуль-и-хатуна имѣетъ ширину отъ 15—20 саженъ и становится переходимою въ бродъ во многихъ мѣстахъ съ апрѣля до декабря мѣсяца. Каменные мосты имѣются у Тиръ-пуля (40 саженъ длины), гдѣ теперь стоитъ отрядъ Лемсдена, и у Пуль-и-хатуна. Рѣка Мургабъ, пройдя горныя поселенія племени Хазаре, у Бала-Мургаба, выходитъ на холмистую равнину Туркменіи; холмы прерываются у Сары-язы, а далѣе на сѣверъ, до Іолъ-отана, тянутся вдоль береговъ песчаные бугры; до мыса Келе-бурунъ почва глинистая, далѣе—песчаная и здѣсь въ незначительномъ разстояніи отъ берега попадаются часто развалины древнихъ городовъ. Рѣка течетъ то однимъ, то нѣсколькими рукавами, шириною до 20 саженъ: берега круты, до 4 и болѣе саженъ высоты. Мургабъ течетъ по легко размываемому глинистому грунту, подмывы мѣстами очень значительны и между Ташъ-кепри и Югенлы теченіе извилисто. Ширина долины, орошаемой и годной для хлѣбопашества, зависитъ отъ близости песковъ и измѣряется отъ 300 саженъ до 5 верстъ.

Глубина рѣки въ низкую воду отъ 3—4 футъ, въ высокую доходитъ до 14 футъ. Для переправъ, кромѣ бродовъ, имѣется мостъ въ Іолъ-отанѣ (30 саж. шир.) и въ оазисахъ для перевоза употребляются каюки (родъ большихъ лодокъ). Мургабъ, какъ свидѣтельствуютъ развалины, болѣе удобенъ для заселенія, чѣмъ Герирудъ.

Сѣверныя ворота въ Коушутъ-Ханъ-Кала.

Изъ притоковъ Мургаба слѣдуетъ упомянуть Кушкъ, Кашъ и Кайсоръ. Рѣка Кушкъ беретъ начало въ горныхъ отрогахъ Сефидъ-куха. Грунтъ рѣки сначала каменистый, отъ Чилъ-духтера дѣлается вязкимъ и, не смотря на глубину не болѣе 1 аршина, переправы возможны тутъ только въ рѣдкихъ мѣстахъ. Отъ того же мѣста долина рѣки, шириною около версты, становится удобною для хлѣбопашества. Въ притокахъ Кушка вода соленая и негодная для питья.

Растительность въ краѣ находится въ зависимости отъ грунта и воды; по берегамъ рѣкъ встрѣчаются тополь, тута, верба и густые кустарники, но всѣ названныя породы не пригодны для большихъ построекъ. Внутри страны встрѣчаются деревья только около родниковъ; кустарники и травы въ сѣверной половинѣ гораздо лучше, чѣмъ въ южной. Поэтому сарыки и говорятъ про Мервъ, что это обѣтованная земля—«мисиръ». Минеральныя богатства еще неизвѣстны, кромѣ озеръ Еръ-Ойланъ, весьма богатыхъ солью, которою пользуются туркмены всѣхъ племенъ.

Населеніе юго-западной Туркменіи состоитъ изъ сарыковъ и солоръ. Сарыки дѣлятся на отдѣленія: байраджъ, сукты, алаша, хорассалы и герзекъ. Дѣйствительной власти здѣсь тоже не существуетъ; ханы (какъ, напримѣръ, Сары-ханъ въ Іолъ-атанѣ) ничтожны, а въ важныхъ дѣлахъ собираются акъ-сакалы. Численность населенія, по словамъ самихъ сарыковъ, отъ 12 до 20 тысячъ кибитокъ, изъ коихъ одна треть въ Іолъ-отанѣ, а остальные главнымъ образомъ занимаютъ треугольникъ между Кушкомъ и Мургабомъ (Пенде) и также кочуютъ по рѣкамъ, впадающимъ въ Мургабъ. Въ Пенде, также какъ и въ Мервѣ, попадаются еврейскіе торговцы, воспитывающіе своихъ дѣтей въ Гератѣ. Нравы тѣ же, что и въ Мервѣ, но пендинцы наиболѣе кочевое племя. Построекъ у нихъ нѣтъ, старинныя укрѣпленія Кегне-Пенде и Таза-Пенде развалились, и сарыки живутъ открыто, по 20—100 кибитокъ въ селеніи; только въ Іолъ-отанѣ попадаются мазанки, какъ склады. Костюмъ сарыковъ отличается отъ мервскаго только преобладаніемъ синяго цвѣта. Главныя занятія — скотоводство и земледѣліе, и первое очень развито; пендинцы пасутъ свои стада даже въ Бадхызѣ, уплачивая афганцамъ за пастбище извѣстную плату. Многіе изъ нихъ имѣютъ до 1,000 прекрасныхъ барановъ въ стадѣ и до сотни верблюдовъ. Іолъ-отанцы гораздо бѣднѣе, и стадъ у нихъ мало. Кромѣ мѣстныхъ неудобствъ для устройства плотинъ, самая первобытная и неумѣлая канализація мѣшаетъ здѣсь правильному развитію земледѣлія; политическая неопредѣленность также не позволяетъ устроиться. Еще не такъ давно афганцы вытѣснили изъ Бала-Мургаба сарыковъ и посѣвы послѣднихъ перешли къ джемшидамъ. Іолъ-отанскій оазисъ шириною около 2 верстъ тянется отъ Казахлы почти до Мерва (60 верстъ), и надо полагать, что съ умиротвореніемъ края сарыки вообще спустятся внизъ по рѣкѣ.

Сарыки сѣютъ: пшеницу, джугару (сарго), немного ячменю, прекрасный рисъ, который вывозится въ Гератъ, Персію и Мервъ, кунджутъ и люцерну; попадаются въ незначительномъ количествѣ хлопокъ и огородныя овощи; садовъ нѣтъ.

Привозная торговля, вслѣдствіе отсутствія потребностей, ничтожна, и такая же какъ въ Мервѣ. Отпускъ состоитъ въ баранахъ, продаваемыхъ въ Бухару, въ лошадяхъ и верблюдахъ, идущихъ въ Гератъ; лѣсъ сплавляется въ Мервъ. Кромѣ того, сарыкскія женщины выдѣлываютъ ковры, кошмы и очень цѣнимую въ Персіи ткань изъ шерсти молодаго верблюда.

Главнымъ тормазомъ въ торговлѣ являлись постоянные грабежи на дорогѣ. Для охраненія каравана въ 100 верблюдовъ приходилось нанимать до 60 человѣкъ, съ платой каждому по 10 рублей до Чарджуя. Караваны эти шли въ Бухару отъ 7-ми до 12-ти дней. Базары въ Пенде бываютъ два раза въ недѣлю, причемъ мелкая торговля вся сосредоточена въ еврейскихъ лавочкахъ. Доходъ сарыковъ заключается въ пошлинѣ съ каравановъ, проходящихъ изъ Герата въ Бухару.

Солоры, по словамъ покойнаго Петрусевича, дѣлятся на три колѣна: кипчаги, дазарду-ходжа и караманъ-ялавагъ. Селенія ихъ сосредоточиваются близь Стараго Серахса въ количествѣ 3,000 кибитокъ; кромѣ того, до тысячи кибитокъ кочуетъ по Мургабу, между мервцами и сарыками; у Чарджуя ихъ имѣется 400 кибитокъ, 200 въ Маймене и близь Герата 100 домовъ.

Солоры бѣдны и живутъ въ камышевыхъ шалашахъ, стада малы, лошади и верблюды рѣдки; главное занятіе — земледѣліе; разбойничествомъ не занимаются уже давно.

Недавняя исторія передвиженій всѣхъ названныхъ племенъ заключается въ слѣдующемъ.

Съ конца прошлаго столѣтія до пятидесятыхъ годовъ, послѣ разрушенія Мерва эмиромъ Маасумомъ Бухарскимъ, Мервомъ владѣли сарыки; текинцы, тѣснимые персами съ Герируда, подъ начальствомъ Коушутъ-хана вытѣснили сарыковъ, и послѣдніе, послѣ двухлѣтней борьбы, поднялись вверхъ по Мургабу. Тамъ въ это время жили солоры, изгнанные сюда въ 1832 году Аббасомъ-мирзой изъ окрестностей Стараго Серахса; они оттѣснили въ афганскій Туркестанъ ерсарей и построили въ Пенде два укрѣпленія: Таза-Пенде и Кегне-Пенде. Подъ давленіемъ сарыковъ, злополучные солоры, раззоренные въ конецъ, откочевывали къ Зуръ-абаду на Герирудѣ и черезъ 12 лѣтъ получили позволеніе отъ персидскаго правительства опять селиться у Стараго Серахса, съ обязательствомъ защищать границу отъ сарыковъ. Послѣдніе въ отомщеніе дѣлали на солоровъ неоднократные набѣги. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ приключеній, солоры, сарыки и мервцы терпѣть не могутъ другъ друга и сходятся только въ общей ненависти къ Персіи. Во времена аламановъ, мервскія

шайки ходили къ Серахсу и сворачивали отсюда на Адамъ-Еланъ, Акъ-Рабатъ и Пенде; сарыки распространяли свои грабежи по Мургабу до бухарской дороги и тревожили восточные округа Персіи — Джамъ, Бахарзъ и Сеистанъ. По словамъ Аббота, джемшиды не смѣли селиться ниже Кара-Тепе на Кушкѣ и крайними афганскими селеніями считаются Кусанъ и Бала-мургабъ, гдѣ и теперь стоятъ развалины сторожевыхъ башенъ. Афганцы никогда въ туркменскія дѣла не вмѣшивались и даже Достъ-Магометъ-ханъ, покорившій Афганскій Туркестанъ въ 1850 году и Гератъ въ 1863 году, не возбуждалъ претензій на юго-западную Туркменію, признавая ее подъ протекторатомъ Медемія, хана хивинскаго.

Итакъ вотъ въ какомъ видѣ представляется вновь занятая нами страна и ея прошлая исторія. Прежде чѣмъ перейдти къ переговорамъ и событіямъ, возникшимъ вслѣдъ за присоединеніемъ Мерва и появленіемъ русскихъ въ юго-западной Туркменіи, считаемъ нелишнимъ сдѣлать краткій обзоръ Афганистана съ географической и исторической точки зрѣнія; страна эта является зоной, отдѣляющей русскія владѣнія отъ англійской Индіи, и можетъ сдѣлаться въ случаѣ безуспѣшности переговоровъ театромъ военныхъ дѣйствій.

VI.

Афганистанъ и его географическое положеніе.—Горы, рѣки, климатъ.—Производительность, промышленность и торговля.—Исторія и населеніе.—Абдурахманъ-ханъ [1]).

Современный Афганистанъ лежитъ между 61° и 75° восточной долготы и 37° и 29° сѣверной широты и граничитъ: на сѣверо-западѣ съ юго-западной Туркменіей, на сѣверѣ — Аму-дарья отдѣляетъ его отъ бухарскихъ владѣній, на западѣ съ Персіей, на югѣ съ Белуджистаномъ, на юго-востокѣ съ англійской Индіей и на востокѣ съ Кашмиромъ; на сѣверо-востокѣ граница неопредѣленно соприкасается съ китайскимъ Туркестаномъ и Памиромъ. Большая часть страны покрыта горами; хребетъ Гинду-Кушъ (высшія точки достигаютъ 18 тысячъ футъ высоты надъ у. м.) раздѣляетъ Афганистанъ на двѣ части: сѣверную и южную. Продолженіемъ Гинду-Куша на западѣ служитъ хребетъ Кухъ-и-Баба (достигаетъ 17 тысячъ футъ высоты надъ у. м.), отдѣляющій отъ себя второстепенные хребты, которые подъ разными наименованіями, съ перерывами, тянутся до Каспія. На югъ отъ главнаго хребта отдѣ-

---

[1]) При составленіи этой главы мы пользовались сочиненіемъ г—на Соболева «Англо-афганская распря», записками г. Гродекова объ Афганистанѣ, записками Феррье, исторіей Афганистана Маллесона, корреспонденціями англичанъ и британской энциклопедіей.

ляется также много горныхъ отроговъ, изъ коихъ Спинъ-Гуръ имѣетъ связь съ Солимановыми горами, составляющими часть границы Афганистана и Индіи. Изъ горныхъ проходовъ, соединяющихъ эти двѣ страны, замѣчательны Шутургорданскій (11 тысячъ футъ надъ уровнемъ моря), соединяющій долину р. Курама съ долиной р. Лагора; между Кандагаромъ и Кветтой — проходы: Болонскій, Гвайскій, Ходжакскій и другіе, соединяющіе долину р. Инда съ южнымъ Афганистаномъ. Наконецъ, слѣдуетъ назвать знаменитый Баміанскій проходъ черезъ Гинду-Кушъ, соединяющій Кабулъ съ главнымъ городомъ сѣвернаго Туркестана, Мазаръ-и-Шерифомъ. Изъ рѣкъ наиболѣе значительны: на сѣверѣ — Аму-дарья съ ея притоками; къ югу отъ Гинду-Куша — Кабулъ-дарья, впадающая въ Индъ и на западѣ — р. Гильмендъ, берущая начало въ томъ же хребтѣ и впадающая въ Сеистанское озеро (Зарре). Гильмендъ (древній Этимандеръ) имѣетъ болѣе 600 верстъ протяженія и пересѣкаетъ главную дорогу изъ Герата въ Кандагаръ около г. Гиришка; здѣсь она достигаетъ 400 саженъ ширины; глубина ея мѣняется въ зависимости отъ таянія снѣговъ. Назовемъ еще р. Курамъ, берущую начало близъ Шутургорданскаго перевала и орошающую на проженіи 350 верстъ Курамскую область.

Климатъ Афганистана вообще считается весьма здоровымъ, въ горныхъ долинахъ—умѣренный и жаркій только на низменностяхъ. Въ Кабулѣ, главномъ городѣ Афганистана, зимою бываетъ снѣгъ. Къ особенно знойнымъ мѣстамъ слѣдуетъ причислить низовье р. Гильменда. Характеръ и виды растительности въ странѣ зависятъ отъ относительнаго возвышенія надъ уровнемъ моря и отличаются значительнымъ разнообразіемъ. Особенно хороши кормовыя травы. Пшеница, кукуруза, ячмень, просо и джугара ростутъ повсемѣстно. Афганистанъ славится разнообразіемъ и высокимъ качествомъ своихъ фруктовъ; одного винограду насчитываютъ до 17 сортовъ, который въ Индіи продается по высокой цѣнѣ. Кромѣ того, здѣсь воздѣлывается табакъ, индійская конопля, хлопчатникъ, марена, масличныя растенія, тута, ревень и проч. Скотоводство составляетъ главное занятіе жителей. Кромѣ огромнаго количества овецъ и рогатаго скота, нѣкоторыя провинціи славятся своими лошадьми (Гератъ, Балхъ, Кундузъ), которыми, между прочимъ, ремонтируется афганская кавалерія. Минеральныя богатства мало изслѣдованы и мало разработываются. Мѣстное населеніе выдѣлываетъ нѣкоторыя шерстяныя и хлопчатобумажныя ткани. Торговля вслѣдствіе малыхъ потребностей развита мало. Внѣшняя торговля ведется съ Персіей, Бухарой и Индіей и производится караваннымъ способомъ; до 50 тысячъ верблюдовъ употребляются для грузовъ. Черезъ Афганистанъ проходитъ въ Индію транзитъ изъ Бухары и персидскій, связывающій Кавказъ и Малую Азію съ Индіей. Главный путь идетъ отъ Астрабада на Каспійскомъ морѣ на Мешхедъ

(533 версты), Гератъ (345 верстъ), Сэбзоръ (127 верстъ), Фаррахъ (120 верстъ), Ваширъ (120 верстъ), Гиришкъ (90 верстъ), Кандагаръ (113 верстъ), Кветта (221 верста), Шикарпуръ (313 верстъ),—итого 2,002 версты до р. Инда. Другой путь идетъ изъ Оренбурга, черезъ Киргизскія степи, въ Бухару, черезъ сѣверный Афганистанъ, Баміанскій проходъ, Кабулъ, въ Пешеваръ (конечная станція желѣзной дороги); всего 3,066 верстъ. Наконецъ, новый путь, создавшійся съ покореніемъ Ахалъ-Теке, отъ Михайловскаго залива на Каспійскомъ морѣ пролегаетъ черезъ текинскій оазисъ и Атекъ до Серахса, затѣмъ черезъ Гератъ на Ширкарпуръ — всего 2,041 верста. Если отсюда вычесть 210 верстъ желѣзной дороги до Сиби и 222 версты закаспійской, то путь этотъ сокращается до 1,609 верстъ.

При персидскихъ императорахъ нынѣшній Афганистанъ составлялъ сѣверо-восточную часть Хорассана. Въ Азіи названіе «Афганистанъ» рѣдко употребляется; страна состоитъ изъ многочисленныхъ областей и нѣкоторыя до сихъ поръ сохранили древнія названія. Афганцы начинаютъ упоминаться въ первый разъ въ исторіи съ VII вѣка до Р. X., когда они явились съ запада въ область Гхуръ (Гератъ).

Афганцы принадлежатъ къ семитическому племени и ведутъ свое происхожденіе отъ исчезнувшихъ десяти колѣнъ израильскихъ; хотя это и не доказано, но въ языкѣ ихъ попадаются еврейскія слова.

Черезъ Афганистанъ проходили всѣ великіе завоеватели, направлявшіеся въ Индію, почему въ населеніи и составилась поговорка, что «никто не можетъ быть государемъ въ Индіи, не ставши прежде владѣтелемъ Кабула». Александръ Македонскій, Махмудъ Газнійскій (1000—1021 г. по Р. X.), Могамедъ Горскій (1193 г.), Тамерланъ (1398 г.), султанъ Баберъ, основатель династіи Великихъ Моголовъ (1504—1526 г.), и, наконецъ, Надиръ-шахъ (1739 г.) — всѣ проходили черезъ Афганистанъ. При Баберѣ Афганистанъ входилъ какъ провинція въ составъ великой имперіи, простиравшейся отъ береговъ р. Аму до Ганга. Афганцы въ IX вѣкѣ владѣли сѣверо-восточною частью края, который переходилъ изъ рукъ въ руки. Въ XVIII столѣтіи послѣ смерти Надиръ-шаха, Афганистанъ отдѣлился отъ имперіи, и самостоятельнымъ государемъ былъ выбранъ одинъ изъ сардарей великаго полководца—Ахметъ-Абдулла, основатель Дуранійской династіи. Предѣлы Афганистана при этомъ государѣ простирались на сѣверѣ до Аму-Дарьи и на югѣ до устьевъ р. Инда и моря. Вслѣдъ за нимъ, начиная съ 1773 до 1823 года, въ странѣ, благодаря бездарности его преемниковъ и постояннымъ раздорамъ, часть владѣній отпала. Въ 1823 году, выдвинулся братъ гератскаго визиря — Достъ-Магометъ-ханъ. Онъ воспользовался неурядицами, овладѣлъ Кабуломъ и принялъ религіозное званіе

Медресе въ Коушутъ-Ханъ-Кала.

эмира; одинъ изъ его братьевъ управлялъ Кандагаромъ, а другой Гератомъ. Мечтая возстановить прежніе предѣлы Афганистана и вернуть Пешауэръ, Достъ-Магометъ-ханъ обратился къ генералъ-губернатору Индіи, лорду Оуклэнду, за содѣйствіемъ. Генералъ-губернаторъ не только ему не оказалъ просимаго содѣйствія, но, боясь русскаго вліянія, предложилъ кабульскій престолъ изгнанному Шаху-Шуя, а для поддержанія претендента, двинулъ черезъ Боланскій проходъ (1838—1839 г.) отрядъ англійскихъ войскъ. Экспедиція началась удачно, Достъ-Магометъ бѣжалъ, Шахъ-Шуя сѣлъ на престолъ, но ненадолго. Въ 1841 году, вспыхнуло страшное возстаніе; англійскій посолъ въ Кабулѣ, сэръ Бернсъ, былъ убитъ и командующій отрядомъ, лордъ Эльфинстонъ, отступилъ зимой съ 4,000 солдатъ и 12,000 рабочихъ, которые всѣ были перебиты на пути, и только одинъ докторъ Брайдонъ добрался до Джеллалабада. Уцѣлѣвшіе гарнизоны въ Афганистанѣ подъ начальствомъ генераловъ Потти и Сэля, получивъ отъ новаго генералъ-губернатора, лорда Эльнборо, подкрѣпленіе, предводимое генераломъ Поллокомъ, двинулись на Кабулъ, освободили плѣнныхъ, разграбили городъ и взорвали великолѣпный кабульскій базаръ. Затѣмъ Афганистанъ въ 1842 году былъ очищенъ, а въ слѣдующемъ году Достъ-Магометъ вновь сдѣлался эмиромъ. Во время войны съ сейками (1848—1856 г.), при лордѣ Донкузи, Достъ-Магометъ сдѣлалъ попытку овладѣть Пешауэромъ, но неудачно. Вскорѣ затѣмъ былъ заключенъ съ англійскимъ правительствомъ договоръ, которымъ эмиръ обязался не покушаться на страны, уже находящіяся въ зависимости отъ англичанъ, и Достъ-Магометъ обратилъ свои усилія на утвержденіе монархіи въ предѣлахъ Афганистана. При немъ была пріобрѣтена часть Афганскаго Туркестана, уничтожена самостоятельность Кандагара и отнятъ у персовъ Гератъ. Такимъ образомъ, его наслѣднику Ширъ-Али-хану Афганистанъ перешелъ уже объединеннымъ. Братъ Ширъ-Али-хана, Афзулъ-ханъ, возсталъ противъ новаго эмира, но былъ побѣжденъ (1864 г.), а сынъ его, Абдурахманъ-ханъ, бѣжалъ въ Бухару. Вслѣдъ затѣмъ слѣдующій братъ Ширъ-Али, Азимъ-ханъ, поднялъ знамя междоусобной войны, въ которой опять принялъ участіе Абдурахманъ-ханъ. Втеченіе 1867—1868 годовъ Кабуломъ владѣли попеременно Афзулъ и Азимъ-ханы, пока послѣдняго не прогналъ сынъ эмира, Якубъ-ханъ, водворившій своего отца на престолѣ. Абдурахманъ опять бѣжалъ въ Мешхедъ и черезъ Бухару пробрался (1868 г.) въ русскій Туркестанъ, гдѣ и оставался до осени 1879 года. Ширъ-Али-ханъ соединилъ подъ общей властью всѣ земли своего отца. Отношенія его къ англійскому правительству, съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе обострялись и, наконецъ, кончились войной 1879 года. Первоначальными причинами разрыва были: 1) отказъ вице-короля, лорда Майо, признать его младшаго сына, Абдулъ-Джана, наслѣдникомъ (Ширъ-

Али-ханъ не любилъ своего старшаго сына Якубъ-хана, бывшаго правителемъ Герата, не смотря на оказанныя имъ услуги; Якубъ-ханъ, раздраженный неоправедливостью отца, отдѣлился отъ Кабула, тогда Ширъ-Али-ханъ, выждавъ нѣсколько лѣтъ, пригласилъ Якубъ-хана въ Кабулъ и засадилъ въ тюрьму); 2) въ 1871 году, когда возникъ вопросъ о разграниченіи съ Персіей, Англія вмѣшавшись въ качествѣ третейскаго судьи, вынудила эмира передать часть Сеистана Персіи, что̀ конечно, не понравилось эмиру; 3) въ 1875 году, англичане заняли Келатъ съ Болансвимъ проходомъ и объявили Белуджистанъ подъ протекторатомъ Англіи, тогда какъ Ширъ-Али-ханъ считалъ эту страну въ области своего вліянія.

Въ 1879 году, пріемъ генерала Столѣтова въ Кабулѣ и отказъ въ томъ же остъ-индскому правительству повели къ окончательному разрыву. Англійскіе отряды сначала побѣдоносно двинулись въ Афганистанъ; Ширъ-Али бѣжалъ въ Мазаръ-и-Шерифъ и умеръ на нашей границѣ. По Гандамакскому миру, заключенному съ новымъ эмиромъ Якубъ-ханомъ, англичане пріобрѣли западные выходы изъ горныхъ проходовъ и право содержать своего резидента въ Кабулѣ. Но населеніе, недовольное присутствіемъ англичанъ, возстало, резидентъ Каваньяри былъ убитъ со всею свитою, и англичанамъ пришлось снова занимать Кабулъ и вести войну. Война эта (1880 — 1881 гг.) велась съ весьма сомнительнымъ успѣхомъ. Въ августѣ 1880 года, кандагарскій отрядъ былъ разбитъ гератскими войсками подъ начальствомъ Эюбъ-хана у Майвенда и былъ выручень генераломъ Робертсомъ, который форсированнымъ маршемъ двинулся изъ Кабула къ Кандагару и здѣсь 1-го сентября нанесъ Эюбъ-хану пораженіе. Тѣмъ не менѣе, страна была въ полномъ возстаніи, и англичане, тревожимые со всѣхъ сторонъ, были выведены изъ неудобнаго положенія новымъ претендентомъ на престолъ Абдурахманъ-ханомъ, еще въ концѣ 1879 года появившимся въ афганскомъ Туркестанѣ и провозглашеннымъ тамъ эмиромъ. Война кончилась, какъ извѣстно, признаніемъ англичанами Абдурахманъ-хана эмиромъ Афганистана, очищеніемъ всей страны и даже Кандагара, въ 1881 году.

Новый эмиръ — Абдурахманъ-ханъ родился въ 1844 году. Родственныя отношенія его къ двумъ послѣднимъ эмирамъ видны изъ слѣдующей таблицы:

Уже 12-ти лѣтъ Абдурахманъ-ханъ принималъ дѣятельное участіе въ политикѣ и переворотахъ своей родины. По отзывамъ лицъ, его знавшихъ, это—человѣкъ храбрый, рѣшительный, обладающій проницательностью и умомъ. Въ сношеніяхъ съ Англіей и Россіей онъ понатерся и выучился хитрить. Образованіе его ничтожно, хотя онъ вынесъ кое-что изъ продолжительнаго пребыванія своего въ Ташкентѣ; говорятъ, умѣетъ читать карту; это уже много. Онъ не изнѣженъ и до сихъ поръ, какъ кажется, пользуется довѣріемъ своего пылкаго народа.

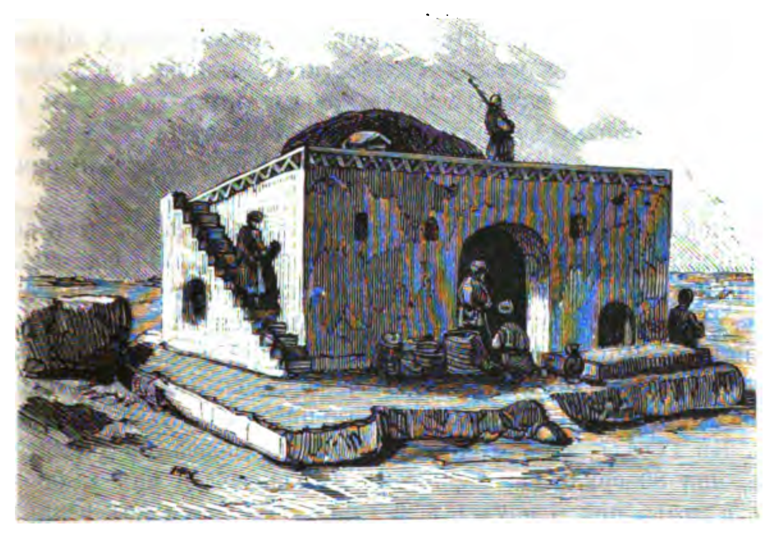
VII.

Народонаселеніе Афганистана. — Афганскій Туркестанъ. — Гератъ.

Численность всего народонаселенія Афганистана приблизительно считаютъ въ 6 милліоновъ душъ. Изъ нихъ афганскія племена составляютъ: дурани, юсуфаи, гильзаи, ашакзаи, нурзаи, кокоръ, афридіи и другіе хейберскія племена, племена долины Курама, Солимановыхъ горъ и кочевые—всего около $3^1/_2$ милліоновъ человѣкъ; $1^1/_2$ милліона приходится на долю белуджей, таджиковъ, персовъ, хазарейцовъ, кифировъ, джатъ, индійцевъ, евреевъ, армянъ; узбеки, числомъ около 1 милліона, занимаютъ афганскій Туркестанъ. Религія—мусульманская, суннитскаго толка.

Какъ видно изъ этого, населеніе Афганистана крайне разнообразно. Такъ, напримѣръ, въ западной его части, или Гератской области, афганскій элементъ заключаетъ въ себѣ значительную примѣсь персидскаго, а также туранскаго. Гористая страна, простирающаяся отъ Пешауэра къ Дара-Измаилъ-хану, вдоль долины Инда населена воинственными племенами, въ дѣйствительности мало зависимыми отъ эмира. Эти племена ведутъ, по всей вѣроятности, и теперь еще ту же первобытную, дикую жизнь, какую вели, когда Александръ Македонскій появился на Аттокѣ. Цивилизація снабдила ихъ порохомъ и ружьями, но этимъ и ограничилось ея вліяніе на нихъ. «Эта страна принадлежитъ намъ»,— говорятъ афридіи. Англійское правительство находило выгоднымъ для себя поддерживать это стремленіе къ независимости, и даже уплачиваетъ имъ небольшую субсидію, за что они, съ своей стороны, обязались охранять горные проходы и границу отъ разбойниковъ. Политика эта принесла свои плоды. Нѣкоторыя изъ племенъ заселили узкую полосу земли, лежащую между Индомъ и восточной границей Афганистана, т. е. Солимановы горы. Изъ нихъ индійское правительство набираетъ лучшихъ своихъ солдатъ для бенгальской кавалеріи. Какой независимостью пользуются эти племена по отношенію къ афганскимъ эмирамъ, видно изъ того, что Достъ-Магометъ, въ 1857 году проѣзжая изъ Кабула въ Пе-

шауэръ черезъ Хайберскій проходъ, вынужденъ былъ уплатить дань своимъ же собственнымъ подданнымъ, хотя и номинальнымъ. Афганцы, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, населяютъ большую часть территоріи къ востоку отъ Хайберскаго прохода къ Джеллалабаду, Кабулу, Баміану и далѣе къ югу до Газни. Центральную и сѣверную часть Афганистана населяютъ хазары, отличающіеся нѣсколько отъ настоящихъ афганцевъ. Но рѣзче всего отличаются отъ послѣднихъ народности, обитающія въ ханствахъ, расположенныхъ поясомъ на сѣверъ отъ Афганистана. Къ сѣверу отъ горныхъ хребтовъ Гинду-Куша и Парапамиза, вплоть до рѣки Аму-Дарьи тянется страна, извѣстная у афганцевъ подъ названіемъ Чаръ-вилайета, составляющая почти одну треть всего

Домъ въ Мервѣ.

Афганистана и населеніе которой хотя и платитъ дань Кабулу, но на самомъ дѣлѣ составляетъ одну изъ вѣтвей туркменскаго племени, преобладающимъ элементомъ котораго являются узбеки. Страна эта раздѣлена на небольшія ханства: Меймене, Саръ-и-пуль, Шибарханъ, Акча, Андхой, Балхъ, Гурзиванъ, Дарзабъ, Кундузъ и Бадахшанъ. Нѣкоторыя изъ этихъ ханствъ еще не такъ давно утратили свою независимость; такъ, напримѣръ, Меймене покоренъ въ 1875 году. «Изъ этого видно,—говоритъ г. Гродековъ въ своихъ запискахъ объ Афганистанѣ,—что афганцы въ Туркестанѣ суть пришлые завоеватели и что афганскій Туркестанъ покоренъ на нашихъ глазахъ». Хотя съ приходомъ афганцевъ въ странѣ водворился относительный порядокъ, но узбеки сразу почувствовали на себѣ тяжелую руку завоевателей; считая узбековъ женоподобными, неспо-

собными къ войнѣ, афганцы, взамѣнъ военной службы, обложили ихъ тяжелыми налогами. Узбеку закрытъ путь къ повышенію и власти и обращеніе съ ними побѣдителей высокомѣрное. Изъ всѣхъ эмировъ наибольшею популярностью пользуется между узбеками Абдурахманъ-ханъ.

Изъ главныхъ городовъ Афганистана слѣдуетъ указать на столицу его Кабулъ, Кандагаръ, Гератъ и главный городъ Чаръ-вилайета—Мазаръ-и-Шерифъ. Число жителей въ первыхъ трехъ отъ 50,000 человѣкъ до 60,000, а въ послѣднемъ около 30,000. Укрѣпленія въ странѣ многочисленны, но всѣ азіатскаго типа; наиболѣе укрѣплены упомянутые выше города и, кромѣ того, Меймене.

Что касается вооруженныхъ силъ страны, то хотя эмиръ и имѣетъ регулярныя войска, но въ нихъ отсутствуетъ настоящая дисциплина, система въ обученіи, и оружіе содержится неисправно.

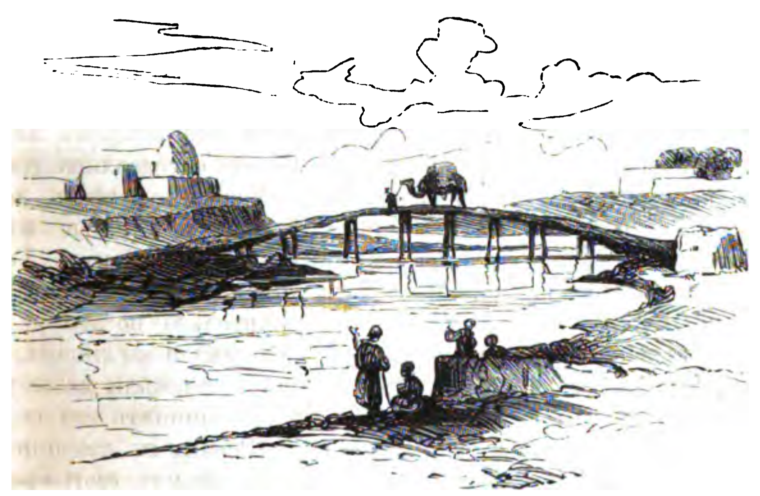
Самой симпатичной чертой національнаго характера афганцевъ является ихъ любовь къ независимости. И если бы ихъ любовь къ порядку равнялась ихъ храбрости, то изъ нихъ можно бы выработать прекрасныхъ солдатъ. Афганцы становятся страшны, какъ партизаны, предводимые не сардарями эмира, а своими любимыми, народными вождями.

По послѣднимъ англійскимъ источникамъ, численность афганской арміи простирается до 61,000 человѣкъ. Армія состоитъ изъ 45,000 человѣкъ пѣхоты и 16,000 человѣкъ кавалеріи, при 220 орудіяхъ. Эти вооруженныя силы подраздѣляются на четыре корпуса, изъ нихъ самый многочисленный, состоящій приблизительно изъ 26,000 человѣкъ, при 100 орудіяхъ, расположенъ въ среднихъ областяхъ Афганистана и занимаетъ гарнизоны въ Кабулѣ и Кандагарѣ. Въ Гератѣ, въ его окрестностяхъ, расположено 17,000 человѣкъ, при 80 орудіяхъ; гарнизонъ Джеллалабада изъ 1,800 человѣкъ пѣхоты, при 6 орудіяхъ, а гарнизонъ Газни изъ 1,600 человѣкъ, тоже при 6 орудіяхъ. Въ Маймене, Балхѣ, Сарыпулѣ, Бадахшанѣ, Кундузѣ и Ваханѣ находится въ совокупности около 5,000 человѣкъ, при 24 орудіяхъ. Судя по этимъ даннымъ, со времени Ширъ-Али численность афганской арміи увеличилась почти на 17,000 человѣкъ.

Въ добавленіе къ этому бѣглому очерку Афганистана, мы остановимся еще отдѣльно на Гератской провинціи, въ предѣлы которой, быть можетъ, намъ придется вступить.

Гератская область граничитъ на сѣверѣ съ оазисами туркменскихъ племенъ, принявшихъ подданство Россіи, на востокѣ — съ Афганистаномъ, на югѣ съ Сеистаномъ, афганскимъ и персидскимъ, на западѣ съ Персіей. Гератская область прорѣзывается верхнимъ теченіемъ рѣки Герируда, сперва въ направленіи съ востока на сѣверо-западъ; у Кусана рѣка поворачиваетъ на сѣверъ, по направленію къ нашимъ туркменскимъ владѣніямъ. Климатъ Герата до-

вольно умѣренный для средне-азіатскихъ областей и пріятный; лѣтній зной умѣряется западными вѣтрами, дующими въ это время года; зимою температура падаетъ иногда на нѣсколько градусовъ ниже нуля, но такой холодъ продолжается всего нѣсколько дней; снѣгъ лежитъ не больше двухъ недѣль. Весна и осень самыя пріятныя времена года. Главными рѣками въ странѣ населеніе усердно пользуется для орошеній; по словамъ Ханыкова, нигдѣ, во всей Средней Азіи, каналы не устроены такъ искусно и не поддерживаются такъ хорошо, какъ въ окрестностяхъ города Герата. Плодородіе области вошло въ пословицу; южные плоды разнаго рода произростаютъ въ изобиліи, хотя послѣ бѣдственныхъ войнъ, раззорявшихъ страну

Мостъ черезъ рѣку Мургабъ и гробница Кара-Ишана.

за послѣднее столѣтіе, много поселеній опустѣло, ожидая новыхъ колонизаторовъ.

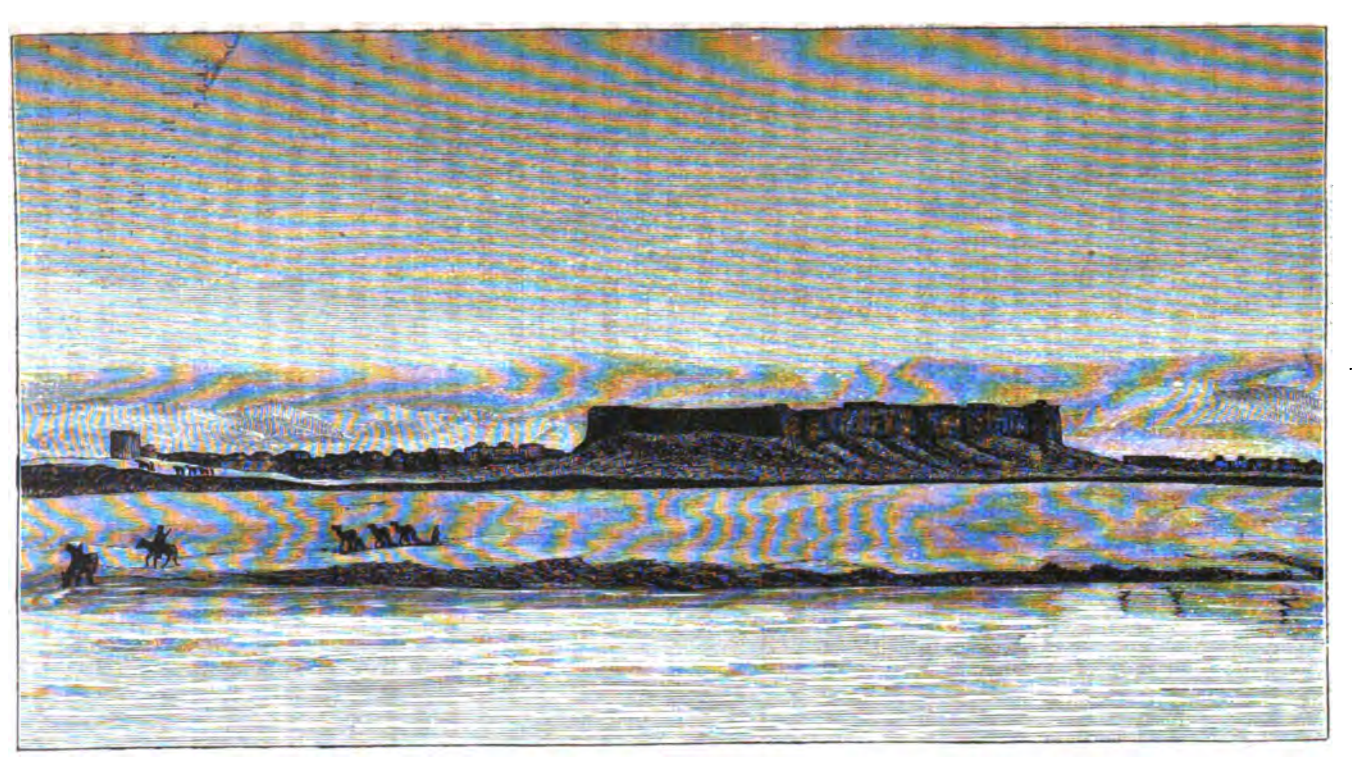
Городъ Гератъ, столица области и мѣстопребываніе властей, лежитъ въ прекрасной, плодородной долинѣ Герируда, на правомъ берегу рѣки, съ которою онъ соединенъ акведуками. Городъ образуетъ продолговатый четырехугольникъ, окруженный, по словамъ г. Гродекова, кирпичною стѣною, около 4-хъ сажень высоты, впереди стѣны неглубокій ровъ, наполненный водою. У самаго контръэскарпа стоятъ дома, входящіе въ составъ города; отдѣльныхъ укрѣпленій внѣ города нѣтъ. Кромѣ общей крѣпостной стѣны есть цитадель Чахаръ-бахъ, построенная на искусственной насыпи; стѣны ея имѣютъ 4 сажени высоты. Впереди стѣны — глубокій водяной ровъ, въ которомъ ростетъ камышъ. Въ городъ ведутъ шесть воротъ, защищенныхъ кирпичными башнями. Всѣ эти верки и стѣны не могли бы оказать значительнаго сопротивленія европейскому войску, тѣмъ болѣе, что на сѣверо-востокѣ отъ го-

рода лежатъ двѣ высоты у Талебенди и Масулла, командующія надъ нимъ. Жителей насчитывается до 50,000. Главная дорога ведетъ съ сѣверо-востока къ южнымъ воротамъ; здѣсь сосредоточивается торговля, здѣсь расположены базары и караванъ-сараи. Въ остальной своей части городъ Гератъ образуетъ лабиринтъ узкихъ, грязныхъ переулковъ, съ маленькими домами. Старый дворецъ представляетъ также довольно жалкое зрѣлище, большая мечеть въ запущеніи. Зданія, сохранившіяся отъ временъ процвѣтанія Герата, пришли въ разрушеніе; многія совершенно исчезли. Въ окрестностяхъ города развалины напоминаютъ о прежнемъ великолѣпіи. Но, всетаки, персіяне называютъ Гератъ «жемчужиной міра». Главныя отрасли промышленности—изготовленіе оружія, бумажныхъ тканей, шелковыхъ и шерстяныхъ ковровъ, суконъ; но теперь эта промышленность стала приходить въ упадокъ, съ тѣхъ поръ, какъ европейскія сукна и хлопчато-бумажныя матеріи вытѣснили мѣстное производство въ Тегеранѣ, мѣстѣ сбыта для товаровъ изъ Герата. Торговое и политическое значеніе Герата обусловливается благопріятнымъ центральнымъ положеніемъ между русскими, афганскими и персидскими владѣніями. Англичане и мѣстные жители считаютъ Гератъ ключемъ Афганистана и Индіи. Черезъ Гератъ направлялись всѣ завоеватели по пути въ Индію; до сихъ поръ вся караванная торговля происходитъ исключительно по этому пути, чѣмъ и объясняются усилія, какъ персіянъ, такъ и англичанъ, овладѣть Гератомъ. Англичане въ 1856 году предприняли даже войну съ Персіей, съ цѣлью захватить Гератъ и подчинить его себѣ въ качествѣ вассальнаго владѣнія. Гератъ, — Герава въ старо-персидскихъ памятникахъ письменности, Арія у древнихъ географовъ,— былъ взятъ арабами въ VII вѣкѣ при завоеваніи Персіи и вмѣстѣ со всѣмъ Хорассаномъ подчиненъ халифату. Затѣмъ до самаго послѣдняго времени, какъ это видно отчасти изъ приведенной выше краткой исторіи Афганистана, Гератъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Послѣднее время Гератомъ правилъ независимо Эюбъ-ханъ. Только по восшествіи на кабульскій престолъ Абдурахмана, Эюбъ вынужденъ былъ бѣжать въ Персію, и афганскій ханъ поставилъ въ Гератѣ своего губернатора, чѣмъ гератцы недовольны, такъ какъ не желаютъ быть въ подчиненности ни у Кабула, ни у Персіи, ни у англичанъ.

VIII.

Соглашеніе 1870—1873 годовъ.—Пограничная коммиссія.—Вооруженіе Англіи.—Дурбаръ въ Равуль-Пиндѣ. — Битва при Кушкѣ.

7-го марта прошлаго года, іолъ-отанцы написали прошеніе о принятіи нашего подданства; пендинцы, вслѣдствіе близкаго сосѣдства афганцевъ, хотя и желали того же самаго, но не рѣшались послать

Селеніе и укрѣпленіе Бала-Мургабъ.

представителей, боясь близкаго сосѣдства афганцевъ. Занятіе Мерва и появленіе русскихъ въ юго-западной Туркменіи вызвало въ лондонскомъ географическомъ Обществѣ рядъ оживленныхъ засѣданій. Обращая вниманіе Общества на послѣднее путешествіе г. Лессара, сэръ Генри Раулинсонъ заявилъ въ своей рѣчи, что по показанію Лессара и Непира, тайно посѣтившаго страну, горы, преграждающія доступы къ Герату съ сѣвера, совершенно не оправдываютъ существовавшихъ предположеній; высота ихъ во многихъ мѣстахъ не превосходитъ 1,000 футовъ надъ уровнемъ моря, что при пологихъ скатахъ не представляетъ препятствій для какихъ либо движеній. Такимъ образомъ, англичане могутъ потерять свое исключительное преимущество — «не имѣть границъ». Нѣкоторые изъ членовъ Общества, какъ, напримѣръ, Генри Норманъ, не раздѣляли этихъ опасеній и утверждали, что о Гератѣ заботиться нечего и лучше ждать русскихъ на Индѣ; это мнѣніе раздѣлялось и многими военными въ Англіи.

Вскорѣ послѣ занятія Мерва, англійскимъ правительствомъ былъ возобновленъ вопросъ о договорѣ 1870—1873 года; движеніе же наше въ юго-западную Туркменію вызвало настоятельныя предложенія о разграниченіи. По соглашенію 1873 года между Англіей и Россіей, при посредничествѣ лорда Кларендона и позднѣе графа Грэнвилля со стороны первой и князя Горчакова — со стороны послѣдней, независимыя туркменскія племена вошли въ сферу дѣйствія Россіи; такъ какъ Гератъ былъ частью Афганистана, то въ силу того же соглашенія онъ былъ объявленъ внѣ сферы нашего вліянія. Дѣйствительность этого подтверждается рядомъ документовъ и дѣйствій, относящихся къ тому времени. 11-го іюня 1883 года, вице-король Индіи предлагалъ эмиру ежегодную субсидію для защиты сѣверо-западной границы; послѣдствіемъ этого было усиленіе войскъ въ Чаръ-вилайетѣ и окончательное покореніе Маймене, на границѣ юго-западной Туркменіи; но мѣры, принимаемыя афганцами въ настоящемъ году для овладѣнія Кушкомъ и Мургабомъ, уже противорѣчатъ сущности соглашенія. Въ нотѣ Грэнвилля 1873 года говорится, что къ Афганистану отходятъ ханства Афганскаго Туркестана съ ихъ осѣдлымъ населеніемъ («пустыни, лежащія за нимъ, принадлежатъ независимымъ туркменскимъ племенамъ»); такимъ образомъ, степи отъ Ходжа-Сале до рѣки Мургаба должны ограничиться осѣдлыми поселеніями ханствъ; въ нотѣ даже не оговорено, могутъ ли алилинцы и кара-туркмены, «кочующіе» въ Андхоѣ и Шибирханѣ, уйдти въ Туркменію? Въ 1883 году, эмиръ Абдурахманъ-ханъ, получивъ подтвержденіе ноты Гренвилля отъ вице-короля, изъявилъ согласіе и просилъ прислать ему карту мѣстности, о которой идетъ рѣчь. Настоящіе переговоры были начаты англичанами съ цѣлью уяснить нѣкоторыя дополнительныя подробности по этому предмету. Русское правительство, основываясь на указанныхъ данныхъ, зая-

вило, что пограничная линія, раздѣляющая Афганистанъ и русскую территорію, идетъ отъ рѣки Герируда нѣсколько къ югу отъ Зюльфагара и, поворачивая къ востоку, перерѣзываетъ Хаманъ-и-Бидъ до рѣки Кушка; отсюда эта линія по сѣверо-восточному направленію идетъ на нѣсколько верстъ къ югу отъ Пендэ, оставляя Бала-Мургабъ въ территоріи Афганистана. Изъ Пендэ почти прямая линія идетъ на сѣверо-востокъ до Ходжа-Сале на Аму-Дарьѣ.

Въ этомъ случаѣ мы, очевидно, преслѣдовали этнографическую и въ то же время естественную границу для нашихъ новыхъ подданныхъ; подчиняя себѣ сарыковъ, мы должны были сохранить и ихъ поля, и пастбища, и всякая граница сѣвернѣе Борхутскихъ горъ являлась искусственной.

Не смотря, однако, на то, что Россія въ своихъ дѣйствіяхъ не вышла изъ предѣловъ соглашенія, англичане, не ожидавшіе такого быстраго приближенія Россіи къ Герату, придали этому наступленію угрожающее значеніе, и лондонская печать забила тревогу. Остъ-индское правительство, постоянно опасаясь за спокойствіе въ Индіи, первое вошло съ представленіемъ о скорѣйшемъ установленіи границъ на сѣверо-западѣ.

Прошлымъ лѣтомъ Россіей было изъявлено согласіе на посылку англо-русской разграничительной коммиссіи, но, въ виду возможныхъ затрудненій на мѣстѣ, наше правительство изъявило желаніе опредѣлить сначала ту пограничную зону, въ предѣлахъ которой коммиссія могла быть уполномочена дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Въ послѣднемъ смыслѣ съ Лондономъ завязались переговоры. Англія упорно не соглашалась на проектированную нами границу и, по слухамъ, отстаивала сначала линію Серахсъ-Іолъотанъ, а затѣмъ Пуль-и-Хатунъ-Сары-Язы. Вице-король Индіи, лордъ Дюфферинъ, поспѣшилъ высылкою «конвоя» для прикрытія англійскаго отдѣла. Начальникомъ его былъ назначенъ генералъ-маіоръ П. Лемсденъ, а подъ-делегатами — г. Стивенъ, второй секретарь посольства въ Тегеранѣ, Стюартъ—полковникъ 5-го Пенджабскаго пѣхотнаго полка, уже посѣщавшій секретно юго-западную Туркменію въ 1880 году и бывшій агентомъ въ Хорассанѣ, и подполковникъ Риджуэ, тоже знакомый съ Азіей; сверхъ того, до 28-ми лицъ разныхъ спеціальностей; въ составъ прикрывающаго отряда вошло 465 сипаевъ, 554 человѣка нестроевыхъ при 1,276 верблюдахъ и 774 лошадяхъ. Отрядъ велъ подполковникъ Риджуэ, а сэръ Лемсденъ на мѣсто проѣхалъ черезъ Кавказъ и Персію (囘囘囘Рештъ, Тегеранъ, Мешхедъ и Серахсъ). Генералъ Лемсденъ нашелъ въ Старомъ Серахсѣ небольшой русскій отрядъ подъ начальствомъ генерала Комарова и казачій постъ на переправѣ Пуль-и-Хатунѣ; недалеко отъ Кусана онъ былъ встрѣченъ губернаторомъ Герата и полк. Риджуэ. Отрядъ Риджуэ, вслѣдствіе опасенія афганцевъ, предпочелъ большой дорогѣ на Гератъ окольную и болѣе пустын-

ную: изъ Кушка въ Белуджистанъ (около Кветты), на Хаджи-Али на рѣкѣ Гельмондѣ и потомъ черезъ Афганскій Сеистанъ, на сѣверъ къ Герату, обходя населенныя мѣста и большія дороги (1.000 верстъ). При этомъ, по отзывамъ самихъ корреспондентовъ англійскихъ газетъ, находившихся при отрядѣ, афганцы вездѣ высказывали свое неудовольствіе и нерасположеніе къ англичанамъ. 1-го декабря 1884 года, сэръ Лемсденъ и Риджуэ стали въ Бала-Мургабѣ.

Съ нашей стороны, делегатомъ былъ назначенъ бывшій военный агентъ въ Константинополѣ, генералъ-маіоръ Зеленый, а подъ-делегатами — инженеръ путей сообщенія Лессаръ, полковникъ Кульбергъ (геодезистъ), генеральный консулъ въ Тавризѣ—г. Петровъ и нѣсколько ученыхъ и топографовъ. Коммиссіи этой, однако, до сихъ поръ не суждено было выѣхать. Переговоры затянулись, и одинъ изъ делегатовъ, г. Лессаръ, былъ въ концѣ декабря посланъ въ Лондонъ, въ распоряженіе нашаго посла г. Стааля.

Въ то же время поведеніе остъ-индскаго правительства по отношенію къ намъ все болѣе и болѣе принимало характера враждебный. Уже самый конвой Лемсдена, слишкомъ значительный для своей цѣли, придавалъ делегаціи далеко не мирный видъ и импонировалъ на населеніе Герата. Прибывъ слишкомъ заблаговременно, сэръ Лемсденъ производилъ безпрерывныя рекогносцировки въ юго-западной Туркменіи, сыпалъ англійское золото сарыкамъ, старался утопить въ привезенномъ изъ Индіи винѣ благоразуміе гератскихъ властей и его непосредственному вліянію слѣдуетъ приписать возростаніе численности афганскихъ войскъ въ окрестностяхъ Бала-Мургаба и, наконецъ, занятіе ими Пендэ. Такія дѣйствія требовали съ нашей стороны безостановочнаго движенія вверхъ по Мургабу и по Герируду. Сарыкамъ надо было показать, что мы здѣсь и что разъ они желаютъ быть русскими подданными, то подъ сѣнью русскихъ знаменъ они всегда и при всякихъ обстоятельствахъ найдутъ вѣрное убѣжище и защиту. Движеніе это, однако, не имѣло угрожающаго характера; оно основывалось на правѣ и было только послѣдствіемъ нашего твердаго желанія стать на Борхутскихъ возвышенностяхъ; наконецъ, это движеніе было нашею обязанностью, потому что права и притязанія всегда съ нею связаны.

Съ другой стороны, съ самаго начала было очевидно, что коммиссія въ тѣхъ обширныхъ размѣрахъ, въ какихъ она была затѣяна англичанами, была безполезною тратою времени и денегъ для обѣихъ сторонъ. Для насъ она была безполезна, такъ какъ нами уже была намѣчена этнографическая граница, отъ которой мы не могли отступиться, такъ какъ ея нарушеніе повлекло бы только за собой нарушеніе цѣлости Туркменіи и усложненія съ Афганистаномъ. Эту идею проводитъ даже заклятый руссофобъ, Вамбери («The Na-

Эмиръ афганскій Абдурахманъ-ханъ.

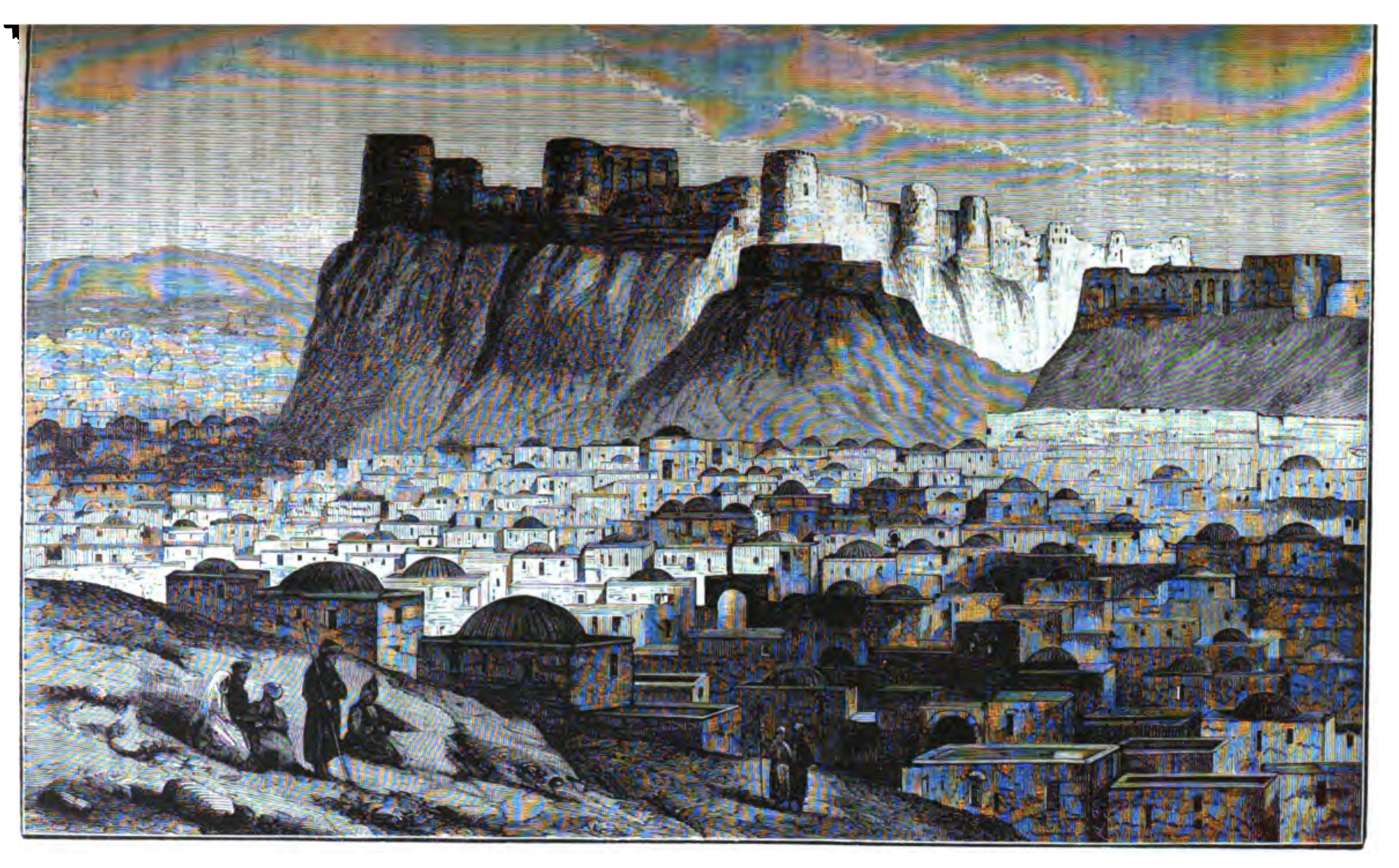
tional Revieu», № 21), воспользовавшійся случаемъ, чтобы возбудить дремлющее недовѣріе англійскаго общества. Нападая на якобы ошибки и промахи министерства Гладстона, Вамбери говоритъ, что теперь ничего болѣе не остается, какъ принять въ будущемъ за границу Афганистана указанные нами предѣлы. «Нужно быть очень пылкимъ, — говоритъ онъ, — чтобы вообразить, что Россія вдругъ обречетъ себя на уступку въ спорѣ, на который потрачено столько времени и силъ...», и при этомъ прибавляетъ, что можно еще было бы надѣяться поправить дѣло, если бы «на границѣ были оставлены англійскіе гарнизоны...» (?). Большинство заграничныхъ газетъ, даже «Pesther Lloyd», оффиціальный органъ венгерскаго правительства, признавали наши притязанія справедливыми и необходимость Россіи обезпечить себя въ Средней Азіи.

По мнѣнію Вамбери, Гератъ хотя, быть можетъ, не ключъ къ Индіи, но ключъ къ Афганистану. Это безпокойство за судьбу Герата и вызвало, главнымъ образомъ, англійскую коммиссію.

Считая войну какъ бы уже рѣшенною, остъ-индское правительство, въ лицѣ сэра Лемсдена, совершенно оставивъ въ сторонѣ свою мирную миссію, занималось поселеніемъ смутъ и оказывало давленіе на гератскаго правителя, уговаривая его укрѣплять городъ (для этой цѣли даже прибыли инженеры—маіоръ Никольсонъ и капитанъ Дей) и, кромѣ того, занять Пендэ. Перейдя, 11-го февраля, съ главнымъ лагеремъ въ Горіанъ и какъ бы умывая руки въ томъ, что могло произойдти, Лемсденъ оставилъ нѣсколько офицеровъ, съ капитаномъ Іэтомъ во главѣ, въ ставкѣ афганскаго сардаря. Пребываніе ихъ уже само по себѣ было враждебнымъ дѣйствіемъ противъ Россіи.

Занятіе Пуль-и-Хатуна и Сары-Язы нашими войсками, въ связи съ биржевыми слухами о взятіи Герата, вызвали въ Лондонѣ взрывъ неудовольствія и панику на биржѣ. Въ половинѣ февраля, консервативная партія, поддерживаемая сенсаціонными газетными статьями и вымыслами, открыла кампанію противъ Гладстона. Газеты, въ вызывающей формѣ, возбуждали англичанъ противъ Россіи; г. Марвинъ на публичной лекціи, 22-го февраля, позволилъ себѣ, по словамъ корреспондента «Новаго Времени», отозваться весьма неделикатно о нашемъ министрѣ иностранныхъ дѣлъ. Съ 5-го марта начинаются оживленныя пренія въ парламентѣ, а 15-го марта королева Великобританіи обратилась къ парламенту съ посланіемъ о созывѣ 70-ти тысячъ резервистовъ 1-го и 2-го разряда; въ то же время началось быстрое вооруженіе флота.

Между тѣмъ афганскій эмиръ получилъ отъ вице-короля Индіи приглашеніе на свиданіе. Свиданіе это было назначено недалеко отъ Пешавера, на желѣзной дорогѣ, въ Равуль-Пиндѣ. Цѣлью дурбара было заручиться расположеніемъ эмира и его сановниковъ, вы-

Видъ Герата и его цитадели.

нудить согласіе на пропускъ войскъ черезъ афганскіе предѣлы и кстати мобилизовать войска.

9-го марта, оба правителя встрѣтились въ Равуль-Пиндѣ. «Эмира сопровождалъ,—по разсказу корреспондента «Daily News»,—главнокомандующій его арміей, съ блестящей свитой, составлявшей довольно оригинальный контрастъ съ полудикой кавалеріей узбековъ, составлявшихъ его конвой, одѣтыхъ въ грубые овчиные тулупы, мерлушковыя шапки, высокіе русскіе сапоги и вооруженныхъ карабинами, револьверами, саблями и кинжалами. Ихъ гордая осанка, удаль и посадка напоминала казаковъ. Сопровождающая эмира пѣхота довольно сносно дисциплинирована и вооружена ружьями Мартини, снабженными штыками. Войска эмира не обнаружили ни малѣйшаго смущенія при видѣ почетнаго конвоя вице-короля. Эмиръ въ день пріѣзда страдалъ припадкомъ подагры, но, не смотря на это, былъ въ хорошемъ расположеніи духа и доволенъ какъ своимъ путешествіемъ, такъ и окружающимъ его новымъ зрѣлищемъ. Онъ тщательно отмѣчалъ въ своей записной книжкѣ каждый британскій полкъ, стоявшій шпалерами вдоль пути, по которому онъ ѣхалъ. Онъ обратилъ спеціальное вниманіе на волонтеровъ, которые, какъ ему разъяснили, набираются изъ гражданъ и служатъ въ арміи безвозмездно. Церемонія пріема не походила на обыкновенный парадъ; скорѣе, это была армія, находящаяся на полѣ сраженія и принимающая высокопоставленное лицо изъ противнаго лагеря. Не было другаго блеска, кромѣ блеска желѣза и стали. Эмиръ былъ принятъ въ своей резиденціи военными и частными секретарями вице-короля. Въ разговорахъ съ ними онъ обнаружилъ большую сдержанность по отношенію къ политическимъ вопросамъ, а охотнѣе говорилъ объ общихъ предметахъ. Онъ произвелъ на англичанъ впечатлѣніе человѣка съ сильнымъ и проницательнымъ умомъ».

Затѣмъ слѣдовалъ цѣлый рядъ блестящихъ празднествъ и парадовъ, на которыхъ присутствовалъ герцогъ Коннаутскій, принимало участіе 8,000 имперскихъ войскъ и 3,000 челов. изъ войскъ независимыхъ владѣтелей. Непріятное впечатлѣніе производилъ только бѣлый мундиръ эмира, сшитый на русскій образецъ. Эмиру поднесли почетную саблю, орденъ индійской звѣзды, дали денегъ, одну горную батарею, 5,000 снайдеровскихъ ружей и по 250-ти патроновъ на ружье. Онъ все это взялъ, благодарилъ и, уѣзжая 31 марта, увѣрялъ вице-короля въ своей преданности, но замѣтилъ, что страшится оппозиціи знатныхъ сардарей и что врядъ ли ему удастся пропустить англійскіе отряды черезъ Афганистанъ. Такимъ образомъ, блистательно подготовленный дурбаръ не увѣнчался успѣхомъ; мало того, наканунѣ свиданія, т. е. 18-го марта, какъ снѣгъ на голову, свалилось сраженіе на Кушкѣ. Узнавъ о происшедшемъ, эмиръ наружно сохранилъ полное спокойствіе, но по пріѣздѣ въ пограничное мѣстечко Ямрутъ, «немедленно» обнародовалъ прокла-

мацію къ народу; заимствуемъ текстъ этой прокломаціи изъ англійскихъ журналовъ, хотя за подлинность ея и не ручаемся:

«Афганцы! старшины и воины! Миру Афганистана угрожаетъ опасность. Я буду заботиться о томъ, чтобы онъ не былъ нарушенъ. Мы всѣ готовы обнажить мечъ въ защиту чести и независимости Афганистана и вложимъ его

Прапорщикъ Текинской милиціи Сеидъ-Назаръ-Юзъ-Баши, убитый въ сраженіи при Кушкѣ 18 марта 1885 года.

въ ножны лишь послѣ того, какъ онъ будетъ обагренъ кровью нашихъ враговъ; мы будемъ искать только войны справедливой, война же справедлива только тогда, когда исчерпаны всѣ пути и средства къ сохраненію мира. Если война будетъ намъ навязана, то весь Афганистанъ подымется, какъ одинъ человѣкъ, чтобы дать отпоръ врагамъ. Поставленный между Англіей и Россіей, я буду охранять миръ между обѣими государствами своею собственною независимостью. Я никакъ и никогда не допущу, чтобы русская армія прошла черезъ наше государство для вторженія въ Индію, я никогда не уступлю Англіи или Россіи

ни одной пяди афганской земли. Мы будемъ рады англійской дружбѣ, если она поможетъ намъ защищать нашу свободу. Я надѣюсь, что миръ нарушенъ не будетъ и, уповая на милость Аллаха, приму участіе въ дѣлѣ мира. Вотъ что я хотѣлъ довести до вашего свѣдѣнія, боевые товарищи мои».

По пріѣздѣ въ Кабулъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, онъ собралъ народныхъ вождей на совѣщаніе о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій.

15-го марта, генералъ Комаровъ занялъ Акъ-Тепе, близь впаденія р. Кушка въ Мургабъ.

Какъ видно изъ донесенія, нашъ отрядъ, дойдя до переправы черезъ старинный акведукъ Ташъ-Кепри (Пуль-и-Хисти) (ташъ—камень, кепри—мостъ) и встрѣтивъ тамъ занятый афганцами окопъ, расположился отъ афганской позиціи въ пяти верстахъ, съ западной стороны переправы Юнгенлы. Вслѣдъ затѣмъ, со стороны афганцевъ начинается цѣлый рядъ враждебныхъ дѣйствій: они переходятъ лѣвый берегъ Кушка и правый Мургаба, т. е. изъ предѣловъ Пендэ, и начинаютъ строить тамъ новыя укрѣпленія и занимать командующіе относительно нашего лагеря пункты. «Pall Mall Gazette» прямо объясняетъ эти угрожающія приготовленія желаніемъ афганцевъ атаковать наши войска неожиданно и ночью, когда, благодаря темнотѣ, артиллерія и скорострѣльныя ружья значительно теряютъ свою дѣйствительность. Мы уже испытали такія нападенія при осадѣ Геокъ-Тепе и знаемъ, что съ этимъ шутить нельзя.

Коварный планъ, предложенный, очевидно, англійскими авантюристами, имѣлъ, однако, и свою дурную сторону, свидѣтельствующую о слабыхъ тактическихъ познаніяхъ почтеннаго капитана Іета и компаніи. Извѣстно, что рѣка Кушкъ ниже Калаи-моръ до впаденія въ Мургабъ, близь Ташъ-Кепри, т. е. на протяженіи 40 верстъ, обладаетъ вязкимъ, иловатымъ грунтомъ и потому, хотя средняя глубина воды большую часть года нигдѣ не болѣе аршина, однако, переправы въ бродъ возможны только въ рѣдкихъ опредѣленныхъ пунктахъ; въ мартѣ же мѣсяцѣ вода стоитъ наиболѣе высоко, броды очень опасны, а теченіе очень быстро. Дорога вдоль берега идетъ по песчанымъ буграмъ, окаймляющимъ весьма узкую низовую долину Кушка, перерытую оросительными каналами. Мургабъ тоже трудно проходимъ весною.

Такимъ образомъ, афганцы, перейдя Кушкъ и Мургабъ, очень рискованные пути сообщенія имѣли у себя въ тылу; достаточно было намъ овладѣть акведукомъ Ташъ-Кепри, чтобы поставить ихъ въ весьма скверное положеніе.

На требованіе генерала Комарова—очистить лѣвый берегъ Кушка и правый Мургаба, афганскій сардарь отвѣчалъ отказомъ, ссылаясь на совѣтъ англійскихъ офицеровъ. Тогда, вслѣдствіе всѣхъ указанныхъ причинъ, генералъ Комаровъ атаковалъ 18-го марта афганцевъ, разбилъ ихъ на голову и разсѣялъ. Афганцы потеряли болѣе 500 человѣкъ убитыми и ранеными, всю артиллерію, два

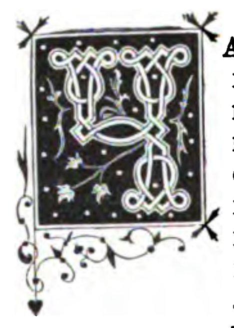
мени и весь лагерь. У насъ убитъ: офицеръ-туркменъ Сеидъ-Назаръ-Юзъ-Баши и 10 нижнихъ чиновъ; ранены: полковникъ Никшичъ, сотникъ Кобцевъ, поручикъ Хабаловъ, подпоручикъ Косылинъ и 29 нижнихъ чиновъ. Послѣ сраженія, отрядъ отошелъ въ Ташъ-Кепри, а въ Пендэ было введено временное самоуправленіе...

А. Масловъ.

ВОСПОМИНАНІЕ О М. П. ПОГОДИНѢ.

ЧАСТО въ подобающихъ случаяхъ некрологисты приводятъ, какъ аксіому, извѣстную латинскую пословицу: «о мертвыхъ говорятъ только хорошее или ничего». Если бы ученые бытописатели неуклонно слѣдовали такому изрѣченію, что̀ бы вышло изъ нашей исторіи, нашихъ хроникъ и наукъ?... Поклонникамъ этой несостоятельной истины слѣдовало бы порыться въ латинскихъ премудростяхъ—не вкралась ли здѣсь ошибка, не о живыхъ ли идетъ рѣчь, или, по крайней мѣрѣ, не слѣдуетъ ли понимать слово хорошо въ смыслѣ правды?—то есть: «о мертвыхъ говорятъ только правду, или ничего». Несомнѣнно, что въ основаніи изрѣченія скрыта благая цѣль: не смущать послѣднихъ минутъ умирающаго тревожной мыслью о томъ, какъ будутъ поминать его. Но оно можетъ доставить утѣшеніе лишь тому, кого нельзя помянуть добромъ, а для истинно добраго оно уже теряетъ значеніе: ему едва ли пріятно знать, что послѣ смерти о немъ будутъ говорить то же, что и о дурномъ человѣкѣ. Впрочемъ, здѣсь не мѣсто вдаваться въ разсужденія подобнаго рода, тѣмъ болѣе (съ чѣмъ, вѣроятно, многіе согласятся), что лучше говорить о мертвыхъ только правду, такъ какъ о живыхъ не всегда удобно и безопасно высказывать ее, даже хорошую.

Во всемъ подлунномъ мірѣ мы напрасно стали бы искать безусловной честности, нравственности, добродѣтели; выраженія: безупречно-честный, безукоризненно-нравственный, совершенно-добро-

дѣтельный—не больше какъ льстивыя фразы. Но условно обладающіе этими качествами иногда встрѣчаются въ благоустроенныхъ обществахъ.

Оградивъ себя высказанными истинами отъ нарѣканій въ пристрастіи и неискренности, я, однако, считаю умѣстнымъ оговориться, что, не смотря на всѣ странности и противорѣчія въ характерѣ Михаила Петровича Погодина, на всю смѣсь добра и скупости, на страсть къ стяжанію до мелочей и крайнюю неразсчетливость въ крупныхъ дѣлахъ—въ немъ преобладала доля добра и сердечности несравненно въ большей дозѣ, чѣмъ въ другихъ ученыхъ собратьяхъ его.

Желая быть правдивымъ, я буду говорить только о томъ, что видѣлъ и слышалъ самъ впродолженіе близкаго трехлѣтняго знакомства съ М. П., не пользуясь чужими пересказами, ни устными, ни печатными, и притомъ, вопреки утвердившемуся правилу, начну не съ казоваго конца, но указаніемъ на тѣ недостатки, которые общи каждому въ его лѣта и въ его положеніи, и которые дали поводъ многимъ къ ложнымъ заключеніямъ о душевныхъ качествахъ М. П.

Близостью знакомства я называю мои отношенія къ М. П. въ качествѣ лица, приглашеннаго имъ для содѣйствія по изданію газеты «Русскій»[1]).

Внѣшность М. П. не была особенно располагающею, или, какъ говорятъ, симпатичною, но не имѣла ничего отталкивающаго. Въ пріемахъ его можно было подмѣтить обще-выработанный тактъ, излюбленный въ чиновничьей іерархіи: съ нуждающимися и заискивающими онъ былъ сухъ; съ людьми нужными—любезенъ и предупредителенъ. Онъ не любилъ, когда его на словахъ величали превосходительствомъ, но плохо скрывалъ желаніе, чтобы всѣ объ этомъ знали—свойство извинительное старости, а тѣмъ болѣе въ лицѣ такой почтенной русской ученой знаменитости.

Часто крутой и крикливый до изступленія, не всегда разборчивый въ упрекахъ и выраженіяхъ, онъ возбуждалъ невольную непріязнь въ людяхъ, не знавшихъ его хорошо. Въ минуты гнѣва онъ походилъ на Ивана Грознаго въ миніатюрѣ и какъ будто нарочно старался возвыситься до сходства съ нимъ. Стуча немилосердно палкой, безъ которой сломанная нога его не позволяла ходить даже дома,—онъ былъ неприступенъ. Но кто зналъ его, то именно въ эти-то минуты и можно было по пословицѣ—дугу гнуть изъ него. Такимъ необузданнымъ гнѣвомъ часто пользовался управ-

[1]) Впослѣдствіи, знакомство перешло въ болѣе тѣсное сближеніе, такъ что иногда онъ заходилъ ко мнѣ пить чай и завтракать, выпивая маленькую рюмку любимой его водки—бѣлой померанцевой. Въ свою очередь, я иногда обѣдалъ у него и даже бывалъ съ своей женой. Иногда заѣзжала къ намъ и Софья Ивановна, достойнѣйшая и глубокоуважаемая жена М. П.

ляющій и факторъ его типографіи М. Е. Смирновъ, старинный знатокъ своего дѣла, изъ бутырскихъ князей, какъ онъ называлъ себя[1]).

— Почему вы не уходите, когда онъ такъ кричитъ?—говаривалъ я.

— Э, да вѣдь эта исторія повторяется каждый разъ, когда я денегъ прошу на расходы. Если не вытерпишь, уйдешь—онъ дастъ половину; а когда кричитъ, я понемногу прибавляю, нужно, примѣрно, 400 р., а выйдешь отъ него съ 500 р.; тридцать лѣтъ знакомы, пора привыкнуть.

Мелочность М. П. доходила до смѣшнаго. Изъ сотни забытыхъ по своей ничтожности случаевъ, приведу нѣсколько удержавшихся въ памяти и, вѣроятно, извѣстныхъ многимъ, знавшимъ странности М. П.; напримѣръ, онъ всегда старался навязать посѣщавшимъ его свои письма для передачи кому нибудь въ городѣ[2]) и ужъ, конечно, не съ цѣлью поспѣшности; самыя письма онъ имѣлъ привычку писать на клочкахъ, даже на старыхъ конвертахъ, а болѣе почтительныя на остающихся чистыхъ половинкахъ старыхъ писемъ[3]).

Въ память чего-то славянскаго, М. П. задумалъ устроить въ своемъ саду подписной обѣдъ по 10 рублей; для моего тощаго кармана цѣна была высокая, а потому я дня за три отказался отъ приглашенія. На другой день я поѣхалъ къ нему по какому-то дѣлу и, между прочимъ, спросилъ, хорошо ли удался обѣдъ.

— Отлично, очень весело, день выдался какъ нарочно теплый. Напрасно не пріѣзжалъ; все удалось, и обѣдъ былъ отличный. Но представь, что случилось: поваръ, съ своими оффиціантами, послѣ обѣда всю дичь укралъ и нѣсколько бутылокъ вина. Если-бъ я не подсмотрѣлъ, такъ ничего бы и не осталось.

— Поваръ былъ правъ,—возразилъ я:—если вы прежде не обусловили, что остатки ваши; вино только онъ не смѣлъ брать.

— Въ томъ-то и дѣло, что не имѣлъ права; вся провизія была закуплена дома, а поваръ только готовилъ...

Сберегая такъ заботливо какіе нибудь гроши, М. П. терялъ цѣлыя сотни. Не говоря уже о невозвратныхъ долгахъ по документамъ, которыхъ у него было на десятки тысячъ,—его часто обманывали и обкрадывали самымъ наглымъ образомъ, пользуясь безграничной довѣрчивостью. Я бы много могъ привести такихъ слу-

---

[1]) Въ старину всѣ мастера типографскаго дѣла въ Москвѣ селились за городомъ, на отведенной имъ безплатно землѣ, гдѣ они, при хорошихъ заработкахъ, жили въ полномъ довольствѣ, за что и получили названіе бутырскихъ князей, по мѣстности, и теперь называющейся Бутырками.

[2]) М. П. жилъ верстахъ въ 5 отъ центра города.

[3]) Такихъ писемъ я имѣлъ цѣлый ворохъ, получая иногда по четыре въ день; одно изъ нихъ, случайно сохранившееся, я далъ И. Ѳ. Горбунову, собиравшему когда-то факсимиле русскихъ замѣчательныхъ людей.

чаевъ, но, къ сожалѣнію, знаю объ нихъ только по пересказамъ, а потому приведу здѣсь нѣкоторыя изъ тѣхъ, гдѣ я былъ личнымъ свидѣтелемъ.

Извѣстно, что М. П. имѣлъ обширную переписку съ учеными и литературными знаменитостями, русскими и иностранными. Всѣ болѣе замѣчательныя письма, которыхъ за время ученой дѣятельности М. П. скопилась цѣлая куча, хранились въ ящикахъ библіотечныхъ шкафовъ, въ его огромномъ кабинетѣ. Покойный лично не одинъ разъ жаловался мнѣ, что многія письма растаскали, въ чемъ впослѣдствіи я самъ имѣлъ случай убѣдиться, увидавъ два похищенныхъ письма, кажется Гоголя и Шафарика, у одного изъ своихъ знакомыхъ, недавно скончавшагося и, вѣроятно, не умѣвшаго сдѣлать никакого примѣненія изъ своей легкой добычи.

М. П. никому не отказывалъ въ денежной помощи, вопреки установившемуся убѣжденію о его скупости. Ни одинъ нуждавшійся литераторъ не уходилъ отъ него съ пустыми руками и, если были исключенія, то развѣ потому, что просившему нельзя было предложить такого пособія, которое не превышало бы разсчетовъ М. П. Онъ очень не долюбливалъ зашибавшихся, по его выраженію, но никогда не отказывалъ ни П. И. Якушкину, ни А. И. Левитову.

Однажды, до моего знакомства съ М. П., Левитовъ зашелъ ко мнѣ утромъ.

— Откуда такъ рано?—спросилъ я.

— Пойдемъ, одѣвайся.

— Куда?

— Шапку покупать, сапоги, а послѣ—угощенье.

— Разбогатѣлъ, что ли?

— Погодинъ тридцать цѣлкачей далъ.

— За что?

— За что? Такъ; потому—нужда.

Якушкинъ не былъ на столько откровененъ, хотя и ближе былъ знакомъ, но потомъ я узналъ отъ самого М. П., что и онъ нерѣдко забѣгалъ къ нему.

Сколько анекдотовъ, смѣшныхъ и жалкихъ, можно бы собрать объ этихъ и другихъ, подобныхъ имъ, блаженныхъ труженикахъ литературы.

Два приведенныхъ случая о личностяхъ, уже сошедшихъ съ земнаго поприща, могутъ показаться недостаточно убѣдительными, но я могъ бы указать и на другихъ, понынѣ здравствующихъ, если бы не надѣялся, что они сами не откажутся пополнить эту памятку личными отзывами.

Въ Москвѣ, въ 60-хъ годахъ, замѣчался особенный наплывъ изъ Петербурга литературныхъ дѣятелей. Кромѣ П. И. Якушкина и А. И. Левитова, меня нерѣдко посѣщали и пріѣзжавшіе изъ Петербурга, какъ, напримѣръ, А. А. С—цовъ, когда-то участвовавшій

въ «Отечественныхъ Запискахъ», но потомъ, въ 1870 году, я уже засталъ его въ Петербургѣ участникомъ по содержанію бѣлошвейнаго магазина;—М. О. Микѣшинъ, издававшій тогда дешевыя картины для народа;—В. О. Мильчевскій, кропотливый труженикъ въ «Книжномъ Вѣстникѣ» Сенковскаго (тогда книгопродавца). Раза три заѣзжалъ почтенный и неутомимый дѣятель по изданіямъ народныхъ книгъ, директоръ товарищества «Общественной Пользы», Г. Д. Пахитоновъ; жалкій народный разсказчикъ Невельской (Мильчевскій и Невельской жили у меня, какъ не имѣвшіе никакихъ средствъ къ существованію) и, наконецъ, блеснувшій какъ метеоръ на петербургскомъ журнальномъ горизонтѣ, редакторъ «Народной Газеты», Ю—чъ—Л—въ [1]).

Появленіе Ю—ча совпадало съ временемъ открытія «Русскаго» въ ежедневномъ изданіи. Онъ упросилъ М. П. дозволить ему печатать въ кредитъ въ его типографіи свою газету. Потомъ явился ко мнѣ съ письмомъ отъ М. П. и долго надоѣдалъ своими ежедневными посѣщеніями, выпрашивая каждый разъ деньги по мелочамъ. Наконецъ, увѣривъ М. П., что онъ женится на богатой вдовѣ, которую привозилъ даже на показъ, чему былъ свидѣтелемъ и я, и, выманивъ у него нѣсколько сотъ рублей на предсвадебные расходы, исчезъ съ ними навсегда. Свадьба была выдумана ради обмана.

— Я предупреждалъ васъ, — говорилъ я послѣ М. П.

— Ну, Богъ съ нимъ,—отвѣчалъ онъ совершенно хладнокровно, безъ малѣйшей тѣни досады и сожалѣнія, и это была характерная черта въ М. П. Онъ никогда не жаловался на неудачи и на обманы и, если вспоминалъ, то или при случаѣ, или ради смѣха; точно также никогда не говорилъ о своихъ благотвореніяхъ.

Часто мнѣ самому приходилось занимать у М. П. рублей по сту, не больше, подъ росписки, съ назначеніемъ срока уплаты, который обыкновенно никогда не соблюдался и оттягивался иногда на цѣлый годъ. Въ ссудѣ денегъ, заимообразно, даже крупными суммами, онъ никогда не отказывалъ литераторамъ. Кромѣ извѣстныхъ записокъ А. С. Пушкина, напечатанныхъ М. П. когда-то въ своей газетѣ, въ которыхъ А. С. такъ усердно и настоятельно просилъ достать денегъ, соглашаясь на всякіе проценты, я имѣлъ случай лично убѣдиться въ размѣрѣ этихъ ссудъ другимъ лицамъ.

Имѣя въ виду какое-то предпріятіе, казавшееся мнѣ полезнымъ и выгоднымъ, я обратился къ М. П. съ просьбой дать мнѣ года на два 2,000 рублей и, конечно, получилъ отказъ, такъ какъ мои раз-

[1]) Пропускаю еще одну личность, тогда подозрительную, бывшаго секретаря, кажется, редакціи «Петербургскаго Листка», издававшагося извѣстнымъ въ то время И. Арсеньевымъ,—изъ опасенія навлечь неудовольствіе одного изъ уважаемыхъ нынѣ литераторовъ, носящаго одинаковую фамилію.

счеты казались ему недостаточно гарантировавшими уплату, что впослѣдствіи оказалось совершенно вѣрнымъ. Отказъ меня очень огорчилъ, тѣмъ болѣе,—я зналъ, что М. П. только-что получилъ высочайшую субсидію въ 15,000 рублей на изданіе своей «Исторіи». Въ это время газета уже прекратилась и мои свиданія съ М. П. не были такъ часты.

Спустя недѣлю послѣ просьбы, я получилъ отъ него записку съ просьбой пріѣхать къ нему на другой день непремѣнно въ 9 часовъ утра; я пріѣхалъ въ 10.

— Вѣчно опоздаетъ,—съ упрекомъ встрѣтилъ онъ меня.—Вотъ поди, полюбуйся, сколько распущено у меня денегъ.

Я понялъ, что его безпокоила моя просьба; впрочемъ, я не былъ исключеніемъ: онъ никому не любилъ отказывать въ крайнихъ нуждахъ, и потому хотѣлъ наглядно убѣдить, сколько безвозвратно пропало его денегъ за разными лицами.

Онъ подвелъ меня къ конторкѣ, на которой, вѣроятно намѣренно, разложены были заемныя письма, росписки и различные клочки бумажекъ, изображавшіе долговыя обязательства не одного десятка лицъ.

Здѣсь было нѣсколько векселей и росписокъ покойнаго Н. Ѳ. Павлова, перваго редактора и издателя «Русскихъ Вѣдомостей», на 12,000 рублей, за давностію потерявшихъ обязательную силу.

— Теперь ихъ только бросить,— замѣтилъ я.

— Нѣтъ, нужно подождать; въ государственномъ совѣтѣ разсматривается вопросъ о правахъ наслѣдства на періодическія изданія и, когда газеты будутъ признаны въ смыслѣ имущественной собственности, тогда будетъ утвержденъ и мой искъ къ «Русск. Вѣдомостямъ».

— Во всякомъ случаѣ, вы потеряли право,— утверждалъ я:— документы, не предъявленные втеченіе 10-ти лѣтъ, теряютъ силу.

— О срокѣ въ своей просьбѣ я не упоминалъ; а какъ только правильность претензіи будетъ утверждена, тогда о документахъ и рѣчи не будетъ.

Подивился я тонкости и проницательности М. П.

— Вѣрные долги—вотъ эти,—продолжалъ онъ, показывая вексель или росписку, не помню, И. С. А., въ 3,000 рублей, г. К—на и нѣсколькихъ другихъ, между которыми, къ удивленію, находился вексель тогдашняго милліонера, и понынѣ благоденствующаго В. А. К., въ 2,500 рублей.

— Всѣ остальные долги,— продолжалъ М. П.:— тысячъ на 40, можно хоть сейчасъ въ печку. А ты, вѣрно, сердился за мой отказъ. Теперь нѣтъ у меня денегъ, а если хочешь, возьми вексель В. А. К., поѣзжай къ нему и непремѣнно получишь всѣ 2,500 рублей. Мнѣ самому совѣстно тревожить его: онъ теперь въ затруднительномъ положеніи, а тебѣ что̀-жъ!.. объясни ему нужду.

Я отказался, выставивъ всю неловкость, въ какую я поставилъ бы и его и себя передъ К—мъ.

Былъ и другой случай, при которомъ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ и который доказывалъ, какія крупныя суммы терялъ иногда М. П. Онъ имѣлъ гдѣ-то чугунно или желѣзно-плавильный заводъ въ товариществѣ съ ярославскимъ капиталистомъ Пастуховымъ, подъ управленіемъ инженера, родственника М. П. Дѣла шли плохо, доходовъ никакихъ; наконецъ, заводъ и совсѣмъ сгорѣлъ. Пастуховъ изъявилъ желаніе купить у М. П. его долю пожарища, за которую предлагалъ 10,000 рублей съ разсрочкою на нѣсколько лѣтъ. Доля М. П. въ заводѣ простиралась до 80,000 рублей. Прежде я никогда не слыхалъ объ этомъ отъ М. П., но однажды онъ просилъ пріѣхать часовъ въ 10 утра, зачѣмъ—ничего не сказалъ. Я пріѣхалъ. Въ то же время, почти вмѣстѣ со мной, пріѣхали и двое незнакомыхъ мнѣ молодыхъ людей, оказавшіеся одинъ повѣренный Пастухова, г. Полевой, а другой, кажется, сынъ Пастухова.

Разговоръ ихъ съ М. П. начался очень скромно, но когда дѣло дошло до предложенія 10,000 за 80,000, М. П. разразился страшнымъ, неудержимымъ крикомъ, длившемся съ полчаса. Всѣ старанія остановить М. П. были безуспѣшны. Онъ казался неумолимымъ, но все кончилось тѣмъ, чѣмъ началось: онъ согласился на всѣ условія.

Зачѣмъ я былъ нуженъ — не понимаю.

Преобразованіе «Русскаго» въ ежедневную газету[1]) сопровождалось предварительными совѣщаніями. Я составилъ смѣту расходовъ по его порученію, кромѣ типографіи и бумаги. По вычисленію, вышло 12,000 въ годъ. Зная разсчетливость М. П., я воображалъ испугать его; оказалось напротивъ—онъ настаивалъ, чтобъ я теперь же взялъ 6,000 рублей и не тревожилъ его впродолженіе полугода. Избытокъ такого довѣрія могъ бы другому показаться страннымъ, но я уже зналъ М. П. и, не стѣсняясь, отказался отъ чести быть хранителемъ чужихъ денегъ и возиться съ разсчетами и отчетами, представивъ ему всѣ случайности, какія могутъ произойдти отъ независимыхъ причинъ. Послѣ его споровъ и настояній, было рѣшено—передать деньги Софьѣ Ивановнѣ, отъ которой я долженъ былъ получать ихъ по мѣрѣ надобности.

Совѣщанія происходили у меня по вечерамъ; на нихъ собирались всѣ подготовлявшіеся сотрудники, въ числѣ которыхъ были два молодыхъ человѣка, занимающіе теперь профессорскія каѳедры; но они, какъ лучше другихъ понимавшіе дѣло, больше молчали.

---

[1]) Въ еженедѣльномъ изданіи названіе газеты печаталось черезъ *о*, т. е. «Русской», но въ ежедневной я убѣдилъ М. П., вопреки его доводамъ, печатать черезъ *і*.

Самымъ неумолкаемымъ говоруномъ былъ случайный петербургскій гость, вышеупомянутый А. А. С—цовъ, умѣвшій говорить такъ, что изъ его обильнаго многословія не выходило ничего. Я не могъ передавать М. П. резюме нашихъ совѣщаній, потому что онѣ ничего не содержали, и въ силу этого вся идея о духѣ и направленіи газеты осталась за М. П.

Программа его была неизмѣнно та же, какъ и въ еженедѣльномъ изданіи, прибавились только внутренній и иностранный отдѣлы, съ строжайшимъ запрещеніемъ перепечатывать политическіе и скандальные судебные процессы, особенно гдѣ фигурировали извѣстныя личности, даже изъ купцовъ; обличительныя и полемическія статьи, а также извѣстія о жестокихъ преступленіяхъ.

Нё одинъ разъ я вступалъ въ споры съ М. П., доказывая, что такую газету нельзя издавать, и особенно, если онъ будетъ наполнять ее своими историческими изысканіями и перепиской съ учеными друзьями. Споръ всегда возобновлялся при его сѣтованіяхъ на неуспѣхъ.

Каждый разъ, какъ только онъ начиналъ завидовать «Русскимъ Вѣдомостямъ» или «Современнымъ Извѣстіямъ», я указывалъ на необходимость перепечатывать интересныя статьи, или завести своего бродячаго репортера, который бы всюду заглядывалъ. За эту мысль онъ сначала охотно взялся.

— Да, да, это хорошо. Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» есть такой, — простой, безграмотный мужикъ, изъ питейныхъ подносчиковъ, кажется, или изъ мастеровыхъ, Пастуховъ; его бы хорошо переманить. Онъ вездѣ шляется, по кабакамъ, по рынкамъ, даже по окрестнымъ деревнямъ. Нельзя ли вызвать его?

— Онъ не пойдетъ къ вамъ.

— Почему?

— А потому, что всѣ его репортерскія познанія ограничиваются различными скандалами, а вы скандаловъ не печатаете. Онъ принесетъ вамъ цѣлую кучу такихъ новостей и всѣ окажутся по вашему негодными, — куда же онъ съ ними пойдетъ?

Въ одномъ изъ лѣтнихъ нумеровъ газеты М. П. напечаталъ свое обращеніе къ старообрядцамъ; статья прекрасная, хотя ему много пришлось возиться съ ней, такъ какъ она была написана лѣтъ за десять, впродолженіе которыхъ многое измѣнилось, а потому оказывалось нужнымъ кой-что передѣлать; съ ней онъ ѣздилъ даже къ митрополиту. Этотъ нумеръ печатался раза три и раскупался быстро. Успѣхъ нѣсколько порадовалъ М. П.

— Что бы еще придумать? — спрашивалъ онъ меня.

— Когда вы сами будете писать такія вещи, то нечего и сомнѣваться въ успѣхѣ всего, что бы вы ни выбрали, кромѣ историческихъ изслѣдованій, совершенно лишнихъ для маленькой га-

зеты,—отвѣчалъ я.—Если бы вы нашли время написать что нибудь о скопцахъ, можно бы предсказать такой же успѣхъ.

— Почему же я самъ? Не все ли равно если напишетъ и другой кто нибудь? О скопцахъ я ничего не знаю; но можно заказать.

— Въ вашей библіотекѣ, вѣроятно, есть сочиненіе Надеждина; оттуда можно бы взять рисунки и даже портретъ Селиванова,—совѣтовалъ я.

— Не дозволятъ; а, впрочемъ, подумаю. Мысль хорошая.

Черезъ недѣли двѣ, такая статья была доставлена нѣкіимъ г. Поповымъ, издававшимъ когда-то свой «Сборникъ для исторіи старообрядства», человѣкомъ не совсѣмъ грамотнымъ, по профессіи переплетчикомъ. Статья оказалась крайне плохой, съ пропусками и недомолвками, такъ что пришлось всю опять провѣрять по источникамъ, главнымъ образомъ, по Рудневу, откуда она была выписана почти цѣликомъ; изъ Надеждина не взято ни одной строки.

Напечатали, и ждали успѣха, но напрасно.

— Вотъ ты научилъ, а я послушался, — оба въ дуракахъ и остались, — претендовалъ М. П.

— Скажи, пожалуйста, отчего къ намъ объявленій не несутъ? Вездѣ есть, а у насъ нѣтъ, — спросилъ онъ однажды.

— Въ началѣ изданія, за объявленіями нужно ходить, собирать, приглашать; для этого нуженъ особый человѣкъ.

— Я Смирнова пошлю, онъ каждый день ходитъ.

— Смирновъ человѣкъ занятый, до того ли ему; а лучше такъ сдѣлать: для приманки перепечатывать публикаціи изъ другихъ газетъ.

— Для приманки, — и М. П. расхохотался самымъ задушевнымъ, добрымъ смѣхомъ.—Ты мнѣ напомнилъ одинъ случай со мной, когда я ѣздилъ по монастырямъ собирать древности. Пріѣхалъ я въ одинъ бѣдный монастырь; монахи встрѣтили съ почетомъ и по обыкновенію повели прежде всего осматривать храмъ. Подходя къ паперти, я обратилъ вниманіе на два памятника, еще свѣжіе, поставленные по сторонамъ входа. Изъ любопытства я спросилъ:

— Вѣроятно, здѣсь храмоздатели покоятся, или щедрые жертвователи?

— Э, нѣтъ, двѣ бѣдныя старушки; одна-то приживалка у сосѣдней помѣщицы была, губернская секретарша, вдова, а другая—сестра бывшаго нашего становаго.

— Почему же онѣ удостоились такого почетнаго мѣста—благочестіемъ что ли отличались?

— И этого нѣтъ; сестра-то становаго даже сильно зашибалась (хмѣлькомъ).

— За что же вы положили ихъ здѣсь?

— Для приманки покойничковъ. Мѣста-то у насъ много, а по-

койниковъ не везутъ: тамъ есть другое кладбище, поближе... Мы и памятники-то на свой счетъ поставили.

Строгость свою и разборчивость въ статьяхъ М. П. крайне преувеличивалъ. Такъ, одинъ изъ сотрудниковъ просилъ дать ему какую нибудь тему для статьи. Я разсказалъ случай изъ уголовной хроники прежняго времени, т. е. до судебной реформы. Онъ написалъ, я отдалъ въ наборъ. Увидавъ статью въ корректурѣ, М. П. поднялъ страшный переполохъ. «Кто просилъ васъ печатать такую статью,—писалъ онъ мнѣ:—на насъ поднимется весь прокурорскій надзоръ; ну, какъ это можно». Однако, статья прошла, хотя съ оговоркой, что де случай сей имѣлъ мѣсто до новыхъ судебныхъ учрежденій. Какъ будто читатели сами не могли этого понять. Но дѣло было не въ томъ, а въ разсказѣ о страшномъ, жестокомъ убійствѣ трехъ жертвъ.

Изъ дѣятельности по изданію газеты можно бы много привести серьезныхъ и курьезныхъ случаевъ, но здѣсь они оказались бы не совсѣмъ у мѣста.

М. П. хотя и поселился въ мѣстности слишкомъ отдаленной отъ городскихъ центровъ, но не жилъ отшельникомъ. Его посѣщали очень многіе и почти каждый день. При мнѣ былъ у него покойный митрополитъ Иннокентій. Самъ онъ часто обѣдалъ у военнаго губернатора и почти каждый разъ по дорогѣ заходилъ ко мнѣ.

М. П. иногда не отказывалъ и въ ходатайствѣ передъ сильными лицами изъ среды своихъ знакомыхъ за несчастныхъ людей. Нѣкто Д—сьевъ, прекрасный, образованный, молодой человѣкъ, лѣтъ 22-хъ, выпущенный изъ корпуса офицеромъ [1]), подвергся военному суду за дисциплинарное преступленіе и былъ осужденъ въ каторжныя работы на 4 года. Бѣдная старушка-мать, зная мое знакомство съ ея сыномъ, просила меня поговорить съ М. П., не напишетъ ли онъ Д. А. М—ну (впослѣдствіи графу) письмо съ просьбою о смягченіи наказанія.

Я охотно попросилъ М. П., и онъ сейчасъ же послалъ письмо, съ приложеніемъ докладной записки. Къ сожалѣнію, отвѣтъ послѣдовалъ неутѣшительный, такъ какъ рѣшеніе было уже конфирмовано.

Иногда нѣкоторые изъ близкихъ знакомыхъ позволяли себѣ шутки съ М. П. въ родѣ слѣдующихъ. Когда онъ писалъ свою «Исторію» къ нему зашелъ г. К—нъ [2]), также временно участвовавшій въ газетѣ.—М. П., чтобъ облегчить себя въ подборѣ историческихъ

---

[1]) Перевелъ съ англійскаго «О рабочихъ классахъ въ Англіи».

[2]) Утверждать положительно не могу, но, кажется, тотъ самый, который когда-то издавалъ въ Москвѣ очень интересный журналъ, обѣщавшій хорошую будущность, по своей популярности, но почему-то скоро прекратившійся—это былъ «Зритель». Помнится, что К—нъ умеръ гдѣ-то за границей, состоя при посольствѣ.

событій въ хронологической послѣдовательности, примѣнялъ карточную систему. Карточки разложены были на столахъ въ строгомъ порядкѣ, въ кабинетѣ, гдѣ М. П. принималъ всѣхъ. Соскучившись ждать появленія М. П., г. К—ну пришла въ голову мысль позабавиться надъ старикомъ: онъ переложилъ карточки съ мѣста на мѣсто въ невообразимомъ безпорядкѣ и ушелъ. Ничего не подозрѣвая, М. П. приступилъ къ работѣ, и къ ужасу вмѣсто, напримѣръ, моровой язвы по порядку ему попадалась карточка о смерти Ярослава и т. п. Гнѣвъ и крикъ его не имѣли предѣловъ; прежде всего обвиненіе пало на домашнихъ, такъ какъ никто не могъ указать настоящаго виновника, который обнаружился уже впослѣдствіи.

При всей религіозности, М. П. былъ большой фаталистъ. Во всякой простой случайности онъ умѣлъ находить предопредѣленіе свыше. И дѣйствительно, изъ многихъ разсказанныхъ случаевъ, испытанныхъ имъ самимъ, одинъ можетъ показаться выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ, именно: когда-то при паденіи съ извозчика онъ сломалъ себѣ ногу. Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, въ тотъ же самый день, на томъ же мѣстѣ, онъ опять упалъ и сломилъ второй разъ ту же ногу, причемъ повредилъ себѣ носъ.

Въ моей памяти удержалась еще одна черта миролюбиваго характера М. П., по которой можно судить о томъ, какъ онъ относился къ своимъ критикамъ. Въ одномъ изъ номеровъ «Искры», тогда подъ редакторствомъ В. С. Курочкина, напечатана была небольшая сатирическая замѣтка, не имѣвшая особеннаго значенія. Соф. Ив. просила меня достать ей этотъ номеръ скрытно отъ М. П. Я исполнилъ просьбу на другой же день.

Чрезъ нѣсколько дней, увидавшись съ М. П., я былъ удивленъ его выговоромъ: зачѣмъ я далъ С. И. «Искру».

— Бабы дуры—изъ пустяковъ теперь плачутъ, и дочь, и жена. Я самъ съ удовольствіемъ читаю эту болтовню и даже, при остроумной насмѣшкѣ, хохочу до упаду. Но бабъ развѣ урезонишь...

Я свалилъ вину на С. И., которая дала мнѣ слово не говорить объ этомъ М. П.

Популярность М. П. въ Москвѣ была замѣчательна. Выше приведенный мною, повидимому, пустой случай разнесся скоро по всему городу съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, какъ, напримѣръ, хронологическія карточки превратились въ фотографическія.

Часто М. П. самъ старался избѣгать огласки. Однажды, къ забору его дома неизвѣстно кѣмъ былъ подложенъ трупъ солдата, умершаго въ кабакѣ. Сейчасъ же я получаю записку съ просьбой ѣхать къ оберъ-полицеймейстеру и уладить, чтобъ не печатали объ этомъ въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ». «Я бы самъ попросилъ генерала,—писалъ онъ,—но, какъ редакторъ газеты, нахожу неудобнымъ». Однако, и такая мѣра не остановила молвы, разнес-

шейся въ тотъ же день по городу: «къ Михаилу Петровичу тѣло подкинули»,—говорили вездѣ. Только интеллигенты звали его по фамиліи, но купечество и народъ величали по имени и отчеству. Съ купцами М. П. также велъ знакомство, а болѣе именитыхъ и почтенныхъ приглашалъ иногда по вечерамъ играть въ карты.

Года два назадъ, въ одной изъ московскихъ газетъ, въ краткомъ біографическомъ очеркѣ М. П., обращалъ особенное вниманіе разсказъ о Д—вѣ, котораго авторъ очерка увидалъ въ типографіи въ костюмѣ Адама подъ прикрытіемъ макулатурной бумаги. Кто и откуда былъ этотъ г. Д—въ, сказать не могу, но знаю, что онъ долго жилъ у М. П., который, повидимому, привыкъ къ нему. Говорили, что Д—въ прежде писалъ въ еженедѣльномъ изданіи «Русскій», а теперь писалъ адресы подписчиковъ, переписывалъ статьи М. П. и велъ газетную корреспонденцію. Мнѣ онъ казался очень загадочной личностью; всегда спокойный, тихій, любезный, онъ сидѣлъ постоянно на одномъ мѣстѣ, не вставая, въ валеныхъ сапогахъ, причиною чего былъ ревматизмъ въ ногахъ, нажитый, вѣроятно, въ домѣ М. П., на столько ветхомъ и плохо ремонтировавшемся, что онъ не могъ удерживать тепла, котораго, впрочемъ, и немного было, такъ какъ М. П. изъ экономіи и зимой почти не топилъ печей, кутаясь всегда въ мѣховой халатъ. Д—въ имѣлъ довольно благообразную физіономію; его ростъ и большая красивая борода придавали ему нѣкоторую солидность, но, при всемъ томъ, это былъ неисправимый, отчаянный любитель возліяній. Онъ страдалъ періодическимъ запоемъ. Въ это время никакіе способы не могли удержать его дома. Обыкновенно начиналось съ того, что онъ подъ различными благовидными предлогами уходилъ изъ дому, иногда выпросивъ у М. П. нѣсколько денегъ на баню или на другія неотложныя нужды. Затѣмъ, черезъ нѣсколько дней его находили гдѣ нибудь по близости совершенно обнаженнымъ и доносили М. П. Расправа, практиковавшаяся издавна, не была сложна: Д—ва М. П. немедленно отправлялъ въ ссылку, т. е. въ больницу, и выдерживалъ тамъ преступника столько времени, сколько хотѣлъ, или до первой въ немъ надобности. Самъ Д—въ не могъ выйдти по своей волѣ, такъ какъ костюмъ его оставался тотъ же, въ чемъ мать родила, а казеннаго, какъ извѣстно, не полагается.

Имѣя дѣло въ типографіи, я зашелъ туда, возвращаясь отъ М. П. Это было вечеромъ, зимой. При входѣ въ типографію, я ничего не замѣтилъ; но, выходя оттуда, сопровождавшій меня Смирновъ остановился въ грязной передней и указалъ на лежавшій на полу большой рогожный куль изъ-подъ угольевъ.

— Посмотрите, какое здѣсь сокровище.

— Что такое? — спросилъ я, не понимая въ чемъ дѣло.

Въ кулѣ я увидалъ Д—ва, совершенно нагаго, блѣднаго, дро-

жавшаго отъ холода, но давно уже трезваго и старавшагося всячески укрыться отъ меня.

Едва ли кто бы могъ выдержать хладнокровно подобное зрѣлище.

Бросивъ нѣсколько нелестныхъ упрековъ Смирнову, съ навернувшимися слезами, я опять побѣжалъ къ М. П.; но, зная непоколебимое упорство его, я обратился къ Софьѣ Ивановнѣ.

— Вѣдь это немилосердно, С. И., вѣдь это человѣкъ!..

Не успѣлъ я кончить, какъ явился М. П.

— О чемъ разговоръ? О Д—вѣ? Я такъ и зналъ. Чортъ съ нимъ, пускай валяется; онъ измучилъ меня своимъ пьянствомъ.

Я видѣлъ, что сочувственное вмѣшательство ни къ чему не поведетъ, а потому направилъ М. П. на другую сторону дѣла.

— Позвольте, М. П., а если онъ умретъ у васъ въ такомъ положеніи? и это можетъ легко случиться. Вѣдь ему ѣсть не даютъ— не приказано, говорятъ. Я просилъ Смирнова подостлать подъ него хоть войлокъ, одѣть чѣмъ нибудь,—не приказано, говоритъ.— Если умретъ, кто же долженъ отвѣчать? Какъ хотите, а я на вашемъ мѣстѣ, во избѣжаніе скандала, спряталъ бы его куда нибудь.

Сколько ни кричалъ М. П., сколько резоновъ ни представлялъ, но сдѣлалось по-моему: Д—ву дали войлокъ и одѣяло, а на утро отправили въ больницу.

Если мнѣ не измѣняетъ память, Д—въ былъ тотъ самый больной, который, въ годъ освобожденія крестьянъ, поздравляя изъ больницы М. П. съ первымъ днемъ пасхи, писалъ:

Знать заря взошла,
Пѣтухи поютъ...

Вѣроятно, Д—въ находился въ ссылкѣ въ то время, когда обнародованъ былъ манифестъ, и даже оставался тамъ на пасху.

Читателямъ, быть можетъ, не покажется лишнимъ, если я, заканчивая очеркъ, дополню его нѣсколькими словами о послѣднихъ дняхъ моего свиданія съ М. П. и его добрыхъ, родственныхъ совѣтахъ, которыми онъ напутствовалъ меня при отъѣздѣ въ Петербургъ.

— Не совѣтую, не совѣтую,— говорилъ онъ мнѣ, качая головой.— Проклятый городъ; онъ провалится когда нибудь. И чего тебѣ хочется — чиновъ, орденовъ, а тамъ суму на шею съ крестами-то. Смотри, братъ, самъ. Въ Питерѣ нельзя разѣвать ротъ, какъ здѣсь. У тебя сильныхъ протекцій нѣтъ, а на пріятелей не надѣйся: тамъ самый близкій другъ въ то же время—самый злой врагъ,— гляди въ оба. Ты когда думаешь ѣхать?

Я сказалъ.

— Времени еще много. Во всякомъ случаѣ ты не уѣзжай, не повидавшись со мной.

Было 8-е ноября, день именинъ М. П. и моихъ, онъ былъ и послѣднимъ днемъ моего свиданія съ уважаемымъ М. П.

Я пріѣхалъ часу въ первомъ, когда уже всѣ поздравители разъѣхались послѣ завтрака; но М. П. потребовалъ другой завтракъ и усѣлся со мной въ кабинетѣ за особый столъ.

— Когда ѣдешь?

— Да недѣли черезъ полторы.

— Я давно приготовилъ для тебя рекомендательныя письма. Безъ рекомендацій въ Петербургъ нельзя показать носу.

— Я нарочно пріѣхалъ попросить васъ объ этомъ, М. П., — отвѣчалъ я съ выраженіемъ благодарности.

М. П. досталъ изъ ящика четыре письма.

— Вотъ это — графу Д. А. Т., — продолжалъ онъ, отдавая мнѣ письма: — на него ты надѣйся, какъ на каменную стѣну. Человѣкъ добрый и любитъ такихъ, какъ ты, о чемъ я и пишу ему. А это А. М. М. (впослѣдствіи графу) — тоже очень добрый и простой, но не скорый; а если обѣщаетъ — слова не измѣнитъ. Михаилу Николаевичу Похвисневу просто вели доложить: отъ меня, и передай письмо лично. Про него толковать нечего — другъ и пріятель, и человѣкъ задушевный, у него можешь бывать, какъ у меня: все сдѣлаетъ, что въ силахъ. Наконецъ, Т...ій Ф. — этого ты, чай, самъ знаешь. Человѣкъ онъ небольшой, вице-директоръ, кажется, но пойдетъ далеко, — уменъ, и есть кому вывести на дорогу... Побывай у него, повидайся, можетъ, и пригодится. Вотъ т ѣ х ъ держись, всѣ ученики мои были, за хохлы трепалъ...

Мнѣ иногда случалось читать письма М. П. къ т ѣ м ъ лицамъ. Онъ обращался съ ними на т ы.

Наконецъ, мы разцѣловались, простились; онъ даже перекрестилъ меня.

Предсказанія М. П. сбылись.

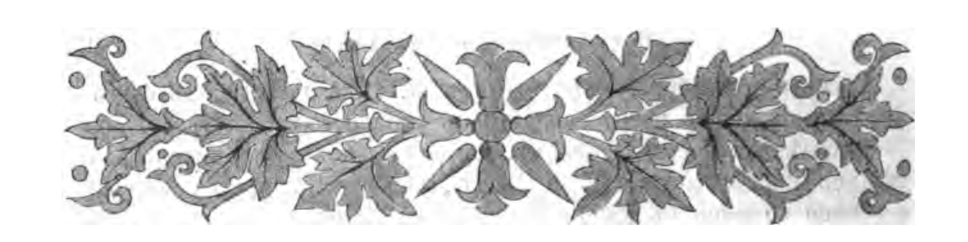
Я слишкомъ разѣвалъ ротъ и остался съ сумой на шеѣ.

Мой другъ сдѣлался злѣйшимъ врагомъ и ненавистникомъ моимъ: ни одинъ закоренѣлый злодѣй не рѣшился бы такъ низко поступить съ своимъ врагомъ, какъ этотъ всеобщій индифферентный другъ.

Рекомендаціями М. П. я не имѣлъ нужды пользоваться, но у М. Н. Похвиснева былъ, и, дѣйствительно, онъ отнесся ко мнѣ очень внимательно.

Миръ праху твоему, доблестный подвижникъ науки и, всетаки, добрый человѣкъ.

М. П. Смирновъ.

ЕЩЕ ЧЕРТА ИЗЪ ЖИЗНИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

Ъ МАРТОВСКОЙ книжкѣ «Историческаго Вѣстника» г-жа Зарина разсказала случай, который выказываетъ всю доброту сердца императора Александра II и его готовность оказать помощь. Подобныхъ случаевъ, несомнѣнно, было весьма много, и всѣ знающіе ихъ должны сдѣлать ихъ гласными чтобы ни одна черта изъ жизни царя-освободителя не оставалась подъ спудомъ; все, что относится къ нему, что проливаетъ, хотя небольшой, свѣтъ на его характеръ, должно сдѣлаться достояніемъ исторіи.

Мнѣ тоже привелось испытать счастіе обратиться однажды лично къ покойному императору и получить быстро удовлетвореніе по моей просьбѣ. Вотъ какъ это было.

Мой отецъ прослужилъ въ военной службѣ 38 лѣтъ и, выйдя въ отставку, по слабости здоровья, получитъ узаконенную пенсію, по чину полковника, 571 руб. 80 коп. Эта пенсія, даже при тогдашнихъ цѣнахъ, была весьма незначительна для человѣка, имѣвшаго, подобно моему отцу, большое семейство, состоявшее, кромѣ меня, изъ семи дочерей. Если бы мой отецъ вышелъ въ отставку въ настоящее время, то онъ получилъ бы вдвое бóльшую пенсію, благодаря эмеритурѣ, учрежденной, опять-таки, императоромъ Александромъ II. Вскорѣ послѣ выхода отца въ отставку, я кончилъ курсъ въ 1-мъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ и выпущенъ въ Финляндскій полкъ, съ прикомандированіемъ къ Николаевской инженерной академіи, слѣдовательно, жилъ въ Петербургѣ. Въ это-то время мнѣ пришла мысль обратиться къ государю и просить его объ увеличеніи пенсіи моему отцу, въ виду его долголѣтней без-

упречной службы и многочисленнаго семейства. Покойный государь часто посѣщалъ нашъ корпусъ, и мы, кадеты, привыкли къ нему, любили и нисколько не боялись; при этихъ посѣщеніяхъ онъ обращался нѣсколько разъ и ко мнѣ съ вопросами; поэтому-то я ничуть не опасался обратиться теперь къ нему; мнѣ и въ голову не приходило, что это будетъ слишкомъ смѣло, такъ какъ я уже не кадетъ, и что высшее начальство можетъ взглянуть на мой поступокъ, какъ на преступленіе противъ военной дисциплины, такъ какъ мнѣ слѣдовало, по настоящему, обратиться съ прошеніемъ по начальству, а не безпокоить лично государя.

Зная, что императоръ часто прогуливается часа въ три по Дворцовой набережной, я рѣшился отправиться туда и остановить его при удобномъ случаѣ. Такъ я и сдѣлалъ.

23-го февраля 1859 года, въ третьемъ часу дня, я пошелъ на набережную и, пройдя Эрмитажъ, вскорѣ увидалъ впереди себя государя, идущаго подъ руку съ покойной императрицей; сзади шелъ лейбъ-казакъ. Я направился вслѣдъ за ними, выжидая удобнаго случая. Вижу, навстрѣчу имъ идетъ генералъ съ дамой; государь остановился и разговариваетъ съ ними; это были великій князь Михаилъ Николаевичъ съ супругой. Подойдти было неудобно, и я уменьшилъ шагъ. Скоро государь пошелъ дальше, я за нимъ— весьма близко. Дошли почти до Литейнаго моста. Тутъ государь остановился, чтобъ сѣсть въ сани, ѣхавшіе сзади. Пока сани подъѣзжали, я смѣло подошелъ къ государю, взялъ подъ козырекъ и сталъ излагать мою просьбу. Государь все выслушалъ, но, вѣроятно, я отъ волненія говорилъ не очень ясно, и государь, спросивъ, изъ какого я корпуса, началъ милостиво переспрашивать меня; я вторично изложилъ мою просьбу, отвѣчая уже на его вопросы. Во время нашего разговора государь съ императрицей стояли около ограды набережной, а я противъ нихъ, спиной къ улицѣ, и поэтому не могъ видѣть, что сани попятились на меня, когда кучеръ заворачивалъ ихъ назадъ, но государь взялъ меня подъ руку и отвелъ въ сторону. Выслушавъ меня съ полнымъ вниманіемъ и добросердечіемъ, государь сказалъ: «Подай просьбу по начальству! Подай Ростовцеву!» Тутъ только я спохватился, что надѣлалъ.

26-го февраля, просьба на высочайшее имя была готова, но съ нею я отправился не къ ближайшему своему начальнику, какъ бы слѣдовало, и какъ указалъ сначала государь; я ухватился за послѣднее его слово, такъ какъ оно было мнѣ болѣе по душѣ, и рѣшилъ подать просьбу начальнику главнаго штаба по военно-учебнымъ заведеніямъ, генералъ-адъютанту Я. И. Ростовцеву. Когда директоромъ 1-го Московскаго кадетскаго корпуса былъ генералъ-лейтенантъ Влад. Петр. Желтухинъ, нашъ достойнѣйшій и любимый отецъ-командиръ, то я, дружный съ его сыновьями, жилъ, можно

сказать, у него и пользовался совершенно родственнымъ расположеніемъ какъ его, такъ и его добрѣйшей супруги Каролины Христіановны. Въ это-то время Яковъ Ивановичъ часто пріѣзжалъ въ корпусъ, лѣтомъ живалъ въ с. Коломенскомъ, гдѣ былъ нашъ лагерь; видя его постоянно въ эти пріѣзды у директора, я узналъ его доброту и поэтому думалъ, что теперь лучше всего и обратиться къ нему. Я отправился на его квартиру въ Кадетской линіи. Онъ принялъ меня весьма просто и любезно, разспрашивалъ о моемъ разговорѣ съ государемъ; у меня отлегло отъ сердца, когда я убѣдился, что Яковъ Ивановичъ не думаетъ упрекнуть меня за то, что я осмѣлился обратиться къ государю. Но мое прошеніе онъ велѣлъ подать своему помощнику генералу Путятѣ. Я отправился къ нему. Вотъ тутъ-то мнѣ и досталось: генералъ грозилъ даже посадить меня подъ арестъ, но дѣло ограничилось только угрозами. Прошеніе же мое не было взято, а велѣно мнѣ под[illegible]ть его непосредственному моему начальнику, т. е. генералъ-ле[illegible]енанту Ломновскому, начальнику инженерной академіи. Онъ принялъ меня также, какъ и Яковъ Ивановичъ, т. е. не только безъ всякаго распеканія, но даже и намека на мое преступленіе. Прошенію данъ былъ ходъ, но объ этомъ я ничего не зналъ.

Не прошло трехъ мѣсяцевъ, какъ я получаю увѣдомленіе отъ Я. И. Ростовцева, отъ 19-го мая 1859 года за № 1,090: «Государь императоръ по всеподданнѣйшему докладу просьбы вашей объ увеличеніи пенсіи отцу вашему, отставному полковнику, всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: производить ему негласно, въ видѣ изъятія, въ добавокъ къ получаемой пенсіи 571 р. 80., по 268 р. 20 коп. серебромъ въ годъ, изъ государственнаго казначейства». Въ другомъ увѣдомленіи отъ начальника Николаевской инженерной академіи отъ 19-го мая было добавлено, что государь императоръ оказалъ эту милость отцу моему «во вниманіе къ засвидѣтельствованію г. военнымъ министромъ объ отличныхъ достоинствахъ его». Тогдашній военный министръ генералъ Сухозанетъ зналъ хорошо моего отца, который служилъ прежде въ артиллеріи подъ его начальствомъ. Такимъ образомъ мой отецъ до самой смерти своей, въ 1882 году, получалъ эту прибавку къ пенсіи отъ щедротъ покойнаго государя. Таковъ всегда былъ царь-освободитель: простъ въ обращеніи, любезенъ, добръ и скоръ на всякое хорошее дѣло. Сколькихъ людей онъ облагодѣтельствовалъ! Моей постоянной мечтой было потомъ: дождаться времени, когда мнѣ опять выпадетъ счастливый случай еще разъ обратиться лично къ государю, уже не съ просьбой, а чтобы высказать ему то чувство глубокой преданности и признательности, которое я питалъ къ нему за себя и за всю Русь и которое все болѣе усиливалось по мѣрѣ появленія великихъ реформъ его царствованія. Но вскорѣ я вышелъ изъ инженерной академіи, а потомъ и изъ военной службы,

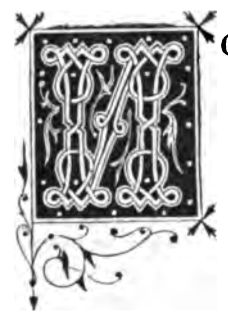
поступилъ студентомъ въ Московскій университетъ и т. д. Трудно было представиться случаю, котораго я ждалъ. Вдругъ... рука врага земли Русской прекратила плодотворную жизнь великаго государя, и моё чувство осталось невысказаннымъ. Теперь пусть этотъ разсказъ будетъ хоть слабою данью моей признательности къ безвременно погибшему добродѣтельному человѣку и государю...

С. В—ій.

НОВЫЕ МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ А. П. СУМАРОКОВА.

СТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ изслѣдованія о нашихъ старинныхъ писателяхъ, за рѣдкими исключеніями, поражаютъ своими яркими пробѣлами. Между прочимъ, въ такомъ неполномъ видѣ до настоящей минуты представляется жизнь одного изъ интересныхъ авторовъ XVIII вѣка — Александра Петровича Сумарокова: ни книга профессора Булича — «Сумароковъ и современная ему критика» (Спб., 1854 г.), ни журнальныя статьи и перепечатка архивныхъ бумагъ [1]) еще не пролили яркаго свѣта на всю біографію этого русскаго сатирика. По-

---

[1]) Изслѣдованіе профессора Булича, основанное на архивныхъ и печатныхъ данныхъ, извѣстныхъ до 1854 года, вызвало нѣсколько замѣчательныхъ статей: Михайлова (Библіот. для Чтен., 1854 г., кн. 5), Гаевскаго (Журналъ Мин. Нар. Просв., 1854 г., т. 83), Галахова (Отеч. Зап., 1854 г., кн. 6), Бестужева-Рюмина (Московск. Вѣдом., 1854 г., № 40, 47 и 68), Пыпина (Петерб. Вѣдом., 1854 г., № 83—84) и неизвѣстныхъ авторовъ (Современн., 1854 г., кн. 7; Русск. Инвалидъ, № 130; Петерб. Вѣд., № 157; Пантеонъ, кн. 6). Затѣмъ появились слѣдующіе матеріалы: «Три письма императрицы Екатерины, относящіяся до Сумарокова» (Москвит., 1855 г., кн. 17—18), «Замѣтка о Сумароковѣ», профессора Сухомлинова (Извѣстія Имп. Акад. Наукъ, 1855 г., вып. 4), «Сумароковъ и слезная драма», статья И. Шигина (Пантеонъ, 1855 г., кн. 9), «Извѣтъ Третьяковскаго на Сумарокова» (Москвит., 1856 г., кн. 13—14), «Библіографическія указанія для біографіи Сумарокова», Гр. Геннади (Музык. и Театр. Вѣстникъ, 1856 г., № 41), «А. П. Сумароковъ», В. Стоюнина (Спб., 1856 г., 172 стр.), «Матеріалы для біографіи Сумарокова» (Библіогр. Записки, 1858 г., № 14, 15 и 16), «Отрывки изъ переписки Сумарокова» (Отеч. Зап., 1858 г., кн. 2), «Письма Сумарокова къ императрицѣ Екатеринѣ» (Русск. Бесѣда, 1860 г., кн. 20),

этому приходится дорожить всякимъ новымъ документальнымъ свѣдѣніемъ, которое вѣрнѣе разъясняетъ тотъ или другой фактъ въ «измѣнчивой судьбѣ» названнаго писателя. Такіе именно еще неизвѣстные матеріалы мы и спѣшимъ напечатать, благодаря просвѣщенному вниманію княжны Екатерины Александровны Вадбольской [1]).

Прежде всего, между этими документами обращаетъ на себя вниманіе небольшая тетрадка, сшитая изъ листковъ плотной сѣрой бумаги. На ея первыхъ шести страницахъ скорописью XVII вѣка изложены слѣдующія свѣдѣнія:

«Лѣта ҂зрчд марта въ и день по указу великихъ государей, царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцевъ и по грамоте ис помѣстнаго приказу за приписью дьяка Анисима Невѣжина и по приказу воеводы Петра Ивановича Наумова по челобитью стольника Пероилья Дмитріева сына да стольника Панкратья Богданова сына Сумароковыхъ алексинецъ пушкарь Ѳедька Пашинъ ѣздилъ въ торуской уѣздъ, въ селецкой станъ, въ Пероильеву вотчину, Дмитріева сына Сумарокова, въ половину, деревню Ширяеву, а Гавриловка тожъ; а не доѣзжая той вотчины взялъ съ собою тутошнихъ и стороннихъ людей, старостъ и цѣловальниковъ и крестьянъ; да въ той вотчинѣ при тѣхъ стороннихъ людехъ переписалъ дворы и мѣста дворовыя, и пашню, и сѣно, и лѣсъ, и всякія угодья». Затѣмъ, на двухъ страницахъ содержится подробная «опись», послѣ ко-

---

«Письмо императрицы Екатерины къ Сумарокову» (Чтенія въ Общ. Исторіи, 1860 г., т. 2), «Переписка Сумарокова съ разными лицами» (Лѣтописи русск. литер. и древн., 1860 г., т. 3), «Матеріалы для словаря русскихъ писателей: Сумароковъ», С. Полторацкаго (Сѣверн. Пчела, 1860 г., № 259), «Для біографіи Сумарокова: письма и прошенія» (Библіогр. Зап., 1861 г., № 4 и 17), «Письма Сумарокова къ Шувалову» (Приложеніе къ Запискамъ Акад. Наукъ, 1862 г., т. 1), «Письма Сумарокова къ Козицкому (Лѣтописи русск. литер. и древн., 1862 г., т. 4), «Собственноручная записка А. П. Сумарокова» (Русск. Архивъ, 1867 г., кн. 1), «Два донесенія А. П. Сумарокова» (Осьмнадцатый Вѣкъ, 1869 г., кн. 3), «Послѣдніе годы жизни Сумарокова», изслѣдованіе М. Лонгинова (Русск. Арх., 1871 г., кн. 10 и 11), «Анекдотъ о Сумароковѣ» (Русск. Арх., 1874 г., кн. 4), «Изъ записной книжки А. М. Павловой о Сумароковѣ» (Русск. Арх., 1874 г., кн. 11), «Могила Сумарокова» (Московск. Вѣдом., 1874 г., № 136), «Современная характеристика А. П. Сумарокова», профессора Н. С. Тихонравова (Русск. Стар., 1884 г., кн. 3).

[1]) Названная личность, родственница Сумарокова, сообщила намъ и слѣдующую генеалогическую таблицу:

Александръ Петровичъ Сумароковъ:

Екатерина Александровна (ея мужъ Я. Б. Княжнинъ).	Прасковья Александровна (ея мужъ, гр. А. П. Головинъ).
Александръ Яковлевичъ и Борисъ Яковлевичъ Княжнины.	Елизавета Антоновна (ея мужъ, кн. П. Вадбольскій).
Викторъ Александровичъ Княжнинъ.	Александръ Петровичъ Вадбольскій (князь).
Вѣра Александровна Княжнина (ея мужъ, кн. Хованскій).	Екатерина Александровна Вадбольская (княжна).

торой слѣдуютъ такія строки: «...а переписавъ да ту вотчину отказалъ (Пашинъ) стольнику Панкратью Богданову сыну Сумарокову въ вотчину жъ со всѣми угодьи...»

Послѣ того, до конца тетрадки тянется длинный перечень «тутошнихъ и стороннихъ людей»—свидѣтелей описи.

По приведеннымъ выдержкамъ легко понять немаловажное значеніе новаго документа: съ одной стороны, онъ впервые открываетъ имя и отчество дѣда нашего писателя — Панкратія Богдановича Сумарокова, а чрезъ это и вѣрное прозваніе его отца— Петра Панкратьевича, между тѣмъ какъ нѣкоторые біографы, напримѣръ, митрополитъ Евгеній [1]), называли послѣдняго Петромъ Николаевичемъ. Съ другой стороны, тотъ же документъ всего лучше разъясняетъ, что частыя указанія сатирика на свое «знатное» происхожденіе (въ сравненіи съ Тредьяковскимъ и Ломоносовымъ) вытекали не изъ «призрачнаго самолюбія» или «пустаго хвастовства», а изъ дѣйствительной гордости высокимъ положеніемъ предковъ: дѣдъ Сумарокова и другой родственникъ (Перфилій Дмитріевичъ), какъ теперь открылось, значились «стольниками» въ 1686 году [2]).

Послѣ названной «описи» приходится указать на второй документъ: это—пергаментный листъ, на которомъ, въ фигурной рамкѣ, напечатаны слѣдующія строки:

«Божіею милостію Мы Елисаветъ Первая, Императрица и Самодержица Всероссійская и прочая, и прочая. Извѣстно и вѣдомо да будетъ каждому, что Мы Александра Сумарокова, которой при Нашемъ Оберъ-Егеръ-мейстерѣ Адъютантомъ ранга капитанскаго служилъ, для ево оказанной къ службѣ Наше ревности и прилѣжности, ко оному жъ Оберъ-Егеръ-мейстеру въ Генералсъ-Адъютанты ранга Маіорскаго, тысяща седьсотъ четыредесять третьяго года, іюня седмаго дня Всемилостивѣйше пожаловали и учредили, якоже Мы симъ жалуемъ и учреждаемъ, повелѣвая всѣмъ Нашимъ помянутаго Александра Сумарокова, за Нашего Генералсъ-Адъютанта ранга Маіорскаго надлежащимъ образомъ признавать и почитать; напротивъ чего и Мы надѣемся, что онъ въ семъ ему отъ Насъ Всемилостивѣйше пожалованномъ новомъ чинѣ, такъ вѣрно и прилѣжно поступать будетъ, какъ то вѣрному и доброму офицеру надлежитъ. Во свидѣтельство того, Мы сіе собственною Нашею рукою подписали, и государственною Нашею печатью укрѣпить повелѣли. Данъ въ Санктпетербурге (sic). Лѣта 1774 генваря 20 дни». При этомъ, кромѣ сургучной печати, находятся двѣ собственноручныя подписи: «Елисаветъ» и «Фелтъмаршалъ князь Долгоруковъ» [3]).

---

[1]) См. «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей», Москва, 1845 г., т. II, стр. 184—185.

[2]) Позднѣе же, именно въ 1703 году, Панкратій Богдановичъ Сумароковъ значился «стряпчимъ съ ключомъ», какъ показываетъ рукопись Казанскаго университета, № 1569 (см. «Описаніе рукописей Казанскаго университета» въ «Лѣтописи занятій археографической коммиссіи», Спб., 1884 г., вып. VII, отд. III, стр. 49).

[3]) Это—фельдмаршалъ, князь Василій Владиміровичъ Долгоруковъ (Списки замѣчательныхъ лицъ, Карабанова, Москва, 1860 г., стр. 12).

На этотъ «патентъ» нужно смотрѣть, какъ на точное объясненіе одного темнаго вопроса въ біографіи Сумарокова: прежде, по немногимъ даннымъ, высказывались только одни гадательныя предположенія о времени его «адъютантства»; такъ академикъ Я. К. Гротъ осторожно выразилъ лишь слѣдующее соображеніе: «въ этотъ день (25 апрѣля 1742 года) Сумароковъ могъ поступить въ лейбъ-компанію, подъ начальство графа К. Г. Разумовскаго, при которомъ черезъ десять лѣтъ, можетъ быть, получилъ должность адъютанта, ибо онъ въ одномъ письмѣ говоритъ, что отъ графа поступилъ въ директоры театра» [1]). Въ настоящее же время, съ обнародованіемъ подлиннаго документа, устраняются всякія догадки и становится яснымъ, что Сумароковъ, сначала служившій при оберъ-егермейстерѣ [2]) адъютантомъ, «ранга капитанскаго», съ 7-го іюня 1743 года былъ пожалованъ «въ Генералсъ-Адьютанты ранга Маіорскаго» къ тому же лицу и къ самой императрицѣ.

Но особенно интересную новость для біографіи Сумарокова представляетъ третій документъ-подлинный дипломъ, выданный нашему писателю отъ Лейпцигскаго литературнаго Общества. До сихъ поръ онъ не былъ извѣстенъ ни одному изслѣдователю. Такъ академикъ П. П. Пекарскій, упоминая, что этотъ дипломъ полученъ Сумароковымъ «по ходатайству Мюллера», не могъ документально подтвердить свои слова и счелъ долгомъ прибавить: «въ «Москвитянинѣ» (1842 г., № 3, стр. 120—121) есть указанія о перепискѣ, впрочемъ, ничтожнаго содержанія, Сумарокова съ Мюллеромъ» [3]). Вслѣдствіе неизвѣстности документа даже самое Лейпцигское учрежденіе именовалось различно: оно называлось то «Лейпцигскимъ ученымъ собраніемъ» [4]), то «Лейпцигскимъ ученымъ обществомъ свободныхъ наукъ» [5]). Теперь же, благодаря подлинному документу, можно восполнить давно ощутительный пробѣлъ и уничтожить нѣкоторыя ошибки въ біографіи Сумарокова. Вотъ этотъ «дипломъ» въ своемъ оригинальномъ видѣ:

«Wir Vorsteher, Aeltester, und übrige Glieder der Gesellschaft der freien Künste zu Leipzig, erklären, vermöge dieses offenen Briefes, allen die ihn lesen werden: dass wir, aus brünstigem Eifer, die schönen Wissenschaften aller Arten in unser Muttersprache gemeiner und beliebter zu machen; auch theils die jenigen, welche sich um dieselben bereits rühmlichst verdient ge-

---

[1]) См. «Письма Ломоносова и Сумарокова къ И. И. Шувалову» (Записки Императорской Академіи Наукъ, 1862, приложеніе, № 1, стр. 14).

[2]) Оберъ-егермейстеромъ графъ А. Г. Разумовскій былъ назначенъ 25 апрѣля 1742 года (см. книгу Васильчикова: «Семейство Разумовскихъ», Спб., 1880, т. I, стр. 12).

[3]) Исторія Императорской Академіи Наукъ, Спб., 1870 г., т. I, стр. 369.

[4]) Опытъ краткой исторіи русской литературы, Греча, Спб., 1822 г., стр. 441.

[5]) Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, митрополита Евгенія, Москва 1845 г., т. II, стр. 184.

machet, ihrer bisherigen Bemühungen wegen, so viel an uns ist, zu unterscheiden; theils andre, die künstig diese Absicht zu befördern, geschickte Werkzeuge abgeben können, dazu aufzumuntern, Den Hochwohlgebohrnen Herrn Herrn Alexander Sumarokow Russisch Kaiserlichen Hochbestallten Brigadier, zu einem Ehren-Gliede unser obgedachten Gesellschaft der freien Künste, aufgenommen haben. Wir ertheilen also Demselben hiermit alle Vorrechte, die andre Glieder dieser Gesellschaft zu geniessen pflegen; und hegen zugleich das feste Vertrauen: es werde Selbiger ferner, die Ehre des Vaterlandes, durch mündliche oder schriftliche Beforderung der freien Künste, in deutscher Sprache fortzupflanzen suchen, die schöne Gelehrsamkelt, in Aufnahme zu bringen, auch derselben Flor, so viel ihm möglich ist, durch Rath und That zu unterstützen, eifrigst bedacht sein. Nichts ist patriotischer, als die Ehre des deutschen Witzes, auch durch wohlabgefasste deutsche Schriften aller Arten, sonderlich solche, die zu den schönen Wissenschaften gehören, immer höher zu treiben; alles was unsre Vorfahren dazu dienliches bereits geleistet, mit billigem Ruhme hervorzuziehen und bekannter zu machen; selbst löblich in ihre Lusstapfen zu treten, und nicht eher zu ruhen, bis man, durch gemeinschaftlichen Fleiss und Eifer, alle Ausländer genöthiget, die deutsche Nation für eine der geistreichesten und gelehrtesten zu halten, ihre Schriften und Sprache aber, für eben so artig, lehrreich und angenehm zu erklären, als die Thrigen. Gegeben zu Leipzig den 7-ten des Erndten Monats 1756. Urkundlich mit des Vorstehers und Aeltesten eigenhändiger Unterschrift, wie auch der Gesellschaft grossem Siegel bezeichnet».

Подъ послѣдней строчкой этого интереснаго «диплома» еле сохранилась печать съ изображеніемъ Аполлона, играющаго на лирѣ и окруженнаго девятью музами, а по бокамъ ея видны мало разборчивыя подписи трехъ лицъ. Впрочемъ, яснѣе другихъ подписался Johann Christoph Gottsched, извѣстный нѣмецкій писатель первой половины XVIII вѣка (1700—1866 г.).

Наконецъ, къ тремъ названнымъ документамъ намъ остается присоединить два письменныя свидѣтельства о затруднительныхъ денежныхъ условіяхъ Сумарокова въ предсмертные годы. Такимъ свидѣтельствомъ является слѣдующее письмо, печатаемое нами съ буквальной точностью:

«Милостивый мой Государь Александръ Петровычъ!

«Человѣкъ вашъ Цигановъ, явясь у меня, подалъ писмо ваше, по которому старался я всевозможные благотворенія оказать, а за поворотомъ ево съ конского заводу его сіятельства графа Алексѣя Григорьевыча, въ недостаткѣ снабдилъ ево и денгами. По старому знакомству, рекомендуя себя и въ предь къ услугамъ вашего превосходительства, пребываю съ почтеніемъ. Вашего превосходительства милостивого моего государя все покорній слуга Семенъ Кочубей. Заблудова, марта 29 дня 1769 года».

Это письмо, какъ видно изъ подписи, принадлежитъ Семену Васильевичу Кочубею, сначала — нѣжинскому полковнику, а потомъ — генеральному обозному и близкому родственнику графа

А. Г. Разумовскаго [1]). Къ нему-то въ трудныя минуты и обратился Сумароковъ, какъ къ лицу, которое, «по старому знакомству», могло оказать «всевозможныя благотворенія»... Но иначе пришлось поступить нашему писателю, пять лѣтъ спустя, какъ показываетъ слѣдующій «вексель»:

«Санктъ-Петербургъ, октября 10-го, 1774 году.—Въ шесть мѣсяцевъ, щитая отъ сего октября десятаго дня тысяча семь сотъ семьдесятъ четвертаго году, по сему моему одинакому (sic) векселю долженъ я заплатить купцу Гавриле Вахерахту или кому прикажетъ денегъ восемь сотъ два рубля, толикое число получа сполна. Дѣйствительной штатской совѣтникъ и кавалеръ Александръ Сумароковъ».

Съ этимъ «векселемъ», какъ видно изъ его надписей, произошла длинная исторія, оконченная уже послѣ смерти должника: кредиторъ Вахерахтъ нѣсколько разъ поручалъ взысканіе денегъ то московскому купцу Карлу Ивановичу Амбургеру, то «армянской компаніи купцу» Петру Шаристанову, то иностранцу Андрею Андреевичу Кригеру. Послѣдній, уже послѣ кончины Сумарокова, предъявилъ протестъ, вслѣдствіе котораго на самомъ «векселѣ» появилась такая надпись: «1778 года іюля 31 дня изъ учрежденнаго при московскомъ магистратѣ департамента, въ соотвѣтствіе заключенія минувшихъ маія 18 и іюня 22 чиселъ резолюцей, на сей вексель изъ вырученной за векселедавцовы именіи суммы въ платежъ произведено пять сотъ двадцать девять рублей тридцать семь копеекъ съ половиною. Секретарь Федоровъ. Канцеляристъ Григорій Озеровъ». Остальная же сумма была получена кредиторомъ только черезъ годъ, какъ можно судить по слѣдующей роспискѣ: «1779 года іюля 22 дня по сему векселю, за уплатою выданныхъ отъ магистрата, достальной платежъ векселедавца господина Суморокова отъ дочери ево девицы Прасковьи Александровны сполна получилъ, и сей вексель впредь безъ требованія отъ меня обратно платежа ей выдалъ. Андрей Андреевъ Кригеръ».

Нѣтъ нужды дѣлать общее заключеніе изъ всѣхъ приведенныхъ документовъ. Остается только пожелать, чтобы они обратили на себя вниманіе тѣхъ, кто интересуется любопытною жизнью Сумарокова.

Дмитрій Языковъ.

---

[1]) С. В. Кочубей былъ женатъ на двоюродной сестрѣ графа, Ксеніи Герасимовнѣ Стрѣшенцовой (см. о немъ въ книгѣ Васильчикова: «Семейство Разумовскихъ», Спб., 1880 г., т. I, стр. 70).

МОГИЛА Т. Г. ШЕВЧЕНКИ.

(Изъ записной книжки художника).

АКОНЕЦЪ-ТО я въ Кіевѣ. Отсюда до Канева всего только нѣсколько часовъ ѣзды пароходомъ; а въ семи верстахъ ниже по рѣкѣ — и могила Шевченки. Рѣшено: ѣду на «Тарасову гору». Сборы немного отняли времени; наскоро уложивъ краски, кисти, походный мольбертъ и тому подобную «малярську справу», я поспѣшилъ на Подолъ, къ пристани, гдѣ уже посвистывалъ «Андрей Первозванный», готовый сняться съ якоря.

Было чудное осеннее утро. Чистый, прозрачный воздухъ дышалъ свѣжестью; изъ-за черниговскаго бора уже давно взошло солнце и посылало свои свѣтлые, но не палящіе лучи на горы и обрывы «праматери земли русской».

Роскошный видъ представляется глазамъ, когда смотришь на Кіевъ отъ Днѣпра. Крутогорый Старый-городъ словно купается въ желтоватой, мѣстами уже оранжевой зелени садовъ; вѣдь осень уже успѣла положить печать на растительность, которою такъ щедро надѣлила природа днѣпровые берега; а лаврская колокольня, владимірскій столбъ, андреевская церковка и множество бѣлыхъ, чистенькихъ частныхъ домовъ, какъ будто умытые, разодѣтые, весело выглядываютъ изъ этихъ садовъ и горятъ на солнцѣ своими золотыми куполами и блестящими окнами; а далѣе, съ правой стороны, внизу, какъ на ладони, раскинулся надъ Днѣпромъ крикливый Подолъ съ его храмами и лавками.

Раздался еще разъ свистъ, потомъ звонокъ, пароходъ тихо отчалилъ и медленно пошелъ мимо кіевскихъ береговъ, какъ будто

для того, чтобы дать возможность отъѣзжающимъ еще разъ насладиться живописными взгорьями Кіева. Словно въ панорамѣ, проходятъ передъ глазами чудныя, очаровательныя картины, и каждое новое явленіе отзывается въ душѣ новымъ воспоминаніемъ о болѣе или менѣе давнемъ прошломъ. Вотъ прямо тянется пышный, нарядный Крещатикъ, представляющій изъ себя модное мѣсто прогулокъ кіевлянъ, въ особенности же кіевлянокъ; а полтораста лѣтъ тому назадъ это былъ дикій, покрытый густымъ лѣсомъ яръ, къ обрывамъ, котораго ютилось нѣсколько глиняныхъ рыбачьихъ хижинъ. Вотъ у самаго берега стоитъ бѣлый владимірскій столбъ надъ небольшой часовенькой, въ которой бьетъ ключемъ живая вода; здѣсь, говорятъ, князь Владиміръ Красно-Солнышко крестилъ своихъ дѣтей. Немного въ сторонѣ, на высокой горѣ, возлѣ Михайловскаго Златоверхаго монастыря стоитъ другой владимірскій памятникъ (въ отличіе отъ предъидущаго называемый верхнимъ), статуя самого князя, который одной рукой упирается на крестъ, а въ другой держитъ свою княжескую шапку; рельефъ пьедестала напоминаетъ тѣ отдаленныя времена, когда загнанную въ днѣпровскія воды Русь крестили. Ниже Михайловской горы, на Подолѣ, изъ громаднаго числа различныхъ церквей выдѣляется Христо-Рождественская, въ которой ночевали останки Шевченки, когда ихъ привезли въ Кіевъ. Еще дальше, на остроконечной, конусообразной горѣ весело высятся изящные куполы Андреевской церкви; на этомъ самомъ мѣстѣ, по словамъ лѣтописца, апостолъ Андрей водрузилъ крестъ... Вотъ какая ветхая древность всплываетъ въ памяти, когда заглядишься на старый Кіевъ-градъ! А тамъ, а тамъ на самомъ горизонтѣ виднѣется Щековица, и чудится легендарное сказаніе о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ...

Но пароходъ не стоитъ, и вмѣстѣ съ воспоминаніями объ этихъ сказочныхъ временахъ исчезаютъ и вызвавшія ихъ картины, смѣняясь другими новыми. Вотъ величественные обрывы красной глины, увѣнчанные городскимъ и дворцовымъ садами; недавно это былая дикая чаща, чрезъ которую пролегала тропинка, соединявшая Подолъ и Старый-городъ съ Печерскомъ. Далѣе тянутся красныя стѣны Николаевской крѣпости... а еще далѣе, на Печерскихъ горахъ бѣлѣетъ лавра съ ярко горящими на солнцѣ куполами, изъ среды которыхъ высится главная колокольня, какъ будто пряча свою голову въ облакахъ, что̀ свободно плывутъ по ясной лазури. Противъ Печеръ черезъ Днѣпръ перекинутъ длиннѣйшій цѣпной мостъ. Пароходъ прошелъ подъ нимъ. Опять глазъ восхищается живописной котловиной, на самомъ днѣ которой утопаетъ въ роскошной зелени Выдыбецкая обитель — лѣтняя резиденція владыки-митрополита. Когда-то до этого мѣста бѣжали берегомъ новокрещенные кіевляне, съ трепетомъ слѣдя, какъ уносится быстрыми волнами роднаго Днѣпра низверженный идолъ Перуна, — бѣжали,

умоляя своего поруганнаго бога словами: «выдыбай, боже!»; на этомъ мѣстѣ, говорятъ, днѣпровскія волны выбросили его на берегъ—здѣсь «выдыбалъ» Перунъ. У самаго монастыря виситъ черезъ Днѣпръ громадный рѣшетчатый ящикъ моста московской желѣзной дороги,—краснорѣчивое сосѣдство. Пароходъ прошелъ и подъ этимъ мостомъ.

Вдругъ картина мѣняется: городъ остался позади, крутыя возвышенности правобережья отступили подальше, и по обѣ стороны рѣки раскинулась широкая равнина. Послѣ быстро мѣнявшихся кіевскихъ высотъ, эта широкая, безконечная равнина производитъ особенное вліяніе на состояніе духа: однообразностью своихъ очертаній и колорита, безконечно дальней перспективой она какъ-бы заставляетъ сосредоточиться, войдти въ себя, упорядочить тѣ разнородныя ощущенія, какими до сихъ поръ питались глаза и воображеніе.

До Канева оставалось еще слишкомъ 60 верстъ. Только что закатившееся солнце озолотило своимъ пурпуровымъ блескомъ половину неба, а на этомъ фонѣ, словно маякъ надъ морской пучиной, рѣзко обозначился крестъ Шевченковой могилы. Это уже не былъ тотъ скромный, деревянный крестъ, поставленный 24 года тому назадъ; это—новый, еще невполнѣ даже оконченный памятникъ.

Всего только въ будущемъ году исполнится двадцатипятилѣтіе со дня смерти Шевченка, но «Тарасова могила» уже имѣетъ свою исторію. Та же самая злая доля, которая не оставляла поэта втеченіе всей его жизни, не покидала его и послѣ смерти.

Вдали отъ родины, въ блестящей сѣверной столицѣ, Шевченко постоянно тосковалъ по этимъ живописнымъ, дорогимъ его сердцу берегамъ Днѣпра, по этимъ ланамъ, могиламъ, горамъ и глубоко затаенной мечтой его было

«Хоть на старість статы
На тыхъ горахъ окраденыхъ,
У маленькій хаті»!

Куда бы судьба ни заносила поэта: въ Вильно ли—въ качествѣ помѣщичьяго «козачка», въ Варшаву ли—въ мастерскую живописца вывѣсокъ, на берега ли азіатскаго Каспія—въ арестантскія роты, или опять въ столицу—въ академію художествъ, онъ нигдѣ, никогда не переставалъ любить свою родину, воспѣтую имъ Украину; уже въ 1845 году, онъ писалъ свой «Заповітъ»:

«Якъ умру, то поховайте
Мене на могылі,
Середъ степу шырокаго,
На Вкраїні мылій;
Щобъ ланы шырокополі,
І Днipро, і кручі

Вуды выдні, було чуты,
Якъ реве ревучый...
І мене въ сімьі велыкій,
Въ сімьі вільній, новій,
Не забудьте помянуты
Не злымъ, тыхімъ словомъ!»

И его похоронили въ такой могилѣ, и его поминають ежегодно, около 25-го февраля, во многихъ уголкахъ Украины, даже за предѣлами ея.

Вскорѣ послѣ похоронъ Т. Г. Шевченки, родичъ покойнаго поэта, Вароѳоломей Шевченко, съ разрѣшенія тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, заключилъ съ каневскою городскою думою условіе, по которому «Тарасова могила» поступила въ вѣчное и потомственное его владѣніе, съ платою по 2 р. въ годъ; кромѣ того, Вар. Гр. Шевченко обязался развести вокругъ могилы садикъ, огородить его и вообще стараться, чтобы могила имѣла чистый и красивый видъ. Въ томъ же году былъ временно поставленъ деревянный крестъ на каменномъ фундаментѣ. Но подобная забота о могилѣ украинскаго пѣвца показалась предосудительною и не желательною для нѣкоторыхъ не въ мѣру проницательныхъ сограждан. Былъ сочиненъ доносъ, будто въ этой могилѣ не Шевченко похороненъ, но зарыты гайдамацкіе ножи (!?), на случай народнаго возстанія! Извѣстно, что смерть поэта совпала съ великимъ актомъ освобожденія крестьянъ, а также съ печальной памяти возстаніемъ поляковъ; это было время особеннаго броженія умовъ. Мѣстныя власти уже готовы были повѣрить этому фантастическому доносу и чуть было не приступили къ разрытію могилы... Но, къ счастью, дѣло какъ-то уладилось. Буря прошла. Наступило затишье.

Казалось, была забыта и «Тарасова могила». Поклонники музы Шевченки, отъ времени до времени, предпринимали поѣздки въ Каневъ къ завѣтной могилѣ; но весьма часто приходилось имъ сталкиваться тамъ съ неожиданными препятствіями. Ретивые охранители порядка въ уѣздѣ почему-то находили эти экскурсіи нарушающими тишину и спокойствіе каневскихъ обывателей и воспрещали доступъ къ могилѣ; на ней свободно прогуливались только коровы и овцы, да полицейскій, словно «ратникъ на часахъ», съ какимъ-то непонятнымъ любопытствомъ спрашивая каждаго посѣтителя:

«Чого ты ходышъ на могылу? Чого ты плачешъ ідучы?»

Прошло такимъ образомъ 20 лѣтъ. Могила пришла въ состояніе запустѣнія; наконецъ, осенью 1881 года, подгнившій крестъ упалъ. Явилась необходимость реставрировать могилу. Въ это время полтавское губернское земство ассигновало 500 р. на памятникъ на могилѣ Шевченки; нѣкоторыя мѣстныя газеты открыли подписку на этотъ же предметъ. Но, когда со всѣхъ концовъ посыпа-

лись пожертвованія, подписка почему-то была пріостановлена. Громадный чугунный крестъ, заказанный на средства одного черниговскаго помѣщика (В. В. Тарнавскаго), вполнѣ оконченный, долгое время находился подъ арестомъ! Наконецъ, 17-го іюня 1883 года, земляныя работы, производимыя около могилы подъ присмотромъ инженера А. Ф. Якубенка, были пріостановлены, а рабочіе распущены. Нужно было употребить цѣлые 13 мѣсяцевъ на ходатайства, разъясненія, переписку, и только 17-го іюля 1884 года, получено было полное разрѣшеніе на окончаніе работъ и постановку памятника на могилѣ, и въ три дня все было готово. Осталась только «размалевка» какъ самаго креста, такъ и чугунной рѣшетки на вершинѣ самой могилы.

Вотъ именно для составленія проекта этой размалевки, по порученію строителя, я и прибылъ въ Каневъ, а на другой день утромъ отправился на «Тарасову гору», какъ ее здѣсь называютъ.

Дорога изъ города къ могилѣ вьется сообразно изгибамъ рѣки, по самому берегу. Съ лѣвой стороны безчисленныя саги и самъ Днѣпръ тихо, величественно катятъ свои волны; съ правой стороны сады Каневскаго сельца, а за этими садами, за хатами — громадные обрывы, покрытые опять садами, ползучими кустарниками и богатой растительностью. Сквозь пожелтѣвшую немного листву проглядываетъ пышнымъ ковромъ свѣтло-зеленая трава, а въ этомъ морѣ зелени такъ и брызжутъ свѣтлые лучи осенняго солнца, разсыпаясь мелкими искрами, то опять собираясь роскошными снопами. Картина восхитительная!

Вотъ изъ-за прибрежныхъ горъ и обрывовъ вынырнулъ вдругъ величественный крестъ и опять скрылся за гору, когда я подъѣхалъ къ самому подножью ея. Отсюда нужно было уже идти пѣшкомъ. Узенькая тропинка вьется по крутому, почти вертикальному склону горы, межъ кустовъ терновника, орѣшкина и т. п. лѣсной поросли. Съ трудомъ дыша отъ внутренняго волненія и отъ усилія, съ которымъ пришлось взбираться на гору, я медленно подымался, хватаясь мѣстами за вѣтви кустарниковъ, чтобы не скатиться внизъ; впереди меня бойко шелъ мой проводникъ, паренекъ лѣтъ 12-ти, взятый много изъ сельца. Это былъ красивый мальчикъ, съ темными волосами, развѣваемыми свѣжимъ раннимъ вѣтеркомъ, съ красивымъ загорѣлымъ личикомъ и живыми глазами. Для бо̀льшаго удобства, я поручилъ ему нести мою «малярскую справу», которая качалась и нимало не стѣсняла его, — такъ легко и свободно поднимался онъ вверхъ; очевидно, это было привычное для него дѣло.

Послѣ нѣсколькихъ изгибовъ дорожки въ различныхъ направленіяхъ, выйдя на вершину горы, трудно было сразу оріен-

тироваться, но, оглянувшись, я сейчасъ увидѣлъ могильный крестъ, который высоко возвышался надъ окружающими его деревьями. Часть площадки со стороны Днѣпра, величиною въ 2 десятины, окружена деревянною рѣшеткою, около которой, въ сторонкѣ, стоитъ сторожка въ видѣ типичной малорусской хаты. При входѣ въ ограду, насъ встрѣтилъ сторожъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ умнымъ выраженіемъ лица.

Могила Т. Г. Шевченки.

Прежде чѣмъ приступить къ работѣ и набросить на полотно видъ памятника, я поспѣшилъ поклониться праху «украинскаго кобзаря», надъ которымъ и послѣ смерти долго тяготѣла какая-то опала.

Могила Шевченки въ теперешнемъ ея видѣ совершенно отличается отъ прежней, которую многіе знали или по рисункамъ ея въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, или изъ личныхъ своихъ посѣщеній. Прежде она имѣла весьма скромный видъ: среди вер-

шины горы, на опушкѣ лѣса возвышался фундаментъ изъ дикаго камня, высотою въ полтора аршина, и на немъ былъ водруженъ деревянный крестъ. Теперь эти камни сняты, взамѣнъ ихъ насыпанъ курганъ въ три сажени высотою и въ десять саженъ въ діаметрѣ; уже на этой вышкѣ поставленъ трехсаженный чугунный крестъ. Рельефная орнаментика креста исполнена по малороссійскимъ образцамъ. На передней части пьедестала, въ медальонѣ, изображена голова поэта въ профиль, а вверху, подъ крестомъ — надпись: «ШЕВЧЕНКО»; съ противоположной стороны точно такая же надпись, подъ которой табличка:

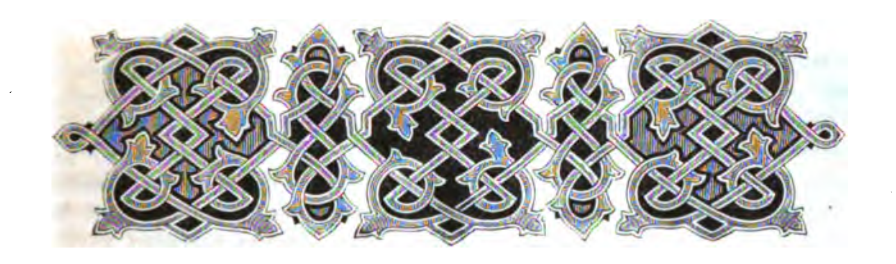
«Родився Р. Б. 1814 лютого 25 дня.
Почивъ Р. Б. 1861 лютого 25 дня»,

и больше ни слова. Крестъ, пьедесталъ и чугунная рѣшетка вокругъ памятника будутъ окрашены въ бѣлый цвѣтъ, орнаментъ (собственно гемматическія и тѣневыя части) въ синій, а медальонъ будетъ бронзированъ. Благодаря вновь насыпанному кургану, видъ на окружающую мѣстность расширился.

«Тамъ шыроко, тамъ весело
Одъ краю до краю,
Якъ та воля, що мынулась;
Днiпръ шырокый—море,
Степъ и степъ»...

К. Ф. Ухачъ-Охоровичъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Исторія Россіи. Соч. Д. Иловайскаго. Томъ II. Москва. 1884.

ТОРОЙ ТОМЪ извѣстнаго уже въ нашей исторической литературѣ труда г. Иловайскаго имѣетъ такое дополнительное заглавіе «Московско-Литовскій періодъ», или «Собиратели Руси». Такимъ періодомъ г. Иловайскій считаетъ время для Москвы отъ возникновенія великаго княжества Московскаго и до утвержденія единодержавія, а для Западной Россіи отъ начала возникновенія Литовскаго княжества и до соединенія этого княжества съ Польшею, т. е. до второй половины XVI вѣка. Такое обширное содержаніе историческаго изслѣдованія принудило его сократить объемъ настоящаго тома, вопреки первоначальному его плану, а потому княженіе Василія III и обзоръ состоянія Литовской Руси въ XV вѣкѣ и въ первой половинѣ XVI отнесены имъ къ слѣдующему тому. Кто знаетъ сложность историческихъ работъ и обильный при этомъ приливъ событій, вносимыхъ въ приготовляемое сочиненіе, а также и дѣлаемыхъ изъ нихъ общихъ выводовъ, тотъ, конечно, не поставитъ ни въ малѣйшій укоръ г. Иловайскому отступленіе его отъ первоначальнаго плана, тѣмъ болѣе, что такое отступленіе не можетъ имѣть никакого вліянія на уменьшеніе тѣхъ достоинствъ, какими отличается его трудъ.

Такъ какъ съ этими достоинствами уже достаточно знакомы лица, слѣдящія за ходомъ русско-историческихъ работъ, то мы и не будемъ говорить здѣсь ни о расположеніи предметовъ, входящихъ въ настоящій томъ «Исторіи», ни объ изложеніи, которое, не страдая ни сухостью, ни растянутостью, отличается, напротивъ, достаточною живостію и той сжатостью, которая, по нашему мнѣнію, составляетъ одно изъ важныхъ достоинствъ книгъ такого рода, къ какому принадлежитъ «Исторія Россіи», г. Иловайскаго.

Главные предметы этого тома размѣщены не въ строго-послѣдовательномъ порядкѣ, такъ какъ они вяжутся съ другими такими же событіями, требующими болѣе подробнаго изложенія. Такими предметами являются: Москва и Тверь, причемъ здѣсь первое мѣсто вполнѣ основательно занимаютъ Иванъ Калита и его сыновья, какъ бы направляющіе ходъ событій въ двухъ враждующихъ между собою сѣверо-восточныхъ княжествахъ, Московскомъ и Тверскомъ, причемъ первое изъ нихъ беретъ перевѣсъ надъ послѣднимъ, и такой исходъ борьбы служитъ едва ли не важнѣйшею ступенью къ возвышенію Москвы.

Затѣмъ г. Иловайскій отъ сѣверо-восточной Руси переходитъ къ судьбѣ юго-западной, причемъ тамъ вполнѣ основательно главными историческими личностями являются великіе князья литовскіе Гедиминъ и Ольгердъ.

Изъ Западной Руси г. Иловайскій, возвращаясь снова къ Москвѣ и къ началу освобожденія, продолжаетъ исторію борьбы московскаго князя съ тверскимъ, съ Ольгердомъ литовскимъ и Олегомъ рязанскимъ. Онъ разсказываетъ довольно подробно, относительно общаго объема своей «Исторіи» о куликовскомъ побоищѣ и оканчиваетъ эту главу смертью Димитрія Донскаго.

Въ слѣдующей затѣмъ главѣ идетъ рѣчь о польско-литовской уніи; далѣе о Василіи московскомъ и Витольдѣ литовскомъ. Слѣдующія главы посвящены: одна государствованію Василія Темнаго и ходу дѣлъ въ Восточной Руси; другая—Свидригелло и Казиміру IV, а также началу Крымскаго царства; третья—вѣчевымъ общинамъ Новгорода и Пскова. Далѣе слѣдуетъ картина русской гражданственности въ татарскую эпоху. Изъ этой главы—сверхъ того вліянія, какое имѣла татарщина на политическое возвышеніе Москвы передъ всѣми городами Восточной Руси, читатель узнаётъ о развитіи великокняжеской власти и средоточеніи боярскаго сословія, о княжеско-боярской думѣ, о началѣ мѣстничества, кормленіи и тому подобныхъ явленіяхъ, выступавшихъ все рѣзче и рѣзче при московскихъ порядкахъ, уже сильно разнившихся отъ тѣхъ порядковъ, которые господствовали на Руси въ удѣльно-вѣчевую пору и которые постепенно исчезали въ Московскомъ государствѣ.

Далѣе г. Иловайскій обращаетъ вниманіе читателя на церковь и книжную словесность того времени. Глава эта по самому существу своему представляетъ разнообразную смѣсь, съ которою, однако, авторъ справился умѣло, т. е. не упустилъ никакого событія замѣчательнаго въ нашей тогдашней церковности. Слѣдущая затѣмъ глава представляетъ «торжество объединенія и независимости». Разумѣется, что въ этой главѣ расправа съ вольнымъ Новгородомъ Ивана III, считавшагося еще ханскимъ данникомъ, представляется самымъ виднымъ событіемъ, а затѣмъ говорится о сверженіи ига татарскаго, объ оставленныхъ имъ слѣдахъ, о присоединеніи къ Москвѣ Твери и части Рязанской земли, о покореніи Вятки и Перми и объ отношеніяхъ Москвы къ Пскову и Казани.

Слѣдуя своей программѣ — вести исторію Восточной Руси «параллельно съ исторіею Западной»,—о чемъ впрочемъ потоворимъ далѣе,—г. Иловайскій послѣднюю главу втораго тома посвящаетъ «Литовскимъ отношеніямъ и внутреннимъ дѣламъ при Иванѣ III». Отношенія эти выражаются собственно личными отношеніями Ивана III къ Казиміру, супружествомъ брата этого послѣдняго, Александра, съ княжною Еленою Ивановною, дочерью Ивана III, неудовольствіемъ между тестемъ и зятемъ, отложеніемъ Сѣвер-

скихъ князей отъ Литвы и московско-литовской войною. Заканчивается же эта глава, а вмѣстѣ съ нею и второй томъ, описаніемъ враждебныхъ отношеній Москвы къ Ливонскому ордену, посольскими сношеніями съ Габсбургами и другими государями, описаніемъ иноземнаго зодчества въ Москвѣ, взаимными отношеніями между членами велико-княжеской семьи, измѣнявшими порядокъ престолонаслѣдія, и упоминаніемъ о церковныхъ соборахъ.

Изъ этого краткаго перечня можно заключить, что у читателя находятся на виду всѣ болѣе или менѣе замѣчательныя событія нашей исторіи, совершившіяся въ тотъ промежутокъ времени, который описываетъ авторъ, но какихъ либо новыхъ на нихъ взглядовъ мы не встрѣтили. Главными же событіями, къ которымъ можно было бы ихъ приложить, должно считать не самое возвышеніе Москвы, потому что оно само по себѣ очевидно, но тѣ причины, которыя очень односторонне уясняются изъ первыхъ источниковъ, такъ что доискиваться ихъ приходится уже самому историку.

Касательно этого г. Иловайскій говоритъ въ двухъ мѣстахъ своей «Исторіи». Такъ, въ одномъ мѣстѣ онъ, указывая на то, что Иваномъ II Краснымъ закончился рядъ московскихъ князей — собирателей Руси, пишетъ: «Осѣдлая хозяйственная дѣятельность, стремленіе увеличить свою отчину и дѣдину всякаго рода примыслами, воздержаніе отъ дальнихъ рискованныхъ предпріятій—вотъ ихъ отличительныя стороны, на основаніи которыхъ можно назвать ихъ князьями вотчинниками попреимуществу». Указаніе это вполнѣ вѣрно, и въ немъ даже мелькаетъ нѣсколько новая мысль о князьяхъ-вотчинникахъ. Дѣйствительно, чѣмъ болѣе усиливалась власть князей Московскихъ, тѣмъ болѣе они начинали считать себя не столько государями—правителями, сколько государями-вотчинниками, т. е. стали признавать Русскую Землю какъ бы частною своею собственностію — вотчиною, которою можно распоряжаться вполнѣ произвольно и безотчетно, какъ личнымъ достояніемъ.

Далѣе причинами, содѣйствовавшими возвышенію Москвы, г. Иловайскій признаётъ: малое дробленіе великаго княжества Московскаго на удѣлы, совмѣстное пребываніе членовъ семьи въ Москвѣ, рѣшительное преобладаніе старшаго или великаго князя надъ младшими членами семьи и малочисленность княжескаго семейства.

Далѣе г. Иловайскій, не отвергая безусловно господствующаго мнѣнія о выгодномъ географическомъ положеніи Москвы, огороженной отъ татаръ другими русскими княжествами, дѣлаетъ слѣдующую оговорку: «Москва, однако, не на столько была отдалена отъ степныхъ варваровъ, чтобы одно географическое положеніе спасало ее отъ погромовъ. Вотъ тутъ,—говоритъ онъ,—и сказалось политическое искусство Московскихъ князей. Тверь лежала еще дальше отъ татаръ, имѣя географическое положеніе не менѣе, если не болѣе выгодное, и въ началѣ являлась счастливою соперницею Москвы въ снисканіи великаго княженія Владимірскаго. Въ то время, какъ Тверь навлекала на себя татарскіе погромы, Москва успѣла пріобрѣсти и упрочить за собою продолжительное благоволеніе и даже покровительство со стороны Золотой Орды, чѣмъ ловко воспользовалась для борьбы съ своими соперниками». Къ этимъ вполнѣ справедливымъ, хотя уже и извѣстнымъ причинамъ, г. Иловайскій прибавляетъ, что въ прежнее время каждое усилившееся княжество или собственно княжая вѣтвь обыкновенно вызывала противъ себя соединенныя силы (коалицію) другихъ князей. И въ данномъ періодѣ—замѣчаетъ онъ,—мы находимъ нѣкоторыя попытки подобныхъ коалицій про-

тивъ Москвы; но московскіе князья ловко умѣли разстроивать такія попытки, причемъ особенно опирались на ханскіе ярлыки и даже на открытую татарскую помощь.

Въ другомъ мѣстѣ своей книги г. Иловайскій возвращается къ вопросу о причинахъ возвышенія Москвы и, упомянувъ о раздѣленіи Русской Земли на Русь Восточную и на Русь Западную и указывая на то, что вмѣстѣ съ политическимъ обособленіемъ той и другой начало выступать наружу замѣтнѣе, чѣмъ прежде, и раздѣленіе этнографическое, т. е. болѣе рѣзкое распаденіе русскаго племени на двѣ главныя вѣтви, или народности: велико-русскую и малорусскую. Но употребленіе этихъ названій по отношенію къ тому времени, о которомъ теперь идетъ рѣчь, слова «малорусская» едва ли можно признать правильнымъ, такъ какъ въ то время не только не было Малой Руси или Малороссіи, но не существовало даже и понятія о такомъ раздѣленіи русской народности, тѣмъ болѣе, что сѣверо-западный край не носилъ и не носитъ такого названія. Слова «Малая Русь» были придуманы гораздо позднѣе, а именно такое названіе является впервые только въ отпискахъ между царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и гетманомъ Богданомъ Хмѣльницкимъ, да и великороссіяне никогда въ прежнее, даже позднѣйшее, время не знали малороссовъ, а знали только «черкасовъ».

Впрочемъ, какъ бы то ни было, надъ великорусскою народностью постепенно возвышалась Москва, принявшая на себя, по выраженію г. Иловайскаго, «дѣло государственнаго единства и національной независимости». Въ виду этого, г. Иловайскій вторично говоритъ объ условіяхъ и обстоятельствахъ возвышенія Москвы. Здѣсь къ прежнимъ выгодамъ Москвы, какъ-то: положенія ея области, достаточно удаленной отъ сильныхъ враговъ, ловкой политики московскихъ князей въ отношеніи Золотой Орды, г. Иловайскій присоединяетъ еще: удобное торгово-промышленное положеніе Московскаго княжества, тѣсный союзъ московскихъ владѣтелей съ духовною властью, слабость и неустройство другихъ княжествъ, а также вѣчевыхъ общинъ сѣверо-восточной Руси. Къ средствамъ возвышенія великихъ князей Московскихъ г. Иловайскій относитъ умѣніе владѣтелей Москвы обуздывать удѣльныхъ князей такъ, что ближайшіе потомки этихъ послѣднихъ обратились въ приниженныхъ холоповъ государей московскихъ, а также и умѣніе этихъ послѣднихъ пользоваться сборомъ такъ называвшихся «ордынскихъ выходовъ». Сборъ этотъ вслѣдствіе недоплатъ дани въ орду обогащалъ ихъ казну; кромѣ того, пользуясь своей силой, они обременяли удѣльныхъ князей и, разумѣется, еще болѣе ихъ подданныхъ исполненіемъ разныхъ повинностей въ пользу татаръ, налагали на нихъ «ямское бремя», т. е. заставляли давать подводы и содержаніе татарскимъ посламъ и чиновникамъ и ихъ «хищной свитѣ».

Все это вполнѣ вѣрно и сходно съ тѣми обобщеніями, какія, относительно возвышенія великихъ князей московскихъ, давали и другіе историки. «Но,—добавляетъ г. Иловайскій,—не должно забывать присемъ самаго главнаго условія: умнаго и энергическаго великорусскаго племени, которое неудержимо потянулось къ Москвѣ, какъ скоро почувствовало въ ней надежное средоточіе для собранія своихъ силъ въ борьбѣ съ варварскимъ внѣшнимъ игомъ и внутренними неурядицами. Въ эту эпоху,—продолжаетъ г. Иловайскій—великоруссы ясно доказали, что изъ всѣхъ славянъ они составляютъ народъ наиболѣе способный къ единству и дисциплинѣ». У всѣхъ истори-

ческихъ народовъ, по словамъ автора, опасности внѣшнія и давленіе со стороны иноплеменныхъ враговъ служили самымъ дѣйствительнымъ побужденіемъ къ государственному объединенію и такъ называемой правительственной централизаціи. Однако, этотъ историческій законъ отражался весьма слабо на другихъ славянахъ.

Признавая великорусскій народъ «наиболѣе государственнымъ», г. Иловайскій впадаетъ въ рѣзкое противорѣчіе съ однимъ изъ главныхъ свѣтилъ московскаго народничества, съ покойнымъ К. С. Аксаковымъ, который въ извѣстной своей «Запискѣ» заявилъ, что «русскій народъ есть народъ негосударственный». Что же касается «способности великорусскаго народа къ единству и дисциплинѣ», то по поводу этого замѣчанія можно возразить очень много съ исторической точки зрѣнія. Само собою разумѣется, что новгородцы и псковичи составляли весьма видную отрасль великорусскаго племени и даже болѣе чистокровную, нежели бывшіе обитатели Московскаго княженія, съ большей примѣсью финской закваски, а между тѣмъ развѣ новгородцы и псковичи въ ту пору, о которой говоритъ г. Иловайскій, проявляли способность къ единству и дисциплинѣ? То же самое мы видимъ и въ другихъ коренныхъ великорусскихъ городахъ: Ростовѣ, Суздалѣ, Владимірѣ на Клязьмѣ. Мы видимъ тамъ однѣ и тѣ же черты: внутренніе раздоры и неподатливость государственной «дисциплинѣ». Качества, которыя приписываетъ г. Иловайскій великороссамъ, наведены были на нихъ только какъ искусственный лоскъ московскою управою, и такому измѣненію прирожденныхъ народныхъ свойствъ, по всей вѣроятности, очень много содѣйствовала въ областяхъ великаго княжества Московскаго помѣсь его обитателей съ финскимъ племенемъ, не сдѣлавшимся историческимъ народомъ. Собственно славяно-русскія княжества были иного рода. Признаки ихъ: бурныя вѣча, смѣна князей, не говоря уже о княжескихъ междоусобіяхъ, объ отсутствіи «единства и дисциплины». Новгородская и псковская вольность, отозвавшаяся и на отдаленной Вяткѣ, была подавлена московскою управою, въ которой преобладала уже татарская закваска, и первоначальниками такой управы въ Русской Землѣ были великіе князья московскіе. Они твердостію и строгостями прививали единство среди расходившагося въ сторону великорусскаго народа. Самъ г. Иловайскій въ своей исторіи княжества Рязанскаго приводитъ переписку великаго князя московскаго съ правительницею этого княжества Аграфеною, которую великій князь наставлялъ, какъ круто слѣдуетъ поступать съ русскими людьми, нарушавшими единство и дисциплину своими уходами на низовья Дона, гдѣ они хотѣли жить помимо всякой государственности. То же слѣдуетъ замѣтить и о сочувствіи народа къ Москвѣ—на счетъ этого домыслились только позднѣйшіе историки, а въ основныхъ источникахъ, напримѣръ, лѣтописяхъ ростовскихъ, псковскихъ и тверскихъ, сохранились только сѣтованія на водвореніе тяжелыхъ московскихъ порядковъ, пресѣкавшихъ исконную народно-русскую жизнь и водворявшихъ строгую государственность.

Но если мы—правильно ли, ошибочно ли—сочли нужнымъ сдѣлать такія замѣчанія, несогласныя съ воззрѣніями г. Иловайскаго, то на ряду съ этимъ намъ слѣдуетъ указать на чрезвычайно-вѣрныя его соображенія объ отношеніи русскаго боярства къ великимъ князьямъ московскимъ, державшаго ихъ сторону.

Точно также вполнѣ вѣрно говоритъ г. Иловайскій и о слѣдахъ, остав-

ленныхъ господствомъ татаръ надъ Русью, особенно въ ея восточной или московской половинѣ. Замѣтивъ, что татары своимъ давленіемъ заставляли народъ сознательно и безсознательно тянуть къ одному средоточію и скучиваться около него, г. Иловайскій пишетъ: «но, возстановляя свое политическое могущество, русскій народъ во время долгой и тяжкой борьбы невольно усвоилъ себѣ многія варварскія черты отъ своихъ завоевателей. Это не были испанскіе мавры, оставившіе въ наслѣдіе своимъ бывшимъ христіанскимъ подданнымъ довольно высоко развитую арабскую цивилизацію; это были азіатскіе кочевники, во всей неприкосновенности сохранившіе свое полудикое состояніе. Жестокія пытки и кнутъ, затворничество женщинъ и грубое отношеніе высшихъ къ низшимъ, рабское низшихъ къ высшимъ и тому подобныя черты, усилившіяся у насъ съ того времени, суть несомнѣнныя черты татарскаго вліянія. Многіе слѣды этого вліянія остались въ народномъ языкѣ и въ нѣкоторыхъ государственныхъ учрежденіяхъ». Добавимъ къ этому, что съ татарами всего болѣе сживалась Москва, сдѣлавшаяся потомъ главною руководящею силою во всей Восточной Руси, и слѣдовательно она была главнымъ проводникомъ татарщины и въ государственную, и въ народную нашу жизнь. Вотъ эти-то проявившіяся послѣ татаръ черты и водворили «единство и дисциплину».

Этимъ замѣчаніемъ мы оканчиваемъ нашъ далеко, впрочемъ, не полный разборъ той части сочиненія г. Иловайскаго, которая посвящена Восточной Руси, и переходимъ къ той, которая относится къ Руси Западной.

Здѣсь прежде всего мы должны сказать, что разборомъ этой части предупредилъ насъ рецензентъ, помѣстившій свой отзывъ о книгѣ г. Иловайскаго въ 3190 нумерѣ «Новаго Времени». Съ своей стороны мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣнія автора этой рецензіи, выставившаго вмѣсто какой либо подписи цифру XXIV, и вполнѣ сочувствуемъ тому способу изложенія, въ какомъ онъ высказалъ свои мнѣнія, потому что такое изложеніе вполнѣ соотвѣтствуетъ научной и спокойной критикѣ безъ всякаго задора и вмѣстѣ съ тѣмъ обличаетъ въ авторѣ глубокое и разностороннее знаніе того предмета, о которомъ онъ пишетъ. Въ этой статьѣ онъ, какъ замѣчено выше, предупредилъ насъ относительно сдѣланнаго г. Иловайскимъ заявленія, что онъ, г. Иловайскій, «впервые вводитъ исторію литовской Руси въ общій обзоръ русской исторіи». Неизвѣстный рецензентъ вполнѣ основательно указываетъ на то, что «такая иниціатива» принадлежитъ не г. Иловайскому, а покойному профессору Устрялову.

Съ своей стороны г. Иловайскій въ той же газетѣ помѣстилъ отвѣтъ на эту рецензію, заявляя, что тутъ выходитъ «маленькое недоразумѣніе», что онъ ни «вопроса», ни «инидіативы» себѣ не присвоиваетъ и что въ предисловіи своемъ онъ говоритъ о предъидущихъ большихъ исторіографическихъ изданіяхъ, къ которымъ, по его мнѣнію, «Русская Исторія» Устрялова, какъ учебникъ, не подходитъ. Оговорка о «большихъ исторіографическихъ изданіяхъ» дѣйствительно сдѣлана г. Иловайскимъ въ предисловіи въ его книгѣ, но дѣло въ томъ, что при этомъ не былъ упомянутъ другой самостоятельный трудъ Устрялова, разрѣшившій, повидимому, съ русской точки зрѣнія вопросъ о томъ, «какое мѣсто въ русской исторіи должно занимать великое княжество Литовское»? Мы добавили, что этотъ вопросъ разрѣшенъ былъ «повидимому» съ русской точки зрѣнія, и здѣсь слово «повидимому», какъ окажется далѣе, имѣетъ свое особое, очень важное значе-

ніе. Упомянутый трудъ Устрялова, правда, тоже не обширный, но не учебникъ, а академическое изслѣдованіе, былъ оконченъ въ 1838 году и въ слѣдующемъ году появился въ печати. Мы не будемъ говорить здѣсь о вѣрности или невѣрности основнаго взгляда Устрялова; скажемъ только, что этотъ историкъ, въ концѣ концевъ, пришелъ къ тому научному положенію, что доколѣ великое княжество Литовское было самостоятельно, имѣя своихъ князей изъ дома Гедемина, сохраняло всѣ черты русской народности и спорило съ Москвою о правѣ господствовать надъ всею Русью— историкъ обязанъ говорить съ равною подробностью о дѣлахъ литовскихъ и московскихъ и вести оба государства рядомъ, такъ точно, какъ онъ разсказываль о борьбѣ удѣльныхъ русскихъ княжествъ Кіевскаго, Черниговскаго, Галицкаго, Суздальскаго и Новгородскаго. «Положеніе дѣлъ,—продолжаетъ Устряловъ,—будетъ одно и то же, съ единственною разницею, что въ удѣльное время было нѣсколько системъ, а тутъ только двѣ: Московская и Литовская. Но и затѣмъ онъ долженъ на второмъ планѣ картины выставить княжество Литовское, опутанное цѣпями иноплеменниковъ, но не обязанъ разсказывать о всѣхъ дѣлахъ польскихъ, въ которыхъ принимало участіе великое княжество Литовское, потому что это предметъ посторонній, но обязанъ указать, какъ исчезали черты народности, какъ боролось оно, чтобы спасти свою вѣру, свой языкъ, главное и почти единственное наслѣдіе, оставшееся отъ предковъ».

Устряловъ при опредѣленіи мѣста для Литовскаго княжества въ русской исторіи не ограничился только начертаніемъ этой програмы, но еще развилъ ее съ достаточными подробностями. Такъ онъ «находилъ нужнымъ видѣть, какъ страдала Русь подъ ярмомъ польскимъ, какъ боролась она съ своими гонителями, какъ изнемогала, падала, изобразить всѣ бѣдствія нашихъ единоплеменниковъ, отторгнутыхъ отъ лона матери случайнымъ стеченіемъ обстоятельствъ и снова возвращенныхъ подъ кровъ родимый. Представить все это—есть, безъ сомнѣнія, одна изъ важнѣйшихъ задачъ для русскаго бытописателя, и пусть же покажетъ онъ намъ и злосчастную долю единовѣрной и иноплеменной намъ Руси Западной. Это,—заключалъ Устряловъ,—требуется, во имя науки; иначе воззрѣніе наше на судьбу русскаго народа будетъ одностороннe, слѣдовательно несправедливое».

Устряловъ не удовольствовался, однако, наброскомъ очерка, но и подготовилъ запасъ красокъ для извѣстныхъ политическихъ оттѣнковъ и намѣтилъ вкратцѣ все то, что̀ должно быть изложено въ исторіи Литовскаго княжества, при связи исторіи Западной Руси съ исторіею Восточной. Онъ заявлялъ, что Русь, основанная мечемъ и умомъ норманскихъ витязей, уже при самомъ возникновеніи вошедшая въ предѣлы, которые потомъ остались навсегда рубежемъ русской народности, стала повиноваться исключительно одному дому Рюрикову и что она хотя потомъ и раздробилась на многія удѣльныя княженія, но связь осталась между всѣми княженіями, надъ которыми на востокѣ стало главенствовать великое княжество Московское, а на западѣ Литовское, умѣвшее политикою, союзами и родствомъ съ потомками Рюрика и оружіемъ сдѣлать то, что̀ сдѣлала Москва. При этомъ Устряловъ указалъ и на то, что Литовскіе великіе князья брали перевѣсъ надъ Московскими иногда не только силою оружія, но и «мнѣніемъ народнымъ», такъ что, по выраженію его, «Тверь, Новгородъ и Рязань становились охотнѣе подъ знамена литовскія, чѣмъ подъ московскія».

Такимъ образомъ Устряловъ далъ весьма опредѣленную программу для введенія исторіи Литовской Руси въ общую исторію Россіи. Онъ, такъ сказать, вручилъ будущимъ нашимъ историкамъ обширный бланкъ, въ пробѣлы котораго оставалось только вставить событія, вся же основная ткань была уже готова и на ней приходилось только выводить узоры. Что же касается возраженія, сдѣланнаго г. Иловайскимъ упомянутому выше рецензенту, то едва ли можно считать его вполнѣ оправдательнымъ, такъ какъ г. Иловайскій «вовсе не впервые съ исторіею Московской Руси предпринялъ вести исторію Руси Литовской, т. е.—какъ онъ выражается—дать этой послѣдней самостоятельное мѣсто въ обработкѣ общей Русской исторіи». Такое мѣсто еще за сорокъ шесть лѣтъ тому назадъ было уже ей отведено Устряловымъ. Затѣмъ замѣчаніе г. Иловайскаго, что исторія, или учебникъ, Устрялова страдаетъ отсутствіемъ историческихъ подробностей, то такое замѣчаніе не имѣетъ никакого значенія уже потому, что въ то время, когда Устряловъ составлялъ свою книгу, не было вовсе еще тѣхъ печатныхъ источниковъ касающихся Литвы и Западной Руси, которыми можетъ пользоваться современный историкъ и изложить хоть на тридцати страницахъ то, что у Устрялова было изложено, скажемъ примѣрно, только на трехъ. Недостаткомъ источниковъ, быть можетъ, помимо вопроса о мѣстѣ Литовскаго великаго княжества въ русской исторіи, объясняется какъ бы умолчаніе о немъ и въ обширныхъ сочиненіяхъ Карамзина, Арцыбашева и даже, пожалуй, Соловьева.

Заговоривъ о трудѣ Устрялова по вопросу объ опредѣленіи мѣста исторіи Литовскаго великаго княжества въ русской исторіи, мы упомянули, что вопросъ этотъ «только, повидимому, разрѣшенъ съ русской точки зрѣнія», а теперь скажемъ, что основная мысль о томъ, что великое княжество Литовское было Русью, а не Польшею, не принадлежала вовсе нашему историку, а польскимъ писателямъ. Какъ ни страннымъ покажется это, но въ сущности было такъ. Восточно-русскіе лѣтописцы не обращали на Западную Русь никакого вниманія, и это обстоятельство уже само по себѣ исключило совершавшіяся тамъ событія изъ исторіи Восточной Руси. Въ концѣ прошлаго и въ началѣ текущаго столѣтія возвращенныя отъ Польши области назывались у насъ Польшею не только въ разговорѣ, но и въ законодательствѣ и въ правительственныхъ бумагахъ именовались онѣ «польскими» провинціями. Что же касается поляковъ, то они постоянно отдѣляли Русь отъ Литвы и отъ Польши и собственно они внесли и въ русскую литературу ту мысль, которую позднѣе развилъ Устряловъ. Въ 1837 году, вышло извѣстное нѣкогда сочиненіе Булгарина «Россія». Въ предисловіи къ этому сочиненію онъ, будучи истымъ полякомъ, доказывалъ, однако, что онъ, какъ уроженецъ Минской губерніи, по происхожденію такой же русскій, какъ и всѣ настоящіе великоруссы. Въ сороковыхъ годахъ, служилъ при бывшемъ тогда еще въ Петербургѣ Румянцовскомъ музеумѣ бывшій профессоръ Виленскаго университета Онацевичъ; онъ былъ крайній польскій патріотъ, съ трудомъ говорилъ порусски и твердилъ кому только могъ изъ посѣтителей музеума о минувшей славѣ Польши, но, какъ происходившій изъ рода сперва православныхъ, а потомъ уніатскихъ священниковъ, признавалъ себя по происхожденію русскимъ. Ему принадлежитъ если не введеніе, то распространеніе слѣдующаго опредѣленія на счетъ представителей западной отрасли русскаго племени: «gente Ruthenus, natione Polonus», т. е. по рожденію русскій, но національности полякъ. Кромѣ Булгарина, другой извѣстный русскій пи-

сатель, тоже полякъ, именно Сенковскій доказывалъ, также раньше Устрялова, что обитатели Западнаго края вовсе не поляки, а русскіе. Мысль эту въ польской исторической литературѣ проводилъ и Крашевскій и съ особенною наглядностію онъ высказалъ этотъ взглядъ въ сочиненіи своемъ, въ 1835 году, подъ заглавіемъ «Wilno», поставивъ на видъ читателямъ всѣ памятники русскаго господства въ столицѣ Литвы.

Изъ всего этого видно, что вопросъ о томъ, какое мѣсто должно занимать великое княжество Литовское, въ сущности былъ предрѣшенъ до появленія сочиненія Устрялова, такъ что исходная въ этомъ случаѣ историческая мысль собственно не принадлежитъ ему, но онъ только приноровилъ ее къ русскимъ понятіямъ. Тѣмъ менѣе такая основная мысль можетъ принадлежать позднѣйшимъ нашимъ историкамъ.

Спрашивается, однако, почему же поляки признавали нашъ Западный край не Польшею, а Русью? Объясняется это очень просто. Если бы этотъ край былъ исконно-польскимъ краемъ, то сліяніе его съ Польшею не представляло бы ничего особеннаго, но соединеніе исконныхъ русскихъ областей подъ политическимъ главенствомъ Польши и усвоеніе русскими польской гражданственности и польской образованности и выставляется торжествомъ польскихъ началъ надъ русскими. Разъясненіе такого взгляда вовлекло бы насъ въ разсужденія политическаго свойства, но мы ограничиваемся только вопросомъ историческаго свойства, почему и останавливаемся здѣсь, выразивъ желаніе увидѣть поскорѣе окончаніе труда г. Иловайскаго,—труда имѣющаго за собою немало научныхъ достоинствъ.

К. Н. В.

Великая княгиня Екатерина Алексѣевна до ея самодержавія 1729—1761 гг. Историческій очеркъ, П. Дирина. Спб. 1885.

Авторъ этого «историческаго очерка» на первой страницѣ своего труда пишетъ: «Наша отечественная историческая литература изобилуетъ какъ спеціальными исторіями царствованія Екатерины II, такъ равно и отдѣльными изслѣдованіями нѣкоторыхъ выдающихся эпохъ ея царствованія. Но при этомъ можно почти безошибочно сказать, что литература, посвященная Екатеринѣ, исключительно занята временемъ ея самодержавія и только лишь изрѣдка, и то вскользь, упоминается о ея происхожденіи, пріѣздѣ въ Россію, жизни среди совершенно чуждаго для нея двора и о ея отношеніяхъ къ своей новой царственной семьѣ. Между тѣмъ, нельзя не признать, что характеръ дѣятельности императрицы, впродолженіе всего ея царствованія, находится въ прямой зависимости отъ тридцатидвухлѣтняго подготовительнаго періода ея жизни» и проч.

Мнѣніе г. Дирина о такомъ пробѣлѣ въ исторической литературѣ лишено основанія. Литература, посвященная Екатеринѣ, не была исключительно занята изложеніемъ исторіи ея царствованія; было обращено вниманіе и на молодость Екатерины; не «изрѣдка» и не «вскользь» упоминалось о жизни ея до 1762 года; напротивъ, этотъ предметъ нѣсколько раньше былъ изслѣдованъ спеціальнѣе, чѣмъ изслѣдовалъ его г. Диринъ. Доказательствомъ тому служитъ самый трудъ этого автора, который неоднократно ссылается на мое сочиненіе о Екатеринѣ, появившееся въ Берлинѣ, въ 1883 году. Весьма боль-

шая часть моей книги, а именно не менѣе 89 страницъ (равняющихся объемомъ, по крайней мѣрѣ, половинѣ книги г. Дирина), посвящена этому предмету, причемъ достойно вниманія и то обстоятельство, что у меня было подъ рукою вдвое болѣе источниковъ, чѣмъ у г. Дирина. Поэтому, какъ мнѣ кажется, не можетъ быть и рѣчи о якобы существовавшемъ въ «исторической литературѣ» пробѣлѣ, который будто бы пополнилъ г. Диринъ.

Правда, авторъ «историческаго очерка», указывая на необходимость заняться исторіею Екатерины до 1762 года, говоритъ лишь о такомъ пробѣлѣ въ «отечественной» исторической литературѣ, между тѣмъ, какъ мое сочиненіе о Екатеринѣ было написано впервые на нѣмецкомъ языкѣ; русская же редакція этой книги (изд. Суворина) начала выходить уже въ то время, когда печаталось сочиненіе г. Дирина. Но и эта оговорка едва ли дастъ возможность отстаивать вышеупомянутое положеніе г. Дирина, потому что, кромѣ моего обширнаго труда о Екатеринѣ, появился до напечатанія сочиненія г. Дирина цѣлый рядъ моихъ статей «Жизнь Петра III до вступленія на престолъ». Эти статьи, своимъ объемомъ не уступающія книгѣ г. Дирина и своимъ содержаніемъ вполнѣ совпадающія съ нею, появились, въ 1883 году, въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

Быть можетъ, эти статьи, нѣкоторымъ образомъ исчерпывающія предметъ, ускользнули отъ вниманія г. Дирина. За то онъ въ самомъ широкомъ смыслѣ воспользовался моимъ нѣмецкимъ трудомъ о Екатеринѣ, выписывая или переводя изъ него цѣлыя страницы и даже списывая ссылки на такія сочиненія, которыми я пользовался, но которыя не находились въ рукахъ г. Дирина.

Укажемъ сначала на это послѣднее обстоятельство.

На страницѣ 76 нѣмецкаго труда, на которую ссылается г. Диринъ на стр. 283 своего историческаго очерка, я говорю о грубомъ обращеніи съ Екатериною Петра III во время его царствованія. При этомъ я цитирую, между прочимъ, разсказъ ювелира Позье, напечатанный въ «Русской Старинѣ», а далѣе ссылаюсь на записки графа Гордта, на депеши графа Мерси д'Аржанто, и проч. Составивъ почти дословный переводъ всей этой страницы, авторъ «историческаго очерка» ссылается подъ страницею на приведенные мною источники (Сб. И. О., XVIII, 33, 83, 120, 235, 323, 350; «Русская Старина», I, 201 и 226; «Mémoires d'un gentilhomme suédois» и проч.) и на мое сочиненіе, не намекая на то, что эти цитаты прямо взяты изъ моего труда, въ чемъ легко можно убѣдиться, между прочимъ, по слѣдующему обстоятельству. Записки ювелира Позье напечатаны въ «Русской Старинѣ». У меня въ текстѣ сказано: «Einen gewissen Einblick in diese leidigen Verhältnisse gewähren die Memoiren des juweliers Pauzié, welche vor einigen Jahren veröffentlicht wurden». Г. Диринъ пишетъ: «Нѣкоторый свѣтъ на печальныя отношенія между Петромъ Θеодоровичемъ и Екатериною Алексѣевною проливаютъ записки ювелира Пауція, которыя стали извѣстны весьма недавно». Едва ли мы ошибаемся, утверждая, что ссылка на «Русскую Старину» при этомъ случаѣ прямо списана съ 76 страницы моего труда и что г. Диринъ не имѣлъ въ рукахъ «Записокъ ювелира Пауція». Если бы онъ читалъ ихъ, то едва ли перевелъ бы мое выраженіе «vor einigen Jahren» словами «весьма недавно», потому что эти записки были изданы уже въ 1870 году. При этомъ случаѣ ювелира никто еще не называлъ «Пауціемъ», его имя «Pauzié», что въ «Русской Старинѣ» правильно написано «Позье». Г. Дирина ввела въ заблужде-

ніе французская ороографія фамиліи ювелира, о запискахъ котораго онъ узналъ не изъ «Русской Старины», а изъ моего нѣмецкаго сочиненія о Екатеринѣ. Не сдѣлавъ надлежащихъ выписокъ изъ сочиненій Гордта и Позье, изъ депешъ австрійскаго дипломата Мерси и изъ донесеній англійскаго дипломата Кейта (ср. стр. 281 у г. Дирина съ стр. 75 въ моемъ трудѣ) и проч., а ограничиваясь переводомъ составленнаго мною текста, авторъ «историческаго очерка» долженъ былъ бы ограничиваться ссылкою на мой трудъ или же, указывая на разные источники, которыми онъ не занимался, замѣтить, что на нихъ указано въ моемъ сочиненіи. Между тѣмъ, такіе примѣры списыванія моихъ цитатъ повторяются довольно часто. Такъ, напримѣръ, мы не думаемъ, чтобы г. Диринъ читалъ записки Штелина въ «Чтеніяхъ» М. О. И. и Др., потому что при разсказѣ о столкновеніи между Петромъ Θеодоровичемъ и Брюммеромъ, на страницѣ 45, указано не на этотъ источникъ, а на сочиненіе Соловьева. Тѣмъ болѣе вѣроятнымъ мы считаемъ, что ссылка на Штелина, на страницѣ 282, основана не на «Чтеніяхъ», а на моей цитатѣ на страницѣ 74; къ тому же любопытно еще то обстоятельство, что у меня въ текстѣ говорится о двухъ чертахъ, заимствованныхъ изъ разсказа Штелина, и соотвѣтственно этому указано на два мѣста въ запискахъ этого царедворца. Ограничиваясь сообщеніемъ лишь одного факта, заимствованнаго якобы изъ «Чтеній», авторъ приводитъ «стр. 96 и 104» только потому, что на эти цифры было указано мною, причемъ плагіатъ оказывается особенно яснымъ, благодаря тому обстоятельству, что встрѣчающаяся у меня неточность въ ссылкѣ (стр. 96 вмѣсто 97) повторяется механически въ ссылкѣ г. Дирина.

На страницѣ 204, у г. Дирина приводятся выдержки изъ писемъ Екатерины къ ея матери, причемъ подъ страницею сказано: «Herrmann. Der russische Hof unter Kaiserin Elisabeth VI, 302—303. Brückner, 56». Напрасно такимъ образомъ заставляютъ думать читателей, что г. Диринъ воспользовался сочиненіемъ Германна. Все это заимствовано у меня (стр. 56). Къ тому же ссылка на Германна «VI, 302—303», въ такомъ сокращеніи, свидѣтельствуетъ о нѣкоторой наивности автора; тутъ идетъ рѣчь не о шестомъ томѣ извѣстнаго сочиненія Германна, а о его статьѣ въ историческомъ сборникѣ «Historisches Taschenbuch. Sechste Folge. Erster Jahrgang» и проч.

Мы полагаемъ, что этихъ примѣровъ мнимой начитанности г. Дирина и его полной зависимости отъ моего труда достаточно. Можно было бы, однако, указать и еще на нѣкоторые случаи такого рода.

Многія мѣста сочиненія г. Дирина и тамъ, гдѣ нѣтъ ссылокъ на мой трудъ, прямо выписаны изъ моего сочиненія. Такъ, напримѣръ, параллель, проведенная мною между судьбою и нравомъ царевича Алексѣя Петровича и положеніемъ и характеромъ Петра Θеодоровича (стр. 50 моего труда) цѣликомъ вошла въ трудъ г. Дирина со всѣми частностями и оборотами, между тѣмъ, какъ нѣтъ ссылки на мое сочиненіе (см. трудъ г. Дирина, стр. 209—211). Замѣчанія по поводу паденія Бестужева, на стр. 246 у г. Дирина, оказываются дословнымъ переводомъ моей редакціи въ нѣмецкомъ сочиненіи (стр. 64) и т. под.

Все это даетъ мнѣ право утверждать, что замѣчаніе г. Дирина о новости содержанія его труда, о необходимости пополненія чувствительнаго пробѣла въ исторической литературѣ оказывается, по меньшей мѣрѣ, самообольщеніемъ. Кто займется чтеніемъ первыхъ главъ моего сочиненія о Екатеринѣ, а затѣмъ приступитъ къ чтенію «историческаго очерка» г. Дирина,

тотъ убѣдится въ томъ, что послѣдній трудъ не пополняетъ нисколько пробѣла, и что до этого труда все существенное содержаніе этой книги уже заключалось въ моемъ сочиненіи. Поэтому книга г. Дирина, къ тому же не отличающаяся ни удачною группировкою отдѣльныхъ частей предмета, ни литературнымъ достоинствомъ или изяществомъ слога, оказывается нелишнею развѣ только потому, что предметъ интересенъ и выписки изъ «Записокъ Екатерины», изъ Зибихова сочиненія «Brautreise Katharina's» и изъ VII тома «Сборника Историческаго Общества» составляютъ легкое и привлекательное чтеніе. Сравнивая, однако, трудъ г. Дирина, напримѣръ, съ сочиненіемъ г. Кобеко «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ», мы не можемъ не отдавать предпочтенія послѣднему сочиненію, которое дѣйствительно отличалось и новостью предмета, и начитанностью автора, и тщательностью разработки подробностей.

Трудъ г. Дирина раздѣленъ на 24 главы, не снабженныя заголовками. Такая архитектура предмета не можетъ считаться особенно удачною. Подобное раздѣленіе сочиненія не соотвѣтствуетъ никакому принципу, кромѣ хронологическаго порядка. Заглавіе книги заключаетъ въ себѣ неточность и представляетъ собою нѣкоторое противорѣчіе. «Великая княгиня Екатерина Алексѣевна до ея самодержавія (1729—1761)»—сказано въ заглавіи. Во-первыхъ, великая княгиня еще до своего самодержавія сдѣлалась императрицею; во-вторыхъ, «ея самодержавіе» началось не въ 1761 году, а въ 1762 году; въ-третьихъ, событія царствованія Петра III, т. е. событія первой половины 1762 года, составляютъ содержаніе послѣдней главы сочиненія г. Дирина, что̀ не соотвѣтствуетъ заглавію.

Укажемъ далѣе на нѣкоторыя неточности и погрѣшности автора. На страницѣ 8 сказано, что князь Христіанъ-Августъ въ 1708 году поступилъ на службу къ королю прусскому Фридриху II. Фридрихъ II родился въ 1712 году и началъ царствовать въ 1740 году, а въ 1708 году былъ король Фридрихъ I. Саксонская принцесса Маріанна не могла выйдти замужъ въ 1787 году за баварскаго курфюрста Максимиліана-Іосифа (стр. 21), потому что этотъ курфюрстъ умеръ уже въ 1777 году, а къ тому же мнимой невѣстѣ въ 1787 году было около 60 лѣтъ, такъ какъ Бестужевъ въ 1743 году хотѣлъ женить на ней великаго князя Петра Ѳеодоровича. Не изъ Берлина, какъ сказано на страницѣ 103, а изъ Дрездена Елисавета Петровна получила разныя данныя о свадьбѣ сына короля Августа. Выраженіе, что русское войско при Гросёгерсдорфѣ было «вдесятеро» сильнѣе прусскаго войска (стр. 231), оказывается преувеличеніемъ, не соотвѣтствующимъ фактическому ходу дѣла. Учителя принцессы въ Штетинѣ звали не Велингомъ (стр. 17), а «Roellig». Мѣстами встрѣчается неправильная и сбивчивая орѳографія именъ, напримѣръ, одинъ разъ «Гендриковъ», другой разъ «Гейнриковъ»; пишется то «Rambaud» (правильно), то «Rambeau» или «Rambeaud»; то «Brückner» (правильно), то «Brükner» и т. н. Не всѣ записки русскихъ людей «дышутъ (sic) самою горячею преданностью и какимъ-то поклоненіемъ передъ монархиней», какъ сказано на страницѣ 4. Стоитъ только указать на отзывы Щербатова, А. Р. Воронцова и друг., чтобы видѣть неправильность такого обобщенія. О «мягкости матери Екатерины» (стр. 12—13) намъ ничего неизвѣстно. Мы знаемъ, напротивъ, что она скорѣе отличалась крутымъ нравомъ, строптивостью и неуживчивостью.

А. Брикнеръ.

Тургеневъ въ его произведеніяхъ, сочиненіе А. Незеленова. Спб. 1885.

Г. Незеленовъ изучаетъ нашихъ великихъ писателей, изучаетъ подробно и старательно, за что, при бѣдности нашей критической литературы, мы должны быть ему благодарны. Десять лѣтъ тому назадъ вышелъ первый трудъ его — «Изслѣдованіе дѣятельности и значенія Новикова». Новаго объ этомъ родоначальникѣ русской публицистики и сатирической журналистики. послѣ трудовъ А. Аѳанасьева, А. Попова, М. Лонгинова, М. Хмырова, П. Ефремова и друг., г. Незеленовъ ничего не сообщилъ. Но современнымъ журналистамъ не мѣшало чаще напоминать объ ихъ даровитомъ предшественникѣ, и вновь появившееся изслѣдованіе было встрѣчено критикой съ должнымъ вниманіемъ и одобреніемъ. Черезъ шесть лѣтъ вышло начало обширнаго труда «Пушкинъ въ его поэзіи», гдѣ были изложены первый и второй періоды жизни и дѣятельности поэта. Здѣсь автору было еще труднѣе бороться съ своими предшественниками по оцѣнкѣ Пушкина, и изслѣдованіе, не смотря на то, что объ немъ отозвались съ похвалою, не было окончено. Вмѣсто него явился этюдъ о Тургеневѣ. Всѣ сколько нибудь замѣчательные критическіе отзывы о недавно погибшемъ романистѣ собраны въ книгѣ г. Зелинскаго, и послѣ статей объ немъ въ нашей и иностранной журналистикѣ по поводу его смерти, послѣ очерка его дѣятельности, составленнаго г. Буренинымъ (2-е изд. 1884), о Тургеневѣ почти невозможно сказать что нибудь новое, такъ всесторонне и подробно сдѣлана оцѣнка всѣхъ его произведеній. Но между многими вѣрными сужденіями о писателѣ г. Незеленовъ нашелъ нужнымъ сказать кое-что и новое, напомнивъ при этомъ случаѣ извѣстныя слова Лессинга о книгѣ, въ которой было много хорошаго и новаго, только хорошее-то было неново, а новое нехорошо.

Г. Незеленовъ раздѣляетъ на три періода дѣятельность Тургенева: первый оканчивается «Записками охотника», второй романомъ «Отцы и дѣти», третій — «Стихотвореніями въ прозѣ». При этомъ хронологическомъ дѣленіи разбираются почти всѣ произведенія писателя, за небольшими исключеніями, причину которыхъ трудно объяснить. Такъ, напримѣръ, говорится о двухъ первыхъ комедіяхъ «Нахлѣбникъ» и «Холостякъ», и не сдѣлана оцѣнка двухъ позднѣйшихъ и лучшихъ пьесъ: «Завтракъ у предводителя» и «Провинціалка». При критическомъ разборѣ авторъ дѣлаетъ и отступленія, не всегда умѣстныя. Такъ, говоря о вліяніи Лермонтова на первые стихотворные опыты Тургенева, г. Незеленовъ посвящаетъ нѣсколько страницъ цитатамъ изъ Лермонтова, объясняющимъ, какъ поэтъ понималъ любовь. Все это — совершенно лишнее и могло бы скорѣе найдти мѣсто при оцѣнкѣ Лермонтова, а не Тургенева. Разсужденіе о «народномъ направленіи» по поводу «Записокъ охотника» ограничивается извѣстіемъ, что за годъ до появленія перваго разсказа Тургенева вышла повѣсть Григоровича «Деревня», и цитатою отзыва Бѣлинскаго объ этой повѣсти съ прибавкой г. Незеленова, что «отношенія автора «Деревни» къ народу неясны, неопредѣленны и могутъ представиться даже, какъ будто отрицательными, такъ какъ въ повѣсти нѣтъ ни одного лица, вызывающаго симпатію къ себѣ, хотя съ другой стороны разсказъ проникнутъ сочувствіемъ къ крестьянскому быту». Это «съ одной стороны нельзя не сознаться, а съ другой—нельзя не признаться» не имѣетъ, однако, никакого отношенія къ Тургеневу, о народномъ направленіи кото-

раго можно было бы сказать что нибудь другое, болѣе серьезное и существенное. Подобныхъ, не идущихъ къ дѣлу, отступленій въ книгѣ немало. Въ началѣ ея помѣщенъ «общій очеркъ поэзіи Тургенева», въ концѣ — общія заключенія объ этой поэзіи. Признавая Тургенева великимъ и народнымъ поэтомъ, г. Незеленовъ приходитъ къ заключенію, что «скептицизмъ былъ въ Тургеневѣ сильнѣе вѣры, но это было ему самому невыносимо тяжело, и затаенный религіозный идеалъ его поэзіи пробивается сквозь этотъ скептицизмъ, сквозитъ въ желаніи поэтомъ побѣды духу, въ его попыткахъ найти оплотъ противъ грубыхъ волнъ природы и законовъ необходимости въ чувствѣ любви («любви, какъ всеобъемлющаго самоотверженія, и любви, какъ чистаго, духомъ просвѣтленнаго личнаго счастія «безвозвратной преданности»)». Послѣ этой, достаточно запутанной тирады, авторъ дѣлаетъ два заключенія; первое состоитъ въ томъ, что поэтическая дѣятельность Тургенева окончилась скорбью, сомнѣніемъ и тоскою, и, въ этомъ случаѣ, онъ раздѣлилъ участь нашихъ крупнѣйшихъ писателей — Пушкина и Гоголя. Съ этимъ нельзя согласиться. Въ окончательной дѣятельности этихъ писателей не было ничего общаго. Въ послѣднихъ произведеніяхъ безвременно погибшаго Пушкина не было ничего особенно скорбнаго и тоскливаго; Гоголь умеръ въ припадкѣ мистико-психическаго разстройства. Послѣднимъ мелкимъ разсказамъ Тургенева, названнымъ г. Незеленовымъ «повѣстями фантастическаго содержанія», самъ критикъ не придаетъ большого значенія. Гдѣ преобладаетъ фантазія, тамъ нѣтъ мѣста дѣйствительной жизни. Но основываясь на томъ, что въ поэзіи Тургенева ясно обозначился религіозный идеалъ, что Пушкинъ въ концѣ жизни писалъ религіозныя стихотворенія и задумывалъ поэму религіознаго содержанія, что Гоголь въ Іерусалимѣ искалъ вдохновенія для окончанія «Мертвыхъ душъ», что тѣ же духовныя стремленія видны и у другихъ нашихъ крупныхъ писателей: Достоевскаго, Льва Толстого, Майкова, г. Незеленовъ приходитъ къ «отрадному заключенію, что, при будущемъ развитіи нашей поэзіи, характеръ ея будетъ религіозный» и что, «можетъ быть, это осуществится скоро въ зачинающемся уже новомъ періодѣ нашей литературной жизни». Здѣсь, что ни слово, то заблужденіе, которое странно встрѣтить въ серьезномъ цѣнителѣ русской литературы и ея дѣятелей. Не говоримъ уже о томъ, что видѣть въ наше переходное, неустановившееся время зарю новаго періода литературной жизни — значитъ, быть литературнымъ Маниловымъ, — съ чего вздумалось критику съузить и ограничить область поэзіи? Вѣдь приводитъ же онъ самъ слова Бѣлинскаго, что «поэзія есть сама жизнь», а жизнь заключается не въ однихъ духовныхъ помыслахъ: ей не чуждо не только все человѣческое, но и вся природа, сіяющая вѣчною красотою, но равнодушная, какъ говоритъ Пушкинъ. Духовный элементъ можетъ, конечно, входить въ область поэзіи, но онъ составляетъ только часть ея, и въ поэмахъ, основанныхъ на этомъ элементѣ, особую силу придаетъ ему, всетаки, элементъ поэтическій, какъ въ «Божественной комедіи» Данта или «Потерянномъ раю» Мильтона; тамъ же, гдѣ преобладаетъ теологическая догматика, истинная поэзія замѣняется холодною риторикою, какъ въ «Мессіадѣ» Клопштока. И потомъ, что̀ значитъ «религіозный характеръ поэзіи?» Если не то, что каждое произведеніе должно быть духовнаго содержанія, то каждое должно оканчиваться благочестивымъ размышленіемъ? Но вѣдь это значитъ уничтожить всѣ виды поэзіи, которыми гордится литература всѣхъ вѣковъ и народовъ, лишить ее разнообразія, а у поэта отнять свободу твор-

чества и вдохновенія. Мы не имѣемъ возможности ни по объему, ни по предмету нашей рецензіи—входить въ подробныя доказательства, къ какому узкому, одностороннему понятію о значеніи литературы и поэзіи приводитъ взглядъ г. Незеленова. Вѣдь тутъ уже маниловщина переходитъ въ фамусовщину, дающую извѣстный рецептъ для «того, чтобъ зло пресѣчь». Но если Гоголь послѣдовалъ этому рецепту, совершивъ, съ фанатизмомъ Торквемады, ауто-да-фе надъ своимъ произведеніемъ, — неужели русскіе поэты должны слѣдовать этому примѣру, не дожидаясь, чтобы эту услугу оказали имъ строгіе критики ихъ твореній, видящіе спасеніе только въ одномъ родѣ литературы? Дѣйствительно, это будетъ тогда совершенно новый періодъ литературной жизни, по счастью еще не зачинающійся, хотя въ этомъ и убѣжденъ г. Незеленовъ.

В—ъ.

Архивъ юго-западной Россіи, издаваемый временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, высочайше учрежденною при кіевскомъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ. Часть первая. Акты о церковно-религіозныхъ отношеніяхъ въ Юго-Западной Руси (1322—1648). Томъ VI. Кіевъ. 1884.

Какъ извѣстно, при управленіи кіевскаго генералъ-губернатора существуетъ археографическая коммиссія, носящая оффиціальное названіе: «Временная коммиссія для разбора древнихъ актовъ въ архивахъ присутственныхъ мѣстъ и монастырей Кіевской, Подольской и Волынской губерній». Коммиссія эта, учрежденная въ 1843 году по иниціативѣ кіевскаго генералъ-губернатора Д. Г. Бибикова, вполнѣ понимавшаго историческое значеніе управляемаго имъ края, своими изслѣдованіями и изданіями внесла въ исторію массу научныхъ матеріаловъ. Дѣйствуя по заранѣе составленному плану, коммиссія эта по нѣкоторымъ отдѣламъ своей программы подвергнула уже собранные ею матеріалы подробной разработкѣ, издавъ ихъ въ нѣсколькихъ томахъ; такъ, напримѣръ, матеріалы для исторіи западно-русской православной церкви заняли цѣлые пять томовъ «Архива Юго-Западной Россіи». Эти матеріалы пополняются вышедшимъ въ концѣ 1884 года новымъ томомъ «Архива», который заключаетъ въ себѣ акты, служащіе продолженіемъ документовъ, изданныхъ коммиссіею подъ редакціей одного изъ первыхъ ея членовъ, Н. Д. Иванишева (до 1596 года) и профессора В. Б. Антоновича (съ 1648 по 1798 годъ).

Въ новомъ большомъ томѣ «Архива юго-западной Россіи» собрано 326 документовъ, касающихся исторіи церковной уніи, а также исторіи развитія антитринитаріанской или социніанской секты. Ко всѣмъ этимъ документамъ редакторъ изданія, г. Ор. Левицкій предпослалъ научное объясненіе, подвергнувъ обозрѣнію тѣ стороны церковно-религіозныхъ отношеній юго-западной Руси, которымъ принадлежала первенствующая роль, или которыя оставались въ наукѣ малоизвѣстными.

Въ первой части этого изслѣдованія устанавливается новый взглядъ на причины отложенія западно-русской церкви отъ восточнаго православія и соединенія ея съ римскою церковью. Доселѣ русская историческая наука, по словамъ автора предисловія, приписывала возникновеніе церковной уніи

политическимъ стремленіямъ польскаго правительства къ объединенію подвластной ему руской народности съ кореннымъ населеніемъ государства путемъ соединенія русской вѣры съ господствовавшимъ въ Польшѣ римскимъ исповѣданіемъ. Не рѣшаясь отнести этотъ выводъ къ числу безусловно ошибочныхъ, какъ вѣрно опредѣляющій отношенія польскаго правительства къ судьбамъ уніи и объясняющій внѣшніе факты изъ исторіи ея провозглашенія и дальнѣйшаго ея развитія, авторъ предисловія не придаетъ, однако, дѣйствіямъ польскаго правительства и католическаго духовенства первенствующаго въ этомъ дѣлѣ значенія, указывая на тотъ фактъ, что всѣ quasi—благочестивыя стремленія польскихъ королей подчинить римскому престолу западно-русскую церковь, начавшіяся еще съ XV вѣка, т. е. далеко до фактическаго появленія уніи на Врестскомъ соборѣ 1596 г., не привели ни къ какимъ результатамъ, не найдя благопріятныхъ къ тому условій въ жизни русскаго духовенства и русскаго народа. Второстепенное значеніе авторъ даетъ и вліянію протестантства на возникновеніе уніи, на что указываетъ митрополитъ Макарій въ своей исторіи церкви. Основныя же, органическія причины этого явленія въ церковной жизни Юго-Западной Руси авторъ усматриваетъ въ порчѣ коренныхъ основъ организаціи западно-русской церкви, во внутреннихъ ея язвахъ, разъѣдавшихъ ея организмъ, въ церковныхъ безпорядкахъ и деморализаціи среди большинства ея іерарховъ. «Стоитъ лишь окинуть однимъ взглядомъ всю эту страшную картину полной дезорганизаціи церковно-іерархическихъ отношеній снизу до верху... эти безпрестанные случаи узурпаціи свѣтскими лицами высшихъ церковныхъ достоинствъ, куплю и продажу епископій и архимандритствъ, безнравственную жизнь большинства этихъ непризванныхъ владыкъ и архимандритовъ, дерзкое нарушеніе ими каноновъ и преданій церковныхъ, исключительную и открытую погоню за наживой и неправедными прибытками и полное пренебреженіе къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ,—стоитъ вникнуть во все это—говоритъ авторъ,—чтобы убѣдиться, что такое хаотическое состояніе западно-русской церкви должно было неизбѣжно разрѣшиться какимъ нибудь крупнымъ и опаснымъ потрясеніемъ». Вся эта церковная неурядица между пастырями и пасомыми и вызванное ею церковно-преобразовательное движеніе со стороны церковныхъ братствъ и вообще мірянъ, поддерживаемое патріархатомъ, но возбудившее противъ себя недовольство мѣстныхъ іерарховъ, и были, по словамъ автора, причиною того, что послѣдніе обратились, въ видахъ поддержки авторитета своей власти, къ Риму, отъ соединенія съ которымъ они ожидали избавленія себя отъ должнаго возмездія со стороны власти вселенскаго патріарха.

Такой выводъ автора предисловія, по нашему мнѣнію, не новъ. Въ извѣстныхъ до сего времени историческихъ изслѣдованіяхъ о возникновеніи и развитіи уніи, въ числѣ причинъ этого явленія, указывалось и на извращенное состояніе западно-русской церкви въ лицѣ главныхъ ея іерарховъ и на тотъ разладъ, который возникъ вслѣдствіе этого между пастырями и паствой. Чтобы не ходить далеко за доказательствами, мы ограничимся указаніемъ на изслѣдованія П. А. Кулиша, бывшаго когда-то однимъ изъ первыхъ корреспондентовъ той археографической коммисіи, изданіе которой лежитъ теперь передъ нами. Этотъ историкъ южно-русскаго края, въ своей «Исторіи возсоединенія Руси», коснувшись эпохи возникновенія уніи, описываетъ внутреннее состояніе церковно-религіозной жизни, предшествовавшее уніи, въ

тѣхъ же самыхъ краскахъ, какими авторъ предисловія рисуетъ картину разсматриваемаго времени. Такъ, описывая состояніе южно-русскаго общества въ экономическомъ и соціальномъ отношеніяхъ, «соперничество и недовѣріе, господствовавшія тамъ, гдѣ бы слѣдовало царствовать согласію», борьбу западно-русскихъ іерарховъ съ братствами, недостойный образъ жизни этихъ іерарховъ,—П. А. Кулишъ объясняетъ, что «главное побужденіе къ уніи со стороны русской іерархіи заключалось въ желаніи освободиться отъ власти міранъ, отъ ихъ надзора и вмѣшательства въ церковныя дѣла» [1]).

Такимъ образомъ, заключеніе автора предисловія о причинахъ возникновенія уніи не можетъ быть признано новымъ, незатронутымъ исторической наукою выводомъ. Заключеніе это ново развѣ только въ томъ отношеніи, что авторъ старается отвести выставленнымъ имъ причинамъ первенствующее мѣсто въ исторіи уніи, тогда какъ прежніе историки ставили эти причины на ряду съ другими, не менѣе важными условіями этого явленія. Но на сколько и въ этомъ авторъ правъ—это дѣло будущаго историка уніи. Съ своей стороны, не задаваясь мыслію опровергать научныя изслѣдованія автора предисловія и отдавая полную справедливость обширному его труду по изслѣдованію огромнаго числа находившихся въ его распоряженіи документовъ, мы не можемъ не высказать, что церковная унія, измѣняя весь строй жизни западно-русскаго народа, вмѣстѣ съ тѣмъ затрогивала весьма близко интересы польскаго народа и польскаго правительства, а также и римско-католической церкви, а при этой массѣ разновидныхъ и разнородныхъ интересовъ причины возникновенія уніи не могутъ быть сведены исключительно или преимуществу въ призму мѣстныхъ, внутреннихъ условій жизни русскаго народа и русскаго духовенства.

Вторая часть предисловія касается исторіи возникновенія, развитія и паденія антитринитаризма (буквально—противотроичность) или социніанства въ южно-русскомъ краѣ. Предпославъ объяснительныя свѣдѣнія о происхожденіи антитринитаризма и о сущности этого ученія—на основаніи собственнаго изслѣдованія, помѣщеннаго въ «Кіевской Старинѣ» за 1882 г., авторъ предисловія излагаетъ исторію распространенія въ юго-западной Руси этой секты по вновь открытымъ документамъ. Этотъ трудъ автора представляетъ немалый интересъ, въ особенности потому, что русская литература вовсе не богата подобными изслѣдованіями и до сихъ поръ не имѣетъ отдѣльнаго сочиненія, относящагося къ исторіи западно-русской реформаціи.

Къ книгѣ приложены алфавитные указатели личныхъ именъ и географическихъ названій и подробный перечень всѣхъ помѣщенныхъ въ ней историческихъ документовъ.

М. Городецкій.

Календари Вятской губерніи, 1879—1885. Изданіе вятскаго статистическаго комитета. Вятка. 1885.

На губернскіе статистическіе комитеты сначала возлагали большія надежды; думали, что они явятся самыми дѣятельными учрежденіями при изученіи отечественной старины, мѣстной исторіи и этнографіи. Но потомъ, съ

---

[1]) Исторія воссоединенія Руси. Спб., 1874 г., томъ I, главы VIII—X.

теченіемъ времени, они все больше и больше забывались и теперь, кажется, окончательно канули въ Лету. О нихъ теперь нигдѣ не говорятъ и не пишутъ,—тѣмъ болѣе, что и они сами не стараются ничѣмъ напомнить о себѣ читающей публикѣ и, продолжая пользоваться присвоеннымъ имъ отъ казны содержаніемъ, по цѣлымъ годамъ, по десяткамъ лѣтъ, молчатъ и не издаютъ, какъ говорится, «ни гласу, ни послушанія». Отрадное исключеніе въ этомъ отношеніи представляютъ комитеты: Архангельскій, Пермскій, Вятскій, Нижегородскій и Ставропольскій, которые, не смотря на всю скудость и ограниченность матеріальныхъ средствъ, не смотря на ощутительный недостатокъ рабочихъ интеллигентныхъ силъ въ провинціи,—всетаки, нѣтъ-нѣтъ да и подарятъ читателей чѣмъ нибудь цѣннымъ по части мѣстной исторіи, археологіи или этнографіи.

Вятскій статистическій комитетъ, съ изданіями котораго въ настоящее время мы имѣемъ дѣло, давно уже пріобрѣлъ себѣ лестную репутацію, благодаря такимъ энергическимъ и талантливымъ работникамъ, какъ г. Н. Романовъ и Н. А. Спасскій, стоящіе въ главѣ его. Читателямъ «Историческаго Вѣстника» уже извѣстно, какое изданіе недавно выпущено вятскимъ статистическимъ комитетомъ, по поводу исполнившагося столѣтія существованія Вятской губерніи («Столѣтіе Вятской губерніи» — объ этомъ изданіи въ журналѣ былъ данъ своевременный отчетъ). Этимъ, однако, работы Вятскаго комитета не исчерпываются. Вотъ уже пять лѣтъ сряду онъ издаетъ, кромѣ того, каждый годъ по книжкѣ своихъ трудовъ, правда, выпуская ихъ въ формѣ не особенно удачной—въ видѣ ежегодныхъ «календарей», одно названіе которыхъ способно ввести читателя въ сомнѣніе по поводу содержанія этихъ трудовъ. Но пусть читатель не пугается этого названія: въ данномъ случаѣ оно означаетъ не пустоту, а только неумѣнье обращаться съ имѣющимися матеріалами, неумѣнье придать имъ болѣе соотвѣтствующую форму. Вятскіе календари очень содержательны; въ нихъ помѣщаются, болѣе или менѣе научно обработанныя, статьи по разнымъ вопросамъ мѣстной исторіи, этнографіи и статистики (мелкія статьи по этимъ вопросамъ находятъ себѣ мѣсто въ мѣстныхъ «губернскихъ вѣдомостяхъ»). Каждый годъ содержаніе календарей измѣняется, свѣдѣнія, напечатанныя въ одномъ выпускѣ, не повторяются въ слѣдующемъ. Однако, послѣдовательнымъ рядомъ статей, напечатанныхъ въ разные годы и обрисовывающихъ различныя стороны жизни губерніи, всѣ шесть выпусковъ «Вятскаго календаря» тѣсно связываются между собою и стремятся къ одной общей цѣли. Цѣль эта, какъ сказано въ предисловіи къ календарю 1884 г., «заключается въ томъ, чтобы подготовить въ болѣе или менѣе обработанной формѣ матеріалъ, по которому можно было бы современемъ составить описаніе цѣлой губерніи въ статистическомъ и др. отношеніяхъ». Первый опытъ такого изданія сдѣланъ былъ въ декабрѣ 1879 года, и съ тѣхъ поръ послѣдовательно, каждый годъ, календарь Вятской губерніи выходитъ къ извѣстному сроку.

Въ календарѣ перваго года (1880 г.) былъ помѣщенъ общій очеркъ Вятской губерніи, въ которомъ заключалось всестороннее описаніе губерніи въ географическомъ, геологическомъ, метеорологическомъ и статистическомъ отношеніяхъ, описаніе флоры и фауны губерніи, этнографическій очеркъ населенія Вятскаго края и особенности его нарѣчія; свѣдѣнія о мѣстной поземельной общинѣ, земледѣліи и промыслахъ. Въ послѣдующіе годы этотъ общій очеркъ пополняется статьями болѣе частнаго характера. Такъ во вто-

рой годъ (1881 г.) въ календарѣ былъ помѣщенъ детальный статистическій и этнографическій очеркъ Вятской губерніи. Въ календарѣ на 1882 г. было обращено вниманіе на физико-географическія условія Вятской губерніи, въ связи съ исторіей колонизаціи края, здѣсь же былъ помѣщенъ въ высшей степени интересный «Каталогъ древностей Вятскаго края» (г. Спицына), въ которомъ описаны всѣ остатки каменнаго и бронзоваго вѣка, найденные въ предѣлахъ Вятской губерніи; а также курганы, городища, древнія побоища, пещеры съ подземными ходами, слѣды старыхъ укрѣпленій, урочища, древнія церкви и часовни, старинныя иконы, акты и рукописи — словомъ, все, что относится къ исторіи и археологіи Вятскаго края. Въ календарѣ 1883 года помѣщенъ почтенный трудъ г. Токмакова «Указатель матеріаловъ для изученія исторіи Вятской губерніи», гдѣ указаны всѣ дѣла, относящіяся къ Вятской губерніи (прежнему намѣстничеству), находящіяся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, въ архивѣ правительствующаго синода и въ архивѣ морскаго министерства. Затѣмъ, здѣсь же помѣщенъ библіографическій указатель всѣхъ печатныхъ сочиненій, касающихся Вятской губерніи. Тутъ же находится прекрасный очеркъ о «Лѣсѣ, лѣсныхъ промыслахъ и торговлѣ»; кромѣ того, здѣсь приведены въ систематическомъ порядкѣ детальныя свѣдѣнія о льноводствѣ въ Вятской губерніи, которое послѣ хлѣба и лѣсныхъ промысловъ имѣетъ наиболѣе важное экономическое значеніе для мѣстнаго населенія. Календарь 1884 года заключаетъ въ себѣ «Статистическій обзоръ губерніи», интересную статью мѣстнаго изслѣдователя Магницкаго—«Повѣрья и обряды («запуки») въ Уржумскомъ уѣздѣ» и затѣмъ «Сводъ лѣтописныхъ извѣстій о Вятскомъ краѣ» (г. Спицына), гдѣ впервые научнымъ образомъ скомбинированы всѣ лѣтописныя сказанія о древнѣйшихъ событіяхъ на Вяткѣ. Въ календарѣ 1885 года мы находимъ «Географическо-статистическія свѣдѣнія о Вятской губерніи», гдѣ, между прочимъ, помѣщены интересныя свѣдѣнія о распредѣленіи земельной собственности въ губерніи и данныя о движеніи народонаселенія за 14 лѣтъ (1870—1884 г.). Затѣмъ въ отдѣлѣ «Вятская старина» заключаются слѣдующіе очерки: «Татары въ исторіи Вятскаго края», «Обиженные князья», «Первыя поселенія русскихъ между р.р. Воей и Суной», «Живучая старина», «Списокъ монастырей, упоминаемыхъ въ историческихъ матеріалахъ Вятскаго края», довольно полный «Некрологъ В. И. Чарыкова», бывшаго вятскаго губернатора, и проч.

Кромѣ историческихъ и статистико-этнографическихъ матеріаловъ, вятскіе календари даютъ ежегодно читателямъ еще массу разнообразныхъ справочныхъ свѣдѣній.

Н. Д—скій.

Фундуши и стипендіи виленскаго учебнаго округа. Справочное пособіе. Часть I. Вильна 1884. Составилъ Н. Юницкій.

Извѣстно, что фундушемъ (отъ латинскаго fundas) называется въ западныхъ окраинахъ Россіи имѣніе или капиталъ, завѣщанный съ благотворительной цѣлью въ пользу школы, церкви или монастыря. Значеніе стипендіи — понятно всякому. Такихъ фундушевыхъ и стипендіальныхъ капиталовъ, правительственныхъ и частныхъ, въ одномъ виленскомъ учебномъ округѣ

насчитывается до 900,000. Эти пожертвованія имѣютъ историческое значеніе, характеризуя духъ времени, направленіе общества, намѣреніе жертвователей. Но въ настоящемъ первомъ выпускѣ своего труда авторъ имѣетъ въ виду пока одну лишь практическую цѣль — собрать свѣдѣнія о всѣхъ пожертвованіяхъ, состоящихъ въ распоряженіи виленскаго учебнаго округа и указать главныя основанія каждаго фундушеваго капитала. Это тѣмъ болѣе необходимо, что нѣкоторыя учрежденія и заведенія, при которыхъ были основаны фундуши, теперь упразднены или переведены въ другія мѣстности, да и самыя положенія о пожертвованіяхъ съ теченіемъ времени подверглись разнымъ преобразованіямъ. Поэтому, составителю этого справочнаго пособія было немало труда извлечь всѣ необходимыя по этому вопросу свѣдѣнія изъ архивовъ бывшаго бѣлорусскаго учебнаго округа и министерства народнаго просвѣщенія. Но трудъ этотъ исполненъ тщательно и добросовѣстно, а книга вполнѣ отвѣчаетъ своему назначенію. Г. Юницкій передаетъ сначала сущность положенія стипендій правительственныхъ и частныхъ капиталовъ, состоящихъ въ веденіи управленія округомъ, затѣмъ говоритъ о фундушахъ первой виленской гимназіи. Здѣсь же изложены подробно положеніе и штатъ конвикта или общей квартиры для бѣдныхъ учениковъ, прекраснаго учрежденія, которое было бы очень полезно устроить и при коренныхъ русскихъ гимназіяхъ. Конечно, для этого нужно, чтобы и въ другихъ нашихъ губернскихъ городахъ нашлось, какъ въ Вильнѣ, двадцать представителей мѣстнаго дворянства, которые внесли бы пожертвованія для этой цѣли. Затѣмъ, г. Юницкій перечисляетъ фундуши, проценты съ которыхъ выдаются учащимся въ видѣ степендій; фундуши, не имѣющіе утвержденныхъ положеній; наконецъ, казенныя стипендіи для бѣдныхъ воспитанниковъ гродненской, бѣлостокской и минской гимназій и стипендіи редакціи «Виленскаго Вѣстника». Въ концѣ книги помѣщенъ указатель собственныхъ именъ и предметовъ, о которыхъ упоминается въ сборникѣ.

В. З.

Русская историческая библіографія за 1865—1876 годъ включительно. Составилъ В. Межовъ. Томъ V. Спб. 1885.

Мы уже нѣсколько разъ говорили о въ высшей степени полезномъ трудѣ нашего неутомимаго библіографа В. И. Межова «Русская историческая библіографія за 1865—1876 годъ включительно». Въ настоящее время вышелъ пятый томъ этого труда, заключающій въ себѣ 10,000 названій книгъ, брошюръ и статей, касающихся слѣдующихъ отдѣловъ: исторіи внутренней и внѣшней политики Россія, исторіи дипломатическихъ сношеній, исторіи внутреннихъ смутъ и войнъ Россіи съ внѣшними врагами, исторіи искусствъ и вспомогательныхъ наукъ по русской исторіи: генеалогіи, геральдики, хронологіи, археологіи, палеографіи, нумизматики и миеологіи. Пятый томъ, какъ и предыдущіе, составленъ съ тою же полнотою и добросовѣстностью, которыми отличаются вообще всѣ работы г. Межова.

Ш.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Англійскіе журналы и афганскій вопросъ. — Знатокъ Средней Азіи о движеніи Россіи въ этой странѣ. — Англійская логика и добросовѣстность. — Нѣмецкій журналистъ о русскихъ людяхъ и русскомъ журналистѣ. — Война 1877—1878 г. — Кольцовъ въ нѣмецкомъ переводѣ. — Русскіе поэты на итальянскомъ языкѣ. — Кавказъ и Персія. — Будетъ ли Индія русскою? — Книги о Болгаріи. — Безобидный памфлетъ обиженнаго орлеаниста противъ республики. — Юбилей Бисмарка. — Книги объ Африкѣ. — Древній Египетъ. — Англичанка въ Индіи. — Исчезнувшее племя и царство. — Китайскій путешественникъ VII вѣка. — Парламентская исторія французскаго національнаго собранія. — Мицкевичъ. — Дембовскій.

СТОЛКНОВЕНІЕ Англіи съ Россіей отразилось, конечно, и на англійской литературѣ, но сочиненія, относящіяся къ этому вопросу, отличаются, большею частью, характеромъ полемическимъ и, если касаются Россіи, принимаютъ оттѣнокъ памфлета. Серьёзныхъ книгъ, изслѣдующихъ отношенія враждующихъ между собою сторонъ съ исторической, научной точки зрѣнія, не появлялось вовсе. Исключеніе составляетъ обширная статья извѣстнаго знатока Востока, Генри Раулинсона, появившаяся и отдѣльною брошюрою, но помѣщенная первоначально въ апрѣльской книжкѣ журнала «The Nineteenth Century». Эта книжка, какъ и многіе другіе періодическіе органы, наполнена статьями, относящимися къ злобѣ дня. Тутъ помѣщены: двѣ статьи объ англо-турецкомъ союзѣ (одна изъ нихъ написана извѣстнымъ Гобартомъ-пашею), статья француза Рейнаха, «О природной симпатіи между Франціею и Англіею», статья Гошена объ англійской политикѣ съ 1880 года, и не менѣе извѣстнаго Арчибальда Форбеса: «Въ случаѣ нашествія». Между этими статьями, касающимися современныхъ событій, есть, конечно, и чисто научныя и историческія, которыми всегда такъ богатъ этотъ журналъ, какъ «Черная смерть въ восточной Англіи», «Гордонъ въ

Гревесендѣ», «Планъ имперской федераціи», трактаты о восточномъ фронтонѣ Партенона, о коронѣ солнца, о Мариво, о присягѣ, о привидѣніяхъ. Но всѣ онѣ занимаютъ десятки страничекъ, уступая главное мѣсто статьямъ политическимъ, между которыми первое мѣсто безспорно занимаетъ вполнѣ серьёзное изслѣдованіе маститаго ученаго, открывшаго и разобравшаго столько гвоздеобразныхъ надписей Ассиріи и Вавилона и издавшаго, въ 1875 году, сочиненіе, возбудившее общее вниманіе — о политическомъ и географическомъ положеніи Центральной Азіи, подъ названіемъ «Англія и Россія на Востокѣ». Компетентность Раулинсона по этому вопросу не подвержена ни малѣйшему сомнѣнію. Семнадцатилѣтнимъ юношею онъ служилъ уже въ бомбейской арміи, посланной, въ 1833 году, въ Персію, провелъ тамъ шесть лѣтъ, занимаясь организаціей персидскихъ войскъ; его посылали въ Хиву слѣдить за движеніями Перовскаго; въ 1840 году, онъ былъ политическимъ агентомъ въ Кандагарѣ; вернулся съ арміей въ Пенджабъ черезъ Кабулъ, былъ консуломъ въ Багдадѣ, агентомъ въ Аравіи, полковникомъ въ Турціи, директоромъ остиндской компаніи, членомъ индійскаго совѣта, посланникомъ въ Тегеранѣ; теперь онъ хранитель древностей въ британскомъ музеѣ. Проведя, такимъ образомъ, въ Азіи болѣе полустолѣтія въ различныхъ званіяхъ, онъ близко изучилъ страну, о которой пишетъ въ послѣднемъ своемъ сочиненіи, озаглавленномъ «Русское движеніе въ Центральной Азіи» (The Russian advance in Central Asia) и заключающемъ въ себѣ много любопытныхъ историческихъ, этнографическихъ и географическихъ подробностей. Къ сожалѣнію, несомнѣнная ученость автора не мѣшаетъ ему относиться враждебно къ Россіи и быть несправедливымъ въ изложеніи поводовъ ея движенія въ средне-азіатскихъ ханствахъ и туркменскихъ степяхъ. Личныя антипатіи заставляютъ даже умныхъ людей дѣлать заключенія, явно противорѣчащія логическому и здравому смыслу. Раулинсонъ начинаетъ съ восхваленія Россіи за ея цивилизующую миссію въ Центральной Азіи, гдѣ русскіе заслужили благодарность человѣчества за уничтоженіе невольничьихъ рынковъ въ Хивѣ и Бухарѣ, за водвореніе мира и спокойствія среди тысячи семействъ, страдавшихъ отъ разбойничьихъ набѣговъ вдоль опустошенной границы Хорассана. Заслуживъ такія похвалы за усмиреніе бухарцевъ и хивинцевъ, казалось бы логичнымъ похвалить и за обузданіе еще болѣе дерзкихъ и храбрыхъ разбойниковъ — туркменъ. Но тутъ дѣйствія русскихъ въ туркменскихъ степяхъ уже получаютъ названіе «циническихъ захватовъ». Племя текинцевъ разбито и покорено, туркмены Мерва признаютъ власть Россіи — это все еще ничего; но племя Іол-отанъ желаетъ послѣдовать примѣру Мерва, а для того, чтобы положить конецъ грабежамъ остальныхъ племенъ — сарыковъ и солоровъ, Россія хочетъ основать въ главныхъ пунктахъ занимаемыхъ ими земель военныя стоянки, изъ которыхъ было бы удобно слѣдить за движеніями шаекъ и прекращать ихъ набѣги, — а это уже преступленіе, «коварная политика», оскорбленіе Англіи. Но почему же движеніе, естественное и даже похвальное въ одномъ мѣстѣ, дѣлается предосудительнымъ въ другомъ? Съ точки зрѣнія Раулинсона, да и почти каждаго англичанина, это объясняется очень просто: движеніе происходитъ теперь вблизи границъ Индіи, на которую Россія имѣетъ виды и походъ въ которую давно рѣшенъ русскимъ правительствомъ. Это прямо заявляетъ Раулинсонъ — и попробуйте убѣдить и его, и большинство англичанъ, что Россіи теперь не до внѣшнихъ войнъ, что у нея и своего внутренняго, домашняго дѣла до-

вольно; что, наконецъ, сама Англія, своими придирками и оскорбленіями народнаго достоинства, доводитъ дѣло до войны, которая, конечно, вспыхнетъ тамъ, гдѣ силы противника всего слабѣе... Исторія давно уже утвердила за Англіей прозваніе «коварнаго Альбіона», но Альбіону хочется, во что бы то ни стало, свернуть съ больной головы на здоровую и увѣрить, что коварна Россія, замышляющая вторженіе въ Индію, въ то время, когда и ея государственные люди, и офиціальные органы прямо заявляютъ о желаніи жить въ мирѣ съ Англіей. Туркмены были бичомъ всей Средней Азіи, но русскіе смѣло вторглись въ ихъ земли, и «если бы такая экспедиція произошла въ Европѣ, ее заклеймили бы какъ разбойничество» (as piracy), — говоритъ Раулинсонъ, — и все это потому, что разбойникамъ не объявляли войну. «Мы должны были предостеречь Россію, — продолжаетъ онъ, — что занятіе Мерва неминуемо поведетъ къ войнѣ». Почему же вы этого не сдѣлали, а дѣлаете теперь, когда подчиненіе послѣднихъ туркменскихъ племенъ составляетъ только неизбѣжное послѣдствіе подчиненія первыхъ? Нельзя же у одной половины дикарей отнять возможность грабить, а другой позволить продолжать грабежи. Бадхызъ, т. е. территорія къ сѣверу отъ Парапамизскихъ горъ, между рѣками Герирудомъ и Мургабомъ, въ V столѣтіи, при сассанидскомъ царѣ Фирозѣ, принадлежала Герату и съ тѣхъ поръ считалась зависимою отъ него частью (dependencies), о чемъ упоминаютъ историки Ибн-Хаукалъ, Монадасси, Истахри, Эдризи. Это совершенно вѣрно, но самъ же Раулинсонъ говоритъ, что болѣе 50-ти лѣтъ Бадхызъ, опустошенный туркменами, вышелъ изъ зависимости Герата, который и самъ-то не всегда принадлежалъ Афганистану, а восточная часть его, т. е. долина рѣки Кушка, отдѣляется отъ равнинъ Герата отрогами Бархутскихъ горъ и въ нее «часто включали» (was frequently made to include) пункты, изъ-за которыхъ возгорается война: Ак-Тепе, Пенджедехъ, Килег-Мауръ, Кара-Тепе. И послѣ этого признанія знатока средне-азіатскихъ дѣлъ, Раулинсона, онъ, всетаки, утверждаетъ, что Гератъ de jure никогда не отказывался отъ власти надъ мѣстностями, которыя только «часто включали» въ зависѣвшія отъ него страны. И на основаніи такихъ неоспоримыхъ правъ Англія теперь воюетъ съ нами, вступаясь за оскорбленную честь афганцевъ, почти такихъ же дикарей, какъ и туркмены, которымъ англичане хотятъ позволить безнаказанно продолжать грабежи въ Бадхызѣ, уже превращенномъ ими въ пустыню. И газеты цивилизованной націи осыпаютъ оскорбленіями страну, которая хочетъ положить конецъ такому положенію дѣлъ! Если бы все это не было исторіей, то казалось бы насмѣшкой надъ здравымъ смысломъ. Но исторіи приходится вносить на свои страницы еще не такіе непонятные факты.

— Редакторъ извѣстной берлинской политической газеты «Nazional Zeitung», Фридрихъ Дернбургъ, издалъ описаніе своего путешествія по Россіи, подъ названіемъ «Русскіе люди» (Russische Leute). Это дѣйствительно скорѣе очеркъ отдѣльныхъ лицъ и сценъ, а не систематическое описаніе путешествія въ родѣ изданнаго имъ въ прошломъ году странствованія по Испаніи и Риму съ нѣмецкимъ крон-принцемъ. Дернбургъ представляетъ характеристику цѣлыхъ сословій и званій и извѣстныхъ личностей: профессоровъ, чиновниковъ, священниковъ, адвокатовъ, студентовъ, купцовъ, нигилистовъ, своихъ соотечественниковъ, причемъ перечисляетъ всѣ профессіи, какими они занимаются въ Россіи, московскаго генералъ-губернатора, нижегородскаго губернатора и проч. Отдѣльные эпизоды и картины рисуетъ онъ ярко,

рельефно и правдиво, какъ, напримѣръ, въ главѣ «Кремлевскіе романтики» (Die Romantiken des Kreml), гдѣ онъ изображаетъ сцены поклоненія русскихъ богомольцевъ московской святынѣ. Но всего любопытнѣе набросанный нѣмецкимъ журналистомъ портретъ журналиста русскаго. Въ день офиціальнаго собранія въ московскомъ воспитательномъ домѣ, Дернбургу указали на стоявшаго у столба человѣка съ строгими, энергическими чертами лица, съ коротко подстриженной сѣдой бородой à la Henri IV, въ расшитомъ золотомъ мундирѣ, съ широкою анненскою лентою на груди. «Во Франціи его приняли бы непремѣнно за генерала», между тѣмъ, это былъ вліятельный русскій журналистъ, въ газетѣ котораго «русскіе политики всѣхъ партій ищутъ объясненія того, что происходитъ, и програму того, что должно произойдти». Дернбургъ считаетъ «Московскія Вѣдомости» органомъ если не офиціальнымъ, то гораздо выше офиціознаго, а редактора ихъ называетъ безпощаднымъ противникомъ своихъ враговъ, ненавидящимъ ихъ также, какъ они его ненавидятъ (ein trefflicher Hasser und einer der bestgehassten Männer). Дернбургъ находитъ, что г. Катковъ — «другъ Германіи и не столько по политическимъ причинамъ, сколько по эстетическо-нравственному отвращенію отъ французовъ и поляковъ, дурныя стороны которыхъ дѣйствуютъ разлагающимъ образомъ на русское общество». Въ русскомъ журналистѣ нѣмецкій собратъ его признаетъ независимость, твердость убѣжденій, «рѣдко встрѣчаемую въ Россіи» проницательность, совѣсть, хотя и прибавляетъ: «легко говорить тому, кому никто не можетъ отвѣчать». Вообще подобныхъ меткихъ характеристикъ немало въ книгѣ Дернбурга, замѣчательной по многимъ отношеніямъ.

— Маіоръ Крамеръ издалъ «Критическій обзоръ русско-турецкой войны» (Kritische Rückblicke auf den Russisch-türkischen Krieg von, 1877—1878). Книга эта составлена по даннымъ (nach Aufsätzen) г. Куропаткина, бывшаго начальника штаба у генерала Скобелева, и представляетъ вольный переводъ сочиненія этого генерала, помѣщеннаго въ «Военномъ Сборникѣ», а потомъ вышедшаго отдѣльною книгою, подъ названіемъ «Ловча, Плевна и Шейново». Этому описанію главныхъ эпизодовъ войны, самому подробному и правдивому, на сколько это допускается въ офиціальномъ изложеніи, предпосланъ очеркъ начала военныхъ дѣйствій на Дунаѣ. Книга обратила на себя за границей вниманіе не однихъ военныхъ.

— Въ Лейпцигѣ давно уже издается книгопродавцемъ Рекламомъ дешевая «Всемірная Библіотека» (Universal Bibliothek) не большими книжечками въ 16-ю долю. Каждый томикъ такой библіотеки, въ 96 страницъ, стоитъ 20 пфениговъ (10 копѣекъ), въ нее входятъ произведенія всѣхъ родовъ, всѣхъ націй, оригинальныя и переводныя. До апрѣля нынѣшняго года вышло 1,980 такихъ книжекъ. Изъ русской литературы въ нихъ помѣщены переводы Гоголя (Ревизоръ, Мертвыя души, повѣсти Тарасъ Бульба), почти всего Тургенева, Пушкина (повѣсти: Капитанская дочь, Онѣгинъ, Кавказскій плѣнникъ), Лермонтова — «Герой нашего времени», повѣсти Льва Толстаго — «Кто виноватъ», Герцена и друг. Теперь вышелъ переводъ стихотвореній Кольцова (Gedichte von Alexei Kolzow). Кольцова перевелъ Фридрихъ Фидлеръ, проживающій въ Петербургѣ. Послѣ Лудвига Остена (Іессенъ), превосходно передавшаго понѣмецки лермонтовскаго «Демона», въ 1881 году издавшаго здѣсь на томъ же языкѣ лучшія произведенія Алексѣя Толстаго и Некрасова съ нѣкоторыми пьесами Тютчева, Фета, Веневитинова, Майкова, — Фид-

леръ лучшій переводчикъ. Стихи Кольцова было легче передать по формѣ—однообразнаго размѣра и содержанія, безъ риемъ, но труднѣе—по духу и особенностямъ русской народной поэзіи, и, однако, всѣ 74 пьесы переданы хорошо и вѣрны подлиннику. Переводу предпослано введеніе, въ которомъ представлены—жизнь поэта, оцѣнка его дарованія, какъ перваго представителя русской народной поэзіи, передавшаго въ художественной и истинно поэтической формѣ всѣ ея особенности, прозваннаго Боденштедтомъ, первымъ переводчикомъ нѣсколькихъ пьесъ его — «русскимъ Борнсомъ». Фидлеръ мѣтко характеризовалъ также Мерзлякова, Дельвига и Цыганова, предшественниковъ Кольцова, и вообще значеніе русской пѣсни.

— Итальянцы гораздо меньше нѣмцевъ знакомы съ русской поэзіей, и потому особеннаго вниманія заслуживаетъ небольшая, изданная во Флоренціи, книжка «Цвѣты русской поэзіи, итальянскій переводъ Сергѣя Зарудняго» (Fiori della poesia, versione italiana di Sergio Zarudni). Нашъ юристъ и сенаторъ, помимо своихъ серьезныхъ занятій и такихъ ученыхъ трудовъ, какъ переводъ на русскій языкъ уголовнаго и гражданскаго кодекса Итальянскаго королевства, занимается поэзіею и давно уже трудится надъ переводомъ Данте, а чтобы познакомить итальянцевъ съ нашей поэзіей, перевелъ прозой нѣсколько стихотвореній Кольцова, Лермонтова (Молитва, Туча, Сонъ), Майкова (Картинки), Жемчужникова, Вейнберга. Все это слишкомъ короткія произведенія, не дающія полнаго понятія объ отличительныхъ особенностяхъ нашей лирики, хотя въ этомъ и увѣряетъ Анджело де-Губернатисъ въ предисловіи, предпосланномъ переводу. Но, даже и пожалѣвъ о томъ, что переводчикъ не выбралъ болѣе капитальныхъ вещей для ознакомленія съ ними итальянцевъ, нельзя не быть ему благодарнымъ и за то, что онъ сдѣлалъ.

— «Кавказъ и Персія» (Le Caucase et la Perse)—довольно интересное описаніе путешествія по этимъ странамъ. Авторъ, Э. Орсолль, все лѣто 1882 года странствовалъ по Мингреліи, Имеретіи, Арменіи, Дагестану, Каспійскому краю и Персіи. Долѣе всего онъ пробылъ въ Тегеранѣ и Тифлисѣ, и настоящая книга — плодъ его наблюденій во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ. Наблюденія эти, бо̀льшею частью, личныя, субъективныя; встрѣчаются замѣтки историческія и политическія; всего меньше путешественникъ обращаетъ вниманія на религію, нравы и обычаи страны; всего подробнѣе говоритъ о Тегеранѣ. Къ книгѣ приложены двѣ карты.

— Въ спорѣ нашемъ съ Англіей, Франція на сторонѣ Россіи, и авторъ брошюры «Будетъ ли Индія русскою, или англійской» (L'Inde sera-t-elle russe ou anglaise?), Бельи, утверждаетъ, что въ войнѣ между этими державами успѣхъ будетъ на сторонѣ Россіи. Для доказательства своихъ предположеній, Бельи разсматриваетъ подробно всѣ средства, какими обѣ враждующія державы располагаютъ въ Средней Азіи, взвѣшиваетъ всѣ шансы борьбы и преимущество ихъ видитъ на сторонѣ русскихъ. Для него завоеваніе Индіи Россіей неизбѣжно, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

— Въ періодическихъ изданіяхъ рѣдко встрѣчаются извѣстія о Болгаріи, на которую вообще мало вниманія обращаютъ современные публицисты. Поэтому желающіе ближе ознакомиться съ настоящимъ положеніемъ этой страны могутъ найдти вѣрныя и интересныя свѣдѣнія о ней въ книгахъ Драндора: «Принцъ Александръ Батенбергскій въ Болгаріи» (Le prince Alexandre de Battenberg en Bulgarie) и «Вопросъ о капитуляціяхъ и ихъ

отмѣнѣ въ княжествѣ Болгаріи» (La question des capitulations et leur suppression dans la principauté de Bulgarie). Вторая брошюра относится къ спеціальному вопросу, хотя и имѣющему международный интересъ въ юридическомъ и бытовомъ отношеніяхъ, но въ первой много любопытныхъ свѣдѣній о личномъ характерѣ князя и его отношеніяхъ къ ходу дѣла въ княжествѣ. Нельзя сказать, чтобы авторъ относился совершенно безпристрастно къ предмету своихъ изслѣдованій, но во всякомъ случаѣ у него нѣтъ предвзятыхъ и тенденціозныхъ выводовъ, а вполнѣ литературный языкъ его книги заставляетъ прочитать ее съ удовольствіемъ.

— Не смотря на то, что республика во Франціи втеченіе пятнадцати лѣтъ своего существованія, повидимому, окончательно окрѣпла и утвердилась, у нея все еще немало враговъ между орлеанистами и бонапартистами. Враждуя постоянно между собою, обѣ эти партіи примиряются, какъ скоро имъ представляется случай къ нападкамъ на настоящій порядокъ вещей. Хоть орлеанизмъ—только не республика!— говорятъ бонапартисты.—Даже бонапартисты—лишь бы не правительство Жюля Ферри!—провозглашаютъ орлеанисты, и эта послѣдняя мысль проходитъ въ книгѣ Идевиля «Закулисныя стороны исторіи» (Les petits cotés de l'histoire). Книга эта состоитъ изъ мелкихъ замѣтокъ и второстепенныхъ документовъ, относящихся къ эпохѣ республики во Франціи (1870—1884 г.). Авторъ рисуетъ портреты многихъ современныхъ дѣятелей, уже умершихъ, какъ Тьеръ, Шанзи, Минье, Морни, Руэръ, Вельо, Гамбета, Канроберъ, или еще живыхъ, какъ Мак-Магонъ, Рошфоръ, Эмиль Оливье, герцогъ Омальскій. Попадаются въ характеристикѣ этихъ лицъ и любопытныя подробности. Но новая книга пропитана такою тенденціозностью, такимъ приторнымъ восхваленіемъ графа Парижскаго и орлеанскихъ принцевъ, что перелистываешь ее съ непріятнымъ чувствомъ. Даже такія симпатичныя личности, какъ Шанзи, выставляются авторомъ въ непривлекательномъ свѣтѣ. Причина неблагопріятныхъ отзывовъ обо всѣхъ республиканскихъ дѣятеляхъ обнаруживается сама собою. Идевиль былъ префектомъ въ Алжирѣ, и Шанзи смѣнилъ его за происки въ пользу орлеанистской партіи. Inde ira. Когда автору нѣтъ случая карать орлеанистовъ, онъ восхваляетъ клевретовъ Луи-Наполеона, хотя при всемъ его стараніи заинтересовать читателя такими авантюристами, какъ Руеръ, Морни, Оливье, они возбуждаютъ, всетаки, непріятное чувство. Мѣстами встрѣчаются характерные анекдоты. Такъ, описывая первый пріѣздъ въ Тюльери молодой жены кузена императора, принцесы Клотильды, Идевиль разсказываетъ, что Евгенія сочла нужнымъ прочесть наставленіе дочери Виктора Эммануила, чтобы она не робѣла и не конфузилась, появляясь при блестящемъ дворѣ Наполеона III. Удивленная такими наставленіями, принцесса отвѣчала не безъ ироніи: «успокойтесь—я вѣдь родилась во дворцѣ!» И Идевиль, при этомъ случаѣ, сокрушается, что Клотильда, какъ видно по ея необдуманному отвѣту, не оцѣнила благосклонности и добродушія императрицы.

— Къ празднованію семидесятилѣтней годовщины дня рожденія князя Бисмарка, вышло нѣсколько біографій германскаго канцлера. Къ лучшимъ принадлежитъ книга Вирмана: «Князь Бисмаркъ. Семьдесятъ лѣтъ. Жизнеописаніе для нѣмецкаго народа» (Fürst Bismarck. Siebzig Jahre, 1815—1885. Ein Lebensbild für das deutsche Volk). Книга написана съ патріотическою цѣлью и представляетъ панегирикъ Бисмарка. Но, кромѣ изложенія общаго направленія его патріотической дѣятельности, заключаетъ въ себѣ

множество любопытныхъ подробностей не только общественной, но и частной жизни канцлера и написана чрезвычайно легко и живо. Личность его изображена рельефно. Французы также не оставили безъ вниманія своего врага, и Амедей Пижонъ издалъ объемистый томъ подъ названіемъ «Германія Бисмарка» (L'Allemagne de M. Bismarck). Книга состоитъ изъ слѣдующихъ частей: политика Бисмарка, нѣмецкій дворъ, Берлинъ, нѣмецкая провинція (точнѣе: рейнская, потому что авторъ говоритъ только о Кобленцѣ, Боннѣ, Кельнѣ), 1883 и 1884 годы въ Германіи. Эта послѣдняя часть не болѣе какъ газетная кореспонденція, помѣщавшаяся въ «Фигаро» и не заслуживавшая перепечатки. Въ приложеніи помѣщенъ разборъ трагедіи Генриха Гарта «Седанъ», переводъ воспоминаній Виттера о берлинской революціи 1848 года и глава о нѣмецкомъ романѣ и сужденіяхъ нѣмцевъ о французскихъ романистахъ. Книгу можно было бы, безъ ущерба для ея занимательности, сократить на половину, но хотя ее нельзя сравнивать съ книгами о Германіи г-жи Сталь, Генриха Гейне, Мирабо, она всетаки значительно выше поверхностныхъ очерковъ Виктора Тиссо и о Бисмаркѣ сообщаетъ много интересныхъ подробностей. Авторъ знаетъ въ совершенствѣ нѣмецкій языкъ, и въ этомъ заключается его неоспоримое преимущество передъ своими соотечественниками, сочиняющими цѣлые трактаты о Германіи и вовсе не знакомыми съ ея языкомъ и литературой.

— Бисмаркъ ввелъ въ моду Африку, и объ этой части свѣта является также много книгъ. Авторъ книги «Женщины всего міра», Швейгеръ-Лерхенфельдъ, издаетъ описаніе Африки, «этой темной части свѣта, въ свѣтѣ нашего времени» (Afrika. Der dunkle Erdtheil im Lichten unserer Zeit), съ роскошными иллюстраціями и раскрашенными картинами. Но по самому названію книги видно уже, что это не серьезное научное сочиненіе, а скорѣе спекуляція. Гораздо дѣльнѣе изданіе Роскошнаго «Колоніи Европы. Западная Африка отъ Сенегала до Камеруна» (Europas Kolonien. Westafrika vom Senegal zum Kamerun). Здѣсь хорошіе иллюстраціи поясняютъ серьезный текстъ, знакомящій читателя съ природой и жителями западно-африканскихъ колоній, ихъ бытомъ и нравами, общественнымъ и гражданскимъ устройствомъ. Оба изданія выходятъ выпусками и еще не окончены.

— Прусскій генералъ-лейтенантъ Гартманъ, бывшій участникъ въ франко-прусской войнѣ, во время которой онъ состоялъ въ штабѣ 3-й арміи, написалъ свои воспоминанія объ этой эпохѣ, подъ названіемъ: «Пережитое изъ войны 1870—1871 года» (Erlebtes aus dem Kriege 1870—1871 г.). Какъ очевидецъ военныхъ событій, авторъ подробно описываетъ ихъ съ перваго вступленія нѣмецкой арміи въ предѣлы Франціи и до заключенія мира; и, не смотря на преобладаніе въ книгѣ военнаго штандпункта, сообщаетъ много подробностей интересныхъ и не для однихъ военныхъ. Въ этихъ случаяхъ, даже помимо желанія автора, является любопытная характеристика нѣмецкой арміи и ея отношеній къ побѣжденной націи. Разсказъ ведется живо, хотя и страдаетъ изобиліемъ излишнихъ подробностей.

— О древнемъ Египтѣ вышли два замѣчательныя сочиненія: одно—извѣстнаго археолога Генриха Бругша «Религія и миѳологія древнихъ египтянъ» (Religion und Mythologie der alten Aegypter). Трудъ этотъ составленъ по памятникамъ, дошедшимъ до насъ изъ глубины вѣковъ. Особенно замѣчательна вторая половина книги, гдѣ излагается египетская космогонія, въ основу которой легли главнѣйшія религіозныя вѣрованія не только семити-

ческаго племени, но и всѣхъ народовъ древняго востока. Глубокое знаніе древняго міра дало возможность автору освѣтить многія темныя стороны этихъ странныхъ вѣрованій и преданій, утратившихъ съ теченіемъ вѣковъ свое первоначальное миѳическое значеніе. Другое сочиненіе док. Эрмана «Египтяне и египетская жизнь въ древности» (Aegypten und Aegeptisches Leben im Alterthum) представляетъ подробную картину древне-египетской жизни съ ея своеобразною культурою и странными особенностями общественнаго и гражданскаго быта. Въ книгѣ множество прекрасныхъ иллюстрацій и отдѣльныя карты, тогда какъ въ сочиненіи Бругша всего двадцать рисунковъ. Книга Эрмана изложена живѣе и популярнѣе.

— Съ большимъ любопытствомъ читается «Дневникъ жены штатскаго въ Индіи» (The diary of a civilian's wife in India, 1877—1882). Госпожа Моссъ Кингъ, жена бенгальскаго чиновника и сборщика податей, провела почти шесть лѣтъ въ странѣ, процвѣтающей и благоденствующей подъ управленіемъ англичанъ, какъ увѣряютъ сами же англичане, но въ чемъ сильно сомнѣвается вся Европа, а въ особенности Азія. Мистриссъ Кингъ представляетъ картину жизни собственно англійской женщины въ сѣверной Индіи, но говоритъ также о жизни туземцевъ, относясь къ нимъ съ полной симпатіей. Нельзя сказать, чтобы та и другая жизнь были особенно привлекательны, но, если для цивилизованной англичанки странно видѣть, напримѣръ, тигровъ, скачущихъ черезъ рельсы желѣзной дороги во время поѣзда, для туземца, въ его некомфортабельной обстановкѣ, тигръ не составляетъ еще главнаго несчастія. Дневникъ мистриссъ Кингъ вполнѣ подтверждаетъ не опровергаемыя и англичанами свѣдѣнія о совершенной отчужденности правителей Индіи отъ туземцевъ и высокомѣріи, съ какимъ горсть пришельцевъ относится къ двухсотмиліонному населенію Индіи, не имѣющему ничего общаго со своими завоевателями.

— Книга Вильяма Райта «Царство Гиттитовъ» (The empire of Hittites) переноситъ насъ въ темныя области исторіи, къ народу, давно исчезнувшему съ лица земли, самое существованіе котораго теряется въ мракѣ легендъ и сомнительныхъ преданій. Въ 1812 году, въ стѣнѣ одного дома, въ сирійскомъ городѣ Гама (библейскій Амаѳъ, греческая Эпифанія), на рѣкѣ Оронтъ, найденъ былъ камень, исписанный неизвѣстными іероглифами. Съ тѣхъ поръ, втеченіе полустолѣтія, найдено было еще нѣсколько камней съ такими же письменами. Только въ 1874 году, Райтъ, миссіонеръ въ Дамаскѣ, высказалъ мнѣніе, что эти памятники принадлежатъ поколѣнію гиттитовъ, потомки которыхъ, по мнѣнію Руже, заявленному еще въ 1866 году, жили въ сѣверной Сиріи, подъ именемъ хита. Это то самое племя, которое изображается на египетскихъ памятникахъ, какъ страшный противникъ фараоновъ-завоевателей: Тутмеса I и III, Сети I и Рамзеса II. Послѣдующія изысканія Джорджа Смита и найденныя имъ надписи на базальтовыхъ скалахъ доказали, что письмена эти принадлежали племени хаттамъ, часто упоминаемому въ ассирійскихъ памятникахъ, и могущество котораго пало окончательно въ 717 году до Р. Х., когда Саргонъ взялъ и разрушилъ столицу ихъ Каргемишъ. Въ библіи упоминается о городѣ гиттитовъ Кадешѣ, въ царствованіе Давида, и Хиты, отразившіе Рамзеса отъ стѣнъ Кадеша были тѣ же гиттиты, царство которыхъ въ догомерическую эпоху простиралось отъ Евфрата до Эгейскаго моря. Въ 1879 году, профессоръ Сайсъ доказывалъ, что колоссальная фигура, высѣченная на скалѣ въ Каравельскомъ проходѣ, между Эфесомъ и Сардами, принадлежитъ не Севострису, какъ предполагалъ

Геродотъ, а гиттитскому царю. Скудныя свѣдѣнія объ исторіи этого племени Райтъ собралъ въ своей книгѣ, освѣтивъ всѣ вопросы, относящіеся къ этому предмету, послѣдними научными изслѣдованіями.

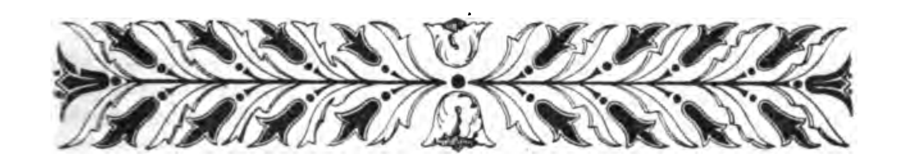
— Самюэль Биль перевелъ съ китайскаго сочиненіе Гіуэн-Цзянга «Си-ю-ки: буддистскія извѣстія о западномъ мірѣ» (Si-yu-ki: Buddhist records of the Western World). Судя по китайскимъ картамъ, составленнымъ безъ проекціи и градуснаго измѣренія, европейцы не придавали никакой цѣны китайскимъ географическимъ извѣстіямъ. Это мнѣніе оказалось, однако, ошибочнымъ, и сочиненія географовъ Серединной имперіи заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Такова книга Гіуэн-Цзянга, писателя VII столѣтія. Онъ былъ буддистскимъ священникомъ и отправился въ сѣверную Индію отыскивать священныя книги этой религіи. Изъ провинціи Кансу онъ странствовалъ черезъ Турфанъ, Куше и Ташкентъ въ Афганистанъ и Индію, откуда вернулся на родину черезъ Кашгаръ и Хотанъ, проведя въ путешествіи 16 лѣтъ (отъ 629 по 645) и собравъ множество любопытныхъ свѣдѣній о посѣщенныхъ имъ странахъ, которыя описалъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Все время онъ питался подаяніемъ и помощью частныхъ и мѣстныхъ правительственныхъ лицъ. Кромѣ знанія санскритскаго языка, онъ вездѣ изучалъ языкъ мѣстности, гдѣ останавливался, собирая свѣдѣнія всякаго рода, почему нибудь интересовавшія его. Новѣйшія изслѣдованія Коннингама, Фергюссона и другихъ изслѣдователей Средней Азіи подтвердили изумительную точность его топографическихъ показаній. Книга Гіуэн-Цзянга была уже переведена Станиславомъ Жюльеномъ на французскій языкъ, но съ такимъ искаженіемъ и непониманіемъ подлинника, что англійскій переводъ, точный и добросовѣстный, является новостью въ европейской литературѣ.

— Бывшій членъ національнаго собранія 1871 года во Франціи, баронъ Винольсъ, написалъ политическіе мемуары объ этомъ собраніи (Mémoires politiques d'un membre de l'assemblée nationale constituante de 1871). Книга эта вышла вторымъ изданіемъ и заключаетъ въ себѣ парламентскую исторію первыхъ шести лѣтъ французской республики. Авторъ ея — консерваторъ и монархистъ, и когда республиканскій элементъ получилъ преобладаніе въ системѣ правленія, отказался отъ выборовъ въ сенатъ и законодательную палату и удалился въ частную жизнь. Не смотря на его приверженность къ монархическимъ учрежденіямъ, онъ безпристрастно относится къ республиканскимъ дѣятелямъ и добросовѣстно указываетъ на слабыя стороны ихъ управленія, не скрывая ошибокъ и своей партіи. Разсказавъ шагъ за шагомъ всю жизнь національнаго собранія, перечисливъ всѣ его главнѣйшія постановленія и декреты, авторъ разсматриваетъ вопросъ, почему собраніе это, гдѣ большинство было монархическое, не возстановило монархіи во Франціи? Винольсъ находитъ, что оно могло сдѣлать это только до іюля 1871 года, когда дополнительные выборы значительно измѣнили это большинство. Потомъ Тьеръ мѣшалъ этому возстановленію, и въ палатѣ у монархистовъ не было главы, который руководилъ бы своею партіею. Обманувшись въ Тьерѣ, который изъ стараго монархиста сдѣлался республиканцемъ, палата низвергла его, но и новый президентъ республики оказался не на высотѣ своего положенія, а легитимисты и орлеанисты своими раздорами только увеличивали силу враговъ монархіи. Авторъ не говоритъ, конечно, ничего ни о безхарактерности главы легитимизма, ни объ интригахъ противъ него орлеанскихъ принцевъ, антипатичныхъ народу мелочными сторонами своего характера. По мнѣнію Винольса, монархія не установилась потому, что у

нея не оказалось ни героевъ, ни мучениковъ за идеи. Но ни въ тѣхъ, ни въ другихъ не было особенной надобности: нужны были только энергичные и честные люди, но ихъ-то и не было въ монархической партіи и хоть немного было и въ республиканской, но если одинъ праведникъ, по преданію, могъ спасти отъ гибели цѣлый городъ, то одного Гамбетты было достаточно, чтобы дать строго-республиканское направленіе правительству Франціи, а честный Греви и по смерти энергичнаго Гамбетты могъ продолжать и поддерживать начатое имъ дѣло.

— Нынѣшній и минувшій годы кто-то назвалъ въ польской печати «мицкевичевскими годами», и это названіе не лишено основанія, такъ какъ въ ноябрѣ исполнилась 30-лѣтняя годовщина со смерти великаго польскаго поэта, прошумѣла на всѣ польскія земли исторія съ неудачнымъ конкурсомъ по сооруженію памятника Мицкевича, заходила рѣчь о переносѣ его останковъ въ Краковъ, и, наконецъ, польская литература обогатилась нѣсколькими новыми изслѣдованіями или даже компилятивными книжками о разныхъ періодахъ жизни поэта. Такова, напримѣръ, брошюра, трактующая о любви молодаго Адама къ Маріи; таково изслѣдованіе г. Третьяка о студенческихъ и учительскихъ годахъ жизни Мицкевича въ Вильнѣ и Ковнѣ таковы, частію, воспоминанія Одынца, какъ товарища юности поэта. Таковъ же недавно появившійся въ Львовѣ трудъ г. Мазановскаго: Адамъ Мицкевичъ въ 1829 — 1832 году (жизнь, умственное развитіе, генезисъ сочиненій). Эта книга, по выраженію одной польской газеты, представляетъ собою еще одинъ «кирпичикъ» въ сооружаемомъ мало-по-малу зданіи біографіи поэта. Она захватываетъ четырехлѣтній, крайне важный періодъ жизни Мицкевича. Это—эпоха переворота въ его взглядахъ, ознакомленія съ западной цивилизаціей, съ нѣмецкой философіей, съ итальянскимъ искусствомъ и отчужденія отъ Россіи,—эпоха, съ которой усиливаются въ душѣ поэта мечтательныя начала, а затѣмъ и мистицизмъ. Авторъ заявилъ въ предисловіи свое стараніе отнестись къ предмету безпристрастно, безъ предвзятыхъ симпатій и антипатій, видѣть въ поэтѣ не пророка, но человѣка. Съ такой точки зрѣнія освѣщается въ книгѣ, главнымъ образомъ, умственное развитіе Мицкевича подъ вліяніемъ путешествія, новыхъ знакомствъ и впечатлѣній, а по отношенію именно къ умственному развитію при выѣздѣ изъ Россіи, Мицкевичъ, по словамъ автора, и проявлялъ большіе пробѣлы.

— Недавно въ Познани вышли любопытныя Воспоминанія Дембовскаго о возстаніи 1831 года, печатавшіяся въ «Вибліотекѣ Варшавской». Эти записки свидѣтельствуютъ о проявляющейся болѣе и болѣе потребности въ польскомъ обществѣ критическаго отношенія къ такимъ событіямъ, которыя прежде, съ мнимо-патріотической точки зрѣнія, считалось нужнымъ изображать въ безусловно хвалебномъ свѣтѣ. Достаточно вспомнить впечатлѣніе, произведенное сочиненіемъ Мохнацкаго, чтобы понять, какое фальшивое иногда освѣщеніе давалось ноябрскому возстанію и послѣдовавшимъ за нимъ событіямъ. Одна газета называетъ книгу Дембовскаго «антитезой господствующихъ среди поляковъ представленій о 1831 годѣ, а появленіе этихъ записокъ въ варшавскомъ журналѣ — дѣломъ гражданской отваги». Судя по появившимся выдержкамъ, записки Дембовскаго представляютъ много любопытнѣйшихъ подробностей о великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ, его супругѣ, о переговорахъ съ революціоннымъ варшавскимъ правительствомъ, выступленіи русскихъ войскъ и т. п.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Разсказъ объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ.

ВЪ НАЧАЛѢ сороковыхъ годовъ, когда я былъ гимназистомъ, а затѣмъ въ концѣ сороковыхъ годовъ — студентомъ, соблюденіе формы, согласно всѣмъ предписаннымъ правиламъ, составляло вопросъ величайшей важности не только для военныхъ учебныхъ заведеній, но и для гражданскихъ. Покойный инспекторъ университета, Фитцтумъ фонъ-Экштетъ, почти каждый вечеръ отправлялся на какое нибудь публичное гулянье, чтобы захватить тѣхъ изъ студентовъ, которые являлись на гулянье въ фуражкѣ, а не въ шляпѣ. Къ позднему вечеру этого же дня или на другой день аудиторіи наполнялись арестованными, а попадавшіеся не въ первый разъ отсиживали урочные часы въ карцерѣ. Такъ все время колесомъ и шло: одни отсиживали свой грѣхъ, другіе занимали ихъ мѣсто.

Находясь еще въ гимназіи, я почти всегда ходилъ съ незастегнутымъ воротникомъ, который какъ-то постоянно давилъ меня. Немало я перенесъ горя за этотъ воротникъ, и онъ едва окончательно не сгубилъ всей моей будущности.

Пріѣхавшій изъ провинціи дядя, занимавшій значительный постъ въ своемъ мѣстѣ, взялъ меня на петергофское гулянье. Мы отправились на пароходѣ и вполнѣ благополучно доѣхали до Петергофа. Нагулявшись вдоволь и пообѣдавъ, пошли на аллею, по которой покойный государь Николай Павловичъ долженъ былъ проѣхать въ большихъ линейкахъ, съ многими членами императорской фамиліи. Мы помѣстились на самомъ видномъ мѣстѣ, такъ что могли прекрасно разсмотрѣть какъ государя, такъ и всѣхъ членовъ его семейства, тѣмъ болѣе, что государь по этой аллеѣ, въ день петергофскаго праздника, всегда ѣздилъ шагомъ. Я, по обычаю, стоялъ съ незастегнутымъ воротникомъ, который прикрылъ снятой съ головы фуражкой. Дядя былъ возлѣ меня. Дѣйствительно скоро показались императорскіе экипажи. Государь, сидя со многими членами своего семейства въ открытой линейкѣ, ѣхалъ такъ медленно, что можно было разсмотрѣть каждую черту его лица. Когда его экипажъ поравнялся со мной, то раздались отчетлво и громко произнесенныя слова: «Гимназистъ! не мѣшало бы застегнуться. Я

все вижу». Государь проѣхалъ, но въ ту же минуту ко мнѣ подскочилъ квартальный надзиратель, какъ въ то время называли нынѣшнихъ участковыхъ приставовъ, и спросилъ: «это вамъ сдѣлалъ замѣчаніе государь императоръ?» Я, тринадцатилѣтній мальчикъ, совершенно растерялся и теперь не помню своего отвѣта надзирателю. Въ то время, какъ происходила эта сцена, около меня раздался чей-то голосъ: «бѣгите во всѣ лопатки, куда знаете». Не было нужды повторять этого совѣта. Я пустился бѣжать именно во всѣ лопатки, успѣвъ только замѣтить, что господинъ, подавшій мнѣ благой совѣтъ, былъ въ треугольной шляпѣ, слѣдовательно, по всей вѣроятности, или студентъ, или морской офицеръ, ибо лицеистъ или правовѣдъ, носившіе такія же шляпы, едва ли вступились бы за мальчика, имъ совершенно неизвѣстнаго. Бѣда была въ томъ, что у меня не имѣлось отпускнаго билета, который мы обязаны были носить за третьей пуговицей, и я очень хорошо зналъ, что нашъ директоръ не пощадилъ бы меня и, по всей вѣроятности, или исключилъ бы изъ гимназіи за два важныя преступленія, или, во всякомъ случаѣ, задалъ бы такую порку, что я помнилъ бы до новыхъ вѣниковъ, ибо въ наше время во всей формѣ существовали субботники.

Я прибѣжалъ прямо на пароходъ, отправлявшійся въ Петербургъ, гдѣ и засталъ дядюшку, который почелъ за самое лучшее бѣжать немедленно, какъ только услышалъ обращенныя ко мнѣ слова государя. Оставивъ меня, такъ сказать, самымъ постыднымъ образомъ на произволъ судьбы, онъ еще всю дорогу пилилъ меня и допилилъ до того, что я съ той поры въ Петергофъ ни ногой. Мнѣ страшно было и подумать о петергофскомъ праздникѣ.

Императоръ Николай Павловичъ обыкновенно посѣщалъ гражданскія учебныя заведенія, въ февралѣ и мартѣ мѣсяцахъ. Къ этому времени его всегда поджидала наша гимназія. Конечно, день его пріѣзда оставался совершенно неизвѣстнымъ. Со временъ дѣтства, т. е. съ гимназическихъ годовъ, онъ до сей поры стоитъ предо мной, какъ живой, съ своимъ, такъ сказать, историческимъ взглядомъ, проникавшимъ въ самую глубь души. Въ одно изъ такихъ посѣщеній, государь, находясь въ классѣ, въ которомъ былъ мой 12-тилѣтній братъ, мальчикъ, почти всегда задумчивый, сосредоточенный въ самомъ себѣ, постоянно смотрѣвшій внизъ, подошелъ къ нему, поднялъ его голову за подбородокъ и сказалъ: «развѣ у тебя совѣсть не чиста?» Братъ мой, поднявъ глаза, отвѣтилъ: «чиста, ваше величество!» «А если чиста,—продолжалъ императоръ,—то смотри людямъ прямо въ глаза, особенно, когда смотришь на своего государя».

Памятно мнѣ, что эти слова императора подѣйствовали какъ-то необыкновенно хорошо на всѣхъ дѣтей: въ нихъ слышалось что-то честное, благородное, всегда столь доступное, понятное дѣтской душѣ. Кто не зналъ рыцарскихъ правилъ, благородныхъ взглядовъ императора Николая Павловича!

Памятенъ мнѣ еще одинъ случай. Когда, въ одно изъ посѣщеній государя, ему подавали шинель въ передней, то воспитанникъ О—ъ, стоявшій въ толпѣ товарищей, окружавшихъ императора, тихонько вытаскивалъ изъ его шляпы перо, ибо въ то время генеральскія шляпы имѣли перья трехъ цвѣтовъ: чернаго, оранжеваго и бѣлаго. Николай Павловичъ, услышавъ производимый процессъ, произнесъ громко: «оставить!», но О—ъ не оставилъ, тогда послѣдовало со стороны государя вторично: «я сказалъ, оставить!» Но перо было уже вытащено. По отъѣздѣ государя, торжество О—а не имѣло границъ и именно потому, что онъ могъ сохранить на память живое воспоминаніе о государѣ. Не могу утверждать, ибо память измѣняетъ мнѣ, но, кажется, О—ъ крѣпко поплатился за свой смѣлый поступокъ. Въ наше время педагоги не считали нужнымъ долго анализировать дѣйствія дѣтей. Расправа была коротка.

Сообщилъ **И. Д. Бѣловъ.**

СМѢСЬ.

Тысячелѣтняя годовщина кончины св. Меѳодія. 6-е апрѣля, день кончины архіепископа Моравіи и Паннонія св. Меѳодія, умершаго въ Велеградѣ, латинская церковь задумала отпраздновать съ особымъ торжествомъ, къ которому приглашались всѣ славяне, признающіе главенство папы. Схизматикамъ, т. е. православнымъ, составляющимъ большинство славянскаго міра, разрѣшалось также присутствовать на торжествѣ, которое подготовлялось втеченіе долгаго времени, съ цѣлью сдѣлать изъ него демонстрацію противъ Россіи. Память славянскихъ первоучителей, братьевъ Кирилла и Меѳодія, которые изобрѣли славянскую азбуку и перевели на славянскій языкъ священное писаніе и богослужебныя книги, чествовалась въ Велеградѣ мессою на латинскомъ языкѣ. Не позволили даже прочесть пославянски молитвы святителямъ, а изображенія ихъ и жизнеописаніе, присланныя изъ Петербурга, были захвачены австрійскою полиціею въ Львовѣ. Но все это не послужило ни къ чему, и велеградское торжество потерпѣло полнѣйшее фіаско, такъ какъ въ Велеградъ не собрались не только представители православнаго славянства, но и католики, хорваты и сербы не явились на него, не желая участвовать въ политической демонстраціи противъ Россіи. Между тѣмъ у насъ чествованіе святителей совершилось съ такимъ торжествомъ, какого давно не видали въ Россіи. Въ Петербургъ къ этому дню съѣхались представители православныхъ сербовъ, болгаръ, черногорцевъ, галицкихъ русскихъ. Между ними были и редакторы лучшихъ галицкихъ періодическихъ изданій, Наумовичъ, Площанскій, Марковъ, и бывшій министръ Ристичъ, этотъ сербскій Кавуръ, какъ его прозвала исторія, и черногорскій архимандритъ Банъ, возведенный въ архіерейскій санъ въ самый день 6-го апрѣля. Наканунѣ, въ городской думѣ освящены образъ святителей и великолѣпная хоругвь, а вечеромъ было торжественное собраніе во второмъ отдѣленіи академіи наукъ. Академикъ Ягичъ, въ рѣчи своей, подтвердилъ неоспоримыми историческими документами день кончины Меѳодія, 6-го апрѣля 855 года. Всѣ подробности жизни солунскихъ братьевъ разработаны въ рус-

ской литературѣ, въ сочиненіяхъ Филарета, Гильфердинга, Лавровскаго, Петрушевича, Вильбасова и Голубинскаго, чешской — Билаго, Штульца, Дудика, Первольфа, южно-славянской — Верчича, Черчича, Ткальчица и Рачкаго, польской — Бѣлевскаго, Реттеля и Громницкаго, нѣмецкой — Гинцеля, французской — Леже. «Такимъ образомъ, — заключилъ г. Ягичъ, — мы являемся немного подготовленными къ предстоящему знаменательному дню. Пусть завтрашнее празднество содѣйствуетъ распространенію любви и вниманія къ этимъ вопросамъ, чтобы представители славянской науки, согрѣваемые теплымъ сочувствіемъ окружающей ихъ среды, неустанно продолжали свое дѣло и въ новомъ тысячелѣтіи, руководимые духомъ научной правды и взаимнаго уваженія».

Во всѣхъ церквяхъ столицы совершались всенощныя служенія съ благословеніемъ хлѣбовъ на литіи и величаніемъ св. Кириллу и Меѳодію. Вечеромъ того же дня колокольный звонъ, раздававшійся во всѣхъ церквяхъ и соборахъ, возвѣстилъ міру о наступленіи всеславянскаго праздника. На четырехъ колокольняхъ Исакіевскаго собора зажжены были костры, освѣтившіе яркимъ пламенемъ всю площадь и придавшіе колоссальному зданію собора фантастическій видъ. 6-го апрѣля, съ самаго ранняго утра, на улицахъ столицы замѣтно было особое оживленіе. Народъ толпами валилъ къ Казанскому и Исакіевскому соборамъ. Площади передъ обоими соборами, декорированныя разноцвѣтными флагами, приведены были въ праздничный видъ. Къ 9-ти часамъ утра, тротуары Невскаго проспекта и Большой Морской запружены уже были несмѣтною толпою. Въ Казанскомъ соборѣ собрались духовныя лица, назначенныя по церемоніалу для участія въ крестномъ ходѣ. Въ 9 часовъ въ соборъ прибыли архіепископъ тверской и кашинскій Савва, епископъ ладожскій, викарій с.-петербургской епархіи Арсеній, епископъ Сергій и черногорскій архимандритъ Митрофанъ Банъ. Шествіе совершалось согласно церемоніалу и производилось архіепископомъ Саввою, нѣсколькими хорами пѣвчихъ и депутаціей отъ ремесленныхъ учрежденій съ цеховыми значками. За крестнымъ ходомъ шли воспитанники гражданскихъ гимназій и сплошною стѣною народъ. Въ Исакіевскомъ соборѣ митрополитъ Исидоръ, въ полномъ облаченіи, встрѣтилъ шествіе. Роскошная хоругвь св. Меѳодія и Кирилла отъ петербургскаго славянскаго комитета встрѣчена была черногорскимъ владыкою. На молебнѣ присутствовала вся царская семья.

Въ военно-юридической академіи торжественный актъ состоялся въ 2 часа. Преподаватель академіи, г. Ефимовъ, произнесъ пространную рѣчь «о жизни и дѣятельности св. Кирилла и Меѳодія и значеніи ихъ трудовъ для православныхъ славянъ». Подробно выяснивъ свойства проповѣди святыхъ братьевъ, перенесенныя Меѳодіемъ гоненія отъ нѣмецкаго духовенства, заточеніе его въ Швабіи и дальнѣйшія обвиненія его въ разныхъ ересяхъ и оправданіе, лекторъ перешелъ къ печальнымъ событіямъ конца IX вѣка, имѣвшимъ рѣшительное значеніе въ судьбѣ западно-славянскаго міра, когда призванные германцами противъ славянъ венгры сломили Моравскую державу. Закончилъ свою рѣчь г. Ефимовъ указаніемъ на то, какъ труды Кирилла и Меѳодія перенеслись въ наше отечество, какое значеніе долженъ имѣть у насъ славянскій языкъ и какая духовная связь существуетъ между нами, русскими, и юго-славянами. Вторая рѣчь была произнесена поручикомъ болгарской арміи, Бѣлиновымъ, и имѣла предметомъ своимъ значеніе церковнаго праздника Кирилла и Меѳодія для Болгаріи.

Въ духовной академіи хоръ студентовъ исполнилъ предъ началомъ акта тропарь св. братьямъ и гимнъ В. Тихомірова: «Славяне, пѣснію высокой почтимъ апостоловъ славянъ»; актъ открылся рѣчью профессора И. С. Пальмова о значеніи трудовъ славянскихъ апостоловъ св. Кирилла и Меѳодія для нашего религіознаго просвѣщенія и для богословской науки. Лекторъ имѣлъ

случай посѣтить большую часть мѣстъ проповѣднической дѣятельности св. братьевъ, былъ также на родинѣ ихъ, въ Солуни, и всюду поражался величіемъ апостольскихъ трудовъ св. братьевъ, совершенныхъ ими при самыхъ трудныхъ условіяхъ и при постоянной борьбѣ съ римско-католическими миссіонерами. По окончаніи рѣчи г. Пальмова, академическій хоръ исполнилъ гимнъ св. Кириллу и Меѳодію, составленный М. П. Розенгеймомъ (музыка В. И. Главача): «Слава вамъ, братья, славянъ просвѣтители», и вслѣдъ за этимъ доцентъ Пономаревъ произнесъ рѣчь о дѣятельности св. первоучителей среди болгарскихъ славянъ. Студентъ В. Н. Соколовъ прочиталъ стихи, на день праздника; актъ закончился пѣніемъ народнаго гимна.

Въ медицинской академіи профессоръ Егоровъ произнесъ рѣчь о просвѣтительной дѣятельности славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія. При этомъ онъ коснулся историческихъ судебъ церковно-славянскаго языка вообще и русскаго въ частности, указалъ на дѣятельность «академика-крестьянина» Ломоносова, стремившагося очистить русскій языкъ отъ иноземнаго элемента. Говоря о славянскихъ письменныхъ памятникахъ, упомянулъ о двухъ евангеліяхъ — Остромировскомъ и другомъ, хранящемся въ соборѣ въ Реймсѣ. Реймское евангеліе вначалѣ писано «кирилицей», а окончено «глаголицей». Во время коронованія въ Реймсѣ, французскіе короли прикладывались къ этому евангелію, хотя никто не зналъ, на какомъ языкѣ оно написано. Одни полагали — на халдейскомъ, другіе — на языкѣ какого-то вымершаго, неизвѣстнаго народа. И только Петръ Великій, во время путешествія по Европѣ, случайно узналъ объ этомъ евангеліи и убѣдилъ всѣхъ, что оно славянское.

Въ помѣщеніи вольнаго экономическаго Общества, общее собраніе членовъ комитета грамотности открылось рѣчью предсѣдателя, посвященною памяти Кирилла и Меѳодія, причемъ онъ напомнилъ, что 6-ое апрѣля составляетъ праздникъ не только для славянъ болгаръ, чеховъ и проч., но его почтила и вся Россія. Затѣмъ, С. И. Миропольскій сообщилъ: «о значеніи трудовъ св. Кирилла и Меѳодія въ дѣлѣ грамотности и самосознанія славянъ». Заканчивая свое обширное сообщеніе, г. Миропольскій привелъ слова профессора Кочубинскаго, высказавшаго, что на склонѣ XIX вѣка мы еще не можемъ дать себѣ точнаго отчета, что сдѣлали для насъ великіе дѣятели.

7-го апрѣля, состоялось въ залѣ петербургскаго дворянскаго собранія торжественное засѣданіе членовъ славянскаго благотворительнаго Общества. Впереди, у эстрады воздвигнута была колоссальная и художественной работы хоругвь съ изображеніемъ св. Кирилла и Меѳодія, сооруженная славянскимъ благотворительнымъ Обществомъ. Къ восьми часамъ вечера громадный залъ дворянскаго собранія переполненъ былъ публикою, среди которой было много извѣстныхъ и высокопоставленныхъ лицъ. Послѣ пѣнія капеллой славянскаго тропаря, кондака и величанія св. Кириллу и Меѳодію, послѣдовали рѣчи: предсѣдателя славянскаго благотворительнаго Общества генерала Дурново, г. Ристича и Наумовича—о духовной связи Галицкой Руси съ Великой Россіей. Затѣмъ секретарь Общества заявилъ о сотнѣ полученныхъ обществомъ телеграммъ съ разныхъ концовъ Россіи и изъ-за границы, прочитать которыя нѣтъ возможности; тутъ были телеграммы отъ русинской учащейся молодежи, изъ Варны, изъ Пловдива, изъ Венеціи отъ профессора Бестужева-Рюмина, изъ Кіева отъ сербскаго митрополита Михаила, отъ попечителя Виленскаго учебнаго округа.

Изъ Цетинья—слѣдующая телеграмма: «Съ югозападнаго предгорья православнаго славянства на Адріатическомъ морѣ, съ Черной горы, желаемъ, чтобы осуществилась скоро идея нашихъ апостоловъ въ объединенномъ славянствѣ». Изъ Болгаріи прислана телеграмма, которая, за выраженіями чувствъ радости о славянскомъ праздникѣ, оканчивается такъ: «Мы твердо увѣрены, что Русскій Царь-Покровитель водворитъ свободу и на родинѣ солунскихъ братьевъ, гдѣ теперь слышенъ плачъ». Отъ И. С. Аксакова изъ

Ялты: «Съ береговъ Чернаго моря, изъ тѣхъ предѣловъ, гдѣ раздавалась проповѣдь славянскихъ первоучителей, привѣтствую Общество съ настоящимъ торжествомъ славянскаго самосознанія, подвигомъ ихъ, воздвигнутымъ на основѣ высшаго, на основѣ христіанскаго всечеловѣческаго братства. Помянемъ и всѣхъ, для нынѣшняго праздника потрудившихся и не доживших».

Затѣмъ читалось стихотвореніе г. Случевскаго и рѣчь профессора Ламанскаго. Приводимъ краткое резюме его рѣчи: «Православная Россія чествуетъ тысячелѣтнюю память славянскихъ первоучителей. Чтутъ ее и другіе славяне единовѣрные намъ, славяне Галиціи, Сербіи, доблестные сыны Черной горы. Чтутъ и ублажаютъ память апостоловъ славянства, хотя и не заодно съ нами, и другіе чуждые по вѣрѣ наши соплеменники. Но одни изъ нихъ искренно скорбятъ, что мы не употребляемъ для славянской грамоты латинской азбуки и для своего богослуженія латинскаго языка, другіе тоже искренно скорбятъ объ утратѣ славянскаго богослуженія и мечтаютъ о возвратѣ къ древне-римской до Гильдебрандтовской церкви. Все же это указываетъ, что какъ ни разны воззрѣнія и интересы славянъ, память объ учителяхъ ихъ наполняетъ собой сердца всѣхъ славянъ и, если бы можно было достигнуть единенія между ними, то это дѣйствительно была бы Европа св. Кирилла и Меѳодія. Славянскіе первоучители были и останутся вдохновителями, хранителями славянскаго единства. Дарованное Карломъ Великимъ германскому міру единство было чисто внѣшнее. Ему, его силѣ покорились по необходимости всѣ европейскіе народы, только двѣ громадныя расы — англо-саксонская и русская оставались внѣ подчиненія. Онѣ однѣ не признали монархіи Карла Великаго. Думается, что и тогда и теперь сохраняя свою самостоятельность, они могутъ жить вмѣстѣ и развиваться, не мѣшая другъ другу; имъ не должно быть тѣсно, и они могутъ поддерживать дружбу, не роняя своего достоинства, своей гордости изъ-за уступокъ какого нибудь пролива или мѣстечка. Единство, преподанное св. Кирилломъ и Меѳодіемъ, было другое, не внѣшнее соединеніе Карла Великаго. Апостолы славянства связали славянъ духовно. Они создали не только идею славянскаго единенія, но они дали и прочныя формы для ея воплощенія; давши имъ книжную рѣчь, они открыли для нихъ и общій органъ взаимнаго разумѣнія. Еще другой формой единства обязаны мы св. Кириллу и Меѳодію. Нашъ гражданскій литературный языкъ развивался на основаніи славянскаго языка и выработался въ современный, слагаясь общими дружными трудами малорусскихъ, бѣлорусскихъ и южнорусскихъ писателей. Это наша общая связь, наши общія воспоминанія о великихъ и плодотворныхъ трудахъ славянскихъ апостоловъ да пробудятъ въ насъ всѣхъ безъ различія славянахъ неутомимую жажду къ взаимному согласію и мирному сожитію».

Послѣ этого читались еще: стихи г. Розенгейма, рѣчи гг. Кояловича, Бестужева-Рюмина, О. Миллера, пѣли старочешскій хоралъ 1602 года и гимны Кириллу и Меѳодію.

Во всѣхъ городахъ Россіи день 6-го апрѣля чествовали съ не меньшимъ торжествомъ. Въ московскомъ Кремлѣ, только въ день обнародованія манифеста о войнѣ съ турками, было такое же многочисленное стеченіе народа.

Легенда о св. Кириллѣ и Меѳодіи. Въ польской періодической печати встрѣчаемъ извѣстіе о чрезвычайно интересной находкѣ. Въ библіотекѣ краковскаго каѳедральнаго костела ксендзъ Польковскій отыскалъ остававшуюся до сихъ поръ въ полной неизвѣстности рукопись XIV вѣка, заключающую въ себѣ легенду о славянскихъ первоучителяхъ, Кириллѣ и Меѳодіи; въ виду интереса, возбужденнаго во всемъ славянскомъ мірѣ юбилеемъ св. Меѳодія, каноникъ Польковскій предполагаетъ напечатать свои замѣтки объ этой интересной находкѣ. По нашему мнѣнію, слѣдовало бы цѣликомъ напечатать найденную рукопись.

Часовня въ память св. Кирилла въ Римѣ. Память славянскихъ первоучителей св. Кирилла и Меѳодія оставалась въ римско-католической церкви въ полномъ забвеніи втеченіе цѣлаго почти тысячелѣтія, и славянскому міру никогда не думалось, чтобы римская церковь, допускавшая богослуженіе только на трехъ языкахъ: латинскомъ, греческомъ и еврейскомъ и не признававшая славянскаго ритуала, когда либо обратила свой милостивый взоръ на этихъ апостоловъ славянскихъ, возстававшихъ противъ тріязычной ереси; но политическія тенденціи, которыми католическая церковь всегда руководствовалась, вызвали для нея необходимость выставить св. Кирилла и Меѳодія якобы проповѣдниками папскаго главенства и такимъ образомъ явилась совершенная въ недавнее время въ Римѣ канонизація этихъ православныхъ святыхъ, всю свою жизнь боровшихся противъ латинства, а вслѣдъ затѣмъ папа Левъ XIII придумалъ устроить въ честь св. Кирилла часовню. Часовня эта сооружена въ Римѣ, въ базиликѣ св. Климента, по плану архитектора Франца Фонтана. Нѣтъ сомнѣнія, что и эта папская затѣя имѣетъ въ своемъ основаніи тенденціозную мысль привлечь славянъ—некатоликовъ въ лоно «истинной» церкви; но странными кажутся подобныя заигрыванія съ славянами, и именно потому, что римская церковь до сихъ поръ не допускаетъ въ своемъ богослуженіи славянскаго языка (за исключеніемъ греко-уніатскихъ церквей и католическихъ у хорватовъ), не допустила она его даже и въ день чествованія, въ Велеградѣ, тысячелѣтія смерти св. Меѳодія. Какое же это чествованіе славянскаго апостола, отстаивавшаго славянскую литургію отъ притѣсненій латинскаго духовенства, — въ латинской часовнѣ, латинскими патерами и на латинскомъ языкѣ? Это что-то непонятное, не совмѣстимое... Живопись кирилловской часовни, произведенная художникомъ Сальваторомъ Нобили, также носитъ на себѣ характеръ католическій. Въ абсидѣ часовни изображена св. Троица въ слѣдующемъ видѣ: вверху св. Духъ, затѣмъ Богъ-Отецъ, окаймленный радужными цвѣтами и ангелами и благословляющій Бога-Сына, возсѣдающаго на престолѣ съ книгой, на открытыхъ страницахъ котораго двѣ греческія буквы: *α* и *ω*, а подъ ними начертано славянская надпись: «Азъ есмь животъ и истина». Близь престола Спасителя стоитъ на колѣняхъ нынѣшній папа Левъ XIII, держащій въ рукахъ, на подушкѣ, кирилловскую часовню. По бокамъ престола стоятъ Кириллъ и Меѳодій, которые, равно какъ и Спаситель, съ любовію взираютъ на папу. Стѣны часовни украшены и другими картинами; такъ, одна изображаетъ защиту славянскими апостолами предъ папой Адріаномъ II основаннаго ими богослуженіе на славянскомъ языкѣ; другая картина представляетъ перенесеніе мощей св. Кирилла въ базилику св. Климента. Мраморный полъ часовни украшенъ знаками герба Льва XIII.

Археологическія находки. Въ этнографическомъ отдѣленіи географическаго Общества читался рефератъ о курганахъ, о славянской миѳологіи и о раскопкахъ, произведенныхъ г. Мельниковымъ лѣтомъ прошлаго года въ Троицкомъ уѣздѣ, Оренбургской губерніи. Г. Мельниковъ нашелъ мѣдные котлы, древніе топоры и серебряную чашу. Въ Гомельскомъ уѣздѣ тоже происходили раскопки подъ руководствомъ мѣстнаго помѣщика, князя Паскевича. Здѣсь откопаны были болѣе цѣнные предметы: ожерелья, серебряныя подвѣски, кольца, драгоцѣнныя бусы и прочія бездѣлки и украшенія доисторическихъ дамъ. Въ особенности изящными оказались подвѣски, сдѣланныя изъ тонкой серебряной проволоки, по рисунку работы очень напоминающія венеціанскія филиграновыя издѣлія. Всѣ они помѣщены въ гомельскомъ музеѣ.

Древняя икона. Находившаяся въ Переяславлѣ, въ Покровской церкви древняя икона Покрова Божіей Матери, на которой, между прочимъ, изображены Петръ I, Мазепа и войсковые старшины, пріобрѣтена, съ разрѣшенія полтавскаго епископа, великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ Младшимъ. Взамѣнъ подлинной иконы церковь получитъ копію съ нея и вкладъ отъ ве-

ликой княгини Александры Петровны въ 500 руб. и отъ великаго князя вещей и утвари на такую же сумму.

Выставка серебряныхъ вещей. Въ прошломъ мѣсяцѣ была открыта выставка рѣдкихъ вещей изъ серебра, въ Соляномъ Городкѣ, въ музеѣ барона Штиглица. Выставка эта заслуживаетъ полнаго вниманія знатоковъ и любителей какъ по многочисленности предметовъ, такъ и по ихъ историческому значенію. Выставленныя вещи всѣ относятся къ XVIII столѣтію и могутъ служить образцами стилей временъ Людовиковъ XIV, XV и XVI. Между вещами встрѣчались преимущественно предметы массивные: вазы, миски, столовые приборы и т. п. Работа ихъ принадлежитъ лучшимъ мастерамъ XVIII вѣка, въ числѣ которыхъ слѣдуетъ упомянуть въ стилѣ Людовика XIV—Баллена (1726), Людовика XV—Месонье (1735), Роетье (1742), Людовика XVI—Огюста Жерменъ (1762) и Годефруа (1789). Изъ поименованія этихъ мастеровъ можно судить о цѣнности ихъ произведеній, дѣлавшихъ выставку въ полномъ смыслѣ замѣчательною. Большинство выставленныхъ вещей составляетъ собственность особъ Августѣйшей семьи и лицъ изъ высшаго столичнаго общества: князей Паскевича, Гагарина и др.

Первая школа печатнаго дѣла русскаго техническаго общества обнародовала свой отчетъ за 1884 годъ. Благодаря энергіи нѣкоторыхъ представителей печатнаго дѣла, проектъ школы былъ выработанъ и утвержденъ правительствомъ еще въ 1881 г. Но, такъ какъ учредители не признали удобнымъ устройство школы при которой нибудь изъ типографій, а на открытіе ея въ особомъ помѣщеніи не имѣлось средствъ, то осуществленіе этого важнаго дѣла пріостановилось. Чествованіе трехсотлѣтней годовщины перваго русскаго печатника Іоанна Өедорова (6-го декабря 1883 г.) оживило давно задуманную мысль, и школа печатнаго дѣла перешла въ дѣйствительность. Состоявшаяся въ день чествованія русскаго первопечатника подписка (1015 руб.), субсидія отъ техническаго Общества и выраженная многими представителями частныхъ и правительственныхъ учрежденій печатнаго дѣла готовность вносить ежегодно на школу опредѣленную сумму дали возможность открыть давно желаемую школу, хотя и въ скромныхъ размѣрахъ.

Желаніе участвовать въ содержаніи школы годовыми взносами заявили 27 содержателей типографій и казенныя типографіи: морскаго министерства, синода и департамента удѣловъ. Сверхъ того, Гольдбергъ пожертвовалъ литографскій станокъ съ полнымъ приборомъ и типографскій матеріалъ на сумму свыше 1000 рублей. Всѣ эти лица, какъ учредители школы, имѣютъ рѣшающій голосъ въ общемъ собраніи. Завѣдываніе школой принадлежитъ совѣту школы, который составляется изъ представителей отъ коммисіи по техническому образованію и 6-ти членовъ учредителей по выбору. Въ школу принимаются исключительно ученики и рабочіе заведеній печатнаго дѣла съ платою по 1 рублю за каждый учебный мѣсяцъ. Школа печатнаго дѣла, какъ всѣ училища русскаго техническаго Общества, состоитъ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія. Средства состоятъ: изъ единовременныхъ и ежегодныхъ взносовъ отъ казенныхъ и частныхъ заведеній печатнаго дѣла; изъ пожертвованій въ пользу школы, изъ платы за ученіе и изъ пособія, назначаемаго Обществомъ. Школа печатнаго дѣла официально открыта 13-го мая 1884 г.; занятія же въ ней начались съ 15-го апрѣля и продолжались до наступленія каникулъ, т. е. по іюнь. Послѣ каникулъ занятія возобновились 17-го августа. Къ концу этого мѣсяца въ школу поступило 65 учениковъ изъ 22-хъ типографій. Къ 1-му января выбыло 15 учениковъ. Убыль эту вызвали различныя условія. Въ настоящее время по 1-е января въ школѣ состоитъ 50 учениковъ. Изъ нихъ 10 человѣкъ въ возрастѣ отъ 12—14 лѣтъ и 40 отъ 14—19, причемъ самое большое число приходится на возрастъ отъ 14—16 лѣтъ—32 человѣка. Что касается первоначальной, школьной ихъ подготовки, то она чрезвычайно разнообразна: оказалось невозможнымъ

составить изъ нихъ одинъ классъ и пришлось сгруппировать въ два отдѣленія, сообразно возрасту и развитію. Отдѣленія эти параллельны и составляютъ первый классъ. Занятія въ школѣ происходятъ по средамъ и пятницамъ съ 3 до 8 час. и по воскресеньямъ съ 9 до 1 ч., отдѣльно въ каждомъ отдѣленіи; такимъ образомъ каждое отдѣленіе имѣетъ въ недѣлю 14 учебныхъ часовъ. Время это по предметамъ распредѣлено такъ: Законъ Божій 2 урока въ недѣлю, русскій языкъ 3, ариѳметика 2, черченіе 1, техника 2, рисованіе 2, иностранные алфавиты 1, исторія и географія 1; при этомъ учебный годъ разсчитанъ на 38 недѣль.

Чтобы видѣть, въ какомъ обширномъ и строго-научномъ объемѣ происходитъ преподаваніе въ школѣ, приводимъ програму ея главнаго историческаго отдѣла по техникѣ книгопечатанія: «Проповѣдники Кириллъ и Меѳодій, какъ изобрѣтатели славянскихъ письменъ (жизнь ихъ, проповѣдничество и странствованіе). Значеніе ихъ изобрѣтенія (850). Введеніе письменности въ славянскихъ земляхъ. Характеръ и начертаніе славянскаго алфавита. Образцы письменъ изъ Остромирова евангелія (кириллица) и Реймскаго евангелія X в. (глаголица). Сходство его съ греческимъ. Распространеніе грамотности. Первое богослуженіе по книгамъ на славянскомъ языкѣ. Общее понятіе о древнѣйшемъ печатаніи съ досокъ скалкою (валикомъ). Первые опыты Іоанна Гуттенберга по книгопечатанію въ Майнцѣ (1440 г.). Изобрѣтеніе подвижныхъ буквъ (литеръ): деревянныхъ и металлическихъ. Гравировка и отливка оныхъ изъ металла. Примѣненіе къ печатанію винтоваго пресса. Фаустъ и Шеферъ. Улучшеніе вида литеръ Шеферомъ. Характеръ литеръ, которыми печаталъ Гуттенбергъ. Появленіе первой книги—Библіи, напечатанной Гуттенбергомъ (1452). Банкротство Гуттенберга. Отдѣленіе отъ него компаньоновъ. Открытіе ими самостоятельной типографіи. Изданіе Шеферомъ и Фаустомъ псалтыря и друг. богослужебныхъ книгъ. Распространеніе книгопечатанія въ Западной Европѣ рабочими Гуттенберга. Открытіе типографій во Франкфуртѣ на Майнѣ, Страсбургѣ, Венеціи и др. Смерть Гуттенберга (1469 г.) Постановка памятника Гуттенбергу въ Майнцѣ (1837). Видъ и значеніе памятника. Появленіе первыхъ славянскихъ печатныхъ книгъ въ Краковѣ, Прагѣ и Львовѣ. Славянскіе первопечатники: Скорино, Швальпольтъ, Фѣоль и др. Особенности ихъ печатанія. Возникновеніе печатнаго двора въ Москвѣ (1563). Вліяніе на начало печатнаго дѣла въ Москвѣ Максима Грека. Участіе въ печатномъ дѣлѣ Іоанна Грознаго и митрополита Макарія. Печатаніе при посредствѣ дьякона Ивана Ѳедорова Москвитина и Петра Тимоф. Мстиславца. Появленіе первой книги «Дѣянія Св. Апостолъ», напечатанной въ Москвѣ. Форматы первопечатныхъ книгъ. Труды Ѳедорова по изготовленію литеръ. Печатаніе киноварью. Заставки. Обвиненіе Ивана Ѳедорова въ ереси. Бѣгство Ивана Ѳедорова и Мстиславца изъ Москвы (1565). Устройство типографіи и печатаніе славянскихъ книгъ Иваномъ Ѳедоровымъ въ Заблудовьѣ (въ Литвѣ) при покровительствѣ Ходкевича. Переселеніе П. Мстиславцева въ Вильну. Виленская печать (Зарѣцкіе, Мамоничи и др.). Печатаніе книгъ въ Львовѣ (Апостолъ, 2-е изданіе и др.) и Острогѣ при содѣйствіи князя Константина Острожскаго (Новый Завѣтъ, первое и второе изданіе Библій). Особенность Острожской Библіи. Возвращеніе Ивана Ѳедорова въ Львовъ (1581). Распространеніе печатанія славянскихъ богослужебныхъ книгъ. Смерть Ивана Ѳедорова въ Львовѣ 5-го декабря 1583 г. Надпись на его могильномъ камнѣ и ея значеніе. Позднѣйшіе московскіе печатники: Андроникъ Невѣжа и др. Вліяніе смутъ и неурядицъ на печатное дѣло. Петръ первый и его нововведенія. Введеніе имъ гражданскаго шрифта. Распространеніе печатанія. Открытіе нѣсколькихъ типографій въ С.-Петербургѣ. Первый гражданскій шрифтъ, отлитый въ Амстердамѣ. Появленіе въ С.-Петербургѣ первой газеты «Спб. Вѣдомости», печатанной славянскимъ и гражданскимъ шрифтомъ. Начало изданій учебниковъ, руководствъ и др.

Екатерина II-я. Указъ объ открытіи вольныхъ типографій (1783). Открытіе типографій въ провинціи. Издатель Новиковъ. Его особенности и значеніе въ развитіи печатнаго дѣла».

Въ каждомъ учебномъ заведеніи манкировки учениковъ представляютъ громадную помѣху для успѣшнаго выполненія курса, въ школѣ же печатнаго дѣла это явленіе могло въ особенности вредно отразиться, такъ какъ курсъ ея по времени почти вдвое меньше другихъ школъ, гдѣ занятія ведутся ежедневно. За истекшее полугодіе было 160 пропусковъ, такъ что при 50 учен. на каждаго приходится среднимъ числомъ 3 дня съ дробью. Число это въ общемъ выводѣ, конечно, невелико; нѣкоторые вовсе не дѣлали пропусковъ. Изъ 65 человѣкъ только 8 поступили порядочно грамотными; человѣкъ 20 едва удовлетворяли самымъ элементарнымъ требованіямъ грамотности и, наконецъ, остальные, т. е. большая половина, до того писали безграмотно, что искажали смыслъ словъ. Этотъ фактъ достаточно опредѣляетъ, съ какою подготовкой получаютъ наши типографіи учениковъ для такого дѣла, гдѣ грамотность должна быть на первомъ планѣ, а слѣдовательно какъ нужна еще школа для типографскихъ учениковъ. Но указанный выводъ сдѣланъ лишь по отношенію къ 20 типографіямъ и не всего, конечно, числа малолѣтнихъ учениковъ ихъ. Если же принять въ соображеніе всѣ типографіи Петербурга и все число учениковъ ихъ, то не трудно представить, какой громадный процентъ полуграмотныхъ поступаетъ готовиться къ печатному дѣлу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сколько труда и времени должны затратить типографіи, чтобы изъ этого полуграмотнаго люда приготовить сколько нибудь сносныхъ рабочихъ. Существенную помочь оказать въ этомъ могутъ только школы; поэтому понятно, какою настойчивою потребностію руководились учредители «Первой школы печатнаго дѣла». Остается только пожелать, чтобы лица, интересующіеся развитіемъ и усовершенствованіемъ печатнаго дѣла, не только упрочили бы существованіе и поступательное развитіе этой школы, но содѣйствовали бы полному удовлетворенію насущной потребности въ подготовкѣ людей къ печатному дѣлу. Въ приходѣ за прошлый годъ было 2947 руб. 75 коп., которые всѣ израсходованы. Осталось недополученныхъ учредительскихъ взносовъ 670 руб. и не уплачены по подписнымъ листамъ 330 руб., да за обученіе учениковъ 35 р.

† 17-го марта въ своей виллѣ, близь Парижа, въ Фонтенебло, нашъ посолъ при германскомъ дворѣ, **князь Николай Алексѣевичъ Орловъ**. Кончина его составляетъ для русскихъ національныхъ интересовъ ощутительную утрату. Получивъ всестороннее образованіе, князь Орловъ поступилъ въ военную службу и въ турецкую кампанію 1854 года, подъ Силистріею, во время неудачнаго штурма, оказалъ замѣчательное мужество и храбрость, былъ опасно раненъ въ голову и потерялъ лѣвый глазъ, вслѣдствіе чего до конца жизни не снималъ повязки и страдалъ отъ раны. По окончаніи войны, онъ посвятилъ себя дипломатическому поприщу: былъ посланникомъ нашимъ въ Брюсселѣ, затѣмъ посломъ въ Парижѣ, а въ 1883 году назначенъ посломъ при германскомъ дворѣ, на мѣсто г. Сабурова. Здоровье князя, замѣтно пошатнулось по смерти супруги его, рожденной княжны Трубецкой; въ послѣднее же время, въ особенности послѣ операціи костоѣды челюсти, князь сталъ мало-по-малу терять силы, и кончины его ожидали лица приближенныя. Вездѣ, гдѣ онъ занималъ высокое офиціальное положеніе, онъ оставилъ по себѣ добрую память. Въ Брюсселѣ и Парижѣ русская колонія всегда пользовалась участіемъ и помощью князя.

† 15-го апрѣля, на 49 году жизни, **Германъ Дмитріевичъ Гоппе**, издатель «Всемірной Иллюстраціи» и модныхъ журналовъ «Новый Русскій Базаръ», «Модный Свѣтъ» и «Модный Магазинъ». Покойный родился въ 1836 году въ Вестфаліи, началъ изучать книжное дѣло въ Англіи, въ Брайтонѣ, у Ganzia, затѣмъ въ Германіи и Бельгіи, въ 1861 году пріѣхалъ въ Россію, служилъ

приказчикомъ въ книжныхъ магазинахъ Вольфа и Дюфура, а съ 1866 года повелъ собственное дѣло, начавъ его съ изданія «Гида по Россіи» Бастена и «Адресной книги С.-Петербурга». Затѣмъ съ 1867 года онъ началъ выпускать ежегодно «Всеобщій Календарь» и одновременно съ нимъ «Моды и Новости», переименованные вскорѣ въ «Модный Свѣтъ». Въ 1869 году онъ основалъ «Всемірную Иллюстрацію», безспорно лучшій изъ нашихъ иллюстрированныхъ журналовъ. Своимъ успѣхомъ изданіе это обязано исключительно необычайной энергіи и трудолюбію Гоппе, которому пришлось преодолѣть множество препятствій для развитія технической части дѣла. Онъ работалъ съ ранняго утра до поздняго вечера, вникая во все и всѣмъ распоряжаясь. Своими личными качествами, Гоппе снискалъ себѣ общее уваженіе лицъ, находившихся съ нимъ въ сношеніяхъ. Въ послѣднее время, въ его собственность перешли еще два модные журнала «Новый Русскій Базаръ» и «Модный Магазинъ». Кромѣ того, онъ издалъ нѣсколько роскошныхъ альбомовъ, изъ числа которыхъ слѣдуетъ упомянуть «Альбомъ въ память юбилея Петра Великаго», «Коронаціонный», «Русскихъ сказокъ» и др.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

По поводу сочиненій графини Ростопчиной.

Въ мартовской книгѣ «Вѣстника Европы» напечатана статья, разсматривающая поэтическую дѣятельность графини Ростопчиной. Мы хорошо помнимъ, что, въ свое время, ходило по рукамъ немало рукописныхъ произведеній этой писательницы, которыя, по условіямъ цензурнымъ, не могли сдѣлаться достояніемъ печати. Нѣкоторыя изъ нихъ и въ настоящее время, по тѣмъ же условіямъ, не могутъ появиться на свѣтъ. Къ числу таковыхъ принадлежитъ и то стихотвореніе, которое начинается слѣдующимъ образомъ:

«Пускай въ Россіи нѣтъ дворянъ,
Пускай всѣ русскіе вельможи,
Изъ чухонъ, ляховъ и армянъ,
На русскихъ вовсе не похожи...»

и кончается такъ:

«Тогда держитеся и вы,
Джонъ-Були, старые бульдоги!
Сосѣди мы Бухары и Хивы,
Такъ въ Индію намъ не искать дороги.
А ты, Луи Наполеонъ,
Тебѣ примѣръ покойный дядя!
Смотри же, берегись и будь уменъ,
На тотъ примѣръ великій глядя.
Оставьте насъ спокойно спать,
Пока мы сами не проснулись;
Не то тузовъ не миновать,
Съ просонковъ больно мы деремся.»

Ходило также рукописное стихотвореніе графини Ростопчиной, посвященное московскому генералъ-губернатору, если не ошибаюсь, графу Закревскому. Приводимъ его, съ нѣкоторыми выпусками:

«Въ тебѣ есть смыслъ, умъ, и ты не безъ души;
Зачѣмъ же въ городѣ и толки, и волненья,
И хочешь ты играть роль русскаго паши,
И объявлять Москву въ осадномъ положеньѣ?
Вѣдь нами управлять ты могъ на старый ладъ,
Не тратя времени въ безсмысленной работѣ;
Мы люди смирные, не строимъ баррикадъ
. . . .

Какой же думаешь ты учредить законъ,
Какіе новые постановить порядки?
Ужъ не мечтаешь ли, гордыней ослѣпленъ,
Воровъ перевести, иль посягнуть на взятки?
За это не берись, остынетъ гордый пылъ
И сокрушится власть, подобно хрупкой стали:
Вѣдь это мозгъ костей, кровь нашихъ русскихъ жилъ,
Вѣдь это на груди мы матери сосали.
Но лишь за то скажу спасибо я теперь,
Что кучеръ Беринга [1]) не мчится своевольный
И не реветъ уже какъ разъяренный звѣрь
По тихимъ улицамъ Москвы первопрестольной;
Что Берингъ самъ позналъ величія предѣлъ:
Окутанный въ шинель, ужъ онъ съ отвагой дикой
На дрожкахъ не сидитъ, какъ нѣкогда сидѣлъ
Несомый бурею на лодкѣ Петръ Великій».

Въ наше время ходило въ обществѣ немало разсказовъ о пережитыхъ графинею Ростопчиной столкновеніяхъ съ правительственной властью, возникавшихъ по поводу ея рукописныхъ произведеній. Въ статьѣ, напечатанной въ «Вѣстникѣ Европы», о которой упомянуто выше, мы не встрѣтили указанія на эту, такъ сказать, антицензурную сторону дѣятельности нашей извѣстной писательницы, кромѣ указанія на ея стихотвореніе: «Насильственный бракъ», въ которомъ будто бы подъ женой понималась Польша, забитая, лишенная правъ.

Ко всему вышеизложенному прибавимъ, что нецензурныя стихотворенія Ростопчиной съ увлеченіемъ читались не одною молодежью и записывались въ тетради.

И. Бѣловъ.

Замѣтка объ историческихъ картинахъ XIII-й передвижной выставки.

Прежде всего, конечно, является вопросъ, что̀ такое историческая картина, что̀ мы разумѣемъ подъ этимъ названіемъ? По нашему мнѣнію, въ широкомъ смыслѣ, всякая жанровая картина есть историческая, но это только въ очень широкомъ смыслѣ. Жанръ, передающій современную жизнь, обычаи, обряды, есть историческій документъ для будущаго; для насъ это только стереоскопъ. Картины гг. Трутовскаго, В. Маковскаго, Журавлева, Мясоѣдова, Максимова и др., изображая, напримѣръ, многіе народные обычаи, вымирающіе уже въ настоящее время, будутъ важнымъ документомъ для будущаго историка.

Въ болѣе узкомъ смыслѣ, для насъ собственно, исторической является картина, изображающая жизнь прошлаго.

Здѣсь, какъ намъ кажется, являются два отдѣла, рѣзко отличающіеся другъ отъ друга: 1) картины, изображающія бытъ прошлаго, безъ опредѣленія лицъ, и 2) изображающія предъ нами извѣстный фактъ, съ его обстановкой и историческими лицами.

Къ первому, напримѣръ, принадлежитъ картина К. Е. Маковскаго «Боярскій свадебный пиръ», которая показала добросовѣстное изученіе художникомъ быта древней Руси (промахи незначительны, напримѣръ, боярышни сидятъ на сторонѣ жениха, дневное освѣщеніе). Вообще картинъ этого разряда не особенно много, и это, вѣроятно, потому, что онѣ требуютъ отъ художника болѣе тщательнаго изученія, — иначе художнику придется выставить нѣчто въ родѣ курьёзной картины Лебедева (на XII передвижной выставкѣ, «Боярская свадьба»), гдѣ вмѣсто лицъ движутся какія-то каррикатуры въ длинныхъ, широчайшихъ балахонахъ. На этомъ поприщѣ въ настоящее время явился художникъ Яновъ, какъ замѣтно, съ изрядной подготовкой.

На XIII передвижной выставкѣ историческихъ картинъ было немного. Двѣ Неврева: «Судъ надъ патріархомъ Никономъ» и «Марина Мнишекъ въ тюрьмѣ»;

---

[1]) Московскій полицеймейстеръ.

Милорадовича «Черный соборъ»; Литовченко «Боярыня Морозова» и, наконецъ, Рѣпина, съ надписью: «Іоаннъ Грозный и сынъ его, царевичъ Іоаннъ», слѣдовательно тоже историческая.

Очевидно, всѣ онѣ относятся прямо ко второму разряду; затрудненіе, впрочемъ, съ картиною Рѣпина: куда ее отнести, да и историческая ли она?

Судя по надписи, она принадлежитъ къ второй группѣ; но не будь этой надписи, мы не подыскали бы скоро соотвѣтствующаго факта въ исторіи. Передъ зрителями является великолѣпно написанная кровавая драма; чѣмъ болѣе смотришь на нее, тѣмъ иллюзія становится сильнѣе, дѣлается страшно и отвратительно; это не картина, а живые люди. Но Иванъ ли это Грозный? почему это долженъ быть Иванъ? Это просто сильно потрясенный убійца, обезумѣвшій отъ неожиданнаго результата человѣкъ. Сохранившіеся портреты Ивана не даютъ возможности признать его въ этихъ искаженныхъ чертахъ. Почти несомнѣнно, что художникъ пользовался описаніемъ Карамзина: «Поблѣднѣвъ отъ ужаса, въ изступленіи, онъ (Іоаннъ) воскликнулъ: «я убилъ сына!» и кинулся обнимать, цѣловать его, удерживать кровь, текущую изъ глубокой язвы, плакалъ, рыдалъ, звалъ лекарей» («Ист. Гос. Росс.», IX, 2-е изд., стр. 353).

Но тутъ же выше сказано, что при ссорѣ отца съ сыномъ присутствовалъ Борисъ Годуновъ, который при этомъ получилъ нѣсколько ранъ, — его нѣтъ на картинѣ; затѣмъ, несомнѣнно, царь не могъ оставаться одинъ съ умирающимъ сыномъ. Вѣроятно, художнику не хотѣлось отвлекать вниманіе отъ главныхъ фигуръ, и онъ пожертвовалъ исторической истиной.

Эта картина — скорѣе поразительно написанный психическій моментъ, возможный всюду и всегда, какъ возможенъ и самый фактъ. Намъ кажется, что не будетъ несправедливо вычеркнуть ее изъ разряда историческихъ. Что же касается до обстановки, то она тутъ только необходимая почва; она забывается и ничего не измѣнилось бы, если бы она была и другая.

Картины, выставленныя художникомъ Невревымъ, давно уже подвизающимся на этомъ поприщѣ, отличаются обычными достоинствами, но и обычными недостатками; нѣтъ, нѣтъ, да и прорвется какая нибудь мелочь, которая, однако, рѣзко бьетъ въ глаза. Предъ нами «Судъ надъ патріархомъ Никономъ».—несомнѣнно одинъ изъ характерныхъ и выразительныхъ эпизодовъ нашей древней исторіи. Фигуры восточныхъ патріарховъ-судей и переводчика Діонисія Святогорца, фигура обвинителя изъ русскихъ архіереевъ (можетъ быть, митрополита крутицкаго, Павла), выраженіе лицъ, стоящихъ далѣе властей и монаховъ, типичный послушникъ-ставрофоръ—все это лица характерныя, живыя. Недостатки являются въ двухъ главныхъ дѣйствующихъ фигурахъ — это царь Алексѣй Михайловичъ и патріархъ Никонъ. Царь положительно комиченъ, тогда какъ мы имѣемъ извѣстія, что царь Алексѣй, хотя и былъ немного тученъ, но, всетаки, строенъ и очень красивъ (напримѣръ, свидѣтельство барона Мейерберга, видѣвшаго царя около этого времени). Притомъ, самое лицо его не соотвѣтствуетъ сохранившимся портретамъ; справиться съ этимъ, конечно, художнику было бы очень нетрудно (напримѣръ, очень хорошій портретъ былъ приложенъ, въ 1875 году, къ журналу «Древняя и Новая Россія»). Нѣсколько неудаченъ и патріархъ Никонъ: его мощная, непреклонная фигура явилась тутъ только мужиковатой и также мало сходна съ многочисленными его портретами (напримѣръ, въ Новомъ Іерусалимѣ, хотя бы въ томъ же журналѣ и за тотъ же годъ). Затѣмъ патріархъ Никонъ, неизвѣстно почему, изображенъ въ черномъ клобукѣ, тогда какъ художникъ легко могъ посмотрѣть бѣлый клобукъ Никона въ патріаршей ризницѣ. Патріаршій клобукъ съ серафимами былъ снятъ съ Никона только 12-го декабря, по объявленіи приговора (картина же изображаетъ 1-е декабря) (см. пр. Макарія, т. 12-й, стр. 744).

Вторая картина Неврева «Марина Мнишекъ въ тюрьмѣ». Когда? Марина здѣсь представлена очень молоденькой женщиной, надо думать, что это послѣ убіенія перваго Лжедмитрія, но тогда Марина не сидѣла въ тюрьмѣ, она сначала (впродолженіе почти недѣли) была во дворцѣ, а затѣмъ ее перевели въ домъ къ отцу, Мнишку (см., напримѣръ, Костомарова «Смутное время», т. II, стр. 10). Если это изображенъ послѣдній періодъ въ ея жизни, когда она была посажена въ тюрьму, послѣ поимки ея съ Заруцкимъ (13-го іюля

1613 года), то съ 1605 года прошло цѣлыхъ восемь тяжелыхъ лѣтъ странствованій, приключеній, которыя, конечно, должны были положить печать на ея лицо, преждевременно состарить, да и такъ ей было уже въ то время болѣе 30-ти лѣтъ. Черты лица Марины совсѣмъ не подходятъ къ современному портрету, помѣщенному въ прошломъ году въ «Историческомъ Вѣстникѣ».

Тутъ невольно припоминается картина Венига: «Дмитрій Самозванецъ», гдѣ въ его лицѣ удачно сохранены черты современнаго портрета (снимокъ при изданіи Устрялова «Сказанія иностранцевъ о Дмитріи Самозванцѣ»).

Остается теперь сказать о картинѣ Милорадовича: «Черный соборъ». Она производитъ наиболѣе пріятное впечатлѣніе какъ по избранному сюжету, такъ и по исполненію.

Царская грамота, присланная отъ московскаго Большаго Собора съ архимандритомъ Сергіемъ, взволновала все населеніе Соловецкаго монастыря. Вся черная братія сошлась въ главный храмъ выслушать наказъ освященнаго собора, тутъ явились и схимники, отшельники скитскіе, черные попы и вся служебная братія. Выраженія лицъ очень оживленныя и возбужденныя; художникомъ избранъ моментъ, когда возбужденіе это дошло до высшей степени. Избранный братіей черный попъ Геронтій, поднявшись на скамью, сталъ читать житіе Евфросима Псковскаго, гдѣ не велѣно говорить аллилуію трижды. Шумъ и крикъ, поднявшіеся послѣ этого, совсѣмъ заглушили отвѣты и возраженія архимандрита Сергія. Въ сторонкѣ отъ соловецкой братіи, мы видимъ двухъ монаховъ въ новыхъ греческихъ клобукахъ; это-то и есть московскіе посланные; на нихъ никто теперь не обращаетъ вниманія, ихъ оттѣснили.

Художникъ, молодой еще человѣкъ, какъ намъ передавали, не обладаетъ достаточными средствами, и поэтому добросовѣстное изученіе обстановки и эпизода дѣлаетъ ему особую честь; есть надежда, что онъ не оставитъ избраннаго поприща, и, можетъ быть, слѣдующіе труды будутъ еще болѣе безукоризненны. Въ выставленной картинѣ смущаютъ красныя канты и нашивки у схимниковъ, тогда какъ эти кресты и до настоящаго времени употребляются бѣлые; затѣмъ стулъ, на который взобрался Геронтій, черезчуръ напоминаетъ современный; вѣроятно художника ввело въ заблужденіе слово «стулъ», которое стоитъ въ этомъ мѣстѣ у преосвященнаго Макарія (т. 12-й, стр. 676).

Сводя итоги всего сказаннаго, можно заключить, что наши художники не всегда, при своей работѣ, справляются съ исторіей. Можетъ быть, они скажутъ, что это мелочи. Согласенъ, но онѣ производятъ непріятное впечатлѣніе, бьютъ въ глаза человѣку, хотя немного понимающему дѣло, и нерѣдко историческую картину дѣлаютъ неисторической.

А. Г—скій.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Продолженіе сочиненія Гильдера «Во льдахъ и снѣгахъ» (печатаемаго въ приложеніи къ «Историческому Вѣстнику») отлагается, по недостатку мѣста, до слѣдующей книжки.

Въ помѣщенной въ «Историческомъ Вѣстникѣ» замѣткѣ «Къ біографіи А. Н. Воронихина» вкрались 4 опечатки: 1) на стр. 251 напечатано: 100-лѣтняя годовщина, слѣдуетъ читать: 125-лѣтняя; 2) на стр. 252, 10 строка сверху, напечатано: спрящися, слѣдуетъ читать: сопрящися; 3) на стр. 253, 13 стр. снизу, пропущено слово: «бѣловыя» (консисторскія и т. д.); 4) на стр. 254, въ подписи напечатано: Н. В., слѣдуетъ читать Н. А.

21 АПРѢЛЯ 1785—1885

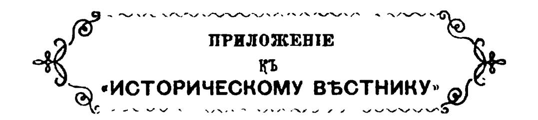
ОПЫТЪ
БИБЛІОГРАФИЧЕСКАГО УКАЗАТЕЛЯ
ПЕЧАТНЫХЪ МАТЕРІАЛОВЪ

ДЛЯ

ГЕНЕАЛОГІИ
РУССКАГО ДВОРЯНСТВА

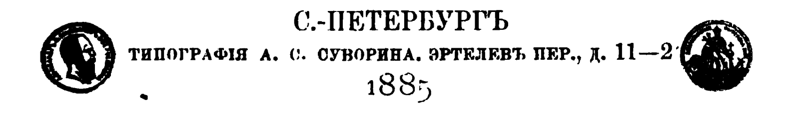
СОСТАВИЛЪ

Ѳ. А. Б.

ПРИЛОЖЕНІЕ
КЪ
«ИСТОРИЧЕСКОМУ ВѢСТНИКУ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2
1885

Предлагаемый указатель, содержащій какъ отдѣльно напечатанныя родословныя, такъ и свѣдѣнія о дворянскихъ родахъ, помѣщенныя въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, составленъ съ цѣлію служить пособіемъ для занимающихся генеалогіею русскаго дворянства.

14-го апрѣля
1885 г.

Акты о происхожденіи шляхетскихъ родовъ въ Юго-Западной Россіи. Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. IV, т. I. Кіевъ. 1867.

Алфавитный списокъ нѣкоторыхъ дворянскихъ фамилій, нынѣ существующихъ въ западныхъ губерніяхъ Россіи, въ особенности же въ Бѣлоруссіи, предки коихъ были православными митрополитами... въ разныхъ мѣстахъ Литвы, Бѣлоруссіи и Россіи, съ присовокупленіемъ краткаго біографическаго очерка большей части сихъ лицъ. К. Говорскаго. Витебск. Губ. Вѣд. 1858. № 15—18.

Дворянство въ Россіи, отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостнаго права. Соч. Романовича-Славатинскаго. Спб. 1870.

Желательная реформа. Четыре статьи о дворянствѣ А. Ч. Спб. 1881, стр. 81.

Извѣстіе о дворянахъ россійскихъ. О ихъ древнемъ происхожденіи, о старинныхъ чинахъ, и какія ихъ были должности при государяхъ, царяхъ и великихъ князьяхъ, о выборѣ доказательствъ на дворянство, о родословной книгѣ, о владѣніи деревень, о службѣ предковъ и собственной и о дипломахъ. Спб. 1790. 8°, 3 нен.+494+5 ненстр. (Соч. Ф. Миллера, изд. Ив. Рахманиновымъ).

Историческая и хронологическая поколѣнная роспись всѣхъ въ Россіи владѣющихъ великихъ князей, царей, императоровъ и императрицъ... выбрана, а отчасти... переведена Елизаветой Кушелевой, подъ руководствомъ ея учителя Өедора Габлицеля. Спб., у Христофора Геннинга. 1785. М. 8°, 112 стр.

Историческій разсказъ о литовскомъ дворянствѣ. Соч. Ивана Порай-Кошица. Спб. 1858. 8°, XII+175 стр.

Исторія дворянскаго сословія въ Россіи. М. Яблочкова. Спб. 1876.

Краткій алфавитный списокъ древнимъ симбирскимъ дворянскимъ фамиліямъ, родословныя росписи которыхъ находятся въ разрядномъ архивѣ. Сборн. истор. и статист. мат. о Симбирской губ. Симбирскъ, 1868, стр. 253—258.

Краткій опытъ историческаго извѣстія о россійскомъ дворянствѣ извлеченъ и сочиненъ изъ степенныхъ, статейныхъ, чинов-

ныхъ и другихъ разныхъ россійско-историческихъ книгъ, съ показаніемъ родоначальниковъ нѣкоторыхъ, въ родословной бархатной называемой книгѣ, показанныхъ родовъ. М. 1804, въ унив. тип. у Любія, Гарія и Попова. 12°, 176 стр. (соч. Дмитпврв—Дмитревскаго?)

Краткое историческое повѣствіе о началѣ родовъ князей россійскихъ, происходящихъ отъ великаго князя Рюрика. Иждивеніемъ типографической компаніи. М., 1785, въ унив. тип. у Н. Новикова, 8°, 96 стр. (составилъ кн. М. М. Щербатовъ).

Малороссійскія фамильныя прозванія. Н. Ѳ. Сумцева. Кіевская Стар., 1885, т. XI, стр. 215.

Матеріалы, относящіеся къ исторіи донскихъ дворянскихъ родовъ. Донскія Войсковыя Вѣд., 1861, № 23.

Notice sur les principales familles de la Russie. Par le prince Pierre Dolgorouky. Berlin, 1859, chez Schnesler. 2-e tirage, стр. 144.

О дворянскихъ родахъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Рижскій Вѣстникъ, 1872, №№ 228, 229, 234, 238, 242, 244, 245 и 246.

О происхожденіи нѣкоторыхъ дворянскихъ фамилій русскихъ изъ Польши. Записка гр. И. Г. Чернышева къ епископу Адаму Нарушевичу и отвѣтъ послѣдняго (изъ Wijciągi Piotrowickie, etc. wydane przez A. E. Kozmiana). Сынъ Отечества, 1844, IV, 120—123.

О родословіи владѣтельныхъ князей русскихъ (изъ сочиненія, готовящагося къ изданію). П. Строева, Сынъ Отечества, 1814, XIV, 284—293.

Очеркъ исторіи русскаго дворянства отъ половины IX до конца XVIII в. И. А. Порай-Кошицъ, Спб., 1874.

Очерки организаціи и происхожденія служилаго сословія въ до-Петровской Руси. Н. Загоскина. Казань. 1876. 8°, стр. 860+3 нен.

Очерки старѣйшихъ дворянскихъ родовъ Черниговской губ. А. Лазаревскій. Записки черниговскаго губернскаго статистическаго комитета, 1868, кн. 2, стр. 35—148.

Очерки малороссійскихъ фамилій. Матеріалы для исторіи общества въ XVII и XVIII вѣкахъ, собираемые А. М. Лазаревскимъ. Р. Ар., 1875, I кн., стр. 91—97; 311—325; 439—452. II кн. стр. 248—264; 402—409; III кн. стр. 297—308. (Помѣщены очерки слѣдующихъ родовъ: Апостолы, Базилевскіе, Безбородки, Бороховичи, Галаганы, Гамалѣи, Герцики, Гоголи-Яновскіе, Горленки, Грабянки, Дмитрашки-Раичи, Жученки-Жуковскіе, Иваненки, Искры).

Родословная книга князей и дворянъ россійскихъ и выѣзжихъ... изданная по самовѣрнѣйшимъ спискамъ (составлена Миллеромъ), М., 1787. Въ унив. тип. у Н. Новикова съ указнаго дозволенія, 2 части, I ч., 38 нен. и 352 стр., II ч., 453 стр.

Родословная книга по тремъ спискамъ съ предисловіемъ и азбучнымъ указателемъ. Временникъ Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ, 1851 к. 10. Мат. стр. I—VIII и 1—286.

Родословная роспись потомковъ великаго князя Рюрика, составленная Н. Головинымъ, М., 1851, стр. 92.

Родословная царствующаго дома въ Россіи отъ Рюрика. Съ подробной хронологіей Россіи, М., 1874.

Родословная таблица династій Рюрика и нынѣ царствующаго Имп. дома Романовыхъ. Изд. Шевелева, Спб., 1873.

Родословныя таблицы, приложенныя къ Исторіи Россійской отъ древнѣйшихъ временъ, сочиненія князя Михаила Щербатова.

Родословныя таблицы къ исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ С. М. Соловьева, И. И. Шилова. М. 1864, тип. Грачева и К°, 14 таблицъ.

Родословный чертежъ поколѣнію владѣтельныхъ князей русскихъ, Строева. Сынъ Отечества, 1815, XXVI, 201—219, 242—251.

Родословныя росписи владѣтельныхъ князей, сост. Карамзинымъ и П. М. Строевымъ при «Исторіи» Карамзина.

Родословной россійской словарь, содержащій историческое описаніе родовъ князей и дворянъ россійскихъ и выѣзжихъ... Изданъ и усерднѣйше приносится благородному россійскому дворянству Матвѣемъ Спиридовымъ, ч. I (буква А), М., 1793, 8° CXLIV+376+XIX стр. (Составляли кн. М. М. Щербатовъ и М. Спиридовъ).

Россійскій родословный сборникъ, кн. П. Долгорукова, 4 т., Спб., 1840—1841.

Россійская родословная книга, издаваемая княземъ Петромъ Долгоруковымъ. Спб., 1854—1857, 8°, 4 части; I 350, II 327, III 523, IV 482 стр.

Русская Родословная Книга. Изданіе «Русской Старины», I т., Спб., 1873, XI+388 стр.; II т., Спб., 1875, IV+2 нен.+222 стр.

Сборникъ матеріаловъ для исторіи Уфимскаго дворянства. В. А. Новиковъ. Уфа. Печатня Н. Блохина, 1879, 8°, 270 стр.

Сокращенное описаніе службъ благородныхъ Россійскихъ дворянъ, расположенное по родамъ ихъ съ показаніемъ, отъ кого тѣ роды начало свое получили, или откуда какіе родоначальники выѣхали, или которыхъ ни происхожденіе, ни выѣзды издателю неизвѣстны; со вмѣщеніемъ такого же описанія служившихъ въ древности Россіи, также и иностранныхъ въ россійской службѣ бывшихъ... Сост. М. Спиридоновъ. М., 1810, ч. I, 343 стр., ч. II, II+1 нен. + 356.

Адлербергъ, графы.

Родословіе графовъ Адлербергъ. Всемірная Иллюстрація, 1869, т. I, № 26, стр. 415[1]).

Андреевы.

Свѣдѣнія о родѣ Андреевыхъ. Чтенія въ Общ. Ист. и Древн., 1870, № 4, стр. 63—176.

Апраксины.

Опытъ историческаго родословія дворянъ и графовъ Апраксиныхъ. Спб., 1841, 8°, 56 стр. Сост. К. М. Бороздинымъ. (Посвящено Н. П. Новосильцову).

Родословіе дворянъ и графовъ Апраксиныхъ. Всемірная Иллюстрація, 1870, т. IV, № 81.

Араповы.

Родословіе дворянъ Араповыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1871, т. VI, № 138.

Аргутинскіе-Долгоруковы, князья.

Родословіе князей Аргутинскихъ-Долгоруковыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1872, т. VII, № 161.

Арсеньевы.

Опытъ историческаго родословія дворянъ Арсеньевыхъ (состав. К. М. Бороздинъ). Спб., 1841, 8°, 38 стр. Посвященіе князю М. А. Оболенскому.

Родословіе дворянъ Арсеньевыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1880, т. XXIV, № 617.

Архаровы.

Замѣтка о родѣ ярославскихъ дворянъ Архаровыхъ. Ярославскія Губ. Вѣдомости. Часть неоф., 1868, № 40—47 и 52.

Бабичевы, князья.

Родословіе князей Бабичевыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1873, т. IX, № 222.

Багратіонъ, князья.

Родословіе князей Багратіонъ. Всемірная Иллюстрація, 1876, т. XVI, № 416.

Балкъ-Полевы.

Родословіе Балкъ-Полевыхъ въ статьѣ архимандрита Леонида «Село Полево или Полевщина и ея владѣльцы Полевы и Балкъ-Полевы». Чтенія въ Общ. Ист. и Др., 1872, кн. IV, Смѣсь, стр. 15.

Барановы.

Родословіе дворянъ Барановыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1870, т. III, № 68.

---

[1]) Всѣ родословныя, помѣщенныя во Всемірной Иллюстраціи, составлены П. Н. Петровымъ. Часть этихъ статей издана особо въ 3-хъ книгахъ, подъ заглавіемъ: «Для немногихъ. Спеціальныя замѣтки по генеалогіи и геральдикѣ, исторіи, археологіи и искусству. П. Н. Петрова».

Баратаевы, князья.

Свѣдѣнія о родѣ князей Баратаевыхъ въ статьѣ «Кн. М. П. Баратаевъ. «Сборникъ истор. и статист. мат. о Симбирской губ. Симбирскъ, 1868, стр. 223—230.

Бартеневы.

Родословіе дворянъ Бартеневыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1871, т. V, № 130.

Барятинскіе, князья.

Очеркъ исторіи рода князей Барятинскихъ. В. С. Ставропольскія Губернскія Вѣдомости, 1860, № 13—18.

Родословіе князей Барятинскихъ. Всемірная Иллюстрація, 1870, т. IV, № 83.

Баташовы.

Нѣсколько словъ о семействѣ Баташовыхъ. Т. Толычевой. Р. Арх., 1871, стр. 2112—2118.

Бахметевы.

Родословіе дворянъ Бахметевыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1871, т. VI, № 132.

Безобразовы.

Родословіе дворянъ Безобразовыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1874, т. XI, №№ 260, 270, 273 и 274.

Бекетовы.

Родословная гг. Бекетовыхъ. Сборн. истор. и статист. мат. о Симбирской губ., Симбирскъ, 1868 (приложена родословная къ біографіи Н. А. Бекетова, стр. 165—193).

Родословіе дворянъ Бекетовыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1871, т. VI, № 140.

Беклемишевы.

Родословіе дворянъ Беклемишевыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1871, т. VI, № 149.

Бенкендорфъ.

Опытъ историческаго родословія дворянъ и графовъ Бенкендорфовъ (состав. К. М. Бороздинъ). Спб., 1841, 8°, 2 нен.+24 стр. Посвященіе А. Ѳ. Львову.

Беннингсенъ, графы.

Родословіе графовъ Беннингсенъ. Всемірная Иллюстрація, 1870, т. III, № 77.

Бестужевы.

Свѣдѣнія о родѣ Бестужевыхъ, въ ст. А. Толстаго «Древніе акты въ родословныхъ». Архивъ истор. и практ. свѣдѣній, относящихся до Россіи, 1859, кн. III.

Бестужевы-Рюмины, графы.

Родословіе графовъ Бестужевыхъ-Рюминыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1871, т. VI, № 134.

Биронъ, герцоги.

Родословіе фамиліи герцога Бирона. Сообщ. кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій. Р. Ст., 1873, т. VII, стр. 61.

Болтины.

Родословіе дворянъ Болтиныхъ. Всемірная Иллюстрація, 1874, т. XI, № 266.

Боярскіе.

Родословіе дворянъ Боярскихъ. Всемірная Иллюстрація, 1871, т. V, № 110.

Бошняки.

Свѣдѣнія о родѣ Бошнякъ, въ статьѣ «И. К. Бошнякъ, комендантъ города Саратова». Р. Ст., 1879, т. XXVI, стр. 211—214.

Брадке-фонъ.

Свѣдѣнія о родѣ фонъ-Брадке, въ Автобіографическихъ Запискахъ Е. Ѳ. фонъ-Брадке. Русск. Арх., 1875, кн. I, стр. 13.

Брюлловы.

Родословіе дворянъ Брюлловыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1871, т. VI, № 137.

Булатовы.

Родословіе дворянъ Булатовыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1871, т. VI, № 139.

Замѣтка о родѣ Булатовыхъ. Р. Ст., 1874, т. X, стр. 667—682.

Булгаковы.

О родѣ благородныхъ дворянъ Булгаковыхъ. Арх. Ювеналія Воейкова, 4 стр.

Булгаковы.

Родословіе дворянъ Булгаковыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1871, т VI, № 133.

Бутурлины.

Родословіе дворянъ и графовъ Бутурлиныхъ. Всемірная Иллюстрація, 1871, т. V. № 124.

Бутурлины, Юшковы и Самарины.

Бутурлины и Юшковы. Замѣтки изъ бумагъ семейнаго архива Н. Ѳ. Самарина. Сообщ. Н. Ѳ. Самаринъ. Р. Стар., 1872, т. VI, стр. 559—563.

Юшковы и Самарины. Сообщ. архим. Леонидъ. Р. Ст., 1873, т. VII, стр. 416.

Бутурлины.

Бутурлины, свѣдѣнія о ихъ родѣ въ статьѣ: «Ив. Ив. Бутурлинъ генералъ-аншефъ». Р. Ст., 1878, т. XXIII, стр. 162—165.

Бухвостовы.

Родословіе дворянъ Бухвостовыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1872, т. VIII, № 186.

Бычковы-Ростовскіе, князья и дворяне.

Князья и дворяне Бычковы-Ростовскіе. Сообщ. А. Апраксинъ. Р. Ст., 1879, т. XXVI, стр. 162.

Родословная рода князей и дворянъ Бычковыхъ-Ростовскихъ. (Рукопись) составлена Θ. А. Бычковымъ. Спб., 1880. Въ тип. втораго отд. собств. его имп. вел. канц., 2 нен. + V + 71 стр., 4°. (Посвящается членамъ рода Бычковыхъ).

Генеалогическая замѣтка В. Ч(ерникова) о родѣ симбирскихъ дворянъ Бычковыхъ. Симбирская Земская Газета, 1880, № 215, стр. 6.

Бѣлозерскіе, князья.

Родословная роспись князей Бѣлозерскихъ. Приложеніе къ статьѣ графа В. М. Толстаго: «Древнія святыни Ростова-Великаго». Чт. въ Об. Ист. и Древн., 1847, т. II, стр. 82 и 84.

Я. Гарелинъ. Родословіе князей Бѣлозерскихъ. Владимірскія Губ. Вѣд., 1862, № 24.

Бѣлосельскіе-Бѣлозерскіе, князья.

Родословіе князей Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ. Всемірная Иллюстрація, 1875, т. XIII, № 319.

Вадбольскіе, князья.

Поколѣнная роспись или родословіе князей Вадбольскихъ, которое сочинилъ игум. Ювеналій Воейковъ. Печатано иждивеніемъ капитана князь Міхаила княжь Иванова сына Вадбольскаго. М., 1792, 8°, 28 стр.

Валуевы.

Родословіе дворянъ и графовъ Валуевыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1880, т. XXIII, № 581.

Васильчиковы.

Родословіе дворянъ, графовъ и князей Васильчиковыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1874, т. XI, № 265 и 1878, т. XIX, № 469.

Веселовскіе.

Замѣтки о родѣ Авраама Веселовскаго. Сообщ. Крамеръ, С. Д. Безобразовъ и князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій. Р. Ст., т. 4, 1871, стр. 447, 419.

Вишневецкіе-Корыбутъ, князья.

С. Ступишинъ. О князьяхъ Корыбутъ-Вишневецкихъ. Вѣстникъ Юго-Западн. и Западн. Россіи, 1862, № 1—2.

Воейковы.

Поколѣнная роспись или родословіе благородныхъ дворянъ Воейковыхъ. (Составлена Юв. Воейковымъ), М., 1789, 8°.

Историческое родословіе благородныхъ дворянъ Воейковыхъ, собранное игуменомъ Ювеналіемъ Воейковымъ. М., 1792, 8°, съ портретомъ составителя, гербомъ и таблицею.

Волковы.

Родословіе дворянъ Волковыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1876, т. XV, №№ 387, 416 и 417.

Волконскіе, князья.

Свѣдѣнія для родословной князей Волконскихъ въ статьѣ: «Списокъ съ находящейся рукописной старинной тетрадки въ Пафнутьевѣ Боровскомъ монастырѣ, Грамота и Наказъ, относящіеся до фамиліи князей Волконскихъ». Древн. Россійск. Вивліоѳика, ч. XI, стр. 419—448.

Родословіе князей Волконскихъ. Всемірная Иллюстрація, 1872, т. VII, № 157.

Воронцовы.

Родословіе дворянъ, графовъ и князей Воронцовыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1879, т. XXI, № 536.

Вяземскіе, князья.

Родословіе князей Вяземскихъ. Всемірная Иллюстрація, 1872, т. VII, № 159.

Гагарины, князья.

Родословіе князей Гагариныхъ. Всемірная Иллюстрація. 1870, т. III, № 69.

Гагарины-Стурдза, князья.

Родословіе князей Гагариныхъ-Стурдза. Всемірная Иллюстрація, 1877, т. XVII, № 428.

Галаганы.

Свѣдѣнія о родѣ Галаганъ въ статьѣ А. Лазаревскаго: «Галагановскій фамильный архивъ». Кіевская Старина, 1883, т. VII, стр. 450—472.

Гантимуровы, князья.

Князь Гантимуровъ. О родѣ князей Гантимуровыхъ. Иркутскія Губ. Вѣд., 1859, № 48.

Герцыки.

Генеалогическое заявленіе о происхожденіи рода Герцыкъ. Виктора Герцыкъ. Р. Ар., 1875, кн. II, стр. 366.

Глинскіе, князья.

Родословіе князей Глинскихъ. Акты, относящіеся до исторіи западной Россіи, т. I. Примѣч., стр. 17.

Глѣбовы.

Родословіе дворянъ Глѣбовыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1879, т. XXII, № 571.

Голенищевы-Кутузовы.

Родословіе дворянъ, графовъ и князей Голенищевыхъ-Кутузовыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1871, т. V, № 111; 1879, т. XXII, № 563 и 1881 г., т. XXV, № 625.

О потомкахъ кн. М. И. Голенищева-Кутузова. Ѳ. М. Толстой. Р. Стар., V т., 1872, стр. 346—347.

Голиковы.

Родословіе дворянъ Голиковыхъ. Всемірная Иллюстрація. 1874, т. XI, № 281.

Голицыны, кн.

Родъ князей Голицыныхъ. Древняя Россійская Вивліоѳика, ч. XVII, стр 188—405.

Записки о родѣ князей Голицыныхъ, Е. Серчевскаго. Спб. 1853. Стр. IX+306+2 нен. (Приложены: гербъ кн. Голицыныхъ, 10 портретовъ и таблица).

О женѣ кн. Михаила Алексѣевича Голицына, итальянкѣ. Н. Дубровскаго. Чт. 1865, кн. III. Смѣсь 64—66.

Родословіе, князей Голицыныхъ. Всемірная Илюстрація, 1871, т. VI, № 152.

Матеріалы для полной родословной росписи князей Голицыныхъ, собранные кн. Н. Н. Голицынымъ. Корректурное изд., Кіевъ, 1880, 4°, стр. V+244.

Головины.

Родословная Головиныхъ, владѣльцевъ села Новоспасскаго. Собр. П. К(азанскій). М., 1847.

Головкины.

Родословіе дворянъ и графовъ Головкиныхъ. Всемірная Иллюстрація, 1872, т. VIII, № 208.

Голохвастовы.

Акты, относящіеся до рода дворянъ Голохвастовыхъ. Сообщ. Д. П. Голохвастовъ. Чт. Общ. Ист. и Древн. Р., 1847, № 3. Смѣсь 49—87.

Горскіе.

Свѣдѣнія о фамиліи Горскихъ въ статьѣ: «Петръ Горскій, одинъ изъ участниковъ Куликовской битвы». Сообщ. Мих. Прокудинъ-Горскій. Р. Ст., 1880, т. XXIX, стр. 441—442.

Горчаковы, князья.

Родословіе князей Горчаковыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1869, т. I, № 22.

Грибоѣдовы.

Нѣсколько словъ о фамиліи Грибоѣдовыхъ. Письмо къ редактору журнала «Москвитянинъ», М. И. Семевскаго. Москвитянинъ, 1856, т. III, № 12, стр. 309—323.

Грохольскіе.

Генеалогическое недоумѣніе. Н. Невѣдомцевъ. (О родѣ Грохольскихъ). Р. Арх., 1872, стр. 2044.

Генеологическое разъясненіе А. Л. Потапова о родѣ Грохольскихъ. Рус. Ст., 1872, т. VI, стр. 698—99.

Дадьянъ, князья.

Родословіе князей Дадьяновыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1877, т. XVII, № 417.

Дашковы, князья.

Родословіе князей Дашковыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1872, т. VII, № 174.

Деляличъ-Делаваль.

Поколѣнная роспись фамиліи Деляличъ-Делаваль (составилъ І. П. Деляличъ-Делаваль). Спб., 1873, тип. мин. вн. дѣлъ. Листъ.

Демидовы.

Родословная Демидовыхъ, составленная П. А. Демидовымъ. Р. Арх., 1873, т. XI, 2 ч., стр. 2212 — 2229.

Родословная Демидовыхъ. М., 1873, тип. Грачева и К°, 8°, 78 столбцовъ (отд. оттискъ изъ «Русскаго Архива», Кн. XI, 1873).

Демидовы, дворяне, и Демидовъ, князь Санъ-Донато.

Родословіе Демидовыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1873, т. X, № 236.

Родословіе Демидова, князя́ Санъ-Донато. Всемірная Иллюстрація, 1878, т. XIX, № 472.

Свѣдѣнія о родѣ В. И. Демидова. Р. Ар., 1878, ч. I, стр. 12—13.

Родъ дворянъ Демидовыхъ. К. Д. Головщикова, Ярославль 1881, 4°, 268+105.

Денъ, фонъ.

Beiträge zur Geschichte der Familie von Dehn. Aug. v. Dehn. Дерптъ, 1868.

Деспоты-Зеновичи.

Птащицкій, С. А. Деспоты-Зеновичи въ XVI — XVII вв. (историческіе матеріалы). Русская Старина, 1878, т. XXI, стр. 125—134; т. XXII, стр. 503—511.

Дивіеръ, графы.

Родословіе графовъ Дивіеръ. Всемірная Иллюстрація, 1872, т. VIII, № 192.

Дивовы.

Опытъ историческаго родословія дворянъ Дивовыхъ (состав. К. М. Бороздинъ). Спб., 1841, 8°, 32 стр. Посвященіе М. В. Полѣнову.

Дмитріевы.

Свѣдѣнія о родѣ Дмитріевыхъ. Сборн. истор. и статист. матер. о Симбирской губ. Симбирскъ, 1868, стр. 203—222.

Дмитріевы, Апраксины, Вельяминовы и Самарины.

Свѣдѣнія о сихъ родахъ, см. Русск. Истор. Библ., VIII, № 16, ст. 1205—1236.

Долгоруковы, князья.

Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ (составилъ князь П. В. Долгоруковъ). Спб., 1840, въ тип. Эд. Праца, 8°, XX +337+10 нен. стр., гербъ и 4 родословныя таблицы. Посвя-

щается памяти князя Мих. Петр. Долгорукова. Въ приложеніяхъ помѣщены записки княгини Н. Б. Долгоруковой, князя Ю. В. Долгорукова и письма императрицы Екатерины II къ кн. Долгорукову-Крымскому.

Фамильныя замѣтки князя Алексѣя Долгорукова. Спб., 1853.

Замѣтки и поправки къ родословію князей Долгоруковыхъ. Ст. Н. А. Фадѣевой. Р. Арх., 1866, № 8 и 9, стр. 1340—1348.

Долгорукіе, князья Алексѣй и Всеволодъ, и Шпилевская Наталія—Долгорукіе, Долгоруковы и Долгорукіе-Аргутинскіе, Спб., 1869, стр. VIII + 207 + 2 нен. (съ прилож. портрета кн. Я. Ѳ. Долгорукова, гербовъ и особой статьи кн. Алексѣя Долгорукова).

Генеалогическая поправка о потомствѣ кн. Д. И. Долгорукова. П. Бартенева. Р. Ар., 1869, стр. 677—678.

Родословіе князей Долгоруковыхъ, Всемірная Иллюстрація, 1872, т. VIII, № 203 и 204.

Дондуковы-Корсаковы, князья.

Родословіе князей Дондуковыхъ-Корсаковыхъ, Всемірная Иллюстрація, 1877, т. XVIII, № 466.

Друцкіе-Горскіе, князья.

Родословная потомковъ князя Рюрика, князей Друцкихъ-Горскихъ, графовъ на Мыжи и Преславлю съ 806 г., составленная изъ историческихъ преданій авторовъ польскихъ, нѣмецкихъ и россійскихъ и изъ законныхъ документовъ по настоящее время, печ. въ 1824 г. (безъ означенія мѣста), 2°, 25 + 8 стр. Родословная таблица и гербъ.

Друцкіе-Соколинскіе, князья.

Родословіе князей Друцкихъ-Соколинскихъ, Всемірная Иллюстрація, 1873, т. IX, №№ 229 и 231.

Елагины.

Родословіе дворянъ Елагиныхъ, Всемірная Иллюстрація, 1874, т. XII, №№ 306 и 314.

Еловицкіе.

Историческая родословная Еловицкихъ, Спб., 1877, тип. министерства путей сообщенія, 8°, 15 стр. съ таблицею.

Енгалычевы, князья.

Родословіе князей Енгалычевыхъ, Всемірная Иллюстрація, 1877, т. XVII, №№ 435, 437 и 439.

Ермоловы.

Родословіе дворянъ Ермоловыхъ, Всемірная Иллюстрація, 1877, т. XVII, № 432.

Ефимовскіе, графы.

Опытъ историческаго родословія графовъ Ефимовскихъ (состав. К. М. Бороздинъ), Спб., 1841, 8°, 19 стр. Посвященіе А. С. Лавинскому.

Жербины.

Родословіе дворянъ Жербиныхъ, Всемірная Иллюстрація, 1871, т. V, № 113.

Заблоцкіе.

Происхожденіе рода Заблоцкихъ. Замѣтка, сообщ. Як. Ив. Довголевскимъ, Р. Ст., 1882, т. XXXIII, стр. 548.

Забѣла.

Свѣдѣнія о родѣ Забѣла въ статьѣ А. Лазаревскаго: «Иванъ Петровичъ Забѣла, знатный войсковой товарищъ», Кіевская Старина, 1883, т. VI, стр. 506.

Замятнины.

Родословіе дворянъ Замятниныхъ. Всемірная Иллюстрація, 1871, т. V, № 112.

Звенигородскіе, князья.

Родъ князей Звенигородскихъ. Арх. Леонидъ. Вѣстн. Общ. древнерусскаго искусства, 1874—1876, стр. 16.

Зиновьевы.

Зиновьевы. Замѣтки о нихъ. Р. Ст., т. IV, 1871, стр. 404.

Родословіе дворянъ Зиновьевыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1874, т. XI, № 284.

Зотовы.

Родословіе графовъ и дворянъ Зотовыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1873, т. X, №№ 240 и 241.

Зубовы.

Списокъ членовъ этого рода. Р. Ст., т. XVI, стр. 593—594.

Замѣтка о нихъ. Р. Ст., т. XVII, стр. 173. Сообщ. А. Л.

Зубовъ, князь.

Свѣдѣнія о дочери князя П. А. Зубова, въ статьѣ «Рауданскій замокъ». Истор. Вѣстн., 1882, т. I, стр. 167.

Игнатьевы.

Родословіе дворянъ и графовъ Игнатьевыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1872, т. VII, № 171; 1878, т. XIX, № 490.

Ивановы.

Родословіе Ивановыхъ. Р. Ст., 1874, т. X, стр. 547.

Иванчины-Писаревы.

Семейные акты Иванчиныхъ-Писаревыхъ XVII столѣтія. Сообщ. Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ. Чт. Общ. Ист. и Древн. Р., 1847, № 9, Смѣсь, 1—19.

Измайловы.

Опытъ историческаго родословія дворянъ Измайловыхъ (Состав. К. М. Бороздинъ). Спб., 1841, 8°, 2 нен. + 27 стр. (Посвященіе Д. В. Полѣнову).

Казаковы.

Родословіе благородныхъ дворянъ Казаковыхъ, собранное изъ достовѣрныхъ извѣстій, а во удовольствіе оной фамиліи сочинилъ игуменъ Ювеналій Воейковъ. М. 1792, 8°, 16 стр.

Кайсаровы.

Родословіе дворянъ Кайсаровыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1871, т. VI, № 143.

Каменскіе, князья.

Родословіе св. благовѣрнаго князя Іоасафа Каменскаго, по Бархатной Книгѣ. Вологодскія Епархіальныя Вѣдомости, 1885, № 6.

Каменскіе, графы.

Родословная роспись рода Каменскихъ. Изд. иждивеніемъ графа М. Ѳ. Каменскаго. Посвящается графу Н. М. Каменскому. Орелъ. Губернская типографія, 1808, 8°, 92 стр.

Карамзины.

Свѣдѣнія о родѣ Карамзиныхъ. Сборн. истор. и статист. мат. о Симбирской губ. Симбирскъ, 1868, стр. 194—202.

Синодикъ 1670 года Богословскаго монастыря, что на Вагѣ (съ новыми указаніями о родѣ Карамзиныхъ и съ приложеніемъ родословной князей Коркодиновыхъ), ст. кн. М. Оболенскаго. Р. Арх., 1869, стр. 1076—1082.

Касаткины-Ростовскіе, князья.

Родословіе князей Касаткиныхъ-Ростовскихъ. Всемірная Иллюстрація, 1880, т. XXIII, № 573.

Касимовскіе, царевичи и князья.

Свѣдѣнія о Касимовскихъ царевичахъ, въ Изслѣдованіи Вельяминова-Зернова о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ. 2 ч., Спб., 1864.

Кашинцовы.

Свѣдѣнія о родѣ дворянъ Борисовыхъ, Бороздиныхъ, Колединскихъ, Житовыхъ и Кашинцовыхъ. Влад. Губ. Вѣд., 1871, № 35—36.

Кашкины.

Свѣдѣнія о родѣ Кашкиныхъ, въ статьѣ П. Н. Петрова: «Е. П. Кашкинъ, одинъ изъ сподвижниковъ Екатерины II». Р. Ст., 1882, т. XXXV, стр. 3—6.

Кежгайлы.

Свѣдѣнія о родѣ Кежгайловъ. Игнатія Б. Памятная книжка Ковенской губ. на 1863 г., стр. 61—70.

Княжевичи.

Родъ Княжевичей. Одесса. 1842. Въ городск. тип., 8°, 102 стр. Карта, портретъ, родословн. дерево и гербъ Княжевичей. (Посвящается Вл. Макс. Княжевичу). Составилъ Н. И. Надеждинъ.

Кольцовы-Мосальскіе, князья.

Родословіе князей Кольцовыхъ-Мосальскихъ. Всемірная Иллюстрація, 1880, т. XXIV, № 609.

Комнины, князья.

Нѣсколько словъ о родѣ греческихъ князей Комниныхъ. М., 1854, въ тип. В. Готье, 8°, 32 стр. (сост. Н. Головинъ).

Корходиновы, князья.

Родословная князей Корходиновыхъ, составлена кн. М. Оболенскимъ. Р. Арх., 1869, стр. 1080.

Коробановы.

Краткое историческое родословіе благородныхъ дворянъ Коробановыхъ. Соч. игуменъ Ювеналій Воейковъ. М., 1795, въ Сен. тип., у В. Окорокова, 4°, 100+III стр. (Родословная таблица и гербъ). Посвящено П. Ѳ. Коробанову.

Корсаки.

Корсаки (извлечено изъ юго-западнаго Вѣстника и польскихъ гербовниковъ). Виленск. Вѣстн., 1864, № 42.

Кочубей, князья.

Родословіе князей Кочубей. Всемірная Иллюстрація, 1871, т. VI, № 144.

Кропоткины, князья.

Родословіе князей Кропоткиныхъ. Всемірная Иллюстрація, 1877, т. XVII, № 425.

Кропотовы и Дуровы.

Историческое родословіе благородныхъ дворянъ Кропотовыхъ и Дуровыхъ, собранное изъ достовѣрныхъ извѣстій игум. Ювеналіемъ Воейковымъ. М., 1792, 8°, стр. 17 и таблица.

Куракины, князья.

Родословіе князей Куракиныхъ. Древняя Россійская Вивліоѳика, ч. XVII, стр. 405—422.

Куракины, князья.

Родословіе князей Куракиныхъ. Всемірная Иллюстрація, 1869, т. II, № 43.

Свѣдѣнія о родѣ князей Куракиныхъ, въ статьѣ «Семейная хроника и воспоминанія кн. В. И. Куракина», Кіевская Стар., 1884, т. X, стр. 104.

Курбскіе, князья.

Родословіе кн. Курбскихъ. Въ сказаніяхъ кн. Курбскаго, изд. Устрялова, изд. 2-е, Спб., 1842; изд. 3-е, Спб., 1868.

Кутайсовы, графы.

Родословіе графовъ Кутайсовыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1872, т. VII, № 168.

Кушелевы.

Родословіе дворянъ и графовъ Кушелевыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1872, т. VII, № 176.

Лазаревы.

О родѣ Лазаревыхъ. Русск. Вѣд., 1868, № 174.

Ланскіе.

Родословіе дворянъ и графовъ Ланскихъ. Всемірная Иллюстрація, 1874, т. XI, № 261.

Левшины.

Свѣдѣнія о родѣ Левшиныхъ въ статьѣ: «Указы, наказы, грамоты, памяти и другія канцелярскія бумаги, относящіяся до фамиліи Левшиныхъ». Древн. Россійская Вивліоѳика, ч. XI, стр. 368—419.

Родословная книга благородныхъ дворянъ Левшиныхъ, содержащая въ себѣ доказательства о происхожденіи ихъ фамиліи, времяни выѣзда въ Россію и поколѣнную роспись. М., 1791, вольн. тип., у А. Рѣшетникова, м. 4° VIII + 2 нен. + 136 стр. (Составлена В. Левшинымъ).

Историческое сказаніе о выѣздѣ, военныхъ подвигахъ и родословіи благородныхъ дворянъ Левшиныхъ. М., 1813, въ Унив. тип., 4°, 2 нен. + 146 + 2 нен. стр. (Посвященіе Алексѣю Андріановичу Левшину).

Леонтьевы и Петрово-Солововo.

Матеріалы для родословія дворянъ Леонтьевыхъ и Петрово-Солововыхъ. Казань, 1881, тип. окружнаго штаба, 47 стр. (гербъ). (Составилъ Д. А. Корсаковъ).

Лермонтовы.

Предки М. Ю. Лермонтова. Изслѣдованіе В. В. Никольскаго. Р. Ст., т. VII, 1873, стр. 547—566, т. VIII, 1873, стр. 810.

Ливенъ.

Родословіе бароновъ и князей Ливенъ. Всемірная Иллюстрація, 1870, т. III, № 78.

Лизогубы.

Свѣдѣнія о родѣ Лизогубъ въ статьѣ А. Лазаревскаго: «Люди старой Малороссіи». Кіевская Старина, 1882, т. I, стр. 101—126.

Литке, графы.

Родословіе графовъ Литке. Всемірная Иллюстрація, 1870, т. III, № 73.

Лобановы-Ростовскіе, князья.

Родословіе князей Лобановыхъ-Ростовскихъ. Всемірная Иллюстрація, 1869, т. II, № 41.

Лопухины.

Краткое историческое родословіе благородныхъ дворянъ Лопухиныхъ, во удовольствіе оной знаменитой фамиліи собранное и написанное въ Новоспасскомъ монастырѣ пребывающимъ въ ономъ на пенсіи игуменомъ Ювеналіемъ изъ фамиліи Воейковыхъ. М., 1796, въ тип. Селивановскаго и това-

рища, 4°, 2 нен. + 52 стр. Родословная таблица и гербъ. (Посвященіе В. І. Лопухину).

Родословіе дворянъ и князей Лопухиныхъ. Всемірная Иллюстрація, 1871, т. VI, № 151.

Маевскіе.

Свѣдѣнія о родѣ Маевскихъ въ статьѣ: «Изъ семейныхъ воспоминаній». Историч. Вѣстн., 1881, IV, стр. 324, 548.

Марины.

Замѣтка о фамиліи Мариныхъ. Р. Стар., т. VI, 1872, стр. 674.

Матвѣевы, графы, и Нелединскіе-Мелецкіе.

Замѣтки къ родословной книгѣ, изд. ред. Русской Старины. Сообщ. Н..Ѳ. Самаринымъ. (Гр. Матвѣевы и Нелединскіе-Мелецкіе). Р. Ст., т. XVI, 1876, стр. 200—201.

Матюшкины, графы.

Опытъ историческаго родословія дворянъ и графовъ Матюшкиныхъ. Состав. К. М. Бороздинымъ. Спб., 1841, 8°, 2 нен. + 21 стр. (Посвященіе графу В. А. Соллогубу).

Мельгуновы.

Родословіе дворянъ Мельгуновыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1882, т. XXVII, № 689.

Меньшиковы, князья.

Родословіе князей Меньшиковыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1870, т. III, № 54.

Мёрдеръ.

Legende und Wahrheit über das Geschlecht Mörder. Дерптъ, 1870.

Мертваго.

Свѣдѣнія о родѣ дворянъ Мертваго въ Запискахъ Д. Б. Мертваго. Спб., 1867.

Мещерскіе, князья.

Родословіе князей Мещерскихъ. Всемірная Иллюстрація. 1872, т. VII, № 160.

Миклашевскіе.

Свѣдѣнія о родѣ Миклашевскихъ въ статьѣ А. Лазаревскаго: «Люди старой Малороссіи». Кіевская Старина, 1882, т. III, стр. 243—253.

Милорадовичи.

Милорадовичъ Гр. Алекс. О родѣ дворянъ и графа Милорадовичей. Кіевъ, 1871, тип. М. П. Фрица, стр. 157 + 2 нен. (Посвящено въ память столѣтняго юбилея графа М. А. Милорадовича, 1-го октября 1871). Приложенъ гербъ гр. Милорадовича.

Родословіе дворянъ и графовъ Милорадовичей. Всемірная Иллюстрація, 1878, т. XIX, № 491.

Родословная графовъ и дворянъ Милорадовичей. Спб., 1879, тип. В. С. Балашева, 8°, 11 стр.

Свѣдѣнія о родѣ Милорадовичей въ статьѣ А. Лазаревскаго: «Люди старой Малороссіи». Кіевская Старина, 1882, т. I, стр. 479—499.

Минихи, графы.

Родословіе графовъ Минихъ. Всемірная Иллюстрація, 1872, т. VII, 172.

Моложскіе, князья.

Свѣдѣнія о князьяхъ Моложскихъ, въ ст. I. Троицаго: «Исторія Моложской страны, княжествъ въ ней бывшихъ и города Мологи». Ярослав. Губерн. Вѣд., 1863. Часть неоф. стр. 228 и 236.

Мосальскіе, князья.

Родословная князей Мосальскихъ. Древн. Россійск. Вивліоѳика, ч. IX стр. 224—246.

Московскіе князья.

Московскіе удѣльные князья. И. Сахарова. Сынъ Отечества, 1842, т. XII, 1—22.

Мстиславскіе, князья.

Родословіе князей Мстиславскихъ. Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи, т. I, Прим., стр. 6.

Родъ князей Мстиславскихъ. Могилевск. Губ. Вѣд., 1869, № 34—38.

Мусины-Пушкины, графы.

Родословіе графовъ Мусиныхъ-Пушкиныхъ. Всемірная Иллюстрація. 1870, т. III, № 67.

Мухановы.

Родословіе дворянъ Мухановыхъ. Всемірная Иллюстрація. 1876, т. XV, № 367.

Родословная Мухановыхъ. Р. Арх., 1878, кн. I, стр. 326—329.

Нарышкины.

Родъ Нарышкиныхъ А. А. Васильчикова. Р. Арх., 1871, ст. 1487—1519. Поправки къ статьѣ о родѣ Нарышкиныхъ. Р. Арх., 1871, ст. 1960—1961.

Родословіе дворянъ Нарышкиныхъ. Всемірная Иллюстрація, 1873, т. X, № 259.

Наумовы.

Ein Familien-Gedenkblatt an die vor hundert Jahren erfolgte, Geburt des in Riga beerbten Russischen Edelmanns Eugen Nicolajewitsch Naumow, des letzten seines Stammes (geboren den 13 dec. 1775, gestorben den 2 febr. 1843). Dorpat, 1875, bei Schnakenburg, 36 стр. (видъ Рыбинска).

Нащокины.

Опытъ историческаго родословія дворянъ Нащокиныхъ. (Состав. К. М. Бороздинъ). Спб., 1841, 8°, 2 нен.+55 стр. (Посвященіе кн. Н. П. Трубецкому). Приложена біографія Ордина-Нащокина.

Неплюевы.

Родословіе дворянъ Неплюевыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1871, т. V, № 127.

Носъ.

С. Носъ. Историческая записка о лицахъ, принадлежавшихъ къ фамиліи Носъ (XVIII стол.). Черниговскія Губ. Вѣд., 1859, № 37.

Оболенскіе, князья.

Родословіе князей Оболенскихъ. Всемірная Иллюстрація, 1869, т. II, № 40.

Одоевскіе, князья.

Родословная князей Одоевскихъ. Древняя Россійская Вивліоѳика, ч. IX, стр. 246—262.

Родословіе князей Одоевскихъ. Всемірная Иллюстрація, 1875, т. XIII, № 316.

Ознобишины.

Свѣдѣнія о родѣ дворянъ Ознобишиныхъ. Въ Древней Россійской Вивліоѳикѣ, ч. XV, стр. 8—15.

Олельковичи, князья.

Родословіе князей Олельковичей. Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи, т. I, Примѣч., стр. 11.

Олсуфьевы.

Родословіе дворянъ и графовъ Олсуфьевыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1870, т. IV, № 91.

Опалёвы.

Родословіе дворянъ Опалёвыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1873, т. IX, № 210.

Орловы.

Свѣдѣнія о родѣ дворянъ Орловыхъ въ соч. Гр. Вл. Орлова-Давыдова: «Біографическій очеркъ графа Владиміра Григорьевича Орлова». Спб., MDCCCLXXVIII, т. I, стр. 5—13 и Прилож. I.

Остерманъ, графы.

Родословіе графовъ Остерманъ. Всемірная Иллюстрація, 1872, т. VIII, № 207.

Острожскіе, князья.

О первыхъ князьяхъ Острожскихъ. И. Шараневича. Галичанинъ, 1863.

Письма о князьяхъ Острожскихъ въ собраніи сочиненій М. А. Максимовича. Кіевъ, 1876—1877.

Отрепьевы (Нелидовы).

Родословная Отрепьевыхъ (Нелидовыхъ). Сообщ. арх. Леонидъ. Р. Арх., 1878, кн. I, стр. 487—489.

Паленъ, бароны и графы.

Родословіе бароновъ и графовъ Паленъ. Всемірная Иллюстрація, 1870, т. III, № 72.

Пальчиковы.

Замѣтка о родѣ Пальчиковыхъ. Р. Ст., т. V, 1872, стр. 893—895.

Панины, графы.

Родословіе графовъ Паниныхъ. Всемірная Иллюстрація, 1870, т. III, № 61.

Къ родословію графовъ Паниныхъ. Письмо объ итальянскомъ происхожденіи этого рода. Р. Арх., 1876, кн. I, стр. 376.

Паскевичъ-Эриванскіе, князья.

Родословіе князей Паскевичъ-Эриванскихъ, Всемірная Иллюстрація, 1870, т., IV, № 79.

Пекарскіе.

Извѣстія объ уфимскихъ дворянахъ Пекарскихъ. Состав. П. Пекарскій. (Изъ справочной книжки уфимскаго статистическаго комитета, 1873, стр. 81).

Пожарскіе, князья.

Извѣстія о родѣ князей Пожарскихъ, заключающіяся въ актахъ XVI столѣтія. К. Тихонравова. 1864, Влад. Губернск. Вѣд., ч. неофф., № 39.

Родословіе князей Пажарскихъ, Всемірная Иллюстрація, 1872, т. VII, № 169.

Полевы.

Родословіе Полевыхъ въ статьѣ архимандрита Леонида: «Село Полево или Полевщина и ея владѣльцы Полевы и Балкъ Полевы», Чтенія въ Общ. Ист. и Др., 1872, кн. IV, Смѣсь, стр. 15.

Полуботокъ.

О родѣ дворянъ Полуботокъ. Григорій Милорадовичъ. Кіевъ, 1870.

Порошины.

Свѣдѣнія о родѣ Порошиныхъ въ статьѣ: «Порошины, семейныя воспоминанія», Р. Стр., 1882, т. XXXVI, стр. 207—220.

Приклонскіе.

Краткое историческое родословіе благородныхъ дворянъ Приклонскихъ, собранное и написанное игуменомъ Ювеналіемъ изъ фамиліи Воейковыхъ, М., 1795, 4°, 8 стр.

Примо.

Родословная фамиліи Примо. (Составилъ Г. П. Студенкинъ). Спб., 1877, тип. Спб. губ. прав., 8°, 20 стр.

Прозоровскіе, князья.

Родословіе князей Прозоровскихъ. Всемірная Иллюстрація, 1877, т. XVII, № 420.

Протасовы.

Родословная Протасовыхъ. Въ приложеніяхъ къ біографіи Н. М. Карамзина, соч. Погодина, М., 1867.

Родословіе дворянъ и графовъ Протасовыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1874, т. XI, № 275.

Прутченко.

Родословіе дворянъ Прутченко. Всемірная Иллюстрація, 1871, т. V, № 128.

Путятины, князья.

Родословіе князей Путятиныхъ. Всемірная Иллюстрація, 1880, т. XXIV, № 601.

Пушкины.

Родословная Пушкиныхъ, составленная Н. И. Павлищевымъ, см. сочиненія Пушкина, изд. Анненкова, Спб., 1855, т. I, Прил. I, стр. 435.

Разумовскіе, графы.

Семейство Разумовскихъ, А. А. Васильчикова, т. I, Спб., 1880 и т. III, Спб., 1882.

Репнины, князья.

Родословная князей Репниныхъ, отъ князя Михаила Оболенскаго, праправнука князя Михаила Черниговскаго. Древняя Россійская Вивліоѳика, ч. IX, стр. 190—205.

Генеалогическое подтвержденіе о супругѣ кн. В. Н. Репнина, по поводу разсказа г-жи Толычовой. Кн. В. Репниной. Р. Арх., 1877, II кн., стр. 103 и 368.

Родословіе князей Рѣпниныхъ. Всемірная Иллюстрація, 1880, т. XXIII, № 579.

Родословіе князей Репниныхъ, потомства кн. В. А. Репниной. См. Васильчикова, Семейство Разумовскихъ, ч. II, стр. 146.

Рибопьеръ.

Свѣдѣнія о родѣ Рибопьеръ въ «Запискахъ графа А. И. Рибопьера». Русск. Арх., 1877, I кн., стр. 463.

Римскіе-Корсаковы.

Родословіе дворянъ Римскихъ-Корсаковыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1872, т. VIII, № 199.

Родіоновы.

Замѣтка о Родіоновыхъ (1813). Сообщ. Д. П. Родіоновъ, Р. Ст., 1878, т. XXIII, стр. 157.

Розены, бароны.

Розенъ, баронъ, А. Е. Очеркъ фамильной исторіи бароновъ фонъ-Розенъ изъ родовыхъ домовъ Роопъ, Гохрозенъ, Шёнангернъ или Розенгофъ, Райскумъ, Молнъ и проч., 992—1876.

Спб. 1876, тип. Ретгера и Шнейдера, стр. 86. (Приложена генеал. таблица).

Rosen, baron, Andreas. Sckizze zu einer Familien Geschichte der Freiherren und Grafen von Rosen, 992—1876. St. Petersburg, 1876 (Röttger und Schneider), стр. 63. (Приложена генеалог. таблица).

Романовы.

Генеалогическія изслѣдованія родословной росписи рода Романовыхъ, какъ дополненіе къ изданной въ 1862 г. книгѣ о московскомъ Архангельскомъ соборѣ. Соч. П. Хавскаго, М., 1863.

Предки и потомство рода Романовыхъ: I. Великіе князья. II. Цари. III. Императоры. Соч. П. Хавскаго, М., 1864.

Родословіе дома Романовыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1872, т. VII, № 163.

Романовы-Юрьевы-Захарьины. Состав. Г. И. Студенкинъ. Прил. къ Русской Старинѣ, 1878, т. XXII, кн. 8, стр. 1—28.

Романовы. Царствующій домъ Россійской Имперіи съ 1613. Прил. къ Русской Старинѣ, 1878, т. XXI, I—XXXII.

Ромодановскіе-Лодыженскіе, князья.

Родословіе князей Ромодановскихъ-Лодыженскихъ. Всемірная Иллюстрація, т. XXI, № 521.

Ростовскіе, князья.

Родословіе владѣтельныхъ князей Ростовскихъ, съ 1219—1320 годъ, табл. I, и съ 1320—1474, табл. II. Владимірскія Губ. Вѣд., 1862, № 23 и 24.

Родословная роспись князей Ростовскихъ. Приложена къ статьѣ графа М. В. Толстаго: «Древнія святыни Ростова Великаго». Чтенія въ Общ. Ист. и Древн., 1847, II стр., 81—84.

Родословныя книги князей Ростовскихъ. Ростовская Старина, изд. А. А. Титова. Ростовъ, тип. Сорокина, 1883, 16°, стр. 94—103; 105—121.

Ружинскіе, князья.

Свѣдѣнія о родѣ князей Ружинскихъ, въ статьѣ И. П. Новицкаго: «Князья Ружинскіе». Кіевская Старина, т. II, 1882, стр. 58—85.

Румянцовы.

Родословіе дворянъ и графовъ Румянцовыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1872, т. VII, № 178.

Рязанскіе, Муромскіе и Пронскіе, князья.

Историческія изслѣдованія о генеалогіи князей: Рязанскихъ, Муромскихъ и Пронскихъ, съ приложеніемъ родословныхъ росписей. Сочиненіе Дмитрія Тихомірова. М., 1844, въ тип. С. Селивановскаго, 8°, 27 стр. и 4 таблицы.

Рязанскіе, князья.

Родословная таблица князей Рязанскихъ, въ трудѣ Д. И. Иловайскаго: «Исторія Рязанскаго княжества». М., 1858.

Сабуровы.

Историческое родословіе благородныхъ дворянъ Сабуровыхъ, собранное игум. Ювеналіемъ Воейковымъ. М., 1797, 8°.

Салтыковы.

Родословіе князей, графовъ и дворянъ Салтыковыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1871, т. VI, № 131.

Родословіе Салтыковыхъ. Р. Ст., т. X, 1874, стр. 548.

Сапѣги.

Les Sapieha, étude généalogique, Wilna, 1872, chez Ioseph Zawadzki, 43 стр. (съ приложеніемъ 2-хъ родословныхъ таблицъ).

Святополкъ-Четвертинскіе, князья.

Князья Святополкъ-Четвертинскіе. Извлечено изъ россійской родословной книги и польскихъ гербовниковъ. Виленскій Вѣстникъ, 1864, № 38.

Свѣчки.

Свѣдѣнія о родѣ Свѣчки, въ статьѣ А. Лазаревскаго: «Люди старой Малороссіи». Кіевская Старина, 1882, т. III, 253—259.

Скавронскіе, графы.

Опытъ историческаго родословія графовъ Скавронскихъ (состав. К. М. Бороздинъ). Спб., 1841, 8°, 15 стр. Посвященіе П. Г. Буткову.

Скавронскіе, графы.

Родословіе графовъ Скавронскихъ. Всемірная Иллюстрація 1873, т. IX, № 212.

Скобелевы.

Скобелевыхъ родословная (сост. Жемчужниковъ, Н.). Русск. Ст., 1878, т. XXII, стр. 527—528.

Скоропадскіе.

Свѣдѣнія о родѣ Скоропадскихъ, въ статьѣ А. Лазаревскаго: «Люди Старой Малороссіи». Истор. Вѣстн., 1880, т. II, стр. 710.

Сонцовы, князья.

Родословная князей Сонцовыхъ. Древняя Россійская Вивліоѳика, ч. IX, стр. 205—224.

Спиридовы.

Родословіе дворянъ Спиридовыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1874, т. XI, № 264.

Стороженки.

Стороженки (фамильная лѣтопись). Кіевск. Стар., 1884, т. VIII, стр. 205—222.

Строгановы.

Н. Устряловъ. Именитые люди Строгановы. Спб., 1842, въ тип. штаба военно-учебн. завед., 8°, 120 + 8 нен. стр. (приложены: родословн. таблица, портретъ Петра I, домъ Строгановыхъ, карта ихъ владѣній, fac-simile письма Екатерины II).

В. К. Коровинъ. Краткій историческій очеркъ дома Строгановыхъ, пріобрѣтеніе ими правъ и послѣдовательность ихъ на обладаніе людьми и землями. Пермскія Губ. Вѣд., 1862, № 25—27.

Родословіе дворянъ, бароновъ и графовъ Строгановыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1871, т. V, № 117.

Стрѣшневы.

Изслѣдованіе о родѣ Стрѣшневыхъ. Арх. Леонидъ. Чт. въ Общ. Ист. и Древн., 1872, № 2, стр. 10—18.

Суворовы-Рымникскіе, князья.

Родословіе князей Суворовыхъ-Рымникскихъ. Всемірная Иллюстрація, 1870, т. IV, № 87.

Родословіе Суворовыхъ (княжеская вѣтвь этой фамиліи). Р. Ст., т. VI, 1872, стр. 409.

Поправки къ сему родословію. Р. Ст., т. VI, 1872, стр. 606.

Сулима.

Свѣдѣнія о родѣ Сулимъ, въ статьѣ А. Лазаревскаго: «Сулиминскій фамильный архивъ». Кіевская Старина, 1882, т. IV, стр. 292—328.

Сумароковы.

Родословіе графовъ и дворянъ Сумароковыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1870, т. IV, № 89.

Татищевы.

Родословіе графовъ и дворянъ Татищевыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1882, т. XXVII, № 684.

Тверскіе, князья.

Родословныя князей Тверскихъ, приложенія къ труду В. С. Барзаковскаго: «Исторія Тверскаго Княжества». Спб., 1876.

Тевкелевы.

Свѣдѣнія о родѣ Тевкелевыхъ и о службѣ генералъ-маіора А. И. Тевкелева. Врем., 1852, кн. 13, Смѣсь, стр. 19—21.

Толстые.

Родословіе старшей вѣтви рода Толстыхъ, въ статьѣ П. С. Толстаго: «И. А. Толстой, † 1713 г. Письма къ нему Петра Великаго». Р. Ст., 1879, т. XXV, стр. 135.

Трубецкіе, князья.

Родословіе князей Трубецкихъ. Всемірная Иллюстрація, 1879, т. XXII, № 548.

Тучковы.

Родословіе дворянъ Тучковыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1875, т. XIV, №№ 363 и 364.

Замѣтка о фамиліи Тучковыхъ. Р. Ст., 1881, т. XXXII, стр. 511—518.

Уваровы, графы.

Родословіе графовъ Уваровыхъ, потомства гр. Е. А. Уваровой. См. Васильчикова: «Семейство Разумовскихъ», ч. II, стр. 146, 147.

Унгернъ-Штернбергъ.

C. Russvurm. Nachrichten über das Geschlecht Ungern-Sternberg. Reval.

Урусовы, князья.

Родословіе князей Урусовыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1873, т. IX, № 209 и 210.

Ушаковы.

Свѣдѣнія о родѣ Ушаковыхъ, происходящихъ отъ Редѣги, въ соч. Р. Скаловскаго: «Жизнь адмирала Ѳед. Ѳед. Ушакова», ч. I, Спб., 1856, стр. 5.

Философовы.

Родословіе дворянъ Философовыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1873, т. IX, № 234.

Фонъ-Визины.

Родословіе Фонъ-Визиныхъ. Всемірная Иллюстрація, т. XI, № 267.

Къ генеалогіи дворянъ Фонъ-Визиныхъ. Н. А. Дмитріева-Мамонова. Голосъ, 1874, № 61.

Херасковы.

Родословіе дворянъ Херасковыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1882 г., т. XXVII, № 692.

Хилковы, князья.

Родословіе князей Хилковыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1878, т. XX, № 500.

Хитрово.

Родословная книга рода Хитрово. 2 т. I т., Спб., 1866, стр. XXIII + 334 (посвящается памяти И. П. Сахарова); II т. Приложеніе къ родословной книгѣ рода Хитрово. Спб., 1867, стр. 409 + 59.

Хованскіе, князья.

Родословіе князей Хованскихъ. Всемірная Иллюстрація, 1876, т. XVI, № 413.

Хоростовецкіе.

Гербъ Хоростовецкихъ. Статья В. Л. Коростовцева. Р. Арх., 1873, стр. 1049.

Христіани.

Родословіе дворянъ Христіани. Всемірная Иллюстрація, 1871, т. V, № 118.

Хрущовы.

Хрущовы. Сообщ. М. Н. Хрущовъ. Р. Ст., 1883, т. XXXVIII, стр. 472—473, и т. XXXIX, стр. 429.

Циціановы, князья.

Родословіе князей Циціановыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1873, т. IX, № 213.

Ченыкаевы.

Свѣдѣнія о родѣ Ченыкаевыхъ. Саратовскій Справочн. Листокъ, 1872, № 198.

Черкасскіе, князья.

Родословіе князей Черкасскихъ. Всемірная Иллюстрація, 1870, т. IV, № 82.

Черниговскіе, князья.

Родословная князей Черниговскихъ. Приложеніе къ «Историко-статистическому описанію Черниговской епархіи», кн. V. Черниговъ, 1874.

Чернышевы.

Замѣтка о Чернышевыхъ. М. Н. Лонгинова. Р. Ар., 1865, стр. 863—868.

Родословіе Чернышевыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1870, т. IV, № 84.

Чичерины.

Историческое родословіе благородныхъ дворянъ Чичериныхъ, собранное изъ достовѣрныхъ извѣстій игум. Ювеналіемъ Воейковымъ. М. 1792, стр. 44, и поколѣнная таблица.

Шаховскіе, князья.

Родословная князей Шаховскихъ. Древняя Россійская Вивліоѳика, ч. IX, стр. 262—287.

Родословіе князей Шаховскихъ. Всемірная Иллюстрація, 1879, т. XXII, № 550.

Шаховскіе-Глѣбовы-Стрѣшневы князья.

Родословная замѣтка (о родѣ князей Шаховскихъ-Глѣбовыхъ-Стрѣшневыхъ). Вѣсть, 1864, № 46.

Письмо по поводу этой замѣтки Ф. Бреверна. Вѣсть, 1864, № 49.

Шелешпанскіе, князья.

Родословіе князей Шелешпанскихъ. Всемірная Иллюстрація, 1880, т. XXIV, № 605.

Шепелевы.

Замѣтка о родѣ Шепелевыхъ Дмоховскаго. Р. Арх., 1867, стр. 475—480.

Шеппингъ, бароны.

Родословіе бароновъ Шеппингъ. Всемірная Иллюстрація, 1871, т. VI, № 147.

Шереметевы.

Родословная таблица Шереметевыхъ, въ «Письмахъ Петра Великаго къ ген.-фельдм. Б. П. Шереметеву», М., 1774, изданныхъ Миллеромъ.

Родъ Шереметевыхъ. Соч. Александра Барсукова, кн. I, Спб., 1881, 545 стр.; кн. II, Спб., 1882, 530 стр.; кн. III, Спб., 1883, 556 стр.; кн. IV, Спб., 1884, 456 стр.

Шереметевы, графы.

Свѣдѣнія о родѣ графовъ Шереметевыхъ, въ ст. арх. Леонида: «Историческое описаніе Борисовской Тихвинской пустыни». Чтенія въ Общ. Ист. и Древ., 1872, кн. II, Приложенія, стр. 211—229.

Родословіе графовъ Шереметевыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1875, т. XIII, № 313.

Шиповы.

Свѣдѣнія о родѣ Шиповыхъ, въ «Воспоминаніяхъ С. П. Шипова». Р. Арх., 1878, кн. II, стр. 144—146.

Шуваловы, графы.

Родословіе графовъ Шуваловыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1870, т. II, № 49.

Щербатовы, князья.

Родословная князей Щербатовыхъ. Древняя Россійская Вивліоѳика, ч. IX, стр. 1—190.

Родословіе князей Щербатовыхъ. Всемірная Иллюстрація, 1875, т. XIII, № 328 и 329.

Юрьевы-Романовы.

Краткое описаніе о произшествіи знаменитаго рода Юрьевыхъ-Романовыхъ и жизни великаго государя московскаго патріарха Филарета выписалъ изъ церковныхъ и разныхъ книгъ Ювеналій изъ фамиліи Воейковыхъ. М., въ ун. тип., у Хр. Ридигера и Хр. Клаудія, 1798, 8°, 42 стр.

Юсуповы, князья.

О родѣ князей Юсуповыхъ, собраніе жизнеописанія ихъ, грамотъ и писемъ къ нимъ россійскихъ государей, 2 тома (сост. княземъ Н. Б. Юсуповымъ). Спб., 1867.

Языковы.

Свѣдѣнія о родѣ дворянъ Языковыхъ. Сборн. историч. и статист. мат. о Симбирской губ. Симбирскъ, 1868, стр. 235—247.

Ярославскіе, князья.

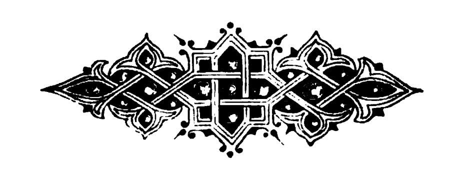
С. А. Серебрениковъ. Родословная таблица Ярославскихъ владѣтельныхъ князей. Спб., 1841, въ листъ.

Родословныя князей Ярославскихъ по списку А. Я. Артынова. Приложеніе къ «Путеводителю по городу Ярославлю», сост. А. А. Титовымъ. М., 1883, стр. 112—169.

Дополненія и исправленія къ родословной книгѣ князей Ярославскихъ по списку А. Я. Артынова. Составлены Ѳ. А. Бычковымъ (Ростовскимъ). «Путеводитель по городу Ярославлю», сост. А. А. Титовымъ. М., 1883, 16°, стр. 172—190.

Эссенъ, графы.

Родословіе графовъ Эссенъ. Всемірная Иллюстрація, 1871, т. VI, № 136.

КОНСТАНТИНЪ ДМИТРІЕВИЧЪ КАВЕЛИНЪ.

Съ фотографіи Шапиро.

Дозв. ценз. Спб. 25 мая 1885 г. ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА.

ПАМЯТИ КОНСТАНТИНА ДМИТРІЕВИЧА КАВЕЛИНА.

3-го мая, скончался Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ. Никто изъ видѣвшихъ покойнаго цвѣтущимъ и свѣжимъ еще въ половинѣ апрѣля не могъ думать, что безпощадная смерть такъ неожиданно подрѣжетъ эту крѣпкую физически и сильную духомъ натуру. Еще 21-го апрѣля, Константинъ Дмитріевичъ обѣдалъ у своихъ друзей совершенно бодрый и веселый; 22-го почувствовалъ первые симптомы простуды, а 23-го сказалось крупозное воспаленіе легкихъ, которое свело его въ могилу.

Кончина К. Д. Кавелина является громадной общественной утратой. Пораженный нежданной его кончиной, пишущій эти строки не въ состояніи теперь, подъ вліяніемъ жгучей скорби о преждевременной кончинѣ К. Д. Кавелина, вполнѣ охарактеризовать личность и заслуги почившаго и ограничивается лишь припоминаніемъ нѣкоторыхъ чертъ изъ его жизни и дѣятельности.

Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ родился въ С.-Петербургѣ 4-го ноября 1818 года, происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, служившаго въ предѣлахъ теперешнихъ губерній: Воронежской, Рязанской и Калужской. Отецъ Константина Дмитріевича, Дмитрій Александровичъ Кавелинъ, занималъ послѣдовательно должности директора медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, директора с.-петербургскаго главнаго педагогическаго интитута и университета, а затѣмъ состоялъ при генералъ-губернаторѣ рязанскомъ,

А. Д. Балашовѣ. Онъ былъ для своего времени человѣкомъ весьма образованнымъ, вращался въ кружкахъ литературныхъ, будучи въ близкихъ отношеніяхъ съ Карамзинымъ, Жуковскимъ, Уваровымъ и Блудовымъ, принадлежалъ къ литературному обществу «Арзамасъ» и самъ писалъ и печаталъ стихотворенія. Эта литературная жилка унаслѣдована была его высоко-даровитымъ сыномъ, Константиномъ Дмитріевичемъ, и принесла въ послѣднемъ плодъ сторицею, развившись въ широкую научную и публицистическую дѣятельность. Мать Константина Дмитріевича была шотландка родомъ (а не ирландка, какъ ошибочно заявлено въ одномъ изъ некрологовъ), Шарлотта Ивановна Бёлли. У Константина Дмитріевича было два брата, Александръ и Павелъ, умершіе ранѣе его, и сестра, которая здравствуетъ до сихъ поръ, самая старшая въ семьѣ — Софья Дмитріевна, вышедшая въ 1842 году замужъ за Александра Львовича Корсакова.

До 1835 года, Константинъ Дмитріевичъ воспитывался въ домѣ родителей, въ Москвѣ. Въ числѣ многихъ его учителей находился Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій, оказавшій сильное на него вліяніе и рекомендованный Кавелинымъ, кажется, В. А. Жуковскимъ, крестнымъ отцемъ Константина Дмитріевича. Въ 1835 году, Константинъ Дмитріевичъ поступилъ въ Московскій университетъ по историко-филологическому факультету, послѣ блестящаго экзамена, но вскорѣ перешелъ на юридическій факультетъ, на которомъ и окончилъ курсъ въ 1839 году кандидатомъ, получивъ золотую медаль за диссертацію, написанную на факультетскую тему: «о теоріяхъ владѣнія». Его природные научные таланты влекли его къ каѳедрѣ, но въ то время не было въ обычаѣ, чтобы молодые люди дворянскихъ фамилій посвящали себя профессурѣ, и Константинъ Дмитріевичъ, сдавъ въ 1840 году экзаменъ на магистра правъ, долженъ былъ поступить на службу въ Петербургъ, въ министерство юстиціи. Четыре года провелъ онъ въ Петербургѣ, а въ 1844 году защитилъ въ Москвѣ диссертацію на магистра «Историческое развитіе русскаго гражданскаго судопроизводства и судоустройства отъ «Уложенія» до учрежденія о губерніяхъ». Диссертація эта обратила на себя вниманіе и спеціалистовъ, и тогдашнихъ литературныхъ журналовъ, и сразу поставила К. Д. Кавелина на выдающееся

мѣсто среди ученыхъ русскихъ юристовъ. Вслѣдъ за защитой диссертаціи онъ получилъ мѣсто адъюнктъ-профессора въ Московскомъ университетѣ по каѳедрѣ исторіи русскаго законодательства и глубиной и новизной воззрѣній и талантливостью изложенія выдвинулся среди профессоровъ въ то время, когда въ Московскомъ университетѣ занимали каѳедры Грановскій, Рѣдкинъ, Порошинъ и Крыловъ. Синтетическій умъ Кавелина проявился вполнѣ въ его чтеніяхъ. Необыкновенный даръ обобщенія частныхъ явленій исторіи русскаго права и историческое изученіе этихъ явленій — вотъ характеристическія качества чтеній молодаго профессора. Его «Очерки юридическаго быта древней Россіи», возбудившіе въ свое время массу новыхъ вопросовъ въ русской исторіи, составляютъ resumée его двухгодичныхъ чтеній въ Московскомъ университетѣ. Но недолго оставался Константинъ Дмитріевичъ на каѳедрѣ. Семейныя непріятности съ профессоромъ Крыловымъ заставили его въ 1848 году оставить службу въ Московскомъ университетѣ, и только почти черезъ десять лѣтъ, въ 1857 году, снова является Кавелинъ на каѳедрѣ, въ Петербургскомъ университетѣ. Въ Москвѣ, во время профессуры, Кавелинъ сблизился съ московскими литературными кружками, приставъ къ выяснившимся въ то время такъ называемымъ западникамъ и вступивъ въ ожесточенные споры съ ихъ противниками—славянофилами. Въ 1845 году, К. Д. Кавелинъ женился въ Москвѣ на Антонинѣ Ѳедоровнѣ Коршъ († въ сентябрѣ 1879 года), сестрѣ извѣстныхъ литераторовъ и публицистовъ—Евгенія Ѳедоровича и Валентина Ѳедоровича Коршъ. Во второй разъ Кавелинъ никогда женатъ не былъ (какъ совершенно невѣрно замѣчено въ некрологѣ его, помѣщенномъ въ «Сынѣ Отечества»), а отъ брака съ Ант. Ѳед. имѣлъ двухъ дѣтей: сына Димитрія и дочь Софію. И сынъ, и дочь отличались необыкновенной даровитостью и умерли оба почти на порогѣ жизни; сынъ умеръ въ 1861 году на 15-мъ году жизни; Софья Константиновна Кавелина, составлявшая гордость и утѣшеніе отца, вышла замужъ въ 1873 году за художника Павла Александровича Брюллова, племянника извѣстнаго живописца Карла Павл. Брюллова, и черезъ четыре года съ небольшимъ послѣ брака скончалась, не достигнувъ 26 лѣтъ, оставивъ послѣ себя двухъ нѣжно любимыхъ К. Д. внуковъ.

Покинувъ каѳедру въ Москвѣ, Константинъ Дмитріевичъ переѣхалъ въ 1848 году въ Петербургъ и поступилъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ; затѣмъ служилъ въ канцеляріи комитета министровъ и въ главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній, состоя въ началѣ 50-хъ годовъ секретаремъ вольнаго экономическаго Общества. Находясь на административной службѣ, К. Д. Кавелинъ усердно работалъ для науки въ журналахъ. Въ этотъ періодъ его петербургской жизни (1848—1857) написана большая часть его статей, вошедшихъ въ составъ его «Сочиненій», изданныхъ въ 1859 году въ Москвѣ, Солдатенковымъ.

Съ 1857 года начинается новый періодъ, самый блестящій, въ жизни К. Д. Кавелина. Въ этотъ годъ онъ занялъ каѳедру гражданскаго права въ С.-Петербургскомъ университетѣ и былъ приглашенъ въ преподаватели русскихъ гражданскихъ законовъ къ покойному наслѣднику цесаревичу Николаю Александровичу. Въ Петербургскомъ университетѣ К. Д. Кавелинъ преподавалъ еще съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ въ Московскомъ. Онъ былъ самымъ популярнымъ изъ профессоровъ въ средѣ студентовъ. Въ то время шли на всѣхъ парахъ работы по освобожденію крестьянъ, въ которыхъ принялъ К. Д. Кавелинъ выдающееся, дѣятельное участіе. Онъ близко сошелся съ передовыми дѣятелями по крестьянской реформѣ — Н. А. Милютинымъ, Ю. Ѳ. Самаринымъ, княземъ В. А. Черкасскимъ, А. П. Заблоцкимъ-Десятовскимъ, и мнѣнія Кавелина, частнымъ образомъ имъ высказываемыя, имѣли не разъ рѣшающее вліяніе въ редакціонныхъ коммиссіяхъ. Его «Записка» объ освобожденіи крестьянъ, представлявшая одинъ изъ самыхъ первыхъ сильныхъ голосовъ за освобожденіе крестьянъ съ землею и предлагавшая весьма раціональныя основы выкупа, причинила ему серьёзныя непріятности, и К. Д. Кавелинъ принужденъ былъ оставить преподаваніе государю наслѣднику. Начавшіеся вслѣдъ за тѣмъ безпорядки въ Петербургскомъ университетѣ понудили К. Д. Кавелина оставить и университетскую каѳедру въ началѣ 1862 года, вмѣстѣ съ М. М. Стасюлевичемъ, А. Н. Пыпинымъ, В. Д. Спасовичемъ и Б. И. Утинымъ. Въ 1862 году, К. Д. былъ командированъ министромъ народнаго просвѣщенія Головнинымъ за границу для изученія организаціи за-

падно-европейскихъ университетовъ, въ виду подготовлявшагося новаго устава университетовъ русскихъ. Статьи его о западно-европейскихъ университетахъ, представляющія результатъ его изученій по этому вопросу, были напечатаны въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» и въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Возвратившись изъ-за границы, К. Д. поступилъ на службу въ департаментъ неокладныхъ сборовъ министерства финансовъ, директоромъ котораго въ то время былъ давнишній пріятель Кавелина, К. К. Гротъ. Въ 1866 году, М. М. Стасюлевичъ началъ издавать «Вѣстникъ Европы», въ которомъ К. Д. Кавелинъ и помѣщалъ бо́льшую часть своихъ статей, изрѣдка являясь также на столбцахъ двухъ газетъ, издававшихся В. Ѳ. Коршемъ: «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (1863—1875) и «Сѣвернаго Вѣстника» (1877), и газеты Гайдебурова: «Недѣля». Всѣ ученыя работы К. Д. Кавелина съ 1866 года не касаются уже вопросовъ права и его исторіи; его привлекаютъ къ себѣ иныя области знанія: философія и вопросы современной внутренней русской политики. Напечатанная имъ въ «Вѣстникѣ Европы» 1866 года статья — «Мысли и замѣтки по русской исторіи» составляетъ, какъ выражался самъ покойный, его лебединую пѣснь по русской исторіи. Въ 1871 году, въ «Вѣстникѣ Европы» начались печатаніемъ его «Задачи психологіи»; эти статьи ввели его въ полемику съ мыслителями двухъ крайнихъ противоположныхъ направленій — проф. И. М. Сѣченовымъ и Ю. Ѳ. Самаринымъ, съ которыми, тѣмъ не менѣе, онъ находился въ самыхъ дружескихъ, близкихъ отношеніяхъ и сохранилъ эти отношенія до конца. Послѣдняя философская статья К. Д. Кавелина — была «Задачи этики», помѣщенная въ «Вѣстникѣ Европы» за нынѣшній, 1885 годъ, а его статьи о крестьянскомъ вопросѣ печатались тамъ же въ 1881 году. Въ 1878 году, Константинъ Дмитріевичъ снова занялъ каѳедру, но не въ университетѣ, а въ военно-юридической академіи, и снова гражданскаго права. Теплое сердечное участіе слушателей военно-юридической академіи къ памяти почившаго, выразившееся на похоронахъ Кавелина, яснѣе всего говоритъ о томъ благотворномъ вліяніи, которое имѣлъ онъ на молодыхъ офицеровъ академіи. Всѣ его слушатели и профессора академіи in corpore, съ дирек-

торомъ, генераломъ Бобровскимъ во главѣ, явились на похороны и несли гробъ на рукахъ изъ квартиры покойнаго до Андреевскаго собора, гдѣ происходило отпѣваніе, и затѣмъ шли пѣшкомъ до самой могилы на Волковомъ кладбищѣ. Три вѣнка въ похоронной процессіи были отъ военно-юридической академіи; изъ нихъ одинъ своею надписью характерно опредѣлялъ значеніе К. Д. Кавелина въ академіи: «учителю права и правды», — гласила эта надпись. Свои лекціи въ военно-юридической академіи, Кавелинъ обрабатывалъ для печати и издалъ послѣдовательно: «О правахъ и обязанностяхъ по имуществу и обязательствамъ» (1879 г.); «Очеркъ юридическихъ отношеній, возникающихъ изъ семейнаго союза» (1884 г.) и «Очеркъ юридическихъ отношеній, возникающихъ изъ права наслѣдственнаго» (1885 г.). Съ 1882 по 1884 годъ К. Д Кавелинъ былъ президентомъ императорскаго вольно-экономическаго Общества.

Ученые труды Кавелина высоко поставили его имя въ русской наукѣ. Какъ историкъ, юристъ, политикъ, философъ, Константинъ Дмитріевичъ ждетъ подробнаго разбора своихъ научныхъ воззрѣній, выводовъ и оцѣнки со стороны цѣлаго ряда спеціалистовъ. Но на нашъ взглядъ несравненно важнѣе научныхъ заслугъ Кавелина значеніе его личнаго вліянія на цѣлый рядъ русскихъ поколѣній и на самые разнообразные слои русскаго общества въ качествѣ профессора и общественнаго дѣятеля. К. Д. Кавелинъ никогда не былъ исключительно кабинетнымъ ученымъ; его живая, отзывчивая на все доброе и честное натура, влекла его въ жизнь, въ общество, въ публичную дѣятельность: это былъ общественный дѣятель въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Въ наукѣ останавливали на себѣ его вниманіе лишь такіе вопросы, которые въ данный моментъ составляли животрепещущія общественныя явленія. Въ Москвѣ, въ сороковыхъ годахъ, онъ ломалъ копья съ славянофилами объ общихъ историческихъ и философскихъ основахъ русской жизни, потому что въ то время не могли быть открыто возбуждаемы внутренніе политическіе и общественные вопросы, которые поневолѣ переносились въ область отвлеченной мысли. Но какъ скоро былъ поставленъ на очередь коренной вопросъ русской общественной и политической жизни, вопросъ объ освобожденіи кре-

стьянъ, К. Д. Кавелинъ всецѣло предался ему и явился пропагандистомъ мысли объ освобожденіи крестьянъ съ землею. Искренній другъ и защитникъ русскаго крестьянина, онъ считалъ вопросъ о его освобожденіи дѣломъ всей своей жизни, и до послѣднихъ дней своихъ постоянно и безустанно хлопоталъ объ улучшеніи его быта и участи. Широко понимая необходимость образованія для крестьянъ и обезпеченія экономическихъ условій ихъ быта, К. Д. Кавелинъ являлся энергичнымъ борцомъ за русскую народную школу и поземельную сельскую общину, но онъ никогда не извращалъ дѣйствительныхъ реальныхъ явленій въ жизни крестьянина; онъ никогда преднамѣренно не отводилъ крестьянству того исключительнаго положенія, той общественной, такъ сказать, гегемоніи, на которую столь щедры нѣкоторые изъ теперешнихъ тенденціозныхъ публицистовъ, совершенно произвольно и неправильно считающіе К. Д. Кавелина своимъ. Онъ, столь хорошо изучившій человѣческую природу и въ индивидуальномъ ея проявленіи, и въ жизни общественной, столь ясно и твердо сознававшій во всемъ идею законности, былъ всегда и прежде всего человѣкомъ порядка въ самомъ глубокомъ смыслѣ этого слова. Онъ любилъ искренно Россію и русскій народъ и вѣрилъ въ великое будущее его, но чуждый всякой исключительности въ воззрѣніяхъ, Константинъ Дмитріевичъ цѣнилъ прежде всего въ каждомъ человѣкѣ, къ какому бы сословію, къ какой бы національности онъ ни принадлежалъ, его человѣческія свойства.

Умъ Кавелина поражалъ своею талантливостью, живостью, всеобъемлемостью. Способность обобщать отдѣльныя явленія, подмѣчать общія свойства въ частностяхъ и дѣлать быстрые выводы составляла отличительную способность этого ума. Кто не помнитъ бесѣдъ Кавелина? Онъ озарялъ собесѣдника свѣтомъ своего ума и говорившій съ нимъ какъ бы самъ выросталъ умственно. Выражалъ свои мысли Константинъ Дмитріевичъ какъ на письмѣ, такъ и въ разговорахъ, всегда точно, ясно, кратко, въ красивыхъ, изящныхъ оборотахъ. Слогъ и діалектика Кавелина являются весьма рѣдкими и замѣчательными его качествами. Но что особенно поражало въ Кавелинѣ, это необыкновенная сердечность его натуры, теплота его чувства. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ весьма рѣдкимъ на-

турамъ, у которыхъ существуетъ гармоническое взаимодѣйствіе ума и сердца: его умъ всегда согрѣвался чувствомъ, а чувство его постоянно просвѣтлялось умомъ. Нравственныя качества Кавелина составляютъ также рѣдкое явленіе. Какъ характеръ, Константинъ Дмитріевичъ принадлежалъ къ самымъ чистымъ и честнымъ людямъ. Слово у него никогда не расходилось съ дѣломъ. Это былъ человѣкъ сильнаго убѣжденія, которое онъ проводилъ въ жизнь стойко и послѣдовательно, никогда не торгуясь съ своею совѣстью, не входя ни въ какіе компромиссы. Только такое равновѣсіе душевныхъ силъ могло укрѣплять въ Кавелинѣ твердую увѣренность въ лучшее будущее для человѣческихъ обществъ, могло создать въ немъ то міросозерцаніе, которое принято называть оптимизмомъ.

Такая личность не могла не дѣйствовать обаятельно. Почти втеченіе полустолѣтія онъ былъ другомъ молодежи, всегда столь чуткой ко всему доброму и честному. Въ частныхъ, интимныхъ отношеніяхъ Кавелинъ былъ постоянно надежнымъ, искреннимъ другомъ. Сколько людей и по общественнымъ, и по своимъ личнымъ дѣламъ приходило къ нему за совѣтомъ, за указаніемъ, за разрѣшеніемъ трудныхъ жизненныхъ вопросовъ,—и никто не уходилъ отъ него безъ утѣшенія, безъ одобренія, безъ разъясненія. Константинъ Дмитріевичъ всегда съ большимъ радушіемъ хлопоталъ по чужимъ дѣламъ, иногда весьма мало знакомыхъ ему людей, отдавая этимъ хлопотамъ очень много времени и заботы. Онъ не жалѣлъ себя для ходатайства за правое дѣло. Кавелинъ поднималъ упадавшій духъ въ человѣкѣ и ободрялъ его. Сколько людей сбилось бы съ настоящаго пути, если бы не помощь Кавелина. Но за то какъ безпощаденъ былъ Константинъ Дмитріевичъ ко всему, что носило на себѣ печать пошлости, глупости и подлости, и если онъ умѣлъ любить все хорошее, все честное, то точно также умѣлъ и ненавидѣть все дурное и лживое.

Да! Кавелинъ поистинѣ былъ учителемъ права и правды.

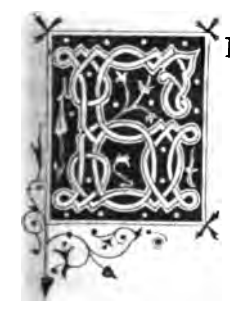
БЛАГОСЛОВЕННЫЙ БРАКЪ.

Характерный пропускъ въ исторической литературѣ раскола.

«Топора ищу, а топоръ за поясомъ».

Пословица.

I.

ЫВАЮТЪ странные случаи, когда о какой нибудь спорной вещи говорятъ очень много и очень долго и все не договариваются до конца, а больше путаются. Люди возражаютъ другъ другу положеніями и сопоставленіями, горячатся, взаимно другъ друга поносятъ и, всетаки, не могутъ доказать того, во что имъ хочется заставить всѣхъ вѣрить. При подобныхъ спорахъ почти всегда чувствуется, что для разъясненія дѣла не достаетъ чего-то самаго простаго, но, въ то же время, самаго важнаго и существеннаго. Но, какъ на зло, именно это-то самое простое и самое существенное,— именно то, чтó нужно для уясненія дѣла,—точно нарочно уходитъ съ глазъ и долго, долго остается безъ вниманія. На живомъ, разговорномъ языкѣ это выражаютъ словомъ «затмѣніе». «Мужикъ топора ищетъ, а топоръ за поясомъ».

Нѣчто сему подобное давно происходитъ у насъ съ вопросомъ о существѣ и качествѣ такъ называемаго «благословеннаго брака», которымъ брачатся русскіе старовѣры, «пріемлющіе бракъ, но не имѣющіе священства» (т. е. безпоповцы поморскаго и частію смѣшаннаго ѳедосѣево-поморскаго согласія). Объ этихъ бракахъ у насъ существуетъ цѣлая путаная литература, не веселая и не занима-

тельная, но представляющая замѣчательные образцы крючкотворнаго буквоѣдства или просто безсмысленныхъ упражненій, въ родѣ толченія воды. Въ составъ этой скучной литературы, гдѣ разсматриваютъ «кличку, а не птичку», входятъ сочиненія, писанныя людьми разнаго духа и разнаго образованія. Многое написано самими сектантами и еще болѣе писателями господствующей церкви. Наконецъ, лучшее, что сказано, то принадлежитъ перу инока Павла Прусскаго (нынѣ настоятеля монастыря въ Москвѣ) и независимымъ послѣдователямъ раскола изъ лицъ «свѣтскаго званія».

Послѣднее относится уже ко временамъ позднѣйшимъ, именно, къ царствованію Александра II, но вѣрное и устойчивое представленіе объ этомъ бракѣ до сихъ поръ доступно очень немногимъ, а уважительное къ нему отношеніе, какого онъ заслуживаетъ, почитается за «потворство» и за «неуваженіе къ лучшему». Въ майской книгѣ «Историческаго Вѣстника» читатели видѣли, что нѣкоторымъ русскимъ удалось увѣрить иноплеменниковъ, будто брачный союзъ нашихъ старовѣровъ по существу своему есть то же самое, что развратъ, чему остзейская магистратура и не отказалась повѣрить. Такихъ же точно, или весьма къ тому близкихъ, взглядовъ на бракъ безпоповцевъ не устранялись и нѣкоторые русскіе ученые, напримѣръ, казанскій профессоръ Мулловъ, несостоятельная книга котораго была разсмотрѣна въ «Отечественныхъ Запискахъ» временъ Дудышкина. Нравился такой взглядъ и нѣкоторымъ либеральнымъ правителямъ особенно изъ людей невѣрующихъ, но признающихъ вѣру однимъ изъ средствъ для управленія. Такъ, напримѣръ, князь Александръ Аркадьевичъ Суворовъ, по удостовѣренію Ю. Ѳ. Самарина, объясняясь съ привѣтствовавшими его въ день Пасхи рижскими старовѣрами, публично назвалъ ихъ браки при нѣмцахъ «собачьими свадьбами» и посмѣялся надъ ихъ родственными чувствами, приравнявъ ихъ къ родственности «своего кобеля». Нѣмцы и вообще иноплеменники, которымъ не было заботы самимъ погружаться въ казуистическія изслѣдованія русскаго раскола, естественно должны были расположиться на то, что говорили о своихъ людяхъ такъ называемыя «просвѣщенныя персоны». О томъ, что наговорено въ этомъ же родѣ другими еще болѣе ревнивыми не по разуму людьми, даже нелѣпо и вспоминать. Нашлась общественная среда, гдѣ духъ раскола, кажется, надо бы знать въ совершенствѣ, но его здѣсь, однако, не знали и обнаруживали еще менѣе склонности относиться къ нему справедливо и безпристрастно. Тутъ говорили ужасы и даже гнушались справедливости и милосердія. Тутъ ложь и безстыдное пристрастіе допускались преднамѣренно и прямо съ практическими цѣлями, которые недавно только нашли себѣ достойное разъясненіе и оцѣнку. Теперь эти старанія пользуются вполнѣ заслуженнымъ презрѣніемъ всѣхъ людей умныхъ и справедливыхъ. Этихъ рачителей ничѣмъ

болѣе тревожить не нужно. Мы будемъ говорить только для тѣхъ, которые находятся относительно этого дѣла «въ затмѣніи» и которымъ, можетъ быть, не напрасно будетъ подать фонарь, чтобы они могли оглядѣться въ окружающемъ ихъ мракѣ.

Этого требуетъ честь весьма многочисленной группы русскихъ людей, надъ которыми безсмысліе и злоба рачителей изрѣкли тяжкую и унизительную клевету, поставляемую нерѣдко въ укоръ и всей націи.

Въ «затмѣніи», о которомъ будемъ говорить, должны признать себя виновными всѣ лица, занимавшіяся выясненіемъ брачнаго вопроса у безпоповцевъ, ибо всѣ съ непростительнымъ упущеніемъ искали топора, таская его у себя за поясомъ.

II.

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (май мѣсяцъ 1885 года) я помѣстилъ маленькую статью о торговлѣ заграничными женщинами въ Ригѣ. Тамъ, дѣлая выписки изъ бумагъ Пеликана, я привелъ, между прочимъ, несправедливое и обидное для русскихъ старовѣровъ мнѣніе рижскихъ нѣмецкихъ чиновниковъ, будто обитающіе въ Ригѣ русскіе старовѣры есть сплошные развратники и будто такова именно у нихъ вѣра. Правда, нѣмецкіе чиновники по обстоятельности, свойственной нѣмецкому уму, замѣтили, что у этихъ русскихъ развратниковъ развратъ идетъ не совсѣмъ просто, а съ какимъ-то религіознымъ обрядомъ. Нѣмцы увидали здѣсь что-то дикое и назвали этотъ ералашъ «дикимъ бракомъ».

Собственно говоря, нѣмцы отнеслись къ этому, всетаки, деликатнѣе и подобрали слово нѣсколько ближе отвѣчающее сущности, чѣмъ суворовское названіе «собачья свадьба». Нѣмцамъ, какъ будто вѣроятно, пришло на мысль сравнить, по крайней мѣрѣ, брачное положеніе русскихъ сектантовъ съ положеніемъ гинекеевъ тѣхъ восточныхъ странъ, гдѣ деспоты хотѣли искоренить неоформленное сближеніе двухъ половъ, а «полы» сочинили себѣ удобныя комбинаціи въ обходъ такого хотѣнія. Тамъ (см. Жаколіо) за ширмою сажали духовное лицо, которое тутъ же, за плату въ нѣсколько копѣекъ, «законно сопрягало» подходившую къ нему пару, а по минованіи надобности въ ихъ сближеніи опять тутъ же, и опять за нѣсколько копѣекъ, давало имъ разводную. Такъ и выходило: «простенько и мило»: «свадьба не свадьба, а марьяжъ дорогой».

Нѣмцы очень легко могли предположить что нибудь столь же дикое и у нашихъ старовѣровъ, на которыхъ господъ нѣмцевъ научали смотрѣть какъ на дикарей: объ этомъ старался и князь Суворовъ, и еще болѣе извѣстные русскіе патріоты попреимуществу, эти не надѣлали худшаго только потому, что даже Суворовъ сдерживалъ ихъ — по отвращенію къ насиліямъ, къ кото-

рымъ тѣ постоянно порывались. Желая все привести къ одному знаменателю, они считали религіозное разномысліе даже за измѣну отечеству и въ ревности своей, забывъ всякую совѣсть и разумъ, имѣли за обычай возводить на несогласныхъ съ ними людей обвиненія въ самыхъ безнравственныхъ поступкахъ. Преимущественно имъ нравилось обвинять сектантовъ въ самомъ неразборчивомъ развратѣ.

Въ старину, когда слагались извѣстныя легенды, такими клеветами занимались черти, теперь чертямъ поревновали русскіе люди высшей пробы и стали увѣрять, что всѣ другіе русскіе, клейменные другимъ клеймомъ, — «суть прелюбодѣи» (см. «Обличеніе»). Этимъ навѣтамъ, какъ можно думать, по словамъ князя Суворова, вѣрилъ онъ самъ и успѣшно увѣрялъ въ томъ центральное русское правительство и просвѣщенныхъ иностранцевъ. Пріемъ недостойный и несчастный, но мы его не желаемъ ставить въ образецъ дѣйствій одного князя Суворова. Спустя цѣлую четверть столѣтія, въ пріѣздъ въ Россію лорда Редстока, князь Владиміръ Мещерскій пустилъ такое же недостойное и вредное для чести русскаго общества измышленіе на дамъ, послушавшихъ «лорда-апостола».

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (май, 1885 года) пришлось сказать кстати, что все это ложь, что русскіе сектанты совсѣмъ не такіе развратники, какими ихъ представляютъ себѣ иностранцы, введенные въ заблужденіе русскими «ревнителями не по разуму». Пришлось упомянуть, что у очень значительнаго числа русскихъ людей, не принимающихъ церковной іерархіи, есть браки, которые съ нравственной стороны ничѣмъ не ниже протестанскихъ браковъ, а съ точки зрѣнія религіозной они представляютъ видъ союзовъ, на которые молитвенно испрашивается божеское благословеніе въ христіанскомъ духѣ болѣе, чѣмъ у протестантовъ. Слѣдовательно о бракѣ этомъ гораздо удобнѣе судить такъ, что онъ «честенъ и ложе его не скверно» (Евр., XII, 4), а не приравнивать его къ тому, что одни называютъ «блудомъ», а другіе—«собачьими свадьбами».

По случаю упоминаемая статья «Историческаго Вѣстника» попала, во что не мѣтила, и повела къ открытію замѣчательнаго недосмотра, или пропуска со стороны всѣхъ историческихъ изслѣдователей о старовѣрскомъ «благословенномъ бракѣ». Выходъ этой статьи совпалъ съ временемъ особаго оживленія въ Петербургѣ раскольничьей полемики по поводу открытія на Волковомъ старовѣрческомъ кладбищѣ препирательныхъ бесѣдъ нѣкоего массіонера. Предметомъ сужденія былъ отчасти и бракъ, причемъ мнѣнія миссіонера не восторжествовали надъ «упорнымъ невѣжествомъ раскола». При этомъ событіи, въ числѣ посторонних слушателей, былъ одинъ молодой изслѣдователь раскола, работающій еще подъ

руководствомъ спеціалиста, поставленнаго въ самое удобное положеніе для того, чтобы давать разъясненія всякой темноты и сомнѣній въ вопросахъ раскола. Молодой человѣкъ, полный живыхъ впечатлѣній, полученныхъ при собесѣдованіи миссіонера съ раскольниками, вопросилъ своего руководителя: «какъ именно совершается этотъ бракъ, о которомъ какъ о бракѣ упоминается въ только что вышедшей книжкѣ историческаго журнала», но по непонятной мнѣ причинѣ (если только не по одному сознанію высоты своего авторитета надъ моею незначительностью) вопрошенный спеціалистъ отказался разъяснить это вопрошавшему.

Прямой вопросъ: какъ совершается бракъ, надо признать очень «счастливымъ»: это прямо ведетъ къ разъясненію дѣла такимъ яснымъ способомъ, какого это дѣло еще не получало. Много разъ, во многихъ мѣстахъ и многими лицами, говорилось, что «благословенный бракъ» у безпоповцевъ «совершается благословеніемъ родителей» и «сопровождается молебствіемъ о благоденствіи вступившихъ въ бракъ». Картина представлялась такая: родители благословили и тѣмъ какъ бы бракъ совершился (такъ это и выводятъ по сочиненію Павла Прусскаго «о бракѣ»), а «молебство» отправляется уже post factum какъ бы «въ возблагодареніе о совершившемся». Въ этомъ иные усматриваютъ очень мало самаго «совершенія»... Недостатокъ видятъ въ томъ, что въ совершеніи брака не участвуетъ церковь, то есть «собраніе вѣрующихъ», хотя бы они даже были и «раскольники», и не участвуетъ никакой избранный «исполнитель требъ». Всѣ поющіе и благословляющіе только «соприсутствуютъ», какъ свидѣтели, но «совершающаго нѣтъ».

Инокъ Павелъ убѣждалъ, что совершитель сей тайны самъ Богъ, но это многимъ кажется недостаточно: имъ нуженъ «видимый совершитель». Инокъ Павелъ не препобѣдилъ этого недовольства своими доводами, да притомъ и «самъ спятился подъ большіе звоны»... Какъ ни достойно почтенія все то, что двигало инокомъ Павломъ въ припоминаемомъ событіи его жизни,—но не всѣ одинаково оцѣнили его искренность, и авторитетность его мнѣній не возросла, а даже пошла на убыль.

Для такого мнѣнія, что у старовѣровъ-безпоповцевъ «бракъ фактически дѣлается, но не совершается духовно или церковно»,— есть въ самомъ дѣлѣ основанія въ недомолвкахъ многихъ свѣтскихъ писателей, говорившихъ о «благословенномъ бракѣ», и этому не противорѣчатъ и доводы Павла Прусскаго, находящіеся въ его книгѣ о бракѣ, писанной въ то время, когда авторъ самъ принадлежалъ еще къ расколу и жилъ за рубежемъ.

Если же вся закрѣпа браку заключается въ одномъ молебнѣ, то эта закрѣпа мала. Молебенъ о благодарственномъ житіи можно отпѣть за всякаго, и не въ рѣдкость бываетъ, что молебны поются

въ домахъ за такихъ хозяевъ, которые завѣдомо живутъ maritalement, но безъ брачнаго вѣнчанія въ церкви. Такъ постоянно дѣлаютъ въ филипповомъ согласіи, да и многіе изъ церковныхъ. Въ Петербургѣ, напримѣръ, это можно наблюдать почти безпрестанно. Гдѣ грѣшатъ, тамъ же и молятся, и благость милосердія можетъ быть покрываетъ злобу грѣха, но не устраняетъ брака. Особенно это видно въ русской артистической средѣ, гдѣ въ образованіи связей сожительства замѣчается столь же безмѣрная свобода, какъ безмѣрна и горяча набожность, которою изстари славятся русскіе артисты. Слѣдовательно «молебство» не возбранено править о комъ угодно и во всякихъ случаяхъ, но молебство нимало «тайны брака не совершаетъ». Молебенъ о набожныхъ, но о не обвѣнчанныхъ людяхъ можетъ быть отслуженъ въ ихъ домѣ, или въ церкви, или въ часовнѣ, и это, можетъ быть, принесетъ молившимся счастіе по ихъ вѣрѣ и по моленію сердецъ ихъ, но черезъ это союзъ ихъ сожительства, всетаки, не получаетъ никакой церковной санкціи и если для осуществленія его есть препятствія, то оно остается въ прежнемъ своемъ значеніи до устройства дѣлъ въ консисторіи. Тѣ, кто молился о парѣ не обвѣнчанныхъ, попрежнему не почитаютъ ихъ за супруговъ, а именуютъ иначе. И этому по существу вещей нельзя быть иначе. Это такъ и ведется въ господствующей церкви, но у брачныхъ безпоповцовъ вдругъ является какое-то нелогическое противорѣчіе. Были другъ другу сторонніе люди, но пришли, вмѣстѣ отстояли молебенъ и стали мужъ и жена,—будто совершился бракъ, и будто стало все крѣпко, все нерушимо: и садъ огороженъ, и звѣрь осторожень.

Мало! мало этого! Нужно что-то больше, — нужны видимый совершитель и моментъ совершенія!.. А этого-то и нѣтъ!..

III.

Въ такомъ видѣ это дѣло представляется многимъ глаголемымъ знатокамъ раскола и понынѣ. Такъ же точно смотрѣлъ на это и тотъ спеціалистъ, къ которому обратился за разъясненіемъ своихъ недоразумѣній молодой изслѣдователь религіознаго движенія въ русскомъ народѣ. Знатокъ осмѣялъ передъ вопрошавшимъ его юношею мои «несоотвѣтственныя слова и сентиментальныя сочувствія» и сравнилъ раскольничье бракосовершеніе съ анекдотическимъ событіемъ, какъ одинъ офицеръ обманулъ одну иностранку. Желая воспользоваться прелестями этой особы, не поддававшейся его исканіямъ, молодецъ этотъ сдѣлалъ дѣвушкѣ предложеніе вступить съ нимъ въ бракъ, а священника пригласилъ отслужить имъ молебенъ. Священникъ это и исполнилъ, а иностранка, по невѣдѣнію русскихъ церковныхъ обрядовъ, приняла молебенъ за обрядъ бра-

косочетанія и сдѣлалась наложницею, но не женою своего соблазнителя.

Спеціалистъ заключилъ:

— «Вотъ что значитъ въ этихъ случаяхъ «поемый молебенъ!» и притомъ ученый презрительно добавилъ на мой счетъ: «Подите же къ нему (т. е. ко мнѣ) и напомните ему этотъ имъ же описанный случай. А онъ пусть покажетъ вамъ, буде знаетъ, чинопослѣдованіе, по которому совершается бракъ у раскольниковъ».

Молодой человѣкъ былъ пытливъ и хорошо разсудилъ, что въ самомъ дѣлѣ, если у безпоповцевъ есть какое нибудь совершеніе брака, кромѣ молебна, то это не можетъ отправляться какъ кому вздумается, а должны быть для этого совершенія какія нибудь составленныя чинопослѣдованія? Но въ такомъ случаѣ каковы же они? Гдѣ же нибудь и кто нибудь изъ занимающихся исторіею раскола долженъ бы добиться, чтобы видѣть и описать это чинопослѣдованія... Почему же, однако, этого не сдѣлано?

И молодой человѣкъ не ограничился одною пренебрежительною стороною отношеній ко мнѣ своего наставника, но послѣдовалъ его совѣту всецѣло. Онъ пришелъ ко мнѣ и «въ интересѣ науки» просилъ меня разсказать ему, «есть ли у брачныхъ безпоповцевъ какой нибудь чинъ совершенія брака и каковъ именно этотъ чинъ?»

Считая такую любознательность достойною удовлетворенія я сообщилъ моему гостю все, что мнѣ на этотъ счетъ извѣстно, т. е. что чинопослѣдованіе брака у старовѣровъ поморскаго согласія есть и что оно принимается часто и прочими «съ поморы смѣсившимися». Что «чинки» эти имѣютъ разницы, но, впрочемъ, всѣ «согласовательны». Что первосоставителемъ такого «чинка» почитаютъ престарѣлаго рыбинскаго «батьку» Николая Степанова, который нынѣ здравствуетъ въ Рыбинскѣ и извѣстенъ по всему Поволжью. Что чинки эти появились, кажется, въ сороковыхъ годахъ, что всѣ они писаные, а не печатанные, и отъ того пріобрѣтать ихъ трудно, такъ какъ ихъ хранятъ требоисправители или батьки, которымъ однимъ только эти книжечки и нужны. Затѣмъ я подалъ молодому изслѣдователю такую книжечку, принадлежащую мнѣ. Она ветха отъ долговременнаго употребленія, замуслена и сшита черезъ край сапожною дратвою, но писана превосходнымъ, четкимъ уставомъ съ киноварью и носитъ заглавіе «О бракосочетаніи».

Такъ какъ книжица очень мала, то молодой гость мой прочелъ ее въ нѣсколько минутъ и тотчасъ же изумленно воскликнулъ:

— «Я не вѣрю своимъ глазамъ и не могу представить, какъ это могло случиться, что до сихъ поръ изъ всѣхъ, кто писалъ о благословенныхъ бракахъ, никто не упомянулъ объ этомъ чинкѣ, или еще лучше, почему никто просто-на-просто не пропечаталъ этотъ

маленькій чинокъ, который одинъ самъ собою разъясняетъ дѣло болѣе, чѣмъ всѣ споры?»

Я не могъ отвѣчать ему на вопросъ, почему въ самомъ дѣлѣ не испробовано такое простѣйшее и очевиднѣйшее средство представить безпоповское бракосочетаніе въ самой, такъ сказать, «акціи»? Очевидно, было просто «затмѣніе» и, дабы это «затмѣніе» не продолжалось, я положилъ себѣ описать чинъ безпоповскаго бракосочетанія.

Въ этихъ цѣляхъ я воспроизвожу здѣсь цѣликомъ всю принадлежащую мнѣ книжицу «О бракосочетаніи».

Сначала сдѣлаю ей маленькое описаніе.

Книжица объемомъ въ пятнадцать страничекъ, изъ коихъ записаны только десять, а пять «холосты»; длиною она въ $3^3/_4$ вершка, а шириною въ $2^1/_2$ вершка, писана на толстой, желтоватой бумагѣ крупнымъ уставомъ, весьма твердаго и красиваго начертанія, съ цвѣтными прописями, инициалами и заставицами очень несовершеннаго мастерства, совсѣмъ не отвѣчающаго достоинству начертаній текста. Книжка въ ободранной папкѣ, въ корнѣ разбита и схвачена черезъ край сапожною дратвою, листы не нумерованы, нижніе углы страницъ грязны отъ перевертыванія при долговременномъ употребленіи для тѣхъ требъ, для которыхъ эта книжица предназначена и пригодна.

На оборотѣ открытной страницы крандашевое «изображеніе»— «Царь Давидъ» въ коронѣ. На него падаютъ лучи сіянія отъ Бога, передъ нимъ разогнутая книга со словами: «Блаженъ мужъ и жена». Подъ нимъ «корень» съ двумя вѣтвями на двѣ стороны, и на каждой вѣтви по плоду.

Во главѣ заглавной страницы заставица съ крижалями заповѣдей и начало «чина».

Теперь далѣе воспроизводимъ въ дословной точности самый «чинъ», составленный, очевидно, въ томъ усердномъ настроеніи, какое рекомендуется народною русскою пословицею: «Идучи на рать, молись, идучи въ море—молись вдвое, а хочешь жениться, молись втрое».

Все печатаемое ниже сего съ разстановкой означаетъ слова, вписанныя въ оригиналѣ красною киноварью.

IV.

«О бракосочетаніи (корень и двѣ вѣтви). Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь. Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, и пр. (Заставица съ красками: корень съ зеленою сердцевиною, отъ него двѣ вѣтви, на каждой плоды красные). (Оборотъ) Помяни насъ Господи во благоволеніе людей твоихъ и посѣти спасеніемъ твоимъ видѣти во благовѣстіи избранныя твоя. И возвеселимся съ веселіемъ

языка твоего, хвалитися съ достояніемъ твоимъ. Господи силъ! помяни завѣтъ твой, его же обѣщалъ еси избраннымъ твоимъ и всѣмъ призывающимъ имя твое святое, и даже вся грядущимъ къ тебѣ, къ щедроты предъ всѣми преневшими (sic). И спаси насъ (стр. 2) Господи Боже нашъ, и собири (sic) насъ отъ языковъ, исповѣдующихъ имени твоему и хвалиться во хвалѣ твоей. Благословенъ Господь Богъ израилевъ отъ вѣка и до вѣка буди, буди». «Псаломъ 17. Возлюбихъ-тя Господи, крѣпости моя. Читать до конца, и потомъ: Господь пасетъ мя и ничтоже лишитъ. Потомъ предстоящимъ дѣлать поклоненіе и пѣть псаломъ. Пѣснь степени[1]). Се нынѣ благословите Господа вси раби Господни, стоящіи во храмѣ Господни, во дворѣхъ дому Бога нашего. (Оборотъ). Въ нощѣхъ возвѣжите (sic) руки ваша во святая и благословите Господа. Благословитъ Господь отъ Сіона, сотворивый небо и землю».

«Женихъ или невѣста поклонится въ ноги родителямъ своихъ (sic), то (sic) они долж(н)о благословить тако:

«Буди чада наша благословенно Богомъ небеснымъ. Да благословитъ тя Господь отъ Сіона и узриши благая Іерусалима, и узриши сыны сыновъ твоихъ. Миръ нашъ да почіетъ на главѣ твоей во вѣки вѣковъ аминь» (3).

«Когда женихъ и невѣста при совокупленіи брака (sic), то поставить ихъ лично и просить: нѣтъ ли между ними сродства и есть ли у нихъ согласіе къ законному браку. И передъ Богомъ заключить имъ между собою обѣщанія, глаголя сице: Во имя Отца и Сына и св. Духа аминь. Нынѣ именованные рабы Бога живаго обѣщаемся предъ всемогущимъ Богомъ и предъ святымъ его евандѣлямъ (sic) и передъ святою его церковью, въ томъ (оборотъ), что по закону Божію и по благословенію насъ родителей нашихъ, и по собственному нашему желанію, желаемъ совокупитися законнымъ Б(б)ракомъ, съ тѣмъ, чтобы безъ нарушенія Божіихъ заповѣдей и нашего обѣщанія, и между нами было соблюдено вѣрность и ложе нескверно,—удалятися отъ блуда и прелюбодѣйства до скончанія нашея жизни во вѣки полагаемъ вѣрность. Аминь» (4).

«Рѣченіе жениха: Не пойму жены иная, кромѣ сія, юже поемлю».

«Рѣченіе невѣсты: Не буду имѣть мужа инаго, кромѣ сего, за нег(о) пос(лѣдую)».

«При семъ обѣщаніе ихъ засвидѣтельствовать, что познается мужъ и жена.

[1]) Обращаю вниманіе на слово «пѣть». Народъ нашъ называетъ бракъ «дѣломъ, въ церкви пѣтымъ». См., напримѣръ, драму Писемскаго «Горькая судьбина». «Любовь—это пустяки, но «дѣло, въ церкви пѣтое»—это крѣпко и нерасторжимо». Это «акція». «О насъ въ церкви пѣто бяху».

«Слышете! Обѣщаніе ихъ слышете! Да слышете!»

«Взять отцу невѣсту за руку и предать въ руки жениху и рѣче:

«Се вдаю дщерь мою тебѣ въ жену! Се по повелѣнію закона Божія поими ю и введи въ домъ отца твоего» (оборотъ) [1].

«Богомъ благословенны мужъ и жена! Слышате сія и разумѣйте божественнаго писанія, домъ и имени раздѣляютъ родители чадахъ (?!), а отъ Господа сочетавается мужъ и жена мужеви».

(Читается апостолъ).

«Благодаряще всегда отъ всѣхъ о имени Господа нашего Іисуса Христа, Богу и Отцу: повинующеся другъ другу въ страсѣ Божіи. Жены своимъ мужьямъ повинутися (sic) яко же Господу (6), зане мужъ глава есть жены» и т. д. до словъ «а жена да боится своего мужа».

«Еже убо сочета Богъ, человѣкъ да не разлучаетъ. Тѣмъ же да будетъ не внѣшняя плетенія власъ, обложенія злато или одѣянія ризъ лѣпота: тако бо иногда и святыя жены, уповающія на Бога, украшающе себѣ, повинующеся своимъ мужемъ, яко же Сара послуше Авраама, господина того зовуще мужемъ, такожде вкупѣ живуще своими женами по разуму яко нему(о)щному сосуду женскому воздающе честь, яко и наслѣдницы благодатныя жизни, во еже не прекращатися молитвамъ вашихъ(мъ)» (оборотъ).

«Потомъ молятся Богу».

«Во имя Отца и Сына и св. Духа. Отче нашъ и пр. Помяни насъ Господи во благоволенію людей твоихъ. Псалмъ 50. Потомъ молитву: Господи Боже Отецъ нашихъ, и благословенно имя Твое святое и славное во вѣки: да благословитъ тя небо и вся созданія Твоя. Ты сотворилъ (стр. 7) еси Адама и далъ ему помощницу Еvву, утверженія жену его. Отъ тѣхъ родися человѣческое сѣмя. Ты рѣклъ еси: не добро быти человѣку единому, сотворилъ ему помощницу подобно(у)ю ему. И нынѣ, Господи, не блудодѣянія ради поемлятся ова между собою, но по истинии(ѣ) повели помилованнымъ быти, и вкупѣ состарѣтися. Благословенъ еси Ты, Боже, во всякомъ благословеніи чистомъ и святомъ. И да благословятъ тя святые твои и вся созданія Твоя. Избранныя Твоя да благословятъ тя во вѣки, но по многой милости Твоей, сотвори съ ними да благословитъ (оборотъ). Да помилуеши рабовъ твоихъ

---

[1]) Вотъ, быть можетъ, гдѣ тотъ «моментъ», та кульминаціонная точка «совершенія», которой отыскиваютъ спеціалисты, оспорившіе прежнія мнѣнія инока Павла о существѣ и о совершителѣ брака. Это доказываютъ непосредственно за симъ слѣдующія слова «мужъ и жена», а не «женихъ и невѣста». Очевидно, здѣсь совершилась тайна, соединившая «два во плоть едину» и только лишь казуистамъ остается подставлять смущающій ихъ вопросъ: считать ли это совершеніе брака исполненнымъ, если нарѣченный мужъ внезапно умретъ до раздѣленія ложа или окажется немужественъ. Н. Л.

нынѣ сочи(е)тавшихся. Сотвори имъ, владыко, милость и соверши животъ ихъ во здравіе съ веселіемъ, и милости(ію) твоею спаси ихъ Господи и помилуй во вѣки аминь».

«Потомъ новобрачнымъ вкупи(ѣ) невѣстену отцу и матери поклониться до зи(е)мли и просить благословенія, и они должны благословить тако:

«Будете чада наша благословенны Богомъ вашимъ. Да благословитъ васъ Господь отъ Сіона и узриши благая Іерусалима. И узриши сына сыновъ вашихъ. Мvръ да почіетъ на главахъ вашихъ (8) во вѣки аминь».

«Потомъ невѣсту повѣ(я)зать женою и предстоящимъ пѣть псаломъ 102...

«Благослови душе моя Господа и вся внутренняя».

«Послѣтого законочитатель долженъ вычитать деси(я)ть заповѣди».

Внизу закончальная фигура, красная, изображаетъ уже не корень, а стволъ растенія, возросшаго съ двумя вѣтвями съ одной его стороны, а на концѣ одинъ цвѣтокъ большаго размѣра, абрисомъ напоминающій астру.

V.

Этимъ чинъ бракосочетанія и конченъ. Онъ, конечно, можетъ быть очень несовершененъ и, можетъ быть, заслуживаетъ охужденія спеціалистовъ, но, тѣмъ не менѣе, надо признать, что въ бракосочетаніи по этому чину усматривается гораздо болѣе ритуальнаго, чѣмъ, напримѣръ, въ обрядѣ бракосочетанія по чину церкви лютеранской, и особенно—церкви реформатской. Въ послѣдней, сколько намъ случалось видѣть, все бракосочетаніе состоитъ въ чтеніи Fater Unser да въ коротенькомъ разсужденіи пастора о важности брака и въ поздравленіи.

Чинъ бракосочетанія нашихъ раскольниковъ, можетъ быть, плохъ, но онъ тепелъ и, какъ они выражаются, «богоприбѣгателенъ». Ритуальнаго въ немъ много, или, по крайней мѣрѣ, немало. Правда, мы тутъ не видимъ вѣнцовъ, но вѣнцы употребляются не у всѣхъ христіанъ, и у насъ, русскихъ, они не всегда были въ употребленіи. Во всякомъ разѣ (какъ говоритъ тотъ молодой изслѣдователь, о которомъ я упоминалъ выше), приведенный нами «чинокъ» бракосочетанія болѣе, чѣмъ многія разсужденія, можетъ дать самое вѣрное и искреннее объясненіе: въ какомъ смыслѣ наши безпоповцы принимаютъ свой бракъ и кто правѣе изъ спорящихъ объ этомъ бракѣ, т. е. тѣ ли, кто старается унижать этотъ бракъ, отнимая у него всякое религіозное значеніе и даже приравнивая его (какъ князь Суворовъ) къ «собачьимъ свадьбамъ», или же тѣ, кому въ бракѣ этого сорта чувствуется достаточное присутствіе

освящающаго союзъ религіознаго элемента? Мы объ этомъ судить не станемъ, но, имѣя глаза, мы не можемъ не видѣть, что дѣло совсѣмъ не ограничивается «однимъ молебномъ о благополучіи», а освящается молитвеннымъ призываніемъ небеснаго благословенія и совершается «родительскимъ благословеніемъ» и молитвами «предстоящихъ», и того лица, которое называется «законочитателемъ» и которое имѣетъ въ этомъ сообществѣ духовное значеніе. Правда, что законочитатель не имѣетъ благодати Духа Святаго, которую священникъ господствующей церкви получаетъ при своемъ посвященіи отъ архіерея, но, сравнительно съ пасторами, раскольничій наставникъ въ духовномъ отношеніи ничѣмъ господъ пасторовъ не меньше, потому что у пасторовъ тоже нѣтъ той благодати, которую имѣютъ наши священники. А между тѣмъ всѣ протестантскіе, безблагодатные пасторы совершаютъ браки, и тѣ браки признаются имѣющими какъ въ церковномъ, такъ и въ гражданскомъ смыслѣ всю полноту и нескверность, какія только можно требовать отъ брака, совершеннаго «рукою освященною».

Разумѣется, сравнивать такой бракъ съ бракомъ, совершеннымъ по всѣмъ правиламъ православной церкви рукоположеннымъ священникомъ, можетъ быть не позволительно, но этого и не нужно. Для огражденія нашихъ русскихъ людей отъ клеветы и нарѣканій довольно бы, кажется, только относиться къ «благословенному браку» этихъ людей точно также, какъ мы относимся къ бракамъ лютеранъ, у которыхъ бракъ совершается тоже при молитвѣ и наставленіяхъ пастора, человѣка очень нерѣдко ученаго, но во всякомъ случаѣ необлагодатствованнаго, а такого же какъ и «законочитатель», или «наставникъ», или, попросту, «батька».

Пусть между пасторами и «батьками» русскихъ безпоповцевъ лежитъ огромная разница въ образованіи и, можетъ быть, въ пониманіи сложныхъ вопросовъ вѣроученія и жизни. Это возможно и даже, кажется, не подлежитъ сомнѣнію. Но мы и не желаемъ равнять этихъ лицъ въ интеллигентномъ смыслѣ, а говоримъ только о равенствѣ ихъ въ смыслѣ лишенія благодати, которая возвышаетъ передъ ними русское духовенство господствующей церкви. Впрочемъ съ недостатками интеллектуальности «батьки» справляются безъ затрудненій и опять при посредствѣ того же самаго молельнаго «чинка», ритуальную часть котораго мы уже передали, а сейчасъ передадимъ вторую — учительную.

VI.

Кромѣ освященія брака, на обязанности безпоповщинскаго церковнаго представителя лежитъ еще нравственное воздѣйствіе на молодыхъ супруговъ къ укорененію въ нихъ настоящихъ понятій объ обязательствахъ, принятыхъ ими на себя въ отношеніи другъ

друга, въ отношеніи общества и Бога, учредившаго бракъ къ умноженію рода.

Говорить раскольничьему наставнику объ этихъ вещахъ было бы очень трудно, такъ какъ «наставники» или «законочтецы» у безпоповцевъ почти всегда бываютъ изъ людей простыхъ («простецовъ»), уважаемыхъ только за ихъ внѣшнее благочестіе. Часто между ними встрѣчаются даже старички совсѣмъ малограмотные, но «собраніе вѣрующихъ» предусмотрѣло эту «маломочность» своихъ «простецовъ», и составитель чина подалъ имъ достаточное пособіе, чтобы они, дѣлая наставленіе, не наговорили ничего несоотвѣтственнаго. Для этого «наставникамъ» не полагается отъ себя говорить, а они должны прочесть по книжечкѣ готовое «наставленіе», крѣпко аппробованное и «для всѣхъ слышателей зѣло преполезное».

И на самомъ дѣлѣ оно кажется достойно аппробаціи и, если новобрачные и другіе «слышатели» соберутъ словеса этого наставленія въ своемъ сердцѣ, то оно вполнѣ можетъ быть хорошимъ сѣменемъ, отъ котораго можно ждать не худшихъ плодовъ христіанской жизни.

Вотъ это «наставленіе» опять все цѣликомъ, какъ оно читается и какъ помѣщено въ концѣ бракосочетовальнаго «чина».

«Наставленіе новобрачнымъ».

«Благочестевыи(е) и правовѣрныи(е) о Христе Господѣ! Сочи(е)танныя(ая) двоицѣ(а)! Вступивъ вы во святое и благословенное супружество почтите оное исполненіемъ обязательствъ, каковыя съ нимъ Богъ соединити благоволилъ. Сохраните между собою любовь и согласіе, яко единая душа въ двухъ тѣлахъ же(и)вущая. Паче же сохраните любовь къ Вогу и почти(еніе) къ закону его, яко Богъ любовь есть, и пребывай(аяй) въ любви — въ Бозѣ пребываетъ и Богъ въ немъ пребываетъ. А идеже нѣсть любви Божія(ей) и страха его, тамо всякое разстроинство (sic) и злая вещь. Взаимную ложу(а) вашего вѣрность облюдите (sic) свято, и не посрамите оно(у)ю злымъ ревнованіемъ и безчестною страстію. Убойтеся когда либо быть преступниками торжественнаго обѣщанія вашего, сотвореннаго вами предъ лицемъ Вога и церкви его, блудникомъ бо и прелюбодѣямъ судитъ Богъ. Во управленіе(и) дома и другихъ житейскихъ дѣлахъ будите не лѣнивы, но прилежны и трудолюбивы и взаимно другъ другу раченіемъ и совѣтами усердно спомоществуйте, для того бо и нарицаются супружники, яко едино житейское(аго) попеченіе(я) ярмо или бремя великодушно влекущи(е). Да благословитъ васъ Богъ узрити чат(д)ъ своихъ. Плодъ чрева своего за первѣйше(у)ю передъ Богомъ и передъ людьми должность почтите доброе доставить имъ воспитаніе. Въ младенческое ихъ сердце впечатлѣйте страхъ Боже(і)й ко святому его закону».

«Посемъ поютъ молебенъ» (какъ бываетъ и у православныхъ), и тогда молодой супругъ, «появъ жену свою за руку, ведетъ ее честно въ домъ отца своего», гдѣ и бываютъ поздравленіе и пиръ по состоянію и по обычаю.

Теперь передъ читателями во всей точности и полнотѣ ритуальная картина безпоповскаго брака, устрояемаго безъ посредства «руки освященной», которая, по выводамъ этихъ людей, «разсыпалась», но при посредствѣ «руки благословенной», которая «осталась», и она, по ихъ соображеніямъ, будто бы «довольна дѣйствовать въ устроеніи брака, его же совершителемъ есть самъ Богъ, рѣкшій...» и т. д.

Во всемъ этомъ, какъ видится, нѣтъ ничего потаеннаго, безнравственнаго и вообще ничего такого, что слѣдовало бы скрывать и утаивать отъ людей постороннихъ. Долговременное неоглашеніе чинопослѣдованій благословеннаго брака произошло, какъ я выше сказалъ, просто по какому-то «затмѣнію», или, можетъ статься, отчасти и потому, что экземпляры этихъ «чинковъ» рѣдки и неизвѣстно коего страха ради они хранятся требоисправителями въ осторожной «тайности», для объясненія которой я думаю достаточно знать прошлыя судьбы раскола, воспитавшія въ этомъ кругѣ извѣстныя недовѣрчивыя привычки.

VII.

Для всесторонняго представленія о безпоповскомъ «благословенномъ бракѣ» остается еще упомянуть о бытовой его сторонѣ, — о томъ, что̀ предшествуетъ «совершенію» брака въ молитвенномъ собраніи и что̀ затѣмъ слѣдуетъ. Нѣтъ ли здѣсь чего либо зазорнаго, безнравственнаго, унижающаго идею брака и дающаго какія нибудь основанія вспоминать о «собачьихъ свадьбахъ». Но, по совѣсти говоря, ничего такого нѣтъ. Брачныя сдѣлки у брачныхъ безпоповцевъ возникаютъ и доходятъ до своего совершеннаго результата чисто въ томъ русскомъ духѣ, который ставитъ стародавнюю, допетровскую Русь отмѣнною отъ всѣхъ странъ гніющаго запада. «Спознаванье», или «слюбчивость», до брака здѣсь почти совсѣмъ неизвѣстны. Бракъ устроятся по осмотрительнымъ соображеніямъ экономическаго свойства, въ которыхъ родители молодыхъ людей принимаютъ гораздо болѣе значительное участіе, чѣмъ сами женихъ и невѣста, часто вовсе не знающіе другъ друга до оффиціальныхъ «смотринъ». Сношенія идутъ и теперь, какъ и шли въ старину, т. е. черезъ свахъ. По пословицѣ, «не быть свадьбѣ безъ дива»—всѣ учрежденныя «дива» даже соблюдаются: просватанную дѣвушку «величаютъ»; даютъ ей волю «оплакаться»; ведутъ ее въ баню «смывать дѣвьи гульбы и прохладушки мыльцемъ, бѣлильцемъ, шолковымъ вѣничкомъ и малиновымъ паромъ». «Выкупаютъ» ее у свахи, которая торгуетъ порусски «съ запросомъ» и «съ уступкой». Про-

ситъ «куницу, лисицу и золотую гривну», а «обмѣняется рублемъ да пряникомъ». Молодые до вѣнца не ѣдятъ: «до вечера тощи, а въ ночи солощи». Во время бракосочетанія молодая наготовляетъ себѣ первенство передъ мужемъ—укалываетъ себя тихонько булавкою и «шепчетъ въ мысляхъ»—«мнѣ тяжелѣть, а тебѣ мои прихоти несть». Приходя изъ моленной въ мужнинъ домъ, ведутъ дѣло вѣжливо и обрядливо: напередъ всего цалуютъ святую икону, а потомъ отца съ матерью, а потомъ хлѣбъ и соль. И мужъ и жена знаютъ, что у нихъ «женитьба есть, а разженитьбы нѣтъ». «Связалъ плохой мастеръ, а не развязать и хорошему». «Женился—все равно, что посхимился». Итакъ, что «спутано лычкомъ, обростетъ ремешкомъ» и «живетъ крѣпко». Разженитьбы нѣтъ, и отъ того здѣсь разводныя процедуры съ именуемыми Щедринымъ «достовѣрными лжесвидѣтелями» вовсе не практикуются. Слова «кромѣ грѣха прелюбодѣянія» (Мѳ., XIX, 9) они толкуютъ ближе къ пониманію графа Льва Н. Толстаго («Въ чемъ моя вѣра»), а не къ консисторскому. Значитъ, относятся къ «разженитьбѣ» не слабѣе консисторскаго, а строже.

Если жизнь иногда оказывается сильною, чтобы разметать и такое строгое пониманіе, то ужъ тутъ, очевидно, вина не въ недостаткѣ усилій «оградить садъ» и «осторожить звѣря», а въ томъ, что страстный «звѣрь» очень рыскучъ и слишкомъ способенъ перескакивать всякія огражденія.

VIII.

Для вѣдома лицъ, интересующихся исторіею раскола, желаю сказать еще слѣдующее.

Видя, къ удивленію моему, что воспроизведенный здѣсь чинъ «благословеннаго бракосочетанія» у безпоповцевъ неизвѣстенъ еще многимъ людямъ, которымъ, по главному роду ихъ занятій, надо бы знать все касающееся этого вопроса, я опасаюсь, что сдѣланное мною воспроизведеніе можетъ быть кѣмъ либо встрѣчено съ недовѣріемъ, или, по крайней мѣрѣ, съ сомнѣніемъ. По опыту я знаю, что это возможно, и единственное средство помочь людямъ избѣжать такихъ сомнѣній, можетъ быть, заключается въ непосредственномъ знакомствѣ съ воспроизведенною мною здѣсь писанною уставомъ книжечкою. А потому, для оправданія русскихъ, живущихъ въ «благословенномъ бракѣ», и для пользы большаго числа молодыхъ изслѣдователей раскола, я рѣшился разстаться съ этимъ, принадлежавшимъ мнѣ, рѣдкимъ экземпляромъ.

Я передаю мою книжечку «О бракосочетаніи» редактору «Историческаго Вѣстника» Сергѣю Николаевичу Шубинскому съ двумя просьбами:

Первая: я прошу его свѣрить мое воспроизведеніе съ подлиннымъ текстомъ книжицы и засвидѣтельствовать здѣсь же, что я воспроизвелъ ее вѣрно [1]).

Вторая: я прошу Сергѣя Николаевича Шубинскаго внести эту рукописную книжечку отъ моего имени какъ даръ въ Петербургскую Публичную Библіотеку, съ тѣмъ, чтобы она была тамъ выдаваема лицамъ, интересующимся изученіемъ исторіи русскаго раскола [2]).

Примѣты передаваемой мною въ Публичную Библіотеку книжечки, кромѣ тѣхъ, которыя уже мною описаны выше, — есть слѣдующія: на оборотѣ послѣдней страницы и на затылкѣ задней папки, пришитой въ корнѣ сапожною дратвою, разными почерками и разными чернилами сдѣланы скорописью надписи, изъ которыхъ однѣ, выведенныя едва грамотными руками, представляютъ какъ бы баловство или опыты писанія, и въ нихъ не все можно разобрать. Четко читается слѣдующее: (попольски) «Piotr Pólkonicky»; ниже совсѣмъ неискусною рукою порусски «Петра». Кажется, какъ будто кто-то хотѣлъ перевести польскую надпись, но начертать этотъ переводъ не осилилъ. Далѣе три строки крайне неразборчиваго русскаго письма. Ниже опять еще другимъ самымъ неискуснымъ и неумѣлымъ почеркомъ нацарапано: «Господи, Боже мой, научи меня на брань, оночи моя персты на брань». Еще ниже: «Любозной ты мой читатель — ка ба (какъ бы) ни (е) а (о) щ (ш) и битца». — На послѣдней страницѣ, вверху, твердымъ и довольно красивымъ почеркомъ: «Стихословія: 23-го.

«Пришли послѣднія вѣка
«Врастоянія живутъ чиловѣцы.
«Ни льщятца, чтобы Богу угадить,
«А льщатца, что бы по болѣ денегъ
Нажить».
«1851 года, августа 3 дня. Приложеніе».

Ниже — рыжими чернилами:

«Сія книга принадлежить(ъ) Ивану Григоривичу Постникову, крестьянину. 1852 года августа».

Еще ниже — опять инымъ почеркомъ:

«Его высокоблагородія» — далѣе какъ будто стало трудно выводить.

И, наконецъ, въ самомъ низу — перевернуто и написано полууставомъ и подъ титломъ: «Господи».

Эти надписи, кромѣ примѣтъ, имѣютъ еще иное значеніе: онѣ показываютъ, сколько эта книжечка пожила и сколько она рукъ

[1]) По просьбѣ Н. С. Лѣскова удостовѣряю, что переданная имъ мнѣ рукописная уставомъ книжечка «О бракосочетаніи» введена имъ въ текстъ этой статьи полностію и вѣрно. Ред.

[2]) Эта просьба г. Лѣскова будетъ исполнена редакціею «Историческаго Вѣстника». Ред.

переходила до тѣхъ поръ, пока измусолилась, истрепалась и чьимъ-то «доконечальнымъ раченіемъ» сошита была сапожной дратвой.

Въ этомъ видѣ книжица досталась мнѣ черезъ покупку у доставляющаго мнѣ книжныя рѣдкости букиниста. Мною, прежде мысли объ уступкѣ этой книжки, положены на ея ободранной папкѣ, два мои печатные штемпеля: «Н. С. Лѣсковъ. Сергіевская, № 56» (синій) и «Рѣдкій экземпляръ» (красный).

Страницы нумераціею не мѣчены.

IX.

Что касается значенія надписей, то въ числѣ ихъ двѣ достойны вниманія историческаго изслѣдователя — это тѣ, гдѣ встрѣчается двукратное упоминаніе годовъ—«1851» и «1852». Оба эти года предшествуютъ появленію въ Россіи печатныхъ сочиненій Павла Прусскаго въ защиту брака у безпоповцевъ, а также они предшествуютъ и той рѣчи, которую генералъ-губернаторъ князь Суворовъ держалъ въ Пасху къ рижскимъ старовѣрамъ, называя ихъ браки «собачьими свадьбами». Предшествовало также это и ошибкѣ нѣмецкихъ чиновниковъ, которые именовали эти браки въ донесеніяхъ русскому правительству «дикими браками» и объясняли, что они трактуютъ живущихъ въ такомъ бракѣ русскихъ на одномъ счету съ развратными проходимцами, создавшими городу Ригѣ особую, очень дрянную репутацію, безъ всякихъ притомъ надеждъ на ея измѣненіе.

Наши русскіе бракопріемлющіе старовѣры-безпоповцы, очевидно, совершенно напрасно оболганы и оклеветаны передъ цѣлымъ свѣтомъ, послѣ того, когда и спеціалистамъ, и генералъ-губернатору должна бы быть извѣстна вся невинная тайна этого брака. Между тѣмъ клеветѣ этой повѣрили и свои, и иностранцы, и это, конечно, немало содѣйствовало общему представленію о дикости русскаго народа съ его «свальными грѣхами». Скверную клевету эту сложили и распустили къ униженію «несогласныхъ» свои же русскіе, желавшіе себѣ однимъ присвоить исключительное право на лучшее во всемъ знаніе и не погрѣшимое вѣрованіе, которое будто только одно исключительно сообщаетъ настоящій русскій патріотизмъ. Въ ихъ видахъ въ извѣстное время это казалось полезнымъ, но нынче, быть можетъ, и имъ уже не кажется необходимымъ дурно ославлять соотечественниковъ, имѣющихъ несходство въ религіозныхъ мнѣніяхъ...

Быть можетъ, и они теперь хотѣли бы стереть изъ памяти людей дурную славу, которую сами въ неразсудительной ревности провели въ свѣтъ о значительной части своихъ соотечественниковъ, но... ...пускай же они теперь поучатся, что значитъ «камень бросить въ воду» и что значитъ его оттуда «вытащить».

Н. Лѣсковъ.

СТОЛѢТІЕ ДЕФИЦИТОВЪ.

I.

СТОРІЯ финансовъ Россіи вовсе не оправдываетъ справедливости принимаемаго въ западной Европѣ чуть не за аксіому извѣстнаго изреченія французскаго министра барона Луи: «дайте мнѣ хорошую политику, и я вамъ дамъ хорошіе финансы». Въ царствованія Екатерины II, Александра I, Николая I, Александра II, были моменты «хорошей политики», преобладающаго вліянія Россіи въ такъ называемыхъ «совѣтахъ Европы»; императоръ Александръ Павловичъ именовался даже «рѣшителемъ ея судебъ», — но финансы Россіи нисколько не улучшались въ подобные моменты. Напротивъ того, каждый изъ нихъ сопровождался или новыми внѣшними и внутренними долгами, или выпусками бумажныхъ денегъ. Наростанію такихъ долговъ содѣйствовали не однѣ войны, которыми упрочивалось политическое могущество Россіи или увеличивались ея предѣлы. Продолжительные періоды внѣшняго мира при императорахъ Николаѣ Павловичѣ (если не считать долголѣтней войны съ кавказскими горцами) и Александрѣ Николаевичѣ такъ же разстроивали финансы Россіи, какъ и войны временъ «очаковскихъ» и «побѣдоноснаго шествія отъ Москвы до Парижа». Въ другихъ же государствахъ даже раззорительныя войны не служили помѣхою къ возстановленію финансовъ государства, когда, по ихъ окончаніи, наступалъ періодъ мира. Такого успѣха

достигла Англія послѣ войны съ Наполеономъ I, Соединенные Сѣверо-Американскіе Штаты послѣ междоусобицы шестидесятыхъ годовъ и, наконецъ, въ послѣднее время Германія, по окончаніи войны съ Франціею въ 1870—1871 году.

Начало государственнымъ долгамъ Россіи и выпускамъ бумажныхъ денегъ положено было въ царствованіе Екатерины Великой. Ея предшественница, императрица Елисавета Петровна, сдѣлала попытку, во время Семилѣтней войны, занять 2.000,000 руб. въ Голландіи, но потерпѣла неудачу, потому что тогда еще не было довѣрія къ государственному кредиту Россіи. При Елисаветѣ также еще страшились выпусковъ ассигнацій, но неимѣніе другихъ источниковъ для покрытія возроставшихъ расходовъ, вызываемыхъ войнами и необходимостью содержанія многочисленной арміи, побудило императрицу Екатерину выступить на этотъ скользкій путь легкаго способа покрытія государственныхъ дефицитовъ. При Екатеринѣ же голландскіе банкиры получили довѣріе къ кредиту Россіи и стали давать въ займы деньги. Неудивительно, что, при подобномъ облегченіи съ двухъ сторонъ, императрица не останавливалась ни передъ какою суммою расходовъ, и ежегодные государственные дефициты, особенно усилившіеся въ послѣдніе годы ея царствованія, уже не являлись страшными для большинства правительственныхъ лицъ. Но и тогда были государственные умы, предсказывавшіе, подобно генералъ-прокурору князю Вяземскому, неисчислимыя бѣдствія для государственной казны отъ бумажныхъ денегъ, отъ «бумажнаго хозяйства». Хотя опасенія князя Вяземскаго оправдались вполнѣ, но въ ту эпоху, какъ и въ послѣдующія, подобные голоса дальнозоркихъ государственныхъ людей считались только помѣхою фиктивнаго сбалансированія бюджета имперіи.

Царствованіе Екатерины II оставило въ наслѣдство потомству долгъ въ 260.000,000—280.000,000 руб., а именно: внѣшнихъ долговъ на сумму 43.739,130 руб., внутреннихъ на сумму 82.457,426 р. и бумажныхъ денегъ, выпущенныхъ въ обращеніе, на сумму отъ 137.000,000 р. (по Шторху) до 157.000,000 руб. (по Печорину). Подобное наслѣдство отъ восемнадцатаго вѣка девятнадцатому не было бы особенно обременительно для богатаго естественными источниками государства, подобнаго Россіи, но оно оказалось губительнымъ для него въ нравственномъ отношеніи. Система государственнаго хозяйства при Екатеринѣ II какъ бы узаконила для послѣдующаго времени возможность и безнаказанность чрезмѣрныхъ государственныхъ расходовъ, неограниченности въ государственныхъ займахъ и, наконецъ, выпусковъ бумажныхъ денегъ, внѣ всякаго соотвѣтствія съ условіями обращенія въ странѣ неметаллическихъ монетныхъ знаковъ.

Съ другой стороны, ни царствованіе Екатерины II, ни періоды ея преемниковъ, не ознаменовались появленіемъ на государствен-

номъ поприщѣ могущественнаго финансоваго генія, который въ силахъ былъ бы водворить порядокъ въ расходахъ Россіи и возстановить равновѣсіе ея бюджета не новыми долгами и бумажными деньгами, а однимъ возростаніемъ ея доходовъ, извлекаемыхъ исключительно изъ роста производительныхъ силъ. Дѣйствительно, на военномъ поприщѣ, въ сферѣ внѣшней политики, законодательства, внутренняго управленія, впродолженіе послѣднихъ ста лѣтъ, появлялись въ Россіи болѣе или менѣе замѣчательныя личности, оставившія послѣ себя полезные результаты своей дѣятельности. По отношенію къ финансамъ нельзя указать ни на кого, который вполнѣ бы соотвѣтствовалъ вышеприведенной задачѣ. Гурьевъ, Канкринъ, Рейтернъ своими системами достигали извѣстнаго улучшенія въ финансахъ имперіи, но кореннаго, основательнаго возстановленія валюты они не достигали, не смотря на продолжительное пребываніе ихъ, особенно же двухъ послѣднихъ изъ нихъ, въ должности министровъ финансовъ. Гурьевъ, Канкринъ, Рейтернъ достигали только условнаго улучшенія въ финансахъ государства, которое улетучивалось при малѣйшей невзгодѣ. Поэтому ихъ системы государственнаго хозяйства забывались одновременно съ оставленіемъ ими поста министра. Преемники ихъ направлялись по другому пути, но не избѣгали притомъ ни системы займовъ, ни выпуска бумажныхъ денегъ, такъ что въ концѣ концовъ результатъ ихъ управленія министерствомъ финансовъ былъ одинаковъ съ плодами, добытыми предшественниками.

II.

И до Екатерины II, и въ первые годы ея царствованія бывали дефициты въ государственномъ бюджетѣ. Но до 1762 года ихъ покрывали другими способами, а не внѣшними займами и бумажными деньгами. До 1785 года, за исключеніемъ времени первой турецкой войны, расходы государства съ излишкомъ покрывались его доходами. Въ первое двадцатилѣтіе царствованія Екатерины II дефицитовъ или вовсе не было, или они были незначительны. Но съ 1785 года, закончившагося дефицитомъ въ 16.000,000 руб., эта государственная язва стала возростать въ удивительной прогрессіи до самаго восшествія на престолъ Павла I. Возможность легко покрывать государственные расходы бумажками создала въ умахъ лживое представленіе о денежныхъ источникахъ имперіи. Поэтому о сокращеніи расходовъ не помышляли. Подобное заблужденіе старались искоренить государственные люди первой половины царствованія Александра I, но попытки ихъ не имѣли успѣха, потому что войны съ Наполеономъ обратили вниманіе правительства и всего народа на одну цѣль: сохраненіе политической самостоятельности Россіи.

Основною мыслью задуманнаго преобразованія финансовъ Сперанскаго, изложенною въ его знаменитомъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, была та, «что всякій финансовый планъ, предлагающій способы легкіе и не помогающій ограниченію въ расходахъ, есть явный обманъ, влекущій государство къ погибели». Сперанскій предлагалъ слѣдующія мѣры: 1) пресѣченіе выпуска ассигнацій; 2) сокращеніе государственныхъ расходовъ; 3) установленіе лучшаго контроля надъ ними и 4) введеніе новыхъ налоговъ. Со времени этого доклада (1810 года, когда дефицитъ дошелъ до 125.000,000 рублей), прошло 75 лѣтъ, но какъ основная мысль плана Сперанскаго, такъ и три первыя его мѣры, все еще не были примѣнены къ Россіи въ той степени, какъ бы это было необходимо для возстановленія разстроеннаго финансоваго положенія.

Финансовый планъ Сперанскаго не былъ приведенъ въ исполненіе. Война 1812 года потребовала новыхъ выпусковъ ассигнацій, которые продолжались ежегодно до 1817 года. Ассигнаціи понизились въ цѣнѣ до крайняго предѣла. Вредъ отъ бумажныхъ денегъ вполнѣ былъ сознанъ, и въ 1816 году Н. С. Мордвиновъ (предсѣдатель департамента государственной экономіи) излагалъ въ своемъ мнѣніи, что «изъ всѣхъ наиболѣе государственное казначейство разстроивающихъ мѣръ признана уже вреднѣйшею излишество бумажной монеты противъ должнаго количества, удерживающаго единство монеты. Ошибки правительства по другимъ частямъ государственнаго управленія дѣлаютъ ограниченный вредъ, не простирающійся далѣе той части, по которой дѣйствіе совершено; но разстройство монеты обнимаетъ всѣ вообще части, почему и дѣйствія этого вреда бываютъ обширнѣе, безпредѣльнѣе. Никакая несправедливость личная, никакое оскорбленіе права общественнаго, какъ бы они чувствительны ни были, не могутъ имѣть столь разительнаго дѣйствія на умы и сердца подданныхъ, какъ прискорбіе отъ потеряннаго монетою достоинства. При упадкѣ монеты ропщетъ всякъ: негодуетъ гражданинъ, лихоимствуетъ судья, охладѣваетъ вѣрность, ослабѣваютъ взаимныя услуги и пособія; благочиніе, миръ и добродѣтель уступаютъ мѣсто разврату, порокамъ и буйнымъ страстямъ. Да и можетъ ли быть иначе, когда достояніе каждаго ежедневно уменьшается? — когда равно страдаютъ богатый и бѣдный, роскошный и умѣренный, терпѣливый и невоздержный, семейный и холостой? — когда, предъ глазами каждаго, видимо приближается признакъ нищеты, — бѣдствіе тѣмъ несноснѣйшее, что вина его не заключается въ личныхъ поступкахъ и дѣяніяхъ каждаго? Превышеніе мѣры въ выпускахъ бумажной монеты, по строгой правдѣ, не можетъ быть иначе представляемо, какъ въ видѣ непримѣтнаго похищенія частей изъ имущества каждаго... Всѣ извѣстныя революціи послѣдовали отъ разстройства финансовъ и уклоненія правительства отъ мѣръ къ благовременному исправленію ихъ. Въ

такомъ положеніи государства всѣ подданные заедино негодуютъ, ропщутъ и возстаютъ единодушно". Въ заключеніе своего обширнаго мнѣнія, Мордвиновъ писалъ: «исправленіе финансовъ нашихъ зависитъ единственно отъ воли правительства, но воли твердой, неизмѣнной и постоянной въ выполненіи. А чтобы она достигла цѣли, необходима строгая умѣренность въ расходахъ... Всѣ излишества, всякая временная прихоть и вообще всякая издержка, произведенная безъ строгой необходимости, должны быть признаваемы преступленіемъ противъ государственнаго и народнаго быта».

Подобныя сильныя указанія недостатковъ въ финансовомъ хозяйствѣ Россіи Мордвиновъ находилъ необходимыми при всякомъ подходящемъ случаѣ. Совѣсть, государственный разумъ, ему присущій, наконецъ присяга, побуждали его неукоснительно идти къ намѣченной цѣли. Такъ хотя совѣтъ государственныхъ кредитныхъ установленій нашелъ дѣятельность министра финансовъ (графа Д. А. Гурьева) за 1817 годъ въ «добромъ порядкѣ»; но Мордвиновъ, въ своемъ отчетѣ о государственной росписи за 1817 годъ, выразился слѣдующимъ образомъ передъ государственнымъ совѣтомъ: «Представляемую министромъ финансовъ роспись государственнымъ доходамъ и расходамъ за 1817 годъ департаментъ государственной экономіи не можетъ принять въ видѣ истиннаго отчета, показывающаго состояніе государственныхъ финансовъ, ибо первая и главнѣйшая часть, означающая вѣрность и правильность отчета, въ росписи не существуетъ. Долговая часть, на коей основывается государственный кредитъ, въ представленіи министра финансовъ умолчена: ни о количествѣ долговъ, ни о ихъ обезпеченіи въ ономъ не упомянуто. Столь существенное небреженіе содѣлываетъ роспись порочною, а представленіе оной отъ министра финансовъ несообразнымъ уставу его министерства. Равнымъ образомъ департаментъ государственной экономіи не можетъ признать правильнымъ остатокъ, министромъ финансовъ въ доходахъ показанный; ибо остатокъ можетъ существовать только тогда, когда уплачены, или, по крайней мѣрѣ, обезпечены платежемъ долги, согласно съ условіями, при займѣ учиненными».

И огромные расходы по военному вѣдомству обратили на себя вниманіе правительственныхъ лицъ въ царствованіе Александра I, по окончаніи войны съ Наполеономъ. Правительство, уже въ 1818 году, учредило особый комитетъ для сокращенія смѣтъ военнаго министерства, но пользы отъ того не послѣдовало. Расходы военнаго министерства росли: въ 1820 году они составляли 177.770,936 руб. въ 1821 году—182.339,010 руб., въ 1822 году—185.889,354 руб., въ 1823 году — 195.555,909 руб. Напримѣръ, комитетъ призналъ, что военное министерство обременяется ежегодно огромными сверхсмѣтными расходами, а потому постановилъ, чтобы впредь всѣ сверх-

смѣтные расходы обращались на государственное казначейство. Но эта полезная мѣра никогда не была приведена въ исполненіе. Въ 1822 году, сдѣлана была новая попытка къ сокращенію расходовъ военнаго министерства, причемъ, по мысли Мордвинова, ему дозволено было не стѣсняться при производствѣ расходовъ предѣлами, назначенными смѣтою 1822 года, а располагать суммами по усмотрѣнію, покрывая недостатки по одной статьѣ расходовъ остатками другой статьи. Но такое полномочіе привело къ совершенно неожиданному результату: произошла такая запущенность счетовъ, что совершенно была потеряна возможность слѣдить за оборотами суммъ.

Но расходы по военному вѣдомству Россіи, поглощавшіе при Александрѣ I даже въ мирное время половину доходовъ государства, продолжали рости при его преемникахъ безъ всякаго предѣла. Принимались мѣры, болѣе или менѣе однородныя съ вышеприведенными, но всѣ онѣ исполнялись только на бумагѣ. Войны: персидская, турецкая, польскій мятежъ, венгерская кампанія, многолѣтняя борьба съ кавказскими горцами, еще болѣе способствовали увеличенію смѣтъ военнаго министерства.

III.

Постоянство государственныхъ дефицитовъ при Александрѣ I проходитъ непрерывною нитью чрезъ всѣ годы. Во все время этого царствованія никакихъ чистыхъ остатковъ въ государственной казнѣ не было и, хотя тогдашній министръ финансовъ въ своихъ оффиціальныхъ отчетахъ доносилъ, что «все обстоитъ благополучно», однако, казна была почти наканунѣ полнаго банкротства. Такое введеніе въ заблужденіе не искупается даже тѣми мѣрами, которыя были приняты министромъ финансовъ, Гурьевымъ, для прекращенія новыхъ выпусковъ ассигнацій и для ихъ постепеннаго погашенія.

Новый министръ финансовъ, Канкринъ, вступившій въ управленіе 23-го апрѣля 1823 года, проявилъ наибольшую свою дѣятельность при новомъ императорѣ, Николаѣ Павловичѣ, пробывъ на этомъ важномъ постѣ 21 годъ. При вступленіи Канкрина въ управленіе министерствомъ, положеніе государственной казны было почти безнадежнымъ. Постоянные дефициты, упадокъ цѣны ассигнацій, сокращеніе государственныхъ доходовъ, сильное пьянство въ народѣ, недостатокъ въ обращеніи денежныхъ знаковъ, упадокъ промышленности и торговли, многочисленныя банкротства, масса недоимокъ, характеризовали экономическій бытъ въ Россіи при выходѣ графа Гурьева изъ министровъ финансовъ. Эти обстоятельства не преувеличены. Они засвидѣтельствованы въ циркулярѣ нашего министра иностранныхъ дѣлъ къ представителямъ Россіи при

дворахъ Западной Европы, когда, въ 1822 году, рѣшено было ввести у насъ запретительный тарифъ.

Канкринъ былъ первымъ министромъ финансовъ въ Россіи, введшимъ ежегодное представленіе императору полныхъ смѣтныхъ обзоровъ, въ которыхъ обозначались государственные расходы и доходы, и выяснялись ихъ взаимныя отношенія. Но обзоры эти, согласно преобладавшей тогда системѣ самообольщенія, не давали точныхъ указаній о дѣйствительномъ финансовомъ положеніи государства, потому что даже графъ Канкринъ, пользовавшійся особымъ довѣріемъ императора Николая Павловича, не осмѣливался выставлять экономическій бытъ имперіи въ истинномъ его видѣ. Въ обзорѣ за 1826 годъ, Канкринъ высказалъ, что «главныя черты нынѣ принятой финансовой системы основаны на томъ простомъ правилѣ, что народъ ежегодно долженъ собрать обыкновенными способами то, что потребно на содержаніе государства; но что потребности сіи должны быть умѣряемы до такой степени, чтобы платежи не служили къ излишнему отягощенію, а еще менѣе къ обѣдненію, народа». На этомъ основаніи Канкринъ находилъ необходимымъ изворачиваться естественными доходами государства, избѣгать новыхъ займовъ, особенно заграничныхъ, а еще болѣе гибельнѣйшаго умноженія массы ассигнацій, а также, по мѣрѣ возможности, и новыхъ налоговъ и т. д. Но прекрасная программа Канкрина, долженствовавшая урегулировать правильное соотношеніе между государственными доходами и расходами, долгіе годы оставалась мертвою буквою и встрѣчала для своего выполненія массу затрудненій, устранить которыя было не въ силахъ для министра финансовъ.

Такъ дефициты не прекращались. На основаніи «оффиціальныхъ данныхъ, для частныхъ лицъ предназначенныхъ» (своеобразное административное выраженіе той эпохи), доходы государства, за періодъ съ 1823 по 1831 годъ, вполнѣ уравновѣшивались съ расходами и никакихъ дефицитовъ по государственной росписи не существовало. Въ дѣйствительности же означенныя оффиціальныя цифры были только показными и по дѣйствительному поступленію государственныхъ доходовъ передержка расходовъ составила сумму въ 71.894,000 руб. Канкринъ, впрочемъ, заявилъ въ своемъ заключеніи, что «потребности государства превышаютъ настоящіе онаго финансовые ресурсы и токмо съ величайшимъ усиліемъ и при постепенномъ возвышеніи разныхъ отраслей доходовъ можно было достичь того, чтобы не сдѣлался большой аріеръ или постоянный дефицитъ въ бюджетѣ».

Увеличеніе съ каждымъ годомъ непроизводительныхъ государственныхъ расходовъ, возроставшихъ далеко не въ одинаковомъ размѣрѣ съ доходами, побудило Канкрина, при представленіи предварительныхъ соображеній о росписи на 1834 годъ, испросить вы-

сочайшее повелѣніе, по которому всѣ министерства и вѣдомства обязательно должны были «умѣрить свои требованія» и «сдѣлать всевозможныя сокращенія». Не смотря на подобное повелѣніе, дефицитъ по росписи 1834 года дошелъ до 45.000,000 руб. Въ 1835 году, онъ составилъ 46.016,000 руб. Поэтому Канкринъ представилъ на высочайшее усмотрѣніе «нормальную роспись» на 1836 годъ, по которой сумма государственныхъ доходовъ исчислена была въ 484.000,000 руб. и каждому министерству опредѣлена была крайняя наибольшая сумма его расходовъ, съ цѣлью, чтобы не только сравнять расходы съ доходами, но чтобы «еще осталась хотя нѣкоторая часть доходовъ на полезныя для государства предпріятія». Но на практикѣ оказывалось, что ежегодныя предувѣдомленія министра финансовъ министерствамъ и главнымъ управленіямъ о сокращеніи ихъ смѣтъ не имѣли желаемаго успѣха. Комитетъ финансовъ, признавая справедливость этого факта, присовокупилъ, съ своей стороны, что, напримѣръ, въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1834 года къ министру финансовъ поступили даже такія требованія со стороны разныхъ вѣдомствъ, что они превысили всѣ способы, которые министръ финансовъ въ состояніи былъ приготовить къ тому времени. Государственный совѣтъ, согласившись вполнѣ съ представленіемъ Канкрина, постановилъ: 1) что расходамъ по каждой части государственнаго управленія должны быть назначены положительные предѣлы, далѣе которыхъ министры не должны простирать свои требованія, и 2) каждый втеченіе года непредвидѣнный расходъ можетъ быть покрытъ изъ суммы на чрезвычайныя издержки, исключительно для того росписью опредѣляемой, причемъ подобный расходъ долженъ быть утвержденъ министромъ финансовъ. Со своей стороны, императоръ Николай I также призналъ вопросъ о сокращеніи расходовъ «неотложнымъ».

7-го января 1835 года, повелѣно было учредить по каждому министерству особые комитеты изъ лицъ, къ нему не принадлежащихъ, и возложить на нихъ, совмѣстно съ министрами, обязанность «извлекать способы къ возможному уменьшенію расходовъ по каждому вѣдомству». Такого комитета не было только назначено по министерству императорскаго двора, расходы котораго, по росписи 1835 года, составляли 18.136,000 руб. и, какъ обыкновенно тогда выражались, «не могли подлежать сокращенію».

Комитеты сократили расходы противъ росписи: по министерству иностранныхъ дѣлъ на 250,000 руб., по министерству внутреннихъ дѣлъ на 853,000 руб., по военному на 15.132,000 руб., по морскому на 4.867,000 руб. По остальнымъ министерствамъ или не послѣдовало сокращенія, или, напротивъ того, расходы увеличились. Но хотя по цифрамъ сокращеній, послѣдовавшихъ по военному и морскому министерствамъ, и можно было бы предположить, что комитеты достигли благопріятныхъ результатовъ, однако, на дѣлѣ оказа-

лось, что роспись на 1836 годъ утверждена была вовсе не въ тѣхъ суммахъ, которыя были назначены комитетами, и даже не въ тѣхъ, какія были высочайше приняты, а по тѣмъ министерствамъ, гдѣ назначены были сокращенія, ровно никакихъ сокращеній не послѣдовало. Такъ, министерству иностранныхъ дѣлъ, вмѣсто 5.326,000 р., назначено было 5.348,000 руб.; министерству внутреннихъ дѣлъ, вмѣсто 15.046,000 руб., назначено 22.082,000 руб.; министерству военному, вмѣсто 198.275,000 руб., 198.422,000 руб., а на чрезвычайные расходы 12.000,000 руб.; морскому министерству, вмѣсто 31.900,000 руб., 35.921,000 руб. Въ общихъ своихъ результатахъ, роспись расходовъ 1835 года равнялась 485.065,000 руб., нормальная смѣта Канкрина составляла 450.200,000 руб., а роспись расходовъ на 1836 годъ утверждена была въ 508.726,000 руб.

Императоръ Николай Павловичъ принималъ въ дѣлѣ сокращенія расходовъ живѣйшее участіе, какъ это видно изъ собственноручныхъ его отмѣтокъ на отчетахъ, представленныхъ комитетами. Эти отмѣтки, характеристичныя сами по себѣ, не допускаютъ сомнѣнія въ его стремленіяхъ къ той же цѣли, которую преслѣдовалъ Канкринъ, но, не смотря на то, всѣ усилія императора и его министра финансовъ окончились ничтожными результатами.

По вышеприведенному мнѣнію графа Мордвинова, исправленіе нашихъ финансовъ поставлено было имъ въ зависимость отъ воли правительства, твердой, неизмѣнной и постоянной въ исполненіи. Такой воли слишкомъ достаточно было у императора Николая I, но и она не совладала съ роковымъ стремленіемъ русскихъ финансовъ къ дефицитамъ, начавшимся съ послѣдней трети царствованія Екатерины II.

IV.

Къ числу добросовѣстныхъ историческихъ изслѣдованій по финансамъ Россіи должно отнести и трудъ И. С. Блioха: «Финансы Россіи XIX столѣтія. — Исторія. — Статистика» (въ четырехъ томахъ). Наиболѣе цѣннымъ вкладомъ въ нашу литературу изъ этого труда оказывается историческое изложеніе финансовъ Россіи, съ ихъ оправдательными документами, начиная съ царствованія императора Николая. Историческій очеркъ устройства государственнаго финансоваго управленія до XIX столѣтія, а также финансы при императорѣ Александрѣ I, изложены авторомъ уже по извѣстнымъ въ нашей литературѣ источникамъ. Судьбы же нашихъ финансовъ съ 1825 года до восшествія на престолъ императора Александра Александровича составили самостоятельный трудъ автора, на основаніи свѣдѣній, заимствованныхъ имъ изъ архивовъ министерства финансовъ и государственнаго совѣта и изъ отчетовъ государственнаго контроля. Въ этомъ отношеніи автору послужило немалою

помощью то обстоятельство, что, съ начала царствованія императора Николая Павловича, даже со вступленія въ министры финансовъ графа Канкрина, въ архивахъ сталъ накопляться болѣе полный и приведенный въ систему матеріалъ, въ формѣ ежегодныхъ отчетовъ министерства финансовъ. Отчеты государственнаго контроля, которые стали появляться съ 1866 года, еще болѣе облегчили задачу автора.

Изложеніе финансовъ Россіи съ царствованія императора Николая I непосредственно по источникамъ составляетъ главное, несомнѣнное достоинство труда г. Бліоха. Такой пріемъ для историческаго сочиненія самый вѣрный. Онъ даетъ большую самостоятельность труду, который, съ тѣмъ вмѣстѣ, оказывается и полезнѣе, потому что обогащаетъ наши знанія новыми матеріалами. Въ этомъ отношеніи трудъ г. Бліоха безупреченъ. Въ его «Финансахъ Россіи XIX столѣтія» появились впервые многія данныя, которыя до того были достояніемъ однихъ архивовъ. Жаль, что авторъ еще многое, что онъ могъ извлечь изъ архивовъ, не сообщилъ въ своемъ трудѣ вполнѣ, или даже вовсе не помѣстилъ въ немъ. Подобная скромность съ его стороны, вѣроятно, имѣла свои вѣскія основанія. Можетъ быть, нѣкоторыя свѣдѣнія о нашихъ финансахъ, особенно новѣйшаго времени, было бы еще преждевременно предать гласности; можетъ быть, личныя отношенія автора къ находящимся еще въ живыхъ бывшимъ министрамъ финансовъ, съ которыми онъ былъ лично знакомъ по своимъ желѣзнодорожнымъ предпріятіямъ, побуждали его не выходить за предѣлы скромности и личной признательности.

Но если И. С. Бліохъ воспользовался, на сколько было ему возможно и доступно, архивами государственнаго совѣта, министерства финансовъ и государственнаго контроля для своего труда, то остается только сожалѣть, что для большей его полноты онъ не имѣлъ подъ руками архива военнаго министерства. По страшному гнету, отразившемуся на финансахъ Россіи непомѣрными расходами военнаго вѣдомства, по огромнымъ затратамъ на вооруженіе и на содержаніе боевыхъ силъ, архивы военнаго министерства могли бы доставить автору богатый матеріалъ. При его помощи онъ, можетъ быть, точно и опредѣлительно изслѣдовалъ бы причины, почему, при всѣхъ попыткахъ въ прошлыя царствованія, не смотря на непоколебимыя намѣренія трехъ императоровъ, расходы военнаго вѣдомства не поддавались сокращенію, столь необходимому для избѣжанія ежегодныхъ дефицитовъ. Архивы военнаго министерства дали бы возможность: во-первыхъ, выяснить истинныя причины возростанія смѣтъ военнаго вѣдомства; во-вторыхъ, подробнѣе разъяснить происхожденіе военнаго капитала изъ средствъ государства и, въ-третьихъ, точнѣе изслѣдовать причины скрытія отъ государственнаго совѣта дефицитовъ, при обсужденіи государственной росписи, когда эти

дефициты исключительно происходили отъ чрезмѣрности расходовъ по военному министерству.

Тѣсная связь государственныхъ дефицитовъ Россіи съ расходными смѣтами военнаго министерства можетъ быть изучена въ подробности только по архивнымъ источникамъ послѣдняго. Изученіе этой связи необходимо даже и въ настоящее время, потому что громадные расходы военнаго вѣдомства продолжаютъ поглощать ежегодно около трети всѣхъ доходовъ государства. Сверхъ того, это изученіе представило бы надлежащую оцѣнку двухъ системъ, господствовавшихъ въ разныя эпохи въ военномъ вѣдомствѣ, именно при министрахъ князѣ Чернышевѣ и графѣ Милютинѣ. Первый изъ нихъ былъ продолжительное время военнымъ министромъ при императорѣ Николаѣ I, второй при императорѣ Александрѣ II. Князь Чернышевъ пользовался особымъ довѣріемъ своего государя. Такимъ же довѣріемъ, а, можетъ быть, еще большимъ вліяніемъ на дѣла вообще былъ облеченъ графъ Милютинъ. Между тѣмъ, системы обоихъ министровъ были совершенно противоположныя. Князь Чернышевъ, или, точнѣе, одинъ изъ его главныхъ помощниковъ, статсъ-секретарь Мих. Павл. Позенъ, былъ протекціонистомъ. Въ его время преобладало мнѣніе, что большая армія приноситъ даже пользу государству, потому что своими заказами и потребностями поощряетъ промышленность, торговлю, заводскія и фабричныя производства. Въ времена Чернышева существовали казенныя фабрики всякаго рода, суконныя, лосинныя, даже казенная фабрика офицерскихъ вещей. При министерствѣ графа Милютина всѣ казенныя фабрики военнаго вѣдомства, бывшія даже въ Сибири, были постепенно закрыты. Поставки на армію признаны были принадлежностью частной промышленности. Но съ тѣмъ вмѣстѣ стали дѣлаться огромные заказы оружія, пушекъ, снарядовъ и проч. заграничнымъ заводчикамъ и фабрикантамъ. Въ Соединенные Штаты, Англію, Германію, Бельгію перешли милліоны русскихъ рублей въ уплату на разные предметы для военнаго вѣдомства.

И при системѣ князя Чернышева, и при системѣ графа Милютина финансамъ Россіи было трудно. Въ этомъ отношеніи ни та, ни другая не удовлетворяла требованіямъ государственной экономіи. Ни графъ Канкринъ, ни М. Х. Рейтернъ, ни его преемники, С. А. Грейгъ и А. А. Абаза, не въ состояніи были, не смотря на всѣ ихъ усилія, остановить ежегодное возрастаніе расходовъ на армію. Но нѣтъ сомнѣнія, что изученіе ихъ роста по матеріаламъ, остающимся еще неизданными въ архивахъ, освѣтило бы инымъ образомъ коренныя причины необходимости столь огромныхъ пожертвованій изъ государственнаго достоянія на военное вѣдомство. Въ этомъ отношеніи нельзя не пожалѣть, что И. С. Бліохъ не воспользовался этимъ богатымъ матеріаломъ для полноты своего многоцѣннаго труда.

V.

Во время царствованія первыхъ двухъ императоровъ нынѣшняго столѣтія, однимъ изъ существенныхъ условій, если не благоденствія финансовъ, то возможности лучшаго управленія ими, считалась — тайна. До какой крайности доходилъ графъ Канкринъ въ стремленіи покрывать строгою тайною финансовое дѣло государства, видно изъ слѣдующаго оффиціальнаго документа, поданнаго имъ императору Николаю Павловичу и приводимаго въ трудѣ г. Бліоха дословно: «Дѣйствительный статскій совѣтникъ Арсеньевъ объяснялся съ министромъ финансовъ о доставленіи для его императорскаго высочества государя наслѣдника цесаревича отчетовъ министерства финансовъ, государственныхъ росписей и другихъ нужныхъ бумагъ, дабы его высочество обозрѣніемъ оныхъ могъ предварительно ознакомиться съ финансовою частію, а, вслѣдъ затѣмъ, генералъ-адъютантъ Кавелинъ отнесся къ министру финансовъ объ отдачѣ сихъ бумагъ подъ росписку Арсеньева. Какъ государственныя росписи сохраняются въ тайнѣ, то министръ финансовъ, приготовивъ все нужное, не осмѣливается, однако, приступить къ исполненію столь полезнаго дѣла, не испросивъ предварительно высочайшаго соизволенія вашего императорскаго величества».

А, между тѣмъ, графъ Канкринъ пользовался, благодаря расположенію и довѣрію къ нему императора Николая Павловича, такимъ, можно сказать, всемогуществомъ, какое выпадаетъ на долю немногихъ обыкновенныхъ смертныхъ. Бывшій въ 1850—1857 годахъ министромъ финансовъ, Петръ Ѳедоровичъ Брокъ, однажды разсказывалъ, послѣ доклада у императора:

— «Государь былъ сегодня очень милостивъ. Я желалъ бы,— говорилъ онъ мнѣ:—сдѣлать то-то и то-то, но не знаю, имѣемъ ли мы для этого достаточныя денежныя средства?

«Я отвѣчалъ, что для исполненія воли его величества средства всегда найдутся.

«Государь тогда улыбнулся и сказалъ: «Очень радъ, Брокъ, что я не встрѣчаю въ тебѣ того всегдашняго противорѣчія, къ которому меня пріучилъ Канкринъ. Онъ, бывало, придетъ ко мнѣ въ туфляхъ (графъ Канкринъ страдалъ опухолью ногъ), станетъ грѣть у камина себѣ спину и что бы я ни говорилъ, у него всегда одинъ отвѣтъ: «нельзя, ваше величество, никакъ нельзя».

Дѣло въ томъ, что Канкринъ дѣйствительно отстаивалъ денежныя средства государства съ всевозможною энергіею и не разъ отказывалъ въ деньгахъ императору Николаю, когда, по его мнѣнію, онѣ предназначались на безплодные расходы.

Глубокая тайна государственныхъ росписей сохранялась до обнародованія въ первый разъ бюджета на 1862 годъ. До какой степени необходимость подобной тайны вкоренилась въ умы чиновни-

ковъ министерства финансовъ, лучше всего можно понять изъ разсказа министра финансовъ, М. Х. Рейтерна, относящагося до этой важной мѣры въ исторіи Россіи. Указъ объ обнародованіи государственной росписи былъ отосланъ тому начальнику отдѣленія въ министерствѣ финансовъ, у котораго хранились вообще всѣ росписи, съ предложеніемъ отправить таковой немедленно, вмѣстѣ съ росписью 1862 года, въ сенатскую типографію. Того же дня, вечеромъ, къ М. Х. Рейтерну явился начальникъ отдѣленія, г. Ключаревъ, съ разспросами: не ошибка ли, дѣйствительно ли роспись подлежитъ опубликованію? На утвердительный по этому поводу отвѣтъ министра финансовъ, г. Ключаревъ возразилъ, что «обнародованіе росписи повлечетъ за собою революцію» и что, «не желая быть причастнымъ столь страшному государственному преступленію», онъ подаетъ въ отставку и проситъ немедленно уволить его отъ службы. Заранѣе приготовленное имъ прошеніе объ отставкѣ было передано при этомъ статсъ-секретарю М. Х. Рейтерну. Никакія увѣщанія и разъясненія министра финансовъ не помогли; пришлось поручить опубликованіе росписи другому лицу.

Боязнь революціи, вслѣдствіе гласности въ финансахъ, не разъ побуждала наши финансовыя высшія сферы къ своеобразнымъ мѣропріятіямъ для скрытія дефицитовъ. Изъ многихъ примѣровъ, представляемыхъ исторіею финансовъ Россіи, приведемъ одинъ въ высшей степени характеристическій. На 1850 годъ, вслѣдствіе смѣты военнаго министерства, дошедшей до 98.868,365 руб., оказывался неизбѣжный дефицитъ по росписи въ 38.427,703 руб. Комитетъ финансовъ, указавъ источники для покрытія дефицита, постановилъ слѣдующую резолюцію: «Въ виду того, что дефицитъ по росписи 1849 года, составляющій 28.600,000 руб., былъ послѣдствіемъ необыкновенныхъ обстоятельствъ тогдашняго времени, угрожавшихъ всей Европѣ чрезвычайными событіями, и поэтому не могъ произвести особаго впечатлѣнія въ публикѣ, то комитету финансовъ и не представлялось необходимымъ умолчать о немъ передъ государственнымъ совѣтомъ; но, тѣмъ не менѣе, повтореніе этого дефицита въ 1850 году, и притомъ на 10 милліоновъ руб. болѣе, при невозможности сохранить это дѣло въ совершенной и непроницаемой тайнѣ, когда проектъ будетъ разсматриваемъ въ государственномъ совѣтѣ, можетъ имѣть весьма невыгодныя послѣдствія, тѣмъ болѣе, что въ это время происходятъ переговоры о значительномъ заграничномъ займѣ для окончанія работъ по сооруженію с.-петербургско-московской желѣзной дороги и оглашеніе означеннаго дефицита могло бы повредить государственному кредиту, и если не остановить, то затруднить ходъ заграничнаго займа. По симъ уваженіямъ, комитетъ финансовъ положилъ: представить на усмотрѣніе его императорскаго величества: не благоугодно ли будетъ повелѣть внести въ государ-

ственный совѣтъ проектъ росписи, съ отчисленіемъ на расходы военнаго министерства только оставшихся изъ общей массы обыкновенныхъ доходовъ на покрытіе части смѣты 60.440,662 руб., и вмѣстѣ съ тѣмъ довести до свѣдѣнія совѣта, что расходы военнаго министерства, вслѣдствіе производящихся еще и неоконченныхъ сношеній о томъ, какія суммы дѣйствительно могутъ въ 1850 году поступить къ зачету отъ Австріи, Молдавіи и Валахіи за продовольствіе нашихъ войскъ [1]), не могли быть приведены еще въ положительную извѣстность; на этомъ основаніи, распоряженіе о суммахъ, могущихъ потребоваться, кромѣ назначенныхъ уже для военнаго министерства, по росписи, 60.440,000 руб., должно подлежать дальнѣйшему разрѣшенію, а между тѣмъ, признано нужнымъ не останавливать по этой причинѣ утвержденія расходовъ для прочихъ вѣдомствъ».

Такое положеніе комитета финансовъ удостоилось высочайшаго утвержденія, и въ государственный совѣтъ внесена была государственная роспись, въ которой показано было расходовъ только 202.120,000 руб., а о дефицитѣ въ 38.427,703 р. совершенно было умолчено. Эта роспись, по положенію государственнаго совѣта, и удостоена была затѣмъ высочайшаго утвержденія. Слѣдовательно, тридцать пять лѣтъ тому назадъ находили необходимымъ въ интересахъ государства скрывать истинное положеніе его финансовъ даже отъ такого высшаго учрежденія въ имперіи, каковымъ является у насъ государственный совѣтъ. И такой самообманъ вызывался исключительно непрекращавшимися дефицитами.

VI.

Постоянство дефицитовъ въ финансахъ Россіи и вообще неудовлетворительное ихъ положеніе, не смотря на неуклонныя стремленія ея государственныхъ людей выйдти изъ этого заколдованнаго круга, можетъ быть поставлено въ извѣстной степени въ зависимость отъ условій, среди которыхъ долженъ дѣйствовать министръ финансовъ въ нашей имперіи. Разсматривая причины, почему Канкринъ ничего не могъ сдѣлать для кореннаго улучшенія въ положеніи финансовъ, г. Бліохъ приписываетъ его неудачи всемогуществу бюрократіи и фаворитизму, при господствѣ которыхъ о дѣй-

[1]) Австрія, по договору 21-го мая (2-го іюня) 1851 года, слѣдовательно на 1850 годъ онъ и не имѣлся въ виду, обязалась заплатить за продовольствіе нашихъ войскъ всего 3.683,286 руб., и первая уплата поступила 19-го (31-го) іюля 1851 года въ размѣрѣ 1.150,000 руб. Что касается до Молдавіи и Валахіи, то онѣ по разсчету, сдѣланному въ 1850 году, должны были уплатить всего 3.524,823 руб., но уплаты по этому долгу вовсе не поступило. Слѣдовательно эти суммы не могли покрыть дефицитъ въ 38 милліоновъ.

ствительномъ контролѣ не могло быть и рѣчи, между тѣмъ, какъ властолюбіе и корыстолюбіе вліятельныхъ лицъ дѣлали невозможнымъ какія либо улучшенія. Безусловная реакція противъ преобразовательныхъ стремленій, въ послѣдніе годы царствованія императора Николая, еще болѣе содѣйствовала всемогуществу бюрократіи. При такомъ направленіи даже и подобная свѣтлая личность, какую представлялъ собою графъ Канкринъ, при всемъ личномъ довѣріи, какимъ его удостоивалъ Николай I, при всемъ, казалось бы, ничѣмъ не ограниченномъ могуществѣ, какое предоставлялось довѣренному лицу въ управленіи абсолютномъ, ничего не могла сдѣлать. Наоборотъ, даже такой умный и благонамѣренный человѣкъ, какъ Канкринъ, встрѣчая на каждомъ шагу препятствія, принужденный отказываться отъ своихъ цѣлей и изыскивать все новыя и новыя средства для достиженія именно тѣхъ цѣлей, которымъ онъ сочувствовать не могъ, самъ, наконецъ, долженъ былъ извратиться.

Положеніе министра финансовъ среди такихъ условій, когда опредѣленіе и примѣненіе закона легко и податливо для всякихъ исканій, особенно затруднительно. Ни къ кому эти вліятельныя исканія, постоянно производящія переворотъ во всѣхъ разсчетахъ, не обращаются съ такою настойчивостью, и ничѣмъ неудерживаемою силою, какъ именно къ министру финансовъ. При отсутствіи незыблемой силы закона, регулирующаго государственные расходы, министръ финансовъ постоянно находится какъ бы въ осадѣ. Простираемыя къ нему требованія всегда неограниченны, а между тѣмъ отказы для него далеко не всегда возможны. «Если бы,—пишетъ далѣе г. Бліохъ,—возможно было изслѣдовать истинные мотивы многихъ ссудъ, пособій, льготъ, дѣлавшихся частнымъ лицамъ и промышленнымъ обществамъ, то оказалось бы, что главную роль въ этихъ случаяхъ играло не что либо иное, какъ протекція, т. е. вліяніе тѣхъ или другихъ значительныхъ лицъ. И можно предположить, что въ этомъ отношеніи даже и позднѣйшее введеніе публикаціи росписей и контрольныхъ отчетовъ не измѣнило окончательно всей сущности дѣла.

«До какой степени трудно бываетъ устоять даже противъ массы исканій обыкновенныхъ, т. е. не опирающихся на вліянія лицъ всесильныхъ, это можно было наблюдать на примѣрѣ одного изъ нашихъ министровъ финансовъ, наиболѣе способнаго и искренно преданнаго пользамъ страны [1]). Этотъ государственный дѣятель, человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ безупречный, справедливый и благородный по самой природѣ, пересталъ, наконецъ, кланяться своимъ знакомымъ и принялъ за правило оказывать имъ самый холодный пріемъ: опытъ научилъ его, что, при первомъ проявленіи природ-

---

[1]) Томъ I, стр. 247.

ной его любезности и мягкости, тотчасъ къ нему проявлялись корыстныя требованія».

Дѣйствія и мѣры министра финансовъ парализируются и другими условіями. Они изложены ясно и убѣдительно въ запискѣ бывшаго министра финансовъ, С. А. Грейга, поданной имъ въ концѣ 1878 года. Положеніе финансовъ Россіи въ этомъ году было крайне затруднительно. Уплата процентовъ и погашенія по произведеннымъ займамъ, для удовлетворенія военныхъ потребностей, увеличили ежегодные расходы имперіи только по статьѣ государственнаго кредита на 41.810,000 руб. Сверхъ того, предстояли огромные расходы по реорганизаціи арміи и пополненію запасовъ, а также изъятіе изъ обращенія выпущенныхъ во время войны кредитныхъ билетовъ. Желѣзныя дороги также требовали огромныхъ суммъ для уплаты по гарантіямъ и для приведенія подвижнаго состава ихъ путей, разстроенныхъ во время воинскаго движенія, въ надлежащее состояніе. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, въ концѣ 1878 года, явилась необходимость изыскать новые источники для увеличенія государственныхъ доходовъ. Отыскавъ эти источники, генералъ-адъютантъ Грейгъ съ тѣмъ вмѣстѣ изложилъ въ запискѣ, поданной императору Александру Николаевичу, то ненормальное положеніе, въ которомъ находится въ Россіи удовлетвореніе государственной росписи. Въ этомъ отношеніи записка С. А. Грейга замѣчательна ясностью своего изложенія и точнымъ опредѣленіемъ невозможности для русскаго министра финансовъ сократить расходы. Изъ нея понятно становится, почему усилія въ этомъ направленіи прежнихъ министровъ въ царствованія Александра I и Николая I оказывались безуспѣшными.

«Уменьшеніе расходовъ,—писалъ С. А. Грейгъ,—по силѣ вещей ускользаетъ изъ рукъ министра финансовъ. Въ отношеніи новыхъ расходовъ министръ финансовъ имѣетъ еще голосъ; согласіе его испрашивается по вновь возникающимъ предположеніямъ и противъ такихъ, которыя не вызываются настоятельною надобностью, онъ имѣетъ возможность бороться,—не всегда, впрочемъ, успѣшно.

«Въ отношеніи же расходовъ существующихъ, составляющихъ столь значительную долю смѣтныхъ исчисленій, министръ финансовъ совершенно безсиленъ. Министерство, правда, разсматриваетъ смѣты отдѣльныхъ управленій и представляетъ по нимъ свои замѣчанія государственному совѣту, но замѣчанія эти касаются, преимущественно, небольшихъ сравнительно суммъ и исчисленій, такъ какъ большинство расходовъ основано на штатахъ и постановленіяхъ, до которыхъ министерство финансовъ не можетъ касаться.

«Въ такомъ же положеніи къ смѣтамъ поставленъ и государственный контроль.

«Даже департаментъ государственной экономіи, на разсмотрѣніе котораго поступаютъ всѣ смѣты министерствъ и главныхъ управ-

леній и который подвергаетъ ихъ подробному обсужденію, въ связи съ замѣчаніями министерства финансовъ и государственнаго контроля, находится въ этомъ отношеніи въ положеніи не болѣе выгодномъ. Останавливаясь передъ штатными и другими, имъ подобными, постоянными расходами, департаментъ можетъ производить сокращенія или повѣркою исчисленій на расходы хозяйственные, или же уменьшеніемъ расходовъ временныхъ и единовременныхъ, штатами и постановленіями не опредѣленныхъ. Но въ числѣ этихъ послѣднихъ, обнимающихъ, впрочемъ, по суммѣ незначительную, говоря сравнительно, долю государственнаго бюджета, заключаются расходы на различныя улучшенія и усовершенствованія, такъ что департаментъ, для достиженія равновѣсія въ росписи, вынужденъ обращать свое вниманіе на сокращеніе расходовъ полезныхъ и оставлять въ росписи расходы, польза которыхъ для него сомнительна.

«Съ теченіемъ времени возникаютъ новыя потребности, удовлетвореніе которыхъ требуетъ новыхъ расходовъ, и расходы эти ассигнуются, изъ года въ годъ увеличивая расходный итогъ государственной росписи. Рядомъ съ симъ, многія изъ потребностей прежняго времени теряютъ значеніе при постоянномъ теченіи государственной и народной жизни; онѣ остаются, однако же, попрежнему, бременемъ на государственной казнѣ, или потому, что, съ удержаніемъ ихъ въ смѣтѣ, связаны личные интересы, или потому, что принятіе иниціативы въ подобнаго рода сокращеніяхъ не представляетъ отдѣльнымъ начальникамъ,—занятымъ текущими дѣлами и улучшеніями въ ввѣренныхъ имъ частяхъ,—особенно заманчивыхъ побужденій. Такимъ образомъ предметы этихъ расходовъ продолжаютъ существовать среди новыхъ учрежденій обветшалыми памятниками прежнихъ порядковъ или не вполнѣ удавшихся, но цѣнныхъ, нововведеній.

«Вообще нельзя не сознаться, что наше государственное управленіе и наше государственное хозяйство оказываются одними изъ самыхъ дорогихъ на свѣтѣ.

«Между тѣмъ, уравновѣшеніе росписи, посредствомъ лишь увеличенія доходовъ, представляетъ большія неудобства, въ особенности со стороны нравственной и политической. Время новыхъ налоговъ ложится на народъ и на общество русское, которые, въ виду очевидной необходимости, готовы, безъ особаго ропота, нести это бремя; но при этомъ они естественно ожидаютъ, что, рядомъ съ усиліями для увеличенія доходовъ, правительство сдѣлаетъ усилія и для сокращенія расходовъ. Предлагая обложить народъ, министръ финансовъ не исполнилъ бы своего долга, если бы онъ, въ то же время, не повергъ своихъ соображеній, для достиженія сокращенія въ государственныхъ расходахъ».

Записка С. А. Грейга впервые обнародована въ трудѣ г. Бліоха. Она ясно указала, чѣмъ необходимо пополнить сферу дѣя-

тельности, предоставленной не только министру финансовъ, но и государственному контролеру и департаменту экономіи государственнаго совѣта. Но результатомъ записки было учрежденіе, по указу 1-го января 1879 года, высшей коммиссіи для изысканія средствъ къ сокращенію государственныхъ расходовъ. Эта высшая коммиссія не достигла той цѣли, для чего она была учреждена. Въ этомъ отношеніи эту коммиссію постигла та же участь, какую испытали на своихъ трудахъ подобныя же коммиссіи, учреждавшіяся въ прежнія времена, именно въ 1818, 1822, 1835, 1857 и 1866 годахъ. Это была третья попытка въ царствованіе императора Александра Николаевича, столь же неуспѣшная, какъ и двѣ предшествовавшія.

Учрежденіе подобныхъ комиссій, въ 1857 и 1866 годахъ, вызвано было огромными предстоявшими дефицитами. Въ 1857 году, дефицитъ превышалъ 74.000,000 руб., въ 1866 году 60.600,000 руб. Въ январѣ 1857 года, высочайше повелѣно было, чтобы члены комитета финансовъ сообщили свои мнѣнія о томъ, «какія мѣры могли бы поставить государственные доходы и расходы въ надлежащую соразмѣрность и, вообще, вывести Россію изъ тогдашняго затруднительнаго финансоваго положенія». Въ 1866 году, надъ Россіею разразился жестокій финансовый кризисъ. Огромные ежегодные дефициты, маскируемые всѣми мѣрами и переучитываемые изъ года въ годъ, выразились въ этомъ кризисѣ. Огромные дефициты были послѣдствіемъ непомѣрныхъ расходовъ по военному и морскому министерствамъ. На покрытіе этихъ дефицитовъ шли внутренніе и внѣшніе займы; такъ, напримѣръ, въ 1845 году, общая сумма государственныхъ долговъ составляла 643.827,000 руб., а въ 1866 году дошла до 1.693.962,000 руб., сверхъ безпроцентнаго долга кредитными билетами, который, втеченіе 1845—1866 годовъ, увеличился на 300%. Въ сложности государственные долги, въ этотъ періодъ времени, возростали по 50.000,000 руб. въ годъ. Расходы увеличивались несоразмѣрно съ государственными доходами: первые, въ періодъ 1845 — 1866 годовъ, возросли на 300%, а послѣдніе на 84%, причемъ смѣтные расходы по военному министерству усилились на 87%, а по морскому на 100%.

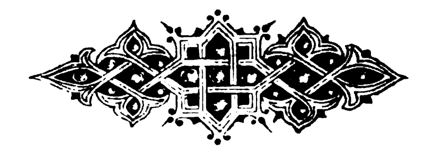
При дворѣ и въ обществѣ послышались голоса, обвинявшіе въ такомъ безотрадномъ положеніи государства тогдашняго министра финансовъ М. Х. Рейтерна.

Чтобы оправдать себя, М. Х. Рейтернъ въ запискѣ, напечатанной спеціально для государя (она была возвращена министру финансовъ съ предписаніемъ «хранить въ глубокой тайнѣ»), смѣло и откровенно изложилъ истинное положеніе государства и причины, вызвавшія его, и тѣ послѣдствія, къ которымъ онѣ должны повести не только въ финансовомъ, но и въ политическомъ отношеніи, если государство будетъ продолжать идти по тому же пути.

Дефицитъ 1866 года въ 60.600,000 руб. и послѣдствія, на которыя указывалъ министръ финансовъ, до того напугали императора Александра Николаевича, что, подъ его личнымъ предсѣдательствомъ, собрался совѣтъ министровъ и обсуждалъ мѣры къ сокращенію расходовъ. Каждый министръ долженъ былъ представить, въ засѣданіе 6-го октября 1866 года, свои соображенія, которыя подверглись подробному разбору. При этомъ случился весьма характерный эпизодъ, обрисовывающій нашу систему финансоваго управленія. Иванъ Матвѣевичъ Толстой (впослѣдствіи графъ), недавно назначенный министромъ почтъ и телеграфовъ, сталъ возражать противъ уменьшенія расходовъ и доказывать невозможность достиженія сбереженій въ своемъ вѣдомствѣ. Онъ не соглашался ни на какіе доводы и на сокращеніе расходовъ выразилъ свое согласіе только тогда, когда со стороны самого государя ему сдѣлано было, въ весьма энергической формѣ, замѣчаніе и дано было приказаніе непремѣнно уменьшить итогъ расходовъ до данной нормы. Но графъ И. М. Толстой былъ въ большой милости у государя и, чтобы доказать свою силу и возстановить пошатнувшійся въ глазахъ другихъ министровъ авторитетъ, при личномъ послѣдующемъ докладѣ государю, выхлопоталъ себѣ разрѣшеніе на новые расходы, не только покрывавшіе сдѣланныя уступки, но и далеко превышавшіе ихъ [1]).

Послѣдствіемъ оставшейся въ тайнѣ записки М. Х. Рейтерна и означеннаго засѣданія совѣта министровъ было разрѣшеніе усиленной постройки желѣзныхъ дорогъ и принятіе цѣлаго ряда мѣръ, поведшихъ къ еще большей задолженности государственнаго казначейства. Всѣ эти мѣры, однако, не отвратили послѣдовательности дефицитовъ, достигшихъ столѣтняго существованія.

Пав. Усовъ.

[1]) Т. II, стр. 140, 141.

БРИТАНСКАЯ ИМПЕРІЯ ВЪ ИНДІИ.

Ъ 1600 ГОДУ, нѣсколько лондонскихъ купцовъ образовали компанію для торговли съ Остъ-Индіею, съ основнымъ капиталомъ въ 80,133 фунт. стерлинговъ, раздѣленнымъ на 100 паевъ или акцій. Королева Елисавета дала компаніи на 15 лѣтъ монопольную привиллегію на торговыя сношенія со всѣми странами къ востоку отъ мыса Доброй Надежды и къ западу отъ Магеланова пролива. Первые два корабля этой компаніи съ разными англійскими товарами вышли изъ Лондона 2-го мая 1601 года въ Остъ-Индію и доставили болѣе 100°/₀ барышей. Слѣдующія торговыя экспедиціи были также очень выгодны. Въ 1615 году, привиллегія компаніи, состоявшей уже изъ 2,000 пайщиковъ съ капиталомъ въ 2.000,000 фунт. стерлинговъ (для того времени капиталъ громадный), была продолжена еще на 15 лѣтъ, по истеченіи которыхъ монополія было пошатнулась: образовалась другая компанія, подъ особымъ покровительствомъ короля Карла I, въ которой участвовали герцогъ Букингэмъ и другія вліятельныя лица. Но въ 1639 году обѣ компаніи соединились въ одну Остъ-индскую торговую компанію, и такимъ образомъ монополія была возстановлена. Дѣла, однакожъ, шли не столь успѣшно; развитію ихъ сильно мѣшали португальцы, которые первые изъ европейцевъ, подъ предводительствомъ своихъ знаменитыхъ адмираловъ Васко-де-Гама, открывшаго морской путь въ Остъ-Индію въ 1498 году, и Альфонса-Альбукерка завладѣли лучшими прибрежными торговыми пунктами Индустана. Только въ 1669 году португальцы уступили англича-

намъ Бомбэй за большую сумму, и компанія начала распространять свои торговыя факторіи въ Бенгаліи. Но въ концѣ XVII столѣтія явилась новая соперница — «Французская компанія восточныхъ Индій» (Compagnie française des Indes orientales), основанная Кольберомъ, которой правительство оказывало пособіе не только деньгами, но и войсками. Французы овладѣли Мадрасомъ и заключили выгодные торговые договоры съ туземными владѣтелями Индустана, въ прямой ущербъ англичанамъ. Колоніальная война, возникнувшая въ 1755 году между Англіею и Франціею, окончилась, однакожъ, весьма невыгодно для французовъ, такъ какъ они должны были уступить англичанамъ Канаду и еще другія колоніи въ Америкѣ, а потомъ и большую часть своихъ владѣній въ Остъ-Индіи, которая получила особенно важное значеніе для Англіи послѣ утраты послѣднею своихъ главныхъ сѣверо-американскихъ колоній, образовавшихъ независимые Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. 6-го іюня 1784 года, первый министръ, знаменитый Уилльямъ Питтъ, внесъ въ парламентъ билль объ устройствѣ и дальнѣйшемъ распространеніи британскихъ владѣній въ Остъ-Индіи (Bill of India).

«Никто, — говорилъ онъ, — не сознаетъ и не чувствуетъ сильнѣе меня всей важности предмета, о которомъ я докладываю палатѣ. Съ какой стороны ни разсматриваю его, я нахожу въ немъ вездѣ самый могущественный интересъ. Я вижу въ немъ благоденствіе и силу моей страны, счастье и безопасность всѣхъ народовъ, подчиненныхъ скиптру Англіи; да, я вижу въ немъ возобновленіе и возстановленіе самой Англіи. Индія всегда имѣла самое существенное значеніе для соединеннаго королевства вліяніемъ своихъ неисчерпаемыхъ богатствъ и тѣмъ могуществомъ, которое она ему сообщаетъ. Но на сколько всѣ эти соображенія усиливаются въ настоящее время недавнею утратою другихъ обширныхъ колоній. Увы! это жестокое расчлененіе, изувѣчившее нашу страну, сдѣлало Индію еще болѣе драгоцѣнною для насъ. Индія сдѣлалась теперь для Англіи главнѣйшимъ условіемъ всего могущества и величія, всего ея настоящаго и будущаго политическаго значенія, какъ великой міровой державы».

Подробно изложивъ всѣ громадныя выгоды, которыя доставитъ англійской промышленности и торговлѣ принятіе внесеннаго имъ билля объ Индіи, Питтъ закончилъ рѣчь свою слѣдующими словами:

«Какое воображеніе могло бы начертать предѣлы развитія нашихъ національныхъ богатствъ, нашей промышленной производительности и торговли! Пока будетъ существовать хотя одинъ предметъ искусства и промышленности, пока останется хотя единый уголокъ земли, способный къ улучшенію своего положенія, или откроется хотя какой нибудь, даже самый ничтожный, иностранный рынокъ, — наша система накопленія національнаго богатства будетъ уже тамъ, чтобы эксплоатировать ихъ. Эта сила проникнетъ еще

далѣе и глубже, и сами иностранныя государства, облагодѣтельствованныя торговыми сношеніями, которыя мы будемъ вести съ ними, найдутъ въ ней обильный источникъ для своего собственного преуспѣянія. Первыя насущныя потребности странъ, едва выходящихъ изъ первобытнаго варварства, равно какъ и требованія послѣдней роскоши и самаго утонченнаго вкуса — все будетъ служить намъ орудіемъ для накопленія нашихъ національныхъ богатствъ. И наша промышленность и наша торговля будутъ собирать золото по всему земному шару и со всѣхъ нуждъ и потребностей, начиная отъ самыхъ ничтожныхъ и первонасущныхъ, до самыхъ роскошныхъ и прихотливыхъ, потому наша національная система сдѣлаетъ всѣ потребности и повсюду нашими покорными данниками. И только слѣдуя постоянно и неуклонно этимъ національнымъ принципамъ, Англія, не смотря ни на какія, самыя тяжелыя перемѣны обстоятельствъ, не смотря даже на паденіе цѣлыхъ имперій, съумѣетъ всегда и вездѣ поддержать и распространить для пользы своей торговли и промышленности эту великую систему дѣйствительнаго національнаго прогресса и, позволю себѣ прибавить, систему мирнаго и міроваго преобладанія».

Вотъ основныя начала и цѣли «системы накопленія національныхъ богатствъ» и возстановленія могущества Англіи, которую вводилъ Питтъ и которую онъ заповѣдалъ всѣмъ своимъ преемникамъ, указывая на Индію, какъ на обѣтованную страну, въ которой эти исключительно національныя эгоистическія начала и цѣли должны были найдти свое обильное оплодотвореніе и богатое, роскошное осуществленіе...

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ, въ Стокгольмѣ вышло сочиненіе: «Политическая и статистическая картина Британской имперіи въ Индіи. Изслѣдованіе вѣроятностей ея продолжительности и средствъ обороны, въ случаѣ внѣшняго нападенія», написанное графомъ Біорнстіерна, бывшимъ шведскимъ военнымъ министромъ, потомъ шведскимъ посланникомъ при лондонскомъ дворѣ. Эта книга была тотчасъ же переведена на англійскій, нѣмецкій и французскій языки, и на англійскомъ языкѣ имѣла шесть изданій втеченіе четырехъ лѣтъ (1837—1841 г.), что достаточно показываетъ, какое значеніе и распространеніе она получила въ Англіи. Авторъ ея, извѣстный военный писатель, впродолженіе своего десятилѣтняго пребыванія въ Лондонѣ находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ ко многимъ англійскимъ государственнымъ людямъ и къ директорамъ остъ-индской компаніи, что̀ доставило ему полную возможность собрать цѣлую массу свѣдѣній о тогдашнемъ положеніи британскихъ остъ-индскихъ владѣній, хотя, конечно, исключительно только изъ англійскихъ источниковъ. Онъ выставляетъ британское владычество въ Индіи въ самомъ благопріятномъ видѣ и предсказы-

ваетъ ему долговѣчную, успѣшную будущность «на благо туземному населенію и всему человѣчеству». Извѣстные англійскіе историки Индіи Эльфинстонъ [1]) и Джемсъ Миллъ [2]) говорятъ, что «графъ Біорнстіерна былъ первымъ изъ иностранныхъ писателей, который ознакомилъ Европу съ цвѣтущимъ состояніемъ англійскихъ остъ-индскихъ владѣній и съ благотворнымъ просвѣтительнымъ вліяніемъ Англіи на туземное населеніе. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ указалъ и на нѣкоторыя упущенія со стороны остъ-индской компаніи и, главное, онъ первый, съ необыкновенною основательностью и полнымъ знаніемъ дѣла, разсмотрѣлъ всѣ политическіе и стратегическіе шансы различныхъ проектовъ внѣшняго нашествія на Индію и ея оборонительныя средства. Заключительные выводы достопочтеннаго и ученаго автора во всѣхъ этихъ отношеніяхъ совершенно успокоиваютъ насъ въ настоящее время, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и предостерегаютъ относительно возможнаго будущаго».

Этимъ изслѣдованіямъ графъ Біорнстіерна посвящаетъ всю 18-ю главу своего сочиненія, и мы ознакомимъ читателей съ тѣмъ, что онъ говоритъ въ данномъ случаѣ о Россіи. Мы приводимъ слова автора по имѣющемуся у насъ французскому переводу г. Пети де-Баронкура: «Tableau politique et statistique de l'Empire Britannique dans l'Inde. Examen des probabilitées de sa durée et des ses moyens de défense en cas d'invasion. Par le gênèral comte de Biornstierna, ancien ministre de la guerre, envoyé extraordinaire à la cour de Londres. Traduit, avec notes et un supplément historique, par M. Petit de Baroncourt. 2-me édit. Paris. 1842» [3]).

Указавъ всѣ возможныя выгоды сухопутной естественной границы Индіи въ стратегическомъ отношеніи и описавъ политическое положеніе ближайшихъ къ ней средне-азіатскихъ владѣній Афганистана, Хивы, Бухары и Персіи и др., авторъ продолжаетъ: «это обозрѣніе, хотя и очень поверхностное, средне-азіатскихъ государствъ вполнѣ достаточно, чтобъ доказать, что ни одно изъ нихъ, въ отдѣльности, не въ состояніи предпринять что нибудь серьезное противъ Индіи, а бояться коалиціи ихъ, въ виду разъединяющей эти страны религіозной и политической ненависти, рѣшительно нéчего. Поэтому остается обратиться на сѣверъ отъ этихъ странъ, къ единственному государству, которое дѣйствительно можетъ возбуждать извѣстное опасеніе насчетъ хотя нѣсколько серьёзнаго предпріятія въ данномъ случаѣ. Это государство, конечно, Россія. Могущественный монархъ (Николай I), съ такою энергіею держащій кормило этой обширной имперіи, восторжествовалъ уже надъ

---

[1]) «The History of India» by Elphinstone, 2 vol. London. 1852.

[2]) «The History of Britisch India», by James Mill. 9 vol. London. 1858—1864.

[3]) Русскій переводъ этого сочиненія былъ изданъ купцомъ Голубковымъ подъ названіемъ «Британская имперія въ Индіи». Спб. 1842 г.

всѣми бурями, которыя поднимались одна за другою, начиная съ самаго вступленія его на престолъ. Едва онъ успѣлъ уничтожить въ своей собственной странѣ гидру революціи, какъ началась война съ Персіею, и менѣе чѣмъ въ годъ русскіе орлы парили уже надъ берегами Аракса и вершиною библейскаго Арарата. Вслѣдъ за нею турецкая война кончилась въ Адріанополѣ, по ту сторону Балкановъ, считавшихся до того,—неизвѣстно, впрочемъ, почему,—неприступною преградою. Эта война доставила Россіи полное обладаніе Чернымъ моремъ и устьями Дуная. Начавшаяся вскорѣ война съ Польшею окончилась въ Варшавѣ, подвинувъ границы имперіи до Одера къ самому сердцу Европы. Турецко-египетское столкновеніе имѣло слѣдствіемъ открытіе русскому флоту Босфора и Дарданеллъ, которые остаются запертыми для военныхъ судовъ всѣхъ другихъ націй. Такимъ образомъ, умѣлое и своевременное дружеское содѣйствіе привело, подобно успѣшной войнѣ, если не къ новому расширенію границъ имперіи, то, по крайней мѣрѣ, къ усиленію ихъ, и выдвинуло значительно впередъ ея грозный операціонный базисъ. Всѣ эти чудеса, совершенныя мудрымъ царемъ-героемъ, возвысили политическое могущество и вліяніе Россіи до такой степени, что то, что̀ прежде казалось немыслимымъ—военная экспедиція въ Индію—вошло теперь въ область возможнаго. Поэтому необходимо изслѣдовать съ этой новой точки зрѣнія положеніе дѣлъ въ Средней Азіи».

Мы пропускаемъ все, что̀ говоритъ авторъ о прежнихъ планахъ противъ Индіи—о посылкѣ Петромъ Великимъ князя Бековича Черкасскаго, проектахъ Потемкина, представленныхъ императрицѣ Екатеринѣ II, и о предположеніяхъ императора Павла I, когда средне-азіатскія владѣнія были еще совершенно неизвѣстны и когда «политическое положеніе Индіи», по словамъ Біорнстіерна, даже царство великаго Могола, не представляло такого сплоченнаго могущественнаго цѣлаго, какъ владѣнія остъ-индской компаніи, охраняемыя, будто бы, «стройною 200 тысячною арміею, вооруженною, обученною и дисциплинированною совершенно на европейскій ладъ»,—все это въ наше время не имѣетъ уже никакого практическаго значенія,—и переходимъ прямо къ соображеніямъ автора относительно «сѣвернаго пути», черезъ средне-азіатскія владѣнія въ Остъ-Индію.

«Мы изслѣдуемъ теперь,—говоритъ онъ,—тѣ шансы, которые представляетъ путь въ Индію, идущій по долинѣ Оксуса (Аму-Дарьи), черезъ Гиндукушъ и Кабулъ. Это есть тотъ самый путь, который указывается генераломъ Эуенсомъ (Ewans) въ его сочиненіи «Планы Россіи», какъ наиболѣе удобный для русскаго войска».

Подробно описавъ этотъ путь по тремъ дорогамъ изъ Оренбурга на Хиву, Ташкентъ и Бухару, по теченію Оксуса, черезъ

Гиндукушъ и Кабулъ въ Индію, и разсмотрѣвъ всѣ естественныя затрудненія этого пути, авторъ продолжаетъ:

«Но, кромѣ страшныхъ естественныхъ преградъ, русская армія, желающая проникнуть по теченію Оксуса, черезъ Гиндукушъ, въ Индію, встрѣтитъ еще политическія препятствія, которыя слѣдуетъ имѣть въ виду, потому, что они едва ли не важнѣе первыхъ. Дѣйствительно, подобное нашествіе должно необходимо предполагать предварительное подчиненіе Россіи всѣхъ промежуточныхъ владѣній, потому, что Хива и Бухара не только не согласятся добровольно содѣйствовать русскимъ, но, считая ихъ своими природными врагами, употреблять всѣ мѣры и старанія уничтожить русскую армію. Слѣдовательно Россія должна была бы предварительно совершить одну кампанію для покоренія Хивы, вторую — для завоеванія Бухары и Туркестана и третью — чтобъ утвердиться въ странѣ Кондузовъ. Такимъ образомъ, только въ четвертую кампанію Россія могла бы проникнуть чрезъ Гиндукушъ въ Кабулъ [1]).

Далѣе Біорнстіерна, еще съ бо̀льшими подробностями, разсматриваетъ дорогу черезъ персидскія владѣнія—Хорасанъ на Гератъ и Кандагаръ, и приходитъ къ слѣдующему замѣчательному заключенію:

«Такимъ образомъ, Британской имперіи въ Индіи нечего опасаться нашествія иностранныхъ армій, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока порядокъ, спокойствіе и довольство царствуютъ внутри ея; но еслибъ, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, это спокойствіе было нарушено какими нибудь непріязненными столкновеніями, то только въ такомъ случаѣ попытки иностранныхъ соперниковъ могли бы сдѣлаться опасными и даже гибельными для Британской имперіи въ Индіи. Средства для возбужденія подобныхъ внутреннихъ столкновеній должны были бы заключаться въ послѣдовательномъ покореніи всѣхъ небольшихъ промежуточныхъ государствъ, или въ мудрой политикѣ привлеченія ихъ на свою сторону, въ усиленіи ихъ естественнаго нерасположенія къ остъ-индской компаніи, въ организованіи ихъ войска на европейскій ладъ и въ направленіи ихъ движенія противъ

[1]) Не можемъ не вспомнить здѣсь объ экспедиціи Перовскаго, оренбургскаго генералъ-губернатора, въ средне-азіатскія степи зимою 1839 года. Герцогъ Уэллингтонъ, считавшійся за Ватерлоо первымъ военнымъ авторитетомъ своего времени и котораго очень уважалъ императоръ Николай I, пріѣзжалъ къ намъ въ 1838 году и далъ «кстати» остроумный совѣтъ за зимнюю экспедицію, такъ какъ въ безводныхъ степяхъ будетъ снѣгъ и, значитъ, вода. Это «значитъ» подразумѣвало запасъ дровъ для таянія снѣга, а такой запасъ требовалъ массы верблюдовъ—до 2,500 головъ. Нашъ отрядъ, такъ сказать, везъ при себѣ воду въ видѣ дровъ. Результатъ этой экспедиціи извѣстенъ: почти весь обозъ и треть отряда остались въ пустынѣ. (Россія и Англія въ борьбѣ за рынки». М. А Терентьева. Спб. 1876).

Индіи именно въ самый удачный моментъ для осуществленія столь хорошо обдуманнаго и задолго приготовленнаго плана, т. е. надо было бы съумѣть, безъ явнаго разрыва съ Англіею, пользоваться всѣми удобными случаями и средствами для нанесенія ей вреда.

«Но какъ долго Англія терпѣла бы подобныя тайныя козни? Это, конечно, зависѣло бы прежде всего отъ ея внутренняго состоянія, отъ предпріимчивости, энергіи и нравственнаго авторитета управляющихъ судьбами ея министровъ. Это зависѣло бы, сверхъ того, отъ большинства, которое съумѣли бы министры пріобрѣсти себѣ въ парламентѣ и которое не только не парализовало бы ихъ намѣреній, но позволило бы министерству перейдти изъ сферы словъ и рѣчей въ область фактовъ и дѣйствій.

«Поэтому-то, подобныя предпріятія въ Средней Азіи представляютъ большую опасность для спокойствія Европы, потому что они обращаютъ эту страну, стоящую до сихъ поръ внѣ всякихъ европейскихъ столкновеній, въ обширную арену, на которой могутъ встрѣтиться великіе интересы двухъ самыхъ могущественнѣйшихъ государствъ на сушѣ и на морѣ, такъ что, еслибъ даже между ними еще и не произошло никакого матеріальнаго столкновенія, то одна вѣроятность такого столкновенія могла бы зажечь всеобщую міровую войну. Такая война, въ виду сильныхъ революціонныхъ страстей, волнующихъ теперь Европу, была бы тѣмъ продолжительнѣе и жесточе, что она могла бы перейдти изъ области матеріальныхъ интересовъ въ сферу политическихъ и соціальныхъ принциповъ—самую опасную изъ всѣхъ»[1]).

«Да позволено мнѣ будетъ присовокупить къ вышесказанному еще слѣдующее: то, что могущественная Англія основала и установила на азіатскомъ континентѣ, можетъ быть поддержано и утверждено только правосудіемъ и мудростію, опирающимися на сильную армію.

«Взглядъ, который мы здѣсь изложили на одинъ изъ самыхъ важныхъ политическихъ вопросовъ, предстоящихъ разрѣшенію, на-

---

[1]) Французскій переводчикъ дѣлаетъ къ этому слѣдующее любопытное примѣчаніе: «Авторъ уже слишкомъ старается украсить свою картину англійскаго владычества. Угрожать Россіи политическою пропагандою, да еще со стороны морской державы, которая не можетъ даже сдѣлать высадки въ имперіи, по меньшей мѣрѣ странно. Если же авторъ подразумѣваетъ здѣсь сосѣднія державы — Австрію и Пруссію, то едва ли будетъ въ ихъ интересахъ распространять революціонныя идеи въ Россіи. Что же касается Франціи, то, не смотря на тучи, нѣсколько помрачившія ея отношенія къ Россіи, она никогда не станетъ содѣйствовать предпріятіямъ Англіи, которыя сдѣлали бы британское всемогущество еще болѣе нестерпимымъ». Послѣдующія событія доказали, однакожъ, полную основательность и справедливость необыкновенно прозорливыхъ соображеній Біорнстіерна. Въ Крымской войнѣ Франція дѣйствовала за одно съ Англіей противъ Россіи. Что же касается «революціонной пропаганды», то въ настоящее время едва ли можетъ быть хотя малѣйшее сомнѣніе, что исходный пунктъ и главное убѣжище ея находятся въ Лондонѣ.

ходитъ себѣ лучшее подтвержденіе въ донесеніи, представленномъ, въ 1830 году, остъ-индской компаніи знаменитымъ воиномъ и писателемъ, Джономъ Мэкольмомъ (John Macolm), которое оканчивается слѣдующими словами:

«Нельзя предположить, чтобъ петербургскій дворъ рѣшился на крайне рискованное предпріятіе съ завоевательными цѣлями на Востокѣ, если только вы сами не вынудите его къ тому вашею недовѣрчивою, мелочно-придирчивою и раздражительною политикою».

Дж. Кэй, приведя эти слова Мэкольма въ своемъ сочиненіи: «Правленіе Остъ-индской Компаніи» [1]), прибавляетъ:

«Мы тоже никакъ не думаемъ, чтобы Россія когда нибудь возъимѣла завоевательные планы на британскую Индію, потому что считаемъ это просто безуміемъ. Но мы признаемъ вполнѣ возможнымъ и вѣроятнымъ, что русское правительство будетъ вынуждено, для охраны своихъ подданныхъ и своей торговли, покорить раздѣляющія насъ средне-азіатскія орды и, такимъ образомъ, Россія сдѣлается нашею сосѣдкою въ Азіи. Когда это совершится—предсказать трудно, но мы должны быть готовы къ такой встрѣчѣ, и мы будемъ готовы, если, отказавшись отъ нашей своекорыстной политики, постараемся утвердить наше владычество въ Индіи справедливостью, просвѣщеніемъ и вообще улучшеніемъ бѣдственнаго нравственнаго и матеріальнаго положенія туземнаго населенія».

Итакъ вопросъ о возможности столкновенія въ Средней Азіи двухъ величайшихъ государствъ міра—Англіи и России предвидѣлся и весьма серьезно и подробно обсуждался почти полвѣка тому назадъ, по имѣвшимся тогда географическимъ и политическимъ даннымъ, съ указаніемъ всѣхъ его опасныхъ послѣдствій. Приведенная выписка изъ книги графа Біорнстіерна представляетъ цѣлую программу этого вопроса, первая половина которой, считавшаяся самимъ авторомъ почти не осуществимою, уже выполнена Россіею въ послѣднія двадцать лѣтъ. Но не изъ тщеславныхъ завоевательныхъ замысловъ, не изъ алчнаго, ненасытнаго желанія увеличивать свои и безъ того необъятныя владѣнія, а ради необходимой охраны и обезпеченія своихъ мирныхъ подданныхъ и торговли ихъ отъ нескончаемыхъ, безпрерывныхъ хищническихъ нападеній и грабежей, производимыхъ полудикими средне-азіатскими ордами—какъ совершенно вѣрно предсказалъ Джемсъ Кэй—Россія вынуждена была выдвинуть свои побѣдоносныя войска въ предѣлы

---

[1]) «The administration of the East-India Company» by J. W. Kaye. London. 1852 года. 20-го августа 1853 года компанія получила новую «хартію для лучшаго управленія владѣніями ея величества королевы въ Индіи» (The E.-I. Company Charter, 1853).

Средней Азіи, въ три кампаніи покорила Туркестанъ, Хиву и Коканъ; затѣмъ въ послѣдніе четыре года заняла Закаспійскій край, подчинивъ себѣ ахалтекинцевъ и Мервъ, и такимъ образомъ съ двухъ сторонъ—сѣвера и запада—приблизилась къ границамъ заповѣдной британской Индіи.

Но готова ли Англія къ встрѣчѣ своей новой могущественной сосѣдки въ Азіи? Выходитъ, что не готова, потому что иначе зачѣмъ бы ей теперь приходить въ такой трепетъ и ужасъ и поднимать всю эту комически-трагическую исторію изъ-за Герата? Если бы британское владычество въ Индіи уже было прочно утверждено «правосудіемъ, мудростью, опирающимися на сильную армію»; если бы Англія, оставивъ свою исключительно своекорыстную «систему накопленія національныхъ богатствъ», привязала къ себѣ туземныхъ властителей и все туземное населеніе справедливостью, распространеніемъ просвѣщенія и человѣколюбивымъ управленіемъ, то зачѣмъ бы ей теперь такъ опасаться и страшиться приближенія Россіи къ Индіи? Вѣдь Гладстонъ, нашъ прославленный либеральный и гуманный другъ и пріятель, Грэнвиль и все либеральное министерство, и всѣ просвѣщенные парламентскіе ораторы отлично знаютъ, что Россія не имѣетъ никакихъ завоевательныхъ плановъ на британскую Индію и ужъ никакъ не станетъ бунтовать туземное населеніе и возбуждать его къ возстанію противъ законнаго правительства индійской императрицы, а, напротивъ того, пріобрѣтя твердую границу своимъ невольнымъ новымъ завоеваніямъ, прекратитъ безпрестанные набѣги различныхъ мѣстныхъ хищниковъ и водворитъ законный порядокъ и спокойствіе даже на самыхъ границахъ британской Индіи, чего до сихъ поръ никакъ не могло достигнуть англійское правительство ни деньгами, ни войсками...

Британскія остъ-индскія владѣнія, вмѣстѣ съ островомъ Цейлономъ, занимаютъ обширное пространство, болѣе чѣмъ въ 70,000 квадратныхъ миль съ 245.000,000 жителей, и раздѣляются на собственныя или непосредственныя коронныя владѣнія (до 45,000 квадратныхъ миль съ 195.000,000 жителей) и посредственныя васальныя владѣнія (до 25,000 квадратныхъ миль съ 50.000,000 жителей), находящіяся въ троякой зависимости отъ Англіи: 1) союзныя владѣнія, въ которыхъ англійское правительство содержитъ постоянное войско, получая за это опредѣленную ежегодную плату; 2) владѣнія, платящія опредѣленную ежегодную дань и которыя Англія обязана защищать въ случаѣ войны, и 3) владѣнія, не платящія дани и имѣющія право содержать свои войска въ опредѣленномъ англійскимъ правительствомъ числѣ. Но всѣ эти владѣнія не имѣютъ ни правъ войны и мира, ни дипломатическихъ сношеній. Около 4/5 всего населенія страны составляютъ индусы, почти всѣ

исповѣдающіе браминскую религію; мусульманъ до 40 милліоновъ; они населяютъ преимущественно сѣверныя области Индустана. Богатство и разнообразіе естественныхъ произведеній Остъ-Индіи извѣстно съ древнѣйшихъ временъ. Главныя произведенія: рисъ, разводимый по всему Индустану, но преимущественно въ Пенджабѣ и Бенгаліи, какъ и пшеница, хлопчатая бумага, шелкъ, макъ (опіумъ), кофе, чай, сахаръ, табакъ; пряныя растенія: корица, гвоздика, мускатъ, перецъ; красильныя вещества, особенно индиго; драгоцѣнные камни: алмазы, топазы, сапфиры, рубины, смарагды, аметисты и пр. Вся торговля, исключая незначительной караванной на сѣверѣ,—морская и находится почти исключительно въ рукахъ англичанъ. Главные торговые пункты: Калькутта (столица съ 680,000 жителей), Бомбэй, Мадрасъ и Голконда; привозъ товаровъ съ 1881—1882 году былъ до 406 милліоновъ металлическихъ рублей, вывозъ до 523/2 милліоновъ металлическихъ рублей. Доходы въ 1883—1884 году — 428 милліона металлическихъ рублей. Желѣзныхъ дорогъ на 14,350 верстъ, телеграфныхъ линій на 28,700 верстъ. Число регулярныхъ войскъ:

	Туземцы (Сипаи)	Англичане.	Всего.
Пѣхота	102,500 чел.	45,900 чел.	148,400 чел.
Кавалерія	22,250 »	3,620 »	25,870 »
Артиллерія и инженеры . .	2,952 »	10,510 »	13,462 »
Офицеровъ	— »	3,990 »	3,990 »
Итого . .	127,702 чел.	64,020 чел.	191,722 чел.

Туземной милиціи для исполненія полицейскихъ обязанностей	до 154,000 чел.
Войскъ у мѣстныхъ владѣтелей	» 280,000 »
Всего	625,722 чел.

Регулярныя войска образуютъ три отдѣльныя арміи, состоящія, однакожъ, подъ высшимъ начальствомъ одного главнокомандующаго бенгальскою арміею. Обязательной воинской повинности не существуетъ, а туземныя войска (сипаи) вербуются, какъ и въ Англіи. До возстанія сипаевъ въ 1857 году оберъ-офицерами могли быть и туземцы, но теперь всѣ офицеры—англичане. Столь незначительное регулярное войско, съ нашей континентально-европейской точки зрѣнія, могло бы еще считаться достаточнымъ для охраны внутренняго спокойствія и для внѣшней защиты страны, занимающей болѣе 70,000 кв. миль съ 245,000,000 населеніемъ, но только въ томъ случаѣ, еслибъ все это громадное туземное населеніе было дѣйствительно и безусловно предано британскому правительству и до тѣхъ поръ, пока сухопутными сосѣдями Остъ-Индіи были полудикіе народы, раздѣленные между собою и политическими, и религіозными

распрями [1]). Сверхъ того, при своей незначительности, остъ-индское регулярное войско только на ¹/₃ состоитъ изъ англичанъ, а что на преданность и воинскую дисциплину сипаевъ можно разсчитывать только до поры, до времени—это достаточно показало страшное возстаніе ихъ въ Бенгаліи въ 1857 году, едва не сокрушившее британскаго владычества въ Индіи.

До этого возстанія всѣми британскими владѣніями въ Индіи управляла остъ-индская компанія, но со 2-го августа 1858 года, эти владѣнія подчинены непосредственно коронѣ, и во главѣ управленіями ими стоитъ вице-король, генералъ-губернаторъ всей Британской Индіи, назначаемый императрицею Индіи, королевою Великобританіи, въ качествѣ намѣстника ея величества. Въ Лондонѣ остъ-индскими дѣлами завѣдываетъ особый статсъ-секретарь (министръ) и состоящій при немъ совѣтъ изъ 18 членовъ. Высшее правительственное учрежденіе въ Индіи состоитъ подъ предсѣдательствомъ вице-короля, изъ губернаторовъ трехъ другихъ президенствъ: мадрасскаго, бомбейскаго и калькутскаго, верховнаго судьи и главнокомандующаго войсками. Бенгалія, сѣверныя провинціи, Удъ, Пенджабъ и Бирманія имѣютъ вице-губернаторовъ, а центральными провинціями управляютъ главные коммиссіонеры (Chief Commissioners). Нѣкоторые округа, какъ, напр., Гайдерабадскій и Мейсорскій, зависятъ непосредственно отъ вице-короля. Индійскіе раджи (князья) обязаны ежегодно являться въ назначенное время, на аудіенцію къ вице-королю, въ его мѣстопребываніе Калькутту.

Каждое президентство и провинція раздѣляются на округà, которыми управляютъ генеральные сборщики податей, имѣющіе, каждый, по одному помощнику. Прочіе гражданскіе чиновники въ округахъ—апелляціонный судья и его помощникъ, судьи первой инстанціи, директоръ работъ и начальникъ полиціи. Всѣ эти чиновники—англичане; служащіе же въ канцеляріи—индійцы.

Содержанія чиновниковъ громадны: вице-король получаетъ 150,000 рублей въ годъ и имѣетъ еще значительную сумму въ своемъ безотчетномъ распоряженіи; губернаторы президентствъ—не менѣе 80,000 руб.; вице-губернаторы, генеральные сборщики и апелляціонные судьи отъ 50,000 до 75,000 руб., смотря по значенію провинціи и округа. Ни одинъ изъ прочихъ чиновниковъ-англичанъ не получаютъ менѣе 6,000 — 8,000 руб. въ годъ жалованья, которое, послѣ шестилѣтней службы, возвышается до 8,000 — 10,000 руб. Содержаніе канцелярскихъ и другихъ мелкихъ чиновниковъ изъ туземцевъ сравнительно крайне ничтожно.

---

[1]) Какъ слабы военныя силы Англіи даже въ отношеніи полудикихъ сосѣдей Индіи, показываетъ уже одно то, что она не можетъ своими войсками остановить хищническихъ набѣговъ пограничныхъ афганцевъ и для этого должна постоянно ухаживать за афганскимъ эмиромъ и выдавать ему значительное ежегодное денежное содержаніе.

Вообще система англійской администраціи и суда вовсе не основывается на цѣлой арміи чиновниковъ, высшихъ и низшихъ, наблюдающихъ другъ за другомъ, что̀ обыкновенно оканчивается тѣмъ, что всѣ чиновники, наблюдающіе и наблюдаемые, дѣйствуютъ за одно и покрываютъ другъ друга. Напротивъ, англійское правительство руководствуется въ этомъ отношеніи, какъ у себя дома, такъ и въ Индіи и во всѣхъ своихъ многочисленныхъ колоніальныхъ владѣніяхъ, совершенно вѣрными практическими правилами: держать возможно меньше чиновниковъ, но назначать имъ большее содержаніе, чтобы они дорожили своими мѣстами. Вмѣстѣ съ этимъ оно избѣгаетъ и того административнаго недостатка, который присущъ всѣмъ континентальнымъ европейскимъ государствамъ, именно многочисленной бумажно-дѣловой бюрократіи, которая только разводитъ и затягиваетъ дѣла и сто̀итъ государству страшно дорого, причемъ каждый отдѣльный служащій получаетъ весьма ничтожное казенное содержаніе. Но при такомъ правильномъ исходномъ основаніи въ своемъ устройствѣ, британская администрація и юстиція въ Индіи постоянно обвинялись и обвиняются не только иностранными, но и англійскими писателями въ жестокихъ злоупотребленіяхъ.

«Первое и самое главное и страшное для будущаго зло, — говоритъ Жансиньи въ своей «Исторіи Индіи древней и новой» [1],— «потому, что оно составляетъ органическую болѣзнь характера цѣлой націи, это—британская гордость». Англичанинъ ни за что не поѣдетъ въ одномъ вагонѣ съ желто-кожими туземцами и выгонитъ ихъ всѣхъ вонъ, если нѣтъ другаго вагона; когда онъ входитъ въ гостинницу, всѣ туземцы должны тотчасъ же удалиться, даже самые раджи. Англичане-чиновники, купцы, не считаютъ туземцевъ за людей, а смотрятъ на нихъ только какъ на животную рабочую силу, подлежащую возможно большей эксплоатаціи. Правда, послѣ уничтоженія остъ-индской компаніи и непосредственнаго подчиненія индійскихъ владѣній британской коронѣ, высшія мѣстныя англійскія власти стараются, изъ политическихъ видовъ, какъ личнымъ своимъ примѣромъ, такъ и законодательными мѣрами, если не прекратить, то, по крайней мѣрѣ, смягчить такое варварское отношеніе къ туземцамъ, но они не въ силахъ измѣнить этой органической черты національнаго характера.

Превосходившія всякую мѣру административныя и коммерческія злоупотребленія остъ-индской компаніи побудили правительство уже въ 1852 году, когда приближался срокъ ея прежней привиллегіи 1837 года, приступить къ составленію новой «хартіи», ограничивавшей нѣкоторыя политическія права компаніи и подчинявшей вообще всѣ дѣйствія ея болѣе строгому правительствен-

---

[1]) De Jancigny «Histoire de l'Inde ancienne et moderne». Paris. 1868.

ному контролю. Предъ назначеніемъ коммиссіи для составленія этой хартіи, тогдашній первый министръ, лордъ Дерби, въ рѣчи своей, въ палатѣ лордовъ, произнесъ слѣдующія замѣчательныя слова:

«Еще, конечно, не пришло время предоставить народамъ Индіи свободно пользоваться благодѣяніемъ либеральныхъ европейскихъ учрежденій; еще пройдетъ много лѣтъ, пока подобная перемѣна сдѣлается возможною. Но, тѣмъ не менѣе, я утверждаю, что мы обязаны, въ видѣ человѣколюбія, нравственности и религіи, заботиться, чтобы туземцы были облечены на столько обширнымъ самоуправленіемъ, на сколько въ настоящее время дозволяетъ благоразуміе, чтобы они могли принимать постоянно все большее и большее участіе въ управленіи своими внутренними дѣлами. Такимъ самоуправленіемъ они будутъ пользоваться подъ надлежащимъ контролемъ правительства и подъ покровительствомъ законовъ, на основаніи которыхъ Англія управляла ими съ такою твердостью и умѣренностью и которые пріучили ихъ уважать авторитетъ Англіи,— подражать ему и, я надѣюсь, по крайней мѣрѣ, со временемъ превзойдти его. Но если бы такое постепенное пріученіе туземцевъ къ самоуправленію возбудило въ нихъ желаніе получить еще большее свободное участіе не только въ своей администраціи и судѣ, но и въ дѣлахъ политическихъ,—я говорю, милорды, если бы даже слѣдствіемъ этихъ новыхъ стремленій нашихъ было паденіе гигантскаго владычества Великобританіи надъ Индустаномъ; еслибъ даже это владычество, теперь всемогущее, вынуждено было, по мнованіи вѣковъ, — потому что пройдутъ вѣка, прежде чѣмъ подобное можетъ совершиться, — сокрушить себя своими же собственными руками, то за нашею націею останется неоспоримая вѣчная слава освобожденія народовъ Индіи изъ-подъ ига невѣжества и суевѣрій, содѣланія ихъ способными, въ моментъ прекращенія англійскаго владычества, къ полному самоуправленію въ качествѣ независимой образованной націи, подъ вліяніемъ тѣхъ законовъ и тѣхъ государственныхъ принциповъ, сознавать пользу которыхъ мы ихъ научили, а равно и примѣнять ихъ на благо себѣ. За все это они навсегда останутся намъ благодарны».

Къ сожалѣнію, эти блистательныя, высокогуманныя и полныя политическаго самоотверженія слова были высказаны, какъ оказалось, не въ руководство коммиссіи, а для того, чтобы ихъ слышала и удивлялась имъ вся Европа: новая хартія не прекратила ни одного изъ прежнихъ злоупотребленій компаніи, ни административныхъ, ни коммерческихъ, въ чемъ скоро убѣдилось и само британское правительство, когда послѣ постыднаго, измѣнническаго присоединенія Удскаго королевства въ 1857 году поднялось страшное возстаніе сипаевъ въ Бенгаліи, едва не сокрушившее британскаго владычества въ Индіи.

Но что же? И теперь, когда уже давно не существуетъ остъ-

индской компаніи и бывшія владѣнія ея управляются непосредственно властями императрицы Индіи, законы дѣйствуютъ только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пребываютъ высшія власти; внутри же страны господствуютъ полный произволъ и хищничество. Англійскій чиновникъ и англійскій купецъ и теперь пріѣзжаютъ въ Индію только для того, чтобы нажиться какъ можно больше и какъ можно скорѣе.

Вотъ что говоритъ писатель, посѣтившій въ 1874 году Индію:

«Ударьте на улицахъ Калькутты индуса, который намѣревается васъ ограбить, и васъ посадятъ въ тюрьму и принудятъ заплатить штрафъ; убейте туземца въ пятнадцати миляхъ оттуда, или внутри страны, и вамъ надо будетъ только заявить полиціи, что вы убили его, защищая себя, и полиція отмѣтитъ въ спискѣ: «умеръ случайно». Англія ни за что не согласится оскорбить обаяніе европейца внутри страны.

«Надо быть на мѣстѣ и видѣть жизнь изнѣженныхъ набобовъ, которую ведутъ окружные сборщики податей, чтобы судить о тѣхъ невѣроятныхъ, сумашедшихъ суммахъ, которыя поглощаются ими на удовлетвореніе своихъ утонченныхъ, скандальныхъ прихотей. Удаленные на 200 или 300 и болѣе миль отъ своихъ президентствъ, они не имѣютъ другихъ законовъ, кромѣ своего произвола.

«Сборъ податей порученъ низшимъ туземнымъ чиновникамъ, которые не только палками, но иногда и пытками, вырываютъ у несчастныхъ индусовъ до послѣдней рупіи. Все имъ пригодно: хлѣбъ на корню, старая одежда, ветхое тряпье, до послѣдней скотины, до послѣдняго кола.

«Кому жаловаться? Окружному сборщику? Объ этомъ нечего и думать: все дѣлается по его приказанію, и для его личныхъ интересовъ слишкомъ важно не выдавать своихъ агентовъ, не смотря на раздирающіе сердце вопли и стоны разворенныхъ туземцевъ!

«Я не буду говорить о правосудіи британскихъ судовъ въ Индіи, потому что я не могу ничего сказать больше того, что уже всѣмъ извѣстно. Сэръ Джонъ Лауренсъ, бывшій нѣсколько лѣтъ назадъ (въ шестидесятыхъ годахъ) генералъ-губернаторомъ Индіи, въ своемъ знаменитомъ всеподданнѣйшемъ докладѣ королевѣ относительно необходимыхъ преобразованій въ индійской администраціи и юстиціи и выбора новаго личнаго состава, высказалъ такія вещи, которымъ едва можно вѣрить и которыя вызвали страшный взрывъ негодованія какъ въ парламентѣ, такъ и въ англійской печати, въ обществѣ и въ цѣломъ народѣ.

«Что̀ касается политической честности, то въ этомъ отношеніи еще хуже. Здѣсь не мѣсто разсказывать исторію англійскихъ завоеваній въ Индіи, начиная съ знаменитаго Уарена Гастингса, грабителя Агры, Дели, Алагабада, преданнаго суду лордовъ за его хищничество, и до лорда Дальгоузи включительно, конфисковавшаго королевство Удское распоряженіемъ, которое представляетъ

неслыханный, дерзкій вызовъ нравственному чувству всѣхъ цивилизованныхъ народовъ; но, не вдаваясь въ подробности, можно сказать, что присоединеніе каждаго новаго клочка земли, каждой провинціи, каждаго владѣнія, совершилось не иначе, какъ хитростями, обманами и подкупами.

«Бѣдные раджи, осмѣянные, обманутые, ограбленные, лишенные своихъ наслѣдственныхъ престоловъ—вы одни можете разсказать тѣ гнусности, жертвами которыхъ вы были!

«Одному Англія давала войска, подъ предлогомъ защиты отъ враговъ, и какъ только она такимъ образомъ утверждалась въ его странѣ, тотчасъ же подкупала золотомъ и обѣщаніями дворъ и свиту раджи, и обыкновенно оканчивала тѣмъ, что, при первой попыткѣ возвратить себѣ независимость, дѣлала раджу своимъ плѣнникомъ и присоединяла его область къ своимъ владѣніямъ.

«Съ другимъ заключался оборонительный и наступательный союзъ съ единственною цѣлью имѣть своего посланника при его дворѣ, подъ названіемъ резидента и врача. Шесть мѣсяцевъ или годъ спустя, раджа умиралъ въ постели отъ «несваренія желудка» или отъ чего нибудь подобнаго. «Эти раджи — такіе обжоры», — писалъ обыкновенно врачъ-англичанинъ, которому поручалось засвидѣтельсвовать смертный актъ, и дитя, сынъ или племянникъ умершаго, пяти-шести лѣтъ, вступалъ на престолъ подъ опекою Англіи.

«Эти юные князья никогда не достигали совершеннолѣтія. Если же случайно они выживали, не смотря на всѣ окружающія ихъ попеченія, имъ запрещалось въ такомъ случаѣ жениться, чтобъ они не могли имѣть законныхъ наслѣдниковъ, а при малѣйшемъ сопротивленіи ихъ немедленно свергали съ престола.

«Въ другихъ случаяхъ, подъ предлогомъ дружбы или съ ножомъ у горла, обирали всю казну несчастнаго раджи и похищенными деньгами возмущали его войска̀, которымъ онъ уже не могъ платить жалованье.

«Я упомянулъ о конфискаціи Удскаго королевства. Какое гнусное злоупотребленіе силы! Несчастный король Уда передалъ всѣ свои сокровища въ руки англичанъ; онъ далъ имъ свои войска, чтобъ подавить враговъ; калькуттскія газеты называли его не иначе, какъ другомъ королевы. Несчастный дрожалъ въ присутствіи англійскаго резидента и на колѣняхъ благодарилъ за каждый новый заемъ, сдѣланный у него англичанами, за каждое новое грабительство. Было бы, по крайней мѣрѣ, хотя признакомъ великодушія оставить его умереть на престолѣ. Но король имѣлъ умнаго предпріимчиваго сына, и Англія рѣшила, что онъ не долженъ наслѣдовать своему отцу. И вотъ въ одинъ прекрасный день, раджа удскій приглашается въ Калькутту, и лордъ Дальгоузи ему объявляетъ, что «онъ не въ состояніи управлять своими владѣніями». Королевство Удское

было присоединено къ британскимъ владѣніямъ, а раджа заключенъ во дворцѣ съ ничтожною пенсіею.

«Лондонское правительство произнесло энергическое порицаніе этому гнусному захвату, отставило генералъ-губернатора, но не возстановило ограбленнаго раджи въ его владѣніяхъ. Это называется спасать нравственность, оставляя всѣ барыши за собою.

«Англія обладаетъ великимъ талантомъ заставить Европу вѣрить, что она распространяетъ европейскую цивилизацію въ своихъ необъятныхъ азіатскихъ владѣніяхъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности Англія, напротивъ, поддерживаетъ эти страны въ состояніи полнѣйшаго варварства, столь благопріятнаго для ея владычества.

«Это и понятно: въ тотъ день, когда Англія уничтожила бы различіе кастъ, цивилизовала бы Индію на европейскій ладъ, въ тотъ день 200,000,000 индусовъ, соединенныхъ въ одинъ народъ, попросили бы ее оставить Индію, и Англія должна была бы уступить такой просьбѣ.

«Но надо, чтобъ путешествующій европеецъ, государственный человѣкъ, иностранный принцъ, не могли и предполагать того рабства и глубокаго униженія, въ которомъ она держитъ своихъ подданныхъ.

«Для этого-то Бомбей, Мадрасъ, Калькутта, Голконда наполнены библіотеками, безплатными школами, высшими курсами, различными благотворительными учрежденіями, пріютами и больницами. Все это, я долженъ признать съ полнымъ безпристрастіемъ, содержится и дѣйствуетъ въ совершенномъ порядкѣ, и если бы вся Индія имѣла подобныя учрежденія, то Англія была бы дѣйствительно просвѣтительницею и благодѣтельницею востока.

«Къ несчастью, этого ничего не существуетъ; но глазоотводъ такъ мастерски устроенъ, что посѣтитель иностранецъ возвращается, совершенно ослѣпленный и не подозрѣвая даже, что въ нѣсколькихъ миляхъ отъ этихъ роскошныхъ школъ, богатыхъ библіотекъ, ботаническихъ садовъ, музеевъ, больницъ, начинаются не стерпимый гнетъ и палочная расправа.

«Я видѣлъ герцога Брабантскаго,—теперь короля бельгійцевъ,—когда онъ оставлялъ Калькутту, восхищенный тѣмъ зрѣлищемъ, которое она ему представила, и съ полнымъ восторгомъ разсказывалъ, что онъ нашелъ въ столицѣ Индіи всѣ великія учрежденія, которыми справедливо гордится ученая, философская и литературная Европа.

«Еслибъ кто нибудь случайно подсказалъ ему: скройтесь на время изъ дворца, въ которомъ вы живете, поѣзжайте инкогнито по желѣзной дорогѣ до первой попавшейся внутренней станціи, и потомъ пропутешествуйте недѣли двѣ, три, много мѣсяцъ внутри страны—онъ, конечно, не послѣдовалъ бы этому совѣту; но еслибъ онъ это

сдѣлалъ, то скоро бы научился цѣнить настоящее достоинство всѣхъ этихъ блестящихъ сценическихъ постановокъ, за которыми Англія искусно скрываетъ самую недостойную тиранію.

«Онъ увидѣлъ бы, какъ англійскій судья приговариваетъ несчастнаго туземца къ денежному штрафу и палочнымъ ударамъ за то, что онъ надѣлъ сандаліи, не дозволенныя въ его кастѣ. Онъ узналъ бы, какъ въ неурожайные года несчастные индусы мрутъ по дорогамъ; а, между тѣмъ, калькуттское правительство и не подумаетъ о запрещеніи вывоза рису. Какъ покуситься на свободу торговли?! Великіе боги! Что скажетъ Джонъ Буль, который въ это голодное время и совершаетъ самыя прибыльныя операціи.

«Вотъ одинъ примѣръ изъ тысячи, чтобъ вполнѣ понять эту ненавистную систему. Въ 1866 году, былъ полный неурожай риса въ Бенгаліи и въ бо́льшей части южныхъ провинцій Индустана. Несчастные туземцы тысячами умирали отъ голода, не произнося ни одной жалобы, увѣренные, въ своемъ фатализмѣ, что ихъ поражаетъ рука Провидѣнія. Въ Калькуттѣ организовалась частная подписка и былъ выбранъ комитетъ для закупки риса на собранныя деньги. Одинъ изъ первыхъ калькуттскихъ торговыхъ домовъ, узнавъ, что въ рукахъ комитета большія суммы, болѣе двухъ милліоновъ франковъ, немедленно скупаетъ на мѣстѣ весь рисъ и открыто дѣлаетъ всѣ распоряженія для нагрузки этимъ рисомъ трехъ кораблей, спеціально зафрахтованныхъ имъ для этой небольшой операціи. Комитетъ, не имѣвъ возможности закупить рисъ въ другомъ мѣстѣ, вынужденъ былъ обратиться къ представителямъ означеннаго торговаго дома, которые отвѣчали ему: «Мм. гг., мы не желали бы ничего лучшаго, какъ присоединиться къ вамъ въ благотворительномъ дѣлѣ, которое вы совершаете, и уступить вамъ рисъ по покупной цѣнѣ. Но мы не сдѣлали покупки за нашъ счетъ и не можемъ располагать этимъ зерномъ: мы закупили за счетъ различныхъ европейскихъ домовъ. Единственное средство, которое могло бы снять съ насъ отвѣтственность, еслибъ оно только не было слишкомъ тяжело для васъ—это вознаградить зафрахтованные нами корабли, которые останутся безъ груза, и заплатить за этотъ рисъ по цѣнамъ Лондона и Бордо. Въ такомъ случаѣ мы охотно отказались бы отъ слѣдующей намъ коммиссіонной платы, счастливые, что можемъ, по мѣрѣ слабыхъ средствъ нашихъ, принять участіе въ борьбѣ съ этимъ страшнымъ бичомъ» и т. д. Всѣ хорошо знали, въ чемъ дѣло; но комитету не оставалось ничего болѣе, какъ согласиться на предложенныя условія, и честный торговый домъ, менѣе чѣмъ въ трое сутокъ и не вынувъ ни одной рупіи изъ своей казны, пріобрѣлъ полмилліона чистой прибыли» [1]).

---

[1]) «Voyage aux pays des perles», par L. Jacoillot. Paris. 1874.

Рисъ, просо и сорго составляютъ почти единственное питаніе туземцовъ. Воздѣлываніе риса очень хлопотливо и даетъ удовлетворительные урожаи только при достаточно влажной почвѣ. Поэтому, въ сухіе годы, чтобъ избѣгнуть совершеннаго неурожая и, слѣдовательно, спасти населеніе отъ голода, необходимо орошать поля искусственнымъ образомъ. Оттого уже въ давнія времена въ Индіи обращалось особенно заботливое вниманіе на сооруженіе и хорошее содержаніе искусственныхъ водныхъ резервуаровъ, или прудовъ, и оросительныхъ водныхъ каналовъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ британскимъ правительствомъ послѣ голода 1866 года, оказалось, что на ²/₃ всего пространства, засѣваемаго рисомъ, удовлетворительность урожаевъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ искусственнаго орошенія полей. Прежніе водные резервуары, вырытые преимущественно еще во время господства браминовъ, были разсчитаны на населеніе, не превышавшее 100 милліоновъ душъ. Слѣдовательно, для удовлетворенія нынѣшняго 245.000,000 населенія необходимо было бы болѣе чѣмъ двойное число прудовъ и каналовъ; между тѣмъ, во время англійскаго владычества не только не было сдѣлано для этого никакихъ новыхъ сооруженій, но до 50,000 прежнихъ прудовъ и каналовъ пришли въ совершенную негодность и не исправляются. Вотъ, слѣдовательно, въ чемъ заключается главнѣйшая причина частыхъ неурожаевъ въ Британской Индіи и голодной смерти сотенъ тысячъ туземцевъ. Лондонское правительство обратило на это вниманіе вице-короля и губернаторовъ президентствъ, но такъ какъ и по настоящее время огромныя суммы все еще расходуются на телеграфы, желѣзныя дороги и другіе пути сообщенія между главными торговыми, политическими и стратегическими пунктами въ Индіи, то британское индійское правительство и не даетъ необходимыхъ средствъ на поддержаніе прежнихъ и устройство новыхъ прудовъ и оросительныхъ каналовъ, возлагая эту обязанность на мѣстныя сельскія общины, которыя не въ состояніи выплачивать и существующихъ правительственныхъ податей и налоговъ, составляющихъ не менѣе половины ихъ валоваго дохода [1]).

Сельская община сложилась здѣсь съ незапамятныхъ временъ и сохранила свое независимое устройство до послѣдняго времени. Она представляетъ маленькую республику, управляемую наслѣдственнымъ тольсидаромъ (tholsidar — старшина, начальникъ) съ тремя другими, выборными отъ общины, должностными лицами: счетчикомъ, который ведетъ перепись всѣхъ членовъ общины и владѣемыхъ ими земельныхъ участковъ, надсмотрщикомъ за общественнымъ благочиніемъ и сборщикомъ податей или казначеемъ.

---

¹) «Documents spéciaux relatifs à la culture des terres dans l'Inde», rassemblés par M. Lamairesse, ingénieur en chef de ponts et chaussées de l'Inde». Paris. 1879.

Кромѣ этихъ лицъ, почти каждая община имѣетъ еще своего школьнаго учителя, знахаря, астролога, наконецъ, пѣвицъ, танцовщицъ и музыкантовъ для народныхъ празднествъ. Начальникъ общины есть ея представитель и посредникъ между общиною и правительствомъ, по соглашенію съ которымъ онъ установляетъ всѣ подати и налоги, распредѣляетъ земельные участки между членами общины, заботится объ обработкѣ общественнаго поля и творитъ судъ и расправу въ первой инстанціи. Не смотря на всѣ безпрестанныя революціи, не смотря на господство въ Индіи различныхъ завоевателей: браминовъ, маратовъ, сейковъ (sikhs), монголовъ, туземная община оставалась всегда одною и тою же. Если завоеватели силою врывались во внутреннія дѣла общины, установляли произвольные налоги, члены ея покидали свои жилища и переселялись въ дружественныя деревни, но тотчасъ же опять возвращались, какъ только опасность проходила и возстановлялось спокойствіе. Англичане, покоривъ своей власти почти весь Индустанъ съ Цейлономъ, сохранили прежнее общинное устройство, доставлявшее имъ страну съ давно установившимся прочнымъ мѣстнымъ управленіемъ, такъ что съ перваго раза можетъ показаться, что британское владычество уничтожило только множество отдѣльныхъ раджей и соединило всю страну подъ единою властью просвѣщеннѣйшей и либеральнѣйшей европейской державы. Дѣйствительно, Англія ни въ чемъ не нарушила общиннаго самоуправленія, оставивъ всѣ тѣ же самыя общественныя власти, которыя получали свое жалованье отъ общества: она только назначила имъ дополнительное содержаніе отъ правительства, превышающее ихъ общинное жалованье. Этимъ она обратила мѣстныя общинныя власти въ своихъ агентовъ и, по «соглашенію съ ними», установила новые налоги и подати, которые не только вполнѣ возмѣщаютъ правительственную прибавку, но еще доставляютъ значительный доходъ казнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, тольсидаръ и его помощники стали управлять общиною и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ по указаніямъ мѣстныхъ чиновниковъ, радѣющихъ только о выгодахъ и пользахъ Англіи и о своей собственной, возможно большей и скорѣйшей наживѣ [1]).

Страшныя злоупотребленія окружныхъ англійскихъ властей, въ такомъ союзѣ съ общинными туземными властями, и ихъ разорительныя для народа послѣдствія откровенно и рѣзко выставлены въ донесеніяхъ и отчетахъ вице-короля сера Джона Лауренса [2]). Земледѣльцы вынуждены продавать заранѣе, по крайней мѣрѣ, половину урожая алчнымъ немилосерднымъ ростовщикамъ, чтобы

---

[1]) «Minute of sir Charles Metcalfe» въ «Report of select commitee of House of commons». 1878.

[2]) «Papers relating to the administration of Britisch-India, presented to buth Houses of Parliament» №№ 4 — 7, 1868.

уплатить поземельные налоги, и то, что имъ остается, едва достаточно для прокормленія семьи втеченіе 6—8 мѣсяцевъ, многимъ не хватаетъ даже на четыре мѣсяца, а нѣкоторые и вовсе не собираютъ хлѣба съ полей, потому что, побуждаемые голодомъ, срываютъ еще до жатвы зеленые колосья, приготовляя себѣ изъ едва завязавшихся зернъ похлебку.

Когда эти бѣдняки съѣдятъ все, что имъ осталось отъ жатвы, по уплатѣ правительственныхъ налоговъ и своего долга ростовщикамъ, они прибѣгаютъ къ различнымъ суррогатамъ: болѣе состоятельные занимаютъ вновь зерно съ обязательствомъ возвратить втрое при слѣдующей жатвѣ; другіе же бродятъ по лѣсамъ, по берегамъ прудовъ и рѣкъ, собирая листья, тростниковые ростки, дикіе плоды, коренья и т. п., которые даютъ имъ возможность существовать, или, вѣрнѣе, не умереть съ голода. И такое бѣдственное существованіе ведутъ почти три четверти всего земледѣльческаго населенія британской Индіи!.. Но налоги поступаютъ, и Джонъ Буль жирѣетъ.

Вотъ каково въ дѣйствительности благодѣтельное и просвѣтительное британское владычество въ Индіи, и именно въ то время, когда къ ней, въ послѣднія двадцать лѣтъ, стала приближаться по сухому пути «варварская» Россія. Готова ли Англія встрѣтить свою новую сосѣдку на азіатскомъ континентѣ и раздѣлить съ нею великіе мирные, истинно гуманные и обильно-благотворные труды распространенія христіанскаго европейскаго просвѣщенія въ средѣ покоренныхъ азіатскихъ народовъ? Конечно, въ семьѣ не безъ урода, и между русскими чиновниками въ покоренныхъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ найдутся взяточники, готовые изъ-за наживы на всякія притѣсненія туземцевъ; но, по крайней мѣрѣ, система русскаго владычества никогда и нигдѣ не основывалась на грубой эксплоатаціи всѣхъ жизненныхъ производительныхъ силъ завоеванной страны и ея обитателей. Россія, напротивъ того, всегда и вездѣ жертвовала значительными собственными средствами на улучшеніе какъ нравственнаго, такъ и матеріальнаго быта туземнаго населенія. Такая система, можетъ быть, совершенно убыточна для нашихъ собственныхъ матеріальныхъ государственныхъ интересовъ, но въ Азіи она страшна и гибельна для британскаго владычества. До сихъ поръ подвластное англичанамъ населеніе Индіи могло сравнивать своихъ властителей только съ полудикими повелителями сосѣднихъ хищническихъ племенъ и, конечно, должно было признать блескъ и величіе могущественной европейской державы. Но теперь оно можетъ скоро увидѣть предъ собою воочію другую великую европейскую державу, которая, вмѣстѣ съ своими побѣдоносными войсками, вводитъ въ покоренныя страны порядокъ, милосердіе и правосудіе, дѣйствительно освобождаетъ рабовъ, прекращаетъ грабежи и хищ-

ническій произволъ дикихъ хановъ, не устанавливаетъ тяжелыхъ налоговъ, а заботится о развитіи промышленности и торговли страны, о благосостояніи всего населенія ея. Можетъ ли британское правительство, сознавая все это, оставаться спокойнымъ и не трепетать за свое безконтрольное владычество въ Индіи, истинное человѣколюбіе, правосудіе, безкорыстіе и просвѣтительное вліяніе котораго краснорѣчиво изображено, какъ мы только что видѣли, въ отчетахъ и донесеніяхъ вице-королей и другихъ оффиціальныхъ документахъ? Развѣ есть какая нибудь надобность предполагать въ русскомъ правительствѣ завоевательные планы на Индію, чтобы понять опасенія Англіи? Развѣ не достаточно для этого одного приближенія Россіи къ заповѣдной Индіи? Что̀ такое остъ-индскія владѣнія для Англіи—это достаточно ясно показываетъ уже приведенная рѣчь Питта,—и, поэтому, что значило бы для Англіи—не говоримъ, лишиться этихъ владѣній, но только раздѣлить свою монопольную громадную ввозную и вывозную торговлю въ Индіи съ другою могущественною европейскою державою? Какое англійское министерство рѣшилось бы принять на себя страшную отвѣтственность, можетъ быть, за нанесеніе перваго тяжкаго удара міровому торговому всемогуществу Англіи, не пустивъ предварительно входъ всѣхъ, даже самыхъ предосудительныхъ, политическихъ средствъ, для полнаго отвращенія, или, по крайней мѣрѣ, временнаго удержанія такого страшнаго удара.

Вспомнимъ отвѣтъ графа Биконсфильда герцогу Аргайлю, напавшему на уклончивую политику министерства въ Восточномъ вопросѣ, въ первомъ засѣданіи палаты лордовъ, по открытіи парламентской сессіи въ началѣ 1877 года, послѣ неудавшейся константинопольской конференціи—послѣдней попытки предотвратить дипломатическимъ путемъ войну Россіи съ Турціею:

«Изъ сказаннаго благороднымъ лордомъ я желалъ бы узнать,—говорилъ Биконсфильдъ,—что̀ онъ считаетъ главнымъ элементомъ великаго Восточнаго вопроса, густая тѣнь котораго омрачаетъ теперь Европу? Благородный герцогъ говорилъ о немъ совершенно такъ, какъ будто бы онъ касался только положенія христіанскихъ подданныхъ Порты. Долженъ ли я изъ этихъ словъ благороднаго лорда понять, что единственный элементъ этого великаго вопроса составляетъ участь христіанскихъ подданныхъ Порты? Я увѣренъ, что онъ, государственный человѣкъ, которому приходилось заниматься политическими международными дѣлами,—врядъ ли попытался бы поддерживать такое фундаментально слабое положеніе. Несомнѣнно, что нѣкоторые изъ элементовъ распредѣленія міроваго могущества замѣшаны въ этомъ великомъ вопросѣ. Это вопросъ, въ которомъ замѣшано существованіе могущественнѣйшихъ имперій, и я прямо говорю, что мы никогда не придемъ къ рѣшенію Восточнаго вопроса, если отка-

жемся отъ всякаго политическаго соображенія и будемъ думать, что единственный элементъ, съ которымъ намъ приходится считаться, есть улучшеніе участи христіанскихъ подданныхъ Порты. Предоставимъ могущественной Россіи утверждать это; но мы должны довести умы наши, свободные отъ всякихъ страстей, до спокойнаго и мудраго обсужденія этого предмета: только смотря на него глазами англійскихъ государственныхъ людей, мы въ состояніи обезпечить великіе интересы Англіи на Востокѣ, слишкомъ часто забываемые и опускаемые въ декламаторскихъ взглядахъ на тяжелыя обстоятельства, съ которыми мы должны считаться на практикѣ».

По тому же вопросу, желая предотвратить активное участіе Англіи въ войнѣ Россіи съ Турціею, Гладстонъ, глава либеральной оппозиціи, говорилъ въ засѣданіи палаты общинъ 7-го мая 1877 года:

«Я не колеблясь утверждаю, что сторонники министерства и часть печати дѣлаютъ всѣ усилія, чтобъ подготовить общественное мнѣніе къ войнѣ, и къ какой войнѣ? — не за Турцію, но во имя англійскихъ интересовъ. Остановимся же немного на этомъ выраженіи: «англійскіе интересы». Обратимъ вниманіе на карту нашихъ владѣній. Посмотрите, какъ съ этого маленькаго островка мы протягиваемъ руки на порты всего міра и прокладываемъ туда пути для нашей торговли. Я спрашиваю, возможна ли, съ точки зрѣнія нашего правительства, какая нибудь война, между какими угодно двумя государствами, которая не затрогивала бы нашихъ интересовъ и не служила бы поводомъ къ нашему вмѣшательству? Индія въ этомъ отношеніи прекрасный примѣръ. Въ качествѣ торговой компаніи, мы пробираемся на другой конецъ земли и завладѣваемъ обширною страною съ болѣе чѣмъ 200 милліоннымъ населеніемъ. Что же потомъ? Мы присвоили себѣ право налагать veto на всѣ международныя сношенія, касающіяся странъ и морей, по которымъ возможно проложить путь между Англіею и Востокомъ. Одному государству мы говоримъ: ни шагу къ Батуму на Черномъ Морѣ, потому что Батумъ и Эрзерумъ могутъ служить когда нибудь путемъ въ Индію; другому: не подходи къ Сиріи и Багдаду, потому что и Евфратская долина современемъ можетъ быть для насъ лучшимъ путемъ на Востокъ. Суэзскій каналъ прорытъ геніальнымъ французомъ для блага всего міра; но и на него мы заявляемъ какія-то исключительныя права, не обращая никакого вниманія на интересы другихъ народовъ. Мы готовы, пожалуй, заявить наши исключительныя притязанія даже на весь Египетъ... Но существуетъ еще одинъ старый дальній путь въ Индію—мимо мыса Доброй Надежды. По послѣднимъ извѣстіямъ Англія и тамъ нашла себя крайне стѣсненною и потому, безъ всякой церемоніи, присоединила новую территорію (Трансваальскую

республику) къ своимъ владѣніямъ. Вы знаете, высокопочтенные господа, какимъ невиннымъ характеромъ отличаются всѣ новыя присоединенія къ нашей имперіи?

«Правда, эти присоединенія не всегда совершаются безъ кровопролитія: но не наша вина, что глупые, невѣжественные народы не могутъ сразу понять всей прелести нашего скиптра.

«Наше благородство, благородное безкорыстіе и политическая честность недоступны, изволите видѣть, разумѣнію другихъ націй, и онѣ настолько глупы, что смѣютъ думать, будто такія высшія существа, какъ мы, могутъ быть связываемы вульгарными правилами справедливости, чести и человѣколюбія, обязательными для обыкновенныхъ смертныхъ сыновъ Адама.

«Намъ говорятъ о несправедливостяхъ другихъ правительствъ. Не угодно ли будетъ вамъ, въ такомъ случаѣ, припомнить тѣ средства, которыми было подавлено индійское возстаніе 1857 года. Я, по крайней мѣрѣ, не помню ничего постыднѣе для Англіи, какъ избіеніе даяковъ войсками ея величества и сэромъ Джемсомъ Брукомъ. А вотъ и еще фактъ: въ колоніальномъ управленіи хранится мой оффиціальный рапортъ, въ которомъ подробно описаны дѣйствія британскаго правительства во время кефалонскаго возстанія на Іоническихъ островахъ. Не смотря на всю ничтожность этого возстанія, несчастный островъ втеченіе шести мѣсяцевъ находился на военномъ положеніи. Сколько помню, у насъ былъ раненъ только одинъ солдатъ, сотни же туземцевъ подверглись смертной казни и сотни были наказаны плетьми».

А какъ же поступаетъ въ настоящее время тотъ же либеральный Гладстонъ—глава министерства британской королевы и индійской императрицы? Онъ не заявлялъ притязаній на Египетъ, а просто бомбардировалъ Александрію и занялъ Египетъ англійскими войсками, впредь до минованія надобности, и совершенно удалилъ оттуда Францію. А дѣйствія его,—нашего прославленнаго друга и пріятеля, противъ Россіи въ настоящій моментъ, особенно его изворотливыя объясненія и рѣчи въ парламентѣ, послѣ — incident-facheux—вынужденнаго разбитія 4,000 афганцевъ генераломъ Комаровымъ, и ради полученія кредита въ 11 милліоновъ фунт. стерлинг. не на однѣ военныя потребности суданской экспедиціи, «а также и на другія государственныя надобности?» И какіе мотивы побуждаютъ Гладстона къ такимъ непрямымъ изворотливымъ дѣйствіямъ и поступкамъ? Все тѣ же индійскіе интересы Англіи, на которые онъ такъ ѣдко нападалъ въ приведенной рѣчи его.

Все это должно быть весьма поучительно для насъ. Биконсфильды и Гладстоны одинаково—и друзья, и враги Россіи, смотря по обстоятельствамъ. Они государственные люди Англіи,—и только интересы Англіи для нихъ священны. Поэтому и государственная политика ихъ въ отношеніи всѣхъ другихъ государствъ всегда и

вездѣ преслѣдуетъ исключительно только одни національные интересы и остается одна и та же своекорыстная, эгоистическая, съ тѣхъ поръ, какъ установилъ ее и заповѣдалъ всѣмъ своимъ преемникамъ, къ какой бы внутренней политической партіи они ни принадлежали, — знаменитый Уилльямъ Питтъ.

Апрѣль 1885 г.

Н. Вессель.

УПРАЗДНЕНІЕ ДВУХЪ АВТОНОМІЙ [1].

ГЛАВА VI.

1.

ВЪ НАЧАЛѢ декабря пріѣхалъ въ Мингрелію, по пути въ Сухумъ, новый кутаисскій генералъ-губернаторъ, князь Георгій Романовичъ Эристовъ, вскорѣ за кончиною Гагарина назначенный на эту должность.

По происхожденію своему грузинъ, ближайшій родственникъ царствовавшаго дома, князь въ молодыхъ годахъ увлеченъ былъ въ антирусское движеніе одного тогдашняго грузинскаго кружка, сочувствовавшаго царевичу Александру, всю жизнь свою безсильно домогавшемуся трона грузинскихъ царей. Незрѣлыя затѣи кружка воцарить Александра и выгнать русскихъ были обнаружены, правительство отнеслось къ нимъ съ полною незлобивостью, не видя въ нихъ ничего для себя опаснаго, но для вытрезвленія лицъ, составлявшихъ кружокъ, выслало ихъ на нѣсколько лѣтъ во внутреннія губерніи, а въ числѣ ихъ былъ и молодой прапорщикъ князь Эристовъ, переведенный на службу въ архангельскій гарнизонъ. Два или три года этой ссылки, а затѣмъ и нѣкоторое время послѣ нея, проведенное въ Москвѣ и Петербургѣ, много послужили на пользу юноши, и вернувшись на родину съ направленіемъ болѣе

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XX, стр. 333.

серьёзнымъ, онъ усердно принялся за службу; князь Воронцовъ нашелъ его уже въ штабъ-офицерскихъ чинахъ, замѣтилъ и выдвинулъ впередъ. На мѣстѣ атамана терскаго казачьяго войска и управляющаго Кабардою князь Георгій Романовичъ пробылъ нѣсколько лѣтъ и оставилъ по себѣ прекрасную память. Представительный, вѣжливый, а вмѣстѣ съ тѣмъ и умѣющій быть строгимъ и безпристрастнымъ, внушилъ онъ къ себѣ довѣріе какъ управляемыхъ имъ горскихъ народовъ, такъ и казачьяго войска. Князь Барятинскій, бывшій тогда въ однихъ съ нимъ чинахъ и служившій въ краѣ, смежномъ съ Кабардою, познакомился съ нимъ, оцѣнилъ тогда же его дѣятельность и теперь, будучи уже намѣстникомъ, выбралъ преемникомъ князю Гагарину въ виду и знатности его происхожденія, имѣвшей большое значеніе при сношеніяхъ съ послѣднимъ и весьма гордымъ изъ здѣшнихъ владѣтелей, княземъ Михаиломъ Шервашидзе.

Меня лично встрѣча съ княземъ Эристовымъ особенно интересовала по слѣдующему обстоятельству. Въ тридцатыхъ годахъ, когда его сослали въ Архангельскъ, управляющимъ тамошнимъ удѣльнымъ имѣніемъ былъ мой отецъ, и въ домѣ нашемъ молодаго Эристова принимали съ тѣмъ искреннимъ радушіемъ и участіемъ, которыя онъ вполнѣ заслуживалъ какъ своею благовоспитанностью, такъ и положеніемъ опальнаго, заброшеннаго въ далекую отъ своей родины сторону. Хотя мнѣ тогда было не болѣе восьми-девяти лѣтъ, я помнилъ характерныя черты его лица и могъ бы узнать и теперь, чего, конечно, нельзя было ожидать отъ него, знавшаго меня ребенкомъ; что же касается до воспоминанія о моемъ отцѣ, то слишкомъ двадцатилѣтній промежутокъ могъ его изгладить въ памяти князя, а потому при встрѣчѣ съ нимъ услышалъ я съ особеннымъ удовольствіемъ первый же вопросъ: не сынъ ли я того самаго Бороздина, котораго онъ зналъ въ Архангельскѣ? Получивъ же утвердительный отвѣтъ, много разспрашивалъ объ отцѣ и поручилъ написать ему поклонъ и сердечный привѣтъ. Съ тѣхъ поръ во всю службу мою на Кавказѣ постоянно пользовался я благосклонностью князя и эту прекрасную черту признательной памяти къ моему отцу высоко въ немъ цѣнилъ.

Вскорѣ за его проѣздомъ, Колюбакинъ, находя спокойствіе края достаточно обезпеченнымъ и не нуждаясь болѣе въ содѣйствіи трехъ коноводовъ возстанія, пользовавшихся покуда свободою, подъ нашимъ надзоромъ, счелъ за своевременное арестовать ихъ, и порученіе это возложено было на меня относительно Кочи и Мартали Тодуа, Микава же былъ Зугдидскаго округа. Коча явился ко мнѣ по первому требованію, а съ Мартали Тодуа пришлось повозиться; есаулъ, посланный за нимъ въ Салхино, пріѣхалъ съ отвѣтомъ, что онъ скрылся неизвѣстно куда. Поѣхалъ я тогда самъ и взялъ съ собою двадцать пять казаковъ.

Хелосанъ и мауравъ въ Салхино объяснили мнѣ, что коновода прячетъ народъ и не выдаетъ добровольно; они знали, въ чьей саклѣ онъ находится, и я приказалъ имъ вести меня туда.—Мы остановились шагахъ въ полуторастахъ отъ сакли, окруженной густою толпою, громко галдѣвшею и насъ не замѣчавшею; на дворѣ были уже сумерки. Вызвавъ изъ казаковъ двухъ охотниковъ, я приказалъ имъ снять съ себя оружіе и идти за хелосаномъ,—тотъ долженъ былъ провести ихъ какъ можно быстрѣе въ саклю и указать на Тодуа, а тогда казакамъ велѣно было схватить его и не выпускать изъ рукъ, пока на крикъ ихъ я не подоспѣю къ нимъ на выручку съ остальными казаками. Все выполнилось съ буквальною точностію, и черезъ минуту вырванный изъ середины оторопѣвшей толпы Тодуа былъ доставленъ ко мнѣ. Не смотря на такое быстрое выполненіе маневра, платье на казакахъ-охотникахъ все было изорвано въ клочки отнимавшими у нихъ коновода, но они впились въ него, какъ бульдоги, и не выпустили, поплатившись своимъ платьемъ. Когда же появилась другая партія казаковъ человѣкъ въ двадцать, на толпу нашла паника, и она бросилась въ разсыпную.

Старшинѣ отданъ былъ приказъ завтра же утромъ на счетъ селенія, съ иголочки, окепировать обоихъ казаковъ, а отъ меня получили они по десяти рублей. Подобныя выемки возможны лишь съ такими молодцами, какъ наши линейные казаки. Смышленные, находчивые, неутомимые, ловкіе, безстрашные, не считающіе для себя что либо невозможнымъ, они прошли школу, въ полной мѣрѣ выработавшую въ нихъ мощь и удаль русскаго человѣка. Помню еще и другую съ ними выемку, только совершенно въ другомъ родѣ. Нужно мнѣ было накрыть внезапно одного отъявленнаго вора, азнаура Темуркву Чиковани (вассала княгини Меники), считавшагося въ бѣгахъ, а на самомъ дѣлѣ прятавшагося и весьма рѣдко заглядывавшаго къ себѣ въ домъ, гдѣ оставалась его семья. Долго за нимъ слѣдилъ я, и, наконецъ, мнѣ даютъ знать, что онъ вернулся къ себѣ; не теряя ни минуты, беру десятокъ линейцевъ и ѣду. Сакля въ глухомъ лѣсу, обнесена плетнемъ изъ колючки; половина казаковъ окружаетъ плетень, съ другою въѣзжаю во дворъ; но какъ ни быстро все это было продѣлано, Темурквы не оказалось уже налицо, и бабы его божились, что нѣсколько мѣсяцевъ уже его не видали. Досадуя на такой промахъ, сидѣлъ я подъ навѣсомъ сакли въ раздумьѣ, что мнѣ дѣлать,—сакля и всѣ при ней постройки обшарились, не оставалось сомнѣнія, что или Темурква былъ предупрежденъ о моемъ пріѣздѣ и схоронился, или, дѣйствительно, еще не возвращался домой, и вдругъ раздается крикъ казака: «онъ здѣсь, ваше высокородіе... здѣсь!..» Бросились всѣ на крикъ и что же оказалось? Воришко, услышавъ приближающійся къ саклѣ его конскій топотъ, стремительно бросился въ стогъ сѣна, стоящій на дворѣ, и запрятался въ самую середину; но отъ ли-

нейца, по всему вѣроятію, и самого практиковавшаго когда нибудь подобный маневръ, онъ не укрылся, и тотъ вытащилъ его изъ стога за ногу. Ну, какъ же было не дать и этому молодцу синенькую бумажку?

И послѣ такой полезной службы втеченіе четырехъ мѣсяцевъ, къ прискорбію моему, мнѣ пришлось разстаться съ линейцами, недѣлю спустя послѣ ареста Тодуа; ихъ смѣнила у меня сотня донцовъ. То былъ совсѣмъ уже другой народъ, пришли они прямо съ Дону, многіе изъ нихъ были первый разъ на службѣ, имѣли видъ людей, огорченныхъ переселеніемъ на чужбину, требовать отъ нихъ ловкости и расторопности было нельзя и нужно было воспитывать ихъ даже относительно гигіены: лихорадка страшно трепала ихъ, пока они не разобрали, что можно и чего нельзя ѣсть и пить.

Арестованный Мартали Тодуа честью увѣрялъ меня, что ему и въ голову не приходило укрываться, но односельчане, изъ расположенія къ нему, вздумали его прятать и надѣлали всѣхъ этихъ глупостей; онъ усердно просилъ ихъ простить. Я не далъ дальнѣйшаго хода этому дѣлу. Всѣ трое коноводовъ были заарестованы.

Къ этому времени относится пріѣздъ опекуна надъ владѣтельскими имѣніями Д. И. Кипіани, вмѣстѣ съ шуриномъ своимъ М. Е. Чиляевымъ. Опекунъ приступилъ къ составленію описи имѣнію и просилъ нашего содѣйствія. Имѣніе владѣтельское раскинулось по всей Мингреліи; Кипіани приходилось дѣлать объѣздъ его въ сопровожденіи старшаго сахлтхуцеса, князя Давида Чиковани, и его помощниковъ, а къ нимъ прикомандировалъ я въ своемъ округѣ, помощника своего, князя Димитрія Дадіани. Пріѣзжая въ селеніе, гдѣ находились владѣтельскіе крестьяне, коммиссія эта вызывала ихъ, составляла списки, роспись повинностей владѣтелю, разспрашивала о границахъ владѣтельскихъ угодій и для повѣрки этихъ послѣднихъ показаній вызывали понятыхъ изъ окольныхъ жителей. Случались при этомъ и протесты, которые записывались въ протоколы.

Димитрій Ивановичъ Кипіани, уроженецъ Рачи (горной Имеретіи), бѣдный азнауръ и сирота, въ дѣтствѣ былъ взятъ одною своею родственницею въ Тифлисъ, съ успѣхомъ учился и по окончаніи курса въ гимназіи съ 14-мъ классомъ, сдѣлался самъ учителемъ. Въ эту пору, т. е. въ концѣ тридцатыхъ годовъ, и его захватило то же самое антирусское движеніе, какъ и князя Эристова; совершеннымъ еще юношей высланъ былъ онъ въ Вологду, а тамъ опредѣлили его на службу. Для него въ особенности была полезна эта ссылка; въ Вологдѣ нашелся кружокъ людей образованныхъ, Кипіани сталъ усердно восполнять среди него свое образованіе, выучился читать и говорить пофранцузски и понѣмецки, много читалъ и на столько выработалъ свой русскій, дѣловой стиль, что сдѣлался чиновникомъ, которому открывалась дальнѣйшая служеб-

ная карьера. Но тоска по родинѣ помѣшала ему укорениться въ этомъ краѣ, и когда годы ссылки окончились, онъ поспѣшилъ вернуться въ Тифлисъ; служба его пошла тутъ очень быстро, такъ какъ, дѣйствительно, среди чиновниковъ, уроженцевъ Закавказья, онъ былъ выдающеюся личностію. Князь В. О. Бебутовъ и князь Воронцовъ очень къ нему благоволили, на него возлагались серьёзнѣйшія дѣла и когда послѣдняго смѣнилъ, въ 1855 году, Н. Н. Муравьевъ, онъ остановилъ на Кипіани свой выборъ, какъ на директорѣ своей канцеляріи. Но въ Петербургѣ почему-то взглянули неблагопріятно на это представленіе Муравьева, вспомнили политическую опалу Кипіани, не утвердили его, и онъ остался членомъ совѣта намѣстника кавказскаго.

Должность директора канцеляріи намѣстника считалась высшею въ то время на Кавказѣ и не быть утвержденнымъ въ ней по представленію намѣстника, было страшнымъ ударомъ для честолюбія человѣка, своимъ талантомъ и усиленнымъ трудомъ выдвинувшагося впередъ. Очень можетъ быть, что Муравьевъ не вѣрно судилъ о способностяхъ представляемаго имъ лица и болѣе приписывалъ ему, чѣмъ тотъ на самомъ дѣлѣ былъ, но судить объ этомъ не слѣдовало въ Петербургѣ: Муравьевъ былъ въ правѣ выбирать ближайшаго сотрудника, каковъ бы онъ ни былъ, это было его личное дѣло; критиковать способности Кипіани—значило оказывать недовѣріе къ Муравьеву; но въ Петербургѣ ухватились за юношескую политическую его неблагонадежность и выставили ее очень не кстати. Юношескія бредни давно уже принадлежали къ однимъ лишь воспоминаніямъ человѣка зрѣлаго, двадцатилѣтнею прекрасною службою доказавшаго всю свою благонадежность и если этотъ правительственный ригоризмъ шелъ такъ далеко по отношенію къ Кипіани, то почему же онъ не распространялся на другихъ его товарищей ссылки, которымъ движеніе впередъ на болѣе высшія должности, чѣмъ директора канцеляріи, было свободно, открыто,—такъ, напримѣръ, князь Григорій Дмитріевичъ Орбеліани, сосланный когда-то за ту же исторію въ Выборгъ и тамъ служившій, былъ впослѣдствіи исправляющимъ должность намѣстника и членомъ государственнаго совѣта. Слѣдовательно, предлогъ этотъ относительно Кипіани былъ не только пустой, но и несправедливый и маскировалъ лишь недовѣріе къ представленію Муравьева. Но какъ бы то ни было, повторяемъ, этотъ моментъ въ карьерѣ Кипіани былъ страшнымъ для него ударомъ; надо было имѣть много силы душевной, чтобы вынести это испытаніе, безъ накипи желчи; много силы ума, чтобы подняться выше своего положенія и вѣрно начертать себѣ дальнѣйшіе, очень трудные шаги.

Съ назначеніемъ Барятинскаго намѣстникомъ, выступила впередъ цѣлая плеяда людей хотя и не новыхъ на Кавказѣ, но стоявшихъ до того на второмъ планѣ, и Кипіани затѣмъ стушевался; во

дворецъ его не звали и онъ зачислился въ разрядъ тѣхъ коллегіальныхъ чиновниковъ высокаго ранга, которые навсегда обрекаются если несовершенно спать, то, по крайней мѣрѣ, дремать въ своихъ курульныхъ креслахъ. Мингрельское возмущеніе вывело его изъ этой летаргіи.

Мы видѣли, что княгиня Екатерина Александровна, послѣ отказа брата ея князя Давида Чавчавадзе и зятя барона А. П. Николаи, обратилась къ Кипіани и тотъ не только горячо отозвался на ея призывъ быть опекуномъ надъ имѣніемъ малолѣтнихъ дѣтей владѣтеля; но и всецѣло сдѣлался рыцаремъ и адвокатомъ женщины, по мнѣнію его, обиженной и оскорбленной. Вотъ при какомъ настроеніи, пріѣхавъ въ Мингрелію, въ качествѣ члена совѣта и опекуна, онъ приступилъ къ своей дѣятельности.

Съ Димитріемъ Ивановичемъ я познакомился до того года за два въ домѣ же владѣтельницы, потомъ встрѣчался въ Кутаисѣ и Тифлисѣ и, видя въ немъ высокій чинъ и черезвычайную къ себѣ любезность, старался и теперь, въ качествѣ окружнаго начальника, служить ему всѣмъ, что только отъ меня зависѣло.

2.

Около двадцатаго декабря, разбирательство по одному очень сложному спору о мельничной водѣ между дворянами Корзаія, Нанешвили и сосѣднимъ съ ними имеретинскимъ княземъ Глаха Микеладзе привлекло меня на нѣсколько дней въ волость Сачилаво. Поселившись въ мѣстечкѣ Орпири, въ домѣ любезнѣйшаго подполковника и командира роты скопцовъ Егора Давидовича Гегидзе, я мирилъ спорящія между собою стороны; дѣло шло на ладъ, но, всетаки, приходилось каждый день выѣзжать на спорное мѣсто, въ натурѣ соображать о тѣхъ перестановкахъ плотинъ, которыя могли бы всѣхъ согласить. Въ это время года у насъ въ Петербургѣ стоитъ зима и морозы доходятъ иногда до 20 градусовъ, а въ Мингреліи ихъ замѣняютъ дожди, напоминающіе собою всемірный потопъ: хляби небесныя разверзаются, начинается ливень, который тянется иногда цѣлый мѣсяцъ безпрерывно и такъ случилось и въ то время, какъ я жилъ въ Орпири: начались дожди, рѣчки выступили изъ береговъ, ручьи обратились въ рѣчки, и я очутился отрѣзаннымъ отъ Сенакъ, въ ожиданіи ясныхъ дней. Въ подобные моменты находитъ тоска невыносимая: холодно, сыро, темно и никуда носу нельзя показать; въ 1837 году, императоръ Николай, путешествуя по Закавказью, пріѣхалъ изъ Сухума въ Зугдиди, именно въ подобную пору и дожди заарестовали его тутъ дней на пять: нельзя было тронуться съ мѣста вслѣдствіе страшнаго разлива рѣчекъ, дѣлающихся въ высшей степени опасными.

И вотъ въ такую-то непогодицу, ночью, будитъ меня нарочный и подаетъ пакетъ съ перышкомъ, припечатаннымъ сургучомъ; дѣло значится неотлагательное. Распечатываю, читаю и вскакиваю съ постели, какъ ужаленный.

Помощникъ мой г. Кульвановскій доноситъ мнѣ, что въ селеніи Нахуну, принадлежащемъ князьямъ Пагава,—открытый бунтъ; помѣщиковъ исколотили, и когда онъ прибылъ въ селеніе съ четырьмя козаками, народъ и его принялъ въ дреколья, такъ что онъ нашелъ за лучшее ретироваться; одного изъ козаковъ побили и отняли у него лошадь. «Если это движеніе, писалъ онъ, не будетъ тотчасъ же подавлено, то можетъ сообщиться и въ другія селенія».

Нарочный тотчасъ же полетѣлъ отъ меня съ донесеніемъ къ генералу; я просилъ его направить въ Нахуну сотню казаковъ и роту линейнаго батальона, а самъ черезъ полчаса, т. е. еще до свѣта, подъ страшнымъ ливнемъ, въ буркѣ, башлыкѣ, съ нѣсколькими есаулами, казаками и переводчиками, выѣхалъ въ Нахуну, черезъ Банзу. Передать подробности этого путешествія, сопряженнаго положительно съ опасностію жизни, я не въ состояніи, мы больше плыли на лошадяхъ, чѣмъ ѣхали, и были такія рѣчки, которыя переплывали только скучившись одинъ къ другому, а сверху все поливало и поливало, да еще въ перемѣжку со снѣжкомъ, тотчасъ же таявшимъ. Къ вечеру, наконецъ, одолѣли верстъ тридцать, добравшись до Банзы, голодные, измученные, продрогшіе до костей и мокрые, подобно вышедшимъ изъ ванны. Раемъ показалась мнѣ комната князя Бахуа Пагава, къ которому меня привезли; ярко растопленный каминъ, переоблаченіе въ сухой костюмъ, вынутый изъ вьюковъ, чай и, наконецъ, ужинъ съ бутылкою добраго вина, все это было блаженствомъ, и я уснулъ какъ убитый. На другой день рано утромъ въ просушенныхъ одѣяніяхъ тронулись мы дальше, оставалось еще верстъ восемнадцать до Нахуну, а дождь работалъ съ тѣмъ же остервененіемъ, какъ и вчера.

Около полудня, мы подъѣзжали уже къ Нахуну, и въ это время на перекоски изъ Сенакъ показалась сотня козаковъ, которую велъ ко мнѣ корнетъ князь Накашидзе. Мы съ нимъ съѣхались, и онъ мнѣ сообщилъ, что Николай Петровичъ сильно заболѣлъ, у него открылась рана, лежитъ въ постелѣ и докторъ не приказалъ ему шевелиться. Писать ко мнѣ былъ не въ состояніи и на словахъ поручалъ сказать черезъ Накашидзе, что проситъ меня какъ можно энергичнѣе подавить это движеніе и, разслѣдовавъ его мотивы, немедленно сообщить ему о нихъ.

Въ горномъ селеніи лежалъ уже снѣгъ, когда мы въ него въѣхали, слѣдовательно простившись съ дождемъ попали прямо въ зиму. На Кавказѣ переходы эти не диковинка.

Нахуну напоминало своею топографіею и разбросанностію домовъ Кинчху, о которой я говорилъ въ третьей главѣ, и когда

мы въ него въѣхали, то съ трудомъ доискались хелосановъ; народъ, какъ напроказничавшій школьникъ, попрятался весь въ горныя трущобы. Намъ отвели пустую и довольно просторную саклю, въ которой первымъ дѣломъ было развести костеръ. Сюда пріѣхалъ помощникъ мой Кульвановскій, а къ вечеру пришла и рота линейнаго батальона, подъ командою поручика Критскаго, съ нею прибыли и два генеральскихъ есаула, братья Теймуразъ и Сико Топурія, ребята разбитные и ловкіе, оказавшіеся очень для меня полезными.

Изъ кусочковъ тѣхъ свѣдѣній, которыя удалось мнѣ собрать покуда отъ Кульвановскаго и хелосановъ, что весь сыръ боръ загорѣлся отъ какихъ-то неправильныхъ требованій помѣщиковъ, но въ чемъ они состояли, хорошенько нельзя было добиться, являлась необходимость собрать во что бы то ни стало народъ попрятавшійся въ горныя трущобы и отъ него добиться толку. Надо было завести съ нимъ дипломатическіе переговоры, и эту миссію возложилъ я на братьевъ Топурія. На другой же день съ утра дипломаты отправились въ горы и къ вечеру вернулись съ слѣдующимъ отчетомъ.

Народъ, чувствуя себя виновнымъ, опасается вернуться въ свои дома, и проситъ гарантій въ томъ, что я безъ разбора и суда не стану его наказывать. Теймуразъ, по словамъ его, нашелъ главнаго зачинщика всего бунта, какого-то крестьянина, по имени Басаію (т. е. Василія), и уговорилъ его идти ко мнѣ, но тотъ требуетъ прежде всего, чтобы Теймуразъ присягнулъ ему, что его не сошлютъ въ Сибирь, а затѣмъ, чтобы тотъ сдѣлался его дзмобили, т. е. духовнымъ братомъ. Этотъ обычай налагаетъ такія же обязанности, какъ и усыновленіе, о которомъ я говорилъ въ 4 главѣ, между дедопали и Джамсухомъ Дадешкиліани, въ обѣихъ случаяхъ совершаютъ извѣстныя молитвы. Теймуразъ просилъ у меня разрѣшенія на эти мингрельскіе способы скрѣплять дипломатическіе переговоры и, получивъ его, отправился съ попомъ къ Басаія и вечеромъ привелъ ко мнѣ этого мелодраматическаго конспиратора; втеченіе же дня съѣхалось въ Нахуну и нѣсколько князей Пагава.

Испитой, рыжій, парень лѣтъ тридцати, средняго роста, съ огромными и самыми плутовскими глазами, Басаія былъ принятъ мною, какъ самый желанный гость и какъ нарѣченный братецъ Теймураза Топуріи. Онъ усѣлся у костра, и Накашидзе сталъ переводить наши разговоры. Мучались мы съ этимъ гусемъ часовъ пять, а Кульвановскій записывалъ тѣ части діалога, которыя имѣли существенное значеніе. Ясно было, что этотъ великій проходимецъ, Басаія, упорно избѣгалъ давать прямые отвѣты, взвѣшивая каждое слово и вдаваясь въ разныя побочныя подробности, затемняющія дѣло; но мы съ ангельскимъ терпѣніемъ выслушивали всю околесную и, не теряя нити, всетаки, понемногу добились того, что

требовалось узнать. Самъ того не замѣчая, набрасывалъ намъ Басаія поразительнрю картину особенныхъ нравовъ мингрельской помѣщичьей и крестьянской жизни. Мы узнали, какъ еще мальчишкой онъ очутился въ домѣ господскомъ въ качествѣ парешы, т. е. прислуги, какъ господинъ сталъ натаскивать его на воровство лошадей и скота, какъ постепенно проходя эту школу и, наконецъ, дойдя до совершенства, воровалъ вмѣстѣ съ бариномъ. Но при всѣхъ моментахъ этой товарищеской дѣятельности баринъ всегда оказывался подлецомъ; въ дѣлежѣ онъ его обсчитывалъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда слѣды приводили пострадавшихъ людей къ ихъ усадьбѣ, выдавалъ его головою, а самъ божился, что не причастенъ къ воровству; Басаію поролъ мдиванбегъ, заставлялъ платить штрафъ въ семь разъ больше цѣны украденнаго; приходилось снова воровать, чтобы разсчитаться, и если при этомъ что нибудь утаивалъ онъ въ свою пользу, помѣщикъ сажалъ его на цѣпь и держалъ на ней по цѣлымъ мѣсяцамъ. Всѣ закоулки Имеретіи, Мингреліи и Абхазіи были знакомы Басаіи и лошадей, украденныхъ въ первой, проводилъ онъ въ послѣднюю безъ промаха. Когда пришла бунтоба (т. е. прошлогоднее возмущеніе), онъ бѣжалъ отъ своего барина и былъ все время въ бандѣ; при этомъ понагрѣлъ таки изрядно руки на господахъ и они носу не смѣли показывать въ ихъ селеніи Нахуну. Но пришли, наконецъ, руееби (русскіе), усмирили бунтобу, обѣщали настоящую самартлобу (правосудіе) и все шло покуда хорошо, да вотъ недѣли три тому назадъ, когда поспѣло новое вино, поѣхали господа по старому и стали ихъ опять объѣдать.— «Когда, наконецъ, они намъ надоѣли, мы просили ихъ сначала честью уѣхать, но они начали пугать насъ русскими; по словамъ ихъ, тѣ приведутъ насъ въ повиновеніе и нѣкоторые изъ нихъ поѣхали жаловаться на насъ къ начальнику. Видимъ—скверно, стали было смиряться, да тутъ одинъ изъ помѣщиковъ, князь Георгій Пагава, жившій у своего крестьянина въ домѣ, потихоньку навязалъ его двумъ дочерямъ, дѣвочкамъ 9—10 лѣтнимъ, красныя шелковинки на шею, а это по старому значило, что онѣ сдѣлались его моахле, т. е. служанками, и что онъ возьметъ ихъ теперь къ себѣ въ домъ. Какъ узналъ это отецъ дѣвочекъ, крикнулъ на всю деревню: «братцы! помогите, господа опять принимаются за старое»,—всѣ сбѣжались, а вмѣстѣ съ другими и я, да какъ увидали шелковинки на шеѣ у дѣвочекъ—не стерпѣли и пошли лупить всѣхъ Пагавъ безъ разбору. Тутъ, какъ разъ пріѣзжаетъ въ деревню съ нѣсколькими изъ нихъ какой-то русо съ казаками, началъ на насъ шумѣть—держитъ, стало быть, помѣщичью руку, и его давай гнать, только его не тронули, а казаку досталось... правда; да тотъ самъ началъ расправляться нагайкой. Лошадь его у насъ осталась»...

Такова была вкратцѣ исповѣдь, которой добились мы съ На-

кашидзе послѣ пятичасовыхъ разспросовъ. Я не находилъ словъ благодарности любезному переводчику, доведенному этой египетской работой до изнеможенія; но сущность дѣла, всетаки, выяснилась и состояла въ томъ, что Пагавы не могли воздержаться отъ старыхъ привычекъ,—привычка вторая натура,—позабыли исторію, происходившую нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, и стали возстановлять прежніе порядки. Не смотря на строгое запрещеніе пріѣзжать къ крестьянамъ и кормиться на ихъ счетъ, они поѣхали таки въ Нахуну и пошли ихъ объѣдать, да еще вдобавокъ одинъ изъ нихъ, Георгій Пагава, не довольствуясь тѣмъ, коснулся и самаго больнаго мѣста: выдумалъ брать моахле, конечно, съ цѣлію попрежнему распродать обѣихъ дѣвочекъ въ разныя руки.

Послѣ допроса, Басаію передалъ я духовному его родственнику Теймуразу Топуріи и приказалъ привести ко мнѣ завтра утромъ, а затѣмъ, поужинавъ, улеглись мы спать. Ночлегъ былъ ужасный, сакля сквозила, на дворѣ былъ морозъ, костеръ потухалъ и на походныхъ кроватяхъ мы лежали, не раздѣваясь, и укрывались одѣялами и бурками. И при такихъ не совсѣмъ комфортабельныхъ условіяхъ привелось намъ втроемъ — Накашидзе, Кульвановскому и мнѣ прожить въ этой саклѣ болѣе двухъ недѣль, не покладая рукъ.

На другое утро явившемуся ко мнѣ Басаіѣ я поручилъ отправиться въ горы, къ попрятавшимся тамъ его односельчанамъ и объявить, что всякое ихъ замедленіе въ явкѣ ко мнѣ ведетъ лишь къ ихъ же ущербу. Въ ихъ домахъ поставлена экзекуція — рота солдатъ и сотня казаковъ будутъ тамъ находиться, пользоваться ихъ запасами и виномъ до тѣхъ поръ, пока до одного всѣ бѣглецы не будутъ на лицо. Дѣло я разберу, виновныхъ по головкѣ не погляжу, но и обижать не позволю—пусть идутъ какъ можно скорѣе. Басаія отправился, и въ тотъ же день стали сходиться мало-помалу крестьяне, а ко мнѣ приводили ихъ есаулы.

Немало времени тянулась канитель формальныхъ допросовъ, разспросовъ, очныхъ ставокъ и т. п., исписалась чуть не цѣлая стопа бумаги, работали всѣ, и на помощь намъ генералъ прислалъ еще одного, очень бойкаго чиновника, Васильева. Въ селеніи оказалось всего до трехъ сотъ дымовъ, а изъ числа ихъ въ кулачной расправѣ съ Пагавами принимали участіе человѣкъ сорокъ.

Понятія о вещахъ у князей Пагава до того были спутаны особенною ихъ логикою, что они далеки были отъ сознанія виновности своей въ этой исторіи. По ихъ убѣжденіямъ, Богъ создалъ мужиковъ спеціально для нихъ, Пагава, какъ корову, лошадь и другую тварь на потребу человѣка. Тварь подъ часъ балуется, и ее укрощаютъ дубиной, слѣдуетъ тѣмъ же усмирять и мужика. «Русеби не позволяютъ намъ теперь самимъ расправляться съ мужиками, да когда нибудь надоѣстъ имъ возня съ ними, и они отда-

дутъ ихъ намъ обратно въ полную нашу власть; непонятно только, зачѣмъ они такъ долго это затягиваютъ и напрасно себя мучаютъ, вѣдь не хотятъ же они въ самомъ дѣлѣ изъ скотовъ сдѣлать людей? Робота напрасная. Да притомъ же у нихъ и самихъ такіе же скоты-мужики работаютъ на нихъ въ десять разъ больше нашихъ и понадѣлали они изъ нихъ своихъ солдатъ, которыхъ порятъ немилосердно. Вотъ и теперь что же они съ нами дѣлаютъ,—какъ не кормятъ своихъ на счетъ нашихъ, называя это экзекуціей? Да вѣдь она идетъ намъ только въ убытокъ. Въ прежнее время, за всю эту исторію, мы переловили бы всѣхъ негодяевъ и продали бы ихъ за бунтъ въ Абхазію и Цебельду, вотъ убытковъ у насъ никакихъ и не было бы. А теперь ихъ объѣдаютъ солдаты и намъ оттого убытокъ, мы бы и сами съумѣли съѣсть то, что досталось солдатамъ. Вѣдь это совсѣмъ усамартлоба (неправосудіе), вино солдаты пьютъ не только изъ мужичьихъ, но и изъ нашихъ кувшиновъ; подадимъ, по крайней мѣрѣ, счетъ этому нашему вину».

И Пагавы съ легкимъ сердцемъ подали мнѣ цѣлою гурьбой счетъ въ 120 рублей серебромъ за выпитое изъ кувшиновъ ихъ вино солдатами.

Разсужденія ихъ и толки, предшествовавшіе этому рѣшительному съ ихъ стороны пассажу, доходили до меня черезъ моего переводчика, Бессаріона, и потому я не былъ захваченъ ими въ расплохъ, взялъ отъ нихъ счетъ, немедленно уплатилъ деньги и заставилъ въ полученіи ихъ росписаться. Они, конечно, сочли меня за круглаго дурака, такъ какъ солдаты въ дѣйствительности выпили не болѣе какъ рублей на двадцать, а они заполучили 120 руб. Усердно благодаря меня за такое быстрое ихъ удовлетвореніе и въ душѣ смѣясь надо мною, они и не подозрѣвали нисколько, что развязка дѣла еще впереди.

Когда дѣло съ бушевавшими мужиками было разобрано, виновныхъ въ кулачной расправѣ постегали солдаты, троихъ или четверыхъ, а въ томъ числѣ и родственника Теймураза Топуріи, Басаію, послалъ я въ Сенаки выдержать съ мѣсяцъ въ тюрьмѣ,—пригласилъ я всѣхъ князей Пагава и объявилъ имъ, что, для полнаго прекращенія на будущее время всякихъ недоразумѣній между ними и ихъ крестьянами, нахожу необходимымъ составить разъ навсегда подымныя росписи податей и повинностей крестьянскихъ. Пагавамъ, по ихъ джентельменству, отказываться теперь отъ какого либо моего предложенія было невозможно; сто двадцать рублей лежали у нихъ въ карманѣ, и они объяснили, что готовы исполнять всякое мое приказаніе. Засадилъ я тогда всѣхъ моихъ сотрудниковъ и самъ сѣлъ съ ними, и принялись мы за работу.

Призывались крестьяне каждаго изъ князей Пагава по очереди и съ обоюдныхъ ихъ показаній составлялись росписи дебулебы, т. е. податей и повинностей, для разрѣшенія же несогла-

сій въ показаніяхъ обѣихъ сторонъ выбраны были особые медіаторы съ обязательствомъ какъ господъ, такъ и крестьянъ безусловно подчиняться ихъ рѣшенію. Для большей увѣренности въ правдѣ этихъ медіаторовъ они были приведены къ присягѣ. Росписи, подписанныя обѣими сторонами и медіаторами, составлялись въ трехъ экземплярахъ: одинъ давался помѣщику, другой крестьянамъ, а третій долженъ былъ храниться въ окружномъ управленіи. При этомъ было объявлено обѣимъ сторонамъ за подписками, что отнынѣ навсегда кормленіе помѣщиковъ у мужиковъ отмѣняется, а также и повинность моахле, т. е. женской прислуги, прекращается. Пагавы хотя чувствовали, что 120 рублей обходятся имъ недаромъ; но, дѣлать нечего, подписали.

Нахунувская исторія и процедура составленія росписей взяли у меня болѣе двухъ недѣль, и всѣ святки и новый годъ проведены были нами чортъ знаетъ въ какой обстановкѣ. Оставалось мнѣ одно лишь утѣшеніе, что введеніемъ росписей мнѣ удалось обломать нешуточное дѣло: положено было начало прекращенію произвола помѣщичьей власти въ формѣ самой приличной обоюднаго договора.

Н. П. Колюбакина я нашелъ въ постелѣ, докторъ не позволялъ ему еще вставать. Дружески обнялъ онъ меня и благодарилъ за все сдѣланное. Накашидзе долго разсказывалъ ему всѣ трагикомическіе эпизоды изъ этой эпопеи; генералъ отъ души хохоталъ. Разсказывалъ посвоему и Теймуразъ Топурія дипломатическія свои подвиги на горѣ и представлялъ ихъ въ лицахъ. Сто двадцать рублей, уплаченные мною за вино, отнеслись въ счетъ экстраординарной суммы. Когда же Колюбакинъ на столько поправился, что могъ ходить по комнатѣ, Пагавы призваны были къ нему, и имъ строго внушилось не отступать отъ сдѣланныхъ росписей. Сказано было, что если и послѣ этой мѣры они излишними требованіями вызовутъ движеніе, подобное нахуновскому, то будутъ сочтены за прямыхъ нарушителей общественнаго спокойствія и надъ имѣніями ихъ назначится опекунское управленіе.

3.

Въ январѣ 1858 года, дознаніе о дѣйствіяхъ коноводовъ и главныхъ ихъ пособникахъ въ прошлогоднихъ безпорядкахъ было приведено къ концу; 38 человѣкъ были заарестованы, и заключеніе о мѣрѣ ихъ виновности и степени наказанія представлено управляющимъ Мингреліею намѣстнику, а тамъ послѣдовало утвержденіе. Всѣ 38 виновныхъ были высланы административнымъ порядкомъ на различные сроки во внутреннія губерніи. Самый высшій срокъ былъ пятилѣтній, и ему подверглись три главныхъ ко-

новода. Изъ нихъ Коча Тодуа умеръ въ ссылкѣ, а двое его товарищей, отбывъ срокъ, вернулись на родину и чуть ли не до сихъ поръ благополучно здравствуютъ. Вообще можно сказать, что, благодаря гуманности Н. П. Колюбакина, дѣло обошлось безъ значительнаго числа жертвъ: тридцать восемь человѣкъ, временно высланныхъ, была совсѣмъ ничтожная цифра при возстаніи чуть не поголовномъ, прекращенномъ мѣстною администраціею. Прискорбенъ былъ лишь фактъ вооруженнаго столкновенія въ Занахъ, гдѣ побито было козаками нѣсколько человѣкъ; но отвѣтственность въ этомъ случаѣ падаетъ на сумасбродныя затѣи Чиковановыхъ.

Послѣдствія прошлогоднихъ безпорядковъ продолжали еще сказываться. Къ концѣ января, у жителей оказался сильный недостатокъ въ хлѣбѣ и въ кукурузѣ, и намъ пришлось прійдти имъ на помощь. Генералъ приказалъ закупить въ Имеретіи муку и зерно и жителямъ было объявлено, что они могутъ получать ихъ въ видѣ ссуды до будущаго урожая. Это спасло ихъ отъ голодовки и дало возможность обсѣменить поля яровыми хлѣбами.

Въ февралѣ мѣсяцѣ, Д. И. Кипіани съ Чиляевымъ покончили объѣздъ, описаніе владѣтельскаго имѣнія и въ заключеніе отнеслись къ окружнымъ начальникамъ съ запросомъ о сообщеніи имъ справочныхъ цѣнъ въ Мингреліи на всѣ сельскіе продукты, какъ-то: пшеницы, кукурузы, гоми, вина, скотины и пр., и пр. Запросъ этотъ меня немало удивилъ и поставилъ въ затрудненіе. При томъ захудаломъ положеніи, въ которомъ находилась Мингрелія, нелегко было собрать истинныя справочныя цѣны о какихъ либо произведеніяхъ. Въ хлѣбѣ народъ самъ нуждался, слѣдовательно на еженедѣльные базары нести его не могъ, привезенный же изъ Имеретіи, онъ, конечно, былъ выше нормальной цѣны, а недостатокъ хлѣба отзывался на цѣнѣ и другихъ продуктовъ, которые сбывались въ обмѣнъ на привозный хлѣбъ по цѣнѣ, ниже нормальной. Вдобавокъ опекунъ просилъ справочныя цѣны не только за послѣдній годъ, но среднія за послѣднія десять лѣтъ; этого, конечно, русская администрація не могла вовсе сообщить съ надлежащею точностію и, чтобы по мѣрѣ возможности удовлетворить требованію Д. И. Кипіани, дѣло это поручилъ я сенакскому полицейскому коммиссару и бывшему мдиванбегу, человѣку пожилому и очень толковому, князю Максиму Беровичу Кочакидзе. Цыфры, сообщенныя имъ, препроводилъ я къ опекуну, а вмѣстѣ съ тѣмъ, интересуясь узнать, для чего нужны были ему эти цѣны, при свиданіи съ нимъ, недѣли двѣ спустя, спросилъ его объ этомъ и, къ удивленію своему, узналъ отъ него, что, руководствуясь этими справочными цѣнами, онъ разцѣнныя подати и повинности владѣтельскихъ крестьянъ думаетъ перевести на деньги, а затѣмъ и взыскивать ихъ уже не натурою, а деньгами. Результатомъ такихъ вычисленій образовалась у Кипіани сумма въ сто двадцать

тысячъ ежегоднаго доходу владѣтеля; но, принимая во вниманіе раззоренное положеніе крестьянъ, вслѣдствіе турецкой войны и бунта, онъ скидывалъ третью часть и затѣмъ оставалось восемьдесять тысячъ рублей, которые считалъ въ правѣ требовать съ крестьянъ.

Видя передъ собою члена совѣта намѣстника кавказскаго, слѣдовательно очень крупное лицо въ начальственной іерархіи, и притомъ замѣтивъ уже изъ разговоровъ съ Кипіани, что онъ не любитъ возраженій маленькаго чина, я воздержался отъ нихъ и теперь; но при свиданіи съ Н. П. Колюбакинымъ сообщилъ ему о слышанномъ мною отъ Кипіани. Собрать съ трехъ тысячъ дымовъ крестьянъ 80 т. р. я считалъ не только неправильнымъ, но и физически невозможнымъ. Крестьяне обязаны были владѣтелю, какъ и крестьяне всѣхъ другихъ помѣщиковъ, приношеніемъ натуральныхъ произведеній; что̀ давала имъ земля, то они и несли,— вотъ въ чемъ заключался главный принципъ ихъ обязанностей, дебулеба. Сказать крестьянину: «принеси мнѣ вмѣсто курицы 10 коп. и вмѣсто батмана кукурузы 40 коп.», господинъ не имѣлъ права, и денежное взысканіе, вмѣсто натуральнаго, являлось насиліемъ. Какой же могъ быть послѣ того разговоръ о переложеніи опекуномъ приношеній натурою на деньги? Но какъ это ни нелѣпо, допустимъ, что фактъ совершился и крестьянъ подъ угрозою козацкой нагайки обложили денежною податью,—гдѣ же возьмутъ три тысячи дымовъ мингрельскихъ крестьянъ восемьдесятъ тысячъ рублей, когда такой суммы нѣтъ въ обращеніи во всей Мингреліи, т. е. у 28 тысячъ дымовъ. Нелѣпость предположенія Кипіани была очевидна, Н. П. Колюбакинъ тотчасъ же ее понялъ и сказалъ мнѣ, что онъ поговоритъ съ Димитріемъ Ивановичемъ, спустя же нѣсколько дней, сообщилъ мнѣ конфиденціально слѣдующее. Кипіани и самъ знаетъ хорошо, что взыскивать 80 тысячъ не мыслимо, но разцѣнку эту сдѣлалъ онъ въ тѣхъ видахъ, чтобы облегчить правительству способъ ликвидаціи владѣтеля, въ случаѣ упраздненія его автономіи. Соображаясь съ этимъ денежнымъ доходомъ, хотя и фиктивнымъ, но, всетаки, изображающимъ собою приблизительную цѣнность продуктовъ, которыми обязаны крестьяне, нетрудно сдѣлать безобидную для владѣтеля капитализацію и вознаградить его въ этомъ размѣрѣ за отказъ отъ своихъ правъ. Такое объясненіе хотя не вполнѣ меня удовлетворяло, но Колюбакинъ присовокупилъ, что онъ знаетъ Кипіани давно и думаетъ, что усердіе къ поддержанію интересовъ владѣтеля, по всему вѣроятію, не заглушитъ въ немъ ни здраваго смысла, ни чувства справедливости. «Во всякомъ случаѣ,—заключилъ генералъ:—намъ вѣдь все будетъ видно и мы, конечно, съумѣемъ удержать ретивость опекуна въ границахъ благоразумія и возможности».

Въ мартѣ мѣсяцѣ, появились у насъ въ Мингреліи очень инте-

ресные гости,—три агента большой французской желѣзно-дорожной компаніи (во главѣ которой стоялъ знаменитый Коллиніонъ)—капитанъ Давидъ, г. Шарпантье и отставной русскій гусаръ, баронъ Кнорингъ. Они были первыми вѣстниками новой, только что начинавшейся тогда эры желѣзно-дорожнаго движенія въ нашемъ отечествѣ. Дорога тогда проектировалась отъ Москвы до Өеодосіи и работы начинались съ обѣихъ ея концовъ разомъ. Въ Өеодосіи поставку шпалъ приняла на себя компанія Трона и Готрона и правленіе прислало названныхъ трехъ агентовъ для веденія переговоровъ съ владѣльцами береговыхъ лѣсовъ Мингреліи и Самурзакани. Живущій въ этой сторонѣ болѣе 15 лѣтъ, французъ, графъ Розмурдюкъ, явился коммиссіонеромъ въ этомъ дѣлѣ и свелъ агентовъ съ мингрельскими дворянами Чхоларіа, владѣльцами прекраснаго лѣса возлѣ Анапліи. Дѣло это шло на ладъ и генералъ, конечно, оказывалъ полное содѣйствіе французамъ.

Въ тотъ моментъ они были очень интересны. Недавніе еще наши враги подъ Севастополемъ — оба служили они тамъ — и съ особеннымъ уваженіемъ и симпатіей говорили о русскихъ, и больше всего радовали насъ тѣмъ, что черезъ два года обѣщали дорогу отъ Өеодосіи. Являлась надежда, что скоро и нашъ глухой край соединится съ Москвою и Петербургомъ. Тогда вѣдь попадать отъ насъ въ тѣ мѣста считалось чуть не подвигомъ. Мингрелія чрезвычайно нравилась французамъ, они надавали намъ массу обѣщаній — привлечь иностранные капиталы для эксплоатаціи естественныхъ богатствъ Кавказа, и мы какъ дѣти всему вѣрили. Денегъ у нихъ было много и содержанія ихъ насъ поражали: Давидъ, напр., получалъ 12 т., Шарпантье 6 т., Кноррингъ 4,500. Окладъ управляющаго Мингреліи былъ 7 т., слѣдовательно чуть не половина оклада старшаго агента какой-то французской компаніи. Чувствовалось въ этомъ какое-то новое вѣяніе; до сихъ поръ у насъ, кромѣ служебной карьеры, ничего не имѣлось въ виду, а тутъ яснымъ становилось, что для частной предпріимчивости открывалось широкое поле. Это видѣли мы не на одной французской компаніи; въ прошломъ году на Кавказъ пріѣзжалъ тоже крупный, русскій предприниматель г. Новосельскій съ своими агентами, денегъ у нихъ куры не клевали, содержанія тоже были огромныя. Отъ всего этого у насъ, бѣдныхъ тружениковъ, получающихъ гроши, не хватавшіе на самую скромную жизнь — кружилась голова. Окружный начальникъ, напр., при отвѣтственной и хлопотливой своей обязанности, сопряженной часто съ опасностію жизни, получалъ всего 1,500 рублей, т. е. третью часть содержанія какого-то отставнаго гусара, младшаго агента какой-то французской компаніи. Такая несообразность въ окладахъ не могла не деморализировать многихъ состоявшихъ тогда на государственной службѣ и лишенныхъ надеждъ на быстрое подвиженіе.

Но веселая полоса, занесенная къ намъ легкою болтовнею французовъ, помрачилась очень прискорбнымъ извѣстіемъ. Генералъ получилъ отъ князя Барятинскаго предложеніе принять должность эриванскаго военнаго губернатора и, конечно, принялъ ее съ удовольствіемъ, какъ мѣсто, на которомъ онъ становился въ непосредственныя отношенія съ самимъ намѣстникомъ. За Колюбакина, конечно, можно было лишь радоваться, тѣмъ болѣе, что здоровье его пошатнулось и дѣятельность управляющаго Мингреліею становилась ему не по силамъ, но разставаться съ нимъ намъ было всѣмъ невесело, а мнѣ въ особенности, поѣхавшему въ Мингрелію лишь по его приглашенію. Служба въ Кутаисѣ и здѣсь меня совсѣмъ сблизила съ Колюбакинымъ. Всѣ неровности характера, вспыльчивость, раздражительность, а подъ-часъ эксцентричность и чудачество искупались въ немъ несомнѣнными достоинствами. Онъ и жена его, Александра Андреевна, урожденная Крыжановская, были прежде всего люди простые сердцемъ и въ полномъ смыслѣ честные. Синекура въ службѣ для Колюбкина была немыслима, поэтому онъ не могъ быть пріятенъ для служащихъ, что называется, съ хитрецой, и налегалъ на нихъ съ полною безцеремонностію, но привязывался всѣмъ сердцемъ къ людямъ усерднымъ. У Александры Андреевны не было, дѣтей, она взяла къ себѣ сироту и воспитала такъ, какъ рѣдко воспитываютъ дѣтей своихъ родители. Она съ нимъ училась чуть не до послѣдняго университетскаго курса. Колюбакины жили всегда по своимъ средствамъ и тутъ умѣніе распорядиться ими всецѣло принадлежало Александрѣ Андреевнѣ, самъ же онъ положительно не умѣлъ обращаться съ деньгами и, если онѣ попали къ нему въ руки, — сорилъ ими. Помню, однажды въ Кутаисѣ, въ отсутствіи Александры Андреевны, скопилось у него пять тысячъ, то были какія-то наградныя и не дополученныя въ военное время раціоны; такая сумма завелась у него чуть ли не первый разъ въ жизни и она не давала ему покою. Отдавалъ онъ ее прятать то мнѣ, то Акопову, то Рафаилу Эристову и всѣ мы двадцать разъ ее пересчитывали; но вдругъ вздумалось ему ѣхать въ Тифлисъ, потащилъ онъ туда же и меня, прожили мы цѣлый мѣсяцъ у брата его Михаила Петровича и пять тысячъ разлетѣлись не извѣстно куда, знаю только, что значительная часть ихъ раздалась всѣмъ, кто ни просилъ, и вернулись мы домой налегкѣ. Но въ присутствіи Александры Андреевны это было бы не мыслимо. О взяткахъ, конечно, не могло быть и рѣчи, руки у Николая Петровича были не такъ устроены, онъ могъ ими давать, но не брать. Люди съ такою солидною основою нелегко мѣняются и тѣмъ самымъ заслуживаютъ если не любви, то уваженія.

По всему этому мнѣ было очень прискорбно разстаться съ Колюбакинымъ, а ѣхать за нимъ въ Эривань мѣшало тоже весьма

важное обстоятельство: я былъ женихомъ, невѣста моя жила въ Кутаисѣ и свадьба назначена въ апрѣлѣ.

Все это заставило меня серьёзно подумать о возвращеніи въ Кутаисъ и я надѣялся на содѣйствіе въ томъ князя Эристова; но получилось извѣстіе изъ Тифлиса, что на мѣсто Николая Петровича назначается братъ его, Михаилъ Петровичъ, и это поколебало мои намѣренія. Съ Михаиломъ Петровичемъ я былъ знакомъ частнымъ образомъ, видѣлъ въ немъ очень любезнаго человѣка; братъ же его взялся быть посредникомъ между нами и обѣщалъ мнѣ сблизить насъ.

Въ началѣ апрѣля, переселился я изъ Теклатъ въ Котіанеты, въ домъ князя Каціи батонишвили, любезно мнѣ его предложившаго, въ виду скорой моей свадьбы и потому еще, что самъ онъ жилъ постоянно въ Зугдидскомъ округѣ, а котіанетскій домъ его пустовалъ. Отъ наемной платы Каціа рѣшительно отказался и позволилъ мнѣ лишь обдѣлать домъ, состоящій изъ трехъ комнатъ и флигеля въ одну комнату, заново обоями. Я выписалъ изъ Орпири скопцовъ, поручилъ имъ эту работу, обои прислали изъ Кутаиса, также какъ и мебель, и въ нѣсколько дней котіанетское жилище сдѣлалось неузнаваемымъ; изъ грязнаго, сквознаго, съ перекосившимися рамами, заклеенными вмѣсто стеколъ бумагою, оно обратилось въ маленькій котеджъ, съ террасою, убранною плющемъ.

Недѣли черезъ три я жилъ тутъ уже женатымъ человѣкомъ.

4.

Во время непродолжительнаго отпуска моего въ Кутаисъ совершилась перемѣна начальства, и я явился уже къ Михаилу Петровичу Колюбакину.

Служа болѣе двадцати лѣтъ на Кавказѣ, онъ началъ карьеру свою съ должности личнаго адъютанта начальника штаба, генерала Коцебу, отсюда сдѣланъ былъ карабахскимъ уѣзднымъ начальникомъ, потомъ кутаисскимъ вице-губернаторомъ, переведенъ на ту же должность въ Тифлисъ и тутъ оставался лѣтъ восемь, при трехъ губернаторахъ: князѣ Иванѣ Малхазовичѣ Андрониковѣ (героѣ Ахалцыха, Ацкура и Чолока), Лукашѣ и Капгерѣ. При первомъ изъ нихъ весьма часто исправлялъ онъ его должность, вслѣдствіе отлучекъ Андроникова изъ Тифлиса, какъ командующаго войсками, расположенными сначала въ Ахалцыхскомъ уѣздѣ, а затѣмъ въ Гуріи, и когда тотъ совсѣмъ отказался отъ должности тифлисскаго губернатора, имѣлъ полное право занять это мѣсто, но Н. Н. Муравьевъ выписалъ изъ какого-то деревенскаго захолустья родственника своего, Лукаша, и посадилъ на голову Колюбакину. Лукашъ изображалъ собою что-то археологическое по древности и вет-

хости, о краѣ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія и, при всемъ желаніи показать свою дѣловитость и энергію, дальше пустаго канцеляризма ничего не проявилъ и, какъ только Муравьевъ оставилъ Кавказъ, тотчасъ же уѣхалъ къ себѣ обратно въ деревню. Барятинскій вмѣсто его назначилъ своего протеже, генерала Каптера, и Колюбакинъ опять очутился за ширмами. Такое, не первое, разочарованіе заставило его подумать, наконецъ, о себѣ и онъ намѣренъ былъ уже искать службы, какъ тогда говорилось, въ Россіи, но генералъ Назоровъ, эриванскій губернаторъ, своею отставкою, открылъ вакансію Николаю Петровичу Колюбакину; Барятинскій назначилъ туда послѣдняго, а Михаила Петровича на его мѣсто въ Мингрелію.

Многолѣтняя административная практика обогатила Колюбакина 2-го обширною опытностью, Закавказскій край былъ близко ему знакомъ, въ общихъ чертахъ онъ имѣлъ вѣрное понятіе и о Мингреліи, былъ въ ней не въ потемкахъ, да и его скоро тутъ всѣ поняли и узнали, чему много способствовала манера его обращенія, значительно отличавшаяся отъ братниной: онъ меньше горячился, меньше шумѣлъ и своею привѣтливостью всѣхъ къ себѣ располагалъ.

Немало на своемъ вѣку пришлось мнѣ видѣть и знать всякаго рода администраторовъ, и скажу только, что нигдѣ не можетъ быть такого разнообразія типовъ, какъ въ той служебной сферѣ, гдѣ личное усмотрѣніе играетъ чуть ли не главную роль. Щедринскихъ помпадуровъ не встрѣчалось на Кавказѣ, этотъ типъ родился, выросъ и воспитался на почвѣ нашей русской провинціи и въ петербургскихъ разсадникахъ бюрократіи; онъ былъ чуждъ Кавказу, богатому совершенно иными, своими собственными, доморощенными типами. Чрезвычайное разнообразіе мѣстныхъ особенностей, обычаевъ, нравовъ, дѣлаютъ изъ кавказскаго перешейка,—сравнительно небольшаго уголка, — нелегкое поприще администратору. Народы, тутъ живущіе, не смотря на многовѣковую свою исторію, не выработали въ жизни своей прочныхъ основъ гражданственности; сборники обычнаго права, не выходящаго изъ рамокъ сельской жизни, и мусульманское законодательство, шаріатъ, черезчуръ зыбкія основы, и Россія, присоединивъ къ себѣ Кавказъ, поставлена была въ необходимость всецѣло и съ незначительными оговорками распространить на него общіе свои законы. Примѣненіе ихъ на пользу, а не ко вреду населенія, введеніе ихъ въ общее сознаніе, какъ объективной правды, а не какъ мертвой буквы, навязываемой насильно, такова прямая обязанность здѣшняго администратора, а потому знакомство съ особенностями уголка, имъ управляемаго, пониманіе духа населенія, должны соединяться въ немъ съ умѣніемъ распорядиться тѣми средствами, которыми онъ дѣйствительно можетъ располагать.

Программа, кажется, не сложна, да для надлежащаго ея выполненія не такъ легко пріискиваются люди.

Всякій уголокъ въ краѣ кричитъ о своихъ нуждахъ, а южные кавказскіе народы не похожи на славянъ, они не апатичны къ своимъ общественнымъ дѣламъ, ихъ требованія выражаются обыкновенно въ страстной формѣ и бываютъ важнымъ оселкомъ для администратора. Горе ему, если онъ въ отвѣтъ на нихъ наобѣщаетъ цѣлый коробъ, самъ даже разшевелитъ новые вопросы и очутится въ забавномъ положеніи безсилія выполнить что нибудь; горе ему и тогда, если онъ все любезно выслушаетъ и не сдѣлаетъ, даже и того, чтобы могъ сдѣлать; въ обоихъ случаяхъ онъ теряетъ довѣріе населенія, а разъ оно потеряно, и пошла путаница. Уловить золотую середину и удовлетворить дѣйствительныя нужды края не на словахъ, а на дѣлѣ,—вотъ въ чемъ мудрость администратора, и, къ сожалѣнію, нужно признаться, она давалась на Кавказѣ немногимъ; крупное большинство администраторовъ состояло изъ фантазеровъ или изъ преслѣдующихъ свои личные интересы. Одинъ ухватывался за канцеляризмъ, какъ Лукашъ, и, проповѣдуя о необходимости сокращенія переписки, разводилъ ее въ десятеро больше прежняго; другой, съ громкимъ титуломъ и значительнымъ богатствомъ, желая во что бы то ни стало облагодѣтельствовать край, по своему пускался все въ немъ ломать, перестроивать и вновь созидать, да на бѣду энергія эта приводила во всемъ къ одному лишь фіаско. Въ одномъ городѣ былъ прекрасный тѣнистый бульваръ, на которомъ обыватели находили прохладу въ знойные, лѣтніе дни; администраторъ нашелъ, что тутъ необходимо устроить фонтаны, сдѣлалъ водопроводъ, обошедшійся городу до 20 тысячъ рублей, бульваръ изрылъ весь канавами, и кончилось все тѣмъ, что изъ бульвара вышло болото, фонтановъ не добились и водопроводъ забросили. Въ другомъ городѣ выстроилъ онъ чугунный желѣзнодорожный мостъ, стоившій болѣе 80 тысячъ рублей, на счетъ совсѣмъ бѣднаго городскаго населенія, и потому лишь, что былъ увѣренъ въ проложеніи тутъ желѣзной дороги; но ее повели по другому направленію и у города остался на шеѣ непомѣрно дорогой мостъ, хотя и приспособленный кое-какъ къ экипажной ѣздѣ, но по немъ разомъ два экипажа не могутъ ѣхать. Затѣмъ построилъ онъ казарму для войскъ, обошедшуюся въ 30 тысячъ рублей, въ такомъ лихорадочномъ мѣстѣ, что ее вскорѣ бросили и т. д. Жена его держала себя съ величіемъ китайской императрицы, принимала городскихъ и туземныхъ дамъ и кавалеровъ лежа на кушеткѣ, едва удостоивая ихъ кивкомъ. Болѣе пяти лѣтъ супруги эти царили, проживали тутъ всѣ свои значительные доходы, всѣхъ угощали, всѣмъ навязывались своими благодѣяніями и, не смотря на все это, безтактностью и отсутствіемъ здраваго смысла во всѣхъ своихъ поступкахъ, вынесли общую къ себѣ ненависть населенія. Третій, изъ иностран-

цевъ, пустился на хозяйственное устройство своего собственнаго имѣнія, стоившаго 10—15 тысячъ не болѣе, выписалъ себѣ заморскаго земляка-агронома и началъ разводить фруктовый садъ. Все посаженное съ годами прекрасно разрослось, да какъ же было не разростись, когда хозяинъ, пользуясь своею силою, оттягалъ воду у сосѣднихъ крестьянъ. Появились дѣйствительно превосходные фрукты, о фермѣ стали писать, говорить, стали ѣздить смотрѣть на нее и, главное, всѣ трубили о замѣчательной ея пользѣ, какъ образчика высокой культуры, которому могутъ слѣдовать туземцы. Но вдругъ разнеслась молва, что казна да милліонеръ-армянинъ купили у администратора его ферму, шутка сказать, чуть ли не за 400 тысячъ рублей. Прошло нѣсколько лѣтъ, администраторъ уѣхалъ съ Кавказа, казна бросила свой участокъ, также, какъ и армянинъ свой, и все это задичало, и стало ясно всѣмъ, что ни казнѣ, ни армянину вовсе не нужны были ихъ участки, купили они ихъ лишь въ угоду администратору, оставшемуся не въ убыткѣ отъ своей продажи. Тогда-то и поняли, каковъ это былъ фификусъ. За исключеніемъ этого крупнаго гешефта въ свою пользу, онъ ровно ничего не сдѣлалъ для края, и его помнятъ лишь по недоступности, важности, чистоплотности и отвратительной аккуратности въ своихъ личныхъ привычкахъ. Всѣ знали, въ какіе часы онъ встаетъ, гуляетъ, завтракаетъ, слушаетъ доклады, принимаетъ просителей, обѣдаетъ и т. д., и по этимъ его регулярнымъ отправленіямъ можно было повѣрять часы. Четвертый былъ, что называется, homme aux expedients; для него ничего не было невозможнаго, онъ все, что хотите, брался устроить, такъ или иначе, для него всѣ средства были хороши. О чемъ бы его ни просили, онъ никогда не отказывалъ, придерживаясь персидской поговорки: «или паша умретъ, или оселъ околѣетъ». Ловкій, находчивый, вѣчно смѣющійся, какъ знаменитые фокусники Боско или Германъ, веселостью своею отводилъ онъ только глаза и, какъ истый ученикъ Лойолы, съ замѣчательнымъ искусствомъ умѣлъ быть и нашимъ, и вашимъ, такъ что всѣ считали его себѣ самымъ искреннимъ другомъ. Начальству угождалъ, опутывая его доказательствами своей преданности, съ подчиненными братался, лакеямъ большихъ господъ жалъ руки, зналъ, гдѣ что дѣлается и говорится, всюду поспѣвалъ, вездѣ умѣлъ дѣлаться необходимымъ. Много лѣтъ сидѣлъ онъ на своемъ мѣстѣ, много наложилъ себѣ въ карманъ, и, наконецъ... пригласили его на небо. Пятый, не доучившійся въ уѣздномъ училищѣ туземецъ, порусски пишущій съ грѣхомъ пополамъ, низкопоклонствомъ, окольными путями и при содѣйствіи старыхъ бабъ, прельщавшихся этимъ Адонисомъ, добился своего положенія и, сдѣлавшись восточнымъ бейлербеемъ, окружилъ себя толпою опричниковъ, на половину изъ своихъ родственниковъ. Этотъ типъ былъ нерѣдкимъ на Кавказѣ; одинъ изъ его

представителей открыто жилъ повосточному, на манеръ Генриха III Валуа, съ своимъ миньономъ, нукеромъ, и бралъ черезъ него взятки. Взятки же въ мусульманскихъ провинціяхъ, съ людей темныхъ брались не за понюшку табаку; такъ одинъ изъ родственниковъ белербея, послѣ кончины князя Воронцова, собиралъ, такъ называемыя, вдовьи деньги на пособіе бѣдной и несчастной вдовѣ сердаря. Населеніе такъ уважало Воронцова, что охотно несло деньги. Но, кажется, довольно этихъ выдержекъ; типы, нами перечисленные, не сочинены и извѣстны всему Кавказу, а потому, когда посреди подобнаго ассортимента администраторовъ встрѣчались люди дѣйствительно понимающіе, безкорыстные, серьёзно относящіеся къ своему дѣлу и дѣйствовавшіе сообразно съ духомъ, а не буквою закона, на пользу населенія, то, конечно, они надолго оставляли по себѣ благотворный слѣдъ. Къ этой-то категоріи меньшинства, по всей справедливости, слѣдуетъ отнести и братьевъ Колюбакиныхъ; по крайней мѣрѣ, я такими ихъ зналъ, служа съ ними въ Мингреліи. Каждый изъ нихъ имѣлъ, конечно, свои недостатки и оригинальныя черты.

Николай Петровичъ, съ своею неугомонною натурой, ко всякому факту относился непосредственно, накидывался на него, хваталъ его, такъ сказать, за рога, и тотчасъ же съ нимъ справлялся самъ, безъ помощи другихъ. Дѣлопроизводство у него кипѣло, дѣла не залеживались, конечно, заинтересованныя лица оттого выигрывали, но за то канцеляризмъ обрѣтался не всегда въ авантажѣ. Былъ у него, во время губернаторства въ Кутаисѣ, одинъ вышколенный чиновникъ, Васильевъ, писавшій превосходнымъ почеркомъ и прямо, набѣло, какую угодно бумагу; вдвоемъ съ нимъ, Колюбакинъ, отписывалъ получавшуюся почту съ быстротою необыкновенною. Приносились столоначальниками губернскаго правленія необходимыя справки, и затѣмъ Васильевъ садился, что называется, отжаривать набѣло отвѣты, предписанія, рапорты и т. д.; въ губернскомъ правленіи часто приходили въ отчаяніе, что въ дѣлахъ не имѣлось черновыхъ ремарокъ, о которыхъ Васильевъ не заботился. Одинъ разъ, въ кабинетѣ Колюбакина, во время подобной процедуры, сидѣлъ родственникъ его, Николай Павловичъ Безакъ, человѣкъ много видѣвшій и много служившій, онъ былъ свидѣтелемъ этой кипучей работы, слѣдилъ за нею со вниманіемъ, а когда все покончилось и Васильевъ ушелъ съ пакетами, невольно выразилъ свое удивленіе.

— Знаете, Николай Петровичъ,—сказалъ онъ:—что у васъ, не шутя, я видѣлъ втораго Буткова, тотъ вѣдь подобною канцелярскою виртуозностію вышелъ въ люди. Сначала у Позена, а потомъ у князя Чернышева, былъ онъ тѣмъ же, чѣмъ вашъ Васильевъ, а Чернышевъ представилъ его и государю Николаю Павловичу, сдѣлавшему изъ него вскорѣ государственнаго секретаря.

Къ несчастію для Васильева, предсказаніе блестящей карьеры,

сдѣланное ему Безакомъ, не сбылось; онъ рано умеръ, истощивъ здоровье кутежами.

Михаилъ Петровичъ Колюбакинъ отличался отъ брата бо́льшимъ спокойствіемъ, сдержанностію, а главное, организаторскою способностію и умѣніемъ придумать такую общую мѣру, которая предупреждала бы совершеніе или повтореніе нежелательнаго факта.

Но эти личныя особенности братьевъ, какъ администраторовъ, не исключали въ основѣ ихъ дѣятельности серьёзно обдуманной програмы. Такъ Николай Петровичъ и году не пробылъ въ Мингреліи, а сдѣлалъ такое крупное дѣло, за которое она никогда не позабудетъ его имени. Усмиривъ почти поголовное возстаніе безъ кровопролитія, онъ далъ ему надлежащее освѣщеніе въ глазахъ правительства и тѣмъ самымъ выяснилъ дальнѣйшіе шаги по пути справедливаго и человѣчнаго отношеніи къ забытому краю и притетенному народу. Старинныя, пріятельскія связи съ княгинею Дадіанъ не заставили Колюбакина покривить душою, когда личные ея интересы враждебно столкнулись съ интересами населенія. Михаилъ Петровичъ принялъ отъ брата усмиренный край и такъ безкорыстно поставленное въ самомъ началѣ дѣло велъ втеченіе трехъ лѣтъ своего управленія въ томъ же духѣ.

Мы не станемъ утомлять вниманіе читателей подробною хроникою о дѣятельности Михаила Петровича въ Мингреліи и лишь намѣтимъ въ своихъ воспоминаніяхъ выдающіеся факты за время его управленія.

5.

Въ двадцатыхъ числахъ мая, дѣла призвали меня опять въ мѣстечко Орпири, и снова пользовался я гостепріимствомъ почтеннаго старика, Егора Давидовича Гегидзе, которому не могу не посвятить при этомъ нѣсколькихъ словъ. Уроженецъ Гуріи, азнауръ князя Мачутадзе, Егоръ Давидовичъ, взятъ былъ, трехъ лѣтъ, по своему круглому сиротству, въ семью господскую и росъ въ ней, когда имеретинскій царь Соломонъ пріѣхалъ въ пограничную свою съ Гуріей волость Саджавахо. Князь Мачутадзе поспѣшилъ явиться къ царю на поклонъ, былъ имъ чрезвычайно обласканъ и получилъ въ подарокъ огромнаго живаго осетра, пойманнаго въ Ріонѣ. Тронутый такою милостію, и зная, что царь постоянно скорбѣлъ о своемъ безчадіи, онъ привелъ малютку, азнаура своего Гегидзе, и подарилъ царю. Тотъ былъ въ восторгѣ отъ ребенка, царица еще больше, сирота пристроился у нихъ, какъ родное дитя, и выросталъ на утѣху своихъ пріемныхъ родителей. Въ 1820-мъ году, когда царь Соломонъ бѣжалъ въ Турцію и въ Имеретіи введено было русское управленіе, Гегидзе, юноша лѣтъ 18-ти, взятъ былъ на службу юнкеромъ въ Мингрельскій полкъ и сдѣлался вскорѣ

прекраснымъ русскимъ офицеромъ, подобно всѣмъ своимъ землякамъ грузинамъ. Онъ былъ уже капитаномъ, когда, въ сороковыхъ годахъ, высланы были на Кавказъ скопцы, изъ нихъ сформировалась инвалидная № 96 рота, ее расположили въ Усть-Цхенисъ-Цхали и Гегидзе сдѣлали ротнымъ командиромъ. Ему это назначеніе пришлось кстати, здоровьемъ и физическими силами онъ не могъ похвалиться; строевая и походная служба была черезчуръ ему тяжела, а тутъ хлопотъ было немного, и, главное, онъ попадалъ на свою родину. Скопцовъ вначалѣ было 380 человѣкъ, они прекрасно обстроились, занялись каючничествомъ, знаніе ими разныхъ ремеслъ, какъ я говорилъ въ пятой главѣ, приносило немало пользы околодку, и Егоръ Давидовичъ не обижая ихъ, жилъ совершеннымъ патріархомъ. Во дворѣ у него построено было нѣсколько домиковъ, всѣ, проѣзжавшіе по пути между Тифлисомъ и Редутъ-Кале, пользовались замѣчательнымъ гостепріимствомъ сначала капитана, потомъ маіора и, наконецъ, подполковника Гегидзе. Распутица захватывала иногда ихъ на цѣлыя тутъ недѣли, и они никогда потомъ не позабывали маленькаго, тщедушнаго старичка, который все время хлопоталъ о томъ, какъ бы ихъ успокоить, развлечь, накормить и доставить имъ средства для дальнѣйшаго путешествія. Разъ какъ-то заѣхало къ нему англійское семейство, съ цѣлой дѣтворой, слѣдовавшее изъ Тегерана черезъ Тифлисъ къ Редуту, и какъ разъ въ Орпири у дѣтей открылась корь; дальше ѣхать явилась положительная невозможность. Егоръ Давидовичъ только отъ того былъ въ отчаяніи, что англійскій языкъ для всѣхъ безусловно въ Орпири оказался непонятнымъ, съ этими проѣзжими гостями приходилось объясняться лишь жестами, и онъ, наконецъ, рѣшился послать въ Кутаисъ экипажъ за учителемъ нѣмецкаго языка, Борномъ, но когда того привезли, то вышло, что нѣмецкій языкъ былъ также чуждъ англичанамъ, какъ и русскій. Прожили они нѣсколько недѣль и, когда дѣти у нихъ поправились, уѣхали, выражая самыми чувствительными жестами свою признательность. Егоръ Давидовичъ ужасно всегда сожалѣлъ, что не могъ разговориться съ ними: «а прекрасные, должно быть, были люди, — говаривалъ онъ, вспоминая ихъ: — взойду къ нимъ въ комнату, пожмемъ другъ другу руки, помахаемъ этакъ головой, разведемъ руками, опять помахаемъ головой, посмѣемся... ну, и разойдемся». Гостепріимный кровъ Гегидзе извѣстенъ былъ, поэтому, въ Лондонѣ и въ Парижѣ, и ѣдущимъ оттуда путешественникамъ на Кавказъ и въ Персію давался обыкновенно такой адресъ: Mingrélie, Maranne, Gueguidze. И Боже избави было заикнуться о какой нибудь платѣ за постой и угощеніе подполковнику, этимъ можно было глубоко оскорбить его; онъ не мѣшалъ проѣзжимъ покупать, что было имъ нужно на орпирскомъ базарѣ, а когда угощалъ самъ, то тутъ и рѣчи не могло быть о вознагражденіи.

И могло ли приходить кому либо въ голову, что у такого прелестнаго и безобиднаго старичка чуть не розыгралась въ жизни драма самаго мрачнаго характера.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ Гуріи случилось возмущеніе, для усмиренія котораго потребовались войска, ввѣренныя знаменитому кавказскому герою, князю Моисею Захаровичу Аргутинскому-Долгорукому. Возмущеніе было имъ подавлено, и въ числѣ главныхъ виновниковъ, князь Шаликашвили, по конфирмаціи полеваго суда, сосланъ былъ въ каторжную работу. Незадолго передъ постигшимъ его несчастіемъ, онъ женился на красавицѣ, княжнѣ Аннѣ Тимоѳеевнѣ Микеладзе, которая, конечно, не послѣдовала за нимъ, и бракъ ихъ былъ расторгнутъ. Года черезъ два послѣ того, Гегидзе влюбился въ нее, предложилъ руку и женился.

Шаликашвили отбывалъ каторгу нѣсколько уже лѣтъ въ Восточной Сибири, когда туда генералъ-губернаторомъ пріѣхалъ Николай Николаевичъ Муравьевъ. Просматривая какъ-то списки каторжныхъ, онъ остановился на фамиліи Шаликашвили. Человѣкъ съ этимъ именемъ спасъ ему жизнь десятокъ лѣтъ тому назадъ, въ бытность его начальникомъ третьяго отдѣленія черноморской береговой линіи; случай относился къ одной изъ тогдашнихъ экспедицій его въ горы. Онъ приказалъ узнать подробности о заинтересовавшемъ его каторжномъ, и вышло, что то былъ именно самъ его когда-то спаситель. Понятно, что, при власти генералъ-губернатора, Муравьеву ничего не стоило вытянуть Шаликашвили изъ его несчастія, онъ сталъ за него усиленно ходатайствовать и, переводя изъ разряда въ разрядъ, выхлопоталъ ему полное помилованіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разрѣшеніе возвратиться на родину.

И вдругъ, передъ мирнымъ, счастливымъ своимъ супружествомъ и отцомъ уже нѣсколькихъ дѣтей, Гегидзе, предсталъ человѣкъ, потребовавшій у него свою жену. И какой человѣкъ?—всѣ знали, что онъ шутить не любитъ, да вдобавокъ открыто говоритъ, что не признаетъ никакого такого человѣческаго закона, который могъ бы расторгнуть бракъ, освященный закономъ божескимъ. Князья Микеладзевы, сильная имеретинская фамилія, къ счастью, явилась на помощь къ бѣдному Гегидзе, и только ихъ вмѣшательство, конечно, не безъ серьезной угрозы, могло сломить непреклонность требованій перваго мужа Анны Тимоѳеевны. Дѣло уладилось, однако, лишь въ такой формѣ, что Гегидзе явился данникомъ Шаликашвили и отдавалъ ему, втеченіе многихъ лѣтъ, значительную часть своего жалованья, но, къ счастью для семьи, тотъ, наконецъ, заболѣлъ и умеръ. Такъ вотъ какую передрягу пришлось пережить Егору Давидовичу, и онъ не любилъ говорить о ней.

Когда я познакомился съ нимъ, скопцовъ была уже только половина, остальные поумирали и добродушный подполковникъ объяснялъ мнѣ съ сожалѣніемъ, что, не смотря на его представленія,

роту его не укомплектовываютъ. Съ замѣчательною проницательностію онъ предвидѣлъ въ неотдаленномъ будущемъ полное ея исчезновеніе.

И такъ, въ маѣ мѣсяцѣ, когда я у него гостилъ, вечеромъ, 23-го числа, на террасѣ сидѣло у него нѣсколько проѣзжихъ въ Поти, между которыми шелъ разговоръ о наймѣ каюковъ на завтрашнее утро, вдругъ раздался не вдалекѣ пушечный выстрѣлъ. Чу, что это значитъ? откуда взялась тутъ пушка?

Послѣ нѣкотораго молчанія, кто-то сказалъ:—«да это, вѣрно, ружье, выстрѣлъ оттого былъ такъ громокъ, что онъ раздался по водѣ». Но пушечный выстрѣлъ повторился и на дворѣ поднялся шумъ, среди котораго послышались голоса: «пароходъ! пароходъ!»

Мгновенно выбѣжали мы всѣ на берегъ и дѣйствительно увѣдали первый и совсѣмъ неожиданный пароходъ съ шумомъ бороздящій Ріонъ.

Восторгъ былъ неописанный. Пароходъ еще разъ салютовалъ, съ берега отвѣчало ему громкое ура! и когда подошелъ къ пристани, въ одну минуту сбѣжалась цѣлая толпа, сброшенъ былъ трапъ и капитанъ сошелъ на берегъ. Приняли его въ распростертыя объятія, какъ самаго радостнаго гостя, и вскорѣ мы получили отъ него слѣдующее печатное объявленіе:

«Для развитія торговыхъ сношеній Кавказа съ разными мѣстами Чернаго и Азовскаго морей Русское Общество пароходства и торговли предположило открыть пароходныя сообщенія по Ріону, первоначально отъ Поти до Самтреди, и для этой цѣли заказало въ Англіи пароходъ, который долженъ быть къ 1-му іюля новаго стиля. Нынѣ же для скорѣйшаго начатія плаванія по Ріону, по распоряженію главной конторы Русскаго Общества пароходства и торговли, прибылъ на Ріонъ пароходъ «Аккерманъ», который немедленно начнетъ свои дѣйствія и будетъ продолжать оныя до прибытія на Ріонъ парохода, заказаннаго для этой цѣли; а потому лица, желающія получать пассажирскіе билеты, или отправлять свои товары, могутъ съ своими требованіями обращаться въ Поти, а въ другихъ пунктахъ къ капитану парохода».

Итакъ пароходъ «Аккерманъ» былъ только предвѣстникомъ настоящаго парохода ріонскаго. Общество, считая первый рейсъ его небезопаснымъ, поручило управленіе опытному капитану, г. Заболотному, который вышелъ изъ Поти въ 9 часовъ утра и, обходя со всевозможною осторожностію мѣста, загроможденныя карчами, пришелъ въ Орпири безъ малѣйшихъ остановокъ къ 7 часамъ вечера. Пароходъ простоялъ трое сутокъ въ Орпири и 27-го мая, пошелъ обратно въ Поти; на немъ слѣдовали Д. А. Милютинъ, М. П. Колюбакинъ, кутаисскій губернаторъ Н. А. Ивановъ и довольно большое общество, пріѣхавшее изъ Кутаиса. Рейсъ совершился великолѣпно, и послѣ 7 часовъ пути мы были въ Поти, гдѣ насъ встрѣ-

чали портовой начальникъ Китаевъ, баталіонный командиръ Корзунъ и инженеръ Лялинъ, строившій городъ.

Появленіе «Аккермана» было крупнымъ событіемъ въ жизни нашего уголка, и толпы любопытныхъ со всѣхъ сторонъ стекались въ Орпири, чтобы имъ полюбоваться, какая-то свѣжая струя оживила нашу сторону, къ намъ повѣяло знаменіемъ цивилизованнаго міра, съ которымъ первое пароходное сообщеніе связывало насъ зарождающимся торговымъ движеніемъ.

Къ чести г. Заболотнаго нужно сказать, что онъ былъ чрезвычайно любезенъ и привѣтливъ ко всѣмъ, и любопытные, желающіе осматривать его пароходъ, — а ихъ, какъ мы уже сказали, являлись цѣлыя толпы изъ туземнаго населенія, — не встрѣчали отказа.

Между ними появилась однажды и какая-то очень важная особа съ большою свитою и прислала къ капитану своего переводчика съ просьбою допустить ее на пароходъ. Капитанъ, прося пожаловать, встрѣтилъ ее во фракѣ и въ бѣломъ галстухѣ. То была знакомая читателямъ княгиня Меника, въ своей пунцовой сацвимари, вышитой золотомъ, совсѣмъ озадачившая своимъ величіемъ новичка въ нашей сторонѣ г. Заболотнаго, съ крайнею почтительностію показавшаго ей пароходъ во всѣхъ подробностяхъ. Когда эта процедура покончилась, причемъ княгиню очень заинтересовала паровая машина, видѣнная ею впервые, ея свѣтлость изволила приказать переводчику перевести слѣдующій вопросъ, обращенный къ капитану:

— Спроси его, который изъ мастеровъ хитрѣе (умпро остати): тотъ ли, который дѣлаетъ эту машину, или тотъ, что дѣлаетъ часы?

Капитанъ не успѣлъ еще пріискать отвѣта, какъ княгиня еще болѣе его озадачила, заявивъ желаніе купить у него эту машину и перевести ее къ себѣ въ Квашихоры.

Съ сожалѣніемъ онъ нашелся вынужденнымъ отказать ей въ этомъ и присовокупилъ, что, если угодно княгинѣ, выпишетъ ей такую же точно другую машину.

— А можно точно такую же достать?

— Можно, ваша свѣтлость.

— Такъ непремѣнно выпишите и доставьте мнѣ въ Квашихоры.

— Слушаю, ваша свѣтлость.

Затѣмъ княгиня величественно поклонилась и изволила уѣхать съ своею свитою восвояси.

Дня черезъ два, г. Заболотный, при свиданіи со мною, разсказалъ мнѣ объ этомъ визитѣ и спросилъ, долженъ ли онъ дѣйствительно выполнить заказъ княгини. Отъ этого, конечно, удержалъ я его, объяснивъ ему, что княгиня продѣлывала всю эту сцену, единственно изъ желанія пустить въ глаза пыль...

6.

Однимъ изъ первыхъ мѣропріятій М. П. Колюбакина было составленіе камеральнаго описанія Мингреліи, и съ надлежащими программами и разъясненіями было возложено на нѣсколькихъ чиновниковъ, снабженныхъ суточными и разъѣздными деньгами. Это дѣло взяло, сколько мнѣ помнится, болѣе полугода, со всѣми же провѣрками, покончено было въ слѣдующемъ 1859 году.

Вскорѣ по пріѣздѣ генералъ позаботился и о возобновленіи зугдидскаго владѣтельскаго дома; къ осени онъ былъ совершенно готовъ, такъ что въ немъ можно было водвориться. Одновременно съ тѣмъ строился въ Зугдидахъ же и домъ для помѣщенія совѣта управленія.

Переѣхалъ и я изъ Котіанетскаго дома князя Каціи Дадіани въ Сенаки, въ домъ благочиннаго протоіерея, Давида Кавтарадзе, отца моего переводчика. Переселеніе изъ Котіанетъ устроено было мнѣ совершеннымъ сюрпризомъ хозяина; скаредный старичишка Кація пріѣхалъ ко мнѣ въ гости и, увидавъ домъ свой совершенно преображеннымъ, возъимѣлъ хищное желаніе имъ воспользоваться, вслѣдствіе чего, нѣсколько времени спустя я получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ меня увѣдомлялъ, что дѣла его требуютъ возвращенія въ Котіанеты съ семействомъ, и потому онъ проситъ очистить домъ черезъ двѣ недѣли. Дѣлать было нечего, съ молодой женой перебрался я въ Сенаки и на этотъ разъ въ доброе и хорошее семейство, которое берегло насъ, какъ своихъ родныхъ. Судьба же ужасно жестоко наказала Кацію за эту продѣлку. Онъ не успѣлъ еще переѣхать изъ Джваръ, какъ домъ его сгорѣлъ до тла, и старичишка не посовѣстился взвести на меня подозрѣніе въ поджогѣ. Когда эти рѣчи его дошли до меня, я сказалъ о нихъ М. П. Колюбакину, а тотъ призвалъ Кацію, посадилъ его на гауптвахту.

Что поджогъ дѣйствительно имѣлъ тутъ мѣсто, въ этомъ много было вѣроятія, и послѣ шла молва, что онъ исходилъ отъ его племянниковъ, бывшихъ съ нимъ на ножахъ.

Лихорадочный сенакскій климатъ втеченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ далъ намъ съ женою себя почувствовать: мы проболѣли оба нѣсколько недѣль и проглотили немало хины. Пароксизмы въ особенности сильны были у меня; первый изъ нихъ продолжался 36 часовъ; втеченіе четырехъ дней я принялъ 120 грановъ хины. Стали болѣть и чиновники, и болѣе всѣхъ пострадалъ помощникъ секретаря, П. П. Полонскій (братъ нашего поэта). Подобныя лихорадочныя полосы крайне тяжелы и дѣйствуютъ на всѣхъ деморализующимъ образомъ.

Въ концѣ лѣта пріѣхала изъ Крыма и Марья Васильевна Колюбакина съ своей сестрой и дочерью, отъ перваго ея брака съ

генераломъ Эспехо. Она много оживила нашъ кружокъ своею любезностію и гостепріимствомъ. Въ Зугдидахъ окружила ее молодежь, состоявшая изъ поручика Принца, Накашидзе и докторовъ Гарновскаго и Кебера.

Осенью посѣтили нашъ край ихъ высочества великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи. Навстрѣчу къ нимъ выѣхалъ Барятинскій и, проѣздомъ черезъ Орпири, ночевалъ въ домѣ Гегидзе. Тутъ собрано было все дворянство мингрельское; князь очень любезно разговаривалъ съ главнѣйшими представителями и, подозвавъ Рафаила Эристова, и меня, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ благодарилъ насъ за нашу службу. Этотъ способъ благодарить въ присутствіи всего собранія былъ черезвычайно намъ пріятенъ, возвышая насъ въ глазахъ и во мнѣніи дворянства. Барятинскій зналъ свое дѣло.

Какъ мѣстному окружному начальнику, мнѣ пришлось докладывать ему и дѣла просителей, тутъ же къ нему явившихся. Особенно серьёзныхъ дѣлъ не было, но помню, что къ нему обратилась съ просьбою вдова убитаго на войнѣ офицера, мѣстная уроженка; пенсія ея третій годъ не разрѣшалась. Князь приказалъ начальнику походной своей канцеляріи, Лимановскому, принять всѣ мѣры къ ускоренію этого дѣла и обратился ко мнѣ съ вопросомъ;

— А покуда не полагаете ли вы умѣстнымъ—оказать ей временное пособіе? Пятьдесятъ червонцевъ, напримѣръ, не будутъ ли кстати?

Я доложилъ князю, что они будутъ большою милостію для бѣдной женщины; когда слова эти были переданы стоящей тутъ же вдовѣ, она упала на колѣни... Червонцы ей были отсчитаны немедленно тѣмъ же Лимановскимъ.

Подобныя дѣйствія представителя царскаго лица производили глубокое впечатлѣніе и долго потомъ вспоминались населеніемъ, среди котораго проѣзжалъ намѣстникъ.

Капитану Заболотному князь пожаловалъ бриліантовый перстень и приказалъ принять дѣтей его въ учебныя заведенія на казенный счетъ.

— Что же вы можете мнѣ показать интереснаго у себя въ Орпирахъ? — сказалъ онъ мнѣ.

У меня тутъ была филатура итальянца Дезидора, устроенная очень хорошо на пятьдесятъ станковъ, приводимыхъ въ движеніе паромъ. Я ему сказалъ о ней, и онъ пожелалъ ее видѣть.

Дезидоръ былъ на седьмомъ небѣ отъ посѣщенія такого высокаго гостя. Князь съ большимъ вниманіемъ все осматривалъ, разспрашивалъ и въ поощреніе итальянца на память подарилъ и ему перстень. Дезидоръ чуть не прыгалъ отъ радости.

Послѣ этого осмотра доложено было, что пароходъ готовъ, и князь вскорѣ пошелъ на немъ въ Поти.

Великіе князья въ первый разъ посѣщали Кавказъ; осенняя пора, одна изъ лучшихъ здѣсь, показывала имъ его въ самомъ выгодномъ свѣтѣ; природа, растительность, характерность населенія — все это чрезвычайно имъ нравилось, а князь Барятинскій умѣлъ показать имъ Кавказъ и придать особый блескъ ихъ путешествію. Они прослѣдовали на Кутаисъ въ Тифлисъ и оттуда въ Караязскую степь, гдѣ имъ приготовлена была великолѣпная охота на джейрановъ. Туда съѣхалось грузинское дворянство, мусульманскіе беги, множество дамъ изъ Тифлиса, и художнику г. Микѣшину, находившемуся въ свитѣ великихъ князей, представился богатый матеріалъ для путевыхъ эскизовъ.

Послѣ водворенія Колюбакина въ Зугдидахъ разстояніе между нашими резиденціями образовалось довольно значительное, не менѣе 45 верстъ, а потому и свиданія наши сдѣлались уже далеко не такъ частыми, какъ прежде. Дѣла текущія и разбирательство судебно-полицейское наполняли все мое время, и оно шло съ незамѣтною быстротою.

Между прочимъ, стали появляться все чаще и чаще дѣла по имѣніямъ владѣтеля; Кипіани назначилъ управляющимъ ихъ бывшаго секретаря княгини, князя Ираклія Лордкипанидзе, и тотъ, какъ истый подьячій, затѣялъ съ нами какую-то совершенно вздорную переписку, прося о какомъ-то содѣйствіи. Владѣтель въ своихъ имѣніяхъ, по нашему понятію, былъ такой же помѣщикъ, какъ и другіе, и, какъ тѣ, въ равной мѣрѣ имѣлъ право на наше содѣйствіе; но оно могло проявляться лишь тогда, если крестьяне не отбывали своихъ повинностей или помѣщикъ требовалъ лишняго; во всякомъ случаѣ, содѣйствію должно было предшествовать дознаніе и разбирательство. Лордкипанидзе писалъ какія-то требованія, по мнѣнію его, не подлежащія провѣркѣ, и, конечно, не получая на нихъ отвѣта, очень сталъ гнѣваться. Снизойдти на положеніе простаго просителя онъ не желалъ. Сахлтхуцесъ же и его помощники тоже не удостоивали насъ своими посѣщеніями, стали жаловаться на насъ опекуну въ Тифлисъ и вызвали его на переписку съ генераломъ. Провѣривъ наши дѣйствія и найдя ихъ правильными, тотъ отвѣтилъ въ этомъ смыслѣ и Кипіани. Говорили затѣмъ видѣвшіе сахлтхуцеса, что онъ сюда ждетъ самого опекуна.

Къ Рождеству поѣхали мы съ женой въ Зугдиди, и Колюбакины приняли насъ какъ родныхъ; въ домѣ ихъ нашлось для насъ двѣ свободныхъ комнаты; новый годъ встрѣтили мы одной семьей и провели праздники чрезвычайно весело. Пріѣхавшій сюда же погостить гурійскій князь, Дата Эристовъ съ женой, привезъ съ собою своихъ музыкантовъ, слѣдовательно было подо что танцовать, кавалеровъ и дамъ съ батальонными барынями и барышнями набралось десятка два, и пошли настоящіе балы. Кому при-

велось служить въ такихъ захолустьяхъ, какъ наша Мингрелія, тотъ пойметъ, на сколько могутъ быть пріятны подобныя импровизированныя удовольствія, среди которыхъ не требовалось роскошныхъ туалетовъ и которыхъ не давилъ вычурный, нелѣпый этикетъ хозяйки. Марья Васильевна показывала тутъ все свое мастерство и умѣніе одушевить кружокъ скромныхъ тружениковъ; до нея далеко было въ этомъ отношеніи барынѣ, лежавшей на кушеткѣ и не позволявшей даже курить у себя въ домѣ. Это на Кавказѣ-то!

7.

Въ февралѣ или мартѣ, пріѣхалъ въ Мингрелію Д. И. Кипіани и послѣ нѣсколькихъ свиданій съ генераломъ не пришелъ ни къ какому съ нимъ соглашенію относительно общей программы дѣйствій по управленію дѣлами владѣтельской опеки. Генералъ не находилъ никакого основанія выдѣлять ее изъ общихъ правилъ, указанныхъ закономъ по отношенію къ опекѣ имущества частныхъ лицъ,—Кипіани, напротивъ того, силился доказать, что она должна быть поставлена въ рамки опеки имущества казеннаго, и всѣ имѣнія владѣтеля должны охраняться наравнѣ съ интересами казны. Личныя свиданія Колюбакина съ опекуномъ и переговоры по этому предмету, не приведя ни къ чему, начали принимать раздражительный характеръ, а потому генералъ весьма благоразумно уклонился отъ ихъ повторенія и перешелъ съ Кипіани исключительно на почву оффиціальной переписки.

«Я сдѣлалъ это»,—объяснилъ онъ мнѣ при свиданіи:—«въ виду того, что втеченіе всей служебной моей дѣятельности, всякій разъ, какъ мнѣ приходилось сходить въ какомъ нибудь серьезномъ дѣлѣ на почву личныхъ переговоровъ, на моемъ нетерпѣливомъ и вспыльчивомъ характерѣ старались обыкновенно строить разныя комбинаціи во вредъ самому дѣлу. Я не дипломатъ, и со мною всегда можно выиграть партію въ эту игру. А перейдя на почву оффиціальной переписки, становишься, по крайней мѣрѣ, внѣ подобной опасности. Кто изъ насъ правъ, Кипіани или я, пусть судятъ наверху по тому матеріалу, который дастъ эта самая переписка».

Генералъ при этомъ просилъ меня, сверхъ прямой моей обязанности, принять на себя редакцію всѣхъ дѣловыхъ сношеній его съ опекуномъ, и это вызвало меня на довольно частыя поѣздки въ Зугдиди.

Въ маѣ мѣсяцѣ, совершилось открытіе и освященіе города Поти. По этому случаю въ Орпири собралось все начальство: генералъ-губернаторъ, кутаисскій губернаторъ, управляющій Мингреліею, нѣсколько уѣздныхъ и окружныхъ начальниковъ, три архіерея—кутаисскій, гурійскій и мингрельскій, и всю эту многочисленную

компанію, среди которой было и нѣсколько дамъ, принялъ «Аккерманъ» и повезъ въ Поти.

Общество раздѣлилось на двѣ группы. Въ рубкѣ, наверху помѣстилось высшее начальство, архіереи и дамы, а внизъ, въ общую столовую каюту, гдѣ былъ и буфетъ, спустились мы, грѣшные, второстепенныя личности. Случилось такъ, что среди насъ находилось два очень милыхъ человѣка—князь Иванъ Давидовичъ Орбеліани, адъютантъ намѣстника, и консулъ англійскій Камеронъ; выпить они были мастера, да и мы отъ нихъ не отставали, и у насъ организовался превеселый завтракъ. Шумъ нашей бесѣды доносился до палубы, генералъ-губернаторъ не совсѣмъ былъ доволенъ такимъ нарушеніемъ оффиціальнаго этикета, и, замѣтивъ это, Михаилъ Петровичъ Колюбакинъ спустился къ намъ для того, чтобы насъ угомонить, но мы встрѣтили его тостами, втянули въ нихъ его самого, и генералъ, какъ старый кавказецъ, не могъ отказаться отъ участія въ нашемъ застольномъ собраніи. Отъ Орнири до Поти мы шли часовъ шесть, въ это время пароходный буфетъ оказался буквально очищеннымъ, а когда, наконецъ, подошли къ потійской пристани, Камеронъ былъ совсѣмъ уже готовъ. Начальникъ порта, капитанъ 1-го ранга Китаевъ, инженеръ Лялинъ и другое потійское начальство встрѣтили генералъ-губернатора на берегу съ рапортами; сопровождаемый ими, онъ направился къ приготовленному для него дому, а наша компанія, во главѣ съ Иваномъ Орбеліани, привезшимъ съ собою зурнача, пошла осматривать городъ Поти. Звуки зурны, очень пріятные послѣ большаго количества выпитыхъ бутылокъ, впервые огласили собою стогны потійскія.

На другой день началась церемонія открытія города молебномъ на пристани, совершеннымъ соборне тремя епископами; затѣмъ послѣдовали чтеніе высочайшаго указа, рѣчь генералъ-губернатора, обращенная къ мѣстному начальству, строителямъ и обывателямъ, рѣчь начальника порта Егора Степановича Китаева, въ видѣ импровизаціи, не совсѣмъ удавшейся и чуть не вызвавшей общаго хохота, затѣмъ пушечные выстрѣлы и взаключеніе обѣдъ на пристани, причемъ одна половина присутствующихъ сидѣла подъ большимъ навѣсомъ на берегу, тутъ были старшіе чины и дамы, а на пароходной палубѣ другая половина, состоящая изъ младшихъ чиновъ, среди которыхъ находились опять же Камеронъ и Орбеліани съ зурначомъ. Тосты начались съ супа, ихъ было несмѣтное множество, а когда обѣдъ покончился, начальство съ дамами перебралось на пароходъ, и капитанъ Заболотный вышелъ черезъ потійскій баръ изъ устья Ріона въ море и подошелъ къ морскому пароходу «Эльборусу», стоявшему на рейдѣ. Капитанъ Свѣшниковъ принялъ насъ на свою палубу чрезвычайно радушно, старался угощать, но, къ сожалѣнію, морская качка на многихъ уже подѣйство-

вала неблагопріятно и, какъ только «Аккерманъ» передалъ свой грузъ, мы поспѣшили обратно въ Поти. При этомъ не обошлось и безъ комическаго эпизода съ Камерономъ; соскакивая съ большаго парохода на маленькій, онъ зацѣпился своимъ сюртукомъ за какой-то крюкъ, послѣ чего одна половина сюртука осталась на большомъ пароходѣ, а въ другой онъ очутился самъ на маленькомъ. Смѣху, конечно, было немало, и онъ отчасти изгладилъ невеселое впечатлѣніе, произведенное качкою.

Вечеромъ состоялся балъ у начальника порта, и хоръ музыкантовъ, прибывшій спеціально для того изъ Кутаиса, прекрасно исполнялъ свое дѣло. Кутаисская губернаторша, Екатерина Яковлевна Иванова, г-жи Гагемейстеръ, Васильева, моя жена, графиня Розмурдюкъ, Заболотная, княгиня Эристова, Китаева и еще нѣсколько другихъ барынь, которыхъ теперь уже не припомню, составили порядочную группу дамъ, а кавалеровъ нашлось вдоволь, и танцы шли съ большимъ одушевленіемъ. Въ промежуткахъ потѣшалъ насъ французъ, m-r Pia, гривуазными шансонетками, аккомпанируя самъ себѣ на піанино. Онъ былъ директоромъ компаніи, рубившей лѣсъ у дворянъ Чхоляріевыхъ, и пріѣхалъ на праздникъ съ помощникомъ своимъ, отставнымъ гусаромъ, барономъ Остенъ-Сакеномъ. Балъ заключился ужиномъ.

На другой день, утромъ тронулись мы обратно въ Орпири и прибыли туда еще засвѣтло. Городъ Поти былъ открытъ и, если съ тѣхъ поръ, спустя двадцать шесть лѣтъ, не обратился еще, какъ Чикаго, въ громадный торговый пунктъ, а остался въ полномъ своемъ ничтожествѣ, то вина въ томъ не наша: мы открывали его при самыхъ обильныхъ благопожеланіяхъ и возліяніяхъ.

Наступило лѣто, приближался лихорадочный въ Сенакахъ мѣсяцъ іюль, и во избѣжаніе прошлогодняго заболѣванія я рѣшилъ со всѣмъ управленіемъ до сентября перебраться куда нибудь въ горы. Лучшаго для этого мѣста, какъ лѣтняя резиденція владѣтеля, Горди, трудно было найдти, я зналъ, что пустующіе тамъ дома приходятъ лишь въ разрушеніе по отсутствію всякаго ихъ ремонта, и потому написалъ Д. И. Кипіани, прося разрѣшенія его занять эти дома и предлагая ему за это платить, что онъ самъ назначитъ. Въ отвѣтъ на это получилъ я отъ него слѣдующее письмо:

«Милостивый государь,

«Корнилій Александровичъ,

«Надобно не знать васъ такъ, какъ я васъ знаю, и не уважать васъ, какъ я васъ уважаю, чтобы приписывать чему либо другому, кромѣ множества служебныхъ занятій, то, что мы не встрѣчались еще съ вами, и чтобъ отказать вамъ въ такой просьбѣ, съ какою вы ко мнѣ обращаетесь. Для втораго случая надобно также не

имѣть ни малѣйшей претензіи на любезность. А такъ такъ я кое-что знаю и кое-какія претензіи имѣю, то съ особеннымъ удовольствіемъ предложилъ бы вамъ главное помѣщеніе въ Гордахъ; но зная, что не могу васъ заставить принять его, потому что самъ его занимаю,—я предоставляю въ ваше распоряженіе любой, или любые, изъ всѣхъ пяти или шести домовъ противоположной линіи: займите хоть всѣ, но съ слѣдующимъ уговоромъ: 1) всѣ старыя дрязги съ опекою забыть и начать жить съ опекою въ ладу; 2) начать жить съ опекою въ ладу и всѣ старыя дрязги забыть; 3) исполнять въ точности 1-й пунктъ; 4) не подвергать никакому нарушенію 2-го пункта и, наконецъ; 5) озаботиться объ исправленіи строеній, которыя изберете подъ ваше помѣщеніе. Этотъ послѣдній пунктъ предлагается вамъ, по всей вѣроятности, только на сей разъ, такъ какъ на сей разъ опека не имѣетъ никакой къ тому своей возможности: вы, госпожа мѣстная полиція, порядочно ее растрепали. Но сказано—стараго не вспоминать.

«Итакъ, Корнилій Александровичъ, жду васъ на этихъ условіяхъ съ нетерпѣніемъ.

«У супруги вашей, съ которою имѣлъ удовольствіе познакомиться очень-очень давно, еще въ 1855 году, позволяю себѣ поцѣловать ручку при васъ самихъ.

«Искренно и душевно вамъ преданный и покорнѣйшій слуга.

26 іюня 1859 г.
Горди.

«Д. Кипіани».

Такое любезное письмо вполнѣ меня успокоило относительно ненарушимости прежняго добраго ко мнѣ расположенія Димитрія Ивановича; я былъ весьма далекъ отъ желанія съ нимъ ссориться, и если въ письмѣ своемъ онъ выражался, что «вы, госпожа мѣстная полиція, порядочно растрепали опеку», то при свиданіи съ нимъ надѣялся разъяснить это недоразумѣніе, происходящее отъ наговоровъ Лордкипанидзе и сахлтхуцеса. Намъ не было никакого интереса разносить опеку, но нельзя же было выполнять всякія требованія управителей безъ провѣрки; мы на нихъ смотрѣли, какъ на всѣхъ другихъ приказчиковъ въ имѣніяхъ помѣщичьихъ, а у насъ было уже принято за правило, въ виду предупрежденія безпорядковъ, входить въ подробное разбирательство всякихъ недоразумѣній между господами и ихъ крестьянами. Также мы дѣйствовали и во владѣтельскихъ имѣніяхъ, но господа управители этого не желали, а домогались безусловнаго выполненія ихъ требованій. Все это я думалъ разъяснить Д. И. Кипіани и надѣялся, что резоны мои будутъ имъ уважены. Въ Горди переѣхалъ я съ моимъ управленіемъ и семействомъ въ началѣ іюля.

Кипіани, живя со мною въ одномъ дворѣ, былъ чрезвычайно

любезенъ; во время досуговъ отъ дѣлъ, мы часто видѣлись съ нимъ; пріѣхала ко мнѣ погостить сюда матушка моей жены съ другою своею дочерью; какъ имеретинка, она считалась въ родствѣ съ Димитріемъ Ивановичемъ, была съ нимъ очень давно и дружески знакома; пріѣхалъ ко мнѣ и Камеронъ съ Остенъ-Сакеномъ, бросившимъ службу въ частной компаніи и поступившимъ ко мнѣ въ помощники; общество собралось очень интересное, и я надѣялся провести лѣтніе мѣсяцы не только въ безопасности отъ лихорадокъ, но въ полномъ удовольствіи. О дѣлахъ опеки было у насъ нѣсколько разговоровъ съ опекуномъ, и онъ мнѣ сообщилъ, что занятъ разработкою проекта особаго для нея положенія, который когда покончитъ, то пригласитъ меня сообща обсудить.

Такъ прошелъ почти цѣлый мѣсяцъ. Кипіани работалъ, къ нему пріѣзжали управители владѣтельскіе для разныхъ распоряженій, по вечерамъ же мы регулярно сходились и весело бесѣдовали. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ онъ сказалъ мнѣ, что работа имъ кончена, и завтра утромъ, въ 9 часовъ, проситъ меня къ себѣ для выслушанія ея,—я, конечно, ни минуты не заставилъ себя ждать; чтеніе началось.

Опекунъ читалъ мнѣ выработанное имъ положеніе о сельско-хозяйственномъ управленія. Суть его состояла въ томъ, что въ имѣніи владѣтельскомъ образовывалась особая администрація, сама вѣдающая свои дѣла, и тутъ формировалась цѣлая лѣстница инстанцій. Жалоба на сельскаго старшину приносилось моураву, на того сахлтхуцесу, на того главноуправляющему, а на того, наконецъ, опекуну. Создавалась цѣлая туча сельскихъ властей, и ей давалась широкая исполнительная власть. Выслушавъ все это и видя, на сколько это противорѣчитъ принятому взгляду нашимъ управленіемъ на вопросъ крестьянскій въ Мингреліи, я съ полною откровенностію объяснилъ опекуну, что, по мнѣнію моему, введеніе такихъ порядковъ было бы равносильно установленію въ Мингреліи status in statu. Владѣтельское имѣніе станетъ опять на прежнее свое положеніе, въ немъ выступятъ прежніе дѣятели Чиковановы, и этого совершенно будетъ достаточно для возбужденія бывшихъ два года тому назадъ безпорядковъ. Кипіани слушалъ меня до конца и, когда я кончилъ, всталъ съ мѣста и, вдругъ перемѣнивъ со мною тонъ, подалъ мнѣ читанную имъ рукопись съ такими словами:

«Благодарю васъ за ваши возраженія на составленное мною положеніе о сельскомъ управленіи во владѣтельскомъ имѣніи, но теперь они уже не могутъ имѣть значенія. Я рѣшилъ ввести положеніе въ томъ видѣ, какъ я его составилъ, и поручаю вамъ это исполнить. Завтра же придутъ сюда депутаты отъ деревень и тутъ же произойдутъ выборы сельскихъ старшинъ, списокъ ихъ будетъ вамъ сообщенъ, также какъ и моуравовъ, а вамъ останется поставить въ извѣстность населеніе объ оффиціальномъ характерѣ этихъ лицъ.

«Вы видите въ настоящее время передъ собою не только опекуна, но и члена совѣта намѣстника кавказскаго, отъ котораго вы и получаете это приказаніе».

И смыслъ, и тонъ, которымъ все это было сказано, крайне непріятно на меня подѣйствовали; возражать г. члену совѣта, видя въ глазахъ его какое-то озлобленіе, я счелъ излишнимъ и, взявъ изъ рукъ его рукопись, отвѣтилъ:

«Имѣя непосредственное надъ собою начальство, я не въ правѣ безъ его санкціи дѣлать какое либо распоряженіе въ подобномъ случаѣ, а потому немедленно обо всемъ донесу его превосходительству г. управляющему Мингреліею и буду ждать отъ него наставленій».

Затѣмъ, поклонившись, вышелъ.

Черезъ часъ нарочный съ моимъ донесеніемъ и съ открытымъ листомъ на казачьи посты, для смѣны лошадей, летѣлъ въ Зугдиди.

На другой день на большой площадкѣ, противъ помѣщенія Кипіани, собралась большая толпа, и начались какіе-то выборы старшинъ; исторія эта продолжалась цѣлый день, и вечеромъ жена моя мнѣ сказала, что повара нашего, владѣтельскаго крестьянина, выбрали въ старшины и что сахлтхуцесъ приказалъ ему оставить тотчасъ же мою кухню и явиться къ нему. Поваръ самъ плакалъ отъ этой не желанной, не гаданной имъ чести, лишаясь хорошаго у меня жалованья. Хотя тутъ видно было явное намѣреніе князя Чиковани чѣмъ нибудь мнѣ насолить и онъ, подъ эгидою члена совѣта Кипіани, собирался уже расправить попрежнему свои крылышки, но дѣлать было нечего покуда, и я просилъ жену немедленно разсчитать повара и отпустить.

На другое утро, около 10 часовъ, получилъ я отъ опекуна и члена совѣта бумагу и при ней списокъ должностныхъ лицъ по владѣтельскому имѣнію, о которыхъ я имѣлъ сдѣлать объявленіе по деревнямъ ввѣреннаго мнѣ округа и тѣмъ самымъ ихъ санкціонировать на новыхъ должностяхъ; но въ 11 часовъ явился ко мнѣ нарочный отъ генерала и вывелъ меня изъ недоумѣнія.

Отвѣтъ генерала былъ ясенъ и категориченъ: «выборы, произведенные опекуномъ, счесть не имѣющими никакого значенія, а лицамъ, выбраннымъ объявить за подпискою, что если они позволятъ себѣ вступать въ отправленіе должностей, назначенныхъ опекуномъ, то подвергнутся на основаніи (такой-то) статьи отвѣтственности за присвоеніе себѣ званій, не утвержденныхъ правительственною властію».

Не помню въ точности статьи, но передаю ея смыслъ.

Въ то же время генералъ поручилъ мнѣ немедленно съ нарочнымъ отправить прилагаемый пакетъ на имя сосѣдняго мнѣ лечгумскаго окружнаго начальника, князя Микеладзе; пакетъ былъ такого же содержанія, какъ и ко мнѣ. Я это тотчасъ же исполнилъ.

Между тѣмъ выборные старшины еще не ушли и галдѣли на площадкѣ, я приказалъ ихъ подозвать, объявилъ имъ за подпискою

все мнѣ порученное и отпустилъ по домамъ, а обо всемъ этомъ сообщилъ оффиціально Кипіани съ приложеніемъ копіи съ предписанія генерала.

Можно себѣ представить, какъ было пріятно ему получить отъ меня такой крутой отвѣтъ на крутое его требованіе, третьяго дня мнѣ заявленное въ кабинетѣ, въ качествѣ члена совѣта. Вскорѣ я замѣтилъ, что около его флигеля идетъ какая-то суетня, появились вьючныя и верховыя лошади, и черезъ какой нибудь часъ Димитрій Ивановичъ Кипіани въ пальто, съ красною подкладкою (мода, заведенная на Кавказѣ Инсарскимъ для штатскихъ генераловъ), и въ сопровожденіи сахлтхуцесовъ направился въ Лечгумъ, нимало не подозрѣвая того, что найдетъ князя Микеладзе предупрежденнымъ уже, какъ дѣйствовать по отношенію къ его затѣѣ.

Пріѣхавъ въ Мури, резиденцію лечгумскаго окружнаго начальника, и узнавъ о невозможности повторять пробу, сдѣланную имъ въ Горди, онъ выѣхалъ оттуда на другой день черезъ Рачу въ Кутаисъ жаловаться Эристову на Колюбакина.

Поваръ возвратился на мою кухню совершенно счастливый, что избавился отъ почетной должности сельскаго старшины: червякъ честолюбія его не грызъ.

Послѣ такого невольнаго разрыва съ опекуномъ мнѣ пришлось, само собою разумѣется, оставить Горди и прежде предположеннаго срока вернуться въ Сенаки. Впрочемъ, и этого одного мѣсяца было достаточно, чтобы здоровымъ климатомъ Горди предохранить насъ отъ лихорадки. Въ этотъ годъ она была у насъ рѣдкою гостью, заболѣлъ ею только баронъ Сакенъ, вывезшій зародышъ ея изъ Канарджіасъ-Мухури, гдѣ служилъ въ частной компаніи. Къ бѣдному барону эта проклятая болѣзнь до того привязалась, что втеченіе двухъ лѣтъ онъ не могъ отъ нея потомъ отдѣлаться.

8.

Августъ 1859 года ознаменовался какъ для Кавказа, такъ и для всего нашего отечества крупнымъ историческимъ событіемъ: двадцать пятаго числа этого мѣсяца, князь А. И. Барятинскій покончилъ войну въ Дагестанѣ взятіемъ въ плѣнъ Шамиля на Гунибѣ, и восточный Кавказъ былъ окончательно покоренъ. Современники этого момента на Кавказѣ, покуда они живы, никогда не забудутъ того одушевленія, съ которымъ все мирное населеніе этой окраины встрѣтило радостную вѣсть. Всѣ ликовали, видя въ неотдаленномъ будущемъ окончательную развязку горской войны, столь долго тормозившей всякое преуспѣяніе края. Въ Тифлисѣ праздники шли одинъ за другимъ и лишь одно обстоятельство помрачало это счастливое настроеніе—болѣзнь самого покорителя Кав-

каза, усилившаяся послѣ четырехмѣсячнаго похода, сдѣланнаго княземъ, почти все время не слѣзая съ коня: мучительные приступы подагры до того усилились, что по цѣлымъ недѣлямъ больной не вставалъ съ постели и лишь мѣсяца черезъ два по возвращеніи въ Тифлисъ получилъ возможность заняться дѣлами.

Въ ноябрѣ до насъ дошло свѣдѣніе, что Кипіани имѣлъ докладъ у князя и подалъ ему объемистый мемуаръ о дѣлахъ владѣтель-

Полковникъ Гватуа.

ской опеки, въ которомъ сильно жаловался какъ на всю администрацію Мингреліи, такъ и въ особенности на М. П. Колюбакина. Князь передалъ этотъ обвинительный актъ состоящему при немъ сенатору князю Багратіону-Мухранскому, поручилъ ему запросить М. П. Колюбакина, а тотъ, предпочитая перепискѣ личное объясненіе, поѣхалъ въ Тифлисъ и выяснилъ всю несообразность домогательствъ Кипіани, клонящихся не только къ возстановленію

прежняго режима въ имѣніяхъ владѣтельскихъ, но еще къ присовокупленію новыхъ придуманныхъ имъ мѣръ, ведущихъ къ большему еще закрѣпощенію крестьянъ. Главною изъ нихъ являлась произвольная разцѣнка податей и повинностей крестьянскихъ и переложеніе ихъ на деньги; не находя въ русской администраціи поддержки къ проведенію этой мѣры на практикѣ, опекунъ задумалъ организовать свое особенное сельское управленіе въ имѣніяхъ владѣтельскихъ,—не что иное, какъ прежній аппаратъ сахлтхуцеса, вызвавшій уже крестьянскіе безпорядки. Въ добавленіе ко всему г. Кипіани заявилъ требованіе податей съ шести тысячъ дымовъ азнаурскихъ крестьянъ, собиравшихся владѣтелемъ на управленіе. Требованіе неправильное, такъ какъ въ настоящее время Мингреліею управляетъ русская власть и подати эти должны поступать ей, а не опекѣ; русское же управленіе не только не требуетъ ихъ, но, въ виду бѣдственнаго положенія мингрельскаго населенія, считаетъ необходимымъ дать ему полную льготу отъ всякихъ налоговъ на нѣсколько лѣтъ. Средства на свое содержаніе наше управленіе получало по распоряженію намѣстника изъ сборовъ редутъ-кальской и потійской таможенъ, а послѣ введенія его провозъ контрабанды на столько уменьшился, что ежегодные сборы этихъ таможенъ увеличились на шестьдесятъ тысячъ.

Колюбакинъ положительно заявилъ, что, если домогательства Кипіани будутъ уважены, то онъ не отвѣчаетъ за спокойствіе ввѣреннаго ему края.

Само собою разумѣется, что столь убѣдительные доводы не заставили задуматься князя Барятинскаго, онъ склонился на сторону Колюбакина; тогда Кипіани просилъ его разрѣшенія ѣхать въ Петербургъ для сообщенія всего княгинѣ Екатеринѣ Александровнѣ и, получивъ отпускъ, вскорѣ туда поѣхалъ. Такимъ образомъ дѣло съ Кавказа перешло въ высшія правительственныя сферы и получило тамъ, какъ мы увидимъ дальше, весьма громкую извѣстность.

Въ концѣ декабря, М. П. Колюбакинъ вернулся изъ Тифлиса, очень довольный результатомъ своей поѣздки, и мы попрошлогоднему встрѣтили и провели всѣ вмѣстѣ праздники въ Зугдидахъ чрезвычайно пріятно, благодаря тому же радушію и любезности генеральши.

Въ началѣ 1860 года, къ управленію мингрельскому была присоединена и Сванетія, и приставъ ея, князь Илика Амереджибъ, явился къ Михаилу Петровичу. Уроженецъ Горійскаго уѣзда, слѣдовательно, грузинъ, старый кавказскій капитанъ, князь Амереджибъ былъ единственнымъ въ своемъ родѣ типомъ. Сѣдой, большаго роста, худощавый и очень еще бодрый, онъ съумѣлъ втеченіе года управленія своего Сванетіею внушить къ себѣ безграничное довѣріе населенія, живя съ нимъ круглый годъ безвыѣздно. Одинъ одинешенекъ, безъ всякой канцеляріи и чуть ли не съ однимъ

или двумя казаками, онъ управлялся самодержавно съ совершенно дикимъ и суровымъ горскимъ народцомъ, уважавшимъ его, какъ отца. Когда представилъ онъ генералу свою книгу судебныхъ приговоровъ и рѣшеній, тотъ показалъ мнѣ ее для курьёза. Гражданскія дѣла перемѣшаны были съ уголовными, сумма ихъ не имѣла никакого значенія, они всѣ рѣшались окончательно и, между прочимъ, встрѣчалось нѣсколько такихъ дѣлъ. Такой-то сванетъ убилъ такого-то, опредѣлено: взыскать съ убійцы тридцать рублей и удовлетворить ими семейство убитаго. Приговоръ приведенъ въ исполненіе, и семейство расписалось крестами въ полученіи имъ полнаго удовлетворенія. Амереджибъ нимало не сомнѣвался въ правильности своихъ дѣйствій, основывая ихъ на мѣстномъ обычаѣ, а сванеты считали ихъ вполнѣ правосудными. Если бы онъ захотѣлъ дѣйствовать иначе, т. е. согласно съ русскими законами, то ничего бы не добился; убійца скрылся бы, арестовать его приставъ не имѣлъ средствъ и кончилось бы все кровомщеніемъ: семейство убитаго само расправилось бы съ убійцею. При такихъ условіяхъ Амереджибъ, сидящій восемь мѣсяцевъ въ году изолированнымъ отъ всего свѣта снѣговыми заносами, былъ, конечно, правъ; и найдти подобнаго ему администратора было нелегко. Тутъ требовался и особый священный огонь, и особое самоотверженіе къ своему дѣлу; старикъ самъ совершенно осванетился въ своихъ привычкахъ и велъ такую же суровую жизнь, какъ эти горцы. На пути изъ своей резиденціи въ Зудиди приходилось ему почти половину дороги дѣлать пѣшкомъ по горнымъ тропинкамъ. И такому человѣку платили какіе-то гроши, въ родѣ 1,200 рублей годоваго оклада.

Въ маѣ мѣсяцѣ, скончался мингрельскій епископъ, Ѳеофанъ (чхонидзели), онъ давно уже болѣлъ, преемникомъ ему избранъ былъ архимандритъ Мартвильскаго монастыря, Тарасій. Погребеніе епископа совершено было съ большою торжественностію, въ Мартвили съѣхалось немало князей и съ ними многочисленная толпа азнауровъ, считавшая его своимъ, такъ какъ онъ происходилъ изъ азнаурской фамиліи Габунія.

Лѣто провелъ я не вдалекѣ отъ Сенакъ, князь Григорій Мхейдзе уступилъ мнѣ свой домъ, расположенный на возвышенностяхъ, господствующихъ надъ Теклатами. Мѣстность была очень здоровая и видъ съ балкона моего очаровательный.

Въ августѣ, генералъ-губернаторъ съ М. П. Колюбакинымъ дѣлали экспедицію, или, лучше сказать, военную экзекуцію въ Сванетію; она была необходима для разрѣшенія недоразумѣній между княжескими, дадіановскими, вольными сванетами и карачаевцами. При этомъ къ генералу явились три брата казненнаго Дадешкиліани — Исламъ, Тенгисъ и Ціохъ, и добровольно отдали себя въ его распоряженіе; онъ послалъ ихъ въ Тифлисъ съ поручикомъ

Принцемъ, а объ дальнѣйшей ихъ судьбѣ мы говорили уже выше.

Въ концѣ 1860 года, получилъ я отъ тифлисскаго вице-губернатора, Н. И. Барановскаго, хорошаго моего пріятеля, письмо, въ которомъ онъ передавалъ мнѣ, отъ имени князя Барятинскаго, приглашеніе на должность телавскаго уѣзднаго начальника въ Тифлисской губерніи. При этомъ перечислялъ онъ мнѣ преимущества новой должности передъ настоящей: большій окладъ жалованья, близость къ Тифлису, болѣе замѣтный кругъ дѣятельности и т. д., а главное — приглашеніе самого князя. Все это было очень мнѣ лестно, и я поѣхалъ въ Зугдиди, чтобы сообщить обо всемъ генералу, въ которомъ нашелъ полное къ себѣ сочувствіе, онъ не удерживалъ меня, въ виду моего собственнаго интереса, и самъ взялся содѣйствовать къ скорѣйшему моему переводу, а покуда задержалъ меня въ Зугдидахъ больше какъ гостя, чѣмъ подчиненнаго.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, состоялся мой переводъ, и въ то же время совершилась значительная перестановка во всемъ кутаисскомъ генералъ-губернаторствѣ: князь Эристовъ оставилъ должность свою по болѣзни, на мѣсто его назначенъ былъ изъ Эривани Николай Петровичъ Колюбакинъ, и такъ какъ ему неудобнымъ явилось быть начальникомъ своего брата, управляющаго Мингреліею, то Михаила Петровича перевели въ Тифлисъ начальникомъ сельскаго управленія, а на его мѣсто назначили Чиляева. Все это сдѣлалъ князь А. Ив. Барятинскій за нѣсколько дней передъ отъѣздомъ своимъ за границу, куда направили его доктора для исцѣленія отъ подагры. Я его видѣлъ въ Кутаисѣ, онъ значительно измѣнился, не могъ ходить и его носили два сильныхъ человѣка на холстѣ. Грустно было видѣть князя въ такомъ положеніи; но онъ былъ, по обыкновенію своему, въ очень хорошемъ настроеніи и разговоръ его пересыпанъ былъ юморомъ и шуткою.

И въ то время, какъ его сажали въ Поти на пароходъ, будущая его жена, а тогда еще жена В. П. Давыдова, Елисавета Димитріевна, урожденная княжна Орбеліани, мчалась на почтовыхъ изъ Одессы, гдѣ она бросила своего мужа, по дорогѣ къ Харькову, въ сопровожденіи человѣка, близкаго къ князю Барятинскому, штабсъ-капитана Георгія Константиновича Гватуа. Въ Харьковѣ встрѣтилъ ее англійскій пасторъ, Пальмеръ, и увезъ къ себѣ въ Англію, гдѣ она прожила два года и, когда дѣло о разводѣ ея съ мужемъ было покончено, вышла замужъ за князя Александра Ивановича.

9.

Оставивъ Мингрелію, я не позабывалъ ее на новомъ мѣстѣ моего служенія и слѣдилъ за всѣмъ тамъ происходившимъ. Въ Петербургѣ Кипіани съ княгинею Дадіанъ старались повернуть дѣло

опеки посвоему, и оттуда доходили слухи, что они имѣютъ большую надежду на успѣхъ. Между тѣмъ, въ одномъ изъ нашихъ русскихъ заграничныхъ изданій, вращавшихся довольно свободно на Кавказѣ, появилась слѣдующая статья, отъ 1-го октября 1861 года.

«На Кавказѣ, до водворенія русской администраціи, не существовало крѣпостнаго права. Крестьяне были обязаны оброкомъ и разными повинностями землевладѣльцамъ, но пользовались правомъ перехода, правомъ суда своими выборными и т. п.; земли у нихъ своей не было; вся земля, не принадлежащая духовенству и дворянству, признавалась коронною. Въ такомъ положеніи была и Мингрелія, когда она присоединилась къ Россіи, въ 1801 году, при князѣ Дадіанѣ. Александръ I предоставилъ Дадіану управлять страною, по прежнимъ обычаямъ, за исключеніемъ права казнить, рубить руки, рѣзать носы, выкалывать глаза и т. п. Управляемое Дадіанами сельское населеніе Мингреліи оставалось чуждымъ русскому крѣпостному праву до 1853 года, когда умеръ владѣтельный князь Давыдъ Дадіанъ. До совершеннолѣтія его наслѣдника Николая, русское правительство поручило управленіе страною вдовѣ покойнаго, княгинѣ Екатеринѣ Александровнѣ Дадіанъ, урожденной Чавчавадзе. Княгиня, выросшая въ Грузіи, освоилась съ введеннымъ тамъ русскимъ крѣпостнымъ правомъ и смотрѣла на себя, какъ на помѣщицу Мингреліи. Женщина жадная и расточительная, она въ нѣсколько лѣтъ довела страну до того, что сельское населеніе, не смотря на свой покорный характеръ, не вынесло, и, въ 1857 году, возстало какъ одинъ человѣкъ. Барятинскій отправилъ войско, подчинивъ его назначенному для производства слѣдствія тайному совѣтнику Дюкруаси, человѣку образованному и честному. Дюкруаси исполнилъ порученіе съ толкомъ,—Мингрелія была успокоена въ мѣсяцъ, безъ выстрѣла. Не смотря на свои легитимистскія убѣжденія и на все стараніе поддержать княжескую власть, Дюкруаси нашелъ такія страшные безпорядки въ управленіи и такое угнетеніе народа, что рѣшился устранить княгиню отъ управленія и донесъ, что спокойствія не будетъ, пока не выѣдетъ правительница. Намѣстникъ представилъ объ этомъ государю, и рѣшено было вызвать правительницу въ Петербургъ, а въ Мингреліи, до совершеннолѣтія Николая, ввести русское управленіе. Княгинѣ сохраненъ титулъ правительницы и поручена опека надъ частнымъ имуществомъ ея малолѣтнихъ дѣтей, и она, въ свою очередь, поручила управленіе опекою туземному дворянину, дѣйствительному статскому совѣтнику Кипіани. Управляющимъ Мингреліею назначенъ былъ генералъ-маіоръ Михаилъ Петровичъ Колюбакинъ, человѣкъ раздражительный и нетерпѣливый, но добросовѣстный и честный. Онъ разъяснилъ Барятинскому, что отношенія между мингрельскими землевладѣльцами и крестьянами не походятъ на русскія, и что старанія правительницы ввести послѣднія, вмѣстѣ

съ ея личными качествами, были единственною причиною безпорядковъ, и что, наконецъ, нелѣпо вводить въ Мингреліи крѣпостное право, когда оно уничтожается въ самой Россіи. Затѣмъ, при помощи подчиненныхъ ему чиновниковъ, Бороздина и Сакена, Колюбакинъ ограничилъ зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ только уплатою повинностей симъ послѣднимъ за пользованіе землею. Крестьянамъ онъ предоставилъ право образовывать сельскія общества и выбирать изъ своей среды сельскихъ старшинъ, сельскихъ судей и сборщиковъ податей. Говоря по совѣсти, Мингрелія никогда не была такъ счастлива, какъ въ эти два года русскаго управленія; даже жители сосѣдней Грузіи отправили отъ себя депутатовъ къ кутаисскому губернатору Иванову просить, чтобы и у нихъ назначили чиновниковъ изъ коренныхъ русскихъ, а не изъ туземныхъ князей и дворянъ.

«Правительница и Кипіани, хотя и обязанные не вмѣшиваться въ управленіе, постоянно мѣшали распоряженіямъ Колюбакина и протестовали противъ нихъ; Кипіани, объѣзжая селенія, въ качествѣ опекуна и члена совѣта намѣстника кавказскаго, смѣнялъ и преслѣдовалъ выборныхъ сельскихъ старшинъ, судей и сборщиковъ податей и назначалъ отъ себя другихъ. Онъ требовалъ, чтобы крестьяне, которые въ прежнее время единовременными взносами податей или заслугами откупились навсегда отъ уплаты ежегодныхъ повинностей помѣщикамъ и пріобрѣли земли, были записаны въ крѣпостные Дадіанамъ, вмѣстѣ съ купленною ими землею, потому что, по старому закону Вахтанга, все, что не принадлежитъ церкви и дворянству, принадлежитъ владѣтелю. Правительница также требовала замѣненія разныхъ натуральныхъ повинностей въ пользу владѣтеля денежными сборами отъ 10 до 30 рублей серебромъ съ двора. Чтобъ понять всю нелѣпость этого требованія, надо знать: 1) что эти натуральныя повинности были не повинности, а выраженіе подчиненности владѣтелю, и отбывались только, когда владѣтель посѣщалъ селеніе; такъ, напримѣръ, одинъ дворъ обязанъ былъ вычистить правую сторону шеи его лошади, а другой дворъ—лѣвую, третій—разобрать хвостъ у лошади, четвертый—подать стремя и т. п.; 2) что большинство крестьянъ, въ странѣ, гдѣ нѣтъ ни дорогъ, ни промышленности, и въ глаза не видаютъ такихъ денегъ, да и счесть ихъ, пожалуй, не съумѣетъ; 3) что русскимъ войскамъ придется оружіемъ заставлять исполнять это требованіе опеки, если его признаютъ законнымъ, и русскія власти станутъ въ самое гнусное положеніе передъ народомъ.

«Пока борьба Колюбакина съ правительницей рѣшалась въ Тифлисѣ, дѣло шло успѣшно, не смотря на аристократизмъ Барятинскаго и легитимизмъ Дюкруаси. Они понимали, что, если не обуздать княгини, то Мингрелія разомъ войдетъ въ число непокорныхъ племенъ, что будетъ очень опасно, по сосѣдству ея съ Самурза-

канью и Сванетіей, а потому, признавъ всѣ требованія княгини неосновательными, а дѣйствія Колюбакина правильными, совѣтъ намѣстника передалъ дѣло въ Кавказскій комитетъ на разсмотрѣніе Буткова. Въ покровителѣ всѣхъ милыхъ женщинъ, Владимірѣ Петровичѣ Бутковѣ, и правительница нашла себѣ защитника. Пока не было извѣстно, какой оборотъ приметъ болѣзнь Барятинскаго, Бутковъ, боясь разногласія съ нимъ, дѣйствовалъ уклончиво и тянулъ дѣло почти два года; но какъ только обозначилось, что болѣзнь намѣстника опасна, его увезли за границу и что княгиня съумѣла пріобрѣсти расположеніе двора и сильныхъ лицъ,—дѣло тотчасъ рѣшилось въ ея пользу. Всѣ требованія ея, самыя дикія, признаны основательными. Сакенъ и Бороздинъ удалены изъ Мингреліи, а на мѣсто Колюбакина назначенъ извѣстный на Кавказѣ своею недобросовѣстностію Чиляевъ, который къ тому же родственникъ Кипіани.

«Трудно представить, — заключаетъ корреспондентъ, — какое грустное впечатлѣніе произвели дѣйствія Буткова на всѣхъ порядочныхъ людей, служащихъ на Кавказѣ. Никто не могъ вѣрить, чтобы безобразныя дѣйствія княгини Дадіанъ могли быть признаны въ Кавказскомъ комитетѣ справедливыми и законными, и чтобы Мингрелія снова была отдана въ жертву правительницѣ и опекуну княгини Кипіани, и въ довершеніе униженія русскаго имени въ этихъ странахъ управленіе поручено Чиляеву. Теперь многіе жалѣютъ о князѣ Барятинскомъ, который, не смотря на свои недостатки, не смотря на отсутствіе образованія и аристократическую спѣсь, всетаки, не допустилъ бы Буткова до такихъ постыдныхъ дѣйствій и съумѣлъ бы защитить несчастный мингрельскій народъ отъ страданій, а русское имя отъ позора».

Кто былъ авторомъ этой корреспонденціи, для насъ съ Колюбакинымъ осталось навсегда неизвѣстнымъ, но видно было, что, не смотря на промахи въ частностяхъ, онъ былъ знакомъ съ существомъ дѣла, и по тому, что зналъ о положеніи дѣла въ высшихъ инстанціяхъ, надо полагать, былъ жителемъ Петербурга. Мы на Кавказѣ не знали еще, что дѣло дѣйствительно приняло наверху такой крутой поворотъ, и узнали только нѣсколько времени спустя, когда въ Тифлисъ вернулся торжествующій Кипіани, и одновременно съ нимъ получилось высочайше утвержденное положеніе государственнаго совѣта по дѣлу о владѣтельской опекѣ, разрѣшающее всѣ домогательства Кипіани въ положительномъ смыслѣ.

Въ это время исправляющимъ должность намѣстника былъ генералъ-адъютантъ князь Григорій Димитріевичъ Орбеліани, а начальникомъ гражданскаго управленія статсъ-секретарь Алексѣй Ѳедоровичъ Крузенштернъ; прочитавъ высочайше утвержденное положеніе государственнаго совѣта, они не нашли удобнымъ при-

водить его въ исполненіе, не познакомивъ съ его содержаніемъ князя Барятинскаго, и потому съ этимъ документомъ былъ посланъ курьеромъ нарочный чиновникъ въ Дрезденъ къ фельдмаршалу. А прежде, чѣмъ онъ отправился, Крузенштернъ послалъ за М. П. Колюбакинымъ и просилъ его составить то сообщеніе, при которомъ посылался документъ къ князю; я какъ разъ былъ въ это время въ Тифлисѣ, жилъ у Колюбакина, и онъ меня призвалъ на помощь въ редакціи этой бумаги, такъ что мнѣ пришлось принять участіе въ дѣлѣ и въ этой его фазѣ. Когда все было готово, нарочный тотчасъ же поскакалъ къ князю. Въ Тифлисѣ этого никто не зналъ, и потому Кипіани производилъ на всѣхъ впечатлѣніе человѣка торжествующаго, который начиналъ уже показывать нѣкоторое нетерпѣніе къ медленности, съ которою приводилось въ исполненіе положеніе государственнаго совѣта.

Получивъ этотъ документъ, князь Барятинскій былъ крайне имъ возмущенъ и, увѣренный въ томъ, что государь, утверждая его, былъ введенъ въ заблужденіе, написалъ къ его величеству письмо. Впослѣдствіи мнѣ привелось его читать въ дѣлѣ и я очень скорблю, что не снялъ тогда съ него копіи; оно было образцомъ прекрасной редакціи и логики, и всецѣло принадлежало перу фельдмаршала, въ чемъ я убѣдился изъ отзывовъ лицъ, находившихся тогда при немъ въ Дрезденѣ. Смыслъ его былъ, сколько мнѣ помнится, слѣдующій.

«Государственный совѣтъ при разрѣшеніи дѣла опеки мингрельскаго владѣтеля не имѣлъ въ виду, Государь, тѣхъ соображеній, которыя были у насъ съ Вами,—такъ писалъ фельдмаршалъ. Государственный совѣтъ не зналъ, что вопросъ объ упраздненіи трехъ прибрежныхъ къ Черному морю автономныхъ владѣній рѣшенъ былъ Вашимъ Величествомъ уже въ принципѣ, какъ вслѣдствіе устарѣвшаго и отжившаго внутренняго въ нихъ порядка, такъ и вслѣдствіе той двусмысленной роли, которую нѣкоторыя изъ нихъ играли во время послѣдней войны. Послѣ такого рѣшенія этого вопроса, неизвѣстнаго государственному совѣту, интересы населенія не могутъ уже быть пожертвованы имущественнымъ интересамъ владѣтеля, въ особенности послѣ того, какъ черезчуръ ревнивое ихъ обереганіе года два тому назадъ вызвало крестьянское возстаніе въ Мингреліи. Всѣ домогательства опекуна г. Кипіани были мною разсмотрѣны и найдены не подлежащими удовлетворенію, и не менѣе того, я нахожу ихъ утвержденными въ положеніи государственнаго совѣта. Считаю долгомъ своимъ предупредить Ваше Величество, что подобное разрѣшеніе вопроса вызоветъ совершенно справедливое неудовольствіе среди населенія и поставитъ администрацію въ крайне ложное и щекотливое положеніе».

Таковъ былъ общій смыслъ письма фельдмаршала.

Государь, получивъ его, немедленно позвалъ Буткова и выразилъ

ему крайнее свое неудовольствіе на способъ разрѣшенія дѣла, несогласный съ видами намѣстника. Буткову пришлось пережить un mauvais quart d'heure, а на всѣ его объясненія государь нашелъ единственнымъ наилучшимъ способомъ поправить дѣло — ѣхать ему, Буткову, въ Дрезденъ и, лично объяснившись съ княземъ, условиться съ нимъ о пересмотрѣ положенія государственнаго совѣта и о новой его редакціи.

Бутковъ полетѣлъ въ Дрезденъ и три дня долженъ былъ дожидаться, пока принялъ его фельдмаршалъ, отговаривавшійся нездоровьемъ, а въ сущности желавшій посильнѣе дать ему почувствовать его безтактность. Бутковъ былъ съ нимъ на «ты», а потому, когда, наконецъ, впустили его въ спальню къ князю, лежащему на постелѣ, онъ началъ свою рѣчь, говорятъ, слѣдующими словами:

«Неужели, князь, ты могъ подумать, что я способенъ когда нибудь идти наперекоръ твоимъ видамъ и желаніямъ. Въ промахѣ этомъ вини только своего же члена совѣта Кипіани; могъ ли я думать, что онъ станетъ разъяснять дѣло и домогаться разрѣшенія его несогласно съ твоими видами?»...

Разговоръ начался въ этомъ тонѣ, и козлищемъ отпущенія явился Кипіани. Все было передѣлано по желанію князя и совершенно согласно съ направленіемъ, даннымъ дѣлу въ началѣ М. П. Колюбакинымъ. Государь при новомъ докладѣ Буткова, узнавъ отъ него, что виновникъ бывшаго недоразумѣнія найденъ, приказалъ уволить его отъ службы.

Черезъ двѣ, три недѣли со дня пріѣзда торжествующаго Кипіани въ Тифлисъ — получилось новое высочайше утвержденное положеніе государственнаго совѣта, и князю Григорію Димитріевичу Орбеліани поручалось, призвавъ Кипіани, предложить ему подать въ отставку, и если онъ того не исполнитъ, то уволить отъ службы. Призванный Кипіани отказался отъ первой формы и былъ уволенъ.

И тѣмъ въ концѣ концевъ порѣшилось разъ навсегда дѣло объ имѣніяхъ владѣтельскихъ въ Мингреліи, они подошли подъ общую категорію имѣній помѣщичьихъ, а при этомъ шесть тысячъ азнауровъ были освобождены отъ подати ихъ крестьянъ владѣтелю. Чтобы по возможности подсластить эту пилюлю княгинѣ Дадіанъ, благодушнѣйшій императоръ, въ возмѣщеніе отходящихъ отъ нея азнаурскихъ крестьянъ, изволилъ пожаловать ей аренду въ 10 тысячъ рублей.

Князь Барятинскій разсказывалъ впослѣдствіи, что при первомъ свиданіи съ государемъ, когда, между прочимъ, припомнили они и дѣло мингрельское, государь, улыбаясь сказалъ ему:

«А знаешь, что Катерина Александровна хитрѣе насъ обоихъ, она наплела такую путаницу, что въ концѣ концовъ пришлось

дать ей ни за что, ни про что десять тысячъ аренды. Она не въ убыткѣ».

Таковъ былъ конечный результатъ почти четырехлѣтней дѣятельности братьевъ Колюбакиныхъ въ Мингреліи. Дѣло приняли они въ самомъ началѣ и вели его правильно, честно, энергично; мнѣ привелось быть ближайшимъ ихъ сотрудникомъ, а потому я и считаю за особое счастіе, что въ преклонную пору жизни имѣлъ возможность записать sine ira et studio всѣ обстоятельства этого интереснаго эпизода.

Какъ во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ, гдѣ замѣшаны крупные интересы, страсти играютъ важную роль; такъ было и тутъ. Положеніе княгини Дадіанъ съ самаго дня кончины ея мужа явилось чрезвычайно труднымъ и оно усложнилось сангвиничностію ея темперамента и крайнею щекотливостію ея самолюбія. При такихъ условіяхъ несомнѣнно большой умъ ея постоянно подчинялся страстнымъ движеніямъ души, отсюда шло ея своенравіе, которымъ она, сама того не замѣчая, создавала себѣ все большія усложненія.

Въ моментъ возвращенія изъ Петербурга, съ коронаціи, ей было чрезвычайно легко прекратить возмущеніе дѣйствіями строгости, а болѣе всего милосердія, и она это сдѣлала бы, такъ подсказывалъ ей и разумъ, но подвернулся ей ненавистный въ то время Григорій, и она отдалась слѣпому и страстному противъ него порыву гнѣва. О народѣ было забыто. Когда же, наконецъ, вызванъ былъ ею же самою Колюбакинъ, то съ первыхъ же шаговъ она съ нимъ поссорилась, и затѣмъ пошла цѣлая серія поступковъ, въ которыхъ ничего, кромѣ своенравія, не было. Пришлось въ концѣ концовъ поневолѣ ѣхать изъ Мингреліи, и въ этотъ моментъ она призываетъ къ себѣ охранителемъ имущества своихъ дѣтей человѣка на столько же страстнаго и желчнаго, какъ и она сама. Разсказанная нами неудача при Муравьевѣ обозлила его, и онъ съ особенною стремительностью вошелъ въ роль рыцаря женщины, по мнѣнію его, обиженной и оскорбленной. Что̀ вышло изъ этой опеки въ первые ея годы, мы разсказали, а затѣмъ остальные ея годы не принесли ничего существеннаго для интересовъ малолѣтняго владѣтеля и, достигнувъ совершеннолѣтія и возвратясь въ Мингрелію, онъ нашелъ свое имѣніе въ такомъ хаотическомъ положеніи, что и до сихъ поръ, втеченіе почти двадцати лѣтъ, не распуталъ его. Будь же на мѣстѣ рыцаря-опекуна простой смертный, который умѣлъ бы прежде всего ладить съ мѣстною администраціею, и занялся бы самымъ существеннымъ, а именно обмежеваніемъ владѣтельскаго имѣнія, это важное дѣло было бы несомнѣнно покончено до совершеннолѣтія владѣтеля и тому не пришлось бы проигрывать болѣе полутораста поземельныхъ процессовъ.

Тринадцать лѣтъ послѣ того, какъ я оставилъ Мингрелію, при-

шлось мнѣ проѣзжать ее, въ 1874 году, какъ человѣку частному. На желѣзнодорожной станціи Ново-Сенаки вышелъ я на платформу, поѣздъ остановился здѣсь на полчаса, и первый человѣкъ, котораго я тутъ встрѣтилъ, былъ Бессаріонъ Кавтарадзе, мой прежній переводчикъ, а теперь ново-сенакскій полицейскій коммиссаръ. Онъ непритворно мнѣ обрадовался, и мы крѣпко обнялись; черезъ минуту къ намъ подошло нѣсколько другихъ лицъ, стоявшихъ на платформѣ, и всѣ они оказались моими старыми знакомыми, въ числѣ ихъ были князья и дворяне. Всѣ меня сердечно привѣтствовали.

Въ ожиданіи поѣзда я позвалъ ихъ всѣхъ на станціонный буфетъ, приказалъ подать чаю и закуску, и у насъ завязалась бесѣда. Первые вопросы были о Н. П. Колюбакинѣ, и когда я сказалъ имъ, что его уже нѣтъ на свѣтѣ, они всѣ благоговѣйно осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ и помянули его. Онъ скончался въ 1869 году, въ Москвѣ, когда былъ назначенъ сенаторомъ. Михаилъ Петровичъ губернаторствовалъ въ Баку.

Собесѣдники мои не на шутку пристали ко мнѣ съ приглашеніемъ остаться въ Мингреліи хоть на недѣлю и побывать у нихъ у всѣхъ; Бессаріонъ особенно на томъ настаивалъ, и если бы не дѣйствительно экстренное дѣло, по которому я спѣшилъ, я бы не задумался погостить тутъ.

— Какъ же вамъ теперь живется? — спросилъ я ихъ. — Хорошо ли?

— Хорошо-то — хорошо, только уже больно много развели эти суды, да мировые адвокатовъ... въ каждомъ селеніи есть теперь свой, изъ мужиковъ... всѣ статьи судебныхъ уставовъ, подлецъ, знаетъ наизусть и такъ и жаритъ ими у мироваго...

— А воровство?

— Пуще прежняго. Житья нѣтъ, потому что страха на воровъ никакого нѣтъ.

— Ну, а съ мужиками какъ идетъ дѣло?

— Да, живемъ, ничего. Разбогатѣли они страшно, многіе выкупили свои земли у господъ, безъ помощи казны, на чистыя деньги.

— Чѣмъ же они такъ поправились?

— Идутъ многіе въ черноморскіе порты, тамъ всегда есть работа и завелись тамъ постоянныя большія артели мингрельцевъ... Много также стали и кукурузы сѣять...

— А какъ же вы-то сами, помѣщики?

— Плохо!

И тутъ пошла длинная ламентація о дѣтяхъ, которыхъ надо учить, да не на что, школъ немного, да и выходятъ изъ нихъ дѣти какіе-то мудреные... свое позабываютъ, а новому чему нибудь путному не научаются...

Въ это время раздался звонокъ, и мнѣ пришлось вскорѣ про-

ститься съ моими старинными знакомыми и пріятелями. Крѣпко жали они мнѣ руку и непремѣнно звали пріѣхать погостить къ нимъ...

Поѣздъ вскорѣ унесъ меня. Разговоръ на послѣдней станціи наполнялъ еще мою мысль и резюме его было для меня утѣшительнымъ... Большія артели мингрельцевъ въ черноморскихъ портахъ, большіе посѣвы кукурузы, адвокаты изъ мужиковъ... все это говорило о томъ, что крестьянскій трудъ, получивъ надлежащій просторъ, нашелъ себѣ и примѣненіе. Помѣщикамъ, по словамъ ихъ самихъ, плохо, но въ ламентаціяхъ ихъ слышалось что-то преувеличенное... дѣтей они учатъ и жалуются на недостатокъ школъ, въ этомъ одномъ уже являлся залогъ будущаго поворота къ лучшему, дѣти, получившія даже самое скромное образованіе, конечно, не пойдутъ уже заниматься махенджобой.

То ли была Мингрелія двадцать лѣтъ тому назадъ, когда впервые пріѣхалъ я въ нее, прямо съ сѣвера? Нѣтъ, тутъ совершилась съ тѣхъ поръ колоссальная перемѣна къ лучшему, въ томъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, и сознаніе, что въ ходѣ этого преуспѣянія ея вложена была и моя скромная лепта, явилось самою большею для меня наградою за проведенные мною здѣсь лучшіе, молодые годы моей трудовой жизни. Встрѣча мингрельцевъ на послѣдней станціи, ихъ привѣтъ и радушіе явились послѣднимъ, отраднымъ и многозначущимъ для меня звѣномъ въ ряду воспоминаній моихъ о ихъ прелестной родинѣ.

К. Бороздинъ.

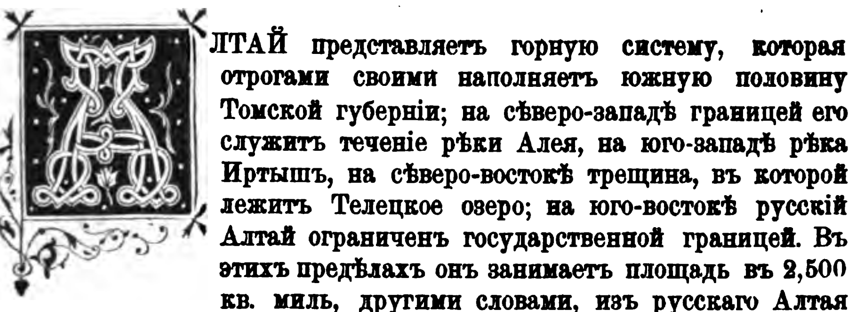

АЛТАЙ И ЕГО ИНОРОДЧЕСКОЕ ЦАРСТВО.

(Очерки путешествія по Алтаю)

———

I.

ЛТАЙ представляетъ горную систему, которая отрогами своими наполняетъ южную половину Томской губерніи; на сѣверо-западѣ границей его служитъ теченіе рѣки Алея, на юго-западѣ рѣка Иртышъ, на сѣверо-востокѣ трещина, въ которой лежитъ Телецкое озеро; на юго-востокѣ русскій Алтай ограниченъ государственной границей. Въ этихъ предѣлахъ онъ занимаетъ площадь въ 2,500 кв. миль, другими словами, изъ русскаго Алтая можно выкроить цѣлыхъ три Швейцаріи. Хребты, входящіе въ составъ этой системы, идутъ въ различныхъ направленіяхъ и разнообразно загибаются, что значительно усложняетъ систему; рамки нашего очерка не позволяютъ намъ входить въ подробности этого предмета, и потому мы постараемся схватить рельефъ системы только въ общихъ чертахъ. Главный массивъ системы находится на южной границѣ губерніи; здѣсь, подъ 50° сѣверной широты, лежитъ высокое плоскогорье Укэкъ; оно имѣетъ 7,800 футовъ высоты надъ уровнемъ моря; ширина его отъ запада на востокъ около 10 верстъ. Это центръ поднятія системы, такъ сказать, алтайскій Памиръ; круглый годъ оно безлюдно; лѣтомъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, здѣсь часто падаетъ снѣгъ; термометръ ночью падаетъ ниже 0° и рѣки иногда покрываются за ночь довольно толстымъ льдомъ.

Ледяная кора вѣчно покрываетъ гранитные кругляки по берегамъ рѣкъ. Единственное дерево на плоскогорьѣ береза (Betula nana).

Съ сѣверо-востока и юга плоскогорье ограничено высокими снѣжными горами; только на западѣ оно открыто; число спусковъ съ плоскогорья въ сосѣднія долины ограничено; вьючныхъ спусковъ только два, одинъ на западѣ въ глубокую долину рѣки Бухтармы, другой на востокѣ; послѣдній путь выводитъ въ систему рѣки Кобдо, которая въ китайскихъ предѣлахъ; при этомъ приходится переваливаться чрезъ скалистый хребетъ Уланъ-Даба, который возвышается надъ плоскогорьемъ еще на 1,460 футовъ. На сѣверѣ хотя и есть отверстіе, но не можетъ служить для человѣческихъ сообщеній — это узкая щель, по которой воды съ плоскогорья съ бѣшенствомъ стекаютъ на болѣе низкую террасу, по которой протекаетъ рѣка Катунь. Эта рѣка беретъ начало въ юго-западномъ склонѣ горы Бѣлухи и, обогнувъ ее съ запада, течетъ на сѣверъ и выходитъ изъ Алтая на сибирскую низменность. Чуйское плоскогорье лежитъ къ сѣверо-востоку отъ Укэка, и отдѣляется отъ него цѣпью Чуйскихъ бѣлковъ; оно обширнѣе Укэка, имѣетъ около 60 верстъ длины, но ниже, такъ какъ поднимается только до 6,000 футовъ. Оно окружено со всѣхъ сторонъ высокими снѣжными горами; съ юга и востока его окружаетъ Сайлюгемскій хребетъ, съ юго-запада Чуйскіе бѣлки, съ сѣвера Айгулакскія и Курайскія горы; плоскогорье орошается рѣкой Чуей, которая, подобно Аргуту, вверху течетъ спокойно по плоскогорью, внизу же стремительно мчится по тѣснинѣ и впадаетъ въ Катунь выше Аргута. Вьючные пути съ плоскогорья въ Китай чрезъ Салюгэмъ удобны, идутъ чрезъ плоскіе горные проходы, выѣздъ въ Россію труденъ, потому, что проходитъ по тѣснинѣ, по которой изливается Чуя. Чуйское плоскогорье смотритъ привѣтливѣе Укэка; на немъ возможна человѣческая жизнь; здѣсь уже бродятъ теленгиты, со стадами и на берегу Чуи живутъ въ деревянныхъ избахъ приказчики русскихъ купцовъ, ведущихъ торговлю въ Алтаѣ и Монголіи. Рѣка Чуя беретъ начало въ сѣверо-западномъ углу степи; здѣсь въ близкомъ разстояніи одинъ къ другому возвышаются двѣ снѣжныя вершины: Муйлету и Буруль — Тайга; у сѣверовосточной части подошвъ этихъ горъ лежитъ высокое плоскогорье, на которомъ разсѣяно множество озеръ, въ томъ числѣ два большихъ Кендыкты-куль и Джувлу-куль.

Плоскогорье имѣетъ до 30 верстъ длины, озеро Кендыкты-куль лежитъ на высотѣ 8,200 футовъ надъ уровнемъ моря; озеро Джувлу-куль на высотѣ 7,920 футовъ. Природа этого плоскогорья еще суровѣе, чѣмъ на плоскогорьѣ Укэкъ. Въ 8 часовъ вечера термометръ уже падаетъ ниже 0°. Мелкія озера этого плоскогорія покрыты льдомъ круглый годъ; берега большихъ озеръ бываютъ среди лѣта покрыты заберегами; озеро Джувлу-куль около 5-го

іюня путешественникъ Чихачевъ нашелъ покрытымъ еще льдомъ, позже около 26-го числа того же мѣсяца другой путешественникъ нашелъ его открытымъ, но берега его были усыпаны ледяными иглами, которыя производили своеобразный шорохъ при каждомъ новомъ набѣгѣ волны.

Единственный житель этого холоднаго плоскогорья — сурокъ (Arctomis Bobac), а на водахъ — красная утка (Vulpanser rutila). Лѣсу на плоскогорьѣ нѣтъ, только нѣкоторые скаты горъ опушены кустарной березой (Betula nana), красноватые и кожистые листы которой скорѣе напоминаютъ бруснику, чѣмъ нашъ березовый листъ. Надъ сѣвернымъ берегомъ озера Джувлу-куля возвышается хребетъ Шапшалъ; это западный конецъ хребта Танну-Ола, который здѣсь примыкаетъ къ русскому Алтаю также, какъ при горѣ Куйтукъ примыкаетъ къ нему длинная цѣпь китайскаго Алтая. За Шапшаломъ берутъ начало рѣки Барлыкъ и Чуя, притоки Кемчика; здѣсь начинается уже система Енисея.

Всѣ эти три плоскогорья: Укэкъ, Чуйское и Джувлу-кульское лежатъ на одной общей оси, проходящей съ сѣверо-востока на юго-западъ, и представляютъ какъ бы одно цѣлое, залегающее между вершиной рѣки Бурлыка, на одномъ концѣ, и вершиной рѣки Вурчума, вытекающаго изъ Куйтуна и текущаго въ Черный Иртышъ — на другомъ. Это единственное мѣсто, гдѣ системы Енисея и Иртыша подходятъ близко одна къ другой. Три соединенныя плоскогорія можно принять за базисъ алтайской системы.

На западной сторонѣ долины Катуни лежитъ Абайское плоскогоріе, оно достигаетъ до 3,588 футовъ высоты надъ уровнемъ моря; здѣсь уже возможно земледѣліе. Абайская степь не велика; но плоскогоріе это, примыкая къ южной подошвѣ Коргонскаго хребта, продолжается на сѣверной сторонѣ хребта подъ названіемъ Канской степи. Съ восточной части вòды сбѣгаютъ въ долину Урусула; съ западной въ долину Чарыша. На Канской степи въ послѣднее время появилась заимка купца Мокина съ церковью, но крестьянскаго селенія еще нѣтъ. Канская степь была прежде любимымъ мѣстомъ кочевниковъ, и въ прошломъ столѣтіи здѣсь кочевалъ самый важный изъ алтайскихъ зайсановъ — зайсанъ Омбо; вслѣдствіе чего весь народъ алтайскій извѣстенъ у русскихъ подъ названіемъ Канской землицы. Съ сѣвера Канскую спепь огражденъ рядъ бѣлковъ, который продолжается отсюда на западъ и востокъ; западный конецъ этого ряда служитъ правымъ бокомъ долины Чарыша, восточный — лѣвымъ долины Урусула, такъ что обѣ долины ограничены съ сѣвера однимъ и тѣмъ же гребнемъ. Бѣлки, входящіе въ составъ этого гребня, носятъ разныя названія — надъ Чарышемъ они называются Талицкими, надъ Урусуломъ — Семинскими; послѣдній упирается на востокѣ въ долину Катуни. Это будетъ по нашему счету четвертая цѣпь, самая сѣ-

верняя и послѣдняя; къ сѣверу отъ нея простирается сибирская низменность.

Рѣки Алтая многочисленны, и самая замѣчательная изъ названныхъ Катунь; (Хатунъ въ переводѣ—женщина); она сливается съ Біей и вмѣстѣ съ нею образуетъ обширную Обь, несущуюся къ Ледовитому океану: Катунь—это алтайская красавица.

Долина Катуни изливается въ широкомъ распадкѣ горъ между двумя выше описанными рядами плоскогорій; рѣка беретъ начало на западномъ склонѣ горы Бѣлухи и до Семинскаго бѣлка дѣлаетъ четыре колѣна; сначала течетъ на западо-юго-западъ, потомъ на сѣверъ, на востокъ и наконецъ опять на сѣверъ; два верхнія колѣна носятъ дикій горный характеръ; среднее и нижнее колѣна просторнѣе, особенно среднее между устьями Коксу и Чуи; средняя высота этой послѣдней части долины опускается отъ 3,000 до 2,000 футовъ; какъ долина самой Кутуни, такъ и многочисленныя побочныя долины удобны для земледѣлія; здѣсь не только успѣшно воздѣлывается рожь, но хорошо вызрѣваетъ и пшеница; осѣдлое населеніе этой долины ничтожно, но не вслѣдствіе физическихъ причинъ; весь Алтай считается землей принадлежащей Кабинету его величества, и разрѣшеніе селиться въ немъ зависитъ отъ горнаго управленія алтайскими заводами, которое до послѣдняго времени считало заселеніе этого богатаго края вреднымъ для интересовъ Кабинета.

Отъ описанія центральнаго Алтая перейдемъ теперь къ описанію его западной части. Изъ четырехъ притоковъ Оби, берущихъ начало въ Алтаѣ (Песчаная, Ануй, Чарышъ и Алей), только Чарышъ беретъ начало внутри Алтая, вблизи Канскаго плоскогорья; остальные три берутъ начало въ сѣверныхъ предгорьяхъ Алтая. Поэтому горная часть Чарыша длинна; она ограничена съ одной стороны Талицкими и Баталицкими бѣлками, съ другой—Коргонскими и Тигерецкими; это одна изъ прекрасныхъ и плодороднѣйшихъ долинъ Алтая, съ осѣдлымъ населеніемъ изъ русскихъ крестьянъ, которое, къ сожалѣнію, по той же причинѣ, что и въ долинѣ Катуни, быстро рѣдѣетъ въ верхней части. Долина Чарыша разрѣзываетъ полосу сѣверныхъ предгорій Алтая на двѣ различныя по характеру половины; къ востоку отъ Чарыша Алтай кончается крутымъ склономъ, опушеннымъ густой чернью, т. е. смѣсью лиственницъ и елей, къ которымъ на гребнѣ примѣшиваются кедровыя рощи.

Этотъ-то склонъ и видно изъ города Бійска въ видѣ ряда горъ, синеватые силуэты которыхъ рѣзко поднимаются на горизонтѣ надъ равниной, далеко стелющейся къ югу отъ города. Къ западу отъ Чарыша сѣверная окраина Алтая несетъ совсѣмъ другой характеръ, это область гранитныхъ и порфировыхъ, покрытыхъ сосновымъ лѣсомъ, горъ, составляющихъ отдаленные отроги Холзуна и

Тигерецкихъ бѣлковъ; гранитныя гряды пересѣкаютъ страну въ различныхъ направленіяхъ и иногда поднимаются въ видѣ отдѣльныхъ значительныхъ горъ, каковы Синюха (4,500 фут.) и Ревенюха (3,300 фут.): это—самыя высокія точки въ этой странѣ, онѣ стоятъ, впрочемъ, на заднемъ планѣ, высылая впередъ себя въ равнину болѣе мелкія многочисленныя гряды, постепенно мельчающія и переходящія въ гранитную степь.

Путешественникъ, приближающійся къ этой части Алтая отъ Барнаула, синеву предгорій начинаетъ различать уже отъ станціи Бѣлоглазовой; со слѣдующей станціи (Калмыцкіе мысы), за 70 верстъ отъ предгорій, онъ ясно начинаетъ различать три ряда горъ—ближайшій рядъ, состоящій изъ горъ Вострухи и Игнатихи, за ними поднимается болѣе высокая — Синюха, за которой еще болѣе высокіе Тигерецкіе бѣлки.

Эта часть Алтая, густо населенная крестьянами, богата романтическими картинами. Мѣстность состоитъ изъ разорванныхъ гранитныхъ скалъ; нагота капризно нагроможденныхъ глыбъ декорирована густой зеленью кустарниковъ жимолости, розъ и таволги; многолѣтнія сосны, укрѣпляясь корнями въ пазахъ между глыбами, взбираются чуть не на вершину скалы, которая бываетъ часто покрыта сбѣгающими внизъ потоками бѣлой, точно известковой жидкости,—знакъ, что скала служитъ наблюдательнымъ пунктомъ для большой хищной птицы; массивность скалъ еще болѣе смягчается висящими съ карнизовъ и тихо колеблемыми вѣтромъ плетями крыжовника-ломоноса, увѣшаннаго пучками серебристыхъ прядей.

Въ этой-то части Алтая находится знаменитое Колыванское озеро, которое было описываемо многими путешественниками и оригинальный видъ котораго часто встрѣчается въ учебникахъ геологіи и физической географіи.

Три большія западныя долины, орошенныя рѣками Убой, Ульбой и Бухтармой, открываются къ большой сибирской рѣкѣ Иртышу; Уба — средняя по величинѣ, по положенію — самая сѣверная изъ этихъ долинъ, начало ея лежитъ довольно глубоко внутри Алтая, и вершины сходятся частью съ вершинами Чарыша, частью съ вершинами рѣки Коксуна, текущей на востокъ въ Катунь. Верхняя половина теченія проходитъ въ дикой тѣснинѣ, которую рѣдко посѣщали путешественники; нижняя половина просторна и сопровождается скалистыми горами почти до впаденія рѣки Убы въ Иртышъ. Прекрасныя мѣста въ нижней части долины, удобныя для земледѣлія, давно привлекли въ эту часть долины крестьянское населеніе; въ верхней же части ея, густо покрытой растительностью, разсѣяно множество пасѣкъ.

Долина рѣки Ульбы извѣстна и описана, потому что была чаще посѣщаема путешественниками, которыхъ сюда привлекалъ науч-

ный интересъ, связанный съ существованіемъ въ ней богатаго серебрянаго Риддерскаго рудника.

Рудникъ лежитъ въ верхней части долины, которая имѣетъ видъ котловины, окруженной высокими горами; изъ этой котловины одинъ удобный выходъ внизъ по рѣкѣ, въ другія же сосѣдніе съ ней мѣстности ведутъ малодоступныя горныя тропинки, взбирающіяся на высокіе, до 3,000 футовъ, перевалы. Съ южной стороны котловины надъ нею возвышаются Ивановскіе бѣлки (6,768 фут. надъ уровнемъ моря), которые риддерцы любятъ посѣщать кавалькадами, особенно, если на рудникъ прибудетъ какой нибудь важный путешественникъ.

Риддерскій рудникъ есть единственное большое селеніе въ Алтаѣ, которое такъ близко помѣщается къ бѣлкамъ, что въ нѣсколько часовъ горной ѣзды кавалькада можетъ достигнуть алтайскихъ полей, на которыхъ путешественники вступаютъ въ Алтай, знакомятся впервые съ алтайской флорой этого хребта.

Поля, покрывающія мягкіе скаты бѣлка, усѣяны цвѣтами синихъ горечавокъ, а гдѣ скатъ обнажается отъ дерновой подушки, каменныя ступени его устилаются лакированными широкими листьями бадана или мелкозазубрей листвы — Drias octopetata.

Ниже Риддерскаго рудника долина Ульбы съуживается и особенно живописною становится ниже деревни Бутачихи; отвѣсныя скалы упираются въ воду; дорога мѣстами искусственно прорвана въ подошвѣ отвѣсныхъ утесовъ, бока которыхъ картинно поросли цвѣтущими исполинскими травами: ярко-синіе султаны прикрыта (Aconitum hicoctonum), пурпуровые, мясистые цвѣты ясенца (Dictamnus Fraxinella), крупные лазоревые колокольчики аденофоры (Adenophora liliifolia) и розовые раструбистые цвѣты, нанизанные на косо поднимающіеся стебли мальвовыхъ кустовъ, чередуются здѣсь между собою; къ этому хороводу цвѣтовъ присоединяется дикій піонъ (Paeonia anomala) съ своими пунцовыми цвѣтами. Древесная растительность состоитъ изъ тополей, березъ, осинъ, ивъ и черемухи, которые обращаютъ ее въ естественный паркъ.

Ниже деревни Тарханской горы Ульбинской долины начинаютъ сглаживаться, но береговые утесы сопровождаютъ рѣку съ лѣвой стороны почти до конца; близь города Устькаменогорска рѣка впадаетъ въ Иртышъ.

Устькаменогорскъ — небольшой городъ, съ 3,400 жителей.

Третья большая западная долина въ Алтаѣ — Бухтарминская. Она имѣетъ около 300 верстъ длины и по величинѣ вторая въ Алтаѣ послѣ долины Катуни. Начало ея лежитъ у центральнаго плоскогорья Укэкъ, между двумя исполинами Бѣлухой и Кунтукумъ; нижній конецъ долины открывается въ долину Иртыша выше его прорыва между Алтаемъ и Калбой; урочище Чиндагатуй, находящееся въ восточномъ концѣ долины и прилегающее къ подъему на

плоскогорье Укэкъ, лежитъ на абсолютной высотѣ 6,195 футовъ; крѣпость Бухтарминская, при устьѣ рѣки Бухтармы, на высотѣ 1,301 фута. Отъ этой разницы въ высотѣ надъ уровнемъ моря происходитъ разнообразіе въ характерѣ растительности и пейзажа, такъ что ни одна долина въ Алтаѣ не отличается такими контрастами, какъ долина Бухтармы. Въ восточной ея части путешественникъ видитъ себя среди разнообразныхъ, часто величественныхъ, горныхъ видовъ; горные скаты, покрытые лиственнымъ лѣсомъ, террасы съ густой и высокой травой, въ которой скрывается человѣкъ, быстрыя горныя рѣки, которыя съ опасностью переходятъ въ бродъ, водопады, живописныя озера, окруженныя горами, и нерѣдко надъ всѣмъ этимъ сверкающая на солнцѣ снѣжная вершина Бѣлухи, — вотъ черты, изъ которыхъ слагаются картины въ верхней части Бухтарминской долины, вмѣсто безлѣсныхъ горъ и террасъ съ степной короткой и къ срединѣ лѣта выгорающей травой, которая характеризуетъ западную часть той же долины.

Рѣка Бухтарма составляется изъ трехъ истоковъ; самый значительный южный называется Бѣлой Бухтармой и вытекаетъ изъ горы Куйтунъ, средній называется Чиндагатуй, сѣверный—просто Бухтармой, два послѣдніе вытекаютъ изъ озеръ, окруженныхъ каменными болотами.

Бѣлая Бухтарма, до соединенія съ двумя другими рѣками, несется быстро въ глубокой долинѣ, поросшей хвойнымъ лѣсомъ, усиливаясь на пути множествомъ притоковъ, которые льются въ нее съ сосѣднихъ бѣлковъ; дно долины завалено громадными гранитными валунами, чрезъ которые вода срывается въ видѣ каскадовъ и водопадовъ; такъ какъ дорога по Бухтарминской долинѣ на плоскогорье Укэкъ (и далѣе въ Кобдо) проходитъ по южному боку ея, то Бѣлая Бухтарма, пересѣкающая долину съ юга на сѣверъ, представляетъ самое важное затрудненіе къ развитію торговыхъ сношеній по этой дорогѣ; недавно на ней былъ построенъ мостъ, но рѣка, говорятъ, успѣла разрушить его.

Мѣста, окружающія урочище Чиндагатуй, гдѣ сливаются три рѣки, безлюдны; только внизъ отъ Чиндагатуя начинаются зимовки киргизовъ, русскія же осѣдлыя поселенія начинаются только съ устья Берели, гдѣ только недавно (не болѣе года) заведена деревня. Долина Берели служитъ лучшимъ путемъ изъ долины Бурхтармы къ горѣ Бѣлухѣ и Берельскому леднику. Если смотрѣть на Бѣлуху съ юга, т. е. изъ долины Бухтармы, то она представляется въ видѣ двухъ остроконечныхъ шпицовъ или роговъ, раздѣленныхъ между собою горизонтальнымъ гребнемъ.

Не только эти два шпица, но и раздѣляющій ихъ гребень, выше всѣхъ окружающихъ измѣренныхъ вершинъ Алтая, такъ что Геблеръ, единственный ученый, посѣтившій Бѣлуху, полагаетъ, что

высота ихъ достигаетъ до 11,500 футовъ. Послѣ Геблера, въ 1880 году, посѣтили эту величественную гору мы.

Съ Бѣлухи скатываются два ледника, одинъ въ долину Берели, другой въ долину Катуни.

Ниже Берели природа въ долинѣ Бухтармы становится привѣтливѣе: суровый климатъ смѣняется тепломъ, дожди и градъ, которые часто падаютъ на высокихъ горахъ, бываютъ рѣже, и долина становится удобною для хлѣбопашества. Впрочемъ, подлѣ рѣка поселенія начали основываться только послѣ 1869 года, когда эти мѣста вошли въ составъ имперіи.

Ранѣе часть Бухтарминской долины, отъ вершины до Чингистая, принадлежала Китаю, и здѣсь проходила только линія монгольскихъ карауловъ. Съ присоединеніемъ края къ Россіи стали здѣсь заводиться русскія казачьи и крестьянскія селенія. На правомъ же берегу Бухтармы, въ многочисленныхъ, сильно развѣтвленныхъ долинахъ южнаго склона Холзуна, издавна жили бѣглые раскольники, называвшіеся каменщиками. Они жили деревнями и долго были неизвѣстны правительству. Присоединенные при Екатеринѣ, они пользовались особыми льготами наравнѣ съ инородцами, не несли рекрутской повинности и платили половинный окладъ податей.

Характеръ лѣсистыхъ горъ и густотравныхъ террасъ сохраняется до Чингистая; къ западу отсюда долина Бухтармы, ограниченная двумя высокими хребтами, однимъ (Холзунъ) идущимъ отъ Бѣлухи, другимъ отъ Куйтуна, расширяется и становится степною.

Восточная часть Алтая представляется совершенно terra incognita [1]). Объ ней мы знаемъ очень мало, потому что очень немногіе путешественники посѣщали этотъ малодоступный и дикій край, покрытый дремучей чернью.

Эта малодоступность обусловливается частью густотой лѣсовъ, частью крутизной горъ; долины здѣсь, по большей части, сдавлены отвѣсными скалами, съ которыхъ нерѣдко висятъ живописные водопады, рѣки, пересѣченныя порогами; на горныхъ скатахъ, куда сворачиваетъ путешественникъ, чтобъ обойдти недоступную часть рѣчной долины, его встрѣчаютъ другія препятствія — лѣсная чаща, засоренная буреломомъ, или каменное болото.

Главный кряжъ проходитъ по восточной окраинѣ страны и отдѣляетъ вершины притоковъ Телецкаго озера отъ системы Кемчика; высокіе и трудно проходимые перевалы ведутъ изъ одной системы

---

[1]) На послѣдней картѣ Азіатской Россіи, изданія военнаго штаба 1883 года, между Катунью и Телецкимъ озеромъ почти не означено горъ, хотя здѣсь тянутся поперечныя цѣпи и на югѣ къ Телецкому озеру примыкаетъ хребетъ съ снѣжными пятнами на 8,000 футовъ высоты.

въ другую; самый южный перевалъ Шапшалъ (10,564 фута надъ уровнемъ моря) лежитъ къ сѣверу отъ озера Джувлу-куль; сѣвернѣе его лежитъ проходъ Косеръ, а еще сѣвернѣе третій перевалъ, въ вершинахъ рѣки Чульчи; послѣдній удобнѣе другихъ и по нему ѣздятъ бійскіе торговцы съ товарами въ долину Кемчика; первые два перевала менѣе доступны; здѣсь всадники по обледенѣвшимъ глыбамъ карабкаются на крутую гору; въ вершинахъ Чульчи дорога проходитъ по гористой мѣстности, усѣянной озерами: Иты-куль, Джилдысъ-куль (озеро Звѣзда), Териколь и Караколь.

На всемъ пространствѣ отъ Шапшала до Иты-куля мѣстность представляется непріютной и холодной; путь подлѣ западнаго склона кряжа, о которомъ только и имѣются извѣстія, потому что на восточномъ склонѣ еще никто не былъ изъ путешественниковъ; проѣзжая, путникъ здѣсь жмется къ гребню кряжа, потому что при подошвѣ разстилаются болота и поверхность затрудняется свалившимися съ гребня глыбами гранита и сіенита; гдѣ эти глыбы смѣняются глинистой почвой, становится ровнѣе, но это не на радость путешественника, потому что здѣсь ему приходится вязнуть въ болото, которое издали уже узнается по зарослямъ кустарной березы (Betula nana); растительность здѣсь скудна; изрѣдка путника обрадуетъ только заросль бадана (Taxifraga crassifolia) или лапчатка (Potentilla anserina).

Страна между этимъ кряжемъ и долиной рѣки Катуни представляетъ три большія долины рѣкъ: Башкауса, Чулышмана и Чульчи; всѣ эти три рѣки соединяются на сѣверѣ и впадаютъ общимъ русломъ въ Телецкое озеро.

Всѣ эти три долины отличаются малодоступностью. Чулышманъ беретъ начало изъ озера Джувлу-куль и течетъ сначала по ровной мѣстности, но берега его здѣсь недоступны вслѣдствіе окружающихъ болотъ; вскорѣ затѣмъ онъ вступаетъ въ щеки, за которыми слѣдуетъ расширеніе долины; за нимъ рѣка снова скрывается въ щекахъ, и только къ самому устью долина снова раскрывается. Доступнѣе окрестности верхнихъ частей Башкауса; онѣ окружены пологими скатами горъ; аллювіальная долина рѣки здѣсь тоже широка; поэтому долина Башкауса представляетъ хорошее мѣсто для теленгутскихъ пастбищъ, и они проводятъ на немъ зиму, переходя сюда съ лѣтнихъ кочевьевъ по Чуѣ; попадать, однако, въ эту мѣстность трудно — съ Чуи приходится переваливать чрезъ высокія горы, съ снѣжными вершинами и озерами, покрытыми льдомъ круглый годъ; еще неприступнѣе мѣстность, отдѣляющая Башкаусъ отъ долины Катуни, вслѣдствіе крутизны и скалистости проходящихъ тутъ горъ, а выходъ внизъ по долинѣ совсѣмъ немыслимъ, потому что здѣсь рѣка, на протяженіи 40 верстъ, течетъ между двумя отвѣсными стѣнами, съ которыхъ падаютъ живописные штаубахи; одни изъ такихъ водопадовъ видѣлъ Бунге.

Рѣка Чулышманъ, принявъ въ себя Чульчу и Башкаусъ, изливается въ южный конецъ Телецкаго озера; озеро это имѣетъ 175 верстъ длины, ширина озера, въ самомъ широкомъ мѣстѣ, доходитъ только до 6-ти верстъ; берега озера живописны и состоятъ изъ скалъ, то отвѣсно падающихъ надъ водой, то далеко вдающихся внутрь озера длинными, до версты длиной, мысами; скалы, преимущественно, состоятъ изъ сланцевъ, пласты которыхъ поставлены отвѣсно; западный берегъ круче восточнаго, особенно въ южной части озера, гдѣ сланецъ смѣняется гранитомъ; мелкія рѣчки, струящіяся въ озеро, часто низпадаютъ со скалы водопадами; на восточной сторонѣ путешественникъ Гельмерсенъ, проплывъ по озеру, въ 1834 году, видѣлъ три водопада: Ишта, Аюкечпесъ и Атанышъ, на западной — два: Агачка и Аюкечпесъ (переводъ названія: медвѣдь не перейдетъ).

Хвойный лѣсъ изъ елей и лиственницъ, покрывающій щетиной крутые хребты отвѣсовъ, увеличиваетъ угрюмый характеръ картины озера, особенно въ его сѣверной, съуженной части; въ южной половинѣ, гдѣ озеро шире, видъ озера привѣтливѣе и ландшафтъ просторнѣе; на заднемъ планѣ показывается вершина бѣлка Алтынъ-Тау; темный цвѣтъ воды смѣняется зеленымъ; вода здѣсь, загороженная скалами, нагрѣвается сильнѣе; животной жизни болѣе, стада птицъ по берегамъ виднѣются чаще.

Берега озера мало населены; западный берегъ, вслѣдствіе своей неприступности, вовсе не населенъ; только на сѣверномъ и южномъ берегахъ, да въ южной части восточнаго берега, обитаютъ кочевники; въ нижней части Чулышмана производится земледѣліе, воздѣлывается не только ячмень, но пшеница и табакъ; осѣдлыхъ поселеній на Телецкомъ озерѣ вовсе нѣтъ.

Это озеро весьма рѣдко посѣщалось путешественниками. Описаніе его оставилъ только геологъ Гельмерсенъ и нѣсколько эффектныхъ видовъ Аткинсонъ.

Оно намъ не показалось ни такъ эффектнымъ, какъ Аткинсону, ни такъ ужаснымъ, какъ его описываютъ миссіонеры.

Мы проплыли его въ прекрасное время, любуясь отвѣсными берегами. Сѣверная часть его угрюма, съ горъ спускаются темные лѣса, но средняя и южная часть живописна. Вы плывете среди скалъ, которыя даютъ эффектные мысы. Вдали открываются, наконецъ, амфилады горъ и отвѣсные обрывы горъ, въ 5,000 и 6,000 футовъ высоты, откуда вы видите вьющіеся по ступенямъ и падающіе водопады въ озеро. Сопка Алтынъ-Тау покрыта снѣжными пятнами и плавающими облаками.

Когда поднялись на эту сопку, мы увидѣли озеро, лежащее у подножія, какъ на блюдцѣ, на 100 верстъ разстоянія.

Такое разнообразіе условій, огромное пространство, простирающееся передъ нами, цѣлыя долины, террасы горъ, подавляющія вверхъ,

всегда возбуждали въ насъ мысли, сколько тысячъ народу здѣсь можетъ найдти пріютъ и мѣсто для жизни: на каждой изъ горныхъ террасъ можно построить Петербургъ.

И при всемъ этомъ, къ удивленію, вы встрѣчаете борьбу за землю, за долину, за пядь земли, борьбу ожесточенную между инородческимъ и русскимъ элементомъ; мало того, часто между первымъ колонистомъ и пришельцемъ. Вотъ тутъ и подите!

II.

Изъ этого очерка уже видно, какое разнообразіе долинъ и горъ представляетъ горная система Алтая. Здѣсь есть высочайшія недоступныя горы, дикія ущелья, лѣса и плодоносныя долины.

Въ смыслѣ доступности и удобствъ жизни самое завидное мѣсто представляютъ сѣверныя предгорья Алтая и долины Катуни, Песчаной и Каменки. Средній Алтай при своихъ невысокихъ хребтахъ, покрытый травами и растительностію, также весьма удобенъ для жизни. Долины Алея, Черыша, Урсула прелестны; Абайское плоскогорье представляетъ степь, а поперечная Уймонская долина, составляетъ послѣднюю удобную для земледѣлія мѣстность. За огромнымъ Катунскимъ хребтомъ лежитъ еще Бухтарма съ прекраснымъ климатомъ и южной флорой. Все это не могло не привлечь сюда русское населеніе, и вотъ колонизація понемногу, перейдя Війскую линію съ сѣвера, за нею западную часть Алтая, затѣмъ его средину, начала вѣтвиться по рѣкамъ и, наконецъ, оцѣпила горы по Бухтармѣ съ юга, гдѣ чередуются крестьянскія и казачьи селенія. Инородческій раіонъ и лагерь явился въ срединѣ.

Когда-то кочевники пользовались всѣми этими мѣстами; стада ихъ раскидывались въ плодоносныхъ долинахъ. Еще въ 30-хъ годахъ, во время путешествія Чихачева, Алтай за деревней Алтайской представлялъ пустыню, теперь не то—по сѣвернымъ притокамъ Катуни расположена масса селъ и деревень, и еще больше ихъ строится прибывающими переселенцами.

Сибирскіе крестьяне раскинули въ Алтаѣ свои промыслы, поставили пасеки, пчельники, заимки (хуторы), амбары для склада орѣховъ; они охотятся въ долинахъ. Купцы завели свои магазины и заимки, гдѣ держатъ покупной скотъ.

Миссіонеры поставили и намѣтили до 70 поселковъ или становъ новокрещенныхъ. Понятно, что инородецъ-кочевникъ и мѣстный звѣроловъ должны были сжаться, отодвинуться, и инородческое царство теперь представляетъ кусокъ обрѣзанныхъ владѣній.

Конечно, нѣсколько тысячъ инородцевъ не могли совершенно исчезнуть изъ этихъ мѣстъ, но они уже уступили часть мѣстъ и пастбищъ осѣдлымъ деревнямъ.

Проѣзжая въ 1878 году сѣверныя предгорья Алтая, мы остановились въ деревнѣ Топольной, послѣдней на Ануѣ, и увидѣли, съ какой энергіей, настойчивостью крестьянинъ пробиваетъ дорогу себѣ въ горы, какъ онъ оріентировался здѣсь, съумѣлъ сдѣлаться прекраснымъ горнымъ наѣздникомъ, не переставая быть земледѣльцемъ. Около этой деревни мы увидѣли шалаши несчастныхъ инородцевъ, такъ сказать, аріерргардъ, не оставившій еще любимыхъ мѣстъ. Это были въ большинствѣ нищіе и не имѣвшіе скота. Рядомъ съ крестьяниномъ, инородцу было трудно существовать; по праву сильнаго первый займетъ инородческія пастбища, около зимовокъ выстроитъ пасеку, пчельникъ или заимку — хуторъ, наконецъ, будетъ пользоваться орѣхомъ и охотой, хотя мѣста эти предназначены для инородцевъ. На этихъ граняхъ столкновеній и по пограничной линіи, гдѣ крестьянство столкнулось съ инородцами, мы встрѣчали массу жалобъ и недоразумѣній, съ которыми весьма трудно разобраться, тѣмъ болѣе, что размежеванія здѣсь правильнаго не было. Землевладѣніе остается доселѣ въ хаотическомъ состояніи.

Границы инородческаго раіона съ начала нынѣшняго столѣтія безпрестанно измѣнялись, затѣмъ горное управленіе всегда примирялось съ основанными деревнями въ инородческомъ раіонѣ, а потомъ начало дозволять арендовать землю подъ заимки и пасеки. Но, кромѣ этого, явилась масса крестьянъ-скватеровъ.

Это скватерство представляетъ любопытное явленіе и придаетъ оригинальный характеръ алтайской жизни. Въ разныхъ углахъ вы найдете землевладѣльцевъ, крестьянъ и купцовъ, людей, создавшихъ хозяйства, иногда цѣлые поселки, какъ Уймонъ, Катанда, и когда вы спросите, кто дозволилъ имъ это, на какомъ основаніи здѣсь живутъ, вамъ отвѣтятъ:—пришли и поселились «самовольно», а начальство ничего подѣлать не могло.

Разъ сѣлъ крестьянинъ на землю и началъ пользоваться сосѣдними угодьями, онъ немедленно проникается своимъ правомъ на эту землю и дѣйствуетъ смѣло и рѣшительно. Иногородецъ, напротивъ, является пассивнымъ и нерѣшительнымъ.

Кромѣ колонизаціи цѣлыми деревнями, олицетворяющими напирающую на нихъ силу, гдѣ можно было предположить подавленіе численностью, здѣсь играетъ роль нѣчто и другое. Во время нашего путешествія случалось намъ слыхать слѣдующее.

Приноситъ инородецъ жалобу, что онъ со скотомъ вытѣсненъ изъ такой-то долины крестьяниномъ пасечникомъ-пчельникомъ.

— Да не могъ онъ у тебя всю землю отнять, потому что онъ подъ пасеку, навѣрное, арендовалъ не болѣе 2-хъ или 3-хъ десятинъ, а остальное онъ не имѣетъ права брать!—отвѣчаютъ ему.

— Какое! онъ говоритъ, что на 7 верстъ ему кругомъ земля принадлежитъ, и насъ на 7 верстъ прогналъ,—отвѣчаетъ наивный инородецъ.

При разсмотрѣніи же обстоятельствъ оказывается, что прогнавшій не только на 7 верстъ права не имѣлъ, но и 3-мя десятинами пользовался самовольно, тайно.

Въ другой разъ инородцы въ лѣсахъ Алтая жаловались, что къ нимъ, въ ихъ владѣнія, въѣзжаютъ крестьяне собирать орѣхи и отнимаютъ у нихъ промыселъ.

— Но вѣдь лѣса въ пользованіи вашемъ, и кто въѣзжаетъ за промысломъ, долженъ получить билетъ на это право, — отвѣчаютъ имъ.

— Да они безъ билета въѣзжаютъ и обиваютъ орѣхъ, да еще портятъ кедръ.

— Зачѣмъ же вы ихъ пускаете? У васъ власть, есть волостные начальники, своя полиція, можете составить актъ, можете выгнать ихъ.

— Да куда ихъ не пускать, они насъ же бьютъ!

И вотъ цѣлая волость не можетъ справиться съ артелью крестьянъ, выѣхавшею на промыселъ. Тутъ ужъ ничего не подѣлаешь.

Кромѣ крестьянъ, земли инородцевъ переходятъ и въ другія руки. Алтайская миссія, поселившись въ восточной части Алтая, потребовала, чтобъ крестьянъ сюда не пускали, а затѣмъ ревностно охраняла этотъ раіонъ отъ самовольныхъ поселеній. И дѣйствительно, когда Алтай уже въ разныхъ мѣстахъ былъ занятъ крестьянскими деревнями, колонизація за Катунью къ Телецкому озеру не подвинулась ни на одинъ шагъ. За то миссія стала протежировать такъ называемымъ новокрещеннымъ.

Она старалась, чтобы новокрещенные построили тотчасъ же избушки, и этимъ стремилась положить начало осѣдлости.

Правда, такіе поселки возводились, но избушки ихъ, какъ мы видѣли на протяженіи всего пути нашего, представляли убожество (только одна Улала лучше обстроилась). Новокрещенные, большею частію, далеко не представляютъ элемента осѣдлаго; составляя разный сбродъ, а не лучшую часть племени, они неособенно трудолюбивы и нравственны; земледѣліе у нихъ ничтожное или почти его нѣтъ, но за каждое ихъ поселеніе миссія требуетъ угодій и употребляетъ мѣры оттѣснить язычниковъ отъ сосѣдства новокрещенныхъ.

Не допустивъ крестьянъ, будто вредно дѣйствующихъ на всѣхъ инородцевъ и обижающихъ ихъ, миссія сама неособенно дружественно относилась къ инородцамъ.

Послѣ нѣсколькихъ случаевъ преслѣдованія шамановъ, эти инородцы начали удаляться отъ миссіонерскихъ селеній. Кромѣ того, около селенія Улалы для миссіонерскихъ учрежденій понадобилась земля, и вотъ мы видимъ въ нѣсколькихъ верстахъ пасеки улалинской общины, покосы и проч., къ которымъ боятся издали подойдти инородцы.

На всемъ протяженіи до Телецкаго озера въ лучшихъ долинахъ инородцы встрѣчаютъ новыхъ владѣльцевъ и господъ окружающихъ угодій.

Около неприступнаго Телецкаго озера, на югѣ, есть только одна доступная для жизни и удобная долина; это—долина Чулышмана: верстъ на 30 къ устью идетъ привлекательная долина и пастбища кругомъ, а далѣе въ вершину тянутся страшныя горы. Понятно, какъ здѣсь человѣкъ долженъ дорожить каждою пядью земли.

Долины этихъ мѣстъ роскошны, но рядомъ поднимаются утесы, на которые трудно подняться, не рискуя жизнью. Въ этомъ убѣдила насъ поѣздка на Алтынъ-Тау изъ долины Чулышмана. Въ подобныхъ долинахъ, конечно, весьма дороги мѣста для пастбищъ. И вотъ, явившись въ эти мѣста, прежде всего близь устья мы узнаемъ, что мѣстность эта не принадлежитъ болѣе инородцамъ, а отдана имѣющему быть здѣсь монастырю.

Далѣе двинувшись отъ Устьбашкауса, послѣ цѣлаго дневнаго перехода мы узнали, что находимся все еще въ дачахъ и на земляхъ, предполагающихся во владѣніе монастыря. Это уже было верстъ за 20, по крайней мѣрѣ.

Далѣе потянулись ущелья, изъ которыхъ инородцы могли выбрать для своихъ надобностей и жизни ничтожные клочки. Насъ окружили въ Устьбашкаусѣ аборигены, потомки знаменитыхъ телесовъ (уйгуръ, какъ предполагаетъ В. В. Радловъ), но не новообращенные инородцы, которые жаловались, что они не могутъ теперь свободно пасти свои стада здѣсь и съ нихъ требуютъ иногда по 10 рублей съ десятины.

Цифра эта насъ поразила, и мы могли объяснить ее только развѣ недоразумѣніемъ.

Когда мы поинтересовались узнать, гдѣ находится Устьбашкаусскій монастырь, то намъ не могли указать, онъ еще не устроенъ, и виднѣются только двѣ избушки, гдѣ живутъ два монаха, къ сожалѣнію, весьма недружно, какъ намъ передавали, и почти не видящіеся между собою въ этой пустынѣ.

Мы видѣли также нѣсколько полуразрушенныхъ зданій въ этой долинѣ, созданныхъ, говорятъ, купцомъ Мальковымъ, роль котораго и похожденія заслужили печальную извѣстность въ этихъ мѣстахъ. Такъ какъ этотъ купецъ появляется нерѣдко и въ Петербургѣ для собиранія пожертвованій, то объ немъ стоитъ сказать два слова.

Бывшій бойкимъ торговцемъ и чуть ли не кабатчикомъ, по крайней мѣрѣ, братъ его держалъ въ Барнаулѣ кабаки, этотъ г. Мальковъ въ одно утро почувствовалъ призваніе къ другой дѣятельности. Въ изданной имъ исповѣди, онъ разсказываетъ, что ему предсказала новое призваніе одна томская кликуша Домна Карповна. Какія-то безсмысленныя слова полупомѣшанной попрошайки

рѣшили призваніе бійскаго купца. Онъ вздумалъ помогать обращенію инородцевъ, которые доселѣ привлекали хищническіе взоры мѣстныхъ купцовъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и Мальковъ; онъ возчувствовалъ стремленіе, будто бы вдобавокъ, кромѣ торговли, обратить еще ихъ на путь истинный. Съ этой цѣлью г. Мальковъ, однако, не роздалъ своего собственнаго состоянія, но рѣшился собирать жертвы съ другихъ и съ такимъ намѣреніемъ направился въ Петербургъ искать благотворителей.

Явившись въ Москву и Петербургъ, онъ привезъ съ собою картинки дикихъ телецкихъ мѣстъ и разсказывалъ всевозможные чудеса о мѣстахъ, о которыхъ идетъ теперь рѣчь. Конечно, въ глазахъ слушателей это были пустыни, гдѣ народъ страдалъ и пребывалъ въ темнотѣ именно отъ того, что не явился еще благотворитель и просвѣтитель, подобный купцу Малькову.

Возбудивъ состраданіе и удивленіе, Мальковъ собиралъ порядочныя суммы. Энергія его въ этомъ случаѣ была неутомима, доказательствомъ тому служило то, что онъ проникалъ до Парижа и Ниццы, ища благотворителей среди аристократовъ.

Собравъ значительныя суммы, онъ возвратился въ Алтай. Конечно, никто не могъ его провѣрить, и никто не зналъ, что дѣлается имъ на берегахъ пустыннаго Телецкаго озера. Только послѣ обнаружилось, что за благотворитель г. Мальковъ. Миссія потребовала отъ него отчета въ деньгахъ. Съ своей стороны, г. Мальковъ также началъ обнаруживать нѣчто. Словомъ между Мальковымъ и миссіей завязалась полемика, доходившая до печати и обнаруживавшая многое сокровенное и компрометирующее, что̀ скрывалось подъ завѣсой алтайской Изиды. Во время этого спора къ удивленію свидѣтелей его получилось извѣстіе, что начатый постройкой монастырь сгорѣлъ и никакихъ слѣдовъ о тратахъ на него не осталось. Путешествуя по Чулышману, мы не видѣли никакого монастыря на этой рѣкѣ, но за то видѣли огромныя угодья, которыя предполагалось выпросить у Кабинета, не знающаго цѣнности своимъ землямъ и поддавшагося на эту просьбу.

Инородцы жалуются на недостатокъ земель и жмутся не въ однихъ этихъ мѣстахъ: на алтайскихъ рѣкахъ, какъ на Урсулѣ, Черышѣ, на Абаѣ, въ Уймонской долинѣ вы встрѣтите ту же пѣсню. Крестьяне, поставивъ поселокъ, вытѣсняютъ не только инородцевъ-кочевниковъ, но и новокрещенныхъ. Какой нибудь перевозчикъ Куликовъ на рѣкѣ Чуѣ ставитъ избу и затѣмъ беретъ цѣлую рѣчку Купшигень со всѣми привольными мѣстами въ свое владѣніе, не смотря на то, что и на югѣ Алтая горныя рѣчки и долины ихъ имѣютъ огромное значеніе въ виду орошенія пашенъ.

Въ послѣднее время для проложенія путей администрація въ калмыцкомъ раіонѣ средняго Алтая намѣтила нѣсколько пунктовъ, дозволивъ основать здѣсь станцію и крестьянскіе поселки, опредѣ-

ливъ для нихъ количество семей; но казенная система колонизаціи у насъ нигдѣ не управляетъ крестьянствомъ, и потому крестьяне, во-первыхъ, поселились не на тѣхъ пунктахъ, гдѣ предполагалось, во-вторыхъ, безцеремонно заняли сосѣднія инородческія угодья, и алтайцы-калмыки поставлены были въ новое затрудненіе.

Извѣстно, что въ срединѣ Алтая расположено 7 кочевыхъ дючинъ, или волостей, этихъ калмыковъ. Значительная часть ихъ приняла подданство въ половинѣ прошлаго столѣтія и составляетъ остатки племенъ, входившихъ въ великій ойротскій союзъ Чингисъ-хана. Послѣдними приняли подданство чуйскіе двоеданцы въ 1850-хъ годахъ.

Эти алтайскіе калмыки сохраняютъ еще слѣды отчужденности и китайскаго вліянія. Путешественникъ Чихачевъ видѣлъ еще зайсановъ и предводителей ихъ въ китайскихъ жалованныхъ шапкахъ съ шариками, но русская власть и авторитетъ также успѣли подчинить и дисциплинировать этихъ дикарей.

Мы не говоримъ уже о той паникѣ и грозѣ, которую производило здѣсь съиздавна имя «казакъ». Чихачевъ говоритъ, что когда нужны были лошади, то казакъ скакалъ и оставлялъ у родовичей саблю (оригинальный пріемъ), какъ побужденіе выполнить приказаніе, причемъ инородцы немедленно гнали табуны лошадей подъ подводы и торжественно везли оставленную саблю. Но, кромѣ казака, тѣ же калмыки испытали и силу исправника.

Чиновничій произволъ нашихъ агентовъ часто давалъ себя больно чувствовать инородцамъ на окраинахъ. Не даромъ даже у русскихъ крестьянъ сложилась пѣсня про алтайскихъ засѣдателей (становыхъ):

Какъ на Чую завалится, —
Ничего онъ не боится...

Инородцы, увидѣвъ разъ единственнаго русскаго чиновника, посланнаго для осмотра ихъ быта, который не бралъ съ нихъ подарковъ и обходился ласково, до того изумились, такъ были тронуты, что прозвали его «боговымъ братомъ».

Когда у зайсановъ и родовичей установились отношенія съ властью и казною путемъ взноса ясака, не было повода жаловаться на ихъ неисправность.

Они были покорены тихо и могли считаться вполнѣ надежными подданными. Мало того, зайсаны, или родовые начальники, по родовому началу безусловно держали въ покорности инородцевъ и вполнѣ гарантировали власти ихъ повиновеніе. Дючины (волости) исправно оплачивали ясакъ и значительные сборы, налагавшіеся на нихъ засѣдателями и исправниками, но съ нихъ собирали всегда больше.

Сборы эти когда-то давали возможность служившимъ здѣсь земскимъ чиновникамъ составлять цѣлыя состоянія.

Миссіонерское селеніе Улала въ Бійскомъ округѣ, Томской губерніи.

Маленькій инородческій податной окладъ, наложенный казною въ 3 рубля съ каждой души, увеличивался вдвое и втрое. Ясакъ вносится обыкновенно мѣхами: бѣлкой, лисицей и соболемъ.

Конечно, отборный соболь составляетъ рѣдкость, большинство средняго сорта, но для ясака требовался высшій сортъ и оцѣнка его ставилась всегда ниже. Но, не смотря на то, что инородцы поставляли лучшіе мѣха, да худшихъ у нихъ и не принимали, не смотря на то, что эти мѣха они покупали у торговцевъ, цѣнные соболи, всетаки, часто не доходили по назначенію и по этому поводу завязывалась между канцеляріями переписка, причемъ мѣстныя власти отписывались и отговаривались тѣмъ, что звѣроловство у инородцевъ уменьшается и на звѣря былъ неуловъ.

Охотничьи угодья дѣйствительно съуживались съ наплывомъ русскихъ охотниковъ, звѣрь выбивался и уменьшался. Русскіе промышленники бьютъ его безпощадно, часто весною, не смотря на то, что ожидается приплодъ дичи. Такое истребленіе было чисто хищническое, до чего инородецъ не доходилъ, зная, что отъ количества звѣря зависитъ его богатство и существованіе.

Русская колонизація, занявъ лѣса и выжигая ихъ, отогнала звѣря далеко. Звѣрь дѣйствительно уменьшился, но инородческое положеніе и тягости не измѣнялись. Они платили также, хотя экономическое положеніе ихъ было хуже.

И вотъ при этихъ-то условіяхъ, продавая скотъ торговцамъ, занимая деньги у ростовщиковъ, эти инородцы, всетаки, были исправными плательщиками. Мало того, когда-то въ началѣ нынѣшняго столѣтія исправники налагали на волости инородцевъ и требовали взноса оклада впередъ за годъ. Инородцы и это выполняли. Такая мѣра взысканія была не нужна и незаконна, но фактъ этотъ былъ выставленъ въ видѣ добровольной уплаты впередъ отъ изобилія и избытка, а инородецъ истощилъ въ это время послѣднія средства и окончательно раззорялся. А тутъ еще окружилъ и взялъ въ руки звѣролова торговецъ кулакъ, кабалитель; обманъ, водка свирѣпствовали и довершали свое дѣло.

Думалъ ли кто, что стоило звѣролову, рыскающему полуголоднымъ въ лѣсахъ и питающемуся горстью ячменя, подкараулить соболя или лисицу! Сколько усилій здѣсь было потрачено! Никто не знаетъ, сколько эта дорогая мягкая шкурка, обвивающая шею петербургской красавицы, поглотила жизни и крови у рыцаря лѣса, имя котораго никогда не будетъ узнано!

Экономическій кризисъ въ жизни инородцевъ приближался. Давно опустѣли долины, о прежнихъ стадахъ не было и помину. Извѣстный оріенталистъ путешественникъ В. В. Радловъ еще видѣлъ Чуйскія долины полными стадами скота, но черезъ нѣсколько лѣтъ, проѣзжая тѣ же долины, нашелъ ихъ пустынными. Мы ви-

дѣли ту же мѣстность послѣ него и нашли только жалкіе шалаши инородцевъ и обнищалыхъ жителей.

Русскій торговецъ уже хозяйничалъ въ экономической жизни инородца. Прежде дикарь самъ себя одѣвалъ и кормилъ. Теперь онъ пріучился пріобрѣтать и желѣзо, и мануфактуру путемъ торговцевъ, которая ему доставляется какъ рѣдкость. За бусу, за раковину, за зеркальце, за мѣдное кольцо берутся огромные барыши.

Торгъ, большею частію, мѣновой; каждая вещь оцѣнивается во столько-то бѣлокъ, причемъ цѣну за бѣлку ставитъ торговецъ, понятно, что покупатель проигрываетъ.

Орѣховый промыселъ не принадлежитъ уже всецѣло однимъ инородцамъ, крестьяне завладѣли этимъ правомъ, они въѣзжаютъ свободно въ лѣса. Весь средній инородческій Алтай изрѣзанъ колесными дорогами; дороги идутъ на Абай, на Уйманъ, на рѣку Чую до Ангудая; по этимъ дорогамъ скачутъ чиновники, разсыльные, земскіе писаря, подводная повинность уже знакома инородцамъ.

Въ долинѣ Уймона расположилось бойкое и энергичное раскольничье населеніе, на Берели и на Бухтармѣ крестьяне оттѣснили инородцевъ, вездѣ идетъ захватъ пастбищъ и покосовъ. Инородцу остается убѣжищемъ—ущелья Абакана, Башкауса, Аргута, Ясатора, но здѣсь давятъ и тѣснятъ его огромныя Альпы въ 10,000 футовъ высоты. Инородецъ, прежде безпечный и независимый, чувствуетъ, что наступаетъ критическій моментъ въ его жизни. Онъ видитъ, какъ ускользаютъ его богатство, плодоносныя долины, звѣроловство, орѣхъ; видитъ, что онъ не хозяинъ своего скота, и руки торговца могущественно сжали его, а кольцо крестьянской колонизаціи крѣпко опоясало его владѣніе и близится время, когда онъ потеряетъ и послѣднія угодья.

Безнадежность, апатія и подавленность видна на лицѣ инородца, имъ овладѣваетъ предсмертная тоска вымирающей расы. Исчезъ прежній гордый видъ владѣльца пустынь и царя Алтая.

Каждое лѣто, когда начинается изобиліе молока, инородцы прежде совершали рядъ религіозныхъ и семейныхъ празднествъ, въ это время они выкуривали на очагахъ въ особыхъ котлахъ и казанахъ свою водку изъ молока (аракэ).

Извѣстно, что болѣе или менѣе ожесточенное истребленіе вина соотвѣтствуетъ всегда расположенію духа народа. Чѣмъ болѣе гнели обстоятельства, тѣмъ болѣе алтаецъ и инородецъ сталъ предаваться забвенію и опьяненію.

Прежніе поминки, свадьбы и развлеченія, полныя умѣренности, смѣнились огульнымъ пьянствомъ, причемъ потребляется огромное количество самодѣльнаго вина. Тоска и уныніе проявились въ разгулѣ.

Кромѣ того, глубокая меланхолія, овладѣвающая народомъ, даетъ

себя знать самоубійствами. Нѣтъ, нѣтъ, да и повѣсится алтаецъ на деревѣ, вѣшается часто женщина, иногда и ребенокъ.

Во времена бѣдствій, падежей скота, эпидемій бубнитъ бубенъ шамана, горитъ жертвенный огонь, призываются божества Эрлика и Ульгеня, надрывающимъ воплемъ раздаются заклинанія экзальтированнаго шамана, но старые боги нейдутъ уже болѣе спасать инородца. Отъ этихъ священнодѣйствій остается туманъ и дефицитъ. Та же дикая природа, тѣ же утесы, родныя скалы окружаютъ инородца, но они уже производятъ давящее и суровое безнадежное впечатлѣніе. Цвѣтущая долина, та, чтó ласкала глазъ, чтò питала и нѣжила, ушла изъ рукъ и отнята у инородца навсегда.

Отчаяніе овладѣваетъ имъ, какъ тѣмъ шаманомъ, который на Аргутѣ, въ одну грозную ночь, подъ раскаты грома, бросился со скалы въ горную рѣку, клокотавшую въ безднѣ.

Посѣтивъ эти мѣста и насмотрѣвшись на совершавшуюся драму въ Алтаѣ, спустя два года, къ изумленію своему, мы встрѣтили дикаго жители этихъ горъ и долинъ въ Петербургѣ, среди своеобразной обстановки столицы. Мы увидѣли здѣсь двухъ зайсановъ-родовичей, пріѣхавшихъ ходатайствовать о своихъ дѣлахъ. Одинъ былъ зайсанъ 4-й дючины Каймашъ Буйзуевъ, другой алтаецъ 1-й дючины Отаекъ Кусубаевъ, третій товарищъ ихъ умеръ дорогой.

Пріѣздъ этихъ инородцевъ былъ замѣчаетеленъ тѣмъ, что, принявъ русское подданство почти сто лѣтъ назадъ, никто изъ алтайцевъ-калмыковъ не былъ въ Европейской Россіи и въ Петербургѣ. Между тѣмъ нѣкоторые предки ихъ имѣли жалованныя медали за усердную службу и грамоты отъ Екатерины II.

Считая инородцевъ дикарями, мы думаемъ, что они не имѣютъ понятія о юридическихъ правахъ своихъ. Это не совсѣмъ такъ.

Посѣтивъ ихъ стойбища, мы нашли у нихъ множество документовъ, которые они хранили, какъ сокровища, въ берестяныхъ папкахъ, или портфеляхъ, иначе сказать, въ берестѣ.

Ни одинъ писарь не хотѣлъ имъ читать эти бумаги, такъ какъ онѣ относятся къ старому времени. Мы прочли, однако, эти документы. Это были Екатерининскіе акты о льготахъ инородцевъ, документы и родословные зайсановъ, изъ которыхъ, вѣроятно, многіе утеряны уже въ архивахъ.

Съ этими грамотами часто безмолвно, но и многорѣчиво стоятъ инородцы, спрашивая о своихъ юридическихъ правахъ.

Пріѣзжіе депутаты также стремились для выясненія своихъ правъ особенно на землю, послѣдній вопросъ ихъ наиболѣе заботилъ, какъ роковой въ ихъ жизни.

Столкнувшись съ депутатами, предже чѣмъ помочь имъ въ области юридической, я позаботился объ обстановкѣ инородцевъ въ

Петербургѣ. Нашелъ я ихъ съ переводчикомъ въ одной квартирѣ, на углу Невскаго и Пушкинской улицы. Переводчикомъ, нанятымъ ими съ мѣста, былъ молодой, бойкій татаринъ, человѣкъ бывалый, который взялъ съ нихъ за это порядочную сумму.

Горные жители, привыкшіе къ вольному воздуху, томились въ душной петербургской квартирѣ, въ 4-мъ этажѣ, у какого-то касимовскаго татарина, содержавшаго квартиры. Въ скверномъ воздухѣ у нихъ болѣла голова, страдалъ желудокъ; отсутствіе воздуха положительно имъ было вредно. Я взялся устроить ихъ прогулку по Петербургу, но прохожіе толпились около насъ, потому что мои алтайцы вызвали любопытство своими монгольскими физіономіями, въ своихъ костюмахъ, съ косами и въ оригинальныхъ шапкахъ; одинъ же обращалъ вниманіе своею тучностью. На другой день я взялъ четырехмѣстныя сани, и мы отправились по Невскому и Англійской набережной, причемъ я испытывалъ ощущеніе чиновника дипломатическаго корпуса, сопровождающаго какое нибудь китайское или египетское посольство, привлекающее общее вниманіе. Тучный Каймашъ, въ пестрой канфовой шубѣ, въ мерлушчатой шапкѣ, накрененной впередъ на шотландскій фасонъ и съ лентами назади, дѣйствительно имѣлъ видъ какого-то посланника, онъ держалъ себя сановито и съ достоинствомъ.

Вечеромъ я возилъ зайсана въ циркъ, который ему понравился, и особенно дрессированныя лошади.

По дѣламъ депутаты имѣли возможность представиться управляющему Кабинетомъ двора его величества, генералъ-адъютанту Ребиндеру, которому подали просьбы, были имъ выслушаны внимательно и при прощаньѣ получили серебряные часы съ императорскимъ орломъ. Эти инородцы, надо сказать, имѣли отношеніе къ Кабинету, какъ кочующіе на его земляхъ.

Пріемъ, полученный въ столицѣ, для нихъ былъ новостью. Третируемые и обираемые мѣстными исправниками, которые задерживали выѣздъ ихъ, они увидѣли впервые вниманіе отъ сановниковъ имперіи и самое вѣжливое отношеніе. Понятно, что это не могло не произвести на нихъ впечатлѣнія.

Съ своей стороны, я употребилъ усиліе, чтобы чѣмъ нибудь облегчить ихъ пребываніе въ Петербургѣ. Понятно, что ни шумъ столицы, ни ея величественныя громады, ни движеніе и блескъ не были понятны имъ. Они оставались къ нимъ почти равнодушны, даже имъ чувствовалось не по себѣ. Такъ несвойственны и намъ ихъ пустыни. Они скучали, томились и торопились домой. Я помню грустно унылый видъ особенно младшаго Отоека, весьма симпатичнаго, его ничто не развлекало—ни фотографическія карточки, ни картины, которыми я ихъ занималъ.

Когда я хотѣлъ вызвать у нихъ улыбку, я припоминалъ съ ними знакомыя мѣста Алтая. Когда-то я сидѣлъ въ ихъ юртѣ, какъ

и они у меня. Я также былъ путникомъ, искавшимъ гостепріимства. Я припомнилъ и яркій костеръ, по срединѣ юрты разложенный для меня, любопытныя лица съ косами въ оригинальныхъ шапкахъ, курящіеся чайники, пеструю инородческую картину жизни. Помню ночь, заставшую меня здѣсь. Я видѣлъ тогда шамана въ фантастическомъ костюмѣ, увѣшанномъ змѣями (которыхъ представляетъ масса жгутовъ) и погремушками въ шлемѣ съ перьями, съ таинственнымъ бубномъ, вертѣвшагося сначала около костра, а затѣмъ выскочившаго изъ шалаша подъ открытое небо. Помню его потрясающіе вопли, призыванія, дикое эхо горъ, отвѣчавшее этимъ заклинаніямъ, и таинственную, прекрасную ночь съ тысячами яркихъ звѣздъ, раскинувшуюся надъ величественными горами, полными дикой прелести. Я видѣлъ эти горы, обстановка ихъ имѣютъ свое обаяніе и поэзію, и, конечно, я понималъ влеченіе къ нимъ инородцевъ и тоску по нимъ! Эти горы оставили во мнѣ также неизгладимое воспоминаніе. Уѣхавшіе пріятели-алтайцы прислали мнѣ еще разъ привѣтъ изъ своихъ горъ и даже подарокъ: нѣсколько древнихъ наконечниковъ стрѣлъ, какъ амулеты древняго инородческаго царства, занимавшаго мое воображеніе. Я представлялъ себѣ, какъ въ темный вечеръ въ той же юртѣ соберутся инородцы и передъ яркимъ костромъ, передъ любопытными лицами, польются разсказы странниковъ о видѣнныхъ ими огромныхъ дворцахъ, каменныхъ львахъ и чудесахъ столицы. Они будутъ дома, запахъ дымящагося аракэ (дамашнее вино) будетъ разноситься по юртѣ и ласкать ихъ обоняніе. Они невинные, какъ младенцы, передадутъ своимъ соплеменникамъ впечатлѣніе невиданной цивилизаціи. Но кто передастъ намъ ихъ жизнь, ихъ культуру, ихъ таинственный міръ?.. Когда мы выходили съ моими гостями изъ цирка, на вопросъ разодѣтой дѣвочки:—«что это за люди?»—петербургская свѣтская дама отвѣтила: — «Ce sont des chinois, ma chère!» Очень жаль, что наши инородцы для иныхъ русскихъ дѣйствительно «chinois».

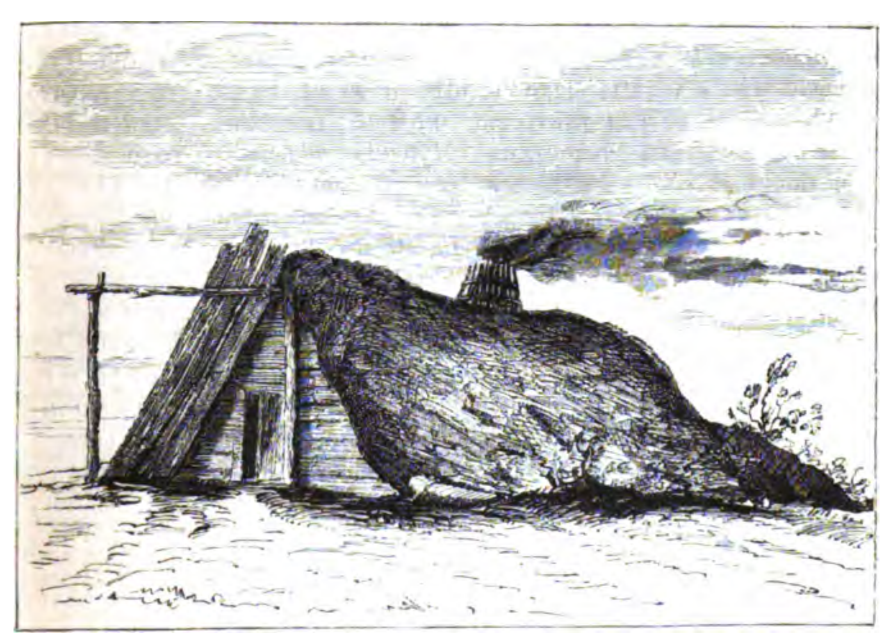
III.

Намъ предстоитъ коснуться теперь этнографіи Алтая. Разсматривая племена инородческія отъ границъ Китая къ сѣверу, въ долинахъ Алтая мы видимъ среди инородческихъ племенъ: калмыковъ, ойротовъ, теленгитовъ, телеутовъ, телесовъ; кромѣ близкаго родства языкомъ и типомъ, среди нихъ одинаковы слѣды монгольскаго и китайскаго вліянія. Видно, что эти племена, выдвинувшіяся изъ Монголіи, когда-то испытали господство монголъ, джунгаръ и породнились съ ними.

Племена эти послѣ паденія Ойротскаго союза кинулись на сѣверъ, причемъ телеуты достигли Кузнецкаго и Томскаго округа. Но гдѣ бы ни встрѣчались телеуты, въ Сибири у нихъ видна еще

близость племеннаго родства съ Алтаемъ. Родство это сохраняется, конечно, и у многихъ татаръ средней Сибири.

Названіе татары, употребляемое русскими, однако, до безконечности растяжимо и часто сходится съ понятіемъ инородецъ, такъ что подъ именемъ татаръ разумѣются самыя различныя племена. Хотя татары Тобольской и Томской губерній по языку принадлежатъ одинаково къ тюркскому племени, но въ типахъ Средней Сибири нельзя не видѣть различія. Монгольщина, преобладающая на югѣ Сибири, въ Алтаѣ, въ Саянахъ и въ Киргизскихъ степяхъ, понемногу исчезаетъ въ средней Сибири, и сибирскіе татары въ Томскѣ, Тарѣ и Тюмени, какъ и барабинскіе, представляютъ болѣе чистый европейскій типъ, показывая, что здѣсь входилъ другой этнологическій элементъ.

Первообразъ избы; зимовка кумандинцевъ и черневыхъ татаръ.

Въ собственномъ смыслѣ алтайцы, или племена, населяющія Кузнецкій и Бійскій округа, носятъ различныя мѣстныя названія, данныя русскими, а именно: 1) черневыхъ татаръ, 2) кумандинцевъ, 3) телеутовъ, 4) телесовъ, 5) алтайцевъ ойротовъ, или алтайскихъ калмыковъ, и 6) чуйскихъ теленгитовъ. При этомъ надо замѣтить, что названіе калмыковъ дано алтайцамъ русскими, а самимъ имъ это имя неизвѣстно; таково же названіе черневыхъ татаръ, которые себя, большей частію, называютъ туба, тубалоры или іишъ-кижы. Расположеніе этого населенія и на-

званіе его сплошь и рядомъ смѣшиваются въ этнографіи. Такъ на этнографической картѣ Азіатской Россіи, составленной по Венюкову, телеуты означены занимающими все пространство между Катунью и Телецкимъ озеромъ, и даже раіонъ алтайцевъ-ойротовъ. На самомъ дѣлѣ телеуты и телеутскія волости расположены въ Кузнецкомъ округѣ близь Бочата, въ Томскомъ округѣ и только часть телеутовъ переселилась въ Найму и Улалу, миссіонерскія селенія. По Біи вовсе нѣтъ телеутовъ, и то, что Гельмерсенъ принялъ за нихъ (см. его путешествіе «Телецкое озеро и Телеуты»), оказались кумандинцами и по костюму, и по образу жизни. Жители по Телецкому озеру, по Башкаусу и Чулышману и доселѣ называютъ себя телесами, но названіе телесъ пропадаетъ на Чуѣ. Что телеуты и телесы были не одно и то же, видно изъ того, что въ 1652 году, по свидѣтельству Фишера, послѣдніе были подчинены и покорены телеутами. Чуйскіе теленгеты составляютъ двѣ дючины, они называются иногда урянхайцами. По Біи отъ Енисейской волости, по Чепшѣ и Ишѣ расположены кумандинцы. Отъ Улалы до Телецкаго озера находятся 7 волостей черневыхъ татаръ Туба, съ особымъ родовымъ названіемъ каждой волости. Раіонъ ихъ оканчивается на сѣверѣ Телецкаго озера, гдѣ мы нашли еще аулъ Кергежской волости черневыхъ татаръ. Телесы нынѣ находятся на урочищѣ Беле, по юго-восточной сторонѣ озера и по рѣкѣ Чулышману. По правому берегу Катуни и ея притокамъ справа расположена 1-я алтайская дючина или волость, остальныя 6 дючинъ находятся по лѣвой сторонѣ Катуни, по Урсулу, Кану, съ сѣвера ограничиваемыя русскими волостями, къ югу Уймонской управой и Катунскимъ хребтомъ. Двѣ чуйскія дючины живутъ по Чуѣ, Аргуту, Чеганъ-узуну, Каракему и Тополевкѣ.

Среди алтайскихъ племенъ собственно мы видимъ два слившихся элемента, совершенно различныхъ. Выдѣлить ихъ весьма важно для этнографа. Изъ коренящейся связи финскихъ и алтайскихъ племенъ могутъ вытечь любопытныя заключенія.

Наше вниманіе обратили своимъ типомъ и выдающимся образомъ жизни такъ называемые черневые татары и рядомъ съ ними кумандинцы. Отъ города Бійска, отправившись по Біи, мы встрѣтили цѣлый рядъ ауловъ, или деревень, принадлежащихъ этимъ татарамъ, и прежде всего двѣ кумандинскія волости. Сначала, въѣхавъ въ эти деревни изъ русскихъ деревень, мы находились подъ тѣмъ впечатлѣніемъ, подъ какимъ обыкновенно бываетъ неподготовленный путешественникъ среди чуждыхъ племенъ. Помню, что послѣ заката солнца, когда живописная Бія, эта красавица рѣка, какъ и Катунь, представила намъ двѣ картины, другъ передъ другомъ поставленныя, а именно, берегъ рѣки, погружающійся въ вечернюю синеву, съ блещущею луною на небѣ, и другую, съ отблескомъ зари на противоположномъ концѣ, мы въѣхали въ Елейскій аулъ.

Мы встрѣтили здѣзь фантастическіе домики на подставкахъ, лѣстницы изъ бревенъ; мелькнули костры на дворахъ и насъ окружили смуглыя, загорѣлыя, всклокоченныя головы и лица инородцевъ, съ бѣлыми, какъ перламутръ, зубами, блестѣвшими въ сумеркахъ. Мы почувствовали, что находимся среди дикарей, и отдались этому впечатлѣнію. Но этой иллюзіи мы не могли долго отдаться. Въ тотъ же вечеръ мы очутились въ довольно удобной комнатѣ, съ русской обстановкой, а хозяинъ поразилъ насъ нѣжной кожей и своимъ деликатнымъ складомъ. Это былъ уже крещеный и ведшій вполнѣ осѣдлую жизнь. На утро мы нашли, что окружающее населеніе да-

Шести-угольная юрта черневыхъ татаръ.

леко не походило на монголовъ, киргизовъ, бурятъ, остяковъ и самоѣдовъ, типы которыхъ намъ были извѣстны. Ближе всего окружающіе насъ инородцы подходили—брюнеты къ семитическому, или къ цыганскому типу, но среди нихъ было немало съ волосами каштановыми и блондиновъ. Даже шаманъ (жрецъ), видѣнный нами, былъ блондинъ. Глаза также встрѣчались голубые и сѣрые. При подробномъ изученіи цвѣта кожи, мы увидѣли ее ничѣмъ не отличавшейся отъ нашей, кромѣ загара. Изъ волосъ мы получили волосы ребенка, хранящіеся у насъ въ медальонѣ, это былъ настоящій лёнъ. Ясно, что здѣсь не было ничего общаго съ монголами. Географическое положеніе этихъ ауловъ и деревень было особенно благопріятно для племеннаго изученія. Въ ряду многочисленнаго

инородческаго населенія весьма важно схватить чистый, основной типъ. Здѣсь типъ былъ въ высшей степени своеобразенъ. Видно, что въ этомъ мѣстѣ было очень мало смѣшенія съ другими племенами, и дѣйствительно кумандинцы были отдѣлены и, такъ сказать, загорбжены отъ алтайцевъ съ юга ихъ сосѣдями, черневыми татарами, другихъ волостей, а съ сѣвера соприкасались съ кузнецкими родственниками, гдѣ сохранился тотъ же типъ. Уже прежніе путешественники замѣчали среди алтайскихъ сѣверныхъ народностей типы, которые давали имъ поводъ дѣлать заключеніе о смѣшеніи тюрковъ и алтайцевъ съ финскими племенами. Наружные признаки, по первому впечатлѣнію, дали поводъ Гельмерсену сравнить видѣнныхъ имъ черневыхъ татаръ Бійскаго округа съ чухнами Финляндіи. Какъ мы убѣдились сами, инородцы эти могутъ оставить подобное впечатлѣніе. Безбородыя лица черневыхъ татаръ и кумандинцевъ, съ прямыми волосами, висящими космами, и полуоткрытыми глазами, дѣйствительно, весьма напоминаютъ финновъ; около Кузнецка мы встрѣтили крещенныхъ татаръ, въ войлочныхъ пальто, съ трубками въ зубахъ и въ картузахъ, которые еще болѣе напрашивались на сближеніе съ чухнами.

Наиболѣе типичное населеніе — это кумандинцы, отдѣленные съ юга отъ смѣшенія съ алтайцами бійскими черневыми татарами, а отъ телеутовъ черневыми же татарами — кузнецкими. Въ этихъ волостяхъ мы встрѣчаемъ типы, болѣе близкіе къ кавказскимъ, чѣмъ къ финскимъ. Скуластость пропадаетъ, глаза полуоткрытые, голубаго цвѣта, волосы каштановые и бѣлокурые. Мы поражались иногда замѣчательнымъ сходствомъ съ русскими лицами; бѣлокурость дѣтей выступаетъ еще рѣзче. Правда, кумандинцы ведутъ уже осѣдлый образъ жизни, поэтому здѣсь любопытно наглядно изучить, какимъ образомъ другія условія жизни вліяютъ на измѣненіе того же типа.

По рисункамъ мы предоставляемъ судить, на сколько эти лица своеобразны. Не дѣлая окончательныхъ выводовъ, мы не можемъ не констатировать факта, бросающагося въ глаза. Что это не случайность, доказательство въ томъ, что въ черни и въ лѣсахъ по Лебедю и Мрассѣ, въ Кондомской и другихъ волостяхъ, совершенно изолированныхъ отъ русскихъ, встрѣчается значительная часть также бѣлокурыхъ инородцевъ.

Наблюденіе надъ осѣдлыми татарами этой мѣстности не могли не навести на сравненіе съ ихъ родственниками, живущими въ лѣсахъ, и особенно съ кочевниками алтайцами. Осѣдлость, иной образъ жизни и пища не могли не положить своей печати, и дѣйствительно осѣдлые отличаются меньшею смуглостью, меньшимъ присутствіемъ загара (загаръ у нѣкоторыхъ алтайцевъ доходитъ до пояса, вслѣдствіе полевыхъ работъ безъ рубахъ), большею нѣжностью кожи, мягкостью волосъ, жировыми накопленіями подъ ко-

жей и мягкостью или рыхлостью мускуловъ. При измѣреніяхъ мы убѣдились, что мускулы звѣролововъ были жестки, менѣе упруги, какъ бы слитые, напоминая мускулы удава. Намъ неизвѣстно, были ли антропологами сдѣланы наблюденія надъ измѣненіемъ организма подъ вліяніемъ перемѣны обстановки и пищи, а эти наблюденія могли бы пролить свѣтъ на перерожденіе расъ и дать ключъ ко многимъ антропологическимъ загадкамъ.

Осѣдлость у командинцевъ и полукочевой бытъ у татаръ этой мѣстности тоже оригинальны. У кумандинцевъ среди подобія русскихъ избъ мы нашли оригинальную переходную форму зимовки; это родъ шалаша съ крышей, закиданной землей, съ глинобитной печью—переходъ къ настоящей избѣ, но своеобразной постройки; здѣсь видно еще родство съ шалашемъ. (Типъ этого жилища представленъ на рисункѣ). Въ лѣсахъ у кузнецкихъ татаръ находятся зимовки четырехъ-угольныя. Прослѣдивъ переходы этихъ жилищъ, мы составили цѣлое представленіе о переходныхъ культурахъ и самомъ происхожденіи осѣдлости.

Въ этнографіи доселѣ встрѣчаются рѣзко только нѣсколько степеней быта: звѣроловы, скотоводы и осѣдлые земледѣльцы, но переходныя степени не изучены. Мало того, мы смѣшивали формы быта и вслѣдствіе такого заблужденія считали тѣхъ же черневыхъ татаръ за кочующихъ звѣролововъ, тогда какъ бытъ ихъ представляетъ стадію развитія гораздо болѣе высшую, чѣмъ у кочевниковъ.

Что касается до кочевниковъ, то это понятіе, смѣемъ замѣтить, получило черезчуръ широкое толкованіе въ Сибири. Отъ блужданія въ лѣсахъ, отъ жизни народа, перекочевывающаго со стадами, до осѣдлаго быта человѣчество прошло рядъ безконечныхъ степеней. Физическія и топографическія условія природы обусловливали человѣческое передвиженіе и самые способы жизни. Это легко видѣть на алтайскихъ народностяхъ.

Въ горномъ Алтаѣ мы видимъ, что алтайскій скотоводъ далеко не таковъ, какъ номадъ-киргизъ или монголъ; горы и горныя долины замкнули и ограничили его передвиженіе, перекочевки, и съузили ихъ до нѣсколькихъ верстъ; способъ перекочевки у нихъ иной, только на плоскогорьяхъ Алтая видны привычки кочевника Монголіи, пришедшаго съ привольной степи.

Лѣса той же горной мѣстности еще болѣе замкнули и съузили переходы населенія, они создали особенную форму быта осѣдлыхъ кочевниковъ или охотниковъ. Въ этихъ лѣсахъ находятся какъ бы первые зародыши осѣдлости, поэтому можно судить, что лѣса имѣли огромное значеніе въ прикрѣпленіи человѣка къ землѣ. Въ нашемъ Алтаѣ мы встрѣчаемъ оригинальную форму быта лѣсныхъ кочевниковъ—таково населеніе Бійской и Кузнецкой черни. Ихъ жилища, кромѣ шалашей, деревянныя, четырехъ-угольныя. Эти жилища не переносятся, хотя лѣсной кочевникъ имѣетъ лѣтовку

и зимовку для скота, но лѣсъ ему позволяетъ переходить только на двѣ, на три версты. Онъ уже почти осѣдлый житель.

Въ черни и въ лѣсахъ мы встрѣчаемъ нѣсколько типовъ жилищъ, служащихъ переходными степенями, начиная отъ простаго шалаша изъ еловыхъ деревьевъ, сюольты, аланчека, покрытаго берестой—это родъ финскаго кота. При дальнѣйшемъ развитія у степныхъ кочевниковъ шалашъ этотъ переходитъ въ юрту, у лѣсниковъ въ четыреугольную досчатую хижину яйду, имѣющую видъ шатра, которая встрѣчается на Біи и на Телецкомъ озерѣ, представляя собой четыреугольный шалашъ безъ оконъ. Бревенчатый шалашъ, покрытый землю, представляетъ зимовку, здѣсь является уже окно (кузенекъ); первоначально оно наверху, затянуто брюшиной и переплетено прутьями — начало рамы. Наконецъ, въ той же зимовкѣ является глинобитная печь — чувалъ. Зимовка далѣе начинаетъ строиться изъ бревенъ въ 6 рядовъ, крыша скатомъ, покрытая землей, окно появляется на боку. Впереди зимовки дѣлается родъ сѣней и досчатый заборъ отъ снѣгу. Внутренность подобнаго жилища также совершенствуется, является кругомъ родъ лавки, покрытой берестой, вмѣсто очага печь, и дверь прикрѣпляется на первобытномъ шалнерѣ съ ремешкомъ. Лѣтовка и зимовка стоятъ рядомъ, и первая можетъ превратиться во вторую.

Съ другой стороны шалашъ, состоящій изъ жердей и связанный двумя обручами, у скотовода алтайца обволакивается кошмою — это начало юрты. Затѣмъ появляется подвижная юрта, подобная киргизской, но безъ чегаракъ круга, хотя и съ отверстіемъ для дыма. Передвижная юрта по своему устройству есть одно изъ совершеннѣйшихъ жилищъ, съ замѣчательными приспособленіями. Форма ея наиболѣе удобная для сопротивленія вѣтру — сферическая; жилище, окутанное кошмой,—тепло, всѣ части его складныя и удобны для перемѣщенія. Но у кочевыхъ алтайцевъ и у черневыхъ существуетъ еще переходная форма, это шести и восьмиугольная бревенчатая юрта, съ конусомъ наверху; такова зимовка скотовода. Человѣку, привыкшему къ круглому помѣщенію, немыслимо перейдти къ четыреугольному и онъ изобрѣлъ многоугольный срубъ, замѣняющій ему старую юрту съ очагомъ по серединѣ.

Таковы постепенные переходы къ избѣ и четырехъ-угольному срубу. Зимовка уже начало избы. Еще шагъ, и вы замѣчаете совершенно осѣвшее населеніе кумандинцевъ съ осѣдлостью въ самой первобытной формѣ, съ жилищами, въ которыхъ уже созданъ первообразъ печки — чувалъ и изба называется «уй».

Не смотря на то, что кумандинцы усвоили осѣдлость, позывъ переселяться изъ одной деревни въ другую черезъ нѣсколько лѣтъ, костры на дворахъ и приготовленіе пищи на воздухѣ напоминаютъ ихъ старыя привычки.

Въ ряду этихъ жилищъ мы встрѣчаемъ драгоцѣнныя указанія на всѣ переходы къ осѣдлости. Полукочевой бытъ или переходный бытъ встрѣчаетъ представителей у многихъ инородцевъ.

Эти постепенные переходы и измѣненія формы жизни, совершающіяся подъ вліяніемъ вполнѣ естественныхъ побужденій, вызываемыхъ обстановкой природы, открываютъ намъ многое въ исторіи культуры и освѣщаютъ постепенные переходы человѣчества. Что касается промысловъ и занятій, то до сихъ поръ принято раздѣлять народы на звѣролововъ, скотоводовъ и земледѣльцевъ, обусловливая этимъ высоту ихъ культуры и степень разви-

Зайсанъ Комляжской волости Костагашъ.

тія. Раздѣленіе это, вѣрное исторически и схематически, много сбивало людей, заочно представлявшихъ бытъ инородцевъ и ихъ промыслы; на самомъ дѣлѣ какъ трудно провести грань между полуосѣдлымъ состояніемъ и осѣдлымъ, такъ трудно сказать, что извѣстному племени свойственно одно занятіе.

Земледѣліе существуетъ какъ у кочевыхъ алтайцевъ—скотоводовъ, такъ и у лѣсныхъ дикарей, на половину охотниковъ, только это земледѣліе первобытное. Алтайцы и черневые татары преимущественно сѣютъ ячмень. Они обработываютъ землю обыломъ—родъ мотыги, или лопатки, прикрѣпленной къ согнутой ручкѣ; этотъ обылъ, какъ видно, относится къ древнѣйшимъ земледѣльческимъ орудіямъ; въ той же черни или лѣсахъ встрѣчается еще болѣе простое орудіе, — это озыпъ, которымъ выкапываютъ корни кан-

дыка. Отъ обыла человѣкъ не разомъ переходитъ къ сохѣ, у алтайцевъ существуетъ первообразъ сохи, это андазынъ, сошникъ съ простымъ дышломъ, которое привязывается къ сѣдламъ двухъ верховыхъ лошадей; борону замѣняетъ у этихъ народовъ сучковатое дерево. Хлѣбъ, который засѣваютъ первобытные земледѣльцы, составляетъ ячмень. Самый первобытный способъ сбора хлѣба—рвать колосья руками, мы встрѣтили на Чуѣ; въ другихъ мѣстахъ, какъ на Аргутѣ, употребляется ножъ съ косой ручкой, наконецъ—подобіе горбуши. Взамѣнъ овина хлѣбъ сушатъ на солнцѣ, развѣшивая пучками. Вмѣсто молотьбы сохранился еще способъ обжиганія соломы. Объ этомъ способѣ, существовавшемъ 2—3 столѣтія въ Ирландіи, упоминаетъ Тейлоръ, какъ о древнѣйшемъ способѣ, онъ же былъ присущъ кельтамъ. Въ этой же черни мы находимъ первообразъ цѣпа, токбокъ, простая палка съ утолщеннымъ концомъ. Вмѣсто жерноновъ мы встрѣчаемъ у алтайцевъ растираніе ячменя на особой плитѣ, называемой пасмакъ. Сколько мы ни усиливались найдти у южныхъ алтайцевъ первообразъ жернова, мы не нашли его. Жернова представляютъ высшую степень культуры и находятся только у черневыхъ татаръ. Точно также имѣетъ весьма древнее происхожденіе ступа, сохо, встрѣчаемая у всѣхъ алтайцевъ; ступа эта представляетъ различныя усовершенствованія. При обработкѣ полей въ горныхъ мѣстностяхъ Алтая мы находимъ вдобавокъ орошеніе полей. Оно состоитъ въ томъ, что вода горнаго ручья или рѣчки отводится по канавамъ, проведеннымъ по наклонному полю; канавы эти заложены каменными шлюзами, которые, по мѣрѣ надобности, поднимаются. Эти сугаки, или каналы, проведены въ каждой пашнѣ, но если мало воды, пашни владѣльцевъ орошаются поочередно. Подобное же орошеніе существуетъ въ киргизской степи, особенно въ Семипалатинской области и Туркестанѣ. Въ тѣхъ же мѣстахъ мы находимъ начало удобренія и открываемъ тотъ путь, которымъ природа привела къ нему: проѣзжая по пустынной рѣчкѣ Эбели, впадающей въ Чую, мы наткнулись на оставленную зимовку, гдѣ на мѣстѣ шалаша разрослась цѣлая клумба хлѣбовъ изъ просыпанныхъ зеренъ во время обитанія людей. На рѣкѣ Куппенѣ, впадающей въ Еламанъ, калмыки при разспросахъ о томъ, какія поля они предпочитаютъ подъ пашни, передали намъ наблюденія, что хлѣбъ родится лучше на мѣстѣ, откуда они переносятъ свое жилище. Въ Кузнецкой черни мы узнали, что черневые татары сѣютъ коноплю на мѣстахъ, гдѣ простояла долго скотина. Изъ различныхъ растеній начинается выдѣлка пройзведеній. Алтаецъ чаще употребляетъ шубы, но черневой татаринъ умѣетъ ткать. Выдѣлка ткани есть уже замѣчательный прогрессъ среди дикарей, она начинается съ крапивы и кендыря, или дикаго конопля. Изъ крапивы кузнецкіе татары вяжутъ сѣти. Бѣлый зипунъ, дѣлаемый кумандинцами, называется кен-

дырь. Какъ земледѣліе, такъ скотоводство и охота дикаря имѣютъ извѣстныя степени развитія. У алтайцевъ есть способы заготовленія сѣна на зиму, причемъ они, собирая его, вьютъ веревками.

У черневыхъ татаръ заготовляются стога, къ которымъ припускается на зиму скотъ. Проѣзжая по Алтаю среди лѣта, мы замѣчали вездѣ кипучую земледѣльческую работу и сѣнокошеніе: полуголые дикари трудились не менѣе нашего земледѣльца. Что касается звѣроловства, то и здѣсь дикарь проявилъ поступательное движеніе: старинная ловушка и лукъ замѣнены ружьемъ, которое занесено изъ Китая. Алтайское ружье фитильное, китайскаго образца. Для фитиля употребляется лыко растенія тая, которое смачивается въ растворѣ пороха и горитъ какъ трутъ. Порохъ выдѣлываютъ алтайцы на Башкаусѣ и на Чуѣ сами, онъ весьма крупный. Пуля на большаго звѣря употребляется желѣзная. Пуля эта легко выкатывается изъ ствола, если требуется ружье разрядить. Особенность этого ружья въ томъ, что казенника нѣтъ, оно прямо запаяно. Можно подумать, что при такомъ вооруженіи не достигается ни цѣльность, ни скорость стрѣльбы. На самомъ дѣлѣ, не смотря на неуклюжесть алтайской турки-ружья, инородецъ привыкъ владѣть имъ съ замѣчательнымъ искусствомъ, ловкостью и предусмотрительностью, которымъ нельзя не удивляться. Фитиль не просто прикладывается, но онъ находится на куркѣ, который также быстро спускается и огонь зажигаетъ порохъ на полкѣ. Для того, чтобы на охотѣ скорѣе зажечь фитиль ружья у охотника курится другой фитиль. Для насыпки пороха существуетъ особая натруска. Въ случаѣ промаха находятся въ запасѣ готовыя мѣрки заряда въ особыхъ патронахъ въ родѣ черкесскихъ, а пуля во рту. Порохъ въ одну минуту насыпается и пуля спускается. Обладая хладнокровіемъ, знаніемъ привычекъ звѣря, черневой татаринъ убиваетъ въ жизни значительное число медвѣдей. Мы видѣли охотниковъ, убивавшихъ по 150 и 200 медвѣдей. Нѣкоторые обитатели черни носятъ названіе «Медвѣжья смерть».

Какъ у алтайцевъ, такъ и у черневыхъ татаръ развито кузнечное мастерство до выдѣлки стали. Когда-то кузнецкіе татары славились производствомъ желѣзныхъ вещей, тагановъ, посуды, и платили, до пришествія русскихъ, этими произведеніями дань въ Китай. На Чулышманѣ и Башкаусѣ до сихъ поръ добываютъ руду, плавятъ чугунъ, а затѣмъ выдѣлываютъ желѣзо.

Остатокъ кузнечнаго мастерства въ Алтаѣ намекаетъ на многое. Въ тѣхъ же мѣстахъ находятся могилы, въ которыхъ обиліе металлическихъ предметовъ: ножи, кинжалы, чаши, котлы, копья, стрѣлы и даже кольчуги. Аборигены Алтая умѣли выдѣлывать металлъ. Искусство ихъ было высоко. Произведенія ихъ, какъ видно изъ сравненія находокъ, распространены до Дона. Мы видимъ тѣ же котлы, какъ и въ Алтаѣ, на рисункахъ донскихъ древностей. Ал-

тай былъ когда-то мѣстомъ, откуда распространялся металлъ и его издѣлія.

Разсматривая костюмы и моды различныхъ алтайскихъ племенъ, мы видимъ, что они представляютъ извѣстное разнообразіе. Древнѣйшій костюмъ черневыхъ татаръ мы нашли у кумандинцевъ: онъ тотъ же самый, какъ описывается Гельмерсеномъ. У мужчинъ бѣлые азямы изъ льна и лѣтомъ такія же шапки, колпаки, обшитые крашеной шерстью, зимою шубы изъ сѣраго войлока, у женщинъ рубахи съ вышитымъ воротомъ и шерстяные шушуны, крашенные мареной, также крашенные чулки. На воротѣ,

Монгольскій типъ черневыхъ татаръ.

шеѣ и косахъ находятся обильныя украшенія бисеромъ и ялань-башемъ, раковиной каури (Cyprea moneta); наконецъ, воротники обшиты перламутромъ съ пуговками, называемыми жемчугомъ.

Это дало поводъ Гельмерсену заключить, что одежда женщинъ по Біи походитъ на мордовскую и черемисскую. Въ интересахъ сравненія мы сняли подробности этого костюма. Костюмъ кузнецкихъ черневыхъ жителей ближе подходитъ къ кумандинцамъ, но онъ уже измѣняется подъ вліяніемъ русской моды. За то бійскіе черневые татары заимствуютъ моду у алтайцевъ, это высокая шапка перюкъ и женскій чегедекъ—весьма красивый женскій костюмъ, обшитый галуномъ и парчею съ огромными китайскими красными пуговицами. Коса, принадлежность алтайца, проникла и къ бійскимъ черневымъ татарамъ, но ея уже нѣтъ въ Кузнецкомъ

округѣ, гдѣ инородцы подстригаютъ волосы въ скобку. Вообще съ юга проникало къ алтайцамъ и черневымъ татарамъ китайское вліяніе, съ сѣвера, напротивъ, русское.

Но намъ дороги въ этомъ случаѣ самые древнѣйшіе костюмы, притомъ весьма важно классифицировать костюмы въ связи съ хозяйствомъ и промыслами. Мы видѣли костюмъ для охоты звѣролова и тутъ же костюмъ земледѣльца. Интересно, что бѣлый балахонъ—кендырь [1]) и обувь, съ пришитыми холстинными голяшками, совершенно напоминали русскій земледѣльческій костюмъ.

Жена кумандинца, — черневая татарка.

Финскія моды женщинъ весьма поучительны для сравненія. Телеутская шапка женщинъ напоминаетъ нашу четырехъ-угольную крестьянскую шапку. Одинаковыя формы быта и жизни должны давать одинъ и тотъ же костюмъ. Валеная круглая шапочка, свойственная средне-азіатскимъ кочевникамъ нашимъ, имѣетъ сходство съ шапочкой изъ войлока, найденной въ швейцарскихъ озерныхъ постройкахъ. Удобная форма костюма и обуви переносится отъ племени къ племени, переходя огромныя протяженія. Китайская круглая, мягкая войлочная шапка носится у алтайцевъ—кочевниковъ и у казанскихъ татаръ торговцевъ съ отогнутымъ къ лицу козыремъ. Мы не говоримъ объ украшеніяхъ. Раковина каури рас-

[1]) Кендырь—названіе дикой конопли, изъ которой инородцы выдѣлываютъ ткань.

пространена отъ южно-азіатскихъ береговъ Восточнаго океана до сѣвера Азіи, она проходила пустыни и степи Средней Азіи изъ Индіи, она была извѣстна древнему жителю Европы, какъ нашему черемису, и находится въ древнихъ могилахъ Саксоніи. Напрасно европеецъ будетъ гордиться своей модой, происхожденіе ея лежитъ въ глубокой древности. Первоначальная форма только варіируется и совершенствуется. Даже костюмъ фрака найденъ въ одной древней алтайской могилѣ В. В. Радловымъ; правда это былъ кожанный фракъ, но, тѣмъ не менѣе, вырѣзка напереди одежды и фалды назади не составляютъ изобрѣтенія только одной европейской моды. Мы не будемъ уже говорить о металлическихъ украшеніяхъ мѣдныхъ, золотыхъ и серебряныхъ, о запястьяхъ, серьгахъ, кольцахъ, зеркальцахъ металлическихъ и бритвахъ, даже бронзовыхъ. Ихъ можно найдти достаточно въ археологическихъ музеяхъ. Они найдены въ обиліи въ Алтаѣ и Минусинскомъ округѣ (см. между прочимъ коллекціи Эрмитажа). Видно, что нѣкоторые обычаи и туалеты знакомы древнѣйшимъ народамъ; достаточно сказать, что вся южная и средняя Азія и Монголія давно брѣется, даже черезчуръ брѣется. Исчезшіе народы много столѣтій назадъ употребляли бритвенницы, а физіономіи на каменныхъ бабахъ, несомнѣнно монгольскаго происхожденія, всѣ бритыя, съ одними усами, какъ европейскіе джентельмены. Мы не говоримъ здѣсь о множествѣ обычаевъ и вѣрованіяхъ, переходившихъ отъ народа къ народу, которые сохраняются въ чистотѣ у алтайскихъ инородцевъ, какъ наслѣдіе древнѣйшихъ временъ. Шаманизмъ, доселѣ мало изслѣдованный, представляетъ древнюю, весьма распространенную религію, предшествовавшую буддизму, магометанству и проч. Это былъ родъ политеизма, изъ котораго родилась цѣлая миѳологія, героическій эпосъ, поклоненіе предкамъ и проч. До какой степени богата и разнообразна эта миѳологія, можно видѣть по собранію миѳовъ Г. Н. Потанина при его странствіи по сѣверо-западной Монголіи и сравнительному изученію ихъ. Здѣсь открываются первобытнѣйшіе миѳы человѣчества во всей наготѣ. Здѣсь часто видно родство и сходство съ арійскимъ и греческимъ миѳами. Сказки о Тезеѣ, Сизифѣ играютъ такую же роль, но онѣ сплетаются причудливо съ еще болѣе древнѣйшими миѳами зоологическаго цикла, а затѣмъ космическаго и астрологическаго миѳа. Въ запискахъ миссіонера отца Вербицкаго (нынѣ начальника алтайской духовной миссіи) мы находимъ у алтайцевъ немало чисто библейскихъ миѳовъ. Видно, что семитическій миѳъ въ его первообразѣ разносился всѣми тюркскими и монгольскими племенами по Азіи. Г. Потанинъ въ массѣ примѣчаній къ своей книгѣ, касающихся сравненія миѳовъ у различныхъ народовъ и обнимающихъ половину этого почтеннаго труда, несомнѣнно далъ доказательство общности европейскаго и азіатскаго миѳа и его распространенности. У насъ не появилось

въ литературѣ достаточной оцѣнки этого матеріала, но онъ, безъ сомнѣнія, обратитъ на себя вниманіе европейской литературы. Нѣкоторые пробовали умалить значеніе этихъ миѳовъ и объясненій г. Потанина, указывая промахи филологическіе, но мы полагаемъ, что значеніе этого матеріала не филологическое и этнографическое, а историко-культурное и антропологическое. До сихъ поръ по предмету вѣрованій алтайскихъ и монгольскихъ племенъ еще не было собрано такого матеріала. Самостоятельность и древность языческаго алтайскаго миѳа не подлежитъ сомнѣнію. Позволимъ указать кстати, что почтенный санскритологъ И. П. Минаевъ,

Финскій типъ черневыхъ татаръ.

въ рецензіи на книгу г. Потанина, замѣчаетъ, что въ алтайскомъ миѳѣ видно вліяніе буддизма, причемъ ссылается на наши показанія о вліяніи буддизма на сибирскихъ инородцевъ. Буддизмъ дѣйствительно проникъ въ Забайкалье и доходилъ до Алтая, но про него можно сказать, что онъ только съ формальной стороны, какъ и магометанство, едва тронулъ языческій міръ сибирскихъ инородцевъ[1]), который живетъ здѣсь еще во всей полнотѣ. Объяснять языческую миѳологію буддійскими преданіями еще потому невозможно, что шаманизмъ заключаетъ въ себѣ древнѣйшія вѣрованія, которыя

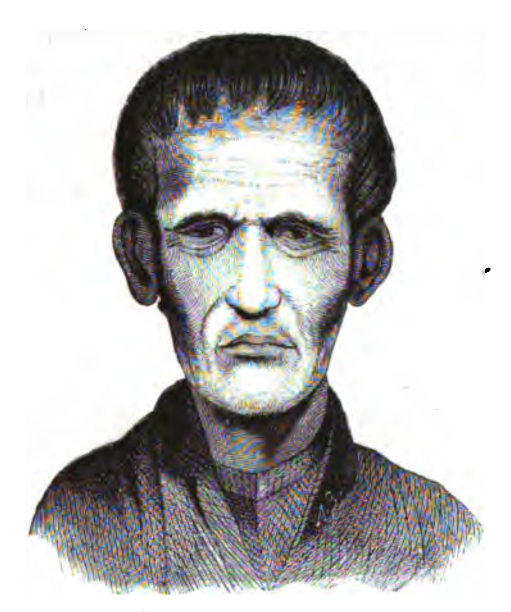
[1]) Буддійскія часовни были когда-то на Бухтармѣ, и буддійскій монастырь близъ Устькаменогорска. Но все это давно исчезло. Нынѣ алтайцы забыли буддизмъ и вліяніе его было самое слабое. Буддистами были собственно джунгары и монголы, а не алтайцы-тюрки.

скорѣе всего послужили подкладкой и буддизму. Наконецъ, буддизмомъ всего не объяснишь. Исторія распространенія миѳа среди человѣчества и перенесеніе его изъ Азіи въ Европу—вещь еще спорная. Доселѣ, конечно, все это объясняется переселеніемъ арійскихъ племенъ въ Европу, но азіатскій миѳъ могъ проникать многими и другими путями. Родство древнихъ аборигеновъ Европы съ азіатскими племенами еще мало выяснено, а здѣсь, можетъ быть, предстоитъ открыть цѣлыя напластыванія. Вѣрованія азіатскихъ племенъ, такимъ образомъ, получатъ міровую важность, и для будущей науки таится въ этомъ замкнутомъ мірѣ неисчерпаемый источникъ. Всмотрѣться въ этнографическій складъ и жизнь сибирскихъ инородцевъ поэтому въ высшей степени поучительно. У насъ привыкли къ дикарю относиться съ пренебреженіемъ, но мы забываемъ, что это стадія человѣческаго развитія, на которой стояли когда-то наши предки. Только здѣсь мы откроемъ секреты многихъ привычекъ, вѣрованій и склада понятій, которыя управляютъ нами. Мало этого, мы здѣсь увидимъ культурный прогрессъ, исторію, какъ человѣчество проходило школу жизни, какъ постепенно дѣлались его изобрѣтенія. Изученіе этихъ племенъ откроетъ намъ многое изъ исторіи прошлаго, таинственнаго, что до сихъ поръ скрылосъ изъ лѣтописей и не попало въ нихъ. Алтайскія племена уже интересны тѣмъ, что здѣсь находится центръ, откуда происходило распространеніе народностей по сѣверу Азіи. Мы видимъ здѣсь племена монгольскаго типа и склада съ тюркскимъ языкомъ, несомнѣнно, что это—тюрки, покоренные монголами. Но и прежде тюрковъ были какіе-то аборигены, слѣды которыхъ находятся на югѣ Сибири, въ Алтаѣ и въ Енисейской губерніи. Это остатки загадочныхъ племенъ съ смѣшаннымъ языкомъ и типомъ. Кайбалы, тубинцы, минусинскіе татары, бійскіе черневые татары — все это своеобразная этнографическая особь, не похожая ни на тюрковъ, ни на монголовъ. Радловъ предполагаетъ, что прежде наплыва на Алтай тюрковъ и монголовъ здѣсь существовало угро-самоѣдская народность. Дѣйствительно самоѣды, какъ признали уже ученые, есть алтайская народность, ихъ языкъ близокъ къ кайбаламъ; типъ носитъ южное происхожденіе, судьба ихъ поэтому можетъ казаться трагична. Представьте себѣ племена, обитавшія на югѣ, привыкшія къ другому климату и силою историческихъ обстоятельствъ откинутыя въ ледяныя тундры. Что долженъ былъ испытать этотъ народъ! Вѣдь это хуже многихъ историческихъ матаморфозъ, хуже мартирологіи несчастнаго еврейскаго племени!

Всѣ ученые, посѣщавшіе Алтай, также находятъ здѣсь остатки и признаки пребыванія финскихъ племенъ. Это говоритъ Клапротъ, Кастренъ и другіе. Но точно это не доказано, между тѣмъ какъ пребываніе финновъ въ Алтаѣ и на югѣ Сибири можетъ пролить совершенно иной свѣтъ на самое распространеніе и происхожденіе

финскихъ племенъ. Но если были здѣсь племена финскія, почему не явиться догадкѣ, что могли быть племена и арійскія.

Въ китайскихъ источникахъ и лѣтописяхъ сохранилось любопытнѣйшее историческое показаніе о народѣ «хакасахъ», въ IX вѣкѣ занимавшемъ югъ Сибири и распространявшемся до Иртыша и Тибета. Этотъ народъ, по сказаніямъ китайцевъ, былъ «бѣлокурый, съ голубыми гласами»; какъ видно по описанію, это былъ культурный народъ, занимавшійся земледѣліемъ, имѣвшій письменность. На скалахъ и камняхъ Минусинскаго округа до сихъ поръ находятся руническія надписи, никѣмъ еще не разобранныя. Могилы

Финскій типъ черневыхъ татаръ.

и раскопки, изобильныя металлическими зеркалами, тонкими издѣліями изъ серебра и золота, оружіемъ всевозможнаго рода, остатки земледѣльческихъ орудій показываютъ, что въ Минусинскомъ округѣ и Алтаѣ, дѣйствительно, былъ какой-то культурный центръ. Впослѣдствіи, на основаніи китайскихъ названій, дѣлались догадки, что хакасы были киргизы, «киликидзе», какъ ихъ называли китайцы. Дѣйствительно, когда-то киргизы были въ Енисейской губерніи, но затѣмъ исчезли. Однако, предположеніе, что хакасы были тождественны съ киргизами, требуетъ еще подтвержденія. Киргизы заключаютъ, большею частью, смѣсь монгольскаго племени, хотя и среди нихъ попадаются типы свѣтлорусые (см. киргизы или хакасы, «Географическій словарь», П. П. Семенова). Во всякомъ случаѣ, по описаніямъ, древніе киргизы, какъ и хакасы, не походили

на нынѣшнихъ киргизовъ и алтайцевъ-калмыковъ съ монгольскимъ типомъ. Эти древнія народности, однако, не могли исчезнуть безъ слѣда, даже при завоеваніяхъ часть плѣнныхъ, обыкновенно, входитъ въ семью побѣдителей. Наконецъ, побѣжденные куда нибудь удалились. То и другое опредѣлить важно. Для разрѣшенія этой задачи и при нынѣшнихъ свѣдѣніяхъ, мы можемъ убѣдиться, что въ Алтаѣ произошла какая-то ассимиляція и смѣшеніе расъ аборигеновъ и пришельцевъ, слѣды которыхъ должны сохраниться и доселѣ. Далѣе Алтай былъ мѣстомъ, откуда распространялись тюркскія и другія племена по всей Сибири, это же былъ путь различныхъ монгольскихъ племенъ изъ Азіи въ Европу; понятно, какой любопытный матеріалъ лежитъ здѣсь нетронутымъ. Предметъ этотъ только что начинаетъ привлекать вниманіе ученыхъ и кто знаетъ, какой переворотъ произведетъ онъ впослѣдствіи въ области старой науки.

Н. Ядринцевъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ПРОШЛОМЪ.

1830—1836 гг.

I.

ЕМЕЙСТВО покойнаго отца моего состояло: изъ него, моей матери и двѣнадцати сыновей. Заботясь о воспитаніи дѣтей, онъ помѣстилъ старшихъ восьмерыхъ въ разныя заведенія Петербурга на казенный счетъ; но хлопотать объ остальныхъ младшихъ было очень трудно, потому что въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія учебныхъ заведеній было вообще мало, а воспитательныхъ еще менѣе. Изъ оставшихся дома четырехъ сыновей я былъ старшій; мнѣ наступилъ девятый годъ, и отецъ, признавая этотъ возрастъ срочнымъ для начала ученія, началъ хлопотать о моемъ опредѣленіи, но куда онъ ни обращался, всюду оказывалось, что тамъ уже есть который либо изъ моихъ братьевъ, и ему отказывали. На наше счастіе, въ 1830 году, правительство признало необходимымъ преобразовать Лѣсной институтъ и число бывшихъ до того времени сорока взрослыхъ воспитанниковъ увеличить до ста человѣкъ, причемъ принимать уже и дѣтей отъ 9-тилѣтняго возраста.

Заведеніе это находилось въ вѣдѣніи департамента государственныхъ имуществъ, директоромъ котораго былъ тайный совѣтникъ Николай Порфирьевичъ Дубенскій, состоявшій въ то же время и попечителемъ Лѣснаго института. Мать моя, женщина очень образованная, кончившая курсъ въ Смольномъ монастырѣ съ пер-

вымъ шифромъ, встрѣчалась въ обществѣ съ Дубенскимъ. Услышавъ о преобразованіи Лѣснаго института, она захватила меня и необходимые документы, и поспѣшила въ департаментъ государственныхъ имуществъ, къ Дубенскому. Внимательно выслушавъ мать мою и заставивъ меня прочесть что-то печатное, Дубенскій объявилъ ей, что я принятъ, и чтобъ завтрашній день отецъ мой подалъ прошеніе о моемъ опредѣленіи, причемъ тутъ же приказалъ выдать матери моей бумагу для представленія въ Лѣсной институтъ, въ которой значилось, что я принятъ туда на казенный счетъ, за № 64. Родители мои, разумѣется, поспѣшили отправить меня въ институтъ.

Дубенскій, какъ попечитель Лѣснаго института, пріѣзжалъ туда всегда внезапно, зимою почти ежемѣсячно, а въ другое время рѣже, и постоянно привозилъ съ собою кого либо изъ начальниковъ отдѣленія ввѣреннаго ему департамента. Проходя по младшимъ классамъ, онъ останавливался въ каждомъ изъ нихъ на нѣсколько минутъ, а потомъ отправлялся въ излюбленные имъ старшіе классы, усаживался среди комнаты на стулъ, закуривалъ сигару и начиналъ бесѣдовать съ окружавшими его воспитанниками. Пока онъ тамъ оставался, никто изъ институтскаго начальства не смѣлъ туда входить, да имъ было и не до того, потому что привезенный Дубенскимъ начальникъ отдѣленія въ это время производилъ ревизію дѣлъ и хозяйства института.

О прошломъ Дубенскаго я мало знаю; по отзывамъ, которые мнѣ случалось слышать, онъ былъ долго очень дѣльнымъ губернаторомъ въ Пензѣ, откуда уже и назначенъ директоромъ департамента государственныхъ имуществъ. Происходя изъ очень богатой фамиліи, онъ получилъ блестящее по тому времени образованіе, былъ живаго характера и свѣтлаго ума, чрезвычайно находчивъ и подъ часъ саркастиченъ, имѣлъ рѣдкую способность одновременно диктовать двумъ пишущимъ по разнымъ предметамъ. Владѣя въ разныхъ губерніяхъ большими имѣніями, гдѣ неоднократно являлись недоразумѣнія относительно границъ и межевыхъ знаковъ, ему на практикѣ пришлось хорошо изучить землемѣріе; онъ искусно владѣлъ всѣми геодезическими инструментами и вообще былъ очень свѣдущъ въ математикѣ, которую любилъ, называя матерью всѣхъ наукъ.

Съ лицами, одинаково и выше его стоящими, Дубенскій держалъ себѣ съ чувствомъ полнаго достоинства, а также и съ своимъ ближайшимъ начальникомъ, министромъ финансовъ графомъ Канкринымъ. Хорошо зная себѣ цѣну, онъ былъ убѣжденъ, что въ случаѣ открытія министерской вакансіи его кандидатура была первой на этотъ высокій постъ.

Съ молодежью онъ былъ весьма простъ въ обращеніи, симпатизировалъ ей и оказывалъ свое покровительство. Узнавъ,

что воспитанникъ пятаго класса, Александровъ, имѣлъ большую способность къ рисованію, онъ пригласилъ для него особаго учителя акварелью, славившагося тогда Кольмана, которому и платилъ отъ себя. Зная и любя музыку, Дубенскій завелъ значительное число разныхъ инструментовъ для воспитанниковъ и избралъ терпѣливѣйшаго учителя музыки Дюсека. Слушая воспитанниковъ музыкантовъ, онъ всячески поощрялъ ихъ.

Дубенскій зналъ фамиліи всѣхъ готовящихся къ выпуску, кто, откуда, а также кто и что думаетъ предпринять по окончаніи курса, давалъ житейскіе и служебные совѣты, разсказывалъ разные оффиціально и частно извѣстные ему случаи столкновенія лѣсничихъ съ землемѣрами и другими лицами; вообще, былъ крайне сообщителенъ, объявлялъ выпускнымъ, чтобъ въ случаѣ чего либо особеннаго они свободно и прямо обращались къ нему съ полною откровенностію и довѣріемъ.

Въ Лѣсномъ институтѣ не только начальники, но и рѣшительно всѣ служащіе, кончая кастеляншею, Рейнгардъ, были нѣмцы, опредѣленные туда графомъ Канкринымъ, люди, большею частью, грубые, неотесанные. Дубенскому они были противны, онъ ихъ крѣпко не жаловалъ и подчасъ пробиралъ безъ церемоніи. Начальники наши сильно его боялись и, что бы онъ имъ ни говорилъ, они молча и раболѣпно слушали его, что еще болѣе бѣсило Дубенскаго, который былъ человѣкомъ необыкновенно прямымъ, ненавидѣвшимъ униженіе.

Въ маѣ 1836 года, кончился учебный годъ и состоялся обычный актъ, на которомъ присутствовали графъ Канкринъ, Дубенскій и многочисленные посѣтители, послѣ чего всѣхъ воспитанниковъ отпустили на каникулы до 1-го августа, а выпускныхъ отправили на геодезическія работы. Кончились каникулы къ 1-му августа, собрались всѣ воспитанники; въ этотъ день былъ институтскій храмовой праздникъ, къ которому постоянно пріѣзжали какъ графъ Канкринъ, такъ и Дубенскій, а также ежегодно выдавалось намъ новое платье, но почему-то Дубенскій не пріѣхалъ и ожидаемаго нами новаго платья не выдали.

Начались классы; кушанье стало хуже прежняго, платье износилось, прислуга уменьшилась и наше скромное начальство что-то начало храбриться. Житье наше день отъ дня дѣлалось хуже, а Дубенскій къ намъ не пріѣзжалъ. По издавно существовавшему обычаю, два старшіе класса имѣли нѣкоторый голосъ и являлись въ разныхъ случаяхъ какъ представители всего института. Ненавидя худо говорившаго порусски директора института, они въ ноябрѣ мѣсяцѣ рѣшились объясниться съ инспекторомъ, зная хорошо, что онъ въ дѣйствительности былъ заправилой всего и ежедневно являлся къ столу. Выслушавъ обращенные къ нему вопросы, инспекторъ отвѣчалъ, что онъ тутъ не при чемъ, что все зависитъ отъ ди-

ректора, который противъ обыкновенія къ намъ рѣшительно не показывался, исключая праздниковъ, когда почти никого изъ воспитанниковъ въ институтѣ не оставалось, потому что всѣ, кромѣ очень немногихъ, уходили въ отпускъ. Постоянныхъ мостовъ черезъ Неву въ то время не было и, когда 17-го ноября рѣка встала и сообщеніе съ городомъ сдѣлалось возможнымъ, то два старшіе класса, выведенные изъ терпѣнія царившими въ институтѣ злоупотребленіями, рѣшились въ полномъ составѣ, кромѣ дежурнаго, отправиться въ департаментъ, къ Дубенскому, объяснить ему все и просить защиты. 18-го ноября, утромъ, никому ничего не говоря, воспитанники отправились въ городъ. Ближайшій путь шелъ черезъ крѣпость, гдѣ уже были мостки; у вторыхъ воротъ отъ церкви Троицы воспитанники были остановлены плацъ-маіоромъ, который объявилъ, что не можетъ дозволить идти по масткамъ, потому что такая толпа можетъ встрѣтиться съ государемъ, котораго ждутъ скоро въ крѣпость на панихиду по случаю дня годовщины смерти императора Александра I. Къ счастію, комендантъ случайно увидѣлъ воспитанниковъ, разрѣшилъ имъ пробѣжать черезъ мостки, такъ какъ, по его разсчету, времени для этого еще было достаточно. Придя въ департаментъ, воспитанники не застали тамъ Дубенскаго, который также уѣхалъ въ крѣпость на панихиду. Они рѣшились его ждать. Наконецъ, Дубенскій возвратился и вышелъ къ пришедшимъ.

— Я узналъ еще въ крѣпости, что вы здѣсь, — сказалъ онъ и затѣмъ, выслушавъ жалобу и взглянувъ на рваную одежду, кротко приказалъ:—ступайте домой и ждите меня,—я завтра пріѣду.

Слѣдующій день былъ праздничный, именно восшествіе на престолъ императора Николая I, и младшіе четыре класса ушли въ отпускъ, чего старшіе не могли сдѣлать, потому что обязаны были ждать Дубенскаго, который сдержалъ слово, пріѣхалъ вмѣстѣ съ вице-директоромъ департамента, Энегольмомъ, и прошелъ прямо въ старшіе классы, куда собралось и все наше начальство. Это былъ уже не тотъ всегда ласковый, обходительный Дубенскій; теперь передъ нами стоялъ строгій начальникъ, готовый судить насъ безпощадно.

— Кто изъ васъ зачинщики вчерашняго путешествія?—обратился онъ къ намъ.

— Всѣ!—отвѣчали мы ему.

— Тѣмъ хуже для васъ, — сказалъ онъ сердито и приказалъ призвать младшіе классы, на что ему отвѣтили, что они со вчерашняго вечера въ отпуску. Дубенскій, до той минуты сдерживавшій себя, вдругъ вспылилъ.

— Я днемъ едва перебрался у Гагаринской пристани по накинутымъ доскамъ, а тутъ дѣтей отпустили, да еще вечеромъ, безъ присмотра; кто поручится, что многіе изъ нихъ не поломали

себѣ рукъ или ногъ, не разбили головъ; чѣмъ мы утѣшимъ родителей, принявъ отъ нихъ здоровыхъ дѣтей и возвративъ имъ калѣкъ и уродовъ? Гдѣ-же тутъ понятіе о воспитаніи, объ исполненіи священной обязанности, на насъ лежащей?

Затѣмъ, обратясь къ инспектору и указывая на два старшіе класса воспитанниковъ, приказалъ не отпускать ихъ со двора до особаго распоряженія. Послѣ этого онъ, ни съ кѣмъ не простясь, ушелъ изъ залы.

Едва Дубенскій ступилъ въ переднюю, какъ, сверхъ всякаго ожиданія, вбѣжалъ туда выпускной воспитанникъ, и загородивъ ему дорогу, сказалъ:

— Во всей этой несчастной исторіи виноваты вы, одни вы, покинувъ насъ съ мая мѣсяца и предоставивъ распоряжаться нами начальникамъ безъ сердца. Вы довели насъ до отчаянія.

— Твоя фамилія Дубровинъ?—спросилъ Дубенскій.

Воспитанникъ отвѣтилъ утвердительно.

— Дай мнѣ твою руку, дай Богъ, чтобъ ты остался на всю жизнь такимъ человѣкомъ, какъ я теперь вижу тебя, ты совершенно смѣло говоришь мнѣ правду; то же самое я сказалъ вчера графу Канкрину, къ которому вынужденъ былъ ѣхать по поводу вашего путешествія. Скажи товарищамъ, чтобъ они не роптали на меня за крутое съ ними сегодняшнее обращеніе; въ этомъ именно ихъ спасеніе отъ висѣвшей надъ ними страшной грозы; вчера же было доложено государю императору о васъ, какъ о бунтовщикахъ, и только сильному своимъ положеніемъ графу Канкрину удалось придать этому событію ничтожное значеніе.

Затѣмъ, встрѣтясь на порогѣ съ нашимъ священникомъ, къ которому постоянно благоволилъ, Дубенскій, сказалъ ему:—Пожалуйста, растолкуйте выпускнымъ, что, прежде чѣмъ быть хорошими начальниками, надо умѣть быть хорошими подчиненными.

Этотъ пріѣздъ Дубенскаго въ Лѣсной институтъ былъ послѣдній; 1-го января 1837 года, состоялся указъ объ образованіи министерства государственныхъ имуществъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ назначены къ намъ и новые начальники.

Высокія качества Дубенскаго преобладали въ немъ надъ недостатками, неизбѣжно присущими всякому. Какъ человѣкъ, онъ былъ любимъ многими и глубоко уважаемъ рѣшительно всѣми его знавшими. Роскошный домъ его широко былъ открытъ людямъ просвѣщеннымъ и образованнымъ; обширная библіотека, лично имъ собранная, была замѣчательна по своему разнообразному составу, а собранія различныхъ рѣдкостей цѣнились очень дорого.

Сдавъ управляемый департаментъ, Дубенскій, имѣвшій уже за шестьдесятъ лѣтъ, оставилъ вовсе служебное поприще. Говорили, что онъ, по привычкѣ къ дѣятельности, занялся составленіемъ мемуаровъ о томъ, чему былъ свидѣтелемъ въ царствованіе Екате-

рины Великой и императоровъ Павла, Александра и Николая. Если эти мемуары дѣйствительно были написаны и сохранились, то они должны быть въ высшей степени любопытны.

Послѣ него осталось небольшое, отлично образованное, семейство; но дѣти не унаслѣдовали свойствъ ихъ замѣчательнаго отца и скоро какъ-то стушевались, безпощадно разсѣявъ замѣчательныя и рѣдкія коллекціи, наполнявшія ихъ великолѣпный домъ, который тоже не замедлилъ перейдти съ молотка въ неизвѣстныя руки.

Прошло полъ-вѣка, какъ Дубенскій оставилъ служебное поприще; его самого давно не стало, но немногіе оставшіеся въ живыхъ современники его и теперь съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія вспоминаютъ этого замѣчательнаго человѣка.

Здѣсь будетъ кстати разсказать одинъ эпизодъ, о которомъ въ ту пору громко говорили и который сохранился въ моей памяти.

Тридцатые годы были временемъ славы безсмертнаго Пушкина, поэзія процвѣтала, талантамъ поклонялись, но узкія рамки тогдашней цензуры, скупившейся пропускать въ печать творенія умовъ широкихъ, мѣшали многому цѣнному сдѣлаться достояніемъ нашей бѣдной литературы. Однако, не смотря на всю бдительность цензуры, иногда проскальзывало кое-что выходящее за общую черту. Такъ, напримѣръ, цензура не поняла «Барона», стихотворенія графини Ростопчиной, а потомъ появился переводъ изъ Виктора Гюго: «Посланіе красавицѣ»:

«Когда-бъ я былъ царемъ всему земному міру,
Красавица, повергъ бы предъ тобой
Корону, скипетръ и порфиру,
И все, что власть даетъ народному кумиру,
За взглядъ единый твой.
И если-бъ Богомъ былъ, клянусь селеньями святыми,
Я отдалъ бы тебѣ прохладу райскихъ струй,
И сонмы ангеловъ съ ихъ пѣснями живыми,
И власть мою надъ ними
За твой единый поцѣлуй».

Переводъ этотъ былъ сдѣланъ молодымъ человѣкомъ Деларю, гдѣ-то служившимъ и занимавшимъ весьма скромное мѣсто. Стихотвореніе вызвало много разныхъ толковъ и обратило на себя вниманіе престарѣлаго фанатика, с.-петербургскаго митрополита Серафима. Онъ призналъ этотъ переводъ богохульствомъ, а самого Деларю атеистомъ, вреднымъ для общества, и настоятельно потребовалъ отъ шефа корпуса жандармовъ, графа Бенкендорфа, чтобы онъ принялъ строгія мѣры противъ такого вольнодумства. Графъ Бенкендорфъ вынужденъ былъ уважить ходатайство митрополита и распорядился увольненіемъ отъ службы Деларю. Молодой переводчикъ, лишившись мѣста, остался безъ всякихъ средствъ къ существованію. Онъ обращался всюду, умоляя о мѣстѣ, но вездѣ

встрѣчалъ холодный категорическій отказъ; наконецъ, онъ явился безъ всякой рекомендаціи, лично къ Дубенскому, объяснилъ ему все и просилъ покровительства; тотъ, внимательно выслушавъ Деларю, тотчасъ опредѣлилъ его къ себѣ въ департаментъ и въ то же время отворилъ ему двери своего дома.

Изъ нѣсколькихъ дочерей Дубенскаго, одна отличалась замѣчательною красотою и своеобразнымъ умомъ. Она была фрейлиной и удостоивалась частыхъ приглашеній на маленькіе вечера при дворѣ; она, по своимъ годамъ, была почти ровесницей тремъ дочерямъ императора Николая Павловича. Здѣсь она встрѣтилась съ состоявшимъ при французскомъ посольствѣ маркизомъ де-Кюстинъ, за котораго вышла замужъ и скоро уѣхала въ Парижъ. Королемъ французовъ тогда былъ Луи-Филиппъ, незадолго передъ симъ занявшій престолъ при могущественномъ содѣйствіи русскаго императора.

По пріѣздѣ своемъ въ Парижъ, маркизъ де-Кюстинъ явился къ королю, который выразилъ желаніе, чтобы онъ представилъ ему свою жену на очередномъ придворномъ балу. Маркиза, имѣвшая на все своеобразные взгляды, пріѣхала на балъ въ русскомъ придворномъ костюмѣ; залы Тюльери были полны гостями, и маркиза обратила своимъ нарядомъ общее на себя вниманіе. Когда ее представляли королю, онъ, окинувъ маркизу глазами, сказалъ:

— Я даю сегодня балъ, а не маскарадъ.

Маркиза поняла, что это относилось къ ея костюму и не замедлила почтительно отвѣтить:

— Костюмъ мой почетный, и его надѣваютъ только тогда, когда имѣютъ счастіе представляться россійской императорской фамиліи; я избрала его для представленія моему новому владыкѣ, имѣя въ виду выразить ему мое глубокое уваженіе и напомнить о русскомъ императорѣ, зная какъ это высокое имя дорого новому королю прекрасной Франціи.

Король поспѣшилъ благодарить маркизу за доставленное ему удовольствіе любоваться оригинальнымъ русскимъ костюмомъ, и маркиза сразу завоевала себѣ почетное положеніе при дворѣ.

Въ Парижѣ тотчасъ же появилась новая мода: подражаніе костюму маркизы, названное «à la belle russe».

Маркизъ де-Кюстинъ, проведшій два года въ С.-Петербургѣ, возвратясь на родину, написалъ о Россіи книгу, вѣроятно, не отдавая своего труда на предварительный просмотръ своей умной супругѣ. Вся книга состояла, какъ извѣстно, изъ самыхъ нелѣпыхъ выдумокъ.

Служившій въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, очень умный, прекрасно воспитанный, но необычайно лѣнивый, Викторъ Александровичъ Княжнинъ, прочтя повѣствованіе маркиза де-Кюстина, былъ выведенъ изъ томившей его постоянной дремоты и,

откинувъ всю свою обломовщину, написалъ во многія французскія газеты обличительныя статьи, доказывая всю пошлость разсказовъ маркиза, который, проведя два года безвыѣздно въ С.-Петербургѣ, вовсе не видѣлъ той широкой Россіи, которую рѣшился описывать.

Первый выпускъ изъ вновь преобразованнаго Лѣснаго института состоялся 3-го апрѣля 1838 года, въ первый день пасхи. Насъ было произведено въ офицеры 14 человѣкъ. Нѣкоторые изъ насъ, въ томъ числѣ и я, отправились на второй день пасхи къ Дубенскому и принесли ему поздравленіе отъ всего нашего выпуска. Онъ былъ искренно тронутъ и пригласилъ насъ подарить ему весь этотъ день, отрекомендовавъ своему небольшому семейству, съ которымъ мы незамѣтно и пріятно провели время до обѣда, къ которому собралось болѣе двадцати человѣкъ, и между ними двое нашихъ любимѣйшихъ преподавателей и одинъ бывшій нашъ воспитанникъ прежняго выпуска, прибывшіе къ Николаю Порфирьевичу, подобно намъ, по старой памяти, съ поздравленіемъ. Прощаясь съ гостепріимнымъ хозяиномъ, мы удостоились отъ него приглашенія бывать у него запросто и на будущее время. Но намъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ уже не суждено было съ нимъ увидѣться.

II.

По Бухарестскому договору, закончившему войну 1828—1829 годовъ, Турція обязалась заплатить Россіи военныя издержки и въ обезпеченіе долга оставила въ нашей власти Молдавію и Валахію, управленіе которыми, съ званіемъ полномочнаго предсѣдателя дивановъ, было ввѣрено начальнику главнаго штаба дѣйствующей арміи, генералъ-адъютанту Павлу Дмитріевичу Киселеву, человѣку умному, необычайно способному и гуманному. Обѣ эти провинціи, втеченіе семилѣтняго кроткаго и справедливаго управленія ими генералъ-адъютанта Киселева, совершенно отдохнули отъ давившаго ихъ до тѣхъ поръ турецкаго деспотизма.

Въ 1836 году, Турція заплатила свой долгъ; Молдавія и Валахія были ей возвращены и генералъ-адъютантъ Киселевъ выѣхалъ въ Россію при всеобщемъ искреннемъ сожалѣніи мѣстнаго населенія. До самой границы жители съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія провожали его и повсюду везли на восьми бѣлыхъ коняхъ постоянно украшенныхъ цвѣтами (почесть, оказываемая только падишаху).

По возвращеніи въ Россію, генералъ-адъютантъ Киселевъ возведенъ въ графское достоинство.

Наши государственные крестьяне въ то время находились въ вѣдѣніи министерства финансовъ, которое лишь вело имъ счетъ на предметъ сбора съ нихъ податей и отправленія рекрутской по-

винности, не прилагая ни малѣйшихъ заботъ и попеченій объ улучшеніи ихъ быта. Наблюденіе же за своевременнымъ взносомъ крестьянами податей и за правильнымъ отправленіемъ ими рекрутской повинности всецѣло лежало на обязанности и отвѣтственности министерства внутреннихъ дѣлъ, а именно на земской полиціи, безпощадно грабившей и тиранившей беззащитныхъ государственныхъ крестьянъ, находившихся въ положеніи болѣе тяжкомъ, нежели помѣщичьи, которыхъ владѣльцы берегли, какъ необходимую имъ рабочую силу, въ чемъ земская полиція вовсе не нуждалась. Пріѣздъ въ деревню какого либо чиновника наводилъ на крестьянъ ужасъ и считался ими за величайшее Божеское наказаніе.

Все это фактически было извѣстно правительству, назначавшему ревизіи, посылавшему сенаторовъ, которые десятками предавали виновныхъ суду. Уголовныя палаты были завалены дѣлами, судившіеся платили, откупались, оправдывались и, снова получивъ мѣста, на крестьянахъ вымѣщали злобу и наверстывали понесенные ими убытки.

Губернскія правленія съ ожесточеніемъ преслѣдовали доносчиковъ, терзали ихъ нещадно и наполняли ими тогдашнія убійственныя тюрьмы, гдѣ многіе изъ невинно заключенныхъ и умерли.

Всѣ обвиненія въ злоупотребленіяхъ ложились исключительно на мелкую сошку, на уѣздныхъ чиновниковъ, но въ дѣйствительности самый корень зла лежалъ въ высшихъ сферахъ, не только торговавшихъ должностями, но нахально облагавшихъ ихъ ежегодною данью. Эта преступная административная торговля, бывшая присущей нѣсколькимъ вѣдомствамъ, сдѣлалась извѣстной императору.

Правительство, изыскивая способы вывести государственныхъ крестьянъ изъ ихъ бѣдственнаго положенія, признало необходимымъ учредить особое министерство государственныхъ имуществъ, передавъ въ его вѣдѣніе, кромѣ того, государственные лѣса и оброчныя статьи, не приносившія соотвѣтственнаго дохода.

Императоръ Николай Павловичъ, зная вполнѣ высокія достоинства и административныя способности графа Киселева, призвалъ его занять новый министерскій постъ; прошлое графа было за него порукою и давало полную увѣренность, что вновь основываемое министерство будетъ имъ поставлено на ту степень совершенства, къ которой такъ искренно стремился государь во всемъ.

Выпавшее на долю графа Киселева совершенно новое дѣло призывало его къ громаднѣйшему и многосложному труду. Хотя главный планъ всему, составленный, разсмотрѣнный и утвержденный въ высшихъ учрежденіяхъ, и былъ данъ, но разныя мелкія подробности приходилось предусмотрительно разработать и все вмѣстѣ привести въ исполненіе уже по усмотрѣнію самого графа; отъ него требовалась не только глубокая проницательность, но и положительное знаніе всѣхъ разнохарактерныхъ мѣстностей обширной

Россіи, которая хотя и не вся входила въ составъ новаго министерства, такъ какъ Кавказъ, Сибирь, Польша и Оренбургскій край были исключены, но и остальнаго было слишкомъ достаточно, чтобъ сообразно мѣстнымъ условіямъ примѣнить здѣсь общій единообразный планъ новаго управленія.

Самою главною и первою заботою было попеченіе о государственныхъ крестьянахъ, а потомъ уже объ обширныхъ въ то время казенныхъ лѣсахъ. Завѣдываніе всѣмъ этимъ сосредоточено въ департаментѣ сельскаго хозяйства, директоромъ котораго и былъ назначенъ генералъ-адъютантъ баронъ Делинсгаузенъ. Графъ Киселевъ, зная коротко долго съ нимъ служившаго барона и питая во всемъ совершенно полное къ нему довѣріе, поручилъ ему заняться прежде устройствомъ хозяйственной части, т. е. крестьянами, а потомъ сформировать корпусъ лѣсничихъ, давъ на то самыя подробные и ясные планы со всѣми малѣйшими деталями.

Въ бытность генералъ-адъютанта Киселева предсѣдателемъ дивановъ Молдавіи и Валахіи, баронъ Делинсгаузенъ состоялъ при немъ начальникомъ штаба, а потому и былъ самымъ приближеннымъ лицемъ. Онъ въ совершенной точности зналъ Павла Дмитріевича и былъ преданъ ему всѣмъ своимъ бытіемъ. Вступивъ въ свою новую должность, баронъ весь отдался возложенному на него дѣлу.

Послѣ двухлѣтняго неутомимаго труда вся многосложная кропотливая работа окончательно приведена была въ исполненіе; но дѣйствительность далека была отъ того идеала, къ которому стремился императоръ. Трудъ былъ не подъ силу не только графу Киселеву, но рѣшительно никому другому. Непреодолимая преграда заключалась въ томъ, что Россія была бѣдна именно тѣми людьми, о которыхъ мечталъ монархъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1839 года, я былъ зачисленъ состоять при баронѣ Делинсгаузенѣ и ежедневно посылался имъ съ бумагами и за бумагами и приказаніями къ графу Киселеву, въ пріемной котораго мнѣ иногда приходилось оставаться подолгу, иногда даже по цѣлымъ днямъ; въ концѣ концовъ я, совершенно безъ всякаго оффиціальнаго назначенія, а какъ-то внезапно, очутился чѣмъ-то въ родѣ безсмѣннаго ординарца у графа, съ образомъ жизни котораго и имѣлъ возможность ознакомиться довольно близко. Я передамъ здѣсь то, что сохранилось у меня въ памяти и что мнѣ кажется не лишеннымъ интереса.

Во всю мою тогда еще очень молодую жизнь мнѣ никогда не приходилось близко стоять къ лицу высокопоставленному; хотя я мелькомъ и видалъ ихъ, но ни одинъ не произвелъ на меня такого обаятельнаго впечатлѣнія, какъ графъ Киселевъ. Наружность его была величественная, манеры и движенія изящныя, голосъ мягкозвучный, обращеніе кроткое и совершенно простое, но въ то же

время въ немъ, во всемъ, ясно видѣлся вліятельный вельможа. Графу тогда было всего 52 или 54 года, но въ немъ проглядывала какая-то усталость, утомленіе, движенія его были вялы, сонливы.

Графъ вставалъ постоянно въ 8 часовъ, а въ 10 часовъ уже начинался служебный пріемъ; дѣлаемые ему доклады онъ выслушивалъ очень внимательно, никогда не прерывая во время чтенія докладывающаго, и только по окончаніи высказывалъ свои мнѣнія и замѣчанія. Когда при докладахъ представлялась возможность сдѣлать кому нибудь добро, онъ спѣшилъ подписать, и съ удовольствіемъ клалъ милостивыя резолюціи, когда дѣло касалось пощады, и надолго задумывался, когда приходилось карать.

Четвергъ былъ единственный день пріема просителей и всѣхъ желавшихъ представиться; къ 10-ти часамъ съѣзжались всѣ директора департаментовъ и начальникъ штаба корпуса лѣсничихъ; ровно въ 10 часовъ выходилъ графъ въ пріемную, гдѣ лично говорилъ съ каждымъ, но самъ никакихъ ни отъ кого бумагъ не принималъ, а таковыя отбирались директорами департаментовъ, судя по роду и содержанію дѣла; рекомендательныя же письма отбирались дежурнымъ чиновникомъ особыхъ порученій, которыхъ при графѣ состояло четыре: Д. П. Хрущевъ, П. А. Булгаковъ, И. И. Шелеховъ и г. Жеребцовъ; они являлись по четвергамъ непремѣнно всѣ, а въ прочіе дни по очереди, по одному.

Каждый директоръ департамента имѣлъ свой докладной день, кромѣ барона Делинсгаузена, свободно являвшагося къ графу, когда находилъ это нужнымъ, и имѣвшаго даже право, въ отсутствіе его, рыться въ бумагахъ, находящихся въ кабинетѣ.

Дѣловая жизнь графа оканчивалась въ 12 часовъ, послѣ чего онъ удалялся переодѣваться и обыкновенно уѣзжалъ. Въ тѣ дни, когда ему приходилось участвовать въ засѣданіяхъ комитета министровъ или въ государственномъ совѣтѣ, дежурный чиновникъ особыхъ порученій обязанъ былъ тоже отправляться туда.

Лично графъ самъ никогда почти ничего не писалъ, а всѣ необходимыя распоряженія давалъ словесно и притомъ весьма ясно и точно передавалъ по принадлежности тому, до кого это касалось. Ведя одинокую жизнь, онъ постоянно былъ молчаливъ, и какая-то какъ бы грусть, тоска, неразлучно сопровождали его. По словамъ барона Делинсгаузена, рѣшительно никто никогда не видалъ у графа ни сердитаго, ни суроваго выраженія; даже въ случаяхъ, когда сдержанныя лица хмурятъ брови, и этого не замѣчали у графа; только усиленное, грустно болѣзненное выраженіе его физіономіи высказывало, что ему прискорбно или непріятно.

Къ подчиненнымъ графъ относился не только не требовательно, но даже пассивно, и никогда не высказывалъ своего удовольствія за исполненіе его порученій, которыя иногда бывали непосильно спѣшны и сложно трудны. Когда кто либо являлся благодарить

его за какую нибудь милость, онъ какъ будто удивлялся и отвѣчалъ, что этому такъ слѣдовало быть, или что нибудь въ этомъ родѣ; вообще, онъ не любилъ, чтобы его благодарили. О денежныхъ средствахъ посылаемаго исполнить его приказаніе графъ рѣшительно никогда не думалъ, и обыкновенно, въ затруднительныхъ случаяхъ, обращались къ барону Делинсгаузену, а иногда даже и къ камердинеру графа, всею душею ему преданному и сильно хлопотавшему, чтобъ какъ можно менѣе лично безпокоили его барина, которому онъ служилъ съ ранняго своего дѣтства.

Коротко знавшіе графа утверждали, что, не будучи вовсе скупымъ, онъ самъ рѣшительно никому ничего не предлагалъ, но, когда къ нему обращались, что, впрочемъ, бывало очень рѣдко, онъ положительно никогда не отказывалъ и, самъ не опредѣляя суммы, приказывалъ выдать просителю сколько тому нужно. Слова «нужда», «недостатокъ» были ему вовсе непонятны; о цѣнности какихъ бы то ни было вещей онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія и никогда ничѣмъ подобнымъ не интересовался.

Имѣя обыкновеніе обѣдать дома и всегда въ 4 часа, графъ постоянно приглашалъ къ обѣду двухъ-трехъ постороннихъ и столько же сослуживцевъ, обязанныхъ непремѣнно являться къ обѣду и затѣмъ оставаться на болѣе или менѣе продолжительное время. Графъ находилъ удовольствіе сидѣть за столомъ, какъ бы отдыхая отъ занятій; настроеніе его духа въ это время было всегда спокойное, довольное и даже подчасъ веселое; кушая самъ вообще очень умѣренно, онъ находилъ удовольствіе угощать другихъ. Такое старинное, провинціальное хлѣбосольство казалось въ немъ чѣмъ-то необыкновенно страннымъ. Разговоръ за столомъ проходилъ исключительно порусски; графъ любилъ слушать веселые разсказы, остроты и каламбуры и самъ охотно передавалъ слышанное имъ, никогда, впрочемъ, ни о комъ не отзываясь дурно и рѣшительно ни надъ кѣмъ не остря.

Докторомъ и искреннимъ другомъ графа былъ старикъ лейбъ-медикъ Николай Ѳедоровичъ Арндтъ, который, хорошо зная страсть его къ цвѣтамъ, постоянно настойчиво внушалъ ему, что большое количество пахучихъ цвѣтовъ въ запертой комнатѣ чрезвычайно вредно для здоровья, а часто нюхать самые цвѣты, что безпрестанно дѣлалъ графъ, крайне опасно и для самой жизни.

Графъ Павелъ Дмитріевичъ былъ женатъ на графинѣ Браницкой, уѣхавшей съ малолѣтнимъ сыномъ, когда мужъ ея отправился на войну въ Турцію, въ Парижъ, гдѣ потомъ она и осталась совсѣмъ, а потому графъ и жилъ одиноко въ своемъ небольшомъ, но барскомъ домѣ въ Большой Морской, гдѣ царила постоянно тишина, изрѣдка только нарушаемая, когда по оплошности прислуги дверь оставалась отпертою и въ комнату съ лаемъ врывалась огромная дворовая мохнатая собака, которую иногда графъ

ласкалъ. Она поднимала громкій лай, увиваясь и скача около графа; тогда собакѣ давали кость, съ которою она и удалялась, послѣ чего снова наступало безмолвіе.

Впрочемъ, иногда тишину нарушалъ еще графъ Левашовъ. Случалось, что, катаясь верхомъ, онъ часовъ въ девять утра заѣзжалъ къ Павлу Дмитріевичу. Громко топая и сильно звеня длинными шпорами, Левашовъ, бывало, торопливо пройдетъ въ гостинную, сброситъ галстухъ и сюртукъ, растянется усталый и мокрый на диванѣ и поведетъ такой разсказъ, что Павелъ Дмитріевичъ начинаетъ искренно, отъ души смѣяться. Черезъ часъ графъ Левашовъ отдохнетъ, умоется, обчистится, проглотитъ нѣсколько яицъ въ смятку и ускачетъ.

Въ одинъ изъ пріѣздовъ графа Левашова, Павелъ Дмитріевичъ призвалъ меня въ гостинную и велѣлъ со словъ графа записать адресъ продающейся верховой лошади. Лишь только я къ этому приступилъ, въ гостинную вошелъ неизвѣстный мнѣ господинъ и, выдвинувъ кресло на средину комнаты, сталъ разсказывать, приблизительно слѣдующее: «надоѣло мнѣ брать комнатныя ванны, давно хотѣлось пополоскаться на просторѣ, погода сегодня жаркая и я поѣхалъ въ ванну къ Исакіевскому мосту; зная, что послѣ невскаго купанья почувствую свѣжесть, я нарочно отпустилъ карету, чтобы возвратиться домой непремѣнно пѣшкомъ въ увѣренности согрѣться. Публики въ ваннѣ оказалось множество; только я поплылъ, какъ на меня посыпались брань и насмѣшки; плаваю я очень дурно и невольно брызжусь; не обращая никакого вниманія, я продолжалъ брызгать; тогда содержатель купальни, плѣшивый французъ Арно, онъ же и учитель плаванія, началъ кричать мнѣ, чтобъ я вышелъ, но, притворяясь не понимающимъ его, я продолжалъ плавать. Протесты противъ меня были почти всеобщи, и Арно, быстро раздѣвшись, кинулся въ бассейнъ и при помощи кого-то вытащилъ меня оттуда при всеобщемъ смѣхѣ и затѣмъ категорически объявилъ мнѣ, чтобы на будущее время я не рисковалъ входить въ общій бассейнъ. Спасибо, что никого не было знающихъ, я молча поспѣшилъ одѣться, шепнувъ своему камердинеру, чтобъ онъ не проболтался». Разсказъ былъ переданъ очень юмористически и вызвалъ общій неудержимый хохотъ. Впослѣдствіи я узналъ, что разсказывавшій былъ министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Нессельроде.

Графъ Киселевъ никогда не носилъ часовъ и не имѣлъ при себѣ денегъ. Обстоятельство это мнѣ казалось страннымъ, и въ одинъ изъ дней, когда я сидѣлъ въ дежурной графа совершенно одинъ, туда вошелъ зять его, постоянный житель Москвы, Сергѣй Алексѣевичъ Нейловъ, гостившій въ это время въ С.-Петербургѣ, личность чрезвычайно симпатичная, привыкшій меня постоянно видѣть у графа. Я обратился къ нему съ вопросомъ относительно

часовъ и денегъ, по поводу чего онъ и разсказалъ мнѣ два слѣдующіе случая.

Въ бытность Павла Дмитріевича еще полковникомъ, онъ шелъ однажды утромъ по набережной Невы противъ Лѣтняго сада. Нынѣшнихъ пароходныхъ пристаней тогда не было, какъ и самыхъ пароходовъ, у сада не стояли ни жандармы, ни полиція, и это мѣсто было совершенно пустынное. Навстрѣчу ему шелъ какой-то человѣкъ, хорошо одѣтый и по наружности очень приличный, который, вѣжливо поклонясь Павлу Дмитріевичу, спросилъ его: который часъ? Не имѣя никакого повода отказать въ такой простой просьбѣ, графъ вынулъ изъ кармана старинныя золотыя часы, висѣвшіе на толстой золотой цѣпочкѣ, надѣтой на шею. Въ одинъ моментъ прохожій неимовѣрно быстро схватилъ часы и съ чрезвычайною силою рванулъ ихъ: но толстая цѣпочка и массивное ушко у часовъ не поддались его усилію; напряженіе сдѣланное имъ было такъ велико, что цѣпочка впилась въ нѣжную шею Павла Дмитріевича и причинила ему сильную и продолжительную боль. Возвратясь домой, онъ снялъ часы и съ тѣхъ поръ уже никогда не надѣвалъ ихъ.

Второй случай болѣе замѣчателенъ по своей неожиданной странности. Павелъ Дмитріевичъ всегда былъ человѣкъ очень религіозный и съ самаго ранняго дѣтства привыкъ въ праздники бывать у обѣдни, куда отправлялся и откуда возвращался пѣшкомъ, какая бы ни была погода. Въ 1828 году, будучи начальникомъ штаба въ Бухарестѣ, онъ отправился въ ближайшій лагерь къ обѣднѣ, взявъ съ собою нѣсколько серебряныхъ рублей для подачи нищимъ. Возвращаясь домой, онъ встрѣтилъ старика, очень бѣдно одѣтаго, который, за нѣсколько шаговъ снявъ шляпу, очень почтительно поклонился и молча устремилъ свой взглядъ на Павла Дмитріевича, который въ этомъ молчаливомъ взглядѣ прочелъ просьбу о помощи; вынувъ изъ кармана серебряный рубль, подалъ старику и хотѣлъ продолжать свой путь, какъ тотъ остановилъ его и, тоже вынувъ изъ своего кармана крупную золотую монету, подалъ ее Киселеву, говоря пофранцузски: «Генералъ, вы мнѣ предложили русскую монету, я взялъ и сохраню ее на память, а теперь покорнѣйше прошу васъ тоже принять на память отъ одного изъ валаховъ золотую монету; очень радъ, что вы сами дали мнѣ случай перемолвить съ вами хоть нѣсколько словъ». Деликатнѣйшій Павелъ Дмитріевичъ взялъ предложенную ему монету и, раскланявшись съ незнакомцемъ, продолжалъ путь. Возвратившись въ штабъ, онъ разсказалъ объ этомъ случаѣ тамъ бывшимъ, которые и объяснили ему, что названный валахъ человѣкъ съ громаднѣйшимъ состояніемъ и, живя въ Бухарестѣ, чрезвычайно щедро пособляетъ нуждающимся. Послѣ этого случая Павелъ Дмитріевичъ пересталъ носить съ собою деньги.

Вскорѣ послѣ кончины императора Николая, въ 1856 году, графъ Киселевъ, сдавъ министерство государственныхъ имуществъ, которымъ управлялъ почти 20 лѣтъ, получилъ назначеніе посломъ въ Парижъ. Въ 1862 году, по совершенно разстроенному здоровью, онъ былъ уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ, но остался жить за границей, гдѣ и умеръ въ 1874 году въ глубокой старости.

III.

Бывшій въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ попечителемъ Одесскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ Александръ Михайловичъ Загряжскій разсказывалъ мнѣ, между прочимъ, что при новороссійскомъ генералъ-губернаторѣ, свѣтлѣйшемъ князѣ Воронцовѣ, въ громадномъ его штатѣ состояли два пріятеля, младшій братъ генералъ-фельдмаршала графа Паскевича и братъ поэта Пушкина. Первый былъ неисправимый, отчаянный кутила и притомъ человѣкъ безпокойный, котораго нигдѣ не держали на службѣ и выселяли изъ всѣхъ городовъ, лишь въ Одессѣ, благодаря снисходительности князя Воронцова, онъ былъ съ горемъ терпимъ. Пушкинъ былъ извѣстенъ въ Одессѣ подъ кличкою «рыжаго», онъ тоже былъ кутила непослѣдней руки, но, всетаки, много скромнѣе своего задушевнаго пріятеля Паскевича. Оба они были люди очень умные и чрезвычайно способные, но, какъ говорится, совсѣмъ свихнувшіеся съ пути.

Паскевича рѣшительно не принимали ни въ одинъ семейный домъ. Но Пушкинъ, еще не совсѣмъ опустившійся, кое-куда допускался. Какъ-то разъ явившись къ семейному Загряжскому, онъ провелъ вечеръ очень чинно, потомъ повторилъ и участилъ визиты и, наконецъ, сдѣлалъ предложеніе молоденькой, очень миловидной, умной и чрезвычайно симпатичной, единственной дочери Загряжскаго. Пушкинъ ей нравился, и она отвѣтила, что если втеченіе года онъ не учинитъ чего либо предосудительнаго, то бракъ ихъ можетъ состояться. Пушкинъ съ разу совершенно измѣнилъ образъ жизни и по прошествіи годичнаго искуса женился на Елизаветѣ Александровнѣ Загряжской. Перемѣна въ образѣ жизни и взглядахъ Пушкина нисколько не повліяла на его короткаго пріятеля Паскевича, продолжавшаго оставаться тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ и ранѣе.

Въ сороковомъ году, прибылъ въ Одессу генералъ-фельдмаршалъ графъ Паскевичъ-Эриванскій, которому и были оказаны всѣ подобающія почести: у дома поставленъ караулъ со знаменемъ, у подъѣзда два ефрейторскіе поста, въ передней масса ординарцевъ.

Не успѣлъ фельдмаршалъ отдохнуть съ дороги, какъ услышалъ на улицѣ подъ окномъ ожесточенный крикъ и многолюдный

говоръ. «Что тамъ такое»?—спросилъ Паскевичъ адъютанта. Тотъ отвѣтилъ, что какой-то подвыпившій человѣкъ непремѣнно требуетъ, чтобы его впустили, объявляя, что онъ родной братъ генералъ-фельдмаршала. — «Впустите его», — сказалъ Паскевичъ, догадавшись, въ чемъ дѣло.

Увидя своего роднаго брата въ такомъ видѣ, Паскевичъ не сталъ его разспрашивать, а прямо спросилъ: «Чего ты хочешь отъ меня?» — «Денегъ»!—отвѣчалъ тотъ. Паскевичъ далъ ему горсть золота и промолвилъ: — «Прощай». — «Мало»!—сказалъ братъ, не трогаясь съ мѣста. Паскевичъ далъ еще горсть и приказалъ адъютанту удалить гостя, что̀ и было исполнено немедленно.

Черезъ нѣсколько дней, въ извѣстныхъ одесскихъ подземельяхъ найденъ былъ трупъ младшаго брата графа Паскевича. Причины его смерти никто и не доискивался, потому что полиція очень обрадовалась, избавившись отъ такого безпокойнаго субъекта.

Въ пятидесятыхъ годахъ, живя въ Москвѣ, я часто встрѣчался съ Елизаветою Александровною Пушкиною у ея родныхъ и моихъ добрыхъ знакомыхъ, помѣщиковъ Хрущовыхъ. Они говорили, что Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ не съумѣлъ достойно оцѣнить свою прекраснѣйшую супругу, которая была вынуждена разъѣхаться съ нимъ. Другіе же увѣряли, что она тому виною. Недаромъ русская пословица говоритъ, что мужа съ женою самъ Богъ не разберетъ, для посторонниxъ же лицъ, въ томъ числѣ и для меня, Е. А. Пушкина, была женщина въ высшей степени привлекательная.

IV.

Графъ Киселевъ, внезапно лишившись 19-го марта 1840 г. главнаго и лучшаго своего сотрудника, генералъ-адъютанта барона Делингсгаузена, пригласилъ на его мѣсто тайнаго совѣтника фонъ-Брадке, но послѣдній не могъ замѣнить своего предшественника, что и вынудило графа Киселева просить о назначеніи себѣ помощника съ званіемъ товарища министра. Это мѣсто получилъ сенаторъ тайный совѣтникъ Николай Михайловичъ Гамалей, бывшій передъ тѣмъ астраханскимъ гражданскимъ губернаторомъ.

Отецъ Гамалея былъ домашнимъ врачемъ извѣстнаго Екатерининскаго генералъ-прокурора Александра Ивановича Глѣбова, къ которому былъ глубоко привязанъ, что̀ и доказалъ на самомъ дѣлѣ. Когда Глѣбовъ попалъ въ опалу и былъ вынужденъ поселиться въ своемъ небольшомъ имѣніи, селѣ Виноградовѣ, Московской губерніи, Клинскаго уѣзда, съ небольшимъ въ двадцати верстахъ отъ Москвы, то его врачъ Гамалей послѣдовалъ за нимъ туда, не смотря на то, что былъ человѣкъ семейный, единственно по влеченію искренней привязанности къ Глѣбову.

Когда бывшій могущественный вельможа поневолѣ поселился въ этомъ томительно скучномъ имѣніи, то взялъ къ себѣ въ экономки вдову чиновника, Дарью Николаевну Францъ, съ малолѣтнею дочерью, Лизой, къ которой Глѣбовъ и пристрастился, какъ къ миленькой игрушечкѣ, доставлявшей ему въ одиночествѣ пріятное развлеченіе и утѣшеніе. Онъ занимался самъ ея воспитаніемъ и образованіемъ, и впослѣдствіи, женившись на ея матери, выдалъ молоденькую, прелестную свою падчерицу Елизавету Ивановну замужъ за Суворовскаго воина, отставнаго бригадира Ивана Ивановича Бенкендорфа.

Вскорѣ послѣ этого, умеръ другъ Глѣбова, его врачъ Гамалей, оставивъ трехъ сыновей, въ которыхъ приняли самое теплое участіе какъ добрѣйшій И. И. Бенкендорфъ, такъ и его прелестнѣйшая супруга.

Наученный опытомъ, Глѣбовъ призналъ за благо при жизни своей обезпечить падчерицу и совершилъ купчую крѣпость на упомянутое село Виноградово на имя И. И. Бенкендорфа, что и было очень кстати, потому что въ непродолжительномъ времени совершенно внезапно умеръ самъ Глѣбовъ, въ одинъ день съ своею женою. Оба они погребены въ Виноградовѣ и надъ ихъ могилами сооруженъ семейный склепъ.

Иванъ Ивановичъ Бенкендорфъ, сохраняя благодарную память о покойномъ Гамалеѣ, много разъ доказавшемъ свою привязанность къ Глѣбову, усердно заботился о воспитаніи его сыновей, которые кончили курсъ въ Московскомъ университетѣ и потомъ были имъ отрекомендованы племяннику его, графу Александру Христофоровичу Бенкендорфу, въ то время уже могущественному сановнику. Исполняя желаніе искренне имъ любимаго и уважаемаго дяди, графъ Бенкендорфъ поставилъ на хорошую служебную дорогу и впослѣдствіи никогда не оставлялъ своимъ покровительствомъ сыновей бывшаго врача Гамалея. Такое всесильное участіе и привело неизвѣстнаго и рѣшительно ничѣмъ себя не заявившаго старшаго Гамалея, Николая Михайловича, на высокій постъ товарища министра, втораго, Михаила Михаиловича—на должность могилевскаго гражданскаго губернатора, а третій, Өедоръ Михайловичъ, будучи дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, занималъ видную и почетную должность правителя дѣлъ при свѣтлѣйшемъ князѣ Воронцовѣ, въ бытность его новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, а потомъ намѣстникомъ Кавказа.

Всѣ три брата Гамалеи умерли людьми богатыми, хотя и въ разной степени; но при жизни всѣ они одинаково были очень скупы, крайне честолюбивы, и не оставили послѣ себя рѣшительно ничего такого, что было бы достойно уваженія, или хотя бы простой памяти о нихъ. Это были эгоисты, жившіе каждый лишь самъ для себя.

Николай Михайловичъ Гамалей, получивъ назначеніе быть товарищемъ графа Киселева, принялъ уже вполнѣ сформированное и устроенное министерство. Это былъ совершенно оснащенный и вооруженный корабль, которымъ только оставалось править. Около шестнадцати лѣтъ апатично занимая столь высокій постъ, Гамалей постоянно былъ наблюдаемъ всѣми съ нимъ соприкосавшимися, но рѣшительно никто не пришелъ ни къ какому положительному выводу о его свойствахъ. Всѣ единогласно сходились лишь въ томъ, что онъ личность крайне не симпатичная и что, имѣя полную возможность и даже обязанность знать все творившееся въ подвѣдомственномъ ему министерствѣ, на самомъ дѣлѣ зналъ очень мало, потому именно, что не хотѣлъ всего знать. Отъ этого, во время его управленія министерствомъ, дѣятельность послѣдняго отличалась своего рода халатностію, что̀ кое-кому было весьма на руку, но за то другимъ отъ этого было жутко.

Графъ Киселевъ, аккуратно посѣщавшій засѣданія высшихъ государственныхъ учрежденій, а въ 1853 году, передъ Крымскою войною, почти постоянно находившійся при императорѣ, какъ надежный совѣтникъ, хорошо знавшій Турцію, крайне утомлялся, притомъ и года брали свое. Графъ старѣлъ, хирѣлъ и уже не могъ попрежнему входить во всѣ подробности своего министерства, совершенно полагаясь во всемъ на своего помощника. Будучи самъ непогрѣшимо правдивъ, онъ безусловно вѣрилъ Гамалею, тактика котораго состояла въ томъ, чтобы постоянно успокоивать графа, заставляя думать, будто бы повсюду въ министерствѣ «тишь да гладь, да Божья благодать». Такъ тянулось до конца, до тѣхъ поръ, когда графа Киселева замѣнилъ Шереметьевъ, пригласившій къ себѣ въ товарищи тайнаго совѣтника Хрущова. Гамалей удалился, и многіе радостно произнесли: «лучше поздно, чѣмъ никогда».

Оставшись свободнымъ отъ всякихъ дѣлъ и заботъ служебныхъ, Гамалей, давно уже перешагнувшій на седьмой десятокъ жизни, вѣроятно, для развлеченія женился, что̀ очень огорчило его близкихъ родныхъ, чаявшихъ въ недалекомъ будущемъ получить отъ него богатое наслѣдство.

Директоромъ лѣснаго департамента, въ 1850 году, былъ генералъ-маіоръ, графъ Ламздорфъ, находившійся совершенно не на своемъ мѣстѣ. Бывшій офицеръ Преображенскаго полка и ловкій придворный, затѣмъ директоръ Лѣснаго института, онъ занялъ настоящій постъ, вѣроятно, по пословицѣ, что вѣдь не боги же горшки обжигаютъ. Новый постъ давалъ широкій просторъ самостоятельности графа, и онъ счелъ нужнымъ воспользоваться своими правами. Вскорѣ по вступленіи въ должность, графъ отправился для ревизіи обширнаго подвѣдомственнаго ему лѣснаго управленія; въ этомъ еще нѣтъ ничего особеннаго; отчего не прокатиться по раздольной матушкѣ Россіи, ему вовсе не извѣстной, притомъ на казенный

счетъ. Но его сіятельству этого оказалось мало. Прибывъ въ Архангельскъ, онъ изволилъ выбрать близь этого города какую-то лѣсную дачу и по собственному усмотрѣнію рѣшилъ сдѣлать ее образцовою. Для приведенія въ исполненіе своей странной мысли, онъ назначилъ въ Архангельскую губернію ученымъ лѣсничимъ состоявшаго при лѣсномъ департаментѣ отличнѣйшаго офицера, бывшаго за границею на казенный счетъ, штабсъ-капитана Витте, вмѣнивъ ему въ непремѣнную обязанность раздѣлить дачу на участки, таксировать ихъ и водворить тамъ постоянную лѣсную стражу. Прибывъ въ Архангельскъ и забравъ въ палатѣ государственныхъ имуществъ землемѣра, межевщика и массу всякихъ геодезическихъ инструментовъ, Витте отправился въ избранную дачу, гдѣ и прожилъ безвыѣздно съ ранней весны до поздней осени, исходилъ ее рѣшительно по всѣмъ направленіямъ, прибѣгалъ къ тщательнымъ вычисленіямъ, настойчиво изслѣдовалъ каждую рѣченку и разные ручейки, кропотливо и неутомимо трудился и пришелъ къ положительному выводу, что эта дача рѣшительно ни почему не пригодна для образцоваго устройства, вовсе не стòитъ какого либо о ней попеченія. Обстоятельство это было причиной, что честнѣйшій и въ высшей степени добросовѣстный Витте вынужденъ былъ оставить спеціально ему извѣстную лѣсную службу. Такая неожиданность страшно его потрясла; изъ добрѣйшаго, сообщительнаго и довѣрчиваго, онъ сдѣлался сухимъ, сосредоточеннымъ и подозрительнымъ; это грустное настроеніе не покидало во всю остальную жизнь этого достойнѣйшаго человѣка.

Лѣсной департаментъ рѣшилъ, что Витте не такъ взялся за дѣло, и послалъ въ ту же дачу не одного, а разомъ двухъ, то же отличнѣйшихъ, офицеровъ Зобова и Коневецкаго. Они употребили свое знаніе, усердіе и энергію, но заколдованная дача никакъ не давалась, и оба они подтвердили въ точности выводы Витте.

Эта неудачная затѣя графа Ламздорфа была дѣломъ домашнимъ, такъ и канувшимъ въ лету забвенія департаментскаго архива. Но въ его же управленіе департаментомъ, въ 1851 году, явилось уже не домашнее дѣло, широко и повсюду оглашенное. Почтовое вѣдомство по секрету сообщило шефу жандармовъ, что на имя служащаго въ лѣсномъ дапартаментѣ чиновника Россова каждую почту высылаются деньги разными суммами изъ разныхъ мѣстъ внутренней Россіи и что всѣ отправители исключительно лѣсные офицеры. Шефъ жандармовъ подъ рукою дознаъ, что Россовъ, помощникъ старшаго-адъютанта корпуса лѣсничихъ, на отличномъ счету у графа Ламздорфа, квартируетъ на Петербургской сторонѣ и жизнь ведетъ скромную.

Въ одинъ изъ будничныхъ дней, во время присутствія, прибыли въ лѣсной департаментъ два штабъ-офицера корпуса жандармовъ и просили графа Ламздорфа назначить депутата для совмѣстнаго

съ ними осмотра квартиры одного изъ служащихъ въ томъ департаментѣ, не называя по фамиліи. Графъ назначилъ Россова, но они сочли нужнымъ измѣнить такое назначеніе, что и было исполнено; тогда одинъ штабъ-офицеръ отправился съ Россовымъ въ Третье отдѣленіе, а другой съ депутатомъ поѣхали въ квартиру Россова, гдѣ и нашли массу денежныхъ писемъ отъ разныхъ лѣсничихъ и много разныхъ документовъ: о назначеніяхъ, переводахъ и наградахъ тѣхъ же лѣсничихъ; изъ этихъ бумагъ выяснилось, что Россовъ торговалъ мѣстами и проч., и все это дѣлалось на глазахъ графа Ламздорфа.

Опредѣленные закономъ 10% съ увеличенія лѣсного дохода въ вознагражденіе лѣсничимъ имъ не выдавались, а шли въ награду служащимъ въ лѣсномъ департаментѣ; даже штабные, къ этому дѣлу вовсе не прикосновенные, и тѣ съѣдали эти чуждыя имъ деньги и получали по двѣ награды въ годъ, какъ, напримѣръ, въ 1856 году, и все это дѣлалось съ утвержденія Ламздорфа и Гамалея, подписывавшихъ представленія, не читая.

На мѣсто графа Ламздорфа директоромъ департамента былъ назначенъ генералъ-маіоръ Норовъ, пріѣзжавшій въ департаментъ лишь за тѣмъ, чтобъ дремать въ директорскомъ кабинетѣ, и крайне не любившій, чтобъ его выводили изъ летаргіи. Это время было самое раздольное для всѣхъ тамъ служащихъ; всѣ имѣли вѣсъ и значеніе, кромѣ Норова. Одинъ подпоручикъ три дня сряду ходилъ въ департаментъ и постоянно будилъ Норова. Послѣдній, выведенный изъ терпѣнія, приказалъ занести подпоручика въ высочайшій приказъ объ увольненіи въ отставку, что и было немедленно исполнено. Подпоручикъ расхохотался надъ этимъ и, отправясь лично къ графу Киселеву, готовившемуся ѣхать съ докладомъ къ императору, объяснилъ ему суть дѣла. Графъ, провѣривъ слова подпоручика, немедленно уничтожилъ приказъ.

Мѣсто Россова занялъ Розоновъ, дѣлецъ той же закваски, съ тою только разницею, что легко добываемыя имъ отъ лѣсничихъ деньги онъ очень усердно пропивалъ.

Крайне нерадостно мнѣ вспоминать эту печальную эпоху, о которой можно бы было написать очень многое, но тяжело утомлять и себя и другихъ разсказами о всевозможныхъ безпорядкахъ, происходившихъ въ министерствѣ при Гамалеѣ.

А. Малышевъ.

ВОСПОМИНАНІЕ О ГРАФѢ А. А. ЗАКРЕВСКОМЪ.

Графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій можетъ считаться лицомъ историческимъ, по своей дѣятельности въ важныхъ государственныхъ должностяхъ, которыя онъ занималъ. Служба его дѣлается замѣтною съ турецкой войны 1807 года, въ которой онъ участвовалъ въ качествѣ личнаго адъютанта при главнокомандующемъ графѣ Каменскомъ. Эта должность положила начало его карьерѣ, ибо Закревскій не иначе вспоминалъ о графѣ Каменскомъ, какъ называя его своимъ благодѣтелемъ. Въ подмосковномъ имѣніи своемъ, Ивановскомъ, онъ поставилъ ему памятникъ съ надписью: «Моему благодѣтелю». Перейдя потомъ на службу къ фельдмаршалу Барклаю-де-Толли, во время войны 1812 года, Закревскій приблизился къ государю Александру Павловичу и занималъ высокій постъ дежурнаго генерала. Затѣмъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Финляндіи. Финляндскій сенатъ поднесъ ему впослѣдствіи титулъ графа, нося уже который онъ занялъ должность министра внутреннихъ дѣлъ.

Министерство Закревскій оставилъ въ холерный годъ, и причиною этого были принятыя имъ санитарныя мѣры противъ эпидеміи. Онъ учредилъ карантины на границахъ губерній. Въ основаніи своемъ мысль эта, какъ оказалось впослѣдствіи, была вѣрная, но, примѣненная неумѣло, въ практикѣ породила крайнія неудобства. Карантины, вмѣсто того, чтобы пресѣкать холеру, способствовали ея распространенію. Государь былъ недоволенъ распоряже-

ніями Закревскаго, и графъ, не смотря на званіе генералъ-адъютанта, вышелъ въ отставку.

Въ 1846 году, т. е. слишкомъ 15 лѣтъ спустя, по смерти князя А. Г. Щербатова, упразднился постъ московскаго военнаго генералъ-губернатора,—государь Николай Павловичъ назначилъ опальнаго графа на эту должность, и въ доказательство возвращенія неограниченнаго своего довѣрія вручилъ ему бланки съ собственноручною подписью.

На новой должности графъ Арсеній Андреевичъ неизбѣжно долженъ былъ отражать, въ своемъ образѣ дѣйствій, духъ и настроеніе тогдашняго правительства.

Я познакомился съ графомъ уже въ концѣ его служебной дѣятельности, поступивъ къ нему на службу въ 1852 году—восемьнадцатилѣтнимъ юношею.

Хотя мнѣнія о графѣ различны, но личность его проходитъ въ моихъ воспоминаніяхъ какъ свѣтлое явленіе въ моей жизни.

Вслѣдствіе ли службы моей подъ его начальствомъ, или подъ обаяніемъ отеческаго и снисходительнаго его со мною обращенія,—но память о немъ для меня драгоцѣнна. Въ особенности же вспоминаю я его не въ качествѣ военнаго генералъ-губернатора, а въ качествѣ высокаго сановника, отживавшаго свой вѣкъ на покоѣ.

Въ эту горестную для графа эпоху я нерѣдко заѣзжалъ къ нему по утрамъ, чтобы засвидѣтельствовать свое почтеніе, и онъ почти всегда приглашалъ меня обѣдать. Обѣдъ происходилъ обыкновенно въ кабинетѣ, а графиня, находясь на своей половинѣ, гостей къ обѣденному столу не принимала. На ломберномъ столѣ ставились два прибора, и графъ, съ неизмѣннымъ добродушіемъ, былъ всегда гостепріимнымъ хозяиномъ. Къ концу обѣда, однажды, я замѣтилъ въ графѣ особенное настроеніе. Хотя наружное спокойствіе всегда сохранялось на безстрастномъ его лицѣ, но я зналъ, что онъ въ душѣ носилъ глубокое горе. Любимая дочь его была за границей, куда выѣхала не по своему желанію. Расположеніе государя къ нему измѣнилось, и, привыкнувшій къ постояннымъ занятіямъ, графъ скучалъ отъ бездѣйствія.

Не помню, по поводу какого именно случая изъ прежней дѣятельности, онъ высказалъ мнѣ памятныя для меня слова:

«Я знаю, любезный Фигнеръ, что меня обвиняютъ въ суровости и несправедливости по управленію Москвою; но никто не знаетъ инструкціи, которую мнѣ далъ императоръ Николай, видѣвшій во всемъ признаки революціи. Онъ снабдилъ меня бланками, которые я возвратилъ въ цѣлости. Такое было тогда время и воля императора, и суровымъ быть мнѣ, по виду, было необходимо».

Благосклонное ко мнѣ расположеніе графа имѣло источникомъ своимъ его знакомство съ моимъ дядей — партизаномъ 1812 года. Оно началось еще въ турецкую войну 1807 года, когда главноко-

мандующій замѣтилъ и отличилъ моего дядю, что̀ и сблизило его съ Закревскимъ, состоявшимъ адъютантомъ при главнокомандующемъ.

Въ 1812 году, А. А. Закревскій, по просьбѣ дяди, навѣстилъ отца моего, въ городѣ Калишѣ, больнаго и раненаго послѣ сраженія подъ Островной. Съ того времени графъ знакомъ былъ и съ моимъ отцомъ. Когда я поступилъ на службу и представлялся въ первый разъ графу, онъ встрѣтилъ меня вопросомъ:

— Какъ здоровье твоего отца?

Въ то время отецъ мой былъ боленъ, и болѣзнь эта, продолжавшаяся нѣсколько лѣтъ, свела его въ могилу.

Кромѣ того, А. А. Закревскій, будучи давнишнимъ пріятелемъ А. П. Ермолова, зналъ объ его особенной ко мнѣ благосклонности.

Нѣкоторыя черты изъ жизни графа Арсенія Андреевича мнѣ извѣстны непосредственно отъ А. П. Ермолова.

А. П. Ермоловъ и А. А. Закревскій когда-то въ молодости жили вмѣстѣ, на одной квартирѣ, и судьбѣ угодно было въ послѣдніе годы ихъ жизни свести ихъ въ первопрестольной Москвѣ.

По словамъ А. П. Ермолова, графъ Арсеній Андреевичъ отличался всегда особенною скромностью и безукоризненной честностью. Происходя изъ незначительныхъ дворянъ, Закревскій жилъ жалованьемъ и потому постоянно нуждался; когда же достигъ онъ генеральскихъ эполетъ, при немъ состоялъ адъютантомъ Иванъ Васильевичъ Шатиловъ; Арсеній Андреевичъ называлъ его Иванъ Васильевичъ Красота, по его пріятной наружности.

Однажды, получивъ орденскую звѣзду съ бриллiантами, А. А. просилъ Шатилова, въ присутствіи Ермолова, отнести звѣзду къ ювелиру и вставить вмѣсто настоящихъ поддѣльные бриллiанты.

— Настоящіе-то, братъ, продай,—добавилъ А. А.:—заплатимъ кое-какіе долги, а на остальныя будемъ пока жить.

Въ послѣдствіи же,—разсказывалъ А. П. Ермоловъ,—А. А. Закревскій былъ уже богатъ, и у него былъ управляющій,—нѣкто по фамиліи Коризна,—А. А. уполномочилъ его полною неограниченною довѣренностью. Но вдругъ этотъ управляющій внезапно исчезъ, и Закревскій потерялъ значительную сумму, украденную управляющимъ. А. А. при этой катастрофѣ остался невозмутимъ и не только не преслѣдовалъ вора, но даже называлъ его своимъ благодѣтелемъ. На вопросъ, почему онъ его считаетъ своимъ благодѣтелемъ, Закревскій отвѣчалъ, что Коризна поступилъ съ нимъ великодушно, такъ какъ по силѣ довѣренности могъ его лишить буквально всего состоянія, между тѣмъ какъ, взявъ только часть, онъ далъ ему хорошій урокъ, чтобы впредь быть осторожнѣе.

Императоръ Александръ Павловичъ, оцѣнивъ достоинства Арсенія Андреевича и зная его недостаточныя средства, женилъ его на графинѣ Толстой, въ то время одной изъ богатѣйшихъ невѣстъ.

Бракъ этотъ имѣлъ романическую подкладку. Невѣста любила

другаго и рѣшилась выйдти за Арсенія Андреевича условно, исполняя волю императора. Первые годы ихъ супружества походили на отношенія короля прусскаго Фридриха Великаго къ королевѣ-супругѣ. Впослѣдствіи отношенія эти измѣнились къ лучшему, и плодомъ ихъ была единственная дочь, обожаемая графомъ. Малѣйшія желанія дочери были для него закономъ. Но Лидія Арсеньевна не была счастлива въ бракѣ съ графомъ Нессельроде, сыномъ государственнаго канцлера.

Графиня жила у своихъ родителей въ Москвѣ, въ то время, когда графъ Арсеній Андреевичъ былъ въ апогеѣ своего могущества. Окруженная раболѣпнымъ вниманіемъ, графиня Лидія Арсеньевна была царицей московскаго высшаго общества и походила иногда на избалованнаго ребенка; но, имѣя добрѣйшее сердце, часто употребляла свое вліяніе на отца для добрыхъ дѣлъ, въ смыслѣ покровительства и защиты.

Отношенія графа къ графинѣ Аграѳенѣ Ѳедоровнѣ были ровны и почтительны. Казалось, между ними существовала ничѣмъ не нарушаемая дружба и взаимное уваженіе.

Графиня Лидія Арсеньевна проводила время въ вихрѣ свѣтскихъ удовольствій. Балы, рауты, пикники, dejeuners dansants, домашніе спектакли—слѣдовали одинъ за другимъ почти безпрерывно. Баловство и нѣжность къ дочери были причиною переворота въ судьбѣ графа и, можетъ быть, ускорили его кончину.

Но, обращаясь къ графу, опишу нѣсколько его внѣшность.

Тонъ и рѣчь графа отличались необыкновеннымъ лаконизмомъ. Онъ разговаривалъ только отрывистыми фразами и болѣе дѣлалъ вопросы, нежели отвѣты, избѣгая длинныхъ разсужденій; но все, что высказывалъ, было обдуманно и имѣло тонъ рѣшающій.

Полная, осанистая фигура его до сихъ поръ живо представляется въ моей памяти. Его постоянная поза — съ подпертою рукою, прижатою къ лѣвому бедру: два среднихъ пальца этой руки иногда были засунуты въ прорѣзъ для шпаги мундирнаго сюртука, въ которомъ онъ обыкновенно былъ одѣтъ. Лицо графа было гладко выбрито, и нижняя губа особенно выдвигалась впередъ. Профиль графа легко врѣзывался въ памяти, и я часто чертилъ его карандашемъ.

Однажды, о чемъ-то задумавшись, я сидѣлъ одинъ передъ дверями кабинета и машинально чертилъ этотъ профиль. Въ это время, кто-то подошелъ ко мнѣ сзади и положилъ руку на плечо. Я оглянулся—это былъ графъ, я обомлѣлъ отъ испуга; но графъ ласково сказалъ: — «Ничего, ничего—рисуй мои каррикатуры».

Послѣ того, мнѣ думалось, что служба моя испорчена и благосклонность графа навсегда потеряна. Когда же я явился на слѣдующее дежурство, графъ добродушно встрѣтилъ меня словами:— А что запасся карандашами—рисовать мои портреты?

Во время генералъ-губернаторства, графъ былъ окруженъ многочисленнымъ штатомъ чиновниковъ: военныхъ, гражданскихъ, для особыхъ порученій, прикомандированныхъ, и чиновниковъ канцеляріи. Нѣкоторые исправляли очередное дежурство при генералъ-губернаторѣ и должны были являться съ ранняго утра. Когда чиновникъ являлся, то графъ обращался къ нему почти съ одними и тѣми же вопросами: разсказывай, гдѣ былъ? что дѣлалъ? что слышалъ? Эти вопросы остались мнѣ памятны, такъ какъ приходилось ихъ слышать много разъ.

Графъ вставалъ обыкновенно въ 5 часовъ утра и прохаживался по заламъ верхняго этажа. На немъ былъ тогда шелковый зеленый халатъ и одна рука за пазухой. Дежурный чиновникъ являлся въ восемь часовъ утра и заставалъ его гуляющимъ. Вскорѣ потомъ графъ отправлялся въ свою уборную, гдѣ камердинеръ его, престарѣлый Ѳаддѣй Ивановичъ, ожидалъ уже съ нагрѣтыми щипцами, чтобы завить ему единственную, остающуюся у него прядь собственныхъ волосъ. Эта прядь, начинаясь отъ самаго подзатыльника, загибалась вверхъ, на маковку головы, гдѣ, завитая кольцомъ, должна была держаться на совершенно обнаженномъ черепѣ. Оригинальность такой головы давала заманчивый матеріалъ рисовальщику.

Обращеніе графа съ его подчиненными, особенно съ адъютантами, было патріархальное. Онъ любилъ нерѣдко надъ ними подшучивать.

Напримѣръ, маіора Шеншина, имѣвшаго довольно комичную, круглую фигуру и лысину, онъ называлъ просто: плѣшандасомъ, и безъ церемоніи иногда говорилъ:

— Позвать ко мнѣ плѣшандаса!

Изъ числа адъютантовъ — болѣе всѣхъ были замѣтны: князь Четвертинскій, князь Оболенскій, князь Абомелекъ и Северъ Алексѣевичъ Ермоловъ.

Этотъ составъ, помнится мнѣ, былъ въ первые годы моей службы, впослѣдствіи же многіе смѣнились, но князь Абомелекъ оставался неизмѣннымъ.

Изъ этихъ адъютантовъ князь Четвертинскій выдѣлялся особенно красивою наружностью. Онъ былъ высокій, стройный брюнетъ, съ тонкими чертами. Князь Абомелекъ составлялъ его противоположность. Онъ былъ малъ ростомъ и имѣлъ некрасивую, но выразительную азіатскую физіономію; чтобы казаться выше, онъ носилъ сапоги на высочайшихъ каблукахъ, и имѣлъ комическую способность изображать знакомыхъ лицъ мимикою, подражаніемъ голосу и тѣлодвиженіями. Однажды, мнѣ случилось видѣть, какъ онъ изображалъ графа, и притомъ въ его присутствіи.

— А ну-ка, — сказалъ графъ: — представь митрополита.

Князь представилъ и митрополита. Графъ же шутилъ надъ княземъ Абамелекомъ и называлъ его «Армяшкой».

Впрочемъ, князю Абамелеку нетрудно было воспроизвести типъ графа. Какъ я уже сказалъ, въ немъ было много оригинальнаго. Хотя у него была полная, пухлая и красивая рука, но онъ имѣлъ привычку поднимать ее немного къ верху, оборачивая при этомъ ладонью впередъ, такъ что это движенiе походило на руку, васъ благословляющую, слова же при разговорѣ какъ-то растягивалъ, отчего его разговоръ шутя сравнивали съ чтенiемъ акаѳиста. При всемъ томъ, тонъ и манеры графа обличали въ немъ опытнаго придворнаго.

Мнѣ всегда казались загадочными отношенiя графа А. А. къ старику А. С. Безсонову. Хромоногiй старичекъ ничѣмъ особеннымъ не отличался. Это былъ типъ мелкаго чиновника, и служилъ онъ въ петербургской дворянской опекѣ, но почему-то былъ принятъ у всѣхъ высокопоставленныхъ лицъ, между прочимъ, былъ вхожъ къ князю Ал. Ѳед. Орлову, имѣвшему тогда при дворѣ особенное значенiе. Въ кабинетѣ графа Закревскаго лежала пачка конвертовъ, съ приготовленною надписью Александру Степановичу Безсонову. Эта пачка лежала на конторкѣ, у которой графъ писалъ иногда стоя.

Когда случалось мнѣ ѣздить въ Петербургъ на нѣсколько дней, я являлся къ графу, прося изъ вѣжливости какихъ либо порученiй. Онъ постоянно давалъ мнѣ письма къ Безсонову.

— Возьми это письмо,—говорилъ онъ:—и свези къ Безсонову. Этимъ ограничивались всѣ порученiя, и замѣчательно, что то же самое повторялось нѣсколько разъ.

Но въ графѣ нерѣдко проявлялась энергiя и мудрая прозорливость правителя. Разскажу одинъ случай, оставшiйся въ моей памяти.

Князь N., нуждаясь въ деньгахъ, обратился къ извѣстному въ Москвѣ ростовщику Эйхелю, предлагая вексель на порядочную сумму, но Эйхель не желалъ ограничиться векселемъ и требовалъ цѣннаго залога. Князю нужны были деньги, и онъ рѣшился заложить фамильные брилліанты высокой цѣнности. Ростовщикъ, выдавъ деньги, назначилъ срокъ, обезпечивъ себя роспискою, что, въ случаѣ неуплаты въ назначенный срокъ, имѣетъ право брилліанты продать.

При приближенiи срока, князь спѣшилъ возвратить деньги и потому заранѣе отправился къ Эйхелю, но не засталъ его дома, повторилъ свой приходъ на другой и третiй день, но все напрасно. Въ это время срокъ истекъ, и князь, наконецъ, засталъ дома залогодержателя. Но тотъ объявилъ ему, что за пропускомъ срока брилліанты уже проданы, и онъ едва выручилъ свои деньги.

Взбѣшенный князь поспѣшилъ лично къ генералъ-губернатору и объяснилъ свою жалобу.

Графъ, выслушавъ князя, немедленно потребовалъ ростовщика. Трепещущій ростовщикъ былъ приведенъ въ кабинетъ графа.

— Ты бралъ въ залогъ брилліанты?—спросилъ его грозно графъ.

— Точно такъ, ваше сіятельство, но они уже проданы, потому что князь не заплатилъ въ срокъ деньги. Вотъ собственноручная росписка.

Графъ молча позвонилъ въ колокольчикъ. Въ кабинетъ вошелъ дежурный чиновникъ.

— Позвать жандарма!

Явился жандармъ, гремя саблею и шпорами.

— Возьми ты этого господина, — сказалъ графъ, указывая на ростовщика: — и сведи къ нему на квартиру, а ты покажи, гдѣ твоя шкатулка, въ которой хранятся брилліанты и деньги. Да немедленно возвращайся съ нимъ и съ его шкатулкой.

Черезъ нѣсколько времени, ростовщикъ и шкатулка, въ сопровожденіи жандарма, были въ кабинетѣ графа.

— При тебѣ ключи? отопри! — сказалъ графъ ростовщику.

Полумертвый отъ страха, Эйхель отперъ шкатулку, — тамъ находились брилліанты князя въ цѣлости и сохранности.

Тогда графъ обратился къ ростовщику.

— Ты сказалъ, что брилліанты продалъ, а вырученныя деньги получилъ по уплатѣ долга, ну, такъ и удовольствуйся этими деньгами, а вы, князь, получите свои брилліанты. Да смотри, — прибавилъ графъ ростовщику: — чтобы впередъ этого не случилось, а то въ 24 часа вылетишь вонъ!

Казалось, что служба моя при графѣ Закревскомъ имѣла благопріятныя условія для дальнѣйшей карьеры, но судьба человѣка зависитъ отъ случайностей, не подчиняющихся теоріи вѣроятностей; на мою же судьбу вліяла роковая наслѣдственная болѣзнь, разрушившая всѣ задатки счастья.

Эта болѣзнь, выражавшаяся въ особенной воспріимчивости нервъ и впечатлительности, и не состоявшаяся женитьба на любимой дѣвушкѣ побудили отца моего отправить меня за границу.

Графъ разрѣшилъ мнѣ отпускъ, и я явился, чтобы проститься съ нимъ. Онъ былъ одинъ въ кабинетѣ и стоялъ у письменнаго стола.

— Ты ѣдешь за границу, — сказалъ онъ: — и вѣрно побываешь въ Парижѣ, берегись, это городъ большихъ соблазновъ, помни мое наставленіе, я тебѣ замѣняю отца.

При этомъ графъ благословилъ меня и обнялъ.

Я пробылъ за границей долѣе, нежели предполагалъ, а графъ вскорѣ былъ уволенъ отъ должности генералъ-губернатора и остался жить въ Москвѣ частнымъ человѣкъ.

А. В. Фигнеръ.

ЗАБЫТЫЯ МОГИЛЫ.

На Ямской улицѣ, какъ разъ въ томъ мѣстѣ ея, гдѣ грязная и мутная Лиговка проведена трубою по мосту черезъ Обводный каналъ, стоитъ одна изъ красивѣйшихъ церквей Петербурга — «Иванъ Предтеча», какъ его называютъ въ томъ околоткѣ. Церковь окружена обширнѣйшей оградой, занимающей цѣлый кварталъ, который своими четырьмя фасами выходитъ на набережную Обводнаго канала и еще на три другія улицы. Ограда обнесена высокою деревянною рѣшеткою на каменномъ фундаментѣ и съ массивными каменными столбами. Надъ главными воротами ограды возвышается огромная и довольно красивая колокольня, въ пять ярусовъ, заканчивающаяся золотымъ шпилемъ. По обѣимъ сторонамъ колокольни широкимъ полукругомъ расходятся крытыя колоннады, примыкающія къ часовнямъ. Самая церковь, пятиглавая, не слишкомъ высокая, или не кажущаяся высокою среди обширной ограды, окрашена (точно также какъ и колокольня) въ свѣтлорозовую краску съ бѣлыми карнизами и прилѣпами; всѣ купола ярко вызолочены. Судя по этимъ куполамъ и вообще по внѣшности церкви, есть основаніе думать, что приходъ «Ивана Предтечи» — не изъ бѣдныхъ, и что прихожане радѣютъ по мѣрѣ силъ объ украшеніи своего храма.

Ограда Ивана Предтечи служитъ любимымъ и единственнымъ гульбищемъ для всего окрестнаго дѣтскаго населенія, и потому едва только сойдетъ снѣгъ, на зеленыхъ лужайкахъ, подъ жидень-

кими березками ограды, собираются массы дѣтей всѣхъ возрастовъ, съ матерями и няньками, и проводятъ тамъ цѣлые дни.

По особой случайности, мнѣ еще въ 1875 году крѣпко полюбилась ограда Ивана Предтечи, и я съ тѣхъ поръ нерѣдко заходилъ туда въ свободное время, садился на скамейку или на ступеньки южной паперти и проводилъ тамъ нѣсколько хорошихъ минутъ среди тишины и зелени. При этихъ моихъ посѣщеніяхъ, втеченіе десяти лѣтъ, я съ нѣкоторою досадою видѣлъ, какъ мѣсный причетъ постепенно портилъ прекрасную и обширную ограду своего храма, очевидно, подъ вліяніемъ общей заразительной болѣзни нашего времени — подъ вліяніемъ утилитаризма. На моихъ глазахъ ограда стѣснялась и съуживалась постепенно, такъ такъ значительные участки ея отводились подъ склады разныхъ строительныхъ матеріаловъ и застраивались какими-то дрянными домиками, сторожками, заборами, заваливались желѣзомъ, лѣсомъ, плитнякомъ и всякою всячиной. Есть основаніе думать, что очень недалеко то время, когда и остальная часть ограды будетъ также разбита на участки и, вѣроятно, даже застроена также тѣсно, какъ застроилась на Выборгской сторонѣ ограда Сампсоніевской церкви, на которой лишь совершенно случайно уцѣлѣли историческія могилы Волынскаго, Еропкина и Хрущова. Утилитиризмъ безпощаденъ въ своихъ разсчетахъ и соображеніяхъ!

Въ виду этой возможности, позволяю себѣ напомнить причту Іоанно-Предтеченской церкви, что въ его оградѣ есть нѣсколько не историческихъ, но все же весьма интересныхъ могилъ, которыя не мѣшало бы оградить отъ весьма безцеремоннаго юнаго поколѣнія, посѣщающаго ограду, а главное — охранить отъ будущихъ складовъ извести, дровъ и другихъ матеріаловъ, подъ которыми эти немногія уцѣлѣвшія могилы могутъ современемъ исчезнуть безслѣдно.

Нѣкоторыя изъ надгробныхъ плитъ, подъ которыми покоются скромные представители мѣстнаго причта, и теперь уже сравнялись съ землею и «порастаютъ травою забвенія». Приводимъ здѣсь въ оригиналѣ надписи этихъ плитъ:

Подъ сею дскою
погребьно тѣло
диакона Стефана Архиппова
1755 годУ. Генваря 8 днѧ 80 лѣтъ.

Подъ симъ камьнемъ
положено тѣло рабы
Божія Екатерины Іоанновой жены
Діакона Стефана Архиппова 1766 году
іуня 8 числа
ж. 78 лѣтъ.

Эти двѣ плиты ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что всѣ остальныя подобныя же плиты давно исчезли или были уничтожены. Не можетъ же быть, чтобы въ оградѣ Іоанно-Предтеченской церкви

былъ похороненъ только одинъ дьяконъ Стефанъ Архиповъ, со своею дьяконицею? Насъ убѣждаютъ въ этомъ другія могилы, еще и доселѣ сохранившіяся и даже свидѣтельствующія о томъ, что кладбище, нѣкогда существовавшее въ здѣшней церковной оградѣ, принадлежало къ числу модныхъ кладбищъ Петербурга. Прямымъ доказательствомъ этого предположенія служатъ двѣ могилы по лѣвой сторонѣ колокольни, около самой колоннады: могила Настасьи Нефедьевны Татищевой и могила дочери ея Анны Алексѣевны Паниной, супруги знаменитаго Петра Ивановича Панина, одного изъ сподвижниковъ Екатерины (усмирителя Пугачевскаго бунта). Приводимъ эпитафіи цѣликомъ, сохраняя ихъ орѳографію. На одной, меньшей плитѣ читаемъ:

> 1737 году марта 17 дня преставилась раба Бжія Настасья Нефедьевна Татищева супруга генерала-аншефа Алексѣя Даниловича Татищева поживе отъ роду своего 29 лѣтъ погребена на семъ мѣсте того жь марта 19 дня.

На другой, бóльшей плитѣ, подъ гербомъ и девизомъ Паниныхъ, помѣщена слѣдующая длинная и подробная надпись:

| Гербъ Паниныхъ |

> Здесь лежитъ тѣло въ бозе усопшей его рабы Анны Алексѣевны супруги полнаго генерала сенатора и ковалера Петра Ивановича Панина урожденной Татищевой: а воспитанной по замужство при императорскомъ дворе фрейлиною и пожившей въ отличныхъ добродѣтеляхъ 35 лѣтъ по день кончины случившейся ей чрезъ маловремянную чехотную болезнь 1764 года октября 27 дня и здесь тѣло ея положено при гробахъ прежде скончавшихся младенцевъ двухъ ея сыновей и матери ея Настасьи Нефедьевны Татищевой урожденной Кудрявцовой преждевременная же кончина причинила наичувствительнейшее горестное пораженіе овдовевшему супругу и всемъ ея знаемымъ потому что кончиною жены благочестивой сей все ближнія потеряли въ ней друга была она попечительная мать детей и мужу вѣрная по смерть супруга.

Эпитафія, очевидно, заканчивалась четырехстишіемъ:

> Кончиною жены благочестивой сей
> Всѣ ближніе утратили въ ней друга,
> Была она рачительная мать дѣтей
> И мужу вѣрная по гробъ супруга.

Но тотъ, кто высѣкалъ надпись на камнѣ, перепуталъ стихи съ прозой и передалъ четырехстишіе на память. Любопытно, что это же поэтическое украшеніе и до сихъ поръ встрѣчается на многихъ надгробіяхъ нашихъ столичныхъ кладбищъ!

Могила матери Анны Алексѣевны Паниной, упоминаемая въ эпитафіи, сохранилась и до сихъ поръ; но двѣ другія могилы, упоминаемыя тамъ же, исчезли безслѣдно, хотя еще и замѣтно ихъ мѣсто, между могилами матери и дочери. Нужно ли говорить о томъ, что обѣ могилы находятся въ самомъ жалкомъ положеніи и что современные Татищевы и Панины, конечно, пришли бы въ ужасъ, если бы взглянули на эти могилы своихъ предковъ...

Но за то, въ той же оградѣ, немного лѣвѣе старой теплой церкви, уцѣлѣла и такая могила, которая служитъ живымъ, краснорѣчивымъ памятникомъ сыновней преданности и родственнаго чувства. Могила состоитъ изъ невысокаго каменнаго фундамента, на который сверху настланы толстыя доски, а къ этимъ доскамъ прибита весьма солидная мѣдная доска, съ выпукло награвированной на ней написью. Это мѣдное надгробіе, конечно, давно бы уже было похищено съ могилы, если бы строитель памятника не прикрылъ надгробіе массивнѣйшею желѣзною рѣшеткой, прочно утвержденной въ фундаментѣ могилы. Напись на мѣдной доскѣ представляетъ собою не простую эпитафію, а исторію цѣлой семьи какихъ-то весьма «благополучныхъ россіянъ».

Вотъ эта любопытная надпись.

Пресвятая Тро-ице помилуй насъ
Здѣсъ тѣло Василья григорьевича
МЕДВѢДЕВА
Гребца со шлюбки:
Государыни Императрицы Елизаветы Петровны
Скончался 59 лѣ 1763$^{\text{-го}}$ Іюня 10го изъ 5:
его сыно: 4^{ре} служили при
Императърице
Камердинерами до 6го клс: а. 1^{нъ} до 9го
Й 3 дочери изъ нихъ 7^{мь} скончались 2^{е}.
86^{ти}. 3^{е} 72. 2^{е}. 62 летъ

Яже юнѣйшій дому о̆тца моего каммерфуръеръ
6го класса Гаврило Медвѣдевъ ущедренный о̆тъ
Государя двумя указами

Указъ придворной канторы камердинера Моего Гаврилу Медвѣдева по прошенію его за старостію увоਲенія отъ службы за добропорядочное и усердное оной продолженіе жалую въ камерфурьеры. 6го класса и о произвожденія ему пенсіи данъ указъ кабинету. въ павловскѣ.

Александръ. авг. 17.

1801. 20.

ст. петерь... дано

...... 1801. 10.

возобновилъ сей памѣтникъ
на 64м году моей жизни. 1821. года

Не видѣхъ праведника оставлена ниже сѣмене его
просящи хлѣбы. Ѱал. 36. сти 25.

Въ этой длинной и подробной написи для насъ все любопытно: и упоминаніе о «гребцахъ со шлюбки государыни Елисаветы Петровны», какъ объ одномъ изъ разрядовъ многочисленнаго придворнаго штата, и внѣшняя сторона надписи, и ея орѳографія, и самыя побужденія, руководившія возобновителемъ...

Въ заключеніе нашей замѣтки остается только пожелать, чтобы мѣстное духовенство отнеслось нѣсколько внимательнѣе къ любопытнымъ могиламъ, еще уцѣлѣвшимъ въ оградѣ Іоанно-Предтеченскаго храма, и хоть сколько нибудь оберегло бы ихъ отъ дальнѣйшаго разрушенія. Надгробный камень петербургскаго кладбища, пролежавшій на могилѣ около 150 лѣтъ, — это для молодаго Петрограда уже весьма почтенная старина, заслуживающая полнаго уваженія.

П. Полевой.

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ Н. И. КОСТОМАРОВА.

(Библіографическій обзоръ).

> **Усе славне свитовее**
> **Розлетиться й пропаде,**
> **Тилъки чистее, святее**
> **Повостанеться на викъ.**
> **Іеремія Галка (Н. И. Костомаровъ).**

ѢТЪ СОМНѢНІЯ, что жизнь и дѣятельность Н. И. Костомарова вызовутъ рядъ теплыхъ «воспоминаній», а съ теченіемъ времени чья нибудь умѣлая рука дастъ русской публикѣ интересную біографію покойнаго историка. Но даже и теперь, когда отъ грустной потери свѣжѣе воскресаютъ воспоминанія, приходится позаботиться о подготовкѣ необходимыхъ матеріаловъ для подобной біографіи. Такъ, въ настоящее время уже удобно заняться библіографическими справками объ учено-литературныхъ трудахъ умершаго изслѣдователя, тѣмъ болѣе, что извѣстныя «Историческія монографіи и изслѣдованія» собрали на свои страницы далеко не всѣ, даже крупныя его работы. Подробное библіографическое розысканіе теперь и предлагается вниманію «свѣдущихъ людей», съ цѣлью вызвать, можетъ быть, необходимыя дополненія или поправки.

Первыми печатными трудами Костомарова, какъ оказывается, явились литературныя произведенія, написанныя на малорусскомъ языкѣ и притомъ изданныя подъ всевдонимомъ «Іереміи Галки». То были: «Савва Чалый», драматическія сцены (Харьковъ, 1838 г., 114 стр.), «Украинскія баллады» (Харьковъ, 1839 г., 43 стр.), «Рожа», стихотвореніе (Литературн. Прибавлен. къ Русск. Инва-

лиду, 1839 г., № 12, стр. 228—229), «Вітка», сборникъ стиховъ (Харьковъ, 1840 г., 88 стр.), «Переяславська ничъ», трагедія, и переводъ «Еврейскихъ мелодій» Байрона (Снипъ, альманахъ, изд. Корсуномъ, Харьковъ, 1841 г.). Только съ 1842 года, втеченіе шести лѣтъ, изъ-подъ пера Н. И., рядомъ съ немногими опытами на малорусскомъ языкѣ, выходятъ слѣдующіе ученые труды:

«О причинахъ и характерѣ Уніи въ Западной Россіи». Написано для полученія степени магистра историческихъ наукъ. Харьковъ, 1842 г. Эта диссертація, по распоряженію начальства, была уничтожена въ томъ же году, такъ что ея экземпляры сдѣлались библіографическою рѣдкостью. (См. объ этомъ статью академ. Сухомлинова въ Древн. и Нов. Россіи, 1877 г., кн. 1, стр. 42—55).

«Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи». Писано для полученія степени магистра историческихъ наукъ. Харьковъ, 1843 г., 214 стр.

«О циклѣ весеннихъ пѣсенъ въ народной южно-русской поэзіи» (Маякъ, 1843 г., т. XI, кн. 21).

Стихотворенія: «Пантикапея», «Изъ краледворской рукописи», «До Марьи Потоцькій»; прозаическія сказки: «Торба» и «Ловы»—всѣ на малорусскомъ языкѣ (Молодикъ, на 1843 годъ, украинскій литературный сборникъ, изд. Бецкимъ, Харьковъ, вып. II). Названныя стихотворенія подписаны обычнымъ псевдонимомъ «Іереміи Галки», а сказки — настоящей фамиліей, съ измѣненіемъ лишь одной буквы, именно: «Н. Кастомаровъ».

«Первыя войны малороссійскихъ казаковъ съ поляками» и «Обзоръ сочиненій, писанныхъ на малороссійскомъ языкѣ» (Молодикъ, на 1844 годъ, Харьковъ, вып. III).

«Славянская миѳологія», Кіевъ, 1847 г., 113 стр. Эта книга, напечатанная церковно-славянскимъ шрифтомъ, представляетъ извлеченіе изъ лекцій, читанныхъ въ университетѣ св. Владиміра, во второй половинѣ 1846 года. По словамъ А. Лазаревскаго (Указатель источниковъ для изученія Малороссійскаго края, Спб., 1858 г., стр. 73), она очень рѣдка, такъ какъ была напечатана въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ. Одинъ изъ нихъ, впрочемъ, находится въ библіотекѣ Я. Ѳ. Головацкаго. (См. Дополненія къ очерку славяно-русской библіографіи В. М. Ундольскаго, Спб., 1874 г., стр. 53).

Вслѣдъ за изданіемъ «Славянской миѳологіи», въ дѣятельности Костомарова, какъ извѣстно, начинается семилѣтній перерывъ. Въ этомъ промежутокъ времени (1847—1854 гг.) съ его именемъ не появляется ни одной отдѣльно напечатанной книги или какой нибудь журнальной статьи. Только съ конца 1855 года снова открываются учено-литературныя занятія покойнаго историка и уже безъ перерыва продолжаются втеченіе тридцати лѣтъ. Они дали автору славное имя, а русской публикѣ подарили, рядомъ съ мелкими замѣтками, большую вереницу солидныхъ трудовъ, которые печатались въ такомъ хронологическомъ порядкѣ:

1855 г. «Иванъ Свирговскій, украинскій гетманъ XVI вѣка» (Москвитян., кн. 19—20).

1856 г. «Взглядъ на состояніе саратовской вывозной торговли въ отношеніи предполагаемой дороги между Москвою и Саратовомъ», Саратовъ, 28 стр. Эта брошюра, какъ указано на первой страницѣ, «составлена, по распоряженію г. начальника губерніи, въ саратовскомъ статистическомъ комитетѣ Н. И. Костомаровымъ».

«Горе-злосчастье, древне-русское стихотвореніе» (Современн., кн. 3).

«Борьба украинскихъ казаковъ съ Польшею въ первой половинѣ XVII вѣка до Богдана Хмѣльницкаго» (Отечественн. Зап., кн. 9).

«О миѳическомъ значеніи «Горя-злосчастья» (Современн., кн. 10).

1857 г. «Богданъ Хмѣльницкій и возвращеніе южной Руси къ Россіи» (Отечественн. Зап., кн. 1—8). Это изслѣдованіе, «вновь пересмотрѣнное авторомъ, во многихъ мѣстахъ совершенно передѣланное и дополненное по вновь открытымъ источникамъ», издано отдѣльно Д. Кожанчиковымъ (Спб., 1859 г., два тома).

«О лѣтописяхъ южно-русскихъ, открытыхъ и изданныхъ Н. Бѣлозерскимъ» (Отеч. Зап., кн. 2).

«Поѣздка въ Вольскъ» (Саратовск. Губернск. Вѣдом., № 17—19). Потомъ это описаніе перепечатано въ «Памятной книжкѣ Саратовской губерніи на 1859 годъ».

«Письмо къ редактору по поводу замѣчаній г. Егунова о торговлѣ города Саратова» (Саратовск. Губ. Вѣдом., № 20).

«О книгѣ П. Кулиша: Записки о южной Руси» (Отечественн. Зап., кн. 6 и 9).

«Очерки торговли Московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ (Современн., 9, 11 и 12). Эти статьи продолжались и въ 1858 году (кн. 6 и 7), а затѣмъ изданы отдѣльно Н. Тибленомъ (Спб., 1862 г., 299 стр.).

1858 г. «По поводу книгъ «Чорна рада, хроніка 1663 року» и «Проповѣди на малороссійскомъ языкѣ» протоіерея Гречулевича» (Современн., кн. 1).

«Могильныя преданія» (Современн., кн. 2).

«Очеркъ исторіи Саратовскаго края отъ присоединенія его къ русской державѣ до вступленія на престолъ императора Николая I (Памятная книжка Саратовской губерніи на 1858 годъ, отд. III).

«Бунтъ Стеньки Разина» (Отечественн. Зап., кн. 11—12). Въ слѣдующемъ году эта монографія вышла во второмъ дополненномъ изданіи (Спб., 1859 г., 237 стр.).

1859 г. «Народныя пѣсни, собранныя въ западной части Волынской губерніи въ 1844 году» (Малорусск. литер. сборникъ, изданн. въ Саратовѣ).

«Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостнаго права?» (Архивъ историч. и практич. свѣдѣній о Россіи, изд. Н. Калачовымъ, кн. 2).

«Предисловіе къ русскому переводу Олеарія» (кн. 3).

«О книгѣ В. Ламанскаго: О славянахъ въ Малой Азіи, Африкѣ и Испаніи» (кн. 5).

«Объясненіе по поводу Богдана Хмѣльницкаго» (С.-Петерб. Вѣдом., № 122).

«Объ Архивѣ юго-западной Россіи, изданномъ временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ» (Отечественн. Зап., кн. 8).

«Замѣчаніе на статью С. М. Соловьева: Малороссійское казачество до Богдана Хмѣльницкаго (Современн., кн. 10).

«Вступительная лекція въ курсъ русской исторіи, читанная въ импер. Петерб. университетѣ» (Русск. Слово, кн. 12).

1860 г. «Начало Руси» (Современн., кн. 1). Отдѣльный оттискъ этой статьи: Спб., 1860 г., 32 стр.

«Отвѣтъ и объясненіе г. Максимовичу о казачествѣ» (С.-Петерб. Вѣдом., № 8 и 283).

«Письмо къ редактору по поводу статей о происхожденіи Руси изъ Литвы» (Архивъ истор. и практ. свѣдѣній о Россія, изд. Н. Калачовымъ, кн. 1).

«Разбойничья пѣсня» (Тамъ же).

«Объ Энциклопедическомъ Словарѣ, составленн. русскими учеными и литераторами» (Наше Время, № 33—34).

«Письмо въ редакцію о мнѣніяхъ Отечественныхъ Записокъ» (№ 34).

«Объясненія по поводу диспута съ Погодинымъ» (С.-Петерб. Вѣдом., № 69).

«О норманскомъ племени» (Сѣверн. Пчела, № 71).

«Отвѣтъ проф. Шпилевскому о диспутѣ съ Погодинымъ» (Иллюстрація, № 114).

«Какъ пишутъ въ наше время статьи въ защиту происхожденія руссовъ отъ норманновъ» (Сѣверн. Пчела, № 168).

«Объясненіе по поводу статьи: Ученые пріемы г. Костомарова» (№ 178).

«Отвѣтъ г. Юрію Леттолѣ о происхожденіи Руси» (№ 262).

«Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ» (Современн., кн. 3, 4, 7 и 10). Въ томъ же году эти статьи вышли отдѣльною книгою (Спб., 1860 г., 214 стр.).

«Изъ могильныхъ преданій: легенда о кровосмѣсителѣ» (Современн., кн. 3).

«Замѣтка на возраженія о происхожденіи Руси» (кн. 4).

«Послѣднее слово Погодину о жмудскомъ происхожденіи первыхъ русскихъ князей» (кн. 5).

«Русскіе инородцы: литовское племя и отношенія его къ русской исторіи» (Русск. Слово, кн. 5).

«О казачествѣ, отвѣтъ Виленскому Вѣстнику» (Современн., кн. 7 и 12).

«Петровскъ» (Памятн. книжка Саратовской губерніи на 1860 г.).

«Памятники старинной русской литературы», т. I, II и IV, Спб., 1860—1862 гг.

1861 г. «Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси» (Основа, кн. 1).

«Отвѣтъ на выходки газеты Czas и журнала Revue Contemporaine» (кн. 2).

«О значеніи критическихъ трудовъ Константина Аксакова по русской исторіи» (Русск. Слово, кн. 2). Эта «рѣчь» приложена была къ книгѣ: «Годичный торжественный актъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ 8-го февраля 1861 года и, кромѣ того, появилась отдѣльною брошюрою: Спб., 1861 г., 31 стр.

«Черты народной южно-русской исторіи» (Основа, кн. 3). Продолженіе этой статьи въ Основѣ 1862 г., кн. 6.

«Двѣ русскія народности» (Тамъ же).

«Мистическая повѣсть о Нифонтѣ» (Русск. Слово, кн. 3).

«Запорожская пѣсня» (Лѣтописи русск. литературы и древности, изд. Н. Тихонравовымъ, т. III).

«Воспоминанія о двухъ малярахъ — Шевченкѣ и Грицькѣ» (Основа, кн. 4).

«Гетманство Выговскаго» (Основа, кн. 4 и 7). Отдѣльный оттискъ этого изслѣдованія вышелъ черезъ годъ (Спб., 1862 г., 112 стр.).

«По поводу изданія «Архива историко-юридическихъ свѣдѣній» (Русск. Слово, кн. 4).

«Нѣсколько словъ о положеніи южно-русскихъ крестьянъ въ XVI вѣкѣ» (С.-Петерб. Вѣд., № 168).

«Слово о Сковородѣ» (Основа, кн. 7 и 8).

«Разборъ сочиненія И. Попки: Черноморскіе казаки, въ ихъ гражданскомъ и военномъ быту» (Основа, кн. 8). Тотъ же разборъ помѣщенъ въ брошюрѣ: «Тридцатое присужденіе Демидовскихъ наградъ» (Спб. 1861 г.).

«Правда москвичамъ и полякамъ о Руси» (Основа, кн. 10).

«Замѣчанія о нашихъ университетахъ» (С.-Петерб. Вѣд., №№ 237, 258, 261—262, 270, 275 и 281).

«Старинный южно-русскій переводъ Пѣсни пѣсней съ послѣсловіями о любви» (Основа, кн. 11—12).

1862 г. «Лекціи по русской исторіи», изд. П. Гайдебуровымъ, Спб., 100 стр.

«Кремуцій Кордъ, драматическій очеркъ изъ временъ римскихъ императоровъ», Спб., 80 стр.

«Дополненіе къ правдѣ москвичамъ о Руси» (Основа, кн. 1).

«О значеніи Великаго Новгорода въ русской исторіи» (Отечественн. Зап., кн. 1).

«Тысячелѣтіе Россіи» (С.-Петерб. Вѣд., № 5). Отдѣльный оттискъ этой статьи: Спб., 1862 г., 17 стр.

«Іудеямъ, объясненіе по поводу слова: жидъ» (Основа, кн. 1 и 5).

«Иванъ Сусанинъ, историческое изслѣдованіе» (Отечественн. Зап., кн. 2).

«Объясненіе по поводу Богдана Хмѣльницкаго» (С.-Петерб. Вѣд., № 122).

«Русскія народныя пѣсни, собранныя въ Саратовской губерніи» (Лѣтописи русской литературы и древности, изд. Н. Тихонравовымъ, т. IV).

«Мѣшать или не мѣшать учиться?» (Сѣверн. Пчела, № 145).

«Мысли южно-русса о преподаваніи на южно-русскомъ языкѣ» (Основа, кн. 5).

«Загадка изъ народнеі казки» (Основа, кн. 6).

«Великорусскіе религіозные вольнодумцы въ XVI вѣкѣ: Матвѣй Башкинъ и Ѳеодосій Косой» (Отечественн. Зап., кн. 10).

«Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи», одиннадцать томовъ, Спб., 1862—1882 гг.

1863 г. «Сѣверно-русскія народоправства во времена удѣльно-вѣчеваго уклада», изд. Д. Кожанчикова, Спб., два тома, 419 и 448 стр.

«Объ отношеніи русской исторіи къ географіи и этнографіи» (Записки импер. русск. географ. Общества, кн. 2).

«Князь Владиміръ Мономахъ и казакъ Богданъ Хмѣльницкій» (Русск. Инв., № 86).

«О преподаваніи на народномъ языкѣ въ южной Руси» (Голосъ, № 94).

«Нѣсколько словъ о разборѣ моего сочиненія: «Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ» (С.-Петерб. Вѣд., № 162).

«Отвѣтъ Московскимъ Вѣдомостямъ по поводу изданія книгъ на южно-русскомъ языкѣ» (День, № 27 и 29; С.-Петерб. Вѣдом., № 164).

«Историческія монографіи и изслѣдованія», Спб., томъ первый и второй[1]). Второе изданіе этихъ томовъ вышло въ 1871—1872 годахъ. Третье изданіе перваго тома: Спб., 1883 г.

1864 г. «Куликовская битва» (Академическій Мѣсяцесловъ на 1864 годъ).

«Ливонская война» (Библіот. для Чтен., кн. 1—3). Отдѣльное изданіе: Спб., 1864 г., 105 стр.

«Отвѣтъ Погодину, по поводу статьи о Куликовской битвѣ» (Голосъ, № 32 и 62).

«Слово о перенесеніи Имп. Публичной Библіотеки» (Голосъ, № 107).

«Отвѣтъ г. Малороссу-Волынцу объ украйнофильствѣ» (День, № 6).

«Лекціи г. Кояловича по исторіи Западной Россіи» (Голосъ, № 118 и 127).

«Апологіи за Димитрія Донскаго гг. Аверкіева и Аскоченскаго» (Голосъ, № 124).

«О книгѣ А. Лохвицкаго: «Губернія, ея земскія и правительственныя учрежденія» (С.-Петерб. Вѣдом., № 199—205, 212 и 218).

«Кто былъ первый Лжедмитрій?» (Отечественн. Зап., кн. 10). Отдѣльно: Спб., 1864 г., 63 стр.

1865 г. «Отрывки изъ исторіи южно-русскаго казачества до Богдана Хмѣльницкаго» (Библіот. для Чтен., кн. 1—3).

«О книгѣ М. Кояловича: «Лекціи по исторіи Западной Россіи» (Голосъ, № 6). Эта рецензія подписана псевдонимомъ: «И. Богучаровъ».

«Новыя соображенія о первомъ Лжедмитріи» (Голосъ, № 20, 30 и 56).

«Примѣчанія и предисловіе къ Запискамъ о Московіи XVI вѣка сэра Джерома Горсея» (Библіот. для Чтен., кн. 4).

«Прошедшее и будущее русскаго дворянства» (Голосъ, № 130—131).

«О документахъ, объясняющихъ исторію Западно-Русскаго края и его отношенія къ Россіи и къ Польшѣ» (Голосъ, № 269, 300, 327, 352—353).

«Сынъ, разсказъ изъ временъ XVII вѣка», изд. Ахматовой, Спб.

1866 г. «Смутное время Московскаго государства» (Вѣстн. Евр., т. I—IV). Это обширное изслѣдованіе окончилось печатаніемъ въ слѣдующемъ году (Вѣстн. Евр., 1867 г., т. I—III).

«Повѣсть объ освобожденіи Москвы отъ поляковъ въ 1612 году и избраніе царя Михаила», Спб.; второе изданіе: Спб., 1876 г., 54 стр. Третье изданіе: Спб., 1884 г., 36 стр.

1867 г. «О драматической хроникѣ Островскаго: Димитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій» (Голосъ, № 89).

«Письмо» (Славянск. Заря, изд. Ливчака, № 1, отъ перваго іюля).

«Заявленіе по поводу слуховъ объ участіи въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ» (С.-Петерб. Вѣд., № 205).

«Объясненіе по поводу Смутнаго времени Московскаго государства» (Голосъ, № 263).

---

[1]) Въ первомъ томѣ напечатаны слѣдующіе труды: «Мысли о федеративномъ началѣ древней Руси», «Двѣ русскія народности», «Черты народной южно-русской исторіи», «Мистическая повѣсть о Нифонтѣ», «Легенда о кровосмѣсителѣ», «О значеніи Великаго Новгорода», «Великорусскіе религіозные вольнодумцы въ XVI вѣкѣ», «Иванъ Сусанинъ» и «Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостнаго права?» Во второмъ томѣ помѣщены только два труда: «Иванъ Свирговскій» и «Гетманство Выговскаго».

«Дѣло о дьячкѣ Василіи Ефимовѣ, казненномъ въ Новгородѣ сожженіемъ за ложное чудо въ 1721 году» (Русск. Арх., кн. 12).
«Историческія монографіи и изслѣдованія», Спб., томъ третій [1]).
1868 г. «Патріархъ Фотій и первое раздѣленіе церквей» (Вѣстн. Евр., кн. 1—2).
«Гетманство Юрія Хмѣльницкаго» (кн. 4—5).
«Историческія монографіи и изслѣдованія», Спб., томъ четвертый, пятый, шестой, седьмой и восьмой [2]). Томы четвертый, пятый и шестой снова изданы въ 1883—1884 гг.
Отдѣльно: Спб., 1870 г.
«Воспоминанія о молоканахъ» (Отечественн. Зап., кн. 3).
1870 г. «Южная Русь и казачество до возстанія Богдана Хмѣльницкаго» (Отечественн. Зап., кн. 1—2).
«Костюшко и революція 1794 года» (Вѣстн. Евр., кн. 1—3).
«Церковно-историческая критика въ XVII вѣкѣ» (кн. 4).
«Лекція о Словѣ о полку Игоревѣ» (Голосъ, № 117).
«Начало единодержавія въ древней Руси» (Вѣстн. Евр., кн. 11—12).
«Представленіе Бориса Годунова на сценѣ Маріинскаго театра» (Голосъ, № 259).
«Отзывъ о книгѣ И. Хрущова: Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина» (Двѣнадцатое присужденіе Уваровскихъ наградъ, Спб.).
«Историческія монографіи и изслѣдованія», Спб., томъ девятый, десятый и одиннадцатый [3]). Эти три тома вновь перепечатаны въ 1884 году.
1871 г. «Возраженіе г. Карпову на его рецензію о Богданѣ Хмѣльницкомъ» (Бесѣда, кн. 1).
«Исторія раскола у раскольниковъ» (Вѣстн. Евр., кн. 4).
«Личности Смутнаго времени — Скопинъ, Пожарскій, Мининъ и Сусанинъ» (кн. 6).
«Личность царя Ивана Васильевича Грознаго» (кн. 10).
1872 г. «Отвѣтъ на бранное посланіе Погодина» (Вѣстн. Евр., кн. 2).
«Историческое значеніе южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества» (Бесѣда, кн. 4—6, 8, 10—12).
«Великорусская народная пѣсенная поэзія», по поводу книги: Русскія народныя пѣсни, собранныя В. Шейномъ (Вѣстн. Евр., кн. 6).
«Кто виноватъ въ Смутномъ времени?» (кн. 9).
«Переписка турецкаго султана съ запорожцами» (Русск. Стар., кн. 10 и 12).
«Историческія монографіи и изслѣдованія», Спб., томъ двѣнадцатый [4]).

---

[1]) Третій томъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи: «Куликовская битва», «Ливонская война», «Южная Русь въ концѣ XVI вѣка», «Изслѣдованіе о литовскомъ племени» и «Объ отношеніи русской исторіи къ географіи и этнографіи».
[2]) Въ IV, V и VI томахъ помѣщена монографія: «Смутное время Московскаго государства въ началѣ XVII столѣтія», а въ VII и VIII «Исторія Новгорода, Пскова и Вятки во время удѣльно-вѣчеваго уклада».
1869 г. «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой, 1787—1795 г.» (Вѣстн. Евр., кн. 2—12).
[3]) Въ этихъ трехъ томахъ напечатано изслѣдованіе: «Богданъ Хмѣльницкій».
[4]) Въ этомъ томѣ перепечатаны слѣдующія статьи: «Начало единодержавія въ древней Руси», «Гетманство Юрія Хмѣльницкаго», «Церковно-историческая критика въ XVII вѣкѣ», «Исторія раскола у раскольниковъ» и «Воспоминанія о молоканахъ».

1873 г. «Преданія первоначальной русской лѣтописи» (Вѣстн. Евр., кн. 1—3).

«Князь Михаилъ Андреевичъ Оболенскій» (Русск. Арх., кн. 4). Отдѣльный оттискъ: М., 1873 г., 40 стр.

«О слѣдственномъ дѣлѣ по поводу убіенія царевича Димитрія» (Вѣстн. Евр., кн. 9).

«Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей», Спб., пять выпусковъ (1873—1876 г.). Второе изданіе тѣхъ же пяти выпусковъ: Спб., 1879—1881 гг.

1874 г. «Отвѣтъ на новыя бранныя посланія г. Погодина» (Вѣстн. Евр., кн. 1).

«Письмо къ редактору» (Голосъ, № 93). Въ этомъ письмѣ Костомаровъ исправлялъ ошибки, допущенныя въ его біографіи г. Гатцукомъ.

«Петръ Могила предъ судомъ изслѣдователей нашего времени», по поводу статей г. Голубева въ Православномъ Обозрѣніи (Вѣстн. Евр., кн. 5).

«Историческая поэзія и новые ея матеріалы», по поводу изданія: Историческія пѣсни малорусскаго народа съ объясненіями В. Антоновича и М. Драгоманова (Вѣстн. Евр., кн. 12). Въ этомъ же году, подъ наблюденіемъ Н. И. Костомарова, вышелъ въ свѣтъ **пятый томъ** «Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ Западно-Русскій край, снаряженной имп. русскимъ географическимъ Обществомъ».

1875 г. «Царевичъ Алексѣй Петровичъ», по поводу картины Ге (Древн. и Нов. Россія, кн. 1—2).

«Кудеяръ», историческая хроника въ трехъ книгахъ (Вѣстн. Евр., кн. 4—6). Отдѣльно: Спб., 1882 г., 444 стр.

«Мое украйнофильство въ Кудеярѣ» (Кіевск. Телеграфъ, № 85; Новости, № 200).

«Збірнікъ творивъ Іеремія Галка», Одесса. Въ этомъ году были изданы «Картины изъ русской исторіи отъ начала Руси» (Спб.), текстъ которыхъ **просмотрѣнъ** Н. И. Костомаровымъ.

1876 г. «Лжедимитрій первый, по поводу современнаго его портрета 1606 года» (Русск. Стар., кн. 1).

«Павелъ Полуботокъ, историческій очеркъ» (кн. 3).

«Моя русская исторія предъ судомъ критика въ Русскомъ Вѣстникѣ» (Вѣстн. Евр., кн. 9).

«Православіе въ современномъ восточномъ вопросѣ» (Газета Гатцука, № 48—50).

«Бумаги князя Репнина за время управленія его Литвою» (Сборникъ русск. историческ. Общества, т. 16).

1877 г. «Русская историческая литература въ 1876 году — труды Иловайскаго, Забѣлина и Гедеонова» (Русск. Стар., кн. 1).

«О сочиненіяхъ М. А. Максимовича» (Сѣверн. Вѣстн., № 25).

«Екатерина Алексѣевна, первая русская императрица» (Древн. и Нов. Россія, кн. 2).

«Русская литература по отдѣлу этнографіи въ 1876 году» (Русск. Стар., кн. 5).

«Введеніе» къ сочиненію Стрекалова: «Русскія историческія одежды», Спб. Въ томъ же году, подъ наблюденіемъ Н. И. Костомарова, изданъ **четвертый томъ** «Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ Западно-Русскій край, снаряженной имп. русскимъ географическимъ Обществомъ».

1878 г. «Самодержавный отрокъ — Петръ II» (Древн. и Нов. Россія, кн. 1).

«Холопъ, эпизодъ изъ историческо-бытовой русской жизни первой половины XVIII столѣтія» (Новое Время, № 662, 664, 669, 673 и 676).

«О казакахъ», по поводу статьи Кулиша (Русск. Стар., кн. 3).

«Аѳанасій Филипповичъ, борецъ за православную вѣру въ Западной Руси» (Газета Гатцука, № 46—50).

«Богданъ Хмѣльницкій — данникъ Оттоманской Порты» (Вѣстн. Евр., кн. 12).

1879 г. «Луи Петровичъ» (Древн. и Нов. Россія, кн. 2).

«Руина, историческая монографія изъ жизни Малороссіи, 1663—1687 годовъ» (Вѣстн. Евр., кн. 4—6, 8—9). Окончаніе этого труда было напечатано въ 1880 году (кн. 7—9).

«Замѣчаніе о книгѣ Д. Хвольсона: Употребляютъ ли евреи христіанскую кровь?» (Новое Время, № 1172).

1880 г. «Самозванецъ лжецаревичъ Симеонъ, историческій разсказъ» (Историч. Вѣстн., кн. 1).

«Великій Новгородъ», по поводу книги А. Никитскаго: «Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ» (Русск. Стар., кн. 1).

«Исторія казачества въ памятникахъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества» (Русск. Мысль, кн. 1—2, 5—6 и 8).

«Тарасъ Григорьевичъ Шевченко» (Русск. Стар., кн. 3).

«Рецензія книги В. Антоновича: Очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго» (Историч. Вѣстн., кн. 5).

«Приключенія по смерти, разсказъ одного слобожанина» (Газета Гатцука, № 41).

«Вольная, разсказъ врача» (№ 42—43). Оба названные разсказа Н. И. Костомаровъ помѣстилъ подъ псевдонимомъ: «И. Богучаровъ».

«Разборъ книги Д. Корсакова: Воцареніе императрицы Анны Іоанновны» (Вѣстн. Евр., кн. 11).

«Историческія монографіи и изслѣдованія», Спб., томъ тринадцатый и четырнадцатый [1]).

1881 г. «Малорусское слово» (Вѣстн. Евр., кн. 1).

«Черниговка, быль второй половины XVII вѣка» (Историч. Вѣстн., кн. 1—2). Отдѣльно: Спб., 1881 г.

«Украйнофильство» (Русск. Стар., кн. 2).

«Замѣтка о Сборникѣ московск. главн. архива мин. иностранн. дѣлъ» (Историч. Вѣстн., кн. 2).

«По вопросу о малорусскомъ словѣ» (Вѣстн. Евр., кн. 3).

«Еще по поводу малорусскаго слова» (кн. 4).

---

[1]) Въ тринадцатомъ томѣ содержатся слѣдующіе труды: «Преданія первоначальной русской лѣтописи», «Личность царя Ивана Васильевича Грознаго», «О слѣдственномъ дѣлѣ по поводу убіенія царевича Димитрія», «Личности Смутнаго времени», «Кто виноватъ въ Смутномъ времени?» и «Великорусская народная пѣсенная поэзія», а въ четырнадцатомъ: «Аѳанасій Филипповичъ», «Петръ Могила передъ судомъ изслѣдователей нашего времени», «Богданъ Хмѣльницкій — данникъ Оттоманской порты», «О казакахъ», «Павелъ Полуботокъ», «Царевичъ Алексѣй Петровичъ», «Императрица Екатерина Первая» и «Самодержавный отрокъ».

«Изъ поѣздки въ Батуринъ въ 1878 году» (Порядокъ, № 124).

«Объясненіе по поводу археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ» (Вѣстн. Евр., кн. 12).

«Сорокъ лѣтъ, малороссійская легенда», М., 94 стр. (Приложеніе къ «Газетѣ Гатцука» на 1881 годъ).

1882 г. «Мазепа, монографія» (Русск. Мысль, кн. 1—4, 6, 8—12). Отдѣльное изданіе: М., 1883 г., 446 стр.

«Казачья Дуброва, иначе Казачья Слобода, или Казачье», очеркъ (Русск. Стар., кн. 1).

«Задачи украйнофильства», по поводу малорусскаго сборника: «Луна» (Вѣстн. Евр., кн. 2).

«По поводу статьи г. Де-Пуле въ Русскомъ Вѣстникѣ объ украйнофильствѣ» (кн. 5).

«Рецензія Сборника московск. главнаго архива мин. иностранн. дѣлъ» (Историч. Вѣстн., кн. 5).

«Поѣздка въ Бѣлую Церковь» (Кіевск. Стар., кн. 5).

«Крашанка г. Кулиша, письмо въ редакцію» (Вѣстн. Евр., кн. 8).

«Матеріалы для исторіи Колiивщины, или рѣзни 1768 года» (Кіевск. Стар., кн. 8).

«Относится ли пѣсня о взятіи Азова къ событіямъ XI вѣка» (Тамъ же).

«Историческія монографіи и изслѣдованія», Спб., томъ пятнадцатый[1]).

1883 г. «Бытовые очерки изъ русской исторіи XVIII вѣка: Московскія торговки и Царскій родичъ» (Историч. Вѣстн., кн. 1).

«Жидотрепаніе въ началѣ XVIII вѣка» (Кіевск. Стар., кн. 1—3).

«П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность» (кн. 2).

«Бытовой очеркъ изъ русской исторіи XVIII вѣка: Черви» (Историч. Вѣстн., кн. 3).

«Словечко по поводу замѣчанія о федеративномъ началѣ въ древней Руси» (Кіевск. Стар., кн. 4).

«Историческій памятникъ въ Переяславлѣ», (Русск. Стар., кн. 6).

«Разборъ малорусской драмы І. Старицкаго: Не судилось» (Кіевск. Стар., кн. 9—10).

«Холуй», эпизодъ изъ историческо-бытовой русской жизни первой половины XVIII вѣка (Газета Гатцука, № 50—51).

1884 г. «Ксенія Борисовна Годунова», по поводу картины художника Неврева (Историч. Вѣстн., кн. 1).

«Мазепинцы» (Русск. Мысль, кн. 2—7).

«Фельдмаршалъ Минихъ и его значеніе въ русской исторіи» (Вѣстн. Евр., кн. 8 и 9).

«Эллины Тавриды, историческая драма въ 5 дѣйствіяхъ», Спб., 149 стр.

1885 г. «Марина Мнишекъ», по поводу картины художника Рябушкина (Историч. Вѣстн., кн. 1).

«Объ исторіи Россіи г. Иловайскаго» (Новь, кн. 5).

«Императрица Анна Ивановна и ея царствованіе», историческая монографія (кн. 10—12).

---

[1]) Въ этомъ томѣ помѣщена историческая монографія «Руина».

«По поводу книги М. О. Кояловича: Исторія русскаго самосознанія» (Вѣстн. Евр., кн. 4).

«Историческія монографіи и изслѣдованія», Спб., томъ шестнадцатый [1]).

Заканчивая свой библіографическій обзоръ, мы должны прибавить, что лишь немногіе труды Н. И. Костомарова переведены на другіе языки. Указанія на эти малочисленные переводы уже сдѣлалъ г. Межовъ въ своемъ «Систематическомъ каталогѣ».

Димитрій Языковъ.

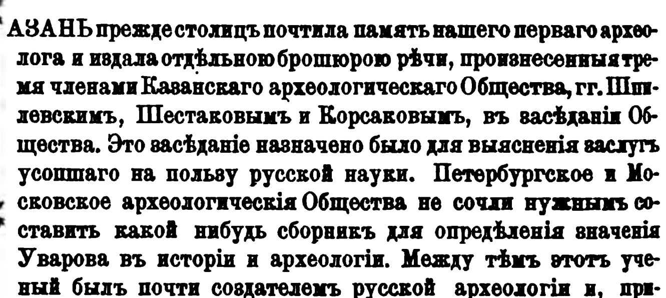

[1]) Этотъ томъ содержитъ двѣ монографіи: «Мазепа» и «Мазепинцы».

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Памяти графа Алексѣя Сергѣевича Уварова. Казань. 1885.

КАЗАНЬ прежде столицъ почтила память нашего перваго археолога и издала отдѣльною брошюрою рѣчи, произнесенныя тремя членами Казанскаго археологическаго Общества, гг. Шпилевскимъ, Шестаковымъ и Корсаковымъ, въ засѣданіи Общества. Это засѣданіе назначено было для выясненія заслугъ усопшаго на пользу русской науки. Петербургское и Московское археологическія Общества не сочли нужнымъ составить какой нибудь сборникъ для опредѣленія значенія Уварова въ исторіи и археологіи. Между тѣмъ этотъ ученый былъ почти создателемъ русской археологіи и, принадлежа къ членамъ-учредителямъ археологическаго Общества, основаннаго въ 1846 году въ Петербургѣ, посвятилъ всю жизнь этой наукѣ, оставивъ для нея служебную карьеру, жертвуя значительныя суммы для основанія и поддержанія разнаго рода научныхъ учрежденій. Г. Шпилевскій обрисовалъ въ своей рѣчи картину неутомимыхъ и благотворныхъ трудовъ этого аристократа, предпочитавшаго почестямъ и богатству скромныя и непрерывныя занятія на поприщѣ науки. Не всѣ предпріятія его пришли къ желанному окончанію: такъ не осуществилось предположенное имъ изданіе археологическаго словаря и рукописей его архива; онъ долженъ былъ оставить Петербургское Общество, но за то основалъ такое же Московское, устроивъ на свой счетъ все его первоначальное обзаведеніе, выхлопотавъ для него и денежныя пособія, и домъ для помѣщенія. Онъ учредилъ также преміи за лучшія сочиненія по русской исторіи и драмѣ (драматическія сочиненія впослѣдствіи исключены изъ конкурса) и основалъ археологическіе съѣзды, принесшіе значительную пользу научнымъ изслѣдованіямъ. Самъ онъ, двадцать лѣтъ предсѣдательствуя въ Московскомъ Обществѣ, сдѣлалъ въ немъ болѣе

70-ти важныхъ ученыхъ сообщеній, не считая статей его въ періодическихъ изданіяхъ и такихъ капитальныхъ трудовъ, какъ «Меряне по курганнымъ раскопкамъ» или «Каменный вѣкъ въ Россіи». Вся эта дѣятельность, заслуживающая глубокаго уваженія, обстоятельно обрисована г. Шпилевскимъ. Конечно, имѣя 16,000 душъ въ эпоху крѣпостнаго состоянія, было не такъ трудно удѣлить для науки частицу доходовъ, доставляемыхъ крестьянами, но многіе ли изъ нашихъ помѣщиковъ слѣдовали примѣру Уварова, не говоря уже о томъ, что самъ онъ, кромѣ своихъ доходовъ, отдавалъ всего себя труду и наукѣ. Объ этомъ самоотверженіи говорилъ въ своей рѣчи и г. Шестаковъ, напрасно только вздумавшій восхвалять гимназіи отца Алексѣя Сергѣевича, для того, чтобы подкадить другимъ лицамъ. Графъ-археологъ могъ и «глубоко скорбѣть о томъ, что насажденная его отцомъ система образованія была расшатана и подорвана», но если и сообщилъ объ этой скорби г. Шестакову, то говорить о ней, какъ не имѣющей никакого отношенія къ заслугамъ Уварова, было совершенно не зачѣмъ. Гораздо проще и серьезнѣе третья рѣчь сборника, принадлежащая Д. А. Корсакову. Онъ сообщаетъ, между прочимъ, любопытныя свѣдѣнія объ участіи графини Уваровой въ трудахъ своего мужа и заботахъ его о народномъ образованіи, которое онъ думалъ поручить женщинамъ и сдѣлать обязательнымъ. Г. Корсаковъ напрасно только не хочетъ согласиться съ широкимъ пониманіемъ Уваровымъ задачъ археологіи, которая обнимаетъ «весь древній бытъ человѣка, всѣ памятники его жизни, какого бы рода они ни были». Конечно, такое опредѣленіе этой науки гораздо правильнѣе, чѣмъ изслѣдованіе однихъ горшковъ да монетъ. Можно вполнѣ согласиться съ г. Корсаковымъ, что «значеніе Уварова для русской археологіи больше, чѣмъ значеніе Карамзина для политической исторіи Россіи».

В. З.

Изъ исторіи брачныхъ дѣлъ въ царской семьѣ московскаго періода. Дм. Цвѣтаева. М. 1884.

Небольшая книжка г. Цвѣтаева посвящена очень любопытному вопросу: она заключаетъ въ себѣ разсказъ о попыткахъ русскихъ государей XVI и XVII вѣковъ породниться съ иноземными царственными домами. Случаевъ такихъ было, вообще говоря, немного, и только одна изъ этихъ попытокъ увѣнчалась успѣхомъ; именно въ 1573 году состоялся бракъ дочери князя Владиміра Андреевича Старицкаго, двоюродной племянницы Ивана Грознаго, Марьи Владиміровны, съ датскимъ принцемъ Магнусомъ. Но попытки, всетаки, возобновлялись не одинъ разъ: еще въ ранней юности Иванъ IV задумывалъ взять себѣ жену изъ чужой земли, но отказался отъ этого намѣренія по совѣту митрополита; на старости онъ, однако, возвратился къ той же мысли и искалъ себѣ жены между родственницами англійской королевы Елисаветы. Борисъ Годуновъ собирался выдать свою дочь за шведскаго или датскаго принца, и бракъ Ксеніи съ Іоанномъ Датскимъ, вѣроятно, состоялся бы, если бы принцъ этотъ, уже пріѣхавшій въ Москву, не умеръ здѣсь до свадьбы. Позже, царь Михаилъ Ѳедоровичъ искалъ себѣ невѣсты въ Шлезвигъ-Гольштинскомъ герцогскомъ домѣ и въ семьѣ курфюрста Бранденбургскаго. Обѣ эти попытки кончились неудачей, и первый бракъ представителя

русскаго царскаго дома съ иностранною принцессой былъ заключенъ уже въ XVIII вѣкѣ.

Причина неуспѣшности всѣхъ этихъ попытокъ вполнѣ понятна: нерасположеніе, недовѣріе между русскими людьми, одинаково сильное съ обѣихъ сторонъ и коренившееся прежде всего въ вѣроисповѣдномъ различіи, служило тому неодолимымъ, рѣшительнымъ препятствіемъ, выше котораго съумѣла стать только энергія и беззастѣнчивая политическая разсчетливость Грознаго царя.

Но всѣ эти попытки, починъ которыхъ шелъ съ русской стороны, очень замѣчательны. Онѣ стоятъ въ связи съ развитіемъ самой царской идеи. Если Иванъ Грозный, считавшій себя потомкомъ кесаря Августа, не выразилъ ея ясно въ своихъ переговорахъ о брачномъ союзѣ съ англійскою принцессой, то несомнѣнно, мысль эта видна въ поискахъ жениха для Ксеніи Годуновой, и въ особенности въ поискахъ иноземной невѣсты для царя Михаила. Патріархъ Филаретъ Никитичъ какъ ни мало былъ расположенъ къ иноземцамъ, однако, намѣревался женить своего сына на какой нибудь иностранной принцессѣ, именно, какъ замѣчаетъ г. Цвѣтаевъ, «въ интересахъ поднятія значенія своего рода», возвысившагося до царскаго престола. Но осуществленіе этого стремленія сдѣлалось возможнымъ только тогда, когда съ преслѣдованіемъ династическаго интереса соединялось и откровенное обращеніе къ западно-европейской цивилизаціи, причемъ пришлось пожертвовать требованіями національной исключительности.

Таковъ историческій смыслъ тѣхъ событій, которыя разсказываетъ г. Цвѣтаевъ въ своей книжкѣ. Она составлена очень обстоятельно, изложена занимательно и читается съ интересомъ.

Судя по всѣмъ до сихъ поръ напечатаннымъ работамъ г. Цвѣтаева, онъ избралъ предметомъ своего спеціальнаго изученія московскій періодъ, и въ немъ преимущественно разные виды отношеній русскихъ къ иноземцамъ и иновѣрцамъ. Выборъ счастливый, и нельзя не пожелать трудолюбивому изслѣдователю полнаго успѣха въ этой области, до сихъ поръ мало у насъ изученной.

Л. Ст.

Сборникъ императорскаго русскаго историческаго Общества. Томъ сорокъ пятый. Спб., 1885.

Настоящій томъ «Сборника», подобно первому, пятому, шестому и двадцать восьмому томамъ этого изданія, посвященъ финансовымъ документамъ русскаго правительства. Въ первомъ томѣ помѣщены были два доклада Екатеринѣ Великой по дефициту 1783 года и по бюджету 1794 года; въ пятомъ и шестомъ томахъ извлеченія изъ вѣдомостей о государственныхъ доходахъ и расходахъ за 1763 — 1773 гг., свѣдѣнія о государственныхъ доходахъ изъ окладныхъ книгъ 1769, 1773, 1776 и 1778 гг. и генеральныя табели о приходахъ, расходахъ и остаткахъ за 1781—1796 гг. Въ двадцать восьмомъ томѣ, исключительно посвященномъ финансовымъ документамъ царствованія Екатерины II, собраны были подробныя данныя о расходахъ его, особенно же о чрезвычайныхъ издержкахъ. Въ сорокъ пятомъ томѣ, изданномъ подъ редакціею А. Н. Куломзина, доставившемъ вышеупомянутые финансовые матеріалы, сообщены вполнѣ государственныя росписи доходовъ и расхо-

довъ за 1797—1825 гг., а равно и отчеты объ ихъ исполненіи за 1796 г. и за время съ 1801 по 1825 годъ. Матеріалы, собранные въ сорокъ пятомъ томѣ, пополняютъ собою пробѣлы, существовавшіе въ свѣдѣніяхъ о доходахъ и расходахъ имперіи за послѣдніе годы прошлаго столѣтія и за первыя двадцать пять лѣтъ нынѣшняго столѣтія.

Сверхъ того, въ сорокъ пятомъ томѣ «Сборника императорскаго русскаго историческаго Общества» впервыя вполнѣ обнародованъ «планъ финансовъ» М. М. Сперанскаго, выработанный имъ, въ эпоху его почти исключительнаго завѣдыванія внутренними дѣлами имперіи, по случаю крайне затруднительнаго положенія ея финансовъ при наступленіи 1810 года. Въ изданіи «Архива государственнаго совѣта» Н. В. Калачова напечатаны только журналы государственнаго совѣта, содержащіе въ себѣ обсужденіе упомянутаго плана финансовъ Сперанскаго, который былъ представленъ въ совѣтъ на обсужденіе. Въ трудѣ И. С. Вліоха «Финансы Россіи XIX столѣтія» помѣщены только нѣкоторыя извлеченія изъ плана Сперанскаго.

Между тѣмъ этотъ финансовый проектъ государственнаго человѣка, имѣвшій цѣлію устранить денежныя затрудненія Россіи, во многихъ своихъ подробностяхъ можетъ быть вполнѣ примѣненъ къ настоящей эпохѣ, хотя и составленъ за 75 лѣтъ предъ симъ. Сперанскій начинаетъ свой планъ слѣдующею фразою: «Всякое государство, коего расходы ежегодно возростаютъ, а приходы уменьшаются, ввергается по необходимости въ долги». Далѣе онъ въ своемъ введеніи говоритъ, что «дороговизна вещей должна возростать со всею быстротою и народнымъ отягощеніемъ, ибо всякій заемъ безъ вѣрнаго платежа есть не что другое, какъ прибавка къ цѣнамъ на вещи. Никакихъ контрактовъ, ни частныхъ, ни казенныхъ, кромѣ виннаго откупа, сдѣлать будетъ невозможно, ибо никто не можетъ исчислить, чего будетъ стоить рубль чрезъ два мѣсяца. Правительству не будетъ никакого способа исчислить своихъ расходовъ. И теперь уже не можетъ оно съ основаніемъ сказать, чего какая потребность будетъ ему стоить. Самыя смѣты министровъ на 1810 годъ не имѣютъ никакой достовѣрности. Въ нихъ изъясняется цѣна вещей, полагая рубль, по примѣру прошедшаго года, въ 250 коп., но между тѣмъ, покуда смѣты сіи составлялись, рубль нѣсколько разъ перемѣнялся и возвышался уже до 280 коп... Когда сей несчастный кругъ, въ коемъ цѣны возвышаются отъ новыхъ долговъ, а новые долги дѣлаются необходимы отъ возвышенія цѣнъ, разъ заведется, то выйдти изъ него будетъ почти невозможно, если въ срединѣ или при концѣ его обращенія правительство его не остановитъ. Но остановить его нельзя безъ сильныхъ мѣръ и безъ важныхъ пожертвованій».

«Всѣ планы финансовъ,—какъ совершенно вѣрно писалъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія Сперанскій,—въ коихъ предлагаемы будутъ способы легкіе, не предполагающіе никакой умѣренности въ расходахъ, никакого прикосновенія къ личнымъ уваженіямъ, суть явный обманъ, влекущій государство въ погибель. Тотъ, кто рѣшится предлагать или защищать таковые планы, обличитъ только свое неразуміе или своекорыстіе. Общее правило во всѣхъ дѣлахъ государственныхъ: всѣ великія предпріятія совершаются трудомъ, твердостію и терпѣніемъ».

Сильныя мѣры, предложенныя Сперанскимъ въ своемъ планѣ финансовъ, состояли: 1) въ пресѣченіи выпуска ассигнацій; 2) въ сокращеніи расходовъ; 3) въ установленіи лучшаго контроля надъ государственными расхо-

дами и 4) въ новыхъ налогахъ. Планъ заключалъ въ себѣ 238 статей въ двухъ частяхъ, изъ которыхъ первая касалась устройства финансовъ на 1810 годъ, а вторая—устройства ихъ съ 1810 года на будущее время и раздѣлялась на четыре отдѣленія: 1) расходы, 2) приходы, 3) систему монетную и кредитную и 4) управленіе.

Во второй части своего финансоваго плана Сперанскій указывалъ, что расходы должны быть учреждаемы по приходамъ, и что, поэтому, никакой новый расходъ не можетъ быть назначаемъ ранѣе пріисканія для него соразмѣрнаго ему источника прихода. Онъ убѣждалъ, что «ассигнаціи есть бумаги, основанныя на предположеніяхъ. Не имѣя никакой собственной достовѣрности, онѣ суть не что другое, какъ сокрытые долги». Сперанскій уже тогда выводилъ общимъ правиломъ, что «внѣшній курсъ можетъ быть слѣдствіемъ внутренняго, но никогда не можетъ быть его причиною», и приводилъ въ примѣръ, какъ въ Швеціи рѣшено было возвысить ассигнаціи поддержкою биржеваго курса, для чего не пожалѣли сороколѣтнихъ трудовъ, учредили въ разныхъ мѣстахъ семь купеческихъ конторъ, истратили на поддержку курса до 36 милл. талеровъ и, всетаки, не достигли предположенной цѣли. Говоря о способѣ погашенія ассигнацій, Сперанскій замѣчаетъ, что однимъ изъ такихъ средствъ оказывается отказъ отъ платежей по нимъ или банкротство государственное, которое достигается или формальнымъ отказомъ, или безмѣрнымъ выпускомъ бумагъ, до того усиленнымъ, что онѣ сами собою утрачиваютъ всякую цѣну и теряютъ способность обращенія въ народѣ. По его словамъ, «неумѣренный и ежегодный выпускъ ассигнацій безъ постоянной уплаты есть уже само по себѣ начало банкротства».

Финансовый планъ Сперанскаго былъ переданъ императоромъ Александромъ Павловичемъ въ государственный совѣтъ, въ самый день его образованія. Государственный совѣтъ одобрилъ его значительнымъ большинствомъ и затѣмъ, 2-го февраля 1810 года, изданъ былъ высочайшій манифестъ о мѣрахъ, которыми правительство намѣревалось привести государственные финансы въ надлежащій порядокъ. Въ этомъ манифестѣ было сказано, «что всѣ государственныя банковыя ассигнаціи, нынѣ обращающіяся, признаются такъ, какъ и всегда онѣ были признаваемы, дѣйствительнымъ государственнымъ долгомъ, обезпеченнымъ на всѣхъ богатствахъ имперіи». Но баронъ М. А. Корфъ, въ своемъ трудѣ «Жизнь графа Сперанскаго», говоритъ, что «это правило прежде никогда и не было оглашено у насъ правиломъ «законнымъ» и никогда не разумѣлось такъ и на практикѣ». Такимъ образомъ Сперанскій первый далъ настоящее понятіе и значеніе бумажнымъ деньгамъ въ Россіи, которыя и были приняты правительствомъ.

Всѣ части финансоваго плана Сперанскаго были примѣнены на дѣлѣ, но положеніе государственнаго казначейства оказалось до того затруднительнымъ, — дефицитъ на 1810 годъ дошелъ до 100 милл. руб. ассигн., — что предположенное прекращеніе выпусковъ ассигнацій надобно было отложить на 1811 годъ и въ 1810 году выпущено было для покрытія прямыхъ расходовъ ассигнацій на 46.172,000 р. И послѣдующія финансовыя операціи по плану Сперанскаго удались только отчасти. Такъ, продажа государственныхъ имуществъ совершена была только въ незначительномъ размѣрѣ и не удовлетворила нуждамъ казначейства, между тѣмъ какъ внутренній заемъ былъ реализированъ довольно хорошо. Сперанскій приписалъ эти неудачи слабымъ средствамъ управленія и отсутствію вѣрныхъ свѣдѣній о государственномъ хозяйствѣ.

Въ исторіи русскихъ финансовъ реформы графа Сперанскаго имѣютъ особенное, важное значеніе. Съ его времени началось болѣе правильное счетоводство; имъ были внесены въ финансовое вѣдомство твердыя начала отчетности и повѣрки. Поэтому и обнародованіе вполнѣ «плана финансовъ» Сперанскаго не должно пройдти незамѣченнымъ въ нашей литературѣ.

П. У.

„Дѣды", историческая повѣсть Всеволода Крестовскаго. Спб. 1885.

Ни одна эпоха русской исторіи, за исключеніемъ царствованія Іоанна Грознаго и времени самозванцевъ и междуцарствія, не дала столько канвы нашимъ романистамъ, какъ событія XVIII вѣка и въ особенности второй его половины. Если вышитыя по этой канвѣ работы не всегда отличаются оригинальностью рисунка и живостью красокъ, то это, можетъ быть, оттого, что одинъ уже этотъ фонъ самъ по себѣ представляетъ почти готовую картину и не вызываетъ изобрѣтательности со стороны художника. Какъ бы то ни было, но большинство нашихъ историческихъ романовъ, сюжетъ которыхъ относится къ прошлому столѣтію, страдаетъ отсутствіемъ изобрѣтенія со стороны автора и представляетъ какъ бы сводъ какой нибудь серіи мемуаровъ и другихъ историческихъ матеріаловъ. Не такова, печатавшаяся нѣсколько лѣтъ назадъ въ фельетонѣ одной изъ петербургскихъ газетъ и вышедшая теперь отдѣльнымъ изданіемъ, повѣсть В. В. Крестовскаго «Дѣды». Дѣйствіе ея относится также къ концу XVIII вѣка и пріурочено къ царствованію императора Павла I, съ первыхъ дней по восшествіи его на престолъ. Здѣсь въ основѣ лежатъ также историческія событія и выведены историческія лица, но съ этимъ тѣсно связана занимательная фабула, на которой и сосредоточенъ главный интересъ повѣсти. Если авторъ и вводитъ въ свой разсказъ извѣстные анекдотическіе случаи того времени, какъ, напримѣръ, приказъ гвардейскому полку двинуться съ парада въ Сибирь или пари по поводу поправки тупея на разводѣ, то это искусно внесено въ общій ходъ повѣсти и притомъ передано очень характерно и талантливо. Въ концѣ романа, въ нѣсколькихъ главахъ, подробно разсказанъ итальянскій походъ Суворова и его знаменитый переходъ черезъ Альпы, и, не смотря на нѣкоторую эпизодичность этой части сочиненія, она нисколько не вредитъ его стройности и читается съ неослабѣвающимъ интересомъ. Самъ по себѣ этотъ эпизодъ представляетъ страницу изъ нашей военной исторіи, написанную мастерски знатокомъ дѣла, и которую можно поставить на ряду съ севастопольскими разсказами графа Л. Н. Толстаго. Грандіозная фигура Суворова является здѣсь во всей реальной и поэтической правдѣ: въ изображеніи его авторъ остался одинаково чуждъ какъ реторическимъ преувеличеніямъ панегиристовъ, такъ и тѣмъ угловатостямъ, которыя у иныхъ считаются отличительными чертами нашего знаменитаго полководца. Точно также автору удалось прекрасно обрисовать и характерную личность императора Павла, что̀ во многихъ отношеніяхъ представляетъ весьма нелегкую задачу для романиста. Здѣсь эта задача удачно рѣшена какъ выборомъ историческихъ сценъ, такъ и самою ихъ постановкою. Что касается вообще изображенія характера общественнаго быта и нравовъ этой эпохи нашихъ «дѣдовъ»,

то авторъ переноситъ въ нее читателей цѣлымъ рядомъ разноообразныхъ картинъ. Время отъ кончины императрицы Екатерины до погребенія Суворова проходитъ передъ нами въ наиболѣе характерныхъ его особенностяхъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ нѣкоторымъ слоямъ тогдашняго общества. Вообще, «Дѣды», по занимательности содержанія и легкому, живому разсказу, принадлежатъ къ числу лучшихъ сочиненій Всеволода Крестовскаго.

А. М.

В. Потто. Кавказская война въ отдѣльныхъ сказкахъ, эпизодахъ, легендахъ и біографіяхъ. Томъ I. Отъ древнѣйшихъ временъ до Ермолова. Выпускъ I. Спб. 1885.

Авторъ этой книги задался благодарною цѣлью собрать воедино и расположить въ хронологическомъ порядкѣ все, что у насъ сохранилось писаннаго отъ временъ, когда русскіе витязи громили Византію и съ косоговъ брали дань, въ предположеніи, что такой сборникъ составитъ живую исторію покоренія Кавказа.

Въ вышедшемъ выпускѣ, гдѣ времена отъ битвы Святослава на Кубани до Іоанна III занимаютъ восемь строкъ разгонистаго шрифта, а до-петровскимъ легендамъ отведено десять страницъ, нѣкоторый интересъ представляетъ разсказъ о первомъ походѣ Петра въ Дербентъ, сказаніе о походѣ Бековича Черкаскаго въ Хиву, да легенда о Шейхъ-Мансурѣ, родоначальникѣ столь извѣстнаго впослѣдствіи мюридизма. Послѣднюю легенду можно рекомендовать русскимъ драматургамъ, для которыхъ она можетъ послужить хорошимъ матеріаломъ для оригинальной трагедіи. Интересны также сообщенія о мало извѣстныхъ дѣйствіяхъ генерала Генриха Тотлебена, прусскаго подданнаго, бравшаго во главѣ русскихъ войскъ Берлинъ, затѣмъ обвиненнаго въ измѣнѣ и въ концѣ концовъ чуть ли не мечтавшаго завладѣть Грузіей въ свою пользу.

По первому выпуску довольно трудно судить о томъ, что дастъ намъ все сочиненіе, но, всетаки, нельзя не замѣтить, что свѣдѣнія, доставляемыя книгою г. Потто, довольно поверхностны; указаній (спеціальныхъ) на источники, откуда взятъ тотъ или другой фактъ,—нѣтъ, и картины, рисуемыя авторомъ, довольно-таки блѣдноваты, хотя и не лишены претензій. Критика фактовъ не относится къ ихъ достовѣрности или отсутствуетъ вовсе, или ограничивается простыми отрицаніями невѣдомо почему, или утвержденіями, также ничѣмъ не обусловленными. Въ слѣдующихъ выпускахъ всего этого легко будетъ избѣгнуть, когда того пожелаетъ составитель, потому что, если «древнѣйшія времена» не изобилуютъ источниками, то въ «новѣйшихъ», вѣроятно, придется разбираться въ источникахъ съ трудомъ, по причинѣ ихъ многочисленности. Тутъ безъ критической оцѣнки источниковъ нельзя будетъ сдѣлать ничего путнаго, ничего, что бы имѣло хотя сколько нибудь самостоятельное научное значеніе.

Для легкаго же чтенія книга г. Потто недурна и такъ. Издана она довольно изящно, напечатана крупнымъ шрифтомъ, съ типографскими украшеніями, заглавными буквами и заставками, на хорошей бумагѣ.

П.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Военныя и руссофобскія статьи англійскихъ журналовъ. — Взгляды русскаго князя и дяди египетскаго хедива. — Проекты завоеванія Индіи. — Путешествіе по Россіи.—Европейскія женщины XV вѣка. — Радикальная партія въ англійскомъ парламентѣ.—Трансваальская война.—Англичанинъ о тонкинской кампаніи. — Таинственная исторія въ семьѣ англійскаго короля. — Голландскій купецъ XVII вѣка.—Записки романиста-шпіона.—Воспоминанія роялиста.—Итальянскій пророкъ 1876 года. — Периклъ какъ полководецъ. — Переписка Мицкевича.

ОССІЯ и война продолжаютъ все еще служить темами главныхъ статей англійскихъ ежемѣсячныхъ журналовъ. Такъ въ майской книжки «The Nineteenth Century» пять статей относятся къ злобѣ дня. Двѣ изъ нихъ чисто военныя и написаны генералами англійской службы. Въ одной изъ нихъ разсматривается, что такое наша система пѣхотной тактики (Our system of infantry tactics-what is-it?). Генералъ Мак-Дугалль спрашиваетъ: таковы ли условія современной тактики въ англійской пѣхотѣ, чтобы они могли внушить увѣренность начальникамъ отрядовъ—и отвѣчаетъ прямо и откровенно: нѣтъ! Въ послѣднія 13 лѣтъ, англичане, по словамъ генерала, дѣлали испытанія на маневрахъ разнымъ построеніямъ для атаки — но не остановились ни на одномъ. Разсыпной строй, котораго держались нѣмцы въ послѣднюю войну, не нравится англичанамъ. Въ Суданѣ они ходили въ атаку, построившись въ каре, что также не повело къ рѣшительнымъ послѣдствіямъ. Развернутый строй также не признается достигающимъ цѣли, и такимъ образомъ авторъ не даетъ положительнаго отвѣта на вопросъ, въ чемъ же должна состоять лучшая система тактики. Статья другаго генерала «Оборона Индіи» (The great wall of India) доказываетъ весьма основательно, что Гератъ вовсе не ключъ Индіи, что проходить для защиты его 500 миль по странѣ, бѣдной запасами продовольствія, будетъ нелегко для англійской арміи и что

лучше всего Индію защищать на границахъ самой Индіи. Въ этихъ границахъ Англія можетъ нисколько не бояться нападенія Россіи. Въ третьей статьѣ «Почему я оставилъ Россію» (Why I left Russia) г. Исидоръ Гольдсмитъ разсказываетъ исторію очень печальную, но которая должна быть удостовѣрена свидѣтельствомъ и другихъ лицъ, а не одного автора. Статья «Наступающая война» (The comming war) заключаетъ въ себѣ научное доказательство того, что афганскій Туркестанъ составляетъ часть Урало-Каспійской области, что ханства Маймене, Хульмъ, Кундузъ, даже Бадахшанъ, Шугнанъ и Вахранъ принадлежатъ географически и этнографически къ племенамъ, населяющимъ бассейнъ Аму-Дарьи, и что какія бы между этими странами ни проводили границы, онѣ будутъ только временными, такъ какъ настоящая граница русскаго Туркестана, къ которому принадлежитъ и афганскій,—у подошвы Гиндукуша и Паропамиза. Россіи должна принадлежать плоская возвышенность Памира, колыбель арійцевъ, «крыша міра», какъ ее называютъ туземцы, откуда предки нынѣшнихъ европейцевъ сошли въ долины Алая и на озеро Кара-куль. Однажды вступивъ въ средне-азіатскую степь, русскіе неизбѣжно должны подвигаться впередъ, какъ англичане въ Суданѣ, подвигаться до границы степи индійскаго Кавказа — Гиндукуша, или вернуться назадъ, какъ вернулись англичане. Это мнѣніе авторъ-географъ, бывшій и въ Восточной Сибири, подкрѣпляетъ свидѣтельствомъ такой географической знаменитости, какъ Элизе Реклю, высказавшій то же убѣжденіе въ своей «Geographie universelle», въ отдѣлѣ «l'Asie russe». Причину нынѣшняго, да и будущаго столкновенія Россіи съ Англіей авторъ видитъ не въ личныхъ народныхъ антипатіяхъ: ни русскій крестьянинъ, ни англійскій рабочій не питаютъ другъ къ другу ни малѣйшей ненависти. Правители обѣихъ державъ расположены другъ къ другу. «Войны начинаются теперь не отъ капризовъ властителей, и республиканцы совершенно ошибочно полагаютъ, что съ уничтоженіемъ единоличной, неограниченной власти уничтожится война: она происходитъ теперь изъ-за открытія рынковъ». Англія нуждается въ сбытѣ своихъ произведеній: она не заботится о томъ, что болѣе 110,000 дѣтей, моложе 13 лѣтъ, работающихъ на ея ткацкихъ станкахъ, ходятъ оборванными, она, всетаки, везетъ свои ситцы и коленкоры къ китайцамъ, въ Африку, къ папуасамъ, патагонцамъ. «Производить для вывоза—послѣднее слово нашей псевдо-экономической науки»—и не слѣдуй правительство этому софизму, всѣ 300 человѣкъ англичанъ приходящіеся на каждую милю своей страны, и даже 497 бельгійцевъ, живущихъ на каждой милѣ Бельгіи, могли бы быть тепло одѣты и сыты. Страна, живущая только своими колоніями и вывозомъ своихъ произведеній, неминуемо придетъ къ упадку, какъ Испанія и Голландія. Гладстонъ, когда былъ въ опозиціи, первый поднялъ голосъ за освобожденіе герцеговинцевъ, босняковъ, болгаръ, но когда ихъ освободила Россія, старался всѣми силами помѣшать московскимъ фабрикантамъ снабжать своими мануфактурными товарами освобожденныхъ, а заботился только о сбытѣ имъ англійскихъ произведеній. Авторъ не видитъ пользы и въ покореніи средне-азіатскихъ дикарей и желалъ бы лучше, чтобы ихъ старшіе по цивилизаціи братья пришли къ нимъ не какъ завоеватели, а только съ цѣлью улучшенія ихъ быта. Освобожденіе невольниковъ, конечно, прекрасное дѣло, но недостаточно освободить раба, сказавъ ему: можешь идти куда хочешь. Куда же пойдетъ онъ, если ему ѣсть нечего? Какая ему польза въ томъ, что онъ перемѣнитъ одного господина на другаго? Вообще авторъ не

придаетъ большаго значенія благамъ цивилизаціи и спрашиваетъ: что же сдѣлала Англія въ Индіи для истиннаго прогресса, который измѣряется не длиною проведенныхъ рельсовъ и не количествомъ вывозимой пшеницы? Учрежденіе «земиндаровъ», этихъ скупщиковъ и эксплоататоровъ народнаго труда охуждается самими англичанами. У мильона бенгальцевъ нѣтъ даже горсти риса, достаточной имъ для вседневнаго пропитанія. Въ индійскомъ музеѣ, въ Лондонѣ, хранится множество рѣдкихъ вещей, привезенныхъ изъ-за океана, но каждая изъ этихъ вещей стоила человѣческой жизни. Статья оканчивается словами: «Прежде чѣмъ вводить цивилизацію въ Индію и центральную Азію, не лучше ли ввести ее между дикарями Уайт-чапеля?» (лондонскаго квартала, гдѣ живутъ пролетаріи). Послѣдняя статья журнала «Египетъ и Суданъ» (Egypt and the Soudan) представляетъ неутѣшительную картину этихъ странъ. Авторъ статьи — Халимъ-паша, сынъ Мехмеда-Али, бывшаго президента совѣта хедива, говоритъ что когда умеръ братъ его Саидъ (въ 1863 г.), Египетъ находился въ цвѣтущемъ состояніи: весь долгъ его простирался до пяти милліоновъ стерлинговъ, изъ которыхъ менѣе половины приходилось на долю иностранцевъ. Упадокъ страны начался съ царствованія Измаила-паши, племянника автора, властолюбиваго, расточительнаго и считавшаго себя, къ несчастью, дѣловымъ человѣкомъ. Измаилъ разорилъ страну и, когда его свергли, Египетъ пытался воскреснуть къ новой жизни, но хаосъ, оставшійся послѣ него въ администраціи края, принялись распутывать иностранцы и каждый старался, конечно, только о своихъ личныхъ выгодахъ. Власть изъ слабыхъ рукъ Тевфика перешла въ руки контрольнаго совѣта, составленнаго изъ представителей Англіи и Франціи. Они поставили въ главѣ управленія Ріаз-пашу, ненавидимаго страною. Феллахи, истощенные невыносимыми поборами и налогами, не могли подняться сами; сторону ихъ приняло войско съ Араби-пашею въ главѣ. Исходъ этого возстанія былъ печаленъ. Тѣ же самыя причины произвели возстаніе въ Суданѣ, но тамъ оно разрослось, потому что англичане не могли подавить его въ началѣ и истребленіе арміи Гикса-паши придало силы инсургентамъ. Теперь Англія оставляетъ Суданъ, но не хочетъ оставить Египта, а какъ устроить въ немъ прочное правительство? Халимъ-паша утверждаетъ, что это возможно безъ всякаго протектората или присоединенія, если обратятся къ національнымъ силамъ и дарованіямъ. Авторъ говоритъ очевидно pro domo sua, но если и не повторяетъ фразы Араби-паши: «Египетъ—для египтянъ», то во всякомъ случаѣ правъ, доказывая, что владычество иностранцевъ причиняетъ странѣ неисчислимый вредъ, хотя главный виновникъ ея разстройства и упадка, всетаки, Измаилъ-паша, вообразившій себѣ, что Египетъ существуетъ только для выполненія его личныхъ прихотей.

— Эдвардсъ издалъ сборникъ: «Русскіе проекты противъ Индіи отъ царя Петра до генерала Скобелева» (Russian projects against India from the czar Peter to general Skobeleff). Здѣсь соединены главнѣйшія статьи, относящіяся къ этому предмету и появившіяся первоначально въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. О первыхъ экспедиціяхъ въ Туркестанѣ авторъ сообщаетъ краткія свѣдѣнія, а подробно говоритъ только о послѣднихъ: Перовскаго въ 1837 году, Игнатьева въ 1858 и Кауфмана въ 1873 г., оканчивая походомъ Скобелева. Въ главѣ «Проекты вторженія въ Индію» доказывается, что всѣ русскія экспедиціи въ центральную Азію были предприняты не для упроченія границъ и не съ коммерческою цѣлью, но съ тѣмъ,

чтобы утвердиться въ стратегическихъ позиціяхъ, съ которыхъ можно бы угрожать Индіи и подготовлять вторженіе въ нее. Авторъ утѣшаетъ своихъ соотечественниковъ тѣмъ, что всѣ эти проекты основаны на томъ предположеніи, что власть англичанъ ненавистна въ Индіи и что стоитъ только русскимъ появиться въ Афганистанѣ, чтобы вездѣ возникло возстаніе, что̀, конечно, по мнѣнію автора, никогда не случится.

— Августъ Гаръ написалъ «Этюды о Россіи» (Studies in Russia), гдѣ онъ былъ прошлымъ лѣтомъ. Его путевыя впечатлѣнія могутъ принести пользу туристамъ, посѣщающимъ наше отечество, но авторъ напрасно говоритъ, что книга его послужитъ путеводителемъ по этой странѣ — для этого замѣтки его слишкомъ поверхностны. Какъ серьезный этюдъ Россіи, на англійскомъ языкѣ давно существуетъ книга Мекензи Уоллеса, какъ путеводитель—Томаса Мичеля. Въ книгѣ Гара до 30-ти хорошихъ рисунковъ, видовъ, городовъ и замѣчательныхъ мѣстностей, снятыхъ самимъ авторомъ — на̀-скоро и съ большой опасностью для него,—какъ говоритъ онъ самъ, такъ какъ русская полиція очень подозрительна, и его не разъ арестовывали и допрашивали, съ какою цѣлью онъ снимаетъ виды, не смотря на то, что у него было формальное разрѣшеніе заниматься этимъ. Такъ въ Брестъ-Литовскѣ, онъ, впродолженіе пяти часовъ, былъ подвергнутъ самому тщательному допросу и горько жалуется на это, хотя допросъ былъ весьма естественнымъ, если художникъ срисовываетъ крѣпостные верки. Петербургъ не очень понравился туристу: городъ производитъ подавляющее впечатлѣніе обширностью своихъ площадей, скверовъ, дворцовъ, пустынныхъ окрестностей, но вмѣстѣ съ тѣмъ «рождаетъ какое-то томящее чувство скуки». Въ Москвѣ онъ видитъ одну массу «сбитыхъ въ кучу зданій, никогда не умѣвшихъ сдѣлаться городомъ и оставшихся гигантскою деревнею, съ самыми дурными условіями для жизни». Даже видъ съ терассы Кремля на Замоскворѣчье возбудилъ въ немъ только сравненіе этого вида съ представляющимся въ Римѣ, съ горы Пинчіо: «тамъ—холмъ Яникула, Тибръ, соборъ св. Петра, здѣсь — Воробьевы горы, рѣка Москва, храмъ Спасителя; тамъ и здѣсь, обширная равнина, усѣянная старыми кровлями домовъ, между которыми поднимаются куполы церквей, какъ полированная броня». Туриста привелъ въ восхищеніе только видъ Кіева «надъ величественнымъ Днѣпромъ»; особенно подробно описываетъ онъ монастыри и древности южной Россіи, но нравственностью и кухнею русскихъ остается очень недоволенъ. Безъ избитыхъ пошлостей книга, конечно, не обходится. Такъ авторъ, въ доказательство изумительной дисциплины русскихъ войскъ, повторяетъ за Кюстиномъ нелѣпый анекдотъ о томъ, какъ главнокомандующій, выслушивая рапортъ генерала, проткнулъ ему ногу саблею, и тотъ все продолжалъ рапортовать, не обращая вниманія на рану. Это повтореніе извѣстнаго поступка Ивана Грознаго съ посланцомъ Курбскаго, Шибановымъ, перенесенное въ наше время, также дико, какъ описаніе наказанія кнутомъ, давно уже исчезнувшимъ изъ русской жизни, или утвержденіе автора, что въ Россіи на писателей смотрятъ, какъ на враговъ общества—и это подтверждается басней Крылова «Сочинитель и разбойникъ», какъ будто Крыловъ, въ своей баснѣ, говоритъ вообще обо всѣхъ писателяхъ! Въ переводахъ и объясненіяхъ русскихъ названій и словъ встрѣчаются мѣстами грубыя ошибки: такъ мнимая дочь императрицы Елисаветы, называется вездѣ Таракановна; Новодѣвичій монастырь переводится «Новоспасеннымъ» (newly saved), а Новоспасскій—«монастыремъ Новаго спасителя» и проч.

— Уэсталь взялъ на себя трудъ перевести на англійскій языкъ двухтомную книгу «Россія подъ властію царей» (Russia under the Tzars), написанную какимъ-то «Степнякомъ». Но это уже чистый памфлетъ, хотя многія слабыя стороны и злоупотребленія нашей администраціи подмѣчены вѣрно. Но и справедливыя указанія автора нельзя не заподозрить: такою ненавистью къ Россіи дышетъ все сочиненіе. Это замѣчаетъ «Athenaeum», дающій отчетъ о книгѣ и находящій только описаніе русскихъ тюремъ до того негуманнымъ, что надлежащее вѣдомство должно было бы опровергнуть показанія автора, тѣмъ болѣе, что они относятся къ настоящему времени. Особенно поразительны самоубійства между заключенными—и если этотъ фактъ преувеличенъ, то его легко доказать цифрами. Невозможно допустить, при обыкновенныхъ условіяхъ, самоубійство или помѣшательство 73 лицъ изъ числа 193, втеченіе четырехлѣтняго тюремнаго заключенія.

— Мистрисъ Непиръ Гиггинсъ издала два тома «Европейскихъ женщинъ въ XV и XVI столѣтіи» (Women of Europe in the fifteenth and sixteenth century). Книга ея представляетъ только «попытку пополнить пробѣлъ въ лѣтописяхъ человѣчества: хотя женщина составляетъ половину рода человѣческаго, но ее игнорируетъ всеобщая исторія». Съ этимъ нельзя, конечно, согласиться: исторія съ одинаковымъ вниманіемъ относится къ дѣятелямъ обоего пола, и если женщины рѣже «дѣлаютъ исторію», то онѣ чаще бываютъ причиною или поводомъ историческихъ событій. До чего обширенъ предметъ избранный авторомъ, доказывается уже и тѣмъ, что, предположивъ разсказать біографіи женщинъ XV и XVI вѣка, г-жа Гиггинсъ, въ двухъ объемистыхъ томахъ (болѣе 900 страницъ компактной печати), говоритъ только о нѣкоторыхъ женщинахъ первой половины XV вѣка, и то только о представительницахъ нѣмецкой и скандинавской расы, не касаясь Франціи, Италіи, Испаніи и даже Англіи. Сколько же еще томовъ придется намъ прочесть о женщинахъ другихъ націй и другихъ эпохъ?.. По счастью—женщина предполагаетъ, а мужчина располагаетъ, и издатели книги мистрисъ Гиггинсъ не обѣщаютъ ея продолженія. Нельзя сказать, однако, чтобы вышедшіе нынѣ томы были неинтересны: много въ нихъ лишняго, неразработаннаго, преувеличеннаго, ошибочнаго, но многое читается съ любопытствомъ.

— «Исторія радикальной партіи въ парламентѣ» (The history of the radical party in parliament) Гарриса представляетъ любопытную картину разработки политическихъ и соціальныхъ вопросовъ въ болѣе совершенномъ представительномъ собраніи изъ всѣхъ конституціонныхъ державъ. Книга написана для членовъ подобныхъ собраній и, для непосвященныхъ въ тонкости парламентскаго образа правленія, многое въ ней покажется излишнимъ и скучнымъ, какъ, напр., подробности объ оттѣнкахъ и особенностяхъ всѣхъ политическихъ партій, о жаркихъ преніяхъ по поводу совершенно, повидимому, незначительныхъ обстоятельствъ. Но изъ этихъ преній и подробностей даже поклонники абсолютнаго и безконтрольнаго правленія могутъ извлечь ясныя доказательства главныхъ основъ всякаго управленія: уваженія къ личности и терпимость чужаго мнѣнія или свободы лица и совѣсти. Авторъ разсказываетъ преимущественно внутреннюю исторію радикальной партіи съ 1780 года, очень мало распространяясь о внѣшнихъ политическихъ событіяхъ. Этой партіи приписываетъ онъ починъ всѣхъ благотворныхъ реформъ послѣдняго времени и сожалѣетъ о томъ, что Крымская война нарушила согласіе и единомысліе въ этой партіи.

— Леди Беллейрсъ написала книгу о войнѣ въ Трансваалѣ, 1880—1881 года (The Transvaal War). По тонкости и зрѣлости сужденій объ этой войнѣ «Athenaeum» заключаетъ, что книга написана мужчиною. Въ ней особенно интересны подробности о сопротивленіи республиканскихъ гарнизоновъ въ маленькихъ укрѣпленіяхъ страны, изъ которыхъ, до окончанія войны, не сдаваясь, продержались всѣ, исключая одного, принужденнаго сдаться отъ голода. Защита нѣкоторыхъ фортовъ сопровождалась блистательными подвигами, храбростію и самоотверженіемъ. Неудачи англичанъ въ этой войнѣ авторъ объясняетъ пренебреженіемъ, съ какимъ они относились къ мужеству и военнымъ способностямъ боеровъ. Послѣ того, какъ регулярныя англійскія войска должны были вездѣ отступать передъ горстью поселенцевъ, плохо вооруженныхъ, но сильныхъ защитой своихъ правъ и своей страны, можно ли удивляться, что Англія потерпѣла такое пораженіе въ Суданѣ, откуда она теперь принуждена уйдти, какъ ушла изъ Трансваальской республики, присоединенной Биконсфильдомъ къ англійской колоніи, но завоевавшей снова свою независимость въ борьбѣ съ могущественными противниками?

— Лучшій разсказъ о войнѣ Франціи съ Тонкиномъ въ 1884 году и занятіи передней Индіи написанъ англичаниномъ Джемсомъ Скоттомъ: France and Tonking, a narrative of the compaign of 1884 andthe occupation of Farther India. Авторъ былъ при французской арміи въ Тонкинѣ корреспондентомъ одной англійской газеты и описывалъ почти всякій день все, чему былъ свидѣтелемъ или что узнавалъ изъ вѣрныхъ источниковъ. Въ книгѣ, не имѣющей поэтому строгой системы, любопытна, однако, не только военная, но и политическая сторона. Особенно опасными противниками французовъ были «черные флаги», наносившіе неразъ пораженія регулярнымъ войскамъ. Французы не давали пощады даже раненымъ пиратамъ, потому что тѣ, покрытые ранами, подползали къ французамъ и стрѣляли въ нихъ, лежа на землѣ, или кинжалами прокалывали имъ ноги. Изъ аннамитовъ и тонкинцевъ составлялись отряды военныхъ стрѣлковъ, но всѣ они, при наступленіи жаровъ и трудностяхъ похода, дезертировали массами, унося съ собою и вооруженіе, какимъ ихъ снабдили французы. Весь ходъ кампаніи изображенъ авторомъ вѣрно и безпристрастно.

— Виконтъ де Вокеръ занялся изслѣдованіемъ темнаго историческаго факта, въ книгѣ своей «Неравный бракъ въ брауншвейгскомъ домѣ» (Une mesaillance dans la maison de Brunswick). Исторія Элеоноры д'Ольбрёзъ и ея дочери Доротеи служила не разъ канвою для романистовъ. Сен-Симонъ говоритъ, что король англійскій Георгъ I, бывши еще герцогомъ Гановерскимъ и женившись въ 1698 году на Софіи-Доротеѣ д'Ольбрёзъ, заподозрилъ свою жену въ связи съ графомъ Кёнигсмаркомъ, велѣлъ схватить его ночью въ дворцовомъ саду, когда онъ отправлялся на свиданіе, и бросить въ яму съ негашеной известью. Какъ бы то ни было, но блистательный вельможа исчезъ въ одну ночь безслѣдно и память объ немъ сохранилась только въ исторіи Гановера да въ сердцѣ Софіи-Доротеи, которую мстительный мужъ заперъ въ крѣпость Альденъ, гдѣ она и умерла послѣ 32-хъ-лѣтняго заточенія. Въ то время вѣнценосные мужья не церемонились съ своими преступными женами. Но въ томъ-то и дѣло, что виновность Софіи-Доротеи не подтверждается историческими свидѣтельствами. Вокеръ нашелъ много неизвѣстныхъ документовъ, относящихся къ этому событію въ

архивахъ Берлина, Парижа, Ганновера, Вольфенбютеля, въ библіотекѣ Лундскаго университета и убѣдился въ томъ, что герцогиня могла быть вѣтрена, поступать неосторожно, но не была преступна. Георгъ могъ приказать убить Кенигсмарка изъ ревности. Остается вѣрить этой гипотезѣ за неимѣніемъ болѣе правдоподобной.

— Дебютирующій историкъ Пьеръ де Виттъ, внукъ Гизо, издалъ біографію малоизвѣстнаго, хотя и историческаго лица, Лудвига де Геера (Louis de Geer). Этотъ богатый голландскій купецъ и арматоръ жилъ въ первой половинѣ XVII вѣка и отличался неутомимою дѣятельностью, принимая участіе въ главнѣйшихъ политическихъ событіяхъ своего времени. Онъ одѣвалъ и вооружалъ на свой счетъ цѣлыя арміи и даже выплачивалъ имъ жалованье. Онъ преобразовалъ и развелъ металургическую промышленность въ Швеціи. Министры и даже властители относились къ нему съ чрезвычайнымъ уваженіемъ. Онъ былъ въ сношеніяхъ съ королемъ Густавомъ-Адольфомъ, переписывался съ королевою Христиною; за нимъ очень ухаживали генеральные штаты Голландіи. Въ 1645 г., во время войны Швеціи съ Даніею, онъ вооружилъ на свой счетъ флотъ изъ 32-хъ кораблей съ 3,000 солдатъ и послалъ ихъ на помощь Швеціи. Молодой писатель, прекрасно изобразившій эту энергическую личность, мало развилъ, однако, значеніе крупной торговли въ ту эпоху.

— Мы не говорили о выходѣ въ свѣтъ мемуаровъ Оскара Мединга, пишущаго подъ псевдонимомъ Георга Самарова. Личность этого не бездарнаго романиста, но съ весьма незавидной репутаціей, не располагала давать отзывъ и объ его мнимо-историческомъ произведеніи. Но теперь эти мемуары перевелъ на французскій языкъ извѣстный ненавистникъ нѣмцовъ Викторъ Тиссо, подъ заглавіемъ «Отъ Садовы до Седана» (De Sadowa à Sedan). Съ какою цѣлью французскій публицистъ пропагандируетъ сочиненіе нѣмецкаго авантюриста, принадлежащаго къ категоріи всесвѣтныхъ проходимцевъ, въ родѣ Фонсеки, Бловица, Ивана Вестина,—понять трудно, потому что откровенность Мединга выставляетъ не въ блестящемъ свѣтѣ французовъ, а нѣмцевъ не сводитъ съ высоты пьедестала, на который подняла ихъ война 1870 года. Соотечественники автора и въ его мемуарахъ являются тѣмъ же беззавѣтно рыцарскимъ племенемъ, какъ и въ его романахъ, гдѣ прославляются ихъ гражданскія и семейныя добродѣтели, тонкій умъ и глубокія политическія способности Луи Наполеона, обаятельное, истинно царственное величіе императрицы Евгеніи, добродушіе и прямота Бисмарка, даже непорочность бывшей королевы Изабеллы. Но отъ мемуаровъ Мединга нельзя отнять интереса изображенія событій, особенно закулисныхъ, которыя ему близко были извѣстны, какъ политическому агенту въ Тюльери (переводъ на дипломатическій языкъ неприличнаго и давно оставленнаго слова шпіонъ). Викторъ Тиссо самъ большой охотникъ до всякаго рода сплетенъ и съ особенной любовью собираетъ ихъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, изъ которыхъ послѣднее «La police à Berlin» изобилуетъ неимовѣрными политическими сказками. Можетъ быть, эта страсть и была причиною, что онъ вздумалъ преподнести своимъ соотечественникамъ мемуары нѣмецкаго сплетника. Сынъ президента, по нашему губернатора—Восточной Пруссіи, Медингъ не захотѣлъ въ своемъ отечествѣ быть такимъ же полезнымъ и усерднымъ чиновникомъ, какъ его отецъ, и перешелъ на службу къ гановерскому королю Георгу V, который, приблизивъ его къ себѣ и потерявъ престолъ въ 1866 году,

отправилъ его тайнымъ агентомъ въ Парижъ хлопотать о возстановленіи королевскаго вельфскаго дома. До 1870 года Мединг принималъ близкое участіе во всѣхъ планахъ, интригахъ, заговорахъ, праздникахъ и оргіяхъ Тюльери и Компьена. Авантюристъ, предательски захватившій французскій тронъ, сдѣлался защитникомъ правъ короля древнѣйшей династіи, низвергнутаго съ трона. За это Медингъ обѣщалъ, что, при наступленіи войны Франціи съ Пруссіей, гановерскій корпусъ сдѣлаетъ диверсію въ тылъ прусской арміи. Но когда началась не франко-прусская, а франко-германская война, разомъ положившая предѣлъ затѣямъ и интригамъ французскаго цесаря, Медингъ вдругъ вспомнилъ, что онъ пруссакъ и что долгъ чести не позволяетъ ему вредить своему отечеству. Освѣжить память Медингу помогъ, впрочемъ, Висмаркъ, назначивъ ему пенсію въ десять тысячъ франковъ «за услуги, оказанныя Германіи». Примѣру бывшаго агента послѣдовали, впрочемъ, и другіе вожди гановерской партіи, промѣнявшіе свои династическіе и фантастическіе планы на солидные пенсіонные оклады, уплачиваемые прусскимъ казначействомъ. Переводчикъ не скрываетъ непривлекательной стороны поступковъ своего оригинала, но въ такомъ случаѣ, какого же довѣрія заслуживаютъ его мемуары, хотя и состоящіе изъ личныхъ впечатлѣній и наблюденій? Даже рисуя портреты разныхъ дѣятелей своей эпохи, Медингъ изображаетъ ихъ съ точки зрѣнія, которая ему выгоднѣе, а между тѣмъ, Тиссо вѣритъ вполнѣ каждому его слову. Въ этомъ существуетъ какое-то плохо объяснимое противорѣчіе.

— Графъ де-Контадъ издалъ воспоминанія своего отца о Кобленцѣ и Киберонѣ (Souvenirs du comte de Contades. Coblentz et Quiberon). Гаспаръ де-Контадъ былъ роялистскимъ офицеромъ, потомъ камергеромъ Наполеона и перомъ Франціи; жилъ при Людовикѣ XV, умеръ при Луи-Филиппѣ. Переживъ столько разнородныхъ правленій, авторъ «воспоминаній» относится скептически ко всѣмъ политическимъ явленіямъ своего времени. Онъ держится твердо только одного принципа—необходимости монархическаго правленія, какъ бы ни назывался монархъ: Людовикъ XVI, Наполеонъ, Людовикъ XVIII или Луи-Филиппъ. Широта этого политическаго воззрѣнія позволила ему быть спокойнымъ зрителемъ, если не участникомъ всѣхъ переворотовъ той эпохи. Воспоминанія его относятся, впрочемъ, болѣе всего къ военнымъ событіямъ и написаны съ цѣлью объяснить неуспѣхъ экспедицій въ Шампаньи и Киберонѣ. Онъ прямо обвиняетъ въ непредусмотрительности и неумѣлости вождей экспедицій. Всего печальнѣе то, что роялисты, потерявъ несчастную кампанію, оставили Кобленцъ для того, чтобы внести смерть и отчаяніе въ населеніе Бретани, гдѣ эмигрантовъ приняли съ радостью и довѣрчивостью. Въ Киберонѣ генералъ Пюиссе ничего не понялъ и ничего не дѣлалъ. Это уже доказано исторіей, но авторъ воспоминаній, освѣщая эти печальныя событія, какъ личный свидѣтель ихъ, умѣлъ придать имъ интересъ и отмѣтилъ хотя не важныя, но тѣмъ не менѣе не лишенныя значенія подробности.

— Профессоръ Джіакомо Барцеллоти написалъ любопытную біографію «Давида Ладзаретти изъ Арчидоссо» (David Lazzaretti di Arcidosso). Этотъ извозчикъ, уроженецъ маленькаго городка Болонской провинціи, Монтеміата, представляетъ странный религіозный феноменъ нашего времени. Впродолженіе десяти лѣтъ, Ладзаретти былъ главою религіозной секты, собиравшейся на горѣ близь Сіенны и имѣвшей многочисленныхъ послѣдователей

между крестьянами и горожанами округа. Полупомѣшанный обманщикъ, онъ выдавалъ себя за вдохновеннаго свыше и, послѣ разныхъ мистическихъ бредней, сдѣлался орудіемъ ультрамонтановъ, стремившихся къ возвращенію папѣ свѣтской власти, а въ послѣднее время сдѣлался проповѣдникомъ соціалистически-христіанскаго крестоваго похода. Повинуясь «божественному внушенію», онъ сошелъ съ горы Лабро, въ августѣ 1876 года, въ главѣ фантастической процессіи «духовныхъ князей и апостоловъ», состоявшей изъ огромной толпы мужчинъ, женщинъ и дѣтей, несшихъ знамя съ надписью: «Республика — царство Бога». Цѣлью процессіи было мирное паломничество въ Римъ, но мѣстныя власти воспротивились этой манифестаціи. Толпа сдѣлала попытку оказать сопротивленіе. Въ полицію было брошено нѣсколько камней, но полицейскіе не испугались массы фанатиковъ и отвели въ кутузку пророка, постыдно оставленнаго своими приверженцами. Барцеллоти подробно анализируетъ жизнь, проповѣди и галлюцинаціи этого не образованнаго, но даровитаго мужика, имѣвшаго большое вліяніе на окружавшихъ его лицъ, и біографія его представляетъ любопытную страницу психологіи суевѣрія.

— Что въ древней исторіи еще многія событія и даже характеристики главныхъ дѣятелей не вполнѣ выяснены въ извѣстныхъ отношеніяхъ, доказываетъ вышедшее изслѣдованіе Пфлугъ-Гартунга: «Периклъ какъ полководецъ» (Pericles als Feldherr). Нѣмецкій писатель представляетъ намъ этого властителя Аѳинъ далеко не въ томъ видѣ, какъ его изображаютъ Ѳукидидъ и послѣдующіе историки. Авторъ обращаетъ вниманіе только на военныя дѣйствія своего героя, но и тутъ высказываетъ много новыхъ взглядовъ, прослѣдивъ жизнь его отъ сраженія при Танагрѣ до завоеванія Евбеи, затѣмъ во время войны съ Самосомъ и при началѣ первой Пелопоннезской войны. Отдѣльное изслѣдованіе посвящено морскому сраженію при островѣ Трагіи. Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ авторъ видитъ въ Периклѣ отсутствіе энергіи и нерѣшительность. Его военный планъ Пелопоннезской войны погубилъ бы Аѳины, если бы ее не взялся вести Кимонъ, а Демосѳенъ не произвелъ давленія на Спарту. Въ книгѣ, сверхъ того, представлена оцѣнка перикловa времени.

— Польская печать обратила вниманіе на вышедшій недавно въ Парижѣ «Четвертый томъ переписки Мицкевича», очень интересный для характеристики среды, въ которой онъ вращался, и разнородныхъ вліяній, какимъ онъ былъ подверженъ, какъ человѣкъ и какъ политическій дѣятель Всего больше вошло въ этотъ томъ писемъ отъ Домейки изъ Америки съ 1839 по 1855 годъ. По содержанію интересны, между прочимъ, письма Франца Малевскаго, бывшаго филарета, сообщающаго свѣдѣнія о товарищахъ—филаретахъ, разсѣянныхъ по свѣту и сдѣлавшихся уже чуждыми другъ другу: такъ, напримѣръ, разошлись Занъ и Чечотъ, двое бывшихъ руководителей товарищества. Въ перепискѣ, нынѣ изданной, помѣщено, кромѣ того, много не лишенныхъ важности бумагъ изъ филаретской эпохи жизни поэта: свѣдѣнія о его кандидатскомъ экзаменѣ въ 1819 году, отвѣты изъ разныхъ предметовъ; бумаги за время бытности поэта учителемъ въ ковенскомъ училищѣ (1820—1823 г.), именно, по поводу его отпуска, съ которымъ было много хлопотъ; тутъ же находятся подробные офиціальные отчеты о «бунтовскихъ сообществахъ» слушателей Виленскаго университета, за время съ 1820—1824 года, выдержки изъ записокъ Малиновскаго о пребываніи Мицкевича

въ Россіи и т. п. Всего интереснѣе, конечно, письма самого Мицкевича, на сколько они освѣщаютъ его внутреннюю жизнь и настроеніе. Такъ, напримѣръ, образы для «Тадеуша» набирались поэтомъ частію изъ обстановки его ранней молодости, изъ преданій о старомъ шляхетскомъ житьѣ въ Новогрудкѣ, частію впослѣдствіи, въ тридцатыхъ годахъ, въ Дрезденѣ и Парижѣ, по дорогѣ въ который Мицкевичъ слушалъ разсказы стараго служаки костюшковскихъ временъ, Лаговскаго, о Мацѣевицахъ. Другіе компаньоны передавали потѣшныя сцены изъ временъ шляхетскихъ съѣздовъ, сеймиковъ и кутежей, изъ позднѣйшей эпохи сеймовыхъ распорядковъ и т. п. Замыселъ «Пана Тадеуша», зарождавшійся въ такихъ и подобнымъ имъ бесѣдахъ, переставалъ развиваться и среди суматохи и передрягъ парижской эмигрантской жизни, но самое созданіе поэмы пошло у Мицкевича лишь съ наступленіемъ болѣе спокойной поры; онъ писалъ съ любовью, нерѣдко перечитывая въ слухъ отдѣльныя характеристики и сцены, которыя какъ бы живьемъ бралъ изъ временъ своего дѣтства. «Если мнѣ новогрудчане поставятъ за что нибудь памятникъ на площади въ Новогрудкѣ,—писалъ онъ Домейкѣ, — то, конечно, за «Тадеуша». Принятіе каѳедры славянскихъ литературъ въ Парижѣ не обошлось безъ колебаній, такъ какъ для Мицкевича, тогда уже семейнаго, выгоднѣе было взять мѣсто въ Лозаннѣ, гдѣ и жизнь была дешевле, но онъ, если вѣрить откровеніямъ переписки, пожертвовалъ своими личными интересами ради того, чтобы полякъ, а не какой нибудь нѣмецъ, представлялъ славянство... Извѣстно, однакожъ, что эта жертва оказалась напрасной, такъ какъ Мицкевичъ вскорѣ былъ лишенъ каѳедры за религіозно-политическую пропаганду — ученія товянизма. Нѣтъ недостатка въ предостереженіяхъ поэту въ письмахъ Скржинецкаго, Домейки и другихъ противъ «шарлатана», «фальшиваго мистика» (Товянскаго), ученіе котораго только удаляется отъ христіанства. Къ матеріальнымъ лишеніямъ, къ нравственнымъ страданіямъ, какъ слѣдствію отставки, присоединились еще недоразумѣнія Мицкевича съ самимъ «учителемъ». Извѣстно, что восторженно-болѣзненное состояніе великаго польскаго поэта привело его къ печальной развязкѣ: подъ вліяніемъ преслѣдовавшихъ его фантазій о воскресеніи отечества, онъ, выросшій въ Россіи, другъ величайшаго русскаго поэта, поѣхалъ въ 1855 году въ Турцію, для сформированія польско-турецкаго легіона, и тамъ умеръ, уже передъ концемъ Крымской войны, не дождавшись еще лишняго разочарованія въ своей изобильной разочарованіями жизни.

СМѢСЬ.

РОЙНОЙ ЮБИЛЕЙ. 21-го апрѣля, Россія праздновала столѣтнюю годовщину учрежденія городскаго и ремесленнаго управленія и такъ называемой жалованной грамоты русскому дворянству. Эти три события праздновались почти во всѣхъ лучшихъ городахъ имперіи съ большею или меньшею торжественностью. Въ рескриптѣ дворянству засвидѣтельствовано неизмѣнное монаршее благоволеніе и повелѣно учредить особый дворянскій земельный банкъ, «дабы дворяне тѣмъ болѣе привлекались къ постоянному пребыванію въ своихъ помѣстьяхъ, гдѣ предстоитъ имъ преимущественно приложить свои силы къ дѣятельности, требуемой отъ нихъ долгомъ ихъ званія». Въ Петербургѣ, въ этотъ день дворянство собралось въ большой залѣ дворянскаго собранія, принявшей блестящій видъ. Напротивъ царской ложи, на высокомъ гранитномъ пьедесталѣ, красовался бюстъ великой императрицы, послужившій моделью для бронзоваго бюста по заказу петербургскаго дворянства. Бюстъ окруженъ былъ массой живыхъ цвѣтовъ и тропической зелени. Передъ началомъ молебствія было сказано викаріемъ Арсеніемъ краткое слово о значеніи чествуемаго событія. Въ галлереѣ, примыкающей къ царской ложѣ, собрались высокопоставленныя лица и приглашенные на празднество почетные гости. По окончаніи богослуженія, губернскимъ предводителемъ дворянства, графомъ А. А. Бобринскимъ, былъ прочитанъ высочайшій рескриптъ на имя россійскаго дворянства. Торжество завершено народнымъ гимномъ.

Въ тотъ же день, въ думѣ собрались почти всѣ гласные. Александровскій залъ думы былъ декорированъ тропическими растеніями и живыми цвѣтами. Посреди зала стоялъ на постаментѣ Румянцовскій обелискъ съ бронзовыми фигурами императрицы Екатерины II и Потемкина; также лежалъ оригиналъ грамоты на права и выгоды городамъ Россійской имперіи, выданной Екатериной II 21-го апрѣля 1785 года и подписанной ею въ январѣ 1786

года. Послѣ молебствія секретарь городской думы прочелъ извлеченіе изъ особой, изданной для этого случая, книги, подъ заглавіемъ «Столѣтіе петербургскаго городскаго общества». Книга издана, по постановленію думы, въ память этого дня. Въ этомъ трудѣ профессора Харьковскаго университета И. И. Дитятина, изданномъ на средства города, имѣется докладъ подготовительной коммиссіи, находится также рѣчь городскаго головы, съ которою онъ обратился къ собранію еще въ прошломъ году, когда обсуждался вопросъ о необходимости празднованія столѣтней годовщины дарованія городамъ жалованной грамоты, т. е. признанія за городами правъ юридическаго лица, самостоятельно вѣдающаго о своихъ интересахъ и нуждахъ. По окончаніи чтенія отчета провозглашено было многолѣтіе государю императору и всему царствующему дому и вѣчная память великой государынѣ Екатеринѣ II. Хоръ военной музыки игралъ гимнъ, повторенный два раза.

Петербургская ремесленная управа, праздновавшая также столѣтіе дарованія жалованной грамоты и существованія ремесленной управы въ Петербургѣ, соединила этотъ день со днемъ открытія ремесленной выставки — первой самостоятельной выставки ремесленниковъ въ Россіи. Выставка помѣщается въ Соляномъ городкѣ, въ залахъ педагогическаго музея, и занимаетъ 30 отдѣльныхъ залъ, комнатъ и пристроенныхъ павильоновъ. Выставкой завѣдываетъ особая коммиссія. Въ 12 часовъ, выборные ремесленнаго общества, цеховые старосты со значками своихъ цеховъ, подъ предводительствомъ своего старшины, прибыли на выставку, совершивъ по городу торжественное шествіе съ развѣвающимися разноцвѣтными значками, наглядно изображающими назначеніе цеховъ. На выставкѣ были многія высокопоставленныя особы, германскій, японскій и персидскій посланники. Послѣ молебна министръ финансовъ обратился къ присутствующимъ съ рѣчью, поздравивъ представителей ремесленной промышленности съ осуществленіемъ счастливой мысли: праздновать годовщину жалованной грамоты городамъ — выставкою своихъ мѣстныхъ произведеній. «Россія, — говорилъ министръ, — издавна славилась нѣкоторыми изъ своихъ издѣлій, но большинство ремеслъ оставалось у насъ долгое время въ первобытномъ состояніи; медленны и трудны были наши первые шаги. Въ царствованіе великой императрицы Екатерины II не могли еще найдти достаточное число хорошихъ мастеровыхъ для работъ въ ея дворцѣ. Но трудъ, искусство и дарованье сдѣлали свое дѣло и настоящая выставка свидѣтельствуетъ о томъ, что не напрасно были оказаны вамъ милости царскія. Многое уже достигнуто вами, а то, что представляетъ выставка, ручается и за успѣхи въ будущемъ. Ни одинъ хорошій мастеръ не скажетъ: «Я не могу постараться сдѣлать еще лучше», пусть же стараніе сдѣлать лучше послужитъ залогомъ дальнѣйшихъ успѣховъ, въ которыхъ да поможетъ Богъ!» Петербургскій градоначальникъ роздалъ членамъ ремесленной управы, всѣмъ цеховымъ старостамъ и сборщикамъ податей пожалованныя имъ въ память столѣтія дарованія жалованной грамоты серебряныя медали для ношенія на шеѣ на станиславской лентѣ. Всѣхъ медалей въ этотъ день роздано 28. Выставка раздѣлена на 8 отдѣловъ. Самое обширное мѣсто на ней отведено мѣдно-литейному механическому, слесарному и мебельному ремесламъ.

Четвертьвѣковой юбилей 19-го февраля. Въ будущемъ году Россія будетъ праздновать двадцатипятилѣтній юбилей освобожденія крестьянъ. Въ русскомъ обществѣ несомнѣнно сознается потребность, оглянувшись на путь, пройденный имъ въ этотъ промежутокъ времени, достойнымъ образомъ ознаменовать день 19-го февраля 1886 года. Не знаемъ, чѣмъ готовятся ознаменовать его наши столицы, но въ провинціи, и именно въ Казанской губерніи, потребность эта готова стать на почву практическаго осуществленія. Одно изъ нашихъ лучшихъ провинціальныхъ изданій «Волжскій Вѣстникъ»

обнародовалъ на своихъ столбцахъ слѣдующее воззваніе, приводимое нами дословно:

«Вниманію общества.

«Черезъ годъ, 19-го февраля 1886 года, истекаетъ двадцать пять лѣтъ со времени обнародованія «Положенія объ освобожденіи крестьянъ». Этотъ величайшій законодательный актъ прошедшаго царствованія составляетъ одно изъ самыхъ важныхъ событій русской исторіи, и собираніе матеріаловъ для уясненія его историческаго значенія — есть обязанность всякаго, кому дороги интересы родины и русскаго народа. Многіе изъ почтенныхъ дѣятелей, работавшихъ надъ освобожденіемъ крестьянъ и приведеніемъ въ дѣйствіе «Положенія 19-го февраля 1861 года», безъ сомнѣнія, имѣютъ писанныя воспоминанія, многіе же хранятъ въ памяти событія этихъ великихъ дней. Пока цѣлы письменные памятники, пока свѣжи воспоминанія, надо пользоваться временемъ и сдѣлать тѣ и другія достояніемъ потомства. Въ виду этого, среди нѣкоторыхъ землевладѣльцевъ Казанской губерніи, глубоко сочувствующихъ дѣлу освобожденія крестьянъ, возникла мысль ознаменовать двадцатипятилѣтнюю годовщину 19-го февраля 1861 года изданіемъ сборника, который обнималъ бы собою событія по освобожденію крестьянъ въ Казанской губерніи за десятилѣтіе, съ 1858 года по 1868 годъ, т. е. съ открытія губернскаго дворянскаго комитета объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ до окончательной передачи мировымъ крестьянскимъ учрежденіямъ управленія крестьянъ, удѣльныхъ и государственныхъ, и упроченія въ Казанской губерніи земскихъ учрежденій. Этотъ десятилѣтній періодъ составляетъ органическій циклъ явленій: установленіе крестьянской реформы въ жизни, въ практикѣ. Для вышеназваннаго «Сборника» прежде всего желательно имѣть личныя воспоминанія о событіяхъ изъ внутренней жизни и дѣятельности казанскаго губернскаго дворянскаго комитета и первыхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ въ Казанской губерніи: губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, мировыхъ съѣздовъ и мировыхъ посредниковъ. Также крайне важно имѣть свѣдѣнія отъ очевидцевъ о фактахъ приведенія въ дѣйствіе «Положеній» 19-го февраля 1861 года: обнародованія манифеста и «Положеній» въ Казани и въ уѣздахъ; отношеніе къ этому обнародованію какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ, а равно и біографическія данныя о важнѣйшихъ дѣятеляхъ крестьянской реформы въ Казанской губерніи. Совѣтъ казанскаго Общества археологіи, исторіи и этнографіи, вполнѣ сочувствуя цѣли изданія «Сборника», постановилъ: принять на себя его изданіе и озаботиться пріисканіемъ для того средствъ. Доводя о предположенномъ изданіи до всеобщаго свѣдѣнія, нижеподписавшіеся увѣрены, что лица, принимавшія участіе въ крестьянской реформѣ по Казанской губерніи, или близко знакомыя съ ея ходомъ, не откажутся доставлять вышеуказанныя свѣдѣнія для предполагаемаго сборника. Свѣдѣнія эти могутъ быть доставляемы: 1) въ казанское Общество археологіи, исторіи и этнографіи (въ университетъ); 2) въ редакцію «Волжскаго Вѣстника»[1]); 3) профессору Казанскаго университета, Дмитрію Александровичу Корсакову (Казань, Черное озеро, домъ Безобразова); 4) профессору того же университета, Александру Васильевичу Васильеву (Казань, Малая Покровская, домъ Бергмана). Подписали: профессоръ Д. Корсаковъ, профессоръ А. Васильевъ.

Нельзя не пожелать успѣха этому благому дѣлу, начало которому уже

---

[1]) Редакція «Волжскаго Вѣстника» съ полною готовностью принимаетъ на себя посредничество въ пріемѣ, для передачи по назначенію, какъ матеріаловъ для «Сборника», такъ и денежныхъ пожертвованій, которыя могли бы поступать на дѣло изданія «Сборника».

положено собираніемъ средствъ для составленія фонда на изданіе сборника. Съ этой цѣлью профессоръ Д. А. Корсаковъ прочелъ двѣ публичныя лекціи. «Волжскій Вѣстникъ» надѣется, что общество сочувственно отнесется къ этому предпріятію и что среди казанскихъ землевладѣльцевъ и купечества найдутся личности, которыя окажутъ поддержку изданію сборника, давъ возможность сдѣлать его памятникомъ вполнѣ достойнымъ предстоящаго юбилея, присоединивъ къ сборнику портреты выдающихся дѣятелей по освобожденію крестьянъ, расширивъ размѣры изданія, придавъ ему изящный внѣшній видъ и т. п. Мы будемъ, съ своей стороны, надѣяться, что примѣру Казани послѣдуютъ и другіе наши города, и тогда мы будемъ имѣть полную картину великаго событія, представляющаго такой моментъ пробужденія общественнаго самосознанія, который такъ глубоко отозвался на строѣ всей народной жизни.

Памятникъ императору Александру II. Въ Москвѣ, въ историческомъ музеѣ выставлена гипсовая модель памятника Александру II, работы извѣстнаго скульптора Антокольскаго; модель эта въ проектѣ высочайше одобрена и исполнена была Антокольскимъ въ Парижѣ. Теперь она осмотрѣна коммиссіей, которая сдѣлала въ ней нѣкоторыя измѣненія, и модель отправляется въ Петербургъ для окончательнаго рѣшенія относительно того, можно ли по ней воздвигнуть памятникъ въ Кремлѣ. Модель представляетъ слѣдующій видъ: императоръ Александръ II представленъ сидящимъ въ покойной позѣ на тронѣ перваго монарха изъ дома Романовыхъ Михаила Ѳедоровича. Тронъ стоитъ на четырехгранномъ пьедесталѣ, украшенномъ черными двуглавыми орлами и пальмовыми вѣтвями. Пьедесталъ опирается на полуовальное основаніе, внутренность котораго открывается впереди. Стѣнка этого полуовала дѣлится на разныя части столбами, на которыхъ возвышаются фигуры четырехъ ангеловъ съ эмблемами освобожденія крестьянъ, освобожденія болгаръ, введенія новыхъ судовъ и учрежденія всеобщей воинской повинности. Въ другой же рукѣ у каждаго изъ ангеловъ находятся большія простертыя къ сидящему императору пальмовыя вѣтви, какъ символъ мученичества. Внутри полуовальнаго основанія предполагалось устроить часовню, но теперь остановились на томъ, чтобы занять эту внутренность картинами извѣстныхъ художниковъ, изображающими эпизоды изъ жизни Царя-Мученика, начиная съ того момента, когда въ 1825 году Николай I вынесъ его, еще ребенка, къ народу во время бунта. Внутреннія стѣнки около картинъ будутъ украшены гербами всѣхъ губерній. Внѣшняя выпуклая сторона основанія должна состоять изъ барельефа, представляющаго шествіе народовъ, входящихъ въ населеніе Россіи; въ срединѣ этой наружной стороны въ нишѣ отводится мѣсто для статуи лѣтописца. Концы полуовальнаго основанія украшаются фонтанами, а вокругъ всего памятника долженъ быть разбитъ скверъ. Поставить памятникъ предположено на Кремлевскомъ плацу, лицомъ къ дворцу и соборамъ. Разбитый около него скверъ спустится по горѣ Кремля къ Кремлевскому саду и на этомъ спускѣ предполагается устроить широкую лѣстницу.

Кирилло-Меѳодіевская медаль. Въ память тысячелѣтняго юбилея славянскихъ первоучителей, полковникъ Коссовичъ изготовилъ медаль, величиною въ серебряный рубль. Она бѣлая, отбита отчетливо, рѣзана художникомъ Витковскимъ. На лицевой сторонѣ изображены солунскіе братья св. Кириллъ и Меѳодій, одинъ съ евангеліемъ, другой (св. Кириллъ) со свиткомъ славянской азбуки, водружающіе крестъ, въ сіяніи стоящій между ними. Возлѣ святыхъ съ боку—обозначены мѣсяцы и года ихъ кончины. Вокругъ надпись—славянскіе первоучители. На оборотной сторонѣ медали надпись на древне-славянскомъ языкѣ: «Господи! погуби тріязычную ересь и вся въ единодушіе совокупль сотвори изрядны люди». Порусски, изъ предсмертной молитвы

св. Кирилла по Паннонскому житію его, гл. 18. Вокругъ надпись: «въ память тысячелѣтія блаженной кончины св. Меѳодія, Варшава, 1-го апрѣля 1885 года». Надписи для медали выбраны профессоромъ Варшавскаго университета Будиловичемъ. Право на изданіе медали пріобрѣтено Турбянскимъ въ Варшавѣ.

Раскольничья типографія. Въ средѣ раскольниковъ поморскаго согласія идутъ оживленные толки по поводу обнаруженной недавно въ Москвѣ раскольнической тайной типографіи. При арестѣ типографіи найдено до 18-ти пудовъ шрифта, множество отпечатанныхъ листовъ псалтыря и богослужебныхъ книгъ. Это уже не первая типографія, открытая у раскольниковъ. Вожакамъ поморскаго согласія не тяжела въ данномъ случаѣ нѣкоторая потеря имущества типографіи, но имъ досадно: зачѣмъ „обнаружился при арестѣ типографіи ихъ обманъ, зачѣмъ раскрылась та ложь, съ какою распространяются у раскольниковъ «древле-печатныя» книги... Владѣлецъ тайной типографіи, купецъ Овчинниковъ, объяснилъ, что книги печатались въ его типографіи исключительно для «поморскаго согласія». Но тутъ же констатировано, что книги мошеннически поддѣлывались подъ старопечатныя: напечатанные листы коптились нарочно въ дыму, закапывались воскомъ, мѣстами прорывались или поджигались восковой свѣчей, переплетались въ кожанный съ досками переплетъ, который въ свою очередь нарочно затаскивался, загрязнивался, чтобы такого рода искусственную работу выдать за «древнюю», печатанную до патріарха Никона книгу. Мошенничество всегда удавалось ловко: знатоки старины не могли отличить этой поддѣлки отъ желанной старины и за мнимую древность платили громадныя деньги... Теперь эта ложь раскрыта, газеты разнесли фактъ обмана и раскольническое средство наживы и «обмарачиванья» человѣчества стало извѣстнымъ «россійскимъ гражданамъ», какъ любятъ себя именовать раскольники.

Конгрессъ южно-славянскихъ литераторовъ. По случаю празднованія, лѣтомъ 1885 года, пятидесятилѣтняго юбилея возрожденія хорватской литературы, существующая въ Загребѣ южно-славянская академія наукъ и художествъ постановила созвать конгрессъ хорватскихъ, сербскихъ, словенскихъ и болгарскихъ писателей. Этимъ конгрессомъ имѣлось въ виду доставить южно-славянскимъ писателямъ случай войдти между собою въ непосредственныя сношенія и условиться насчетъ различныхъ важныхъ культурныхъ вопросовъ. Конгрессъ долженъ былъ состояться 15-го августа, и все уже было готово, какъ вдругъ хорватское правительство запретило этотъ чисто литературный и чуждый всякихъ политическихъ агитацій съѣздъ. Мотивы такого запрещенія остались не разъясненными. Тогда академія рѣшилась отпраздновать названный юбилей торжественнымъ публичнымъ засѣданіемъ, на которомъ, слѣдовательно, могутъ присутствовать и приглашенные ею литераторы и литературныя и научныя общества. Существенная разница между проектировавшимся конгрессомъ и торжественнымъ засѣданіемъ академіи заключается въ томъ, что въ конгрессѣ могутъ участвовать въ преніяхъ по научнымъ вопросамъ всѣ приглашенные, а въ засѣданіи только академики.

† Одиннадцатаго (23-го) мая умеръ величайшій поэтъ не только нашего вѣка, но и многихъ вѣковъ, и едва ли не самый замѣчательный изъ литературныхъ дѣятелей послѣдняго времени. Значеніе **Виктора Гюго** такъ велико не только во французской, но и въ всемірной литературѣ, что кончина его составляетъ огромный пробѣлъ въ исторіи современной культуры. Послѣ смерти великаго эпическаго героя Гарибальди, это самая тяжелая потеря для интелигенціи цѣлаго міра. Въ немъ нѣтъ ни одного сколько нибудь образованнаго человѣка, который не зналъ бы создателя и представителя романтической поэзіи, не удивлялся ему. Втеченіе полустолѣтія онъ былъ центромъ, изъ котораго истекало и къ которому стремилось все, что создано поэтическимъ

творчествомъ нашего вѣка. Гюго былъ несомнѣнно главою всѣхъ современныхъ писателей, во всѣхъ родахъ литературы; даже тѣ, которые сознавали его недостатки, невольно подчинялись вліянію его громаднаго таланта, хотя и не сознавались въ этомъ. И при громадности этого таланта, недостатки его, большею частью, относившіеся къ формѣ его произведеній, были ничтожны въ сравненіи съ достоинствами этихъ произведеній, которыя будутъ восхищать отдаленное потомство. Да и у кого же изъ геніальныхъ писателей нѣтъ слабыхъ сторонъ? Развѣ вполнѣ безукоризненны, непогрѣшимы Гомеръ, Данте, Шекспиръ, Гете, Байронъ, Пушкинъ? У Гюго много вычурныхъ фразъ, натянутыхъ антитезъ, странныхъ уподобленій и сравненій, но въ то же время у него столько свѣтлыхъ мыслей, великихъ поэтическихъ картинъ, благородныхъ характеровъ, гуманныхъ чувствъ, истинно прекрасныхъ созданій, сколько не найдется у всей фаланги его послѣдователей, вмѣстѣ взятыхъ. Вліяніе его еще выше, еще неотразимѣе оттого, что превосходнымъ стихомъ увлекательной прозой поэтъ проповѣдуетъ любовь къ человѣчеству, преслѣдуемымъ, угнетаемымъ, оскорбленнымъ, отверженнымъ, любовь къ свободѣ, развитію, просвѣщенію, ненависть противъ деспотизма, порока, низости, обмановъ, постыдныхъ дѣлъ и безчестныхъ людей. Сынъ простаго солдата, изъ столяровъ, дослужившагося во время имперіи до званія генерала и сдѣланнаго графомъ, Гюго въ молодости былъ роялистомъ, за что его упрекали близорукіе политики, называя отступничествомъ переходъ его къ либеральной партіи, какъ будто, начиная жить, можно тотчасъ же понять значеніе соціальныхъ явленій и опредѣлить неизмѣнныя правила для руководства въ жизни. Только опытность вырабатываетъ твердыя убѣжденія. Въ послѣдніе годы реставраціи, Гюго, въ нѣкоторыхъ «Одахъ», прославляетъ и наполеоновскую легенду, но потому, что въ царствованіе бурбоновъ бонапартизмъ былъ такимъ же протестомъ противъ злоупотребленій монархіи, какъ либерализмъ во время имперіи. Гуманныя, прогрессивныя идеи, которымъ Гюго не измѣнялъ во всю свою жизнь, явились уже въ первыхъ его произведеніяхъ, въ «Кромвелѣ», гдѣ онъ окончательно убилъ псевдоклассическую школу и въ «Гернани», громадный успѣхъ котораго на сценѣ сразу поставилъ поэта на высоту, какой не достигалъ ни одинъ изъ его предшественниковъ. Послѣдующія пьесы: «Маріона Делормъ», «Король забавляется» (запрещенная цензурою послѣ перваго представленія), «Анжело», «Лукреція Борджіа», «Марія Тюдоръ», романы: «Церковь парижской богоматери», «Ганъ Исландецъ», глубокій психологическій этюдъ «Послѣдній день осужденнаго на смерть»,—доказали всю гибкость его таланта, все богатство творческой фантазіи. Въ то же время въ сборникахъ своихъ стихотвореній, онъ воспѣвалъ всѣ лучшія чувства человѣческаго сердца: любовь къ свободѣ, къ родинѣ, къ семьѣ, къ природѣ, къ человѣчеству. И вездѣ у него разсѣяны глубокія фисософскія и политическія мысли, иногда парадоксальныя и утопическія, всегда честныя и прогрессивныя. Богатство его воображенія непостижимое, картинность описаній, концепція характеровъ—поразительная. Сдѣланный пѣромъ Франціи, онъ явился на трибунѣ такимъ же замѣчательнымъ ораторомъ, какъ и писателемъ. Въ 1845 году онъ произнесъ увлекательную рѣчь противъ законовъ объ изгнаніи. Въ республикѣ 1848 года онъ сдѣлался главою демократической и соціальной партіи и предостерегалъ страну противъ замысловъ Луи-Наполеона. Во время захвата имъ власти, 2-го декабря 1851 года, Гюго организовалъ въ меріи X округа комитетъ противодѣйствія авантюристу, но прогнанный съ комитетомъ штыками пьяныхъ солдатъ, бѣжалъ въ Бельгію, потомъ на островъ Герисей, гдѣ написалъ изумительныя, по своей силѣ и образности, стихотворенія «Les Chatiments» и политическій памфлетъ «Napoleon le petit», полный ювеналовскаго негодованія и безпощадной ненависти къ клятвопреступнику и заговорщику, сдѣлавшемуся импе-

раторомъ. И когда Луи-Наполеонъ говорилъ съ ироніей своимъ клевретамъ, принося имъ этотъ памфлетъ: «вотъ Наполеонъ-маленькій, изображенный Викторомъ Гюго великимъ», сумрачный авантюристъ, конечно, не подозрѣвалъ, какую глубокою истину говорилъ онъ, думая посмѣяться надъ поэтомъ. Въ то время, когда имя этого жалкаго племянника безсердечнаго, но даровитаго корсиканца произносится всѣми съ презрѣніемъ, имя Гюго будутъ повторять съ уваженіемъ позднѣйшіе потомки. Восемнадцать лѣтъ великій поэтъ жилъ въ изгнаніи, ожидая конца этой безобразной сатурналіи, называемой второю имперіей, и, въ то время когда властители заискивали расположеніе этого жалкаго цезаря, Гюго не хотѣлъ входить ни въ какіе компромиссы со своею совѣстью и, гордый сознаніемъ своего гражданскаго достоинства, отвергалъ нѣсколько разъ предлагаемую ему амнистію этого «императора—Мандрина», какъ называлъ его въ своихъ стихахъ, положившихъ пятно вѣчнаго, несмываемаго позора на всю имперію, развратившую и погубившую Францію. Когда же этотъ послѣдній выродокъ бонапартизма навлекъ на свое отечество нашествіе враговъ и съ ними неслыханныя бѣдствія и пораженія, поэтъ, создававшій на скалистомъ островѣ Ламанша «Легенды вѣковъ», увѣковѣчилъ несчастія родины въ сборникѣ стихотвореній «Ужасный годъ». Зато съ какимъ восторгомъ встрѣтила Франція своего великаго гражданина и поэта, когда онъ вернулся въ Парижъ послѣ уничтоженія имперіи, какимъ почетомъ окружали его въ послѣднія 15 лѣтъ его жизни, когда поэтъ не переставалъ создавать произведенія, такія же глубокія по мысли, хотя и не столь блестящія по формѣ. И когда онъ умеръ на 84 году жизни, полной славы и величія, съ какимъ неслыханнымъ торжествомъ хоронила Франція своего геніальнаго представителя. Тѣло его было выставлено подъ тріумфальной аркой Звѣзды, чтобы ему могла поклониться вся интеллигенція. Правительство рѣшило на свой счетъ похоронить его въ Пантеонѣ, хотя поэтъ-деистъ изъявилъ желаніе уснуть вѣчнымъ сномъ на кладбищѣ отца Лашеза. Гражданскіе похороны его совершились при несмѣтномъ стеченіи народа. Безсмертіе за могильной жизнью ждало Гюго, какъ писателя и какъ человѣка. Такія крупныя личности, какъ Гюго или Гарибальди, заставляютъ насъ мириться съ мелкими современными людьми, нерѣдко играющими роль за неимѣніемъ настоящихъ великихъ людей.

† **Жюль Валлесъ**, въ Парижѣ, извѣстный журналистъ, родившійся въ 1833 году. Всю свою жизнь онъ занимался политикою. По выходѣ изъ лицея, былъ арестованъ за участіе въ республиканскомъ заговорѣ. Выпущенный на свободу изъ Мазаса, напечаталъ анонимный памфлетъ «l'Argent». Затѣмъ сотрудничалъ въ «Revue Européenne» и «Epoque», въ 1877 году основалъ газету «La Rue», которая черезъ восемь мѣсяцевъ была запрещена за статью, озаглавленную «Продажныя свиньи» («Cochons Vendus»). Валлесъ участвовалъ также въ «Figaro» и «Evénement», пробовалъ свои силы и для театра, но не имѣлъ успѣха. Особенную извѣстность пріобрѣлъ Валлесъ послѣ революціи 4-го сентября и провозглашенія коммуны. Когда коммуна была побѣждена, онъ успѣлъ бѣжать отъ версальскихъ войскъ. По взятіи послѣдней барикады Валлесъ скрылся изъ Бельвилля въ Латинскомъ кварталѣ, гдѣ нѣсколько дней провелъ въ госпиталѣ de la Pitié. Между тѣмъ газеты пустили слухъ о смерти Валлеса и разсказывали о казни его. И только позже сдѣлалось извѣстнымъ, что вмѣсто него разстрѣляли какого-то похожаго на него студента. Валлесъ изъ госпиталя перешелъ въ военный госпиталь Gros-Caillou, гдѣ состоялъ прислужникомъ, не возбуждая ни въ комъ подозрѣнія. Наконецъ, онъ могъ уѣхать въ Бельгію, потомъ въ Англію и здѣсь оставался до объявленія амнистіи. По возвращеніи въ Парижъ Валлесъ посвятилъ себя радикальному журнализму и въ послѣднее время способствовалъ успѣху «Cri du peuple». Когда онъ находился на смертномъ одрѣ, въ

квартирѣ его былъ произведенъ обыскъ полиціей по случаю убійства, совершеннаго въ редакціи «Cri du peuple».

† Недавно въ Познани довольно извѣстный польскій литераторъ и журналистъ Станиславъ Кожмянъ, 74 лѣтъ. Послѣ смерти Одынца, это второй уже въ нынѣшнемъ году изъ немногихъ остающихся еще представителей мицкевичевскаго романтизма выбываетъ изъ рядовъ польской литературы. Кожмянъ не обладалъ оригинальнымъ поэтическимъ талантомъ; онъ—второстепенная звѣзда изъ группы, находившейся подъ вліяніемъ политическо-философской поэзіи Сигизмунда Красинскаго, пріязнь къ которому связывала Кожмяна со школьныхъ лѣтъ, вмѣстѣ проведенныхъ въ Варшавѣ. Образованіе свое Станиславъ Кожмянъ закончилъ въ Парижѣ и тамъ, благодаря обширнымъ связямъ своего брата Яна, получилъ, вмѣстѣ съ нимъ, доступъ къ главному центру тогдашней польской эмиграціи, отелю Ламберъ, резиденціи кн. Адама Чарторыскаго. Впрочемъ, эмиграціонная дѣятельность Станислава Кожмяна ограничилась рядомъ патріотическихъ поэмъ и двухтомнымъ произведеніемъ—«Англія и Польша». Послѣднее было плодомъ пребыванія его въ Лондонѣ, куда онъ отправился изъ Франціи и гдѣ сошелся со многими тогдашними знаменитостями, между прочимъ, съ извѣстнымъ защитникомъ польскаго дѣла, лордомъ Дедлей Стюартомъ. Тамъ же онъ принялся за изученіе англійской поэзіи, особенно Шекспира, въ качествѣ переводчика и комментатора, чѣмъ и увѣковѣчилъ свое имя въ польской литературѣ, какъ Шлегель въ нѣмецкой. Въ 1848 г., вслѣдъ за братомъ, Станиславъ Кожмянъ прибылъ на родину. Братья Кожмяны основали въ Познани, въ строго-католическомъ духѣ, журналъ «Przegląd Poznanski», литературною частью котораго завѣдывалъ Станиславъ. Онъ же потомъ принялъ на себя и все редакторство, когда Янъ Кожмянъ сдѣлался ксендзомъ и религіозно-воспитательная его дѣятельность мѣшала журнальной. Послѣ упадка этого журнала, Станиславъ Кожмянъ сдѣлался сотрудникомъ «Познанскаго Курьера». Онъ былъ также членомъ краковской академіи.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Отвѣтъ „штатскаго" писателя „военному" писателю.

Въ пятой книжкѣ «Русскаго Архива» за нынѣшній годъ (стр. 75) г. Зиссерманъ выразилъ свое негодованіе на якобы «вымыслы» мои по поводу кавказской жизни Лермонтова. Въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» была напечатана статья моя «Рѣчка смерти», т. е. «Валерикъ», мѣсто дѣйствія кровавой битвы, воспѣтое Лермонтовымъ. Статья эта написана, главнымъ образомъ, по поводу приложенныхъ къ ней любопытныхъ рисунковъ и не снабжена ссылками, вопреки принятому мною обыкновенію. Г. Зиссерманъ во всѣхъ своихъ нападкахъ и придиркахъ совершенно не основателенъ уже потому, что принимаетъ за вымыселъ, за поэтическую фантазію и незнаніе то, что цѣликомъ взято изъ оффиціальныхъ донесеній, изъ документовъ и показаній современниковъ. Во мнѣ г. Зиссерманъ видитъ «штатскаго писателя, желающаго quand même изображать какой-то couleur local», и совѣтуетъ образованнымъ русскимъ, особенно изъ пишущей

братіи, желающимъ писать о Кавказѣ, ознакомиться съ нимъ основательно а не повторять избитыя фразы Марлинскаго.

Считающему себя «военнымъ писателемъ» г. Зиссерману я могу только замѣтить, что, собирая годами матеріалы для біографіи Лермонтова, я съ 1879 года объѣздилъ всѣ мѣста его пребыванія, не выключая и Кавказа, и что тамъ, благодаря, можетъ быть, тому обстоятельству, что я четыре года имѣлъ честь служить при особѣ покорителя его, фельдмаршалѣ князѣ Барятинскомъ, я встрѣтилъ полную готовность облегчить мнѣ трудъ и поиски. Для меня открылись архивы. Мнѣ доставили все, чѣмъ могли подѣлиться. Мѣстности я изучилъ; и вотъ на основаніи точныхъ изысканій мною писана каждая строчка біографіи поэта, втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ помѣщаемой, главнымъ образомъ, въ «Русской Мысли».

Г. Зиссерманъ увѣряетъ, что не пропускаетъ ни одной ошибки въ томъ, что пишется о Кавказѣ. Если бы онъ заглянулъ въ январскую книгу «Русской Старины» за 1884 годъ, въ статью «М. Ю. Лермонтовъ на Кавказѣ въ 1840 г.», то увидѣлъ бы тамъ, что матеріаломъ для моей, возбудившей его негодованіе, статьи послужили еще и показанія барона Россильона, бывшаго въ то время старшимъ офицеромъ генеральнаго штаба въ отрядѣ, въ коемъ находился и Лермонтовъ. Россильонъ скорѣе враждебно относился къ поэту, и потому заподозрить его въ излишней похвалѣ ему нельзя, а между тѣмъ баронъ Россильонъ говоритъ, что Лермонтовъ думалъ своею храбростью удивить кавказцевъ и «на бѣломъ, какъ снѣгъ, конѣ, молодецки заломивши шапку, бросался на непріятельскіе завалы. Чистое молодечество, ибо кто же кидался на завалы верхомъ! Мы надъ нимъ за это смѣялись». Лермонтовъ самъ говоритъ объ этомъ:

Верхомъ помчался на завалы,
Кто не успѣлъ спрыгнуть съ коня...

Но какъ человѣкъ, не терпѣвшій хвастливости, онъ разсказываетъ фактъ, не упоминая, что это было съ нимъ.

Г. Зиссерманъ же настоятельно отвергаетъ возможность такого факта, видитъ въ сообщеніи его фантазію и говоритъ: «Лермонтовъ въ этомъ году (1840) впервые попалъ въ жаркое дѣло съ непріятелемъ и потому едва ли имѣлъ случай показать свое безстрашіе и удальство, если не считать его дуэли за эти качества».—Это, вѣроятно, должно означать ѣдкую остроту по адресу поэта?

Г. Зиссерману слѣдовало бы прежде посерьезнѣе заняться тѣмъ дѣломъ, въ коемъ желаетъ учить, особенно при такой безапелляціонной экспертизѣ, которую онъ принимаетъ. Немного познакомясь съ предметомъ, онъ узналъ бы, что Лермонтовъ былъ на Кавказѣ уже и въ 1837 году и тогда принималъ участіе въ цѣломъ рядѣ военныхъ дѣйствій подъ начальствомъ генерала Вельяминова. Это было на восточномъ берегу Чернаго моря, отъ крѣпости Геленджика до устья рѣки Вулана. Битвы происходили: 26-го апрѣля на рѣкѣ Кунипъ; 29-го—близь Абина; 10-го мая—въ Гумбинскомъ лѣсу; 11-го—на Богоіонской долинѣ; потомъ 12-го, 17-го и 23-го апрѣля у перевала Вардобуй и т. д. мая 29-го; іюня 2-го, 5-го, 22-го.—Словомъ, три мѣсяца тяжелой боевой жизни. Но и безъ этого закала человѣкъ можетъ оказаться храбрымъ, и удивительна кажется намъ логика г. Зиссермана, по коей, храбрость не можетъ быть выказана лицомъ, впервые вступающимъ въ бой!

Намъ случалось не разъ видѣть офицеровъ и солдатъ, въ первомъ же бою высказывавшихъ мужество и упрочивавшихъ за собою репутацію храбрости. Быть можетъ, г. Зиссерманомъ былъ сдѣланъ противный опытъ, но въ такомъ случаѣ сужденіе его очень субъективно.

Мы же въ оцѣнкѣ военныхъ достоинствъ Лермонтова, да проститъ намъ г. Зиссерманъ, придаемъ бóльшее значеніе сужденіямъ такихъ боевыхъ генераловъ, какъ Голофѣевъ и П. Х. Граббе. Положимъ, г. Зиссерманъ заподозрѣваетъ значеніе реляцій кавказскихъ военачальниковъ, утверждая, что къ молодежи, прибывавшей изъ гвардіи, они были не въ мѣру пристрастны и выводили ихъ, благодаря связямъ; но на этотъ разъ нельзя не обратить вниманія на настойчивость Граббе, которому явно было дано замѣтить, что не желаютъ отличать Лермонтова. За «Валерикъ» генералъ-адъютантъ Граббе представилъ поручика Лермонтова (8-го октября) къ Владиміру 4-й степени съ бантомъ—награда, для того времени, очень высокая по отношенію къ столь молодому офицеру и дававшаяся лишь за дѣйствительныя заслуги. Г. Зиссерманъ не признаетъ, однако, того, что говоритъ о Лермонтовѣ П. Х. Граббе. И тогда недоброжелатели Михаила Юрьевича были, должно быть, одного мнѣнія съ г. Зиссерманомъ, потому что сообщеніямъ Голофѣева и Граббе не повѣрили или не желали повѣрить и награды Лермонтову не дали. Но на этомъ дѣло не кончилось и—чего г. Зиссерманъ не знаетъ—Граббе вторично входитъ съ представленіемъ отъ 5-го марта, давая при этомъ о Лермонтовѣ еще слѣдующую аттестацію: «Тенгинскаго полка поручикъ Лермонтовъ храбростью и вѣрностью взгляда обратилъ на себя вниманіе. Ему была поручена конная команда изъ казаковъ-охотниковъ, которая, находясь всегда впереди отряда, первою встрѣчала непріятеля и выдерживала его натискъ, весьма часто обращая въ бѣгство сильныя партіи. Во всѣхъ дѣлахъ поручикъ Лермонтовъ оказалъ примѣрное мужество и распорядительность». Этотъ отзывъ совершенно разбиваетъ соображенія считающаго себя военнымъ писателемъ г. Зиссермана (стр. 79 и 80), говорящаго: «Но вотъ что хорошо: г. Висковатовъ придаетъ значеніе донесенію (идетъ выписка), когда опытные военные люди безъ моихъ разъясненій поймутъ... что Лермонтовъ состоялъ при начальникѣ отряда, какъ большинство петербургскихъ волонтеровъ... слѣдовательно, онъ былъ не во главѣ головорѣзовъ... и долженъ былъ наблюдать, а не дѣйствовать». Приведенное нами второе донесеніе Граббе, быть можетъ, заставитъ г. Зиссермана сознаться, что онъ ошибся. Граббе представлялъ на этотъ разъ Лермонтова къ золотой саблѣ; но тоже тщетно. Въ Петербургѣ отказали даже наградить Лермонтова Станиславомъ 3-й степени, о чемъ было тоже представленіе, а въ довершеніе всего, 30-го іюня 1841 года, было получено предписаніе за подписью дежурнаго генерала, графа Клейнмихеля, чтобы ни подъ какимъ видомъ не удалять поручика Лермонтова изъ фронта полка, т. е. не прикомандировывать ни къ какимъ отрядамъ, назначеннымъ въ экспедиціи противъ горцевъ.

Изъ приведеннаго мною донесенія генералъ-адъютанта Граббе явствуетъ, что Лермонтовъ предводительствовалъ «конною командою казаковъ», о коей самъ онъ пишетъ въ письмѣ къ Лопухину: «Я получилъ въ наслѣдство отъ Дорохова, котораго ранили, отборную команду охотниковъ, состоящую изъ ста казаковъ: разный сбродъ, волонтеры, татары и проч.». Между тѣмъ г. Зиссерманъ отвергаетъ справедливость письма Лермонтова, замѣчая: «Мало ли что въ увлеченіи минутою писалось друзьямъ 45 лѣтъ тому назадъ». Онъ

старается выказать свой опытъ: «Я самъ былъ начальникомъ такой команды партизановъ въ 1850 году»... Г. Зиссерманъ недоволенъ, что я, «штатскій писатель», могу судить о Дороховѣ, являющемся въ глазахъ «военнаго писателя», г. Зиссермана, не болѣе, какъ человѣкомъ, который «проникъ въ печать, потому что былъ человѣкомъ изъ петербургскаго бомонда, говорившимъ пофранцуаски»... Еслибъ я не опасался обидѣть считающаго себя «военнымъ писателемъ» г. Зиссермана, то могъ бы указать ему, гдѣ говорится о Дороховѣ (кажется, между прочимъ, замѣчу, послужившемъ графу Толстому прототипомъ для Долохова въ «Войнѣ и Мирѣ»). Г. Зиссерманъ простираетъ придирчивость свою до такой степени, что нападаетъ на то, какъ могъ я употребить выраженіе: «Раненый Дороховъ передалъ начальство надъ своею командою охотниковъ такому же, какъ и самъ, безстрашному удальцу Лермонтову». Г. Зиссерманъ замѣчаетъ: «Итакъ головорѣзъ, прапорщикъ Дороховъ, какъ нѣкій неограниченный монархъ, самъ избралъ себѣ наслѣдника». Я думаю, что это совершенно принятое выраженіе: «Капитанъ NN передалъ роту свою капитану N, или полковникъ такой-то передалъ команду такому-то». Неужели же надо говорить каждый разъ, что начальство приказало уволенному отъ должности такому-то передать начальство ввѣренной имъ части такому-то?

Но что же дѣлать, когда хочется человѣку придираться!? Г. Зиссерманъ утверждаетъ даже, что я такъ мало понимаю, о чемъ пишу, что не знаю, что въ Чечнѣ живутъ чеченцы, а думаю, что тамъ черкесы, и все оттого, что въ одномъ мѣстѣ встрѣчается опечатка, а, можетъ быть, и описка, гдѣ сказано черкесы, вмѣсто чеченцы. Также ставится мнѣ въ незнаніе явная опечатка «Фрейгангъ», вмѣсто «Фрейтагъ», извѣстный боевой генералъ, о которомъ я говорилъ въ «Русской Старинѣ» 1884 года.

Но самое курьёзное — это упрекъ мнѣ за то, что я смѣлъ сказать, будто около Грозной, на р. Сунжѣ, растетъ дикій виноградъ. Это, по мнѣнію г. Зиссермана, «можно встрѣтить лишь на южномъ склонѣ Кавказскаго хребта, въ Мингреліи, Гуріи и т. д., а около Грозной единственный виноградъ можно было видѣть на базарѣ, привезенный изъ Червленскихъ садовъ»... Чтобы знатоку Кавказа, г. Зиссерману, для вѣрности просто справиться въ любой ботаникѣ, что такое дикій виноградъ? Желалъ бы я знать, какъ это изъ Червленой станицы привозили дикій виноградъ, и «военный писатель», г. Зиссерманъ, поѣдалъ его листья, ибо гроздій на немъ никогда не бываетъ. Дикимъ виноградникомъ дѣйствительно зачастую увиты кусты и деревья сѣвернаго Кавказа, и я не разъ встрѣчалъ его на прогулкахъ по лѣсамъ.

Да! видно, еще не скоро прекратится у насъ въ литературѣ страсть разныхъ писакъ, восхваляя самихъ себя, унижать тѣхъ, кѣмъ гордится наша родина, и, подмѣчая у другихъ опечатки и описки, беззастѣнчиво обнаруживать собственное невѣжество.

Это не касается, конечно, г. Зиссермана, «писательская» извѣстность коего, кажется, достаточно упрочена; но на этотъ разъ онъ очень промахнулся. Было бы гораздо лучше, еслибъ г. Зиссерманъ просто обратился ко мнѣ съ запросомъ, откуда я почерпнулъ свои сообщенія; я съ удовольствіемъ удовлетворилъ бы его желаніе, а публика была бы избавлена отъ чтенія двухъ статеекъ полемическаго содержанія.

Что же касается боевой дѣятельности Лермонтова, то я счелъ подходя-

щимъ говорить о ней потому, во-первыхъ, что это естественно входитъ въ его біографію, а во-вторыхъ, потому, что о немъ, какъ о военномъ человѣкѣ, очень часто раздавались весьма странныя сужденія. Частенько на него военные смотрѣли, какъ на человѣка, которому слѣдуетъ быть «штатскимъ» и писать стихи, а не служить въ военной службѣ, а «штатскіе», особенно писатели, думали, что ему, какъ «офицеру», не подобаетъ лѣзть въ преемники Пушкину — «гдѣ-де ему быть поэтомъ, онъ офицеръ и необразованъ». Слава Богу, время, когда все человѣчество раздѣлялось на два враждебные лагеря «штатскихъ» и «военныхъ», миновало. Теперь мы говоримъ о людяхъ образованныхъ и необразованныхъ, знающихъ и незнающихъ, умѣющихъ исполнять свое дѣло и неумѣющихъ, но г. Зиссерманъ этого, вѣроятно, не хочетъ знать и все еще говоритъ о «штатскихъ» и военныхъ писателяхъ.

Но, довольно! Изумительныхъ сужденій, высказанныхъ г. Зиссерманомъ по поводу кавказскихъ поэмъ Лермонтова, мы касаться не будемъ.

Пав. Висковатый.

Примѣчаніе редакціи. Кстати укажемъ г. Зиссерману, считающему себя почему-то непогрѣшимымъ авторитетомъ во всемъ, что касается Кавказа, и столь любящему отыскивать чужія описки и опечатки, на его собственную ошибку. Въ той же самой пятой книжкѣ «Русск. Архива», гдѣ г. Зиссерманъ такъ неудачно напалъ на П. А. Висковатаго, онъ увѣряетъ, что князь А. И. Барятинскій похороненъ въ своемъ имѣніи «Деревеньки». Это имѣніе досталось фельдмаршалу по наслѣдству отъ его родственника графа Толстаго, и хоронить тамъ князя не было никакихъ основаній, такъ какъ у Барятинскихъ есть родовая усыпальница, въ усадьбѣ Марьино, въ селѣ Ивановскомъ, гдѣ и погребенъ князь Александръ Ивановичъ.

Князь Чиковани въ Тамбовѣ.

Читателямъ статьи г. Бороздина «Упраздненіе двухъ автономій», печатающейся въ «Историческомъ Вѣстникѣ», можетъ быть, небезъинтересно будетъ узнать кое-что о судьбѣ одного изъ видныхъ дѣятелей въ исторіи «Упраздненія», а именно князя Ивана Чиковани, арестованнаго въ селеніи Занъ, Зугдидскаго округа, Н. П. Колюбакинымъ и высланнаго на жительство въ Тамбовъ («Истор. Вѣстн.», томъ XIX, стр. 504).

Изъ архивнаго дѣла тамбовскаго губернскаго правленія видно, что распоряженіе о высылкѣ Ивана Чиковани въ Тамбовъ было тогда же измѣнено и, 12-го ноября 1857 года, послѣдовало къ тамбовскому губернатору распоряженіе бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ Ланскаго (впослѣдствіи графа), чтобы высланныхъ съ Кавказа въ Тамбовъ горцевъ, по прибытіи ихъ, отправить: князя Ивана Чиковани — на жительство въ Калужскую губернію, а четырехъ азнауровъ дворянъ, селенія Чикванджи: 1) Бежана Вахтова сына Шавдія, и мѣстечка Зугдиди: 2) Кватати Кучу сына Хвитія, 3) Мати Кучу сына Хвитія, и 4) Фокія Зочова сына Хвитія — отослать на житье на два года въ Пермскую губернію.

Князь Чиковани былъ отправленъ изъ Тифлиса, 1-го ноября 1857 года, въ сопровожденіи двухъ жандармовъ, Дятлова и Аверкіева, и прибылъ въ Тамбовъ 21-го ноября благополучно, въ чемъ бывшимъ тогда губернаторомъ, К. К. Данзасъ, и выдана жандармамъ квитанція.

Иванъ Чиковани прибылъ въ Тамбовъ, въ суровое время года, безъ всякихъ средствъ, и нуждался даже въ одеждѣ, какъ это видно изъ донесенія полицеймейстера маіора Колобова, выдававшаго кормовыя деньги Чиковани по 10 коп. въ сутки и на наемъ квартиры по 1 руб. въ мѣсяцъ, а арестантская одежда выдана по распоряженію губернскаго правленія. Что касается отправленія Чиковани въ Калугу, то таковое оказалось необходимымъ отложить, такъ какъ, отъ утомленія во время пути и вліянія нашей суровой осени на жителя благодатной Мингреліи,Чиковани заболѣлъ, и хотя болѣзнь эта не была признана достаточнымъ поводомъ къ оставленію Чиковани въ Тамбовѣ до выздоровленія и министръ внутреннихъ дѣлъ въ февралѣ 1858 года настаивалъ на отправленіи его въ Калугу, такъ что для сопровожденія его туда уже былъ назначенъ жандармъ Дмитріевъ, но болѣзненное состояніе Чиковани ухудшилось, и въ актѣ свидѣтельства городового врача Носовикова, при чиновникѣ полиціи, составленномъ 13-го апрѣля 1858 года, значится: «Князь Иванъ Николаевъ (?) Чиковани, повидимому, около 50 лѣтъ, тѣлосложенія довольно посредственнаго, страдаетъ воспаленіемъ подреберной плевы, и впредь до выздоровленія отправиться въ путь не можетъ».

Изъ полученнаго въ это же время отзыва управлявшаго Мингреліею генералъ-маіора Колюбакина видно, что оставшаяся въ Мингреліи семья Чиковани, состоящая изъ малолѣтнихъ дѣтей и прислуги до 20 душъ, тоже терпѣла большую нужду и никакого пособія князю Ивану Отіеву Чиковани оказать не имѣла возможности.

6-го іюня, Иванъ Чиковани былъ вторично освидѣтельствованъ въ состояніи здоровья, и обнаружено новое осложненіе болѣзни въ видѣ перемежающейся лихорадки (присущей тамбовскому климату), слѣдовательно о путешествіи въ Калугу не могло быть рѣчи.

Въ октябрѣ, получено свѣдѣніе, что князю Чиковани разрѣшено министромъ внутреннихъ дѣлъ возвратиться на родину, причемъ получено съ Кавказа на имя Чиковани письмо съ деньгами 196 руб. отъ брата его Давыда Чиковани. Въ подпискѣ, данной 22-го декабря 1858 года, Иванъ Чиковани, при полученіи письма съ деньгами, заявилъ, что, будучи безъ всякой вины (?) высланъ съ Кавказа, онъ находитъ несправедливымъ и невозможнымъ тратить свои деньги на обратный путь, и ходатайствовалъ объ отправленіи его на казенный счетъ, но въ этомъ губернское правленіе ему, конечно, отказало, а затѣмъ, 16-го января 1859 года, князь Иванъ Чиковани получилъ отъ тамбовскаго полицеймейстера билетъ на свободное слѣдованіе до города Ставрополя, куда тогда же и отправился.

Этимъ ограничиваются свѣдѣнія, имѣющіяся за время пребыванія въ Тамбовѣ князя Ивана Отіева Чиковани.

Баронъ А. Фредериксъ.

По поводу замѣтки „Никифоръ Майный".

Въ мартовской книгѣ «Историческаго Вѣстника» помѣщена замѣтка о покойномъ родителѣ моемъ Никифорѣ Романовичѣ Майновѣ по бумагамъ, оставшимся послѣ него; по причинамъ довольно понятнымъ, въ этихъ бумагахъ не найдено объясненія причинъ того негодованія, которое обнаруживалъ главнокомандующій князь Цицiановъ къ отцу моему по присоединеніи Мингреліи и не представилъ его къ обѣщанной наградѣ—генеральскому чину. Во время персидской войны (1804) въ одной изъ стычекъ съ многочисленнымъ отрядомъ персовъ, командиръ 9 егерскаго полка—отецъ мой разсыпалъ цѣпь застрѣльщиковъ подъ начальствомъ маіора Карпенко, земляка своего. Князь Цицiановъ въ возбужденномъ состояніи объѣзжалъ войска и вдругъ, оставшись недоволенъ отступленіемъ цѣпи, обратился къ отцу моему съ вопросомъ:—«Какой трусъ командуетъ у тебя застрѣльщиками?»—«Не трусъ, а храбрый маіоръ Карпенко!»—былъ отвѣтъ полковаго командира.—«Такой же трусъ, какъ и ты!» — рѣзанулъ по сердцу передъ фронтомъ князь Цицiановъ пылкаго запорожца. Отецъ не выдержалъ и съ обнаженною шашкою бросился на главнокомандующаго, но къ счастію карабахъ послѣдняго оказался первокласснымъ скакуномъ. Послѣ этого «случая» послѣдовало «дисциплинарное взысканіе» довольно оригинальное: по распоряженію главнокомандующаго, командиръ 9 полка былъ посланъ съ 400 человѣками «за сухарями»; 18,000 персовъ окружили нашъ отрядъ, но порученіе было выполнено. Болѣе половины отряда было перебито; отецъ былъ раненъ и затѣмъ переведенъ въ Москву по ходатайству князя Волконскаго. Правда, послѣ этой экспедиціи, князя Цицiановъ «упрашивалъ» отца остаться, но получилъ отказъ, а въ 1805 году на запросъ государя императора отнесся объ отцѣ снисходительно и даже съ благосклонностью. Въ 1806 году, князь Цицiановъ былъ измѣннически убитъ въ Баку. Въ доказательство того, что отецъ мой не ошибся въ опредѣленіи воинской доблести маіора Карпенко, достаточно вспомнить Бородинскую битву и знаменитый Шевардинскій редутъ, гдѣ генералъ-маіоръ Карпенко и Вуичъ покрыли имя русское неувядаемою славою. Въ 1839 году, покойный государь императоръ Николай Павловичъ во время Бородинскихъ маневровъ, замѣтивъ крестнаго отца моего Моисея Ивановича Карпенко въ штатскомъ платьѣ, вновь пригласилъ его въ военную службу послѣ 27-лѣтней отставки генералъ-лейтенантомъ. Съ другой стороны, въ началѣ 1847 году мнѣ привелось быть на Кавказѣ и въ Тифлисѣ «по рекомендательному письму Карпенко» и быть принятымъ съ распростертыми объятіями свѣтлѣйшимъ княземъ Воронцовымъ. Свѣтлѣйшій былъ когда-то адъютантомъ князя Цицiанова и хорошо помнитъ отца моего. Одинъ изъ братьевъ моихъ—Василій Никифоровъ Майновъ, находясь камеръ-пажомъ императрицы Маріи Θеодоровны, во время коронаціи Императора Николая, имѣлъ счастіе докладывать государю императору о столкновеніи отца съ княземъ Цицiановымъ; покойный государь пожаловалъ по этому случаю денежную награду отцу моему, не смотря на то, что строго относился къ нарушеніямъ воинской дисциплины.

Владиславъ Майновъ.

Маленькая историческая невѣрность.

Въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», въ некрологѣ Костомарова, приведена выдержка изъ рѣчи г. Мордовцева, сказанной имъ надъ могилой покойнаго историка. Въ этой выдержкѣ, между прочимъ, мы читаемъ слѣдующее: «Кто изъ предстоящихъ здѣсь, у этой могилы, не помнитъ того величайшаго момента во всей исторіи человѣчества, когда 1885 лѣтъ тому назадъ на Голгоѳѣ, на крестѣ, раздался вопль страданія и скорби: «Елои (не Елои, какъ пишетъ г. Мордовцевъ, а Ели́, а еще правильнѣе будетъ Эли́), Елои, лама самахвани» (буквально: семахтони, изъ чего, никоимъ образомъ, нельзя сдѣлать самахвани). Стоящіе при крестѣ іудеи (по евангелію: нѣкоторые, безъ опредѣленія, кто были эти нѣкоторые — евреи или римляне) и римскіе воины не поняли этихъ словъ, не поняли потому, что въ предсмертномъ воплѣ назарянина невольно вырвалась его родная рѣчь — рѣчь Назареи, а не Іудеи, которая въ то время по отношенію къ Назареѣ была тѣмъ же, чѣмъ теперь стала Малороссія по отношенію къ Великой Россіи». Такъ какъ г. Мордовцевъ самъ историкъ, то я не думаю, чтобы онъ только что приведенной картинѣ придавалъ историческое значеніе. Мнѣ кажется, что въ данномъ случаѣ онъ просто увлекся, какъ это бываетъ со всякимъ человѣкомъ, когда онъ говоритъ, а не пишетъ. Я это вывожу изъ того, что вся приведенная тирада, дѣйствительно, очень красива, образна, эффектна, но исторически положительно невѣрна. Помимо всякихъ другихъ соображеній, я укажу на то, что слова: «Эли, Эли, лама самахѳани», которыя г. Мордовцевъ приписываетъ какому-то особому нарѣчію Назареи, на дѣлѣ оказываются словами чистѣйшаго библейскаго языка. Еще больше: фраза, вырвавшаяся изъ устъ изнемогающаго отъ страданій Спасителя, не случайная; это буквальная фраза царя Давида, который произнесъ ее въ то время, когда его преслѣдовалъ Саулъ, и фраза эта поднесь находится въ псалтирѣ. Большую, очень большую нужно сдѣлать натяжку, чтобы сказать, что псалтирь Давида былъ болѣе извѣстенъ въ Назареѣ, чѣмъ въ Іерусалимѣ. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, помимо другихъ источниковъ, стоитъ только внимательно прочесть евангеліе. Для того, чтобы объяснить, отчего «нѣкоторые» не поняли возгласа Христа, не надо прибѣгать къ натяжкамъ; это объясняется очень просто. Библейскій языкъ (т. е. древне-еврейскій), во время Христа, какъ въ Іудеѣ, такъ и въ Назареѣ, уже не былъ разговорнымъ языкомъ. Это было послѣ Вавилонскаго плѣненія, и евреи позаимствовали у своихъ побѣдителей ихъ языкъ; они говорили на ассирійско-халдейскомъ языкѣ. Еврейскій же языкъ сдѣлался языкомъ богослуженія, религіозныхъ отправленій, и само собой разумѣется, что масса его не понимала, какъ не понимаетъ его еврейская масса и теперь, не смотря на то, что ежедневно молится на этомъ языкѣ. И въ данномъ случаѣ, гораздо естественнѣе допустить, что изъ устъ Христа вырвался не простой вопль страданія, а вопль молитвенный, т. е. фраза, часто употребляемая каждымъ евреемъ въ своихъ молитвахъ, въ своихъ обращеніяхъ къ Богу. Если же допустить, что въ числѣ «нѣкоторыхъ», не понявшихъ словъ Спасителя, были и евреи, то это объясняется тѣмъ, что эти евреи были люди темные, не понимавшіе библейскаго языка. Хотя въ такомъ случаѣ кажется страннымъ то, какимъ образомъ, уловивъ общій смыслъ фразы, что Онъ кого-то призываетъ, какимъ обра-

зомъ они слово: Эли (Богъ мой), могли принять за слово Эліогу (Илія)? Кромѣ того, не въ еврейскомъ характерѣ въ трудныя минуты обращаться къ праведникамъ, пророкамъ; они всегда обращаются непосредственно къ Богу (что болѣе или менѣе грамотные евреи должны были знать), но вѣдь помимо этого въ означенныхъ двухъ словахъ почти нѣтъ никакого фонетическаго сходства.

Н. Линовскій.

Библіографическія замѣтки.

1.

Разсматривая вышедшее нынѣ изданіе «Стихотвореній И. С. Тургенева», съ удивленіемъ и досадою замѣчаешь, что давно ожиданное собраніе этихъ первыхъ опытовъ пера любимаго нашего писателя, во всякомъ случаѣ достойныхъ его памяти и вниманія публики, редактировано крайне небрежно и неполно. Не говоря уже о томъ, что оно издано неряшливо въ типографскомъ отношеніи, изобилуя опечатками, — въ немъ, неизвѣстно почему, оказываются пропуски нѣсколькихъ стихотвореній, давно напечатанныхъ при жизни автора и, притомъ, въ тѣхъ же самыхъ старыхъ журналахъ, откуда извлечено большинство пьесъ настоящаго изданія. Вопросъ: непонятной ли прихоти личнаго вкуса, или беззастѣнчивой невнимательности редактора-издателя обязаны мы исключеніемъ изъ сдѣланнаго имъ выбора стихотвореній слѣдующихъ пяти: «Похищеніе» («Отеч. Зап.», 1842, № 3, т. XXI, отд. слов., стр. 66), «Цвѣтокъ» («О. З.», 1843, № 8, т. XXIX, отд. 1, стр. 296), «Призваніе» («О. З.», 1844, № 12, т. XXXVII, отд. 1, стр. 345—346), «В. Н. В.»: Когда въ весенній день, о ангелъ мой послушный («Современникъ» Плетнева, 1844, т. XXXIII, стр. 347) и «***»: Замѣтила ли ты, о другъ мой молчаливый (тамъ же, т. XXXIII, стр. 349).

Этого мало. Противъ нашего ожиданія, не только не возстановлено ни въ одномъ изъ перепечатанныхъ нынѣ стихотвореній тѣхъ стиховъ, которые вымарала придирчивая цензура сороковыхъ годовъ и замѣнила многоточіемъ, но даже сдѣлана теперь новая прибавка (едва ли не произвольная со стороны издателя) къ этимъ безсмысленнымъ пропускамъ. Напримѣръ, въ поэмѣ «Помѣщикъ» вся строфа XXVIII-я, напечатанная прежде цѣликомъ (за исключеніемъ только одного слова) въ «Петербургскомъ Сборникѣ» Некрасова, 1846 г., обозначена въ нынѣшнемъ изданіи строкою точекъ.

Приводимъ ее здѣсь, по тексту названнаго альманаха:

«Превозносимый всѣмъ уѣздомъ
Домъ обольстительной вдовы
Бывалъ обрадованъ пріѣздомъ
Гостей нежданныхъ изъ Москвы.
Чиновникъ, на пути въ отцовскій
Далекій, незабвенный кровъ —
(Спасаясь зайцемъ отъ долговъ)
Заѣдетъ... умница московскій,
Мясистый, пухлый, съ кадыкомъ,
Длинноволосый, въ кучерскомъ
Кафтанѣ, бредитъ о чертогахъ
Князей старинныхъ, о . . . . . .
Отъ шапки-мурмолки своей
Ждетъ избавленья, возрожденья —
Ѣстъ рѣдьку — западныхъ людей
Бранитъ — и пишетъ... донесенья».

А вотъ и другія пьесы, не попавшія въ настоящее изданіе, — еще болѣе невиннѣйшаго содержанія:

Цвѣтокъ.

Тебѣ случалось — въ рощѣ тёмной,
Въ травѣ росистой, молодой,
Найдти цвѣтокъ простой и скромной?
(Ты былъ одинъ — въ странѣ чужой).

***

Онъ ждалъ тебя — въ травѣ росистой
Онъ одиноко расцвѣталъ...
И для тебя свой запахъ чистой,
Свой первый запахъ сберегалъ.

***

И ты срываешь стебель зыбкой,
Въ петлицу бережной рукой
Вдѣваешь, съ медленной улыбкой,
Цвѣтокъ, погубленный тобой.

***

И вотъ идешь дорогой пыльной,
Кругомъ — все поле сожжено,
Струится съ неба жаръ обильной,
А твой цвѣтокъ завялъ давно.

***

Онъ выросталъ въ тѣни спокойной,
Питался утреннимъ дождемъ
И былъ заѣденъ пылью знойной,
Спаленъ полуденнымъ лучемъ.

***

Такъ что-жъ? Напрасно сожалѣнье!
Знать, онъ былъ созданъ для того,
Чтобы побыть одно мгновенье
Въ сосѣдствѣ сердца твоего.

Призваніе.

(изъ ненапечатанной поэмы).

Не считай часовъ разлуки,
Не сиди, сложивши руки,
Подъ рѣшетчатымъ окномъ...
О, мой другъ! О, другъ мой нѣжный!
Не слѣди съ тоской мятежной
За медлительнымъ лучомъ...

Не скучай... Тревожный, длинный
День пройдетъ... Съ улыбкой чинной
Принимай твоихъ гостей...
Не чуждайся разговора —
Не роняй внезапно взора —
И внезапно не блѣднѣй...

Но когда съ холмовъ душистыхъ
По краямъ полей росистыхъ
Побѣжитъ живая тѣнь...
И, сходя съ вершинъ Урала —
Какъ дворецъ Сарданапала,
Загорится пышный день...

Изъ-подъ тучи длинной, темной
Тихо выйдетъ мѣсяцъ томный
За возлюбленной звѣздой
И, предчувствуя награду —
Замирая — къ водопаду
Прибѣгу я за тобой!

Тамъ изъ чаши крутобокой
Вьетъ вода волной широкой
На размытыя плиты...
Надъ волной нетерпѣливой,
Прихотливой, говорливой
Наклоняются цвѣты...

Тамъ насъ манитъ дубъ кудрявый,
Старецъ пышный, величавый
Тѣнью пасмурной своей...
И сокроетъ онъ счастливыхъ
Отъ боговъ — боговъ ревнивыхъ —
Отъ завистливыхъ людей!

Слышны клики... надъ водами
Машутъ лебеди крылами...
Колыхается рѣка...
О, пріиди же! Звѣзды блещутъ,
Листья медленно трепещутъ —
И находятъ облака...

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

О, пріиди! Быстрѣе птицы —
Отъ заката до денницы
По широкимъ небесамъ
Пронесется ночь нѣмая...
Но пока волна, сверкая,
Улыбается звѣздамъ,

И далекія вершины
Дремлютъ — темныя долины
Дышутъ влажной тишиной —
О, пріиди! Во мглѣ спокойной
Тѣнью бѣлой, легкой, стройной
Появись передо мной!

И когда съ тревожной силой
Брошусь я навстрѣчу милой
И замрутъ слова мои...
Губъ моихъ не лобызая —
Пусть лежатъ на нихъ, пылая,
Губы блѣдныя твои!

В. Н. Б.

Когда въ весенній день, о ангелъ мой послушный,
Съ прогулки возвратясь, ко мнѣ подходишь ты —
И руку протянувъ, съ улыбкой простодушной
Мнѣ подаешь мои любимые цвѣты;
Съ цвѣтами той руки тогда не разлучая,
Я радостно прижмусь губами къ нимъ и къ ней...
И проникаюсь весь, безпечно отдыхая,
И запахомъ цвѣтовъ, и близостью твоей.
Гляжу на тонкій станъ, на дѣвственныя плечи,
Любуюсь тишиной большихъ и свѣтлыхъ глазъ
И слушаю твои младенческія рѣчи,
Какъ слушалъ нѣкогда я нянюшки разсказъ.
Гляжу тебѣ въ лицо съ отрадой сердцу новой —
И наглядѣться я тобою не могу...
И только для тебя въ душѣ моей суровой
И нѣжность, и любовь я свято берегу.

* * *

Замѣтила ли ты, о другъ мой молчаливой,
О мой забытый другъ, о другъ моей весны,
Что въ каждомъ днѣ есть мигъ глубокой, боязливой,
Почти внезапной тишины?
И въ этой тишинѣ есть что-то неземное,
Невыразимое... душа молчитъ и ждетъ:
Какъ будто въ этотъ мигъ все страстное, живое
О смерти вспомнитъ и замретъ.
О, если въ этотъ мигъ невольною тоскою
Стѣснится грудь твоя и выступитъ слеза...
Подумай, что стою я вновь передъ тобою,
Что я гляжу тебѣ въ глаза.
Любовь погибшую ты вспомни безъ печали;
Прошедшему, мой другъ, предаться не стыдись...
Мы въ жизни хоть на мигъ другъ другу руки дали,
Мы хоть на мигъ съ тобой сошлись.

Весьма жаль, что у меня не случилось подъ рукою той книжки «Отечественныхъ Записокъ» 1842 года (№ 3), гдѣ напечатано пятое изъ упомянутыхъ мною выше стихотвореній—«Похищеніе», котораго, по этой только причинѣ, не могу привести здѣсь наравнѣ съ предыдущими.

Кстати замѣчу, что «Отечественныя Записки» сороковыхъ годовъ (1840—1849) давно уже сдѣлались порядочною библіографическою рѣдкостью.

2.

Еще одна поправка къ «Обзору жизни и сочиненій русскихъ писателей, умершихъ въ 1881 году»—статьѣ Д. Д. Языкова, помѣщенной въ ноябрской и декабрской книжкахъ «Историческаго Вѣстника» 1884 года (въ приложеніи). Въ 1-мъ выпускѣ этого интереснаго труда, въ статьѣ о «Достоевскомъ, Ѳедорѣ Михайловичѣ»—ошибочно названа въ спискѣ его произведеній одна изъ повѣстей его старшаго брата, Михаила Михаиловича († 1864 г.), автора нѣсколькихъ таковыхъ, напечатанныхъ въ «Отеч. Зап.» 1848 г.; именно: «Воробей», «Господинъ Свѣтелкинъ», «Дочка» и проч. (см. «Справочн. Словарь» Геннади о русск. писателяхъ, т. I, стр. 321).

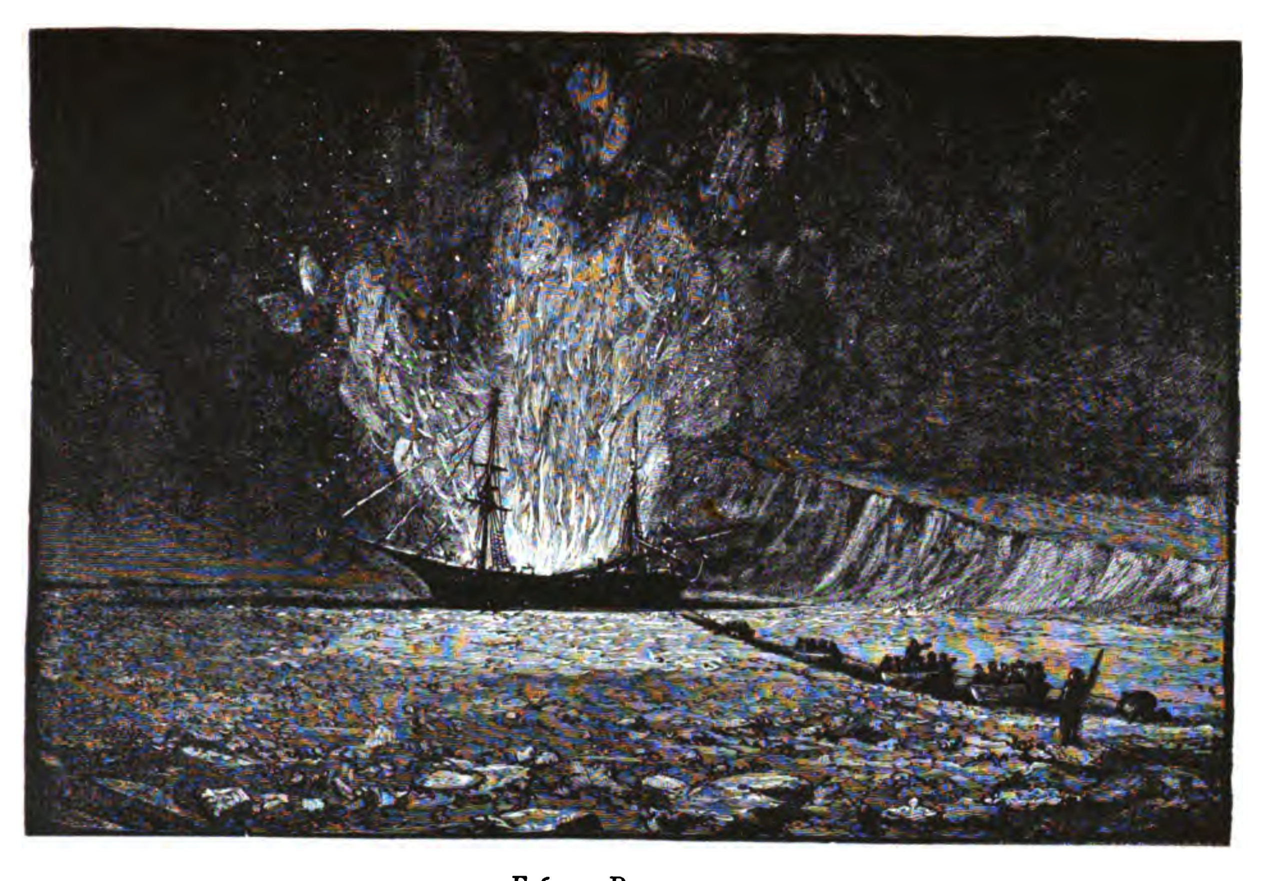
Д. Д. Р.

шалось руля и направлялось очень тихо въ каналъ, лежащій между островомъ Литке и плоскою, тянущеюся съ берега далеко въ море, косою. Когда, наконецъ, «Роджерсъ» попалъ здѣсь на мель, то снова явилась у всѣхъ надежда, что можно будетъ спасти что нибудь; но, къ сожалѣнію, недолго пришлось лелѣять эту надежду, такъ какъ густой дымъ не допускалъ приблизиться къ конденсорному клапану, отворивъ который можно было напустить въ корпусъ воды и такимъ образомъ потушить огонь, пользуясь тѣмъ, что судно сидитъ на мели. Три или четыре толчка, и снова судно вышло на глубину; пока оно проходило мимо плоской косы, попробовали, при помощи легонькой лодки изъ шкуръ, завести на берегъ канатъ; два или три раза всѣ попытки оставались тщетными, не смотря на нечеловѣческія усилія людей; наконецъ, послѣдняя отчаянная попытка увѣнчалась успѣхомъ; канатъ былъ завезенъ на берегъ, а къ нему прикрѣпили другой потолще, который и обмотали вокругъ вмерзшаго крѣпко въ землю бревна. По этому канату хотѣли провести къ берегу всѣ пять лодокъ, но оказалось, что такой способъ сообщенія требуетъ слишкомъ много времени, такъ что пришлось отрѣзать обѣ заднія лодки и пересадить спасавшихся на нихъ людей на остальныя. Тогда отрѣзали и канатъ, прервавъ такимъ образомъ всякую связь съ предоставленнымъ своей печальной судьбѣ кораблемъ. Тяжело было перетаскивать лодки. Не было еще полуночи, когда послѣдняя лодка отчалила отъ «Роджерса», и хотя разстояніе до берега не превышало 225 саженъ, тѣмъ не менѣе онѣ достигли берега только въ 2 часа утра. Еще раньше, однако, видно было, какъ пламя бѣшено вырвалось изъ передняго люка и затѣмъ сразу охватило весь корабль. Какъ будто послѣдній, отчаянный сигналъ бѣдствія съ покинутаго судна, въ этотъ самый моментъ изъ пламени взвилась къ темнымъ небесамъ ракета да два ружья, оставленныя по необходимости гдѣ-то на шканцахъ, дали залпъ надъ могилою «Роджерса». Вѣтеръ, перемѣнившій между тѣмъ направленіе и дувшій теперь на юго-востокъ, къ великой радости всего спасшагося экипажа, гналъ корабль прямо на берегъ; но тутъ снова задержалъ его на пути ледъ и онъ двинулся въ каналъ и ушелъ далеко въ глубь бухты, гдѣ его можно было видѣть горящимъ еще утромъ 2-го декабря; здѣсь, наконецъ, онъ пошелъ ко дну.

Слишкомъ измученные для того, чтобы думать объ устройствѣ себѣ убѣжища на ночь, всѣ провели ночь подъ открытымъ небомъ. На слѣдующее утро оказалось, что вѣтеръ, повернувшій ночью на сѣверо-востокъ, прогналъ ледъ отъ берега; тотчасъ же спустили на воду лодки и направили курсъ къ ближнему туземному поселенію Нунамо, находившемуся на мысѣ того же имени, но не успѣли еще отъѣхать на болѣе значительное разстояніе, какъ ледъ снова началъ спираться и до того угрожалъ лодкамъ, что не оставалось

ничего болѣе, какъ поспѣшно вернуться назадъ и вытащить лодки на берегъ. Въ теченіе второй ночи, которую пришлось провести въ томъ же мѣстѣ, бушевала страшная метель, а лодки съ ихъ парусами доставляли несчастному экипажу «Роджерса» лишь самое ненадежное убѣжище. Еще при самомъ началѣ пожара двое чукчей были случайно на караблѣ; затѣмъ они вмѣстѣ съ экипажемъ перебрались на берегъ и тотчасъ же направились по домамъ. Утромъ 2-го декабря, эти люди возвратились вмѣстѣ съ другими туземцами на берегъ и привезли съ собою всѣ сани, которыя имъ удалось достать въ своемъ селеніи, для того, чтобы убѣдить капитана Бёрри отправить людей къ нимъ въ селеніе, гдѣ они могли бы остаться жить, пока не придетъ помощь изъ отчизны. При подобныхъ обстоятельствахъ, конечно, нельзя было желать лучшаго, приходилось лишь порадоваться радушному предложенію туземцевъ, которое безъ дальнихъ размышленій съ великою признательностью было принято капитаномъ Бёрри. Мичманъ Хёнтъ остался еще на нѣкоторое время съ небольшимъ отрядомъ на берегу, для того, чтобы, когда дозволитъ состояніе льда, перевезти въ деревню лодки и припасы; онъ послѣдовалъ за всѣми лишь черезъ нѣсколько дней. Вскорѣ оказалось, что и нѣкоторыя другія селенія готовы принять къ себѣ нѣсколькихъ людей съ «Роджерса» и черезъ нѣсколько времени рѣшительно весь экипажъ былъ размѣщенъ по селеніямъ, расположеннымъ по бухтѣ св. Лаврентія. Обѣ собаки, захваченныя съ собою на «Роджерсъ», къ величайшему сожалѣнію всего экипажа, погибли во время пожара; въ особенности всѣ горевали объ одной изъ нихъ, пресмѣшномъ маленькомъ звѣркѣ, получившемъ на кораблѣ кличку «Одноглазый Рилей» и сдѣлавшемся съ первыхъ же дней любимцемъ всѣхъ матросовъ.

Огорченіе туземцевъ при видѣ горящаго среди непроходимаго льда судна было, безъ всякаго сомнѣнія, очень глубоко и сильно. Старый старшина того селенія, гдѣ люди съ «Роджерса» нашли первый пріютъ, всплеснулъ отчаянно руками и воскликнулъ: «Корабль вамъ вареный, нехорошо! Очень много людей вамъ вареный, не придутъ берегъ!» Почти всѣ туземцы по близости мыса Восточнаго обладаютъ нѣкоторыми познаніями въ англійскомъ языкѣ, а многіе даже бѣгло объясняются на немъ. Одинъ чукча изъ Пловерской бухты, котораго я видѣлъ на китоловномъ пароходѣ «Бельведеръ», говорилъ поанглійски такъ бойко и вѣрно, какъ будто бы по меньшей мѣрѣ родился въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ и всю жизнь свою провелъ тамъ; онъ цѣлыхъ 14 лѣтъ прослужилъ на американскихъ корабляхъ и успѣлъ побывать на нихъ почти во всѣхъ странахъ свѣта. На родинѣ своей онъ, конечно, считается теперь великимъ лгуномъ, такъ какъ никто и не думаетъ вѣрить его невѣроятнымъ, но въ то же время вполнѣ согласнымъ съ дѣйствительностью разсказамъ о земляхъ бѣлыхъ людей и въ особен-

Гибель «Роджерса».

ности о необыкновенныхъ животныхъ, съ виду очень напоминающихъ человѣка, но обладающихъ хвостомъ и четырьмя руками, вмѣсто двухъ рукъ и двухъ ногъ. Впрочемъ, всѣ туземцы, посѣщавшіе нашъ домъ въ Идлидлѣ вовсе не прочь были хоть вѣчно слушать наши разсказы объ обезъянахъ и попугаяхъ, этихъ чудесныхъ говорящихъ птицахъ, и зачастую приходилось мнѣ, по ихъ неотступной просьбѣ, переводить языкъ попугаевъ на чукотскій; это дѣлало мои разсказы осязательнѣе и привлекательнѣе, но для самого разсказчика, обладавшаго лишь весьма ограниченными свѣдѣніями въ обоихъ языкахъ, доставляло немало трудностей.

Около этого времени случилось въ бухтѣ св. Лаврентія такое обстоятельство, которое совершенно ясно доказало, что вѣрность изреченія библіи: «ею же мѣрою...» и т. д., можетъ оправдаться даже въ самомъ непродолжительномъ времени. Вскорѣ послѣ прибытія «Роджерса» въ зимнюю стоянку, одинъ старый чукча, по имени Уинчелинъ, захваченъ былъ бурею на китовой ловлѣ и принужденъ былъ въ теченіе цѣлой недѣли оставаться на островѣ Литке; съ нимъ находилось нѣсколько мужчинъ, женщинъ и дѣтей, очутившихся въ одинаковомъ съ нимъ бѣдственномъ положеніи, въ полной невозможности какимъ бы то ни было путемъ попасть на берегъ или добраться до корабля. Когда капитанъ Бѣрри увидалъ съ «Роджерса», какъ они въ отчаяніи бѣгали по берегу и разъискивали какихъ нибудь животныхъ, которыми могли бы утолить свой голодъ, онъ почувствовалъ состраданіе къ этимъ несчастнымъ. Онъ приказалъ спустить лодку и, прикрѣпивъ ее къ судну, добрался на веслахъ почти до самаго островка; здѣсь бросилъ онъ за бортъ боченокъ съ хлѣбомъ и мясомъ и имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ этотъ боченокъ былъ прибитъ волнами къ берегу и поднятъ голодающими. Когда черезъ два дня буря стихла, старый чукча явился на «Роджерсъ», чтобы принести свою живѣйшую благодарность тѣмъ, кто избавилъ его отъ преждевременной голодной смерти; тутъ же онъ обѣщалъ, когда замерзнетъ бухта, возвратиться и привезти оленьяго мяса. Конечно, всѣ позабыли объ этомъ случаѣ и вспомнили объ немъ только лишь послѣ пожара, когда старикъ предсталъ предъ капитаномъ Бѣрри съ запасомъ оленины и сала; теперь, когда «корабль сварился», ему захотѣлось сдѣлать что нибудь для добрыхъ бѣлыхъ людей, а потому онъ и взялъ къ себѣ въ юрту двухъ матросовъ, а остальныхъ размѣстилъ по своимъ знакомымъ и сородичамъ.

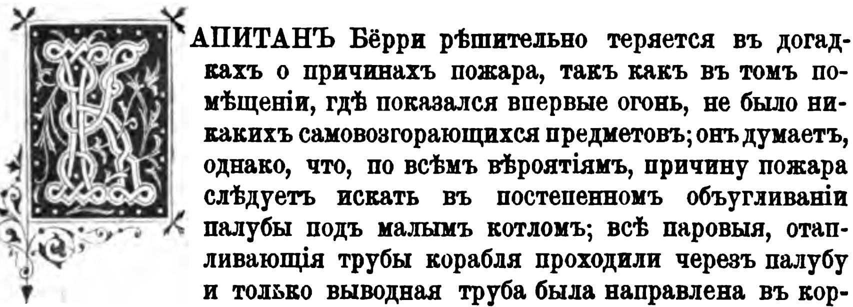
Одноглазый Рилей.

XI.

Надежды на освобожденіе.

Лагерь Хёнтъ, Идлидля, Сѣверная Сибирь, 1-го января 1882 года.

КАПИТАНЪ Бёрри рѣшительно теряется въ догадкахъ о причинахъ пожара, такъ какъ въ томъ помѣщеніи, гдѣ показался впервые огонь, не было никакихъ самовозгорающихся предметовъ; онъ думаетъ, однако, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, причину пожара слѣдуетъ искать въ постепенномъ объугливаніи палубы подъ малымъ котломъ; всѣ паровыя, отапливающія трубы корабля проходили черезъ палубу и только выводная труба была направлена въ кормовую часть, куда паръ вступалъ уже въ достаточной мѣрѣ охлажденнымъ, пройдя черезъ все подпалубное пространство судна. Удалось спасти только то немногое, что экипажъ «Роджерса» имѣлъ при себѣ; густой дымъ, тотчасъ же наполнившій все помѣщеніе носовой части, не далъ возможности кому либо проникнуть туда и спасти хотя что либо. Офицеры лишились почти всей своей одежды, а то, что осталось изъ ихъ гардероба и не было ими самими употреблено тотчасъ же въ дѣло, пришлось роздать тѣмъ изъ экипажа, которые нуждались въ самомъ необходимомъ, такъ какъ лишились всего своего имущества. По словамъ капитана Бёрри, поведеніе офицеровъ и матросовъ было безъукоризненно, но съ особенною похвалою онъ отзывается въ своемъ рапортѣ морскому министру о фейерверкерѣ У. Ф. Морганѣ, который съ необыкновеннымъ мужествомъ и рѣшимостью ни за что не хотѣлъ покинуть своего поста у люка и только полуживой былъ вытащенъ товарищами при помощи обмотанной вокругъ туловища веревки

на палубу; едва отдышавшись, онъ снова отправился туда же и повторялъ это до тѣхъ поръ, пока капитанъ Бёрри не запретилъ ему рисковать жизнію. Само собою разумѣется, что запрещеніе пришло слишкомъ поздно, такъ какъ этотъ безстрашный человѣкъ лежалъ уже безъ чувствъ, полузадохнувшись отъ дыма, на палубѣ, и только черезъ двѣ недѣли къ нему снова возвратились силы, и онъ получилъ возможность ходить безъ посторонней помощи.

Капитанъ Бёрри намѣренъ, въ случаѣ, если ему не пришлютъ изъ тихоокеанской эскадры другаго судна, нанять одного изъ первыхъ прибывшихъ въ Беринговъ проливъ китолововъ и отправиться на немъ въ фортъ св. Михаила на Аляскѣ; тамъ думаетъ онъ дождаться парохода Аляскинскаго общества «Св. Павелъ» и отправиться на этомъ послѣднемъ со всѣмъ своимъ экипажемъ въ Санъ-Франциско. Но въ случаѣ, если морское вѣдомство пришлетъ ему другое судно, то онъ ходатайствовалъ о присылкѣ ему также груза подарковъ, которые онъ хотѣлъ роздать добродушнымъ чукчамъ, пріютившимъ у себя и прокормившимъ весь экипажъ погибшаго судна. Конечно, даровыя квартиры, въ которыхъ размѣщены были теперь наши люди, были въ тысячу разъ хуже самыхъ нищенскихъ хижинъ цивилизованныхъ странъ, но онѣ служили единственнымъ убѣжищемъ своимъ хозяевамъ, которые радушно подѣлились съ чужестранцами всѣмъ тѣмъ, что сами имѣли. Если подарки будутъ присланы тогда, когда капитанъ Бёрри еще не покинетъ Берингова пролива, то онъ постарается, чтобы они были распредѣлены между тѣми изъ туземцевъ, которые наиболѣе заслужили ихъ своими заботами о покоѣ и удобствахъ своихъ невольныхъ гостей. Немного нужно денегъ для того, чтобы роскошно вознаградить ихъ за доброе дѣло; всего желательнѣе и необходимѣе для нихъ были бы, конечно, корабельные сухари, морсъ, чай, сахаръ, скорострѣльныя ружья Генри и патроны къ нимъ, порохъ, пули, свинецъ, пистоны, дробь, ножи, топоры, пилы и другіе столярные инструменты, швейныя иглы, наперстки, бумажныя ткани, стеклянныя бусы, табакъ, трубки, фитили, спички, горшки, котлы, жестяные ковши, сѣчки и холстъ; истративъ не болѣе 5,000 долларовъ, можно сдѣлать изъ чукчей счастливѣйшихъ дикарей всего восточнаго континента и притомъ доказать имъ самымъ ощутительнымъ образомъ, что помощь, оказанная постигнутымъ бѣдствіемъ бѣлымъ, не остается безъ вознагражденія. Безъ всякаго сомнѣнія, тѣ изъ туземцевъ, которые оказали нашимъ людямъ наибольшія услуги, будутъ награждены отъ русскаго правительства обычными въ этихъ случаяхъ золотыми медалями, но желательно было бы въ то же время, чтобы они получили награжденіе и отъ того народа, представителямъ котораго оказали такую существенную и дружественную помощь. Не всякому покажется великимъ благодѣяніемъ прокормъ одного голоднаго человѣка вяленымъ моржовымъ мясомъ, но въ жизни моряка могутъ быть

случаи, когда и такая отвратительная пища будетъ принята съ благодарностью, какъ великая и богатая милость. Раньше того времени, какъ мы перебрались съ корабля на этотъ островъ, часто случалось, что, увидя висящую на такелажѣ заднюю часть быка, я не могъ отказать себѣ въ наслажденіи отрѣзать кусокъ холоднаго, сыраго мяса и съѣсть его; одинъ изъ моихъ товарищей, считавшій немыслимымъ, чтобы кто нибудь могъ ѣсть дѣйствительно съ наслажденіемъ сырое мясо, сталъ меня разъ дразнить и спросилъ даже, не дѣлаю ли я это для того, чтобы немного порисоваться; я отвѣчалъ ему, что онъ долженъ благодарить Творца, если у него всегда будетъ подъ рукою хотя бы нѣчто похожее на это прекрасное мясо, и вотъ теперь, послѣ погибели корабля, вся пища насмѣшника состоитъ только изъ вяленаго моржоваго мяса туземцевъ, и онъ недавно еще прислалъ сказать мнѣ, что теперь ему часто приходится вспоминать о моихъ тогдашнихъ словахъ и что настал тотъ день, когда онъ съ восторгомъ бы съѣлъ то, что прежде казалось ему до такой степени противнымъ. Другой офицеръ, получившій воспитаніе въ Парижѣ и обладавшій тѣмъ изысканно-развитымъ вкусомъ, который можетъ развиться лишь подъ вліяніемъ тамошняго повареннаго искусства, имѣлъ обыкновеніе говорить, что самая мысль о сыромъ мясѣ возбуждаетъ въ немъ тошноту, но такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ онъ зналъ очень хорошо, что именно сырое мясо и считается наилучшимъ презервативомъ отъ скорбута, то объявлялъ въ офицерской каютѣ, что непремѣнно станетъ принуждать себя въ теченіе зимы съѣдать нѣкоторое количество этого противоскорбутнаго средства; по его словамъ, онъ станетъ тогда выбирать себѣ лучшіе куски оленьяго мяса, разрѣзать ихъ на маленькіе кусочки, величиною въ обыкновенную пилюлю, отправлять эту гадость себѣ въ ротъ и затѣмъ быстро проглатывать, чтобы не имѣть времени замѣтить всю отвратительность подобной пищи. Бѣдняга принужденъ теперь довольствоваться гораздо худшею пищею и уже не имѣетъ ни охоты, ни времени устроивать себѣ изъ своей пищи удобно проглатываемыя пилюли. Однако, прошло немало времени, пока онъ могъ рѣшиться дотронуться до моржовины, онъ почти умиралъ отъ голода, когда, наконецъ, ему удалось превозмочь свое отвращеніе къ этой дѣйствительно не особенно вкусной пищѣ; онъ такъ похудѣлъ и ослабѣлъ, что капитанъ Бёрри сталъ не на шутку опасаться за его жизнь. Большинство офицеровъ и матросовъ довольно легко приспособились къ обстоятельствамъ и недолго нѣжничали и розыгрывали разборчивыхъ. Недостатокъ табаку—вотъ что дѣйствительно составитъ чувствительное лишеніе для многихъ; бѣда еще не въ томъ, что многіе, за недостаткомъ мѣховой одежды, принуждены проводить цѣлые дни во внутренней юртѣ, что не особенно хорошо можетъ отозваться на ихъ здоровьѣ. Впрочемъ, капитану Бёрри уже удалось

закупить зимняго платья почти для всѣхъ людей; кромѣ того, уѣзжая отъ насъ, онъ захватитъ изъ нашего склада довольно значительное количество мѣховыхъ вещей.

Былъ у насъ на «Роджерсѣ» еще третій офицеръ, обладавшій изумительнымъ аппетитомъ и достигшій значительной полноты и округлости, благодаря питанію самыми вкусными блюдами и снадобьями; нерѣдко, когда мы собирались за столомъ большой каюты всѣмъ обществомъ, онъ отсылалъ свою порцію, не дотронувшись даже до нея, какъ онъ говорилъ, «бѣднымъ», а теперь, я думаю, какъ счастливъ бы онъ былъ очутиться среди этихъ самыхъ «бѣдныхъ». Толщина его значительно уже спала, но и онъ долго не могъ себя заставить ѣсть то, что ему давали; однако, молодость, хорошее расположеніе духа и крѣпкое здоровье пришли ему на помощь и теперь развили въ немъ опять такой аппетитъ, который лучше всякихъ приправъ можетъ сдѣлать пищу вкусною. Долго, однако, придется ему бродить по ресторанамъ Санъ-Франциско, пока оставленное имъ на родинѣ платьѣ сдѣлается ему снова впору.

Прилагаемое здѣсь письмо получилъ въ Идлидлѣ старшій врачъ «Роджерса» отъ одного изъ офицеровъ, бывшаго очевидцемъ пожара на кораблѣ и перенесшаго затѣмъ всѣ страданія обездоленныхъ нашихъ товарищей; письмо это не было сначала предназначено къ напечатанію, но я привожу его здѣсь, такъ какъ въ немъ чрезвычайно живо описаны всѣ обстоятельства, послѣдовавшія за гибелью «Роджерса».

«Сѣверное предгорье у бухты св. Лаврентія, 24-го декабря 1881 года.

«Дорогой докторъ!

«Я начинаю свое письмо подобающимъ желаніемъ всѣмъ вамъ веселыхъ рождественскихъ праздниковъ и счастливаго новаго года. Такъ какъ капитанъ дастъ вамъ подробный отчетъ о случившейся съ нами катастрофѣ, то я могу ограничиться тѣмъ, что опишу какъ ее, такъ и наше настоящее горестное положеніе лишь вкратцѣ, такъ сказать, съ высоты птичьяго полета. Огонь показался въ носовой части и, не смотря на всѣ наши усилія, разгорался все съ большею и большею силою, пока мы не были принуждены около 2 часовъ пополудни покинуть судно. И офицеры, и матросы цѣлый день работали до утомленія, почти до полнаго обезсилѣнія; я самъ сначала долгое время подавалъ ведра съ водой, но долженъ былъ оставить это дѣло для того, чтобы при помощи Стонея и двухъ матросовъ вынести весь петроль изъ паруснаго отдѣленія, сдѣлавшагося очень горячимъ вслѣдствіе близости къ нему огня и небезопаснымъ хранилищемъ такого легко воспламеняющагося вещества, каковъ керосинъ. Вся аптека была полна дыму; при первомъ же извѣстіи о пожарѣ я поспѣшилъ отворить ее, для того, чтобы выбросить за бортъ всю водку и спиртъ. Занятый то тушеніемъ огня, то боль-

ными, я цѣлый день находился въ непрестанныхъ хлопотахъ. Паціентовъ было у насъ довольно: все случаи большей или меньшей асфикціи; Морганъ былъ очень боленъ, да и до сихъ поръ все еще не совсѣмъ выздоровѣлъ; когда его вытащили изъ передняго палубнаго помѣщенія, то у него можно было наблюдать рѣшительно всѣ симптомы асфикціи: дыханіе было значительно затруднено, и мы принуждены были примѣнить къ нему Сильвестрскую методу возбужденія искусственнаго дыханія, которая и оказала превосходные результаты. Между другими паціентами находились Стоней, Грэсъ и Лоудонъ; большая каюта была съ ранняго утра наполнена дымомъ и углеродомъ, освобождающимся отъ горѣнія углей, а потому мы имѣли возможность наблюдать пятнадцать случаевъ острой кефалалгіи. Все, что можно было только сдѣлать для спасенія судна, все, что умъ и опытность могли посовѣтовать, было испробовано, но безъ всякаго успѣха. Среди находившихся на суднѣ людей не нашлось ни одного, который бы не сохранилъ полнаго хладнокровія и не остался на указанномъ ему начальникомъ посту. Не было рѣшительно никакой возможности попасть въ кладовую съ провіантомъ и одеждой, такъ что мы лишились большей части нашихъ запасовъ. Что касается меня, то у меня осталось всего двѣ рубашки, пара панталонъ, да немного табаку, такъ какъ я не имѣлъ времени подумать о своихъ собственныхъ нуждахъ; мнѣ было слишкомъ много дѣла и возни съ моими больными и ихъ переноскою въ лодки. Благодаря этому же обстоятельству, мнѣ не удалось ничего спасти изъ инвентаря медицинскаго отдѣленія, кромѣ журнала да листовъ съ атмосферическими наблюденіями. Кромѣ того, было отдано приказаніе не нагружать лодки ничѣмъ инымъ, кромѣ провіанта и вещей, годныхъ для мѣновой торговли; съ удрученнымъ горемъ сердцемъ, долженъ я былъ подчиниться этому распоряженію и предоставить микроскопъ и другіе инструменты ихъ судьбѣ. Вокругъ судна ледъ былъ очень толстъ и, если бы намъ не удалось завести на берегъ конецъ, то врядъ ли бы мы спаслись безъ потери въ людяхъ; судно не двигалось съ мѣста и пламя проникало ежеминутно все дальше и дальше въ кормовую часть. Если бы мы сдѣлали попытку перебраться на берегъ по льду, то, конечно, провалились бы въ воду и замерзли бы несомнѣнно, такъ какъ должны были провести всю эту ночь на берегу, дрожа отъ мороза и обезсиленные голодомъ. На слѣдующій день, мы сдѣлали попытку добраться до одного изъ береговыхъ селеній, лежащихъ верстахъ въ 7—8 отъ насъ, какъ разъ у сѣверной оконечности бухты, но вѣтеръ дулъ въ южномъ направленіи и нагналъ въ бухту такую массу льда, что лодки наши рѣшительно не были въ состояніи сдвинуться съ мѣста. Намъ снова пришлось выйдти на берегъ и тутъ мы выстроили себѣ изъ лодокъ и парусовъ нѣчто въ родѣ палатки, гдѣ и провели неособенно прі-

ятную и покойную ночь; въ особенности плохо приходилось капитану и мнѣ, такъ какъ мы лежали подъ крышею изъ парусовъ; снѣгъ, падавшій въ продолженіе всей ночи, пригнулъ парусъ книзу и сдѣлалъ изъ него фильтръ, чрезъ который вода капала на насъ безостановочно. Утромъ послѣ этой невеселой ночи прибыли къ намъ на саняхъ туземцы, имѣя въ виду перевезти насъ въ свое селеніе. Я помѣстилъ больныхъ возможно удобнѣе, а Моргана оставилъ въ саняхъ, на которыхъ самъ ѣхалъ. Чтобы дать вамъ хотя нѣкоторое понятіе о нашей слабости, скажу только то, что цѣлыхъ восемь часовъ тянулось это путешествіе на разстояніи всего какихъ нибудь 6 верстъ, отдѣлявшихъ насъ отъ селенія чукчей; впрочемъ, тутъ ничего нѣтъ удивительнаго, когда припомнишь, что въ теченіе цѣлыхъ двухъ дней мы почти ничего не ѣли и въ особенности не видѣли капли воды. Для присмотра за вещами, которыя мы не могли захватить съ собою въ сани, оставлены были Хёнтъ и команда съ его лодки; черезъ три дня всѣ мы снова возвратились на берегъ за лодками и оставленными въ нихъ припасами. Въ жизнь свою никогда еще не приводилось мнѣ испытывать такой тяжелой и невыносимой вслѣдствіе холода работы, какъ эта доставка лодокъ; неудивительно, что я прибылъ на мѣсто съ изрядно отмороженною правою ногою. Я поселился сначала въ юртѣ веселаго туземца, по имени Самъ, и въ теченіе цѣлой недѣли ничего не ѣлъ, кромѣ вяленаго моржоваго мяса; при дальнѣйшихъ разспросахъ оказалось, однако, что содержаніе у другихъ хозяевъ нѣсколько лучше, такъ что я безъ всякихъ дальнѣйшихъ переговоровъ переселился въ ту юрту, которую занималъ капитанъ, гдѣ дѣйствительно ѣда оказалась лучше и протухлая моржовина подавалась гораздо рѣже. Въ довершеніе всѣхъ напастей, хозяинъ нашъ страдаетъ такою болѣзнью, которая теперь не проявляется внѣшнимъ образомъ, но всякую минуту можетъ розъиграться, какъ это, по его словамъ, случилось прошлою весною, и сдѣлать совмѣстное сожительство и опаснымъ, и непріятнымъ до крайности. Само собою разумѣется, что жизнь здѣсь проходитъ чрезвычайно однообразно и изъ полныхъ сутокъ въ 24 часа, по крайней мѣрѣ, 20 часовъ приходится, за неимѣніемъ никакого дѣла, проводитъ, лежа на спинѣ. Всѣ мы несказанно страдаемъ желаніемъ отыскать хотя какое нибудь дѣло и какую нибудь болѣе подходящую пищу; что до меня касается, то я постоянно голоденъ. Весь день провожу, терзаясь непрестаннымъ аппетитомъ, рисующимъ предо мною то тѣ, то другія вкусныя вещи, и не разъ уже случалось мнѣ видѣть во снѣ, что я сижу въ хорошемъ ресторанѣ и съ жадностью троглодита поѣдаю хорошій обѣдъ; обыкновенно мои сладкія сновидѣнія прерывались хозяйкою, которая являлась пригласить меня къ обѣду изъ тюленьяго и моржоваго мяса. Къ счастью, намъ удалось спасти отъ огня два полубоченка бобовъ, два ящика кофе, два полу-

боченка сахара и пять боченковъ муки, такъ что по временамъ мы можемъ доставить себѣ роскошь, заключающуюся въ тарелкѣ бобовой похлебки. Чтобы достойнымъ образомъ встрѣтить великій праздникъ Рождества, мы получимъ завтра, кромѣ чашки кофе, еще и эту знаменитую похлебку. Представьте себѣ мою радость при столь пріятной перспективѣ! Я съ нетерпѣніемъ жду этой благословенной минуты. Къ сожалѣнію, не могу никому изъ васъ прислать рождественскаго подарка, но утѣшаюсь мыслію получить отъ каждаго изъ васъ по таковому. Отъ васъ я желаю получить хорошую бутылку морса, отъ «Пута»—обильно намазанный масломъ сухарь (чтобы на каждой половинкѣ сухаря было по полудюйму масла), отъ Гильдера—фунта два табаку, такъ какъ я себѣ представить не могу, что будетъ со мною, когда я останусь безъ табаку, тѣмъ болѣе, что куря, легче всего убиваешь несносное время, котораго дѣть некуда. Напомните же капитану, чтобы онъ захватилъ съ собою немного сои, да перцу, да соли. Было бы совершенно излишне описывать вамъ ту невыносимую жизнь, которую мы здѣсь ведемъ, такъ какъ все равно всѣмъ вамъ суждено испробовать это удовольствіе, когда въ апрѣлѣ вы придете сюда ожидать китобоевъ.

«Всѣмъ поклоны
«Вашъ вѣрный К.».

Зима до сихъ поръ была необыкновенно теплая; представляется ли это изъ ряду вонъ выходящимъ явленіемъ, или же такъ бываетъ всегда на этомъ берегу, я до сихъ поръ не знаю, такъ какъ не могу добиться объ этомъ точныхъ свѣдѣній. Самая низкая температура, которую намъ привелось испытать до сихъ поръ, была 18-го и 19-го декабря, когда ртуть стояла на 30° R. 29-го декабря, температура поднялась при юго-восточномъ вѣтрѣ до 8° R., а по словамъ туземцевъ, на этомъ берегу всегда бываетъ нѣсколько теплѣе, нежели за нѣсколько миль отсюда на востокъ или на западъ. Что на сосѣднемъ материкѣ дѣйствительно температура была всегда нѣсколько ниже, нежели на острову, не подлежитъ никакому сомнѣнію, но, къ сожалѣнію, намъ не представлялось возможности провѣрить все это наблюденіемъ надъ термометромъ, котораго мы не имѣли подъ рукою. Метеорологическія наблюденія, производившіяся съ образцовою аккуратностью и тщательно отмѣчавшіяся Франкомъ Мальмсомъ, однимъ изъ членовъ нашего отряда, несомнѣнно, будутъ цѣннымъ вкладомъ въ знаніе условій погоды въ этой части Сѣвернаго Ледовитаго океана.

Пока дозволяла погода, предпринимались также многочисленныя астрономическія наблюденія, при помощи которыхъ положеніе острова опредѣлилось въ 67°03′ сѣверной широты и въ 187°15′ восточной долготы. У мѣстныхъ туземцевъ удалось мнѣ отыскать двѣ

визитныхъ карточки лейтенанта Ховгаарда, на которыхъ этотъ послѣдній отмѣтилъ день остановки «Веги» въ октябрѣ 1878 года, а также положеніе судна; онъ далъ положеніе, полученное имъ при помощи леданаго горизонта, въ 67°05′ сѣверной широты и въ 186°45′ восточной долготы, но, если принять въ соображеніе, что мѣсто зимовки «Веги», по разсказамъ туземцевъ, находилось на разстоя-10 миль на западъ отъ Идлидли и притомъ отстояло нѣсколько далѣе на сѣверъ, то окажется, что и ихъ, и наши наблюденія дали совершенно одинаковыя цифры.

ГЛАВА XII.

Судьба Путнэма.

ВТОРОЕ НЕСЧАСТІЕ, посѣтившее экипажъ «Роджерса», случилось уже послѣ моего отъѣзда и сообщено мнѣ было капитаномъ Бёрри гораздо позже, когда мы встрѣтились съ нимъ въ Якутскѣ. Тотчасъ по установкѣ «Роджерса» на зимнюю стоянку капитанъ Бёрри намѣревался выстроить на ближайшемъ берегу небольшой домикъ, въ который можно было бы перенести часть припасовъ, между тѣмъ погода долгое время была особенно неблагопріятна, такъ что не представлялось рѣшительно никакой возможности перевезти на берегъ необходимый для постройки матеріалъ. Если бы тогда удалось выполнить этотъ планъ, то даже и послѣ гибели судна экипажъ обладалъ бы богатыми запасами провіанта. Дней за 10 до пожара мичманъ Хёнтъ предпринялъ санную поѣздку по берегу, съ упряжкою въ 9 собакъ, къ острову Идлидлѣ, отстоявшему отъ зимовки миль на 150; онъ намѣревался посѣтить своихъ товарищей, жившихъ тамъ въ деревянномъ домѣ, но сильнѣйшія бури помѣшали ему сдѣлать это, и онъ долженъ былъ вернуться назадъ въ бухту св. Лаврентія, куда и прибылъ дня за два до пожара; на слѣдующій день онъ отправился на судно, оставивъ свою упряжку на берегу; только эти собаки и спаслись отъ гибели въ огнѣ, такъ какъ многія издохли во время плаванія, а остальныя сгорѣли на «Роджерсѣ». Само собою разумѣется, что положеніе команды не было бы до такой степени отчаянно, если бы у нея было побольше собакъ для поѣздокъ во внутрь страны. Въ теченіе всей первой ночи послѣ посѣтившаго ихъ бѣдствія бѣд-

няки старались всячески добыть себѣ покой и сонъ, въ которыхъ они до такой степени нуждались; было такъ холодно, что имъ приходилось поминутно вскакивать на ноги и бѣгать для того, чтобы предохранить себя отъ окоченѣнія. Сначала они не знали, нужно ли имъ попробовать идти въ Идлидлю, или отправиться на лодкахъ въ фортъ св. Михаила, или же, наконецъ, остаться среди туземцевъ сѣвернаго предгорья. При ближайшемъ обсужденіи всѣхъ этихъ плановъ, стало совершенно яснымъ, что путешествіе въ Аляску ни въ какомъ случаѣ не осуществимо, такъ какъ разстояніе тутъ было около 400 англ. миль, а бороться съ густымъ и отвердѣвшимъ льдомъ лодки рѣшительно не были въ состояніи; нельзя было также думать и о переселеніи въ нашу зимнюю избушку, потому что оставленные тамъ по разсчету на 6 человѣкъ припасы съ прибытіемъ лишнихъ 30 ртовъ пришли бы скоро къ концу, и положеніе только бы ухудшилось, вмѣсто того, чтобы улучшиться; кромѣ того, за отсутствіемъ иныхъ средствъ передвиженія, имъ пришлось бы сдѣлать путь въ 150 англ. миль пѣшкомъ, что при глубинѣ снѣга въ нѣсколько футовъ должно было представить непреоборимыя трудности. Каковъ будетъ пріемъ со стороны мѣстныхъ туземцевъ, никто не зналъ, да и знать не могъ, такъ какъ со времени прибытія въ бухту «Роджерса» сношенія съ ними были крайне ограничены, вслѣдствіе чего нельзя было судить о ихъ настроеніи къ чужестранцамъ. Тѣмъ не менѣе, это былъ единственный выходъ изъ бѣдственнаго положенія, а потому, въ виду того, что ночью ледъ отогнало нѣсколько отъ берега, на слѣдующее же утро лодки были спущены на воду и предпринята была экспедиція къ хребту, тянувшемуся вдоль сѣвернаго берега бухты. И эта попытка, однако, окончилась неудачею: ледъ снова сталъ сгущаться и скоро принудилъ несчастныхъ вернуться; тогда капитанъ Бѣрри приказалъ устроить изъ вытащенныхъ снова на берегъ лодокъ, нѣсколькихъ палатокъ и парусовъ нѣчто въ родѣ жалкаго убѣжища, въ которомъ съ грѣхомъ пополамъ экипажъ и выдержалъ страшную мятель, розъигравшуюся ночью. Дневная порція была далеко не велика, ибо выдано было на человѣка по полуфунту вяленаго мяса и по кусочку хлѣба. Къ счастью, въ скоромъ времени прибыли изъ ближайшаго селенія на саняхъ туземцы, радушно пригласившіе къ себѣ экипажъ «Роджерса»; нечего и говорить, съ какою живѣйшею признательностью было принято это приглашеніе, и едва только стихла буря, отдѣльные отряды (вся команда была раздѣлена на доцманства, или отряды, находившіеся подъ начальствомъ отрядныхъ офицеровъ) двинулись въ путь по направленію къ селенію, находившемуся всего лишь въ какихъ нибудь десяти верстахъ отъ берега; снѣгъ былъ очень глубокъ, а потому переходъ длился цѣлый день и изъ всѣхъ тяжкихъ переходовъ, совершенныхъ въ теченіе этой злополучной зимы, этотъ коротенькій

переходъ былъ рѣшительно самый мучительный, такъ какъ люди были плохо одѣты и едва могли двигаться вслѣдствіе утомленія отъ непосильныхъ трудовъ, перенесенныхъ ими при пожарѣ.

По прибытіи въ селеніе, гостей размѣстили по двое по юртамъ, гдѣ имъ и пришлось очень скоро познакомиться съ моржовымъ мясомъ и жиромъ. Буря стихла окончательно только на пятый день, и тогда нѣкоторая часть людей была послана къ тому мѣсту, гдѣ были оставлены лодки; здѣсь между тѣмъ ледъ успѣло взломать и береговая часть бухты на столько освободилась ото льда, что можно было безпрепятственно спустить лодки на воду, нагрузить ихъ и перевести къ сѣверному предгорью; было страшно холодно, а потому и самая поѣздка не была изъ особенно пріятныхъ. Прибывъ счастливо къ мѣсту своего назначенія, команда вытащила лодки на берегъ для зимовки и занялась дѣломъ самымъ необходимымъ въ настоящее время и не терпящимъ отлагательства, а именно начала скупать у туземцевъ мѣховыя одежды, при помощи спасенныхъ во время пожара товаровъ; капитану Бёрри удалось скоро раздобыть достаточный запасъ теплаго платья для всѣхъ своихъ людей. Спасенный провіантъ былъ спрятанъ на будущее время, а экипажъ, какъ офицеры, такъ и матросы, поступилъ на кормъ къ чукчамъ; но вслѣдствіе усиленнаго потребленія уже черезъ три дня оказался недостатокъ въ мясѣ у здѣшнихъ туземцевъ и капитанъ Бёрри долженъ былъ убѣдиться, что его люди не могутъ ни въ какомъ случаѣ оставаться скученными въ одномъ мѣстѣ, а такъ какъ къ этому времени многія окрестныя селенія заявили о своей готовности помѣстить и прокормить всю зиму чужеземцевъ, то экипажъ и былъ раздѣленъ на три отряда. Одинъ отрядъ, во главѣ котораго стоялъ г. Цэне, отправился на зиму въ то селеніе, которое было расположено у южнаго предгорья; другой, подъ командою мичмана Хёнта, поселился въ селеніи, построенномъ въ глубинѣ залива, и, наконецъ, третій отрядъ, подъ начальствомъ лейтенанта Уэринга и мичмана Стонея, остался у сѣвернаго предгорья.

Тотчасъ послѣ своего окончательнаго устройства на островѣ Идлидлѣ старшій лейтенантъ Путнэмъ сталъ производить ежедневныя наблюденія надъ силою и скоростью теченія и, кромѣ того, сдѣлалъ цѣлый рядъ астрономическихъ наблюденій для точнаго опредѣленія географическаго положенія острова. Для того, чтобы сообщить о результатахъ своихъ работъ, а также и для полученія дальнѣйшихъ по этому поводу указаній, онъ задумалъ отправиться въ первыхъ числахъ января къ мѣсту зимовки «Роджерса»; по дорогѣ туда, еще въ 25 миляхъ отъ цѣли путешествія, въ деревнѣ Инчуинъ дошла до него вѣсть о погибели «Роджерса». Немедленно вернулся онъ въ нашу зимовку, нанялъ здѣсь нѣсколько туземцевъ, захватилъ всѣ имѣвшіяся у насъ упряжки, нагрузилъ собран-

ные такимъ путемъ припасы на сани и снова двинулся въ путь къ бухтѣ св. Лаврентія. Грузъ, увезенный Путнэмомъ, состоялъ изъ 5 ящиковъ хлѣба, около 25 пудовъ «пеммикана» и разныхъ мелкихъ припасовъ. Въ то же самое время и капитанъ Бёрри, передавъ главноė начальство надъ расселеннымъ по берегамъ бухты экипажемъ лейтенанту Уэрингу, съ своей стороны отправился въ Идлидлю на единственной уцѣлѣвшей собачьей упряжкѣ, прихвативъ съ собою вожака изъ мѣстныхъ жителей. Въ Инчуинѣ встрѣтился онъ съ Путнэмомъ, которому и отдалъ приказаніе продолжать путь, а при возвращеніи захватить съ собою на островъ г.г. Хёнта и Цэне. На другой же день Путнэмъ и его три спутника изъ туземцевъ достигли цѣли путешествія, гдѣ, сдавъ припасы, пробыли нѣсколько дней для того, чтобы дать отдыхъ замученнымъ собакамъ.

10 января, въ совершенно ясную погоду, Путнэмъ тронулся въ обратный путь; онъ самъ правилъ своею упряжкою и захватилъ на свои сани мичмана Хёнта; докторъ Кастильо ѣхалъ съ Эрфенъ, самымъ почтеннымъ изъ туземныхъ проводниковъ, а лейтенантъ Цэне—съ другимъ туземнымъ возницею; слѣдуетъ замѣтить, что д-ръ Кастильо присоединился къ экспедиціи по своей волѣ и изъ любви къ искусству, заблаговременно приговоривъ одного изъ туземцевъ пріѣхать за нимъ черезъ нѣсколько дней въ Идлидлю. Не успѣли наши путники немного отъѣхать отъ селенія, какъ сани Путнэма сломались; положимъ, что ихъ сейчасъ починили бывшіе съ нимъ люди, но все же было благоразумнѣе не нагружать ихъ черезъ мѣру, и потому Хёнтъ продолжалъ путь въ саняхъ третьяго туземца. Трудно опредѣлить былъ ли этотъ незначительный случай главною причиною смерти Путнэма и спасенія отъ нея Хёнта, но во всякомъ случаѣ около полудня небо покрылось тучами и довольно сильный сѣверный вѣтеръ, поднявшійся въ то же время, скоро перешелъ въ ужасную мятель, не дававшую рѣшительно никакой возможности распознать дорогу; не смотря, однако, на это наши путники смѣло продолжали ѣхать впередъ, пока около 6 часовъ вечера проводники не объявили, что необходимо остановиться на ночлегъ, такъ какъ собаки не выдержатъ дальнѣйшаго бѣга противъ вѣтра. Ужасную, по истинѣ, ночь провели они, то сидя на саняхъ и тщательно стараясь уснуть хотя на нѣсколько мгновеній, то снова бѣгая взадъ и впередъ по глубокому снѣгу для того, чтобы согрѣться и расправить свои коченѣющіе члены; термометръ показывалъ 28 градусовъ мороза и при этой-то температурѣ они вынуждены были оставаться въ полѣ, безъ всякой защиты отъ бушующаго вѣтра отъ 6 ч. до 8 ч. утра. Подъ утро мятель нѣсколько утихла и они рѣшились возвратиться тотчасъ же въ бухту св. Лаврентія, чтобы выждать тамъ наступленія болѣе удобной для поѣздки погоды. Безъ особенныхъ приключеній

они сдѣлали уже бо̀льшую часть пути; вѣтеръ, однако, усиливался съ каждою минутою, но такъ какъ онъ дулъ теперь неизмѣнно съ сѣвера (всѣ сильные штормы идутъ здѣсь въ это время года съ сѣвера или запада), то онъ приходился имъ въ спину и неособенно мѣшалъ. Къ сожалѣнію, въ селеніи у сѣвернаго предгорья они не нашли достаточнаго количества пищи для собакъ и потому принуждены были продолжать путь до южнаго берега залива. Крѣпко замерзшая бухта была уже счастливо оставлена позади и, перебравшись на южный берегъ, имъ оставалось всего лишь версты двѣ съ половиною пути до селенія Нутапинуинъ, мѣста ихъ назначенія. Въ небольшомъ разстояніи отъ берега дорога идетъ почти все время въ южномъ направленіи и только почти передъ самымъ селеніемъ она дѣлаетъ крутой поворотъ направо, такъ что метровъ 200 приходилось проѣхать противъ вѣтра, который дулъ теперь уже съ запада. Сани ѣхали гуськомъ другъ за другомъ въ слѣдующемъ порядкѣ: сначала ѣхалъ Кастильо и Эреренъ, затѣмъ Путнэмъ, вслѣдъ за нимъ Цэне и Нотунгъ и на нѣкоторомъ растояніи отъ послѣднихъ Хёнтъ въ сопровожденіи третьяго туземца. Все шло счастливо, пока не прибыли къ повороту. Первыя сани повернули вправо тамъ, гдѣ было нужно; Путнэмъ, который немного отсталъ отъ передовой упряжки, какъ разъ въ этомъ мѣстѣ и былъ перегнанъ третьями санями, съ которыхъ Цэне крикнулъ ему, проѣзжая мимо: «Ну, Путнэмъ, кажется, наконецъ мы пріѣхали!»—«Надѣюсь»,—отвѣтилъ Путнэмъ. Цэне поѣхалъ дальше и, не воображая, что онъ видѣлъ своего товарища въ послѣдній разъ и въ послѣдній же разъ слышалъ его голосъ. Скоро и возница свернулъ направо, а такъ какъ трудно было заставить собакъ бѣжать противъ бушующаго вѣтра, то никому и въ голову не пришло обернуться и посмотрѣть еще разъ на сани Путнэма, тѣмъ болѣе, что Цэне, естественно, предполагалъ, что Путнэмъ, съ которымъ онъ только что разговаривалъ, слѣдуетъ тотчасъ за его санями. Остался ли онъ далеко за этими третьими санями и, ослѣпленный несущимся ему на встрѣчу снѣгомъ, потерялъ изъ виду передовыя сани, по которымъ онъ долженъ былъ оріентироваться, или же ему не удалось повернуть своихъ собакъ навстрѣчу бурѣ, такъ какъ онъ управлялся съ собаками гораздо хуже туземцевъ; во всякомъ случаѣ, вмѣсто того, чтобы повернуть направо, онъ слѣдовалъ, вѣроятно, все по тому же направленію, какъ оказалось впослѣдствіи, и попалъ на ледъ. Очень легко можетъ быть, что для того, чтобы защитить себя отъ дующаго сбоку вѣтра, онъ сѣлъ бокомъ въ своихъ саняхъ, которыя все болѣе и болѣе сбивались бушующимъ вѣтромъ съ истиннаго пути и въ концѣ концовъ очутились на береговомъ льду; если онъ проѣхалъ такимъ образомъ нѣкоторое разстояніе, то слѣдуетъ предположить, что скоро замѣтилъ свою ошибку и, такъ какъ падающій снѣгъ

мѣшалъ ему разглядѣть настоящую дорогу, а ревъ бури совершенно заглушалъ его голосъ, онъ рѣшился провести всю ночь подъ санями, въ ожиданіи лучшей погоды; все это тѣмъ болѣе вѣроятно, что онъ зналъ своихъ товарищей, которые не могутъ покинуть его въ бѣдѣ и, едва замѣтятъ его отсутствіе, конечно, предпримутъ всевозможныя мѣры къ его отысканію и не успокоятся до тѣхъ поръ, пока не отыщутъ.

Не прошло и пяти минутъ послѣ того, какъ Цэне перегналъ на дорогѣ Путнэма и говорилъ съ нимъ, онъ прибылъ въ селеніе и, совершенно окоченѣлый отъ холода, тотчасъ же забрался въ юрту грѣться. Оба туземца первыхъ двухъ саней никакъ не могли себѣ объяснить исчезновеніе третьихъ; предполагая даже, что если они и сбились, быть можетъ, съ дороги, то всеже не могутъ быть далеко отъ селенія, одинъ изъ возницъ, Нотунгъ, отправился на берегъ на поиски. Онъ кричалъ и звалъ во весь голосъ, но о пропавшемъ не было ни слуху, ни духу. Между тѣмъ Хёнтъ и его чукотскій проводникъ, которые какъ разъ въ это время въѣзжали въ селеніе, воображали, что криками этими указываютъ имъ дорогу и совершенно спокойно продолжали путь къ деревнѣ, гдѣ тотчасъ же по прибытіи, услыхали отъ Эререна вѣсть о неприбытіи Путнэма. Испугавшись за жизнь своего любимаго всѣми товарища, онъ тотчасъ же отыскалъ Цэне, чтобы посовѣтоваться съ нимъ о дальнѣйшихъ мѣрахъ, и, къ своему величайшему изумленію, нашелъ этого послѣдняго въ полной неизвѣстности о происшествіи. Туземцы, по своей обычной безпечности, и не подумали вовсе сообщить ему о невозвращеніи однихъ саней, и дорогое время было такимъ образомъ потеряно въ ихъ пустыхъ и безтолковыхъ поискахъ. Обезпокоенные до-нельзя и оцѣнивъ вполнѣ весь ужасъ положенія заблудившагося, во время подобной метели, Цэне и Хёнтъ поспѣшили скорѣе къ берегу, но тщетно предлагали они туземцамъ всевозможныя награды, тщетно старались то мольбами, то приказаніями побудить ихъ къ тому, чтобы эти люди запрягли своихъ собакъ и пустились на поиски заблудившагося; туземцы твердо стояли на своемъ и повторяли, что они и сами не поѣдутъ никуда, да и сабакъ съ санями не дадутъ чужеземцамъ, такъ какъ метель и буря слишкомъ сильны; вѣроятно,—утверждали они,—завтра погода прояснится, и тогда они хоть всѣ отправятся на розыски. Никакія угрозы не могли поколебать ихъ твердую рѣшимость, и оставалось лишь съ нетерпѣніемъ ожидать слѣдующаго дня, а между тѣмъ буря становилась съ каждою минутою все сильнѣе и сильнѣе, такъ что скоро едва было можно держаться на ногахъ, и возвращеніе съ берега совершено было лишь съ великимъ трудомъ. А тутъ ночью случилась новая бѣда: страшный вѣтеръ разломалъ ледъ и отогналъ его на далекое разстояніе отъ берега въ открытое море.

Съ разсвѣтомъ предприняты были розыски; подъ утро вѣтеръ нѣсколько стихъ, но все еще былъ достаточно силенъ, чтобы затруднять до крайности движеніе впередъ; воздухъ, однако, былъ чистъ и давалъ возможность видѣть вокругъ себя на далекое разстояніе. Хёнтъ и Цэне, которые хотѣли идти по берегу въ то время, какъ туземцы разсыпались по разнымъ направленіямъ внутрь страны, вмѣсто безграничныхъ льдовъ, увидали передъ собою теперь чистое, открытое море, въ которомъ льда не было и слѣда. Такъ прошли они съ милю по берегу, повсюду розыскивая хоть какой нибудь слѣдъ заблудившагося, пока не достигли высокаго ряда береговыхъ холмовъ, на которые не было никакой возможности взобраться на саняхъ. Рѣшено было, что дальше Путнэмъ не могъ ѣхать, если только предположить, что онъ ѣхалъ по берегу; въ противномъ случаѣ оказывалось вѣроятнымъ, что онъ съѣхалъ, сбившись съ дороги, на ледъ, провелъ на немъ всю ночь и теперь вынесенъ на немъ въ открытое море; въ такомъ случаѣ представлялись двѣ возможности къ спасенію: первая—что вѣтеръ перемѣнитъ направленіе и пригонитъ ледъ снова къ берегу; вторая—что наступитъ, наконецъ, тихая погода, при которой между угнаннымъ льдомъ и берегомъ вода замерзнетъ и доставитъ возможность Путнэму спастись отъ смерти. На слѣдующій день Цэне и Хёнтъ отправились въ сопровожденіи трехъ туземцевъ къ сѣверному селенію для того, чтобы дать знать Уэрингу о случившемся несчастіи; докторъ Кастильо остался въ южномъ селеніи, съ намѣреніемъ быть полезнымъ Путнэму, если бы онъ по счастью возвратился домой. Перебравшись черезъ бухту и достигнувъ сѣвернаго селенія, они оба застали лейтенанта Уэринга собирающимся съ своей стороны въ путь; онъ передалъ уже начальство мичману Стонею и хотѣлъ отправиться въ южное селеніе, думая закупить тамъ моржоваго мяса, запасы котораго замѣтно истощались у жителей; узнавъ о несчастіи, онъ тотчасъ же рѣшилъ предпринять розыски въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и немедленно отправился на южный берегъ бухты, тогда какъ Цэне и Хёнтъ двинулись по его приказанію въ путь въ Идлидлю. 19-го января, прибыли они со своею ужасною вѣстью къ намъ въ зимовку и нашли капитана Бёрри занятымъ приготовленіями къ санной поѣздкѣ, которую онъ хотѣлъ предпринять вдоль западнаго берега; онъ ожидалъ только Путнэма, который долженъ былъ сопровождать его въ этомъ путешествіи.

Тщательнѣйшіе розыски лейтенанта Уэринга впродолженіе первыхъ дней то подавали слабую надежду, то повергали его въ полное отчаяніе. 13 января, послѣ полудни, онъ получилъ отъ одного изъ поселенныхъ на южномъ берегу матросовъ, по имени Кэхилль, вѣсть, что утромъ того же дня съ берега видѣли на огромной льдинѣ, плывшей верстахъ въ пяти отъ берега, Путнэма, что Кэхилль тщетно старался, однако, побудить туземцевъ предпринять

что нибудь къ спасенію несчастнаго; не смотря на большое вознагражденіе, предлагаемое имъ, они, боясь тонкаго льда, застлавшаго взморье и дѣйствительно представлявшаго немалую опасность для тѣхъ, кто отважится ѣхать по немъ въ лодкѣ изъ шкуры, на отрѣзъ отказались пуститься въ море. Поздно вечеромъ слѣдующаго дня пришла новая вѣсть изъ селенія, лежащаго верстъ на 10 южнѣе селенія южнаго берега, о томъ, что и тамъ видѣли Путнэма на льдинѣ верстахъ въ 12 отъ берега; Уэрингъ тотчасъ же отправился въ указанное селеніе, котораго, не смотря на сильную мятель и бурю, несущуюся съ запада, и достигъ въ тотъ же вечеръ; здѣсь узналъ онъ, что еще вчера четверо изъ людей «Роджерса», при помощи двухъ туземцевъ, старались спасти погибающаго, но едва отъѣхали они пять верстъ отъ берега, какъ должны были поспѣшно возвратиться вспять, такъ какъ ледъ во многихъ мѣстахъ прорѣзалъ ихъ лодку, и они едва успѣли, поминутно откачивая воду, добраться до берега. Теперь снова поднялась съ берега сильная буря, которая и унесла, вѣроятно, несчастнаго изъ виду; но такъ какъ туземцы были совершенно увѣрены, что глыбу прибьетъ непремѣнно къ одному очень выдающемуся въ море мысу, то Уэрингъ и рѣшилъ, едва только позволитъ погода, отправиться туда; но ему пришлось натолкнуться на неожиданныя препятствія: вслѣдствіе какой-то недавней ссоры съ туземцами индійскаго мыса, жители предгорій ни за что не хотѣли ни сами отправиться въ эту часть прибрежья, ни дать своихъ собакъ, увѣряя, что чужеземцы будутъ тамъ непремѣнно перебиты до послѣдняго. Послѣ долгихъ стараній удалось, наконецъ, кое-какъ собрать изъ селеній, лежащихъ на 30—40 миль въ окружности, упряжку изъ восьми собакъ, но всеже раньше 17-го января Уэрингу никакъ не удалось выбраться. Онъ отправился въ путь въ сопровожденіи одного туземца. Цѣлыхъ тридцать миль проѣхали они вдоль берега, посѣтили 6 селеній, но нигдѣ не получили никакихъ свѣдѣній о пропавшемъ, такъ какъ долго дувшій съ берега вѣтеръ успѣлъ угнать весь ледъ въ открытое море; къ сожалѣнію, и здѣсь нельзя было получить необходимыхъ для дальнѣйшаго путешествія собакъ, и Уэрингу пришлось на слѣдующій день возвратиться въ селеніе на южномъ берегу бухты.

Тогда нѣсколько туземцевъ были отправлены по различнымъ береговымъ селеніямъ для того, чтобы обѣщаніемъ большой награды за спасеніе Путнэма или же за розысканіе его тѣла побудить мѣстныхъ жителей приступить къ дѣятельнымъ поискамъ, но всѣ дальнѣйшія мѣропріятія были пріостановлены страшною бурею, которая розыгралась съ ужасающею силою. 22-го января, поднялся сильный юго-западный вѣтеръ, пригнавшій ледъ снова къ берегу, но, къ сожалѣнію, оказалось, что море искрошило его на мелькіе куски и нигдѣ на горизонтѣ не виднѣлось ни одной болѣе значительной

глыбы. Посланные на южный берегъ люди не принесли никакихъ вѣстей, и дѣло стало принимать все болѣе и болѣе безнадежный характеръ, ибо нельзя уже было болѣе сомнѣваться въ томъ, что пятидневная буря должна была сломать всѣ большія глыбы, ледъ былъ только въ 5 — 6 футовъ толщины и покрытъ большимъ количествомъ сала и снѣга, а потому и не могъ противостоять необычайной силѣ вѣтра. 24-го января, Уэрингъ возвратился въ сѣверную деревню, но на слѣдующій же день снова отправился на южный берегъ бухты; тутъ 26-го января, до него дошелъ слухъ, что на берегъ сошло нѣсколько штукъ собакъ со льда. Задержанный на два дня бурною погодою, онъ могъ отправиться далѣе въ путь только 29-го, да и то въ страшный морозъ, для того, чтобы признать собакъ; въ селеніи Луора, котораго онъ достигъ лишь вечеромъ, послѣ 50-ти верстнаго путешествія, дѣйствительно онъ нашелъ трехъ собакъ изъ упряжки Путнэма; туземцы говорили, что ихъ пришло на берегъ больше, но что они могли поймать только трехъ; всѣ собаки, по ихъ словамъ, были безъ сбруи, но болѣе чѣмъ вѣроятно, что на самомъ дѣлѣ было иначе и что эти люди, ради избѣжанія дальнѣйшихъ изслѣдованій и, быть можетъ, требованія возвратить животныхъ, сняли имѣвшуюся на нихъ сбрую. Во всякомъ случаѣ, Уэрингъ ни на минуту не сомнѣвался въ томъ, что всѣ три собаки принадлежали именно къ упряжкѣ несчастнаго Путнэма. Безпрестанно приходили теперь новые слухи и вѣсти, утверждавшіе, что Путнэма видѣли гдѣ-то на берегу, такъ что, переждавъ три дня продолжавшуюся метель и бурю, Уэрингъ снова пустился 2-го февраля въ путь, нарочно слѣдуя вдоль берега, чтобы прослѣдить источники этихъ слуховъ; по всему южному берегу вплоть до Пловерской бухты устроилъ онъ розыски, которые, впрочемъ, и на этотъ разъ остались безъ всякихъ результатовъ; мало того, многіе туземцы этой мѣстности, которые хорошо умѣли объясняться поанглійски, заявили ему, что, по ихъ глубокому убѣжденію, Путнэмъ даже и не думалъ попадать въ эти мѣста.

За десять дней передъ этимъ, въ селеніе Энгуортъ, находящееся верстъ за 90 отъ южнаго предгорья, пришла еще собака, имѣвшая на шеѣ безспорную пистолетную рану и притомъ явно принадлежавшая тоже къ упряжкѣ Путнэма; и эта собака, какъ и всѣ остальныя, была очень худа и обезсилена и притомъ вся покрыта ледяною корою, что указывало на ея долгое пребываніе въ водѣ. По всѣмъ вѣроятіямъ, Путнэмъ хотѣлъ застрѣлить это животное, чтобы раздобыть себѣ пищи, но онъ только ранилъ ее, и она спаслась бѣгствомъ. Всего теперь изъ девяти собакъ возвратилось на берегъ шесть. 18-го февраля, Уэрингъ вернулся въ сѣверное селеніе, употребивъ больше мѣсяца на свои розыски, которые оставилъ лишь тогда, когда о печальной кончинѣ Путнэма не могло уже быть никакого вопроса или сомнѣнія. Во время своихъ

поѣздокъ по берегу, онъ оставилъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ бухтъ Марка и Пловерской письма къ ожидаемымъ сюда раннею весною китоловамъ, гдѣ онъ описалъ печальное положеніе экипажа «Роджерса» и молилъ о неотложной помощи.

И, всетаки, розыски не были оставлены; теперь они были поручены мичману Стонею, который тщательно разслѣдовалъ весь берегъ, начиная отъ сѣвернаго предгорья вплоть до мыса восточнаго, но и здѣсь никакихъ ровно результатовъ не было получено, да къ тому же, такъ какъ во время послѣднихъ недѣль исключительно дули сильные сѣверо-западные вѣтры, то морское теченіе, идущее въ Беринговъ проливъ, и не могло загнать льда на сѣверъ.

Что Путнэмъ еще на третій день своего исчезновенія былъ живъ, это не подлежитъ никакому сомнѣнію; что же касается времени, проведеннаго имъ на льдинѣ, имѣя постоянно смерть передъ глазами, то опредѣлить его нѣтъ никакой возможности и можно дѣлать лишь кое-какія предположенія. Все время температура стояла между 24 и 32° мороза, и хотя онъ былъ тепло одѣтъ, но всеже не имѣлъ никакой защиты отъ бушующаго вѣтра. Безъ всякаго сомнѣнія онъ убилъ одну, а, быть можетъ, и двухъ собакъ, такъ что можно быть увѣреннымъ, что онъ не умеръ, по крайней мѣрѣ, съ голода; всего вѣроятнѣе, что глыба, на которой онъ находился, сломалась въ одну изъ страшныхъ бурь, и онъ погибъ при этомъ въ морской пучинѣ. Мысль о его погибели, всетаки, не казалась бы столь ужасною, если бы можно было быть увѣреннымъ, что смерть была быстрая; сознаніе, что онъ скоро освободится отъ своихъ страданій, могло, по крайней мѣрѣ, служить ему нѣкоторымъ утѣшеніемъ. Сначала мы думали, что его отнесло, быть можетъ, къ острову св. Лаврентія, гдѣ онъ и спасся, но, когда офицеры «Роджерса» позднѣе посѣтили берегъ этого острова на «Корвинѣ» и встрѣтили тамошнихъ туземцевъ, то оказалось, что эти послѣдніе не только не слышали ничего о какомъ либо спасшемся на ихъ островѣ человѣкѣ, но не имѣли никакого понятія о самомъ случаѣ съ Путнэмомъ. Такимъ образомъ, исчезла и послѣдняя надежда.

XIII.

По Сибири.

Средне-Колымскъ, Сѣверная Сибирь, 8-го марта 1882 года.

ВЫѢХАЛЪ изъ Идлидли въ самое неблагопріятное время года, направляясь черезъ бассейнъ Колымы до первой восточно-сибирской телеграфной станціи, откуда я могъ бы послать на родину извѣстіе о постигшемъ насъ несчастіи. Днемъ солнце не показывалось и на два часа надъ горизонтомъ, что до-нельзя сокращало день и непомѣрно удлиняло ночь; это обстоятельство и дѣлаетъ полярныя путешествія столь трудными. Кромѣ того, у здѣшнихъ туземцевъ существуетъ пренепріятная привычка подниматься въ путь спозаранку; они поступаютъ такимъ образомъ даже въ томъ случаѣ, если имъ приходится ѣхать недалеко. У нихъ нѣтъ рѣшительно никакого понятія о времени, и они нерѣдко принимаютъ за разсвѣтъ сѣверное сіяніе. Мнѣ всегда казалось, что возня въ юртѣ и около нея не унимается ни на минуту впродолженіе всей ночи; кто нибудь постоянно бродитъ и часто между бродящими и находящимися внутри юртъ происходятъ подобные разговоры.

Изъ внутренняго помѣщенія спрашиваютъ: «Мехъ?»; на это снаружи раздается утвердительное хрюканье. Снова вопросъ: «Йети?». Второе хрюканье. «Ниретури?» Новое хрюканье. «Элдшерѣ?»—«Й-и-и», т. е. да. Все это въ вольномъ переводѣ значитъ ни болѣе, ни менѣе, какъ: «Эй!»—«Это ты?»—«Васъ двое?» и затѣмъ: «Свѣ-

таетъ, что-ли?» Мнѣ никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не случалось слышать, чтобы на послѣдній вопросъ когда нибудь отвѣтили отрицательно, а потому я и предполагаю, что ихъ «да» имѣетъ всегда самое широкое значеніе, совершенно понятное лишь для нихъ и поневолѣ поражающее человѣка, незнакомаго съ ихъ обычаями; они очень хорошо знаютъ, что день еще далеко, но предполагаютъ, что со временемъ онъ, всетаки, долженъ наступить. Иногда, когда я, часа два спустя послѣ подобнаго разговора, выходилъ наружу, еще не было замѣтно ни малѣйшаго признака зари на небѣ, и мнѣ случалось томиться въ ожиданіи давно желаннаго разсвѣта еще часа четыре времени. Такого рода привычка для человѣка, охотно подчиняющаго время пріѣзда и отъѣзда извѣстному разумному плану, невыносима, но приходится спокойно подчиняться, изстари заведенному у этихъ людей, обычаю, такъ какъ всякая попытка къ сопротивленію повела бы за собою еще большія непріятности. Въ день пріѣзда въ Идлидлю капитана Бёрри прибылъ къ намъ также и одинъ русскій, по имени Ванкеръ, изъ Нижне-Колымска, который согласился за 50 рублей проводить меня въ этотъ городъ; съ перваго взгляда на этого человѣка, было видно, что онъ проходимецъ. До какой степени онъ умѣлъ лгать, я узналъ съ перваго же дня; онъ сказалъ мнѣ, что умѣетъ читать, и когда я далъ ему письмо русскаго консула въ Санъ-Франциско, написанное на русскомъ языкѣ, то онъ прочелъ его, какъ будто съ удовольствіемъ и интересомъ, до конца; онъ улыбнулся даже по поводу будто бы одного шуточнаго выраженія, употребленнаго въ письмѣ, останавливался раза два на трудныхъ и неразборчивыхъ будто бы словахъ, которыя долго и тщательно разсматривалъ, и все время держалъ письмо въ рукахъ вверхъ ногами! Я было перевернулъ ему письмо должнымъ образомъ, но онъ тотчасъ обратилъ низъ вверхъ и посмотрѣлъ на меня такъ, какъ будто бы хотѣлъ сказать: «Я всегда, братъ, читаю мои письма такимъ образомъ»! Подвергнувъ еще разъ тщательному осмотру черную каемку и водяное фабричное клеймо на бумагѣ, онъ передалъ мнѣ, наконецъ, письмо обратно со словами, что «все въ порядкѣ»—мнѣніе, за которое, безъ всякаго сомнѣнія, я былъ ему очень благодаренъ. Съ нашимъ камчадаломъ Константиномъ онъ могъ, однако, объясняться очень бѣгло, почему, вѣроятно, и посовѣтовалъ мнѣ захватить его съ собою въ качествѣ возницы и переводчика; но въ томъ-то и бѣда, что я также мало могъ понимать Константина, какъ и онъ меня; это былъ юноша, вообще плохо одаренный способностью къ изученію какого бы то ни было языка, но, всетаки, былъ мнѣ часто и много полезенъ.

Дорогой Константинъ былъ моимъ возницею; къ сожалѣнію, мы подвигались очень медленно впередъ, такъ какъ мои, слишкомъ наскоро купленныя, упряжныя собаки составили самую жалкую

упряжку. Теперь оказалось, что туземцы вовсе не всегда разъискивали для меня своихъ лучшихъ животныхъ, но скорѣе продавали мнѣ, съ особенною охотою, самыхъ негодныхъ; когда я, не смотря на это, всетаки, получалъ что нибудь порядочное, то это случалось только потому, что чукча, отъ котораго я пріобрѣталъ порядочное животное, не имѣлъ ни одной собаки, хуже проданной.

Константинъ пробовалъ собакъ, какъ истый знатокъ, съ чувствомъ собственнаго достоинства, и производилъ обыкновенно эту операцію такимъ образомъ, что проводилъ рукою по спинному хребту собаки; если спина была достаточно жирна и притомъ на столько, что кости не царапали ему руку, то онъ объявлялъ животное вполнѣ годнымъ. Первымъ его вопросомъ продавцу было всегда: а можетъ ли она идти за вожака?—изъ чего я и заключилъ, что онъ обладаетъ какою-то особенною слабостью къ водовымъ собакамъ. Мнѣ до сихъ поръ еще не совсѣмъ ясно, кто, по его мнѣнію, долженъ былъ везти наши сани, такъ какъ онъ все покупалъ водовыхъ, а не тяговыхъ собакъ. При нѣкоторыхъ кучерскихъ, несомнѣнно, очень полезныхъ качествахъ онъ обладалъ, однако, еще однимъ, которое не совсѣмъ таки удобно для кучера, такъ какъ онъ замѣчательно легко терялъ съ саней разные отдѣльные предметы; въ каждомъ селеніи, гдѣ мы останавливались, мнѣ приходилось покупать ему то новый ремень, то варежки, то кнутъ и т. п.

Вторую ночь нашего путешествія мы провели въ селеніи Йинретленъ, гдѣ по близости зимовала въ 1878—1879 годахъ «Вега»; здѣсь въ юртѣ старшины, самой большой изъ видѣнныхъ мною до той поры, мы были приняты чрезвычайно гостепріимно. Спальная въ этой юртѣ была футовъ въ тридцать длины, 12 ф. ширины и 7 вышины; благодаря такимъ размѣрамъ, въ ней не только было достаточно мѣста для спящихъ, но и воздухъ былъ чистъ и хорошъ. Ванкеръ обѣщался соединиться со мною здѣсь и доставить меня отсюда безъ всякой уже задержки вплоть до самаго Нижне-Колымска, если только, прибавилъ онъ въ нѣжной обо мнѣ заботливости, холодъ и быстрая ѣзда не будутъ для меня слишкомъ непріятны. Вмѣсто краткаго пребыванія, мнѣ пришлось изъ-за бурной погоды прожить въ Йинретленѣ четыре дня и четыре ночи, въ постоянной, но напрасной надеждѣ, что Ванкеръ хотя на этотъ разъ сдержитъ свое слово; оставалось только радоваться, что эта долгая задержка случилась тогда именно, когда я находился въ такой хорошей юртѣ. Здѣсь впервыя представилась мнѣ возможность узнать поближе домашнюю жизнь туземцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторые отвратительные, съ перваго раза, обычаи, къ которымъ, однако, впослѣдствіи я успѣлъ привыкнуть.

Какъ бы рано вы ни проснулись въ чукотской юртѣ, все же можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что хозяйка уже встала, т. е. не лежитъ, растянувшись на землѣ, но сидитъ за дѣломъ; едва только

она замѣтитъ, что одинъ изъ спавшихъ проснулся, тотчасъ же суетъ ему нѣсколько кусковъ оленьяго мяса; никогда не даетъ она много, по большей части отъ 8 до 10 золотниковъ, но все же достаточно для того, чтобы успокоить желудочные нервы до той поры, когда послѣ всеобщаго пробужденія наступитъ часъ дѣйствительнаго завтрака. Тогда она отправляется во внѣшнюю юрту, которая представляетъ собою не что иное, собственно говоря, какъ кладовую, куда прячутся отъ собакъ разные припасы, и затѣмъ, послѣ усиленной и очень шумливой работы сѣчкою и ножомъ, минутъ черезъ 15—20 возвращается обратно съ готовымъ завтракомъ въ рукахъ. Тутъ ставятъ обыкновенно на полъ плоское деревянное корыто, у одного края котораго присаживается на корточки сама хозяйка, успѣвшая, между тѣмъ, ради удобства движеній, освободиться отъ своей одежды; остальные члены семьи и ихъ гости занимаютъ мѣста подлѣ этого импровизированнаго стола, лежа плашмя на животѣ и повернувъ голову къ ѣдѣ, а ноги протянувъ, какъ можно дальше; съ высоты птичьяго полета такой чукотскій столъ съ его вѣнкомъ изъ ѣдоковъ представлялъ бы собою нѣчто въ родѣ насѣкомаго чудовищныхъ размѣровъ. Первое блюдо завтрака состоитъ обыкновенно изъ замороженной и политой тюленьимъ жиромъ зелени, которую ѣдятъ, закусывая маленькими кусочками свѣжаго сала, нарѣзываемаго дамою, по мѣрѣ потребленія, большимъ ножемъ; по обычаю, заведенному изстари, это блюдо ѣдятъ такимъ образомъ, что кладутъ прежде кусокъ сала на цѣлую гору зелени и затѣмъ захватываютъ этой послѣдней, какъ разъ столько, сколько укладывается между большимъ и слѣдующими тремя пальцами; зелень сжимается затѣмъ въ плотный комокъ, который, наконецъ, и отправляется въ ротъ. Само собою разумѣется, что лучше всего тому, кого природа надѣлила пальцами приличныхъ размѣровъ. Второе блюдо состоитъ изъ моржоваго мяса, которое равнымъ образомъ рѣжется сидящею на верхнемъ концѣ «стола» хозяйкою и дѣлится ею между присутствующими щедрою рукою. И тутъ опять тотъ въ барышахъ, кто можетъ сразу проглотить большой кусокъ, безъ того, чтобы останавливаться на жеваньѣ, считаемомъ совершенно излишнимъ; кто сидитъ подлѣ такого одареннаго природою проворнаго ѣдока, долженъ привыкнуть къ тому, чтобы держать одинъ кусокъ мяса во рту, а два имѣть наготовѣ въ рукѣ. Послѣ того, какъ весь кусокъ мяса, поданный хозяйкою, придетъ къ концу, она приноситъ большой кусокъ моржовой кожи, на которомъ съ внутренней его стороны оставлено нѣсколько сала, а сверху цѣла еще вся шерсть. Когда мясо нѣсколько испорчено, то шерсть легко соскребается съ кожи, иначе ее пожираютъ вмѣстѣ съ кожею, которая достигаетъ дюйма въ толщину и до того тверда, что даже самая основательная обработка ея зубами ничего не можетъ съ ней сдѣлать. Даже собаки здѣсь цѣлый полдень без-

надежно жуютъ небольшой кусочекъ моржовой шкуры. Вотъ почему хозяйка и рѣжетъ за столомъ кожу на самые тоненькіе куски, которые и составляютъ заключеніе и въ то же время самую вкусную часть ѣды и доставляютъ желудку занятіе, побуждающее его молчать вплоть до слѣдующей ѣды.

Во всякомъ достаточномъ чукотскомъ хозяйствѣ бываютъ обыкновенно двѣ ѣды въ день: только что описанный мною завтракъ и обѣдъ, устраиваемый довольно поздно вечеромъ и почти ничѣмъ по составу блюдъ не отличающійся отъ завтрака; только въ томъ и разница, что завтракъ заканчивается грызеньемъ моржовой шкуры, тогда какъ въ концѣ обѣда подаютъ еще одно блюдо, состоящее изъ вареннаго мяса. Иногда замороженная зелень замѣняется за обѣдомъ замороженнымъ мясомъ тюленя или моржа, тогда какъ первое и третье блюдо никогда не измѣняются, если только какія нибудь исключительныя обстоятельства не принуждаютъ сдѣлать отступленіе отъ разъ установившагося правила. Кромѣ этихъ постоянныхъ и неизмѣнныхъ столованій, для каждаго прибывающаго въ домъ гостя, накрываютъ нѣчто въ родѣ закуски, въ которой принимаютъ участіе всѣ домашніе съ такимъ рвеніемъ, что путнику приходится держать ухо востро, чтобы что нибудь осталось на его долю. Я могу засвидѣтельствовать объ этомъ изъ своего собственнаго опыта, пріобрѣтеннаго дорогою цѣною, такъ какъ часто предлагали мнѣ очень роскошную закуску, которая, однако, уничтожалась другими, быть можетъ, только что успѣвшими окончить свою обычную ѣду, а я изъ приличія и учтивости только облизывался. Мало-по-малу удалось, однако, и мнѣ побороть эти нѣжности, и я началъ занимать свое мѣсто у стола съ спокойнымъ сознаніемъ, что и меня не минуетъ добрая часть общей трапезы.

Вечерніе часы послѣ обѣда проводятъ часто въ играхъ. Положимъ, мы не играли въ шахматы или на бильярдѣ, но за то устраивали состязанія въ прекрасномъ искусствѣ бѣгать на рукахъ съ вытянутымъ горизонтально туловищемъ, или ходить на колѣнахъ, держась руками за ноги. Иногда гасили огонь въ юртѣ и музицировали въ потемкахъ; тогда кто нибудь билъ въ барабанъ, такъ называемый — «йараръ», и пѣлъ при этомъ въ высшей степени грустную мелодію, или же переходилъ отъ едва уловимаго тона въ поступательномъ кресчендо къ самымъ громкимъ и ужаснымъ воплямъ, которые только возможны для человѣка и которые при тупомъ звукѣ барабана казались ревомъ пойманнаго медвѣдя. Да и дѣйствительно, это былъ адскій гулъ, вліяніе котораго на нервы усугублялось еще темнотою. Втеченіе всей пѣсни хозяинъ вскрикивалъ отъ времени до времени: «Ай-хэкъ, ай-хэкъ!» — что должно было поощрять старанія барабанщика. Самый барабанъ состоитъ изъ деревяннаго обруча, обтянутаго тонкою кожею сѣвернаго оленя; въ одномъ мѣстѣ къ обручу придѣлана ручка, а бьютъ въ этотъ

барабанъ палочкою изъ китоваго уса. Начиная отъ момента потушенія огня и вплоть до самаго окончанія концерта, что бываетъ иногда часа черезъ два съ половиною, музыка должна продолжаться безпрерывно. Когда мы въ первый же вечеръ нашего пребыванія въ Йинретленѣ присутствовали на одномъ изъ подобныхъ концертовъ, я вдругъ услыхалъ, что Константинъ началъ тяжело дышать и всхлипывать, а по временамъ разражался стонами и плачемъ. Даже пѣвецъ обратилъ вниманіе на своего растроганнаго слушателя, остановился на минуту и спросилъ плачущаго, не боленъ ли онъ. Онъ простоналъ жалобное «да», и я подумалъ уже, что мнѣ придется пустить въ дѣло мой небольшой запасъ лекарствъ; но когда я, чтобы рѣшить, какое нужно примѣнить средство: внутреннее или наружное, началъ его разспрашивать, то получилъ отвѣтъ, что онъ страдаетъ отъ «надломленнаго сердца». Онъ перенесся въ Те-опъ-кеинъ, въ селеніе, лежащее неподалеку отъ Идлидли, гдѣ жила старуха, по имени Аттунгау, въ которую 19-лѣтній парень смертельно влюбился, хотя у нея было уже нѣсколько взрослыхъ дѣтей и внуковъ.

Впродолженіе всего нашего путешествія эта сцена повторялась всякій разъ, какъ приносили йараръ; едва только оканчивался концертъ и ночники зажигались снова, Константинъ казался такимъ веселымъ и довольнымъ, какъ будто съ нимъ не случилось ничего непріятнаго. Я полагалъ сначала, что онъ просто трусить, такъ какъ, между нами будь сказано, шумъ и грохотъ всегда былъ чудовищный и оглушительный, а нашъ влюбленный выказывалъ наибольшую чувствительность, какъ разъ въ этихъ громогласныхъ мѣстахъ. Во всякомъ случаѣ, музыкантъ могъ удовлетвориться вполнѣ тѣми результатами, которое вызывало его искусство. Между членами семьи, такъ радушно пріютившей меня, находились также двѣ дѣвочки, лѣтъ по 15, изъ которыхъ одна была дочерью моего хозяина, а другая—родственница ей. Танцы, исполняемые обѣими дѣвочками по вечерамъ, а иногда и въ другое время дня, имѣли кое-что общее съ танцами индійцевъ Сѣверной Америки. Словно для исполненія какого нибудь па-де-дё становились онѣ обыкновенно другъ послѣ друга и затѣмъ выполняли вмѣстѣ всевозможныя фантастическія тѣлодвиженія и позы, сопровождаемыя неописанно странными гортанными звуками; костюмъ ихъ состоялъ при этомъ изъ обычнаго здѣсь бальнаго туалета, а именно изъ нитки бусъ на шеѣ и узенькаго передника изъ тюленьей шкуры. Какъ оказалось впослѣдствіи, эти такъ называемые танцы были въ употребленіи у всѣхъ дѣтей въ прибрежныхъ селеніяхъ, а потому и считались самымъ обыкновеннымъ удовольствіемъ семейной жизни чукчей.

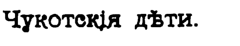
13-го января, отправились мы въ слѣдующее по пути селеніе, котораго мы и достигли еще до полудня, такъ какъ тронулись

Пихъ-латъ

Сунъ-нэ

Чукотскія дѣти.

въ путь часовъ около трехъ утра, при полнѣйшей еще темнотѣ. Случилось, что въ дорогѣ у насъ оказалось нѣсколько попутчиковъ, а именно чукотская чета изъ Онмана, возвращавшаяся изъ поѣздки на двухъ саняхъ съ своимъ уже взрослымъ сыномъ; этотъ сынъ, молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати двухъ, съ желтоватыми волосами и свѣтло-карими глазами, былъ первымъ бѣлокурымъ человѣкомъ, встрѣченнымъ мною среди чукчей; нѣсколько позднѣе удалось мнѣ еще встрѣтить бѣлокурую женщину въ Энмукки, но во всякомъ случаѣ оба субьекта составляли несомнѣнно рѣдкія исключенія. Прибывъ въ селеніе, старикъ отправился сначала въ одну юрту, но скоро снова вышелъ оттуда къ санямъ, перекинувшись нѣсколькими словами съ жителями, и сообщилъ мнѣ, что у мѣстныхъ чукчей нѣтъ корма для нашихъ собакъ и что будетъ гораздо лучше, если мы поѣдемъ прямо въ Онманъ. Насъ угостили кускомъ моржовины, а между тѣмъ я порѣшилъ, не смотря на благой совѣтъ, остаться здѣсь, такъ какъ мнѣ казалось гораздо лучшимъ дать голоднымъ собакамъ нѣкоторый отдыхъ, нежели гнать ихъ до самаго Онмана безъ отдыха и безъ пищи; къ тому же, по словамъ моего спутника, до этого желаннаго мѣста мы могли доѣхать развѣ только на слѣдующее утро. Мнѣ думалось, кромѣ того, что за хорошую плату я и здѣсь буду въ состояніи получить собачьяго корма, и, дѣйствительно, едва лишь наши спутники покинули насъ, какъ я увидѣлъ, что не ошибся въ моихъ разсчетахъ— жалобы на недостатокъ корма были обычною у здѣшняго народа хитростью для того, чтобы развязаться съ непрошенными гостями. Повидимому, и семья изъ Онмана сдѣлала то же самое открытіе, такъ какъ и они возвратились обратно черезъ какіе нибудь полчаса времени, полагая провести ночь вмѣстѣ съ нами. Что касается меня, то и здѣсь мнѣ пришлось пробыть четыре дня въ ожиданіи прибытія Ванкера. При оживленныхъ сношеніяхъ, существующихъ между прибрежными селеніями, всѣ ихъ юрты служатъ, собственно говоря, гостинницами для значительнаго числа туземцевъ, разъѣзжающихъ между Нижне-Колымскомъ и мысомъ Восточнымъ и не страшащихся длиннаго пути въ 2,000 слишкомъ верстъ, по берегу океана, только бы раздобыть себѣ кое-какіе товары изъ обоихъ этихъ пунктовъ; у мыса Восточнаго они могутъ вымѣнивать свой пушной товаръ и продукты промысла на скорострѣльныя ружья Генри и на бумажныя ткани, а въ Нижне-Колымскѣ они получаютъ дешевый и крѣпкій малороссійскій табакъ, небольшія трубки, копья для охоты за медвѣдями и т. п. предметы. Запасы товаровъ привозятся на мысъ Восточный американскими китоловами, имѣющими среди тамошнихъ туземцевъ своихъ агентовъ; въ Нижне-Колымскѣ товары находятся въ рукахъ русскихъ купцовъ, которые имѣютъ обыкновеніе собираться ежегодно во второй половинѣ февраля, по близости города, на берегъ рѣки Ануя, и устраивать въ

этомъ мѣстѣ большую и сильно посѣщаемую ярмарку. Убѣжище и прокормъ путешествующимъ туземцамъ доставляется въ береговыхъ селеніяхъ безплатно, но за то тѣмъ болѣе требовательными являются хозяева къ немногимъ бѣлымъ гостямъ, которыхъ судьба сюда закинетъ. Когда случится, что у проѣзжающаго чукчи найдется запасъ табаку или бусъ, то онъ по первой же просьбѣ подѣлится всѣмъ этимъ съ хозяиномъ, но такой подарокъ никогда не считается платою за кровъ и пищу, раздаваемые всегда даромъ. Въ Пилканѣ, второмъ селеніи на берегу бухты того же имени, я встрѣтился со многими туземцами, возвращавшимися изъ путешествія къ мысу Восточному; они встрѣтили на пути Ванкера и сообщили мнѣ, что едва ли онъ меня догонитъ, такъ какъ не успѣлъ еще покончить своихъ торговыхъ дѣлъ въ нѣкоторыхъ прибрежныхъ селеніяхъ; извѣстіе это было неособенно утѣшительно, но, такъ какъ я не хотѣлъ болѣе терять драгоцѣннаго времени, то и рѣшилъ, во что бы то ни стало, при первой же возможности, продолжать мое путешествіе на свой собственный страхъ, по крайней мѣрѣ, до селенія Колючинскаго.

XIV.

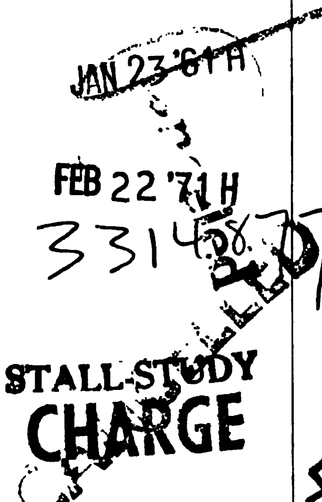
По дорогѣ.

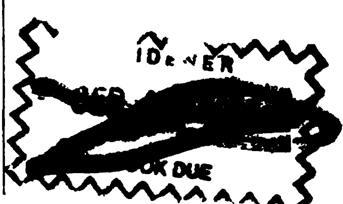
Средне-Колымскъ, Сѣверная Сибирь, 9-го марта, 1882 года.

ЫЛИ такія мѣста на моемъ пути, а именно по ту сторону Ванкаремы или Ванкарамена, гдѣ было бы необходимо имѣть проводника; безъ этого послѣдняго намъ поневолѣ приходилось ѣхать только втеченіе немногихъ часовъ дня, когда было достаточно свѣтло, чтобы оріентироваться по береговой линіи, вдоль которой проходила дорога. Что на всемъ пути вплоть до Ванкаремы, при оживленности сношеній между находящимися здѣсь селеніями, у насъ всегда будутъ попутчики—это я зналъ очень хорошо, но отъ Ванкаремы до перваго селенія у Иркайпія (такъ называютъ туземцы мысъ Сѣверный) мы должны были ѣхать по мѣстамъ, совершенно не населеннымъ, гдѣ намъ предстояло провести двѣ, а, быть можетъ, и три ночи подъ открытымъ небомъ. Я опасался уже, что мнѣ не удастся вовсе найдти проводника для этого переѣзда, и потому несказанно обрадовался, когда какой-то старикъ изъ Ванкаремы, съ которымъ я встрѣтился въ Пилканѣ, обѣщалъ мнѣ проводить меня до Иркайпія; я долженъ былъ дать ему за это нѣсколько сухарей, такъ какъ зубы его не годились уже для жеванія мерзлой моржовины.

Поѣздка черезъ устье Колючинской бухты до острова была продолжительна и затруднительна; собаки мои были непривычны къ подобнымъ усиленнымъ и тяжкимъ перегонамъ, а потому, застиг-

JAN 23 '61 H
FEB 22 '71 H
STALL-STUDY
CHARGE

DUE